

К.Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ДО КОНЦА ЭПОХИ ИВАНА ГРОЗНОГО

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

К.Н. Бестужев-Рюмин

**Русская история
До эпохи Ивана Грозного**

«Культура»
Москва, 2015

«Академический проект»
Москва, 2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б53

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» 2012–2018 гг.

Бестужев-Рюмин К.Н.

Б53 Русская история. До эпохи Ивана Грозного. — М.: Академический проект; Культура, 2015. — 702 с. — (Технологии истории).

ISBN 978-5-8291-1641-5 (Академический проект)

ISBN 978-5-902767-76-3 (Культура)

В настоящее издание входит фундаментальное сочинение выдающегося русского историка К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897). Располагая богатейшим фактическим материалом, автор детально прослеживает основные этапы развития Руси в период с самого ее зарождения как государства и завершает свой анализ эпохой Ивана Грозного. Книгу открывает небольшая работа «Чему учит русская история», которую можно рассматривать как введение к чтению основного труда Бестужева-Рюмина и которая ранее не переиздавалась. Также читатель найдет в книге интересные статьи — характеристики Бестужева-Рюмина как человека и ученого, принадлежащие перу В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. Статья последнего переиздается впервые с момента ее появления в 1903 г. Строгость и последовательность изложения, обилие эмпирического материала, а также мастерский анализ причин различных событий русской истории ставят эту работу в один ряд с классическими трудами В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, М.К. Любавского и делают ее полезной для историков-профессионалов и всех, кто интересуется русской историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-902767-76-3
ISBN 978-5-8291-1641-5

© Составление, оригинал-макет.
«Культура», 2014
© Оформление.
«Академический проект», 2014

К.Н. Бестужев-Рюмин

[...]

Я принадлежу по возрасту к поколению тех из вас, милостивые государи, чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого. Едва одолев учебники истории всеобщей и русской, мы тогда усиленно читали »Четыре характеристики» Грановского в изданном Кудрявцевым в 1856 г. собрании его сочинений, Костомарова »Богдана Хмельницкого» и »Бунт Стеньки Разина» в выходивших тогда уже (1859) вторых изданиях, первые тома »Истории» Соловьева, его же »Исторические письма» и статьи Кудрявцева, Кавелина, Буслаева, Чичерина и др. в »Русском вестнике», »Отечественных записках», »Современнике». Припомним также, что за этим чтением нас гораздо сильнее удерживало возбужденное общим движением любопытство юношеского ума, чем юношески незрелое понимание читаемого. Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни.

Теперь, спустя 40 лет, много перечитав и передумав, быв свидетелями широкого и разностороннего развития русской историографии, мы можем оглянуться на то далекое время с чувством некоторого самодовольства: наше тогдашнее смутное чутье нас не обманывало; мы знаем теперь, что русское историческое изучение переживало тогда глубокий перелом, успевший уже обнаружиться внушительными признаками. Археографическая комиссия обнародовала уже свои первые капитальные серии русских исторических источников, летописей и актов и в 1859 г. выпускала VII том »Дополнений к Акт[ам] историческим». В подмогу ей начали действовать Виленская и Киевская комиссии для разбора древних актов. Предпринято было немало других изданий памятников отечественной старины. Накоплялся значительный запас печатного архивного материала и вместе с тем все более выяснялось, что в тысячу раз

богатейший материал таится в рукописных книгохранилищах и архивах, ожидая работников. Сколько нового открыло тогда одно «Описание» Горского и Невоструева, начавшее выходить с 1856 г.! С другой стороны, на смену старым собирателям памятников народного творчества и быта — Максимовичу, Сахарову, Снегиреву, Терешопку — выступил ряд их деятельных продолжателей: Бессонов, Рыбников, Даль, Шеин, а в 1860 г. Общество любителей росс[ийской] словесности постановило издать песни, собранные П. Киреевским. Много свежих или уже испытанных ученых сил с редкой энергией и превосходной подготовкой принимались за обработку этого нового сырого и разнообразного материала, изданного и неизданного: Буслаев, Афанасьев, Забелин, Победоносцев, Кавелин, Чичерин, Дмитриев, Тихонравов, Пыпин и много-много других; в 1857 г. вышел первый том «Истории русской церкви» Макария — и среди всех этих разнообразных, трудолюбивых и талантливых работ спокойным, мерным шагом, своей особой дорогой, по возможности никого не задевая, но и не выпуская из виду чужих трудов, выходила с 1851 г. «История России с древнейших времен» Соловьева, своими неизменными из года в год октябрьскими томами, обозначая движение русской исторической науки, как часовая стрелка указывает на циферблате движение времени. Очевидно было, что течение русской историографии страшно дробилось, разбивалось на необозримо разносторонние специальные русла и возникал вопрос, как следить за этим все увеличивавшимся разветвлением русско-исторической изыскательности, чтобы не потерять нити общего направления русской исторической мысли.

В этот момент в «Московском обозрении» 1859 г. появилась без подписи автора обширная статья «Современное состояние русской истории, как науки». Я был тогда еще слишком юн, далек от Москвы и от ученого мира и лишь много лет спустя узнал, что эта статья Бестужева-Рюмина, а узнал это из приобретенного мною еще в студенческие годы экземпляра «Московского обозрения», на котором было написано: «Воспитаннику 3-го спец. класса Феодору Строкину на память от издателя». Под статьей рукой внимательного читателя, сделавшего в книге на полях много заметок, карандашом подписано: Бестужев. Бестужев-Рюмин участвовал в издании «М[осковского] обозрения». Около того же времени он преподавал историю в Московских корпусах: не он ли сделал эту надпись, даря книгу со своей статьей одному из старших своих учеников? Я не знаю, какое впечатление произвела эта статья на своих читателей при своем появлении. Перечитывая ее теперь, видим, что она

написана бойко и живо и обличает в авторе человека, много читавшего, который при случае, кстати, припомнит и издания Сахарова, и различие между поэзией и историей по Аристотелю, и Геро-де-Сешеля, требовавшего себе из библиотеки законов Миноса для составления Французской конституции 1793 г., и сделает надлежащую выдержку из Маколея, Грановского, Юлиана Шмита. Главное содержание статьи — критический разбор первых восьми томов «Истории» Соловьева. Но чтобы быть вполне справедливым к своему учителю, которого он слушал в Московском университете, критик обозревает, как понимали историю и как пользовались источниками предшественники Соловьева, писавшие полную историю России: кн. Щербатов, Карамзин и Полевой, потом говорит о состоянии разработки источников в эпоху появления «Истории» Соловьева и всему этому предпосылает изложение современных требований от историка, как выразителя народного самопознания. Требования очень суровы и трудновыполнимы — это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения, любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, но над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки (см. с. 3 и сл.). Соловьев, разумеется, не вполне удовлетворительно выдержал вооруженную такими требованиями критику своего ученика, хотя последний и отнесся к нему с большим почтением (с. 130).

Но эта большая статья гораздо важнее была для самого автора, чем для Соловьева и других современных русских историков, столь же строго им разобранных. Я думаю, что этот первый большой опыт Б[естужева]-Рюмина по русской истории окончательно сложил его взгляд на научное дело и на задачи его собственной научной деятельности. Он, 30-летний ученый, в этой первой серьезной пробе своего ученого пера, обозревая движение русской историографии, продумал в последовательном порядке основные факты нашей истории, пересмотрел ее источники с Карамзиным, Соловьевым и Кавелиным в руках, воочию убедился, как осторожно и обдуманно надобно ими пользоваться, на образцах поучился технике исторической работы. Его критические уроки, сказанные учителям, несомненно гораздо более научили самого критика, чем их.

Этим определялось дальнейшее направление его ученых работ. Отправляясь от основательного изучения состояния, в каком он застал русскую историографию при своем вступлении на ученое поприще, он потом всю жизнь оставался зорким наблюдателем ее движения. Я даже не

умею назвать, кто бы с большим вниманием следил за русской исторической литературой нашего времени. Призванный через несколько лет преподавать русскую историю в С.-Петербургском университете, он, сколько мне известно, и в свои курсы вводил вместе с обзором русских исторических источников обзор новейшей русской историографии. Всякий начинающий дельный исследователь по русской истории был им тотчас замечаем и встречал в нем внимательного и доброжелательного ценителя. Помню, видаясь с ним в давние редкие приезды его в Москву, бывало едва успеваешь отвечать на его нетерпеливые вопросы, кто чем занимается в Москве из молодых ученых по русской истории, что кто задумывает писать, не найдено ли чего нового в рукописях в московских архивах. Сам он не брался за большие специальные работы по неизданным архивным или рукописным источникам. Правда, он оставил крупный след в разработке русских исторических источников: в 1868 г. вышла его известная диссертация «О составе русских летописей до конца XIV в.» Этим трудом он укрепил в нашей исторической литературе прием изучения, который при умелом обращении с ним приносит плодотворные результаты, — это тонкий критический разбор составных частей памятника и их часто трудноуловимого происхождения. Я назвал бы этот прием, как он был выработан Б[естужевым]-Рюминым на изучении древнейших летописных сводов, химическим анализом исторического источника.

В общем движении русской историографии он шел до конца своей особой дорогой, избрал себе здесь свое специальное дело, и это дело прямо отвечало на вопрос, поставленный широким развитием русского исторического изучения: он следил за все осложнявшимся движением русской исторической литературы, сводил, подсчитывал ее научные итоги, наблюдал ее общее направление и по временам отмечал в ней сомнительные или неосторожные уклонения. Плодом этих многочисленных наблюдений и научений и была его «Русская история», первый том которой вышел в 1872 г. Он сам объясняет задачу этого труда в первых строках предисловия... «Цель этой книги — представить результаты, добытые русскою историческою наукою в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности». Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно надобится, как путеводитель при обзоре осматриваемого города.

Ее своеобразность в том, что в ней настоящий текст в нижней половине ее страниц, в этих неистощимо обильных цитатах и примечаниях, а верхняя половина — только прагматический фон или фактическая канва, по которой тщательной и удивительно терпеливой рукой выведены лучшие усилия и успехи русского труда и ума по изучению родного прошлого. Нисколько не умаляя и не преувеличивая этого труда, можно сказать, что это не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей. Сам автор хотел дать в своей книге руководство или, лучше, пособие приступающим к самостоятельному изучению русской истории. Собирая, сопоставляя и разбирая мнения, высказанные в литературе, он не выставляет на первый план своих, а высказывает их только кстати, как научную возможность или робкий призыв ученой братии к содействию, проверке и поправке. Книга составила постепенно из университетских чтений, в которых профессор, по его признанию, всегда давал много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке мнений.

Русская история К. Бестужева-Рюмина (СПб., 1872, [т.] I)

Появившаяся еще в 1870 г. публикация о печатании «Русской истории» г. Бестужева-Рюмина в двух больших томах распространила слух, что известный профессор предпринял труд написать отечественную историю для образованной русской публики. Вышедший первый том обещанного труда не вполне оправдал этот слух. «Цель этой книги, — говорит автор в предисловии, — представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности». Почтенный историк прибавляет, что его попытка «будет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории [русской] и не желающих *jurare in verba magistri*»¹. Значит, читатель имеет перед собой не популярное изложение отечественной истории, а руководство для будущего специалиста, желающего посвятить себя ее изучению. Это показывает только, что литература чувствует потребность в том и другом изложении отечественной истории, если уже нельзя соединить их в одном труде, и что имя профессора считается достаточным ручательством в удовлетворительном выполнении обеих задач. При виде вышедшего первого тома «Русской истории» бесполезно рассуждать, в чем чувствуется более нужды, в курсе ли, популярно изложенном, или в руководстве, наполовину учебном и наполовину ученом, снабженном необходимым для начинающего специалиста ученым аппаратом.

В продолжение работы книга автора разрослась и вместо обещанных двух томов составит три. Состав ее и приемы изложения, как замечает сам историк в предисловии, определились, между прочим, и взглядом на историю, изложенным во введении к труду. Передадим в немногих словах наиболее выдающиеся черты этого взгляда. «История есть повествование о достопамятных событиях — учили нас в гимназии; история есть

¹ Слепо доверять авторитетам (лат.). — *Прим. ред.*

народное самосознание — учили нас в университете». Из этих несходных определений автор склоняется, разумеется, к тому, которое он слышал в университете. Выходя из этого определения, он полагает задачу истории во всестороннем изучении прошлой жизни человечества. Такая задача не позволяет историку пренебрегать ни так называемыми неисторическими народами, ни так называемыми доисторическими периодами в истории народов. Только вся совокупность исторических явлений может открыть таящуюся в них мысль. Вместо разделения народов на исторические и неисторические, придуманного немцами, автор признает более научной правды за теорией г. Данилевского («Россия и Европа»), по которой прогресс состоит в смене культурных типов: каждый тип выражает человечество с одной стороны и потому развитие человечества совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внешении новых сторон. Впрочем, автор не разделяет страсти «ученых систематиков», которые, подобно мифологическому Прокрусту, стараются все однообразить, подводить под известную мерку: автор видит в этой страсти потворство ученой лени. Не отказываясь от научных обобщений, он думает, что «не следует запираяться в свои обобщения, не следует считать их на век нерушимыми, а надобно помнить, что они более или менее удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов». Выходя из того же широкого взгляда, автор не позволяет себе преувеличивать значение лица в истории. «Присматриваясь внимательнее к каждой личности (исторической), нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели». При таком взгляде на значение лица в историческом изучении выступает на первый план общество: «Его-то изучению, — говорит автор, — и должно составить серьезный предмет науки, называемой историей». Целостный образ народной жизни, созданный из разнообразия явлений, должен составить задачу историка. Начав со строгого и беспристрастного изучения фактов, относящихся к разным сторонам жизни, наука путем изучения этих сторон в их взаимодействии может возвыситься к представлению целостности и единства народной жизни. Вот его идеал.

Таковы исторические воззрения автора. Они могут служить лучшим критерием при оценке его труда. История есть народное самосознание, т. е. она прежде всего есть наука, ведущая к народному самосознанию.

нию, как медицина есть если не самое здоровье, то по крайней мере наука, помогающая быть здоровым. Остается показать, как эти общие воззрения приложены к той специальной задаче, которую поставил себе автор, и как они проведены в плане и приемах труда. Задумав дать руководство начинающим самостоятельное изучение русской истории, автор старался раскрыть перед читателем всю мастерскую исторического изучения, исторической критики. С этой целью он предпослал изложению истории обширный очерк источников для ее изучения, памятников литературных, юридических, вещественных, с обзором состояния, в каком находится у нас их научная разработка. Этот очерк вместе с изложением понятий автора об истории и исторической критики составил введение к труду, занимающее 248 страниц, т. е. треть первого тома. Может быть, он вызовет упреки с противоположных точек зрения: одни найдут его слишком обширным сравнительно с объемом всей книги; другие, напротив, скажут, что он слишком краток, что в нем автор выражается очень сжато, часто ограничивается общими рассуждениями о том или другом разряде исторических источников или сухим перечнем изданий, статей и имен исследователей. Мы заметим на подобные упреки, что такой критико-библиографический очерк появляется в нашей историографии впервые; обличая в составителе обширную начитанность и внимательность к делу, он, несмотря на сжатость своих указаний и приговоров, может послужить отличным руководством при изучении источников и научной литературы русской истории.

Изложение истории открывается в первом томе описанием расселения, религии, семейного и общественного быта славян, преимущественно русских, и их соседей — инородцев, до образования Русского государства и потом обнимает первые три периода русской истории, которые автор характеризует названиями варяжского, удельного и татарского. Значит, ученый рассказ доведен до половины XV в., до княжения Ивана III. История Новгорода и Пскова до этого времени изображена в отдельной (VI) главе. Все эти периоды автор описывает по одинаковой в главных чертах программе, размещая факты под однообразными рубриками. Обыкновенно он начинает изложением и разбором взглядов ученых на смысл и характер периода или явления, которое стоит в нем на первом плане. Затем следует так называемая внешняя история, рассказ о событиях. Этому отделу отведено самое тесное пространство, иногда не достигающее размеров учебника для средних заведений: например, в главе о варяжском периоде изложению событий до смерти

Ярослава I уделено 11 страниц из 57. Другая особенность этого отдела в первом и втором периоде у г. Бестужева-Рюмина та, что события не сгруппированы около одного центра, судьбы великокняжеского стола, как у Карамзина и Соловьева, а изложены отдельно по княжествам. Сжимая изложение событий, автор хотел очистить возможно больше места для всестороннего изображения состояния общества, внутренней жизни народа в известный период. Описывая это состояние, автор в известном порядке, одинаковом для каждого периода, выводит перед читателем одну за другой различные стороны внутренней народной жизни, обозначаемые рубриками: князь, вече, сословия, управления, суд, церковь, литература, материальная обстановка общества. В обильных примечаниях, сопровождающих описание каждой стороны или разбор какого-нибудь научного вопроса, указываются не только первые источники, но и ученые сочинения, касающиеся того же предмета.

Из этого видно, что труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле — задача благородная и обещающая автору внимание со стороны образованного общества, идущая навстречу его литературным потребностям и вкусам, но вместе с тем обширная и трудная, которая может быть выполнена различным образом. Литературы, богатые несравненно больше нашей, представляют не особенно много опытов подобного рода и еще меньше — удачных. Чтобы взять на себя подобную задачу с надеждой на успешное выполнение, писатель должен совмещать в себе много условий. Глубокое знание исторических источников — не самое главное и не самое трудное между ними. История культуры не есть лишь история комфорта, житейских удобств: она должна обнять действие всех сил, работавших над развитием известного времени или народа. Эти силы везде одни и те же: природа, государство, общество, личность и т. д. Но бесконечно разнообразны их взаимные сочетания и изменения, производимые этими сочетаниями в деятельности каждой. Формы быта только отсенок работы этих культурных сил: надобно, чтобы под первыми историк культуры вскрыл действие и взаимные отношения последних. Для такой работы мало учености и таланта: ей должна предшествовать в исторической литературе известная подготовка. Множество мелких, но важных вопросов должно быть решено прежде, чем историк может приступить к полной картине народного развития. Талант, подобный Гизо или Тьерри, остановился бы перед мыслью взяться за историю русской культуры даже при настоящем состоянии нашей исторической ли-

тературы. Причины этого не в богатстве элементов русского развития и не в напряжении их действия. Совсем нет: может быть, трудно найти в Европе страну, отличающуюся меньшей сложностью и большей вялостью развития. Но скудный запас культурных сил является у нас в таких сочетаниях и с такими особенностями, которые, может быть, доселе нигде не повторились в Европе. Этим отчасти объясняется и состояние русской исторической литературы. Нельзя сказать, чтобы она страдала бедностью книг и статей; но сравнительно немногие из них писаны с ясным сознанием научных требований и потребностей. Видимая простота нашей истории вместе со скудостью общедоступных источников соблазнили наших писателей, а слабость критики поощряла их смелость. Очень часто писатель, набегом, подобно крымцу старых времен, налетевший на русскую историческую жизнь, с трех слов уже судит и рядит в ней; едва принявшись за изучение факта, спешит составить теорию, особенно если дело касается так называемой истории народа. Отсюда у нас любят больше кольнуть исторический вопрос, чем решить его, обследовав тщательно. Отсюда же в нашей историографии больше взглядов, чем научно обработанных фактов, более док[т]рин, чем дисциплины. Эта часть литературы даст больше материала для характеристики современного ей развития русского общества, чем указаний для изучения нашего прошедшего. Привыкнув читать у западных историков о сложных общественных отношениях, о борьбе лиц, партий, идей, у нас любят обращаться к отечественной истории с мыслью найти нечто подобное и не замечают, что здесь господствуют первичные исторические процессы, совершается работа более стихийных, чем социальных, сил, борются скорее инстинкты, чем идеи. Отсюда столь обычные в нашей историографии преувеличения и неосновательные поверхностные аналогии. Не говорим о другой части нашей исторической литературы, о сочинениях, писанных без всякой мысли, в которых можно найти более или менее тщательную компиляцию известий, но нет фактов и выводов: это скорее письменность, чем литература. Таким образом, писателю, принимающему на себя труд написать историю русского развития, не достает того, что на железнодорожном языке называется питательными ветвями: в массе написанного до него он найдет немного трудов, которыми можно воспользоваться с доверием, и, строя свое здание, он слишком часто принужден будет сам лепить и обжигать кирпичи.

Легко понять, что в таком труде окажутся неизбежные недостатки, в которых трудно будет винить автора. Они не отнимут у последнего за-

слуги первого опыта, особенно если историк метким взглядом взглянет на своеобразные отношения культурных факторов в нашей [истории] и собственными приготавительными исследованиями восполнит часть научных пробелов, доселе остающихся в нашей историографии. Вот почему, думаем, читающая публика не может не отнестись с признательностью к новому обширному сочинению г. Бестужева-Рюмина, хотя оно писано не совсем для нее. Сопоставив изложенный план труда с мыслями самого автора о задачах исторического изложения, можно видеть, насколько его книга пострадала от указанного состояния научной русской исторической литературы. Развивая во введении свой взгляд на историю, автор высказывается против «ученых систематиков», за органическое развитие жизни, «которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической теме, требующей непременно наполнения рубрик в составленных ученых таблицах». «Развитие жизни, — продолжает автор, — состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину. Сравнение это может быть неточно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь, то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания... Но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собой машину». В этих словах указано средство помирить ученого-систематика с органическим развитием жизни. Это средство — органический взгляд на развитие народной жизни. Он погрешит против такого взгляда, если во все периоды будет одинаково наполнять одни и те же рубрики в своих таблицах, стремясь к всесторонности, будет освещать одинаковым светом различные стороны жизни: картина не будет соответствовать действительности, в которой нет такого всестороннего развития, и потому явится произведением более художественным, чем научным. Свободный от этого стремления, автор в описании быта славян русских до образования государства не перемешал бы черт быта других славян с известиями отечественных источников более позднего времени. Если в известную эпоху действуют не все колеса исторической машины, то историку нет никакой надобности в своем воспроизведении двигать и те, которые в то время покоились, ибо он должен смотреть органическим, а не механическим взглядом на ход исторической жизни. Встретить, например, в описании варяжского периода у почтенного историка пространное рассуждение о политическом, юридическом и литературном влиянии на Русь христианства и пришедшей с ним византийской

цивилизации довольно неожиданно, ибо по крайней мере половина того, что автор выводит из этого влияния, стала действовать и обнаруживаться позднее времени, называемого им варяжским. Так как в жизни народа очень часто известная историческая стихия развивается и действует на счет других, то историк нисколько не погрешит против органического взгляда и требования многосторонности, если эту стихию выставит на первый план и подвергнет наиболее внимательному изучению: надобно, чтобы в его изображении читатель наглядно видел преобладающее действие этой силы. Тем более это научное требование обязательно для историка России, где запас культурных сил никогда не был разнообразен и действие их всегда было довольно односторонне. Во введении, говоря о недостатках исторического изложения, в котором преобладает то элемент юридический, то изображение природных условий, то, наконец, дается незаконный перевес умственному развитию, автор прибавляет: «Если же нет ни того, ни другого, ни третьего, то история обращается в выставку, где предметы разнородные разложены по разным ящикам с привешенными к ним ярлыками». Это последнее бывает именно тогда, когда историк, не следя за взаимным отношением культурных сил в разные периоды народной жизни, все эти силы изображает одинаково, не различая господствующих от служебных. Надобно желать, чтобы книга почтенного историка в своем дальнейшем развитии убереглась от этой опасности.

В заключение два слова об ученых приемах г. Бестужева-Рюмина. В предисловии он говорит о них: «Сочинитель убежден, что профессор должен держаться того или другого мнения; но при настоящем состоянии нашей науки он редко может быть вполне уверенным, что его мнение — самое верное. Лучший выход в этом случае — изложение не догматическое, а критическое. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающееся в литературе». Хотя есть примеры того, что мнение одного лица иногда многостороннее всего разнообразия мнений, развивающегося в литературе, но правило, выраженное автором, при известных условиях может иметь свои выгоды, тем более что он сам держится его везде точно. Он редко выступает со своими взглядами и конечными выводами, ограничиваясь обыкновенно сопоставлением фактов и иногда частными замечаниями и догадками. Местами его изложение превращается в мозаический подбор известий из источников и объяснений из ученых трудов. Значит, единственным прямым освещением,

какое книга кладет на излагаемые факты, служат в ней или мнения других ученых или в случае несостоятельности последних такое сопоставление фактов, из которого читателю легко было бы вывести более верное заключение. Последнее было бы согласно и с целью автора «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения и приговора». Мнение самого историка, обязательное во всяком случае, выскажется при этом если не прямо, то в разборе чужих мнений или в известном подборе фактов. Возьмем два примера, чтобы видеть, как автор пользуется усвоенными им приемами. Характеризуя время от смерти Ярослава до нашествия татар названием периода «удельного», он разбирает ученые взгляды на этот период, существующие в нашей исторической литературе. Главные из них, развитые наиболее научно, принадлежат гг. Соловьеву и Костомарову: первый объясняет явления этого времени родовыми княжескими отношениями, второй — господством федеративного начала в Древней Руси. Дело критики рассмотреть, удовлетворительно ли автор разбирает и опровергает теории того и другого ученого. Для нас важен вывод, к которому приходит автор (с. 162): «Из всего сказанного ясно, что мы недовольны ни одною из теорий, взявшихся объяснять государственный быт Древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнения, что одного движущего начала не было и что пестрота событий объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодействием многих начал, как, по верному замечанию одного из величайших историков XIX в. Гизо, и бывает всегда в создающихся обществах. Надеемся, что дальнейшее изложение оправдывает эту мысль». Далее следует у автора очень сжатый очерк событий в Киевском и других княжествах, среди которых мелькают уже известные силы, действовавшие в тогдашнем обществе: городские веча, княжеские счеты, личные стремления князей, вмешательство кочевников и т. д. И г. Соловьев и г. Костомаров, каждый со своей точки зрения, указывают этим силам определенное место в своих теориях, определенное значение в государственном состоянии тогдашней Руси; какое место указывает им г. Бестужев-Рюмин, недовольный взглядами обоих ученых, как взаимодействие многих начал объясняет явления того времени, это остается неизвестным читателю при самом внимательном чтении дальнейшего изложения у автора. Кто прежде разделял взгляд г. Соловьева или г. Костомарова, тот и по прочтении книги г. Бестужева-Рюмина останется при своем авторитете; кто не принимал мнения ни того, ни другого, тот не найдет, что принять у третьего.

Изложенные замечания сделаны с целью предварительного внешнего ознакомления читателя с новым трудом почтенного профессора. Не предупреждая приговора научной критики, можно, однако ж, и здесь указать на очевидную заслугу, какую автор окажет исполнением начатого труда нашей историографии. Эта заслуга определяется положением последней. По своей программе и объему «Русская история» г. Бестужева-Рюмина отчасти восполнит пробел, который давно существует в русской исторической литературе: в ней до сих пор нет труда, который мог бы служить посредствующим звеном между монографиями и таким огромным произведением, как «История России» г. Соловьева, с одной стороны, и учебником русской истории — с другой. Как попытка восполнить этот пробел и попытка, сделанная ученым, от которого русско-историческая наука вправе ждать очень многого, «Русская история» г. Бестужева-Рюмина вполне заслуживает внимательного и подробного критического разбора, к которому мы надеемся обратиться со временем.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин¹

[...]

К[онстанти]н Н[иколаеви]ч родился в мае 1829 г. в Горбатовском уезде Нижегородской губернии, рос в деревне, учился в семье — «под влиянием отца и матери», как он сам о себе заметил, — и вынес из семьи хорошее знакомство с французским и немецким языками. Позднее научился он по-английски и по-итальянски; в гимназии узнал латинский язык, но не мог выучиться по-гречески, хотя и пробовал учиться приватно греческому языку у М. Ф. Грацинского, «отличавшегося даром не уметь ничего передать». Любовь к чтению возникла в К[онстанти]не Н[иколаеви]че еще дома, благодаря хорошей библиотеке его отца, ставшей впоследствии основанием его собственного обширного книжного собрания. Окрепила же эта любовь к серьезной книге в нижегородской гимназии, в которую К[онстанти]н Н[иколаеви]ч поступил в 1840 г. и в которой (за исключением одного 1844—1845 гг., проведенного в дворянском институте) он оставался до 1847 г., до окончания курса. С теплым чувством вспоминал он свою гимназию, справедливо замечая, что в его время она «считалась если не лучшим, то одним из лучших заведений в Казанском округе». в то время, когда в ней учились К[онстанти]н Н[иколаеви]ч и его близкий друг, известный Ст. В. Ешевский, гимназия переживала пору обновления и от ветхих порядков патриархальной педагогики переходила к более живому преподаванию. С большой живостью вспоминал К[онстанти]н Н[иколаеви]ч свое гимназическое время и в известной своей статье о Ешевском, и в устных своих беседах. Из всех преподавателей гимназии наибольшее влияние на умственную жизнь учеников, и, в частности, на К[онстанти]на Н[иколаеви]ча, имел Павел Иванович Мельников (он же «Андрей Печерский»), преподаватель истории и один из руководителей «литературных бесед», существовав-

¹ Текст статьи с незначительными сокращениями приводится по единственному изданию: Платонов С.Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб.: Суворин, 1903. С. 278—299. — *Прим. ред.*

ших тогда в гимназии. Не один раз К[онстанти]н Н[иколаевич] пользовался случаем печатно высказать свою любовь и признательность бывшему учителю, к которому он был близок до самой кончины Мельникова в 1883 г. Откровенно свидетельствуя, что в обыденном классном преподавании Мельников впадал в рутину, К[онстанти]н Н[иколаевич] в то же время очень ярко рисует ту увлекательную живость, с какой Мельников относился к каждому ученику, в котором замечал интерес к истории, то чуткое умение, с каким он поддерживал в нем и развивал склонность к чтению и литературным занятиям. Под руководством Мельникова К[онстанти]н Н[иколаевич] начал и свои исторические опыты, читанные в «литературных беседах», и сотрудничество в Нижегородских Губернских Ведомостях 1847 г., выходивших тогда под редакцией Мельникова; там К[онстанти]н Н[иколаевич] печатал отзывы о новых книгах. Вспоминая мельком в биографии Ешевского о своих личных занятиях в гимназии, К[онстанти]н Н[иколаевич] говорит, что он в те годы «предался чтению литературному почти исключительно, перечитывал старых и новых русских писателей, читал Жорж Санд, Гюго, Гете»; «был в обаянии от Белинского и от Григорьева (странное сопоставление, — прибавляет он, — возможное только в молодые года!)». Принимая такое заявление о преобладании склонности к изящной литературе и литературной критике, не следует однако забывать, что рядом с литературным чтением шло и историческое: К[онстанти]н Н[иколаевич] писал в гимназии сочинение о Борисе Петр. Шереметеве; в первое время университетского учения у него уже было привезено из деревни в Москву «довольно большое (для студента) собрание книг по русской истории». Это указывает уже на ту широту умственных интересов и на то разнообразие занятий, какие всегда отличали покойного как в пору юношеских начинаний, так и на закате дней. Имея в виду именно это разнообразие, даже разбросанность, К[онстанти]н Н[иколаевич] с полным основанием мог сказать о своем гимназическом времени то, что сказал он в биографии Ешевского: «Оглядываясь назад на это давно минувшее время, конечно, можно быть недовольным многим в нашем первоначальном образовании; можно сказать, что в занятиях наших не было метода, что, узнавая много, мы узнавали как-то случайно и бессвязно: мы были все — как часто любил говорить Ешевский — самоучки. Тем не менее мы многое знали, хотя от случайности приобретения между нужным много было и ненужного; а, главное, мы получили любовь к знанию, стремление к труду и уважение к науке; прониклись тем вначале смутным благогове-

нием к ее высшему вместилищу, университету, которое сопровождало нас во всю жизнь. Думаю, что этим благом с избытком выкупается беспорядочность нашего образования, бывшая естественным следствием того состояния науки и общества, при котором совершалось наше развитие».

С такой подготовкой, сообщившей вкус и уважение к знанию, а вместе и возможность многое понимать и на многое отзываться, приехал К[онстантин] Н[иколаевич] в июле 1847 г. в Московский университет и выдержал в нем существовавшие тогда вступительные экзамены. Вместе с Ешевским он поступил на 1-е отделение философского факультета (теперь — факультет историко-филологический) с тем, чтобы скоро, в том же 1847 г., перейти на юридический факультет, оставив своего друга на философском. Очень интересны воспоминания К[онстанти]на Н[иколаевича] о первых его московских впечатлениях. Под влиянием Мельникова и он, и Ешевский с чувством восторга и благоговения к старине смотрели на Москву и Кремль, собрались к Троице и там знакомились «впервые» с памятниками церковной древности. И в то же время оба они нетерпеливо ждали открытия лекций не только из простого чувства любопытства, но и потому, что они уже были приобщены к университетской жизни. От Мельникова получили они магистерскую диссертацию С.М. Соловьева, из газет узнали о его докторском диспуте; оба «чуть не наизусть знали» статью К.Д. Кавелина о юридическом быте древней России (в Современнике 1847 г.), читали статьи Грановского, книги Шевырева и Буслаева, переводы и статьи Каткова; слышали они и о Кудрявцеве и Леонтьеве. Словом, они оба были достойны войти под кров той *almae matris*, о которой с таким трепетным умилением всегда говорил и писал К[онстанти]н Н[иколаевич]. В жизни Московского университета то был его золотой век, время его расцвета и наибольшего блеска, когда его высокий ученый авторитет сочетался с благороднейшим гуманизирующим влиянием на все русское общество. «Все мы, — говорил о себе К[онстанти]н Н[иколаевич], — повиты и взлелеяны духом этого высоконравственного времени в жизни Московского университета!» «Едва ли много найдется людей нашего поколения, — прибавлял он о людях, не бывших в Московском университете, — которые были бы свободны от прямого или косвенного влияния Московского университета». Трудно теперь раскрыть с полнотой и определенностью ход занятий К[онстанти]на Н[иколаевича] в его университетскую пору и тот строй отношений и влияний, в котором определились его общественные

и ученые взгляды и вкусы. Быть может, в бумагах покойного отыщутся материалы для изучения и его личной юности, и всей той эпохи, а пока приходится руководиться его беглыми указаниями и воспоминаниями. Покойный всегда придавал большое значение в биографиях указаниям на тех, у кого тот или другой деятель учился, и сам указывал в числе своих профессоров, — очевидно, разумея наиболее влиявших на него, — на Редкина, Кавелина, Н. Крылова, Грановского, Кудрявцева, Соловьева. К этим именам он прибавлял неизменно Погодина; последнего он уже не застал в университете, но, представленный ему с наилучшей стороны П. И. Мельниковым и А. И. Мессингом, бывал у Погодина и руководством его пользовался с первого же года жизни в Москве. Насколько можно догадываться, на первых порах университетской жизни К[онстанти]н Н[иколаевич] делился именно между влиянием бесед Погодина и обаянием лекций Соловьева и Кавелина. К Погодину, еще будучи на I курсе, Бестужев с Ешевским обратились за советом, «как начать занятия?» Верный себе Погодин назвал им Шлецера. «Читайте Шлецера», — сказал он, и они «читали его месяца три», а затем они по его совету взяли на себя труд сличить в списках летописей «известия первых двадцати лет после 1111 г.» и много работали без всякого успеха, потому что для них «самые приемы были неясны», а приемы были неясны уже потому, что работа имела целью разъяснить вопрос, который «занимал» Погодина, и не клонилась к собственной пользе учащихся. Рядом с этими упражнениями, которые в лучшем случае вели к технической выучке, шли простые беседы с Погодиным, и в них К[онстанти]н Н[иколаевич] поражал, как он говаривал, «русский инстинкт» Погодина, его яркий ум и быстрая сметка, близость к народному созерцанию и в то же время резко выраженная своеобычность, удивлявшая всегда «лица не общим выражением». После Мельникова именно Погодин, и главным образом Погодин воспитал в К[онстанти]не Н[иколаевиче] русское чувство, подготовил его сближение с людьми славянофильского оттенка и с борниками идеи славянства. Но в первые университетские годы влияние Погодина на К[онстанти]на Н[иколаевича] парализовалось лекциями более молодых профессоров русской истории и права, особенно Кавелина, под влиянием чтений которого К[онстанти]н Н[иколаевич] даже переменял факультет. В изложении Кавелина теория так называемой «школы родового быта» отличалась особенной стройностью и завлекательностью; смена одних гражданских состояний другими представлялась главным содержанием истории Руси, изучение права и его

развития само собой ставилось на первый план. Для этого изучения К[онстанти]ну Н[иколаеви]чу казалось необходимым перейти на юридический факультет. Переход и совершился, несмотря на несочувствие Погодина, который не верил в «юридический характер» русской истории и спрашивал у К[онстанти]на Н[иколаеви]ча: «а святого Сергия куда вы денете с вашим юридическим характером?». Когда в 1848 г. Кавелин перешел в Петербург, представителем историко-юридической теории в Московском университете остался Соловьев. Чтения его не могли в глазах К[онстанти]на Н[иколаеви]ча равняться по блеску с изложением Кавелина, «одного из самых изящных профессоров, которого ему случалось слышать», но ученое влияние Соловьева на К[онстанти]на Н[иколаеви]ча было очень глубоко и прочно, оно росло с годами и перешло впоследствии в крепкую привязанность ученика к учителю, силой своей удивлявшую тех, пред кем она обнаруживалась. Помню два университетских чтения К[онстанти]на Н[иколаеви]ча о Соловьеве: одно в 1879 г. после кончины Соловьева (напечатанное в «Биографиях и характеристиках»), другое — в курсе историографии 1880—1881 гг. Они произвели глубокое впечатление на слушавших, даже потрясли их сильнейшим волнением лектора. Помню и то, как не один раз К[онстанти]н Н[иколаеви]ч рассказывал нам о последнем приезде Соловьева в Петербург и всегда с особым чувством упоминал, что Соловьев, уезжая, дружески благословил его, как бы провидя свой близкий конец. Не берусь указывать меру влияния на К[онстанти]на Н[иколаеви]ча других его профессоров, но укажу на ту мастерскую и чрезвычайно сочувственную характеристику Грановского и Кудрявцева, какую он представил в биографии Ешевского: только живая любовь может диктовать такие строки.

Между Погодиным, с одной стороны, Кавелиным и Грановским, с другой, было так мало общего, что у человека, внимательно относившегося и к той, и к другой стороне, «мысль привыкала к работе (говоря словами самого К[онстанти]на Н[иколаеви]ча), смотрела с разных сторон на одно и то же явление, и вырабатывалось убеждение в том, что только разностороннее воззрение может привести к истине». К[онстанти]н Н[иколаеви]ч остался между двумя влияниями на средней дороге и брал от каждой стороны то, что считал ее правдой. Два мирозерцания, делившие людей сороковых годов на кружки и лагеря, разумеется, очень знакомы были К[онстанти]ну Н[иколаеви]чу, но можно думать, что они отражались в его сознании скорее в виде научных направлений, чем в качестве практических программ, и оттого он мог отнестись к ним

спокойно, без предвзятости, так сказать, со стороны, и мог своим сильным критическим умом поймать положительные черты обоих направлений. Вся жизнь отличала его широта понимания, это умение уразуметь и истолковать самые разнообразные точки зрения, умение найти зерно истины и в том, что, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно. Как нельзя более применимы к нему слова гр. А. Толстого:

Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя, —
Пристрастной ровности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь¹.

Это свойство, которое должно назвать ученым беспристрастием (но не бесстрастием), воспитано было всем складом московской жизни и занятий К[онстанти]на Н[иколаевича]. Они с Ешевским были преданы своим учебным интересам и далеко стояли от вопросов текущей общественной жизни. Им было известно, но шло мимо них «тогдашнее волнение умов, которого, особенно в качестве запретного плода, никто из нас (молодежи) хорошенько не понимал», — говорит о своем кружке 1848—1849 гг. К[онстанти]н Н[иколаевич]: «Самое начало 1848 г. ошеломило нас, и мы ровно ничего не понимали: в эту эпоху мы даже газет не читали постоянно». Ничто, таким образом, изнутри не влекло молодых друзей к общественным вопросам, а обстановка, в которой они жили тогда, отпугивала от всякого проявления общественных интересов и мнений. Именно в их студенческое время закрыты были кафедры философии, увеличена плата за слушание лекций, число студентов в Московском университете упало с 1198 в 1848 г. до 821 в 1860 г. При таких условиях жизни между университетской молодежью интерес к современности становился действительно «запретным плодом», и те, кто не имел к нему особого влечения, с тем большим усердием уходили в кабинетную жизнь, привыкали к созерцанию и спокойному анализу того, что для других составляло боевую программу...

Курс университета К[онстанти]н Н[иколаевич] окончил в 1851 г. кандидатом и тогда же уехал из Москвы в деревню Чичериных домашним учителем. В 1854 г. он возвратился в Москву и до 1856 г. был учителем в Московских кадетских корпусах. Однако преподавание в то время не привязывало к себе К[онстанти]на Н[иколаевича; по его собствен-

¹ Цитата из стихотворения А.К. Толстого «Двух станов не боец, но только гость случайный...». — *Прим. ред.*

ным воспоминаниям, он не был идеально аккуратным в своих учительских обязанностях. Его более привлекала к себе историческая наука и журнальная деятельность, и с 1856 г. он становится формально в ряды московских литераторов, принимая на себя обязанности помощника редактора Московских Ведомостей при редакторе В.Ф. Корше. В 1859 г. он принял участие в основании критического Московского Обозрения и в первой его книжке по поводу первых восьми томов «Истории России» Соловьева поместил без подписи большой очерк «современного состояния русской истории, как науки». Это был, по словам самого К[онстанти]на Н[иколаеви]ча, «опыт русской историографии в ее главных чертах». После рецензий и переводов, помещенных в Московских Ведомостях, опытом этим К[онстанти]н Н[иколаеви]ч начал свою ученую деятельность в сфере русской истории. Позднейшие статьи К[онстанти]на Н[иколаеви]ча, касавшиеся явлений нашей историографии, закрыли собой эту первую статью, не подписанную автором, заброшенную в неудавшийся, на второй книжке прекратившийся журнал; но еще и теперь статья эта читается с интересом, и теперь не потеряли всего своего значения страницы, посвященные «Истории русского народа» Полевого и направленные к тому, чтобы отдать должное уважение попытке Н. Полевого. Только статья о Полевом в новом, еще не законченном обзоре нашей историографии П.Н. Милюкова может заменить собой давнишние строки о Полевом К[онстанти]на Н[иколаеви]ча. В этой же статье своей К[онстанти]н Н[иколаеви]ч в первый раз выступил истолкователем и критиком той «новой школы» родового быта, у основателей которой сам учился и к которой сам близко стоял. Переехав в том же 1859 г. в Петербург и вступив в состав редакции Отечественных Записок А.А. Краевского, К[онстанти]н Н[иколаеви]ч уже окончательно усвоил себе роль ученого критика, имевшего целью «сближение науки с обществом». В больших статьях, писанных по поводу сочинений Кавелина, Соловьева, Б.Н. Чичерина, И. Киреевского, К. Аксакова, Хомякова, он толковал и обсуждал результаты их ученых трудов, основания их философии, сущность их общественных стремлений. Этим он оказывал существенную услугу и тем, для кого писал, и тем, о ком писал. Он знакомил публику с лучшими представителями нашей исторической и общественной мысли в тех их работах, которые не предназначались для широкого круга читателей; он популяризировал идеи и знания, возбуждал в обществе интерес к истории, в которой видел лучшее средство достигнуть «народного самосознания». Такой взгляд на историю вынес

он из той школы, которой был воспитан, и всегда высказывал его с особенным ударением. С высоты этого взгляда он относился с осуждением к мнениям литературных деятелей 50 и 60-х гг., не дороживших связью с умственными интересами и культурной работой предшествовавших им поколений. Именно в сохранении этой связи видя залог прочного и правильного развития народной жизни, К[онстанти]н Н[иколаеви]ч выступал на защиту более старых учений и направлений, считая долгом литературной и общественной порядочности не глумиться над тем, что кажется ветхим и отжившим, а изучить и «объяснить со стороны» каждое из заметных и важных явлений в истории умственного развития в России. Убежденный защитник, но в то же время не слепой сторонник славянофилов, он первый «со стороны» показал, как серьезно это направление и сколь многое в этом направлении заслуживало благодарного признания от историков и этнографов. Ученик историко-юридической школы, верный ее основному положению о закономерности исторического развития, он едва ли не первый с такой тонкостью различил индивидуальные особенности ее главных представителей и с большим сочувствием, «со стороны» же, определил ее значение в русской исторической науке. Но отмеченная нами широта понимания и здесь помешала К[онстанти]ну Н[иколаеви]чу обратиться в простого апологета излюбленных теорий и лиц; он выступил критиком даже в отношении своего учителя Соловьева, а в отношении г. Чичерина обмолвился однажды в 1861 г. раздражительной статьей, хотя в общем всегда высоко его ставил и как мыслителя, и как исследователя, и писал впоследствии: «...только с почтением можно говорить о таких людях».

Критические статьи обнаружили и широкое общее образование К[онстанти]на Н[иколаеви]ча, и отличную подготовку его в области собственно русской истории. Репутация специалиста была создана, ученые связи крепили, и К[онстанти]н Н[иколаеви]ч, не оставляя круга чисто журнального, понемногу входит в специально ученую среду. В 1863 г. выдержал он экзамен на степень магистра русской истории, для чего потребовалось особое разрешение, так как он был кандидатом не историко-филологического, а юридического факультета. в 1864 г. избран он был в члены Археографической комиссии. В том же году он был призван к высокой обязанности преподавать русскую историю Государю Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу и его Августейшим братьям и сестре Великой Княжне Марии Александровне. (Впоследствии в числе его учеников был и нынешний президент Императорской акаде-

мии наук Его Высочество Великий Князь Константин Константинович). В те же годы (1863—1864) К[онстанти]н Н[иколаеви]ч редактировал «Записки» Географического общества. Наконец, в 1866 г. совет С.-Петербургского университета избрал К[онстанти]на Н[иколаеви]ча исправляющим должность доцента по кафедре русской истории. Вместе с тем настал новый период в жизни и деятельности К[онстанти]на Н[иколаеви]ча.

На кафедре русской истории в С.-Петербургском университете с его основания К[онстанти]н Н[иколаеви]ч был четвертым преподавателем после Тр.О. Рогова, Н.Г. Устрялова и Н.И. Костомарова. Если Устрялов в тридцать почти лет преподавания своего (1831—1869) успел остыть к делу и в последние годы не читал даже общего курса, то, напротив, Костомаров за короткое время своей деятельности в университете (1859—1862) поднял преподавание предмета, привлекая аудиторию не только блеском изложения, но и свежестью научного содержания. После Костомарова нельзя было читать кое-как, и это именно составляло главную трудность положения К[онстанти]на Н[иколаеви]ча. Что он с ней справился блестяще, кажется, нет нужды доказывать. В 1868 г. он получил степень доктора *honoris causa*¹ за труд «О составе русских летописей до конца XIV в.», а вместе с тем в 1869 г. и звание ординарного профессора. А спустя всего два года вышел в свет и первый том его «Русской истории», выросшей из университетских чтений К[онстанти]на Н[иколаеви]ча. Таким образом, и ученый ценз, и яркое доказательство преподавательских способностей, и рвения последовали очень скоро после избрания его на кафедру, как оправдание этого избрания. К[онстанти]н Н[иколаеви]ч стал сразу на одно из виднейших мест и в среде университетских преподавателей, и в среде ученых представителей его предмета. Труды, на которых основалась в те годы его репутация, заслуживают названия первоклассных и до сих пор, особенно «История», не утратили своего значения; редкий дар изложения делал его лекции одними из самых увлекательных. В первые годы преподавания он один вел и общие и специальные курсы; с 1871 г., когда доцентом по кафедре русской истории был избран Е.Е. Замысловский, К[онстантин] Н[иколаеви]ч чередовался с ним в чтении общего курса, так что один курс студентов в течение двух лет слушал общий курс у К[онстани]на Н[иколаеви]ча, другой также в течение двух лет — у Е.Е. Замысловского; для студентов

¹ Почетный доктор (лат.). — *Прим. ред.*

же старших курсов, избравших специальностью русскую историю, читал постоянно К[онстантин] Н[иколаевич]. Сводя III и IV курсы в одну аудиторию, он в один год прочитывал обзор русской историографии, в другой — критическое обозрение какого-либо вида источников русской истории. Практических упражнений К[онстанти]н Н[иколаевич] обыкновенно не вел, но требовал, чтобы каждый студент III курса избрал себе тему для сочинения к выпускному экзамену, и самый экзамен на IV курсе состоял в беседе по поводу представленного сочинения.

Помню, как летом 1878 г., записавшись в число студентов историко-филологического факультета Петербургского университета, я получил от своего преподавателя русского языка, ныне уже покойного В.Ф. Кеневича, список профессоров, которые должны были читать I курс, и вместе поздравление с тем, что в этом списке было имя К[онстанти]на Н[иколаевича]. Понятно, с каким чувством ждал я первой лекции русской истории; оказалось, что подобное моему ожидание было и у всей аудитории. Лекция между тем состоялась только в октябре: К[онстанти]н Н[иколаевич] был в отпуске. За месяц ожидания мы уже успели освоиться с прочими лекторами, заглянули на лекции других курсов и факультетов и уже обладали некоторыми данными для сравнительной оценки. Говорю за себя: то, что я услышал на лекции К[онстанти]на Н[иколаевича], не сразу стало понятным, но сразу пленило и увлекло. Перед нами был не лектор, не учитель, а собеседник, простой, изящный, остроумный и серьезный; он не «читал», а просто разговаривал о своем деле, как говорят с равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую речь, с отступлениями от главной темы, с личными воспоминаниями, с живыми характеристиками кружков и лиц, с меткими оценками трудов, о которых заходила речь, надобно было некоторое напряжение и некоторая подготовленность; ее давала «Русская история», которая в свою очередь становилась доступнее после лекций. Казалось странным, как мало соответствовал спокойный и сдержанный тон книги живости и субъективности устного изложения, но тем привлекательнее и ценнее казалось это изложение. Оно вводило слушателей в самую жизнь ученых кругов и кружков, давало плоть и кровь каждому лицу, упомянутому в беседе, каждое ученое мнение ставило в ту жизненную обстановку, которая его воспитала и направила. Это умение, даже, можно сказать, потребность К[онстани]на Н[иколаевича] излагать каждый вопрос историографически, пользуясь при этом не одной книжной справкой, но и личными воспоминаниями, сочеталась с чрезвычай-

ной живостью речи, блиставшей умом и в то же время изящной простотой, и производила тогда поистине огромное впечатление. Если припомнить, что самое построение курса с широким руководящим введением вызывало особый к нему интерес, то можно объяснить себе секрет того обаяния, которое умел производить этот болезненный человек со слабым голосом и худым смуглым лицом.

Мне кажется (может быть, я и ошибаюсь), что семидесятые годы были лучшим временем в деятельности К[онстантина] Н[иколаевича], когда она снискала общее признание и уважение, когда К[онстантин] Н[иколаевич] занял видное место в Петербургском обществе, и вокруг него собирался на его «вторниках» широкий круг его знакомых и учеников. В то время (1878—1882 гг.) он был председателем С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. В эту же пору он был призван к одному из самых живых и громких дел, связанных с его именем, к учреждению высших женских курсов в Петербурге. Задуманные кружком дам и профессоров, ревновавших идее женского образования в России, курсы могли быть осуществлены, как правильно организованное учебное учреждение, только под условием, что руководство курсами примет на себя лицо, облеченное доверием Министерства Народного Просвещения. В качестве такого лица К[онстантин] Н[иколаевич] и стал в 1878 г. учредителем курсов, получивших в просторечии название «Бестужевских». Он дал им не одно свое имя и не одно свое сочувствие, но явился их действительным руководителем и охранителем. До своей болезни в 1882 г. он читал на курсах русскую историю и, будучи председателем совета преподавателей, следил за ходом преподавания вообще. Много времени, труда и спокойствия отнимало у него это новое дело, отвлекая его от ученых работ, зато он мог утешаться сознанием, что много сделал для молодого учреждения; отсутствие его особенно тяжело здесь чувствовалось тогда, когда вслед за его отказом в 1884 г., по возвращении из-за границы, взять на себя управление курсами в 1886 г. был временно прекращен прием учащихся на курсы. Но и не входя уже в это дело своим личным участием, он продолжал ему сочувствовать и не раз посещал курсы в качестве почетного гостя, вызывая своим появлением овации со стороны молодежи.

Практическая деятельность К[онстантина] Н[иколаевича] в Славянском благотворительном обществе и на курсах остановила его ученые работы. В 1875 г. он напечатал большую статью о В.Н. Татищеве, но второй том его «Истории» замедлил, работы над изучением позднейших

летописных сводов были оставлены. Здоровье, вообще некрепкое, начало изменять К[онстантину] Н[иколаевичу]: его специальный курс, читанный им в 1881—1882 гг. (о записках русских людей XVIII в.), отражал на себе явный упадок сил лектора. Весной 1882 г. К[онстантин] Н[иколаевич] захворал воспалением легких, и его увезли в Италию. Два года жил он там, отдыхая и увлекаясь изучением классической старины древнего Рима. «Я теперь на нем помешан», — писал он оттуда в 1883 г.; он даже думал по возвращении при удобных обстоятельствах прочитать на своих курсах историю Рима: «Может быть, когда-нибудь исполню свою фантазию и прочту Рим...» Однако этому не суждено было быть. Вернулся он хотя и бодрым, но слабым и должен был выйти в отставку, причем был почтен избранием в почетные члены университета; не остался он и на курсах. Многие отношения и связи, ослабевшие с отъездом за границу, им не были возобновлены, и в жизни его настало затишье. Единственным делом, живым и волновавшим его, было редактирование Известий Славянского благотворительного общества в 1886—1887 гг. Жил он в тесном кругу близких знакомых и учеников, возобновивших в малом виде его «вторники», и имел утешение убедиться в том, что к нему с наилучшими чувствами шла не только та молодежь, которая у него училась, но и та, которая о нем только слышала от старших товарищей по факультету. Называя себя полушутя, полупечально «отставным человеком», он, однако, возобновил ученые работы: в 1885 г. выпустил в свет давно уже отпечатанные листы II тома «Истории», доведя изложение до смерти Иоанна Грозного; в 1887 г. в Журнале Министерства Народного Просвещения напечатал и заключительный этюд этой «Истории» — обзор событий Смутного времени. С летописями он покончил тем, что выпустил в свет «Летопись Авраамки» в XVI томе «Полного Собрания Летописей» и раздал ученикам свои листки со сводным текстом некоторых позднейших редакций. А затем он много читал и отзывался (обыкновенно в Журнале Министерства Народного Просвещения) рецензиями на все труды, его интересовавшие, причем не избегал вносить в рецензии свои воспоминания — те самые, какие придавали такой интерес и колоритность его лекциям.

Казалось, для слабого и больного ученого уже не было будущего, а между тем судьба готовила ему последний триумф. В 1890 г., когда он уехал из Петербурга в Крым, состоялось его избрание в ординарные академики по отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Он не скрывал своей глубокой радости и высказывал

особое удовольствие по тому поводу, что ему пришлось по академическому креслу быть заместителем Карамзина и Соловьева, которых он так высоко ставил и почитал. Вступив в состав Академии, он заметно оживился, посещал заседания, писал отчеты, речи и рецензии, интересовался всеми мелочами в жизни и деятельности Академии. Как кажется, он мечтал написать монографию о Карамзине, но не собрался, ограничившись небольшим и сравнительно бледным очерком для «Биографического словаря русских деятелей» (вышел отдельной брошюрой в 1895 г.). С весны 1896 г. болезнь окончательно завладела К[онстантином] Н[иколаевичем] и медленным путем страданий привела его к могиле.

В своем беглом очерке я имел целью напомнить знавшим К[онстанина] Н[иколаевича] и рассказать его не знавшим лишь главнейшие моменты его жизни, не более. Оценка его ученых трудов давно уже сделана; место его в русской исторической науке укажут те, от кого мы ждем полного обзора русской историографии; изображение сложного характера К[онстанина] Н[иколаевича], всего своеобразного строя его умственных интересов и душевных свойств, конечно, дадут нам люди, ближе, чем я, стоявшие к нашему учителю. Но, как ученик его, я не могу, кончая свою речь о нем, не сказать, что в его лице ушел от нас, говоря его же словами, «большой» человек. Как ни будем мы смотреть на его направление, на свойства его ума и характера, на особенности его педагогического дара, мы должны будем признать его исключительные силы и знания, его исключительные достоинства. В истории русской и всеобщей, в этике и праве, в истории искусства, в поэзии Шекспира и Пушкина, везде он находил интерес и удовлетворение, на все имел свой взгляд, все знал и помнил. Обыкновенно сдержанный, мягкий и осторожный, он, однако, не желал и по живости натуры не мог скрывать своего отношения к делу и лицам и высказывался, хотя и деликатно, но с неизменной определенностью. Сам пройдя в юности через различные, совершенно разнородные влияния и не отдавшись слепо ни одному, он не заставлял своих учеников *jurare in verba magistri*¹, напротив, стремился охранить в каждом свободное развитие личности и никогда не делал вопроса из разницы личных взглядов (единственное исключение, известное нам, способно только подтвердить общее правило). Зато у него не образовалось школы, хотя и было много учеников.

¹ Слепо следовать авторитетам (лат.). — *Прим. ред.*

Недавно высказано было мнение, что такая школа в С.-Петербургском университете была и есть; указывался и ее признак — склонность к исследованию не исторических явлений, а исторических источников. Мы думаем, однако, что все возможные из такого наблюдения выводы не могут быть связаны с преподаванием одного К[онстантина] Н[иколаевича] и не могут быть признаны достаточными для характеристики «школы». К[онстантин] Н[иколаевич] по одному случаю действительно писал (в 1883 г.): «Я вообще того мнения, что исследование источников — лучшая тема магистерских диссертаций и даже докторских»; но он здесь же прибавлял, что не указывал подобных задач тем, чьи «симпатии не туда направлены». Эта оговорка лично для меня кажется очень знаменательной: К[онстантин] Н[иколаевич] действительно сообразовался с «симпатиями» учеников и полагал свой долг именно в том, чтобы создать юноше обстановку для работы, не стесняя его личных взглядов и способностей. Оттого среди его учеников есть и археологи, и историки самых различных оттенков; один из работавших у него на старших курсах университета занимает теперь кафедру философии, другой — кафедру истории искусств. И каждый из нас, каким бы путем он ни шел, наверное, хранит в своей душе благодарнейшее воспоминание о многих минутах чистого и глубокого увлечения наукой и прошлым родной страны, минутах драгоценных, которыми мы обязаны нашему почившему учителю. Надо ли указывать на то, что в воспоминании о нем заключается для нас ободряющий пример деятельности в настоящем? И надо ли говорить о том, что общение с ним и самое о нем воспоминание есть одно из ценнейших стяжаний нашей юности?

Чему учит русская история¹

¹ Текст статьи приводится по единственному изданию: Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. 1. С. 5–25. Статья издается без сокращений. — *Прим. ред.*

В 865 г. стая русских лодок неожиданно появилась в гавани Цареградской — с тех пор русский народ выступил на сцену истории как русский: «начася прозывати Русская земля: отселе почнем», — говорит летописец; и точно, в IX в. началось государственное развитие России. С тех пор шло оно, хотя медленно, но верно, обращая в пользу себе даже самые невзгоды: татарское иго дало средства Московским князьям стать царями всея Руси; польская попытка Унии повела на соединение Руси Малой с Русью Великою.

Летом 1876 г. русские люди, никем не ведомые, массами направились на берега Дуная, вызванные темным для многих слухом о том, что там братья по вере и крови бьются насмерть с врагом православной веры. Державный вождь Русской земли, в котором воплощаются ее разум и воля, указал, к чему должны стремиться силы народные: великое слово «Славянское дело», произнесенное с высоты русского престола в стенах кремлевских, освященных гробами создателей русского единства, освященных памятью великих событий 1612 и 1812 гг., послужит знаменем грядущего развития народной жизни славянства. С этих высоких слов будущий историк — мы глубоко тому верим — начнет свое повествование, как киевский летописец начал с первого торжественного появления руссов. Заря новой исторической эры занимается; предрассветный туман еще покрывает землю; работники выходят в поле, до полдня далеко; ждут их, быть может, и грозы, и дожди, а быть может, и град, но мы верим, что как грозы минувшего не только не повредили Русской земле, но еще послужили ей в пользу, так и в будущем после каждой грозы славянство будет вставать еще могущественнее и сильнее. Недаром один из самых вещей поэтов славянства сказал:

Не верь в святую Русь, кто хочет,
Лишь верь она себе самой,
И Бог победы не отсрочит¹.

Но вера, не подкреплённая ничем в прошлом, есть ребяческое самообольщение; только ясно сознавая прошлое, люди могут глядеть вперед без боязни. Вот почему теперь, на пороге еще темного будущего, более

¹ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «К.В. Нессельроде». — *Прим. ред.*

чем когда-либо нужно оглянуться на прошлое и тем сильнее укрепить в себе веру в будущее. Держась такой мысли, решились мы кинуть беглый взгляд на развитие Русской земли, который может, кажется, указать нам, почему только в настоящую минуту явилась возможность чреватых будущим событий минувшего лета, почему мы имеем полное право считать эти события предтечами других важнейших событий, а не простой вспышкой, которой суждено замолкнуть от первой случайной неудачи, почему, наконец, в том, что совершается на наших глазах, мы видим не дело рук человеческих, не результат чьей-нибудь агитации, а проявление глубокого, хотя еще и не достигшего полного самосознания чувства, — чувства, которое сильно по самой своей инстинктивности, ибо только инстинктивное чувство способно творить великие дела; оно есть признак непочатых сил, откровение того, что дотоле таилось; рефлексия же в значительной степени ослабляет деятельность инстинкта: уму человеческому не дано объять во всей полноте того, что заключено в глубине человеческого духа; он судит только по проявившемуся; оттого суд его односторонен, приговор его может быть лишь приблизительно верен. Прошедшее есть только залог будущего, а никак не полное определение его пути. Вот почему, предлагая наши мысли о ходе русского развития, мы имеем в виду только указать на залог для будущего, а не предсказывать то течение, которое примут грядущие события, не определять их окончательный результат: все это будущее. Будем верить в него и готовить его, каждый в своей сфере, по мере сил и возможности.

В IX в. на берегах днепровских зарождается Русское государство; государством этим не начинается жизнь на пустом месте; напротив, оно является само на смену попыткам владычествовать на Днестре из степей припонтийских или равнин паннонских¹; но эти владыки Русской земли считали оседлое население днепровское (земледельцев на Днестре знает еще Геродот) своими данниками и не в них видели свою силу; так, даже готы, поселившиеся и вблизи, были только насельниками Русской земли, чем и объясняется сочувствие славян к врагам этих владык приднепровских — гуннам. Темно все это время, и в особенности период от IV в. до IX. Одно только ясно, что во все это время напирали разные на-

¹ Мы начинаем от Киева отчасти потому, чтобы устранить все спорные элементы, а отчасти и потому, что, даже допуская новгородское начало, надо согласиться, что только в «матери городов русских» найдена первая опорная точка для будущего развития; только Киев является и «купелью русского народа», и «колыбелью его славы».

роды с востока от степи на Днепр¹; население днепровское мало-помалу начало противопоставлять степнякам дружины своих бродников (впоследствии казаки). Эти русские дружины становятся заметными в IX в. На горах Днепровских они сосредоточиваются, и тогда начинаются их наступательные действия, завершенные походом на Царьград. В конце этого века произошла в Киеве смена власти; князь северный перешел на юг, овладел Киевом и связал, хотя и внешней связью, север с югом. Русское государство получило прочную основу; начался его героический период, закончившийся принятием христианства, уяснением идеала земского князя, высказанного Мономахом в его «Поучении» и сохраненного былинами в эпическом образе Шевского князя и первым писанным законом. Государство славянское, утвердившееся на Днепре, было не одиноким явлением в тогдашнем славянском мире: на пространстве от Лабы до Волги, от Балтийского моря до Черного и Адриатического, от равнины северной Германии до гор Балканских уже существовало в то время не одно государственное соединение; между горами чешскими слагалось одно государство; на равнине Паннонской уже сложилось другое, грозя Германии и призывая к себе проповедников христианства. На притоках Одры выходит из тумана третье государство славянское; за Дунаем становится грозным Царьграду четвертое. Все эти юные государства имеют между собой много общего: они намечают свои границы, напрягают все силы своих племен на борьбу внешнюю и сталкиваются при случае между собой; взаимные их отношения еще не успели определиться: племена, составившие одно государственное соединение, не так резко различались от племен, вошедших в другое, чтобы между ними не было промежуточных спорных племен (хорваты Галиции между Русью, Польшей и Чехией; уличи и тиверцы, вероятно, между Русью и Болгарией и т. д.). Племена эти могли бы служить звеньями общей цепи, которая охватила бы весь славянский мир, но рано, еще на самых первых порах Русского государства, когда еще далеко не все славянские племена сложились в государства, в Паннонию ворвалась призванная на помощь Германией орда угорская, поселилась в центре западного славянства, на равнине Паннонской, и как клин расщепила на две части западно-славянский мир. Славянство западное, обращенное лицом к империи Германской, то враждовало с ней, то дружилась и мало-помалу принимало к себе германское влияние и входило в общеевропейскую

¹ Роли хазар, угров, болгар не определены до сих пор с надлежащей ясностью.

жизнь, хотя никогда не признавалось Европой за своего; южное же славянство, а за ним и восточное стало в подобные отношения к сточной империи; но в то время, как цезарь Запада мог противопоставить силу силе, напору свежих племен напор племен, почти столь же свежих, цезарь Востока мог противопоставить почти только дипломатию. К этой разнице внешних отношений между частями славянского мира скоро присоединилось еще новое важное различие: на Западе утвердилась церковь латинская, которая послужила новой связью между западными славянами и латинским Западом; на Востоке и Юге укрепилось православие, связавшее тамошних славян с Восточной империей. Начало этого разделения было твердо заложено уже в X в., когда принятием христианства завершился героический период почти у всех народов славянских, период напряжения их сил и направления на внешнюю деятельность. На грани героического периода славянства стоит величавый образ Болеслава Храброго, гигантский замысел которого противопоставить цезарю германскому цезаря славянского потерпел крушение и в чешской Праге, кинувшейся в объятия мира германо-латинского, чтобы только не дать усилиться другому славянскому народу, и в Киеве, где еще свежи были воспоминания своего героя — Красного Солнышка, ласкового князя Володимира. Болеславу удалось только создать Польшу и заронить идеал объединения славянства, достижение которого, однако, не могло быть возможным силами, заимствованными у Запада. Каждый великий исторический мир приносит с собой свое животворящее начало и им растет и движется. Учиться у других нужно: римляне многому учились у греков, но государственный смысл и юридический такт у них был свой; средневековый романо-германский мир много взял у римлян, но все пересоздал по-своему, построил свой, а не римский идеал. Принятие славянами идеалов романо-германских вело только к вреду славянству; западная аристократия с ее исключительным землевладением, западный город, отрывающийся от земли, западная церковь, сосредоточивающаяся в одно лицо, и в западном мире вызвали противодействие: начался ряд переворотов в церкви и в государстве — переворотов насильственных, вызывающих неумолчное неудовольствие и постоянно толкающих к новым переворотам. Основы западного мира положительно противоположны основам славянским: у нас исконная поземельная община сохранилась в то время, когда на Западе существовали лишь слабые ее остатки; у нас город всегда был представителем земли, ее градом; католичество с его видимым главой, его чужим языком, его резким отделе-

нием духовных от светских могло быть для славян лишь властелином, который вызвал восстание чехов и для самих поляков, наиболее преданного латинству славянского народа, сделался милым только в борьбе с западной Русью. Едва ли между народами Запада найдется хоть один, которому католичество принесло более вреда, чем этому великому славянскому народу, так щедро одаренному от природы и так искаженному тем, что он рано сошелся с Западом и задумал поработить себе и Западу другой великий народ славянский. Все это, конечно, развилось с течением времени, но зародышем всего было принятие латинского христианства и вступление в отношения то враждебные, то дружественные с цезарем Запада. Народу молодому, не получившему прямо наследства римского, пришлось получить это наследство через германский мир и стать, таким образом, в зависимость от него, делить с ним, хотя в некоторой степени, его судьбы, оставаясь в сущности все-таки чуждым ему. Такое неестественное, полузависимое положение много исказило судьбу западного славянства. Иная была судьба Русской земли: Византия соприкасалась с ее пределами только отдаленными своими областями (как-то Херсонес Таврический): воинские походы на Византию прекратились почти с принятия Русью христианства, и войска русские, если и появлялись иногда в пределах империи, то более как союзники, чем как враги; да и то должно было прекратиться, когда русские князья принуждены были употреблять свои силы частью на внутренние раздоры, частью на отражение кочевников. Византия не навязала нам своего языка, как это сделал Рим с народами Запада; законы и учреждения Византии, плод долгой исторической жизни, были слишком сложны и искусственны для народа, еще не вышедшего из юношеского периода; между ними не оказалось такого проводника, каким между понятиями римскими и славянами западными служили германцы. Измененные средневековым воззрением, смешанные с германизмом предания римские были более доступны славянам и легче ими принимались, тогда как византийские понятия только в XVI и XVII вв. получают широкое применение в Русской земле, изменяясь сообразно с ее, а не чужими особенностями, чему много способствовало и то обстоятельство, что Запад и веру, и науку получил на чужом языке, на котором должен был искать выражения и для своих понятий и, втискивая их в чужие рамки, накладывая на них чужую печать, тогда как Русь, получив и веру, и просвещение на своем языке, тем самым подводила чужие понятия под свой уровень: слово — могущественное орудие; называя своим старым словом новое чужое по-

нятие, народ тем самым придает этому чужому понятию свой народный оттенок. Латинство и православие, связь с Западной империей или Восточной раскололи славянство еще решительнее, чем появление угров. Каждое из племен славянских зажило своей исторической жизнью; к природным различиям, в силу которых племена образовались в племена, присоединились различия исторические. Чем далее шло время, тем безнадежнее казалось соединение, иногда как будто мелькала на него надежда, но гасла скоро или от собственной неумелости, или от вражды иноплеменников; каждое из племен становилось враждебно к соседу и чуждо и недоверчиво к дальнему родственнику. Все они принадлежали или к северо-западной, или к юго-западной отрасли по языку, все они своей территорией соприкасались только с некоторыми из племен. Только одно племя в языке своем представляет особенности и того, и другого из славянских говоров, только одно племя территорией своей прикасается к главнейшим племенам славянским. Племя это — племя русское, но племени этому предстояло много работы внутри: нужно было вполне овладеть и политически, и экономически своей обширной, нередко почти девственной территорией, укрепить основы политического быта, развить свое сознание и тогда только выступит оно деятелем славянским. Теперь час пробил, но для этой работы нужно было много времени.

Первоначальники русской славы, первые князья киевские, наметили мечом своим грани Русской земли, связали ее разные концы внешней связью дани и общих походов; последний из «великанов сумрака», Владимир-Красное Солнце, дал Русской земле другую внутреннюю связь — православную веру и рядом с богатырем, представителем силы физической, стал представитель силы нравственной; рядом с Мстиславом Удалым Феодосий Печерский. Век Владимира представляется в народной памяти золотым веком; около Владимира, как в средневековой литературе около Карла Великого, группируются народные русские богатыри и самый любимый из них и богатырь, и святой; мощи его почивают в Киево-Печерской Лавре: из нее исходят проповедники на всю Русскую землю; в нее уходит, наскучив славой мирской, и князь, и боярин, и богатырь, крестьянский сын. «Сейчас же всю эту славу и честь, — говорит один из епископов XII в., — за ничто вменил бы, лишь бы колом торчать за воротами, валяться сором в Печерском монастыре, чтобы люди попирали меня». Так вдохновлял Печерский монастырь своих постриженников и среди насилия и корыстолюбия времен удельных лучшие из них

представляли пример нравственного величия: так, вратарем у монастыря Печерского сидел Святослав Давыдович Черниговский (Святоша), племянник Олега «Гориславича», который много горя сделал Русской земле, наводя на нее «поганных» (половцев). «Стольный Киев-град» и монастырь Печерский оставались идеальными представителями единства русской земли в то время, когда в княжеских ссорах коротался век «даждьбожьих внуков», когда по Русской земле слышно было чаще карканье ворон, чем голос земледельца, когда, словом, начался удельный период. Век насилий и коварств, братоубийственных междоусобиц, век бесплодных подвигов нередко кажется историку «темным лесом», но в этом лесу немудрено привычному глазу найти не один просвет. Каждый член княжеского рода считал своим правом владеть большей или меньшей волостью; оттого в самых глухих закоулках Русской земли, за лесами и болотами, поселились князья с их дружинами, воздвиглись более или менее пышные храмы, появились грамотные люди, завязались сношения более частые между разными местами; походы то в союзе с князьями соседними, то против них, передвижение князей со стола на стол по старшинству, причем за князем следовала его дружина, знакомили между собой население нередко отдаленных областей. Таким образом, видимое разъединение закладывало основы для более тесного сближения. Но не в Киеве выросли первые плоды от этих брошенных повсюду семян, не Киеву послужила маяком лампада, зажженная за Русскую землю у Гроба Господня паломником Даниилом, не из Киева в ответ на красноречивый плач о раздроблениях Русской земли вешего певца «Полка Игорева» послышался энергический призыв к единству, не в Киеве мог осуществиться царский идеал, вынесенный духовенством из Византии, воплотившийся позднее в сказании о Мономаховых регалиях и нередко сказывавшийся в царском титуле, придаваемом летописцем тому или другому князю. В Киеве не могло этого совершиться: Киев окружен был князьями, ревниво смотревшими друг за другом, в особенности за тем, кто сидел в Киеве, мешающими усилиться друг другу; каждый из них спешил уловить минуту, чтобы занять самому «златоверхий терем» киевский, даже соображения родословные все менее и менее сдерживают их, что и выразил один из знаменитейших князей эпохи: «Не голова идет к месту, а место к голове», — говаривал Изяслав Мстиславич. Старый подвиг борьбы с кочевниками, прославивший Мономаха, «доброго страдальца за русскую землю», привлекает к себе князей то в союз, то отдельно, но рядом с этим другие несколько приуроченные

кочевники, «наши поганые» (торки, берендеи, черные клобуки и т. д.), служат князьям киевским, ласкаются ими, и кто надеется иметь за себя торков, за тем останется и Киев. Привыкнув к смене князей, киевляне хладнокровны даже к любимому князю: «Ступай, княже, — говорят они Изяславу Мстиславичу, — теперь не твое время». Нет, не Киеву с его дружинной обстановкой, предтечей будущих казаков, стать действительным, а не идеальным центром Русской земли. Была минута, когда можно было бы ожидать, что единение пойдет с западной окраины, от гор Карпатских, из Галича, древней колыбели славянской: здесь крепко уселся и как бы сросся с землей княжеский род; одному из князей этого рода удалось, не разбирая средств, устранить других и стать могущественным. Сын его «подпирает железными полками горы Угорские, загораживает путь королю, суды судит по Дунаю», но этого могущественного князя окружает могущественная местная аристократия, готовая распоряжаться самим князем, готовая вступить в союз с иноплеменниками, что все и началось, лишь пресеклась и (даже ранее) династия: борьба с боярами занимает сменяющихся князей; они то ссорятся, то дружатся с соседями, уступая иногда иноплеменникам место на столе Галичском. Проходит менее ста лет, и князь Галичский ищет помощи у папы, призывает иноземцев в свои города и Галич не только оказывается бессильным соединить Русь, но даже сам становится наименее русской из всех русских земель, и поэт XIX в., перечисляя представителей русских земель, собравшихся на поклонение киевской святыне, вправе был спросить: «Галич, где твои сыны?» На севере был богат и силен Великий Новгород — город, ставший государством; власть его веча простирается с большей или меньшей силой до Каменного Пояса. Торговый посредник Востока с Западом, Севера с Югом, славен Великий Новгород: у него нет княжеского рода; он приглашает к себе того из князей русских, который ему более люб; силой никому не удалось покорить Новгород; против самых сильных князей он находит себе союзников, но в самом общественном строе Новгорода коренится причина непрочности его величия: несколько богатых землевладельцев владychествуют над новгородским вечем: они становятся, как Васька Буслаев в былинах, во главе «повольников» новгородских, с которыми отправляются в отдаленные походы и в этих же повольниках находят себе помощников на вече, где все берется криком и силой. Партии, образуемые этими могущественными родами, примыкают к тому или другому князю, и, таким образом, в самом Новгороде является партия суздальская, литовская и т. д. Постоянная борьба

за власть между боярскими родами, постоянное недовольство на них людей меньших, которые, однако, не имеют опоры в учреждениях и ищут опоры вне, губят Новгород. Итак, не «Господину Великому Новгороду» с его неправдой олигархической стать во главе русских земель.

Зачатки объединения Русской земли еще до татарского нашествия с особенной силой высказываются в земле, всех позднее занятой русским племенем в среде младшего по времени образования из русских племен, в лесной окраине суздальской, среди великоруссов. На Волгу и Оку шли толпы поселенцев из разных мест Русской земли: из земли новгородской, с верховьев Днепра и Двины, с верхней Оки. Колонизация, начавшаяся еще, вероятно, во времена незапамятные, завершается в XII в.: непререкаемые показания археологии свидетельствуют, что до той поры элемент инородческий был еще силен в суздальской земле. Многообразны причины, заставлявшие первоначальные народы выделять из себя повольников: внутренние раздоры, отсутствие внешней безопасности, малая производительность почвы, как в Новгороде, первоначальный способ возделывания земли, при котором почва кидается при ее истощении и ищется другая; эта причина особенно действует при «огненном хозяйстве», преобладавшем в более лесных частях древней Руси; исключение из общин так называемых «изгоев», наконец, склонность к приключениям, а частью и торговые интересы. Все эти причины действовали при колонизации суздальской земли; к ним присоединилась (в особенности в XII в.) колонизация княжеская: укрепляя границу с инородцами, устраивая центры для владычества над краем, князья «срубали города» и в них набирали («нарубали») людей из разных местностей. Очевидно, что и сами по себе, и на призыв князей шли люди наиболее энергические или, по меньшей мере, они одни оставались. В земле суздальской не предстояло борьбы, подобной борьбе с кочевниками юга: племена угорские, населявшие Поволжье, едва ли представляли большое сопротивление пришельцам; торговая Болгария не была очень воинственна, и в пору историческую чаще встречаются походы русских на Болгарию, чем болгар на Россию. Из скудных дошедших до нас сведений можно, кажется, вывести, что (об исключениях нечего говорить) вообще обрусение края было более мирно, чем воинственно, совершалось частью удалением инородцев, частью взаимными браками. Новая разновидность русского племени образовалась в значительной степени посредством смешения. Пришедший извне элемент остался не без влияния на нравственный характер великоруса, как не без влияния

остались и особенности страны. Сдержанный, осторожный, деловой и несколько угрюмый характер великорусса образовался от борьбы с неблагосклонной природой, а частью от примеси инородческого элемента. Южный дружинно-казацкий тип получил высшее выражение в князе-дружиннике, окруженном «кметами», «которые рыщут, как серые волки в поле, ищут себе чести и князю славы»; домовитый тип великорусса выразился в князьях-собираателях Русской земли — Андрее Боголюбском, Всеволоде-Большом Гнезде, Иване Васильевиче. Князья этого типа только что начали свою деятельность, когда новое великое бедствие постигло Русь — орда кочевников, поселившись в степях Приволжских, начала управлять ей; разрозненные русские земли были опустошены и подчинены одна за другой игу. Вред разрозненности оказался явным. Говорят иногда, будто в киевский период зарождался иной государственный строй — федеративный, будто он не мог развиваться только вследствие неблагоприятных условий. Начатки федеративного строя видят в съездах княжеских и в том, что временами в сильных руках власть великого князя была властью действительной, но съезды княжеские имели целью или примирение сильно между собой перессорившихся князей, или какие-либо общие предприятия (походы на половцев); великий князь мог быть силен тогда, когда в большинстве княжеств сидели члены его семьи (Ярослав, Мономах), а остальные были слабы или когда ему удавалось перессорить между собой сильных князей (Всеволод-Большое Гнездо). В Руси дотатарской мы не видим того сознания, которое служит основой федерации, т. е. сознания частей в том, что одна без другой они жить не могут и потому должны пожертвовать известной долей своей верховности, чтобы сохранить остальное: ни одноплеменность, ни общность религии, ни единство княжеского рода еще не могут служить основами для федерации. В киевский период сознание это не выработалось, да и трудно ему было выработаться: примеров федерации не представлял окружающий мир, за исключением, быть может, кое-каких попыток у балтийских славян, да и то в слабых размерах и между мелкими племенами. У других же славянских племен существовал строй, во многом напоминающий Киевскую Русь (отношения между собой князей польских и чешских одинаковы с нашими); в Византии тогда существовало единое государство, на Западе — государство феодальное; сама империя, которая позднее становится чем-то похожим на федерацию, в то время является государством феодальным в Германии и заявляет притязания на верховное покровительство в остальных стра-

нах Запада, но такое же влияние (хотя в меньшей степени) желают иметь на Востоке цари греческие. Итак, понятия федерации не было в Киевской Руси, в пользу ее никто не был убежден и, следовательно, и развиться ей не было никакого повода, а потребность в объединении сознавалась сначала темно, но потом все яснее и яснее. Почву для опоры объединения представил народ великорусский; орудием послужили князья Великой России. Повинуясь великому историческому закону, объединение пошло от племени самого младшего и более смешанного: объединение Греции, хотя и неполное, совершила полуварварская, полугреческая Македония; объединение древней Италии шло из города, населенного выходцами всех италийских племен; новая Италия объединена не чисто итальянским Пьемонтом; Германия — немецкой окраиной в землях, некогда славянских. Объединительное движение, начавшееся в таких пунктах, находит себе опору и в других областях, принимает к себе другие элементы и, видоизменяясь, становится общим делом. Так было и с суздальским движением: оно стало общерусским.

Важнейшим последствием татарского завоевания было то, что Русь западная отделилась от восточной и в первой начало слагаться государство Литовское, а во второй — Московское. В наше время нет нужды доказывать, что Литовское государство было чисто русским по языку, законодательству, даже вере большинства составлявших его земель, вере, которую приняли и многие из князей, но между Литовским государством и Русью киевской, которую оно наследовало, оказывается существенная разница: сажая по волостям своих князей или оставляя старых князей русских, великие князья литовские обязывают их известными служебными отношениями; великий князь является не только почетным председателем, каков был великий князь киевский, но и настоящим главой государства. Это самое дает Литве возможность и отбиваться с запада от рыцарей-пруссиков и простирает свои захваты на востоке в русские земли. На Руси их не считали чужими, сложилось даже сказание о том, что они происходят от князей полоцких; в Новгороде также охотно дружили с Литвой, как и с Москвой, и ссорились с ней совершенно также; изгнанники русские искали защиты в Литве, подобно тому, как литовские изгнанники искали убежища в Москве (Андрей, Дмитрий, Свидригайло Олгердовичи); литовская пария была сильна в Руси восточной; князья тверские, даже суздальско-нижегородские дружили с Литвой, смоленские обратились в подручников; почти не прочь были от этого рязанские; в Новгороде и его пригородах, а также

в Пскове появлялись литовские князья; между Русью восточной и западной шел вопрос о том, где жить митрополиту — представителю единства Русской земли; немало хлопот положено на это в Царьграде и уже в начале XV в. вопрос разрешился созданием особой митрополии для западной Руси. Вопрос о господстве между Вильной и Москвой казался чисто домашним, если бы в конце XIV в. не произошел к нему новый элемент: Польша, теснимая крестоносцами, призванными некогда польским же князем и соблазненная надеждой заселить некоторые малолюдные русские земли, предложила руку своей королевы Ядвиги и корону польскую литовскому великому князю Ягайлу. Католическое духовенство увидело в этом случай распространить свое влияние и на Русь, такие попытки до сих пор были тщетны. Ягайло принял: Литве тоже был нужен союз против крестоносцев.

Эта ближайшая цель была достигнута блистательно: на полях Грюнвальда погибла сила ордена, из праха которого суждено было впоследствии возродиться еще более страшному врагу Польши. Но достижение дальнейших целей было еще далеко: католицизм, несмотря на покровительство Ягайла, не сделался господствующим; государственный строй Литвы с великим князем во главе, окруженным сонмом служилых князей, со старым земским, всесословным городом, со старым землевладением не мог приравняться к строю Польши с развившеюся уже шляхтой, с зачатками немецкого мещанского права в городах, фольваркового хозяйства в деревне. Литва решила держаться отдельно, и началась борьба, затушенная в XVI в. только по виду Люблинской Унией, но приведшая в XVIII в. к падению Речи Посполитой. Не разрывая связи с Ягайло как верховным государем Литва добилась особого правителя в лице Витовта. Этот умный государь не мог довольствоваться ролью вассала и стремился создать обширное самостоятельное государство, но, представляя себе государство по западному образцу с блестящим рыцарством, он не нашел под собой почвы; не раз меняя свою религию, он не возбуждал ни в ком доверия, в особенности большинство его подданных — православные не могли полагаться на князя, изменившего православия для католицизма. Как политик преимущественно он смотрел на религию с точки зрения политической: этим объясняется его связь с гуситами (прием Иеронима, посылка на Констанцкий собор митрополита, отправление Сигизмунда Корибутовича в Чехию); в учении их он видел мост, который можно было перекинуть через бездну, отделяющую католицизм от православия. Со смертью Витовта не кончается борьба

между Литвой и Польшей, но напор Литвы на восток прекращается: сложившееся Московское государство ставит ему преграду.

Литовское государство неожиданно появилось на сцене истории: героический порыв, овладевший народом под влиянием иноземного нашествия, нашел выразителя в героическом вожде; ряд вождей-героев в сравнительно малый период времени подчинил власти литовской всю Русь западную. Иначе начиналось государство Московское: монгольский погром застал землю суздальскую разделенной между потомками Всеволода-Большого Гнезда; в них во всех жил дух родоначальника: князья суздальские не гонялись за славой; странствующий рыцарь Руси киевской Мстислав Мстиславич немислим в среде потомков Юрия Долгорукого; даже те из них, которые отличались героическим духом (Александр Невский), искали практических целей и знали практический путь к ним. В среде князей суздальских возникли распри за Владимир, подобные распрям за Киев, но если на юге князь, достигая Киева, доволен был честью и свою волость сдавал другому, переезжая в Киев, то на севере князь великий не переезжал во Владимир, а правил им из своего стольного города (Переяславля, Твери, Городца, Суздаля, Москвы). Для одного было важно почетное место в роде, для другого — материальное преобладание. «Батюшка, — говорил Константин Всеволодович отцу своему, предлагавшему ему отказаться от Ростова и взять Владимир, — дай ты мне старый город Ростов и прибавь к нему новый город Владимир или дай ты мне новый город Владимир и прибавь к нему старый город Ростов». Слова эти — принадлежат ли они князю Константину или летописцу — превосходно обрисовывают воззрение на старшинство суздальских князей: старшинство для них не честь, а сила. Оттого самый младший из князей без всякой тени права мог в суздальской земле занять старший стол (Михаил Ярославич Хороборит Московский); оттого князья северные так скоро поняли значение новой основы старшинства — ханской милости — и так ловко сумели воспользоваться ею. Посреди этих практических князей самыми практическими оказались князья московские. Самые младшие из князей, владельцы захолустного городка над ничтожной рекой с несколькими приписанными к нему деревнями, вышли на борьбу с сильнейшими князьями и оказались сильнее всех их. Покорностью внешней силе, давившей Русскую землю, они сумели и овладеть старшинством и удержать его за собой, но той же покорностью они достигли другого важного результата: волость их, которую они умели увеличивать прикупом, мудро оставляя нередко видимое владе-

ние за старыми владельцами, а себе только собирая доходы, была безопаснее других княжеств, оттого к ним начало стекаться население со всех сторон, чем создавалось и упрочивалось за Москвой значение народного центра. Рано переехал в Москву митрополит, единственный представитель целости русской земли, и тем деятельность московских князей освятилась в глазах народа; совместное действие князей и митрополитов, между которыми не все были русские (греки Фотий, Феогност, серб Киприан), далеко не все из земли суздальской (Петр из Волыни, Алексей из рода, выезжего с юга) — важнейшая причина успеха объединения Руси. Медленно подвигаясь к своей цели, семь раз отмеривая, один раз отрезывая, собиратели земли русской на первых же порах выставили знамя, от которого уже не пришлось более отступать: титул «великого князя всея Руси» был принят ими очень рано (быть может, даже Калитой). С начала XIV в. начинается их деятельность, а в конце века московский князь уже мог и отбиваться от Литвы, и выступить против татар, и на полях Куликовских показал возможность лучших дней в грядущем. Нравственное влияние Мамаева побоища было громадное, и память его жива до сих пор в народе, хотя ближайшим его последствием было истощение сил и Тохтамышёво нашествие, и современники могли считать его почти бесполезным, но бывают минуты, когда для подъема народных сил успехи даже меньшие в высшей степени важны: Леонид в Фермопилах, Черняев у Алексинаца никогда не забудутся историей. Куликовская битва дала надежду Руси на скорое освобождение и тем еще более усилила значение московского князя, ставшего теперь стратегом Русской земли. Одни княжества прямо присоединились к Москве, другие сохранили только вид независимости; Великий Новгород понял, что его час близок, и правители его, духовные и светские, прилагали тщетные усилия уничтожить опасность; даже распря семейная не повредила великому князю: он вышел из нее с торжеством. Все было готово, и явился человек, который, закончив один период, начал собой другой: «последний из князей-вотчинников, первый из царей московских» Иван Васильевич вступил на престол, покончив в существенных чертах с задачами старого времени, оставив только призраки удельного периода, прекратив существование Новгорода, формально отрекшись от татарского подданства, он поставил важнейшие задачи будущему: поднял вопрос о тех землях русских, которые оставались за Литвой и Польшей, потребовал Смоленска и Киева, объявил себя защитником православных и, выйдя за грани старой политики московской, искал союзников против

Польши и в Угрии, и в Молдавии, и у цезаря. Он искал на Западе знающих людей, которые могли бы техническими сведениями принести пользу его земле. Так широко развернул он свою деятельность! Задачи эти решены только в XVIII в. Только тогда Россия вошла окончательно в ряд государств европейских, только тогда мы получили окончательную возможность удовлетворить потребности страны в техниках, сделав то, что трудно было сделать Ивану, — заведя училища дома, только тогда русские земли почти все соединились; но между задачами, поставленными Иваном, одна осталась в завет грядущему: он принял герб Византии, короновал внука, что подало повод другому его внуку при коронации принять титул царя, на что потребовалось согласие патриархов, стало быть, придавали титулу особое значение; это заметно и из рассуждений тогдашних книжников, видевших в Москве третий Рим, последний оплот православия, которому не суждено погибнуть, как погибли первые два.

Объединенному государству предстояло немало важных и трудных задач. Бедное экономически, открытое со всех сторон нападению врагов: с юга и востока — татар, с запада — шведов, ливонцев и поляков, отрезанное от морей, кроме Белого, государство Московское должно было напрячь все свои силы для того, чтобы обезопасить свои пределы, открыть себе путь к дальнейшему развитию. Тяжело было это напряжение нашим предкам, но честь им и слава за то, что, сыны великого исторического народа, они вынесли на себе всю эту тяжесть и дали нам возможность выйти в другую жизнь, дышать иным воздухом. Сурова была власть государей московских, ревниво охраняла она свои права и дома и за границей; но и время было сурово во всей Европе и каждый, в чьих руках была власть (был ли то монарх или аристократ), пользовался ею вполне; еще недавнее освобождение от татар, отсутствие постоянных сношений с другими народами, подозрительность со стороны соседей, небезопасность не только границ, но часто и самого царствующего града, придали государству Московскому еще более резкий отпечаток. Не забудем, впрочем, что сведения наши о нем идут в значительной степени от людей, дурно к нему расположенных, каковы эмигранты (Курбский, Котошихин) и большинство иностранцев; но, несмотря на преувеличение, основные черты верно переданы, только дурно поняты или неверно истолкованы. Тяжело было Московское государство, много жертвы требовало оно от народа: на все слои общества наложило оно тягло: служилый человек на полученное поместье должен был по первому призыву

идти на службу и за отказ или укрывательство ждало его тяжелое, унижительное наказание; посадские, приписанные к городам, должны были платить подати и отбывать повинности; крестьяне, приписанные к земле, должны были работать на того, кому земля принадлежит. Такое прикрепление было неизбежной, хотя и тяжелой необходимостью: призванное своим географическим положением к великой исторической роли, поставив себе широкие задачи. Московское государство должно было искать средств для их осуществления: чтобы содержать войско, оно должно было платить; платить оно могло только землей, ибо у него было много земли и мало было денег; служилый человек, получив землю, не всегда находил руки, которые обработали бы ее: избыток земли был так велик, недостаток в рабочих так силен, что взаимно выгодным условиям было трудно установиться, особенно это сказывалось на землях бедных помещиков; что касается городов, то прикрепление городских жителей вызвано было круговой порукой, единственным возможным в то время средством обеспечить правильное поступление податей. Вырабатывая способы устроить свои финансы, правительство московское рядом с этим вырабатывало и систему администрации: принятый вначале способ управления через наместников, которые, являясь как бы в замену прежних князей, сами содержали весь личный состав администрации и кормились доходами области, оказался неудобным: правители-кормленщики были тягостны для областей и не всегда удобны для правительства; на смену этой системы введена была рациональная система самоуправления общин и областей, которая, после событий Смутного времени и под влиянием усиливающегося значения приказов московских, сменилась системой посылаемых из Москвы воевод, вначале правивших только окраинами. Управление воевод, соединивших в руках своих власть более или менее обширную, смотря по важности поста и доверию к лицу, часто было очень нелегко, но тяжесть его умерялась до известной степени для населения возможностью челобитных, подававшихся всей областью и собираемыми от времени до времени земскими соборами, на которых, при обсуждении предложенного высшим правительством вопроса, являлись жалобы на административные беспорядки. Первый из земских соборов был именно собран первым царем для устранения недостатков в управлении. Не одно воеводское управление было тяжело для русского человека: тяжелы были и «волоки́та» московских приказов и корыстолюбие московских дьяков — зло, с которым трудно было бороться власти; но самое учреждение приказов, внося некоторое

единство в управление, имело и для населения свою хорошую сторону: в приказе, не связанном местными дружбами и враждами, было больше возможностей найти суд и управу, чем в местной власти, подчиняющейся невольно окружающей ее среде. Конечно, практика далеко не всегда соответствовала теории, тем не менее, открывался населению новый путь достигнуть правды. Тяжело было напряжение Русской земли, но уже с первых шагов Московского государства видно было, что напряжение это не должно пропасть даром: приготавливаемое мудрыми политическими мерами падение царства Казанского совершилось, храм православный засиял своими крестами в Казани; обрусение края началось, средства, принятые к тому, были так целесообразны, что даже в Смутное время Казань осталась русской; за Казанью по самой силе обстоятельств пала Астрахань, вся Волга стала русской рекой. Московское государство так усилилось, что повольники русские, победив царя Сибирского и заняв его землю, не основали здесь своей особой общины, как было некогда на Вятке, но ударили челом сибирской землей царю православному, а православный царь, Грозный царь Иван Васильевич, пожаловал их великой милостью, простил им их прегрешения, и пошли все дальше русские скутеры¹ и в Сибирь, и в землю Башкирскую, и стали они лет менее чем через сто у Восточного океана, и с ними стало там и Русское государство; а из Башкирии лет в 200 с лишком перешли в Среднюю Азию. Народ русский шел на Восток, а государство Русское, считая своею обязанностью озаботиться материальным и нравственным благосостоянием народа, условием его политического могущества, начинало смотреть на Запад: на Западе немцы старались отрезать нас от моря, старались мешать нам призвать сведущих людей, которые научили бы нас добывать и употреблять природные богатства страны, дали бы средства для экономического развития и политического могущества. На Западе поляки, все более и более укрепляясь в русских землях, указывали Западу на опасность от усиления Русского государства: когда Грозный царь овладел Нарвой, польский король Сигизмунд Август писал Елизавете Английской: «Нашему величеству не безызвестны силы этого врага и власть, какой он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств, но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет, неизвестно». Стало быть, прав был царь Иван Васильевич, когда,

¹ Первопроходцы, те, кто осваивает новые земли. — *Прим. ред.*

не послушав своих советников, желавших завоевания Крыма, что было совершенно невозможно ранее населения степи, он, ограничиваясь набегами на Крым, предпринял Ливонскую войну. Он стоял уже почти у цели и мечтал о том, что удалось Петру: укрепиться у моря, завести свой флот. Напор соседей, в особенности воинские подвиги Батория с его наемными дружинами, хитрая политика Поссевина, бывшего посредником, и в значительной степени постоянно усиливавшееся ненормальное настроение духа царя отдалили более чем на сто лет исполнение его плана: Иван не дожил ни до Полтавы, ни до Ништадта отчасти потому, что явился рано, отчасти и потому, что в душе его слишком глубоко укоренилось недоверие и даже презрение к людям. Иначе стал к своему народу великий преемник его планов; иначе повел его по пути, указанному его грозным предшественником, и успех благословил его начинания: первый император совершил то, что задумал первый царь. Веселая процессия идет по Петербургу-городку, развеваются флаги на широкой реке, гремят пушки, празднуется пышный всход; а семена, которые взошли теперь, кидал когда-то мрачный отшельник Александровской слободы среди кровавых сцен и отвратительных оргий. Оргии и сцены помнит просвещенное потомство, а великие планы и заслуги покорителя Казани, разрушителя ордена Ливонского уходят далеко на задний план, лишь безграмотный народ поет доселе про взятие Казани да рассказывает про то, как защищал грозный царь бедного и слабого от богатого и сильного. Смирненным постником и молчальником кончился энергический род, создавший единство Русской земли, «честно и грозно» поддерживавший ее значение; на престол вступил боярин, возбудивший к себе зависть других бояр, не сумевший забыть на престоле, что он был когда-то боярином; на Руси появились смуты: все элементы, широко жившие в прошлом и приниженные возникшим государством, употребленные им для своих служебных целей, снова подняли голову. Потомки удельных князей и старые боярские роды, ненавидя друг друга, мечтали о том, чтобы захватить власть в свои руки, и выставили соперника Борису, прикрыв его именем рано погибшего царевича, но когда орудие оказалось не совсем удачным, когда увидели, что оно переходит в другие руки — руки очень ловкие, его свергли, выбрали своего царя и ограничили его власть своим советом; на встречу их притязаниям шли притязания бродников, гулящих людей, не выносивших стеснительного порядка, мечтавших о широкой воле; казачество сгруппировалось около своего царька и, соединившись с казачеством польским (лисовчиками), затеяло Ту-

шины́м заменить Москву, казакским кругом — правительство. Среди общей смуты снова слышались старые распри древних вечевых городов (Псков), поднялись инородцы; жадно протянули руки свои соседи за легкой добычей: польский королевич был провозглашен царем; поляки заняли Кремль; шведы — Новгород. Тогда «дошло дело до последних людей, и стали последние люди, как один человек». Имена вождей этого движения красноречиво показывают нам, кто были эти последние люди, соль земли русской и ее оплот. Князь Пожарский и земский староста нижегородский Кузьма Минич Сухорукий представляют два элемента оседлого населения, лучшего оплота порядка: областные служилые люди представляются Пожарским; люди посадские, прочное население городов — Мининым. Люди эти встали не из своекорыстных целей, они не пошли добиваться старшего чина, как тушинские бояре, не искали добычи, как казаки и другие «воры», свита «тушинского вора», они шли биться за свой дом, свои семьи, за веру отцов, за русскую землю и победили. Очистив Кремль от поляков, победители собрали представителей земли и избрали царя. Выбор Михаила Романова — неопровержимое доказательство того, что Русь восточная глубоко сознавала необходимость единства. К сожалению, источники наших сведений об этом многозначительном событии слишком скудны, тем не менее, общий смысл его кидается всем в глаза: народ великорусский торжественно признал дело Калиты, Донского и двух Иоаннов своим кровным делом; народ великорусский явил себя великим историческим народом; приближался час, когда к его знамени начнут собираться другие отрезанные племена русские, когда титул царя всяя Руси станет не надеждой, а действительностью.

В Москве дом Калиты заканчивал свою плодотворную деятельность, и собиралась гроза, после которой Русь вышла еще сильнее:

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат!¹

А Польша в то время праздновала две свои победы в землях литовско-русских: Уния Люблинская создала, казалось, твердую почву единства государственного, Уния Брестская — единства церковного. Русь западная навсегда казалась отрезанной от Руси восточной: ее князья-бо-

¹ Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (Песнь 1). — *Прим. ред.*

яре обратятся в польскую шляхту; ее купцы посадские сделаются мещанами; ее церковь подчинится папе и не будет иметь ничего общего со схизмой. Так рассуждали современники, но не то увидело потомство. Уния политическая, давняя мечта поляков, долго встречала сопротивление в Литве: она разбивалась о сопротивление князей литовских, не желавших терять свое первенствующее положение, о сопротивление Литвы допустить чужеродцев-поляков к занятию должностей в великом княжестве и получение права землевладения. Проведена она была насильем: Сигизмунд-Август воспользовался тем, что Литва — государство его наследственное, и пожертвовал его полякам, но так как и это не оказалось действительным, то поссорили Литву с Русью, воспользовались русской преданностью лицу государя и достигли своей цели, несмотря на то, что жмудский староста на коленях умолял короля не соединять Литвы с короной. Следствием соединения был наплыв в Литву польских понятий и польского языка; ополячение русских князей и бояр пошло быстро, хотя и до того уже многие учились в Кракове. Когда же еще при Сигизмунде-Августе вызваны были в Литву иезуиты действовать против протестантизма, сделавшего большие успехи, они направились и на православных и стали их привлекать в свои школы; при некотором покровительстве иезуитам Батория, в особенности при полном подчинении им Сигизмунда III, дело их пошло еще успешнее. Значительная испорченность в высшей русской иерархии, зависевшей в назначении своем от светской власти, на основании права покровительства (*jus patronatus*), сильно распространенного в западной Руси, помогла найти в их среде защитников соединения церквей, и собор Брестский объявил это соединение состоявшимся. Почти все сильное и более просвещенное стало на сторону Унии и даже прямо приняло католицизм: княжеские роды и знать начали один за другим переходить в чужую веру и становиться врагами своего народа; сопротивление горожан (в Витебске, где убили Кунцевича) сломано. Все, казалось, погибло, но на защиту православия и русского дела вышли новые борцы: казаки. Казаки на Руси — явление очень давнее: мы видели их в бродниках Руси киевской, в повольниках Великого Новгорода, в казаках Руси восточной. На юге казачество начинает сосредоточиваться в XV в., появляются предводители обширных казацких дружин, получающие название гетманов; во главе этих дружин являются люди знатные вроде Дашкевича, Вишневецкого и других; о смелых походах казацких далеко разносится молва; оба государства — Московское (Дашкевич при Иоанне III, Вишневецкий при Иоанне IV)

и Литовское — употребляют их для своих целей. с Батория начинается стремление подчинить казаков правильной организации, сделать из них военную границу, ибо их набеги на турок и татар нередко вызывали государственные столкновения. Казаки были этим недовольны. К этой борьбе присоединилась еще другая борьба: где казаки отвоевали степь, там становилось безопаснее от татар, являлись поселения, сюда стремились колонизаторы и из знати, польской и литовской; начиналась борьба за землевладение, выразившаяся, наконец, в том, что государство потребовало от казаков доказательств на права владения землей, грамоты, а какие грамоты могло представить казачество? Под влиянием этих причин начался ряд казацких волнений, к которым приставали недовольные из разных частей Украины; страшно умирялись эти волнения, и казаки начали переходить в степь восточной Руси (Острица); снова завязываются сношения с Московским государством, зреет мысль о соединении. Посреди этой борьбы казачество иногда бывает нужным и государству Польскому; оно начинает ублажать казачество: так Сайгадчаному удалось восстановить православную иерархию, низвергнутую Унией. Велико было нравственное влияние представителей духовной мысли вроде Иоанна Вишенского и Иова, но без страха перед казаками Польша не согласилась бы на признание православной церкви; сами братства, сослужившие великую службу поддержанием светоча православия, не имели достаточно силы для действия политического. После ряда неудачных попыток, кончавшихся пущим угнетением Украины, встал Богдан Хмельницкий. Каковы бы ни были суждения о характере этого вождя казацкого, в котором ни один беспристрастный человек не станет отыскивать рыцаря в идеальном смысле, ни даже идеального народного вождя вроде Гарибальди, но должно согласиться в том, что имя его тесно соединилось с делом объединения Руси, которому он послужил, быть может, невольно, убедившись в непрочности всяких других союзов. После того, как на раде Переяславской решено было: «волим за Белого царя московского», обе части разрозненной Руси взглянули друг на друга и друг друга не узнали: в одной крепкая власть, поддержанная народной верой, народная гордость, хотя и в необразованной форме, практический смысл — задатки народного величия, но при этом грубость формы, отсутствие образования, с другой — законная власть, казацкий круг, но постоянное стремление гетманов и старшины состоит в том, чтобы обойти эту власть, обратиться гетману в государя, хотя бы и вассального, старшине в наследственную шляхту, которая должна была

сменить изгнанную польскую из всего остального — и казачества, и посполства, и городов, — наделать своих хлопов. Из этих стремлений и честолюбия, поддерживаемого польской интригой, происходят все смуты Малороссии, окончившиеся полным уничтожением казацкой власти над краем и гетманства, хотя, к сожалению, со значительной уступкой стремлениям старшин и их потомков: их признали дворянами и утвердили вошедшее уже в обычай крепостное право. Смуты украинские повели к раздроблению Украины на две части, из которых одна осталась русской, а другая постоянно переходила из рук в руки и доставалась то полякам, то туркам и лишь при Екатерине II соединилась с Россией. Принятие в подданство Малороссии вызвало усиление неумолкавших ни в XVI, ни в XVII в. попыток условиться о соединении Польши с Русью — попыток, постоянно разбивавшихся о разность веры и гражданского строя. В этих попытках поляки постоянно указывали на единство славянского происхождения, на удобства совместной борьбы с татарами и турками. Ян Казимир, собирающий сейм для обсуждения вопроса о соединении, указывает на него, как на «всему широко распространенному славянскому племени необходимое дело и для смущения завистных всему славянскому народу соседей». Идеал Болеславов никогда не погасал в Польше: поляки, так любившие сравнивать себя с римлянами, постоянно мечтали о первенствующей роли в славянстве, но при всех их блестящих качествах им никогда не доставало основной черты римского характера — государственного смысла, и этот недостаток сгубил, наконец, Польшу, особенно когда рядом с «королями», как на Украине называли польских панов, стало обновленное иезуитством католичество, со средневековой нетерпимостью соединившее утонченное коварство времен позднейших. С такой Польшей Русь не могла соединиться: Русь, столько вынесшая для создания порядка, столько потерпевшая из-за него, не могла мириться с таким положением дел, при котором каждый шляхтич считал себя как бы отдельным государем: «Мы государи, — говорила польская шляхта XVIII в., — и можем сноситься с государем». Поэтому в Польше не вымирали иноземные партии, и Новгород в громадных размерах повторился в Речи Посполитой. Польские взгляды и понятия не остались без отголоска и на Руси: на Польшу смотрели с завистью некоторые уже в XVI в.: недаром там так привольно было кн. А.М. Курбскому, недаром так скучал в Москве кн. Хворостинин; в XVII в. появились в Москве польские гувернеры; польский язык сделался тем же, чем позднее был язык французский, — языком образования; из Польши идет

господствовавшее у нас в XVIII в. слово «шляхетство» и самые шляхетские понятия; слово никогда не принимается совершенно оторванным от смысла; в аристократических понятиях, высказанных на собраниях Екатерининской комиссии, в значительной степени слышатся отголоски польских понятий. Недаром А.Р. Воронцов хотя и на французском языке, выражает свое сочувствие к польской аристократии: «la manière dont vivaient les magnats polonoise, — говорит он, — leur train, la consideration dont ils jouissaient, tout cela me frappa et me faisait croire alors qu'il n'y avait pas d'état plus á envier que celui d'un grand de la Pologne»¹. Польские обычаи принимались у нас в XVIII в.: вспомним гусаров наших дедов и казачков времен нашего детства, вспомним, что иезуиты, допущенные к нам далеко не с такой свободой, какой они пользовались в Польше, все-таки сделали нам много зла. Пробились ли бы мы к европейскому просвещению в случае раннего соединения с Польшей? Отвечать на это невозможно, но можно сказать, что, по всей вероятности, трудная, упорная борьба ждала нас, и при тогдашней степени нашего развития исход борьбы едва ли не был в высшей степени сомнительным. В то самое время, когда в Польше готовилась обманчивая попытка соединения, в Москву прибыл серб Юрий Крижанич. Этот великий славянский патриот указывал на миродержавную роль, которую должен занять русский государь: «На тебя одного, славный царь, — говорит он царю Алексею Михайловичу, — смотрит весь народ славянский. Ты, как отец, изволь заботиться и стараться о своих растерянных детях, чтобы их собрать. Заботься об обманутых и чуждой лестию одураченных, чтобы им возвратить разум, как сделал тот отец в Евангелии блудному сыну... ты один, о царь, теперь нам Богом дан, чтобы помочь и задунайским славянам, полякам и чехам, чтобы они начали сознавать притеснения и позор свой, думать о просвещении народа и сбрасывать с шеи немецкое иго». Первым средством к тому, за невозможностью немедленного политического действия, Крижанич считает утверждение общего языка. Подозрителен показался нашим предкам великий славянский патриот: с политическими воззрениями, с которыми могли, хотя и не вполне, соглашаться в Москве, соединились у него религиозные, там не находившие сочувствия. Много лет провел он в Сибири и там не оставлял свои мечтания. Рано было осуществиться его мыслям в XVII в., но они были записаны и рукопись его сохранилась не-

¹ «Образ жизни польских магнатов, — говорит он, — их быт, свойственное им достоинство — все это меня поражает и потому заставляет думать, что не было такого другого государства, достойного зависти, как Польша». — *Прим. ред.*

известной до того времени, когда его мысль находит отголосок во многих сердцах, когда мелькает отдаленная надежда на ее осуществление; когда же встанет, наконец, великое и единое славянское племя на свое подобающее место, имя Юрия Крижанича, как пророка этой будущей славы, будет с почтением переходить из рода в род.

Война с Польшей за Малороссию и со Швецией за Польшу расшевелила многое в Московском государстве: пришлось не только нанимать иностранных воинов, но и у себя заводить иноземный ратный строй, пришлось думать о строении кораблей, заводить почты, постоянных дипломатических агентов; в среде великорусского духовенства появляется малорусское, более образованное, хотя и подвергшееся чуждому влиянию; наука их появляется и в царском тереме; туда же проникает и театральное зрелище, хотя и в обветшалой форме мистерий и интермедий; женщина начинает выглядывать из терема, и близок день, когда царевна появится на первом месте в торжественных процессиях, во главе государственного управления. Время «тишайшего» отца предвещает великое и грозное время гениального сына.

Образ царя, вечно «в работе пребывающего», честь и гордость русского народа, слава его перед всеми народами мира, Петр — величайший представитель русского духа: он — вождь своего народа и по праву рождения, и по праву гения; он видит ясно цель, угадывает людей, способных служить ей, отыскивает средства к ее достижению. Это не теоретик-идеалист, служащий идее, это величайший реалист. Практик, сын великого практического народа, он знает, что нужно времени, и бесплодно не тратит силы на недостижимое. Если что-нибудь из затеянного им и не привилось, то это, по большей части, что-нибудь второстепенное для его цели и не исполнялось оно как будто для того, чтобы показать, что и гениальные люди не всемогущи и не всеведущи. Сам Петр сознавал охотно свои ошибки и охотно исправлял их, он любил выслушивать справедливые замечания: вспомним кн. Як. Долго-рукова; и в английском парламенте Петр заметил сочувственную себе черту: «Весело слушать, — говорил он, по свидетельству Нартова, — когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно». Правильной школы Петр не прошел, но его любознательность сделала всякого, кто что-нибудь знал, его учителем; ничто не ускользало от этой всепоглощающей любознательности, никто быстрее Петра не умел охватить смысла того, что ему передавали, и никто лучше его не мог найти применение тому, что он узнал. Этим Петр был также

сыном своего сметливого народа, умеющего перенять что угодно и быстро применить к делу. Как великорус Петр умел работать без усталости, как великорус он умел и веселиться беззаветно. Такой-то представитель своего народа, возведший в своей гениальной природе качества народные до высочайшей степени, появился во главе своей страны в трудное для него время: сложилось громадное государство, по необходимости вошло в сношения с государствами окружающими и, главное, стало к ним враждебно: Швеция отрезывала его от одного моря, турки и татары — от другого; Польша тяготела над значительной частью его народа и не отказывалась от притязаний и на другую, а между тем у этого государства не доставало сил на предстоящую борьбу, или, скорее, не доставало умения вызвать и организовать свои силы. Эта-то внешняя организация, условие правильного внутреннего развития, и стояла первой неотложной задачей перед русским народом; московское правительство старалось полумерами отстранить зло, но отстранить зло можно было только решительными средствами. К ним-то Петр и прибег. Государственным идеалом XVIII в. было сильное государство, с развитой администрацией, с постоянным войском, с промышленностью и торговлей, организованными в видах государственных. Осуществление такого государства на Руси стало целью Петра: он напряг все силы страны, чтобы дать ей политическое значение, увеличил эти силы покровительством и даже созданием промышленности, возможной организацией городского сословия. Создавать сильное государство пришлось ему среди великих затруднений внутренних и внешних: внутри ему пришлось бороться не только с открытым сопротивлением Софьи и стрельцов, но и со скрытым сопротивлением и нежеланием служить государственным целям, с непониманием этих целей; вне он встретил соперника, сильного многолетним преданием военной славы своего народа, сильного и своим воинственным характером, и упорной настойчивостью своей воли, а союзник Петра Август (другие союзы были не так продолжительны: датский в самом начале и конце, бранденбургский и ганноверский после Полтавы) важен был только тем, что на себя отвлекал силы врага, да и то при помощи русских. Все это поборол Петр и от Нарвы довел свой народ до Полтавы и Ништадтского мира. Сколько веры в свой народ и его задачу, сколько упорного труда нужно было для того, чтобы не ослабеть ни на минуту, не останавливаться ни перед какими препятствиями! Немногие верили в то, что Россия устоит перед таким победоносным вождем, как Карл: цезарь опасался, чтобы он недолго был в Германии и не

захватил бы ее; в самой России Мазепа изменил потому, что слишком уверовал в Карла; Петр же верил в Россию крепче всех: в вере почерпнул он и силу, и бодрость и вера дала ему победу. Крепко борясь из-за своей главной цели, Петр намечает новые: указывает путь на восток, твердой ногой становится в Польше и готовится решение польского вопроса; заводит сношения со славянским миром; ищет моряков на Адриатическом море; писцов для канцелярии — в австрийском славянстве; взывает к сербам и черногорцам. Понятно, что глаза славянства обращены были на него, и понятен привет, послышавшийся ему из островка славянского, охваченного немецким миром, — из Лужицы¹. Он первый сознал и высказал, что, как народы Запада сменили греков и римлян во главе цивилизации, так в свою очередь их сменяют славяне. Что он провидел значение славянства, показывает уже и то, что при нем появилась «Историография» Мавро Урбино в русском переводе. Величие гения Петрова, громадность его целей поражают западный мир и отражаются в создании дикого мифа о завещании Петра Великого. Вражда, злоба и боязнь за будущее выразились в этом мифе, угрожающем Европе господством силы, как будто сила не господствовала в Европе и в XVIII в. и не господствует и до наших времен. Когда европейский мыслитель, один из самых передовых, рисует себе будущее, он видит в нем господство силы, только вооруженной всеми средствами науки. Этот «Сон» Ренана в высшей степени поучителен: сила внешняя есть начало и конец для мира романо-германского, наследника Рима, воспитанного двойными преданиями авторитета, цезарским и папским; авторитету Запад может противопоставить только личность и в гражданской и в духовной сфере (личное землевладение, сословные корпорации и протестантизм и т. д.). Вопрос о примирении свободы с авторитетом неразрешим на почве западной; внутренние варвары, как гениально выразился Т. Карлейль, стоят у ворот нового Рима: в мире экономическом Запад потерял поземельную общину; в мире духовном он не знал духовной свободы православия. Мир славянский сохранил в себе зерно будущего, от него отпали некоторые части, из которых иные уже совсем погибли, другие исказились в значительной степени, но в самом дальнем углу славянства создалось великое государство; для борьбы с соседями, для сохранения своей независимости, своих основных начал оно приняло под давлением обстоятельств суровую форму, наложило на себя инстинктивно суровый долг и яви-

¹ См.: *Первоульф И. И.* Славянская взаимность // ЖМНП. 1874. № 1.

лось, наконец, у ворот старой Европы требовать себе места в ее советах. Переполошилась Европа и сначала искала в нем или средств диверсии против своих врагов, или места сбыта своим товарам, встречая часто спасительное недоверие, основанное на здравом смысле, но техническое невежество и отсутствие моря мешали Руси пользоваться всеми своими силами и ставили в некоторую зависимость от стран, более развитых; шло время, и все яснее и яснее проявлялось, что оставаться в зависимости экономической Россия не намерена долго; во главе ее стал гениальнейший из царей земных: он, не дожидаясь того, чтобы пришли к нему и выучили, чему сами хотят, лично отправился узнать тайну могущества Европы, принес ее своему народу и топором плотника и мечом полтавским прорубил окно в Европу. Тогда нельзя уже было более держать этого непризванного гостя в отдалении, надо было *faisant bone mine au mauvais jeu* признать его равноправным и стараться всеми средствами обойти и обмануть его неопытность, втянуть его в свои союзы, подчинить его своим политическим и экономическим видам. Так начался XVIII век. При дворе преемников Петровых спорили о влиянии иноземные послы, сочли даже возможным вмешиваться во внутренние дела страны; наука, за немногими исключениями, казалась чужеземным цветком, поддерживаемым тепличными средствами и представляемым одними иностранцами, иностранцы окружили престол:

И средь безмолвия и страха,
Средь казней, пыток и опал,
Уж на корону Мономаха
Курляндец дерзкий посягал...¹

Вдруг все переменялось: дочь Петра Великого взошла на престол. Русская душой, благоговев к памяти великого отца своего, Елизавета Петровна сумела выбрать помощников, сумела женским тактом держать себя вне окружавших ее интриг и принесла много пользы русской земле. Теперь настала пора вполне оценить ее деятельность: историк нашего времени произносит ей благодарное слово и есть за что: она уничтожила

¹ Неточная цитата из стихотворения А.Н. Майкова «Ломоносов». У Майкова читаем следующий текст:

«И, средь смятения и страха,
Средь казней, пыток и опал,
Уж руку к бармам Мономаха
Курляндский конюх простира!». — *Прим. ред.*

смертную казнь, первая в Европе; ее женское сердце подсказало ей то, до чего тогда еще недодумались криминалисты; при ней уничтожены внутренние пошлины и возвышены внешние, что дало средства подняться русской промышленности; при ней русская дипломатия заговорила в пользу православных не только в Польше, но и в Австрии; при ней для населения степей призваны сербы и, таким образом, в степи поселен народ, который и по языку, и по вере скоро слился с русскими, а вместе с тем поддержал в славянском мире убеждение, что есть земля,

Где не считается славянство
За тяжкий первородный грех¹;

внешняя политика Елизаветы выразилась в обуздании «скоропостижного» короля прусского; наконец, при ней возник Московский университет по мысли гениальнейшего из русских ученых, которому, наконец, дана была возможность показать

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать².

Век Елизаветы приготовил век Екатерины. Этот великий век оставил по себе глубокий след в русской истории. Вокруг гениальной, многодумной и много понимавшей царицы собралась целая плеяда замечательных людей — «екатерининские орлы»: тут был и представитель русской широты в замыслах и русской хандры, полный противоречий, гениальный создатель Новороссийского края, тут был и русский чудобогатырь Суворов, юродствующий, чтобы иметь более независимости, и методический Румянцев, и тонкий дипломат Безбородко, и бескорыстный, умный, вечно недовольный Панин; тут были и представители зарождающейся новой русской литературы: здесь проявлял свою необузданную силу Державин, здесь показывал Фонвизин зеркало невежеству, а Новиков затевал борьбу и со скептицизмом века и со старыми неисцелимыми еще язвами русского общества, было и много других. Всех выслушивала императрица, всеми старалась пользоваться и всех старалась

¹ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Славянам». — *Прим. ред.*

² Цитата из оды М.В. Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы». — *Прим. ред.*

направлять. Из последнего стремления выходили в конце ее царствования прискорбные столкновения, она платила дань злобе дня; об этом пожалеет историк, но за это обвинить не может: у каждого дня есть своя злоба и никому из людей не дано миновать ее вполне. Царствование Екатерины было блистательно и извне и внутри; не напрасно говорил Безбородко уже после кончины императрицы: «Не знаю, как теперь, а при нас ни одна пушка не могла выстрелить в Европе без нашего позволения». Влияние России в делах европейских было решительно: быть может, это не всегда было хорошо и впоследствии привело Россию к войнам, не всегда нужным для ее интересов, хотя бы к войне 1799 г., героические эпизоды которой не искупили всей ее бесполезности; тем не менее, однако, при Екатерине еще не видать было оборотной стороны медали. Своим положением в Европе Екатерина умела пользоваться с большим искусством и своими успехами еще усиливала европейское положение России. При Екатерине Россия дошла до Черного моря и твердой ногой стала у него; при Екатерине Россия получила право покровительствовать своим единоверцам в Турции и пробудила тем христиан турецких к новому сознанию; при Екатерине Россия возвратила от Польши почти все свои коренные земли; то, что Россия не дошла на Западе до пределов, в которых оставил ее Владимир Святой, постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала по своей собственной вине, разделение ее — событие печальное; конечно, было бы лучше, если бы совершилось добровольное соединение или если бы, оставаясь отдельно, Польша могла отказаться от своих притязаний на обращение русского народа в рабство, но Польша этого не могла сделать, существовать сама по себе она не могла, допустить иноплеменников поглотить всю Польшу не могла Россия, и потому пришлось сделать уступку, пришлось идти на сделку. Бывают трагические положения в жизни народов. Таким трагическим эпизодом является и разрешение рокового польского вопроса; горькие его последствия сказались позднее и едва ли миновали и теперь, но иного разрешения нельзя было ожидать при данных обстоятельствах. Внутри при Екатерине сделано также много, как и вовне: задумав перестроить администрацию страны, только намеченную Петром Великим и почти нетронутую его преемниками, Екатерина сочла нужным ознакомиться с потребностями и положением различных слоев, чтобы затеваемая администрация соответствовала росту общественному, и для того собрала в Москву свою знаменитую Комиссию, которая ярко выразила желания и настроения общества. «Теперь, — говорила Екатерина, — мы

можем судить о цветах по цветам, а не так, как слепые судят о цветах». Ряд преобразований, начатых Екатериной, удовлетворил требованиям тогдашнего интеллигентного слоя: служилое сословие, освобожденное от тягла, сделалось дворянством, в руки его отдано было в значительной степени местное управление: оно выбирало судей, полицию, в своих собраниях блюло за своими интересами, представляло местность перед верховной властью. Для развития общественного такая роль, данная дворянству, не прошла бесследно: разрозненные дотоле по разным местам на службе или доживающие свой век в деревне стали сходиться, явились в провинции центры с некоторой интеллигентной окраской; конечно, всего этого было недостаточно, конечно, дворянство, опирающееся на крепостной труд, не стояло на высоте своей задачи, но все-таки положено начало обществу как обществу. Города тоже получили некоторую долю самоуправления, но, к сожалению, внесенное с Запада и чуждое нам начало сословности много исказило все эти начинания; к сожалению, мысль императрицы, поддержанная кое-кем в обществе и литературе, освободить крестьян разбилась о сопротивление дворянства и апатию общественной мысли, несмотря на то, что пламя, зажженное пугачевщиной, и необходимость, осознанная правительством, наказывать слишком злоупотребляющих своей властью помещиков, казалось, должны были бы указать на необходимость этой меры. Крепостное право еще жило в сознании общества и отделаться от него было нелегко; то, что Екатерина не решилась на эмансипацию, не должно закрывать от нас значение ее царствования: народы исторические умеют постепенно отделяться от язв и зол, оставленных предшествующими эпохами и составляющих необходимую принадлежность всякого развития. Точно также прискорбные случаи в мире литературном последних лет ее жизни не должны заставлять нас забывать того мощного толчка, который она дала русской мысли и собственным участием в литературе, и поддержкой журналов, и открытием типографий, и стараниями о водворении образования.

Образование, данное временем Екатерины, было образование европейское. Петр думал о знаниях практических: ему нужны были техники. Екатерина, дочь «просветительного века», ученица философов-энциклопедистов, думала о просвещении общечеловеческом, что на языке того времени значило просвещение французское; и вот, несмотря на ужас, внушенный французской революцией, частью под влиянием благоговения к золотому веку Франции, а частью и при пособии эмигран-

тов, все русское образованное общество заговорило по-французски. По-французски говорил и отчасти думал любимый внук Екатерины, ее воспитанник Александр I, в начале своего царствования он думал перенести к нам европейские учреждения; в конце, отчаявшись в России, он доверился Аракчееву, а сам отдался заботам о делах европейских: дипломатия была всегда любимым его занятием. Противодействие сначала Наполеону, а потом всеобщей революции, которой пугал Европу Меттерних, чтобы лучше устраивать дела своего не отличающегося устойчивым равновесием отечества, заняло все время императора Александра I, но и его царствование не прошло бесплодным для русского сознания: 12-й год много поднял народные силы, и зарево Москвы, осветив Европе до некоторой степени то, что таится в душе народной, помогло и внутри пробуждению сознания: несколько новых университетов, «История» Карамзина, первые поэмы Пушкина предвещали новую жизнь.

Нам еще трудно теперь судить о времени, наступившем за кончиной императора Александра I, верно только то, что в следующие 30 лет русская земля ни во внешней, ни во внутренней жизни не сделала шаг назад: вовне, благодаря успехам русского оружия и усилиям русской дипломатии, создались Сербия и Греция; много сделано для организации Молдавии и Валахии; самая Венгерская кампания, вызванная желанием помочь европейскому союзнику в его затруднениях, послужила славянскому делу, ибо смирила притязания венгров, познакомила с Россией австрийских славян; внутри, по принятой тогда теории, всюду господствовала бюрократия и регламентация; вторглись они и в область мысли, цензура стеснила ее выражения, вследствие невозможности изучать настоящее мысль обратилась к прошлому: отчасти с помощью правительства, отчасти и частными людьми издавались памятники этого прошлого; внимание обратилось на вопросы, далекие от настоящего и потому, по-видимому, мало интересные; разработка этих вопросов дала возможность полнее и лучше понять свою историю. В числе других предметов, привлекавших к себе внимание горсти ученых, явилось в ту пору изучение славянских языков, установленное частью в интересе археологическом, а частью вызванное указаниями западно-славянских ученых, в которых снова послышалось общеславянское сознание; были и русские, стоявшие на той же почве (в начале века Шишков, с 30-х гг. Погодин); гр. Уваров горячо поддержал мысль о создании кафедры славяноведения. Поехали наши путешественники в славянские земли с целями научными, к ним на помощь шли иногда наши консулы в Турции,

поставленные там с целями политическими для поддержания нашего влияния, для защиты единоверцев, значение которых становилось все яснее и яснее. Таким образом, завязывались сношения. Между тем, в Москве возник тесный кружок уединенных мыслителей, которые искали в славянском мире не только археологические и филологические тонкости, но которые допытывались духа; перед их мысленными взорами встал величавый образ иного грядущего мира, зачатки которого видели они в основных чертах славянской народности; чужды всем были эти мыслители: общество, воспитанное по-европейски, смотрело на них, как на фанатиков-ретроградов; серьезные ученые, по большей части, сторонились их, как мечтателей, начальство смотрело на них с недоумением, думая, не затевают ли они чего-нибудь худого. Так шло дело до Крымской войны, которая встретила русское общество совершенно неприготовленным: не привыкнув принимать участие в делах, не имея никаких сведений ни о внешнем, ни о внутреннем положении страны, оно недоумевало, из-за чего началась война. Война эта, покрывшая вечной славой защитников Севастополя, кончилась, однако, очень грустно для нас и показала необходимость многое пересмотреть. На державные слова сочувственно откликнулась вся Россия, и в великом деле освобождения, ознаменовавшем наступление новой поры для России, горячо приняли участие все мыслящие люди и тут-то впервые заметили с изумлением, что мрачные фанатики славянофильства, в сущности, апостолы разума и народного сознания. Царь-освободитель повел далее свой народ: изменился суд, громче заговорило печатное слово, общество всеобщее призвано к управлению местными делами, польский крестьянин сравнен со своим русским братом и оба получили землю, все безразлично призваны на защиту отечества. Двадцать лет Россия, уйдя в себя, устроявая свои дела, собирала силы, но вот послышался призыв братьев: освобожденный народ откликнулся на этот призыв, люди образованные также стали откликаться, заколыхалась вся русская земля, правительство приняло в свои руки дело, и близок день, когда

Слово Царь-освободитель
За русский выступит предел¹.

¹ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Славянам». — *Прим. ред.*

Русская история

Памяти отца своего и памяти своих учителей:

Павла Ивановича Мельникова;

Тимофея Николаевича Грановского;

Петра Николаевича Кудрявцева;

Сергея Михайловича Соловьева;

Константина Дмитриевича Кавелина

благоговейно посвящает сочинитель

Предисловие

Цель этой книги — представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтора столетия ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности.

Сочинитель книги полагает, что попытка, подобная задуманной им, при всей своей легко понятной неполноте и несовершенстве, не всегда зависящих только от малых знаний и сил трудившегося, будет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории и не желающих *iurare in verba magistri*¹. Держась такой мысли, сочинитель всегда давал в своих университетских чтениях, из которых постепенно сложилась эта книга, много места оценке источников и пособий, а также критическому изложению высказываемых в науке взглядов. Он помнит, какую пользу принесли ему самому несколько лекций, посвященных С.М. Соловьевым развитию исторических знаний в России.

Сочинитель убежден, что профессор должен держаться того или другого мнения, но при настоящем состоянии нашей науки он редко может быть вполне уверенным, что его мнение — самое верное. Лучший выход в этом случае — изложение не догматическое, а критическое. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающихся в литературе.

В самом изложении я старался выдвинуть на первый план государственный и общественный быт, верования и умственное развитие каждой эпохи и сократить изложение событий.

Это объясняется как взглядом на историю, изложенным во Введении, так и объемом книги.

Стараясь дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения и приговора, я сжимал изложение моих взглядов и старался собрать столько фактов, сколько позволял мой план.

Печатание книги шло медленно и потому я не успел занести в обзор источников и пособий всего, что появилось во время печатания. Частью я пользовался в разных местах этими вновь вышедшими книгами, частью буду пользоваться ими в дальнейшем изложении, тем не менее, к последнему тому приложены будут необходимые дополнения...

Что же касается до неверных суждений, то, затвердив еще в детстве известное изречение: *est cujusvis hominis errare, nullius vero nisi insipientis perseverare in errore*², я готов покаяться в тех заблуждениях, которые будут мне показаны и доказаны.

8 ноября 1871 г.

¹ Слепо следовать авторитетам (лат.). — *Прим. ред.*

² Каждому человеку свойственно ошибаться, но только глупцу свойственно упорствовать в ошибке (лат.). Бестужев-Рюмин цитирует не совсем точно. — *Прим. ред.*

Введение

Понятие об истории. — Историческая критика. — Источники: летописи, хронографы. — Отдельные сказания. Жития. — Записки. — Памятники юридические и акты государственные. — Памятники литературные. — Памятники вещественные. — Сказания иностранцев. — Научная обработка истории

Понятие об истории

«История есть повествование о достопамятных событиях» — учили нас в гимназии; «История есть народное самосознание» — учили нас в университете. Между этими двумя определениями истории лежит целая бездна: если справедливо первое определение, то история обращается в собрание редкостей, какие иногда бывают в моде и служат для праздного проведения времени. Достопамятных для кого? Достопамятных почему? С собирания фактов обыкновенно и начинается история и собирает их с какой-либо внешней целью: то затем чтобы развить сознание нравственное, то для простого наслаждения или из любознательности. На этой ступени развития история есть богатый арсенал для игры в умственный кастет: для каждой мысли можно подыскать примеры в истории, стоит только вырвать их из их естественной связи и естественной обстановки, в которых они только и понятны. При таком понятии об истории можно было Францию обращать то в Рим, то в Спарту, то опять в Рим и т. п. Станьте на вторую точку зрения — и вы поймете факты в их законной, не внешней только, но и внутренней связи, вы поймете, что во внешней жизни народа выражается его внутренняя жизнь, конечно, выражается то одной, то другой из своих сторон, и потому на вид как бы неполно, отрывочно; но, сопоставив эти отрывки, вы уясните себе облик народа, конечно приблизительно, ибо никогда не следует упускать из виду того, что частью по внешним обстоятельствам, частью по несовершенству, присущему всему человечеству, — даже и в более совершенных формах его, каковы народности сравнительно отдельными лицами, — выражение полноты всего содержания невозможно, а возможно оно только в целой жизни человечества, ибо то, что могло не вы-

разиться в жизни известного народа или известной эпохи, выразится в другом народе, в другой эпохе; то, что неполно выразилось в одном, уяснится, проявившись шире, в другом. Мир нравственный сходен в этом отношении с миром внешним: его красота и единство выражаются в разнообразии частных явлений; только вся совокупность этих явлений может открыть таящуюся в них мысль. Всеобщая история только тогда станет в полном смысле всеобщей, когда она будет обнимать все народы, не пренебрегая и теми, которые почему-либо не успели развиться; не пренебрегает же естествоиспытатель аномальными явлениями, которые нередко объясняют ему нормальные и выясняют скороспелость выводов, основанных на неточном и неполном наблюдении. К сожалению, история не вполне следует этому благому примеру: частью по недостаточности наших знаний и затрате самих фактов, но частью по особой гордости так называемых культурных исторических народов. Конечно, первая причина тоже существенна и, если подобное же положение дел не остановило создание палеонтологии, то не надо забывать, что историку мало одних вещественных остатков быта, ему нужны следы нравственной духовной жизни давно угасших народов, хотя бы несколько слов, по которым можно было бы до некоторой степени восстановить строй мысли этих народов; но даже и слов иногда не осталось. Недостаток этот стараются заменить аналогией с бытом существующих ныне дикарей; но как ни сходны нравы всех первобытных народов, эти аналогии никогда не приобретут полной достоверности, ибо кто же подметил ту минуту, когда зарождается племенная особенность, зерно народности? Кто может поручиться, что это, еще неясно пробудившееся сознание, не кладет печати на то племя, в котором началось, не заключает в себе зародыша его будущего полного развития, которое может быть изменено теми или другими внешними условиями, но возможность которого в нем заключается. Так, растение может замерзнуть, может пойти ту же от недостатка света или влаги, может пустить лист более бледный от недостатка света, может не цвести или не принести плода, но все-таки зародыш его заключает в себе возможность полного, доступного ему роста, совершающегося в нормальные сроки, цвета, плода и т. д. Само собой разумеется, что рассуждение это применяется только к народам, угасшим на первой степени развития, часто даже не оставив по себе ничего, кроме имени; но можно ли исключать из истории народы, проявившие свою деятельность, оставившие по себе памятники, а частью даже живущие доселе и не вполне еще выразившиеся? Учителя наши немцы пусти-

ли в ход разделение народов на исторические и не исторические, из которых последние осуждаются на роль служебную: подыскиали этому даже и естественно-историческое объяснение: народы исторические длинно-головые, народы не исторические — короткоголовые; мы — конечно — оказались короткоголовыми. Хотя это деление вполне противоречило всем другим нашим сведениям о происхождении народов, например языкознанию, немцы все-таки возрадовались, как вдруг открывается, что есть и немцы короткоголовые. Что тут делать? Кажется, лучше всего не составлять скороспелых теорий. Недавно в блистательных статьях Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» («Заря», 1869), высказана теория, гораздо более походящая на правду, — теория сменяющихся культурных типов, причем самое понятие о прогрессе изменяется; по мнению г. Данилевского, каждый тип выражает человечество с одной стороны, и прогресс, или, если так можно выразиться, раскрытие совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внесении новых сторон; таким образом, прогресс следует представлять не громадной прямой линией, а множеством мелких, расходящихся в разные стороны линий, чем усваивается постепенно человеческому сознанию все богатство содержания, заключающегося в человечестве как совокупности всех племен и всех веков. Из многого основательного и умного, что высказано в этих статьях, эта мысль самая основная, едва ли не более всего плодотворна. Признав ее, мы только признаем превосходство естественно выросшего леса над подстриженными садами на манер версальских. Страсть все однообразить, подводить под одну мерку как-то трудно укрощается в человеке: она слишком потворствует его лени, слишком сближает все степени ума и развития, ибо создает готовые формулы, в которые можно вставлять все явления; какая нужда до того, что явлению тесно в этой формуле, как в колодке: его можно обрезать; слишком просторно — можно вытянуть. Миф о кровати древнего разбойника Прокруста, положив на которую рослого человека, он обрубал ему ноги и вытягивал малорослого, как будто создан для ученых систематиков. Принять мысль г. Данилевского — значит отказаться от великой неправды, совершаемой так давно уже просвещенными народами: ведь еще греки делили мир на эллинов и варваров — деление, восходящее к первоначальной эпохе, когда каждый чужой был враг, что и запечатлено в латинском слове *hostis* (и гость и враг). Деления этого держатся и до сих пор, и с особенным упорством относительно славянских народов. В наивной форме высказал эту мысль известный германский поэт конца прошлого и начала ны-

нешнего столетия Клингер, который делил людей на два разряда: *die Menschen*¹ und *die Russen*². Не будем повторять этого смешного заблуждения, будем помнить, что в частном не может вполне выразиться общее, что оно выражается только в совокупности явлений, что, стоя перед рядом одиночных фактов, мы, конечно, можем связывать их нашей мыслью, но только для удобства временного, а впоследствии может оказаться, что наша связь непрочна, хорошо еще, если только односторонняя и может быть пополнена, а если и совсем неверна и должна быть откинута? Что же? Следует отказаться от обобщения? Совсем не следует, да и невозможно уму человеческому отказаться от этой столь присущей ему формы мышления; но не следует запираться в свои обобщения, не следует считать их навек нерушимыми, а надо помнить, что они более или менее — удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов. Конечно, чем большее число фактов разнородных принято во внимание при обобщении, чем строже обобщающая мысль держалась выводов, прямо из них истекающих, на которые наводит самое их сопоставление, тем пригоднее это обобщение, тем более способствует оно дальнейшему движению науки, ибо возможность и необходимость этого движения не должна ни на минуту быть упускаема из виду под страхом счесть неполную и относительную истину за полную и абсолютную, немцев — за все человечество, цивилизацию XIX в. — за нормальную цивилизацию.

Как в человечестве движение совершается через посредство народов — его органических членов, — так в каждом народе чрез посредство отдельных лиц; таким образом, в последнем результате историк имеет по-видимому дело только с лицами. Эта личная деятельность прежде всего останавливает на себе пытливый взгляд. В личной мысли, в личных страстях, в случайностях жизни видят все содержание истории, и история обращается в ряд биографий. Еще недавно один из замечательнейших историков Франции (Мишле) думал объяснить придворными интригами и бюллетенями о здоровье Людовиков XIV и XV события XVIII в. Отсюда — чрезмерное возвышение и чрезмерное унижение отдельных деятелей. В этом случае наука, сама того не замечая, возвращается к эпохе создания мифов, когда целые периоды сознания воплощаются в одном божественном или героическом лице, совершающем ряд подвигов, символически знаменующих длинный ряд событий, напол-

¹ Люди (нем.). — *Прим. ред.*

² Русские (нем.). — *Прим. ред.*

нивших собой жизнь нескольких веков. Всех яснее и нагляднее выразил это воззрение Томас Карлейль в сочинении «О поклонении героям». Наивно-нечестивое сравнение Петра В. с Иисусом Христом и Коломенского села с Вифлеемом, выражавшееся в литературе XVIII в., идет из того же источника (Сумароков). Крайность чрезмерного возвышения личностей исторических ведет к другой — их унижению: в большей части случаев и то и другое выходит из одного и того же источника — из излишней веры в значение лица. Стоит только вспомнить, как много было деятелей, которых мы и имен не знаем, как много событий совершилось помимо воли исторических деятелей и даже помимо их сознания, чтобы излечиться от такого неограниченного поклонения человеческой личности, наследия чисто аристократических цивилизаций классической и западноевропейской. Присматриваясь внимательнее к каждой личности, нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, посреди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели. Кто же ставит эту цель? Сама ли действующая личность? С первого взгляда, конечно, нельзя не признать этих целей произведениями единичного ума, единичной воли, но, вглядываясь пристальнее, мы увидим, что сами цели коренятся в общественном сознании более или менее глубоко, что лицу принадлежит более или менее удачная формулировка их и — только. Словом, лицо может понять, угадать, но ничего не может создать. Вполне ясное сознание этой мысли совершенно изменяет воззрение на историю: на первый план выступает сложное явление, называемое обществом. Его-то изучение и должно составлять серьезный предмет науки, называемой историей, причем деятельность лиц не может тоже быть опущена из виду, ибо преимущественно в этой деятельности мы видим проявление общественной жизни, говорим преимущественно потому, что рядом с фактом, отмеченным личным именем, стоит факт безымянный, выражающий собой деятельность целого ряда людей. Таков, напр., факт колонизации не только доисторической, но и совершающейся на глазах истории: толпы американских скаутеров и наших казаков, искателей «новых земель», представляются не отдельными личностями, а целыми массами, действующими совершенно сходно, и если выдаются между ними лица, положим Ермак, Хабаров и т. п., то

они скорее являются типами известного рода деятельности, чем отдельными личностями, и история заносит их на свои страницы как типы, представители множества и множества безыменных деятелей. Еще с большим правом к явлениям безыменным в истории относятся первоначальные периоды жизни народов, периоды их выделения: теэи, ромулы, ираклы, семирамыды и озирысы суть типы, а не отдельные личности. Народ это инстинктивно чувствует и в своей поэтической истории, в своих былинах и героических сказаниях, представляя лица, воплощает в них отдельные моменты своей деятельности. Наука не может оставить без внимания этого особого взгляда на историю, выразившегося в былинах: под именами героев она легко усмотрит те или другие черты народной жизни, те или другие ее явления, и в целом она увидит полный образ народа в ту эпоху, когда жизнь его, не разбиваясь на разные потоки, текла одним руслом. Когда же жизнь разнообразится, такое цельное представление становится менее возможным: вносятся начала чужие, спешат выразиться иные стороны, которые еще недостаточно выяснились для полного выражения, не нашли себе соответствующей формы. Есть и еще опасность, как приурочить то или другое явление народной жизни к одной эпохе: у каждой стороны жизни есть своя генеалогия и своя хронология. Иное внесено в народную жизнь уже готовым, так, напр., христианское учение, и отразилось на народе с известным развитием так, а на народе с иным развитием иначе, и, вследствие различных влияний на его проявление, сохранилось более или менее чисто; ясно, что укрепление христианства в народе имеет свою историю, связанную с общим ходом народного развития, но тем не менее представляющую свои периоды; то же можно сказать и о заимствованиях в области права, домашнего быта и т. д. и т. д. Казалось бы, целостный образ народной жизни невозможен, ибо то одно явление забежит вперед, то другое останется назади; то вдруг что-нибудь свяжется с другими давно уже загложшими началами, которые казались побежденными движением истории. Но этот видимый беспорядок есть необходимое последствие органического развития жизни, которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической схеме, требующей непременно наполнения рубрик в составленных ученых таблицах. Развитие жизни состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину. Сравнение это может быть неточно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь,

то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания: народ набирает в себя новые соки частью принятием в себя других народов, частью принятием других иноземных начал, или скорее иноземное не принимается чисто внешним образом, а будит в народе ту или другую сторону, находит себе созвучную струну. Вследствие всего этого сравнение с машиной не совсем точно, но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собой машину. Итак, жизнь есть разнообразие, развитие есть разнообразие, но в этом разнообразии есть свое единство; единство это может быть не вполне сознаваемым наукой, не вполне сформулированным, пока еще живет и развивается народ, ибо его развитие и есть раскрытие этого единства при всем разнообразии; но тем не менее народ чувствует и сознает, хотя и не отчетливо, свою целостность, гадательно чувствует это и наука, но не с этого должна она начинать, она должна начинать со строгого, беспристрастного изучения фактов, и притом фактов, относящихся к разным сторонам жизни. Только от изучения этих сторон в их взаимодействии может наука возвыситься к представлению целостности и единства народной жизни; изучая взаимодействие разных сторон этой жизни, наука отметит черты, отличающие народы от других народов, составляющие его физиономию. Само собой разумеется, что это изучение должно держаться исторической последовательности развития народной жизни: иначе вместо истории мы получим философскую диссертацию о том или другом вопросе с примерами из истории — род сочинений, наиболее вредный для самостоятельного развития науки и общества.

Вот идеал, к которому должна стремиться историческая наука. Вообще этот идеал еще далек от осуществления: даже в наиболее богатых литературах попытки приближения к нему далеко не совершенны; если история перестала быть повествованием о достопамятных событиях, то еще далеко не стала народным самосознанием; в изложении то преобладает элемент юридический, то изображение природных условий, при которых живет народ и которые имели несомненное влияние на его жизнь и развитие, тем не менее не составляют единственного и исключительного источника этого развития; то дается незаконный перевес умственному развитию; если же нет ни того, ни другого, ни третьего, то история обращается в выставку, где предметы разнообразные разложены по разным ящикам с привешенными к ним ярлыками.

Историческая критика

Историк, изучая события прошлого, должен заимствовать свои сведения из рассказов очевидцев, из сохранившихся памятников прежней жизни как письменных, так и вещественных, наконец — из дошедших до нас преданий. Все эти средства — узнать жизнь прошедших веков — называются источниками. В обыкновенной жизни слово «источник» употребляется не всегда правильно, т. к. неправильное употребление этого слова остается не без влияния и на некоторые ученые сочинения, то мы обязаны остановиться над разъяснением понятия об источниках и о способах пользования ими. В обыкновенном быту источником называется все то, откуда черпается сообщаемое сведение, следственно, если мы нашли сведение, напр., в истории Карамзина, то Карамзин источник, но, строго говоря, мы не можем успокоиться, пока не отыщем, откуда свое сведение добыл Карамзин, и пока не доберемся, кто первый записал данное сведение, и тогда уже будем судить о том, насколько можно верить этому первому записавшему лицу. Таким образом, сочинение Карамзина не может служить источником, а будет только литературным пособием. Путь, которым определяется достоверность источника, называется исторической критикой. Способы, которыми историческая критика достигает своей цели, бывают различны: они зависят от рода источника, который изучается (одни приемы употребляются при изучении памятников вещественных, другие при изучении памятников письменных, иные — при изучении памятников устных и т. д.); от того, занимает ли нас вопрос о внешней или внутренней достоверности источника: под внешней достоверностью я разумею вопрос о том, точно ли данный источник именно то, за что его считают, — действительно ли перед нами оригинал или копия, действительно ли копия принадлежит такому или другому веку, подлинник ли мы имеем в руках или перевод, действительно ли такое-то здание построено в таком-то веке или было перестроено, а если было перестроено, то когда именно и в каких частях, — действительно ли такое или другое предание, поверье или песня может восходить к такой или другой эпохе народной жизни и т. д. Исследование над внутренней достоверностью, в большей части случаев, следует за исследованием над достоверностью внешней: когда мы знаем, что такой-то памятник литературный, такой-то акт и т. п. принадлежит именно такому-то веку, нам предстоит решить вопрос, кто написал памятник, кто издал акт, какой личный характер издавшего, какое его по-

ложение общественное, в каких обстоятельствах он находился; напр., бюллетени Наполеона I из похода в Россию — акт официальный, а они недостоверны потому, что по обстоятельствам он был должен, а по личному характеру способен скрывать истину; то же должно заметить и о наших грамотах из периода Смутного, когда часто правителям приходилось выставлять дело не в настоящем свете, а многим лицам — делать заявления, несогласные с их совестью (напр., хоть бы Шуйскому, столько раз переменившему свое мнение о Самозванце). То же приходится сказать и о многих составителях записок, ибо случается, что, частью по принадлежности к той или другой партии, а частью из хвастовства и подобных побуждений авторы записок выдумывают небывалые события, в которых являются иногда свидетелями, а иногда и действующими лицами (так, француз Вилбоа, живший в России при Петре I, рассказывает про приключения, в которых будто сам был действующим лицом и где действует также императрица Екатерина I). Явную ложь при существовании других материалов отличить довольно легко; гораздо труднее отделить пристрастие к тем или другим лицам, принадлежащим к одной партии с автором. Критика содержания, являясь в большей части случаев увенчанием критики внешней, иногда может быть единственным средством определить истину свидетельства: иногда первоначальный источник потерян, сведение мы получаем из вторых, если еще не из третьих рук, — тогда мы должны прибегнуть к средствам внутренней критики. Узнав, насколько возможно, свойства того, кто передает нам известия, определив возможность иметь ему сведения, восходящие ко времени совершения события, мы должны изучить самый факт в связи с другими фактами, ему современными, и определить степень его достоверности; иногда мы можем добиться того результата, что приблизительно определим, откуда идет известие о факте. Так, при изучении наших летописных сборников оказывается возможным, по признакам внутренним, отделять их составные части: по сочувствию к тому или другому лицу или событию определять, кто был первый записавший (т. е. не имя его, а его положение и отношение).

Критическое изучение источников (Quellenkunde) требует многих и разнообразных сведений; чем обширнее круг сведений критика, чем менее он дает места личной фантазии, тем ценнее, тем прочнее его выводы. Подробных правил, так сказать, свода законов не существует для критика исторического, ибо с расширением поля, открытого для его соображений, требуются новые усилия, новые способы. А поле это расширяется постоянно внесением нового материала, новых находок и открытий (находка —

дело случая, открытие — следствие соображений, подтверждение практикой теории: Ганка нашел «Краледворскую рукопись», Лаврентьев открыл Нептуна). Обширные области наук филологических, юридических и даже, до известной степени, естественных должны быть доступны историку, а в особенности историческому критику; их результаты, их приемы нередко приходится ему прилагать к своему материалу и часто у них брать свой материал, ибо трудно положить границы между этими науками и такой наукой, как история, задача которой — всестороннее изучение прошлой жизни человечества, задача, затрудняющаяся еще тем, что теперь открываются для историка такие периоды исторические, которые прежде считались лежащими за пределами истории¹ и изучение которых становится тем необходимее, что на глазах истории представители их сталкиваются с народами уже развитыми и действующими в истории (таковы даже в наше время народы Океании). В изучении этих периодов должно нередко прибегать к наукам естественным (напр., геологии, определяющей пласты, где находятся остатки человека; минералогии, определяющей породы камней, употреблявшихся для выделки орудий, и их место рождения, важного для узнания, как далеко простирались сношения между людьми первоначальными; химии, показывающей состав древней бронзы, и т. д. и т. д.). Но и сверх того пособие наук естественных необходимо во многих случаях: с их помощью определяется характер страны, занимаемой народом; влияние внешних условий на развитие народной жизни; без них нельзя обойтись при изучении экономического быта (одной из важнейших сторон жизни). Пособие филологии особенно необходимо при изучении того или другого происхождения народов, при изучении влияния тех или других народов на народную жизнь; слово, взятое из какого-нибудь языка для обозначения какого-нибудь предмета, почти всегда свидетельствует, что самый предмет заимствован от этого народа. Вся частная жизнь народа выражается в его праве, потому без знания права невозможно знание истории; каждая эпоха народного развития знаменуется изменением в области права; так напр., в народной жизни важно отделение уголовного права от гражданского, создание начала инстанций, знаменующих собой возвышение государственной власти. Различие

¹ Эти периоды до сих пор называются доисторическими, но такое название идет от того времени, когда историю считали наукой преимущественно политической и начинали ее со времени образования государств; теперь же мы убеждены в том, что где жизнь, там и история, следовательно, если у нас есть какие-нибудь материалы для изучения быта в известный период, то период этот — уже принадлежность истории.

в способе наследования (майорат или равный раздел) указывает на аристократический или демократический характер общества. Я не говорю уже здесь об общем образовании, предполагающем известную долю знакомства с системами философии. Это предмет слишком общеизвестный, тем более что, с другой стороны, развитие философского мышления само входит в историю. Сверх этих знаний, соединенных в разные науки, историку необходимы еще разного рода знания, приобретаемые большей частью путем практическим и совокупность которых может быть названа археологией.

Археология, как учение о древностях, должна обнимать весь круг памятников, оставшихся от древней жизни, и потому весьма несправедливо ограничивать ее только памятниками искусства, как делают некоторые¹; гораздо справедливее поступают наши археологические общества, принимающие в свои издания исследования о памятниках письменности и о разных сторонах быта. Таким образом, все остальные знания — так называемые вспомогательные науки истории суть части археологии². К таким знаниям принадлежат: палеография, дипломатика (часть ее сфрагистика), нумизматика, геральдика, хронология, древности искусств, древности быта (куда можно отнести техническую сторону древнего быта: познание ремесел, обстановки внешней и т. д.); может быть, сюда же следует отнести и библиографию и, пожалуй, даже древнюю географию. Палеография имеет целью ознакомить с внешним видом древних рукописей: с материалом, на чем они писались, чем они писались (какие чернила, какое перо), если переплетались, как переплетались — с характером букв, употреблявшихся в ту или другую эпоху, и т. п. Палеографические изыскания могут вести к важным результатам: по начертанию букв на тмутараканском камне определена его достоверность, и вследствие того отстранено сомнение о самой местности Тмутаракани, служившей предметом споров; И. И. Срезневский на основании начертания букв кириллицы, сходных с греческими буквами в IX и VII вв., приходит к тому убеждению, что св. Кирилл сохранил те буквы, которые были до него в употреблении³. Этот вывод чрезвычайно важен;

¹ См. статью В. С. Печерина в «Энцикл. Лекс». Т. III. 1835. С. 251—255.

² Думаю, что по образцу немцев, часто называющих эти знания, большей частью приобретаемые практическим путем и употребляемые для практических целей, не *Wissenschaften*, следует называть их не науками, а знаниями.

³ Сл. Храбра: «Крестившижеся, римским и греческими письмены нуждаахуся» (у Калайдовича в «Иоан. Экз. Болг.», 189), а после Кирилл дополнил. Заявлено И. И. Срезневским на первом съезде археологов в Москве в 1868 г.

тот же И.И. Срезневский посредством остроумной догадки, что договор Святославов мог быть писан глаголицей, объяснил грубую ошибку переписчика, вошедшую в списки летописи: «всяким царем» вместо «Иваном царем»¹. Палеография стала у нас в настоящее время на верную точку: она начинается с рукописей, обозначенных годами, и, следовательно, идет от известного к неизвестному. Дипломатика заключает в себе учение о древних грамотах, актах и т. п. Ее обязанность определить, какие грамоты писались и в каких формах, как внешних: когда писали на столбах, когда на листах, где прикладывали печать, где была скрепа, кто скреплял; так и внутренних: с какими формами писали от одного лица к другому, как излагалось самое дело и т. п. Во Франции есть школа *Ecole des Chartes*, в которой молодые люди приучаются отличать истинные грамоты от подложных; задачи в этой школе состоят в том, чтобы в грамоте, от которой оторвана дата, определить безошибочно время написания. Конечно, знание одних форм еще не помогает тут: необходимо и знание исторических фактов. Люди, знакомые с дипломатикой, не могут поверить грамоте Ивана Берладника, «удельного князя Галицкого стола в Берладе», которая даже датирована неверно: подписан год от Р.Х., а не от С.М.² Сфрагистика, учение о печатях, должна составлять часть дипломатики, т. к. печати преимущественно прикладывались к актам. Геральдика, учение о гербах, у нас имеет значительно меньше применения, чем в истории Западной Европы, где существовало рыцарство; у нас большая часть гербов позднейшего происхождения и до принятия Иваном Васильевичем Византийского герба едва ли можно вообще говорить о гербах в России. Нумизматика, учение о монетах, имеет весьма важное значение: с помощью чеканок на монетах дополняются недостающие имена в списках царей (что сделано для Кипчака Френом и Савельевым, то же сделано для царей Боспорских и Греко-Бактрийских); медали — нередко лучший свидетель о событии, впрочем, здесь есть и опасность: существует, напр., медаль Наполеона, *frappé à Londres*, выбитая заранее в ожидании успеха его несостоявшейся Булонской экспедиции. Что было бы, если бы мы не имели никаких других сведений о той эпохе? Пришлось бы верить небывалой экспедиции. Находка монет объяснила для нас торговые пути Древней Руси. Определение сравнительного веса монет ведет и к важным соображениям относительно ценностей вооб-

¹ Изв. II отд. Ак. Наук. Т. VII. С. 346.

² Галицкий «Научный сборник».

ще¹. Хронология включает в себе учение о счете времени у каждого народа: когда считали года от С.М., когда начали считать от Р.Х., когда начинали новый год с 1 сентября, когда — с 1 марта. У нас до XV в. рядом с счислением, введенным из Греции, с 1 сентября, существовало счисление с 1 марта. Известно, что в сентябрьском году последние месяцы январского относятся к следующему году, а при мартовском счислении первые месяцы январского года относятся к прошлому году: так, 5 сентября 1870 г. по сентябрьскому (перелагая на год от сотворения мира) будет 5 сентября 7379 г., а по мартовскому 5 сентября 7378 г., а 5 марта 1871 г. и по сентябрьскому и по мартовскому счету — 5 марта 7379 г². Вот одна из причин, почему нередко летописцы разнятся одним годом между собой: у одного год сентябрьский, а у другого мартовский; иногда же ошибка происходит при переложении года мартовского на сентябрьский. Помогая, таким образом, приурочивать событие, хронология, с другой стороны, показывает и степень развития народного: где год солнечный, где лунный и т. д. Конечно, это справедливо только относительно самостоятельных цивилизаций, ибо календарь у большей части народов заимствован. Сюда же должно относиться и учение о праздниках, как подвижных (пасхалия, средство определить Пасху — весьма важно), так и неподвижных: когда и по какому случаю они установлены, переносились или не переносились с одного дня на другой.

Все эти знания необходимы для проверки летописи и грамот, в которых нередко вместо числа указывается праздник. О значении других отраслей хронологии пока незачем распространяться: мы еще будем иметь случай говорить о значении того или другого вспомогательного знания при обозрении источников. Все они в большей или меньшей степени необходимы для успехов истории, и мы должны заметить, к сожалению, что, несмотря на довольно большое количество хороших монографий, относящихся ко всем этим областям знания, русская историческая наука до сих пор еще не представляет ни одного полного руководства ни по одной из них, что имеет важное влияние вообще на ее успехи. Исключить надо нумизматику, по которой есть полные сочинения барона Шодуара, А.Д. Черткова, Д.П. Солнцева, Д.И. Прозоровского, палеографию ждем от И.И. Срезневского, от А.А. Куника — хронологию³.

¹ Прозоровский Д.И. Монета и вес в древней России (Зап. Арх. Общ. XIV).

² По принятому в Древней Руси счету от Сотворения Мира до Рождества Христова прошло 5508 лет. Поэтому, перелагая годы летописи на наши, следует вычесть 5508.

³ О замечательных трудах по всем этим отраслям см. ниже.

Источники: летописи, хронографы

Переходя к обозрению главных источников для изучения Русской истории, мы начнем с летописей, т. к. они, представляя непрерывную хронологическую нить событий, если не до времен Петра Великого, то по крайней мере до конца Смутного времени, составляют основу для занимающихся Русской историей¹.

Под именем летописи разумеется погодное описание событий, то более подробное, то ограничивающееся одним кратким обозначением того, что случилось, с точным в большей части случаев указанием времени (т. е. месяца и числа). Летописи наши сохранились в огромном количестве списков XIV–XVIII вв.² Эти списки и по разным признакам: по времени, в них изображаемом, а иногда и по времени составления, по местности, если в них изображаются события известной местности исключительно или по крайней мере преимущественно, — делятся на разряды (летопись Киевская первоначальная, Киевская, Новгородские, Псковские и т. д.); списки летописи одного разряда разнятся между собой не только в словах и выражениях, но даже и в самом выборе известий: тот случай, что в одном из списков известного разряда встречаются события, которых нет в другом, весьма част; вследствие того списки делятся на редакции (извода), так можно сказать: летопись первоначальная южного извода, т. е. список Ипатьевский и с ним сходные, — летопись первоначальная Суздальского извода, т. е. список Лаврентьевский и с ним сходные. Такие различия в списках невольно наводят на мысль,

¹ Важнейшие сочинения о летописях суть: В.Н. Татищев «История России». СПб., 1768. Г.Ф. Миллер «О первом летописце российском» (1755), А.Л. Шлецер «Nestor» (5 т. 1802–1809 гг.), Н.М. Карамзин «История государства российского», П.М. Строев «О Виз. Ист. Нестора», А.Н. Оленин «Краткие рассуждения об издании полного собрания русских летописателей» (ЖМНП, ч. 14), М.Т. Каченовский «О басн. Врем. Русской истории» (Уч. Зап. Моск. Универ. Год 3. № 2–3), Н.А. Полевой «История русского народа». Т. 2. М.А. Оболенский «Супр. Лет.». М., 1836 (Предисловие), Его же «Сборник» № 9. П.Г. Бутков «Оборона Нест. лет.» СПб., 1840. А.М. Кубарев «Нестор» (Русск. ист. сбор. № 4). Его же «О Патерике» (Чт. в общ. ист. год 2. № 9). В.М. Перовошиков «О русск. лет. и летописях» (Труды Росс. Ак. № 4, 1841 г., первое изд. отдельно в 1836 г.). И.Д. Беляев «О нест. Лет.» (Чт. в общ. ист. год 2, № 9). Его же «Рус. лет. по Лаврентьевскому списку» (Врем. 2). С.П. Шевырев «История русской словесности». Т. 1. Лекция 7 и в др. местах. М.И. Сухомлинов «О др. рус. литературе» (Зап. 2 Отд. Ак. Наук № 3). Его же «О перед. в древ. Рус. Лет.» (Основа, 1861, № 4). И.И. Срезневский «Чт. о др. рус. Лет.» (Зап. Ак. Наук. Т. 2). Его же. «Иссл. о нов. лет.» (Изв. Ак. Наук, № 2).

² В 1846 г. Археографическая комиссия насчитала до 168 списков летописи, признанных ей годными к употреблению.

что летописи наши суть сборники и что их первоначальные источники не дошли до нас в полном виде¹.

Первым по времени сводом считается свод, дошедший до нас в многочисленных списках, из которых самые древние относятся к XIV в.: Лаврентьевский, названный так по монаху Лаврентию, списавшему его в 1377 г., что видно из его приписки, и Ипатьевский, названный так по Костромскому Ипатьевскому монастырю, в котором он хранился. Этот последний ученые относят к концу XIV и началу XV в.² Свод этот относят к началу XII в. на основании приписки, находящейся в Лаврентьевом списке после 1110 г., в которой читаем: «Игумен Селивестр святого Михаила написах книги си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князе Володимире, княжашю ему Кыеве, а мне в то время игумянящю у святого Михаила, в 6624, индикта 9 лета (1116)»³. Таким образом, ясно, что в начале XII в. Сильвестр, игумен Михайловского Выдубецкого монастыря в Киеве, был составителем первого летописного свода, который отличается особым заглавием: «се повести временных лет (в иных списках прибавлено: черноризца Федосьева монастыря Печерского), откуда есть пошла Русская земля, кто в Кыеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть». Слова: «черноризца Федосьева монастыря» заставили многих считать первым летописцем Нестора, которого имя, по уверению Татищева, стояло в заголовках нескольких известных ему, но теперь потерянных списков; в настоящее же время мы находим его в заголовке одного, и то очень позднего списка (Хлебниковского). Нестор известен по другим своим сочинениям: «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия». Между этими сочинениями и летописью существуют противоречия, указанные П. С. Казанским, между прочим, тот, чье сочинение вошло в летопись, говорит, что он пришел к Феодосию, Нестор в «Житии Феодосия» говорит, что он постригся при преемнике Феодосия, Стефане, и о Феодосии говорит по преданию. Замечательно, что рассказ о Борисе и Глебе в летописи принадлежит не Нестору, а Иакову Черноризцу⁴. Вследствие

¹ В первый раз эта мысль высказана в замечательном предисловии П. М. Строева к «Софийскому временнику».

² Лаврентьевский список (Карамзин его называет Пушкинским, по владельцу его А. И. Мусину-Пушкину).

³ Индикт — каждый год пятнадцатилетнего периода. Это счисление введено Константином Великим для сбора одной подати и осталось в употреблении в Византийской империи и отчасти на западе.

⁴ Оба сказания изданы И. И. Срезневским по списку XIV в. так называемого Селиверстовского сборника под заглавием «Сказание о св. Борисе и Глебе». СПб., 1860.

всего этого приходится отказаться от мнения, что первый свод сделан Нестором; положительно считать составителем его Селивестра тоже нельзя. Впрочем, имя составителя неважно, гораздо важнее то обстоятельство, что свод этот есть памятник XII в. и что разбирая его, мы встречаем материалы еще более древние. Некоторые из его источников дошли до нас в отдельном виде: так, мы знаем: «Чтение о Житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» Иакова Черноризца; «Житие Владимира», приписываемое тому же Иакову¹; греческую хронику Георгия Амартола (Грешника)², известную в старинных славянских переводах³ жития св. первоучителей славянских, известные под именем паннонских⁴. Сверх того сохранились ясные следы того, что составитель свода пользовался чужими трудами: так, в рассказе об ослеплении Василька Ростиславича какой-то Василий⁵ рассказывает, как князь Давид Игоревич, державший у себя в плену Василька, посылал его с поручением к этому князю. Следовательно, этот рассказ составлял отдельное сказание, подобное сказаниям о Борисе и Глебе, сохранившимся, к счастью, в отдельности. Из этих сохранившихся произведений ясно, что у нас рано начали записывать подробности событий, поразивших современников, и черты жизни лиц, особенно таких, которые прославились своей святостью. Такому отдельному сказанию мог принадлежать заголовок, ныне приписываемый всей летописи: се повести и т. д.⁶ Эта первоначальная повесть, составленная частью из греческой хроники Амартола, частью из источников, может быть, паннонских (напр., предание о первоначальной жизни славян на Дунае и нашествии волохов), частью местных известий и преданий, могла доходить до начала княжения Олега в Киеве. Эта повесть имеет очевидной целью связать север с югом: отчего, может быть, и самое имя Руси перенесено на север, а известно, что это название было всегда принадлежностью Киева, и северные русы известны нам исключительно только по этому источнику. Повесть эта писана без годов, что тоже может служить признаком ее первоначальной

¹ Житие это вместе с похвалой Владимиру того же Иакова и его же сказанием о Борисе и Глебе напечатано в «Христианских чтениях», 1849, том II.

² Издана в «Записях II отд. Академии Наук», VI.

³ На Амартола, как источник Нестора, указал П. М. Строев («О Виз. Истории Нестора»).

⁴ Жития эти по огромному количеству списков, хотя и в нежелательном порядке, изданы О. М. Бодянским в «Чт. Общ. Ист.», 1863—1866.

⁵ К счастью, составитель свода забыл выкинуть имя первого рассказчика, а то весь рассказ был бы приписан ему.

⁶ Соловьев С. М. История России. VIII, 482 (Дополнение к тому 3).

отдельности. Подобные сказания послужили одним из источников свода. Другим источником послужили для него краткие, погодные записки происшествий, которые непременно должны были существовать, ибо иначе откуда бы знал летописец годы смерти князей, походов, небесных явлений и т. п. Между этими датами есть такие, достоверность которых может быть проверена (напр., комета 911). Такие записки велись, по крайней мере, с того времени, как Олег сел в Киеве: в краткой хронологической табличке, включенной в летопись, счет начинается прямо с «первого лета Ольгова, понеже седе в Киеве»¹. Счет велся, как можно заключить из этой таблички и отчасти из других памятников («Похвала Володимиру» Иакова), по годам княжений. Этот счет переложен был на счет от С.М. составителем свода, а может быть, до него другим сводником; исходной точкой переложению служило греческое известие о нашествии и русов: «Наченшю Михаилу царствовати, нача ее прозывати Руска земля. О сем боуведомом, яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в летописаньи Гречьстем: тем же отселе почнем и числа положим»². Был и еще источник — народные предания: иные могли быть записаны, другие, может быть, сохранялись в песнях. Из всего этого материала составилось целое; теперь мудрено сказать, насколько в этом целом участвовал труд одного лица.³

Свод XII в. составлен из источников преимущественно киевских, но и в нем уже можно заметить следы летописей, веденных в других местах России, особенно новгородских. Новгородские своды дошли до нас в списках не ранее XIV в., к которому принадлежит так называемый Синодальный список⁴; но есть следы свода XIII в.: в так называемом Софийском Временнике и некоторых других сборниках летописных встречается общее заглавие. «Софийский Временник» и предисловие, заключающееся обещанием рассказать «все по ряду от Михаила царя до Александра (т. е. Алексея) и Исакия». Алексей и Исаак ангелы, царствовали в 1204 г., когда Константинополь взяли латины, а особое сказание о взятии Царьграда латинами вошло во многие летописные сборники и, очевидно, составляло часть этого свода XIII в.⁵ Летописи в Новгороде начались весьма рано: в рассказе о крещении Новгорода видны следы

¹ П.С.РЛ. I, 8.

² Там же, 7.

³ Кроме исторического материала, составитель заимствовал у разных писателей поучительных, но об этом здесь не место говорить.

⁴ П.С.РЛ. III.

⁵ Предисловие есть во всех списках.

записывания современником; еще важнее известие: «Преставися архиепископ Аким Новгородский, и бяше ученик его Ефрем, иже ны учаше».¹ Это мог сказать только современник. До нас дошло несколько Новгородских летописных сборников, из которых иные идут далее падения Новгорода: один доходит до 1716 г.² Большая часть новгородских известий записаны при церквях или монастырях³, но есть несколько известий, очевидно, принадлежащих совершенно частным лицам, которые могли быть занесены или в списки уже готовых летописей с полей рукописи, куда вносились в виде календарных заметок, или быть перенесенными из каких-нибудь частных записок. Новгородские летописи отличаются особой сжатостью, слогом как бы деловым: составители так дорожат временем (а может быть, и пергаменом), что даже пропускают слова: «А вы братья,— говорит посадник Твердислав, — в посадничестве и в князех», он даже не добавляет «вольны», и так поймут⁴. Ни поэтических красок, ни драматизма разговоров, ни обильных благочестивых размышлений — отличительных черт первоначальной Киевской летописи — нет в летописях Новгородских; событий не новгородских в них мало и те попали случайно.

Псковские летописи⁵ начались позднее Новгородских: их начало можно относить к XIII в., когда сочинена повесть о Довмонте, легшая в основание всех псковских сборников. Псковские летописи (особенно вторая) замечательны живыми подробностями об общественном быте Пскова; надо жалеть только, что они скудны известиями о временах до Довмонта, и те заимствования. К летописям Новгородским по происхождению можно отнести «Повесть о граде Вятке», которая, впрочем, идет не далее построения Хлыпова и ничего не говорит о судьбах этой интересной колонии новгородцев⁶.

Летопись Киевская сохранилась в нескольких очень близких между собой списках, в которых она непосредственно следует за летописью первоначальной («Повестью временных лет»)⁷. Этот киевский свод

¹ Новг. II, г. 6538.

² Новг., III.

³ Есть следы монастырских летописцев: «Служил игумен Тихвинский в монастыре на Лисьей горе и смотрел в монастыре книги летописца церковного». Новг., II.

⁴ П.С.РЛ. III, 37.

⁵ П.С.РЛ. IV и V.

⁶ Эта повесть, распространенная в рукописях, к сожалению, поздних, несколько лет тому назад издана в Вятке.

⁷ Ипатьевский, Хлебниковский, Ермолаевский и Погодинский.

оканчивается во всех своих списках 1199 г. Они состоят по большей части из подробных рассказов, имеющих по своему изложению много общего с рассказами, вошедшими в состав летописи первоначальной. В настоящем своем виде они заключают в себе много следов летописей разных русских земель: Смоленска, Чернигова и Суздаля и т. д. Сюда относится сказание об убиении Андрея Боголюбского, писанное одним из его приверженцев¹. Известия, касающиеся Изяслава Мстиславича, особенно подробны; в одном месте мы читаем: «Рече слово то, яко же и переже слышахом: «не идет место к голове, но голова к месту»². Из этого можно заключить, что известия эти заимствованы из записок соратника Изяслава и перебиты рассказами из других источников; к счастью, шивка так неискусна, что части легко отделить. Следующая за смертью Изяслава часть посвящена главным образом князьям из рода Смоленских, княживших в Киеве, и потому, может быть, источник, которым главным образом пользовался сводчик, не без связи с этим родом. Изложение очень близко к «Слову о полку Игореве» — как будто выработалась целая литературная школа³. Известия киевские, позднее 1199 г., встречаются в других летописных сборниках (преимущественно Руси Северо-Восточной)⁴.

С Киевской летописью тесно связана Волынская (или, как основательно предлагает называть Н.П. Костомаров: Галицко-Волынская)⁵, еще более Киевской отличающаяся поэтическим колоритом. Она — как предполагают ученые — была писана сначала без годов, а года расставлены потом, и расставлены весьма неискусно; так мы читаем: «Данилови же приехавшу в Володимер, в лето 6722 бысть тишина. В лето 6723 Божиим повелением, прислаша князи Литовстии»⁶. Ясно, что последняя фраза может быть соединена с первой, на что указывает и форма дательного самостоятельного и отсутствие в некоторых списках среднего предложения: «бысть тишина»; стало быть, и два года и это среднее предложение вставлены после. Хронология в ней перепутана и применена к хронологии Киевской летописи⁷, с которой она соединена последним

¹ Может быть, тем же самым киевлянином Кузьмою, который выставлен единственным преданным князю человеком.

² П.С.РЛ. II, 65.

³ Первые замечания о сходстве этой летописи со «Словом» принадлежат С.П. Шевыреву.

⁴ См. ниже.

⁵ «Лекции», 47.

⁶ П.С.РЛ. II, 161.

⁷ Роман убит в 1205 (М.П. Погодина: «Иссл. Лекций и вол.», VI, 296), а Волынская лет. относит его смерть на 1200 г. (П.С.РЛ. II, 155), так как Киевская оканчивается 1199 г.

компилятором; не он ли расставлял года? в некоторых местах есть обещание рассказать то или другое, и ничего не рассказывается; стало быть, есть выпуски. Летопись начинается какими-то неясными намеками на подвиги Романа Мстиславича, очевидно, обрывками поэтического сказания о нем. Оканчивается она началом XIV в. и не доводится до падения самостоятельности Галича. Для исследователя эта летопись своей сбивчивостью представляет важные затруднения, но по подробности изложения служит драгоценным материалом для изучения быта Галича, имеющего столько особенностей, послуживших причиной, что не здесь образовалось зерно объединения Русской земли, и много способствовавших падению его самостоятельности¹.

Летописи Руси Северо-Восточной начались, вероятно, довольно рано: от начала XIII в. мы имеем свидетельство о «старом летописце Ростовском»². Первый сохранившийся до нас свод северо-восточной (Суздальской) редакции относится к тому же времени³, но известия суздальские встречаются и ранее (особенно в первоначальной летописи), потому и следует признать записывание событий и в области Суздальской: чисто Суздальских летописей до татар мы не имеем, как не имеем и чисто Киевских летописей; сборники, дошедшие до нас, характера смешанного и обозначаются по преобладанию того или другого содержания. Летописи велись во многих городах земли Суздальской (во Владимире, Ростове, Переславле), но по многим признакам нельзя не согласиться, что большинство известий записано в Ростове, долго бывшем центром просвещения Северо-Восточной Руси; после нашествия татар Троицкий список делается почти исключительно Ростовским. После татар вообще следы местных летописей становятся яснее: так, в Лаврентьевском списке встречаем

¹ Волынская летопись представляет любопытное известие, объясняющее отчасти характер одного из разрядов летописей, источников теперешних сводов: Мстислав Данилович, победив мятежный Брест, наложил на жителей тяжкую пеню и в грамоте прибавляет: «а вописаль естъ въ лѣтописецъ коромолу ихъ» (П.С.Р.Л. II, 225). Государственные летописи существовали уже в то время в Германской империи.

² «Аще хощещи все увѣдати, почти лѣтописца стараго Ростовскаго». Посл. Симона к Поликарпу (в «Пам. XII в.» 2, 256).

³ Он сохранился в списках Радзивиловском (XVI в.), названном так потому, что принадлежал прежде кн. Радзивилу; его называют и кенигсбергским, ибо он найден в Кенигсберге и оттуда вывезен в Семилетнюю войну; до конца Радзивиловского с ним сходен Троицкий и Лаврентьевский (см. выше), но после они расходятся; с ними же сходен и «Летописец Переяславля Суздальского» (собственное заглавие «Лет. Русск. Царей» рук. XVII в. Кн. М.А. Оболенским во «Врем. Общ. Ист.» IX), оканчивающийся тоже началом XIII в. Сходство до известного пункта и различие далее свидетельствуют об общем источнике, который, стало быть, простирался до начала XIII в.

между прочим много тверских известий; в так называемой Тверской летописи¹ — тверские и рязанские; в Софийском временнике² и Воскресенском списке³ — Новгородские и Тверские; в Никоновском⁴ — тверские, рязанские, нижегородские и т. д. Все эти местные летописи вошли впоследствии в большие сборники, составлявшиеся большей частью в Москве. Относительно перехода известий в татарскую эпоху из одной местности в другую И. И. Срезневский сделал любопытную находку: в рукописи Ефрема Сирина 1377 г. он встретил приписку писца, который рассказывает нападение Арапши, бывшее в год написания. Рассказ не окончен, но начало его буквально сходно с началом летописного рассказа, из чего И. И. Срезневский и заключает, что перед писцом могло быть тоже сказание, которое служило материалом летописцу⁵. Летопись Северо-Восточной Руси отличается отсутствием поэтических элементов; она редко заимствует из поэтических сказаний⁶.

С первой половины XIV в. в большей части сборников северо-восточных начинают преобладать известия московские⁷. Летопись в Московском государстве все более и более получала значение официального документа: уже в начале XV в. летописец, выхваляя времена «оного великого Селиверстра Выдобужского, не украшая пишущего», говорит: «Первии наши властодержцы без гнева повелевающа вся добрая и недобрая прилучившаяся написывать», чем показывает ясно, что уже и в его время была правительственная летопись⁸: князь Юрий Дмитриевич в своих исканиях великокняжеского стола опирался в Орде на старые летописцы⁹; в кн. Иван Васильевич послал в Новгород дьяка Брадатого доказывать новгородцам старыми летописцами их неправду¹⁰; в «описи царского архива» времен Грозного читаем: «Списки черный, писал па-

¹ П. С. Р. Л. XV.

² П. С. Р. Л. V, VI.

³ Там же. VII, VIII.

⁴ См. ниже.

⁵ И. И. Срезневский. Свед. и зам. о малоизв. и неизвест. нам, VIII.

⁶ Предание о Рогнеде в Лавр. (П. С. Р. Л. I, 131) и может быть рассказ о дьяконе Дудке в Тверс (там же, XV, 415—416) едва ли не единственные исключения; о «Мамаевом побоище» здесь нечего говорить: это совершенно особое сочинение, только внесенное в некоторые сборники.

⁷ Мы имеем здесь в виду сборники Софийские: первый и второй (первый дошел до нас в нескольких списках XV и нескольких XVI в., в одном из последних он доходит до 1524 г., второй сохранился в списках XVI и XVII в. и доходит до 1534 г.

⁸ Ник. V, 29.

⁹ Там же, 110.

¹⁰ Льв. III, 17.

мать, что писать в летописец лет новых»¹. Лучшим примером того, как осторожно надо относиться к сказаниям летописи того времени, может служить рассмотрение известия о пострижении Саломониды, первой жены в. кн. Василия Ивановича, сохранившееся в одной летописи²; по этому известию, Саломонида сама пожелала постричься, а в. кн. не соглашался; в другом известии, тоже официальном, судя по торжественному тону, рассказывается, что в. кн. сам задумался об ее неплодии, видя птиц попарно, и, посоветовавшись с боярами, развелся с ней³; наконец мы знаем известие Герберштейна о насильственном разводе⁴. Из дошедших до нас летописей не все, однако, представляют тип чисто официальной летописи: во многих изредка встречается смесь повествования официального с частными заметками. Таковую смесь — по справедливому замечанию Г.Ф. Карпова — представлял рассказ о походе в. кн. Ивана Васильевича на Угру и соединенное с ним письмо Васиана⁵. Становясь все более и более официальной, летопись сближалась с разрядными книгами, о которых будем говорить ниже, и наконец окончательно в них перешла: ибо в летопись заносились те же факты, что и в разрядные книги, только с сокращением имен и мелких подробностей; рассказы о походах в XVI в. как будто взяты из разрядных книг, прибавлялись только известия о чудесах, знамениях и т. п. и вставлялись документы, речи, письма и т. п. К эпохе сближения летописи с разрядными книгами относится любопытный факт: были разрядные книги отдельных родов, вносившие только то, что важно для этих рядов; появились и подобные летописи: мы имеем такую летопись⁶. С тем вместе усилился тот литературный род, который можно назвать отдельными сказаниями, о нем ниже. В этих произведениях сосредоточиваются взгляды людей частных; другой формой выражения частных взглядов было для той эпохи продолжение хронографов и дополнение их русскими событиями.

Хронографы — византийские всеобщей истории — появились у нас очень рано: еще первоначальный киевский летописец пользовался хронографом Георгия Амартола, но, собственно, под этим именем понимает-

¹ «Акты. Арх. Эксп.» I. 354.

² «Лет... который служит прод. нест. лет.», 383.

³ П.С.Р.Л. IV, 295 (странно, что это известие по всем признакам официальное или по крайней мере, как теперь говорят, официозное, попало в один из списков Псков. летописи, не было ли оно сообщено во Псков?).

⁴ «Reg. Mosc. Com.», 18—19 (А.В. Старчевский. Hist. Ruth. Script.).

⁵ «Ист. борьбы Моск. Гос. с Польско-лит.». М., 1867, с. 117—119.

⁶ «Врем.», V.

ся компиляция, по мнению Андр. Н. Попова, русского происхождения¹. Дошедшие до нас хронографы имеют две редакции (не считая варианта летописца Елинско-Римского, не заключающего в себе русских статей). Первую относит Андр. Н. Попов к 1512 г., вторую — к 1617; в этой второй, рядом с византийскими источниками, являются польские и латинские (Вельский и космографии). Кроме того, мы имеем еще хронографы особого состава, из 22 Русский монастырь Св. Пантелеймона на Афоне которых особенно известен хронограф тобольского боярского сына, Сергея Кубасова². Русские статьи в хронографах важны преимущественно в период Смутного времени: это или так называемый «новый летописец»³, или Палицин, или «иное сказание о самозванцах»⁴, а часто самостоятельные статьи, и притом писанные, очевидно, сторонниками разных партий: так, в хронографе мы читаем голос недовольных патриархом Филаретом⁵ и т. д.

Параллельно с составлением хронографов идут попытки систематизации Русской истории, иногда и не без связи с хронографами; к таким попыткам относится большой свод, известный под именем Никоновского, в котором заметно желание всюду усилить значение духовенства, и «Степенная книга»⁶, получившая окончательную редакцию в XVI в. Система, принятая в «Степ. книге», состоит в расположении фактов по великим князьям, а великие князья расположены по степеням⁷; в ее изложении переделываются все известия из летописей и житий, которыми она пользуется. К этому же разряду относится несколько сочинений XVII в.: «Хроника» Феодосия Сафоновича, игумена киевского Михайловского монастыря (посвященная в 1655); эта хроника, до сих пор рукописная, послужила источником компиляции Иннокентия Гизеля, труд которого «Синописис, или Краткое описание о начале слав, народа

¹ А. Н. Попова «Обзор хрон. рус. редакции», 2-й вып. М., 1866—1869; при них: «Изборник слав. рус. сочин. и статей». М., 1869. Это превосходное сочинение принадлежит к самым капитальным приобретениям ученой русской литературы.

² Отрывок из Кубасова был напечатан в «Рус. Дост.», т. I, и оттуда перешел во все хрестоматии; в «Изборник» Ан. Н. Попова вошло все, что есть самостоятельного в этом хронографе.

³ Его списки в «Ник.», VIII, «Лет. о многих мятежах». М., 1773, 2-е изд., 1788 г. и «Новый лет.» («Врем.», XVIII).

⁴ «Врем.», XVI.

⁵ «Изд.», 316.

⁶ Издана Миллером в 2 т., 1775.

⁷ Задумана, может быть, не без влияния «Родослова» сербского архиепископа Данила (XIV в.).

и т. д.» был напечатан в первый раз в 1674 г. и потом имел много изданий; им же пользовался и Манкеев, секретарь князя Хилкова, писавший «Ядро Рос. ист.»¹. Все эти компиляции упоминаются только для показания стремления Древней Руси к знанию своей истории, хотя они, собственно, не имеют никаких достоинств². Более серьезные попытки начались с тех пор, как появилась наука, что и увидим в своем месте.

Рядом с общими летописями велись местные: Нижегородская, Двинская и многие другие, в особенности монастырские, в которые вносились местные известия в кратком виде. Из ряда этих летописей выделяются особенно Сибирские. Начало летописания сибирского приписывается Киприану, митрополиту Тобольскому; до нас дошло несколько так называемых сибирских летописей, более или менее отклоняющихся одна от другой: Строгановская, Саввы Есипова, Ремезова.

Особое и важное место в бытописании русском занимают Литовские летописи. Мы имеем две редакции этой летописи: краткую, начинающуюся со смерти Гедимины, собственно даже со смерти Ольгерда, и оканчивающуюся 1446 г.; и полную от баснословных времен до 1506 г. Летопись эта — один из главных источников Стрыйковского — составлялась, несомненно, из источников современных: так, рассказывая о смерти Скиргайлы (1394), летописец говорит: «Аз того не вем занеже бех тогды мал». Разумеется, рассказы о временах баснословных прибавлены после.

Летописи Малороссийские относятся к эпохе казацких войн, из них самая важная — Самовидца; что касается до летописей Самуила Велички и Григория Грабянки, то они совершенно баснословны, как и их воспроизведение и продолжение — «История русов», ложно приписываемая Конисскому.

Отдельные сказания. Жития

В летописях, как мы уже видели, рядом с краткими хронологическими известиями встречаются подробные рассказы, которые можно называть сказаниями или повестями; очень многие из таких сказаний встречаются и в отдельном виде; другие, по всей вероятности, хотя и дошли до нас только в тексте летописей, должны были тоже существовать отдель-

¹ Издано Миллером в 1771 г.; прежде считали автором Хилкова, но кн. Оболенский («Библ. зап.», т. 1, № 2) указал настоящего автора.

² Я не упоминал здесь о Каменевиче-Рвовском и целом ряде баснословных статей, вошедших частью в хронографы, а частью в сборники, к которым принадлежит, вероятно, и Татищевский Иоаким. Они еще ждут особого исследования.

но. Такие сказания посвящались или описанию какого-нибудь события, или изображению жизни лица, прославившегося своей святостью. Последний отдел сказаний известен под названием житий святых и должен быть рассмотрен в отдельности, но некоторые из житий, касаясь более политической, чем религиозной деятельности лица (сказания об Александре Невском, Довмонте и т. п.), могут быть рассматриваемы вместе со сказаниями о событиях.

Сказания написаны по большей части современниками, очевидцами и участниками в описываемых событиях. Они сохраняют драгоценные для истории подробности событий и не менее драгоценные воззрения; с этой стороны и такие памятники, как рукописание Магнуса, нашедшее себе место во многих летописях, чрезвычайно важны. К таким сказаниям принадлежат, как мы уже видели, многие рассказы первоначальной летописи, преимущественно сказания о Борисе и Глебе, об ослеплении Василька; сюда же может относиться сказание и об основании монастыря Печерского, которое встречается в списках Патерика, но отдельность которого еще оспаривают, а также известие о кончине Феодосия и об обретении его мошей, из которых первое, очевидно, противоречит сказанию Жития Феодосьева. Мы знаем, что и последующие летописи представляют много отдельных сказаний. Сюда относится, напр., сказание об убийстве Андрея Боголюбского¹, о расправе его братьев с племянниками², о походе Игоря на половцев³, о Липецкой битве⁴, о битве при Калке⁵, о нашествии Батые⁶. Это последнее сказание едва ли не составилось из отдельных местных сказаний, на что указывает то, как оно сохранилось в разных сборниках: в одном говорится подробно об одной местности, в другом — о другой, а целое — только в поздней повести; опыты научной разработки этой повести сделаны И.И. Срезневским и Ф.И. Буслаевым. После татарского погрома число этих сказаний особенно возросло; укажем на самые

¹ П.С.Р.Л., II, 111—116; I, 156—158; V, 164—165; VII, 89—90; IX, 249—250; XV, 250—254.

² П.С.Р.Л., I, 158—163; II, 116—119; VII, 90—95; XV, 254—264.

³ П.С.Р.Л., I, 167—168; II, 129—134; VII, 99; XV, 272—274.

⁴ П.С.Р.Л., I (Троиц.), 211—215; III, 34—35; IV, 20—26; V, 172; VII, 120—124; Ник. II, 321—332.

⁵ П.С.Р.Л., II, 163—165; I (Лавр.), 189; (Троиц.) 216—219; III, 39—41; IV, 28; V, 172; VII, 129—142; XV, 335—343.

⁶ Лавр. (П. С. Р. Л., I, 196—199) кратко о Рязани; подробно события Владимирские и смерть Василька. Троиц. (П. С. Р. Л., I, 221—225) подробно о Рязани и Владимире; то же (но с сокращениями) в Новг. I (П. С. Р. Л. III, 50—52), IV (П. С. Р. Л. IV, 31—34), Соф. (П. С. Р. Л. V, 174); Ипат. (П. С. Р. Л. II, 175—178) сокращено о Рязани и Владимире, подробно о киеве; в Воскр. (П. С. Р. Л. VII, 139—145), Твер. (XV, 365—373; 374—375), Ник., II, 371—379.

важные: каким-то Андреем написано вошедшее во многие сборники летописные «Слово новосвятую мученику Михаила князя и Феодора воеводы его», заключающее, на основании рассказов очевидцев, повествование о мучении Михаила Черниговского¹; об Александре Невском тоже имеем отдельное сказание, вошедшее или в целости, 24 или по частям в летописные сборники²; жизнь славного литовского князя Довмонта, охранителя Пскова от немцев, послужила предметом особого сказания «О благоверном князе Довмонте и о храбрости его»³. Между сказаниями этой эпохи любопытно сказание о Курском княжении, характеризующее отношение русских князей к татарским баскакам и страх перед татарами⁴; в Волынской летописи находим рассказ о смерти кн. Володимира Васильевича, написанный для двоюродного брата его Мстислава Даниловича, о котором сочинитель говорит: «Добр зело послух... брат твой Мстислав, его же сотвори Бог наместника по тебе твоему владычеству, нерушаща твоих уставов, но утверждающе»⁵. Сказание о смерти Михаила Ярославича Тверского⁶ писано современником со слов очевидцев. О сыне его Александре мы тоже имеем особое сказание⁷. Куликовская битва вызвала несколько различных описаний, в настоящее время они распределяются на три редакции, последовательность и взаимную зависимость которых пока еще трудно определить. Первая из этих редакций носит название «Сказания о побоище в. кн. Дмитрия Ивановича с Мамаем». Эта редакция представляет мало фактов, но много благочестивых размышлений⁸. Вторая редакция «Повесть или поведание о побоище в. кн. Дмитрия Ивановича» представляет много подробностей и не чужда анахронизмов (напр., о благословении Киприана, которого тогда еще не было в Москве); в различных своих списках она дополнялась: так, в одном встречаем известие о тверичах в русском войске, в других то о приходе новгородцев, то о сборах их и т. д. Это доказывает, как дорожили

¹ П. С. Р. Л. V, 182–186; VII, 153–156; XV, 386–393; Ник., III, 19–26.

² Не разбитая на года в Пск. II (П. С. Р. Л. V, 2–6) и не полная в Лавр. (П. С. Р. Л. I, 204–206).

³ П. С. Р. Л. IV, 180–183; V, 6–8.

⁴ П. С. Р. Л. I, 206–207 (без начала); VII, 176–179.

⁵ П. С. Р. Л. II, 219–222.

⁶ «Облаком бо сим являет просвещение ангельское над ним, еже исповедаша нам со слезами и со многими клятвами». «И пришедше исповеда ту сущему иереови бывшая ему, от него же слышахом и напсахом». I П. С. Р. Л., V, 207–215; VII, 188–198; XV, 410–413.

⁷ Ник. III, 166–170; Твер. (П. С. Р. Л. XV, 418–421).

⁸ П. С. Р. Л. IV, 75–83; VI, 90–98; VIII, 34–42. Любопытно, что единственное летописное известие (т. е. более полное) в Новг. I (П. С. Р. Л. III, 91–92) есть сокращение «Побоища».

в Русской земле этим событием и как сильно желали заявить свое в нем участие¹. Третья редакция есть поэтическое произведение, навеянное, быть может, «Словом о полку Игореве», и известное под именем «Слова о задонщине». Церковные события, по смерти митрополита Алексея, описаны в «Повести о Митяе», великокняжеском духовнике, добивавшемся митрополичьего престола и ездившем в Царьград; повесть эта важна для определения тогдашних отношений духовенства к светской власти и к константинопольскому патриарху. Тохтамышево нашествие описано подробно и почти одинаково во многих летописных сборниках, что и заставляет считать это описание особой повестью. «Слово о житии и о преставлении в. кн. Дмитрия Ивановича» дает весьма мало данных для истории². По случаю нашествия Тамерлана сложились две повести: одна вообще о делах Тамерлана до пленения им Баязета, другая вообще о походах Тимура, война его с Тохтамышем и походы на Русь; эта последняя связывается с перенесением иконы Владимирской Божией Матери³. К той же эпохе относится повесть о побоище Витовта с царем Темир-Кутлумеш⁴, о житии и преставлении в. кн. Михаила Тверского⁵. Некоторые из событий времен в. кн. Ивана Васильевича подали также повод к особым повестям; так, мы имеем повесть о покорении Новгорода⁶, о приходе Ахмета на Угру⁷. При Василии Ивановиче отдельным сказанием можно считать падение Пскова⁸; история второго его брака рассказана Паисием Ярославовым. Взятие Казани вместе с историей Казанского

¹ Ник. IV, 86–129; Др. Лет. II, 7–76; Синописис (изд. 1768), 181–185; подр. Лет. I, 127–182; в двух последних особая редакция, имеющая много прибавлений; издано особо И. М. Снегиревым в «Рус. Ист. Сборнике», III, с вариантами по нескольким рукописям; некоторые варианты предлагает П. П. Пекарский в прибавлении к своему изданию «Слова о полку Игореве», в рукописной Ростовской летописи слито побоище со Сказанием. Сочинение его приписывают рязанцу Софонию (см. «Обзор Дух. Лет.», 80). Прибавим, что в Тверской летописи (П. С. Р. Л. XV, 440), где описание Куликовской битвы недописано, дано ему такое заглавие: «А се писание Софония Рязанца, брянского боярина».

² П. С. Р. Л. IV, 349–351; VI, 104–111; VIII, 553–600; по соображениям И. И. Срезневского «Слово» писано после 1393 г. («Пам. др. яз. и пис.»).

³ Ник. IV, 246–249; П. С. Р. Л. VI, 124–128; VIII, 65–68; XV, 447–456; Льв. II, 201–218; пр. Нест. Лет. 177–206; Ст. Кн. I, 534–557.

⁴ П. С. Р. Л. IV, 103; V, 251; VIII, 72; XV, 458–459.

⁵ П. С. Р. Л. IV, 359–360; VIII, 73–74; XV, 459–460.

⁶ П. С. Р. Л. VI, 1–15. Писана до 1472 г., когда умер упоминаемый в ней Литовский митрополит Григорий («Оп. Киево-Соф. Собора», 110). Повесть эта отличается от прочих летописных сказаний и подробностью и особым негодованием на новгородцев.

⁷ П. С. Р. Л. VI, 223–230, VIII, 205–213, сл. Г. Ф. Карпова: «Борьба Моск. Госуд. с лит.», 112–119.

⁸ П. С. Р. Л. IV, 283–288.

царства описано священником Иоанном Глазатым; кара Новгорода тоже послужила предметом особого сказания¹, а также и осада Пскова Батыем, которая описана Серапионом; события Смутного времени, кроме сказаний хронографов, о которых мы уже говорили, и записок, о которых будем говорить, тоже подали повод к нескольким сказаниям: патриарху Иову приписывают: «Житие царя Феодора Ивановича»², сочинение риторическое, лишенное всякого исторического значения; о событиях во Пскове сохранилось два сказания: одно принадлежит партии меньших людей, а другое — партии лучших³; об осаде Тихвинского монастыря писал Иродион Сергеев⁴. Из времен первых Романовых к этому отделу могут быть отнесены сказания об Азовском сидении и о взятии Астрахани Разиным; остальное, как увидим ниже, скорее может быть названо записками.

К разряду отдельных сказаний относятся также дошедшие до нас жития святых, отчасти отдельно, отчасти в летописях и сборниках. Этот отдел исторической литературы имеет чрезвычайно важное значение: религиозный элемент стоит на самом видном месте в Древней Руси; он сплетается со всеми явлениями жизни — как политическими, так общественными и семейными. При этой всеобщности религиозного элемента, жизнеописания лиц, прославившихся своей святостью, пользовавшихся особым почетом во время своей жизни и, вследствие того, приходивших в разнообразные столкновения со всеми слоями общества, должны, несомненно, служить одним из первостепенных источников для историка. В них рисуется в особенности ярко бытовая сторона жизни: основывается монастырь (большая часть житий изображают основателей монастырей), изображается положение края, являются богомольцы посоветоваться со святым при его жизни или поклониться его мощам, изображаются разные житейские случаи. В этом отношении особенно важны чудеса, ибо каждое чудо вызывается каким-либо случаем; в описании этих случаев (впоследствии обращающихся нередко в целые рассказы) встречается чрезвычайно много бытовых черт. При изучении житий, однако, не следует упускать из виду того, что не все жития написаны современниками святого или, по крайней мере, не все сохранились

¹ П. С. Р. Л. III, 254–262.

² Ник. VII, 316–359.

³ Первое вставлено в сказании об осаде Пскова Густавом (П. С. Р. Л. V, 51–66); второе «О смят., междоусобии и отступлении Псков.» (там же, 66–73).

⁴ П. С. Р. Л. III, 283 и т. д.

в первоначальных редакциях; многие дошли до нас в редакциях, значительно позднейших; следственно, изучая характер той эпохи, в которую жил святой, мы должны очень осторожно обращаться с источниками этого рода, ибо знаем, что исторической критики совсем не было в виду у писателей житий, имевших своей главной целью нравственное поучение современников. Таким образом, далеко не все жития могут служить источником для изучения эпохи, в них изображаемой, но зато они служат драгоценным источником для изучения той эпохи, когда они написаны. Гораздо важнее другое затруднение, представляющееся историку, желающему воспользоваться житиями как источником: у писателей житий есть общие приемы, заимствованные ими из Византии, и есть, сверх того, предания, переносимые народной молвой от одного святого к другому; отделение этих общих черт (напр., отречение от матернего молока по постным дням, учение грамоте в 8 лет и непонятливость к грамоте до особого откровения и т. п.) есть дело исторической критики, требующее и близкого знакомства с византийскими образцами, и обширной начитанности в литературе житий; пока же только положены общие основания для такого изучения и сделаны некоторые попытки. Мы уже сказали, что Иакову Черноризцу приписывается «Житие Владимира» и что им написаны «Похвалы ему» и «Сказание о Борисе и Глебе» и Нестору — «Сказ о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия». Житие это одно из лучших литературных произведений русской старины и представляет значительное количество фактов, важных в истории не только бытовой, но и политической; в изучении этого памятника важно было бы определить его отношение к его византийским образцам, на что уже было указано Ф. Буслаевым; в летопись первоначальную вошло также сказание об успении Феодосия, представляющее некоторые черты, отличные от рассказа жития (несогласие братии на предложение Феодосием в преемники себе Иакова) и сказание о печерских святых времен Феодосия, вошедшее впоследствии в состав Патерика Печерского. К той же эпохе относится житие Ольги, сохранившееся отрывками в прологах, между прочим, в рукописи XIII–XIV вв. Прологом, или точнее синаксарем, называется сборник кратких житий, а иногда и поучений, расположенных по дням месяца¹. Это житие Ольги во многом сходно буквально с Иаковлевой

¹ Древнейший известный, но не сохранившийся список пролога по-славянски восходит к 1228 г.; он сгорел в 1812 г. с рукописями пр. Баузе (Сопиков: «Оп. рос. библ.» I, 182); сохранившиеся до сих пор списки выходят по XIII в. (И. И. Срезневский «Древн. пам.», указатель); первый печатный полог в Моск. в 1641 г.

«Похвалой». Патерик Печерский не раз упоминает житие Антония, которое, к сожалению, не дошло до нас. К XII в. относится житие Антония Римлянина, писанное учеником его Андреем, сохранившееся только в переделках; туда относятся: житие Евфросинии Полоцкой, и также Лео́нтия и Исайя Ростовских, и Авраамия Смоленского. Послание Владимирского епископа Симона к Поликарпу, иноку печерскому, имеющее целью удержать его от выхода из монастыря и для того заключающее в себе, в виде примеров, жития Печерских святых, связанная с ним «Повесть об основании печерской церкви» и послание самого Поликарпа к Анкудину, заключающее тоже жития и служащее продолжением послания Поликарпа, вместе с житием Феодосия Нестора, составили впоследствии так называемый «Патерик Печерский». В древних списках прологов попадаются жития некоторых русских святых. Сверх того к периоду дотатарскому относят составление житий Авраамия Ростовского, о котором до сих пор не могут решить, когда он жил, Константина Муромского, о котором неизвестно, кто такой он был. От времени татарского, кроме уже указанных житий св. князей, сохранилось очень много житий других подвижников, ибо каждая местность спешила признавать своих святых. Таковы: житие св. Петра митрополита, написанное Киприаном митрополитом; житие св. Сергия, написанное учеником его Епифанием; им же написано житие Стефана Пермского; житие св. Алексея написано Питиримом, епископом Пермским (писано до 1439); в конце XI в. написано житие Дмитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца. К половине XV столетия относится житие Петра — царевича Ордынского, любопытное по тем сведениям, которые оно сообщает о крестившихся татарах, и богатое бытовыми подробностями. Из местных житий, составленных в эту эпоху, особенно выдаются Новгородские: серб Пахомий Логофет, поселившийся в Новгороде, написал, по вызову архиепископу Ионы, жития Варлаама Хутынского, Моисея и Евфимия; впоследствии и Ионы. Переселясь в Москву, этот Пахомий занимался переделкой житий московских святых; им же написано житие Кирилла Белозерского. Для характеристики отношений Москвы к Новгороду важно житие Михаила Клонского; житие св. Евфросина важно как пример религиозных вопросов, которые тогда волновали русское общество (Евфросин жил в XV в., житие писано в XVI); в житии Пафнутия Боровского встречаются любопытные подробности об отравлении Шемяки¹. Жития Зосимы и Савва-

¹ С.П. Шевырев основательно доказал, что автор жития Вассиана — брат Иосифа, а не Вассиан Рыло, как полагали М.И. Сухомлинов и Пр. Филарет.

тия, важные для истории населения края, написаны в начале XVI в. Вообще, для вопроса о колонизации важны, как увидим в своем месте, многие из житий святых. Полную любопытных подробностей картину жизни монастырской представляет нам св. Иосифа Волоколамского «Сказание о св. отцах бывших в рустех монастырех»; житие самого Иосифа описано его современниками в трех сказаниях, представляющих важный материал как для былевой истории того времени, так в особенности для истории споров догматических, в которых Иосиф принимал участие. XVI в. в истории русской словесности особенно важен стремлениями к собиранию житий и составлению новых, между прочим, Петра и Февронии, важных для истории русских преданий; из житий святых, современных той эпохе, важно житие Иулиании Лазаревской, написанное ее сыном и представляющее любопытные подробности деревенского быта помещиков в XVI в. «Великие Минеи» митрополита Макария служат полным выражением благочестивого желания прославить по всей русской земле жития угодников, из которых многие чтились только местно: этим творением завершается духовное единство русской земли подобно тому, как в Московском государстве выражается ее государственное объединение. В этом собрании всех «чтомых книг», по выражению предисловия, нашли себе место и жития. По счету С.П. Шевырева, в «Минеях» помещено 39 жизнеописаний русских святых, притом многие жития были вновь написаны книжниками, а иные переделаны. В политическом отношении из житий святых XVI в. особенно важно «Житие св. Филиппа». В XVII в. жития переходят совершенно в руки книжников, из которых иные делают длинные прибавления, важные для истории поверий и нравов (таково, напр., сильно распространившееся в рукописях сказание о 9-м чуде Прокопия Устюжского). Св. Дмитрий Ростовский вновь собрал и пересмотрел жития русских святых, которые и поместил в своей «Четьи-Минеи». Жития позднейшей эпохи имеют гораздо меньший исторический интерес.

Записки. Письма

С XVI в. появляется особый отдел исторических произведений, который принято называть записками (memoirs). Записки преимущественно излагают события, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев; различие их от отдельных сказаний прежнего времени составляет то, что в них лицо автора выступает на первый план со своими сочувствиями и нерасположениями, со своими

целями и видами. Принадлежа очень часто лицам, занимавшим видное место в истории, иногда обнимая обширный период времени, напр., всю жизнь автора, и притом нередко соединяя важные события с ежедневными мелочами и тем непосредственно вводя в жизнь изображаемой эпохи, записки считаются весьма основательно историческим материалом первостепенной важности. Само собой ясно, что многое, не нашедшее себе места ни в официальных актах, ни в официальных записках о происшествиях (летописях, разрядных книгах, реляциях и т. п.), может быть замечено и передано потомству в записках современника и очевидца, а известно, что нередко мелкая черта проливает много света на цели и побуждения главных двигателей великих событий: в одном неосторожном частном разговоре можно найти иногда объяснение того, что остается темным в целых томах дипломатических нот. Известно, как важно воспитание лица и его первые впечатления, и потому понятно, с каким интересом историк находит эти сведения в записках самого лица или его окружающих. Таковы выгоды записок современников, делающие их источником незаменимым, но рядом с выгодами пользования ими представляет и много невыгод: современник пристрастен к тому или другому лицу, принадлежит к той или другой партии; он может быть человеком лживым, иногда даже и без явной и понятной цели. Следовательно, пользуясь записками, мы должны всегда знать, кто был автор и в какой степени можем оказывать ему доверие.

Ряд записок начинается в русской литературе знаменитым сочинением кн. А.М. Курбского: «Истор. Кн. Вел. Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими». Кн. Курбский, потомок князей ярославских, родился около 1528 г. и участвовал в Казанском взятъе; отъехал в Литву в 1563 г., когда Иоанн начал гонение на сторонников Селивестра и Адашева; из Литвы вел знаменитую переписку с Грозным царем, в которой так ярко высказались взгляды и цели того и другого; в то же время являлся в Литве поборником православия; умер в 1583 г. Книга Курбского, написанная с замечательным литературным талантом, вся проникнутая одной мыслью, скорее памфлет, чем история. Цель его — доказать, что род князей московских отступился от старины, насильственно уничтожил другие роды, унизил боярство и что отсюда идут все бедствия, что Иоанн правил хорошо, только пока слушался советов Селивестра и Адашева, которые изображаются в особенно блестящем свете. С падением Селивестра и Адашева начинаются казни, которые изображены Курбским чрезвычайно подробно. По явному

пристрастию, верить Курбскому вполне нельзя, но книга его сама по себе интересна, как выражение мнения известной партии. К сожалению, Карамзин в изображении второй половины царствования Иоанна Грозного (вт. IX) слишком много дал веры Курбскому.

Второе, по времени, замечательное произведение в этом роде «Сказание о осаде Троицкого-Сергиева монастыря» принадлежит келарю этого монастыря Авраамии Палицыну (ум. 1626). Палицыну тоже во многом нельзя верить: он, очевидно, держится одной партии в ссоре, возникшей между защитниками лавры, к тому же во время осады он был в Москве, а не на месте; царя Бориса он не любит, тем не менее книга его очень важна по многим своим показаниям и по умному, оживленному изображению обстоятельств, способствовавших успеху самозванца.

Другому важному деятелю в событиях смутной эпохи, Филарету Никитичу Романову, приписывается изображение событий Смутного времени, известное под именем «Рукописи Филарета». В этой рукописи, к сожалению сохранившейся не вполне, события излагаются с 1606 г., по избрании царя Михаила; изложение кратко, по местам высказываются воззрения составителя: в этом отношении особенно любопытны поправки¹, так напр., сначала отравление кн. Скопина-Шуйского приписано царю Василию Ивановичу, но потом это место зачеркнуто. К той же эпохе принадлежат записки кн. Семена Шаховского, от 1601 по 1649, изображающие его личные приключения, опалы, которым он подвергался, и т. п. Записки эти далеко не лишены интереса для воспроизведения типа тогдашнего служилого дворянина².

Ко времени царя Алексея Михайловича принадлежит несколько произведений, носящих на себе характер записок или личных воспоминаний³. На первом месте здесь стоит знаменитое сочинение подьячего Григория Карпова Котошихина. Котошихин служил в посольском приказе и употребляем был в дипломатических сношениях воеводами, кн. Черкасским и кн. Прозоровским. Кн. Долгорукий, сменивший этих

¹ Заметим, что рукопись издана весьма тщательно: сохранены все выкинутые места с обозначением, что они вычеркнуты (посредством креста); разными шрифтами обозначены поправки и т. д.

² Вот самое любопытное показание «В 1723 году послали нас с Пожарским на Северу против Лисовского, и мы о том били челом, что заволочены с службы да на службу, и за то челобитье мимо всех нашей братьи меня сослали на Унжу, а вскоре пожаловал Государь велеть взять к Москве».

³ При этом мы не берем в расчет тех произведений, которые не дошли до нас: напр. Записки самого Алексея Михайловича Ордина-Нащокина, и т. д.

воевод, требовал, чтобы Котошихин донес на них; он отказался и бежал в Польшу (около 1664), отсюда перешел в Швецию, где, по требованию канцлера графа Делагарди, написал свое сочинение. Он казнен за убийство хозяина дома, в котором он жил, причиной ссоры была жена этого хозяина. Сочинение Котошихина найдено бывшим профессором Гельсингфорского университета М.А. Соловьевым. Недовольный своим отечеством, которое он должен был оставить, и привлеченный новым для него зрелищем западной цивилизации, Котошихин, как большинство русских европейцев даже позднейшего времени, вдался в отрицательное направление. Тем не менее книга его, представляющая отчетливое описание всего административного механизма, дающая сведения, которые были недоступны для иностранца и составляли по понятиям того времени канцелярскую тайну, и таким образом дополняя отрывочные показания актов, весьма важна. Его заметки о нравах тоже очень любопытны, хотя и нельзя не видеть в них значительной односторонности: он берет только смешные и грязные стороны.

Жизнь патриарха Никона описана его келейником Шушериным, который старается представить его совершенно святым и чистым от всякого нареkania; любопытно, что, подробно останавливаясь на построении церквей и монастырей, Шушерин очень мало касается вопроса об исправлении книг и раскола¹. Книга Шушерина, тяжело написанная в отношении литературном, весьма важна как показание приверженца Никонова. Враг Никона, протопоп Аввакум, написал свою биографию, одно из замечательнейших литературных произведений Древней Руси². Аввакум родился 1605—1610 г., был протопопом в Юрьевце, вызван в Москву патриархом Иосифом справщиком книг, подвергся гонению Никона, стал во главе раскола, сослан в Сибирь, возвращен в 1664 г., осужден собором 1666 г., сослан в Пустозерск и сожжен в 1681 г. В своей автобиографии он рисует очень хорошо состояние разных областей русских, самоуправство воевод, бедствия народные; рассказ прост и наивен. К той же эпохе относится любопытное сказание о знаменитом Ртищеве, изобретателе медных денег и попечителе (если можно так выразиться) общины переводчиков, устроенной в Московском Андреевском монастыре. В «Житии милостивого мужа Феодора Ртищева» встречаем любопытные сведения об этой общине, о Никоне, о милостыне, которую Ртищев раздавал от имени царицы; наконец — черты характера са-

¹ В печатном издании ничего нет об этих вопросах, а есть в некоторых списках.

² Житие протопопа Аввакума.

мого Ртищева¹. Осада Соловецкого монастыря описана Андреем Денисовым в его «Отцах и страдальцах Соловецких», а жития разных расколуучителей в «Вертограде духовном».

Начало царствования Петра вызвало целый ряд записок, в которых высказались различные партии, волновавшие в ту эпоху общество. Со стороны приверженцев Петра и Наталии Кирилловны высказался граф Андрей Артамонович Матвеев. Сын знаменитого боярина Матвеева, погибшего во время бунта, сам свидетель всего (ему приходилось прятаться в чуланах), Матвеев (р. 1666, ум. 1728) не мог относиться хладнокровно к совершившимся событиям: он винит во всем Милославского и с особой радостью повествует о том, как Петр по смерти карал труп Милославского. Несмотря на значительную долю пристрастия, записки Матвеева в высшей степени важны: они указывают много фактов, рисующих настрояние его партии и опасения от партии противной. Сторонником царевны Софии является в своих записках знаменитый Сильвестр Медведев. Подьячий Медведев начал брать уроки у Симеона Полоцкого, полюбился ему, постригся, сделался настоятелем Заиконоспасского монастыря, получил доступ ко двору, в особенности Софии, за участие в замыслах которой и был казнен в 1689 г. В записках своих, оправдывая Софию, Медведев не скрывает буйства стрельцов. Любопытно, что там, где выступает Софья, он по большей части прикрывается официальными документами, и рассказ получает официальный характер. Сторону раскольников представляет Савва Романов, рассказывающий, как раскольники собрались подать челобитную и как происходило прение о вере. Того же времени касаются «Записки» Желябужского, которые, начинаясь 1682 г., оканчиваются 1709 г. И.Аф. Желябужский был уже не молодой человек в то время, как начинаются его записки: еще в 1658 г. он поминается в числе служилых дворян и потом употреблялся в разных поручениях, частью дипломатических. Его записки, сухие и краткие, мало дают для истории политической, но зато богаты бытовыми подробностями: особенно любопытны указания на разные преступления, за которые наказывались те или другие лица; но из указаний Желябужского не следует еще выводить, чтобы конец XVII в. было время более других развратное: только сведений нашлось более; впрочем, теперь при большей разработке источников, вероятно, никто уже не повторит этого мнения. По-

¹ Любопытны следующие слова Ртищева покупщику его деревни: «Аз тебе цену умаляю ради села того поселян, да имеши их в милости, и трудами и податями их да не отяготиши, но по возможности им вся та да будут свободна».

ход к Азову описан в особом журнале, который приписывается самому Шеину¹. Один из спутников Петра за границу вел любопытный дневник, в котором записывал все, что поражало его: и фокусника, и увеселения, и научную редкость — все это записано чрезвычайно наивно. Шведская война описана в так называемом «Журнале Петра В.», этот журнал был писан Макаровым и шесть раз исправляем Петром В. — материал в высшей степени важный, служащий основанием фактического изложения событий той эпохи; любопытно, как скромно выражается о себе Петр: в описании Полтавской баталии он говорит, что государь поступал (себя Петр никогда не называет), «как доброму проводцу надлежит». К первым годам царствования Петра относится «Диариуш» Св. Дмитрия Ростовского, который начат 1681 г., окончен 1703 г.; остальные годы до 1709 г. дописаны неизвестно кем. Важный для истории литературных трудов автора, для изображения состояния просвещения духовенства, которое св. Дмитрий уличает в невежестве, дневник этот ничего не дает для истории политической². При Петре начались «Записки» Ивана Ивановича Неплюева (р. в 1693 г. ум. в 1773 г.), продолжавшиеся до смерти его: самая смерть описана окружающими. Неплюев в своих записках рассказывает, как он учился в России и за границей, как Петр экзаменовал его, как он был отправлен послом в Турцию. Далее записки становятся еще интереснее, особенно важен рассказ об управлении Неплюевым Оренбургским краем. В ту же эпоху начались другие гораздо менее важные «Записки» Василия Александровича Нащокина (р. в 1707 г., ум. в 1761 г.). Записки эти обнимают время от 1712 по 1759 г. и представляют весьма мало любопытного: рассказ автора сух и он более повторяет официальные известия и не останавливается ни на чем характеристическом. С гетманом Скоропадским был в Москве в 1722 г. канцелярист войсковой канцелярии (впоследствии генеральный обозный) Николай Денисович Ханенко, который поденно записывал все, что происходило во время их пребывания и на возвратном пути. Так образовался «Диариуш». В этом «Диариуше» находим много любопытного, особенно касательно сношений малороссийских властей с петровскими вельможами. Ханенко играл немаловажную роль в истории тогдашней Малороссии: он был член депутации, приез-

¹ Издан Рубаном под заглавием «Поход боярина и большого полку воеводы А.С. Шенна к Азову». СПб., 1773.

² «В бытность нашу, — говорит св. Дмитрий под 13 сентября 1689 г., — в Троицком монастыре казнили трех знатных особ, за некоторый бунт головы отсечены, а иные кнутом сечены, иным языки резаны, иным уши и в ссылку разосланы». Дело идет о Шакловитом и его сообщниках.

жавшей с Полуботком, и пострадал за то; он же являлся в депутацию просить Разумовского в гетманы; к тому же он был человек образованный и хлопотал об образовании детей. Из этого видно, как должен быть любопытен другой его дневник «Партикулярный журнал», веденный с 1719 по 1754 г., который готовит к изданию О. М. Бодянский¹. Дневник другого малороссиянина Марковича (р. 1696, ум. 1770), бывшего подскарбием (казначеем) войсковым, замечателен более бытовыми, чем былевыми, подробностями. Зять Полуботка, высокопоставленный в войске, друг Феофана Прокоповича и человек образованный, Маркович мог бы сказать много, но оставался постоянно осторожным и сказал мало. Смерть Петра описал Феофан Прокопович, которому принадлежит также «Краткая история о делах Петра В. до Полтавской победы», впрочем, ничем особенно не замечательная; важнее всех исторических сочинений Феофана «История об избрании и восшествии на престол государыни Анны Ивановны», где он, означая деятельность членов Верховного тайного совета, ясно указывает на свою роль в их низвержении. Механик и токарь при Петре В. Андрей Константинович Нартов, состоявший при нем 20 лет, оставил собрание анекдотов о Петре, из которых иные очень любопытны². Собираанию материалов о Петре посвятил много лет жизни Петр Никифорович Крекшин (р. 1684, ум. 1763). Крекшин служил в Кронштадте смотрителем работ и пользовался милостью Петра; в 1714 г. он был судим по растрате казенного имущества и оправдан; в 1726 г. вышел в отставку и занялся собиранием материалов. Из того, что им собрано, сохранилось весьма немного: напечатана только первая часть до поездки Петра за границу в 1709 г. Крекшин передавал собранные материалы без критики и риторически. Есть еще дневник Прутского похода Яковлева. Для характеристики нравов начала царствования Анны Ивановны важны краткие, но прелестные записки кн. Натальи Борисовны Долгорукой о ссылке ее с мужем, кн. Ив. Алексеевичем, любимцем Петра II, в Сибирь. Фельдмаршал Миних оставил записки, в которых с мастерской краткостью изображает политические перемены в России с Петра В. до вступления на престол Екатерины II. Сын Миниха, граф Эрнст Миних, написал во время своей ссылки для детей своих «Записки о частной и публичной своей жизни»³. Из них любопытны: описание характера и обра-

¹ См. предисловие к Диариушу.

² «Дост. Повест. и речи Петра В.».

³ «Зап. графа Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих». СПб., 1817 (перевод, а подлинник неизвестен).

за жизни императрицы Анны Ивановны, некоторые подробности свержения Бирона и замечания об Анне Леопольдовне. Кн. Я.П. Шаховский (р. 1705, ум. 1777), участник турецких походов Миниха, директор полиции, сенатор при Анне Леопольдовне, обер-прокурор Синода при Елизавете, генерал, кriegс-комиссар и конференц-министр, оставил любопытные записки, писанные с большим добродушием и простотой; в них особенно важны рассказы о восшествии Елизаветы, о ссылке Остермана, Миниха и др., о деятельности Шаховского в Синоде и о столкновениях его с П.И. Шуваловым¹. М.В. Данилов, артиллерии майор (р. ок. 1722, ум. ок. 1790), в виде родословия Даниловых, описал свою жизнь и все, что знал о своих предках. Несмотря на простоту изложения и на совершенное отсутствие политического элемента, записки Данилова один из важнейших памятников XVIII в. В них изображается воспитание и быт среднего дворянства в эпоху послепетровскую. Столь же простодушны, хотя, к счастью, очень подробны, «Записки» Андрея Тимофеевича Болотова (р. 1738, ум. 1833). Записки обнимают собой время с 1740 по 1793 г. включительно и представляют важный материал для изучения бытовой истории XVIII в. Простодушный, не блестящий умом и талантом, Болотов отличается чрезвычайной обстоятельностью в своих рассказах и потому передает множество драгоценных подробностей, напр., о походе Апраксина и битве Грос-Егерсдорфской, русском управлении Кенигсбергом, дворе Петра III и т. д. Быт сельского дворянства нигде не рисуется так ярко, как в рассказах Болотова; если прибавить еще добродушную личность любознательного, но неостроумного рассказчика, то понятна будет вся прелесть этих откровенных рассказов. Взгляд Болотова на деятельность императора Павла, сочувствие к скорому суду и к уничтожению роскоши предписаниями весьма характеристичны. Блистательную картину двора императрицы Елизаветы и характеристику Петра III, не всегда, впрочем, беспристрастную, представляют записки императрицы Екатерины. И, написанные в высшей степени умно и с громадным талантом, к сожалению, они останавливаются на царствовании Елизаветы. Дополнением к ним могут служить письмо Екатерины о событиях 28 июня 1762 г. и рассказ ее о первых годах своего царствования. Совсем иначе представляет Петра III в своих записках учитель его, известный академик Штелин (р. 1709, ум. 1785), хотя и он должен сознаваться во многих его недостатках; впрочем, Штелин писатель не совсем достоверный, что

¹ «Жизнь Я.П. Шаховского». М., 1810, писана, как полагают, Радищевым.

доказал своими «Анекдотами Петра В.». Кн. Екатерина Романовна Дашкова, прославившаяся своим умом и известная участием в перевороте 1762 г., оставила любопытные «Записки». К сожалению, громадное самолюбие и страсть рисоваться мешают Дашковой правильно изображать события. Гораздо важнее «Записки» Семена Андреевича Порошина, бывшего с сентября 1764 по март 1765 г. воспитателем Павла Петровича, описавшего день за днем, что делалось в комнатах цесаревича; эти записки драгоценны и для истории нравов и для объяснения многого в характере императора Павла¹. Смутное время пугачевщины описано многими современниками: укажем на «Летопись» Петра Ивановича Рычкова, известного своими трудами по изучению Оренбургского края (р. 1712, ум. 1777)²; сын Александра Ильича Бибикова, умершего во время пугачевщины, оставил записки о жизни своего отца³. Эти записки заключают в себе важные данные для истории царствования Екатерины: деятельность Бибикова, как маршала комиссии составления нового уложения, его деятельность в Польше, действия против Пугачева и т. д., но и к ним следует относиться критически: показание Бибикова, что большая часть костромского дворянства была безграмотна, опровергается наказом костромских дворян. Умирения пугачевского бунта касается и Гавриил Романович Державин в своих «Записках». Записки эти представляют весьма большой интерес, ибо обнимают всю жизнь Державина; к сожалению, только многое он видел под углом своего раздраженного самолюбия, и потому ссылаться на них следует с большой осторожностью. Пугачевщиной начинаются в высшей степени важные для истории нравов «Записки» Дмитрия Борисовича Мертваго (р. 1760, ум. 1824). Записки эти, отличаясь необыкновенной живостью изложения, рисуют общество конца XVIII и начала XIX в. и разные служебные сферы: Мертваго был и таврическим губернатором, и генерал-провиантмейстером, и сенатором в Москве, и всюду пользовался большим уважением и входил в сношения со многими людьми. Любопытны «Записки сенатора Рунича о Пугачевском бунте». Павел Степанович Рунич (р. ок. 1747, ум. 1825) был членом секретной комиссии, назначение которой было — поймать Пугачева посредством подкупа его сообщников; комиссия не удалась, но Руничу поручено было наблюдать за пойманным Пугачевым; из этого ясно, какой интерес представляют эти записки; Рунич записы-

¹ «Семена Порошина Записки». СПб., 1844.

² «Сочин. А.С. Пушкина» (изд. Исакова), т. VI.

³ «Зап. о жизни и службе Ал.Ил. Бибикова».

вал все, что только слышал. Из времени Первой турецкой войны при Екатерине II важны «Записки» кн. Юрия Влад. Долгорукого, где особенно интересно его пребывание в Черногории; записки эти оканчиваются царствованием Павла Петровича. Один из спутников кн. Юрия Владимировича Долгорукова оставил очень подробные записки об его экспедиции, любопытные и по описаниям нравов черногорцев. Чесменский поход описан Грейгом, ему же принадлежит «Журнал о подвигах русского флота в шведскую войну»¹. Для изучения событий в Польше 1767–1768 гг. любопытен «Журнал генерал-майора Петра Никитича Кречетникова», преследовавшего конфедератов, а касательно событий в Литве 1792 — «Дневные записки генерал-аншефа Михаила Никитича Кречетникова»; занятие русскими Вильны рассказано Тучковым. Двое из статс-секретарей Екатерины оставили по себе записки: Александр Васильевич Храповицкий и Адриан Моисеевич Грибовский. Записки Храповицкого (р. 1749, ум. 1801) обнимают собой время от 1782 по 1793 г. Эти записки кратки, часто даже непонятны по своей краткости, но часто в высшей степени интересны, представляя неожиданное объяснение того или другого факта. Храповицкий ежедневно кратким указанием обозначал то, что его поражало, преимущественно записывал он слова императрицы. Записки Грибовского — другого свойства: они чрезвычайно бестолковы и дают мало для историка. Для истории умственного развития общества при Екатерине важно, кроме Державина, «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» фон Визина, характеризующее, какое воспитание получали в Московском университете и как сильно было волтеррианство в обществе; университет в конце екатерининского времени описан в записках Ильи Федоровича Тимковского². Любопытные подробности об университете встречаются также в записках известного поэта, кн. Ивана Михайловича Долгорукова (р. 1764, ум. 1823). Записки Ивана Владимировича Лопухина вводят в общество масонов и знакомят с их процессом; записки Лопухина интересны также по сведениям из эпохи Павла, также начала александрова времени. Последнее время Екатерины очень хорошо рисуется в «Записках Льва Николаевича Энгельгарда» (р. 1766, ум. 1836), которые продолжаются и по кончине Екатерины до кончины Александра I. Историограф кн. М.М. Щербатов оставил любопытное сочинение «О повреждении нравов в России», ко-

¹ Первый издан отдельно под заглавием: «Собственноручный журнал капитан-командора Грейга в чесменский поход».

² «Мое определение в службу»; его же «Памят. И.И. Шувалову».

тому он придал характер мемуаров и где рассказывает множество анекдотов, начиная с Петра В.; анекдоты далеко не все отличаются верностью, цель — доказать необходимость преобладания аристократии. Из всего писанного о Потемкине можно указать на рассказы безыменного современника, сильно не благоволящего к Потемкину¹, и его биографию, писанную его племянником, гр. Самойловым, может быть, уже чересчур хвалебную². Последний день Екатерины описан графом Ростопчиным. К веку Екатерины относятся своим началом записки И. И. Дмитриева и графа Комаровского. Записки Дмитриева малоинтересны: автор их, человек уклончивый, боялся как-нибудь проговориться. Записки гр. Евграфа Федотовича Комаровского, обнимающие время Екатерины, Павла, Александра и Николая, замечательны своей правдивостью. Особенно любопытно время императора Павла и все, что касается цесаревича Константина Павловича, при котором состоял граф Комаровский. Любопытные подробности о состоянии Западного края под русским владычеством от присоединения его до 1815 г., представляют записки служившего там чиновника Добрынина. В 1771 г. с Камчатки бежал известный польский авантюрист Баниовский, захватив с собой нескольких русских; один из этих беглецов, канцелярист Рюмин, описал свои приключения.

Для царствования Павла Петровича, кроме указанных уже, важны рассказы, записанные со слов Николая Осиповича Кутлубицкого (ум. 1849), бывшего комендантом дворца. Рассказы Кутлубицкого, простые и правдивые, чрезвычайно интересны и характеризуют время. Так, напр., рассказ о первом известии, полученном Павлом Петровичем о кончине Екатерины, рассказ о поездке Кутлубицкого в Москву мирить двух военных губернаторов и о том, как, по возвращении его, Александр Павлович, узнав, что он был с докладом, призвал его к себе и т. д. Любопытно, что в ночь на 12 марта 1801 г. Кутлубицкий был арестован без ведома государя. Быть может, еще интереснее записки Николая Александровича Саблукова (р. 1776, ум. ок. 1860), человека умного и наблюдательного и превосходно передающего впечатления от сведения гатчинских порядков; у него же встречаются любопытные сведения о последнем времени царствования Павла Петровича. Славный екатерининский полководец князь Николай Васильевич Репнин (р. 1734, ум. 1801) оставил любопытные поденные записки об усмирении им вол-

¹ «Москвит.», 1852, II («О приватной жизни Потемкина»).

² «Русс. Арх.», 1867, № 7, 10 и 12.

нений, возникших между крестьянами в губерниях Вологодской, Орловской и Калужской. Эти записки показывают, как даже лучшие люди той эпохи, — а Репнин, друг Лопухина, принадлежал к их числу, — строго относились к крестьянским волнениям. Известный адмирал Александр Семенович Шишков (р. 1754, ум. 1841), бывший и моряком, и государственным секретарем в 1812–1815 гг., и министром народного просвещения, и президентом Российской академии, много писавший на своем веку, оставил интересные записки. Шишков, не славившийся умом, был известен неподкупной честностью и правотой; понятно, как важны его записки. Митрополит Платон (р. 1737, ум. 1812) тоже оставил записки. Некоторые записанные отдельные рассказы и предания об этой эпохе тоже не лишены интереса: таков рассказ о Линденере, бывшем инспекторе кавалерии в Смоленской инспекции, человеке жестоким, но любимом Павлом за точность и знание фронта, таковы рассказы, записанные со слов князя Сергея Михайловича Голицина (р. 1774, ум. 1859), рассказ Владимира Ивановича Даля. Из воспоминаний о Суворове особенно важны своей правдивостью написанные неизвестным очевидцем его походов «Рассказы старого воина о Суворове»; автор пользовался также рассказами своих современников (напр., кн. Багратиона); сочинения Егора Борисовича Фукса, несмотря на его официальное положение при Суворове, несмотря на то, что ему поручено было ведение журналов компании, не имеют никакого значения. Важнее записки генерал-майора свиты Вистицкого о действиях Римского-Корсакова в Швейцарии, в которую, по замечанию Д.А. Милютина, вошло многое из записок самого Корсакова. Генерал-майор Левенштерн, тоже участвовавший в походе Суворова, оставил интересные записки.

Из записок, изображающих эпоху жизни Александра I, особенной известностью пользуются «Воспоминания» Филиппа Филипповича Вигеля (р. 1786, ум. 1856). Остроумный, обладающий блестящим литературным талантом, но желчный и раздражительный, Вигель рисует яркие картины, но в этих картинах далеко не все правда: все известные люди той эпохи, даже Сперанский, даже Крылов, подвергаются его осуждению; исключения делаются для очень немногих: Блудова, Жуковского, Карамзина. Пристрастие Вигеля доходит до того, что он превозносит своего зятя Алексева, человека далеко не первостепенного, перед лучшими русскими генералами, принимавшими участие в Финляндской войне. Тем не менее, поверяя постоянно Вигеля критически, историк должен им пользоваться и потому уже, что нередко в его отзы-

вах слышится мнение эпохи; многие из его очерков имеют несомненное достоинство: общество провинциальное в его молодость, посольство графа Головкина в Китай и т. д. Противоположность Вигелю составляет Сергей Николаевич Глинка (р. 1775, ум. 1847); один ко всему относится с иронией, другой обо всем говорит восторженно. Один из честных и самых почтенных людей своей эпохи, Глинка далеко не был из самых талантливых: его изложение, усеянное множеством эпизодов, часто совершенно посторонних, сближений, не всегда удачных, делает чтение его утомительным; обширная его память, наполненная всем читанным и виденным, тоже иногда изменяет ему, поэтому к запискам его следует относиться с осторожностью)¹. Брат С.Н. Глинка Феодор Николаевич написал весьма оживленные «Письма русского офицера», которые самым своим несколько риторическим и восторженным слогом рисуют ту эпоху, когда они появились. Наполеоновские войны вызвали целый ряд записок; укажем из них на те, которые, по нашему мнению, наиболее заслуживают внимания. Подвиги русского флота в Средиземном море описаны Владимиром Богдановичем Броневским и Павлом Петровичем Свиным (ум. 1839); записки барона Петра Владимировича Штейнгеля (р. 1783, ум. 1862) описывают действия петербургского ополчения и корпуса Витгенштейна, к которому оно было прикомандировано. «Походные записки артиллериста» и «Воспоминания о походе» Раевского представляют любопытные подробности, особенно первые, где между прочим является на сцену Фигнер. Со стороны анекдотической любопытны также записки известной кавалерист-девицы Надежды Васильевны Дуровой, любопытные и по самому полу автора, но самые важные записки этой эпохи «Записки» Алексея Петровича Ермолова (р. 1777, ум. 1860), бывшего начальником штаба первой армии. Его военный талант, его большой ум и правдивость придают огромное значение его запискам, которые продолжаются до отставки его в 1826 г. и, кроме наполеоновских войн, изображают его деятельность на Кавказе. Много важных замечаний в статьях Ивана Петровича Липранди, тоже участника этой войны. С личными воспоминаниями И.П. Липранди соединяет знакомство со всей литературой, касающейся этой эпохи². Из воспоминаний о пребывании

¹ «Зап. о 1812 г. Сергея Глинка, первого ратника Московского ополчения». СПб., 1836.

² «Пятидесятилетие Бородинской битвы» («Чт. в Общ. Ист.»), 1866, I, II, III, IV «Война 1812 г. Зам. На книгу: «Ист. От. Войны» («Чт. в Общ. Ист.»), 1868, I; 1869, II) о графе Аракчееве («Русс. Арх.», 1866, № 7) и др.

французов в Москве наиболее важны записки Алексея Дмитриевича Бестужева-Рюмина, служившего в вотчинном архиве и спасшего его тем, что явился к Наполеону, воспоминания живших в Москве французов, а также воспоминания неизвестного очевидца¹. Партизан Денис Васильевич Давыдов (ум. 1839) оставил несколько любопытных статей, имеющих характер записок². Известный Михаил Феодорович Орлов рассказал капитуляцию Парижа. Важная для истории внешней политики времен Александровых биография графа Каподистриа объясняется воспоминанием о нем Александра Скарлатовича Стурдзы, а также его собственной автобиографической запиской; для характеристики реакции последних годов важны записки Юрьевского архимандрита Фотия; кроме известных уже нам записок Шишкова, много данных об этой эпохе находим в записках Владимира Ивановича Панаева, известного в свое время идиллика (р. 1792, ум. 1860). Панаев, служивший в Министерстве народного просвещения, сообщает интересные подробности о Магнитском, сведения о котором мог иметь и потому, что как воспитанник Казанского университета сохранил связи с Казанью. Товарищ Панаева по университету Сергей Тимофеевич Аксаков (р. 1791, ум. 1859) в своих превосходных, полных поэтической простоты и жизненной правды произведениях оставил много любопытных данных для истории прошлого времени. Николай Иванович Греч (ум. 1867) оставил записки о своей многолетней литературной жизни, которые, однако, требуют сильной критики, как и записки товарища его Фадея Венедиктовича Булгарина. Любопытны записки Степана Петровича Жихарева (ум. 1860), рисующие интересы молодого поколения начала нынешнего века, разумеется, той его части, которая имела умственный интерес. Для истории научной литературы важны записки Константина Феодоровича Калайдовича (ум. 1832). Многие из лиц, участвовавших в заговоре, окончившемся 14 декабря 1825 г., оставили свои записки; из них самые интересные Н.И. Тургенева (р. 1790 —), любопытные как по связям и положению автора, так и по его уму, и Ивана Дмитриевича Якушкина (ум. 1856); другие составляют по большей части разбор донесения следственной комиссии. Важны еще записки Михаила Александровича Бестужева (ум. 1869), брата знаменитого Марлинского, о пребывании их в Сибири; «Записки

¹ «Восп. очев. о пребыв. французов в Москве». М., 1862.

² «Встр. с Суворовым», «Встреча с Камен.», «Воспом. о Прейсиш-Эйлау», «Мороз ли истребил французов?», «Воспоминание о Кульме», «Тильзит в 1807 г.», «Отрывки из партизанского дневника» и т. д.

декабриста», изданные в прошлом году в Берлине, дают очень мало. Упомянув о записках адмирала Чичагова, не остановившего Наполеона у Березины, мы заключим список источников этого разряда, ибо оканчиваем свое сочинение кончиной императора Александра Павловича.

Частные письма замечательных, а иногда даже и незамечательных людей имеют равный интерес с записками; в некоторых случаях интерес письма может быть даже значительнее: записки могут назначаться для потомства, письма пишутся для современников и притом часто под покровом тайны; следственно, в письмах характер человека и его отношений рисуется правдивее, чем в записках или в каких-нибудь литературных произведениях¹. Первым памятником подобного рода можно считать письмо Володимира Мономаха к Олегу Святославичу (1096)², в котором он уговаривает этого князя отпустить к нему его невестку. В Руси киевской таких памятников не могло быть много, да и бывшие не дошли до нас, но из периода московского до нас дошло довольно много писем, и число их постоянно увеличивается. Сюда относятся письма польской королевы Елены к ее отцу в. кн. Ивану Васильевичу, матери и родственникам, в которых она большей частью старается примирить отца с мужем; письмо Василия Ивановича к Елене. От Василия Ивановича дошли до нас чрезвычайно любопытные письма ко второй его жене, дышащие нежностью и заботливостью о ней и ее детях. Известная переписка Ивана Васильевича с князем Курбским составляет, как мы знаем, один из важнейших документов для изучения его эпохи и характера столкновений царя с боярскими притязаниями; чрезвычайно важно его послание в Кирило-Белозерский монастырь, в котором он высказывает свое негодование на упадок строгой монастырской жизни и на послабление сосланным боярам. Любопытна переписка московских бояр с королем Сигизмундом Августом и панами, в которой они отрекаются от предлагаемого перехода в Литву³. От эпохи Смутной мы имеем довольно документов, имеющих характер переписки; сюда относится переписка первого самозванца с Юрием Мнишеком и его семьей; письма к нему нунция Ронгони и известного сторонника иезуитов Андрея Бобо-

¹ Следующий перечень прошу считать за опыт, так как до сих пор еще не было подобного перечня (или я его не знаю) и потому пробелы могут быть значительны; к тому я старался вносить только важнейшие; послания духовных лиц, имеющие характер или поучения, или официального документа, мы здесь не считаем.

² П. С. Р. Л. I, 105–106.

³ Карамзин (т. IX, ст. 57–58 по изд. Эйнерлинга) кидает тень сомнения на эти письма, но нельзя не согласиться с Даниловичем («Skarbiec» II, 325–329), что они очень интересны.

ли, письма Марины к отцу, письма царевны Ксении об ее жизни в осажденной Троицкой лавре, письма Андрея Васильевича Голицына, Федора Ивановича Мстиславского, Ивана Никитича Романова, несмотря на свой малый объем, живо переносят в ту эпоху; еще важнее переписка бояр и других лиц, приверженных к Сигизмунду и самозванцу с польскими и литовскими панами. От времен царя Михаила Феодоровича мы имеем переписку его с отцом патриархом Филаретом, а также письма княгини Марфы, царицы Евдокии Лукьяновны и т. д. Письма эти, любопытные по многим бытовым подробностям, показывают, какое влияние имел патриарх Филарет на своего царственного сына. Царь Алексей Михайлович сам любил много писать: его простодушные письма к Матюшкину, к кн. Одоевскому, Никону возбуждают к нему большое сочувствие, хотя и не отличаются той литературной отделкой, которая весьма заметна в письмах царя Ивана Васильевича, посвященного во все тайны тогдашней грамотности. Особенно любопытны письма к Никону о смерти патриарха Иосифа и кн. Одоевскому о смерти его сына. От конца XVII в. до нас дошло много писем, между которыми замечательны объяснительные письма Матвеева и переписка известного фаворита Софьи Василия Васильевича Голицына, особенно важны нежные к нему письма царевны. Для изучения быта конца XVII в. дают материал письма к Андрею Ильичу Безобразову от его дворецкого, а также переписка какого-то Еремеева; для характеристики монастырей и их отношения к их благотворителям любопытны письма из Москвы в Троицкую лавру княгини Иулиании Голицыной. Переписка стольника Колонтаева с его слугой превосходно характеризует старинные приказные нравы. Многогранная деятельность Петра выразилась в многочисленных и разнообразных письмах, в которых он то строго, то ласково, то шутивно передавал своим сподвижникам и свою волю и совершавшиеся события. В письмах Петра вполне виден его энергический характер, отразившийся и в слоге, сжатом, ясном и точном, несмотря на употребление множества иностранных слов. Несчастный сын его царевич Алексей также вполне выразил в письмах свою кроткую, недеятельную, но созерцательную природу. Из писем сотрудников Петра особенно любопытны письма Петра Андреевича Толстого из его посольства в Турции¹; для истории церкви важны письма Новгородского митрополита Иова, одного из лучших людей той эпохи, а также письма Феофана Прокоповича; письма св. Ди-

¹ «Ист. Петра В.», т. IV, «Русс. Арх.», 1864. Загадочно письмо будто А.И. Румянцева о смерти царевича, у Устрялова.

митрия по большей части литературные. Из времени, последующего за Петром, особенно важны письма и еще более донесения кн. Антиоха Дмитриевича Кантемирова, человека образованного и сверх того тонкого и умного наблюдателя. Из времен Елизаветы Петровны любопытны для показания придворных отношений переписки Шувалова Ивана Ивановича и Воронцова Михаила Илларионовича; любопытны письма Мавры Егоровны Шуваловой, любимицы Елизаветы Петровны. Граф Бестужев как человек превосходно характеризуется своей, хотя и позднейшей, перепиской с сыном, которая, кстати, изображает и нравы эпохи; жалкое положение науки представляют письма Ломоносова. Жаль, что до сих пор не напечатаны письма Петра III к Фридриху В., о которых говорит этот последний в своих сочинениях; эти письма должны многое объяснить в событиях того времени. Характерны письма из ссылки фельдмаршала Миниха к императрице и графу Бестужеву. Императрица Екатерина писала чрезвычайно много; ее живой, разносторонний ум требовал себе постоянной пищи и постоянно выражался в сочинениях разнородных: она писала и государственные уставы, и исторические сочинения, и сатирические статьи, и комедии, и многое другое, — наконец письма: из сочинений литературных письма едва ли не самый благоприятный род для ее таланта, в котором отличительные свойства — живость, быстрота и неожиданность переходов. Но в произведениях Екатерины важно не только то, что имеет литературное достоинство, но даже и простые записочки, ибо и они или относятся к важным государственным вопросам, или указывают драгоценные черты времени. От современников Екатерины сохранилось очень много писем, к сожалению, многое еще неизвестно, так как мы знаем очень много писем кн. Потемкина Таврического и писем к нему, хотя в них должно, несомненно, заключаться немного важного, и самая личность Потемкина с его широкими, гениальными планами занимает слишком значительное место в истории, и потому нельзя не желать обнародования всего, что может разъяснить эту изумительную личность. Напечатано достаточно, чтобы понять, как Екатерина дорожила мнением Потемкина и как ничего не предпринимала без совета с ним. Гораздо более известно из переписки другого славного представителя Екатерининского времени — Суворова. Письма Суворова издавна пользуются большой известностью, его чисто русская манера выражения: смесь серьезного с шуткой, сделала письма его любимым чтением русских людей; из них многие, не всегда, впрочем, со строгой разборчивостью перепечатаваемые в разных сборниках, из-

вестны каждому чуть не наизусть. Конечно, нельзя не желать сборника их и более полного, и более верного. От времени Екатерины сохранились огромные сборники переписок более официальных: Румянцева, двух Кречетниковых, Сиверса и т. д. Эти переписки в значительной степени облегчают понимание и изучение политических событий ее времени; драгоценные письма Я.И. Булгакова из семибашенного замка ясно говорят о том, как русским людям того времени не было никаких преград и как во многом тогдашняя дипломатия хранила воспоминания дипломатии времен московских. Переписка Державина любопытна и по характеру самого поэта и по тем лицам, с которыми сходилась, и по событиям, в которых он принимал участие, хотя, по известной страстности его характера, показания его требуют проверки. Из писем других литераторов первое место занимают письма фон Визина, характеризующие и тогдашнее общество (напр., в письмах к родным) и, что не менее важно, выражающие взгляд образованных людей того времени на жизнь заграничную. Мелочная, раздражительная личность Сумарокова очень хорошо рисуется в его письмах и прошениях. Масонство вызвало значительную переписку, частью между своими членами, а частью с посторонними лицами. Кроме писем, принадлежащих лицам историческим, до нас дошли любопытные письма лиц, мало известных. Таковы письма Саблукова, отца автора известных записок о Москве 1771 года, — драгоценный документ о состоянии Москвы во время чумы; таково письмо неизвестного о Потемкинском празднике, о кончине Екатерины, о первом дне царствования Павла. Из писем времен Павла Петровича особенно важны письма императора и императрицы к фрейлине Нелидовой. На воспитание императора Александра имел, как известно, особое влияние швейцарец Лагарп, с которым и сам император и все члены императорской фамилии состояли в переписке, имеющей несомненное историческое значение. Писем императора Александра Павловича обнародовано уже довольно много, но еще недостаточно для полной оценки весьма сложного характера этого замечательного государя. Чрезвычайно любопытна переписка императрицы Марии Феодоровны, бывшей чрезвычайно доступной и ласковой. Сохранились любопытные письма к ней кн. А.Б. Куракина, описывающие, в виде дневника, происхождения 1807 г.; того же Куракина любопытны донесения императору и письма Румянцеву о его посольстве в Париже в 1809—1811 г. От разных эпох жизни Сперанского осталось много писем, чрезвычайно любопытных, характеризующих этого благородного, умного, но гордого человека

с значительным отливом первоначального воспитания. Аракчеев писал меньше, но зато любопытны письма к нему писанные. Огромная переписка гр. Ростопчина блещит остроумием, но, быть может, его способности государственного человека ниже его светских достоинств; для истории 1812 г. важны письма А. Я. Булгакова и также письма разных лиц к кн. П. А. Вяземскому. От Кутузова писем довольно мало, любопытны только письма к жене; чрезвычайно интересны, хотя прямо и не касаются до русской истории, письма русского комиссара при Наполеоне гр. Бальмена о жизни на острове Св. Елены; для истории реакции не без интереса переписка по делу Библейских обществ, письма Фотия, кн. А. Н. Голицына и пр. Для истории литературы важны переписки Карамзина, Евгения, прот. Григоровича, Жуковского и многих других.

Памятники юридические и акты государственные

В обществе первоначальном, еще не знающем письменности, все отношения между членами определяются обычаями, освященными религиозными верованиями и приговорами старших, знакомых с этими обычаями и находящихся — по общему верованию — в непосредственных сношениях с божеством: этими приговорами решаются все возникающие недоумения; постановленное решение закрепляется символическим обрядом; символ долго заменяет собой гражданский акт (соломенка (*stipula*) — при обязательствах, кусок земли — при спорах о земле и т. п.). Такое наглядное основание права считается ненарушимым: народ весь был свидетелем акта, боги его освятили. Отношения между племенными решаются борьбой (судом Божиим), и результат борьбы знаменуется или полным рабством побежденных, или взаимной сделкой, которая снова закрепляется торжественным религиозным актом с символическим обрядом (пить кровь, воду с сабли, с золота и т. п.); объявление войны облекается тоже символической торжественностью (римские фециалы). Потому при всяком процессе являются в древности свидетели, знатцы, старожилы, которые подкрепляют своей присягой или своим свидетельством достоверность акта, как теперь являются на суд свидетели факта: акт того времени есть и в действительности акт (действие). Письменность, когда она появляется, начинает прилагаться и к потребностям государственной и гражданской жизни народов: начинают записываться и международные трактаты, и основные правила суда, и частные сделки. Явление это очень понятно: письменность появ-

ляется тогда, когда простота первоначальных отношений поколеблена, когда наплывом многих новых отношений и условий нарушен обычный строй и сознание, так сказать, помутилось. Вначале число письменных актов мало, самые акты более или менее кратки¹ и довольствуются существенно необходимым, тем, что имеет практическое применение: в сборники законов вносятся только то, что может быть предметом спора, что нужно для пользования судьям разводным, — так, напр., в «Русской Правде» нет постановлений о том, как судить внутри общины (верви), потому что внутри общины держались старые обычаи, и только предлагается руководство для княжеских судей и определяются, главным образом, виры: вопросы о том, сколько платить и кому платить, весьма важные для общины; определение платы составляет ей некоторое обеспечение от произвола. Точно так же в первоначальных грамотах дарственных и т. п. много не распространяются, а только обозначают предмет дара (напр., во Всеволодовой грамоте Новгородскому Юрьевскому монастырю — древнейшей у нас).

Развитие гражданских сделок, расширение государственной власти и ее сосредоточение в одном центре были причинами увеличения числа разного рода актов и распространения их объема: пока князь разъезжал по своей области и лично произносил суд, тогда судопроизводство было словесное; даже в том случае, когда он поверил свою власть другому лицу, лицо это пользовалось его властью во всей полноте и решало дело окончательно; но когда местные князья уничтожились, власть сосредоточилась в Москве, явилась необходимость надзора за судьями и вследствие переноса дел в центральные присутственные места письменное делопроизводство заняло место словесного: в ту пору, как увидим в своем месте, это было значительной гарантией. Гражданская жизнь стала сложнее, сделки (купля, продажа, заем, наем и др. обязательства), не ограничиваясь одной небольшой местностью, не могли быть вполне известны окольным людям, потребовали письменных актов, и мало того — они стали многочисленнее и разнообразнее и потребовали вместе с тем законодательных определений. Государственная жизнь тоже развивалась в свою очередь: с одной стороны, усилились внешние сношения, с другой — расширилась администрация; одно потребовало увеличения дипломатических актов, а другое — подробных наказов, грамот из Москвы, отписок от воеводы. Явилась потребность сохранять эти акты, как

¹ Договоры наших князей с греками пространны, но это объясняется тем обстоятельством, что они, вероятно, составлены греками.

свидетельства совершившихся сделок, государственных и гражданских, на случай спора и справки, как пример для будущих подобных сделок. Образовались архивы. Так, мы знаем, что уже во времена Иоанна Грозного в Москве был царский архив, опись которого напечатана в «Актах археографической экспедиции» в первом томе.

Несмотря на пожары и неприятельские нашествия, в архивах нашего времени сохраняется очень много памятников старых времен, в особенности начиная с XVI в. Главные архивы настоящего времени: Московский архив Министерства иностранных дел, Государственный архив в С.-Петербурге, Архив Министерства юстиции в Москве, Сенатский архив в С.-Петербурге, Архив Военно-топографического депо, архивы разных министерств (в которых иногда встречаются бумаги даже царского периода, напр., в Архиве медицинского департамента Министерства внутренних дел, в Архиве департамента иностранных исповеданий того же министерства и т. д.), Синодский архив, Архив Оружейной палаты, так называемые центральные архивы: Киевский, Виленский, Витебский. Скажем несколько слов о главных из этих архивов. Государственный архив получил начало в 1809 г., когда последовало распоряжение отделить все бумаги, касающиеся императорской фамилии, а также по следственным уголовным делам особой важности. Доступ, открытый в этот архив некоторым из лиц, занимающимся русской историей, уяснил многое из истории XVIII в. Здесь черпали материалы и С.М. Соловьев, и Н.Г. Устрялов (для «Истории Петра Великого»). Между бумагами XVIII в. здесь есть кое-что и XVII (между прочим, дело Никона). В Московском главном архиве МИД хранятся все дипломатические сношения до 1800 г. и, кроме того, здесь много материалов для внутренней истории России, т. к. посольский приказ, архив которого послужил основанием этого архива, управлял краями, только что присоединенными, напр., Малороссией. Этим архивом давно уже пользуются историки. Начальники его: Миллер, Стриттер, Бантыш-Каменский, Малиновский, кн. М.А. Оболенский участвовали своими трудами в издании документов; труд Н.Н. Бантыша-Каменского «Обозр. дипл. снош.», к сожалению, еще не изданный, в свое время много облегчил работу Карамзину. При архиве издано было «Собрание грамот и договоров». Московский архив М.Ю. состоит, собственно, из трех архивов: разрядного (дела бывшего Разряда, центрального места для всех служб в Московском государстве), старых дел, где собраны дела многих прежних наказов, а также и позднейших уничтоженных мест, и вотчинного, где сосредоточены дела и до-

кументы древней вотчинной и поместной системы и дела по недвижимым имениям с 1731 г., когда окончательно уничтожилось различие между поместьями и вотчинами. Этот архив в высшей степени важен для внутренней истории России в период Московский. При Петербургском IV департаменте сената сохраняется так называемая «Метрика Литовская», книги, в которые вписывались документы бывшего Великого княжества Литовского¹. Для истории Западной Руси важны архивы: Киевский, где хранятся документы, касающиеся губерний: Киевской, Волынской и Подольской; Виленский, где собраны документы; относящиеся до губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, Витебский, предназначенный для хранения документов губерний: Витебской и Могилевской. Кроме государственных архивов, есть важные архивы семейные (кн. Радзивиллов в Несвиже, кн. Воронцовых, издание документов которых начато, кн. Куракиных, кн. Кутузова, Попова в Решиловке и т. д.).

Какое же значение имеет для историка этот богатый материал? Нет сомнения в том, что акты государственные: манифесты, реляции, духовные грамоты и т. п. представляют во многих случаях материал несомненный; для полной достоверности их принимаются особые меры: они пишутся в известных формах, скрепляются подписями, печатями, обозначаются годом и числом. Следственно, прежде всего на них основывается верная хронология: само собой разумеется, если нет причины опровергать подлинность документа, но и в этом последнем случае почти всегда есть возможность доказать подлинность или подложность, особенно когда акт дошел не в списке. Следственно, с этой стороны акты должны составлять основу исторического повествования. Если даже случилось бы, что былевые данные, сообщаемые актом, недостоверны, напр., что в сражении, которое в реляции представляется победой, верх принадлежит не той стороне, которая о том заявляет, или если, заявляя о неудавшихся дипломатических переговорах, то или другое правительство указывает на противника как на виновника неудачи, тогда как дело было наоборот, — и тогда акт имеет несомненную важность: он рисует цели и намерения правительства, его надежды и опасения и тем при помощи, разумеется, других данных, вводит в самую жизнь эпохи. Со стороны же бытовой, каждый акт — памятник неоцененный, только надо знать, как им пользоваться: здесь вступает во все свои права та внутренняя крити-

¹ Значение остальных архивов ясно из самого названия; заметим только, что в архиве Оружейной палаты хранятся документы, касающиеся древнего царского двора.

ка, о которой мы говорили выше. Если бы даже случилось, что акт мало дает с этой стороны, все же он может быть важен для вопроса хронологического или биографического, без разрешения которых история имеет виды призрака, а не были. Просьбы, подаваемые правительству от сословий, городов и т. п., могут быть неверны со стороны былевой: разорение, на которое они жалуются, не было так велико, угнетение не было так сильно, как они показывают, истории на них нельзя основывать, как это иногда делают, а то история примет общую для всех жалующихся формулу за действительность, но пользоваться ими историк должен, конечно, умеряя тон жалоб и сличая их между собой; даже если жалобы неверны, историку драгоценно знать, на что жалуются, что невыносимо для той или другой местности, при тех или других условиях, драгоценно знать, чего хочет народ на той или другой ступени развития. Памятники юридические, сборники законов, сделки, заключения между частными лицами (купчие, мировые, закладные и т. п.) важны преимущественно для истории бытовой: они знакомят со взглядами общества, со степенью его образования, с его строем общественным, что составляет в сущности самое содержание истории. Иногда законы или заимствованы (заимствуют и целые сборники) или выданы по какому-нибудь случаю: по личной воле правителя, по частному соображению, для известной частной цели и не исполняются и даже недолго существуют, и тогда они важны и драгоценны для историка, знакомя с тем, кто и что имело влияние на данное общество, что могло и что не могло делаться и почему: по коренному ее противоречию с основами общества или по обстоятельствам случайным?

Определив историческое значение памятников жизни государственной и юридической, укажем на главнейшие их виды. Внешние международные отношения определяются договорами. Памятники этого рода сохранились у нас, к счастью, от самого начала Русского государства, хотя и в списках. Эти замечательные договоры с греками: Олега, Игоря и Святослава. Договоры эти — чрезвычайно важный источник для изучения как политического, так и юридического быта Руси в первый период ее истории; т. к. Русь в Греции судилась по своим законам, то здесь находим указание на эти законы: указание на то, кто посылал послов, знакомит нас с политическим строем, а предосторожности, принимаемые греками, — с характером тогдашней торговли. Договоры Смоленска, Полоцка и Новгорода с немцами, знакомя с торговлей, служат драгоценными материалами для знакомства с юридическими отношения-

ми, ибо в них определяются правила суда. В период удельный князь тоже заключали между собой договоры, определяя в них свои взаимные права и обязанности, которые обуславливались относительной силой той и другой стороны. Эти договоры представляют нам чрезвычайно много данных для определения внутреннего состояния тогдашней России: отношения князей между собой, взаимных отношений сословий и т. д. Подобные же договоры заключали князья с новым городом; в этих договорах ясно выступает значение князя в Новгороде, степень его власти и внутреннее управление Новгорода. При развитии наших дипломатических сношений число трактатов все постепенно увеличивается. Трактаты служат в высшей степени важным и вполне несомненным источником внешней истории; те из них, которые касаются коммерческих сношений: торговые, почтовые, телеграфные и т. д., важны для изучения другого рода внешних отношений: промышленного и торгового взаимодействия народов.

Для изучения частью междукняжеских отношений, частью княжеского быта, в особенности с археологической стороны, и вообще взглядов и понятий Древней Руси важны душевные (т. е. духовные грамоты) князей. Самая древняя из них грамота Владимира Васильевича (до 1288) дошла до нас в летописи¹. Грамоту эту можно потому считать древнейшей, что «Поучение Мономаха» есть произведение литературное, а завещание Ярослава дошло до нас в извлечении и, кажется, было устное. Грамоты московских князей с Ивана Калиты до Иоанна Грозного проливают яркий свет на московскую эпоху.

Для изучения суда в древности основной материал — юридические сборники, из которых древнейший — «Русская Правда», дошедшая до нас в двух редакциях: краткой и пространной, и во множестве списков. Это не что иное, как судебник: правила суда, преимущественно касающиеся вопроса о вирах. «Правда» долго служила руководством для судей, отсюда и такое обилие ее списков, отсюда и встречающиеся к ней дополнения. Дальнейшее движение законодательства совершается посредством грамот, даваемых различным местностям: уставных, судебных, губных. Уставные грамоты (напр., уставная грамота Двинской земле в кн. Василия Дмитриевича) соединяют с постановлениями юридическими и другими, напр., таможенными и т. п. Собственно, этого рода грамоты определяют отношения к князю той или другой общи-

¹ П. С. Р. Л. II, 215.

ны, волости и т. п. Судные грамоты (напр., Новгородская, Псковская) определяют порядок суда, преимущественно в тяжбах гражданских. Губные грамоты и указы заключают в себе наставления губным старостам для суждения по делам уголовным. Законодательство Московского Государства выразилось главным образом в «Судебниках» в. кн. Ивана Васильевича (1497) и царя Ивана Васильевича (1550), заключающих в себе правила суда для руководства наместникам и волостелям, а также и судьям по приказам. В Литовском государстве действовали «Судебник Казимира Ягайловича» и «Статуты» 1529, 1566, 1588 гг., частью основанные на старых русских обычаях и законах, а частью на привилегиях, данных королями шляхте разных областей. Судебники, в свою очередь, дополнялись новыми постановлениями в приказах, в каждом по его ведомству; так составлялись Записные книги приказов, из которых наиболее известна «Уставная книга разбойного приказа». Из таких книг составилось «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича 1648 г. (по ошибке «Полн. собр. зак.» до сих пор юристы называют его уложением 1649), принявши в себя и другие источники: градские законы, статуты и т. д. Уложением царя Алексея Михайловича начинается развитие нового русского права: до «Свода законов» 1832 г. «Уложение» было действующим законодательством, дополняемое так называемыми новоуказными статьями; нового сборника не было, а развитие законодательства шло указами, регламентами, уставами и т. д.; эти же формы существуют и до сих пор и составляют предмет изучения для юриста.

Памятники законодательства церковного дошли до нас частью переводные, частью русского происхождения. К переводным принадлежит Кормчая Книга, или Номоканон, заключающая в себе постановления, действующие в православной церкви на Востоке¹. К русским принадлежат уставы князей: Владимира святого, Ярослава, Всеволода-Гавриила, служащие приложением начала церковного права к обычаям русской жизни, причем высказываются и изменения, вызванные отличиями жизни русской от византийской (десятины, пени и т. п.), о чем мы еще будем иметь случай говорить в своем месте. Рядом с этими уставами, определявшими преимущественно суд церкви, хотя и касающимися и ее доходов, стоят другие княжеские грамоты, определяющие главным образом ее доходы; сюда принадлежит грамота Всеволода-Гавриила церкви Иоанна на опоках, Святослава Олеговича, Ростислава Мстиславича уставная Смолен-

¹ Самый древний список около 1283 г. Новгородский, хранящийся в Синод. Библ., и Рязанский 1284 г.; оба представляют две различные редакции.

ской епископии. Жалованные грамоты князей, начиная с грамоты Всеволода-Гавриила и отца его Мстислава Юрьевскому монастырю 1130 г., представляют огромную массу материала, важную для определения как политического, так гражданского и финансового отношения церкви к государству. Жалованные грамоты давались не только от князей духовным лицам, но и от духовных властей подведомственным им учреждениям и лицам (от митрополитов, епископов и т. д.). в такой же степени важны ярлыки, даваемые ханом татарским нашему духовенству. Внутренняя деятельность церкви выражалась в деяниях и постановлениях соборов, в которых исправлялись вкравшиеся в церквях беспорядки и уяснялись возникшие недоумения. Многие из постановлений соборных рисуют нам состояние общества: таковы постановления собора 1274 г. под председательством Кирилла II и еще более так называемый Стоглавый собор 1551 г., на котором утвержден был «Стоглав»; историческое значение «Стоглава», который представляет и отрицательное изображение общества, и некоторые положительные взгляды, несомненно. Повелением патриарха Адриана составлен важный для историка свод постановлений «Святительских судах», как бы завершающий собой все сделанное в этом отношении Древней Русью. Петровский «Духовный регламент» (1721) открыл новый период развития отношений церкви к государству.

Жалованные грамоты (несудимые, тарханные, льготные) давались не только духовным, но и светским лицам, давались в начале и удельными князьями, и татарскими царевичами, поселенными на русских землях. Назначение этих грамот — большие или меньшие льготы от податей и от суда наместников и волостелей, соединявшиеся в старое время с платой судебных пошлин; с тем вместе грамотчики получали право судиться самим государем или кому он прикажет. Несудимые грамоты окончательно отменены уложением. Сюда же принадлежат грамоты обильные за особые заслуги (напр., Сусанину¹).

В важных случаях от царя посылались Грамоты (напр., при вступлении на престол, при каком-нибудь важном событии, напр., войне и т. п.); с подданных брались крестоцеловальные записи. С тех бояр, которые

¹ Из самых грамот видно, что и тарханные и несудимые называются жалованными; таким образом под разряд жалованных подходят все такие грамоты, которыми даются разные льготы. Различие жалованных грамот от уставных определить тоже трудно, если не положить, что уставные давались местностям (важская, онежская) или сословиям (бобровникам, рыболовам), а жалованные — лицам или учреждениям, владевшим населенными местами (напр. духовенству). Уставные вызывались государственной необходимостью, жалованные были привилегией.

были ненадежны, государи (в особенности царь Иван Васильевич) брали поручные записи, в которых за ненадежного боярина ручались некоторые лица, а за них другие; в случае отъезда боярина в Литву поручители должны платить за него. В безгосударное время (в междуцарствие) грамоты писались от бояр. Грамотами вообще называлось все, что писалось от царя как по внутренним, так и по внешним делам. Деятельность земских соборов заявлялась грамотами (приговорными, утвержденными), в которых часто излагались и поданные мнения; эти грамоты иногда, может быть, и рассылались, и во всяком случае назначались для хранения (такова избирательная грамота царя Михаила Федоровича, избирательная грамота Бориса, дошедшая до нас в списке).

Воеводам давали наказы (подробные инструкции), памяти (по частным случаям); от них посылались отписки; приказы сносились между собой памятьми. Князю, потом царю, а также патриарху делались доклады. По своим делам от лиц, учреждений и местностей подавались челобитные. Отправляющиеся за границу получали проезжая грамоты. Отчеты послов назывались статейными списками.

Для изучения финансов древней России, а также и меры самостоятельности общины важны таможенные грамоты. Деятельность общины сказывалась в выборах, грамотах, свидетельствующих, что такой-то выбран, и приговорах, по большей части третейских (известные приговоры более принадлежат монастырским соборам).

По делам судебным процесс начинался жалобницей, или челобитной; иногда они назывались явками, как заявление о случившемся преступлении и т. д. За ответчиком посылался пристав с приставной памятью, причем ответчик отдавался на поруки и брались поручные записи; срок ответчику назначался срочной грамотой, давались и отсрочки. В случае непоявления ответчика давалась зазывная грамота; суд записывался в судной список, который выдавался ответчику, получая название правой грамоты. В случае окончательного неявления истца на него давалась грамота бессудная, по которой могли его схватить и представить в суд. Допросы окольных людей по разным судебным делам назывались обыском. Важные уголовные дела назывались розыскными. Сообщение суду и вообще всякое показание называлось сказкой; договоры между ссорившимися (иногда по уголовному делу) назывались мировыми. Основой землевладения служили разного рода документы: духовные, купчие, данные и вкладные (пожертвования в монастырь), межевые, отводные (ввод во владение), разъезжие (определение межи по суду), поступ-

ные (добровольная уступка) и т. д. Крестьяне обязывались слушаться грамотами послушными и вводными (вводящими во владение); на поместья давались грамоты поместные, на вотчину — отчинные. Права на холопа определялись грамотами полными и докладными: первые мог выдавать по судебнику тот, кто пользовался боярским судом; освобождение от холопства требовало отпусковой. Кабалами назывались грамоты, которыми люди за долг отдавали себя в холопство. Условия вообще назывались рядными, в частности, это имя носили условия между женихом и невестой о приданом.

Все грамоты писались сначала на листах пергамента, а после на листах бумаги; писались тогда с одной стороны и склеивались, причем сзади, по склейке, скреплял дьяк, чтобы нельзя было вырвать листы. Эти склеенные листы свивались в свитки, иногда очень большие; неудобство свитков заставило для делопроизводства завести книги, в которых документы записывались; впрочем, система свитков для черновых, а также для рассылаемых из Москвы грамот сохранялась. Из этих книг самые важные суть: записные книги приказов и других присутственных мест, в которые записывались денежные приходы, поступающие челобитные, явки и т. д.; указные, в которые записывались указы царские; таможенные, в которые записывались собранные пошлины; писцевые книги, представляющие подробное описание городов с их землями, строением и населением, уездов с их землями и жителями, причем обозначаются подробно всеугодия и промыслы. Цель их — служить основой для платы подати, т. к. в старину подать была посошная с земли и промыслов (соха — известная мера земли, к которой приурочивались всякие промыслы); дозорные и приправочные книги заключают в себе исправления и дополнения к писцовым книгам, составляемым от времени до времени особыми писцами, а для дозорных посылались особые дозорщики; в книгах строительных описывались укрепления городов; а в засечных — засеки, укрепленные пограничные линии; в переписных книгах исчислялись лица, составляющие тяглое или подушное сословие; в межевых — обозначалась межа разных владений; если при этом делалось измерение земель, то составлялись книги мерные; перечневые книги составляют второе описание на основании записанного в писцовой книге. В Большем разряде (главном центре всех служб Московского государства, где назначались служивые люди) и в разрядах при воеводе велись разные книги и списки, известные под именем разрядных книг (в которых обозначались все назначения, переводы с места на место, местнические дела, походы, отпи-

ски воевод и т. п.); Книги сеунчей (гонцов), заключающие в себе донесения воевод. С уничтожением местничества вместо сожженных разрядных книг стали официально вести книги родословные; первая родословная, так называемая Бархатная книга, составлена в 1683 г. Там же велись списки разных служилых лиц (так называемые «книги десятин», списки поместного дворянства, призываемого на службу), книги боярские, списки бояр, окольных и т. д. с обозначением также сведений об их поместьях и т. п. Исчисленные нами роды официальных памятников, далеко не исчерпывая всей их полноты, служат ясным доказательством, как важен этот род памятников, хотя мы и не можем вполне согласиться с тем мнением, которое, держась авторитета Ранке и примера С.М. Соловьева, считает архивные источники если не исключительным, то преобладающим родом источников.

Памятники литературные

Произведения словесности, представляя, с одной стороны, идеалы известной эпохи, ее воззрения, ее требования, с другой стороны, передавая черты нравов и подробности частной жизни, служат одним из важнейших источников для изучения истории бытовой; в этом отношении они нередко столько же важны для бытовой истории, сколько и акты. Говоря о словесности, здесь мы несколько стесняем ее обыкновенные пределы, ибо отделили уже все, что касается истории былевой, как-то: летописи, записки, жития и т. п.; с другой стороны, историк не может ограничиться теми пределами, в которых обыкновенно заключается словесность, т. е. областью поэзии и красноречия, с прибавкой публицистики; для него также важна научная литература, как и литература изящная, ибо она свидетельствует о степени образования того общества, жизнь которого историк изучает¹. Произведения словесности устной одинаково должны обратить на себя внимание историка, но не с одинаковыми требованиями и не с одинаковыми приемами должен он подходить к тем и другим; потому и разберем в отдельности отношение историка сначала к одному роду произведений словесности, а потом к другому!

Произведения словесности устной, песни, сказки, предания, заговоры, загадки, пословицы, появляясь ранее произведений письменности, записываются обыкновенно очень поздно, и потому внешняя критика

¹ Научную литературу историческую, как наиболее для нас важную, мы обозрим особенно.

имеет с ними гораздо более хлопот, чем с письменными. Задача критики усложняется еще тем, что произведения этого рода, передаваясь изустно, подвергаются изменению, искажению, но редко окончательным, и следственно, представляя различные наслоения, собственно не принадлежат ни одной определенной эпохе, а как-то своеобразно сливаются вместе все эпохи. Первая задача — отделить эти наслоения и разобраться в огромном количестве вариантов, которые представляют каждый мотив народной поэзии. До сих пор именно эта задача и открывает наиболее широкое поприще для ученого произвола: здесь является возможность толков о заимствованиях и влияниях. Объяснять все влиянием — прием самый простой: стоит только заметить сходство между преданиями и верованиями двух народов и убедиться, что один народ, по таким или другим причинам, должен был иметь влияние на другой. Но даже допуская возможность влияний (окончательно отвергнуть ее, кажется, нельзя), останется еще разрешить много вопросов прежде, чем вполне и бесспорно признать влияние: остается узнать, заподозренное предание или верование не могло ли родиться вследствие свойств, общих всем людям; для этого нужно сличение с верованиями и преданиями народов, несомненно, не состоявших в сношениях с народами, взаимное влияние которых изучается. Затем оно могло быть общим достоянием целой породы (расы); для этого надо проследить его у других народов одного и того же происхождения: если народы одного корня, тогда общностью происхождения явление объясняется законнее, чем заимствованием; если же народы разного корня, то могло быть заимствование, но тогда является вопрос, кто у кого заимствовал, не было ли заимствования помимо того народа, с которым сравнивают: напр., у третьего народа одного корня с одним из сравниваемых и т. д. и т. д. Вообще представляется чрезвычайно много возможностей, причем решительные приговоры становятся все труднее и труднее. Ко всему этому надо еще прибавить, что при изучении сходства следует обращать внимание и на сущность и на форму предания: если сходство в форме значительно, если форма принадлежит такой степени цивилизации, которой не достигло племя, где мы наметили подобное сходство, тогда может возникнуть вопрос о заимствовании. Наконец важно знать, как относится народ к известному преданию: видит ли он в нем простую забаву или серьезное дело, сказку или быль? Переход сказок более возможен и легок. Словом, множество обстоятельств должно быть принято во внимание при изучении народной поэзии. Народная поэзия — самое полное выражение духа на-

родного в период, соответствующий детству отдельного человека, в период преобладания чувства и воображения над рассуждающим умом; она выражает собою первое пробуждение народного духа — героическую эпоху, и в образах героев воплощает народную жизнь, историю народа. Моменты этой истории всегда более или менее сходны у всех народов, особенно при одинаковом происхождении и одинаковых условиях жизни: нередко последние имеют решительное и преобладающее влияние; поэзия народов кочевых имеет отличие от поэзии народов земледельческих и от поэзии дружин, выделяющихся из народов уже оседлых, выделяющихся не вследствие одних потребностей физических, но для молодчества, для подвига. Это сходство положений тоже не должно быть упущено из виду при изучении поэзии народной. Народная поэзия представляет собой явление замечательное: она находится в обратном отношении к умственному развитию, творческая сила народной безыскусственной поэзии ослабевает по мере развития умственного. Явление это очень понятно: поэзия безыскусственная есть дело общее, безличное; ее произведения суть произведения безыменных поэтов, проникнутых одними чувствами и убеждениями с массой, только отличающимися от этой массы большими талантами; потому масса легко воспринимает выражаемое ими общее настроение и общее верование, потому в устах каждого певца песнь, сложенная другим, звучит, как его собственная песнь, и легко рождаются варианты к ней, иногда даже дополнения. Историческое развитие приносит в массу движение, начинаются выделения: дружинник выделяется из людей земства, христианин от язычников и потом полуязычников; начинаются чужие влияния, доступ которым становится все легче и легче по мере колебания первоначально единства сознания, внесения в жизнь разнообразия. Вначале все эти изменения только налагаются новыми слоями, и заметные переходы совершаются в течение многих годов, но чем далее продолжается разъединение групп и отдельных лиц, порожденное историческим процессом, который состоит именно во внесении разнообразия, тем более на задний план отступает творческая поэтическая деятельность народа и наконец создается различие между поэзией народной и поэзией искусственной, народное делается само собой простонародным. У нас такой удар народной поэзии нанесло европейское образование. Когда образование в народе укрепляется, наука и литература обращаются к изучению народной поэзии и к пользованию ее элементами, но сама по себе народная поэзия ослабевает и только повторяет старые образы; обращение к ней

поэзии личной, искусственной оживит эту последнюю, даст ей намеки на такие основные элементы, которые развитие оставляло в стороне, ибо развитие, как дело личное, всегда односторонне: оно выдвигает то ту, то другую сторону, а народная поэзия — дело масс, более многосторонне, ибо создалась в ту эпоху, когда еще не знали разъединения, когда и религия, и право, и поэзия, и история — все носило один характер, когда и самый быт основался на давних верованиях и преданиях. Из всего этого ясно, что изучение народной поэзии необходимо для историка: основы ее, ее главные мотивы восходят к той эпохе, к которой не восходят, или редко восходят, памятники исторические; только священные книги возводят нас к подобной эпохе народной жизни; историки же по большей части являются уже с развитием искусственной литературы: Геродот не современник Гомера, а летописи западные и наши суть плоды внесенной чужой цивилизации, отчего западные пишутся по латыни, а в наших встречаются и указания на византийские источники и новое воззрение, не исходящее из народной поэзии. Конечно, и народная поэзия живет рядом с искусственной литературой, даже не всегда остается вне ее влияния (духовные стихи у нас и т. п.), но чем шире становится круг людей книжных, тем более суживается ее круг, тем более иссякает ее творчество. Конечно, как ни драгоценны ее свидетельства о первоначальной поре развития народа, но историк должен ими пользоваться с большим вниманием и рассуждением: песня не каменеет, она постоянно живет и подвергается изменениям, хотя в этих изменениях слышатся постоянно старые основы верований и старые поэтические мотивы; но, прежде чем пользоваться тем или другим произведением, историк должен определить, насколько оно принадлежит той или другой эпохе, ибо каждая более или менее накладывает свои краски прибавкой черт из жизни действительной, что делается бессознательно: привыкая к новым именам, певцы народные называют ими нередко старые явления (отсюда, напр., смесь христианства с язычеством или слова: генералы, ярлыки в песнях киевского периода и т. д.). Черты эти, вошедшие в ту или другую эпоху, иногда так и срastaются с песней, иногда самый идеал, проводимый в таких памятниках, усиливается и уясняется от противоположности с совершающимися событиями: то, чего хочется народу, является существовавшим в далеком прошлом; так идеальное лицо Красного Солнышка Володимира создалось, вероятно, окончательно в период закрепощения народа и т. д. Историк идеалы эти дороги: они объясняют ему настроение народа, его взгляды, его характер, но он никогда не дол-

жен искать олицетворения этих идеалов в какую-либо эпоху. Самые исторические события, изображаемые народной песней: взятие Казани, убиение царевича Ивана, смерть Скопина-Шуйского и т. д. даже до событий новейших времен (из сборника, издаваемого П. А. Бессоновым, мы знаем уже песни петровские; известны обрывки и позднейших), не передаются во всей своей действительности, а передаются так, как народ их понял: для поэтической истории важно не событие, а поэтический мотив. Следовательно, и здесь мы не можем считать произведения народной поэзии прямым источником, а должны в них искать только то, как события отразились в народе, какое они сделали на него впечатление. Следственно, в народных произведениях историк изучает народные воззрения — это самая их важная сторона, но едва ли он может искать известных определенных эпох; те периоды, которые обозначаются в народной поэзии, суть периоды крупные, периоды развития народного быта, их можно отчасти проследить на изменениях в образах любимых богатырей народа: у нас на Илье, в котором видим то бога-громовника, то богатыря земского, то княжеского витязя (впрочем, Илья нигде не разрывает с земщиной: это ее олицетворение), то казака и т. д. Многие произведения народные представляют еще важный интерес этнографический: в них сказываются разные местные оттенки, важные для изучения прошлого, но с этой стороны наукой сделано мало и все дело еще в будущем: самые говоры еще не разъяснены даже в настоящем своем виде, а не только в историческом развитии, со стороны разных влияний физических и этнографических.

Изучение памятников словесности письменной вводит историка в область, во многом отличную от той, в которой он обращался с памятниками словесности устной; ко многим из старых трудностей, общих для всякого рода памятников словесности, прибавляются трудности новые. Если легче определить век памятника письменного, чем устного, если в первом усматривается менее наслоений и часто есть возможность проследить по рукописям различных времен его литературную историю, то нередко бывает затруднительно отделить личные воззрения автора от общих воззрений или то, что им самим заимствовано из источника, гораздо более раннего, от того, что было в ходу в его время; а с другой стороны, немало затруднений представляет историку отличие черт действительной жизни в произведениях изящной литературы от авторских вымыслов и подражаний: напр., в горничных нашей старой комедии нельзя видеть русские типы, а следует признать подражание француз-

ским субреткам; монологи разных героев трагедий XVIII в. были не выражением мнений и чувств русских людей, а часто дословным переводом Расина и т. д. Несмотря, однако, на все эти трудности, литература (даже в тесном смысле изящной литературы) имеет чрезвычайно важное значение для историка, разумеется, если он сможет определить степень распространения и влияния известного произведения. Вопрос о том, переводное произведение или оригинальное, имеет нередко значение второстепенное: в Древней Руси переводы Златоуста, например, имели сильное влияние и даже являлись оригинальные произведения, которые приписывали этому учителю церкви, чтобы придать им таким образом более значения и силы; на памяти последних поколений в нашей литературе можно указать пример важного влияния переводов: кто не знает плодотворной деятельности Жуковского? А Жуковский был преимущественно переводчик. Таким образом, для историка важно определить, откуда шло влияние, которое может быть чрезвычайно характерно, а иногда для воспитания общества важнее влияния оригинальных произведений, хотя только оригинальными произведениями измеряется степень зрелости общества. Господство того или другого направления в умственной жизни той или другой эпохи вводит историка в самую сущность этой жизни. С этой стороны, иногда целый ряд произведений, забытых потомством, мало кому известных даже по имени, во многих случаях важнее замечательно талантливых произведений, если последние остались не замеченными в свою пору, хотя, с другой стороны, произведения сильного таланта носят на себе печать эпохи и служат важным ее знаменем, но не они действуют на массу: напр., кто знает теперь не только массу социалистических романов сороковых годов, но даже и «Историю жирондистов» Ламартина? а между тем и эти романы и эта плохая история были чрезвычайно важными знаменами времени: отвечая вопросам, потребностям и взглядам читающей массы, они характеризуют время. Конечно, не литература ведет к переворотам, но она дает выражение стремлениям, живущим в обществе, хотя часто неясным для тех, в ком они живут. Литературные произведения, относящиеся к области изящной литературы: роман, драма, стихотворение, а также публицистические произведения в разных видах, служат лучшим проводником идей в массы и потому вполне заслуживают внимания историка, цель которого понять прежде всего каждый век в нем самом, в его характеристических явлениях. Даже то обстоятельство, что в одном и том же обществе умственные интересы проявляются на разных ступе-

нях — естественное последствие неравномерного распространения просвещения — не должно смущать историка, ибо в этом обстоятельстве он видит чрезвычайно поучительные явления. С равным вниманием обращается он к той и другой стороне, и его приговор об обществе не будет односторонним: он поймет, что общество, в котором высшие по образованию слои имеют многовековую, полную преданий, и развивающуюся научную и изящную литературу, а низшие удовлетворяют жажду умственного и эстетического наслаждения и поучения сонниками и рыцарскими романами, еще далеко от высшей степени умственного развития. Так было в недавней Франции, и, конечно, этот факт красноречивее всяких рассуждений. Таким образом, понятно, почему литература давно и с полным правом заняла видное место в трудах исторических и едва ли дальнейшее развитие исторической науки не должно усилить это значение. С недавних пор постараются дать истории умственное развитие во всем его объеме, даже с преобладанием научной стороны над эстетической, господствующее значение в историческом изложении. Учение это явилось в противодействие не совсем еще отжившему взгляду старого времени, по которому история должна была ограничиваться изображением личной деятельности и служить нравственному совершенствованию отдельных лиц. Здесь место отдельных лиц занимают массы: распространение знания в массах делает их мягче и нравственнее и, следовательно, вся история сводится на борьбу просвещения с невежеством. Как ни заманчиво это учение своей простотой и удобством подводить под него все явления, историк на нем успокоиться не может: он знает, что наука и литература не единственные сферы, в которых проявляется деятельность человеческого духа, что равным, а иногда и большим значением пользуются другие сферы: право, отношения экономические и наконец самая важная — религиозная жизнь. Все эти сферы, конечно, отражаются в литературе и до известной степени воспринимают ее влияние, но тем не менее живут и развиваются своей отдельной жизнью, еще далеко не уловленной ни наукой, ни литературой, и едва ли когда-нибудь все стороны человеческого духа найдут полное выражение в этой сфере, ибо есть деятели, чье направление многообразно и неуловимо, чье происхождение и основное начало едва ли не навсегда будут составлять загадку; между этими деятелями важное место занимает личность человека и другая еще более мудреная для определения личность — народ. И французы, и немцы, и англичане — народы образованные, общающиеся между собой разными направлениями умственной

жизни и как будто составляющие одну общую семью, в которой все живут одинаковой умственной жизнью, а кто же не видит громадной разницы в характере этих трех народностей? Следственно, науку и литературу должно изучать, должно искать в них выражения исторической эпохи, но ими одними не следует ограничиваться и в них одних не следует искать полного объяснения народной жизни.

Посмотрим теперь, чем могут быть важны для историка произведения разных родов литературы. Заметим, что, для легкости общего обозрения, всю массу литературных произведений можно разделить на четыре разряда: произведения богословские, произведения литературы изящной, произведения литературы научной и произведения публицистические (к этому последнему разряду мы относим все то, что входит в настоящее время в область журналистики, все, что касается текущих вопросов и практических интересов; другого названия мы не могли подобрать, хотя Древняя Русь и не знала журнальной литературы, а между тем от нее дошло до нас известное количество произведений этого разряда).

Литература богословская, к которой кроме книг Св. Писания и сочинений догматических, относятся сочинения поучительные, важна для историка преимущественно этой последней частью; догматическая же часть есть достояние церкви, которая ни создавалась, ни развивалась этой своей стороной на Руси, и потому, не говоря уже о том, что суждение о догматических вопросах не должно и не может принадлежать частному лицу, а есть дело всей церкви, историку отдельной страны нельзя входить в разбирательство вопросов догматических, и потому что они стоят выше всех национальностей и национальных историй. Для историка преимущественно важно, как вечные истины христианства получали временное применение и толкование частью в деятельности отдельных лиц, частью в жизни целого общества: для него важно, насколько эта деятельность и эти толкования отклоняются или приближаются к идеалу жизни, выставленному церковью, и к чистоте самого церковного учения, причем, — повторяю опять — историк не должен входить в личные соображения о значении того или другого вопроса, а останавливаться только на противоречиях, выставляемых церковью. Таким образом, в литературе церковной историка останавливают два рода произведений: поучительные слова, имеющие целью нравственное исправление современников, и сочинения обличительные, направленные против ересей и расколов; историку важно знать, какие пороки замечали пропо-

ведники в современном им обществе и от каких заблуждений они считали нужным оградить своих современников. В этих пороках и в этих заблуждениях историк ловит живые черты быта известной эпохи: ее взгляды, степень ее образования, влияние на нее разных иноземных стихий или отсутствие этого влияния. Все это надо знать историку, ибо все это входит в круг его изучения и входит одним из самых важных элементов: мир верований и мир частной жизни человека представляют особенный интерес для исследователя: отстранив, с одной стороны, то, что вечно, ибо есть плод особого откровения, и то, что принадлежит общей слабости человеческой природы, мы получим в остатке все-таки много черт, характеризующих известную народность в данную пору ее развития. С этой стороны, историк не может обойти ни поучений, произносимых духовными отцами, ни обличений на еретиков и раскольников. С этой стороны, для него важны писания учителей, выражающих воззрения, происхождение которых часто объясняется именно той нравственной и умственной средой, где они возникли; нередко даже перенесенные извне воззрения прививаются именно потому, что почва для них удобна и даже получают окраску от того общества, в которое перенесены. Очень скоро после введения христианства начинается у нас проповедь и появляются поучительные послания: проповедь назначается для всех слушателей; послание — для того лица или общины, к которым оно написано. Вначале на том и другом лежит печать влияния литературы, которой воспитаны были сами проповедники, т. е. литературы византийской: нередко и вопросы, поднимаемые проповедником, и та форма, в которой он предлагает их, недоступны обществу, посреди которого он действует; в такое заблуждение впадают не только греки по происхождению: эти даже и пишут сначала не по-русски (таково послание митрополита Леонтия об опресноках), но даже и русские (напр., замечательное красноречие «Слово о законе и благодати» Илариона едва ли было доступно многим), оттого и чрезвычайно важно определить степень влияния византийской литературы посредством прямого указания источников. Рядом с этим красноречивым, но книжным словом идет ряд более простых поучений, имеющих чисто нравственный характер. Таковы поучения Луки Жидяты и Феодосия. Положим, что и здесь наука может указать источники византийские, тем не менее несомненно, что влияние поучений этого рода было шире: такие поучения всем доступны и, облеченные авторитетом пастырского слова, должны быть и действительнее. Для историка они важны тем, что рисуют заботливость пастырей о пастве

и указывают нравственные идеалы, которые ставятся перед народом. Есть еще ряд поучений, которые, кроме этой стороны, представляют для историка другой фактический интерес, это поучения, направленные против остатков язычества. Эти последние важны по указаниям на то, как долго сохранялись языческие суеверия, характеризуют нам самые эти суеверия и часто служат пояснением доселе сохранившихся обрядов и поверий. Для занимающихся нашей мифологией и историей быта все эти поучения, равно как и знаменитые вопросы Кирика Нифонту и «Правила Иоанна митрополита» — источники в высшей степени важные. Направление преимущественно обличительное продолжается в проповеди и послании и в татарскую эпоху. Особенно усиливается с появления ересей, в особенности в лице Иосифа Волоцкого и Максима Грека, которого деятельность замечательна и по стараниям просветительным, и Зиновия Отенского. Рядом с православным учением зашло к нам из Греции много так называемых книг апокрифических (отреченных). Они долго считались, несмотря на списки книг истинных и ложных, столь же истинными, как и канонические; на них основывались даже иерархи, напр., Василий Новгородский в послании о рае. Впоследствии на них, с прибавлением многих недоразумений чисто русских, объясняемых частью неточностью переводов, частью отсутствием образования, частью разными суевериями, выросла литература раскольников, развившаяся потом до чрезвычайно значительных размеров. Киевская ученость, ввиду необходимости борьбы с католичеством и унией их собственным оружием, ввела в наше богословие приемы западной науки, причем не без западного влияния осталась и проповедь; в XVIII в. это влияние продолжалось, но уже без посредства Польши. Все эти влияния имеют важное историческое значение и должны занять свое место в самой истории в связи и взаимодействии с другими явлениями; изучая их, историк имеет в виду не вечную истину, а ее временное изложение, ее приспособление к пониманию людей той или другой эпохи, ее отражение в сознании этих людей. Самые заблуждения для историка чрезвычайно важны, ибо на них лежит печать времени: в XVII в. могло развиваться старообрядство, в начале XIX в. должен был появиться мистицизм. Борьба церкви с этими разными влияниями времени имеет для историка интерес не богословский, а преимущественно бытовой, исторический.

Произведения литературы изящной дают историку чрезвычайно много, если он будет знать, что искать в них: еще Аристотель положил

различие между историей и поэзией: первая, по его мнению, представляет действительное, вторая — возможное. Это чрезвычайно глубоко-мысленное различие часто упускается из виду и историками и литераторами; одни хотят искать точных сведений о событиях в произведениях поэзии, и притом еще поэзии народной, которая, как известно, совершенно по-своему переделывает историю¹; другие стараются быть совершенно верными действительности и думают, что их мозаическая работа, а иногда (и чаще) только материал для мозаики, т. е. самые кусочки, — произведения искусства. Кто вдумается в слова Аристотеля, тот не в состоянии будет впасть в такую грубую ошибку, тот поймет, что поэзия должна уловить сущность жизни, сосредоточить в одном образе, как в фокусе, рассеянные в явлениях действительности черты, и тем окончательно уяснить образ и придать ему неумирающее значение. Поэтическое произведение тем выше, чем ближе оно подходит к этому определению; народная поэзия сама по себе без усилий стала именно на эту точку; люди понимающие не возразят на это мнение указанием на чудесное в народной поэзии, ибо это чудесное есть соответствующая известной степени развития сознания и мирозерцания, т. е. высшей (если позволительно так выразиться) философской действительности, попытка представить разрозненные явления в одном цельном и законченном образе. Поэзия искусственная постепенно приближается к этому идеалу, подвергаясь различным влияниям, что иначе и не может быть уже потому, что искусственная поэзия есть следствие выделения известной части народа; поэзия искусственная долго не может уложиться в какую-либо излюбленную форму. Эта смена форм под различным влиянием, эти колебания в высшей степени драгоценны для историка: они открывают ему состояние общества, большую или меньшую степень его просвещения, большую или меньшую степень его самостоятельности. История русской изящной литературы, после выделения литературы письменной от устной, представляет различные изменения; так в XII в. выработалась, как можно догадываться, особая княжеская былевая поэзия, образцом которой служит сохранившееся в рукописи «Слово о полку Игореве»²; в разных местах летописи видим как бы обрывки других по-

¹ См. по этому поводу умные статьи П. К. Шебальского о Гайдамачине («Рус. Вест. 1870 г.») и сборнике песен Киреевского (там же, № 10).

² Рукопись потеряна, а ввиду сомнений, высказанных Н. С. Тихонравовым в предисловии к его изданию «Слова о полку» трудно утверждать, чтобы они были точно в XIV в. Не сделав при этом таких же палеографических соображений, которые опровергали бы соображения ученого профессора.

добных произведений, или, по крайней мере, замечаем печать известной стилической школы, что несомненно говорит о существовании такой школы. В ту же эпоху, вероятно, появились заимствованные из Греции сказания, имеющие характер романов. Преобладание в литературе произведений богословских и исторических не дало много места изящной литературе, тем не менее нередко в произведениях исторических (сказаниях, иногда житиях) видим следы фантазии; легенда входит в летопись и особенно в житие. В этом отношении позднейшая литература житий (XVI и XVII) представляет много любопытных примеров: описания чудес, развиваясь все шире и шире, становятся картиной частной жизни с примесью элемента легендарного. Таково, напр., сказание о бесноватой жене Соломонии. Произведения подобного рода вместе с переводными романами открывают путь настоящему роману, который появляется уже в XVII в. с «Фролом Скобеевым», «Саввой Грудциным» и т. д., в которых, хотя и в безыскусственной форме, рисуются быт и взгляды общества. К той же и отчасти более ранней эпохе относится появление переводов с польского: разных жанров, веселых повестей и т. п. Киевская ученость приносит в Москву и мистерии, которые начинают сочиняться в Москве; к библейскому содержанию скоро примешиваются черты из частной жизни. Это — начало театра, от которого скоро повернула русская литература к подражанию французам. От подражания одной литературе, переходя к подражанию другой, только изредка питаюсь народными элементами, литература постепенно укрепляется и во второй четверти XIX в. является уже возможность национальной литературы. Таков всем известный ход русской литературы¹. Ясно, что литература переводная и подражательная почти заглушает собой литературу оригинальную, тем не менее для историка не будет составлять препятствия это отсутствие оригинальности в форме, ибо нередко она не противоречит полной оригинальности содержания: напр., Сатиры Кантемира, несмотря на отсутствие оригинальности и даже изящества в форме, в высшей степени важны для изучения своего времени, показывая, с чем боролись тогдашние просвещенные люди и чего они хотели; такой простодушный роман, как «Фрол Скобеев», драгоценен, ибо рисует семейный быт XVII в. и притом чрезвычайно типично. Такие черты и подбирает историк, не пренебрегая ничем и даже предпочитая иногда, как я уже сказал выше, произведение не вполне художественное такому, которое удовлет-

¹ О главных памятниках в отношении историческом буду говорить в своем месте.

воряет художественным требованиям эпохи; конечно, за вполне художественными произведениями остается исключение: они важны и своим содержанием и своей формой; общество, воспитавшее Пушкина, есть уже общество и образованное и самостоятельное; оно способно оценить Пушкина, хотя, может быть, и не вполне (известно, что позднейшие произведения Пушкина оценены уже по смерти его); великий поэт есть выразитель эпохи, ее дум, ее идеалов, а не только сообщитель черт, которые могут служить историческими данными.

Научная литература, как и литература изящная, должна обращать на себя полное внимание историка: знакомясь в произведениях литературы изящной с нравственными идеалами общества, с большей или меньшей грубостью или утонченностью его нравов, в литературе научной он находит следы ширины или узости, правильности или неправильности его взглядов на мир и человека. Значение переводов в литературе научной еще важнее, чем в литературе изящной: конечно, и сказка и повесть людьми простодушными принимаются за полную правду, но число таких простодушных людей все более и более убавляется с развитием просвещения. Иное замечаем мы в отношениях общества к ответам на серьезные вопросы пытливого ума. В этом случае очень долго всякий ответ считается удовлетворительным: чем авторитетнее он дан, тем долее держится его влияние. Сомнение — основа самостоятельного знания — пробуждается поздно и туго; обыкновенно люди ищут против авторитета другой авторитет и, таким образом, научаются рассуждать постоянно с чужого голоса; готовые ответы долго нравятся, если даже и допустить, что разряд людей, довольствующихся готовым ответом, не вечно должен существовать. Чем первоначальнее общество, тем сильнее у него доверие к внешнему авторитету, тем менее возможности поверить в этот авторитет. Оттого вначале научные вопросы получают обыкновенно авторитетные, аподиктические решения, и эти решения имеют громадное влияние, вкореняются в умы, и борьба с ними становится чрезвычайно затруднительна, особенно если такое решение встретится с утвердившимся в народе верованием, как было с разными отреченными книгами, которые, толкуя естественные явления, нередко подтверждались в умах народных еще живыми остатками язычества. Иногда даже это слияние совершается в умах, воспринимающих влияние чуждое; является новое целое из элементов близких, но неоднородных: таково, напр., послание Василия Новгородского о рае¹, где

¹ П. С. Р. Л. VI, 87–89; VII, 212–214.

восточные предания сливаются с русским суеверием. Вообще в этом вопросе представляются две важные стороны: что передается и как воспринимается. Впрочем, вполне удовлетворительные ответы на все эти вопросы при настоящем нашем знакомстве с письменной литературой пока еще очень трудны: главный источник в этом вопросе — отреченные книги (апокрифы) только что еще начинают разрабатываться. С другой стороны, может возникнуть вопрос: можно ли искать чего-нибудь в этих сказках, не принадлежат ли они к области праздной фантазии, или, по крайней мере, к области верований? Но дело-то в том, что в начале развития народного религиозное верование с значительной долей младенческого суеверия господствует над всеми мыслительными способностями: все мирозерцание определяется этим верованием, вся жизнь проникается им.

Перенесение христианства и христианского просвещения не может на первых порах разрушить всего старого строя сознания, а только производит состояние двоеверия, тем более, что с христианством и под его покровом является в письменности много остатков древности, преимущественно восточной: их заносит не церковь, но они идут тем же путем и потому пользуются тем же авторитетом. В вопросах научных образованность эпохи введения у нас христианства и позднейшая не может дать более точных ответов, да если бы они и были, то ум младенствующий кинулся бы скорее на блестящую пеструю фантазию, чем на строго точный и суровый ответ науки. Таким образом, и история науки неразрывно связывается со всей историей бытовой, со всем складом общества и сама более или менее подчиняется этому складу. Дальнейший ход научного развития подтверждает то же самое замечание: если византийская образованность привходит в общество теми своими сторонами, которые наиболее находят сочувствие, то точно также действует и западная образованность, сначала в виде польского схоластицизма, а потом в виде новейшей науки; то, что доступно обществу, то прививается и даже видоизменяется; все остальное или действует на незначительное число людей, или остается совсем без действия. Отделять научное развитие от общего развития общества значит не понимать общества. Если даже появляются от времени до времени люди, ставшие по особым благоприятным обстоятельствам иначе, чем все окружающее их, к научным вопросам, то действовать на общество современное они могут лишь постольку, поскольку общество само допускает это действие. Судьба таких людей трагическая: современникам они не нужны, а для потомства может случайно открыться более существенный ответ на те вопросы, которые их занимали, а по-

тому и потомству они не всегда станут учителями, а могут заслужить только почетное упоминание, как честные и энергические борцы за то, что считали правдой; следовательно, история науки есть существенная часть истории общества и отвлеченно мыслима быть не может.

Укажем вкратце источники, из которых почерпаем сведения о развитии научных знаний в России; более подробное изложение частью найдет место в соответствующих частях нашего труда, частью лежит за его пределами. Первоначальные научные сведения принесены были нашими предками из Византии вместе с учением христианским и явились как необходимое пособие для уразумения этих истин. Центром умственного развития наших предков долго было учение богословское: книгами долго назывались книги священные; «почитание книжное» считали средством спасения души; всякие другие знания являлись придатком этого важнейшего из всех знаний. Для понимания истин христианских переводились богословские сочинения, как мы видели выше; так было переведено еще в IX веке Иоанном Экзархом болгарским «Богословие Дамаскина». Для той же цели должно было служить изложение диалектики, которое было переведено тоже из «Дамаскина», полагают, тем же Иоанном¹, цель которой доказать, что «премудрость истин Бог есть и убо любовь, еже есть к Богу, сия есть истинная философия». Диалектике в рукописях предшествует грамматика, назначение которой — служить пособием при переводах с греческого языка на славянский; любопытно, что названия частей речи, данные переводчиком этого первого грамматического трактата, сохранились до сих пор, за исключением члена (различия) и с переименованием речи в глагол. До XVI в. эта грамматика, к сожалению, сохранившаяся не вполне, была единственным руководством. В сборнике, переписанном для Святослава Ярославича в 1073 г., как доказано С. П. Шевыревым, со сборника, составленного для болгарского царя Симеона, тоже попадают статьи: одна философская и одна риторическая (о фигурах). С XVI века грамматические сочинения начали появляться, вызываемые той же необходимостью переводов: первым было сочинение Максима Грека, к которому современники обращались с разного рода вопросами и сочинения которого — целая энциклопедия. В конце этого века появилась грамматика учеников Львовской школы. Исследования над свойствами славянского языка начались, впрочем, с грамматики Зизания, и особенно Мелетия Смотрицкого, послужив-

¹ И. И. Срезневский «Др. пам.» 19, склоняется к мнению описателей синодальной библиотеки, что до нас не дошел перевод Иоаннов, но думает, что он существовал.

шей таким важным пособием для изучения славянского языка, пользовавшейся таким уважением, что, кроме перепечатки в Москве, была и сокращаема. Конец XVII в. представляет любопытный пример общеславянской грамматики известного серба Юрия Крыжанича. Грамматика Смотрицкого была, как известно, в руках Ломоносова и послужила исходной точкой занятий языком этого преобразователя русской науки и истинного основателя науки о языке. Основание академии — сначала Киевской, а потом и Московской — вызвало потребность в риториках; из них важна (существующая и в русском переводе) риторика Софрония Лихуда. Ломоносов составил риторику, которая послужила образцом всем последующим до тех пор, пока историческое и филологическое направление в преподавании словесности не сменило риторического. Известно, что рядом с грамматическими исследованиями Ломоносова, основанными на его глубоком знании языка народного и церковного, и другие современники по-своему старались изучать русское слово: здесь на первом месте стоит Третьяковский, ученик современных ему французских ученых, старавшийся приблизить правописание к говору. От него идет ряд подобных попыток. Он же был выразителем взглядов лжеклассицизма на поэзию. В трудах позднейшей филологии, особенно со времен Востокова, историческая стихия получает все более и более значения, а с ней рядом идет стихия народная. В науке о языке, как она мало-помалу выясняется трудами лучших современных филологов: И.И. Срезневского и Ф.И. Буслаева, не только открывания стихии живого языка, историк находит новую важную точку опоры: в истории языка, которая должна со временем идти рука об руку с историей быта и выяснить много темных сторон, как в самостоятельном развитии слова, а стало быть, мысли, так и в истории много различных на него влияний. Это развитие нашей филологии, развившееся из трудов Ломоносова, впрочем, мы могли обозначить только краткими чертами, имея в виду преимущественно указать на ту пользу, которую она непосредственно приносит историку уже не в качестве материала, а как пособие при его трудах. Так в общих чертах изменялось изучение языка и словесности под влиянием разных господствовавших в русском обществе направлений образованности. Изучение свойств языка вызвано было практической необходимостью согласования переводов с подлинником, такая же практическая необходимость понимания книг Священного Писания и писаний отеческих вызвала первые словари, получившие впоследствии название Азбуковников или Алфавитов. Самый древнейший сло-

варь под названием «Речь жидовского языка переложена на русскую» находится в новгородской Кормчей XIII века. Другой такой же «Толкование неудобопознаваемым в писании речем» появился в XV в. В XVI в. появился «Лексикон» Лаврентия Зизания, а в XVII — «Лексикон словенорусский» Памвы Беринды. К XVI и XVII вв. относятся так называемые Азбуковники и Алфавиты, заключающие в себе, кроме толкования слов, разные вещественные (реальные) объяснения, заимствованные из хронографов и сборников, бывших в ходу в эту эпоху, а также из сочинений наиболее распространенных: Дионисия Ареопажита, Козьмы Индикоплова, Максима Грека и т. д. Эти азбуковники служат нашим предкам тем же, чем служат для нас энциклопедические словари. Со времен Петра появляются словари разных языков: Копиевича, Поликарпова и т. д., потом словари — Алексеева, Российской Академии и т. д. до Словаря II отд. Ак. наук и «Толкового словаря» В.И. Даля, выражающие собой разные степени развития науки языкознания в России; со словарей Татищева и Полунина начинаются словари реальные, которыми мы и до сих пор похвастаться не можем.

Исторические свои сведения наши предки почерпали из византийцев: Амартола, Малалы, из Палеи и хронографов. Хроника Амартола служила, как мы знаем, источником «Повести временных лет», и, следовательно, была уже известна в XI в. Есть предположение, что она переведена в Болгарии; но достовернее, что перевод русский. Амартол, писатель IX в., излагает историю библейскую и историю царств Вавилонского, Римского и Византии до 867 г., имея в виду преимущественно историю церкви и торжества христианства над язычниками и еретиками; он не опускает и событий светских, но критики у него нет никакой, легендарный характер преобладает. Иоанн Малала, писатель VI в., доводит свою хронику до Юстиниана, древнейший список перевода принадлежит XV в., самый перевод сделан еще в X в. Отсюда, вероятно, указания на Гомера наших летописцев. Палея (от *παλαιά* — ветхая) называется изложение ветхозаветной истории с добавлением из книг апокрифических и с толкованиями. Оно имеет характер полемики против иудеев и отчасти магометан. Палеей пользовался составитель первоначальной летописи в изложении речи греческого философа, поучающего св. Владимира. О хронографах мы уже имели случай говорить; заметим, что в XVII в. возникла мысль издать один хронограф. В XVI в. появляются так называемые хроники, извлечения из Стрыйковского, Вельского, Меркатора и Волынской летописи. Сверх того, распространено было

между нашими предками сказание об Александре Великом, известное под именем «Александрии»: оно часто встречается в рукописях как в отдельном виде, так и в хронографах. Это сказание служило часто источником легендарных этнографических и естественноисторических сведений. Большую часть понятий о географии и космографии заимствовали наши предки из Козьмы Индикоплова, писателя VI в., славянский перевод которого сохранился в рукописях XVI в., но восходит, вероятно, гораздо ранее. Сочинение это утверждало у нас верование в то, что земля не шар, но вместе с тем сообщало много любопытных сведений. С XVI в. начинают появляться так называемые космографии, переводы латинских сочинений, надо думать, с польского. Таковы были главные источники географических сведений наших предков; но для стран ближайших, находившихся в сношениях с Россией, и в особенности интересных по религиозным воспоминаниям, предки наши имели еще другой источник сведений — письменные рассказы путешественников, которые открываются в XII в. хождением в Иерусалим Даниила, более известного под именем Даниила Паломника, распространенным во множестве рукописей. Все написал он нехитро, но просто, о местах святых, о граде Иерусалиме и о всей Земле обетованной, если и немудрено, то без лжи: как видел своими очами, так и написал. Известия Даниила нередко переписывались позднейшими странниками и вообще составляли любимое чтение наших предков. В житии св. Ефросинии Полоцкой сохранилось, к сожалению краткое, известие об ее хождении в Иерусалим; хождение это относится к началу второй половины XII в.

В 1200 г. ходил в Цареград новгородец Добрыня Ядренкович (впоследствии архиепископ Антоний). В XIV в. посетил Цареград новгородец Степан; хождение его любопытно наивным удивлением пред чудесами искусства и простодушной верой во все, что рассказывали греки; в этом отношении еще любопытнее путешествие иеродиакона Носимы (1420), который внес в свои записки рассказы о том, что метлы сами метут в Цареграде. Спутник митрополита Пимена Игнатий, иеродиакон Смоленский, описал свое путешествие в Цареград и Иерусалим (1389–1391 гг.), любопытное как по описаниям, так и по изображению самого пути. Суздальский иеромонах Симеон описал свою поездку с Исидором митрополитом на Флорентийский собор; это описание любопытно по впечатлению, произведенному на путешественника европейскими городами. Сохранилось любопытное описание мистерии Благовещения, ви-

денной нашими духовными лицами во Флоренции во время собора. Это описание приписывается Авраамии, епископу Суздальскому.

В XV в. тверской купец Афанасий Никитин совершил любопытное путешествие в Индию (1466—1472), известное под названием «Хождение за три моря». По мнению И. И. Срезневского, из записок итальянских путешественников XV в. только «рассказы ди Конти и отчеты Васко да Гамы могут быть поставлены вровень с хождением Никитина». Из путешествий XVI в. замечательно путешествие московских купцов Трифона Корабейникова и Юрия Грекова в Царьград, Иерусалим и на Синай для раздачи подаваний по царевиче Иване. Это путешествие было очень распространено между нашими предками, которых пленяло своими чудесными рассказами; после напечатанное, оно имело несколько изданий и до сих пор читается. В 1567 г., по повелению царя, атаманы Иван Петров и Бурнаш Елычев ездили в Китай. Из путешествий XVII в. Василия Гагары в 1634 г. в Иерусалим и Египет через Кавказ, Арсения Суханова по Востоку в 1651 г. с целью собирания сведений, нужных для исправления книг. «Проскинатарий» Арсения не издан вполне и рукописи его подвергаются сомнению в подделке со стороны раскольников. Одновременно с ним ездил иеродиакон Иона. В Китай ездил Байков в 1654 г. и голландец Избрандес в 1692 г. К путешествиям надо прибавить некоторые статейные списки, представляющие рядом с рассказом о дипломатических сношениях и личные впечатления посла, таковы: посольство Лигачева во Флоренцию в 1659 г.; Чемоданова — в Венецию в 1656 г., Потемкина — в Испанию и Францию в 1667 г. и т. д. Познания о Русской земле черпались из так называемой «Книги большого чертежа», составленной еще в конце XVI в., но возобновленной в 1623 г. Эта книга есть в сущности дорожник. К ней были карты, но они не сохранились до нашего времени.

Путешествия времен петровских по характеру подходят к статейным спискам и отличаются более или менее наивным любопытством к предметам совершенно новым. Некоторые мы уже указали, прибавим еще Б. П. Шереметева, а также П. А. Толстова и графа А. А. Матвеева, представляющие много любопытных и умных заключений о государственном устройстве европейских держав. В XVIII в. путешествия получают иной характер, то это ученые путешествия академиков по России не только иностранцев, но и русских: Крашенинникова, Рычкова, Озерецкого, то дневники людей образованных, нередко судящих виденное ими (Карамзин, Фонвизин). В XVIII в. является и наука география, сначала

в переводах, а потом и в самостоятельных сочинениях. Между этими сочинениями с научными требованиями выдается как воспоминание о Древней Руси путешествие Барского, до сих пор одно из любимых чтений простого русского человека.

Сведения о природе, кроме азбуковников, находились, в таких сборниках, как «Луцидарий», средневековая энциклопедия, переведенная на русский язык в XVI в., а также в травниках и лечебниках, в которых наши предки находили врачебные советы. Хотя вопрос о пасхалии и требовал математических исчислений, но учебники появились только в XVII в. и то переводные. Вообще науки естественные стали на правильную дорогу только с учреждения Академии и потом Московского университета. Первое руководство по математике, по своему времени замечательное, — «Арифметика» Магницкого.

Последний род литературы мы назвали публицистическим; сюда мы относим все то, в чем высказываются идеалы как общественной, так и частной жизни. Произведения этого рода, имеющие целью применение к жизни того или другого нравственного идеала, важны для исследователя, с одной стороны, по идеалам, в них высказываемым, а с другой — по указываемым практическим средствам приложения этих идеалов к жизни. Средства эти нередко весьма ярко характеризуют среду, в которой возникло предположение; указывая на то, что считалось возможным в известном обществе, они тем самым знакомят нас с общественным состоянием: напр., регламентация промышленной жизни, предлагаемая Посошковым, ясно указывает на то, как еще мало развита была промышленность в его эпоху. Нечего прибавлять, что своими отрицательными указаниями они знакомят нас с образом жизни и нравами современного им общества. По характеру древнерусского образования все подобные сочинения, как характера нравоучительного, так и относящиеся к истории государственной, принадлежат большей частью к литературе духовной: появляясь то в проповеди, то в поучительном послании духовного лица, напр., послание Никифора митрополита к Володимиру Мономаху, в котором, по случаю поста, указывается на обязанности князя, послание епископов к Шемяке даже сами лица светские свои нравственные идеалы подкрепляют авторитетом Св. Писания. Таково поучение Владимира Мономаха, найденное в Лаврентьевском списке летописи, в котором живо рисуется славянский идеал князя — «доброе страдальца за Русскую землю». Любимым чтением наших предков были сборники или изборники. В таких сборниках обыкновенно

попадают во множество статьи нравственного содержания. Являются и сборники, исключительно занятые статьями этого рода. Самым важным и наиболее распространенным из таких сборников является переводная с греческого «Пчела». Название происходит от того, что один из составителей инок Антоний прозван был пчела. Этот сборник, начало которого восходит к VII в., включает в себе отрывки из сочинений как учителей церкви, так и языческих мудрецов. У наших предков он имел большой успех и порождает новые произведения. Так, под сильным влиянием «Пчелы» составлено знаменитое слово Даниила Заточника, заключающее в себе размышления о разных предметах, имеющее целью обратить внимание князя на горькое положение узника, сосланного по навету и потому более всего жалующегося на придворных, бывших главной причиной его ссылки. Воззрения Даниила на женщин, на которых он особенно озлоблен, связывает его сочинение с целой литературой, большей частью переводных сочинений, направленных против женщин. Из этих сочинений многие наши исследователи делали не совсем справедливый вывод к общему положению женщин в России, причем не было обращено надлежащее внимание на то, что сочинения — переводные. Знаменитый «Домострой» Селивестра, подобно Слову Даниила, тоже не без связи с книжной, преимущественно переводной, литературой, из которой заимствованы все его теоретические воззрения, но «Домострой» любопытен и по изображению домашней жизни наших предков, даже с археологической точки зрения. Вопрос о том, насколько в нем сказался век и насколько личность самого составителя, еще до сих пор не разрешен, но нельзя отрицать того, что во многих отношениях это явление весьма характеристическое. Появление в XVI в., может быть, объясняется попытками новшества, начинающимся иноземным влиянием и стремлением закрепить старину. Тот же XVI в. оставил нам несколько произведений, в которых прямо или косвенно высказываются взгляды на государственную жизнь; такова известная уже нам переписка царя Ивана Васильевича с кн. А. М. Курбским; таково «Сказание Ивана Пересветова о царе Турском Махмеду»; автор — как полагают, псевдоним — имел в виду, хваля крутость мер Махмуда, одобрение деятельности царя Ивана Васильевича; сюда же относится «Повесть некоего боголюбива мужа», осуждающая жестокости царя Ивана Васильевича и объясняющая их влиянием чародейства. XVII в. вызвал еще более сильное движение в этом роде: ему принадлежит Котошихин, о котором мы говорили, и известный серб Юрий Крыжанич, первый панславист

и автор нескольких тенденциозных книг: «О промысле», излагающая теологический взгляд на историю, по которому бедствия посылаются за грехи, и «Разговоры о владетьстве», в которых, излагая свои теоретические воззрения на разные вопросы государственной жизни, он указывает на недостатки современного ему Русского государства и на средства их исправить. Время Петра богато сочинениями публицистического характера, так, даже «Летопись 1700 г.» — описание похода под Нарву — написана с целью доказать, что новшества Петра ведут к бедствиям: автор видит причину неудачи в перемене календаря. С одной стороны, противники Петра (раскольники) распространяют свои рукописные тетради; преимущественно об антихристе; с другой стороны, правительство хочет просветить общество относительно принимаемых им мер: для этого начинают выходить ведомости, сообщающие о происшествиях; для этого издаются отдельные книги: Шафирова «Рассужд., какие законные причины имел Е.В. Петр Великий к начатию войны против короля Карла XII»; Феофана «Правда воли монаршей», объясняющая причины, по которым государь может назначить себе наследника; проповедь Феофанова получает характер защиты реформ, а в проповеди Стефана Яворского слышатся осуждения, хотя и не совсем прямые; к актам государственным нередко прибавляются мотивы, их объясняющие (таково предисловие к «Духовному регламенту»). Для наставления в началах общежития азбуку сопровождают особые правила обхождения светского, издается письмовник (прежде были рукописные). Важнейшее сочинение публицистического характера эпохи петровской есть сочинение крестьянина Посошкова «О скудости и богатстве», заключающее в себе обозрение русского общества начала XVIII в. по сословиям и меры для поднятия промышленности, усиления средств государства и уменьшения злоупотреблений. В XVIII в. появляются то рукописные (напр., сочинение Юста Лития), то печатные переводы иностранных публицистических сочинений; при ведомостях издаются «Исторические примечания», и с 1755 г. начинается первый журнал, в котором рядом со статьями учеными и литературными появляются и статьи нравоучительного и публицистического характера «Ежемесячные сочинения». Но более важное оставалось ненапечатанным, таковы записки Татищева, из которых самая важная — по вопросу об ограничении прав Анны Иоанновны. Любопытная «Духовная Татищева», состоящая из наставлений сыну, как ему жить, и потому чрезвычайно важная для изучения времени, тоже напечатана позднее. Со времен Екатерины публицистическая

литература получила большее развитие: число журналов увеличилось, хотя они то падали, то возвышались; особенно в начале ее царствования журналы получили обличительное направление, впрочем, более нравственных недостатков. Все, что писалось о крепостном праве (напр., рассуждение Поленова), оставалось ненапечатанным. Оставались ненапечатанными и публицистические статьи кн. Щербатова; книгу Радищева постигла известная участь. Гласность в ту эпоху еще не считали вполне возможной. В царствование Александра вначале видим переводы многих книг (Бентама, Монтескье), сочинения по естественному праву (Куницина), основание журнала «С.-Петербургский журнал», имевшего целью публицистические статьи и издававшегося от правительства, но эта литература остановилась под влиянием европейской реакции.

Памятники вещественные

Памятники вещественные, материальные остатки жизни давних времен, — источник исторический в высшей степени важный. Памятники этого рода знакомят с внешней обстановкой жизни, со степенью цивилизации, с взаимными связями и сношениями народов в такие периоды, когда эти сношения и не могли предполагаться, напр., каменные орудия, найденные в местности, где такого камня нет, свидетельствуют о том, что они занесены из другой страны. Они задолго предшествуют памятникам письменным и вводят исследователя в такую область, в которую восходят только народные предания, и то приблизительно: древние могилы, пещеры, «кухонные остатки» и свайные постройки переносят в быт самый первоначальный. Конечно, много вопросов предстоит еще впереди археологии, как науке, при приурочивании этих памятников к известной народности, в чем в настоящее время нередко впадают в ошибки: так, напр., известное орудие кельт (род серпа) служил долго признаком кельтской народности, но теперь находят его в землях, где кельтов и предполагать нельзя; городища (насыпи, окруженные валом) считались признаком народности славянской (мнение Ходаковского), но теперь их находят и в странах, не бывших населенными славянами; некоторые (Нильсон) приписывают все бронзовые орудия влиянию финикийян, но это тоже подлежит спору. Таким образом, от точного определения народности в отдаленные эпохи приходится отказываться. Можно ли, по крайней мере, определить век? и то во многих случаях оказы-

вается совершенно невозможным; эпохи каменных орудий в разных странах различны: у некоторых народов (океанийских) еще до сих пор в употреблении каменные орудия; деаки (на остр. Борнео) до сих пор строят свайные постройки и т. д. Стало быть, приходится довольствоваться тем, что известные вещи суть признаки известной степени цивилизации, вследствие чего история первоначальной гражданственности пока еще может быть написана только вообще, а не по народам. Что же касается до памятников времен уже исторических, то они во многих отношениях чрезвычайно важны, изучение их требует разнообразных приемов и разнообразных знаний: в памятниках небольшого объема прежде всего надо отличать настоящий от поддельного; если нет ни надписи и никаких достоверных указаний, то требуется определить век, нередко употребление вещи и очень часто ее происхождение, что важно для истории взаимных сношений народов. Так как здесь случайность нередко может играть большую роль, то определение всех этих вопросов весьма и весьма затруднительно: в Пермской губернии найдена римская чаша; когда она попала туда и каким путем? Путем ли древней торговли, от какого-либо норманна, приобретшего ее случайно, или принадлежала она какому-либо позднему любителю? Если бы не знали, что в Московской губернии каменные бабы завезены случайно, к скольким соображениям могли бы они подать повод? Вспомним, сколько вопросов представляют камни, поставленные в Двине полоцкими князьями. В памятниках архитектурных новые затруднения: они постоянно перестраиваются; где границы перестроек, что древнее, а что относительно новое? Сколько знаний в истории искусств, сколько осторожной осмотрительности должен иметь археолог, принимаясь за изучение древних памятников; самые раскопки не так легки, как кажется на первый взгляд: надо, копая, наблюдать, как лежат вещи, какое положение дано телу. По способу погребения многое узнается: хоронили в сидячем положении, в том положении, в котором человек находился в утробе матери, хоронили в лежачем и т. п. Иногда находят курганы в несколько слоев; надо не смешать находимые вещи разных эпох. Сколько пропало от того, что прежние собиратели собирали древности, как редкости, как игрушки, и никогда не заботились о точном обозначении места нахождения разрытого клада, а иногда клад только и дорог своим местонахождением: так, напр., по исследованиям П.С. Савельева, оказалась важность нахождения кладов с восточными монетами: они указали пути древней торговли с Востоком. Не говоря уже о тех кладах, которые пропадают по

невежеству, о зданиях, которые ломают ввиду украшения городов буль-
 варами или перестраивают заново из религиозного усердия. Таким обра-
 зом, нахождение материала для археологических работ до сих пор дело
 случая (если только не предпринимаются систематические изыскания
 вроде раскопок в Палестине английским обществом и т. п.); с другой
 стороны, самые приемы исследования эмпирические: все зависит от
 большего или меньшего объема знаний исследователя, от большей или
 меньшей его сообразительности; выводы, до сих пор получаемые, боль-
 ше или меньше частичны, а общие выводы нередко произвольны и за-
 висят от личной фантазии. Все это понятно, но желательно бы видеть
 археологию у нас, основанную на более прочных началах, что будет воз-
 можно при более обширном развитии музеев, при систематической
 правильности раскопок, при правильном употреблении сравнительно-
 го метода, при собрании наконец в одно целое всего разбросанного ма-
 териала и при критической его проверке. Старинная Русь не занималась
 собиранием древностей, как древностей: она хранила старые вещи или
 как святыню в ризницах, или как драгоценность в царских казнохрани-
 лищах; если и обращали внимание на какие-нибудь находки, то с пра-
 ктической целью: так, когда при Алексее Михайловиче получено было
 сведение о находках в могилах по р. Исети золотых и серебряных вещей,
 то велено было разузнать о рудниках, откуда добывалось серебро и зо-
 лото; на находку смотрели, как на клад. Со времени Петра В. это воззре-
 ние начинает изменяться: Петр охраняет болгарские здания от дальней-
 шего разрушения, приказывает ученому Мессершмиту в его путеше-
 ствии в Сибирь собирать древности, курьезные вещи серебряные
 и золотые велено присылать в Петербург, не переливая. Знаменитый
 Татищев в царствование Анны Иоанновны составил инструкцию для
 собирания сведений географических, этнографических и археологиче-
 ских; эта инструкция была принята во внимание Академией и разосла-
 на по губерниям. Путешественники академики не оставили без внима-
 ния древностей: Миллер вывез из своего путешествия сведения о си-
 бирских древностях; Паллас, Лепехин, Гмелин, Зуев, Рычков вносили
 в свои дневники все, что встречали замечательного относительно древ-
 ностей. Так, Лепехин описал, между прочим, болгары, Зуев говорит
 о курганах екатеринославских, Рычков о древностях пермских и т. д.
 В Кунсткамере было уже к концу XVIII в., хотя небольшое, собрание
 древностей, в особенности монет; начинается собрание в Эрмитаже;
 являются попытки объяснения древностей, напр., гр. А.И. Мусин-

Пушкин по поводу тмутараканского камня пишет исследование о Тмутараканском княжестве. Деятельность русских археологов стала правильнее с начала XIX в.: в 1804 г. основано «Общество истории и древн. российских», президентом которого был П.П. Бекетов¹. В изданиях этого общества помещались и помещаются очень важные археологические исследования. В 1807 г. издано первое, неоконченное описание Оружейной палаты². Около гр. Н.П. Румянцева, положившего основание знаменитого Румянцевского музея, начали сосредоточиваться вместе с историками и археологи. Аделунг (р. 1768, ум. 1843), издатель рисунков к путешествию Мейерберга, описатель Корсунских врат в Софийском Новгородском соборе, П.П. Кеппен (р. 1793, ум. 1864), составивший «Список русских памятников», куда вошли образцы древлеписания, монеты, образа, камни, «Список курганов»; в 1825 г. издавал «Библисты», где много археологических сведений; Круг (р. 1764, ум. 1844), из исследований которого важно для археолога — о древних русских монетах; Ходаковский (Адам Чарноцкий) (р. 1784, ум. 1825), создавший особую теорию славянских городищ, славянской мифологии и т. д. Неутомимые труды Ходаковского, несмотря на сомнительность многих результатов, не прошли без следа для науки русских древностей, хотя ими до сих пор не вполне воспользовались наши ученые археологи и историки. Френ (р. 1782, ум. 1851), начавший с описания разных восточных монет, прославившийся изданием текста Ибн Фозлана и трудом о золотоордынских монетах; знаменитый Калайдович (р. 1792, ум. 1832) и здравствующий Я.М. Строев были важными пособиями Румянцева в археологическом отношении; оба сделали много для палеографии: описанием рукописей и изданием памятников; Калайдович сверх того описал знаменитые Рязанские древности; в сношениях с Румянцевым был и митрополит Евгений (р. 1767, ум. 1837), в трудах которого, в особенности в описании Киево-Печерской лавры и Киево-Софийского собора, есть много чисто археологического материала и которому мы обязаны многими раскопками в Киеве. Между археологами той эпохи едва ли не первое место занимал А.Н. Оленин (р. 1764, ум. 1844); К.Н. Бороздин и А.И. Ермолаев совершили археологическое

¹ П.П. Бекетов, известный собиратель древностей, издал важный для археологии памятник «Оп. в лицах торж. бывшего при бракосочет. Царя Мих. Феодоров.». М., 1810.

² «Ист. оп. др. Российск. Музея», ч. I. М., 1807 (составлено А.Ф. Малиновским, издано по распоряжению П.С. Валуева; этот Валуев, бывший начальником кремлевской экспедиции, известен тем, что сломал много памятников старины).

путешествие по России; описание этого путешествия с большим количеством рисунков до сих пор, к сожалению, не напечатано. Во многих журналах того времени («От. зап.», «Сев. архив», «Телеграф», «Вест. Евр.») появлялись как археологические статьи, так и сообщения о новых открытиях. С сороковых годов деятельность археологическая усилилась: начали появляться особые общества, посвященные археологии, из которых первым по времени было «Одесское общество истории и древностей» (основано в 1839), которое чрезвычайно много сделало для ознакомления с древностями припонтийскими: в 6 томах его «Записок» помещаются статьи, касающиеся преимущественно этого края, начиная с самых древних времен; без трудов гг. Бруна, Беккера, Надеждина, Н.Н. Мурзакевича и др. не обойдется никто, занимающийся древней историей даже России вообще. Благодаря многим раскопкам и исследованиям, частью общества, частью управления Керчинского музея, частью (позднее) Археологической комиссии чрезвычайно многое разъяснилось в древних судьбах этих стран. С 1846 г. существует Общество археологическое (первоначально археологическо-нумизматическое); издавая сначала записки на французском языке, с 1849 г. оно начало издавать их по-русски. В этих трудах участвовали особенно Я.П. Сахаров (ум. 1863), преимущественно много работавший над составлением очень хорошей по своему времени инструкции для собирания археологических сведений; П.С. Савельев (1814–1859), первый редактор известий; В.В. Вельяминов-Зернов, И.И. Срезневский, А.А. Кунин. И.Е. Забелин, Д.А. Ровинский, В.В. Стасов. Археологическая комиссия при кабинете Его Императорского Величества (с 1850) занимается раскопками преимущественно в южной России. С 1864 г. существует Московское археологическое общество, уже успевшее заявить в высшей степени плодотворную деятельность устройством первого съезда; в этом обществе самыми важными деятелями были гг. А.С. Уваров, К.К. Герц, А.А. Котляревский. При Московском публичном музее с 1864 г. существует «Общество древнерусского искусства», которое в 1866 г. издало свой сборник, где самая важная статья принадлежит Ф.И. Буслаеву «Общие понятия о русской иконописи». Деятельность этих обществ вместе с деятельностью других правительственных учреждений и многих частных лиц подняла требовательность от археологических занятий и внесла много нового еще не бывшего в распоряжении материала. Кроме деятельности обществ с сороковых годов, мы встречаем много изданий, посвященных археологии: из них самые важные «Древности Рос-

сийского государства», представляющие изображения предметов древностей, из которых иные уже не существуют. Это издание начато по мысли а И. Оленина; рисунки деланы Ф.П. Солнцевым, а текст писан большей частью А.Ф. Вельтманом (р. 1800, ум. 1870) и И.М. Снегиревым (1793—1868). Другим важным по своему времени изданием было «Описание одежды и вооружений русского войска», составленное А.В. Висковатовым (ум. 1858); памятники зодчества переданы Ф.Ф. Рихтером. Кроме местных изданий и описаний отдельных памятников, следует упомянуть, что в это время археологические статьи и заметки появлялись во многих журналах («Москвитяине», «Журнале Мин. нар. просвещения», «Отечеств. Записках», «Маяке», «Библиотеке для чтения», «Финском вестнике», «Русской беседе», «Летописях русской литературы» и др.), что существовал отдельный археологический журнал А.В. Прохорова «Христианские древности и археология» 1863—1865 (теперь возобновлен снова). Таков вообще ход изучения русской археологии: перебрав различные роды памятников, мы лучше увидим, что сделано и что еще остается сделать.

Самым древнейшим родом памятников являются насыпи, курганы, могилы, городища и т. д. Памятники этого рода давно обратили на себя внимание: о насыпях над могилами поминает летопись; Рубриквис замечает: «Куманы имеют обычай делать насыпи над могилой умершего и ставить ему статую с лицом, обращенным на восток, и чашей, которая держится у пупа». Это каменная баба, отличающая южнорусские курганы. Путешественники останавливали свое внимание на этих насыпях, но раскапывали их только искатели кладов. Ученый интерес привлечен был к ним в настоящем столетии. В настоящее время внимание археологов преимущественно устремлено на вопрос о доисторических древностях, в которых раскапываемые курганы играют немаловажную роль. Теперь раскапывается их много и уже начинают обозначать в музеях и собраниях, откуда добыта какая-либо вещь, и тщательно замечать, при каких условиях найдены вещи; обратили внимание и на черепа, подвергли их исследованию и на этом основании поставили вопрос о народности тех, кто похоронен в давних могилах. Исследование над черепами, сначала было пленившее своей новостью и смелостью сделанных из них выводов о разделении народов по длинноте и короткости черепов на культурные и не культурные, более и более теряет, однако, значение вследствие находимых фактов, противоречащих сделанным выводам. Хотя эти исследования могут быть полезны во многих отношениях, но

историческая этнография еще не может ими пользоваться. В настоящее время более полезны исследования, предпринимаемые на основании вещей, находимых в курганах: известно, что в древнейшей жизни народов современная наука отличает три периода: каменный, бронзовый и железный, и успела уже обозначить переходные ступени между тем и другим; важные для общей истории человечества эти исследования часто не приводят ни к каким результатам относительно отдельных народов; важные наблюдения над положением тела в могиле тоже не приводят к окончательным результатам в исторической этнографии. Пока вся эта отрасль науки стоит на степени отдельных замечаний, наблюдений и приближается только к первоначальным выводам, которые следуют из сближения фактов однородных. Потому нельзя не желать, чтобы достаточно уяснились разряды фактов: напр., мы знаем по случайным раскопкам множество курганов, но до сих пор еще нет ни карты, указывающей на сделанные раскопки, ни распределения курганов по разрядам, ибо делаемые до сих пор распределения более или менее произвольны; затем самые раскопки не ведутся по строго распределенному плану, потому о многих местностях мы имеем сведения подробные, о других не имеем почти никаких, а о третьих и совсем никаких нет. Большие усилия направлены на южную часть России: это понятно потому, что здесь были греческие поселения; добыча здесь может быть богаче, результаты яснее при усилиях сравнительно меньших, а между тем самые важные вопросы для всей русской истории в центральных губерниях, а сюда почти еще не заходили работники.

Остатки древних зданий немногочисленны в Русской земле, где искони преобладает деревянное строение, тем более мы должны хранить существующие здания и тем тщательнее должны их изучать, ибо рассеянные по разным местам Русской земли они не всякому доступны. Историческое изучение архитектуры в России приведет к важным выводам относительно господствующего вкуса: напр., прихотливый вкус XVI и XVII в. явно выделяется от прежнего более строгого вкуса: Дмитриевский собор, несмотря на свои затейливые прилепы, имеет также мало общего с Покровским собором в Москве (Вас. Блаженный) или церквями Ростовского кремля, как эти последние с Петропавловским собором в Петербурге, в свою очередь не похожим на Исакиевский. Мы можем до некоторой степени видеть связь в светских постройках московских (напр., в Коломенском дворце) с Василием Блаженным: вкус одинаковый. Можно будет, вероятно, провести параллель и дальше с другими

искусствами и даже с другими сторонами быта. Кроме того, важны архитектурные влияния: насколько имела на нас влияние архитектура византийская, романская и т. д. Продолжительные и весьма интересные прения по этому вопросу на Московском археологическом съезде свидетельствуют, что этот вопрос только что ставится у нас, и действительно пора не довольствоваться фразами: «Стиль в этом здании представляет смесь готического с мавританским», или подобными, которыми полны сочинения наших археологов. Строгое сравнительное изучение весьма важно хотя бы потому, что наводит на неожиданные вопросы, напр., о сходстве наших деревянных церквей с норвежскими, но прежде всего необходимо представить точные изображения здания, ясный план его расположения, определить способ кладки и т. п. Все это важно и в том отношении, что не всегда легко определить век памятника при постоянных перестройках, а часто и по отсутствию записей и вообще всяких письменных свидетельств.

Старинные вещи, одежды, вооружения составляют важный предмет для археолога, знакомя с домашней обстановкой; важность еще увеличивается, если на вещи находится надпись. В ризницах наших церквей и монастырей сохраняется много священных одежд, сосудов, крестов, панагий и т. д., из которых многие важны своей древностью (шапочка новгородского епископа Никиты); в Оружейной палате, в Эрмитаже, в Царскосельском музее сохраняются вещи, частью собственность древних царей наших, частью выкопанные из курганов или найденные при каких-нибудь раскопках; многие хранятся и в частных музеях. Ближайшее знакомство с этим материалом может привести к значительным выгодам о промышленности и торговле в Древней Руси.

Произведения искусств: фрески, мозаики, иконы, рисунки в книгах и т. д. знакомят со вкусом наших предков и средствами его удовлетворения; перемены вкуса, появление фряжского (западного) пошиба, наивное внесение жанра (костюмы XVII в., обстановка русского быта в сюжетах библейских и т. п.) находятся в тесной связи с общим движением умственного развития, с другой стороны, верность иконописцев подлинникам византийским, отчасти даже искаженным ремесленностью, указывает на непрерывность традиции и вызывает необходимость изучения иконописания даже и со стороны художников.

Монеты и медали важны с разных сторон; они служат нередко для пополнения исторических данных: напр., по золотоордынским монетам определили имена некоторых ханов, клады с монетами восточными ука-

зали пути торговли с Востоком и ее эпоху; определение веса монет может повести к решению важного вопроса о ценностях.

С монетами по изображениям находятся в близкой связи печати. Многие из печатей древних были изданы; исследование о печатях ведет за собой исследование о гербах, хотя у нас герб далеко не имеет того значения, что в Европе, но в науке древностей и те и другие исследования будут небезынтересны. Гораздо важнее значение палеографических работ, о которых мы уже упоминали, а теперь прибавим, что хотя и много сделано для русской палеографии, но полное исследование ее еще впереди.

Сказания иностранцев

Сказания иностранцев давно обратили на себя внимание исследователей: существует мнение, что иностранцы, как люди посторонние, могли наблюдать точнее, ибо их поражали такие стороны быта, на которых туземцы не останавливаются, как на слишком обыкновенных, и указания на которые можно встретить только случайно при рассказе о каком-либо событии или в каком-либо акте по практическому поводу; думают также, что иностранцы могут наблюдать беспристрастнее, ибо не связаны ни с кем в стране и, следовательно, не захотят закрывать истины для каких-нибудь практических соображений. Наконец, указывают и на то, что, будучи иногда образованнее туземцев, они могут многое понимать сравнительно и восходить к общим выводам. Нельзя отрицать того, что во всем этом применительно к Русской истории есть значительная доля правды, но не следует также закрывать глаза на многие причины, мешающие иностранцам быть беспристрастными и даже иногда вводящие в ошибки невольные. Причины эти могут быть общие, особенные в сношениях России с иностранными людьми, и частные, коренящиеся в обстоятельствах известного времени и личных свойствах писавшего. Напр., зная, что книга Гванини была послана Баторием Иоанну Грозному, мы понимаем, что это памфлет; то же должно сказать о книгах, вышедших во время Восточной войны, и т. п.; зная далее, что автор романист, дорожащий красивым рассказом, зная, что сообщавшие ему сведения не очень заботились передать ему правильные понятия, мы, конечно, не придадим большого значения его книге. Оставляя в стороне этот третий разряд причин ошибок, по их разнообразию и чисто личному характеру, мы остановимся на первых двух. Нет никакого сомнения в том, что,

приезжая в новую землю, путешественник останавливается на явлениях, не похожих на те, которые он видел в своей земле, но, с другой стороны, мы знаем, как легко обобщаются случайные явления; припомним забавный пример: маркиз Кюстин, увидев, как случайно влетела в церковь птица во время обряда бракосочетания, вывел то заключение, что в России существует трогательный обычай выпускать птиц во время этого обряда. Множество подобных анекдотов известно у нас всякому, даже не читавшему иностранных путешественников. Затем надо знать, что за человек путешественник? Французская пословица «Легко тому лгать, кто приехал издалека» в большей части случаев оказывается совершенно верной; положим, что путешественник сам не расположен лгать, так он мог быть знакомым в той стране, откуда возвратился, или с людьми недобросовестными, или малосведущими, или шутниками: пошутить над немцем в России считается самым пустым делом. Так, Виконт д'Арлякур замечает в одном месте своей забавной для русского человека книги «Etoile Polaire»: «Русские, которых вы спрашиваете и которые вводят вас в заблуждение, делают это обыкновенно по незнанию, для насмешки или по расчету; первые обманывают добросовестно, ибо сами верят в то, что сообщают; вторые обманывают сознательно: им кажется забавна доверчивость любопытного; наконец последние обманывают из патриотизма, почитая необходимым для блага своего отечества не сообщать путешественникам верных о нем сведений»¹. Бедный виконт на себе испытал верность этого замечания: предание говорит, что, когда он посетил Москву, там составилось общество для надувания д'Арлякура. Этим обществом объявляется множество нелепостей в его книге, как и во многих других книгах старых и новых. Заметим, впрочем, что Гаксгаузена никто не обманывал. Прибавим к этому, что путешественник приезжает со своими национальными и религиозными предрассудками, что он смотрит на все с высоты своего величия и осуждает все, чего он не понимает. Если же случится, что он недоволен ходом дел в своей стране, а в земле, им посещенной, нашел что-нибудь подходящее к своему идеалу, тогда он может идеализировать по-своему эту страну и написать нечто вроде «Германии» Тацита, сатиры на Рим. Часто он не знает языка страны и удовольствуется переводчиком, который плохо знает его язык².

¹ «Etoile Pol.», Т. I, 154—166 (ed. De Brux. 1842).

² Иностранцы трудно изучают русский язык; у меня был приятель француз, который, проживши 15 лет в России, говорил мне «Qu'est — ce ca veut dire dva z pultinoi: ce maudit poultina m'embarasse». Что если бы он оставил воспоминания о пребывании своем в России?

Часто, наконец, не давая труда изучить дела на месте, он списывает из книг своих предшественников, и притом без всякой критики.

Таковы общие причины, почему сказания иностранцев требуют строгой критики, но существуют еще особенные чисто русские. В Руси московской иностранца встречали недоверием: если он был посланник, его запирали на посольском дворе; он видел почти исключительно своих приставов, к рассказам которых относился недоверчиво, ибо они имели привычку всеми средствами поддерживать важность своего правительства и народа, не останавливаясь ни перед каким преувеличением; если же случайно он знакомится с кем-нибудь, то это были по большей части жившие в Москве иностранцы, более или менее запертые в своем круге и знающие только кое-какие сплетни, да и то спутанные; по этой же причине даже и давно жившие в России иностранцы, на которых предки наши смотрели как на басурманов и с которыми сближались туго, не могли знать много. Если же и случалось узнать что-нибудь, то очень односторонне и часто от партии недовольной, как Герберштейн от некоторых бояр. В новой Руси иностранцев принимали с распростертыми объятиями, но те, с которыми они сближались, по большей части стыдились невежества своего народа, им мало известного, и старались выдавать себя за образованных европейцев. Понятно, как верны должны быть их сведения, как основательны суждения. Вспомним еще, что с XVIII в. Европа начала бояться усиления России и, следовательно, смотреть неблагоприятно на эту страну, у которой своя вера, не похожая ни на католицизм, ни на протестантизм, свой язык, не происходящий ни от латинского, ни от немецкого, свой образ правления и свой взгляд на власть, не напоминающий ни европейского деспотизма, ни европейских конституций, ни европейских революций, свой способ землевладения, который Европе кажется каким-то анахронизмом, несмотря на то, что едва ли не в нем спасение от бед, угрожающих Европе. Ясно, стало быть, что трудно ожидать от европейца не только беспристрастия, но даже понимания, и действительно понимание (Гаксгаузен, Блазиус) встречается очень редко.

Известия о славянах и о Руси, начиная почти с начала Русского государства, мы находим у иностранных писателей восточных и западных, частью в соединении с известиями о других народах, частью отдельно; из иностранцев иные писали как очевидцы, другие на основании рассказов. Полный обзор иностранцев, писавших о России, не может быть представлен здесь, и потому ограничимся указаниями на наиболее важ-

ных и наиболее известных; начнем с тех, которые писали о Руси до Московского государства.

Византийская империя рано подверглась нападениям славян, и потому в сказаниях византийских историков, начиная с VI в., мы встречаем много любопытных известий об истории и нравах славян, а впоследствии и русских. Первый, сообщивший важные свидетельства о славянах, был Прокопий (ум. после 562). В его «Истории своего времени» много важных сведений о древнем быте и религии славян; у продолжателя его Агафия (536–569) таких сведений очень мало, более дает Менандр (жил в конце VI), история которого сохранилась в отрывках; еще более сообщает император Маврикий (582–602): его «Стратегика» имеет целью показать способы борьбы с варварами, основанные на изучении их нравов и обычаев, и потому он сообщает важные этнографические подробности, между прочим, и о славянах. Историк Маврикия, Феофилакт Самоката (р. ок. 5901 — ок. 640), в последних книгах своей истории тоже сообщает сведения о славянах. Малосамостоятельными представляются Феофан (ум. ок. 818) и император Лев Философ (886–912). Важна для славянской истории и «Хронография» Льва Грамматика (ум. позднее 963). Еще важнее сочинения Константина Багрянородного (905–959); из его сочинений важны для Русской истории: «Об управлении империей», где он излагает наставление сыну о том, как он должен обращаться с варварами, между прочим и с руссами, и «О церемониях византийского двора», где — рассказ о приеме Ольги. Для истории крещения Руси в IX в. важны послания и беседы патриарха Фотия, (ум. 891); войну Святослава с греками описал Лев Диакон (ум. после 976), сопровождавший Цимисхия в его походе. В продолжение «Хроники» Георгия Амартола (писана около 842) встречаются сведения о Руси, в особенности о походе Аскольда, перенесенные в «Пов. вр. лет». Георгий Кедрин (писал до 1057), Иоанн Зонара (доводящий свою летопись до 1118) и некоторые другие тоже сообщают сведения для русской истории. Для истории сношений Русской церкви с Константинопольским Патриархом важны протоколы Константинопольского Патриарха. Нельзя не пожалеть, что до сих пор мы не имеем полного выбора с критической оценкой всего годного для русской истории в сочинениях византийских писателей, что было бы отличной задачей для наших эллинистов.

У писателей мусульманского Востока тоже встречается много сведений, касающихся Древней Руси. Восточное преувеличение, богатство фантазии нередко мешают полной достоверности этих сведений, к тому

же ученое объяснение встречает препятствие в неопределенности их географической номенклатуры, в восточном правописании и т. п. Несмотря на то, восточные известия, по причине доказанных находками монет давних сношений России с Востоком, весьма важны для русского исследователя. Обозначим важнейших из этих писателей: Ибн Хордадбе (Абул-Касим Убадиллах Ибн Абдаллах ум. 912), имевший по своей близости с халифом доступ в государственные архивы, составил «Книгу путей и государств», дошедшую до нас в сокращении. Здесь есть любопытные сведения о торговле славян. Ибн Фадлан (Ахмед бен Фадлан бен Аббас Бен Рашид бен Гаммад) участвовал в посольстве от халифа к новообращенному царю болгарскому (921), оставил известие о болгарях, хазарах и руссах. Известия Ибн Фадлана, чрезвычайно интересные, давно уже обратили на себя внимание исследователей и пользуются общей известностью. Табари (р. 839, ум. 923) (Абу-Джафер Магомет Ибн Джаири-ра Ибн Язидаат Табари), преподаватель богословия и права в Багдаде, оставил «Историю Царей», сохранившуюся в персидском переводе, где много любопытных сведений о хазарах; Аль Масуди (Абул Хасан Али Ибн Хусейн) (957), знаменитый путешественник и энциклопедист, писал очень много; из сочинений его лучше всех сохранилось то, которое называется «Золотые луга»; автор, объясняя это название, говорит: «Нет ни одной отрасли науки, ни одного отдела преданий и истории, о которых не трактовалось бы здесь, пространно или сокращенно». Есть предположение, что Масуди лично посещал славянские земли. Истахри (Абу Исхак аль Истахри аль Фарси) написал «Книгу Климатов»¹. Книга эта не что иное, как компиляция, послужившая отчасти основанием для других компиляций. Такую же компиляцию писал багдадский ученый Ибн Хаукаль: «Книга путей и государств» (ок. 977), известна до сих пор в отрывках. Отец истории литературы у арабов Ибн Ал Надым в своей «Книге росписи наукам» (ок. 987) сообщает любопытные сведения о письменах у руссов, до сих пор еще не объяснены. Недавно найден один из драгоценнейших восточных источников для древней истории России — Ибн Дост (Абу Али Ахмед бен Омар), писавший около 903 г. В его сочинении много сведений, проливающих новый свет на этнографию народов, населявших тогда Россию. В числе восточных писателей XII в. самый важ-

¹ Древние географы разделяли поверхность земного шара от полюса до экватора на параллельные пояса, которые называли климатами; они основали это деление на сравнительной долготе дня и ночи в эпоху летнего солнцестояния. На востоке принято было деление на семь климатов.

ный Едризид (р. 1099), живший в Испании, много путешествовавший и для сицилийского короля Рожера написавший большое сочинение по географии, где любопытные сведения о Руси и о Польше. Из писателей позднейших важен Ибн Батута (Абу Абдолах Магомет р. 1302—1377), родом африканец, объехавший Северную Африку, Азию до Китая и Суматры, бывший и в Сарае; его путешествие представляет много интереса для русской истории. Есть сведения важные и у других поздних писателей: в словаре Якута (Хебабудин Абу Абдалах Якут Бен Абдалах р. ок. 1186, ум. ок. 122), у Ель Андалузи (Абу Хамид Магомед); Андалузи — значит из Андалузии, бывший в 1131 г. на Каспийском море и посетивший козар и болгар, у Казвини (Захари Ибн Могамет ибн Махмуд), писавшего около 1275, у Димешки (Хамсуддин Абу Абдалах Магометуд Димешки, т. е. родом из Дамаска), жившего около 380 г., у Ибнуль Варва (ум. 1248—1249) и в знаменитой географии Абуль-феда (Имад Эддин Исмаил Бен Алир р. 1273, ум. 1331) владельца Хаму в Сирии, славного и ученостью и покровительством учености, также и у Бакуви (Абдур-Рашид ибн Шалих Бакуви, т. е. из Баку), жившего около 1403—1404 гг. К восточным писателям следует отнести двух евреев: Вениамина Тудельского, путешествовавшего в 1160—1173 гг. и упоминавшего в своем путешествии о России, и раввина Петахью, посетившего в 1170—1178 гг. на пути из Регенбурга в Азию Польшу, Киев, Крым и т. д. «История татар» армянского князя Гаитона, написанная под его диктовку Николаем Салкони, когда он жил в монастыре в Пуатье, мало сообщает сведений о России и едва ли может быть принята без строгой критики.

У летописцев западноевропейских и западнорусских находим много важных известий для быта и нравов славян и истории Древней Руси. У готского историка Иорнанда (VI) находим сведения о Готской державе в пределах России и вообще сведения о славянах. В хронике Фредегария, составляющей продолжение Григория Турского, есть сведения о Само и столкновении франков со славянами; также многие сведения о славянах встречаем в «Истории Лонгобардов» Павла Варнефрида, в сочинениях Эйнгарда (ум. 844), Видукинда (ок. 973) у Луитпранда, епископа Кремонского (972) об Игоре. В сочинении Титмара (р. 976—1018), епископа Межеборского, мы находим, кроме важных сведений о Польше, сведения о России: о Владимире, Святополке. В сочинении Адама каноника Бременского (ум. 1076) мы имеем важный источник для изучения этнографии славян балтийских, есть указания важные и для России; то же можно сказать о жизнеописаниях Оттона Бамбергского

(ум. 1139). У Ламберта (ок. 1077) есть сведения о Святославе Ярославиче. В сочинениях датского историка Саксона Грамматика (ум. 1204) немало важных сведений о славянах балтийских; есть многое, касающееся России, но это последнее требует строгой критики; то же относится и к исландскому историку Снорри Стурлусону (1241) и вообще к исландским сагам. Из летописцев чешских много дают Косьма Пражский (ум. 1125) и Далемил (между 1282 и 1314), оба, впрочем, для нас более важны по изображению быта и по передаче преданий, как и знаменитые рукописи Краледворская и Зеленогорская (Суд Любуши). Из Угорских летописцев припомним Анонима Нотария (секретарь), короля Белы (1131–1196), который передает любопытные предания о переходе угров через Русь, и Туроца, компилятора XV в. (жил ок. 1490). У польских летописцев встречаем известия о Русской истории: так, в хронике, автором которой называют Мартина Галла (жил в XII в.), находятся известия о борьбе сыновей Володимира и вмешательстве Болеслава, у Викентия Кадлубка, епископа Краковского (ум. 1223), между прочим, сведения о Романе Мстиславиче Галицком; Ян из Чарнкова (ум. около 1389) сообщает важные известия о Галицкой Руси. В громадной компиляции каноника краковского Яна Длугоша (р. 1435, ум. 1480) собраны известия из первоначальных летописцев польских, русских, прусских и т. д. Для своего времени это — материал неоценимый. Из летописей Ливонских для нас важны: Генрих Латыш (жил в XIII в.), который рассказывает основание ордена; рифмованная хроника, описывающая то же время и приписываемая Дитлибу фон Арнпекке, а также Хроника немецкого ордена, заключающая в себе важные известия. Из путешественников в Древнюю Русь укажем Отера и Вульфстана, путешествовавших в IX в. по приказанию короля английского Альфреда; из них Отер посетил Биармию, а Вульфстан Балтийское море. Немецкий миссионер Бруно посетил около 1008 г. Киев и сообщил сведения о своем путешествии императору Генриху II. Путешествия западных европейцев к татарам, знакомя нас с состоянием татар, дают сведения и о России, укажем важнейшие. Плано Карпини в 1245 г. ездил к хану Гаюку в Великую Монголию с поручением от Папы Иннокентия IV. Это путешествие — один из самых важных источников для изучения татар; для нас важны заметки о проезде его через Россию и о великом князе Ярославе. Спутники его, доминиканцы Асцелин и Симон де сен Кента, тоже оставили свои заметки. Голландский монах Рюисброк (или Рубриквис) послан был Людовиком IX к хану Мангу по ложному известию, будто этот последний принял христианство. Знаме-

нитый венецианец Марио Доло (р. ок. 1250, ум. ок. 1323) жил долго в Монголии, в Китае при господстве Монгольской династии, посетил Индию, Персию и т. д. «Создатель новой географии», «Гумбольдт XIII века», как его называет Мальтебрен в своей книге, сообщая сведения о татарах, важные для нас, отчасти касается и России. Англичанин Мандвиль (ум. 1371) провел 33 года на службе султана Египетского и Китайского государства; он объехал большую часть Азии; к тому же времени относятся стихотворения немца Зухенвирта, сопровождавшего Альбрехта Австрийского в походе в Пруссию через русско-литовские земли (ум. 1395). Баварец Иоганн Хильбургер, взятый в плен при Никополе, попал потом к Тимуру и следовал за ним в походах; он описал свои приключения (1444), и в его сочинении есть много сведений о Золотой Орде; в 1413 г. посетил Новгород и Псков фламандский рыцарь Лануа (р. 1386–1462), находившийся на службе в Пруссии и Ливонии; после, отправляясь в Турцию, он посетил Польшу и юго-западную Русь. Иосафат Барбаро (ум. 1494) ездил в Тану (теперешний Азов) и оставил любопытное описание своего путешествия. В ряду сочинений знаменитого Енея Сильвия Пиколомини, впоследствии Папы Пия II (р. 1405, ум. 1464), есть одно, не лишенное интереса для Русской истории: «О Польше, Литве и Пруссии», где находятся сведения о религии литовской.

С усилением Московского государства (1462) число пишущих о России значительно возрастает. Из них укажем на самых важных. Венецианец Амброжио Контарини на возвратном пути из Персии в 1473 г. был в Москве. Сигизмунд Герберштейн (р. 1486, ум. 1566), родом из Краины, был употребляем в дипломатических сношениях императорами Максимилианом и Карлом V.; в Москву он ездил два раза (1517 и 1525). Сочинение, бывшее плодом его поездок, одно из самых капитальных сочинений, писанных иностранцами о России, и один из самых важных источников для изучения Русской истории. Кроме личных воспоминаний и наблюдений, Герберштейн вставил в свое сочинение многие русские памятники (Судебник В.К. Ивана Васильевича, вопросы Кирика, правила Иоанна Митрополита); он пользовался и летописями. Ошибки его тоже весьма поучительны: они указывают на источники, которыми он пользовался в своем труде. Польский писатель Матвей из Мехова (р. 1456, ум. 1523) оставил любопытное сочинение: «О двух Сармациях», в котором вкратце описал топографию и историю России. Голландец Альберт Кампензе (ум. 1542) написал к Папе Клименту VII любопытное письмо о делах московских, о которых он знал от отца и брата, долго

живших в Москве. Известный богослов XVI в. Фабер (р. ок. 1470, ум. 1541 епископом Венским) составил на основании сведений, собранных от русских послов, известия о религии русских в форме письма к эрцгерцогу Фердинанду. Знаменитый историк XVI в. Павел Иовий, епископ Ночерский (ум. 1552), написал по рассказам русского толмача Дмитрия Герасимова сочинение о Москве, изобилующее интересными сведениями, хотя иногда и требующее критики. Архиепископ Гнезненский Ян Ласский (р. 1456, ум. 1531) представил Латеранскому собору 1514 г. записку о русском народе и его заблуждениях, отличающуюся ложным пониманием православной веры. Венецианскому послу Марко Фоскарини, бывшему в России в 1557 г., приписывается замечательный рассказ о его посольстве, чрезвычайно благосклонный к России и царю Иоанну Грозному. Другой венецианец Тиеполо, бывший в России в 1560 г., тоже оставил рассказ о своем пребывании здесь; из итальянцев важен еще Рафаэль Барберини, родом римлянин, бывший в Москве в 1565 г. по торговым делам. В его рассказе любопытны подробности о торговле, ценах и т. п. С 1553 г. начинаются сношения Англии с Россией и рядом путешественников англичан; первым был Чанслор, который сам описал свое путешествие; оно же описано было с его слов Клементом Адамом. Из других путешественников англичан, бывших в Москве при Грозном, важен Дженкинсон (бывший пять раз: в 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571) и Иероним Горсей, живший почти непрерывно в России в продолжение 18 лет (1572—1590), пользующийся в нашей ученой литературе большим почетом, которого, впрочем, не заслуживает по своему нравственному характеру: Лондонское общество, которого агентом он был, засомневалось в его честности; Годунов употреблял его для дел не очень чистых, напр., для привлечения в Россию Марии Владимировны, бывшей королевы Ливонской, вдовы Магнуса. В донесениях цесарского посла Иоганна Кобенцеля (1576) и сочинениях секретаря его Даниила принца фон Бухау чрезвычайно много любопытных сведений о России. Из других посланников укажем на Абовского епископа Юстена, бывшего в 1569 г. посланником от короля Иоанна Шведского и подвергшегося заключению, на датчанина Ульфельда, приезжавшего в Москву два раза (1575 и 1578); его «Странствования» заключают в себе любопытные подробности и кажутся довольно беспристрастными. Двое слуг Грозного царя в Александровской слободе Елерт Крузе и Иоган Таубе, изменив и перешедши на службу польскую, представили записку курляндскому герцогу Кетлеру в 1572 г. В этой записке они старались, сколько могли,

очернить русского царя. Видели они, конечно, много, но, зная, что они переходили от одной стороны к другой, едва ли можно придавать их рассказам значение несомненного документа. Также мало значения можно придавать рассказам итальянца Александра Гванини (р. 1538, ум. 1614), бывшего на службе у Стефана Батория и в своих объемистых компиляциях поместившего сведения о Москве. Они послужили источником для «Жизни Иоанна Васильевича», написанной пастором Одерборном, жившим сначала в Ковно, а потом в Риге и Митаве. Знаменитый иезуит Антоний Поссевин (р. 1534, ум. 1611), приезжавший для проповеди, в чем, как известно, потерпел неудачу, оставил и рассказ о своих прениях, и ряд дипломатических сношений, и описание Московского государства. Из польских историков для этой эпохи важны: астроном и священник Бернард Ваповский (р. 1450, ум. 1535), написавший Польскую историю, из которой известна часть от 1380 до 1535 г., служившая главным источником для Вельского; епископ Вармийский (Ермиландский) Мартин Кромер (р. 1512, ум. 1589) довел свою историю до 1506 г.; Станислав Оржеховский (р. 1513, ум. 1566) описал время Сигизмунда Августа; Святослав Оржельский (р. 1549, ум. ок. 1599) описал время от 1572 до 1576 г., от смерти Сигизмунда Августа до окончательного утверждения Батория. Иоахим Вельский (р. 1540, ум. 1599), взяв труд своего отца «Хроника света», переделал и дополнил в нем хронику Польши, которую доводит до смерти Стефана Батория (1586). Вельский — чистый хронист и часто компилятор. Матвей Стрешковский (р. 1547, ум. после 1580) сделал компиляцию для истории Литвы из всех доступных ему источников; к сожалению, он цитирует всегда слишком общо, и там, где мы не имеем под глазами его источников, верить ему не можем; описывал же он, что собственными глазами видел щит Олега на вратах Цареграда; его страсть писать стихами тоже много вредит ему. Важнее всех других для этой эпохи — Райнгольд Гейденштейн (р. 1556, ум. 1620), секретарь Замойского и Стефана Батория; он описал войну Стефана с Грозным и позднейшие события при помощи официальных документов, и, вероятно, труд его был просмотрен Замойским. Любопытные сведения о Лифляндии при владычестве Польском и об осаде Пскова встречаем в сочинении Лаврентия Миллера, употреблявшиеся в дипломатических делах; кроме того, мы имеем драгоценный «Дневник осады Пскова». Михайло (Михалон) Литвин написал любопытную книжку, в которой представил сравнение нравов литвинов, татар и русских, постоянно отдавая предпочтение двум последним. О татарах имеем сверх того любопытное сочинение седмиг-

радца Мартина Броневского, который два раза был послом к хану от короля Стефана. Из ливонских историков укажем на Балтазара Руссова, бывшего проповедником в Ревеле (ум. 1600). Начав свою хронику от начала ордена, он сообщает любопытные сведения о своем времени: она доведена до 1584 г. Двое немцев, Тилемон Бреденбах (р. 1544, ум. 1587), известный теолог, и историк Филипп Ольмен описали Ливонскую войну. Еще важнее сочинения Соломона Геннига (р. 1528, ум. 1589), бывшего другом и советником последнего гротмейстера Готгарда Кетлера.

Из иностранцев, бывших в России при Феодоре Ивановиче, самый важный — Джильс Флетчер, посол королевы Елизаветы. Флетчер (ум. 1601) был дядя известного драматурга, человек весьма образованный: имел степень доктора прав. Значение его книги едва ли не равно значению книги Герберштейна, особенно в вопросах финансовых, но как англичанин он смотрел на многое не с надлежащей точки зрения: так он не понял земских соборов; на его рассказы, к сожалению, имел сильное влияние Горсей¹. Другой иностранец, сообщивший важные сведения, был епископ Еласонский (в Фессалии у подошвы Олимпа) Арсений, приехавший в Россию с патриархом Иеремией в 1589 г. и потом здесь оставшийся: он умер в 1625 г. епископом Суздальским. В сочинении его важно описание придворных обрядов. Цезарский посол Николас фон Варкач, бывший в России три раза: в 1589, 1593 и 1594 г., сообщает подробности своих разговоров с Годуновым. Иоганн Давид Вундлер из Страсбурга посетил в 1590 г. Россию и рассказывает такие чудеса, будто во Пскове он видел идолов Улада (в котором и идола никогда не было) и Корша (т. е. Хорса), будто супруга Феодора называлась Арня Втовя, дочь епископа Триверского и т. п.; немного в этом роде — Жан Соваж Диепский, посетивший Россию в 1586 г. В 1594 г. посетил запорожцев цезарский поверенный Эрих Лассота, оставивший любопытные сведения о том, как у казаков обсуждались дела.

Начало XVII в. особенно богато сочинениями иностранцев, писавших о России; укажем на наиболее важные из этих сочинений. Посольство Льва Сапеги (р. 1557, ум. 1633) описано кем-нибудь из его секрета-

¹ Первое издание Флетчера «On the Russe Common Wealth». L., 1591, большая редкость: оно было сожжено по просьбе Лондонской компании, чтобы не обидеть Россию; 1-е издано в 1856 г. Гаклюитовским обществом для его членов (есть в библиот. Петер. универ.); более доступен французский перевод «La Russie au XVI-e Siècle». P., 1864. О Флетчере см. «Соврем.», 1865, № 3; Ю. В. Толстого в «Библи. для чт.», 1860, № 1 и 2. Статейный список посольства Флетчера во «Времен.», VII. Флетчером пользовались все русские историки; отрывки из него попадают и в старых журналах.

рей и представляет любопытные подробности. Жак Маржерет приехал в Россию в 1601 г., служил Борису и самозванцу; возвратился во Францию в 1606 г., издал свою книгу; возвратился снова в Россию в 1611 г., но уже не остался здесь. Искатель приключений, каких было много в XVI в., Мержерет тем не менее отличался добросовестностью и большой наблюдательностью; его книга не только включает в себе рассказы о событиях, но и об учреждениях, известия по большей части любопытные и довольно верные. Конрад Буссов (ум. 1617) жил долго в России, куда переселился в 1601 г.; после смерти первого самозванца он жил даже не в Москве. Это был человек наблюдательный и образованный; сведения, им сообщаемые, пользуются большим и заслуженным уважением. О пребывании в Москве датского принца Иоганна сохранилось небольшое сочинение, важное для истории Бориса Годунова. Небольшая книжка Барецо Бареци, венецианского книгопродавца, никогда не бывшего в России, любопытна потому, что приписывается знаменитому Поссеви-ну. Значительное участие приписывают в составлении этой книги иезуиту Лавнискому, который и сам написал письмо о событиях в Москве. Нюрнбергский купец Георг Паерле в безыскусственном рассказе передал свои впечатления и пересказал жалобы на то, что лишился товаров в Московском восстании. Рассказ неизвестного англичанина, напечатанный в Лондоне в 1607 г., обошел всю Европу и появился на разных языках, хотя в сущности для историка и не принадлежит к числу важных источников. Более важен дневник, веденный польскими послами Николаем Олесницким (р. 1558, ум. 1629) и Александром Гоксевским (ум. 1639); в этом дневнике описано как посольство, так и заключение послов; также важен так называемый «Дневник Марины», веденный кем-то из ее приближенных. Рассказ шведа Петра Патерсона важен тем, что послужил источником для рассказа о России в знаменитом сочинении Дету (1553—1617) «История моего времени». Гарлемский географ Исаак Массе, составитель замечательной карты России, был в ней несколько раз и оставил любопытное сочинение о событиях того времени; рассказ его, хотя довольно неупорядоченный, представляет живое чтение; но к Массе надо относиться с большей критикой: он не любит Годунова и потому передает о нем все сплетни; вообще критики у него нет (откуда он знает тайный разговор Бориса с его сестрой царицей-инокиней?). Многие поляки, участвовавшие в войнах начала XVII в., оставили свои воспоминания; так мы имеем дневник, приписываемый Самуилу Вельскому; дневник осады Смоленска; дневник знаменитого партизана Я.Я. Сапеги

(р. 1569, ум. 1611), Самуила Маскевича (ум. после 1621); последний весьма важен, ибо изображает в бесхитростном рассказе положение поляков в Москве; но важнее всех записки гетмана Станислава Жолкевского, знаменитого полководца польского, который сам был действующим лицом в событиях Смутного времени (р. 1547, ум. 1620). В сочинениях Жолкевского, как и во всей его деятельности, виден высокий ум и большое дарование. Сверх того из польских историков важен Станислав Кобержицкий (ум. 1665), в его «Истории Владислава IV» есть много подробностей о войнах с Россией, а из шведских важен Витекинд. Другой швед Петр Петрей, бывший несколько раз в России с разными поручениями, начал с 1614 г. издавать по-шведски свое обширное сочинение, а в 1620 г. издал его же по-немецки. Книга Петрея, несмотря на заимствования из разных источников, между прочим из Буссова, которого он первый назвал Бером, представляет и самостоятельные сведения, в особенности о третьем самозванце, к которому он ездил с поручением.

Из иностранцев, писавших о России в царствование Михаила Феодоровича, самый важный Адам Олеарий (Элплегер) (р. 1599, ум. 1671), который был в России два раза: в 1634 г. и 1636 г. на пути в Персию (на обратном пути он тоже заезжал в Москву). Сочинение Олеария, по большой наблюдательности автора, по множеству сообщаемых нам сведений и о нравах и о событиях считается одним из важнейших источников для изучения XVII в. Если Олеарий и не чужд непонимания русской жизни, мало доступной для иностранца, зато он добросовестен в своих показаниях. Рядом с Олеарием из писателей этого времени может стать только Боплан, французский инженер, служивший 17 лет Сигизмунду III и Владиславу и по возвращении на родину издавший в 1650 г. «Описание Украины», книгу, полную любопытных подробностей и о казаках и о Польше, кроме того, он известен картой. Любопытные подробности о дворе царя Михаила Феодоровича сообщаются в известии о приезде датского принца Вольдемара.

О времени царя Алексея Михайловича писано очень много, укажем важнейших писателей. Спутник антиохийского патриарха Макария (два раза бывшего в Москве: в 1653 и 1666 гг.) архидиакон Павел оставил известия о своем пути и пребывании в Москве: по дороге он видел казацкую войну, в Москве беседовал с Никоном, наконец, Макарий участвовал в его низложении, кроме того, собрал много сведений, особенно касающихся духовенства — все это придает книге Павла много интереса. Из членов цезарских посольств некоторые оставили сочинения о Рос-

сии; здесь первое место занимает Августин фон Мейерберг (р. 1612, ум. 1688), бывший в России с 1661 г. по 1663 г. В сочинении Мейерберга много сведений и о Русском дворе и о состоянии России. Драгоценное собрание составленных им рисунков — одно из лучших пособий для изучения русских древностей; секретарь посольства Боттони (1675) Адольф Лизек составил записки о пребывании этого посольства в Москве. Немец Рейтенфельс, живший в России с 1671 по 1673 г., написал сочинение о России для тосканского великого герцога; в этом сочинении много черт, характеризующих царя Алексея Михайловича. Из итальянцев упомянем Альберта Вимена да Чинедо, бывшего в 1657 г. У него есть сведения о русском войске и характеристика царя. Неизвестный итальянец, составлявший известия о России, по случаю приезда во Флоренцию русских послов в 1656 г., мало замечателен¹. Гораздо важнее сочинение другого неизвестного итальянца, посвященное кардиналу Агирре. Компильация, не всегда основательная до времени царя Алексея, сочинение это представляет много любопытных сведений о своем времени, особенно важны — характеристика царя и известия о Разине. Из англичан замечательны: автор сочинения о посольстве графа Карлейля; в его сочинении, кроме любопытных переговоров, встречаются и сведения о тогдашнем состоянии России. Медик царя Алексея Михайловича Самуил Коллынс, живший в России с 1659 по 1667 г., возвратясь в Лондон, издал сочинение, в котором описал современную ему Россию; в этом сочинении есть любопытные подробности о царе, патриархе и вообще о состоянии России; кроме того, оно включает несколько народных анекдотов, характеризующих, между прочим, взгляд XVII в. на царя Иоанна Грозного. Сочинение знаменитого Милипока (1608—1674) важно только по имени своего автора. Из голландцев важен Стрюйс, сообщающий сведения о Разине; важное сочинение известного географа Николая Витцена (р. 1640, ум. 1717), который был в России в 1664 г. О русской торговле XVII в. писал шт. Кильбургер в 1674 г. Из поляков, писавших об этой эпохе, важны: Войцех Альберт Коялович (р. 1609—1677), известный иезуит, автор компилированной «Истории Литвы», наиболее замечательный рассказом о казацкой войне; Коховский Веспасиан (р. 1633, ум. 1699) уважаемый поляками, но часто пристрастный, описал то же время. Силезец Пасторий (Гираненберг, р. 1610, ум. 1682), историограф польский, в своем рассказе войн казацких, страшно льстит польским панам

¹ По некоторым странностям перевода и примечаний нельзя вполне верить и тексту.

и королю. Канцлер литовский Альбрехт Станислав Радзивил (р. 1595, ум. 1656) оставил любопытные записки о своем времени (1632–1652). Рудавский (р. 1617, ум. 1690) описал время от 1648 до 1660 г., вставив в изложение много документов. Польский шляхтич Иоахим Ерлич (р. 1598, ум. после 1663) описал простодушно, что видел в своих походах; его рассказ, кончающийся царствованием Михаила Вишневецкого, представляет много любопытных черт для характеристики общества того времени; еще важнее Ян Хризостом Пасек (ум. после 1702), описавший в своих записках царствование Яна Казимира, Михаила Вишневецкого и Яна Собесского. Из иностранцев, писавших о времени Феодора Алексеевича, важны: голландский посланник Кленк, приехавший в 1675 г. и оставшийся после смерти Алексея Михайловича; Таннер, бывший в 1678 г. в свите польского посла Чарторыйского.

Из писателей времени малолетства Петра укажем на знаменитого путешественника в Японию голландца Кемпфера (р. 1651, ум. 1716), бывшего в России в 1683 г. Важнее сочинения двух французов: де ла Невиля, посетившего Москву в 1689 г. под видом польского гонца, а в сущности бывшего французским шпионом. Многие из его известий заслуживают внимания: о крымских походах, о замыслах Шакловитого, но многое и неверно; другой француз иезуит Филипп Авриль был в Москве в 1685 и 1686 гг. с целью хлопотать о проезде в Китай, на что не получил дозволения. В его сочинении особенно важны известия о взаимных отношениях иностранцев, живущих в Москве, и о Сибири. Эпоха Петра богата иностранными сочинениями, из которых иные имеют очень важное значение. Самым важным источником для первых лет Петра служит дневник Патрика Гордона (р. 1635, ум. 1699), описавшего день за днем все, что видел с 1655 по конец 1698 г. (в Россию он прибыл в 1661). Гордон по своему положению — он участвовал во всех войнах своего времени — и по своему благородному характеру заслуживает полного внимания. Время по возвращении Петра из-за границы описано в известном сочинении секретаря царского посольства Иоанна Георга Корба, бывшего свидетелем страшных стрелецких казней и имевшего случай близко видеть Петра и его сподвижников. Драгоценны письма Лефорта, проливающие свет и на эпоху и на лиц. Капитан Парри, проживший в России 16 лет (1698–1715), издал по возвращении на родину в Англию сочинение о тогдашнем состоянии России, но в книге его слишком замечательно оскорбленное самолюбие: он хотел получить больше, чем ему давали. Немного более дает

Александр Гордон (ум. 1752), зять Патрика, долго служивший в России; заметки его о современниках не всегда беспристрастны. Совершенно бесполезны записки Генриха Брюса. Важнее из писателей этой эпохи: брауншвейгский резидент Вебер, проживший в России шесть лет (1714—1720); в своем сочинении он тщательно указывает на перемены, произведенные Петром во внутреннем устройстве Русского государства, потому книга до сих пор служит одним из важнейших источников. Голштинский министр Бассевич (р. 1680, ум. 1749), много значивший после смерти Петра, оставил драгоценные записки, начинающиеся с 1713 г.; Бассевич знал очень многое. Еще более важен дневник Голштинского камергер Беркгольца (ум. около 1755), описавшего день за днем свое пятилетнее пребывание в России (1721—1725). Его подробный рассказ изображает Русское общество того времени чрезвычайно полно и верно и притом в его домашней жизни. Швед Страленберг, взятый в плен при Полтаве и сосланный в Сибирь, возвратился оттуда только после Ништадского мира. Сочинение свое он хотел было посвятить Петру В., но, когда согласия не последовало, издал его во враждебном духе; тем не менее оно заключает в себе любопытные известия. О пребывании шведов в Сибири любопытна книга фон Вреха, заведшего школу в Сибири. Немец Нейгебауер, бывший воспитателем царевича Алексея и удаленный в 1704 г., возвратясь на родину, начал издание брошюр, враждебных России; это побудило Петра В. поручить новому воспитателю царевича барону Гюйсену вести полемику против этих брошюр; после того Гюйсен помещал статьи о России в тогдашних журналах (*Europeische Fama*) и составлял записки о жизни Петра. Вообще в этой полемике для историка могут найтись важные сведения. Генерал Галларт описал Шведскую войну до смерти Карла XII; его рассказ верен и беспристрастен. Для истории Прутского похода не лишены интереса записки бригадира Моро де Бразье. Из историков шведских важен Адлерфельд (р. 1671, ум. 1709), описавший войны Карла XII, и каплан Карла XII Нордберг (р. 1677, ум. 1744), описавший жизнь своего героя. Из польских писателей замечателен Отвиковский, проникнутый желчью ко всем деятелям своего времени, Партнэ (ум. 1763). Для дел ливонских важен Гадебуш (р. 1719, ум. 1788). Для истории просвещения в России важны сношения с Лейбницем и Вольфом.

Со времен Екатерины I обильным источником служат донесения иностранных послов. Для времен Петра II важны записки испанского

посланника герцога де Лириа (р. 1695, ум. 1735); внук Иакова II и сын известного маршала Бервика, де Лириа находился в испанской службе; его записки хорошо характеризуют состояние двора русского, влияние иностранных послов и т. п. Еще важнее его депеши, писанные тотчас после события и не назначавшиеся для печати, тогда как записки уже отделаны. Любопытны донесения английского резидента Рондо о вельможах того времени и письма его жены, рисующие быт и нравы русского общества в переходное время.

С этой эпохи начинаются знаменитые записки Манштейна (р. 1711, ум. 1757), которые простираются до 1744 г. То, что Манштейн видел сам, а он видел многое, как адъютант Миниха, он рассказывает превосходно, в особенности Турецкую войну и арест Бирона, а также войну Финляндскую при Елизавете. Хорошее знание русского языка дало ему возможность многое понимать. Кроме Манштейна, для царствования Анны Иоанновны нет ни одного иностранца, на которого можно было бы положиться. При Елизавете Петровне любопытны депеши Шетарди, французского посланника, и датского посланника графа Линара. О Семилетней войне самое важное — записки самого Фридриха II, изображающие события чрезвычайно ясно и просто и замечательные уже по самому положению автора, что, конечно, лишает их полной достоверности. К тому событию, но со стороны житейской, подходит пастор Теге (р. 1724, ум. 1804), автор любопытных записок, рисующих бедствия войны. Из сочинений современников Екатерины укажем на самые важные. Восшествие ее на престол описал Рюльер (р. 1735, ум. 1791), бывший в то время в свите французского посланника; сочинение его подозрительно по своему анекдотическому характеру; известный компилятор Кастера (р. 1755, ум. после 1834) описал всю жизнь Екатерины; это сочинение, несмотря на свой поверхностность, пользуется до сих пор уважением европейских ученых. Из записок современников важно сочинение французского посланника графа Сегюра (р. 1753, ум. 1833), отличающееся некоторым легкомыслием, но тем не менее благосклонное и довольно верное. Письма и записки принца де Линя (р. 1735, ум. 1814), блестящие остроумием, ярко характеризуют и людей и общество. Не поражают остроумием, но часто очень важны депеши и письма шведского фельдмаршала Стединга, начальствовавшего отдельным корпусом в финляндскую войну и не раз до смерти своей бывшего посланником в России (р. 1746, ум. 1837). Совершенно враждебны к России: известный астроном Шапп д'Отрош (р. 1722, ум. 1769), который ездил в Сибирь

наблюдать прохождение Венеры мимо Солнца и описал свое путешествие; против этого путешествия Екатерина издала свой «Антидот»; и Сабатье де Кабр, пробывший в России около четырех лет (с 1769 по 1773). В 1787 г. при саксонском посольстве был советником Гельбиг, ему принадлежит сочинение о случайных людях в России, ряд замечательных, конечно, основанных более на слухах, биографий разных деятелей XVIII в. Английский посланник Тарис, впоследствии граф Мельмсбери (р. 1746, ум. 1820), бывший в России посланником с 1777 по 1782 г., в своих депешах передает много важных и любопытных сведений. Для первой Турецкой войны любопытны записки прусского майора графа Генкеля фон Доннермарка, бывшего по приказанию короля волонтером в походе 1769 г., и датского подполковника Фалькенскиольда, служившего в Турецкую кампанию и отличавшегося при Ларге. К этой же эпохе относятся записки французского посланника в Константинополе барона Тотта (р. 1733, ум. 1793), который помогал туркам своими знаниями и своим влиянием. Французский литератор Кералио (р. 1731, ум. 1793), по сведениям, доставленным Орловым, описал турецко-русскую войну. С турецкой стороны эта война описана Ресми Ахмед Эфенди, бывшим послом от Порты к Фридриху II, а потом Рейс-Эфендием (министром иностранных дел); он сопровождал визирей в походах и рассказал, что видел, живо и образно; драгоценны его добросовестные признания о недостатках турок. Укажем на некоторых польских писателей того времени, уясняющих состояние Речи Посполитой в эпоху ее падения. Луцкий архипресвитер Феодосий Бродовский составил описание событий на Волини и Подоле в 1789 г., из которого видно, что терпело русское население. В записках известного генерала Домбровского (р. 1775, ум. 1818) рассказаны подробно действия в Великой Польше в 1794 г. Известный башмачник Ян Килинский (р. 1760, ум. 1819), замечательный своим участием в событиях Варшавских, оставил записки, которыми, впрочем, надо пользоваться с осторожностью. Ксендз Китович (р. 1728, ум. 1804) представил в своих записках драгоценные данные и для истории быта и для изображения событий последнего времени Польши. Один из главных деятелей революционной эпохи Гуго Коллонтай (р. 1750—1812) описал историю конституции 3 мая 1792 г. чрезвычайно страстно. Известный поэт Каетан Козмян (р. 1771, ум. 1856) до конца жизни писал свои записки, в которых живо изображены и люди, и нравы его эпохи, и некоторые события. Шляхтич Варфоломей Михаловский представляет в своих записках много любопытных черт нравов. Извест-

ный польский историк Адам Нарушевич (р. 1733, ум. 1796) описал путешествие короля по Украине. Поэт Немцевич (р. 1757, ум. 1841) оставил любопытные, хотя и далеко не беспристрастные записки, где есть сведения о Сеймах, битве при Машеевичах, о плене и т. д. Ян Дуклан Схоцкий (ум. 1837) вел записки до своей смерти, в которых, посреди хвастовства любовными подвигами, попадаются интересные черты нравов. Михаил Огинский (р. 1765, ум. 1833), имевший влияние в управлении Польши при Александре I, оставил интересные записки о своем времени. Ко времени Екатерины относятся две иностранные попытки полной истории России: одна принадлежит Левеку (р. 1757, ум. 1812); автор ученый, бывший учителем в корпусе, а потом членом французского института, серьезно взглянул на свое дело, и его книга, сухая и тяжелая, была далеко не бесполезна. Иначе взглянул на это дело француз-медик Леклерк (р. 1726, ум. 1798); промахи его пышно изданной и шарлатански прославленной истории в свое время обличены Болтиным. Наконец упомянем, что священник английской церкви в Петербурге Тук (р. 1744, ум. 1820) составил очень добросовестный свод всех путешественников по России при Екатерине.

Из записок иностранцев, писавших о России в царствование Павла Петровича, наиболее заслуживают внимания: Массон (р. 1762, ум. 1807), который состоял при в. кн. Александре Павловиче, был изгнан Павлом и потому в своих записках, конечно, очень пристрастен; иезуит Жоржель (р. 1731, ум. 1813), бывший в России по делам Мальтийского ордена, оставил записки о своем путешествии, из которых любопытна, преимущественно, характеристика Ростопчина. Баронесса Оберкирх, воспитывавшаяся вместе с императрицей Марией Федоровной, в своих записках оставила любопытные воспоминания о путешествии Павла еще великим князем по Европе. Сведения о «Много сведений о первом времени царствования императора Александра» находим в бумагах и донесениях сардинского посланника, знаменитого защитника иезуитов, красноречивого графа Иосифа де Местра (р. 1754, ум. 1821), прожившего в России от 1803 по 1817 г. и старавшегося иметь влияние и на русское правительство. Знаменитая писательница баронесса Сталь (р. 1766, ум. 1817) посетила Россию в 1812 г. и оставила воспоминания о стране и ее государе. Для истории войны 1812 г. важны записки принца Евгения Виртембергского (1788–1857), жившего в России еще со времен Павла Петровича, англичанина Уильсона (1777–1849), бывшего английским агентом во время войны 1812–1814 гг., любопытные записки Дюмуре,

(1739—1825), прославившегося в первую революцию, сообщают подробности, касающиеся России и Польши. О событиях о заключении мира много в многочисленных дневниках Фаригагена фон Ензе (1785—1858). В записках Вильмена (1790—1867), бывшего молодым человеком во время пребывания Александра в Париже, есть также сведения о событиях того времени. Все сочинения, касающиеся политики того времени, более или менее касаются и Александра, потому мы их и не называем здесь, укажем лишь на то, что более касается его лично: сведения о пиитистическом настроении Александра находим в записках квакера Грилье и в сочинениях о баронессе Крюднер. Последние годы жизни Александра описал Шницлер, а всю жизнь — Рабе; для характеристики самого государя важны записки графини Шуазель Гуффье, урожденной Тизенгаузен, хотя им едва ли можно вполне доверяться.

Научная обработка истории

Наука Русской истории началась уже после смерти Петра Великого при появлении у нас немецких ученых, хотя следы научной обработки можно отыскать и раньше, напр., хоть в библиографических трудах Медведева: в некоторых трудах Феофана: в «Родословной росписи», изданной им в 1720 г., в «Рассмотрении повести о Кирилле и Мефодии», но даже эти труды еще не основали науки, являясь случайно и соприкасаясь с остатками старого, куда надо отнести «Ядро Росс. ист.» Манкеева, бывшего секретарем кн. Хилкова, выборку известий, очень близкую к знаменитому «Синопису». Первоначальниками науки были у нас ученые немцы: Коль (ум. 1778), из сочинений которого замечательно «Введение в историю литературы славянской», показывающее знакомство автора с славянским языком и историей Русской церкви; в этом сочинении Коль описывает первые издания Библии и переводы на русский язык Ефрема Сирянина. Готлиб Сигфрид Байер (1694—1738) — ученый глубокий, критик проницательный, по какой-то странной прихоти не хотевший выучиться по-русски и потому в трудах своих ограничивавшийся по большей части тем периодом, в котором мог основываться на писателях иноземных (вопросами о скифах, варягах, о древней географии по Константину и скандинавам), но делавший крайне грубые ошибки, когда касался русских источников: Москву он производил от мужского монастыря. Тем не менее Байером высказаны главные доказательства, которыми до сих пор пользуются ученые скандинавской школы.

Еще более для русской науки сделал историограф и академик Герард Фридрих Миллер¹ (р. 1705, ум. 1783). Неутомимый собиратель, строгий и точный в своих ученых работах, Миллер был настоящим отцом русской исторической науки, которая до сих пор еще не исчерпала всего богатства собранного им материала; укажем на то, что акты, собранные им в его сибирскую экспедицию (1733—1743), все еще печатаются в «Дополнениях к актам историческим». Он первый начал издание, знакомящее иностранцев с русской землей и ее историей; начал и русский журнал, имеющий подобную же цель для самих русских; издал много памятников и сочинений русских ученых; помогал своими трудами и знаниями другим; приводил в порядок 5-й архив иностранных дел коллегии в Москве; наконец, показал опыт обработки многих вопросов русской истории.

Из других академиков этой эпохи замечательны для науки русской истории: Фишер (р. 1697, ум. 1771), составивший «Сибирскую историю» на основании материалов, собранных Миллером; Штрубе де Пирмонт (р. 1704, ум. около 1790), первый занявшийся вопросом о «Русской Правде» и представивший сближение ее с законами северными. Наконец, великий Ломоносов (р. 1711, ум. 1765) оставил следы свои и в науке Русской истории; хотя его «Древняя Российская история», доведенная до 1054, более любопытна с литературной, чем с научной стороны, что и понятно по свойству занятий Ломоносова, но представляет умные замечания; важен был для его времени «Краткий Российский летописец», изданный в 1760 г. и служивший долго руководством. Его прения с Миллером о происхождении руссов имели основой раздражение патристическое, а не глубокое знание источников. Первое же место между историческими писателями того времени из русских, несомненно, принадлежит знаменитому В. Н. Татищеву (р. 1686, ум. 1750). Администратор и ученый, Татищев в своей многообразной деятельности служил всем потребностям своего времени, еще не знавшего разделения занятий; в самой своей ученой деятельности Татищев начал с удовлетворения практических потребностей: сознавая необходимость географии, он понял, что география без истории невозможна, и потому принялся собирать материалы для истории. Сочинение его — в сущности сводная летопись, доведенная до смерти Феодора Иоанновича, объясненная примечаниями, часто любопытными для характеристики времени XVIII в., по сближениям с обычаями того времени. К сожалению, источники Тати-

¹ Пишу не Мюллер потому, что в России издавна привыкли называть его Миллером.

шева не все дошли до нас и потому нередко он подвергался обвинениям в подлоге, впрочем, совершенно неосновательным: он не мог еще критически отнестись к своим источникам и потому верил многому, хоть бы Иоакимовой летописи, которую приписывал Новгородскому епископу Иоакиму. Все это не умаляет достоинства его труда, но требует осторожности в пользовании известиями, которые встречаются только у него. Татищев нашел многие памятники впервые, из них «Русскую Правду» и «Судебник» снабдил примечаниями, в высшей степени важными по тем сведениям о Руси допетровской, какие мы в них находим. Он составил «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский», к сожалению, остановившийся на букве К, но тоже любопытный по многим сведениям. Об его инструкции для собирания сведений мы уже упоминали и можем только прибавить, что подобная инструкция, только приноровленная к степени теперешних познаний и к требованиям нашего времени, сделала бы честь любому ученому, хотя стоила бы ему гораздо меньших трудов и разысканий, чем стоила Татищеву его инструкция, для которой ему не было низкого руководства. Из писателей этой эпохи следует еще упомянуть о датчанине Адаме Селлий (ум. 1746), который, поселясь в России, занялся русской историей и кончил жизнь монахом в Александро-Невской лавре. Селлий отличался знакомством с рукописной литературой, и занимался преимущественно церковной историей. Царствование Екатерины было благоприятно для исторических трудов, она не только поощряла их, но и сама принимала в них участие: профессора Ант. Алекс. Барсов (р. 1730, ум. 1791) и Хар. Андр. Чеботарев (р. 1746, ум. 1815) составляли для нее выписки из летописей, которые легли в основание ее «Записок касательно русской истории»¹; по предложению известного любителя старины графа А.Н. Мусина-Пушкина (р. 1744, ум. 1818), которому мы обязаны

¹ Первоначально в «Собеседнике любителей Русского Слова», а потом отдельно; СПб., 1787—1795; 6 т., вновь изданы в 1801. Записки доведены до 1276 г. и представляют простой пересказ событий; всюду прибавлены таблицы современных русским европейским государей. Любопытен взгляд Екатерины на историю: «Собиратель сих записок касательно Русск. Истории, — говорит она, — не в числе змей, вскормленных за пазухою, он век свой чтится выполнить долг благородного сердца. Он думает, что похвальное не останется без похвалы; непохвальное без опорочения, доброго же умалять доброту, или порочного умножать дурноту и тем подобиться неискусному врачу, либо невежеством наполненному детскому учителю, не есть дело его». Любопытно место об Ольге: «В. Кн. Святослав, дождеже мать его В. Кн. Ольга была жива, мало о правлении государственном прилежал, не упражнялся военным распорядком. Писатели говорят, что Святослав редко в Киеве бывал и полагался во всем на мудрость и искусство матери своей».

находкой «Слова о полку Игореве» и первым исследованием о тмутараканском камне, были собраны летописи из библиотек монастырских. При таком расположении Екатерины к истории, понятно, отчего при ней много сделано. Так началось печатание летописей; началось печатание актов: Н.И. Новиковым (р. 1744, ум. 1818), издавшим «Древнюю Российскую Вивлиофику», громадный сборник, в который вошли акты разного рода, летописи, литературные произведения и т. п.; в то же время Вольное Российское собрание (существовавшее при Московском Университете с 1771) начало издание своих трудов, в которых тоже поместило много памятников: Разрядные книги, Двинскую летопись. Занимающимся она открывала архивы, даже сама вызывала на тот или другой труд. Экспедиции, снаряженные при ней: Паллас, Гмелин, Лепехин и др., кроме этнографических сведений, сообщали часто, как мы видели, и археологические или привозили древние памятники (напр., Лепехин (р. 1737, ум. 1812) устав Владимира, Пермскую азбуку и т. д.). Полную историю России задумал писать князь М.М. Щербатов (р. 1733, ум. 1790). Его сочинение, доведенное только до Михаила Феодоровича, любопытно по многим актам, извлеченным им из архивов, куда он получил доступ по воле императрицы; иные из этих актов только и встречаются в его книге; он пользовался также многими летописями, но его способ цитировать по № отнимает возможность проверки. Задумываясь над многим (напр., способ наследования столов в Руси Киевской, характер Иоанна Грозного), князь М.М. Щербатов не всегда умел совладеть с предметом, и страсть к прагматизму нередко вводила его в смешные заблуждения: так причину успеха татар он видит в излишнем благочестии наших предков; нападения Литвы в эпоху дотатарскую объясняет делами польскими, забывая, что Литва не была соединена с Польшей, и т. п. С именем Щербатова тесно соединено имя его противника Ивана Никитича Полтина (р. 1735, ум. 1790). Дилетант, занимавшийся историей для себя, Болтин выступил на поприще литературное, вызванный нагой книгой Леклерка и поощряемый императрицей. Его «Примечания на Леклерка» заделли Щербатова, и началась полемика. Полтин и по знаниям, и по способностям стоит гораздо выше Щербатова: в его книге нельзя не удивляться большому критическому такту и верности взглядов: он первый старается точнее определить отношение Древней Руси к новой, провести чрез всю Русскую историю один цельный взгляд; в этом смысле он является предшественником славянофилов. В ученом отношении его можно упрекнуть, конечно, в излишнем пристрастии к Тати-

щеву, но это дань веку, еще не освоившемуся с правилами исторической критики. Курский купец И.И. Голиков (р. 1735, ум. 1801), с детства торговавшийся делами Петра В., освободившись от суда по манифесту, изданному по случаю открытия памятника Петру, решился посвятить всю жизнь труду над биографией этого великого государя. В 1788 г. он издал «Деяния Петра Великого». Екатерина обратила внимание на этот труд, открыла Голикову архивы, вследствие чего он получил возможность издать «Дополнения к деяниям». Сочинение Голикова, служащее до сих пор необходимым пособием для занимающихся историей — временем Петра В., — отличается отсутствием критики и слишком похвальным тоном. Из академиков этого времени наиболее сделал Лег. Люд. Шлецер (р. 1735—1809). Шлецер в короткое свое пребывание выучился по-русски и первый занялся критической обработкой русских летописей, вследствие чего его «Нестор» пользовался долго особым уважением у всех писавших по Русской истории, хотя нельзя не признаться, что его мысль о сводном издании летописи произвела довольно большую путаницу в наших изданиях, а его взгляд на Древнюю Русь, как на страну ирокезов, куда только немцы внесли свет просвещения, представил Русскую историю в ложном свете. Иоганн Готлиб Штриттер (р. 1740—1801), академик и управляющий архивом коллегии иностранных дел после Миллера, оказал важную услугу изданием выбора из Византийских писателей известий о славянах и народах с ними соседних. Сборник этот, впрочем, не совсем полон и сделан, к сожалению, с латинского перевода, не всегда точного, но тем не менее до сих пор единственного. Штриттер писал еще «Российскую историю», которую довел до 1462 г., скучную и сухую компиляцию, любопытную более по замечаниям на нее Екатерины. Иоганн Готлиб Георги (р. 1729—1802), кроме своего путешествия, оставил «Описание всех народов в Российском Государстве обитающих» — книгу, до сих пор не потерявшую цены; его «Описание Петербурга» может служить в значительной степени пособием для изучения истории того времени. Позднее вступил в академию известный статистик Андрей Карлович Шторх (р. 1766, ум. 1835); труды Шторха служат важным материалом для истории конца XVIII и начала XIX в. К академии принадлежат также два Бакмейстера: Иоганн (ум. 1794), описавший библиотеку академии и первое прибытие англичан в Россию, и Гартманн Лудовик (ум. 1806), издатель журнала «Русская библиотека», в котором — подробная библиография того времени, его же «Проект библиотеки для приобретения некоторых познаний о состоянии России от вре-

мен отдаленных». С академией находился в сношениях П.И. Рычков (р. 1712, ум. 1777), написавший «Оренбургскую топографию», «Историю Казанскую» и много статей в «Ежемесячных сочинениях». Труды Рычкова, несмотря на общий недостаток критики, чрезвычайно важны, ибо нередко служат даже материалом для исторических исследований; двое архангельцев тоже вступили в сношение с академией: это были Фомин (р. 1733, ум. 1802) и Крестинин, основатели общества для исследования местных древностей; в их статьях много важного для истории, в особенности более новой. Любовь Екатерины к русской народной старине, развившаяся в ее любви к старым песням и пословицам, нашла сочувствие и отражение в обществе: явились собиратели и объяснители произведений народного творчества; так М.Д. Чулков (ум. 1793) собирал песни, сказки, предания; Новикову тоже приписывают сборник песен. Из собирателей материалов замечателен еще Ф.В. Туманский (ум. 1805), издатель нескольких журналов, но наиболее памятный собиранием материалов для истории Петра В.

По началу своей деятельности относится ко времени Екатерины Ник. Ник. Бантыш-Каменский (р. 1787, ум. 1814); был начальником Московского архива иностранных дел, привел его в порядок и составил описание его дел, к сожалению, до сих под не напечатанное, но послужившее Карамзину; митрополит Московский Платон (1737—1812) важен для русской исторической науки своей «Краткой церковной Рос. ист.», в которой много блестящих исторических соображений: напр., о том, что у нас не было в язычестве ни жрецов, ни храмов; важно его суждение об уничтожении патриаршества, любопытно предположение о том, что самозванец подставлен иезуитами и т. д. Упомянем двух поляков, сделавших для своего времени много к разъяснению древностей русских: митрополит католический Сестрещевич Богуш (1731—1825) занялся вопросом о древних народах, живших в России; граф Ян Потоцкий (р. 1761, ум. 1812) к этому вопросу присоединил вопросы археологические.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась появлением великого произведения Карамзина (р. 1766, ум. 1826). Никогда, ни прежде ни после, не имела русская литература ничего подобного «Ист. Государства Российского». Громадный талант художественного изложения прежде всего поражает читателя, и до сих пор еще мы часто увлекаемся картинами, представляемыми Карамзиным; талант помог ему не спутаться в огромном количестве лиц и происшествий. Высокое нравственное чувство де-

лает до сих пор эту книгу наиболее удобной для воспитания любви к России и к добру. Но за этими достоинствами стоят еще другие, не менее редкие достоинства: художник соединился с ученым; в громадных примечаниях Карамзина остался нам памятник его обширной начитанности, его образцовой критической внимательности: он останавливался над каждым памятником, над каждым вопросом. Для человека, начинающего заниматься историей, нельзя указать лучшего руководства: из примечаний Карамзина он познакомится со всем кругом источников, бывших доступными Карамзину, и потом уже легко может дополнить свои сведения. Эпоха Карамзина вообще богата учеными трудами: тогда зарождалась русская палеография и русская археология, множество исследователей группировалось около знаменитого канцлера Румянцева (р. 1754, ум. 1826), создателя Румянцевского музея, умевшего и набирать и направлять людей. Между исследователями этой поры первое место, по обширности, важности и ученому достоинству своих работ, занимает Евгений Болховитинов, митрополит Киевский (р. 1767, ум. 1837), оставивший множество трудов, касающихся как истории Русской церкви, так и истории политической и истории словесности; во всех своих епархиях, которых он переменял несколько, Евгений положил начало изучению местных древностей. Для русской археологии и палеографии чрезвычайно много сделал Константин Федорович Калайдович (р. 1792, ум. 1832), положивший основание хорошему изданию памятников и много способствовавший объяснению их; его указания нередко служили Карамзину. С именем Калайдовича всегда невольно соединяется имя П.М. Строева, которому мы обязаны описанием многих библиотек, первым классическим изданием летописи, археографическим путешествием по России, положившим основание Археографической комиссии. В ту пору начинается славная деятельность Ал. Христ. Востокова (р. 1781, ум. 1864), основателя нового направления в славянской филологии, глубокого знатока рукописей и первого показавшего пример их описания вполне удовлетворительного. Из числа людей, созданных Румянцевым, укажем на протоиерея Иоанна Григоровича (ум. 1852), известного знатока западнорусской истории и литературы, издателя западнорусских актов. Во главе археологов стоит А.Н. Оленин (1763—1844), о трудах которого, равно как и о Ходаковском, мы уже упоминали в изображении судьбы археологии в России. Из академиков замечательны Круг (1764—1844), занимавшийся Византией и происхождением варягов, Лерберг (1770—1813), показавший в немногих своих статьях большой критиче-

ский талант; ориенталист Френ (1782—1851) познакомил науку с многочисленными свидетельствами арабов и изучал нумизматику народов восточных, некогда завладевших частью России. Из профессоров той эпохи укажем харьковского профессора Гавриила Петровича Успенского (1765—1820), который первый занялся общим обозрением русских древностей и если его книга многим обязана известному сочинению Мейнерса, то все-таки в ней есть много самостоятельного, а главное, это был первый опыт по-русски и притом в широком объеме: книга Успенского обнимает и государственные, и частные древности. В Дерпте русскую историю читал Густав Эверс (ум. 1830), первый заговоривший о родовом быте и имевший впоследствии стольких учеников; попытка объяснения истории с точки зрения внутреннего развития вполне заслуживает внимания: в ту пору Эверс составлял свой, к сожалению, неоконченный учебник, в котором есть много хорошего, и занимался вопросом о происхождении государства. Варяги, по его мнению, хазары. Упомянем здесь же ученика Эверсова Филиппа Рейца (бывшего профессором русского права с 1825 по 1840), хотя он действовал позднее. Рейцу принадлежит честь первого и до сих пор единственного опыта «Истории русского законодательства», для своего времени очень замечательного; не менее замечательно его обозрение устройства и законодательства городов Далматского побережья. Из московских профессоров для Русской истории много сделал Роман Феодорович Тимковский (1785—1820), профессор римской словесности, который приложил к изданию русских памятников строгие требования издания классиков. С 1804 г. по мысли Шлецера основано «Общество истории и древностей при Московском Университете», но деятельным оно стало только с 1811 г. Первым его председателем по преобразованию был Платон Петрович Бекетов (р. 1761, ум. 1836), известный любитель древности и издатель. В конце первой четверти XIX в. усиливается журнальная деятельность, и многие журналы помещают статьи и материалы по Русской истории; укажем на самые важные (до 1834 г., т. е. до «Библиотеки для чтения»): «Вестник Европы» Ж.Т. Каченовского (1802—1830); «Отечественные записки» И.П. Свиньина (ум. 1839) (1818—1830); «Северный архив» Ф.В. Булгарина (1822—1828), соединившийся после с «Сыном Отечества» Н.И. Греча (1813—1852), где тоже были статьи исторического содержания; «Московский телеграф» И.А. Полевого (1825—1834), «Московский вестник» М.П. Погодина (1827—1830); «Русский зритель» К.Ф. Калайдовича (1828); «Сибирский вестник» Г.И. Спасского (1818—1825); «Азиатский

вестник» его же (1825—1828); «Телескоп» Н.И. Надеждина (1830—1837), «Воспоминания» С.А. Русова (1832).

Совершенно независимо от всяких влияний и почти без связи с ученым миром работал в Цивильске Я. С. Арцыбашев (ум. 1841), который с 1803 г. предался мысли составить Русскую историю вполне объективную и достоверную; для этой цели он ограничился сводом известных летописей и грамот, его «Повествование о России», доведенное до единодержавия Петра, — книга сухая, но очень полезная для справок; важно, что он подверг критике многие известия иностранцев. Другая попытка полной русской истории принадлежит Н.А. Полевому (ум. 1846), талантливому журналисту, много пользы принесшему своими статьями о русской литературе и очень удачно знакомившему с движением умов в тогдашней Европе. Дилетант в истории, начитавшись Гизо, Тьерри и Нибура, Полевой затеял пересоздать Русскую историю и начал отыскивать в ней те же начала, которые учителя его находили или в истории Рима, или в истории Франции; поспешное приложение чужих выводов к явлениям, не совсем подходящим, и отсутствие собственной продолжительной критической работы много повредили Полевому. Профессором русской истории в Московском университете был Михаил Трофимович Каченовский (р. 1775, ум. 1842), который, находя противоречие между преувеличенными ходившими тогда толками о Древней Руси и вероятным (впрочем, тоже преувеличенным в другую сторону под наитием Шлецера) состоянием Русской земли в Киевский период, начал доказывать недостоверность древней Русской истории, в чем сильной опорой служило ему то, что летописи дошли до нас в списках, и то сравнительно позднейших. Молодые люди увлекались скептицизмом Каченовского и образовалась целая, так называемая скептическая, школа, из последователей которой наиболее замечателен С.М. Строев (Скромненко ум. 1841). К тому же времени относится появление другой школы, так называемой славянской, которая доказывала происхождение варягов от славян и, наконец, идя далее, выводила, что славяне имели великое участие в движении эпохи, называемой переселением народов, и что гунны, готы, авары, болгары и т. д. — чистые славяне. Основателем этого учения был Юрий Иванович Венелин (р. 1802, ум. 1839), родом из Угорской Руси, человек начитанный, высокодаровитый, но, к сожалению, лишенный правильной ученой подготовки и увлекавшийся необузданной фантазией, более приличной поэту. Противником этих двух школ выступил М.П. Погодин, сначала читавший Русскую историю на этико-

политическом (нынешний юридический), а потом на словесном разряде (ныне историко-филологический) Московского университета. Он начал свою ученую деятельность диссертацией «О происхождении Руси», которой прямо примкнул к защитникам норманского происхождения варягов; впоследствии он прибавил сюда опровержение мнений славянской школы. Против Каченовского выступил он со статьями, которые, будучи собраны в книгу, явились под именем «Нестора» — его самое остроумное и удачное произведение; в этом сочинении удалось автору основательно и многосторонне доказать достоверность древней истории и несомненную древность летописи. Оставив университет, он принялся собирать свои статьи и лекции и из них составил книгу «Исследования, лекции и замечания», которая во многих отношениях служит превосходным пособием для изучения русской истории до татар, хотя со многими выводами почтенного историка согласиться нельзя: самый метод, который он называет математическим и который состоит в подборе мест из летописей, расположенных систематически, возбуждал оживленные прения; противники этого метода до известной степени правы, ибо слишком дробное отделение мест может иногда повести к выводам, не совсем точным, но книга все-таки, несомненно, полезна. Рядом с этой деятельностью исследователя М. П. Погодин вел ряд попыток художественной истории, который должен завершиться готовящимся к выходу трудом его, обнимающим русскую историю до татар. Кроме большого знания источников, не можем не указать в его трудах замечательного понимания русской жизни, которое, к сожалению проявляется как-то неполно, частично, может быть, даже оттого, что он не вырабатывает своего изложения, но есть черты, подмеченные им чрезвычайно верно: напр., нерасположение вообще русского человека к договорному началу и т. п. Другим противником школы скептической явился Петр Григорьевич Бутков (ум. 1857), известный своей громадной начитанностью, которая выразилась в его многочисленных статьях, печатавшихся в журналах с 1820 г., и в особенности в его «Обороне Несторовой летописи от наветов скептиков» (1840); недостаток ученой критики мешает несколько достоинству сочинений этого замечательного труженика. Русскую историю в 30-х гг. в Петербургском университете преподавал Николай Герасимович Устрялов (ум. 1870), издатель нескольких памятников, автор замечательной для своего времени «Русской истории», в которой в первый раз дано было событиям истории литовской Руси равное место с событиями Руси Московской и в первый же раз с надлежащей полнотой

изложена история России с Петра В. Во многих отношениях книга Устрялова и до сих пор не потеряла своего значения, хотя как учебник она слишком обширна. Ее достоинства состоят в правильном систематическом распределении материала, а главный недостаток в том, что внешняя логичность преобладает над внутренней оценкой; особенно хороши главы, касающиеся военных событий. Последние годы жизни Устрялов посвятил «Истории Петра В.», которую, к сожалению, он не кончил, но к которой тем не менее придется постоянно обращаться как по богатству материала, так и по систематичности изложения. Из других профессоров Петербургского университета вспомним О.И. Сеньковского (р. 1809, ум. 1858), одного из замечательных ориенталистов и памятного своим влиянием журналиста; из разнообразных трудов этого многообъемлющего ученого некоторые касаются и русской истории: он переложил Эйдмундову сагу, снабдив предисловием, в котором высказал несколько парадоксальный взгляд на отношение Скандинавии к России, первый высказал мысль о необходимости изучать историю Литовского княжества в связи с Московским, и ориенталиста Шармуа, издавшего выписки из разных восточных писателей, касающихся России. В 1836 г. появилось начало в высшей степени замечательного труда «Россия», которому не суждено было окончиться; он остановился на смерти Ярослава. Книга эта, подписанная Ф. Булгариным, в значительной степени, если не вполне, писана Я.А. Ивановым (ум. 1869), который был впоследствии профессором Казанского, а потом Дерптского университетов. Книга эта, отличающаяся некоторым чисто юношеским увлечением, построена на чрезвычайно верной мысли: Русская история должна быть изучаема в связи со славянской и вообще европейской; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талант изложения выдвигают высоко эту книгу. Из юристов тридцатых годов укажем Федора Лукича Морошкина (р. 1804, ум. 1857). Ученик Сапунова, более практика, чем историка, Морошкин внес первый исторический элемент в изучение русского нрава. Несмотря на увлечения фантазии, которым он поддавался нередко, Морошкин высказывал блестящие воззрения и догадки, под влиянием чисто русского, хотя и инстинктивного понимания. В этом отношении особенно важна его «Речь об уложении». Как теоретик он имеет гораздо менее достоинств: система у него слаба, изложение не всегда достаточно для юриста точно. Событием самым важным для развития науки русской истории в эту эпоху было Археографическое путешествие Д.М. Строева. Экспедиция эта, первая мысль о которой

была выражена Строевым еще в 1823 г., отправлена в 1829 г.; за шесть лет (1829—1834) Строев с Я.И. Бередниковым (р. 1798, ум. 1854) объехали губернии: Архангельскую, Вологодскую, С.-Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Казанскую и Вятскую и осмотрели до 200 архивов и библиотек. Акты, собранные этой экспедицией, начала издавать Археографическая комиссия, учрежденная в 1834 г. Издание Археографической комиссии составляет почти исключительно основу всякого исторического труда и должно быть в руках всех занимающихся Русской историей. Главными деятелями в комиссии были: Я.И. Бередников, издавший первые шесть томов «Полного собрания летописей», некоторые тома актов («Юрид. акты», 1838) и Котошихина; по его смерти издание летописей перешло к А.Ф. Бычкову, которому принадлежат значительные улучшения в самом издании, ставящие это издание на одно из первых мест. Акты издали: И. Григорович (р. 1792, ум. 1852), издатель актов Западной России; по смерти его это издание, переименовав имя, продолжает Я.Я. Костомаров («Акты Южной и Западной России») и под разными заглавиями М.С. Коялович («Документы, объясняющие историю Западно-Русского края», «Дневник Люблинского сейма»); акты, касающиеся Восточной Руси, издавали разные лица: М.А. Коршунов (р. 1806, ум. 1858), который участвовал в издании «Актов, собранных Археографической экспедицией», издавал «Акты исторические» и «Дополнение» к ним, которое по его смерти продолжал Я.В. Лычев до своего назначения управляющим сенатским архивом в Москве, а теперь продолжает А.И. Тимофеев; кроме того, Я.В. Калачов издал «Акты, касающиеся юридического быта России». Акты на иностранных языках издавал сначала Григорович, потом Востоков, а теперь А.Л. Куник; издание «Писцовых книг» принадлежит П.И. Савваитову, он же вместе с С.Н. Палаузовым издавал «Минеи-Четьи». В 40—50-х гг. начали свою деятельность Виленская и Киевская комиссии для разбора древних актов (теперь переименованные в Археографические), а с 1839 г. существует «Одесское общество истории и древностей», с деятельностью которого мы уже знакомы. С тридцатых годов начинается усиленная деятельность по собранию памятников народного творчества; главными деятелями являются И.П. Сахаров и И.М. Снегирев. «Сказания русского народа» Сахарова и «Русские простонародные праздники» Снегирева и его же «Русские в своих пословицах» представляют богатый запас фактов, и если исследователь современный пожелал бы больше критики

и более глубоких объяснений, то не может не поблагодарить за сбор материалов. Сюда же относится труд Л.В. Терещенки «Быт русского народа». Достоинства его — обилие фактов, недостаток — отсутствие критики и резонерство.

С 1845 г. кафедре Русской истории занимает в Московском университете С.М. Соловьев, которому принадлежит честь довести изложение Русской истории так далеко, как еще не вел никто из его предшественников (двадцатый том доведен до кончины Анны Иоанновны). Многолетняя деятельность С.М. Соловьева известна всей России; по книге его учится все молодое поколение людей, занимающихся Русской историей и, вероятно, еще долго она будет важнейшим репертуаром сведений о русской старине и важнейшим обзором всего движения Русской истории. Громадные достоинства труда г. Соловьева всеми признаны: большая начитанность не только в печатных, но и в рукописных источниках, что чрезвычайно важно особенно для той поры, когда архивы становятся самым важным источником; чрезвычайно умные и меткие суждения по многим вопросам (Иоанн Грозный, Смутное время, Петр Великий и т. д.), аналогия с историями других народов, преимущественно славянских; наконец, стройность единой мысли: смены родовых отношений государственными, хотя бы против развития этой мысли, и могли встречаться возражения, о чем будем иметь случай говорить. Многие жалуются, не совсем без основания, на отрывочность изложения, обилие выписок и — главное — отсутствие точных указаний и вообще на недостаточное внимание к литературе предмета, но громадность труда, который требует такого усилия и такой силы воли, примеры каких встречаются очень редко, служит достаточным оправданием в этом случае. Равным с С.М. Соловьевым влиянием на развитие новых воззрений на Русскую историю пользовался в то время К.Д. Кавелин, историк-юрист, проводивший в своих оживленных лекциях и статьях тоже учение о первоначальном родовом быте и его переходе в государственный. Если профессора Московского университета представляли теорию государственного развития, то в Москве же появилось учение, выдвинувшее на первый план народную историю и при том самостоятельную, вследствие чего осуждавшее реформу Петра и избегавшее аналогий с историей Европы. Это было учение славянофилов, в ту пору начавшее высказываться в разных журналах и сборниках, но вполне вызывавшееся только впоследствии. Наиболее ревностным деятелем этого направления был Д.А. Валуев (ум. 1845), издатель нескольких сборников и автор в высшей степени важного и даровитого исследования о мест-

ничестве. Впоследствии в статьях А. С. Хомякова (ум. 1860) и К. С. Аксакова (ум. 1859) это направление выступило резко и определенно.

Из новых обществ, важных для развития исторических знаний, в сороковых годах образовалось Археологическое (в 1846) и Географическое (с 1846), в трудах которого много важного для исторической географии и для этнографии и археологии (встречаются известия о курганах, городищах и т. п.). К деятелям академии в эту пору прибавились: археолог А. А. Куник, занимающийся преимущественно древним периодом и своими громадными сведениями способствующий уяснению многих вопросов, филолог Шегрен (р. 1794, ум. 1855), которому наука обязана важным указанием касательно расселения финских племен; с академией находился в сношениях гельсинфорский профессор Кастрен (р. 1813, ум. 1852), известный своими путешествиями и исследованиями мифологическими и этнографическими касательно народов финских. Из журналов тридцатых и сороковых годов исторические статьи и материалы помещались в «Журнале Министерства народного просвещения» (с 1834), «Журнале Министерства внутренних дел» (по 1863), «Библиотеке для чтения» (1834—1862), «Москвитянине» (1840—1856), «Маяке» (1840—45), «Русском вестнике» (1841—1842), «Отечественных записках» (с 1839), «Современнике» (1836—1866), «Финском вестнике», переименованном потом в «Северное обозрение» (1845—1850).

Развитие литературы за последние годы, обусловленное частью большей ученой требовательностью, мчавшейся с конца сороковых годов, а частью открывшейся в пятидесятых возможностью касаться в ученых произведениях вопросов, которые дотоле были из них изъяты, заставляет нас ограничиться указанием наиболее важных явлений, и притом самым лучшим способом будет, кажется, изложение по предметам, а не хронологическое. Изданием материалов занимались, кроме указанных учреждений, еще II отделение Академии наук, преобразованное с 1841 г. из Российской академии; в этих изданиях главным деятелем является И. И. Срезневский, которому, кроме разнообразных изданий со множеством исследований по всем частям славяно-русских древностей, наука обязана полным обзором памятников письменности русской до XIV в. Строгая критическая разборчивость в соединении с обширным запасом знаний делают труды этого почтенного академика необходимым пособием для изучения русских древностей. Много сделано и другими академиками: П. П. Пекарским, А. Ф. Бычковым, Я. К. Тротом, на труды которых мы или указывали или укажем, а также В. И. Ламан-

ским, М.И. Сухомлиновым. Много издано духовными академиями: Московской, Казанской, С.-Петербургской, Киевской и другими духовными учреждениями и лицами. К числу обществ прибавилось «Историческое» (с 1866), «Московское археологическое» (с 1864) и «Древнерусского искусства» (тоже); кроме того, печатают материалы журналы как специальные: «Русский архив» И. Бартенева (с 1863), «Русская старина» М.И. Семевского (с 1870), так и общие: «Русская беседа» (1856–1860), «Русский Вестник» (с 1856), «Русское слово» (1859–1866), «Заря» (с 1869) и т. д. Прибавим еще издания II отделения собственной Е.В. канцелярии.

Для истории в широком смысле укажем на труды П.И. Костомарова, высокий художественный талант которого слишком известен, чтобы о нем распространяться («Историческая моногр.» и т. д.). Строгая критика может пожелать иногда более вникания во взаимные отношения источников, но и она признает непреодолимую прелесть его рассказа. Для новой Русской истории важны труды барона М.А. Корфа, М.И. Богдановича, Д.А. Милютина, Е. П. Ковалевского (ум. 1869), Ал. Н. Попова, графа Д.А. Толстого, А.Н. Пыпина, Ст. Морошкина (ум. 1870), Д.М. Иловайского. По истории церкви самые важные сочинения: пр. Филарета (скончавшегося архиепископом Черниговским в 1866), которого «История Русской церкви», доведенная до конца, по ясности систематического изложения, по обилию материала до сих пор занимает видное место, хотя исследователь мог бы пожелать более внимания к нравственному состоянию общества и отношению церкви к государству; его «Русские Святые», за неимением изданий подлинников, служат источником, хотя нельзя не пожалеть, что часто краски подлинника стерты, ибо автор имел в виду не одних исследователей, но и простых читателей. «История Русской церкви» преосвященного Макария (архиепископа Литовского), доведенная до XVI в., драгоценная как по тщательным разысканиям, так и по множеству впервые печатаемых памятников старинной русской письменности; его «История русского раскола» — до сих пор лучшее обозрение внешней судьбы раскола, ибо книга от Руднева не окончена, а другие занимались частными вопросами. Обратило на себя внимание сочинение А.П. Шапова «Русский раскол старообрядства», но его главное достоинство в новизне обсуждения раскола со светской точки зрения, в воззрениях со многим согласиться нельзя; важнее сочинения П.И. Мельникова, одного из лучших знатоков раскола и одного из лучших русских писателей; о современном расколе лучшие ста-

тьи Я.И. Субботина. Из лиц, занимавшихся в последние тридцать лет историей литературы, упомянем С.П. Шевырева (р. 1806, ум. 1866), сочинение которого, доведенное до конца XVI в., представляет полное и тщательное обозрение всех произведений словесности, но недостатком является отсутствие критики относительно житий, которыми С.П. Шевырев пользовался, как источниками для характеристики благочестия Древней Руси, а не как литературными памятниками; торжественность изложения также много вредит ему.

Преемниками С.П. Шевырева были Ф.И. Буслаев и Я.С. Тихонравов. Первый оказал важные услуги русской грамматике своей «Исторической грамматикой» и истории искусств разными своими исследованиями, внес в изучение литературы новый метод — сравнительно исторический и часто сближает произведения литературы с произведениями других искусств; к житиям он первый приложил литературные требования. Я.С. Тихонравов превосходно издает памятники и представил немало замечательных исследований об отдельных вопросах. В «Истории русской словесности» А.Д. Галахова особенно важны последние отделы; чем ближе к новому времени, тем важнее это сочинение; главы о Карамзине едва ли не лучшие во всей книге. Книга С.Ф. Миллера представляет отличное обозрение древней русской литературы, особенно народной. И.Я. Порфирьеву принадлежит превосходный свод всего написанного доселе о литературе допетровской, дополненный часто собственными исследованиями. Многие частные вопросы с успехом разрабатывали: П.П. Пекарский, которому принадлежит превосходный труд о литературе времени Петра В., могущий стать подле «Памятников языка и письма» И.И. Срезневского; А.Н. Пыпин, М.И. Сухомлинов и Андр.Н. Попов, обозревший хронографы так, как у нас не обозрены и летописи и др. Начало систематического знакомства с рукописями положено классическими описаниями рукописей, сделанными А.Х. Бостоновым, А.В. Горским и К.И. Невоструевым и трудами В.М. Ундольского (ум. 1864), известного собирателя и знатока рукописей.

Из юристов-историков этой эпохи на первом месте стоит А.А. Неволлин (р. 1806, ум. 1856), бывший профессор сначала киевский, потом петербургский; глубокие познания в истории законодательства, особенно римско-византийского и русского, соединенные с классическим образованием и твердым и ясным умом, давали Неволлину право на это место. «Великий анатом, он никогда не был физиологом», — говорил о нем Морошкин; быть может, он считал физиологию преждевременной; как

бы то ни было, но пользование «Историей гражданских законов» несколько затрудняется методом Неволлина вести каждый юридический институт от первых известий о нем до последнего времени. Зато у него собраны и обследованы все необходимые сведения о каждом предмете. Преемник Неволлина Д.И. Мейер (ум. 1857) сам более практически юрист вызывал, однако, в своих слушателях охоту заниматься историей и издал сборник их трудов. Много услуг истории русского права оказал Н.В. Калачов, бывший профессор Московского университета, неутомимый исследователь и издатель. Из профессоров Московского университета припомним еще В.Н. Чичерина, которому принадлежит замечательное, хотя и одностороннее сочинение «Областные учреждения в России XVII в.», первое вполне осмотревшее этот вопрос; Ф.М. Дмитриева, которым прослежена с полнотой и обстоятельностью история процесса, И.Д. Беляева, одного из лучших знатоков архивов; К.П. Победоносцева, вносящего исторический метод в гражданское право; В.Н. Пешкова; из петербургских вспомним от Горчакова, занявшегося вопросами о светских отношениях духовенства, А.Д. Градовского, И.Е. Андреевского, А.П. Чебышева, Дмитриева. Из профессоров других университетов и лиц, не занимавших кафедры, припомним Ф.И. Леонтовича, вносящего в изучение русского права сравнение с правами славянскими и изучающего право литовское, А.В. Романовича-Славутинского, Энгельманов (П.Е. и Авг. Е.); Н.А. Гладкова, А.В. Лохвицкого и др.

По истории русского древнего быта много находим в названных уже выше изданиях Археологических обществ; сверх того, можно указать на громадный и высокоталантливый труд И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей», составленный по делам архива Оружейной палаты; нельзя не подивиться умению составлять стройную картину из отрывочных известий; если бы не неудачные иногда общие рассуждения, книга г. Забелина должна была бы занять одно из первых мест в археологической литературе не одной России. П.И. Савваитову принадлежит интересное сочинение об одеждах и вооружениях древних царей на основании старых описей. В трудах русских ориенталистов, которые нам придется цитировать не раз (В.В. Григорьева, В.В. Вельяминова-Зернова, И.П. Березина, Д.А. Хвольсона и др.) русский историк находит множество важных для себя указаний, равно как и в трудах ученых, посвятивших себя изучению мира славянского: А.Ф. Гильфердинга, В.И. Ламанского, В.И. Григоровича, П.А. Лавровского и др.

Множество изданий памятников народного творчества, сделанных П.Н. Рыбниковым, П.А. Бессоновым, П.А. Шейным, П.А. Гильтебрандтом и др., вызвали усиленную деятельность в изучении русской старины и народности, оживленную еще с тридцатых годов изданиями И.П. Сахарова, И.М. Снегирева и М.А. Максимовича; труды по мифологии стали появляться все чаще и чаще. К ним принадлежат труды И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева (ум. 1871), А.Аф. Потебни, А.А. Котляревского, О.Ф. Миллера. Новое еще у нас исследование мифологического развития нередко, конечно, впадает в значительные крайности, особенно потому, что масса скопившегося материала недостаточно обследована, а готовые решения германской науки так обаятельно и соблазнительно действуют, но нельзя не признаться, что и в этом отношении наша наука сделала значительные успехи.

В заключение укажем на то, что много статей, касающихся истории, появляется в известиях и ученых записках университетов: Киевского, Московского, Казанского, Харьковского, Новороссийского, Варшавского (из которых казанские существуют с тридцатых годов, а остальные появились в шестидесятих годах).

Исчисленными сочинениями далеко не исчерпывается все богатство научной литературы Русской истории; мы указали только на более или менее важные явления. Из всего сказанного нами при обозрении источников и пособий видно, что сделано много, но многое еще остается сделать: еще не описаны все библиотеки и архивы, еще многие вопросы только затронуты. Зная это, мы должны стараться быть как можно более осторожными в своих общих выводах.

Глава I

Славяне, их расселение. — Религия славян: божества природы, праздники, божества домашние, погребальные обряды, богослужение. — Быт семейный. — Быт общественный. — Материальная обстановка жизни славян, преимущественно русских. — Инородцы: финны, тюрки и литва

Славяне, их расселение

Основным элементом образования русской народности послужили племена славянские, издавна жившие на территории нынешней Русской империи. Когда пришли славяне в Европу, мы с достоверностью не знаем. С большей точностью можем мы определить ту местность, которая постоянно, со времен глубокой древности, заселена была славянами. Средством для этого, как уже заметил более тридцати лет тому назад Надеждин, могут служить названия живых урочищ. Большие урочища — по замечанию этого остроумного и глубокомысленного писателя — всегда называются первыми поселенцами. Таким образом, если на востоке России мы слышим названия, которые звучат не по-славянски: Ока, Кама и т. п., а на западе чисто славянские: Березина, Припять и т. д., то позволительно заключить, что запад ранее востока населен славянами и что первым местом поселения славян в Европе надо считать край Подкарпатский. К такому же результату пришел и Шафарик в своих «Славянских древностях». Сюда же, к Карпатам, приводят нас и саги многих славянских народов, в особенности чехов и ляхов. Отсюда уже славяне распространились в разные стороны: на север до моря Балтийского, и на юг до Адриатического. Наша древнейшая летопись передает предание о том, что «по мнозех временах (после столпотворения) сели суть Словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и болгарска», откуда изгнанные волохами, разошлись они по разным сторонам. Это, так сказать, дунайское предание, попавшее, быть может, в летопись из письменного источника, едва ли не записанное у славян придунайских, кажется, не следует принимать безусловно за доказательство первоначального поселения славян в Европе на Дунае; более вероятно то, что сюда переселились они из другого первоначального жилища, где они основались при переходе в Европу. Волохи, по Шафарику, кельты; по другим — римляне; есть мнение, что это древние даки, предки нынешних румынов (Гильфердинг).

Древние не знали славян под их собственным именем (если не видеть в птолемеевых ставанах славян). Греки и римляне знали славян под различными именами, между которыми преобладающим делается имя Венетов, венедов (Генеты Геродота). Плиний и Тацит упоминают о венетах, живших около Вислы; географ Птолемей называет Балтийское море Венедским заливом (κόλπος οὐενεδικός). Этим именем обыкновенно означались два крайних племени славянские: славяне прибалтийские, знакомые древности классической по торговле янтарем, и славяне адриатические, первые вошедшие в прямые сношения с римлянами и скоро олатинившиеся¹.

Достоверные сведения о территории нашего отечества начинаются с V в. до Р.Х. Геродот знает здесь господствующее племя скифов; он же описывает и племена, платившие дань скифам. Между этими племенами знатоки славянской древности (преимущественно Шафарик) указывают с полной вероятностью некоторые племена славянские. Ученые до сих пор еще спорят о том, кто такие скифы: иные считают их монголами (Нибур, Нейман), другие финнами (Эйхвальд); теперь, впрочем, начинает преобладать то мнение, что скифы были кочевники арийского племени (Гримм, Бергман, Гильфердинг). От скифов, кроме подробностей об их нравах и преданиях, сохранных Геродотом, дошли до нашего времени несколько имен (происхождение которых, быть может, еще не совсем убедительно раскрыто филологией), курганы, между которыми самые важные царские могилы (Геродотов Герое). При раскопке курганов находят разные вещи, дающие понятие о быте скифов. Из этих находок особенно обращает на себя внимание хранящаяся в Эрмитаже серебряная ваза, выкопанная И. Е. Забелиным из Чертомлыкского кургана (в Екатеринославской губернии). На этой вазе, работы греческих художников из понтийских колоний, представлены скифы, ведущие лошадей. Черты лица этих скифов принадлежат, несомненно, к арийскому типу. Берег Черного моря, в эпоху скифскую, занят был греческими колониями; у Керченского пролива существовало полуэллинское, полуварварское царство — Боспорское. Едва ли этим колониям следует приписывать значительное влияние на судьбы русской земли. Греки, по справедливому замечанию Мишле относительно Масилии, держали себя всегда в стороне в сношениях с варварами, и только художники их на службе варварских царей оставили памятники своего искусства, которым грубо

¹ Передовые посты славянства на западе в Арморике (Бретани) требуют еще более точных исследований.

начали подражать и самые варвары. Впрочем, отсюда выходили, хотя и немногочисленные, проповедники христианства, не признавшего различия эллина и варвара (припомним учеников апостола Андрея: Пину, Рину и Нину, замученных в Верхней Скифии). Около времени Рождества Христова господство скифов сменилось господством сарматов — народа тоже арийского племени (его роднят с мидийцами). Таким образом, мы замечаем, что степи Азии постоянно выкидывают на нашу равнину племена кочевые. Ряд этих кочевников, начавшийся скифами, закончился монголами. Много памятников оставили разные народы, проходившие по Русской земле и поселившиеся на ней, но разработка этих памятников только еще начинается и, как ни велики надежды на нее в будущем, в настоящее она еще весьма мало помогает уяснению древних судеб Русской земли.

Первой попыткой народа европейского основать государство в нынешней России было царство готов (в IV). Вопрос о том, как и когда появились на русской почве готы, еще темный. Едва ли только они пришли из Скандинавии. По свидетельству Иорнанда, много племен славянских и финских подчинены были их власти. Воспоминание о готском царстве в России сохранилось в некоторых сагах (Гервардссага). Готское царство было разрушено гунами (376 г. по Р.Х.), которые после того двинулись в Паннонию. С гунами, монгольским племенем, было увлечено и много славян. Город Атиллы представляет, в описании Приска ритора, черты славянские. Здесь мы встречаем и бани, и деревянный город, и мед, и просо, и какой-то напиток «камас», вероятно, квас. Вообще эпоха переселения народов произвела движение и в мире славянском: едва ли в толпах вандалов не было славян; когда германские дружины отхлынули от Балтийского моря, славяне распространились от Одры до Лабы, чехи заняли место Маркоман в древней земле боев (boiohemum). После гуннов частью племен им подчиненных владели авары (обры). В нашей первоначальной летописи читаем описание насилий, которые творили обры над женами дулебскими (дулебы жили в Волынской губернии)¹. Аварское царство разрушено отчасти славянами Само, отчасти франками.

С конца V в. появляются на Дунае болгары, тюркского племени, часть Орды, господствовавшей на берегах Волги и Камы и представляющей вследствие того значительную помесь с финнами². Эта орда ско-

¹ П. С. Р. Л. I, 5, у Фредегария (сар. 48) тоже читаем о насилиях аваров над славянами.

² У Ан.И. Попова («Обзор Хроногр.» I, 25—26) находим список болгарских царей, заключающий в себе какие-то неизвестные слова, толкуемые чувашским языком.

ро основала государство между славянами в Мизии. В VII в. появилось государство Само, основанное для противодействия аварам, с одной стороны, и франкам — с другой. Несколько позднее основывается государство Хорватское, а вслед за ним Сербское. В VIII в. основывается в Панонии государство Великоморавское, где проповедовали в IX в. Кирилл и Мефодий. Мы не знаем, когда образовались государства Ляшское и Чешское, но участие дружин в их образовании несомненно; такое же дружинное происхождение имеет и Русское государство: славяне, жившие рассеянными племенами, постоянно враждебными между собой, соединялись только или для защиты от окрестных народов или насильственно пришлой дружиной.

В IX в. сложилось Русское государство. В эту эпоху в географических пределах Русского мира жили следующие племена славянские: славяне у озера Ильменя и по Волхову; кривичи по Зап. Двине и в верховьях Днепра; часть их называлась полочанами «речки ради Полоты»; от Березины до Припяти и пинских болот жили дряговичи; между Днепром и Сожью — радимичи; по Днепру, от Десны до Сулы, северяне; по Днепру — от Припяти до Роси — поляне; по Припяти, Горыни, Случу и Тетереву — древляне; по западному Бугу — волыняне (бужане, дулебы); в степях припонтийских от Днепра до Дуная — уличи и тиверцы; в горах Карпатских — хорваты; самым северо-восточным славянским племенем были вятичи по Оке, но, вероятно, и колонизация Верхнего Поволжья (земли Суздальской) относится к этой отдаленной эпохе. Соседями русских славян были на с.-з. литовцы и ятвяги, на с. и с.-в. — финские племена; на в. и ю.-в. тюркские народы. Литовское племя населяло восточный берег Балтийского моря от Нижней Вислы и по Неману. К нему принадлежали: пруссы, литва, жмудь, голядь, зимигола, корсь, летьгола (латыши); замечательно, что часть голяди появляется на р. Протве. Ятвяги (в нынешней Гродненской губернии) происхождения неизвестного: по иным — литовцы (Шегрен); по другим — остатки сарматов язигов (Соловьев). Финское племя заселяло весь с. и с.-в. России. К этому племени принадлежали: ливь (Лифляндия), чудь (Эстляндия), водь (С.-Петербургская губерния); весь (на Белом озере), меря (у озера Клещина и Неро), мурома (по Оке), южнее ее мещера (по Оке же); черемиса (по Волге на левом берегу), мордва (на правом), едва ли не ее называют арабы буртасами. У гор Уральских по эту сторону была биармия, а по ту югра. К тюркским народам принадлежали болгары, основавшие царство по Каме и Волге, и хазары, господствовавшие между Доном и Волгой.

В IX в. они покорили себе племена приднепровские, и в то же время варяги из-за моря наложили дань на северные славянские и финские племена. С этих пор начинается настоящая история России.

**Религия славян: божества природы, праздники,
божества домашние, погребальные обряды, богослужение**

Сделав очерк внешней судьбы племен славянских, обратимся теперь к характеристике их быта. Характер народа более всего познается из его верований, потому мы и начнем с верований древних славян.

Прежде думали, что мифологические сказания создаются жрецами, которые, как люди наиболее умные и образованные, сознавая неприготовленность масс принять высокие нравственные и научные истины в их отвлеченном виде, облекали их в затейливые рассказы, поражающие воображение. Вследствие того в каждом божестве видели аллегория и символ: Минерва — символ мудрости, Венера — красоты и т. п. Ныне мы должны отказаться от подобного объяснения: изучение мифологии разных народов окончательно приводит к той мысли, что языческие верования не суть создания отвлеченного рассудка, холодные аллегории, что они выросли на почве народной жизни и что в них совершается развитие, движение, соответствующее изменениям в других сторонах народной жизни, но проследить этот процесс чрезвычайно трудно. Первая трудность, представляющаяся в изучении мифологического процесса, чисто внешняя: предания и верования очень многих народов записаны не туземцами, знающими в чем дело, а иностранцами, случайно посетившими страну, выдавшими обряды, но по самому своему положению в чужой земле не вникавшими в дух и характер обрядов, оттого они многого не поняли или поняли неверно. Так, верования и обряды древних славян описаны в сочинениях арабских, греческих и немецких писателей. Самые древние сведения о верованиях славян находим в сказаниях византийского историка Прокопия (VI). Рассказы эти обилуют неясностями, неточностями, противоречиями, и иногда встречаются в них очевидные преувеличения и прикрасы. Это в особенности справедливо относительно арабов — народа с живым, поэтическим воображением. Лучшие известия мы находим у отечественных писателей уже христианского периода: так, летописцы в своих сказаниях упоминают о некоторых божествах; проповедники в своих поучениях обличают те или другие языческие обряды и верования, сохранившиеся до их времен. Эти указания

весьма важны, но они не вводят нас в полный цикл божеств и обрядов славянской мифологии. Затем в сохранившихся до нашего времени песнях, сказках и обрядах можно находить следы древних верований, но уже в искаженном виде. Доныне в разных местностях совершаются те или другие обряды, передаются те или другие поверья и предания; происхождение этих обрядов и преданий восходит часто к эпохе языческой, но смысл их давно уже утрачен, и потому обряды слиты и перемешаны: там забылись существенные черты, там выросла новая подробность, отчего нередко очень трудно добраться до первоначальной основы. Наши мифологи исходят обыкновенно от настоящего времени и по сохранившимся былинам, преданиям и т. п. судят о временах первоначальных, о доисторическом быте, но перенестись в такую отдаленную эпоху весьма трудно: условия тогдашнего быта и взгляды тогдашних людей слишком не похожи на условия нашего быта и на наши взгляды. Вся природа является человеку первоначальному одушевленной и одаренной разумом; оттого то, что нам часто кажется мертвой и холодной аллегорией, было некогда живым верованием. Сверх того, мифология есть результат длинного процесса, проследить который с полной точностью едва ли возможно по недостаточности памятников, но приблизительно восстановить его, кажется, можно. Главный недостаток мифологов состоит едва ли не в том, что они слишком упускают из виду начало развития, движения, без полного признания которого все накопленные материалы являются только грудой фактов, принадлежащих разным возрастам развития сознания. В известных случаях развитие допускается всеми, но о нем надо постоянно помнить, а не случайно к нему обращаться. В настоящее время ученые заняты вопросом о единстве первоначальных верований всех арийских народов; они достигли того важного результата, что мифология всех этих народов развита из общей основы по известным общим законам; но, как ни важен этот результат, с его исключительным признанием соединяется важное неудобство: мифологи, добывая путем сравнительным черты сходства, оставляют в тени черты, различающие мифологию одного народа от мифологии другого. Из одного арийского корня выделялись один за другим разные народы. Они селились в известных местностях, становились в новые отношения; все это, конечно, должно было иметь влияние на развитие отдельной, самостоятельной мифологии. Таким образом, мифология как наука находится в начале своего развития и во многих отношениях не удовлетворяет требованиям

пытливого ума. Тем не менее, одного нельзя не признать, что она становится на верный путь, особенно там, где она призывает на помощь себе филологию: слово — первый памятник духовной жизни человека; родословие слова есть раскрытие пути, которым шло сознание, придавая постепенно частному признаку, первому поразившему внимание, общее значение, или восходя от чисто физического смысла к смыслу нравственному. Главными деятелями в этой науке и нашими учителями являются немцы (Я. Гримм, Кун, Макс Мюллер и т. д.). Немецкие ученые считают вообще началом развития мифологии обоготворение сил природы; таким образом, верования эти являются плодом благоговения человека перед грозными и благодетельными явлениями природы. Французский ученый Фюстель Куланж (*La Cite antique*; по-русски два перевода) идет другой дорогой: религию, как и общество, он ведет от семьи. Первым божеством, по его мнению, был обоготворенный по смерти отец. Богопочитание начинает он с той минуты, когда человек построил себе жилище на гробе отца, обратив этот гроб в очаг, послуживший первым алтарем. Это воззрение, очевидно, одностороннее, хотя и нельзя отвергать семейных божеств, олицетворяющих души предков. Трудно допустить, чтобы у человека еще в кочевом быту не было божества более общего, чем дух-хранитель семьи. Это также трудно, как трудно допустить, чтобы первоначально мифология совершенно лишена была нравственного начала, как полагают немцы, хотя, разумеется, в первоначальную пору это начало еще не обособилось.

В основе мифологических сказаний всех народов арийских лежит представление о каком-то божестве неба. Это божество, не имеющее ни точного определения, ни образа, ни храмов, и есть зародыш, зерно развития мифологического, религиозного сознания¹. Божество это у греков называется Уран (небо); у индусов — Варуна; у нас — Сварог. От этого божества ведется целая семья божеств славянских, им начинается мифологическое развитие. В Ипатьевском списке, в переводе места из хронографа Малалы для объяснения греческих имен вставлены славянские: там читаем мы: «Солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог»²; в «Слове христо-

¹ Лучшим доказательством положения, что первым божеством человека должно быть божество неба, служит следующий рассказ, заимствованный Тайлором у Сикара, известного учителя глухонемых: «Отец ему (глухонемому Массье) приказал во время молитвы стать на колени вместе с другими, и он подражал им, как они, складывал руки, производил губами движения, но думал (как думали и другие глухонемые дети), что они боготворили небесный свод». Тайлор: «Доист. быт чело-», 86 (пер. Ф.Б. Мюльгаузена).

² П. С. Р. Л. II, 5 гл. Лет. Пер. Суз. (врем. IX, XXII—XXIII).

любца» читаем: «И огневе молятся, зовуще его Сварожичем»¹; у славян балтийских тоже известно божество Сварожич. Итак, у славян сохранилось воспоминание о бывшем когда-то поклонении Сварогу, богу неба. Едва ли это воспоминание не относится к той поре, когда они, подобно другим народам, вели кочевую жизнь, направляя свой путь по светилам небесным. Это божество, сколько известно, не имело определенного образа. Рядом с этим верховным богом могло стоять другое женское божество, соответствующее греческой Геи, — Мать сырая земля. До сих пор мать сырая земля сохраняет важное значение в наших преданиях: клятва землей (дерновая присяга) одна из самых страшных клятв. Впрочем, едва ли можно с полной достоверностью приурочить это поклонение к той или другой эпохе мифологического развития, тем более, что здесь нам предстоит важный вопрос: совершалось ли это развитие, по крайней мере, в его общих чертах, во всем арийском племени до его разделения или в каждом племени в отдельности? Общность первоначальных мифологических верований, так сказать общая канва, склоняет нас к первому мнению. Потому и следует, кажется, полагать, что у каждого народа воспоминание об этой первой поре мифологического развития сохранилось только более или менее отчетливо, а собственно, то состояние сознания народного, которое выражается в этих верованиях, лежит за пределами отдельной истории каждого из отдельных племен. К эпохе поклонения неопределенным божествам неба и земли относятся обыкновенно представители необузданных сил природы — греческие гиганты и, может быть, богатыри, вроде нашего Святогора, которого не держит мать сырая земля. Эти неопределенные образы божеств, а равно ничем не сдерживаемых героев, которых сил нет пределов, должны непременно составлять исходную точку развития сознания. Человек ничего не испытал, он ко всему относится с чувством страха и благоговения², но вот он начинает выделять явления, замечать, что одно имеет на него благотворное влияние, другое вредное, даже делая еще шаг вперед, замечает, что одно и то же явление или сила действует то вредно, то благотворно, и потому начинают в его сознании выделяться разные божественные личности. С процессом выделения идет рядом ближайшее определение и разграничение. Этот процесс у греков

¹ По рукописи XIV в. Н.С. Тихонравова «Лет. Русс. Лит.», т. IV («Слова направ. против языч.» 89) сл. «Опис. Рум. Музея», 228.

² К остаткам этого периода может относиться непосредственное поклонение видимым предметам: «Бяху же тогда погани, жруще озером и колодзям и рошениям» (Соф. Врем. в «Полн. Собр. Русс. лет.» V. 84 о Полянах).

выразился в смене верховных богов: Урана Кроносом и Кроноса Зевсом, с одной стороны, а с другой стороны, в мифе о разделении мира между тремя сыновьями Кроноса: Зевсом, Посидоном и Аидом, совершившимся на их съезде в Коринфе. На процесс выделения намекает и то обстоятельство, что некогда поклонялись подземному (χθόνιος) Зевсу, а потом явилось отдельное божество. Рядом с этим процессом выделения совершается другой процесс: отождествления или скорее слияния (ассимиляции), по которому мифы, зародившиеся в разных местах, отождествляются между собой, когда замечается, что их породило одно и то же явление, взятое только с разных сторон по разным признакам. Этим же зарождением мифов в разных местах объясняются разнообразные имена божеств и героев, которые суть дальнейшая ступень определения, очеловечения божества. Сначала божество отождествляется с явлением природы, затем оно получает образ отдельный: прежде животный (зооморфический), а потом и человеческий (антропоморфический)¹, переход от человекообразных богов к людям, одаренным особенной силой, по своему смешанному происхождению от бога и смертной, прост; потому, как увидим, мифы о героях нередко, подобно мифам о богах, происходят от явлений природы и соответствуют мифам о богах.

У славян русских на смену Сварога в качестве верховного бога выступили следующие божества солнца и грома²: 1) Дажбог. Под этим именем олицетворялось солнце красное, производительная сила природы³. В этом смысле Дажбог считается дедом всех людей: «погибашеть жизнь Дажбожа внука» читаем мы в «Слове о полку Игореве». 2) Хорс встречается тоже у летописцев и в «Сл. о полку Игореве». Прейс полагал, что Хорс тоже солнечное божество и притом не славянское, а персидское. 3) Волос, или Белес, встречающийся в летописи первоначальной с эпитетом скотьего бога, был тоже божеством солнечным⁴. Это божество,

¹ О зооморфизме см. у А.Н. Афанасьева: «Поэтические воззрения». Колебание в поле богов: солнце, то молодец, то девица, служит лучшим доказательством позднего появления антропоморфических образов.

² Разнообразие названий легко объясняется вышеуказанным обстоятельством — происхождением этих названий от разных признаков, — может быть, даже в разных местах.

³ «Даж-бог происходит от даг — санскр. Гореть, жечь, лит. Degu — горю, отсюда деготь, готск. — dags — день, tag.». Ф.И. Буслаева: «Ист. Оч. Рус. нар. Слов.» I, 364.

⁴ Собинина: «Волось — языческое божество славян Русских, сравненное с Одином скандинавским» (Жур. Мин. Нар. просв., ч. XL). С.М. Соловьев (Ист. Рос. I, пр. 79) полагает, что Волос сделался скотным богом и богом поэзии под финским влиянием; а не чьему влиянию Феб пас стада у Адмета и был в то же время и богом поэзии? Сближение Волоса с Аполлоном принадлежит И.И. Срезневскому (Ж. М. Н. пр., ч. XLI: «Об обожании солнца», 53—54).

представляя собой подателя всех благ, каким для народов первоначальных является солнце, обратилось в божество, покровительствующее стадам — главному богатству того времени (скот понимается в смысле денег, скотница — сокровищница). Этому переходу могло способствовать представление облаков, разгоняемых солнцем, коровами. Волос с принятием славянами христианства перешел в св. Власия. Это обыкновенное явление не только у нас, но и у всех прочих народов: понятие языческое с принятием христианства переносится на того или другого христианского святого, смотря по случайному сходству в имени. Так и у нас — скотий бог Волос превратился в Власия, покровителя домашних животных. В «Слове о полку Игореве» Боян вещий называется внуком Велесовым. Велес, подобно Фебу-Аполлону, является здесь источником вдохновения. В некоторых преданиях Волос является покровителем земледелия: до сих пор во многих местах завивают колос «Волосу на бородку». 4) Купало-Ярило (от сир (кип), откуда сирю и кипеть и яр — откуда яриться и яр весна) представители летнего солнца, высшего развития сил природы. Не останавливаемся на других именах солнечного божества, которых особенно много было у балтийских славян, где мифология получила дальнейшее развитие и где божества славянские, отличающиеся по большей части мирным характером («божества мирных ванов» известны были скандинавам), получили характер воинственный (напр. Святovid).

Сверх того, и у нас — как это бывало и у других народов — божества низведены до героев. Так было у греков с Ираклом, Персеем и т. д.; так у нас случилось с божеством, очевидно, солнечным, теперь известным под именем Егория храброго. Имя это он получил в духовных стихах от смешения со св. Георгием, который, по житию, убивает дракона. Солнечный характер Егория высказывается именно в этой борьбе с змием (так Аполлон побеждает Пифона) и в том обстоятельстве, что он родился по колено в золоте, а руки по локоть серебряные. Народное сознание представляет в нем переход от кочевого быта к оседлому: подобно Ираклу он является водворителем порядка в мире. Идет по лесу — лес расступается; идет между горами толкучими — горы расходятся и т. д.⁵

Представителем грозных явлений грома и молнии был у славян русских Перун, главное божество нашего племени, по свидетельству первоначального летописца. Прокопий свидетельствует, что славяне призна-

⁵ Быть может, сюда же надо отнести Микулу Селяниновича, таинственного пахаря, известного по песням о Вольге и едва ли не тождественного с пахарем чешских преданий.

вали в VI в. «одного бога, громовержца, повелителя всей вселенной». Поклонение Перуну перешло впоследствии на пророка Илию, и образ его лег в основу героического образа Ильи Муромца.

К божествам природы принадлежат: Стрибог, которого внуками «Слово о полку» называет ветры; русалки, имя которых производится от корня рус — блистать, следовательно, они божества светлые. Из небесных вод, где прежде помещали их, они переведены в воды земные и получили назначение древних нимф. С ними близки сербские вилы¹, живущие на горах (гора на языке мифическом нередко значит облако), с ними же смешиваются украинские мавки — души младенцев, умерших до крещения.

Олицетворяя благодетельные силы природы: солнце, гром и молнию (благодетельные потому, что разрушают тучи и освобождают дождь), предки наши — арийцы олицетворяли и мрачные явления природы и представляли их в борьбе со светлыми; эта борьба выражается сменой дня и ночи, зимы и лета. Целый ряд праздников, как мы увидим, представляет наглядно, так сказать эпически, эту борьбу. Темное начало олицетворяется в нескольких существах: Морена — смерть, Кошей — представитель зимнего холода, который в сказках держит у себя девиц, по толкованию мифологов, изображающих солнце; девиц этих освобождает добрый молодец (думают, что это гром); Яга-баба, в ступе едущая, пестом погоняющая, метлой след заметающая, — представительница зимних бурь. Не перечисляя других божеств, представляющих собой темную сторону², остановимся на одном важном вопросе: то обстоятельство, что главное содержание праздников есть борьба света с тьмой, в соединении с указанием некоторых источников на существование у славян Чернобога, заставляет некоторых ученых (в особенности Ербена) проводить по славянской мифологии последовательное начало дуализма. По нашему мнению, надо различать последовательный дуализм (зороастров), получивший, так сказать, философский оттенок, от первоначального дуализма, так сказать натурального, не возводящего добра и зла в отвлеченные начала; представления о борьбе света с тьмой, выражающиеся в погибели бога света (Адониса, Озириса, Бальдера и т. д.), встречаются во всех

¹ Ворование в вил могло быть и у нас; в «Слове некоего Христолюбца» читаем: «и в вилы их же числом тридевять сестриц» («Опис. Рум. Музея», 228). Разумеется, надо доказать, что это слово чисто русское произведение.

² Троян, упоминаемый в «Слове о полку Игореве» и «Слове и откров. Св. Апостол» (Н.С. Тихонравова: «Лет. Рус. Лит.» т. III), еще очень темен. Не приурочиваю Мокоша и Симарыгла первоначального летописца, о которых не знаю, что сказать.

мифологиях; последовательный дуализм не везде развит. Что касается до Чернобога, то точно ли он был у всех славянских народов? Быть может, даже еще рано говорить об общеславянской мифологии, тем более что разные славянские народы стояли на разных ступенях развития и, сверх того, входили в сношения с разными иноземными племенами, от которых могли заимствовать предания или — тоже важное обстоятельство — враждебность к которым могла усилить народную религию и, изменив быт из мирного в воинственный, изменить и мифологию в том же смысле. Мы знаем, как враждебно относились балтийские славяне ко всему христианскому¹.

В годовом круге праздников, как мы уже сказали, наглядно выразились представления о борьбе тьмы со светом, холода с теплом. С вопросом о годовом круге праздников тесно связан вопрос о календаре, вопрос до сих пор еще не совсем ясный в русской археологии: мы знаем из наших памятников, что у славян были свои названия месяцев, сохранившиеся отчасти у поляков, чехов и до сих пор, что месяцев было двенадцать, но едва ли с достоверностью можно сказать, чтобы они были солнечные; год начинался с марта, что продолжалось до XV в., и при существовании другого счета — с сентября, введенного церковью из Византии². Перечень главных праздников мы начнем, однако, не с весны, а с зимы, по нынешнему порядку года, т. к. эти праздники мы знаем, главным образом, по существующим доселе народным обычаям. Нынешним Святкам (в древности Святки значат вообще праздник) соответствует праздник коляды и авсенья. Слово коляда иные производят от *calendae* (Снегирев), другие (напр., Миллер) от коло, колеса (символ солнца); едва ли первое производство не вернее. Авсенья производится иными от овса (Снегирев, Терещенко), другими (Соловьев) от божества Есень, упоминаемого у Длугоша. Коляда празднуется в ту пору, когда, по пословице, «солнце пойдет на лето, а зима на мороз», когда, по другой пословице, «дня прибавится на куриный шаг»; колядка поет: «Пришла

¹ Гельмольд (*Lib. I*, с. 53) рассказывает, что, когда Лотарий по совету Вицелина, стал строить замок на горе у пределов славянских для удержания в подданстве тамошних племен, на строение призваны были славянские князья. Один из них указывал другому на строящийся замок, как на опасность для всех славян.

² О календаре (отчасти и славянском) важны замечания Гримма («*Gerch. Der Deutschen Sprache*» I, VI *Feste und Monaten*. Изд. 2), не могу согласиться только с тем, что у нас год искони начинался с сентября, чему противоречит приводимая им самим (ст. 67) цитата из «*Mater verborum*»: «*maius mensis tercius*». В житии Стефана Пермского (Пам. стар. рус. лит. IV. 130) читаем: «Март месяц — начало всем месяцам».

коляда накануне Рождества». На эту пору праздновали римляне «*natales Solis invicti*»¹. Подробности этих празднеств коляды и авсеня: бадняк (дубовая колода, сожигаемая на домашнем очаге, которая должна гореть до Крещения), осыпание овсом, гадание, состоящее в том, что хозяин прячется за пирог и, если его не видят, ожидает плодородия и т. д. — указывают на празднование возрастающей силы плодородия. Переряживания, которыми сопровождаются рождественские праздники, знаменуют собой тот измененный вид, в котором является природа во время зимних холодов, и оно основательно может быть сближено со сказаниями, изображающими очарованных царевен то спящих, то облеченных в чуждую оболочку (напр. свиной чухол). В Крещение принято в народе омываться в проруби от греха святочных переряживаний; едва ли не следует скорее признать за этим обычаем христианское, а не языческое происхождение, как делает А.Н. Афанасьев². За колядой следует масленица, к которой приурочивается встреча весны, т. к. постом празднество невозможно. Во многих местах сжигается соломенная кукла, вероятно, представляющая собой зиму или смерть; в Чехии и Моравии это сожжение (а иногда и потопление) совершается неизменно в марте. Встреча весны — обновление всего живого, освобождение его из-под власти холода и смерти, напоминает естественно о мертвых, отсюда масленица есть время поминок, что выражается поминальным кушаньем — блинами. Окончательное торжество весны сливается теперь с воскресением праведного солнца — Христа. Оттого Светлая и Фомина недели знаменуются обрядами, напоминающими языческое торжество весны. Таковы, напр., крашение яиц: яйцо — символ жизни, стрельба из ружей, знаменующее первый весенний гром, выкликание весны на Радунице (Фоминское воскресенье) словами: «весна красна, на чем пришла»; сюда же относится поверье о пляске солнца и о том, что солнце не заходит всю святую неделю. После Пасхи начинаются весенние игрища, «игрища меж селы», о которых упоминает первоначальный летописец. Главным образом эти игрища сосредоточиваются около семика и Троицына дня: венки, цветы, деревья служат символом этих празднеств. Праздник Троицы с тремя предшествующими днями называется зелеными святками. В зимний солноборот празднуется коляда; точно также летний солноборот посвящен празднику Купалы. Праздник этот отличается прыганием через

¹ День рождения непобедимого солнца (лат.). — *Прим. ред.*

² «Поэт. воззр.» III. 750. Указание на Герберштейна и Маржерета свидетельствуют о повсеместности омовения, а не об языческом его происхождении.

огонь (обряд очищения) и собиранием целебных трав, ибо травы, выросшие во время самого сильного действия солнечных лучей, почитаются особенно целебными. Ночью ищут цветок папоротника, который будто цветет только в ночь купальскую. Таинственный цветок этот имеет способность указывать клады, скрывающиеся в глубине земли. Его считают стрелой молнии, разверзающей тучи и открывающей солнцеклад; а быть может, что в этом цветке олицетворена живительная сила солнца — подателя всех благ¹. В Петров день хоронят в разных местах Ярилу, Кострому, Коструба; большей частью при этом сжигают соломенное чучело. В Саратовской губернии обряд этот прямо называется проводы весны. Ему соответствуют, стало быть, смерть Адониса, Озириса и т. д., словом, возвращение к зиме. Таков характер наших празднеств, ясно свидетельствующий о том, что в основе религии языческой лежало поклонение природе; смена тепла и холода поразила умы своим непосредственным влиянием на весь быт и навела на мысль о борьбе жизни со смертью, добра со злом; соответствие этих понятий ясно отразилось в наших праздниках: повсюду сказался также мирный земледельческий характер наших предков: нигде не видно, чтобы солнечное божество, главный герой празднеств, которого смерть и воскресение чествовали наши предки, получило характер воинственный, подобно Одину или Святовиду.

Рядом с божествами, олицетворявшими силы и явления природы, стояли у наших предков божества домашнего очага, к которым принадлежит дедушка домовый. Домового знают и до сих пор: перебираясь из одного дома в другой, хозяйка берет горшок, в котором никогда ничего

¹ Купальный праздник так описывается в послании Панфила, игумена Елизарьевой пустыни, к князю Дмитрию Ростовскому, наместнику псковскому в 1504 г.: «Едва приходит великий праздник день рожества Предотечева, и еще прежде того великого праздника исходят огавницы мужие и жены, чаровницы, по лугом и по болотом и в пустыни и в дубравы, ищущие смертные травы и привете чрева, отравнаго зелия, на пагубу человеком и скотом, ту же и дивы якорения копают на потворение мужем своим: сия вся творят действием дияволим в день предотечев, с приговоры сатанинскими. Егда бо приидет самый праздник Рожество Предотечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмается, и в селех возбесятся в бубны и в сопели и гудением струнным, и всякими не подобными играными сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устами их неприязнен клич, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляние и ногами их скакание и топтание». Пск. 1 (П. С. Р. Л. IV, 279). В «Стоглаве» гл. 41, вопр. 24: «Русалиа о Иоаннове дни и навечерии Рожества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание и на безчинный говор и на бесовския песни и на ина богомерскаа дела... и егда ночь мимоходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки бесии, и умываются водою; и егда начнут заутреннюю звонити, тогда отходят в дома своа и падают аки мертвы, от великаго клопотания».

не варили, кладет в него уголья и вызывает домового словами: «Милости просим, дедушка, на новое жилье». Различают своего домового, ласкового к домашним, заботящегося об их животных, от чужого, который делает разные проказы. Видно, что домовый не *genius loci*¹, а покровитель семьи, почему и считают его олицетворением души предка, причем чужой домовый является душой предка другого рода, чужого, быть может, даже враждебного. К божествам домашним относят Рода и Рожаниц. О них долго знали только из темных указаний Кирика², Даниила Заточника³, «Слова некоего христолюбца»⁴, пока С.П. Шевырев не нашел в так называемом Паисиевом сборнике нового подтверждения, которое заставило ученых заняться разбором этого места⁵. Рожаницы сближаются И.И. Срезневским с судьбицами, девами судьбы словинцев; едва ли нельзя также не дать веры Азбуковнику, который говорит: «Рожаницы тако елинии звездословцы ричут седмь звезд, глаголемых планиты»; вера в влияние планет, породившая астрологию, была распространена в Древнем мире. Что касается до Рода, то нечего искать в нем предка⁶, а надо остановиться на свидетельстве одной рукописи XVI в., приводимой П.В. Калачевым: «То ти не Род, сея на вздусе мечет на землю груды и в том раждаются дети»⁷. Таким образом, Род не есть олицетворение рода (*gens*), а сам Создатель. Груды, которые он мечет на землю, напоминают приказание богов Пирре, жене Девкалиона, после Потопа, кидать через себя кости матери (т. е. камни, кости общей матери земли) для того, чтобы снова заселить мир людьми.

Самое олицетворение души умершего свидетельствует, что предки наши имели понятие о том, что не все оканчивается земной жизнью

¹ Гений места (лат.). Дух-покровитель. — *Прим. ред.*

² Аже се роду и рожаницы крают хлебы и скры и мед. Бороняше велми, негде, рече молвит: горе пьющим рожанице. «Пам. Рос. Слов. XII в.», 179.

³ Дети бегают рода, там же, 236.

⁴ И ѿгневи молятся под ѿвином и вилам и мокоши и симѹ реглѹ и перейѹ и родѹ и рожаницам. «Опис. Рум. муз.», 229.

⁵ Вот это важное для русской мифологии место в транскрипции И.И. Срезневского «Извыкоша Елени класти требы Артемиду и Артемиде, рекше роду и рожанице. Таце же и Египтяне. Тако и до словен доиде се, словити начаша и требы класти роду и рожаницам. Переже бо того Перуна бога и иных словили и клали требу им и упырем и берегиням. По святем крещении Перуна отринуша, а по Христа Бога яшась. Но и ноне, по украинам молятся ему проклятому болвану Перуну и Хорсу, и Мокоши, и Вилам; и то творят отай, сего не мout ся лишити проклятаго ставленья, и вторыя трапезы нареченныя роду и рожаницам, на велику прелесть верным крестьяном и на хулу святому крещенью и на гнев Богу».

⁶ С.М. Соловьев: «Ист. Рос.», I, 71.

⁷ «Арх. Ист. и юрид. Свед.», т. II. «Предисловие».

и что свидетельство Титмара, говорящего, будто, по мнению славян, все оканчивалось временной смертью, показывает только, что у них не было христианского понятия о будущей жизни. Была, может быть, эпоха, когда верили, что мертвец продолжает жить в гробе, — к ней (Котляревский) относят обряд погребения, но это — эпоха дославянская. Вера же наших предков в отдельное существование души доказывается верованием, общим всем арийским народам, в то, что душа человека может во время сна отделяться от тела и принимать разные образы. Душу представляли себе наши предки в разных материальных образах: то в виде дыма, то в виде огня, то в виде бабочки (душичка, говорится в Ярослав. губ.); песни краледворской рукописи представляют души летающими по деревьям. Поверье о том, что душа по смерти блуждает около своего земного местопребывания, вследствие чего на маслянице до сих пор выставляют за окно блины для умерших, лучше всего свидетельствует о материальности представлений наших предков. Но как, по чешскому поверью, летают по деревьям только души людей непогребенных (*doniz mertv pežzen*), так и блуждают души непогребенных людей: в Мавок обращаются души некрещеных и потому погребенных без надлежащих обрядов. Известно, какое важное значение придавал погребению древний человек: вспомним, как афиняне казнили счастливых победителей при Аргинузских островах за то, что они оставили без погребения тела убитых сограждан. Обряды погребения соответствуют, по справедливому замечанию А. А. Котляревского, различным верованиям о жизни души человеческой за гробом и общим взглядам на природу: верование в продолжение существования в гробе повело к погребению, чему могло способствовать и мнение о том, что солнце уходит за горы; верование в воздушные свойства души, соединенное с верованием об очистительной силе огня, повело к сожжению мертвых. А. А. Котляревский полагает, что с этим верованием соединено и представление о солнце, которое сожигалось. У народов арийских (отчасти и у славян) есть следы еще одного способа погребения — пускание ладьи в открытое море, которое А. А. Котляревский тоже сближает с сокрытием солнца. Все эти обряды продолжали существовать в одно и то же время и частью перемешивались, так с сожженным мертвецом клали вещи, которыми он пользовался в жизни. Обычай необъяснимый, если мы не обратимся к тому времени, когда хоронили мертвецов и когда, веруя, что он продолжает земную жизнь, клали с ним все нужные ему вещи. Из хронологического перечня свидетельств VIII—XIII вв., составленного А. А. Котляревским, очевид-

но, что при совместном существовании двух форм погребения: зарывания в землю и сожжения, последняя преобладала. Самое подробное описание обряда сожжения у руссов принадлежит Ибн Фадлану, писателю X в. «По важности и интересу этого известия, привожу его вполне»¹. Когда умирает их (руссов) старейшина, то семья спрашивает у его рабов и рабынь: кто из вас хочет с ним умереть? Тогда один из них отвечает: я. Лишь только он выговорил это слово, как он уже связан и ему не остается свободы отступить назад, если бы он даже хотел, то ему не позволят. Большей частью так поступают девушки. Когда умер тот человек, о котором я уже говорил, то спросили его рабынь: кто хочет с ним умереть? Одна из них отвечала: «Я». Тогда поручили ее двум девушкам, которые должны за ней надзирать, сопровождать ее всюду, куда она идет, даже по временам мыть ей ноги. Люди после того начали заниматься нужным для покойника, кроить ему платье и готовить все, что требуется. Девушка пила каждый день, пела и была весела. Когда наступил день, назначенный для сожжения покойника и девушки, пошел я к реке, на которой стояла его ладья, но она была уже вытащена на берег; для нее были вбиты столбы из дерева шалендж (Френ думает, что это, может быть, береза), других деревьев, а вокруг расставлены были большие деревянные человекоподобные фигуры. Ладью поставили на эти столбы; люди начали ходить взад и вперед и произносить слова, для меня не понятные. Мертвый все еще лежал в своей могиле, из которой его еще не вынимали. Затем принесли скамью, поставили ее на лодку, положили на нее простеганный ватой покров из греческой золотной ткани и такую же подушку. Тогда пришла старуха, называемая ангелом смерти, и оправила названные вещи на скамье. Она-то смотрит за шитьем платья и за приготовлением всего нужного и она же убивает девушку. Я ее видел: она похожа на злого духа с мрачным гневным взглядом. Подойдя к гробу, сняли землю с деревянной крыши, приняли прочь самую крышу и вынули покойника в том саване, в котором он был погребен. Тогда видел я, что он совсем почернел от холода земли. С ним был положен опьяняющий напиток (набис), плоды и лютия, и все это теперь вынули. Покойник изменился только в цвете. Они одели его в нижнее платье, шаровары, сапоги, куртку и кафтан из золотной ткани с золотыми пуговицами; надели ему также шапку из золотной ткани, отороченную соболями. Затем перенесли его на скамью, поставленную на ладье, положили на ватный покров,

¹ А.Я. Гаркави: «Сказ. мус. пис. о Сл. и Рус.». СПб., 1870, 97–101.

подперли подушкой, принесли опьяняющий напиток, плоды, благовонные травы и положили подле него, а также хлеб, мясо и лук положили перед ним. Потом взяли собаку, разрезали ее на две части и кинули в ладью; подле него положили все его оружие; привели двух лошадей, гоняли их до того, что они пали от усталости; потом рассекли их мечами и мясо бросали в ладью; затем приведены были два вола, их также рассекли и также бросили их мясо. Наконец принесли курицу и петуха, убили их и туда же бросили. Девушка, предназначенная смерти, ходила между тем взад и вперед и вошла в одну из стоявших там палаток. Бывший в палатке прилег к ней и сказал: «Скажи своему господину, что только из любви к тебе сделал я это». Так как была тогда пятница после обеда, то подвели ее к предмету, который они сделали и который похож был на отверстие двери (сруб). Она стала на ладони мужчин, заглянула в сруб и проговорила что-то на своем языке; затем ее спустили; потом снова подняли, и она сделала то же, что в первый раз; снова спустили ее и в третий раз подняли, причем она поступала так же, как и в первые два раза; потом подали ей курицу, она оторвала ей голову и отбросила; курицу подняли и бросили в ладью. Я осведомился у толмача о том, что она делала. «В первый раз, — отвечал он, — она сказала: «Вот я вижу моего отца и мою мать»; во второй: «Вот вижу я, сидят вместе все мои умершие родственники», а в третий: «Вот там мой господин; он сидит в раю; рай так прекрасен, так зелен; около него его рабы и отроки; он зовет меня; ведите меня к нему». Тогда повели ее к ладье; она сняла оба обруча с своих рук и отдала их женщине, которую называют ангелом смерти и которая должна ее умертвить; сняла она также обручи с своих ног и отдала двум служащим ей девушкам, которых называют дочерьми ангела смерти. Тогда подняли ее на ладью, но еще не пустили в раскинутую над ней палатку. Пришли мужчины с щитами и палицами и принесли ей чашу опьяняющего питья. Она взяла чашу, запела и выпила ее. «Теперь, — сказал мне толмач, — она прощается с жизнью». Затем подали ей вторую чашу; она взяла и запела длинную песнь. Старуха сказала ей, чтобы она торопилась пить и шла в палатку, где лежит ее господин. Девушка смутилась и оставалась в нерешительности; она уже хотела войти и просунула голову между палаткой и ладьей, как вдруг старуха взяла ее за голову, втолкнула в палатку и сама вошла с ней. Немедленно начали мужчины стучать палицами в щиты, чтобы не слышать было ее криков, которые могли бы испугать других девушек и отвлечь их от намерения требовать смерти вместе со своими господами. Потом вошли шесть мужчин

и каждый прилег к девушке; затем положили ее подле ее господина; двое взяли ее за ноги, двое за руки, старуха же, называемая ангелом смерти, накинув на ее шею веревку, дала двоим конец этой веревки, а сама взяла большой широкий нож, вонзила его между ребер и снова вынула, а двое мужчин тянули веревку, пока девушка не умерла. Тогда подошел самый близкий родственник умершего нагой, держа в руке кусок дерева, зажег его и начал бегать вокруг ладьи с горящим деревом в одной руке, а другой держал себя за зад, пока не зажег дров, лежащих под ладьей. Затем пришли другие с подпалками и другим деревом, каждый нес зажженный кусок и бросал его в тот костер. Скоро загорелся костер, а потом ладья, палатка, покойник, девушка и все, что было в ладье. Поднялся сильный ветер, и пламя еще более разгоралось. Подле меня стоял рус, который, как я слышал, разговаривал с толмачом, стоявшим за ним. Я спросил толмача, что сказал ему рус, и услышал в ответ: «Вы, арабы, — говорил он, — народ глупый: вы берете все, что есть у вас любезнейшего и дорогого между людьми, и зарываете в землю, где едят его гады и черви. Мы же сожигаем его в мгновение, чтобы он без задержки и немедленно вселился в рай». Затем он засмеялся и продолжал: «Господь показывает любовь к нему: вот он посылает ветер, который в мгновение его унесет». И действительно, не прошло часу, как и ладья, и костер, и девушка с покойником обратились в пепел. После на месте, где стояла ладья, выволоченная из реки, они насыпали что-то в роде холма, поставили посередине его большой кусок дерева, на котором написали имена умершего и царя русов, и затем разошлись». Упоминаемое здесь сожжение свидетельствует, что умерший не был женат, иначе с ним сожжена была бы его жена, что мы знаем из свидетельств восточных и западных, собранных вполне у А.А. Котляревского. У Масуди мы встречаем при известии о погребении славян странную черту: «Если покойник был холост, то его женили после смерти, и женщины спешили сжигаться, чтобы войти в рай с его душой»¹. На могиле покойника совершается тризна, о которой мы встречаем упоминания как у нашего первоначального летописца, так и в других памятниках².

¹ Место это подвергалось разным толкованиям. С.М. Соловьев остроумно замечает: «Мы должны, кажется, принимать это известие обратно, т. е. что мужчина нуждался в женской душе для входа в рай; иначе для чего было женить мертвеца? Девушка могла выйти за другого и войти в рай вместе с последним» («Ист. Рос.», I, пр. 68).

² П. С. Р. Л. I, 24. По поводу мести Ольги А.А. Котляревский рядом блистательно-остроумных соображений доказывает, что эта месть воспроизводит погребальные обряды. Любопытны подробности тризны в житии кн. Константина Муромского: «Дивляхуся, еже

Куда же шла душа человека по смерти? В преданиях многих славянских народов сохранилось воспоминание о светлой стороне солнца, находящейся или за морем, или среди моря (вероятно, сначала разумелось море воздушное); в этой стране (Ирии, Буяне) царствует вечное лето, здесь вечная зелень, сюда улетают на зиму птицы, здесь хранятся семена, приносимые на землю, здесь обитают души предков и души еще не рожденных людей. То же значение могло вначале иметь и пекло, и только впоследствии, отчасти под влиянием развившегося нравственного чувства, требовавшего наказания злых, а отчасти, может быть, и под христианским влиянием, получило значение ада.

Были ли у нас храмы? Летописец о храмах у славян русских не упоминает, а говорит о том, что идолы стояли на холмах¹. Вследствие этого мы должны согласиться с мнением преосв. Платона, выраженным в его «Крат. церковн. истории», что в России не было храмов. Известный археолог Зориан Долуга Ходаковский предложил остроумную систему городищ: он доказывал, что городища — небольшое место, представляющее в середине насыпь и огороженное валом со входом с востока, — имели религиозное значение, и что такие городища окружены до сих пор урочищами, напоминающими своими названиями языческое богослужение. Нет сомнения, что в этом домысле есть доля правды, но как самое описание городищ неверно², так еще более неверно то, что, где городища, там и славяне; теперь подобные местности открываются в странах, населенных не славянами, и до сих пор нашли их не во всех странах славянских. Городища могли иметь значение укреплений, окопов, как думали многие³, и вместе с тем они могли служить центром жертвоприношений, а может быть — суда. Кто же приносил жертвы? В рассказе о мучении варягов мы не видим жрецов, а видим князя и бояр; едва ли,

не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребяему бе князю Михаилу во знак на восток лицом, а могилы верх холмом не сыпаху, но ровно с землею. Ни тризнища, ни дымы, ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедрания. Ни плача безмернаго не твориху» (Пам. стар. Русс. лит. I, 231). Едва ли можно считать эту тризну финскою, как делает С.М. Соловьев («Ист. Росс.» I, пр. 73); составитель жития писал позднее и внес свои представления об языческой тризне, заимствованные, может быть, из славянских преданий, а может быть — из фантазии.

¹ И приде на холм, иде стояше Перун. П. С. Р. Л. I, 23; и постави кумиры на холму вне двора теремнаго, там же, 34; постави кумира над рекою Волховым, там же.

² И.И. Срезневский признает богослужбное значение городищ и видит в них промежуточную степень между рожами и храмами.

³ Иные не соглашались с этим воззрением на том основании, что городища слишком тесны, но это не доказательство.

стало быть, у нас были жрецы¹. Что касается до волхвов, то это были гадатели, шаманы, но никак не жрецы и, может быть, даже они не всегда были и русские: гадать ходят и к чужим: у нас есть свидетельство о волхве из чуди², финны славились на всем севере колдовством. Это одно указание заставляет в волхвах видеть не жрецов, а просто гадалей.

Быт семейный

Рассмотрение мифологии славян, преимущественно русских, привело нас к тому убеждению, что последняя степень развития этой мифологии, предшествующая христианству, принадлежит народу оседлому, земледельческому. Этому выводу не противоречит то, что варяжские князья и их дружины, известные своей воинственностью, чествовали тех же богов, Перуна и Волоса, которых чествовали и разбросанные по огромному пространству племени русских славян. Владычество варягов было еще слишком недавно для славянских племен, чтобы они могли иметь решительное влияние на переход мифологии в ту пору развития, которая соответствует воинственному быту, да и не предстояло никакой необходимости всему народу обращаться в воинственные дружины. Оттого так ярок характер земледельческого быта на всем богопочитании славян, так неотчетливо отделяются личности божеств, не представляющие нам ни божественных вождей скандинавов, занятых и в Валгале боями, ни миродержавных богов Греции, божественных представителей образованного гражданского быта. Само богослужение наших предков, остановившееся на переходе от частного к общественному, лишенное жрецов, свидетельствует об общей ступени развития. Огромное количество заклинаний (заговоров), дошедших до нас и, вероятно, заменявших собой некогда религиозные гимны, подкрепляет то же самое воззрение:

¹ Жерта от корня гр., откуда слово гореть, а также и жрать; любопытно, что у чехов жертва богам называлась *rokoht* (Забой, Славой и Людек). Этому же материальному взгляду на богов соответствует рассказ нашей летописи о том, что сказал брошенному в реку Перуну один новгородец: «перунице до сыта еси ял и пил, а ныне прочь плови» (П. С. Р. Л. III, 207).

² П. С. Р. Л. I, 77: «Есть у них в среде свои врачи, имеющие такое влияние на царя их, как-будто они начальники ему. Случается, что приказывают они приносить в жертву творцу их что ни вздумается: женщин, мужчин и лошадей, а уж когда прикажет врач, не исполнить его приказаний нельзя никоим образом. Взяв человека или животное, врач накидывает ему петлю на шею, подвешивает жертву к бревну и ждет, пока она не задохнется. Тогда говорит: «Вот это — жертва богу». Название волхвов врачами ясно свидетельствует, что дело идет не о жрецах.

вера в силу известных слов, известных обрядов, которым не могут противостоять и самые божества, — признак очень первоначальной степени религиозного развития; эта вера хотя никогда не пропадает в массах, но отходит далеко на задний план при развитии, уступая место религиозным гимнам как лирическим, так и космогоническим и феогоническим. Эти последние начали появляться у нас в очень еще слабом виде (колядки, Голубиная Книга). Рассмотрение других сторон быта славянского должно привести нас к подобным же выводам.

В настоящее время на семейный быт древних славян существует в науке два воззрения: одни (Соловьев вслед за Эверсом) находят, что славяне очень долго жили в быту родовом и что в этом быту застала их варяжская дружина; другие (славянофилы, в особенности К. С. Аксаков) называют древний быт славян не родовым, а общинно-семейным. С первого взгляда учение о чисто родовом быте наших предков находит себе подтверждение в свидетельстве самого несомненного памятника — первоначальной летописи, которая говорит: «Поляном же живущем особе и владеющем роды своими... и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим»¹; но так кажется с первого взгляда; ближайшее рассмотрение не подтверждает вывода, который делается из этих слов; для подтверждения нужно было бы доказать, что слово род значило в древности то же, что мы под ним разумеем, именно совокупность родичей, а между тем оказывается, что оно значило семью². Юридический характер славянской семьи, по свидетельству источников достоверных, не подходит под строгое понятие родового быта, отличие которого от всякого другого быта есть полная неограниченная власть главы рода над всеми находящимися в его власти и над всем принадлежащим этим лицам; власть эта простирается до возможности продать³ и даже убить лицо, состоящее под властью. Родовой быт отличается преобладанием мужчины над женщиной, родства мужского (*agnatio*) над женским (*cognatio*). В Риме девица была во власти отца (*in patria potestate*), жена — во власти мужа (*in manu mariti*), вдова — под опекой (*sub tutela*); в Германии над женщиной была также постоянная опека (*mundium*). Родовой быт ведет к образованию аристократии пото-

¹ П. С. Р. Л. I, 4.

² Важно в этом случае указание на слово двоюродный брат (двою — остаток формы двойственного числа), из которого очевидно, что род = семья.

³ Жены не продаются у римлян, но у германцев это было. См.: Grimm «Deut. Rechtsalt.», 450.

му, что одно из главных начал в нем — первородство; вспомним значение первородства у евреев: хитрость Иакова для его приобретения, благословение Исаака: «Будь господином над братьями твоими и да поклонятся тебе сыны матери твоей»¹. Начало родовое есть вместе с тем начало родословное: оттого у евреев и арабов так сильно помнится генеалогия, оттого в римских родах (*gentes*) сохранялись изображения предков и носимы были при погребении членов рода². Все эти черты не соответствуют тому быту славян, который представляет нам несомненные исторические памятники, а между тем в теперешнем быте и в памятниках встречаются намеки на то, что если не родовый быт, то нечто подобное ему было у славян когда-то, в отдаленную эпоху; сюда относятся имена славянорусских племен: радимичи и вятичи, производимые от двух героев-родоначальников — Родима и Вятко, сюда относятся существующие у чехов названия селений: Яновичи, Петровичи и т. д. и, что всего важнее, сюда относится обряд умыкания невест, до сих пор еще кое-где сохраняющийся в виде обряда. Первоначальная летопись указывает на умычку, как на обычай, господствующий у некоторых племен славянских: «Древляне, — говорит она, — живяху зверинским образом... брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девице»; о радимичах, вятичах и северянах говорится подробнее: «Браци не бываху в них, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с ней же кто съвещашеся»³; у сербов до сих пор еще существует умыкание, или, как они называют, отмица. Умыкание есть несомненный признак того, что некогда славянские роды (не лучше ли здесь семьи) жили отдельно и враждебно относились один к другому: следы этой враждебности заметны частью в предании о злом домовом, частью в свадебных песнях, прославляющих жизнь девушки в доме родительском и горько оплакивающих судьбу, ожидающую ее в «чужедальней стороне», у «чужого чужанина». Такое состояние общества — самое первоначальное: перед ним мы ничего не можем себе представить и потому должны отвергнуть, как басню, сказание Косьмы Пражского о том времени, когда чехи не знали семьи и жили в общности жен и имуществ. Как же согласить, однако, существование таких при-

¹ Кн. Бытия, XXVII, 29.

² Ф.И. Буслаев делает любопытное замечание, относящееся сюда: «Уже и предки наши видели аристократический смысл в родовом быте, как это явствует из Алфавита или Азбуконника, но рукописи XVII в., принадлежащей мне: «роди — Княжи заповеди» («Ист. Оч.» 2, I, 104).

³ П. С. Р. Л. I, 6.

знаков отдельного рода с вышесделанным замечанием о том, что в семейном быту славян не находим мы черт быта родового? Лучшим средством соглашения будет, кажется, признать, что понятие родового быта представляет две степени: одна естественная, а другая более или менее искусственная; развиваясь далее, родовой быт доходит до клана шотландских горцев, в котором одна семья преобладает над другими, частью одного происхождения, а частью может быть принятыми кланом под защиту и приписавшимися к нему (нечто вроде патроната)¹. Наш семейный быт не пошел этим путем². Переход от естественного рода к искусственному нельзя считать естественным и необходимым; напротив, переходу предшествует длинный процесс: у римлян сложение Римского государства ввиду бесправной массы плебеев противоположность родовитых патрициев с безродными (*patres non habent*) составили основу аристократического развития Рима; у евреев — противоположность с египтянами и жителями земли Ханаанской. В этой противоположности, в этой борьбе родовое устройство замыкается и становится более и более искусственным; оно поддерживается главным образом запрещением браков вне известных пределов; в законодательстве Моисея постановлено: «Оне могут быть женами тех, кто понравится глазам их, только должны быть женами в племени колена отца своего»³; известно, как долго у римлян велась борьба за свободу браков между патрициями и плебеями; известно, как неохотно давали римляне своим союзникам право взаимных браков (*jus connubii*); известно, наконец, что взаимные браки легче всего сближают разрозненные племена: общее сожительство римлян и сабинян началось похищением сабинок. Вероятно и у нас на смягчение разрозненности первоначальных родов — семей действовало то же обстоятельство: в свадебных обрядах до сих пор сохранились следы столкновений, возникающих после похищения; родственники похищенной преследуют похитителя: для рода весьма неприятно выпустить

¹ Так гонимые Мак-Грегори, которых самое имя было уничтожено, присоединились к классу Кэмблей. См. предисловие к «Роб-Рою» Вальтера Скотта.

² Замечательным исключением из всех славянских племен является племя черногорское, у которого, по меткому выражению О. Ф. Миллера, «во многих отношениях оказывается застывшею древнейшая родовая степень»; но и у них не создалось клана. Говоря о том, что славяне не знали родового быта в его полном развитии, однако не могу опустить без внимания известного мне свидетельства о детоубийстве у поморян. Заметим, что здесь обычай относится к матерям, а не к отцам, как у германцев и римлян. Мацеевский приводит еще документ 1249 г. и объясняет обычай заимствованием у норманнов; нельзя ли тут видеть просто частные и исключительные случаи?

³ Числа XXXVI, 6, ср. Товита IV, 12.

от себя работницу. Начинается борьба, но т. к. к преследованию примешивается корыстолюбивый расчет, то, очевидно, при равенстве сил может последовать сделка: увезшие предлагают выкуп (вначале, вероятно, скотом или другими вещами, может быть, даже личной службой, как Иаков у Лавана). Следы покупки и продажи невест до сих пор сохранились в свадебных песнях:

Татарин, братец, татарин
Продал сестрицу за талер¹.

У полян господствовала, по первоначальной летописи, продажа невесты; на то же намекает и слово вено². Это было одной причиной, другое могло быть то обстоятельство, что рано начались разделы после смерти отца. Впрочем, раздел был исключением; обыкновенно же семья жила вместе: старинный порядок семьи был тот же, который знает чешская песня (Суд Любушин)³: «Всякий отец управляет своим домом (челядью). Мужи пашут, жены шьют одежды. И когда умрет семейный глава, тогда все дети сообща управляют имением, выбравши себе из рода владыку, который для пользы ходит в славные снемы». Этому выборному владыке, может быть, вначале предшествовал естественный — старший сын; О.Ф. Миллер основательно предполагает, что возможность несовершеннолетия старшего, ведущая к опеке, способствовала появлению мысли о выборном старшине. С появлением выборного старшины появилась и мысль о принадлежности имущества не одному главе рода, но всем членам вместе; эта общность впоследствии распространилась и на отца⁴. Такая семейная община существует в наше время в сербской задруге. Задругу, впрочем, нельзя уже вполне назвать семейной общиной, ибо она допускает в себя чужих и этим, может быть, сближается с древнепольским ополем (*vicinia*), в котором преобладало, как кажется, начало сожителства и которое составляло общину, знаменующуюся круговой порукой; с другой стороны, задруга отличается тем, что она

¹ Д.Н. Бантыш-Каменский «Ист. Малороссии», т. III, пр. 265 (изд. 3).

² «И завтра приношаху по ней что владуче». П. С. Р. Л. I, 6. «Венити — ценить, продавать». В первоначальной летописи вено встречается два раза: «Вдасть (Володимир) за вено грекам Корсунь опять царицы деля». П. С. Р. Л. I, 50) «Дасть Ярослав сестру свою за Казимира и вдасть Казимир за вено людей 800», там же, 67).

³ Если песнь относится и к XII в., как полагает И.И. Срезневский, все же порядок, его представляемый, исконный славянский порядок.

⁴ В польских купчих XIII, XIV в. продажа совершается от имени отца и всех детей.

имеет своего выборного старшину; владеет землей совместно, живет вместе, судится внутри себя своей властью и имеет одно общее празднество — красно имя. Ф.И. Леонтович считает, на основании Полицкого статута, указывающего на вервь, в смысле задруги, и нашу вервь за общину семейную. В этом воззрении нет ничего такого, что не могло бы быть принято; напротив, принятие этого мнения многое разрешает в наших древностях: общины территориальные могли создаваться только из имеющихся уже семейных элементов и по их образцам. Такие общины были судьями между своими членами и в случаях нужды оказывали им пособия: при отсутствии власти, стоящей над общиной, где же, как не в общине — в своем собственном круге, — должен был обиженный искать защиты? Оттого самым большим наказанием преступника внутри самой общины должно было быть изгнание его из общины и прекращение всякого общения с ним. Принадлежащий чужому роду или чужой общине, в случае оскорбления или убийства кого-нибудь из членов рода или общины, вызывает месть всей общины: высшей власти тоже не было — что же оставалось делать? Оставалось прибегнуть к самоуправству, и т. к. всякий род и всякая община держится за своего члена, то месть простирается не только на одно лицо, но и на целый союз, в котором он живет. Так началось право родовой мести, которое встречается у всех народов вначале их исторической жизни и которое развивающееся государство может остановить только постепенным действием, а не вдруг; потому мы находим родовую месть и вначале русского государства. Те же причины, которые повели к переходу от умычки к покупке невест, создали и плату виры (которая по латыни носит характеристическое название *compositio* — сделка), а взаимная защита членов рода и общины были причиной того, что вира платилась не только единичным человеком, но и всеми членами его союза.

По мягкости славянских нравов, женщина у славян пользовалась значительной долей независимости: вначале истории почти каждого славянского народа встречается женщина-правительница: рядом с тремя братьями, строителями Киева, стоит сестра их, Лыбедь, затем у нас является Ольга, у чехов — Любуша, у поляков — Ванда, у хорватов — Туга и Буга. Воинственные жены наших былин: жена Потыка, Василиса Микулишна и пр. слишком напоминают воинственных дев севера — Валкирий, чтобы на них останавливаться; то же надо сказать и о свидетельстве Феофана, византийского историка IX в., который говорит, что после отражения славян от Константинополя между убитыми нашлось несколько

женщин; мы знаем, что и в войске кимвров и тевтонов были женщины. Важнее то, что у славянских женщин была своя отдельная собственность: чешская княгиня Драгомира задумала убить святую Людмилу, чтобы завладеть ее имением, именно градом Тетиним; у Ольги свой город — Вышгород; женщины посылают своих послов. Оттого союз семейный был крепок у славян, несмотря на многоженство, которое лучше всего видно в примере нашего Владимира: у него законных (водимых) жен было пять. Славянские жены, как мы знаем уже, сжигались со своими мужьями; преступление против целомудрия строго наказывалось у славян.

Быт общественный

Из предыдущего видно, что основой общественного развития славян послужила семейная община (вервь, задруга), соединенная отчасти общим происхождением и еще более общим сожительством — общим землевладением и своим собственным судом в своих пределах. Мы уже видели, что выход из семейной общины был рано возможен в быту народов арийских¹. Несколько таких образовавшихся посредством отдела общин, а иногда, может быть, и общины разного происхождения соединялись вместе в более обширный союз, называемый у многих славянских народов жупами, и у нас, может быть, волостями или погостами. По свидетельству Адама Бременского, вся земля бодричей разделена была на 12 волостей (pagi); тоже мы знаем о Чехии и Моравии; а также — о Сербии; Константин Багрянородный пишет: «Говорят, что у этих народов (сербов, хорватов) нет других князей, кроме стариков жупанов, как и у остальных славянских народов»; польский летописец, хотя и поздно живший (в XII ст.), передает старое предание, что некогда ляхитским племенем управляли

¹ Мацеевский (II, 363) описывает обряд, с которым совершается отделение сына от семьи в России; мы, к сожалению, не знаем другого известия об этом в высшей степени характеристическом обряде; нашли только у А.Н. Афанасьева («Поэт. воззр.» I, 192) указание, что отдел совершается в новолуние, что говорит и Мацеевский. Вот этот рассказ: «Братья зажигают свечи перед св. иконами и кладут на стол кусок хлеба, посыпанный солью. Вся семья молится. Отец дает выделенному сыну хлеб, соль и древесную ветвь (по закону салийскому, выходящий из семьи ломал у себя над головою три ольховые ветви). Хлеб-соль дает он ему в задаток счастья, а ветвь на умножение богатства (чтобы скот был здоров). Этот обряд совершают русские крестьяне в новолуние, желая чтобы имущество нового хозяина также прибывало, как прибывает месяц. При отделе отец говорит: «Благословляю нового хозяина хлебом, а также и его детей, даю тебе избу, снаряды и пару коней». Тогда сын с женою и детьми кланяются трижды. Иногда это делается в церкви при торжественном богослужении, как у франков салийских на вече перед тиуном, когда выделяется несколько сыновей, то каждому дается по куску хлеба. Они, поцеловавши хлеб, уходят в новые свои дома».

двенадцать воевод. Слово жупан долго сохранялось в Сербии, и сами государи Сербии назывались великими жупами; с этим словом как бы чередовали в Сербии другое старое славянское слово князь (кнезь), которое вначале имело родовое значение и в таком значении, как глава новой семьи, до сих пор у нас прилагается к новобрачным¹; principes, reges, dukes, αρχοντες и т. д., о которых упоминают летописцы латинские и византийские, у славян, вероятно, именно и были такими жупанами и князьями, в смысле главы волости. Следующий рассказ Эйнгарда вполне убеждает в этом: «Карл, вошедши в землю вильцев, велел опустошить все огнем и мечом; народ же этот, хотя и воинственный и надеющийся на свою многочисленность, не мог долго выдерживать натиска нашего войска; и потому как только подошли к городу Драговита, ибо он много превосходит других царьков (regulis) вильских и благородством рода, и значением старости, так он со всеми своими вышел из города к королю... другие начальники и царьки славян, следуя его примеру, все поддались королю»². Таким образом, Драговит является первенствующим между другими князьями. У славян русских тоже встречаются следы таких князей, которые едва ли не одновременно существовали у одного племени: «Наши князи добры суть, — говорят послы древлянские Ольге, — иже распасли суть деревскую землю»³. Нет никакой необходимости считать этих князей последовательными, а не современными, иначе древляне выразились бы в прошедшем времени. Палацкий, основываясь на новейшем значении слова князь (ксенж у поляков) полагает, что князем был тот, кто был жрецом, но т. к. не у всех славян были отдельные жрецы, напр. у наших жертву приносили «князь и людие», то скорее можно считать религиозное значение этого слова производным, а на первом месте надо поставить его семейное и общественное значение.

В центре жупы существовал град, ее средоточие, как религиозное, ибо здесь совершались священные обряды, так и политическое: здесь жупан произносил суд, и военное: сюда сносились имущества, здесь оборонялись. Град строился всей жупой. Первообразами такого града были, вероятно, городища; затем появились более распространенные

¹ «Первоначально князь сродно с древнегерманским Kon-ung, Kun-ing; сюда же относится готское kuni, кельтйское cine, ginel; греческое γένος, латинское genus, наконец санскр. гана, в основе же всего лежит ган, имеющий в санскрите значение рождать, породить». О. Ф. Миллер: «Оп. ист. обзор.» 1, 129.

² Einhardi: «Annales» a. 789.

³ П. С. Р. Л. 1, 24.

окопы, особенно когда развилась торговля городов. Впоследствии стали появляться города княжеские и даже знатных людей (градцы).

Разрозненность жуп вела к постоянным раздорам между славянскими племенами, раздорам, замеченным и нашим летописцем¹, и писателями византийскими, арабскими и западными; над жупами возвышалась власть племенного князя²; мы не можем сказать с точностью, у всех ли племен были свои племенные князья и постоянно ли они были? «Эти народы, — пишет Прокопий, — я говорю о славянах и антах, не подчиняются одному мужу, но искони живут в народовластии, и потому у них в обычае о полезном и вредном рассуждать сообща»³; «Народы славянские и антские, — говорит император Маврикий, — живут одинаково и под одними обычаями, и так дорожат свободой, что их никаким способом нельзя уговорить служить или повиноваться»⁴. Из этого, как и из фактов вышеприведенных, можно, кажется, вывести, что племенные князья были не везде и не всегда. Вопрос о том, как создались славянские государства, один из самых трудных и мудреных вопросов: у нас есть указания довольно ранние на существование верховной власти у славян: так Иорнанд говорит о Боже, царе Антов; Масуди упоминает о том, что когда-то воляныне были очень сильны и царь их повелевал всеми славянами, которые после разделились, но этим указаниям нельзя вполне верить. Из того, что племена славянские не везде возвысились над разрозненностью жуп, видно, что власть государственная выросла не из власти племенного старейшины, а создана была другими условиями: иногда она вырастала из власти вождя, переводившая славянское племя из одного жилища в другое: так было с чехами, хорватами и сербами⁵; нечто подобное было и у поляков, судя по именам их первых князей Лешков, от которых ведет свое происхождение самое слово ляхи; недавно даже создавалась теория, ведущая этих ляхов от нормандских дружин (Шайноха), это едва ли основательно, но само слово лех, которым назы-

¹ «По смерти братья сея, быша обидимы древляны, инеми окольными». П. С. Р. Л. 1, 7 «и не бе в них правды, и вхста род на род, быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся», там же, 8.

² «И по сих братья держатся почаша род их княжень в Полях; в Деревлях свое, и Дреговичи свое, и Словени свое в Новеграде, а другое на Полоте, иже Полочане». П. С. Р. Л. 1, 5.

³ У Стриттера II, 28.

⁴ Эверс: «Krit. Vorarb. zur Gesch. der Russen.», 24.

⁵ «Замечательно. что древние сказания о приходе чехов в Богемию, вывода их также из коренной земли Хорватской и Сербской (в Галиции), приписывают им тот же дружинный характер, с каким хорваты и сербы, по рассказу Константина Богрянородского, двинулись в Иллирик». А.Ф. Гильфердинг «Сочин.» 1, 18.

вается у Далимила чех, вождь чехов (*pater Bohemus* Косьмы), едва ли не имеет скорее дружинное, чем земледельческое значение, которое придают ему многие ученые. У иных народов центральную власть заложили чужеземные дружины: у нас и у болгар; государство само было вызвано необходимостью защиты и просуществовало недолго. Вообще государства медленно устраивались на славянской почве, о чем свидетельствуют предания разных славянских народов: записанное Богуфалом о ляхах и в особенности любопытное предание, записанное Косьмой о том, что утомленные раздорами чехи обратились к Краку, как к судье, и он сделался их князем. Если здесь летописец не увлекся классическим рассказом о Дейоке, то его известие очень важно¹. Когда, наконец, установилась власть князя, она явилась неограниченной, пока князь находится в согласии с народом, пока народ ценит и любит своего князя; в словах, с которыми чешские послы обратились к выбранному, по указанию Любуши, Премыслу, чрезвычайно рельефно выражается это славянское воззрение: «Все наше и мы все в твоей власти; избираем тебя вождем, судьей, правителем, покровителем, единственным владыкой»². Эти слова напоминают те, с которым послы русских славян обратились к варягам: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да пойдете княжить и володети нами»³. Таким образом, ясно высказывается призвание и назначение князя — судить между враждующими общинами. Долго князья были выборные, излюбленные; следы такого воззрения сохранились, как мы увидим, у нас в удельный период, особенно в Новгороде. Выбирали преимущественно в одном роде. Так создались династии: Пясты, Премысловичи. Обряд настолования хорутанского князя, продолжавшийся до XIV ст., вполне ясно представляет, как смотрели древние славяне на своего князя. Близ Целовца, в широком поле, стоял круглый стол, высеченный из мрамора; на этом столе сидел сельский староста; к нему подходил нововыбранный князь со своей лучшей дружиной; подходя, он снимал свою княжескую одежду и надевал сельскую одежду; рядом с князем подходили двое из его приближенных: один вел кобылу, другой вола. «Кого это вы ведете?» — спрашивал староста, который сидел, положи ногу на ногу. — «Князя земли этой, которому ты должен

¹ Чтобы убедиться в том, как трудно основываться на сказаниях Косьмы о древних временах и видеть в них предания, стоит только сравнить речь Любуши к народу о царской власти L. 1, с. 5 (Перца IX, 36) с речью Самуила (I царст. IX, 10—18) 6 сходство разительно не только в мыслях, но часто и в выражениях.

² Cosmas, L. 1, с. 6 (у перца IX. 37).

³ П. С. Р. Л. 1, 8.

уступить стол», отвечали ему. — «Не сделаю этого, пока не узнаю, достоин ли он сидеть на этом столе». — «Достоин», — отвечают ему паны. — «Честный ли, благородный ли он человек?». — «Да». — «Справедливый ли он судья, не позволяющий ни дружбе, ни вражде отвлекать себя от правды?». — «Есть и будет». — «Будет ли соблюдать покой земли, охранять вдов и сирот, поддерживать право каждого?» — «Будет». Затем три пана присягали за князя; потом староста, ударив слегка князя (рыцарское посвящение наоборот), уступал ему место. Князь, став на стол, приносил присягу, причем махал нагим мечом на все четыре стороны в знак того, что будет охранять землю от всех врагов. Кобылу, вола и княжескую одежду получал в подарок¹ старшина. Когда чешский король ехал к цезарю, у чехов был обычай жечь селения, чтобы показать, как дурно жить без князя. Весь род княжеский имел право быть выбранным в князья, и потому каждый член считал себя вправе получать часть в земле — так создались уделы, и над удельными князьями возвысился великий князь; едва ли это возвышение великого князя не есть явление позднейшее, иначе зачем же было князьям, умирая, подчинять завещанием всех сыновей воле старшего брата, как сделал Бречислав чешский, Святополк моравский, Владислав Герман польский? Припомним, кстати, и Ярослава русского. Народ, избиравший князя, свергал его, если был им недоволен: так и лютичи, недовольные Милегастом, свергли его и выбрали брата его Целедрага. Так высказывалась деятельность веча, которое постоянно существовало во всех славянских землях и власть которого, не ограничивая власти княжеской, была, если можно так выразиться, параллельна ей; ограничение — произведение позднейших времен, результат борьбы и договоров; ничего полного не знают народы первоначальные: верят они князю, так верят вполне, перестали верить, они его свергают. Уважение к князю было так велико, что дом его служил убежищем. Князья сами собирают вече в случаях важных: так, князь Штетинский собрал вече для решения вопроса о принятии христианства. Вопросы на вече решались единогласием, как позднее в Новгороде и в Польше.

С появления князей с их дружинами и с распространением городов, при которых устраивали торговые селения, род посадов, откуда распро-

¹ Палацкий: «Dejny» I. 197—198, пр. 166. Суровецкий, 65 (Чт. в «Общ. ист.» год 2, кн. 1). Станный способ избрания посредством скачки, кто кого перескачит, упоминаемый Богуфалом (у Зоммерсберга II, 21—22), подтверждается известием Бантке («Ист. гос. пол.» I, пр. 11, русский перевод), что до сих пор в Силезии деревенские парни устраивают беги и кто прибежит прежде, того называют королем.

странялась торговля и создавались богатства, появились и высшие сословия. Трудно сказать, пользовались ли эти высшие сословия (бояре)¹ какими-либо правами, кроме уважения, славяне все были свободны и отличались особенной любовью к свободе; приезжие иностранцы были у них свободны, по свидетельству Маврикия; о рабах вот что говорит он: «Кто в плену у них, того они держат не все время, как другие народы, но только определенный срок, а после, заплатив выкуп, они могут или возвратиться домой, или остаться с ними свободными и друзьями»². Потом, с усилением военного быта, начали торговать рабами, как свидетельствует Святослав; то же встречаем и у других славянских народов. Таково было общественное состояние славян в эпоху, близкую образованию Русского государства: у всех этих племен мы видим еще не установившуюся власть, не определившиеся общественные отношения.

Материальная обстановка жизни славян, преимущественно русских

Внешняя обстановка жизни славян, в особенности русских, не могла быть очень блистательна: славяне большей частью жили в землях, где начиналась цивилизация, а не наследовали земель, где она уже давно процветала. О славянах Иорнанд говорит: «Им болота и леса служат вместо городов»³. Прокопий говорит о жилищах славян: «Живут они в дрянных и рассеянных хижинах и легко меняют место жительства». Император Маврикий останавливается на жилищах славян с большей подробностью: «Живут они, — говорит Маврикий⁴, — в лесах, у рек, болот и озер, куда доступ труден; в домах своих делают много выходов, в предупреждение разных случайностей. Все имущество свое зарывают в землю, ничего лишнего не выставляют напоказ». Выбором таких мест для жительства они, по свидетельству того же писателя, делали невозможным поход неприятеля в их страну⁵. «Не много заботятся они, — говорит Гельмольд, — о построении зданий, напротив наскоро сплетают хижины из ветвей, только для необходимой защиты от непогоды и дождей. Как только раздастся воинственный клик, они, забравши хлебные запасы, зарывают их в ямы вместе с золотом, серебром и другими драгоценными

¹ О славянстве этого слова см.: И. И. Срезневский «Мысли об ист. русс. яз.», 189, 193.

² Эверс: «Krit. Vorarb. zur Gesch. der Russen.» 24; то же повторяет импер. Лев (Палацкий «Dejny» 1, 185).

³ «De Getharum sive Gotharum origine» V.

⁴ Ум. в 602 г.

⁵ Эверс: «Krit. Vorarb. zur Gesch. der Russen.» 24–25, пр. 3.

вещами, жен и детей уводят в укрепления или в леса. Врагу ничего не остается, кроме хижины, потерю которых они считают легкой»¹. Леса считали они, по замечанию одного из новейших историков², лучшей охраной от нападения врага. Через пограничные леса (gozd, gvozd), простиравшиеся от десяти до двадцати миль в ширину, вели только в некоторых местах дороги, называемые земскими воротами (brony Zemske), которые охранялись особенно тщательно. Мы увидим ниже, как у нас еще в Варяжский период тщательно охранялись границы земли. Несмотря на всю непрочность своих домов, славяне уже издавна являются народом оседлым: уже Тацит между причинами, почему он венедов относит скорее к германцам, чем к сарматам, указывает на то, что они строят дома, а сарматы живут в кибитках.

Таким образом, история не знает славян в быту кочевом, а застаёт их оседлыми и земледельцами. Славяне — народ по преимуществу земледельческий. Мы видели, что главные боги славянские только у балтийских славян получили характер воинственный. В преданиях славянских народов важную роль играет таинственный пахарь, в роде чешского Премысла, которого быки уходят в гору, нашего Микулы Селяниновича, которого соху не могут вытащить богатыри. Сами немцы, до того ненавидевшие славян, что называли их собаками, обратились за поучением в земледелии к славянам: Бонифаций Вильфрид, апостол Германии³, который называл славян народом «мерзейшим и самым худшим»⁴, призвал славянских колонистов и поселил их в окрестностях Фульды, Вюрцбурга, Бамберга, Байрута, где были вырублены ими дремучие леса и обращены в плодородные поля; эти поселения долго назывались Вендскими и сохранили свою народность до XV века. Слово плуг (plug), по мнению Гримма, могло быть заимствовано немцами у славян⁵. Земледелие было главным занятием и славян русских: мы знаем из летописи, что вятичи платили дань с рала⁶; древляне, жившие «звериньским образом» в лесах⁷, по одному сказанию летописца, сказанию, в котором, если отнять его преувеличения, все-таки останется часть правды, т. е. эти древляне были

¹ Helmoldus, L. II, c. 13.

² Иричек: «Enstehen Christ. Reiche im Geb. der heut. Ötserr. Kaiserstaates», 80–81.

³ Жил в VII–VIII ст. (660–775).

⁴ См. у Шафарика: «Слав. древн.» II, § 43, пр. 28.

⁵ «Gesch. der Deutsch. Spr.» I, 48; напрасно, стало быть, В.И. Даль: «Толковый словарь» (под словом плуг) считает это слово немецким.

⁶ П. С. Р. Л. I, 27.

⁷ П. С. Р. Л. I, 6.

народ грубый, по другому сказанию: «делают нивы свои и земли свои»¹. Встречаются известия о разного рода хлебных растениях (о пшене и просе у Маврикия, о ржи в житии Феодосия). Есть известие о разведении винограда в Польше, на южной Руси и у хорватов. Пчеловодство было очень распространено у славян: Русь торговала медом и воском²; сверх того, мы знаем, что славяне занимались звероловством, горным и соляным промыслами. Ремесла у славян были такие, которые удовлетворяли первым потребностям домашнего быта: так мы знаем плотников, гончаров³. Предметы роскоши славяне добывали торговлей частью с Востоком, частью с Грецией; мало-помалу начали появляться подражания этим произведениям, и до сих пор многие предметы производства у нас как бы напоминают о восточных образцах: у профессора Ешевского был замок, вырытый в Билярске, который имеет форму лошади; от хвоста ее до головы идет дужка замка. Такие замки до сих пор делают в Павлове (Нижегородской губернии, Горбатовского уезда); яркие краски и пестрые разводы семеновской деревянной посуды, фантастические узоры на ручниках, которые еще до сих пор вышивают кое-где, не чужды, быть может, восточного влияния.

Торговля, которой доставали себе наши предки предметы роскоши и сбывали естественные произведения страны, производилась большей частью речными путями. Еще Геродот удивлялся большим рекам, орошающим Скифию. Эти естественные пути и были главными путями уже и потому, что значительная часть страны была или лесиста, или лесиста и болотиста (напр., земля дряговичей, новгородских славян и т. д.); прокладывание путей по лесам и сооружение гатей (мостов калиновых) считается в народных песнях одной из важнейших заслуг богатырей. Главные водяные пути указаны нашим первоначальным летописцем; эти пути суть: путь из варяг в греки, который идет по Днепру, волоком до Ловати, Ловатью до Ильменя, из Ильменя Волховом в Ладожское озеро (Нево), Невой в Варяжское (Балтийское море); путь по Двине в то же Варяжское море и Волгой в море Хвалиское (Каспийское); эти три великие реки почти сходятся своими истоками, что заметил и первоначаль-

¹ П. С. Р. Л. I, 25.

² П. С. Р. Л. I, 38.

³ «И вы плотници суще», корят киевляне новгородцев (П. С. Р. Л. III, I). Ибн-Фошлан (у Френа, 7) рассказывает, что русы, по приезде в Итель, строят себе деревянные дома. Константин Багрянородный говорит о лодках, которые пускали по Днепру разные племена русских славян. Гончары поминаются в Нов. лет. (П. С. Р. Л., 207). В Новгороде были концы: плотничный и гончарный.

чальный летописец, указывая на то, что они выходят из Оковского леса¹. На важное значение волоков, которые, не разделяя окончательно, как горы, все-таки кладут некоторое препятствие соединению племен, указывает С.М. Соловьев². К важнейшим речным путям следует прибавить два пути на Север: по Каме и по северным рекам и озерам. По этим речным путям велась значительная торговля; в особенности важны торговые сношения народов, населявших нынешнюю Россию в VII—XI вв. (века эти указываются находимыми кладами с монетами), а также побережья Балтийского моря (в Германии самый южный пункт нахождения этих монет — Франкфурт-на-Одере), с народами Средней Азии. Клады восточных монет давно находились, но долго на них не обращали надлежащего внимания и весьма много их пораспропало; сама наука не умела объяснить долго ни их происхождения, ни их появления в той местности, в которой они найдены. Только трудами Френа, Григорьева и Савельева вопрос поставлен на настоящий путь. Клады, несомненно, свидетельствуют о древности сношений: на Востоке существовал обычай перебивать монету при всяком новом владельце; следственно, монеты ходят только при том, при ком биты, а т. к. древнейшая найденная монета относится к 699 г., то, следовательно, достоверно, что торговые сношения велись и в VII в. Обширность торговли доказывается тем, что случалось находить довольно значительные суммы, зарытые в одном горшке и, следовательно, принадлежавшие одному лицу (такая находка сделана около Великих Лук, на берегу Волхова, на сумму 7000 р. и недавно в Муроме). Этим путем привозили к ним драгоценные камни, роскошные ткани, пряности и т. д.³; из России вывозили меха (в особенности дорого ценились чернобурые буртаские лисицы, которые ввела в моду Зораида, жена Гарун аль Рашида), мамонтова кость, орех, ревень, юфть; сверх того, из слов Святослава мы знаем, что из Руси шли рабы, воск и мед⁴. Там же читаем мы, что от греков получалось: золото, дорогие ткани, вино и разные овощи; от чехов и угров — серебро и кони. Кроме торговли с Югом и Востоком, велась у нас в древности торговля с дальним Севером. Подробности торговли с Югрой (у Уральских гор) так пе-

¹ П. С. Р. Л. 1, 3.

² «Ист. Росс.», т. I, гл. 1.

³ У Н.С. Савельева помещен любопытный список восточных слов, вошедших в русский язык: бисер, алмаз, яхонт, топаз, яшма, жемчуг, арбуз, перец, алый, бурый, зарбаф, алтабаз, базар, барыш, киса, амбар, сундук. Что эти слова вошли не от татар, свидетельствует словарь половецких слов, записанных в 1303 г., как думают, гунуэзским купцом.

⁴ П. С. Р. Л. 1, 28.

редает первоначальный летописец¹: «Суть горы зайдуче луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, и есть неразумети языку их, но кажут на железо и помавають рукой, просяще железа; и аще кто даст им нож, ли секиру, дают скорой (мехами) противу». Здесь среди баснословных подробностей, навеянных сказаньем Мефодия Патарского о людях, заклепанных в горе Александром Македонским, слышатся живые подробности о так называемой немой торговле, какая и до сих пор ведется иногда с дикарями. Такие торговые сношения способствовали переходу городов славянских из простых огражденных мест в торговые поселения, какими у нас, вероятно, рано сделались Новгород и Киев, что и увидим в своем месте.

Мирный, земледельческий характер славян придавал значительную долю мягкости их нравам: «В них нет ни зложелательства, ни коварства», — говорит Прокопий². «Они благосклонны к чужестранцам, — говорит Маврикий, — и сильно стараются о том, чтобы провести их целыми и невредимыми из одного места в другое, что у них необходимо, ибо если по беспечности случится, что чужестранец потерпит вред, то с ним самим начнут войну соседи из благочестивого желания отомстить за чужестранца»³. «Хотя у ранов более, чем у других славян, — говорит Гельмольд, — ненависти к христианам и суеверия, все-таки у них много естественных добрых качеств: у них сильно гостеприимство и родителям оказывается должное почтение. У них не встречается ни бедных, ни нищих; как только кто делается у них слаб от болезни или от преклонных лет, его поручают заботам его наследника. Первые добродетели у славян — гостеприимство и попечение о родителях»⁴. Тот же писатель сообщает, что у славян можно было украсть для того, чтобы угостить заезжего, и что за отказ в гостеприимстве сожигали дом того, кто отказал⁵. Немецкий летописец свидетельствует, что саксонцы дрались из-за славы и расширения своей власти, а славяне — за свободу; другой летописец говорит: «Я слышал — и правдивейший король датский (Свен) подтвердил мне клятвой, что славяне давно бы обратились в христианство, если бы не препятствовала жадность саксонцев, которые, — сказал он, —

¹ П. С. Р. Л. I, 107.

² У Стриттера II, 29.

³ У Эверса «Krit. Vorarb. zur Gesch. der Russen.».

⁴ L. II, с. 12.

⁵ L. I, с. 72.

больше думают о собирании поборов, чем об обращении язычников»¹. Несмотря, однако, на преобладание мирных наклонностей у славян, нельзя придавать излишнего веса следующему известному свидетельству Феофилакта²: «Когда император Маврикий отправился во Фракию готовиться к войне с аварами, спутниками императора были задержаны три человека, не вооруженные ни мечами, ни другим оружием, но только носящие кифары. Император спросил их, какого они рода, из какой земли и зачем пришли в Римскую землю? Они отвечали, что они — славяне, жилища их — у Западного океана, что Каган прислал к князьям их народа послов с многими дарами просить помощи, что князья, приняв дары, отказали в помощи, говоря, что продолжительность пути для них затруднительна и опасна и что они посланы передать этот ответ Кагану. Пятнадцать месяцев провели они в пути; Каган, забыв посольское право, намеренно задержал их возвращение; они же, слышав, что римляне достигли высшей степени могущества и человеколюбия, нашли возможность прибыть во Фракию. Они потому носят кифару, что не умеют обращаться с оружием, ибо в земле их нет железа». Очевидно, что эти славяне были певцы, которые изредка выбирались послами: певцам, которых народы первоначальные считают состоящими под особым покровительством божества, проход везде был свободнее, чем воинам³. Тем менее можно придавать исключительное значение известию Феофилакта, что все писатели западные, византийские и арабские свидетельствуют о мужественности славян. «Вступая в бой, — говорит Прокопий⁴, — они выходят на неприятеля пешие, неся в руках щиты и копья; панциря не носят; у них нет ни плаща, ни рубашки; но они выходят на бой только в штанах». Тот же Прокопий рассказывает, что славянин на службе Византии хитростью захватил одного готфа, следовательно, знаком был с военными хитростями⁵; далее читаем мы у него же, как славяне захватили и замучили Асбада и, вырезав ремни из кожи, сожгли⁶. «Они любят сражаться, — говорит Маврикий, — в местах трудных, узких, представляющих разные убежища». Они употребляют военные хитрости, между которыми Маврикий указывает на их искусство

¹ Ad. Brem. L. III, с. 22.

² У Стриттера II, 53—54. Феофилакт жил в 540—640.

³ Сл. Шафарика: «Слав. древн.» II, кн. II, § 37.

⁴ У Стриттера II, 29.

⁵ Там же, 31—32.

⁶ Там же, 35. Это напоминает Иванушку Дурачка и поступок парижского народа с констаблем (1418 г.)

прятаться в воде, выставляя для дыхания тростник. Вооружены они, по свидетельству того же писателя, копьями, большими щитами, деревянными луками и ядовитыми стрелами. Когда они сражаются в поле, то окружают себя укреплением из телег, ставя посредине женщин и детей¹. Мечи руссов славились у арабов; известно, что поляне платили дань хазарам мечами; арабы рассказывают, что русы кладут меч перед новорожденным сыном и говорят: «Не оставляю тебе в наследство никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечем»². Не относится ли этот обряд скорее к постригам, которые совершались на восьмом году и которые впоследствии сопровождалось посадением на коня, говорим впоследствии, ибо славяне, кажется, долго сражались пешие. Из истории каждого славянского народа можно видеть, что славяне далеко не были лишены воинственности и что только раздоры их между собой позволили покорить их инородцам, хотя — если война и обращалась у них в промысел, как говорит В. В. Макушев³, — то только в позднейшее время и притом едва ли не под влиянием чужеземным; мирный земледельческий быт, старое общинное устройство мешали славянам окончательно обратиться в завоевательный народ, принять чисто дружинное устройство.

Инородцы: финны, тюрки и литва

В эпоху основания Русского государства на его теперешней территории рядом с племенами славянскими живут племена другого происхождения: финны, тюрки, литва. Часть этих племен существует еще до сих пор, другие исчезли или заменены новыми выходцами, или слившись, главным образом, со славянами и преимущественно в Великой России. Великорусы, как все великие исторические народы: римляне, англичане, французы, являются народом смешанным. Славянская колонизация севера и северо-востока, начавшаяся еще во времена исторические, успела мало-помалу отождествить с собой разрозненные финские племена. Ни летописи, ни предания не знают ни общего истребления финских племен на тех местах, где знал их первоначальный летописец, ни общего переселения их оттуда, а между тем современный этнограф не находит их на этих местах; стало быть, они не перешли, не истреблены,

¹ Феофан у Стриттера II, 63—64. Это позднейший гуляй-городок.

² «Извест. Ибн-Дасты», гл. 6, § 3.

³ Лев Диакон IX. 1 (пер. Попова, 129).

а переродились. Перерождение это началось, как мы заметили, в эпоху доисторическую уже и совершалось медленно и постепенно; медленность эта много говорит в пользу сравнительно мирных нравов наших предков.

Весь север и северо-восток теперешней России населен был в древности племенами финскими, которые нашими предками назывались чудью. Писатели классической древности знают чудские племена сначала под разными именами (антропофаги, меланхлены и некоторые другие племена Геродота могли быть, как многие думают, финнами), а потом под их германским названием финны. Под этим именем Тацит так описывает их состояние: «У финнов чистая дикость, гнусная бедность: нет ни оружия, ни лошадей, ни пенатов; их пища — трава, одежда — кожа, ложе — земля; вся надежда на стрелы, которые, за неимением железа, заостряют костями. Охота кормит одинаково и мужчин и женщин, которые всюду сопровождают мужей и требуют себе части добычи; детям нет другого убежища от непогоды и зверей, кроме шалашей, сплетенных из ветвей; сюда идут юноши, сюда удаляются старцы. Они считают это состояние более счастливым, чем обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое имущество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась богов, они достигли труднодостижимого: они ничего не желают»¹. Это известие иные относят к лопарям, а другие к финнам, жившим у берегов Балтийского моря; во всяком случае, достоверно то, что Тацит, хотя и по слухам, но знал финнов. По свидетельству Иорнанда, Готскому царю Германариху повиновались многие племена, из которых мы узнаем мерю, мордву, чудь и, может быть, весь; скандинавские саги знают финнов как колдунов и ковачей оружия; Отер и Вульфтан, путешествующие в IX в. по повелению короля Альфреда, упоминают: один — об эстах, другой — о финнах. Адам Бременский упоминает чудь, ямь, весь и мерю, но самые важные сведения для этнографии чудских народов дает наш первоначальный летописец. «На Белоозере селят весь, — говорит он, — а на Ростовском Типы карелов и вепсов. Из «Живописной России» озеро меря, а на Клещине озере меря же; по Оце рече, где потече в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»²; далее исчисляя народы, платящие дань Руси, он указывает следующие чудские племена: чудь, меря, весь, мурома, черемиса, мордва, пермь, печера, ямь, ливь³; мы уже приводили его рассказ

¹ Germ. с. 46.

² П. С. Р. Л. I, 5.

³ П. С. Р. Л. I, 5.

о торговле с юграми; кудесники и волхвы, по его рассказу, являются главным образом в землях с финским населением (на Белоозере, в Суздале); наконец, из его рассказов видно, что славяне намеренно ходили гадать в Чудь¹. Не менее, если не более важны были бы рассказы восточных писателей, но, к сожалению, до сих пор, несмотря на все усилия критики, еще многое в этих рассказах кажется темным, непонятным, а нередко и баснословным. Из финских племен восточные писатели сообщают сведения о вису (думают, что это весь), юре (или иначе земля мрака, земля гога и магога; здесь видят югру), арте (под которой подразумевают эрзь, мордовское племя), но Д.А. Хвольсон видит здесь биармию, читая Абарма, буртасах (живших между Окой и Волгой) и мадьярах. «Царь болгаров рассказывал Ибн-Фоцлану, что за его землей, на расстоянии трех месяцев пути, есть народ, называемый вису, у которого ночь иногда продолжается всего час»². «По Волге, — говорит Якут в своем словаре, компиляции XII в., — купцы едут до Вису и везут оттуда много мехов: бобров, соболей и белок»³. Как производилась эта торговля, рассказывает Казвини, писатель XIII в.: «Болгары приносят свои товары для продажи, и каждый, означая свой товар знаком, оставляет его здесь. Потом он приходит опять и находит на том же месте товар, употребляемый в его земле. Если он им доволен, то оставляя свой, берет взамен его товар, оставленный туземцами; если же нет, то берет свой товар»⁴. Этот рассказ, напоминающий рассказ Нестора о торговле с Югрой, повторяется Ибн-Батуттой, писателем того же века, о юре⁵. Чтобы отвлечь другие народы торговать с весью, болгары пустили в ход сказку, которая повторялась еще в XIV в.⁶ «Обитатели Вису, — говорили они, — не ходят потому в землю болгар, что как только они придут, то воздух изменяется и наступает такой холод, что, хотя бы это было летом, гибнут растения». О предметах этой торговли вот что говорит Аббу Гамид Андалузи (в XII в., когда уже и веси давно не было, но арабы повторяют друг друга): «Болгары приносили народу вису сабли из магометанских земель. Сабли эти без эфеса и без всяких украшений; это простые клинки, как будто сейчас только вынутые из горна. Если подобную саблю привесить на нитку и ударить по ней, то она звучит. Такие же сабли возятся и в землю юры, где жители

¹ П. С. Р. Л. I, 75–77, 64.

² Френ: «Ibn Forsland's und and. Arab. Berichte», 207.

³ Там же, 209.

⁴ Там же, 210.

⁵ Defremeri et Sangninetti: «Ibn-Batuta», II.

⁶ Бакуви у Френа, 210 и 311.

покупают их большей ценой»¹. О средствах переезда в этих местах вот что рассказывает Ибн-Батутта²: «Я желал поехать в страну мрака, куда путь лежит через Болгарию: расстояние между ними сорок дней пути³; но потом я отказался от этого намерения как по трудности предприятия, так и потому, что мало ожидал от него выгоды. В этой стране не путешествуют иначе, как в небольших санях, которые везут большие собаки, ибо эта земля покрыта льдом, на котором скользят и ноги людей и копыта животных; но у собак есть когти, и их лапы не скользят на льду. В эту степь ездят только богатые купцы, из которых у каждого должно быть не менее ста повозок, нагруженных съестными припасами, напитками и дровами, ибо здесь нет ни дерева, ни камня, ни жилища⁴. Проводником путешественников служит собака, которая часто бывала в этой стране. Цена такому животному простирается до 1000 динаров или около того. Повозка привязывается к ее шее; с ней запрягают еще трех других собак. Она идет вперед, а другие следуют за ней; она остановится, останавливаются и другие. Хозяин этого животного никогда не бьет и не бранит его. Когда едят, то собак кормят прежде. Не сделают этого, собака-проводник уходит с неудовольствием и оставляет погибать своего хозяина». О буртасах любопытные известия сообщает Ибн-Даста⁵: «Буртасы выставляют в поля 10 000 всадников», но «нет у них верховного главы, который управлял бы ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих расприх. Настоящим образом подчиняются они только царю хазар». Кажется, что и другие финские племена остановились на той же степени разноплеменности и таковы были, вероятно, мордовские князья, о которых упоминают наши летописи XIV в., и вогульские, встречающиеся позднее: и те и другие, вероятно, были только стар-

¹ Френ, 211.

² Ibn-Batuta, II.

³ По Ибн-Фошлану (Френ, 207–208): «Царь Болгарский писал по какому-то случаю к народу Дисур (=Вису), который отстоит от него на три месяца пути, и получил от него в ответ, что Гога и Магога (Юра) живет от него (Вису) на три месяца пути и отделен от него морем».

⁴ Рассказ очень странный: в Югру путь лежит из Болгар через Вятскую и Пермскую губернии, где довольно лесов и теперь, а кажется давно их рубят. Не новая ли это выдумка болгар? А провизию и теперь возить с собой не мешает.

⁵ Глава 2. Любопытны также известия у Бакуви (компилятора XV в.): «Беркас — обширная страна у Хозар вдоль Волги. Ее жители — мусульмане; у них особый язык, не похожий на все другие; дома у них деревянные и в них они живут зимою, а летом рассеиваются по полям; у них есть прекрасные лисицы, из которых они делают себе одежду; ночь у них коротка и летом продолжается не более часа». Эверс: «Krit. Vorarb. zur Gesch. der Russen».

пинами селений. «Занимаются они землепашеством, но главное их богатство составляют: мед, куньи меха и меха вообще», как говорит тот же писатель; известно, что из земли буртасов вывозили чернобурых лисиц.

Всемирно-историческое значение приобрел один из народов если не финских, то, по крайней мере, состоящий в близком родстве с финнами. Я говорю о мадьярах. Первоначальные жилища мадьяров были между Волгой, Камой, Тоболом и верхним течением Яика; здесь жили они в сообществе со своими близкими родичами башкирами, с которыми их часто смешивают писатели средневековые восточные и западные (Рубриковис). Теснимые печенегами, они около 884 г. переселились в область, названную Лебедией (Сенковский припоминает по этому поводу лебедян) и поселились здесь в зависимости от хазар, но, быть может, это было не первое движение мадьяров: есть основание полагать, что Аскольд и Дир были тоже мадьяры и управляли Киевом в зависимости от хазарского кагана¹. Подвергшись снова нападению печенегов, переселившихся в Европу, они пришли в Атель-Куз (в Бессарабию, как полагает Д.А. Хвольсон). К этому времени относится их нападение на Киев, упоминаемое первоначальным нашим летописцем и описанное нотариусом короля Белы. Мадьяры в рассказе Ибн-Дасты являются хищническим, кочевым народом: они живут в кибитках и занимаются грабежом; по рассказу Ибн-Дасты, хазары окапывались от них валами. Устройство их соответствовало такому быту: они кочевали родами под управлением родовых старейшин, которые, собираясь, избирали верховного вождя; одному вождю повинуются безусловно: «Все мадьяры, — говорит Ибн-Даста, — повинуются приказаниям, которые дает им глава их, по имени Джыла, прикажет ли он на врага идти, или врага отражать, или что другое»; «Они подчиняются верховной власти одного, и эти вожди обыкновенно строго наказывают за каждый проступок», — говорит император Лев; они занимались охотой, звероловством и даже еще до поселения в Паннонии видно у них начало земледелия.

Северо-восточный угол нынешней Европейской России, от Двины и, вероятно, до Уральских гор, занимала знаменитая в северных сагах Биармия. Множество находок, делаемых в нынешней Пермской губер-

¹ Главные доказательства в пользу угорского происхождения Аскольда: Альма (Ольма), который похоронил его и построил над ним церковь, а также имя «гость подугорский», которое, по одному списку (впрочем, позднему), принял на себя Олег, и молчание летописи об их борьбе с хазарами.

нии, свидетельствуют, что некогда страна эта была важным торговым центром. Первое известие о Биармии сообщает норвежец Отер, бывший в службе у короля Альфреда в IX в. После продолжительного плавания Отер со своими спутниками вошел в устье Большой реки (Двины), до сих пор он видел по берегу только рассеянных рыбаков и звероловов — финнов. «Биармийцы многочисленны в своей земле, отчего он не осмелился ни сам выйти, ни своих пустить на берег. Много рассказывали они ему о своей земле и об окружающих странах, но он не знает, что в этих рассказах правда, ибо не видал своими глазами. Что касается до языка, то ему кажется, что у биармийцев один язык с финнами. Он приехал в эту землю не только для познания ее, но и для добывания моржей (gosmaross), которых зубы превосходны (несколько зубов получил король в подарок) и кожа которых удобна для делания канатов». С тех пор викинги нормандские часто стали посещать Биармию, прославленную в сагах богатством золота, серебра (вспомним «закамское серебро» наших летописей и чудские копи); из этих походов особенно знаменитый поход Карла, Гунстена и Торер Гунда, при Олафе святом (1026). Викинги снарядили несколько кораблей, посадили на них своих слуг и прибыли в Биармию. Здесь сначала явились торговцами (торговля велась тогда большими караванами, отчего легко купец обращался в воина: оружие было необходимо каждому для защиты). Накупив мехов, пошли они на свои корабли; стали совещаться, не сделать ли нападения, и решили сделать, если есть надежда на добычу. Торер, славившийся колдовством, которому научился в Финмарке у одного финна, указал на такую возможность; он рассказал, что в Биармии есть обычай часть имущества умершего, половину, треть или меньше, зарывать в яму в священных местах; на них насыпали курганы и даже иногда строили дома. Таких насыпей было много близ храма Юмалы, куда и пошли викинги. Шли они, обозначая себе путь, срывая кору с деревьев, и дошли до поляны, на которой стоял храм, окруженный высоким деревянным забором; сторожа отлучились, Торер перелез через забор, отворил ворота, и викинги вошли в храм. Разрыли они курганы, захватили много золота; в храме был идол Юмалы, на коленях которого стояла чаша с деньгами¹; ее похитил Торер; спутники его захотели снять с идола золотое ожерелье и разрубили самого идола. На шум прибежали сторожа, затрубили в рога, и викинги едва

¹ Чаша на коленях составляет отличительный признак многих из каменных бал, находящихся в России, отчего некоторые и приписывают им финское происхождение (Эйхвальд); о золотой бабе в стране Обдорской см.: Герберштейна и Гванины.

спаслись от погони¹. Подробности эти, несмотря на поэтическую обстановку, далеко не лишены значения и характеристичны для определения отношений норманнских викингов. Последняя экспедиция в Биармию относится к 1222 г. В XIII в. вследствие политических перемен в Средней Азии значение Биармии пало. К сожалению, в смутных известиях о Биармии мы не находим ничего определенного ни об общественном быте (знаем только из мимоходной заметки скандинавов, что они занимались земледелием), ни о государственном устройстве; о других финнах мы знаем, что они жили в разрозненности племенного быта: об угрох, что у них образовалось военное государство по примеру других азиатских орд; ни о религии: только одно имя Юмалы показывает нам, что это общеефинское божество неба было чтимо и в Биармии. Вопрос о финской мифологии более сложен, чем он кажется с первого взгляда: у большей части финских народов мы встречаемся с самыми первоначальными формами мифологии; со страхом перед внешними явлениями, который, быть может, не без содействия окружающей природы создал обширную демонологию. Академик Шифнер делает очень важное замечание: «Западные ветви финского племени, переселяясь из своей далекой или близкой прародины в нынешние места своего жительства, не принесли с собой сформированного учения, но узнали и приняли готовое, лишь только тогда, как пришли в соприкосновение с некоторыми народами индогерманского племени, опередившими их в образовании. Что же до тех пор имели у себя финские народы, то было немного выше шаманства, или, по крайней мере, ограничивалось каким-нибудь числом стихийных существ»². При таком положении дела становится ясным подчинение финского элемента славянскому, хотя, конечно, и при подчиненном своем положении он не остался без известной доли влияния, разъяснить которую предстоит будущим исследователям, знакомым с языком и преданиями финского племени, с одной стороны, с русскими историческими памятниками — с другой.

По Волге и Каме в эпоху образования Русского государства существовало государство болгарское, сложенное из элементов тюркских, финских, а может быть, отчасти и славянских. Поселение болгар на Волге относится, вероятно, к очень давнему времени: отделившаяся от них орда теснила еще в V в. славян в степях Черноморских и гнала их на территорию Византийской империи; в конце V в. эти болгары начали сами

¹ Снорри Стурлусон: «Heimskringla» II, 217–225 (изд. 1778). Рассказ я сократил.

² «Сампо» («Зап. Ак. Наук», т. 1, кн. 1, ст. 132, 1862 г.).

делать нападения на греков; от них в VI в. император Анастасий построил стену, которой назначение было охранить Царь-Град; в VI в. их покорили авары. В царствование Ираклия (610—641) они освободились от власти аваров, и в 668, под начальством Аспаруха, одна из орд их заняла Буджак; отсюда мало-помалу распространилась по Мизии и основала здесь, между славянскими племенами, царство болгарское. Между тем единоплеменники их оставались на Волге, распространяясь иногда до Каспийского моря, которое у нас известно было под именем Хвалисского, от болгарского племени хвалисов. Точных сведений о болгарях волжских мы не имеем до 922 г., когда болгарский Алмус (Альмуш) принял ислам, для чего отправлял посольство к калифу Муктадиру с просьбой прислать людей, сведущих в законе, и архитекторов для построения мечети и крепости, где он был бы безопасен от нападения враждебных царей. С ответом от калифа ездил в Болгарию Ибн-Фадлан, оставивший описание своего посольства. Послы ехали из Уржэнджа (Хивы) семьдесят дней (что составляет около 2500 верст); болгары их встретили с большим почетом: навстречу вышли дети и братья царя и четыре подвластных ему царя, неся хлеб, мясо и просо; царь сам встретил их за 8 верст от своего жилища; он угостил их обедом в своей палатке и сам раздавал куски мяса. «Таков там обычай, — говорит Ибн-Фадлан, — что никто не может дотронуться до кушанья, пока царь ему не даст куска; и тогда уже тому, кто получил кусок, подают особый стол»; на торжественной аудиенции с царем рядом сидела царица. Многое поражает Ибн-Фадлана в стране болгар: и северное сияние, и краткость ночи, и особые обычаи земли: встречаясь с царем, всякий болгарин снимает шапку и кладет ее под мышку; ему кланяются в пояс; купаются вместе мужчины и женщины, но строго наказывают за прелюбодеяние: «Если кто будет в этом виновен, того, кто бы он ни был, привязывают за руки и за ноги к четырем столбам, которые вколачивают в землю, и топором ему рассекают тело от шеи до бедра. Таким же образом поступают и с женщинами. Потом каждую половину тела вешают на дерево. Вора наказывают таким же образом». По другому арабскому известию, убийцу «запирали в ящик из дерева халендж (береза) и вешали на высокий шест, где он и умирал от жара или холода». Ибн-Фадлан сообщает между прочим следующее странное известие: «Если встретят человека с необыкновенным умом и глубоким познанием вещей, говорят: «Ему в пору служить Богу», потом схватывают его, вешают на дерево и оставляют в таком положении, доколе труп не распадется на части». В.В. Григорьев полагает, что здесь

дело идет о знахарях. Подобное толкование может быть подкреплено рассказом Абу Хамид Андалузи (посетившего Болгарию в XII) об обращении болгар с ведьмами: «Каждые двадцать лет, — говорит этот путешественник¹, — старухи в этой стране заподозриваются в колдовстве, что производит сильное волнение в народе. Тогда собирают старух и, связав им руки и ноги, кидают в большую реку, там протекающую. Которая выплывет, ту считают колдуньей и сжигают; которая же станет тонуть, ту объявляют невинной и освобождают». Наши летописи различают разные роды болгар: волжские, серебряные, или нукратские (по Каме), тимтюзи, черемшанские, хвалисские. В.В. Григорьев предполагает, что подвластные цари, о которых упоминает Ибн-Фадлан, управляли этими отдельными племенами под властью царя болгарского. Доходы царя состояли из податей, собираемых с народа. «Каждый, кто сеет что-нибудь, — говорит Ибн-Фадлан, — берет это себе, царь же ничего не получает из этого, только ему дают по бычачьей кожи с дома; а когда он приказывает отряду отправиться в набег на какую-нибудь страну, то и он получает часть добычи»². Ибн-Даста иначе говорит о доходах болгарского царя³: «Подать царю своему платят они лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть товаров.» «Пища болгаров, — говорит Ибн-Фадлан, — состоит большей частью из проса и конины, хотя в земле их пшеницы и ячменю родится очень много». «Болгары — народ земледельческий, — говорит Ибн-Даста⁴, и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: ячмень, просо и другие». Главным их занятием, впрочем, была торговля: «Хазары ведут торг с болгарами, — говорит Ибн-Даста⁵, — равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Везут к ним товары свои все из них (русов), живущие по обоим берегам упомянутой реки; товары же эти суть меха соболы, горностаевые, беличьи и другие». «Главное их богатство, — говорит тот же писатель — составляет куний мех. Чеканной монеты у них своей нет⁶; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиной (= 45 к). Круглые серебряные

¹ Шармуа: Relation de Mas'oudy, 46—47.

² А.Я. Гаркави «Изв. Мус. инс.», 91. Вспомним, что болгары славились выделкою кож: юфть до сих пор на востоке называется Булгари; Казань и до сих пор славится сафьяном.

³ Гл. 3, § 6.

⁴ Гл. 3, § 4.

⁵ Гл. 3, § 3.

⁶ Д.А. Хвольсон (пр. 41) полагает, что чеканка монеты в Болгарии была делом случайным.

диргемы приходят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары»¹. «Если кто-нибудь из них, — говорит Абу Хамед Андалузи, — ведет торговлю с иностранцами и обанкротится, то продают его жену, детей, жилище и его самого, чтобы удовлетворить претензии иностранца»². Воинские подвиги также не чужды были болгарам: «От земли буртасов, — говорит Ибн-Даста, — до земли болгар три дня пути. Последние производят набеги на первых, грабят их и в плен уводят, болгары ездят верхом, носят кольчуги и употребляют острое оружие»³. Враждебные столкновения болгар с русскими увидим в своем месте.

На юге нынешней России в IX в. владычествовали хазары. Происхождение хазар довольно темно, хотя большинство исследователей считают их тюрками. Достоверные известия о хазарах восходят ко II в. по Р.Х., когда они жили между морями Черным и Каспийским и вели войны с армянами; нашествие гуннов постигло и хазар, которые покорились им. Освободившись от гуннов, хазары начинают славиться своими воинственными подвигами: в VI в. персидский царь Кобад оградил северную границу Ширвана большим валом от нападения хазар, а сын его Хозрой построил стену. С VII в. начинаются более тесные то враждебные, то дружеские сношения хазар с Византийской империей: они помогали Ираклию в войне с персами; в том же веке подчинили они себе болгар и овладели Таврическим полуостровом, где находил у них убежище Юстиниан II, женившийся на сестре кагана; в VII в. вели хазары семидесятилетнюю войну с Калифатом, в которой по большей части терпели неудачи, а между тем на севере власть их усилилась и они подчинили себе в IX в. разные славянские племена: полян, северян, вятичей и радимичей, о чем свидетельствует наш первоначальный летописец; новые выходцы из-под Урала, печенеги, заставили хазар принимать средства обороны: против них, с помощью византийцев, построили хазары Саркел (Белую Вежу). Нападение печенегов, усиление русских князей, в особенности походы Святослава и Мстислава Удалого, разрушили Хазарское государство, но остатки хазар еще долго существовали в Крыму и на Кавказе.

Хазары были народ полуседлый, подобно болгарам. «Зимой местное население, — говорит Ибн-Даст, — живет в городах, с наступлением

¹ Гл. 3, § 7.

² Шармуа, 46.

³ Гл. 3, § 5.

же весны выходит из них в степи, где и остается до приближения зимы»¹. «В месяце нисане (апреле), — пишет хазарский царь, — оставляем мы город, и каждый отправляется в свое поле и огород, который и возделывает, ибо у каждого семейства своя вотчина, в которую он и отправляется весело и радостно... я же с моими вельможами и слугами кочую на пространстве 20 парасангов до великой реки Арзак». Главный город хазар назывался Итиль и стоял близко от того места, где теперь Астрахань. Город этот, по описанию царя хазарского Иосифа, сличенному с арабскими писателями, состоял из трех частей: две — по обоим берегам реки и третья — на острове; в этой последней жил сам царь со своими вельможами и слугами. Народонаселение города было разноплеменное и разноверное вследствие чего хазары для людей каждой веры установили особых судей. «Учреждено семь судей, — говорит Масуди, — два для магометан, два для хазар, которые судят на основании закона Моисеева, два для живущих здесь христиан, которые судят на основании Евангелия, и один для славян, руссов и других язычников, которые судят по законам языческим. Большинство писателей восточных, а согласно с ними и Константин Багрянородный, свидетельствуют, что хотя верховная власть принадлежала кагану, но управляло собственно другое лицо, называемое Пех, вероятно Бег; отношение между Казаном и этим его наместником Д.А. Хвольсон сравнивает с отношением между Сиогуном и Микадо. Что каган имел значение религиозное, видно в особенности из следующего рассказа Масуди: «Когда землю хазар посещает голод, или какое другое бедствие, или теснят чужеземный войска, то собираются знатные и не знатные к царю хазар (т. е. Бегу, который живет во дворце кагана и управляет от его имени) и говорят ему: «Этот каган и его жизнь приносят нам несчастье; мы считаем это за дурное знамение; умертви его или выдай нам, чтобы мы его умертвили»²; следственно, особая милость Божия должна проявляться в кагане. В VIII ст., при царе Булане, каган принял еврейскую веру, но народ оставался разных вер, и после проповеди Кирилла было в Хазарии много христиан. Любопытные подробности о поставлении наместника (Бега) передают арабские писатели: новому наместнику Каган сначала делает увещания, потом накидывает петлю на шею и спрашивает, сколько лет он намерен управлять? Сколько лет он назначит, столько и должен править, иначе его умерщвляют. Ибн-Фадлан, не рассказывая этого обряда, говорит, что его умерщвляют, если он управляет более сорока лет. Любопытно,

¹ Гл. 1, § 4.

² «Ruszl. Vergros.», 201—202.

что подобный же обычай встречается и у других тюркских племен. Каган очень редко показывался народу, и доступ к нему имел только его наместник и некоторые другие вельможи, которые подходили к нему со знаками высочайшего благоговения: наместник приходил к нему босиком, держал в руках лучину и, когда она сгорала, садился рядом с ним; другие, входя в случае крайней необходимости, ложились на землю и не вставали, пока каган не позволит говорить. Он жил в своем дворце, окруженный гаремом: у него было 25 жен и 60 наложниц; если каган приказывал кому-нибудь убить себя, тот исполнял это приказание. При похоронах кагана старались скрыть место его погребения: строили здание из 20 комнат, в одной рыли могилу и потом убивали тех, которые хоронили, чтобы неизвестно было, в которой комнате погребен каган. Проезжая мимо надгробного здания, каждый должен был сойти с коня, поклониться до земли и пройти пешком. Войском предводительствовал Бег¹. Войско это состояло частью из наемников, которые были мусульмане и назывались ларси-ей², а частью из ополчений: «Царь Иша, — говорит Ибн-Даста, — возложил на зажиточных и богатых обязанность поставлять всадников, сколько могут они по количеству имущества и по успешности промыслов своих»; он же делит добычу, лучшее берет себе; он же распоряжается податями. Подати эти состояли из пошлины, взимаемой с проезжих, и из десятины — с товаров, привозимых сухим путем и водой. Подати платились натурой, ибо хазары не знали монеты. Торговля хазар, по свидетельству восточных писателей, была транзитная: товары получались из Руси, Болгарии и отправлялись по Каспийскому морю; драгоценные ткани, шедшие на одежду хазар, получались из Греции и стран Кавказских, и с южного берега Каспийского моря. Таково было это восточное государство, долго владычествовавшее над южной Россией и оставившее память в названиях множества урочищ.

На запад от племен славянских жили племена литовские, прилегая к Балтийскому морю в нынешней Пруссии, Курляндии и частью Лифляндии; сверх того, они населяли губернию Ковенскую, часть Виленской, Сувалкской, Минской и Гродненской. Передовой пост их — голяды — еще в историческое время жил на р. Протве. Теперь нет никакого сомнения в том, что литовское племя принадлежит к арийской семье; оно — по мнению новейших ученых (Шлейхер, Гильфердинг) — отделилось от

¹ Ибн-Даста называет его Иша, но («Изв. Ибн-Дасты», пр. 6) у некоторых тюркских племен ша или ше значит тоже, что Бег — князь ближайший к Кагану.

² «Ibn Forsland's und and. Arab. Berichte», 246.

славянского позднее, чем славянское отделилось от германского, греко-италийского и т. д. Благодаря своему уединенному положению, незначительной исторической роли, которую оно играло, ибо Литовское великое княжество, как увидим в своем месте, было скорее русское, чем литовское, — литовское племя и в языке, и в преданиях, и даже в быту сохранило много первоначальных черт, быть может, общих всему арийскому племени до его разделения. Сначала литовское племя было известно под именем эстов (т. е. восточных); под этим именем знал их Вульфстан, сообщающий любопытные подробности о погребальных обрядах у эстов, о продолжительном времени, пока труп остается не сожженным, о пирах в это время из имущества покойника, о скачках после сожжения трупа, в которых призом служит оставшееся имущество покойника. Из рассказа Вульфстана, упоминающего о королях (т. е., как увидим ниже, старейшинах, вероятно, вроде жупанов), видно, что у литовцев было уже общественное устройство. Адам Бременский описывает пруссов, жителей Самландии. Они, по его словам, помогают потерпевшим крушение или пострадавшим от пиратов; ни за что считают серебро и золото; у них так много мехов, что они меняют их на льняные одежды; в священные рощи и к священным источникам никого не пускают; едят конину и пьют кобылье молоко; живут они за недоступными болотами и не терпят над собой господства. Польский летописец XII в. Мартин Галл сообщает любопытные сведения о пруссах: «Живут они без царя и без закона, ибо земля их так охранена болотами и лесами, как не была бы охранена городами и крепостями»¹. «Туда, в Пруссию, — говорит тот же летописец², — вошел (Болеслав в 1110), воспользовавшись, как мостом, льдом озер и болот, ибо туда нет другого доступа, кроме болот и озер. Вошедши в самую землю, он не оставался на одном месте, не осаждал городов и крепостей, ибо их там нет. Земля их представляет как бы острова, окруженные озерами и болотами; они-то разделены между жителями селений на наследственные участки». Со времен появления тевтонских и ливонских рыцарей сведения о Литве становятся более полными и ясными; самые удовлетворительные из этих сведений принадлежат начальному летописцу ордена, Петру Дюисбургскому³.

¹ Gallus, L. II, с. 47.

² L. III, с. 24 (там же, 478).

³ Глава «de ydololatria et ritu et motibus Pruthenorum» («Script. Rer. Pruthen». I, 54–55). К сожалению, сказания Волынской летописи о мифологии литовской очень темны и ждут еще объяснения.

«У пруссов нет понятия о Боге, — говорит он, — ибо они просты и потому не могут понять разумом, а т. к. у них нет письмен, то и не могут обратиться к писанию: они вначале без меры удивлялись тому, что можно письмом сообщить отсутствующему свои намерения. Так как Бога они не знают, то, по заблуждению, за бога считают всякую тварь, как-то: солнце, луну и звезды, гром, четвероногих, птиц и даже жаб. Есть у них также священные леса, поля и воды, где они не смеют ни рубить деревья, ни пахать, ни ловить рыбы. Было в середине этого развратного народа, т. е. в Падровии, место, называемое Ромов, которого название происходит от Рима, где жил Криве, которого почитают они за папу, ибо как господин наш папа управляет всеобщей церковью верных, так одним знаком или приказом его управлялись не только названные народы, но и летты и другие народы земли Ливонской. Власть его была так велика, что если бы не только он сам или кто-нибудь из его родственников, но даже его посланный с его палкой или другим определенным знаком проходил по земле неверных, то все князья и знатные, и простой народ оказывали ему величайшее почтение. Как в Ветхом Завете, сохраняют они постоянный огонь¹. Пруссy верят в воскресение тела, но не так, как следует, ибо верят, что если кто был в этой жизни знатный или незнатный, богатый или бедный, сильный или слабый, таким восстанет и в будущей жизни; отчего и бывает, что со знатными умершими сожигают оружие, лошадей, рабов и рабынь, одежды, охотничьих собак, хищных птиц и все, что относится до военного быта; с незнатными сжигают то, что относится к их занятию, ибо верят, что все сожженное воскреснет с умершим и будет служить ему, как прежде. После победы приносят жертву своим богам, и те, которые принимали участие в битве, приносят треть добычи названному Криве, который и сожигает все. Теперь летты и другие неверные тех стран сожигают жертвы по своему обычаю в каком-нибудь месте; лошадь, прежде чем сжечь, до того утомляют бегом, что она не держится на ногах. Пруссy редко предпринимают что-нибудь важное, не спросив прежде у богов своих посредством жребия, получают ли благо или зло. Они не заботятся и не заботились о лишних или дорогих одеждах: сегодня разделся, завтра одевается, не обращая внимания на то, что надевает наизнанку. У них нет ни мягкого ложа, ни тонкого обеда. Питье у них — чистая вода, мед и кобылье молоко, которое предварительно освящают; другого питья в древние времена они не знали. Гостям оказыва-

¹ Огонь этот, как полагают, и есть Знич, упоминаемый Длугошем.

ют всякую ласку: нет в доме ни съестного, ни напитка, которого бы они не предложили гостю. По мнению их, если гость не напился пьяный, то нехорошо угощен. Есть у них обычай, по которому в попойках все обязываются пить равно неумеренно, потому, предлагая напиток гостю, ставят условием, что и сами выпьют столько же; такие излияния вина повторяются, пока гость и хозяин, жена и муж, сын и дочь, все не будут пьяны. По старому обычаю, пруссы до сих пор покупают жен за известную сумму денег, почему и служат они, как рабы, не обедают с мужем за одним столом и в известные дни моют ноги домашним и гостям¹. Нищенства между ними не допускается, бедный свободно заходит в каждый дом и без боязни ест, сколько вздумает. Если случится у них убийство, то не может быть никакой сделки, пока родственники убитого не убьют убийцу или его родственников». Далее рассказывает Петр, как пруссы обозначают дни зарубками на дереве или узелками. Таков был простой быт народов литовских, несмотря на то, что еще в XI в. они торговали с Биркой, по свидетельству Адама, снаряжая свои корабли. В общественном устройстве их, насколько мы его знаем из летописей прусских и ливонских, встречается раздельность небольших племен, управляемых своими князьками (ригасами, конунгасами); эта раздельность и погубила их в войне с рыцарями. Немудрено, что при такой простоте жизни, защищенные лесами и болотами, они долее других народов сохранили первоначальные верования; не забудем притом, что лес наиболее развивает в своих жителях суеверие. Отсюда власть криве.

¹ У литовцев существовало многоженство.

Глава II

Варяги-русь: мнения о происхождении варягов Руси. — Деятельность первых князей. — Состояние общества при варяжских князьях. — Принятие христианства. — Влияние христианства и византийской образованности

Варяги-русь: мнения о происхождении варягов Руси

Разрозненные племена славянские и чудские, населяющие теперешнюю территорию Русского государства, соединены были в одно целое властью варяго-русских князей. Составляли ли варяги отдельную народность и если составляли, то внесли ли они в русскую жизнь какой-нибудь новый этнографический элемент? Вот вопросы, над разрешением которых более ста лет трудится русская наука и которые, несмотря на то, что на обсуждение их употреблено столько трудов, остроумия и знаний, до сих пор еще остаются без удовлетворительного ответа. Вопросы эти, несомненно, важны, ибо такой или другой ответ на них изменяет взгляд на всю Древнюю Русь: если варяги были скандинавы, они должны были принести к нам свое скандинавское устройство, свои скандинавские верования, их скандинавский язык должен был оставить ясные следы своего владычества в языке русском. То же надо сказать и о всякой другой народности, если допустить, что варяги, пришедшие к нам, были народом, племенем. Вследствие этого соображения исследователи, отыскивая варягов на западе, на севере и на юге, ищут в русской жизни влияние тех или других народностей. Перечитывая множество сочинений о варяжском вопросе, невольно припоминаешь слова Длугоша, сказанные еще в XV в.: «Разногласие писателей о происхождении русских более затемнило, чем разъяснило это происхождение». Это разнообразие пробуют согласить тем, что варяги не были особым племенем, а дружинами, набираемыми из разных прибалтийских племен, и, следовательно, не принесли к нам никакого этнографического элемента. Этим объясняется и то обстоятельство, что варяги скоро распустились, так сказать, в славянском элементе. Это последнее мнение, однако, пока еще нельзя считать вполне признанным, и потому следует изложить главное основание всех важнейших мнений. В настоящее время исследователи распадаются на три главные школы: одни защищают происхождение варягов из Скандинавии, другие ведут их с поморья славянского, третьи видят в них сбродную дружину.

По времени появления первым ученым мнением о происхождении варягов было то, которое ведет их из Скандинавии. Один из первых академиков — Т.С. Байер — высказал это мнение. Байер не считал варягов Руси за какое-либо из скандинавских племен и не отыскивал места их жительства. «Я утверждаю, — говорит он, — что варяги русских писателей были благородные люди из Скандинавии и Дании, союзники на войне и наемные воины русских, спутники князей, стражи границ, употребляемые и в делах гражданских. От них потом все вообще шведы, готы, норвежцы и датчане назвались варягами»¹. Байер первый высказал главнейшие из тех доказательств норманнского происхождения варягов, которые до сих пор употребляются последователями скандинавской теории, подкрепляемые или другими второстепенными доказательствами, или новыми, более тщательными и точными исследованиями. Перечислим существеннейшие из доказательств Байера. Он указывает на знаменитое место Вертинских летописей, где под 837 г. рассказывается, что император Феофил прислал своих послов к императору Людовику Благочестивому и с ними каких-то людей, которые себя называли рос, а своего короля каганом; возвращаться домой им было трудно, ибо приходилось ехать через земли варварских народов. Людовик, тщательно расследовав, кто были эти пришельцы, узнал, что они шведы. Это известие до сих пор представляет еще непреодолимые трудности для исследователя; всего вероятнее, что эти шведы служили у какого-нибудь наместника каганова между русами киевскими, как полагает С.А. Геденов, если даже не допустим, что Аскольд и Дир основали особый каганат русский. Байер первый обратил внимание на то, что многие имена князей русских и их дружинников звучат по-скандинавски; новая критика подвергла этот вопрос многостороннему обсуждению, в результате которого оказывается, что, даже отвергнув увлечения скандинавской школы, нельзя не признать того факта, что имен скандинавских встречается весьма много на первых страницах русской летописи; Байер обратил также внимание на название порогов Днепровских, сообщенных Константином Багрянородным. Известно, что, по словам Константина, пороги имели двоякое название: одно — славянское, другое — русское. После продолжительных изысканий исследователи должны были согласиться в том, что если не все названия порогов объяснимы из языка скандинавов, то по крайней мере четыре иначе трудно объяснимы. Ва-

¹ «Com. Ac. Petr.» IV, 280.

рягов Байер сближает с греческими Βάραγγοι и Vaerringiar Снорри, наемная гвардия византийских императоров. Остальные доказательства, приводимые Байером, имеют более или менее второстепенное значение. После Байера представители скандинавского воззрения вооружились средствами новой науки для доказательства мнений, высказанных или намеченных Байером: употреблены в дело русские летописи (Шлецером)¹, представлены сближения права скандинавского с Русской Правдой (Струбе де Пирмонд), в особенности важно приложение филологии к этому вопросу А.А. Куника, призваны на помощь арабы (Френон), но новых доводов почти не найдено. Самый важный из вновь указанных источников — свидетельство Ахмед Эль Катиба (писателя IX) о нападении русов на Севилью в 844²; как ни важно это свидетельство, но пока не будет основательно опровергнуто возражение С.А. Геденова, что это название Руси заимствовано от приволжских мусульман, до тех пор оно не имеет решительного значения. Байер не искал того места Скандинавии, где жили варяго-русы, но его последователи выводили русь из всех углов скандинавского мира; из указаний местожительства русов наиболее упорно держится мнение, высказанное Шлецером, что они пришли из Швеции; мнение свое Шлецер подтверждает финским названием шведов (Bootzi) и существованием на берегах Швеции общины гребцов (Bodslagen); едва ли, впрочем, название народа происходит от общины гребцов, и еще неизвестно, точно ли финское слово не имеет другого происхождения. Как-то странно допустить, чтобы скандинавы сами называли себя именем, данным им финнами. Защитники скандинавского происхождения варягов Руси ищут главного подкрепления себе не столько в исследованиях филологических, сколько в сличениях

¹ Важнейшие места летописи: «По сему же морю (Варяжскому) сядят Варязи семо на востоку до предела Симова, по тому же морю сядят к западу до земле Агиянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, Свен, Урмяне, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немци, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочии; даже присядят от запада к полуденю и сседяться с племенем Хоровым» (П. С. Р. Л. I, 2). «Идоша за море к Варягам к Руси. Сице бос я зваху тые Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе; тако и си» (там же, 8) припомним то, что говорено в Введении о составе «Пов. Вр. лет».

² Сообщено Френом в «Bull. de l'Acad.», 1838, t. IV, сл. А.А. Кунина: «Beruf.» II, 285—320. «В этот город Севилью вошли язычники (маджус), которых называют Рус, в 229 (—843—4) году, и пленяли, и грабили, и жгли, и умерщвляли». А.Я. Гаркави: «Сказ. Мус. писателей о Слав. и Русс.», 63. СПб., 1870. Автор полагает, что слова: «Которых называют Рус», вставка; А.А. Куник (там же, 305) полагает, что Ахмед перенес на предшествующее время название ему современное. Словом, ни в каком случае это свидетельство ничего не говорит в пользу норманства Руси.

быта юридического и религиозных воззрений; из этих сличений вслед за Шлецером делают они тот вывод, что в Древней Руси все было скандинавское, и религия и быт общественный и юридический. До сих пор по этому вопросу еще не было сделано полного исследования, соответствующего требованиям современной науки, учащей отличать коренное сродство от заимствований и определять сами эпохи заимствований, но, кроме этих сходств, могут быть еще другие чисто случайные: чертами сходства народного могут быть иногда по недоразумению сочтены общечеловеческие черты, свидетельствующие о той или другой степени цивилизации, а вовсе не о заимствовании, — так что этот вопрос потребует еще много труда и знаний, прежде чем можно будет считать его законченным; он потребует несомненного определения не только факта сходства, даже и заимствования, но и определения пути, которым заимствование могло быть сделано, определения эпохи, когда заимствование совершилось, и т. д.

С XVIII в. рядом с защитниками скандинавского происхождения варягов стоят защитники происхождения их от славян. Первым представителем этого мнения был великий Ломоносов, выведивший славян из Пруссии, население которой он считает славянским. Труды славянской школы опровергли не все доказательства, выставленные школой скандинавской, но над многим заставили задуматься и многое пересмотреть вновь; главной заслугой этой школы нельзя не считать того, что она отделяет Русь от варягов и считает Русь исконным названием Руси Южной, что очень хорошо объясняет постоянное сохранение имени Руси за Русью Киевской. «Поеха муж русскыи обьймав вся волости», — говорит Володимирко о киевском боярине Петре¹. Этим же объясняется и то обстоятельство, что арабы знают Русь, как народ многочисленный, а также и то, что Фотий говорит о руссах 866 г. как о народе известном, хотя и не считавшемся важным у византийцев. Этим же объясняется известное по житию Стефана Сурожского нападение какого-то русского князя на Сурож. К сожалению, филологические их доказательства малоубедительны: так наука не понимает ни их производства слова варяг², ни многих из их объяснений имен князей и дружинников.

¹ П. С. Р. Л. II, 72. «Прииде из Руси», «Поиде в Русь» постоянно употребляются в смысле: пришел в Киевскую область и пошел из нее.

² С. А. Геденов производит слово это от древанского Варанг, но это винительный падеж: окончанием *ang* составитель словаря передал *ж* (польское *ą*).

С.М. Соловьев высказывает то мнение, что варяги, собственно, не народ, а дружина, состоявшая из разноплеменного сброда с преобладанием скандинавов. В.И. Ламанский и М.П. Погодин указывают на свидетельство Гельмольда, которое вполне подтверждает это мнение: «Маркоманами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция; имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян»¹. В.И. Ламанский не без основания указывает также на то, что славяне находились в тесных сношениях с норманнами и участвовали в разных их походах, из чего, кажется, следует вывести, что, ходя с ними в далекие страны, они могли пройти и на Русь. Из того, что во главе дружины стоял норманнский конунг, незачем заключать, что вся дружина была норманнская, а тем более выводить от норманнов все учреждения Русской земли. Если бы к нам пришло племя, а не дружина, то как же случилось, что внук Рюрика носит славянское имя, а правнук его Красное Солнышко, ласковый князь Володимир, идеал славянского князя? Это тем страннее, что в первое время не прерывалась связь с варягами и они постоянно на службе киевских князей. Осталось одно: осталось допустить, что дружина была разноплеменная и потому не внесла какого-либо племенного начала, а внесла только связь между разрозненными племенами — связь, состоящую в единстве власти, представляемой князьями, имеющими право суда и сбора дани и передающими по произволу часть этих прав своим дружинникам, лицам, чуждым местному населению и тяготеющим к предводителю дружины — князю.

Деятельность первых князей

В 859 г., по сказанию нашего первоначального летописца, пришли варяги из-за моря и наложили дань на чудь, словен (ильменских), на мерю, на весь и на кривичей; а в то же время хазары брали дань с полян, северян и вятичей². Год, означаемый этим сказанием, поставлен приблизительно, но здесь для нас важен не год, а важно указание факта, что на север делались нападения балтийских дружин и, вероятно, частые, ибо здесь, очевидно, имеется в виду только то нападение, за которым после-

¹ Л. I, с. 67. В другом месте Гельмольд говорит: «Redeunte ergo Duce et comite praefixum est colloquium provinciae omnibus marcomanis tam Teutonicis quam Slavis». Л. I, с. 86.

² П. С. Р. Л. I, 8.

довало изгнание варягов и которое предшествовало призванию Рюриковой дружины; с другой стороны, одновременное покорение этих племен и одновременное изгнание от них варягов свидетельствует, что племена эти находились между собой в какой-то связи, как бы составляли один союз. Отсюда понятна возможность дальнейшего факта, рассказываемого летописцем: наскучив внутренними раздорами, те же племена отправили к варягам Руси послов с известными словами: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да пойдете княжить и володети нами». На этот призыв, как известно, согласились три брата: Рюрик, Синеус и Трувор, и в 862 г. (год опять приблизительный) пришли княжить к призвавшим их племенам. В факте призвания нет ничего особенно странного и нет причины отвергать его: известно, что, по сказанию Видукинда, бритты почти с подобными же словами обратились к Генгисту и Горзе; тот же факт представляют нам позднейшие новгородцы. Во внутренних спорах, по справедливому заключению С.М. Соловьева, нужен посторонний, третий. Такими посторонними лицами и были для призывающих племен варяжские князья. Рюрик поселяется в Ладоге, Синеус — на Белоозере, Трувор — в Изборске, на трех границах призвавшего их союза племен: на северной — Рюрик; на северо-восточной — Синеус и вблизи южной — Трувор, ибо южные кривичи, как мы знаем из дальнейшего хода событий, не принадлежали к союзу призвавших племен. К сожалению, мы ничего не знаем о взаимных отношениях трех призванных братьев; едва ли не следует допустить, что они были совершенно независимы друг от друга. Когда умерли братья (864), Рюрик начал раздавать мужам своим грады: одному — Полоцк, другому — Ростов, третьему — Белоозеро, а сам переселился в Новгород и срубил город над Волховым (вероятно, на месте, до сих пор называемом Городищем, где впоследствии почти постоянно жили князья новгородские). Подобная раздача городов повторяется позднее князьями варяжскими: важнейшим членам своей дружины уступают они часть своих прав — суда и сбора дани с некоторых волостей; это право шло на содержание самого мужа и его дружины (мы увидим, что у таких мужей была своя дружина). К этой раздаче летопись приурочивает¹ предание о том, что двое из мужей Рюриковых, Аскольд и Дир, недовольные тем, что не получили городов в управление, ушли на службу в Цареград и по дороге заняли Киев. Мы уже говорили о том, что самый вопрос о национальности Аскольда и Дира еще далеко нельзя счи-

¹ П. С. Р. Л. I, 9.

тать решенным; происхождение же предания об их принадлежности к дружине Рюрика едва ли не объясняется желанием составителя «Повести временных лет» (т. е. собственно повести) связать север с югом с самого начала и придать законность занятию Киева Олегом. Как бы то ни было, почти в одно и то же время начинается государство на юге и на севере России. Не знаем, следует ли давать веру тому известию, что в Полоцке сидел муж Рюриков, когда мы знаем, что по смерти Святослава здесь был совершенно независимый владетель Рогволод; допустил ли бы Святослав утвердиться кому-либо в городе, подчинившемся его деду? Впрочем, другой княжеский род мог утвердиться там и при Игоре; отчего же однако ни при Игоре, ни после него никто не утвердился в Новгороде? Если сказать, что киевские князья дорожили великим водным путем, то едва ли Двинский путь был менее важен: позднее мы знаем, что он был очень важен для Смоленска. Киевские князья, по свидетельству византийцев, подчиняют себе окрестные народы и в 865 г. предпринимают поход на Константинополь, который оканчивается неудачей¹; после чего принимают к себе епископа; тогда-то, кажется, крестился один из князей, если не оба². По позднейшим летописям, сообщающим довольно вероятное предание, к ним бежали из Новгорода недовольные Рюриком, которые под предводительством какого-то Вадима хотели было изгнать его из Новгорода, но Рюрик одолел их³. Рюрик умер в 879 г., оставив малолетнего сына на руках родственника своего Олега, который сделался князем.

Олег (879—912) недолго пробыл в Новгороде; он спустился по Великому водному пути, завладел Смоленском и Любечем и, посадив в этих городах своих мужей, взял обманом Киев (882). В продолжение пятнадцати лет он занимался покорением окрестных племен: древлян, северян, радимичей, угличей и тиверцов — покорить эти два последние племена ему, кажется, не удалось⁴. Тогда он уставил размер дани с разных племен, причем новгородцам положено было платить варягам по 300 гривен на

¹ «Четыре беседы Фотия», в особенности 2-я; причиной нападения Фотий выставляет убийство в Константинополе нескольких россов. Muralt (там же); П. С. Р. Л. I, 9 сл. Амартола, 736—737 (изд. в «Зап. II отд. ак. наук» VI).

² Говорю один потому, что над одним (Аскольдом) построена церковь П. С. Р. Л. I. 10.

³ П. С. Р. Л. IX, 9.

⁴ «С Уличи и Тиверцы имяше рать» П. С. Р. Л. I, 10; хотя ниже под 6415 и поминаются тиверцы «яже суть Толковины» (т. е. кочевники, см.: С. П. Микуцкого в «Изв. II, отд. Ак. наук» II, 32), но известно, что окончательно покорил тиверцов Свинельд (П. С. Р. Л. V, 97); разумеется, можно сказать, что и древляне еще не совсем покорились при Игоре; но древляне очевидно возмутились, а что касается до тиверцов, то второе упоминание их может быть даже и вставка. Заметим впрочем, что и с радимичами воюет Владимир.

лето, мира деля; каким варягам, с точностью неизвестно, но по соображению с другим местом летописи: «уроком дающе Киеву две тысячи гривен от году до году, а тысячу Новгороде гридям раздаваху»¹, можно думать, что здесь разумеются варяги, находящиеся на службе киевских князей. В те же годы Олег занимался строением городов, вероятно, для охранения своей границы от восточных кочевников, из которых мадьяры прошли при нем близ Киева, а печенеги, племя тюркское, тогда, кажется, утвердились в степях приднепровских². В 907 г. Олег отправился в свой знаменитый поход к Цареграду, поэтические предания о котором вошли в летопись. Результатом похода были два договора — древнейшие памятники Русского права³. В 912 г. Олег умер. Олег связал Новгород с Киевом, показал путь к Цареграду, определил отношения покоренных племен к князю, оградил границу городами; предание закрепило за ним прозвание Вещего. Подвиги его были предметом песен, которых остов сохранился нам в сказаниях летописца о его походе на Цареград и о его смерти. Таким образом, ясно, что Олег был одной из тех личностей, которые, являясь в начале истории каждого народа, намечают ему границы, указывают задачи, надолго определяют политический строй.

Игорь (912—945), сын Рюриков, начавший княжить после Олега, снова покорил древлян, а воевода его Свинельд покорил угличей и взял их город Пересечен, за что и получил их землю в управление. При нем печенеги сделали первое нападение на Русскую землю. Игорь предпринимал два похода на Грецию: один неудачный (941), когда суда его были сожжены греческим огнем, и другой в 944 г., когда греки предложили ему окуп. Следствием этого похода был новый договор с Византией, выгодный менее Олегова. В 945 г. Игорь погиб в земле древлянской, куда ходил собирать дань; собравши раз, он захотел походить еще раз; древляне согласились и убили его. При Игоре русы два раза пустошили берега Каспийского моря.

По смерти Игоря, за малолетством Святослава, правила жена Игоря Ольга, псковитянка родом (945—957). Она исполнила священную обязанность: отомстила за мужа. Месть ее, украшенная поэтической фантазией, подробно рассказывается в летописи со всей своей эпической обстановкой — ясно, что она сильно поразила воображение современников и доставила Ольге почет и уважение: «Яже бе мудрейши всех

¹ П. С. Р. Л. I, 56.

² О печенегах мы, к сожалению, знаем очень мало.

³ О договорах см. ниже.

человек», — говорят о ней бояре Володимира¹. Исполнив долг жены, Ольга занялась точнейшим определением отношений князя к покоренным племенам, т. к. причиной смерти Игоря были его чрезмерные требования: она устала от уставов и уроков в земле древлянской (то есть определила дань и натуральные повинности); потом пошла в Новгород и здесь по Мете устроила погосты (центры волостей) и дани, а по Луге — дани и оброки². Памятники ее пребывания: ловища, перевесища (места, где устраивались перевесы — силки для птиц), сани и пр., указывались еще во времена летописца³. Окончив устройство своей земли, Ольга поехала в Константинополь и, по свидетельству летописца, крестилась там (957)⁴. Здесь летописец передает очень характеристическое предание о том, как она отклонила сватовство императора, убедив его быть крестным отцом и потом сказав ему, что крестные отцы по закону не могут жениться на своих крестных детях. Этот рассказ показывает уважение к уму Ольги: ум состоял для людей того века преимущественно в хитрости.

Святослав (957—972) был чистый дружинник по своему характеру: он — по свидетельству летописца — не возил за собой обоза, не брал котла, а, изрезав мясо на ломти (любопытно, что он ел, между прочим, конину), жарил его на углях; шатра у него также не было, а спал на потнике, подложив под голову седло. Вся жизнь его прошла в войнах: в 964 г. пошел он на Оку против вятичей, потом Волгой проник в землю болгар, от туда пошел на хазар, разбил самого кагана, проник на Кавказ и победил ясов и касогов. Возвратясь в Киев в 967 г., Святослав был вызван императором Никифором Фокой против болгар дунайских и завладел их землей. Между тем нашествие печенегов заставило его возвратиться в Киев, но здесь он не хотел остаться; похоронив мать и раздав земли сыновьям: Ярополку — Киев, Олегу — землю древлянскую, Володимиру — Новгород, снова возвратился в Болгарию. Здесь его встретил новый император — Иоанн Цимисхий. Сначала Святослав побеждал, даже проник

¹ П. С. Р. Л. I, 46.

² Оброк, по вероятному мнению С.М. Соловьева «обязанность племен содержать князя и дружину во время полюдья». «Ист. России» I, 13.

³ П. С. Р. Л. I, 25.

⁴ В летописи год 6463—955; но год назначается по Византийцам (Muralt: «Chron.» 529, а также Евгения Булгара: «Ист. розыск. о врем. крещ. Ольги». СПб., 1792). Есть еще другая трудность: Константин не говорит о крещении Ольги, а только приеме сл: De Cerem. II, 15. Следственно, можно предположить, что она крестилась уже в Киеве, что тем более возможно, что с нею был ее духовник Григорий. Пр. Евгений разрешает дело тем, что Константину незачем было говорить о крещении, ибо он рассказывал только о церемониях двора («Ист. Раз.» 61); на этом едва ли можно успокоиться.

в пределы империи, но скоро Цимисхий принудил его возвратиться в Болгарию. По недостатку войска Святослав в 971 г. заключил мир с греками¹, а в 972 г. убит на возвратном пути в порогах Днепровских печенегами.

Ярополк (972–980) посажен был в Киеве еще отцом. На третий год после смерти Святослава между сыновьями его возникли распри: Олег убил на охоте сына Свинельдова Люта, быть может, за то, что он охотился в заповедном княжеском лесу. Свинельд возбудил против него Ярополка, началась война, Олег убит; Володимир, услышав о смерти брата, бежал за море; Ярополк начал один владеть Русской землей. В 984 г. возвратился Володимир с варягами, пошел на Ярополка, дорогой овладел Полоцком за то, что княжна Рогнеда, дочь Рогволода, предпочла Ярополка ему, женился на Рогнеде, убив ее отца и братьев; потом, через посредство изменника Блуда, овладел Киевом и убил Ярополка.

Вокняжась в Киеве, Володимир (980–1015) начал ставить идолов; это повело к тому не лишенному вероятия предположению, что Володимира поддерживали язычники, недовольные Ярополком, который как воспитанник Олега был склонен к христианству². Начальные годы Володимирова княжения прошли в военных подвигах: он овладел городами червенскими (нынешней Галичиной), снова покори́л радимичей, ходил на камских болгар, победил ятвягов, а в 988 г. принял христианство во время похода на греческий город Херсон (Корсунь наших летописей). Возвратясь в Киев, он крестил свою семью и киевлян; затем рассадил сыновей своих по городам: Вышеслава — в Новгороде (по смерти его туда переведен из Ростова Ярослав), Святополка — в Турове, Изяслава — в Полоцке, Бориса — в Ростове, Глеба — в Муроме, Святослава — в земле древлянской, Всеволода — во Владимире Волынском, Мстислава — в Тмутаракани³, Станислава — в Смоленске, Судислава — во Пскове⁴.

¹ О войне Святослава с греками см. кроме летописи «Ист. Льва диакона». СПб., 1820 (перевод Д. Попова), также: А. Д. Черткова «Описание войны В. Кн. Святослава Игоревича». М., 1843 (а также в «Русс. Ист. Сборн.», т. VI).

² «Ист. России» I, 169–170. Так называемого Иоакима, на которого ссылается в этом месте С. М. Соловьев, едва ли можно считать достоверным источником и потому мы имеем право считать эту мысль правдоподобной догадкой самого историка.

³ Полагают, что Тмутаракань приобретена только Святославом, но соображая известия арабов о руссах на островах, едва ли не следует признать ее давним поселением руссов (см.: И. И. Срезневского «Русское население степей и поморья в XI–XIV вв.» в «Изв. II отд. Ак. Наук», т. VIII, ст. 314).

⁴ П. С. Р. Л. I, 52; V, 120; о Позвизде говорится в некоторых списках (Арх.), что Володимир его оставил при себе.

С князьями поехало по городам и духовенство — ставить храмы, сокрушать идолов, крестить народ. Летописец представляет Володимира совершенно изменившимся в конце его княжения: ласковость и пиры его летописец относит к этой поре и туда же ставит и его милосердие к нищим; в последнем нельзя не видеть христианского влияния; но первое равно принадлежит и языческой эпохе. Киев украсил Володимир Десятинным храмом, первым замечательным зданием Русской земли (989). В последние годы Володимир предпринял только поход на хорватов; зато Русь часто терпела при нем от набегов печенежских, память о которых сохранилась в поэтических сказаниях, вошедших в летопись: о борьбе русского богатыря с печенегом¹, об избавлении Белгорода хитростью одного старца². Володимир умер в 1015 г., готовясь к походу на Новгород, где сын его Ярослав отказался платить дань в 300 гривен, установленную Олегом. Смертью Володимира закончился период варяжский, наметивший надолго грани Русской земли и связавший внешней связью отдельные племена; Володимир же дал и внутреннюю связь — христианство³.

По смерти Володимира старшим между сыновьями его был Святополк (1015—1019). Он и занял стол Киевский. Память Святополка перешла в потомство запятнанной смертью братьев: Бориса, Глеба и Святослава, в особенности первых двух⁴, в которых Древняя Русь видела своих святых заступников, которые в эпоху княжеских смут постоянно ставились в пример братолюбия; к причинам нелюбви к Святополку относится и его связь с Болеславом польским, за которую еще при Володимире он сидел в тюрьме. Мстителем за братьев явился Ярослав Новгородский, изгнавший Святополка. Святополк возвратился в Киев с помощью Болеслава⁵. Болеслав, обиженный избиением поляков, оставил его; тогда Ярослав снова пошел на Святополка и разбил его на Альте (1019); после чего Святополк бежал и умер на пути.

Ярослав (1019—1054) — один из любимейших князей Древней Руси: летописец хвалит его за любовь к книгам⁶; при нем Киев и Новгород

¹ П. С. Р. Л. I, 53.

² Там же, 54—55.

³ Дальнейшие события рассказываются здесь потому, что удельный период в собственном смысле начинается после Ярослава.

⁴ «Сказ. о св. Борисе и Глебе».

⁵ Война Святополка с Ярославом, кроме летописи, описана у Титмара (L. VIII, с. 16), сюда же относят и сагу Эймундову, переведенную Сенковским («Соч.», т. V, и тоже Библ. для Чт. 1834, № 1).

⁶ П. С. Р. Л. I, 65.

украшены великолепными соборами: Софийскими, а Киев — и другими зданиями; от него ведет начало сборник законов, известный под именем «Русской правды»; новгородцы ему приписывают льготные грамоты, которые не дошли до нас. Вначале пришлось ему бороться с племянником своим, Брячиславом Полоцким, который нападал на Новгород; Ярославу удалось его смирить. Другим более опасным соперником его был князь тмутараканский Мстислав, потребовавший части в том, что осталось после братьев. Битва между ними произошла у Листвина (близ Чернигова); Ярослав был побежден, и братья поделили Русскую землю Днепром: правая — Ярославу, левая — Мстиславу. Это совместное владение продолжалось до смерти Мстислава (1036). Посадив в темницу (поруб) последнего брата Судислава, Ярослав остался без соперников: только Полоцкое княжество было независимо от него. При Ярославе был последний и неудачный поход на Грецию, в который ходил сын его Володимир (1042), зато он возвратил города червенские и в земле Чуди построил город, который назвал Юрьев, по своему христианскому имени (Георгий). Умирая, он разделил землю Русскую между пятью своими сыновьями (старший Володимир, предок знаменитых Ростиславичей Галицких, умер еще при его жизни): Изяславу — Киев, Новгород и Туров, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск, Игорю — Владимир Волынский. Завещание Ярослава, по которому князья должны слушаться старшего, как отца, и не отымать друг у друга владений, послужило основанием права в период удельный, но, к сожалению, только идеальным, нарушать его начали уже сыновья Ярослава¹.

Состояние общества при варяжских князьях

Князья варяжские, поселившись среди разрозненных славянских и финских племен, положили основание внешнему единству Русской земли не только тем, что они наметили ее границы, но и тем, что создали общие интересы, до известной степени связавшие все ее части. Таким образом, недаром с утверждения варяжских князей начинается новый период, не только во внешней истории России, но и во внутреннем развитии населяющих ее племен: до тех пор их интересы были разрознены: род вставал на род и не было правды, т. е. не было ни такого установления, ни таких начал, которыми могла быть решена междуплеменная распря без обращения к последнему средству — суду Божию, т. е. войне.

¹ П. С. Р. Л. I, 67–70.

Теперь явилось такое установление в лице князя. Князь стоял выше всех племенных распрей: он не принадлежал ни одному племени в частности, а был князем всей Русской земли. Эта центральность его положения создавалась, конечно, не сознанием государственного значения его власти, а с одной стороны, практической необходимостью иметь посредником постороннее лицо, а с другой — тем обстоятельством, что князь сам, предводитель дружины, стоял вне каждого из племен в отдельности, вне всяких связей с отдельными общинами. Эта отдельность князя особенно сильно чувствуется в первое время, когда самая дружина набиралась более из пришельцев. Сам князь более связывал себя с дружиной, чем с землей: занял Олег Киев и основался здесь, сказав: «Се буди мати градом русским»¹. Святослав, задумав переселиться в Переяславец на Дунае, говорит прямо: «То есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся»². В отношении населения князь был судьей и охранителем: за суд он получал вознаграждение в вирах, продажах, а на издержки охранения шли дани. Администрацию того времени так изображает Константин Багрянородный: «Когда наступит ноябрь месяц, князья со всеми русами³, оставив Киев, отправляются на полюдье, так называется гира⁴, в славянские земли вервян (вероятно, древлян), друговитан (вероятно, дряговичей), кривичей, сервов (сербов, по Шафарику, скорее северян) и других славян, платящих дань Руси. Проведши там зиму, когда вскрыется Днепр, возвращаются в Киев в апреле месяце»⁵. Наши известия подтверждают этот рассказ: «Дружина Игоря, — рассказывает первоначальная летопись, — сказала ему: «Отроки Свинельдовы убрались оружием и одеждой, а мы наги; поиди князь за данью, чтобы и ты добыл, и мы». Послушался их Игорь, пошел за данью к древлянам и, увеличивая прежнюю дань, начал со своими мужами притеснять их. Взяв дань, пошел в Киев, но по дороге, передумав, сказал дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь, похожу еще». Отпустя дружину домой, возвратился с малым числом, желая получить больше. Услыхали древляне, что опять идет, сговорились с князем своим Малом: «Поведится волк ходить к овцам, перетаскает все стадо, если не убить его, так и теперь: не убить его, всех нас погубит»; потом послали сказать Игорю: «За чем

¹ П. С. Р. Л. I, 10.

² П. С. Р. Л. I, 28.

³ Т. е. с дружиной.

⁴ Полюдье долго употреблялось в Русской земле: «Родися Юрью сын Дмитрий: бе тогда в полюдье на рече Яхроме». Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 8).

⁵ «De adm. Imperio». Cap. 9.

идешь? Всю дань взял». Не послушался их Игорь, и вышли древляне из Коростена и убили Игоря и дружинного, ибо она была немногочисленна»¹. Этот любопытный рассказ чрезвычайно живо переносит нас в ту эпоху; дружина зовет князя идти в дань, чтобы покормиться: и ты добудеши, и мы; князь идет во второй раз с малой дружиной за тем, чтобы делиться с меньшим числом лиц. Дань, стало быть, составляла общий доход князя и дружины; это подтверждается установленной Олегом данью с Новгорода: «Устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето мира деля»². Сомнение о том, какие варяги здесь разумеются, решается другим местом той же летописи об Ярославле³: «уроком дающе Киеву две тысячи гривен от года до года, а тысячу Новгороде гридем раздаваху». Стало быть, эти варяги были члены княжеской дружины, жившие отчасти в Киеве при князе, отчасти оставленные в Новгороде при тамошних посадниках или князьях (Владимире, Ярославе), когда в Новгороде сидел князь⁴. Переезды князей по своей земле был обычай общий средним векам: так мы знаем, что польские князья объезжали свои области, и Болеслав Храбрый, чтобы не отягощать жителей своим объездом, построил города. Известно также, что германский король содержался со всем своим двором на счет того герцогства, в котором имел временное пребывание, что и было причиной знаменитой ссоры саксов с Генрихом IV. Следовательно, администрация князей варяжских есть явление более или менее общее. Размер дани для каждого племени определял князь: Олег назначил древлянам платить по черной кунице от дыма (т. е. очага, дома), а с радимичей по щелягу с рала (плуг). Ольга, победив древлян, возложила на них «дань тяжку», из которых две части шли Киеву, а третья Вышегороду, городу Ольгину, т. е. на содержание киевской и вышегородской дружины. Затем поехала она в Новгород, устаивая по Мете погосты⁵ и дани; по Луге — оброки и дани. Разница между данью и оброком неясна: мы не можем допустить того толкования, что дань временная, а оброк, или уклад, постоянный, ибо если допустим это, то должны

¹ П. С. Р. Л. I, 25.

² П. С. Р. Л. I, 10.

³ П. С. Р. Л. I, 56.

⁴ Посадники были и в эту эпоху: «Ярополк посадники свое посади в Новгороде». П. С. Р. Л. I, 32; «тако даяху посадницы новгородские», там же, 56. Посадник скорее от посадить, чем от посада, как полагает С. М. Соловьев в «Отнош. Новг. к В. Кн.».

⁵ Ошибка Лавр. (П. С. Р. Л. I, 25) погост не иначе может идти в счет, как если предположить, что надо читать повозы, о которых не упоминается; но так как ни один из списков не позволяет нам такого чтения, то на нем и останавливаться нечего.

познать, что некоторые местности, в которых не упоминается дани, не вносили ничего постоянного в княжескую казну; этого допустить нельзя: вернее мнение С.М. Соловьева, что оброк есть обязанность содержать князя во время его приезда. Повоз поминается по случаю покорения радимичей Володимиром¹. Повозом называется обязанность доставлять сборы натурой; С.М. Соловьев очень основательно видит в повозе сильное средство объединения племен². Устройство даней не заключало в себе всей деятельности Ольги: рядом с устройством финансовых отношений народа к князю она занялась устройством собственного хозяйства князя. Черта, характерная для того состояния общества, в котором жила Ольга; она устроила хозяйства сел (поминаются тут же ее места и села), она же устроила княжескую охоту, которая была тогда не только забавой, но и статьей хозяйства: летописец поминает ее ловища и перевесища (последнее слово объясняем позднейшими памятниками в смысле места, где расставлялись силки для ловли зверей и птиц)³. О суде мы находим любопытные известия у Ибн-Даста: «Когда кто из них (русских) имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, пред которым и препираются; когда царь произносит приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя (т. е. князя) недовольны, то по его приказанию должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх; на борьбу эту родственники (обеих сторон) приходят вооруженными и становятся. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побежденного, чего хочет»⁴.

Власть эту князь или сохранял в своих руках или делился ей с членами своей дружины: боярами, мужами. Рюрик роздал города своим мужам: одному — Полоцк, другому — Ростов, третьему — Белоозеро⁵. Олег посадил своих мужей в Смоленске и в Любиче⁶. Игорь отдал Свинельду

¹ П. С. Р. Л. I, 36.

² «Ист. России» I, 239.

³ См.: «Словарь церковн. слав. и русск. языка». СПб., 1868. Не могу принять мнение И.И. Срезневского: «Чт. о др. русс. лет.» 42, что перевесища — торговые весы, ибо тогда летописец говорил бы о весах не по Днепру и Десне, а где-нибудь у городов.

⁴ Гл. VI, § 8.

⁵ П. С. Р. Л. I, 9.

⁶ П. С. Р. Л. I, 10. Юристы-историки отыскивают в словах посади и раздая разницу в самых понятиях, отличие феода от простого наместничества. Едва ли можно искать этих тонкостей в рассказе даже не современника, если и допустить, что они были созданы в обществе. И то и другое выражение, по моему мнению, значит одно: князь назначает на содержание своему боярину известный доход (виры и дани) с известной местности, а тот собирает их, как знает.

дань с угличей и древлян¹; неизвестно поручал ли он ему постоянное управление этими племенами? Вероятно, нет, ибо у древлян встречаем особого князя Мала. Дань эта шла на содержание дружины боярина: «Отроцы Свинельжи изоделися суть оружием и порты», — говорит дружина Игорева, зовя его за данью к древлянам. Уклады, которые взял Олег у греков на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк и Любечь, шли таким мужам, сидевшим со своей дружиной по городам. Договор Олега с греками заключен не только от одного его имени, но и от имени светлых бояр, «иже суть под рукой его»²; договор Игоря заключен от имени Игоря и «от всякого князья и от всех людей русские земли»³. Эти светлые бояре и эти князья (княжье — слово собирательное) и были мужи, сидевшие по городам⁴.

Таким образом, старшие члены княжеской дружины были бояре⁵. Быть боярином можно было не исходя от княжеского или какого другого знатного рода: Владимир сделал великим мужем сына кожевника, победившего печенежского богатыря⁶; Добрыня, брат матери Владимира, рабы Ольгиной Малуши, тоже, вероятно, не происходил от знатного рода. Кроме бояр, к дружине принадлежали еще гриди⁷; с ними связана княжеская гридница. Вероятно, они жили постоянно при князе и к ним должен относиться рассказ первоначального летописца о том, как дружина Володимирова возроптала на то, что ей за обедом подают деревянные ложки, вследствие чего князь велел искать серебряные, прибавив: «Серебром и златом не добуду дружины, а дружиной добуду серебро и злато, как добывали отец мой и дед»⁸. Поминаются еще отроки как в дружине княжеской, так и боярской (отроки Свинельжи). Принадлежность к дружине не условливалась никакой национальностью: дружина Мстислава Тмутараканского состояла из ясов и касогов; в дружине

¹ П. С. Р. Л. V, 95; VII, 277.

² П. С. Р. Л. I, 13.

³ Там же, 20.

⁴ М. П. Погодин («Изсл. Лек. и зам.» I, 142—143) делает остроумное замечание, что в начале договора Игорева встречаются имена собственные: Слуды, Улеб и т. д. и притяжательные: Владиславль, Фастов, Войнов и т. д., что доказывает, что от каждого из князей был свой посол.

⁵ Слово боярин долго считали иностранным, но И. И. Срезневский («Мысли об ист. рус. языка». СПб., 1846) очень основательно доказывает, что в образовании его приняли участие славянские корни: бой (вой) и боль (больше).

⁶ П. С. Р. Л. I, 53.

⁷ Гриди, вероятно, тождественны со скандинавским Girdman Girdin, бывшими телохранителями Конуга и жившими при его дворе.

⁸ П. С. Р. Л. I, 54.

Игоря поминается ятвяг, который, быть может, по происхождению принадлежал к этому племени; у Бориса был отрок Георгий, родом Угрин и т. д. Предводителем дружины был всегда князь и ревностно берег свою дружину. После битвы при Листвине Мстислав, обходя поле битвы, увидел, что лежат убитые с его стороны северяне (черниговцы), а с Ярославовой варяги и сказал: «Кто сему не рад? се лежит северянин, се варяг, а дружина своя цела»¹. Князь советуется с дружиной: так Игорь созвал дружину, чтобы сообщить предложение императора². Мнением ее он дорожит: «Како аз хочю ин закон прияти един,— говорит Святослав матери на предложение креститься, — а дружина сему смеется начнут»³. Сверх дружины на случай войны собирались вой⁴. Во главе этих воев стоял воевода⁵. Рати, поминаемые в походах наших князей под племенными именами: уривичи, меря, словене и т. д., были, вероятно, такими воями. Для охранения границ строились города, в которые нарубали (набирали) лучших людей из разных племен⁶. Сверх того самая граница защищена была тыном, вероятно, с валом.

Отдельно от мужей, членов княжеской дружины, стоят люди (земство), низший разряд которых составляли смерды⁷. Сословного разделения, кроме разделения на дружину и людей, едва ли можно искать в Руси варяжской эпохи: легкая возможность попасть в дружину и сделаться не только мужем, но и великим мужем, показывает, что сословного начала нет; но вместе с тем, что же значат гости, пожинаемые в договоре Игоря, которым в отличие от слов (послов), приходивших в Царьград с золотыми печатями, положено было приходиться с серебряными? Они могли быть те же дружинники; в ту пору купец нередко был воином, ибо при небезопасности тогдашних путей, при неустановившихся международных отношениях можно было бояться за всякую минуту, и люди, отправ-

¹ П. С. Р. Л. 1, 64.

² Там же, 19.

³ П. С. Р. Л. 1, 27.

⁴ «Володимеру же шедшу Новугороду по верховние (северныя) вои» П. С. Р. Л. 1, 54. «Иде Володимер с вои на Корсун», там же, 46, «и не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него». Там же, 55.

⁵ По предположению С.М. Соловьева, воеводе соответствует позднейший тысяцкий («Ист. России» 1, 249).

⁶ Летопись говорит о построении городов Олегом (П. С. Р. Л. 1, 10) и Володимиром (там же, 52).

⁷ Трудно, впрочем, решить, были ли смерды особым классом, как некоторые думают, жителями княжеских сел, или под этим именем надо разуметь все сельское свободное население.

лявшиеся в дальний путь, отправлялись большими обществами и вооруженные; стало быть купцу легко было превратиться в воина, что часто и делалось. Припомним, как Олег приехал в Киев к Аскольду и Диру под видом гостя, и нам станет ясно, почему греки принимают такие меры против приезжающих: они должны, по договору Олега, жить в одном месте (у Св. Мамы); входить в город небольшими отрядами, без оружия¹; по договору Игоря, ограничивается их право покупки (наволоч шелковых материй — не более, как на 50 золотниц)². Впрочем, последнее ограничение объясняется тем, что византийцы не любили видеть паволоки в руках других. По арабским известиям, как мы уже видели, торгующие русы занимали отдельную часть города в Итиле. Стало быть, тоже приезжали целыми группами. При таком характере торговли едва ли можно допустить существование особого торгового класса. А скорее, надо думать, что торговля была временным занятием, и тот же гость мог сделаться воином.

В эту эпоху существенным разделением можно признавать только разделение на свободных и рабов. Сведения о рабах встречаются и в домашних и в иностранных памятниках. В договорах с греками Олега и Игоря читаем несколько постановлений о пленных и купленных рабах. Известно, что плен есть первоначальный источник рабства; затем уже начинают торговать рабами, как другими предметами добычи. Пленник, проданный ли другому хозяину или оставшийся у прежнего, мог быть выкуплен: по договору Олегову, выкуп определяется рыночной ценой рабов, а по договору Игореву, цена определяется по возрасту³:

¹ Договор 911 (П. С. Р. Л. 1, 13).

² Там же, 24.

³ «Аще полонник обою страну держим есть, или от Руси, или от Грек, продан в ину страну, оже обрящется или Русин или Гречин, да искупят и взвратят искупленное лице в свою страну, и взмут цену его купящими или мниться в куплю на дань челядина цена; такоже аще от рати ят будет от тех Грек такоже да взвратится в свою страну и отдана будет цена его, якоже речено есть, яко купля». П. С. Р. Л. 1, 15. И. И. Срезневский «О договорах» в «Ист. чт.». СПб., 1855. «Елико хрестеян от власти наша пленена приведут Русь, ту аще будет уноша, или девица добра, да вдадять златник 10 и поимут и; аще ли есть средовичь, да вдасть золотник 8, и поимут и; аще ли будет стар, или детешь, да вдасть златник 5. Аще ли обрящутся Русь работающе у Грек, аще ли суть пленницы, да искупають е Русь по 10 златник; аще ли купил буде Гречин, под хрестом достоить ему да возьмет цену свою, елико же дал будет нанем». П. С. Р. Л. 1, 21. Цена пленника по договору Ольги: «Се продами бывають по 20 золота» (П. С. Р. Л. 1, 15); по договору Игоря цена беглага раба 2 паволоки (П. С. Р. Л. 1, 21), что заставляет считать, что две паволоки стоили 20 золотниц («Ист. Чт.», 98), причем разногласие цен (10 и 20 золотниц) объясняется тем, что одна цена греческая, а другая русская, что весьма вероятно.

обязательность выдать в случае выкупа постановлена, как обеспечение против того хозяина, который считал бы себя вправе задержать раба, по произволу, как вещь. Украденного раба, а также бежавшего и проданного поставлено выдавать или платить за него две паволоки (шелковые материи); если раб что-нибудь с собой унесет, то унесенное следует возвратить и еще платить два золотника¹. О торговле рабами мы знаем из слов Святослава матери и боярам, когда, объясняя все выгоды Переяславца Дунайского, он перечислял приходящие туда товары и между прочим: «Из Руси же скоро и воск, мед и челядь»². Ибн-Даст говорит о походах русов: «Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего. Женщинами побежденными сами пользуются, а мужчин обращают в рабство»³; с рабами, по свидетельству того же писателя, они обращаются хорошо⁴. В Русской Правде мы увидим еще другие способы обращать в рабство, кроме плена и купли; заметим здесь, что, как видно из летописи, ключники и в эту эпоху были рабами: «Володимер бе от Малуши, ключницы Ользины», — говорит летописец⁵, а Рогнеда, как известно, отвечала: «Не хочу разути робичча»⁶, т. е. сына рабы.

Определяя в договорах с князьями все случаи столкновения между греками и русами, греки должны были коснуться преступлений, ибо по тогдашним понятиям преступник должен был судиться по законам своей страны. Таким образом, договоры указывают нам, как наказывались преступления в эту эпоху. Из преступлений выделяются: убийство, личное оскорбление, воровство и злоупотребление доверием. За убийство положена смерть; в договоре Игоря прибавляется, что убийцу должны

¹ «О Руси о полоненьи многожды от коея убо страны пришедшим в Русь и продаемым в крестьяны, еще же и о христианех полонных многожды от коея любо страны приходящим в Русь: се продаемы бывают по 20 золота и да придуть в греки. О том аще украден будет челядин Руский или вскочить или по жи продан будет и жаловати начнуть Русь, да покажется таковое от челядина, да имуть и в Русь, но и гостея погубиша челядин, и жалуют, да ищот и, обретаемое да имуть е, аще ли кто искушения сего не дасть створити, местник да погубить правду свою». П. С. Р. Л. 1, 15. «Аще ускочить челядин от Руси, по не же придуть в страну царствия нашего, и от Святаго Мамы, ыше будет, да поимуть и; аще ли необрашется, да на роту идуть наши хрестьяне Руси по вере их; а не хрестеянии по закону своему: ти тогда взимают от нас цену свою, якоже уставлено есть прежде, 2 паволоце за челядин. Аще ли кто от людий царства нашего, ли от города нашего, или от инех город, ускочить челядин наш к вам, и принесть что, да вспятать и пять; а еже что принесл будет все цело, и да возметь от него золотника два». П. С. Р. Л. 1, 21.

² П. С. Р. Л. 1, 28.

³ Гл. VI, § 10.

⁴ Гл. VI, § 5.

⁵ П. С. Р. Л. 1, 29.

⁶ Там же, 32.

убить родственники убитого. Это родовая месть, отмененная только детьми Ярослава. Если убийца убежит, то его имущество берет родственник убитого, за исключением части, принадлежащей жене; если же у него ничего нет, то ждут, пока он найдется, а когда найдется, то будет убит. Из этого следует, что в случае, если у него есть имение, то можно удовлетвориться одним имением. Имущество его идет родственникам убитого, а виры впоследствии шли князю; но из этого видно, что вначале было иначе, так осталось и теперь в чужой земле¹. За оскорбление ударом положена пеня в 5 литр (фунтов) серебра, а в случае несостоятельности можно продать даже платье с него для взыскания пени (продажи)². Вор, который будет пойман, может быть убит, если не отдастся добровольно, то связывается и возвращает не только то, что украл, но и цену украденной вещи; если украденное будет продано, то вор — по договору Игореву — платит двойную цену и подлежит наказанию по закону русскому и греческому³; виновный в грабеже должен заплатить тройную

¹ «А о головах, иже ся ключит проказа, урядимся сие: да елико яве будет показании явленными, да имеют верное о ташех явлении; а ему же начнуть не яти веры, да не кленется часть та, иже ищет неятью веры, да егда кленется по вере своей, будет казнь, якоже явится сгрешение о сем. Аще кто убьет крестьяна Руси, или христьян Русина, да умереть, идеже аще створить убийство. Аще ли убежит створивый убийство, еще есть имовит, да часть его, сиречь иже его будет по закону, да возьмет ближний убьенаго, и жена убившаго да иметь толчем же прибудеть по закону; аще ли есть неимовит створивый убийство и убежав, да держится тяжи, деньдеже обрящется, яко да умереть». П. С. Р. Л. 1, 14. И.И. Срезневский по поводу наследства жены делает важное указание на англосаксонские законы, по которым жена и дети не теряют своих имущественных прав в случае осуждения мужа и отца за разбой, кроме случая собственного участия («ист. Чт.», 121). «Ци аще ключится проказа никака от Грек, сущих под властью царства нашего, да не имать власти казнити я, но повеленьем царства нашего да приметь, якоже будет створил. Аще убьет хрестеянина Русина или Русин хрестеянина и да держим будет створивый убийство от ближних убьенаго, да убьют и. Аще ли ускочить створивый убий и убежит, аде будет имовит, да возмуть имение его ближние убьенаго; аще ли есть неимовит и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убьен будет». П. С. Р. Л. 1, 22.

² «Аще ли ударить мечем или бить казем любо с судом, за то ударение или убьение да вдасть литр 5 сребра по закону Рускому; аще ли будет не имовит тако створивый, да вдасть елико может и да соиметь с себе и ты самая порты своя, в них же ходят, а опроче да роте ходить своею верою, яко ни како же иному помощи ему, да пребывает тяжа оттоле невзискаема о сем». П. С. Р. Л. 1, 14, та же, 22.

³ «Аще украдет Русин что любо у Крестьянина, или паки христьянин у Русина и ят будет в том часе тать, егда татьбу створить, от погубившаго что любо, аще приготовится, татьбу творяй и убен будет; да не взыщется смерть его ни от христьян, ни от Руси; но паче убо да взмет свое, иже будет погубил. Аще власть руце украдый да ят будет тем же, у него же будет украдено и связан будет, и отдаст то, еже оме створить, и створит трижды о сем (подчеркнутые слова только в двух списках и едва ли верны: если грабитель платил втрое, то неужели простой вор платил тоже?). П. С. Р. Л. 1, 14. «Аще кто покусится от Руси взяти что от людей царста нашего, иже то створить, покажем будет вельми; аще ли взял будет,

цену награбленного¹. Нарушением доверия будет тот случай, когда получивший поручение передать имение завещателя на Русь не исполнит этого; Русь имеет тогда право вытребовать². Служа источником для знакомства с уголовным правом той эпохи, договоры дают понятие и о других юридических началах: в них мы находим указание на способ наследования в движимом имуществе; из договоров видно, что движимое имущество завещалось, и только в случае отсутствия завещание шло родственникам³. Любопытно, что Святослав взял дань с греков и на умирших, говоря: «яко род его возмет»⁴.

Мы видели, что в эту эпоху женщина, несмотря на многоженство, несмотря на то, что не разграничены законные от незаконных семей (робиичь Володимир — князь равный со своими братьями), пользуется значительными правами: посылает своих послов⁵, владеет городами (Ольга Вышегородом). При заключении браков мы замечаем некоторые явления, нас поражающие: Володимир женится на жене своего брата, которая едва ли не была наложницей отца; летописца христианина поражает это⁶. В изъяснение этого обстоятельства Ф.И. Буслаев указывает на любопытное происшествие из истории скандинавской: Фроди убил бра-

да заплатить сугубо. и аще створить гречин русину, да приметь ту же казнь, якоже приял есть и он. Аще ли ключится украсти Русину от Грек что, или Грчину от Руси, достойно есть да взворотити не точю едино, но и цену его, аще украденое обрящется продаемо, да вдасть и цену его сугубо и то показнен будетъ по закону Гречьскому, по уставу и по закону Рускому». П. С. Р. Л. 1, 21.

¹ «Аще ли кто, или Русин хрестьянину, или хрестын Русину мучения образом искустворити и насилье яве, или взметь что любо дружие, да вспятить троичь». П. С. Р. Л. 1, 14. Принимаю объяснение И.И. Срезневского «Ист. Чт.», 124.

² Такой смысл придает И.И. Срезневский (там же, 125) следующей статье: «Аще злодей взратится (П.М. Строев «Соф. Вр.» 1, 25, основательно прибавляет не) в Русь, да жалуют Русь хрестьянскому царству, и ят будет таковой и взвращен будет нхотя в Русь». П. С. Р. Л. 1, 15.

³ «О работающих (служащие едва ли рабы) в Гречах Руси у хрестьянского царя, аще кто умреть неурядив своего имения, ци и своих не имать, да взвратить имение к малым ближникам в Русь; аще ли створить обряжение, таковой взметь уряженое его, кому будетъ писал наследити имение, да наследит е от взимающих куплю Руси от различных ходящих в греки и удолающих». П. С. Р. Л. 1, 15. Степени родства свои и ближники трудно разграничить.

⁴ П. С. Р. Л. 1, 30.

⁵ Искусевы Ольги княгини; Каницар-Предславин, Шихберт—Сфаидр, жены Улебле. П. С. Р. Л. 1, 20.

⁶ «У Ярополка же жена Грекини бе, и бяше была черницею; б бо привел отец его Святослав и вдаю за Ярополка, красоты ради лица ея». П. С. Р. Л. 1, 32. «Володимер же залежа жену братьню грекиню и бе не праздна от нея же родися Святополк. От греховняго бо корени зол плод бывает», там же, 33.

та своего Гальфдана и потом, по принятому обычаю, в искупление убийства женился на его супруге¹.

О материальной обстановке общества времен языческих мы знаем очень мало: большая часть находок или слишком неопределенна или относится к эпохе христианской, нет сомнения в том, что князья и дружина имели много сокровищ, частью получаемых торговлей, но едва ли в их быте было много удобств: о Святославе мы знаем, что он ходил в белой рубашке и носил в ушах серьгу; впрочем, он был уже чистый дружинник и пренебрегал негой; о других мы ничего не знаем. Города были деревянные, и каменный терем Ольги составлял большую редкость. Монеты своей не было: ходила или византийская (литра — фунт золотник (*solidus*) 72—74 на фунт), или западная (шеляг) или восточная; за недостатком денег шли меха и паволоки, как у западных славян полотно. Земледелие было общим, но ремесел, кроме самых первоначальных (плотники, горшечники и т. д.), кажется, не знали.

Принятие христианства

Христианство не было, как мы уже знаем, новым явлением для Русской земли в то время, как Володимир крестился в Корсуне. Мы уже знаем, что, по преданию, очень вероятному, Св. Апостол Андрей проповедовал между племенами, населявшими тогда теперешнюю Россию. Несколько епархий рано образовались на устьях Дуная (Томитанская) и в Крыму; о проповеди учеников Андрея: Пинны, Ринны и Нины мы уже упоминали. Нельзя, конечно, при недостатке источников определить с точностью влияния на славян проповеди, исходящей из этих епархий, но нельзя отрицать того, что примеры обращения могли быть очень ранние. Число их само собой умножилось, когда славяне вошли в сношение с Восточной Римской империей, когда толпы их начали наводнять Мизию, Фракию и т. д., когда стали появляться славяне не только в рядах государственных людей, но и на престоле византийском (Юстиниан Управда); известно, что во Фракии было несколько епископов. Приходя в сношение с Западной Франкской империей, славяне тоже нередко крестились (между прочим, в Хорутании и т. д.). Эти славяне

¹ «Ист. Очерки» 1, 263. Любопытно, что и брак Володимира с Рогнедою имеет параллельный случай в истории Нормандской: Беригард граф Байоский пал при защите этого места. Ральф (убийца его) по северному обычаю женился на красивой дочери графа Стрингольм: «Пох. Викингов» (Чт. в Общ. ист., 1859, III).

употребляли греческую и латинскую азбуку, не имея своей, как о том свидетельствует черноризец Храбр¹. Просветительная деятельность Кирилла и Мефодия, составителей славянской азбуки, переводчиков богослужебных книг и апостолов славянства, представляет важнейшую эпоху в религиозной истории славянских племен вообще и нашего — в особенности, потому мы и должны несколько остановиться на ней. Константин, философ (в монашестве Кирилл), и брат его Мефодий были дети солунянина (в Македонии) Льва². Мальчиком Константин взят во дворец, где воспитывался вместе с царем; в числе их наставников был знаменитый Фотий. Ученость Константина была причиной назначения его учителем философии, несмотря на его желание уйти в монастырь, а Мефодий постригся в монахи на горе Олимпе, куда прибыл к нему и Кирилл, возвратясь с проповеди от сарацинов. Отсюда послан был он исповедовать хазарам, где деятельность его едва ли осталась бесплодной, если вспомним, что в X в. встречаются христианские епископы в землях хазарских³. Еще до своего путешествия в Хазарию Кирилл, как полагают, согласно со свидетельством Храбра, совершил свой великий подвиг — изобрел славянскую грамоту (в 855)⁴. После возвращения Кирилла от хазар Мефодий посетил болгарского царя Богориса и способствовал его обращению в христианство: говорят, что он подействовал на воображение царя изображением Страшного Суда, сделанным на стене княжеского охотничьего домика⁵. Таким образом, деятельность святых братьев на пользу славян уже началась: в Хазарии она коснулась славян русских, а с болгарскими славянами она имела дело и в окрестностях Солуни и в державе Богориса, а в 663 г. по приглашению князя Ростисла-

¹ «Крестившежеся Римскими и Грчьскими письмены нуждаахуся». «Иоанн Экзах», 189 (жил около 950 г. см.: «Др. памят. письма и яз. юга зап. слав.», 20).

² Кирилл родился в 827 г. М.П. Погодин считает их славянами, но это мнение до сих пор еще не принято в науке.

³ В.И. Григорович: «Ист. намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X ст.»; в этой брошюре помещены два письма патриарха Николая (925 г.) к Херсонскому стратигу и епископу о поддержании церкви в Хозарии. в житии Кирилла говорится: «Обрете же ту Евангелие и Псалтырь Русскими письмены писано». Это место наделало много хлопот исследователям: одни (А.В. Горский) считают это просто вставкой; другие (Шафарик и пр. Макарий) полагают, что это письмена крымских готов. Защитники древности глаголицы опираются также на это свидетельство.

⁴ А.Ф. Гильфердинг в «Кир. Меф. Сборнике» 147—153; мнение об изобретении азбуки 863 г. защищает О.М. Бодянский в своей ученой и важной по обзору громадного материала диссертации «О врем. происхожд. слов. письмен».

⁵ См.: А.Ф. Гильфердинг: «Письма об ист. Сербов и Болгар» I. М., 1854, и П.А. Лавровского: «Кирилл и Мефодий», X, 1863, 76—93.

ва первоучители славянские отправились в Великую Моравию, где переложили все книги, нужные для богослужения, т. е. Евангелие и Апостол, Служебник и Требник, Часовник, Октоих, Миней общую, Паремейник и Устав¹. По кончине св. Кирилла (869) Мефодий со своими учениками перевел все канонические книги Ветхого Завета, а может быть, даже и все кроме книг маккавейских². Не будем останавливаться здесь на деятельности Мефодия в Моравии, на сношениях его с Римом и борьбе с немецким духовенством, т. к. России все это не касается; прибавим только, что по кончине Мефодия (885) ученики его искали убежища при дворе болгарского царя Симеона, где продолжали переводы книг и тем клали основание славянской письменности. Дело святых первоучителей великой важности и для нас русских: оно облегчило нам принятие христианства, проповедь которого предки наши могли слушать на своем родном языке³. Созданный ими язык письменный послужил орудием для создания нашей собственной письменности в эту эпоху, когда вся письменность Европы была латинской, вследствие чего сами произведения письменности могли быть распространены в более широком круге. Важно было и то обстоятельство, что проповедь христианства шла к нам из Византии, где не высказывалось притязаний на господство церкви над государством и, следовательно, нам осталась чуждой борьба светской и народной власти с чужеземной духовной властью. Отторгнутые от общего единства германо-романского мира, мы, может, более выиграли, чем потеряли: Римская церковь являлась в славянские земли с германскими проповедниками и если не приводила рабства материального, как во многих землях славянских, то приводила рабство духовное, втягивая в чуждые интересы и внося чуждые элементы и всегда разделяя образо-

¹ Евангелие и Апостол, расположенные по порядку церковных чтений (апракос). Таково и Остромирово Евангелие. Служебник — общий порядок службы; Требник — порядок службы в разных случаях; Октоих (осмогласник) — книга песен церковных, приспособленная к семи дням недели; Миней общая — книга песен на праздники; Паремейник — выбор чтений из Ветхого, а частью и Нового Завета; Устав — общий чин богослужения на все дни года.

² Первое мнение основывается на словах Иоанна Экзарха, что переведено 60 книг («Иоанн Экз.», 129—131), а второе на свидетельстве Мефодиева жития: «Вся книги исполни, разве Маковен», см. подробное рассмотрение этого вопроса у пр. Макария: «Ист. хрис. до Влад.», 173—201.

³ В. И. Ламанский в своей превосходной статье: «Нереш. вопрос» (Ж. М. Н. Пр., 1869, № 7) остроумно доказывает, что язык старославянский есть язык литературный, но, даже и приняв это мнение, нельзя отрицать, что язык этот был доступен и понятен всем славянским племенам.

ванные сословия, говорящие и пишущие по-латыни, от необразованных, говорящих местным языком и не имеющих никаких письмен.

Первым русским князем, принявшим крещение, был, как мы знаем, Аскольд; в дружине Игоря, что тоже уже известно, было так много христиан, что для них в Киеве существовала церковь Св. Илии¹. В 957 г. крестилась Ольга, а в 988 г. внук ее Володимир. Крещение Володимира подало повод к обширному сказанию, занесенному в первоначальную летопись и составленному на основании нескольких источников. Сказание это так характеристически передает самый факт и его побуждения, что историк должен несколько остановиться на нем. Летопись рассказывает², что к Володимиру приходили послы от разных народов: от болгар, хазарских евреев, немцев и, наконец, греков и каждый из них хвалил свою веру и предлагал князю в нее обратиться; что Володимир отверг ислам потому, что «Руси есть веселие питье, не можем без того быти», немцам ответил: «идите опять, яко отци наши сего неприяли суть»; от евреев отказался потому, что они изгнаны Богом; но благосклонно выслушал грека, который изложил ему всю историю Ветхого и Нового Завета³ и тронул его, показав изображение Страшного Суда, что, по греческим источникам, побудило к обращению и Бориса Болгарского. Вообще вопрос о судьбе человека по смерти, темно и смутно разрешаемый язычеством, нередко заставлял варваров обращаться в христианство. Король Портумберландский (одна из составных частей Англо-Саксонской гептархии) Эдвин (623), задумав креститься, собрал вече и предложил ему вопрос о принятии новой веры; на этом вече один из его воевод держал такую речь: «Ты, может быть, припомнишь, князь, что случается иногда в зимний день, когда ты сидишь с своими воеводами и дружинниками за пиром, когда горит добрый огонь и в комнате тепло, а на дворе снег и ветер. В одну отворенную дверь влетает птичка и вылетает в другую; перелет этот ей очень приятен: она не подвергается ни дождю, ни буре, но она вылетает и снова возвращается к зиме, которую оставила. Такова, кажется мне, земная жизнь человека: она непродолжительнее мгновения, если сравнить ее с долгим временем, которое ей предшествует и за ней следует. Время это темно и беспокойно для нас: нас мучит невозможность узнать его; если новое учение может сообщить нам что-

¹ На Подоле.

² П. С. Р. Л. I, 36—51. см.: «Хр. Чт.», 1849, II.

³ Изложение это в летописи основано на Палее, см.: М.И. Сухомлинова «О древн. лет.».

нибудь верное о нем, то следует его принять»¹. То же самое побуждение действует и на Володимира: под влиянием картины Страшного Суда он готов принять православие, но советуется с боярами и старцами и, по их предложению, отправляет послов в те страны, откуда являлись к нему проповедники². Посольство Володимирово не имеет в себе ничего невероятного, что же касается до посольства к Володимиру, то едва ли не следует видеть здесь купцов разных народностей, живших в Киеве. Как бы то ни было, но — по сказанию — послы Володимировы привезли неблагоприятные отзывы обо всех богослужениях, кроме греческого: в Константинополе они присутствовали при торжественном патриаршем служении. Впечатление было потрясающее: «И не свемы, — говорили они, — на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида, ли красоты такаяи недоумеем бо сказати; токмо то вемы, яко онъде Бог с человеки пребывает, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя; всяк бо человек, аще искусит сладка, последи горести неприимаеть, тако и мы не имамы еде быти»³. Вот еще новое побуждение: великолепие храма, блеск одежд, стройность пения слишком сильно действует на свежее чувство людей необразованных; ими овладевает тот трепет, который чувствовали западные варвары при виде нового для них Рима. Бояре высказали и третье побуждение креститься — авторитет: «Аще бы лих закон Гречьский, то небы баба твоя прияла Ольга, яже премудрейша всех человек»⁴ — и Володимир решился креститься. Отправившись в следующем году на Корсунь (в Крыму, где теперь Севастополь, тогда город греческий), он по взятии города потребовал руки Анны⁵, сестры царей Василия и Константина, и согласился на

¹ Aug. Thierry: «Hist. de la Conq. d'Angleterre», 30–31 (в «Oeuvres» Br., 1839). См. С. М. Соловьева «Взгл. на историю уст. госуд. порядка в России». М., 1852, 33.

² Подтверждением этого посольства считается следующее место в свитке, найденном г. Фирковичем: «Я один из верноподданных Израилю — Аврам, сын Мар-Симхи из города Сафород (Босфор, Керчь) в царстве братьев наших, благочестивых прозелитов Хазар — был в 1682 г. после изгнания нашего, т. е. 4746 по сотворении, по эре, по которой считают братья наши евреи города Матархи, в то время, когда послы князя Рош Мешех из города Циоба пришли к государю нашему Хозарскому князю Давыду разведывать о делах религии — отправлен им в Персию»... Д. А. Хвольсона: «Восемнадцать еврейских надписей из Крыма». СПб., 1865, 68. Но это место может возбудить некоторое сомнение прибавкою Мешех, сильно напоминающую Москву.

³ П. С. Р. Л. I, 46.

⁴ Там же.

⁵ Едва ли нужно принимать известие так называемой Иоакимовской летописи, будто Анна была не греческая, а болгарская царевна, двоюродная сестра Василия и Константина. См.: Muralt: «Chron», 570.

их условие, чтобы креститься. Крестившись и взяв из Корсуня некоторые святыни¹ и духовенство, он прибыл в Киев, крестил свою семью и народ. Киевляне шли креститься охотно, говоря: «Аще бы се недобро было, не бы сего князь и бояре прияли»². Со времен Володимира утверждается иерархия: в Киеве — митрополит, а по городам — епископы. При Володимире было три митрополита: Михаил (988—992), Леонтий (992—1008), Иоанн (1008—1035)³. Духовенство отправилось и по городам проповедовать христианство: в Новгород, Ростов, Суздаль⁴. Тогда же поставлены были и первые епископы: в Новгороде, Ростове, Чернигове, Володимире Волынском и Белгороде. Не лишено вероятия то известие, что первые иерархи были из болгар⁵. По крайней мере, первые священники непременно должны были знать по-славянски, ибо иначе они не могли совершать богослужение, не могли учить детей, которых Володимир роздал в учение, вероятно, готовя их во священники⁶. На содержание духовенства Володимир назначил большие доходы: так, построив церковь Богородицы, он назначил на содержание ее десятину от имения своего и от городов своих⁷. Он советовался с духовенством в важных государственных вопросах: когда умножились разбойники (едва ли нужно разумеать здесь тех, которые оставались в язычестве), епископы сказали князю: «Почему не казнить их?» — «Бойсь греха», — отвечал Володи-

¹ Что такое: «медяне две капиши, и 4 коне медяны, иже и ныне стоят за святою Богородицею; якоже не ведуще мнять я мраомряны суще»? Это трудно решить: быть может, следует с Полевым читать иконы вместо коне («От. Зап.», 1823, № 11), а быть может верно чтение Переясла: «Взя же 4 капиши медяны иже были за стою бжею яко жены образом мраомряны суще», 31 («Врем.», IX).

² П. С. Р. Л. I, 50.

³ Прежде, основываясь на том, что первоначальная летопись не поминает митрополитов до Феопемта (1035—1039), полагали, что до того времени не было митрополитов; Полевой думал даже, что Володимир во главе церкви поставил Анастаса, но теперь этого уже не думают. Самое лучшее исследование о первых митрополитах в «Ист. Русс. Церкви» пр. Макария I, 29—35 (2-е изд.).

⁴ Известие о крещении Новгорода Иоакимовой летописи подозрительно своею позднейшею книжностью: напр. жрец Богомил, прозванный Соловьем, и т. п., и потому, несмотря на мнение С. М. Соловьева, мы считаем себя не вправе на него опираться. Проще в Ак. («Пр. Др. Росс. Библ.» II, 310, 311), П. С. Р. Л. III, 121—207; V, 121; VII, 313; XV, 113; о Суздале и Ростове мы знаем из позднейших списков: П. С. Р. Л. V, 120; VII, 313; IX, 64; XV, 113 (о Суздале и строении Владимира на Клязме); П. С. Р. Л. VII, 913; XV, 117 (о Ростове).

⁵ Известие принадлежит Иоакиму, но как догадка оно может быть допущено.

⁶ «Послав нача поимати у нарочитое чади дети, и даяти нача на ученье книжное; матере же чад сих плакуся по них, еще бо не бяхуся утвердились верою, но акты по мертвечи плакухуся» П. С. Р. Л. I, 51.

⁷ Там же, 53. Вопрос о том, откуда у нас идет обычай давать десятину, еще темен, см. пр. Макария: «Ист. Церкви» I, 191. К. А. Неволina «Сочинения», VI, 287.

мир. — «Ты поставлен от Бога, — сказали на это епископы, — на казнь злым, а добрым на милование; казнить должно, но с разбором». Потом, когда потребовались деньги на содержание войска, епископы и старцы сказали ему: «Воинов нужно много — виры пусть идут на коней». Тогда Володимир восстановил виры¹. Этот рассказ летописи важен тем, что показывает попытку приложить к русской жизни законодательство византийское и неудачу этой попытки. Ко времени Володимира относится по содержанию, если не по форме, устав о церковных судах, о котором будем говорить в своем месте. Со времен Володимира начинается также и приложение греческого искусства — в построении храмов (напр., Десятинного) и украшении их. Нет нужды прибавлять, что христианство было при Володимире распространено не по всей России и коснулось более или менее серьезно очень немногих, но важно торжественное провозглашение христианских начал.

Влияние христианства и византийской образованности

Мы уже видели, как важно было то, что христианство пришло к нам из Византии, а не из Рима. Посмотрим теперь в общих чертах, в чем заключается влияние христианства и пришедшей одновременно с ним византийской цивилизации².

Самым ближайшим влиянием христианства было влияние нравственное, ибо нравственность христианская, возведенная в обязанность, существенно отличается от нравственности языческой, результата непосредственного чувства, как все в языческом мире (мы, разумеется, говорим о первобытном языческом мире, еще не знакомом с просвещением и философией, вносящими известную стройность и отвлечение, как было у греков и римлян). Так, христианство обязывает помогать неимущим, как братьям во Христе; помогая неимущему, христианин исполняет заповедь своего божественного учителя, а язычник руководится наивно практическими соображениями; соображения эти так глубоко вкоре-

¹ П. С. Р. Л. I, 54.

² Вопрос этот во всем его объеме вызвал у нас только одно большое специальное сочинение: В. С. Иконникова «Оп. иссл. о культурном значении Византии в Русс. Ист.». К., 1869. Автор выказал значительную начитанность в русских источниках (печатных) и в научной русской литературе; источники греческие ему не чужды; но громадность предмета, новость предприятия были причиною, что сочинение его остается попыткой, а не получает окончательного значения. Не слишком ли строго русская критика отнеслась к этому сочинению? Я здесь не делаю специального исследования и стараюсь по возможности указать на общие результаты.

нились в сознании наших предков, что христианин-христолюбец, по выражению летописи, князь Володимир Всеволодович Мономах высказывает их очень простодушно: «Боле же чтите гость, откуда же к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, брашном и пйтьем; ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым»¹. Вследствие такого воззрения помощь оказывается или тогда, когда она почему-либо кажется выгодной, или когда к тому влечет чувство или, наконец, случай более общий — когда побуждают родственные или общественные связи, когда помощь является круговой порукой и основывается на общности интересов, сознанных в древней Руси, как мы видели, в объеме верви. Этой помощью, стало быть, может пользоваться человек, принадлежащий к верви, но все ли принадлежали к какой-нибудь общине? Появление дружины должно было произвести изменение в наличном составе общины: дружинники, вероятно, выходили из нее; позднее мы видим, что купцы составляли свои торговые артели, быть может, это было и вначале, ибо, как мы видели, караваны купцов не отличались от дружин воинских и образовались из них. Другим довольно значительным разрядом людей, не принадлежащих никакой общине, были выкупившиеся рабы, если они оставались в Русской земле, хотя, разумеется, трудно сказать, возвращались или нет люди, закабалившие себя, назад в общину после освобождения от рабства; присутствие в обществе, выразившемся в «Русской правде», закупов (наемных работников) свидетельствует также в пользу той мысли, что разряд людей, выходящих из общины, был довольно многочислен. К этому следует присоединить еще соображение: некоторые болезни у людей первоначальных считаются наказанием божества и исключают человека из общины, к которой он принадлежал. Если присоединим к этому еще людей, вышедших произвольно из общины и, может быть, неживших в дружине, то пойдем образование так называемых изгоев, о которых встречаем определительное известие в «Уставе Всеволода-Гавриила»: «Изгой трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одождает; а се и четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет». Все эти люди перестают быть тем, чем были, и не находят ни под чьим покровительством, а покровительство необходимо в эту эпоху несдерживаемых страстей: попов сын безграмотный не будет попом, холоп, выходя из холопства, лишается защиты господина, купец

¹ П. С. Р. Л. I, 102.

обанкротившийся — не купец; изгойство княжеское С.М. Соловьев объясняет, весьма вероятно, тем, что изгоем считается князь, которого отец не был старшим. Все эти люди наряду с людьми чисто церковными, как служащими церкви, так и посвященными ей, подлежат ведомству церкви. Приняв этих людей под свой защиту, церковь создала новую среду, стоящую выше разрозненных интересов отдельных общин и основанную на ином начале, чем княжеская дружина; выше интересов личных, племенных, практических поставила она общечеловеческий интерес — начало нравственное. То же нравственное начало внесла она в отношения семейные, дотоле составлявшие дело исключительно личное; она создала трибунал для суждения дел семейных, но кроме того, она очистила семью, поставив начало единоженства, которое сменило многоженство, дотоле допускаемое. Долго, впрочем, это не укрепилось в обществе: долго сыновья, рожденные от наложниц в княжеских семьях, считались князьями, равными с законными детьми (напр. Олег, сын Ярослава Осмомысла Галицкого от Настасьи — Настасьичь). Сверх всего этого, церковь посреди общества, поклоняющегося физической силе и обоготворявшего ее проявление в своих богатырях, выставила иное начало — начало подчинения физической силы силе нравственной; представила примеры подвигов не таких, какие до сих пор пленяли общество, — подвигов, проявляющихся в победе над собственными страстями и в противоположение гневу и раздражению, — кротости, гордости земными благами и стремлению господствовать — смирения и готовности служить. Такова была по преимуществу, как увидим в своем месте, деятельность Феодосия Печерского. Конечно, не все монахи были таковы; но довольно было нескольких примеров, чтоб произвести благотворное действие, довольно было даже выставления этого нового идеала — и стали являться люди, все презревшие, чтобы его достигнуть (Николай Святоша Черниговский, Варлаам, Ефрем и. т. д.). Словом, в обществе явилась новая мерка нравственного достоинства и послужила значительно к обузданию его преобладающих страстей¹.

Византия, откуда пришло к нам христианство, имела на развитие русской жизни влияние в трех отношениях: в развитии понятий государственных, в изменении понятий юридических и в распространении книжного образования. Духовенство, пришедшее из Греции, встретило в России общественный порядок, непохожий на тот, который существо-

¹ О таком значении монастырей много умного в статье С.М. Соловьева «Древняя Россия».

вал в империи Византийской, и с первых пор явилось провозвестником византийских понятий. Таково оставалось постоянно направление русского духовенства даже и тогда, когда в числе его членов было уже большинство русских, ибо и эти русские, несомненно, должны были подчиниться идеалам высшей образованности. Разделение Русской земли способствовало тому, что духовенство еще настойчивее и сильнее стало проповедовать свои государственные идеи и наконец в значительной степени способствовало торжеству московских князей, достигших объединения земли под одной верховной властью, права и значение которой вполне соответствовали идеалу, выставленному духовенством. В чем же состоял этот идеал, в чем заключаются отличия византийских государственных порядков от русских времен удельных усаобиц?¹ Власть императора в Византии основывалась на двух началах: с одной стороны, он явился наследником власти римских императоров, которых власть, учреждаясь фактически, наконец возведена была в принцип юристами, преимущественно со времени Септимия Севера, и укреплена чиновничеством, созданным Константином В., прототипом бюрократической монархии, установившейся на западе; римская юриспруденция опирается в этом случае на фикцию передачи народом императору всей полноты его власти; с другой стороны, власть императорская, согласно с учением Св. Писания, имеет божественное происхождение. Религиозное освящение своей власти император получал в торжественном венчании на царство. Царские регалии (корона, скипетр, держава) служат внешним символом высшей власти. Вот почему у нас складывается предание о присылке царского венца из Цареграда Володимиру Мономаху, родоначальнику суздальских и московских князей². При царском венчании император принимает присягу от народа в полном и безусловном повиновении его правительству и его семейству; со своей стороны, он дает обещание воздерживаться сколько возможно от смертной казни и членовредительных наказаний; тут же он подписывает исповедание веры и обещает сохранять постановления семи вселенских соборов. Затем вступает в полное пользование своей властью, которая не имеет никакого ограничения, ибо слабые следы власти сената уничтожены

¹ К сожалению, вопрос о византийском государственном устройстве и о значении верховной власти в Византии не вызвал у нас особого исследования, хотя много и часто говорится о влиянии на нас Византии в этом отношении (см. у В.С. Иконникова гл. VII и VIII); не имея ни достаточно средств, ни времени для подобного исследования, я должен ограничиться общими указаниями, а вопрос вполне заслуживает исследования.

² В позднейших летописях: Воскр. (П. С. Р. Л. VII, 23); Ник. (там же IX, 143) и т. д.

постановлением Льва Философа. Греческий поэт VII в. Георгий Писидас так характеризует деятельность императора: «Государь все воодушевляет, все направляет своим разумом и удаляет причины беспорядков. Действительно, нет ничего пагубнее беспорядка; эта болезнь вползает подобно змее, кусает и губит даже душу, уничтожая источники жизни». В государственном устройстве Византийской империи, которая, по его мнению, отличается от тирании соблюдением законов, Писидас видит один недостаток — отсутствие наследственности, которая придавала бы ему прочность. Окруженный пышным двором, представляющим целую иерархию чинов, император управлял своим государством через посредство этих чинов, в свою очередь, стоящих во главе разных канцелярий и министерств, говоря языком нашего времени: бюрократическая система, созданная Константином В., оставалась в силе, только названия чинов со временем изменялись. Провинции управлялись посылаемыми из Константинополя правителями; целая система податей и пошлин находилась в заведовании особых чиновников. Словом, монархия Византийская ближе по своему типу к монархиям нового времени, чем к средневековым государствам. Церковь пользовалась в Византийской империи почетным положением не только в делах веры, где патриархи нередко противодействовали императорам, но и в делах гражданских: епископы участвовали в выборе городских чиновников, ведали дела благотворения, смотрели за весами и мерами, смотрели за тем, чтобы не закабаливали возвратившихся из плена; ведали дела семейные, перед ними совершалось отпущение раба на волю и т. п. Всем этим их юрисдикция распространилась далее, чем на дела исключительно духовные. Подобные права духовенство получило и в России, но власть государственная не была выработана в Русской земле: территория дробилась между князьями; рядом с князем стояла нередко выступающая на сцену власть веча; волости и города управлялись кормленщиками с полной властью. Такой порядок дел, особенно дробление на уделы, был невыгоден для духовенства и оно постоянно указывало на высокое положение царской власти в Греции, но только с торжеством Московского государства вполне восторжествовало это представление. В своем месте мы увидим следы византийского влияния в государственном быту Руси и при дворе ее государей.

Влияние византийского права тоже проводилось духовенством. Огромное число лиц и дел, выделенных в ведение церкви, должны были судиться ее представителями на основании законов византийских; самые уставы русских князей, утверждающие права церкви, более или ме-

нее применялись к Номоканону. Таким образом, при самом начале христианства на Руси появляются два порядка судопроизводства и два различных законодательства.

Противоположность этих порядков сказалась более всего в известном уже нам случае, когда Володимир, подчинясь мнению епископов, сначала стал казнить разбойников, а потом, когда те же епископы заметили, что виры необходимы на содержание ратных людей, снова восстановил старый туземный порядок: опять начали брать виры. Противоположность этих двух законодательств легко объясняется противоположностью создавших их обществ: с одной стороны, общество, только что выходящее из племенной разрозненности; с другой — общество просвещенное, жившее долгой гражданской жизнью, законодательство которого издавна привыкло анализировать всевозможные гражданские отношения, подводить их под общие начала и все формулировать; сверх того, это долго жившее общество представляет массу пороков и преступлений, частью неизвестных обществу первоначальному (каковы все тонкие мошенничества и до известной степени противоестественные пороки, в значительной доле плод утонченной цивилизации), частью не считаемых ими за преступления. Утонченность этого права требует науки, знания; оно тяжело для понимания общества первоначального; с другой стороны, многочисленностью своих постановлений оно стеснительно для общества, сознание которого во многом даже расходится с его основаниями. Наконец, его рассчитанная и холодная суровость — остаток сурового языческого права — не может быть приятна обществу, которое сурово не по принципу, а только не привыкло сдерживать своих страстей: оно поймет месть, но поймет и выкуп; бесстрастного, хладнокровного наказания оно не поймает, а телесного наказания оно и не допускает, как оскорбления для свободного человека. Достаточно этих общих причин, чтобы понять, почему византийское право не могло легко привиться к русскому обществу и почему решительное действие оно оказывает только в период Московский. Вся история русского права до Уложения представляет в значительной степени борьбу двух взглядов: чисто русского и византийского. Прежде всего, византийское право получает применение в тех делах, которые отошли в ведение духовенства: браки, разводы, семейные ссоры, законность или незаконность рождений, противоестественные пороки, ересь и т. п., судятся весьма рано по постановлениям византийским. Конечно, и здесь не надо преувеличивать значения этого влияния, общество долго противодействовало ему:

то князья признавали своих незаконных детей законными, то простолюдины считали для себя необязательным венчание; тем не менее самое существенное основание семьи — единоженство, признается со времени принятия христианства. Гораздо медленнее прививался взгляд на преступление, как на нарушение нравственного закона, находившийся в прямой противоположности с первоначальным пониманием преступления как личного оскорбления, и таким образом окончательно выводивший его из сферы частного права и подчинявший публичному. Вот почему взгляд этот, при всем своем несовершенстве, с юридической точки зрения, несовершенстве в том отношении, что на его основании преступления чисто нравственные могут судиться и наказываться строже общественных, составлял значительный успех; можно прибавить даже, что система наказаний, заключающаяся в памятниках церковного права, выше системы, принятой в древнерусском обществе на том же самом основании, несмотря на то, что телесные наказания и смертная казнь — наказания более жестокие, чем денежные вируы.

Византийская литература до XVI в. была главным источником познаний наших предков, главным образцом для подражания в их собственных произведениях, потому нельзя не признать важности византийского влияния с этой стороны. У нас в обществе, а отчасти и в науке преобладает то мнение, что византийское влияние было по преимуществу вредное, что к нам приходили произведения по большей части риториков и позднейших компиляторов, которые далеко были от научного развития лучшей поры классической древности и, следственно, нам открывался мутный, а не чистый источник знания. Выходя из такого мнения, многие думают, что только перевод Священного Писания имел благотворное влияние на развитие нашей образованности, все же остальное только задержало его и даже исказило плодотворные начала, которые начали проявляться в народной поэзии. Подобное суждение едва ли будет вполне справедливо, если бы напр. не найден был греческий подлинник «Хождения Богородицы по мукам», одного из самых поэтических апокрифов, полного любви и милосердия, то можно было бы считать его местным произведением и объяснять влиянием народной поэзии. Вопрос об отношении народной поэзии к памятникам письменным еще далек от разрешения. Не станем спорить о том, что византийская литература полна была произведениями схоластическими и невежественными компиляциями, но не забудем, что на первом плане в числе книг, переходящих к нам, стоят сочинения Иоанна Златоуста и Василия Велико-

го, людей и высокообразованных и высокоумных; их влияние могло быть только благотворно; не забудем знаменитых обличений Златоуста современного ему общества в роскоши и разврате, а в нашем молодом обществе внешний блеск всего более мог пленять людей, а сочинения Златоуста в «Златоструях», «Златоустах», «Маргаритах» и. т. д. были наиболее распространены между нашими книжниками. Множество поэтических сказаний, заключающихся в житиях святых, тоже не оставались без действия: поучении о милосердии, милостыне, воздержании страстей были далеко не лишними в обществе разнузданном. Говорят, что византийская книжность давала ложные понятия о природе, искажала исторические события, но много ли верных понятий можно было извлечь из средневековой латинской книжности? Много ли дали нам произведения средних веков, когда в XVI в. они начали появляться у нас (напр., «Луцидарий»). Есть еще другое замечание, касающееся византийского влияния, и оно не лишено основания: многое непонятно было русскому обществу и оттого оставалось без влияния. Такова, впрочем, судьба всякой заносной цивилизации, и в этом отношении произведения византийской литературы нисколько не более были чужды большинству общества, чем напр. в XVIII в. произведения французской литературы. Вообще обвинения византийского влияния во всех темных сторонах умственной жизни старого русского общества в значительной степени преувеличены и требуют пересмотра; может быть, со временем окажется, что и самые черные стороны преувеличены.

Византийская письменность приносила нам, кроме книг Св. Писания, сочинения богословские, исторические, философские (в отрывках «Пчел» и в сочинении Дамаскина), риторические и даже поэтические (романы: «Варлаам и Иосафат», «Сипагрипн» и. т. д., апокрифы: «Сказание об Адаме», «Сказание о древе крестном», «о Ное», «о Соломоне и Китоврасе» и. т. д.). Это разнообразие литературы составляло умственную пищу наших предков¹; конечно, не все было хорошо: иное, как апокрифы (быть может, не все произведения греческие, между ними есть и болгарские, выходящие из проповеди Богомилов, «басни болгарского попа Иеремия»), подвергались осуждению церкви, заключая в себе учение, ей противное, или факты, не подтверждаемые Св. Писанием; другие переводы из византийцев подвергаются теперь осуждению за то, что в них сообщаются ложные понятия о природе (напр., Козьма Индикон-

¹ Говоря вообще, мы не останавливаемся над затруднительным вопросом о времени появления того или другого произведения в славянском переводе.

плов, который учит, что земля не кругла). Но какая же литература представляет только одно полезное и здоровое? Конечно, предки наши, считая всякую книгу священной, не справлялись со «списками книг истинных и ложных», а, начитавшись апокрифов, впадали в ереси, но можно ли за это осуждать целую литературу? На изучении византийской литературы выросла наша собственная, особенно благодаря тому обстоятельству, что огромное количество переводов создало выражения, приготавлило язык для самостоятельных произведений и представило образцы, напр. изложения исторического или проповеди; можно даже сказать, что перед нашествием татарским мы уже замечаем в Южной Руси попытки освободиться от этой школы. Этой стороны византийского влияния тоже не следует забывать.

Вместе с литературой Византия дала нам и образцы искусства: архитектуру храмов, мозаики и фрески (мозаики и фрески в Киеве, фрески в Новгороде и Ладоге); по этим образцам создавалась у нас иконопись; из Византии пришло церковное пение; обо всем этом мы будем еще иметь случай говорить; наконец, и в быту домашнем появляются византийские ткани (поволоки), украшения (напр., вещи, находимые в Киеве, рязанские бармы и т. д.), платье и т. п. Все это заслуживает тоже внимания и изучения.

Глава III

Географический очерк Руси в период удельный. — Различные мнения о характере периода удельного. — История великого княжества Киевского. — История княжеств: Переяславского, Черниговского, Северского, Смоленского, Полоцкого, Туровского, Волынского, Галицкого, Суздальского и Рязанского

Географический очерк Руси в период удельный

Центральная плоская возвышенность дает начало главным рекам России: Волге, Днепру, Западной Двине, Дону; отсюда же сходят реки, текущие в Ильмень. Факт этот недаром обратил на себя внимание исследователей Русской истории (Надеждин, Соловьев): по речным областям сложились группы княжеств, и нередко события так называемого удельного периода более или менее объясняются географическим положением. По бассейнам рек можно различать в Древней Руси области: Волжскую, Днепровскую, Двинскую, Озерную, обнимающую Северную Русь с ее многочисленными озерами и множеством рек, то впадающих, то вытекающих из этих озер; сверх того, надо еще прибавить область Днестровскую, совершенно отдельную, чем в значительной степени объясняется отдельность Днестровского Галича.

К Днепровской системе принадлежат земли: Смоленская, Киевская, отчасти Волынская, Черниговская и Северская и Переяславская.

Земля Смоленская находится на верховьях трех важнейших из русских рек: Западной Двины, Волги и Днепра. Здесь находится знаменитый Оковский лес, из которого, по свидетельству летописца, потекли эти реки. Таким образом, положение Смоленской земли было очень выгодно: смоленские князья, по выражению С.М. Соловьева, держали ключ к областям Волги, Днепра и Двины, отсюда понятна историческая роль смоленских князей; отсюда же ясны последующие войны за Смоленск между государствами Московским и Литовским: кто владеет Смоленском, тот требует Киева; неплодородие же почвы и близость единственных тогдашних путей сообщения — рек, обуславливает развитие торговой деятельности Смоленска. Все города Смоленской области, кроме Смоленска и Красного, были расположены на дранице Смоленской земли при реках; стало быть, более или менее имели торговое значение. К Смоленской земле принадлежит и княжество Торонецкое — от-

чина двух Мстиславов. Положение Торонецкого княжества объясняет отчасти и роль Удалого восстановителя порядка в Русской земле, посредника между ее разными частями.

Земля Киевская (Русская в тесном смысле) со связанной с ней Припятьской областью — Туровской¹ — есть по преимуществу область Днепра. Счастливое географическое положение, близость Греции, хороший климат, плодородие сделали эту область первой сценой русской истории, но близость степи, постоянное соседство кочевников придали ей характер военного поселения: чтобы оградить от набегов богатый Киев, еще первые князья начали построение городов по степной границе земли Русской (напр., по Росе); потом допустили селиться кочевников, и мы увидим, что эти кочевники имели немалое влияние на самый ход событий в Киевском великом княжении.

Таким характером еще более отличалась земля Переяславская, расположенная по Днепру и по притокам, оплечие Киева с востока. История Переяславской земли тесно связана с историей земли Киевской; в Переяславле не утвердилась ни одна княжеская линия, и постоянно назначение князя в Переяславль зависело от князя, сидящего в Киеве (немногие исключения могут быть объяснены разными временными обстоятельствами).

По притокам Днепра, преимущественно Десне и Сейму, расположена была земля Черниговско-Северская, частью своей (земля вятичей) переходящая в область Волжского бассейна, т. е. эта часть прилегает к Оке. Днепр притягивает эту область к Киеву и связывает ее интересы с интересами киевскими; борьба из-за Киева между князьями черниговскими и волынскими, черниговскими и смоленскими не совсем чужда этого географического объяснения, хотя, с другой стороны, нельзя не сознаться, что отделение от Черниговской системы княжеств земли Муромско-Рязанской объясняется не одними только географическими условиями — положением на Оке, близостью к Суздальской земле, с князьями которой князья рязанские находились в более постоянных то дружественных, то враждебных, отношениях, но и отчуждением между родственными домами Черниговским и Рязанским. То обстоятельство, что Рязань впоследствии примкнула к судьбе Северо-Восточной, а не Западной Руси, объясняется тоже в значительной степени ее историческими, а не географическими условиями, ибо иначе мы не объяснили бы

¹ Границы между Туровскою и Киевскою землею провести очень трудно.

себе, почему перенесение княжеского стола из Муром в Рязань еще при начале самостоятельности Рязанской земли не способствовало ее сближению с Черниговом?

По притоку Днепра, Припяти и ее притокам: Стири, Горыни, Случу и т. д., с одной стороны, по притокам Днестра и Вислы — с другой, расположена земля Волынская. Если это обстоятельство объясняет отдельность Волынского княжества, связь его с Галичем и посредническое, так сказать, положение между Русью и Польшей, то нельзя отвергать и того, что им же объясняется и стремление Волынских князей к Киеву (Изяслав, Мстислав, Роман).

Отдельность Галицкой земли много объясняется тем, что она занимает совсем особую систему Днестровскую и тянется на юг к Дунаю; от Волыни Галич только отбивается (в политике Владимирки), тогда как Волынские князья стремятся овладеть Галичем (Роман). Земля Полоцкая принадлежит преимущественно к области Западной Двины, но часть ее, земля Минская, находится в области Днепровской. Неизвестно, когда (быть может, даже при Рюрике) эта область была присоединена к Полоцкой, но она была постоянным предметом спора между Южной Русью и Полоцкой землей, которая, впрочем, вообще имела с ней мало общего и, встретив неудачу в распространении на Восток, распространялась главным образом на Западе, и в XIII в. мы встречаем во власти полоцких князей некоторые волости в позднейшей Ливонии. Соседство с Литвой, занимавшей область Немана, вовлекало Полоцк в постоянную борьбу, которая велась с разным успехом.

Область Волги и Оки, лесистая земля Суздальско-Ростовская, где города носят название Залесских городов, была местом столкновения между племенами финскими и славянской колонизацией, шедшей, быть может, не из одного Новгорода, а также и Смоленска и земли вятичей. Вообще вопрос об образовании великорусского племени один из существеннейших вопросов русской истории, но разрешение его пока еще не вполне возможно; можем только сказать, что, очевидно, в образовании этой ветви русского племени участвовали едва ли не все остальные в разные времена исторические и доисторические¹. С таким же правом можно сказать, что значение княжеской деятельности в колонизации вели-

¹ Припомним спор М.П. Погодина с М.А. Максимовичем об образовании великорусского наречия, где М.П. Погодин доказывал, что малорусское наречие явилось после татар, когда, по опустошении Южной Руси, началось переселение из Галича.

корусской сильно преувеличивается¹. По своему положению на Волге Суздальская земля, естественно, должна была стремиться к распространению по этой реке и вступила сначала в борьбу с болгарами; стремление остановлено было нашествием татар и заключилось построением Нижнего Новгорода, но возобновилось после свержения ига. Географическое положение давало возможность князьям суздальским удачно бороться с Новгородом, ибо они всегда могли запереть подвоз хлеба из плодородных низовых мест. Этнографические причины настолько же, насколько географические и исторические, способствовали образованию здесь центра объединения Русской земли: предприимчивые, смелые, но практические и способные к неустанной деятельности великоруссы — колонисты вначале посреди чуждых племен и принявшие в себя не подвижный, степной, а более оседлый элемент и к тому самой бедностью природы принужденные к труду промышленному, — вот та среда, где заложены основания этого единства.

От озера Ильменя и рек ильменских и озера Чудского с Великой распространяется земля Новгородская и Псковская (в удельный период еще не разделенные), подымается вверх около озер Ладожского и Онежского и простирается до Белого моря и р. Северной Двины; на восток идет далее в землю Пермскую². Между Камой и Вяткой колония новгородцев занимает землю Вятскую, получившую оригинальное, но, к сожалению, малоизвестное устройство. Таким образом, весь север нынешней Европейской России находился в большем или меньшем подчинении Великому Новгороду. Положение самого Новгорода на великом пути из варяг в греки, легкость сообщения по рекам и озерам с Севером и Востоком развили торговлю Новгорода, чему много способствовала бесплодность почвы самой Новгородской земли.

На столько различных земель распадалась Русь в период от Ярославова деления до татар. Я остановился только на общих чертах потому, что следить за историческими изменениями границ княжеств значило бы вдаваться в подробности, которым здесь не место; здесь же важно было указать на связь географических условий с историческими событиями и вместе с тем показать, что земли, объединяясь, все-таки находились между собой в известной связи и зависимости, ибо если встречаются такие, которые занимают один бассейн, то с ними рядом другие посред-

¹ Об этом еще будем говорить.

² О пятинах, волостях и т. д. вообще Новгородской земли в главе о Новгороде, где будет помещена вся история Новгорода.

ствующие между ними и дальнейшими областями: так, земля Волынская является подобным звеном между Киевской и Галицкой; Смоленская между бассейнами Западной Двины, Днепра и Волги. Таким образом, несомненно, что это разделение рано или поздно должно было привести к единству¹.

Различные мнения о характере периода удельного

Период удельный обыкновенно и весьма основательно считается самым трудным для понимания и объяснения: многочисленность разрозненных центров исторической жизни, множество лиц, постоянно борющихся между собой из-за причин не совсем ясных для нас отдаленных потомков, участие населения городов в этих распрях — все это заставляет смотреть на время от Ярослава до нашествия татар, как на самый мрачный по событиям и темный для исследования период. Ясно, следовательно, что должно было появиться много попыток найти руководящую нить в этом лабиринте переплетающихся отношений. Два вопроса представляются исследователю: 1) как образовалась удельная система? и 2) чем поддерживалось единство Русской земли?

На вопрос о том, как образовалась удельная система, почему Русская земля распалась на несколько отдельных земель, даваемые были различные, не похожие один на другой ответы. Историки прежнего времени, и даже Карамзин, полагали, что разделение Руси на уделы есть следствие личной слабости князей, их любви к детям²; Полевой видит в наделении князей уделами противодействие развивающемуся будто феодализму³; Надеждин, находя совершенно основательно, что в нашей удельной системе нет ничего общего с феодализмом, приходит к тому выводу, что полное объяснение факта разделения Руси надо искать в обычаях сла-

¹ Вопрос об отношении границ древних племен к границам княжеств рассмотрим при обсуждении теории Н.И. Костомарова.

² «Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил государство на области... Удельный князь, повинувшись отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь естественно повиноваться и наследнику, т. е. брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом», т. I, 133—134 (5-е изд.) «Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бедствиям удельного правления», т. II, 14.

³ «Мог ли великий князь русский не делить областей сыновьям, чтобы задушить через то феодализм?» «Ист. Рус. нар.», II, 285.

вянских народов¹; впоследствии этот намек не остался без исполнения²; М.П. Погодин видит причину образования уделов в общем праве княжеского рода — владеть землей, приобретенной трудами их отцов и дедов³; таково же мнение С.М. Соловьева, хотя и опирающееся на другое основание — на родовой быт⁴; то же думает и большинство новых исследователей. Следственно, принадлежа к княжескому роду, каждый князь считал себя вправе получить во владение известный участок территории с соединенным с ним правом на суд и дань. Приведенные выше примеры из истории других славянских племен подтверждают эту мысль: удельные князья являются у других славянских племен точно так же, как и на Руси. Против этого мнения в недавнее время послышались возражения, из которых самое веское принадлежит В.В. Пассеку⁵, видящему главную причину образования уделов не столько в княжеских отношениях, сколько в стремлении городских общин к самостоятельности. Прежде всего, по его мнению, выделяются старые общины и получают своих отдельных князей; затем некоторые из пригородов, находившихся в полной зависимости от старых городов, становятся сильнее и стремятся тоже к самостоятельности: этим В.В. Пассек объясняет борьбу Ростова и Суздаля — старых городов с пригородом Владимиром. К этому мнению отчасти склоняется и Н.И. Костомаров⁶. Нет никакого сомнения в том, что такой основной факт, как дробление государственной территории, не может быть вызван только одной причиной; в этом едва ли не все согласны, но, выделяя одну причину, как главно действующую, к сожалению, мало обращают внимания на остальные, отчего многие явления остаются необъяснимыми. Так и в настоящем случае княжеские стремления совпадают с желанием городов иметь князя у себя, и едва ли можно сказать, чтобы один из этих фактов был причиной другого. Они

¹ «Предначертание исторически-критического исследования древней русской системы уделов» («Труды Общ. Ист.», V. М., 1830).

² Статья С.М. Соловьева в «Моск. Сборн.», 1852.

³ «Как сельская земля находится в общем владении сего села, так вся русская земля, земля Руси считалась общим княжеским владением, на которое все они сознавали свое право». «Иссл. лекции и зам.», IV, 353.

⁴ «Обязанность старшего блюсти выгоды своего рода, иметь всех своих родичей, ако и душу не позволяли ему считать себя полновластным владельцем родовой собственности, располагать ею по произволу, он был только совладельцем с младшими родичами и распоряжался волостями сообща с ними». «Ист. отн. между Русск. Кн.». М., 1847, 19—20.

⁵ «Княжеская и докняжеская Русь» («Чт. в Общ. Ист.», 1870, III).

⁶ «Мысли о федер. начале древней Руси» («Ист. монографии», I. СПб., 1863; первоначально в «Основе»).

встречаются и взаимодействие их образует тот порядок вещей, который мы называем удельной системой.

Единство Русской земли в период удельный объясняется одними — родовыми отношениями между князьями, другими — господством в этот период федеративного начала; наконец, существует еще объяснение всех отношений этого периода договорами князей с народом и князей между собой.

Главными представителями теории родовых отношений, в настоящее время наиболее распространенной, являются С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин, вышедшие из учения знаменитого Эверса, объяснявшего все явления русской жизни в период варяжский родовым бытом. По мнению ученых представителей этой теории, варяжские князья, призванные в Россию, подчинялись общему строю жизни, приняли господствовавшие у славян родовые понятия и положили их в основание своих взаимных отношений: так сложилось понятие о родовом старейшинстве, определяемом степенью близости к родоначальнику, причем дяди первенствуют над племянниками, которые становятся старшими только после всех дядей. У Ярослава шесть сыновей: Володимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь. По смерти Ярослава старшим должен был быть Володимир, но он умер, а право представительства не допускается в Древней Руси, и сын его не может быть старшим¹; следовательно, старшинство переходит к Изяславу, и потом по порядку к каждому из оставшихся в живых братьев, а после них к старшему из сыновей того брата, который первый был великим князем. При каждом возвышении одного из князей на киевский стол его собственный стол переходит к старшему по нем. Следственно, князья не оседаются на одном месте, а постоянно движутся. В подкрепление этой мысли приводятся слова Ярослава Всеволодовича Черниговского: «Яко же от прадед наших лествицей кождо восхождаше на великое княжение Киевское, сице и нам и вам лествичным восхождением, кому аще Господь Бог даст, взыти»². Волости князей

¹ Первый обратил на это внимание М.П. Погодин в своей статье «О старш. между В. Кн. Древней Руси» (Ж. М. Н. Пр. XXIX потом в «Ист. кр. отрывках» I. М., 1846, и «Иссл. лекц. и зам.», IV). С.М. Соловьев, как мы уже видели, подтвердил это указанием Всеволодова устава. Исключение князей изгоев заметил и Н.Г. Устрялов и выразил это так: «Система господства, определенного Ярославом, имела три основания: 1) право на удел только старших представителей княжеского дома и безудельность младших и т. д. «Русск. Ист.» I, 74 (изд. 1848 г.).

² Ник. II, 265 «Ист. России» II, 75. В.И. Сергеевич указывает основательно, что это место сомнительно, ибо в Ипат. мы вместо них находим слова: «При вашем животе неишем,

умерших, не достигнув старшинства, делятся между оставшимися, а сыновья их не получают никакой доли и становятся изгоями (сыновья Ростислава Володимировича, Игоря и Вячеслава Ярославичей); если же за ними и остается их волость, то в качестве совсем особого владения (Полоцк, позднее Галич). Первая борьба между князьями, по мнению С.М. Соловьева, начата именно этими князьями-изгоями при Изяславе Ярославиче; оканчивается она при Святополке-Михаиле на Любечском съезде, когда все князья получают волости¹. Мономах грозно держит великокняжеское достоинство, также и сын его, Мстислав, но после Мстислава снова начинаются усобицы: сначала черниговские князья добиваются возвратить право на старшинство, потерянное тем, что их предок, Святослав Ярославич не был законным великим князем; их стремление поддерживают сыновья Мстислава, чтобы не уступить дяде Юрию. Когда после Всеволода Ольговича Изяслав Мстиславич свергает брата его Игоря, начинается усобица между ним и Юрием, который поддерживает право дяди, а Изяслав защищает право племянника от старшего брата²; но должен, наконец, прикрыться именем другого дяди — Вячеслава. Родовые отношения сами собой не могли ослабнуть, по мнению С.М. Соловьева, ибо когда род распадается на семьи, то в каждой семье начинаются те же явления, и потому на смену родовому началу должно было выступить иное — начало территориальное. Происхождение этого начала, выступившего со времени Андрея Боголюбского, С.М. Соловьев объясняет своей гипотезой о старых и новых городах: у старых городов, имевших свое самоуправление, были пригороды, которые от них зависели: «на что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут»³. Отчего же это было так? Оттого, что пригороды были колониями старого города; следственно, если пригород построен князем, то все права старого города переходят на князя. Оттого князь Суздальской земли, где, кроме старых городов — Ростова и Суздаля, все остальные построены князем, является

а по вас кому Бог даст?» — не совсем согласные с лествичным восхождением («Князь и вече», 302–303, прим. 48).

¹ Слова летописи: «Кождо да держит отчину свою»: П. С. Р. Л. I, 109, ясно свидетельствуя о существовании отчин, сильно подрывают лествичное восхождение. См. об отчинах в указанной статье М.П. Погодина.

² Это обстоятельство заметил М.П. Погодин и указал при том, что в местнических счетах сын старшего брата считался старше своего четвертого дяди (Изл. лекц. и замет IV, 389). С.М. Соловьев указывает на аналогичное явление в Германии: по свидетельству Видукинда, вопрос о том, кто старше — дядя или племянник, решался поединком («Ист. отнош.», 33).

³ П. С. Р. Л. I, 160.

так силен; вследствие этого возникает борьба старых городов с новыми по смерти Андрея и победа новых городов есть победа князя. Эта особенность Суздальской земли породила новое начало в русской истории и повела к созданию государства. Когда территориальное могущество сменило родовые счеты, борьба пошла из-за него; в этой борьбе победили князья московские. Так представляет себе С.М. Соловьев ход древней русской истории и поэтому мало значения дает татарскому владычеству, все объясняя причинами внутренними. К.Д. Кавелин, соглашаясь во многом с С.М. Соловьевым, иначе объясняет переход от родового быта в государственный: он полагает, что на ослабление родовых связей имело влияние раздробление рода на ветви, причем каждая ветвь уселась на месте и явилось понятие о вотчине; затем интересы владельческие, территориальные должны были одержать перевес над кровными; род княжеский превратился во множество отдельных владельцев. И то и другое объяснение равно односторонне, ибо самое понятие отчины явилось гораздо ранее, чем они допускают; что же касается до старых и новых городов, то здесь еще многое остается доказать, напр., хоть бы то, отчего старые города продолжают считать Владимир своим пригородом, в чем соглашается и летописец, называя володимирцев «новые люди мизинии»¹; потом, отчего же новые города по Стугне, Росе и т. д., и в земле Рязанской не повели к подобным результатам? Впрочем, сам С.М. Соловьев указывает на другую причину различия Северной (преимущественно Суздальской) Руси с Южной в различии характера населения, но и здесь причину различия находит только в природных условиях, что несколько односторонне. Вообще теория эта любопытная, как попытка осмыслить Русскую историю во многом неудовлетворительна: 1) она ограничивается только княжеским родом, а он был далеко не единственным деятелем истории; 2) она имеет в виду идеал, а в действительности мы видим, что родовые отношения наблюдались очень мало: столы получались вследствие призвания, завещания и т. д. Важно то, что она указала на княжеский идеал, но идеал еще далеко не действительность.

Другая теория, теория господства в Древней Руси федеративного начала, была высказана Я.И. Костомаровым². Теория эта состоит в том, что княжества (или системы княжеств) соответствуют первоначальным племенам, на которые делилась Русская отрасль славян, и что удельный период связал эти части в одну федерацию. Теория эта по частям высказы-

¹ П. С. Р. Л. 1, 16.

² «Мысли о федеральном начале Древней Руси».

валась нередко: так, многие говорили, что разделение Руси по княжествам соответствует разделению на племена¹, но точность соответствия границ княжеств с границами племен опровергается тем замечанием, что нередко племя раздроблено между двумя княжествами². Самая мысль о федерации впервые высказана кн. М. М. Щербатовым, сравнивавшим устройство Древней Руси с устройством Священной Римской империи³. Н. И. Костомаров ставит свою теорию несколько иначе, он говорит, что в период удельный (удельно-вечевого уклада, как он выражается) «части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другой. Правда, несколько более мелких народностей объединились, зато докончились, определились и укрепились большие, слитые из меньших». Таких больших народностей он насчитывает шесть: 1) южнорусская, 2) северская, 3) великорусская, 4) белорусская, 5) псковская и 6) новгородская. Причем полагает, что и до сих пор они сохранились. Вопрос об этнографических особенностях разных местностей до сих пор еще недостаточно разъяснен: нужно более точных наблюдений, нужны местные словари; но и теперь уже несомненно, что эти местные особенности не образуют не только особых народностей, но даже и особых племен, что разница между великорусским и малорусским наречием менее сильна, чем между *hoch deutch* и *palt deutsch*, между *langue d'oc* и *langue d'oïl* и т. п. Эти народности соединились между собой федеративной связью. В чем же выражалась федерация? Во-первых, в единстве происхождения и языка, во-вторых, в едином княжеском роде, в-третьих, в христианской вере и единой церкви. Но где же единые связующие учреждения? Федерацией наука называет такое устройство, при котором части, пользуясь значительной самостоятельностью, уступают часть своей самодержавности в пользу одной центральной власти, представляе-

¹ Полевой: «Ист. русск. нар.» II, 50—41; М. П. Погодин: «Иссл. лекц. и зам.», IV, 326 и сл. А. Клеванов: «Ист. Юго-зап. Руси». М., 1849.

² С. М. Соловьев «Ист. Рос.», т. I (преимущественно гл. 1) и разбор книг г. Клеванова («Отеч. Зап.», 1850, т. LXXII С. М. Соловьева?).

³ Сей государь (Ярослав), разделив по смерти своей княжения свои между детей своих, препоручив однако старшему высшую власть... а прочие, владея своими уделами, действительно подданные его были... Чувствуя себя довольно сильными, чтобы сопротивляться, противу оных воевали. Правда, иногда мы обретаем съезд у князей для разрешения происходящих между ними трудностей или для сокоупления на брань противу кого, все под властью единого, сидящего на Киевском престоле, что нам представляет род правления подобного, как и ныне в Германской империи правления, где курфирсты под властью единой главы, или избранного императора, сами или же через послов своих пекутся об общем благе Германского корпуса («Ист. России», II, 258).

мой каким-либо постоянным учреждением или конгрессом и президентом или сеймом. В Древней Руси не было таких учреждений: власть великого князя покоилась на обычае.

По мнению В.И. Сергеевича, столы не наследовались, а добывались в Древней Руси. Основа этого воззрения — в учении Б.Я. Чичерина, что в Руси княжеской преобладало начало частное, личное. Частное начало, как полагает В.И. Сергеевич, ограничивалось договорами; таким образом, весь быт этой эпохи сложился под влиянием договоров: княжеские отношения определялись договорами, отношения князя к народу — тоже. Нет сомнения в том, что договоры существовали в Древней России, но вопрос в том, когда и где они появились? Даровитый профессор делает важную ошибку, замеченную еще А.Д. Градовским: он излагает свой предмет не в историческом развитии, а догматически, вследствие чего смешиваются эпохи. К тому же ряды, упоминаемые в летописи, — еще не договор, хотя в них зерно договора: можно, пожалуй, сказать, что слова послов, призывавших варягов: «Идите княжить и владеть нами по праву», тоже договор. Договор есть явление позднейшее, результат сознания необходимости тех или других условий, отчего эта форма так развита в Новгороде и между князьями московской эпохи; многое должно было определиться прежде, чем появится эта форма. Мы знаем, что до сих пор русские люди многие сделки совершают на веру, по душе, без подробных договоров. Потому едва ли не правее были славянофилы (Аксаков), полагавшие, что основа отношений князя к народу была вера, а не договор. Не надо также забывать обычаи, «пошлины», которые являются прежде всяких договоров и составляют столь же прочное основание общественного развития.

Из всего сказанного ясно, что мы недовольны ни одной из теорий, взявшихся объяснять государственный быт Древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнения, что одного движущего начала не было и что пестрота событий объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодействием многих начал, как, по верно-му замечанию одного из величайших историков XIX в. Гизо, и бывает всегда в создающихся обществах. Надеемся, что дальнейшее изложение оправдывает эту мысль.

История великого княжества Киевского

Разделение Руси на земли обязывает нас познакомиться с судьбой каждой из земель в отдельности, останавливаясь, конечно, на тех из них,

которые имели самостоятельное значение, и указывать, где нужно, на волости, входившие в состав земель или временно отделявшиеся. Из всего предыдущего уже ясны более или менее постоянно существовавшие земли. Обзорение свое начнем с Киевской земли, князь которой назывался Великим князем и долго имел первенствующее значение в ряду других князей.

По смерти Ярослава в Киеве, как мы уже знаем, сел сын его Изяслав (1054—1078). Первые годы Ярославичи жили мирно между собой: так, по смерти Вячеслава (1057) они посадили в Смоленск Игоря, а по смерти Игоря разделили Смоленск на три части; собравшись со своими мужами внесли они изменение в Русскую Правду, заменив кровавую месть вирами. Обделенный ими Ростислав Володимирович (сын Володимира Ярославича) удалился в Тмутаракань, откуда выгнал Глеба Святославича и где был отравлен греками (1067). Вместе ходили драться на знаменитого, воспетого в «Слове о полку Игореве» Полоцкого князя Всеслава Брячиславича, нападавшего на Новгород; после битвы на Немизе взяли его в плен и посадили в Киеве в поруб (темницу). В 1068 г. половцы напали на Русь. Этот кочевой народ, родственник печенегам и известный у византийцев под именем куманов, впервые появился в 1054 г.¹ Разбитые половцами князья бежали в Киев, киевляне требовали оружие, чтобы снова биться с половцами; князья отказали, и Изяслав был изгнан, а на стол посажен освобожденный из поруба Всеслав. Князь не удовлетворял киевлян, и они считали себя вправе призвать другого. Изяслав обратился за помощью к польскому королю Болеславу и с ним явился на Русь. Всеслав бежит, киевляне сдаются, но сын Изяслава казнит и ослепляет освободивших Всеслава, даже без разбора дела (1069); ненадолго Изяслав овладевает и Полоцком. Когда Всеслав возвратился на свой стол, сношения с ним Изяслава возбуждают против него братьев, и Святослав занимает Киевский стол (1073—1076). Изяслав обращается за помощью к папе и императору Генриху IV; последний отправил посольство к Святославу, который также мало обратил на него внимания, как и на увещания Феодосия Печерского. Только по смерти Святослава Изяслав вер-

¹ О половцах см.: Сумма в «Чт. в общ. ист.» год 3, 38. Впрочем, здесь очевидно многое спутано. По недостаточности известий очень трудно определить устройство половцев и их религию и быт. Знаем только, что это был народ кочевой; города, упоминаемые у них: Шарукань, Сугров и т. д. могли быть временными укреплениями или по большей мере зимовками. Нигде не видать, чтобы у них был верховный каган или хан; кажется, они распадались на несколько орд. о половцах см. также в «Мет. popul» III, 2. (Comanica), а также А.А. Куника: «О Тюркских Печен. и Половцах» («Уч. Зап. Ак.», т. III. СПб., 1855).

нулся в Киев и устранил вместе с другими племянниками и сыновей Святослава от участия во владении Русской землей; Чернигов занял Всеволод. Олег Святославич и Борис Вячеславич пришли с половцами и разбили Всеволода; Всеволод призвал на помощь Изяслава; Ярославичи разбиты на Нежатиной Ниве близ Чернигова, где убиты Изяслав и Борис (1078). Из этого изложения фактов видно, как много причин имело влияние в ту эпоху на установление порядка: народная воля, проявляющаяся в особых случаях, с одной стороны, княжеские счеты — с другой, и при всем том открывалось широкое поприще личным стремлениям и произволу; можно только заметить, что нормальным почитается совместное действие братьев. Очевидно, порядок не существовал как нечто готовое, а делался, слагался. Не будем произносить личной оценки Изяславу, заметим только, что ни по характеру, ни по стремлениям он не выдавался из ряда князей той эпохи.

Всеволод Ярославич (1078—1093), сев на стол Киевский, посадил сына Володимира в Чернигове, а Ярополка Изяславича на Воыни; только в 1084 г. дал Давиду Игоревичу Дорогобуж и тогда же, вероятно, сыновьям Ростислава Володимировича (правнукам Ярослава) — Рюрику, Володарю и Васильке — города червенские. При нем Мономах успел прославиться и борьбой с кочевниками (торками и половцами) и действиями против князей, не слушавшихся в. князя: так он помог Ярополку Изяславичу в борьбе с Ростиславичами и изгнал самого Ярополка. По смерти Ярополка Всеволод посадил в Турове Святополка, брата его. Всеволод же сам более оставался в Киеве и в старости окружил себя новыми советниками, на которых жаловались киевляне¹; лично о нем нам известно из поучения сына его Володимира Мономаха, что он знал пять языков, одним из которых, вероятно, был греческий, ибо он был женат на греческой княжне; дочь его Янки, основательница Андреевского монастыря, сама ездила в Грецию. Любовь к образованию была наследственной в семье Ярослава: он сам велел переводить книги; от Святослава Ярославича сохранились два известных сборника.

По смерти Всеволода Володимир, сказав себе: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взять, яко есть стол прежде от отца его был»², послал за Святополком. Здесь, кажется, надо дополнить

¹ П. С. Р. Л. I, 93. С. М. Соловьев («Ист. России», т. II, 34—35) замечает, кажется, основательно, что слова летописи: «Нача любити смысл уных, свет створи с ними» следует понимать в том смысле, что Всеволод дал перевес своим боярам-дружинникам над киевскими.

² П. С. Р. Л. I, 93.

летописное известие предположением, что киевляне предлагали стол Володимиру. Святополк-Михаил Изяславич приехал и занял стол (1093—1113). То был князь слабый (вследствие чего на первый план выдвинулся Мономах), но коварный и корыстолюбивый, что доказывается его связями с евреями, дома которых народ разграбил немедленно по его смерти; есть известие¹, что он взял на себя монополию соли. Нападение половцев и княжеские смуты занимают первые четыре года управления Святополка. Половцы разбили Святополка и Мономаха, брат которого Ростислав утонул в Стугне; города разорены, множество пленных уведено в степь. С половцами заодно Олег Святославич, который отнимает Чернигов у Мономаха; Святополк и Мономах зовут его на съезд, на котором должны были присутствовать епископы, игумены, «мужи отец» (старые бояре) и люди градские. Олег гордо отказывается: «Несть мене лепо судити епископу, ни игуменом, ни смердом»²; начинается новая усобица: изгнанный из Чернигова, Олег кидается в землю Суздальскую, некогда также принадлежавшую Чернигову, а теперь занятую сыном Мономаха Изяславом, убивает Изяслава, сам разбит Мстиславом, сыном Мономаха, тогда княжившим в Новгороде, на Кулачке³. Мономах пишет к Олегу известное письмо, прося отпустить невестку, вдову Изяслава⁴. В 1097 г. собрались князья на съезд в Любиче и здесь казались оконченными все распри: было положено, что каждый владеет отчиной своей: Святополк — Изяславовой (Киев), Володимир — Всеволодовой; Святославичи: Давид, Олег и Ярослав — Святославовой, а кому раздавал города Всеволод, те сохраняют эти города: Давид Игоревич — Владимир Волынский, Ростославичи: Володарь — Перемышль, Василько — Тербовль. Но согласие между князьями было непродолжительно: Давид Игоревич вооружил Святополка против Васильки; Василько был ослеплен и увезен на Волынь; Мономах вооружил Святославичей против Святополка, князья подступили к Киеву и были умиловлены вдовой Всеволода; примирясь со Святополком, потребовали, чтобы он шел на Давида. Началась новая усобица, в которой приняли участие поляки, угры, половцы и которая окончилась тем, что в 1100 г. князья съехались

¹ В «Патерике» (печатном лист. 145).

² П. С. Р. Л. 1, 98.

³ Арцыбшев: «Пов. о России», т. I, кн. II, стр. 45, пр. 277, «так называлось вероятно некоторое место у Суздаля». М.П. Погодин («Иссл. лекции и зап.», IV, 267) считает эту местность за одно с теперешней р. Колокшей, которая впадает в Клязьму и орошает уезды Юрьевский и Владимирский.

⁴ П. С. Р. Л. 1, 105—107.

в Уветичах¹; на этом съезде решено взять у Давида Игоревича Волынь и отдать ее сыну Святополка Ярославу, причем князья дали ему Бужск, а потом Дорогобуж и довольно значительную сумму денег; хотели было отнять у Ростиславичей Теревовль, на что те не согласились. Последние годы Святополка заняты борьбой с половцами, особенно важен поход 1111 г., когда князья — наиболее отличился Мономах — ходили за Дон и воротились с великой славой. В 1113 г. умер Святополк; на другой день после его смерти (апр. 7) киевляне, собравшись на вече, послали сказать Володимиру «пойди, княже, на столе отен и деден». Володимир не пошел²; киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты и жидов; тогда снова послали сказать: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не пойдеши, то веси, яко много зло уздвигается, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жида грабити, и паки ти пойдуть на ястровь твой и на бояры и на монастыре, и будеши ответ имел, княже, ожети монастыре разграбят». Володимир согласился³.

Володимир Мономах, «братолюбец, нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю»⁴, был, бесспорно, одним из лучших князей Древней Руси. В своем «Поучении» он рисует идеал доброго князя, который везде сам, не полагается на своих отроков, сам судит, сам расставляет полки, вечно занят, ко всем милостив, благосклонен и всегда помнит Бога. Идеал этот, очевидно, он старался осуществить, чем и объясняется народная любовь к нему; «Оже ее Олгович, — говорили куряне Мстиславу Изяславичу в 1147 г. — ради ее, за тя бьем и с детьми, а на Володимира племя на Гюргевича не может руки подъяти»⁵, и киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: «Княже, ты ее на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти; оля же, Олгович хотя и с детьми»⁶; новгородцы, приветствуя того же Изяслава, кричали ему: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав»⁷. о Мономахе, несомненно, существовали песни, сле-

¹ Положение этой местности до сих пор неопределено, но, во всяком случае, в Киевской области. См. Н.П. Парсова: «Матер. для ист.-геогр. словаря». В., 1865, 203.

² Быть может, припомнив старшинство Святославичей или по обычаю отказываться: как отказывались запорожцы, выбираемые в кошевые, или Борис Годунов.

³ П. С. Р. Л. II, 4. ятров (ятры) жена брата, невестка.

⁴ Там же, 10.

⁵ Там же, 35. Курск в XI в. и начале XII принадлежал княжеству Переяславскому («Изс. лекц. и Зап.» IV, 266), хотя в конце XII в. принадлежал к Северскому княжеству: «А мои ти Куряне сведоми к мети», говорил в «Слове о Полку» Всеволод, брат Игоря.

⁶ П. С. Р. Л. II, 31.

⁷ П. С. Р. Л. II, 40.

ды которых сохранились в летописи¹. Первым делом Мономаха на столе Киевском было созвание дружины своей для решения вопроса о процентах; на этом совете участвовал и Олегов муж. Постановление нормы процентов было необходимо вследствие преобладания евреев при Святополке². Как Великий князь, он требовал повиновения от других князей и наказывал непослушных: минского Глеба Всеславича и волынского Ярослава Святополковича; точно также наказал заточением непокорных бояр новгородских³. К концу его правления значительная часть Русской земли была во владении его семьи. В Новгороде сидел сначала Мстислав, а потом сын его Всеволод; во Владимире Волынском Роман, а потом Андрей в Переяславле сначала Святослав, а потом Ярополк; в Суздале — Юрий, в Смоленске — Святослав, а потом Вячеслав. Усмиряя внутренние смуты, Момах грозно защищал Русь от внешних врагов; сам ходил на половцев, помогал зятю своему царевичу Леону против Алексея Комнена, Мстислав ходил на Чудь, Юрий на болгар камских, Андрей на Польшу, Всеволод Мстиславич на Ям.

Два сына Владимировы — Мстислав (1125–1132) и Ярополк (1132–1139) — последовательно занимали Киевский стол. Мстислав достойно поддерживал политику отца: недовольный князьями полоцкими за то, что они не участвовали в общем походе на половцев, он послал войско на Полоцк, отправил всех князей в Грецию, а в Полоцке посадил сына своего Изяслава. Он принял было участие в расприх черниговских князей, где Всеволод Ольгович не по праву отстранил дядю своего Ярослава Святославича, удалившегося в Муром; духовенство склонилось на сторону Всеволода, которому как зятю своему уступил и Мстислав. По сви-

¹ «Ревноваше бо деду своему Мономаху (дело идет о Романе Мстиславиче), погубившему поганяя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю отрока во Обезы за Железная врата, Сырчанове же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон, приемши землю их всю и загнавшю оканьяныя Агаряны. по смерти же Володимере, оставшю у Сырчана единому гудьцю же, Ореви посла и во Обезы, река: «Володимер умерл есть, а воротися брате, поиди в землю свою; молви же ему моя словеса; пой же ему песни Половецкия; оже ти невосхочет; дай ему поухати зелья, именем евшан». Оному же невосхотевшю обратитися, ни послушати и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплакавшю, рче: «Да лучше есть на своей земле косью лечи, нели на чюже славну быти» и приде в свою землю, от него родившюся концаку, иже снесе Сулу, пеш ходя, котел нося на плечеву». П. С. Р. Л. II, 155. Этот исполненный непонятных намеков отрывок не может быть не чем иным, как обломком песни в духе «Слова о полку Игореве».

² «Текст Русс. Правды» Н. В. Калачова. М., 1847. Мономаху приписывают и следующие постановления о торговле, что не лишено вероятия (Н. И. Костомарова. «Ист. Мон.», I, 162–169).

³ П. С. Р. Л. III, 4.

детельству летописи, он еще при жизни Мономаха заключил условие с Ярополком, по которому этот последний, получив Киев, должен был отдать Переяславль, открывавший путь на стол Киевский Всеволоду Мстиславичу¹. В этом условии — главный источник всех смут, волновавших семилетнее правление Ярополка. В Переяславле был посажен Всеволод, но Юрий Суздальский, не желавший уступать племяннику, выгнал его. Затем началась ссора племянников с дядьями; Ярополк уступал то братьям, то племянникам; племянники соединились с Всеволодом Черниговским, который был женат на Мстиславне; в борьбу вступили и новгородцы, разбившие суздальцев в 1135 г. при Ждановой горе (в Суздальской области), но наконец надоело им участие их князя в делах южных и они изгнали Всеволода, который ушел в Псков, где и умер (1138). С этих пор Новгород начинает постоянно изгонять князей и, пользуясь раздорами между княжескими линиями, более прочно устанавливает свою независимость².

Пользуясь раздором в Мономаховом роде, Всеволод Ольгович (1139—1146) сел на столе Киевском, вытеснив Вячеслава Володимировича. Как ни ловок был Всеволод, его положение в Киеве было очень шатко: с одной стороны, он не желал ссориться с Мономаховичами, у которых было так много волостей и в числе которых был смелый и предприимчивый Изяслав Мстиславич (князь Волынский с 1135), с другой, ему хотелось устроить свою семью, но родичи его: родные братья (Игорь и Святослав) и двоюродные (Изяслав и Володимир Давидовичи) требовали тоже себе волостей и негодовали на Всеволода. Поэтому все княжение его проходило в колебаниях и полумерах: то он восстанавливал против себя Мономаховичей (когда, напр., собрался отнять Переяславль у Андрея), то вооружал Олеговичей, когда перевел сына своего на Волынь (1144), чем вызвал нового сильного врага галицкого князя Володимирка Володаревича, которому было крайне невыгодно соединение Киева с Волынью. В Киеве тоже не любили Всеволода, что и сказалось, когда по смерти его Игорь, старший из его братьев, сел на стол.

Киевляне только тогда поцеловали крест Игорю, когда Ольговичи поклялись освободить Киев от притеснений Всеволодовых тиунов и су-

¹ «Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода, и да ему Переяславль по крестьяному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отню повелению, акоже бя же има дал Переяславль с Мстиславом». П. С. Р. Л. I, 132.

² Псков до сих пор чтит память Всеволода-Гавриила; в Троицком соборе хранится его меч и в торжественных процессиях его как святыню носят по Пскову.

дить сами: «Ратша ны погуби Киев, — говорили они, — а Тудор — Вышгород; а ныне, княже Святославе, целуй нам крест и с братом своим: аще кому нас будет обида, то ты прави»¹. Требование объясняется тем, что — вероятно — эти люди, пользовавшиеся доверием Всеволода, были не киевляне, а черниговцы; в древности же не любили чужеродцев во власти: они и с обычаями не знакомы, да и связей у них нет, и потому они только и хотят, что нажиться. Несмотря на клятву Ольговичей, все-таки сильная партия в Киеве призвала Изяслава, который, успев заручиться союзом Давидовичей (двоюродных братьев Игоря), пошел к Киеву, разбил Игоря, который завяз в болоте и был взят в плен.

Изяслав Мстиславич (1146—1154), предприимчивый и смелый, мало думал о том, на чьей стороне право: летописец сообщил нам его характеристическую поговорку: «Не идет место к голове, но голова к месту»²; тем не менее не раз приходилось ему прикрываться старшинством дяди своего слабого и бездарного Вячеслава. Немногие годы его правления прошли весьма бурно; призвавшие его киевляне прямо ему сказали: «Ты нам князь; не хотим переходить к Ольговичам по наследству»³. То же неприятие к Ольговичам высказали и другие города Русской земли, а также поселенные в Переяславском княжение черные клобуки⁴. Участие этих народцев было чрезвычайно важно: воинственные, они готовы были во всякое время на бой. С одними черниговскими князьями Изяслав легко бы справился, тем более что политика Всеволода поселила между ними раздор: на сторону Изяслава стали Давыдовичи; против него вооружился, с одной стороны, Юрий Володимирович Суздальский, старшинство которого признавал и сам Изяслав: «Всех нас, — говорил он сыну Юрия Ростиславу, — старей отец твой, но с нами не умеет жити»⁵ и на которого не хотели подымать руки киевляне; с другой стороны, Изяслав нашел врага в Володимире Галицком, не желавшем усиления волынских князей. Таким образом, против него составилась тесная коалиция из князей, два раза ему приходилось уступать стол Юрию, и он только потому усидел около четырех лет (1150—1154), что призвал Вячеслава

¹ П. С. Р. Л. II, 22.

² П. С. Р. Л. II, 65.

³ Там же, 23.

⁴ См. статью г. Самчевского: «Торки, Берендеи и Черные Клобуки»; в этой статье собраны все места летописи о народцах, носивших эти названия, и доказывается, что «черные клобуки» было их собирательным именем; об участии их в судьбах Руси Южной см. также Н. И. Костомарова: «Ист. монографии»; М. П. Погодина: «Иссл. лекции и зам.».

⁵ П. С. Р. Л. II, 39.

и правил под его именем. Борьба эта, исполненная драматическими эпизодами, в которой приняли участие в пользу Изяслава Угры, естественные враги Володимирки, весьма подробно описана современником и, кажется, соратником Изяслава¹. Для характеристики отношений киевлян к Изяславу важен преимущественно один случай: узнав об измене Давидовичей черниговских, киевляне вытащили из монастыря Игоря и убили его.

По смерти Изяслава на Киевском столе чередовались Ростислав Мстиславич, брат его (1154—1159, 1161—1167); Изяслав Давидович (1154, 1157, 1161), Юрий Володимирович Долгорукий (1157—1159). В этих частых сменах все более и более падало достоинство Киева и окончательно упало, когда в 1169 г. суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, не довольный связью тогдашнего в. князя Мстислава Изяславича (1167—1169) с Новгородом, составил против него союз из 11 князей; союзной ратью, отправленной к Киеву, начальствовал сын Андрея Мстислав. Город был взят и разграблен, на стол посажен Глеб Юрьевич (1169—1171), а города русские остались в руках сыновей Ростислава Мстиславича, храбрых князей смоленских. После насильственной смерти Глеба Андрей вооружился против Ростиславичей, заподозрив их в укрытии убийц. Мужественная защита Вышегорода Мстиславом Ростиславичем заставила войска Андрея удалиться; Ростиславичи остались распорядителями юга; на Киевском столе сменялись один другим князья разных линий (волынские, смоленские, черниговские), пока между Ростиславичами и Святославом Всеволодовичем, сыном Всеволода Ольговича, не заключено было условие, по которому Святослав получил Киев (1177—1194), а Ростиславичи все остальные города русские. Их взаимное согласие поддерживало спокойствие Киевской области; вместе они ходили на половцев, вместе предпринимали поход на Галицкую землю по смерти Ярослава Галицкого, хотя, не уладившись в разделе, воротились ни с чем; но князь киевский уже не мог быть самостоятельным в ту пору: Святослав держался долго особенно потому, что не выходил из послушания суздальского князя Всеволода Большого Гнезда, брата Андрея.

Место Святослава занял Рюрик Ростиславич (1195 до 1202), также во всем покорявшийся Всеволоду, на дочери которого женил своего сына. С Рюриком был в хороших отношениях волынский князь Роман Мстиславич, женатый на его дочери. Всеволод решился расстроить этот союз:

¹ П. С. Р. Л. II, 22—74. Гейза, король Угорский, был женат на сестре Изяслава Евфросинии кар. II, пр. 322.

он потребовал, чтобы Рюрик дал ему в Русской земле именно те города, которые отданы были Роману. Получив их, он передал зятю своему, сыну Рюрика, Ростиславу. Роман обиделся, началась война, Рюрик изгнан, снова воротился, взяв Киев с помощью половцев и страшно разорив его (1203); снова поссорился с Романом, был пострижен (1205); скоро после того Роман был убит, Рюрик опять воротился в мир; началась новая усобица, кончившаяся тем, что в Киеве сел Всеволод Чермныш, сын Святослава Всеволодовича, а Рюрик получил Чернигов (1210). В 1214 г. Всеволод Киевский задумал изгнать Ростиславичей из Русской земли; явился против него из Новгорода Мстислав Мстиславич, восстановитель всякой правды, и изгнал его из Киева, куда посадил двоюродного брата своего Мстислава Романовича (1214—1223), убитого в сражении при Калке. Затем Киев снова переходит из рук в руки и наконец в год взятия его Батыем (1240) в нем сидел наместник Даниила Романовича Галицкого. Так мало-помалу падало значение Киева, бывшего целью княжеских честолюбий, почему князья и не удерживались долго и редко пользовались сочувствием народа, держась более или своими дружинами, или помощью так называемых поганых, или союзом с другим сильным князем. Земля Киевская мало-помалу дробилась, по случаю раздачи разных волостей союзникам и родственникам; подчинение киевского князя суздальскому объясняется большей силой последнего. После смерти Всеволода, во время смут в земле Суздальской, получает особое значение Мстислав Мстиславич, славный своим мужеством и уважением к праву; его всюду призывают; он всюду является примирителем, распорядителем. Из всего сказанного ясно, почему Киев не мог стать центром объединения Русской земли.

**История княжеств: Переяславского, Черниговского,
Северского, Смоленского, Полоцкого, Туровского,
Волынского, Галицкого**

К Киевскому княжеству прилегалo княжество Переяславское, вдающееся в степь половецкую и потому служившее до известной степени оплечием Киева от нападений степняков: здесь в первый раз появились половцы при сыновьях Ярославовых. По делению Ярослава Переяславское княжество, к которому принадлежала и Суздальская земля, досталось Всеволоду Ярославичу. После того как Мономах утвердился на столе Киевском, а за ним пошли его сыновья, Переяславское княжение стало считаться как бы ступенью к Киевскому: отсюда уже упомянутая

нами борьба между племянниками и братьями Ярополка Володимировича. Всеволод Ольгович затевал отнять Переяславль от Андрея Володимировича, сына Мономахова, но потерпел неудачу (1140) и оставил Переяславль в роде Мономахове. Во время борьбы Изяслава Мстиславича с Юрием Переяславль переходил то к сыну Изяслава, то к сыну Юрия; отсюда Глеб Юрьевич перешел на стол Киевский (1169); после него сидел здесь сын его Володимир Глебович (1169—1187), поминаемый «Словом о полку Игореве». Во время преобладания над Киевом суздальских князей они посылали в Переяславль своих сыновей и братьев; Всеволод посылал сына своего Ярослава (1201); Юрий Всеволодович брата Володимира (1213—1215), а потом Святослава (1228). Вообще можно сказать, что земля Переяславская не имела никогда ни особой самостоятельности, ни особого значения. Суздальская область уже со времен Мономаха была отделена от нее.

Иная судьба была княжества Черниговского, от которого впоследствии отделились Северское Рязанское; последнее даже не принимало никакого участия в судьбах Русской земли и находилось в сношениях только с соседственным Суздальским княжеством. По завещанию Ярославо-ву, Черниговское княжество (связь Черниговского княжества с Тмутараканским — воспоминание, может быть, Мстислава Володимировича, завоевавшего Чернигов из Тмутаракани, — никогда не была сильна) досталось Святославу Ярославичу, по смерти Святослава (1076) дети его были изгнаны, а Чернигов остался за сыном Всеволода Володимиром. Началась известная усобица, в которой со стороны Святославичей главным лицом явился знаменитый Олег «Гориславич» «Слова о полку», который возбуждал нерасположение современников тем, что наводил половцев на Русскую землю. После Любечского съезда (1096) Черниговская земля возвращена была ее отчичам: Давид сел в Чернигове, а Олег в Новгороде Северском. По смерти Давида (ум. 1125), пережившего Олега, в Чернигове сел было, по обычаю, меньшей из Святославичей Ярослав, но племянник Всеволод Ольгович изгнал его (1127) и Ярослав удалился в Муром, где и положил основание самостоятельности Муромско-Рязанского княжества. Когда Всеволод сел в Киеве (1139), он уступил Чернигов двоюродным братьям Изяславу и Володимиру Давыдовичам. Давыдовичи, как мы уже видели, приняли участие в борьбе между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким; сначала были за первого, а потом перешли на сторону второго, чем и навлекли на свою землю опустошительные нападения с обеих сторон. По смерти

Изяслава Мстиславича Изяслав Давыдович три раза пытался овладеть Киевом; когда он был убит, после третьей попытки (1161) Чернигов перешел к брату Всеволода Ольговича Святославу, а от него к Святославу Всеволодовичу (1164—1177). Так как линия Давида уже совсем прекратилась тогда, то эти переходы были чрезвычайно правильны и свидетельствуют, что у князей всей Руси были одинаковые понятия о старшинстве. Святослав, как мы уже видели, сел на стол Киевский, а Чернигов перешел к брату его Ярославу (1177—1198). Черниговские князья не хотели забывать своих прав на Киев и когда им указывали на Мстиславово деление Руси Днепром, они отвечали: «Мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого деда есмы внуки»¹. Торжеством их в этом отношении было то, что Всеволод Святославич (сын Святослава Всеволодовича и отец св. Михаила) сел в Киеве, а Рюрик Ростиславич в Чернигове (1210—1215). Таким образом как бы окончательно признало было равенство их с домом Мономаховым. Наиболее долго владели Черниговом в эту эпоху Всеволод Святославич (1202—1210), брат его Мстислав (1215—1223), убитый при Калке, и сын его Михаил (1223—1245). Знаменитый Игорь, ходивший на половцев, тоже умер Черниговским князем (1198—1202). После Михаила Черниговского область, опустошенная татарами и разоренная, теряет всякое значение.

Князья северские, стольным городом которых был Новгород, были все из рода Олега, по большей части потомки сына его Святослава; старшие из них переходили иногда из Новгорода в Чернигов, а меньшие двигались из других городов в Новгород. Из князей этой области более известны Игорь Святославич и брат его Всеволод, прославившиеся своим походом на половцев (1085). Сыновья Игоря — Святослав, Роман и Володимир пытались усесться в земле Галицкой и Волынской, по попытка кончилась для них чрезвычайно тяжело: они повешены галицкими боярами в 1211 г.²

К северу от земли Черниговской лежит земля Смоленская, в которой, как мы уже видели, утвердилось потомство Мономаха; он сам владел Смоленском, а потом посадил туда своих сыновей, сначала Святослава, потом Вячеслава. С 1127 г. здесь видим Ростислава Мстиславича, в роде которого смоленское княжение сохранилось до потери своей самостоятельности. Ростислав Мстиславич (1127—1159) втягивал Смоленское княжество в распри своего брата Изяслава и сам нередко уходил к

¹ П. С. Р. Л. II, 146.

² П. С. Р. Л. VII, 117.

Киеву и наконец умер великим князем. Славный своим благочестием и кротостью, стремившийся к монашеской жизни¹, Ростислав остался особенно памятен грамотой, данной вновь основанной Смоленской епископии, из которой извлекаются важные сведения о тогдашних доходах, волостях Смоленских и т. д. По нем в Смоленске остался сын его Роман (1159—1180), который нередко и надолго уходил в землю Русскую и два раза был князем киевским; в Смоленске оставался сын его Ярополк (1171—4175), которого изгнали смольняне²; вообще, Роман не ладил со смольнянами, у которых, как кажется, сильно развито было вечевое начало: оплакивая смерть Романа, княгиня его говорит: «Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый, воистину тебе нарчено имя Роман, всей добродетели сын подобен ему (Роман христианское имя св. Бориса) многия досады прия от смолнян, и невиде тя, господине, николиже противу их злу, никоторого зла въздаючи»³. После Романа княжил в Смоленске брат его Давид (1180—1197), который жил очень неладно со смольнянами: в 1185 г. возникла между ними распря, когда они недовольны были его походом на защиту Киева от половцев⁴; нелады продолжались и в 1195 г., когда Олег, сын Святослава Всеволодовича, уговаривая дядю своего Ярослава продолжать войну с Давидом, говорил ему: «Сказывают ми, смолняне изыимани, ажь братья их недобре с Давыдом»⁵. История Смоленского княжества в XIII в. довольно темна, так что даже не знаем, кто сидел на столе смоленском от 1231 до 1239. Из князей этой эпохи особенно важен Мстислав Давыдович (1223—1231), известный договором, заключенным им с Ригой: Из волостей Смоленских особенно важен Торопец, где некоторое время княжил знаменитый Мстислав Мстиславич (1207—1210).

Другое кривское княжество — Полоцкое — в истории своей представляет еще более затруднений, даже чем Смоленское. Володимир Св., завоевав Полоцку Рогволода, отдал сыну своему Изяславу, рожденному от Рогнеды, дочери этого Рогволода⁶. Изяслав умер прежде отца и не

¹ П. С. Р. Л. II, 94—95.

² П. С. Р. Л. II, 117.

³ П. С. Р. Л. II, 123

⁴ П. С. Р. Л. II, 132.

⁵ П. С. Р. Л. II, 147.

⁶ Любопытно, что известная легенда о Рогнеде появляется в летописи при известии о ссылке полоцких князей в Грецию (1128); замечательно ее начало: «Яко сказаша ведущии (вероятно вестие — поэты) и конец: «И оттоле меч взимают Роговоложи внуди претиву Ярославим внуком» (П. С. Р. Л. I, 131), как будто Ярослав не сын той же Рогнеды.

был в. князем. Сын его Брячислав (1001—1044) нападал на Новгород, боролся с Ярославом. Замечательнее сын его Всеслав (1044—1068, 1068—1098), о котором летопись говорит, что он родился от волхвования, что у него было на голове язвено, почему он носил какую-то таинственную повязку и оттого немилостив был на кровопролитие¹. «Слово о полку Игореве» представляет его каким-то чародеем: он волком скочил до немиги, он «людям судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорискаше до кур Тмутараканя, великому Хросови путь прерыскаше. Тому в Полотске позвонише заутреннюю рано у Св. Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша». Этот князь-чародей грабил церкви и снял колокола в Новгороде². Вообще о Полоцке в эту пору ходили странные слухи: по городу ездили на конях мертвецы, сами невидимые, а видимы были только копыта лошадей; кого ударит копыто, тот умирает³. Борьбу его с Ярославичами мы знаем. После него три его сына: Роман, Давид и Рогволод поочередно сидели в Полоцке. Князья южнорусские не ладили с ними. Мономах изгнал в 1119 г. из Минска сына его Глеба, а в 1130 г. Мстислав выслал всех полоцких князей в Грецию за то, что они не хотели идти вместе с другими на половцев. Только в 1140 г. князья полоцкие возвратились из Греции; между князьями начались распри, в которых принимало участие и городское вече: в 1151 г. полочане изгнали Рогволода Борисовича; в 1158 г. снова призвали его. В этих распрах, о которых мы получаем только случайные известия, ибо полоцких летописей нет⁴, мельчают полоцкие князья и мало-помалу сведения о них пропадают. Мы даже не знаем, кто такой Володимир, о котором упоминают ливонские источники⁵. Смутность истории полоцкой подавала повод к двум легендам: русские источники рассказывают, будто литовские князья происходят от полоцких, спасавшихся от Мстислава⁶; а литовские рассказывают о господстве литовских князей в Полоцке в конце XII в.⁷ Положительно можно сказать только то, что в начале XIII в. Полоцкое княжество было в зависимости от Смоленского или

¹ П. С. Р. Л. I, 67.

² П. С. Р. Л. III, 2.

³ П. С. Р. Л. I, 93.

⁴ Отрывок из полоцких летописей у Татищева есть подделка. См. Н. П. Лыжина: «Два памфлета времени Анны Иоанновны» («Изв. II Отд. Ак. Наук», VI).

⁵ Бонель («Chron. Nachträge, 234) считает его сыном Всеслава Васильковича, Н. П. Лыжин (указанная статья) — Володимиром Рюриковичем, владевшим Смоленском. Точно также до сих пор еще не ясна генеалогия знаменитой Евфросинии, ходившей в Царьград.

⁶ П. С. Р. Л. VII, 253.

⁷ Так называемая «Летопись Быховца» (подробный Литов. лет.).

в какой-то связи с ним¹; это тем понятнее, что с 1186 г. появились немцы в устье Двины, а в 1201 г. основали орден меченосцев.

В земле дряговичей было княжество Туровское, в котором некогда сидел Святополк Володимирович; Ярослав отдал его Изяславу, от которого перешло оно к сыну его Святополку Михаилу; Мономах отдал его сыну своему Вячеславу, но с 1157 г. здесь утвердилось снова потомство Изяслава Ярославича и оставалось до татарского нашествия, не имея никакого значения в Русской земле.

На западе от земли Киевской и на юге от Туровской находилась земля Волынская (частью земля древлян, а частью волынян). В этой земле первым князем из рода Рюрикова был Олег Святославич; из сыновей Володимира двое сидели в ней. Всеволод во Владимире Волынском, а Святослав — в земле Древлянской. По разделу Ярославову здесь сидел Игорь. При Всеволоде Ярославиче Волынь была отдана Ярополку Изяславичу, по смерти Ярополка (1085) ее получил Давид Игоревич, которому еще прежде Всеволод дал Дорогобуж, а города червенские (Галицкая земля) были отделены в пользу Ростиславичей: Рюрика, Володаря и Василька. Давид был лишен Волыни по постановлению съезда в Уветичах (1100) за подстрекательство к ослеплению Василька. Тогда Волынь досталась Ярославу Святославичу, но он лишен своей волости Володимиром Мономахом за непослушание (1117). С тех пор земля эта перешла к племени Мономахову: здесь сидели сыновья его Роман и Андрей, а с 1135 г. получил Волынь Изяслав Мстиславич, который и находил в Волынской земле опору в своей борьбе за Киевский стол. По смерти его на Волыни остались меньшие его братья и сын Мстислав (ум. 1172), который, подобно отцу, провел жизнь в искании Киевского стола. Ему наследовал знаменитый сын его Роман (1172—1205), направивший свою деятельность на Галич, но имевший, как мы уже видели, значение и в делах земли Русской. По смерти его начались смуты в Галиче, отразившиеся и на Волыни, и только в 1229 г. окончательно утвердились его сыновья Даниил — в Галиче и Василько — на Волыни. Западная окраина Руси — земля Галицкая (Русь Угорская никогда не была в политической связи с остальной Русью) вошла в состав Варяжского государства только со времен Володимира Св. (981), завоевавшего так называемые города червенские). Самостоятельность Галицкой земли начинается с тех пор, как

¹ В одном из списков Мстиславова договора 1229 г. читаем: «Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском березе, и Немчию в Смоленской волости Полтьской и в Витебьской» «Русск. Лив. акты», 417.

три брата Ростиславичи получили ее от Всеволода Ярославича и утвердились: Рюрик (ум. 1092) и Володарь в Перемышле, а Василько в Тербовле. Ростиславичи не сидели на месте спокойно; особенно отличался Василько: он ходил на ляхов, думал «перейать» болгар дунайских. Ослепление Василька вызвало известную нам усобицу; после нее Ростиславичи жили мирно и умерли в один год (1124). У Василька было два сына — Иван и Григорий, а у Володаря тоже два: Володимерко и Ростислав. Когда умерли Васильковичи (1144), всю землю соединил в своих руках Володимерко, еще прежде изгнав сына умершего своего брата Ростислава знаменитого Ивана Берладника, названного так по молдавскому городу Берладу, где он часто собирал дружину из разной повольницы и то действовал в свою пользу, добываясь Галича, то нанимался к какому-нибудь князю. Иван — русский кондотьер XII в. Володимерко, соединив землю, перенес свой стол в Галич. Это был князь коварный, умевший действовать где нужно хитростью: притвориться больным, разжалобить; нравственных начал он не знал: когда боярин Изяслава Мстиславича упрекал его за то, что он изменил крестному целованию, Володимерко ответил смеясь: «Сейли крестец малый?»¹. Вся жизнь его прошла в стремлении не допустить усиления волынских князей, а между тем страна его богатела, ибо Володимерко действовал более политикой, следственно, неприятель редко входил в землю Галицкую, а половцы и совсем не проникали туда. В 1152 г. умер Володимерко, и ему наследовал сын его Дослав Осмомысл, могущество которого так характеризует автор «Слова о полку Игореве»: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе. Подпер горы Угорский своими железными пълки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, мечя бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворявши Киеву врата; стрелявши сотня злата стола Салтана за землями». Несмотря на все его могущество, при нем случилось следующее событие: у него была любовница Анастасья; недовольная этим княгиня, дочь Юрия Долгорукого, ушла (1173) в Польшу; один из галицких бояр Святополк начал звать ее возвратиться. Она воротилась, и бояре сожгли Настасью, а Ярослава принудили жить с женой². Боярство было сильно в Галиче потому, что, оставаясь на месте, оно, кажется, успело сделаться землевладельческим; ясно, что тут много значили и обычаи соседней Польши. Когда в 1187 г. Ярослав умер, бояре не признали его завещания,

¹ П. С. Р. Л. II, 72.

² П. С. Р. Л. II, 106.

отдававшего Галич Олегу, сыну Настасьи, а позвали Володимира¹. Володмир вошел в связь с какой-то попадьей, возбудил против себя галичан и был изгнан² по наущению Романа Волынского. Начались усьобицы, в которых приняли участие угры; сначала посадили снова Володимира, потом пленили его. Володмир бежал из плена и с помощью Цезаря и польского короля воротился в Галич. Он умер около 1197—1200. Тогда Роман снова явился в Галич с помощью поляков, жестоко наказал бояр; говорят, что он часто повторял: «Пчел не передавать, меду не есть»³. Побужденную литву он, говорят, запрягал в плуги вместо волов⁴. В 1205 г. Роман убит, вмешавшись в распрю польских князей. Волынский летописец так характеризует его: «Устремил бо ее бязе на поганые, якоилев, сердит же быст, яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаще землю их яко и орел, хробор бобе яко и тур»⁵. Начались после его смерти продолжительные усьобицы: угры, ляхи, бояре раздирали землю Галицкую. Первыми искателями Галицкой земли были сыновья Игоря Святославича, которые, как мы знаем, были повешены галицкими боярами; в 1210 г. один из бояр, Володислав, сам «вокняжился», хотя и был скоро изгнан⁶. Угры и ляхи согласились между собой, и польский князь Лешко отдал дочь за Коломана Угорского, который должен был владеть Галичем, но скоро иноплеменники поссорились, и Лешко призвал Мстислава Мстиславича (1218); Мстислав сначала посадил было Даниила, но потом помирился с уграми, выдал дочь за Коломана и отдал ему Галич. Только в 1229 г., после разных превратностей, на Галицком столе сел Даниил Романович.

История княжеств: Суздальского и Рязанского

На Волге последним из русских княжеств по времени выделилось княжество Суздальское, земля самой младшей из ветвей русского племени — племени Великорусского. Появление славянских поселений на этой древнефинской почве относится к эпохе весьма отдаленной: уже в числе племен, призвавших Рюрика, поминаются весь и меря; Ростов

¹ П. С. Р. Л. II, 136.

² Там же.

³ Карамзин III пр. 106.

⁴ Стрыйковский: I, 211. Известная пословица, существующая в русском переводе Стрыйковского: «Романе, лижем живеши, Литвою орешчи».

⁵ П. С. Р. Л. II, 155.

⁶ П. С. Р. Л. II, 159.

своим именем свидетельствует, что он построен славянами. Откуда же шла эта колонизация? На замечание, что она шла из Новгорода или Белоруссии, отвечают, что в Новгородской земле и в Белоруссии населения было очень мало, что в Ростовской земле говор не похож на новгородский, ни на белорусский, что, наконец, реки этих земель отделяются от системы Волги волоками. На эти замечания можно привести кое-какие возражения: можно сказать, что новгородцев мы знаем колонизаторами с тех пор, как знаем их в истории, что неплодородие почвы рано заставило новгородцев обратиться к торговле и промышленности, что говор мог измениться уже и потому, что колонисты едва ли шли из одной земли Новгородской, ибо по Оке и рекам, в нее впадающим, легко было идти колонизации и из земли вятичей, а еще более потому, что колонисты вероятно вступали в браки с туземками и эти браки были первым звеном обрусения, чем, несомненно, образовался новый говор, не говоря уже о том, что мы не имеем никакого понятия о говоре новгородском до призвания варягов; что касается до волоков, то известно, что они не служат препятствием сообщению, особенно где они незначительны¹. Самым важным доказательством исконности финского населения в этом краю — множество географических названий². Население славянское появилось на Волге во времена незапамятные. Летопись прославляет Юрия Долгорукого как строителя городов, впрочем, в поздних списках³, а народная память знает своих героев: через леса муромские, через грязи брянские проезжают эти герои, пути прокладывают, леса рубят, мосты мостят. Эти герои напоминают подвиги первых поселенцев в той стране. Поселенцы эти были теми, кого впоследствии звали бродниками, ушкуйцами: почему — либо им не жилось в общине и они шли искать новых земель; то были люди энергические, как все колонисты; сначала они покоряли туземцев; быть может, бой был довольно жестокий⁴; но потом селились между ними и частью смешива-

¹ Самый длинный канал Вышневолоцкой системы менее 20 верст.

² Положим, что финизм этих названий может иногда быть подвергнут сомнению, все-таки останется достаточное количество несомненных. Когда же наши филологи займутся финскими языками? Когда кафедра этих языков откроется в университете?

³ Воскр. Новг. IV. У нас держится мнение, что Юрий, строя города на севере, надавал им имена южных городов из пристрастия к югу; А. П. Шапов полагает даже, что в лице Егория Храброго, устроителя «земли свято-русской», народ вспоминает Юрия («Оч. нар. мирозоз.»). Если бы Юрий давал имена всем городам, то отчего же все Переяславли: Русский, Рязанский и Залесский, стоят на Трубеже, ведь Переяславль Рязанский строил не Юрий.

⁴ См. в «Христ.» Н. Я. Аристова: Сбор мест из летописи о столкновениях русских с инородцами.

лись с ним браками; племена, с которыми они мешались, были суровы, угрюмы, трудолюбивы; природа, которая их окружала, вызывала к труду, бережливости, промышленности. Так сложилось племя великорусское; тип народный отразился и на князьях: князья суздальские, а потом московские — полные выразители своего племени.

После Св. Бориса, который едва ли подолгу жил в Ростове, в Ростовско-Суздальской земле не было особого князя до Юрия Володимировича Долгорукого, которого посадил сюда, вероятно, в 1096 г. Мономах. Пока он жил в земле Ростовской, он избрал местопребыванием своим Суздаль. Говорят, что он строил здесь города и, действительно, города, несомненно, княжеского построения (Дмитров в честь Всеволода Дмитрия, здесь родившегося; Юрьев — в честь его самого), несомненно, им построены, но другие могли быть только укреплены им. Суздалем не был доволен Юрий, его тянуло на юг, и с 1132 г. он постоянно участвует в южных усобицах. Наконец в 1155 г. он добился окончательно Киевского стола, а Суздальскую землю предоставил своим меньшим сыновьям, но старший сын его Андрей не остался в назначенном ему Вышгороде, откуда увез икону Божией Матери, писанную, по преданию, евангелистом Лукой; эта икона под именем Владимирской стала величайшей святыней Суздальской земли. Андрей ушел на север, был выбран городами (1157), поселился во Владимире. В 1161 г. изгнал из своей области меньших братьев, которым, по завещанию Юрия, была она назначена в наследство, с ними изгнал и многих бояр отца своего, «хотя един быти властель»¹. В городе Владимире он построил Успенский собор, которому дал десятину, и двое ворот: золотые и серебряные, в подражание Киеву; особенно же украшал он свое любимое местопребывание Боголюбово, близ Владимира. До 1169 г. Андрей не вмешивался в дела Русской земли, но в этом году не довольный Мстиславом Изяславичем за то, что тот посадил сына Романа в Новгороде, собрал против него ополчение и вручил начальство сыну своему Мстиславу. Сам Андрей, прославившийся мужеством в молодости во время борьбы отца с Изяславом и дважды ходивший на болгар (1154—1172), не пошел на Киев. После взятия Киева он посадил в нем брата своего Глеба и оставил в Русской земле Ростиславичей; по смерти Глеба послал на Ростиславичей, которых заподозрил в укрывательстве убийц Глеба, сильное войско, разбитое Мстиславом у Вышгорода (1173). Между тем посылал свои войска на Новгород по слу-

¹ П. С. Р. Л. IX, 221.

чаю столкновения двинских данщиков Новгорода с суздальцами; потерпев неудачу в осаде Новгорода, Андрей все-таки настоял на своем: Новгород покорился, когда он пресек подвоз хлеба. Самовластный с князьями, желающий иметь их «подручниками»¹, Андрей хотел быть самовластным и в делах церкви: недовольный неуступчивостью епископа Леонтия он изгнал его². Заговор, в котором участвовали шурия Боголюбского, а может быть, и жена его, повел к убийству Андрея и к беспорядкам в земле Ростовской (1174).

Ростов и Суздаль, по совету князя Рязанского Глеба, а главное не желая уступить старшинства владимирцам, своим холопам³, призвали к себе племянников Андрея Мстислава и Ярополка Ростиславичей, а Владимир, опираясь на завешание Долгорукого, вызвал его меньших сыновей — Михаила и Всеволода. Борьба продолжалась до 1176 г., когда Всеволод, по смерти брата, окончательно утвердился на столе. Всеволод Юрьевич (1176—1212)⁴ еще более усилил значение своего княжества: «Ты бо можеша Волгу вселу раскропити, а Дон шуломы выльяти», — говорит, обращаясь к нему, сочинитель «Слова о полку Игореве». Мы уже видели, что главным средством Всеволода для поддержания своего могущества была умная политика: ссоря князей между собою, он оставался вне всяких распрей и оттого был силен. Рязань он подчинил себе, пользуясь раздорами князей; владея через племянника Переяславлем, господствовал над князьями Киевскими; имел влияние на Галич⁵; ставил князей Новгороду, уважался Ольговичами. Чувствуя приближение смерти, он позвал старшего сына своего Константина, бывшего в Ростове, и предложил ему после себя Владимир, с тем чтобы Ростов он отдал второму брату, Юрию, но Константин не захотел этого раздела и хотел Владимир прибавить к Ростову⁶. Всеволод созвал духовенство и всех людей и назначил при них наследником себе во Владимире Юрия, взяв с них присягу. Константин распалился гневом. Пользуясь этими раздорами, Мстислав Мстиславич сел в Новгороде, изгнав Святослава Всеволодо-

¹ Слова Мстислава. П. С. Р. Л. II, 109.

² П. С. Р. Л. I, 156. Есть известие, что он думал об основании особой митрополии (см. Послание патриарха Луки в Ник. и у Тат. III, 135, 139); негодование духовенства на епископа Феодора (П. С. Р. Л. II, 102, 103) несколько подтверждает это известие (см. С. М. Соловьева: «Взгл. на сост. дух. в древн. Руси» 9—13 в «Чт. общ. ист.», год 2, кн. 6).

³ П. С. Р. Л. I, 159.

⁴ По позднейшим преданиям, за ним утвердилось прозвание «Большое Гнездо».

⁵ П. С. Р. Л. II, 138—136. Любопытно, что Фридрих Барбароса принял участие в Володимире: «Уведев оже есть сестричичь великому князю Всеволоду Суждальскому».

⁶ П. С. Р. Л. VII, 217.

вича. По смерти Всеволода распря продолжалась между его сыновьями: в нее вмешался Мстислав Мстиславич, оставивший было Новгород и снова появившийся защищать этот город от Ярослава Всеволодовича, засевшего в Торжке и не пускавшего хлеба в Новгород. Мстислав соединился с Константином. Произошло знаменитое Липецкое сражение (близ Юрьева во Владимирской губернии), в котором Юрий и Ярослав были разбиты (1215), а Константин сел на стол. По смерти Константина (1217) ему наследовал Юрий (1217—1237), погибший в битве при реке Сити. Юрий памятен своей войной с болгарами и основанием Нижнего Новгорода (1221), составившего самый крайний предел распространения русской власти на Восток до татарского нашествия.

С Суздальским княжеством географически и политически было связано княжество Рязанско-Муромское, в котором утвердилась младшая ветвь Святославичей Черниговских. Первым отдельным князем в этой земле (после Св. Глеба) является Ярослав Святославич (окончательно с 1127—1129)¹. По смерти его княжество распадается на Муромское и Рязанское (с 1185 г. появляются князья Пронские). Со времен Андрея Боголюбского князья рязанские подчиняются суздальским князьям, муромские — так и остаются в подчинении, но рязанский князь Глеб Ростиславич, внук Ярослава (1144—1177), пробует бороться, поддерживая Ростиславичей суздальских; но после сражения при Коломне, тогда городе Рязанском в 1176 г., где Глеб взят в плен, сопротивление прекращается, и рязанские князья участвуют во всех походах Всеволода; но тем не менее Всеволод заподозрил их в измене себе и в 1197 г., захватив, заключил во Владимире, а в Рязани посадил сына своего Ярослава. Рязанские князья выпущены только в 1212 г. В 1217 г. Глеб и Константин Володимировичи (внуки Глеба), зазвав на пир шестерых князей — своего родного брата Изяслава и пятерых двоюродных, избили их. Месть за братьев совершил Ингварь Игоревич, который изгнал убийцу и вокняжился в Рязани (1219). Брат его Юрий и сыновья мужественно защищали землю Рязанскую от татар (1237).

Изложив внешние события так называемого удельного периода и переходя к очерку быта той поры, мы не можем не остановиться на одном замечании: при всей раздробленности Русской земли сохраня-

¹ Его многие отождествляют со Св. Константином Муромским: пр. Филарет: «Русс. Святые», мая 21; Д. И. Иловайский: «Ист. Ряз. Кн.», 33—35. Но звали ли Ярослава Константином? Мы уже не говорим о подробностях: от жития, писанного в XVI в., трудно ждать верности подробностей.

лось внутреннее единство. Русские князья не считали себя чуждыми друг другу, русский мир чувствовал себя цельным миром. Удельный период имеет то важное значение, что все части Русской земли соприкасались исторической жизни: повсюду появились князья с дружинами, началась одинаковая жизнь; в самые отдаленные уголки заглянула некоторая цивилизация, распространению которой в особенности способствовало христианство. Христианство и дружины княжеские укрепляли русский элемент среди инородцев, для чего мало было одной силы меча дружинников, но приманкой служил и княжеский двор: недаром же города соперничали между собой о чести иметь у себя князя и пригороды добивались своих князей.

Глава IV

Русское общество в период удельный: князь, вече, дружина, люди. — Суд. — Церковь. — Литература. — Материальное состояние общества

Русское общество в период удельный: князь

Князья, управлявшие Русской землей в период удельный, все принадлежали к одному роду Рюрикову. Исключение составляет только галицкий боярин Володислав, «вокняжившийся» было в Галиче: но, когда его взял в плен Коломан Угорский, никто из князей не хотел приютить у себя его семьи¹. Каждый член княжеского рода считал себя потому самому имеющим право на часть в Русской земле и, если не получал этой части по соглашению с другими, то добивался ее своим оружием: «и дотчеся стружием злата стола Киевского», — говорит «Слово о полку» о Все-славе Брячиславиче. Примеров мы много уже видели: многие так и погибали, не достигнув своей цели, но цели не оставляли до самой смерти. Таков Иван Ростиславич Берладник, племянник Володимирки Галицкого, который после своих неудачных попыток принужден был оставаться на службе у других князей и был едва ли не первым примером служилого князя, но и он спешил пользоваться всяким случаем, и даже сын его Ростислав не оставил покушений.

Князья, как мы уже видели, были старшие и младшие, и столы распределялись сообразно с этим их положением: старшие сидели в старших городах; младшие переводились в старшие города, когда почему-либо очищалось место. Так князья переходили в Киев и точно так же и в других землях переходили из городов менее важных в более важные: из Новгорода Северского в Чернигов и т. п. Старшим почитался князь киевский, именовавшийся великим и пользовавшийся некоторыми почетными преимуществами, которые в руках таких людей, как Мономах или сын его Мстислав, обращались в действительные преимущества: так Мономах и Мстислав изгоняли нелюбых им князей. «Оже мя в правду зовете с любовью, — говорит Ростислав Мстиславич приглашавшим его князьям в 1159 г. — то я всяко иду Киеву на свой волю, яко вы имети мя отцем собе в правду и в моем вы послушании ходити»². Для определения

¹ «Нашед зло племени своему и детям своим, княжения деля: вси бо князи непризряху детей его того ради». П. С. Р. Л. II, 160.

² П. С. Р. Л. II, 85.

отношения младших употреблялись выражения: ходить в руке, ездить у стремени. Впоследствии, с упадком значения Киева, старшим признавался и не киевский князь: «А ты, брате, — говорит Рюрик Ростиславич Всеволоду Юрьевичу, — в Володимире племени старей нас, а думай гадай о Русской земле и о своей чести и о нашей»¹. Старший имел право суда над младшим: Ростислав Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «А ты мене старей, и ты мя с ним и суди»²; но один великий князь без совета других князей не мог произносить приговора: когда Святополк-Михаил и Давид ослепили Василька, Мономаха и Святославичи Олег и Давид прислали сказать Святополку: «Что се зло створил еси в Русстей земле и ввергл еси нож в ню? Чему еси слепил брат свой? Аще ти бы вина коя была нань, обличил бы и перед нами, и упрев бы и створил ему; а ноне яви вину его, оже ему се створил еси»³. Иногда даже, не довольствуясь съездом одних князей, собирали духовенство, бояр и горожан: на такое собрание звали Святополк и Мономах Олега Святославича⁴. Впоследствии установилось правило, прежде существовавшее только на практике: «оже ся князь извинить, то в волость, а муж у голову»⁵. Сообразно с этим правилом поступил Мономах с Глебом и Мстислав с князьями полоцкими, а также князья, собравшиеся в Уветичах, с Давидом Игоревичем. Таким образом во власти великого князя, в княжеских съездах устраивались начала прочного порядка, но встретили для дальнейшего развития много препятствий и потому никогда не доросли до степени учреждений, а остались только зачатками. Самое наследование по родовому распорядку никогда не было ненарушимым; что же касается до съездов, то они собирались только в крайне затруднительных случаях; власть же великого князя была крепка лишь поддерживаемая материальной силой.

Правильное вступление на стол является только идеалом, а в действительности было много других путей, которыми добывались столы: иногда князья распоряжаются столом после своей смерти по завещанию: так, Мономах передал стол Киевский Мстиславу, а этот последний брату своему Ярополку с тем, чтобы он после себя посадил в Киеве Все-

¹ П. С. Р. Л. II, 145.

² Там же, 41.

³ П. С. Р. Л. I, 111—112.

⁴ П. С. Р. Л. I, 98.

⁵ П. С. Р. Л. II, 119. Впрочем, и здесь это правило поминается, как условие ряда (договора) между князьями.

волода Мстиславича¹; Всеволод Ольгович передал престол брату своему Игорю; иногда сильный князь сажал на стол другого: так Андрей Боголюбский посадил в Киев брата своего Глеба после Романа Ростиславича; иногда князья соглашались между собой, кому быть старшим: так было с Ростиславом Мстиславичем²; иногда горожане приглашали себе князя: киевляне — Мономаха, Изяслава Мстиславича, причем было высказано чрезвычайно важное их желание: «Ольгович не хотим быти, акы в задничи»³, не хотим переходить к Ольговичам по наследству; стало быть, в городах жило сознание своего права выбирать князя. Что было в Киеве, то же видим и в других городах.

Идеал князя Древней Руси представляет нам Володимир Всеволодович Мономах в своем знаменитом «Поучении детям». В пример детям Мономах ставил самого себя и, рассказав свои подвиги на войне и ловах, которые тогда считались упражнением достойным благородного человека, равным военному делу, прибавляет: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь творил дела, на войне и на ловех, ночь и день, на зной и на зиме недая соби упокоя, на посадники не зря, ни набиричи; сам творил, что было надобе, весь наряд и в дому своем, то я творил есмь и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребех, тоже и худого смерда и убогие вдовице не дал есмь сильным обидети, и церковного наряда и службы сам есмь призирал»⁴. Таким образом, собственным примером подтверждает Мономах свои советы детям, а советует он им ходить в церковь, молиться про себя и часто повторять: «Господи помилуй», «та бо есть молитва, — прибавляет он, — всех лепши, нежели мыслити безленицу», помогать убогим и защищать вдов и сирот, не давать сильным погубить человека, не убивать ни правого, ни виноватого и не повелевать убивать; не нарушать присяги; не гордиться, не зарывать в землю сокровищ, чтить старых, как отцов, молодых, как братью; в дому смотреть самому за всем, «да не посмеются приходящий к вам, и дому и обеду вашему», на войне тоже смотреть за всем, не предаваться питью, еде, сну; не верить воеводам, а самим расставлять стражу; ложась, не снимать оружия, перед сном все осматривать самим и рано вставать; беречься лжи, пьянства и блуда; ходя по путем (вероятно, полюдьё), не давать «пакости деяти отроком ни своим, ни чужим, ни

¹ П. С. Р. Л. I, 132.

² П. С. Р. Л. II, 85.

³ Там же, 23.

⁴ П. С. Р. Л. I, 104—105.

в селех ни в житех, да не кляти вас начнуть»; на дороге кормить всех, особенно иноземцев; посещать больных, провожать мертвых, ко всем быть приветливыми, жен любить, но не давать им воли¹. Эта чудная смесь наставлений, из которых одни назначены для домовладыки, а другие для князя, стоящего во главе народа, лучше всяких рассуждений вводят нас в дух и характер эпохи: при простоте нравов обязанности того и другого совершенно тождественны и требуют только честного отношения к делу: обязанность князя защищать слабого от сильного, не верить своим судьям и постоянно смотреть за ними. Присматриваясь к быту и понятиям той эпохи, мы убеждаемся в мудрости этих наставлений при всей их видимой простоте: князь, особенно князь христианин, должен быть защитником тех, кто не находил, как мы уже видели, себе естественной защиты: «Якоже лев в твердости своей страшен есть, — говорит одно старинное русское поучение, — такоже человек в близоцех и друзех честен есть, а иже родом скуд, подобен есть древу при пути, яко вси мимоходящии секуть его»². Мы уже видели, что на суд еще в Варяжский период приходили с толпой родственников, как естественных защитников, то же встречаем и в позднейших юридических памятниках. Рядом с этой обязанностью защищать вдов и сирот Мономах ставит наставление не проливать крови; это наставление напоминает ответ Володимира Св. епископам на вопрос: «Почему он не казнит преступников?» — «Боюсь греха». В этом смысле Мономах становится нравственно выше учителей той эпохи — лиц духовных: наставление это при разнузданности страстей, естественной в эпохи варварские, не привыкшей уважать человеческой жизни, было самое благовременное, подобно другому наставлению Мономаха: не нарушать клятвы; и тем и другим пороком наиболее был заражен его век. Что же касается до остережения против недобросовестности тиунов, судей и всяких приставников, то литература времени до татарского представляет нам немало подтверждений благовременности этого предостережения. Митрополит Никифор (1104–1121) в своем послании к Володимиру Мономаху, высоко поставив его собственные нравственные качества, прибавляет: «Мнить же ми ся, яко не мога сам вся творити очима своима от служащих орудиемь твоимь и приносящимь ти воспоминания, то от тех некако приходить ти пакость душевнаа» и советует припомнить: «о изгнанных от тебе, и осужденных

¹ П. С. Р. Л. I, 102.

² М. И. Сухомлинов: «О псевдонимах в древней Русс. Лит.», 151–152 («Изв. Ак. Наук», IV).

от тебе наказания ради, о презренных; вспомни о всех, кто на кого изрек и кто кого оклеветал и сам судии рассуди таковыя»¹; «не имей себе двора близ княжа двора; не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетищей наложен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешься, но от искры неможешь устрещися жжения порт», говорится в известном слове, приписываемом Даниилу Заточнику²; в «Беседе тверского епископа Симеона с полоцким князем Константином», относимой к концу XIII в., выставляется на вид то, что князья виноваты наравне с тиунами, если тиуны грабят, и будут на том свете вместе с тиунами. Летописные свидетельства подтверждают то, что мы находим в этих и многих других памятниках. Так, в летописи мы читаем жалобы на тиунов Всеволода Ярославича, Святополка-Михаила, Всеволода Ольговича. Явления в высшей степени понятные: если сами князья нередко не сдерживали своих страстей — гнева, даже лихоимства (напр., Святополк), то, конечно, нельзя было ждать этого от тиунов, получавших доверенность князя; точных условий, определяющих пределы их власти, точных гарантий для контроля нельзя было и ждать в эту пору, когда не были ни определены, ни поставлены границы между властью князя и властью веча, а все дело основывалось на доверии или на преобладании материальной силы. В сущности, власть веча никогда не была чем-либо иным, кроме власти контролирующей: она проявлялась в важных случаях, а в обыкновенных князь пользовался полной властью и часть ее: сбор дани или суд со всеми последствиями, передоверял избранным им лицам.

Внутри своей волости каждый князь был вполне не зависим от других; едва ли даже князья, получавшие волости и города от других князей, напр., в Киевской земле Вышгород, Белгород и т. д., сколько-нибудь были стеснены; во взаимных отношениях они так же поступали, как независимые владельцы: вели войны, заключали миры; лишь только общие предприятия Русской земли (и то при сильных князьях киевских) требовали присутствия всех и за отказ от участия князь мог потерять свою власть. Такими общими предприятиями или столкновениями, касавшимися многих князей, вызываемы были княжеские съезды, в которых, впрочем, мы замечаем то характер семейных советов, то характер съездов самостоятельных владельцев, а не видим учреждений государственных. Внутренние дела княжеств не подлежат ведению подобных

¹ «Русск. Дост.» I, 71–72.

² По списку Калайдовича («Пам. XII ст.», 235).

съездов: мы не видим, чтобы когда-либо рассуждали на них об отношениях народа к князю; даже раздавая волости, князья не обращают внимания на желание населения, которое уже само выражает свою волю, принимая князя или отвергая его, подобно новгородцам, приславшим сказать Святополку: «Ащели две главе иметь сын твой, то пошли и»¹. Вообще можно сказать, что князья имели в виду свои княжеские права на управление, суд и дань и делили между собой эти права: волости представляли в их глазах известную ценность. «Мне любо иную волость в тое место даси», — говорит Роман Мстиславич тестю² своему Рюрику Ростиславичу на предложение уступить Всеволоду Суздальскому некоторые города, — любо кунами даси за нее, во что будет была». Отнимая у Давида Игоревича землю Волынскую и ограничивая его Дорогобужем, князья дали ему известную сумму денег: Мономах 200 гривен, а Святослави-чи, Олег и Давид — тоже 200³. Даниил Галицкий помирился в 1238 г. с Михаилом Всеволодовичем Черниговским и отдал ему Киев, но Михаил побоялся взять Киев, опасаясь татар, тогда «Данил же и Василко выдастаему ходити (т. е., вероятно, собирать дань) по земли своей, и да-ста ему пшенице много и меду и говяд и овец доволе»⁴. Это сопоставление ясно свидетельствует, что позволение походить имеет значение финансовой выгоды. Драгоценные сведения о количестве дани, собираемой князьями со своих волостей, дает нам уставная грамота Смоленской епископии, данная Ростиславом Мстиславичем в 1150 г.; в ней исчисляются все Смоленские волости (их числом 34) с показанием, сколько с каждой идет дани и сколько из этой дани следует в десятину епископу. Из этой грамоты видно, что Смоленское княжество доставляло около 3150 гривен серебра (гривна = полфунта) одной дани, ибо в грамоте прямо сказано: «Кроме продажи, и кроме вир, и кроме полюдья»⁵. Кроме дани и пошлин судебных, князья собирали еще пошлины таможенные как с товаров, привозимых в их княжение, так и с продаваемых внутри княжения (мыт, весовшаный, пуд). Сверх того у князей были свои села,

¹ П. С. Р. Л. I, 117.

² П. С. Р. Л. II, 155.

³ П. С. Р. Л. I, 116.

⁴ П. С. Р. Л. II, 177.

⁵ «Доп. к Акт. ист.» I, 5. Различие полюдья от дани не совсем ясно, если не допустить, что на полюдьи князь собирал дар, о котором упоминается в Новг. грамотах («Собр. гр.» I, № 2 и т. д.), что довольно сообразно с тем обстоятельством, что, объезжая области, князь получал от них содержание (см. В. Кури: «О прямых налогах в др. Руси» в «Юр. Сбор.» Д. И. Мейера. К., 1855).

иногда очень богатые: в 1147 г. Изяслав и Володимир Давидовичи: «Идо-ста на Игорево селце, идеже бяше устроил двор добре; беже ту готовизни много в бретяницах, и в ногребех вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до железа и до меди, нетягли бяхуть от множества всего того вывозити»; на гумне у него было 900 стогов, а коней у Игоря и Святослава в одном стаде было 4000; а у Святослава в селе нашли 500 берковцев меду и 80 корчаг вина¹. Жена Глеба Всеславича Минского, похороненная в Печерском монастыре, оставила этому монастырю пять сел с челядью (рабами), а муж и отец ее тоже жертвовали в монастырь и села и деньги².

Летопись сохранила довольно много сведений о частной жизни князей. При рождении князь получал два имени: одно княжое, а другое христианское (Святополк-Михаил, Володимир-Василий и т. д.), что видно из летописи и из поминания Даниила Паломника. Иногда при самом рождении князю назначался город. Не ранее двух лет над князем совершался обряд постриг и всажения на кон. К молодому князю приставлялся кормилец или дядька, который был его воспитателем: так, в сражении при Лыбеди (1151) «Володимира (Андреевича) же не пусти кормилец его, зане молод бе в то время»³. Князья сажались на столы очень рано: Мстислав Володимирович в 12 лет, брат его Андрей в 17; Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Ольговича, — шести; Святослав Всеволодович — пяти. Женили князей и выдавали княжон замуж тоже очень рано: Андрей Володимирович женился 15 лет; Ростислав Рюрикович — 14, а невесте его Верхуслане Всеволодовне было только 8. Князья нашей той эпохи, кажется, все были грамотные, что доказывается, по справедливому замечанию М.П. Погодина, их перепиской, о которой нередко упоминается в летописи; княгини тоже умели грамоте, что доказывается перепиской Верхусланы с Симоном, епископом Владимирским, о которой сам Симон поминает в своем послании к Поликарпу. Мономах советует своим детям учиться всю жизнь: «Его же умейчи, того не забывайте доброго, а егоже неумейчи, а тому ее учите; якоже бо отец мой, дома седа, изуменяше 5 язык: в том бо чест есть от иных земель»⁴. Любовь к книгам Ярослава и сына его Святослава уже известна нам. Большая часть жизни князей проходила на войне, в охоте или поездках; развлечение же их ярко рисуется в «Житии Феодосия»: «В один день блаженный

¹ П. С. Р. Л. II, 26–27.

² Там же, 82.

³ П. С. Р. Л. II, 61. Кормилец Даниила называется «дядькою» (там же, 156).

⁴ П. С. Р. Л. I, 102.

и богоносный отец наш пришел к князю и, вошед в комнату, где находился князь, сел и увидел перед ним многих играющих: одни играли на гусях, другие на органах, а иные на голосах пели песни. Так обыкновенно забавлялись и веселились перед князем». Когда Феодосий спросил: «Будет ли так на том свете?» Князь приказал перестать и после при Феодосии уже не повторялись эти забавы¹. Вместо слова пировать часто употребляется слово пить, что достаточно знакомит с характером этих пиров. Но не все князья любили такие пиры: Ростислав Мстиславич предпочитал кормить у себя монахов и беседовать с ними о монашеском житии². Роскошный образ жизни князей и бояр возбуждал против себя голоса в литературе; так, в предисловии «Софийского Временника»³ читаем: «Како быша древнии князи и мужи их и како отбороняху Русьскую землю, и иные страны приимаху под ее. Тибо князи несбираху многи имения, не творимых вир, ни продаж въкладяху на люди, но оже будяше права вра, и ту возма, даяше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся, войющея иные страны, биющися: «братие, потягнем по своим князи и по Русьской земли». Нежадаху: «мало ми есть, княже, 200 гривен»; «не кладяху на свои жены златых обручей, нехожаху их жены в серебре и расплодили были землю Русьскую». В этих словах нельзя не видеть преувеличения тем более, что этими пороками автор стремится объяснить нашествие «поганных» (должно быть, татар): и в XIII в. видим князей, которых любят современники, и раньше жизнь княжеская представляла не все одни светлые черты, но это общая слабость людская: искать позади золотого века. Вообще жизнь князей была деятельная, подвижная: главное занятие их — война и охота. Оттого они рано ложились и рано вставали: Феодосий, возвращаясь раз от князя в монастырь, на утренней заре встретил бояр, ехавших к князю на думу⁴; в 12 часу они обедали, а после обеда отдыхали; Мономах говорит: «Спанье есть от Бога присужено полудни, от чина бо почивает и зверь и птицы и человеци». Сохранившиеся рисунки дают возможность представить себе одежду князей этого периода: из сличения рисунков И. И. Срезневский приходит к такому выводу об одежде: «На стане цветная исподь или что-то вроде кафтана тоже цветного и сверх того очень часто цветной же плащ»⁵;

¹ Митрополит Иоанн предписывает духовенству уходить с пиров, когда будет музыка.

² П. С. Р. Л. II, 95.

³ Свод XIII в., легший в основу многих позднейших сборников Соф. Воскр. Тверского, и т. д. См. Введение.

⁴ «Житие Феодосия».

⁵ Корзно — застегивающийся аграфом на плече.

на ногах исподнее цветное платье и высокие цветные сапоги; на голове опушенная мехом шапка с цветным верхом»¹.

**Русское общество в период удельный:
вече, дружина, люди**

Подле князя по исконному славянскому обычаю стояло вече: «Новгородцы бо изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти яко же на думу на веча сходятся, на что же старейшие сдумають, на том же пригороде стануть», — говорит летописец²; известия летописей вполне подтверждают эти слова: действительно, упоминание о вечах встречается во всех русских городах³. В последнее время поднят вопрос о том, всегда ли вече было органом верховной политической власти народа. Вопрос этот едва ли мог существовать при более внимательном взгляде на жизнь Древней Руси: если бы жизнь эта отливалась в формы юридически правильные, то мог бы еще быть вопрос о значении каждой из этих форм, а т. к. жизнь эта отличается отсутствием такой правильности, то, следовательно, мы не можем и приступать к ее изучению с понятиями, заимствованными из жизни народов развитых иначе и по другой мерке. Если вече изгоняло и призывало князей, если оно заключало ряды с князьями, то, несомненно, оно имело политическое значение, но оно не было постоянным органом власти, утверждения его не требовалось для мер правительства; собиралось оно не в правильные сроки. Обыкновенно вече собиралось в случаях чрезвычайных: собиралось самим князем, его поверенным, собиралось и против князя. Вече представляет собой самую первоначальную форму участия граждан в делах политических: каждый свободный человек считает себя вправе подавать голос и даже созывать своих сограждан для обсуждения того или другого вопроса (в Новгороде мы видим, что часто вече собирается по почину одного лица, то же впоследствии замечаем и в казацких кругах); форм для собрания веча не было никаких, и потому вопрос о том, то ли законное вече, о котором в летописи сказано: седуша, или то, о котором сказано: сташа? едва ли может иметь место.

¹ «Др. изобр. кн. Бориса и Глеба» («Христ. древн.», 1853, № 3).

² П. С. Р. Л. 1, 160. о вече В.И. Сергеевича: «Князь и вече»; М.П. Погодина: «Исс. лекции и Зам.», VII; Д.И. Самоквасова: «Зам. по ист. рус. гос. уст.» (Ж. М. Н. пр. 1869, XI, XII, в особенности последняя).

³ См. список у В.И. Сергеевича, где может быть иногда мятежное скопище напрасно принято за вече (говорю о периоде позднейшем).

Кто участвовал на вече? Так как голосов не собирали, т. к. дела, по старому обычаю, решались единогласно, то едва ли нужно было смотреть кто пришел; но есть одно свидетельство, которое заставляет думать, что право говорить принадлежало только домовладыкам: «Не можем на Володимире племя руки възняти; оля же Ольгович хотя и с детми», говорили киевляне Изяславу Мстиславичу¹, из чего, кажется, следует заключить, что отцы отвечали за детей, которых они являются как бы представителями. Летопись поминает, что горожане рядились с князьями². Условий этих рядов не дошло до нас; но, вероятно, они были очень общи и неопределенны и едва ли образцом могут служить договоры Новгорода с князьями, начавшиеся с XIII в. Новгород был поставлен в особые благоприятные для его самостоятельности условия; доказательством общности их служит ряд с Ольговичами, братьями Всеволода, от которых киевляне — как мы видели — требовали освобождения от разорявших их тиунов и того, чтобы они сами судили. М. П. Погодин полагает, что все известия о вечеах, горожанах, рядах и т. п. относятся к военному сословию, потомкам варягов, бывших насельниками в городах. С этим мнением едва ли можно согласиться: варягов было не так много, чтобы они владычествовали, не сливаясь со славянами, и одни бы имели преобладание, которое неизбежно повело бы к аристократическому устройству, а у нас мы его не видим; вой не суть потомки варягов, как мы видели, да и сама дружина не составлялась исключительно из потомков дружинников. Указания, подобные тому, что освободившие Всеслава киевляне вернулись перед этим с похода на половцев или что пред Святополком киевляне отказываются идти на Бориса потому, что с ним их братия, ничего не говорят в пользу исключительно военного населения городов (разумеется, не тех, которые строились для защиты границы), а скорее свидетельствуют в пользу того, что всякий мог сделаться воином, что и вполне согласно с порядком дел в ту эпоху. Также малодоказательно припоминание о войнах Болеслава, расставленных по городам на покорм, и указание слов Черниговского епископа Святославу Всеволодовичу: «стрый ти умерл (Святослав Ольгович), а по Ольга ти послали, а дружина ти по городам далече»³. Слова эти могут значить только то, что Черниговская дружи-

¹ П. С. Р. Л. II, 31.

² Первые упоминания о ряде относятся к Игорю Ольговичу. П. С. Р. Л. II, 22; немногочисленные места о рядах см. у В. И. Сергеевича, 77 и след.

³ П. С. Р. Л. II, 92.

на была распределена по городам; но никак не то, что дружина вообще наследственна, что у нас была особая военная каста и что горожане и дружинники одно и то же.

Общество тогдашнее представляет два слоя: дружина и люди. Дружина княжеская состояла, как и прежде, из людей, охотой поступавших на княжескую службу, и потому не редкость встретить иноземцев в княжеской дружине: таков Георгий Угрин, отрок Святого Бориса; Чудин и брат его Туки на службе Ярославичей; Торчин, боярин князей черниговских; Вяндук, отрок Мономаха; Кулмей, Улан, Колчка — отроки Давида Игоревича; Володислав Воротиславич — лях на службе у Ростислава Мстиславича; Олбырь Широлавич — дружинник Мстислава Изяславича и др. Дружинники большей частью служили одному роду, но мы видим и переход от одного князя к другому: так, у Володимира Давидовича служил муж, который некогда служил у Олега Святославича и оставил сыновей своего бывшего князя¹. Петр и Нестор Борисовичи перешли от великого князя Мстислава Изяславича к Давиду Ростиславичу². Право отъезда считалось неотъемлемым правом дружинников, свободных людей, связанных с князем свободным договором. Другим таким же неотъемлемым правом считалось право совета: «и рекоша ему (Володимиру Мстиславичу) дружина его: «о собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали». Володимир же рече, възрев на децкы: «а се будутъ мои бояре»³; «тобе, говорит дружина Мстиславу Изяславичу, без нас того иелзе было замыслити, ни створити, а мы вси ведаем твой истинную любовь к всей братье»⁴; «Святослав (Всеволодович) сдумав с княгиней своей и с Кочкарем, милостьником своим и неповеде сего мужем своим лепшим думы своя»⁵. Это право было также следствием свободы поступления в дружину и выхода из нее: каждый муж считал себя вправе обсудить то предприятие, в котором должен участвовать. Впоследствии за эти два права московские бояре боролись с великими князьями: это главные мотивы Курбского.

Дружина делилась на бояр (мужей) и отроков (детских); слово гридь хотя и встречается в этом периоде, но очень редко и преимущественно в Новгороде; едва ли слово огнищанин не явилось в это время на смену

¹ П. С. Р. Л. II, 27.

² Там же, 90.

³ Там же, 97.

⁴ Там же, 99.

⁵ Там же, 122.

слова гридь¹. У каждого князя были свои бояре; они главным образом участвовали в его советах; из них назначались высшие должностные лица: посадники, тысяцкие, воеводы. Посадники были вначале назначаемы князем и имели характер княжеских наместников². Тысяцкие и воеводы вначале отождествлялись³. Значение тысяцких и сотников (соцких)⁴ было и у нас, как и везде, военным, потом уже к военному значению примешалось и гражданское. В летописях употребляется слово тысяща в смысле округа, управляемого тысяцким⁵. Тысяцкие встречаются городские и княжие (напр., тысяцкий Володимира Мстиславича, который поминался рядом с киевским тысяцким Лазарем, отличается эпитетом Володимир⁶. Территориальное значение тысячи заставляет согласиться с теми, которые видят в тысяцком начальника земской рати (воев) в противоположность дружине. Хотя воеводы и встречаются отдельно от тысяцких, но трудно сказать, какое значение имел воевода; едва ли не следует согласиться с М. П. Погодиным, что воеводой называли вообще всех военных начальников. Мы знаем, что у бояр были земли, которыми они владели на правах личной собственности, т. е. не в качестве членов общины, так, мы встречаем нередко упоминания в летописях о селах бо-

¹ Из сопоставления статей «Русской Правды» по двум спискам надо, кажется, так заключить: где в одном читаем: «Аже кто оубьеть княжа моужа в разбои» («Текст Русской Правды» III, 3), в другом: «А иже оубьють огнищанина в разбои» (там же, I, 19. Так полагает С. М. Соловьев, замечаящий по этому поводу: «У западных славян огнищанин значит отпущенник (libertus), следовательно, в обширном смысле это слово означало первоначально домохозяина, но не раба, а свободного». «Ист. России» I, прим. 351. Слово огнищанин принадлежит к числу самых мудреных и вызвало много толкований: по Карамзину, огнищане — домовитые граждане (житые люди); по Болтину, Мусину-Пушкину и Полевому — все свободные люди; по Успенскому — сельские обыватели: Успенский производит слово от выжженного леса («Оп. пов. о древн. Росс.», X, 1818, I, 194); по Рейцу — землевладельцы («Оп. Ист. Росс. госуд. и гражданских законов», 162. М., 1836).

² «Ярополк посадники своя посади в Новегороде». П. С. Р. Л. I, 32. «Всеволод посади посадника Ратибора Тмудоракани»; там же, I, 87. Мономах «посаж посадники по Дунаю». П. С. Р. Л. II, 7; «прииде Борис посадничать в Нов-город». П. С. Р. Л. III, 5. Кажется, напрасно некоторые (Ланге) отождествляют посадника с вирником: роль вирника по самому смыслу слова была ограничена собиранием вир и к тому же, как кажется, была второстепенной, а если он и судил, то едва ли далее той волости, которую князь предоставил себе и при том не во всех тяжбах (см.: «Об орг. суд. власти», 13 в «Юр. Сборнике». К., 1855); тогда как посадник получал все права, как наместник, и судебная власть соединялась с административною, ибо они не отделялись в ту эпоху.

³ Церковь Печерская освящена «Воеводство держащу Киевския тысяща Яневи». П. С. Р. Л. I, 89.

⁴ Соцкий (Ставр) П. С. Р. Л. III, 4; Соцские П. С. Р. Л. II, 4 (в Киев).

⁵ Киевская П. С. Р. Л. I, 89. Сновская П. С. Р. Л. II, 45. Перемышлевская П. С. Р. Л. II, 161.

⁶ П. С. Р. Л. II, 38.

ярских; но отличительный характер этого землевладения, по недостатку источников, до сих пор еще не совсем уяснен исторической наукой: были ли села их поместьями, даваемыми, как впоследствии московскими князьями, за службу и для службы, или то была полная наследственная собственность — вотчина. В летописи по этому вопросу встречаем одно важное указание: «Вы есте по мне из Рускые земли вышли, своих сел и своих жизний (позднейшее животы — имущество) лишився», говорит Изяслав Мстиславич дружине¹; но это место допускает и то толкование, что Изяслав был изгнан силой и, следовательно, имущество его и его приверженцев считалось военной добычей. Если же случалось, что боярин по смерти князя, которого волость разделилась, остался на службе у одного из наследников, а село его было во владении другого, то едва ли это обстоятельство лишало его сел ему принадлежащих. К этому надо прибавить еще обстоятельство: рядом с боярами княжескими поминаются городские бояре². Появились ли эти бояре из усевшихся дружинников — городские ли это лучшие люди (что тоже вероятно по аналогии с Новгородом), — во всяком случае их земли должны были оставаться в их постоянном владении. Спешим, однако, прибавить, что нигде, кроме Новгорода и Галича, бояре земские не получали перевеса, из которых в первом князья слишком подчинены были вечу, а дружинники не могли приобретать земель, а в другом, при постоянной династии, дружинники получали значение земских бояр. Замечательно, что даже в Галиче не было замкнутой аристократии; в числе галицких бояр поминается Судьич, попов внук³. Низшая часть дружины, детские (отроки) употреблялись в низшие должности, что видно, напр., из «Поучения» Мономахова и из «Русской Правды», где они поминаются как пособники вирников⁴; сами вирники могли принадлежать к этому же разряду; сюда же, вероятно, принадлежат и тиуны, которые могли быть тогда и рабами; известно, что по «Русской Правде»: «се третье холопство: «тивунство без ряду»⁵. У бояр были свои отроки, своя дружина; низшая часть дружины

¹ П. С. Р. Л. II, 54.

² Киевские П. С. Р. Л. II, 13; Ростовские П. С. Р. Л. I, 159, 161; Галицкие П. С. Р. Л. II, 158—159 и т. д.

³ П. С. Р. Л. II, 179.

⁴ «Текст Русской Правды» II, 67.

⁵ Там же § 104. Тиуны были главным образом казначеями, но нельзя, подобно М.П. Погдину (VII, 509), считать их исключительно казначеями. Тиуны бывали разные: отвишный, копушенный, сельский и т. д. Мечники тоже принадлежат к княжеской дружине.

содержалась за счет известных доходов: так, мы знаем, что в Галиче коломейская соль шла на содержание оружников¹.

Остальное население, кроме дружины, разумелось под именем людей (в единственном числе людин). Люди по вире сравнивались с меньшими членами дружины: гридями и мечниками². Смердами назывались, кажется, сельские жители, что видно из слов Володимира Мономаха Святополку: «Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хошеть погубити смерды и ролью смердом? но се дивно ми, брате, оже смердов жалуете и их копий, а сего не помышляюще, оже на весну иачнеть смерд тот орати лошадыю той, и приехав половчин ударить смерда стрелой и поиметь лошадь ту, жону его и дети, и гумно его зажжет»³. К тому же классу населения отнесены и купцы; кроме занятий земледелием, в источниках мы встречаем и занятия другими ремеслами: гончары, плотники, каменщики; «Русская Правда» поминает ремесленника и ремесленницу⁴. Трудно сказать, к кому относится постановление «Русской Правды» о том, что по смерти смерда без мужеского потомства наследует князь, к сельским ли жителям или вообще к людинам?⁵

Кроме свободного населения, было еще несвободное и полусвободное: холопы и закупы. «Русская Правда» знает три способа происхождения холопства: «оже кто хотя купить до полугривны, а послухи (свидетели) поставить, а ногату даст перед самым холопом»; «поиметь робу без ряду; поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить» (же-

¹ П. С. Р. Л. II, 179.

² По ст. I «Русской Правды», по списку Каразинскому, за княже мужа и тиуна вира 80 гривен, а за горожанина, купца, тиуна боярского, изгоя, словенина 40 гривен. По ст. 3: «Аже кто оубиеть княжа моужа в разбои, а головника не идоуть, то вервьноюю платити в чей же верви голова лежит: то 80 гривен; аще ли людин, то 40 гривен» («Текст Русской Правды», 21).

³ П. С. Р. Л. II, 1. Едва ли смерды были только жители княжеских сел, как думают некоторые ученые (В. Н. Никольский) на том основании, что князь наследовал после смерда. Скорее это вообще сельские жители; не забудем, что большая часть сел, как мы уже видели, были населены челядью (рабами): «Вда княгини 5 сел и с челядью». П. С. Р. Л. II, 82, а под смердами иногда разумелось все население относительно к князю: «Несть мене лено судити епископу, ли игуменом, ли смердом», отвечает Олег на приглашение Святополку и Мономаху, «поряд положим о Русстей земли» перед духовенством, «мужи отец наших и перед людьми градскими». П. С. Р. Л. I, 98, см. С. М. Соловьева: «Ист. Росс.» III, 5. В «Русской Правде» встречаем «смердни холопы» II, 13. Смерды ясно отличены от холопов тем, что платят продажу, а холопы продажи не платят «их же князь продажею не казнить, зане суть не свободни» (II, 41–42).

⁴ II, 12.

⁵ II, 85. Смерду прямо противопологаются: бояре и дружина (там же, 86). в статуте Малопольском есть следующее постановление: «Cum aliqui kmetones seu rustici, vela lii civiles homines ahequr prole de hac luce decedent, ipsorum Omnia bona mobilia et immobilis nomine vulgariter puscina domini eorum consueverunt occupare» («Polska Dz. I Rzeczy jej». Pozn., 1855, III, 56).

нится на рабе); «тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду; с рядом ли, то како ее будеть рядил, на том же стоять»¹. Этот последний способ объясняется тем, что в должностях доверенные: ключника, тиуна — допускали только людей зависимых, с которых взыскание легче; стало быть, кто не выговорил себе свободы, принимая эти должности, тот тем самым признает себя холопом; холоп считался полной собственностью господина; за сокрытие беглого раба платится пеня²; за покражу, совершенную холопом, платит господин³; если холоп задолжает, господин должен его выкупить⁴; холоп может быть свидетелем. Только в крайних случаях, и то если свободный подвергался испытанию по речам холопа и окажется невинным, то ему платится гривна за муку, «зане по холопы речи ял и»⁵; за убиение холопа и рабы виры нет; но если убит без вины, «за холоп урок платити (вероятно, господину), или за робу, а князю 12 гривен продаже»⁶; если кто прижил детей с рабой, то дети ее не наследуют, но получают свободу и с матерью⁷. Полусвободными были закупы, которые во многом сближаются с холопами, но и разнятся многим: если закуп бежал от господина, то обращается в холопа; но если явно идет жаловаться к князю или судьям, то его не обращают в рабство⁸; если у него пропадет плуг или борона по его вине, а не потому, что он послан был господином на другое дело, то он платит, а за «воиский конь» он не платит⁹; господин не может бить его без дела; если отымет землю, которую он обрабатывает, то он ему платит; если продаст его в холопы, то закуп свободен, а господин платит; если закуп украдет, то господин, заплатив за него, обращает его в холопы¹⁰. Рядом с закупками встречаем рядовичей, которые рядились служить князю или боярину¹¹.

Кроме этих классов общества, со времен христианства явился еще новый класс — духовенство; о нем после. Нужно заметить только, что все эти классы не имели значения постоянных каст и даже определенности сословий.

¹ II, 102–104.

² II, 106–109.

³ II, 115.

⁴ II, 111.

⁵ II, 81.

⁶ II, 84.

⁷ II, 92.

⁸ II, 52.

⁹ II, 53.

¹⁰ II, 54, 55, 57.

¹¹ I, 22; II, 11.

Суд

В юридических памятниках каждой эпохи сказывается лучше, чем где-нибудь, состояние общества, взаимное отношение его разрядов, степень просвещения и степень безопасности; право того или другого народа соответствует его гражданскому и умственному развитию. Конечно, право не вполне выражается в памятниках письменных: чем ниже степень развития общества, тем менее его писаное право выражает всю полноту жизни, тем он честнее, бессистемнее. Само собой понятно, что человек первоначальный не достиг еще до обобщений: он останавливается в природе физической на явлениях; в нравственном мире — на частных положениях. «Первое, что замечает дух человеческий, — говорит Игеринг¹, — суть внешние, практические вершины права, те части, деятельность которых кидается в глаза: юридические правила». Обобщение уже является впоследствии, когда из этих правил выводятся юридические начала. Ясно, что о началах, по которым создается стройная система, во времена первобытные не может быть никакого понятия. Конечно, отвлекающая мысль нашего времени может уловить те начала, на которых зиждется жизнь времен прошедших, но они были не доступны сознанию современников, к которым вполне приложимо превосходное слово того же писателя: «Каждая эпоха — загадка, ключ которой принадлежит не ей самой, а будущему»². Воссоздавать приходится по обломкам; к таким обломкам принадлежит памятник юридический, дошедший до нас от Киевской Руси и известный под именем «Русской Правды»³. Сборник этот, сохранившийся в двух редакциях: краткой и пространной⁴, началом своим восходит к XI в., к Ярославу Володимировичу, которому обыкновенно приписывают первые семнадцать статей краткой «Правды». Многие ученые думают, что «Русская Правда» была официальным памятником, изданным великим князем и дополненным его преемниками; другие видят в ней сборник, составленный для руководства судей и не имевший официального значения, что подтверждают толкованиями, встречающимися в некоторых статьях «Правды», напр.: «А т. е. не скот не лзе рчи: (не веде) оу кого есмь купил», говорится по

¹ «Geist. des rom Recht» 1, 28 (2-е изд.).

² Ibid, 35.

³ Самый древний список — XIII в.

⁴ Краткая встречается в списках летописей Новгородских. Татищев знал подобный список в какой-то Ростов. Лет., из которого взял варианты в свой список; пространная имеет много списков.

поводу отыскания пропавшего раба¹; указывают также на то, что если бы «Правда» была официальным документом, то в ней бы находились все постановления, а между тем мы встречаем в некоторых статьях пространной «Правды» указание на отсутствующие в краткой постановлении: так, из статьи о холопе, ударившем свободного мужа, узнаем, что дети Ярослава отменили закон отца по этому поводу, а в краткой «Правде» стоит только закон Ярослава². Иные говорят по этому случаю, что такой закон появился уже после дополнений, сделанных Ярославичами к «Правде». Впрочем, вопрос об официальном или неофициальном значении самого сборника едва ли может быть решен вполне: можно только сказать, что первые 17 статей краткой «Правды», заключаая в себе статьи, отмененные впоследствии (месть, убийство холопа за ударение свободного человека) и признаваемые за Ярославом, могут быть отнесены к его эпохе, тем более что в своей последовательности они довольно хорошо вяжутся между собой (сначала об убийстве, потом о личном оскорблении, о нарушениях вещных прав, о процессе по денежным искам и ударе свободного холопом): в своей простоте и краткости статьи эти, очевидно, древнее всего остального. Что же касается до остальных частей, то, составляя как бы дополнение изложенным прежде, они легко могут относиться к разным временам: из них мы должны отделять те, которых происхождение указано (сыновья Ярослава отменили месть, Володимир Мономах сделал постановление о ростах и т. д.). Во всяком случае, что касается до пространной «Правды», то ей никак нельзя придавать официального значения: это очевидно — попытка систематизировать, принадлежащая позднему времени. Для нас важно то, что пространная «Правда» встречается в значительном количестве списков, из чего заключают, что она долго имела значение практическое, хотя не надо забывать, что она переписывалась потому, что находилась в сборниках церковных законов: «Кормчих» и «Мерилах праведных». Признавая или не признавая официальное значение целого сборника, нельзя, однако, отрицать того, что законодательная власть принадлежала князю, что видно из самого текста «Правды»: «Правда оуоставлена Роусьскои земли, егда ся съвокоупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чудин, Микула»³. «Володимер Всеволодич, по Святополце, созва дружину свой на Берестовемь: Рати-

¹ «Текст Русской Правды», II, 33.

² «Текст Р. П.», II, 58; 16.

³ «Текст Русской Правды», I, перед 18 ст.

бора, Киевскотысячского, Прокоцью, Белгородскоготысячского, Станислава, Переяславскоготысячского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдинова, Олговича мужа, и оуоставили...»¹. Сверх того в самом тексте встречаются указания на княжеские суды (приговоры), напр. Изяслава — по убийству конюха, Ярослава — по ударению холопом свободного и уроки (урок, что брать вирнику, урок мостникам)². Следственно, первым источником законов этой эпохи являются постановления княжеские, затем многое выходит из обычая (родовая месть, наследство и т. д.), иное может объясниться влиянием византийского права, а иное, может быть, и германского, хотя в последнем случае надо быть очень осторожным.

«Русская Правда» — памятник периода сложения общества, выхода его из разрозненности племенных общин и образования одной общественной власти; с этой стороны она сближается с так называемыми законодательствами варварских народов (*leges barbarorum*). Первое появление письменных законодательств объясняется тем, что пошлина (старый обычай) пошатнулась вследствие вхождения в жизнь новых начал: таких причин колебания пошлины было в русской жизни той эпохи две: пришла дружина и принято христианство, чем окончательно изменилась жизнь. До Ярослава потребность письменного определения правды (закона, судебного решения) чувствовалась только в столкновениях с инородцами: так явились знакомые нам договоры с греками; во время Ярослава уже существовала подле «Русской Правды» другая правда: законодательство византийское. Положим даже, что домysl И. Д. Беляева, будто Владимир дал общую обязательную силу так называемому «Закону судному людям» и не доказан; но несомненно, что церковь применяла византийские законы к случаям, подлежащим ее суду. По самому происхождению этого законодательства, идущего от княжеской власти, можно уже понять, что в нем будут иметь место только те случаи, в которых нужно приложение княжеской власти: в отношении дел внутренних главной целью призвания князей был суд, т. е. ограждение безопасности личной и имущественной, главным образом в столкновениях между общинами; оттого мы видим, что главное содержание «Правды» (в особенности Ярославовой, т. е. первых 17 статей краткой «Правды») составляют преступления против личности и собственности, т. е. убийство, нанесение оскорблений и кража (первая частная личная собственность состоит

¹ «Текст Русской Правды», II, 48.

² Там же I, 45, 43.

в движимых вещах и рабах. Оградить против этих преступлений — первая обязанность князя. Дополнения, сделанные сыновьями Ярослава, представляют только новые случаи убийства и воровства. Замечательно для эпохи, что при определении случаев убийства берется во внимание не характер преступления, а значения лица, над которым оно совершено: чисто внешние определения, не входящие в разбирательство психологических мотивов и разных обстоятельств, облегчающих или отягчающих, — в духе эпохи; только пространная «Правда» принимает различие между убийством в разбое и убийством в сваде — различие самое первоначальное, наиболее кидающееся в глаза. В исчислении случаев воровства отличаются предметы, которые украдены, чтобы судья знал, сколько следует взыскивать за каждый украденный предмет. Пространная «Правда» представляет гораздо более определений: она указывает на процессуальные подробности (видоки, послухи, испытание огнем и железом), разные роды вир (поклепная, дикая), подробнее разбирает способ отыскивания украденной вещи; указывает на договоры: поклажи, займа, найма; даже сообщает некоторые правила наследства и опеки и способы обращения в холопство. С расширением круга предметов, обнимаемых этим законодательным памятником, рядом идет и большая подробность и точность правил (повторяю опять — чисто внешних). Из этих указаний можно, как кажется, видеть общий характер занимающих нас памятников: в сущности это не иное что, как судебник, правила, как вести суд, какое наказание назначать за преступления, как узнать — совершено или не совершено преступление.

Главным судьей был постоянно князь, но в «Правде» деятельность его является только в его приговорах (судах¹); это легко понять: князю при суде не полагалось никаких условий; он мог судить, как сам считал нужным; определение правил суда необходимо было для тех, кому он доверял суд; тем не менее мы встречаем определение места суда — двор княж²; встречается еще место суда — торг, на котором объявляется о пропже челядина (закликать)³. При суде мы видим вирника, которого обязанность состояла в суде убийц и взысканий виры; при вирнике находится отрок, служитель; разные судебные поручения давались детскому,

¹ «А конюх старый оу стада 80 гривен, яко оуставил Изяслав в своем конюсе, его же оубиле Дорогобоудни», I, 21.

² «Вести его (тата) на княжь двор». I, 38; II, 36.

³ II, 26. Ф.И. Леонтович, указывая на то, что чешские поротники судили на торгу, сближает этот суд с судом поротников.

который получал пошлину от испытания железом и делил братьев в случае спора, и мечнику; при суде упоминается тоже метельник¹. Кроме того, в «Правде» встречается название ябедника, которого Ф.И. Леонтович не без вероятности сравнивает с соком первых двух Статутов, обязанность которого состояла в отыскивании преступлений, не имеющих лица, т. е. поличного. Обиженный или родственник убитого являлись в суд, приводя своих послухов и видоков (свидетелей) и обязанные сами позаботиться об указании преступника и даже привести его на суд, впрочем, в преследовании смертоубийства допускался случай суда при неизвестном или отсутствующем преступнике²; то же допускается и при покраже бобра³. Обязанность не только доказать преступление, но даже производить, говоря нашим языком, следствие лежит на истце. Так, если у кого украдена вещь, то он объявляет об этом на торгу, чтобы люди знали, тогда может взять свое, а за обиду получает три гривны: это обстоятельство, вероятно, даже не восходит к княжескому суду⁴. Если же он не объявил, то, чтобы установить иск, должен отыскать вора: встретив свою вещь, он не может взять ее сам, а ведет того, у кого нашел вещь, на свод, т. е. он должен указать, откуда приобрел вещь, и, переходя от одного к другому, добиваются до вора, т. е. во всяком случае, до человека, который не может доказать, откуда достал вещь. В одном городе свод идет до конца; по землям (вероятно, принадлежащим к присуду города) делается иначе: идут только до третьего, который платит цену покраденного, а сам продолжает искать вора: в чужую землю свод не допускается, тогда последний ответчик выставляет послухов (свидетелей) или мытника, перед которым купил; истец берет свое, а ответчик лишается своих денег. В случае покражи раба идут только до третьего свода, причем ответчик дает своего раба, а сам с покраденным продолжает поиски; «а то не скот, не лзе рчи: не веде у кого есмь купил». Если случится, что кто не знает, у

¹ Не входим в разбор должностей этих лиц, ибо не можем остановиться ни на одном из сделанных уже объяснений.

² «Аже кто оубиет княжа моужа в разбои, а головника не ищють, то вивевную платити в чьей верви голова лежить» II, 3. «Которая ли вервь начать платити дикую виру, колико лет заплатит ту сиру, занеже без головника им платити» II, 4.

³ «Аще кто оукрадет бобр или сеть, или разламаеть борть, или кто почечет древо на меже, то верви искати татя в себе, а платити 12 гривен продажи» IV, 23 (исправлено по «Иссл. о Русс. Правде», 131).

⁴ «Аче кто кнь погубить, или оружие, или порт, а заповесь на торгу, а после познает в своем городе, свое ему лицом взяти, а за обиду платити ему 3 гривны» II, 28. В Ярославовой «Правде» это выражено несколько иначе: «Аще поймет кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем мироу; то взяти ему свое, а 3 гривны за обиду», 12.

кого купил, то должен выставить двух свидетелей свободных мужей или мытника, при котором купил; они должны присягнуть, а он теряет вещь и потом уже сам должен отыскивать, у кого купил, и начать новый иск. Эти все случаи, оплачиваемые продажей (пеней за обиду и нарушение вещных прав), восходят к суду княжескому¹. Если не найдут татя, то идут по следу; если вервь не докажет того, что след, ведущий к селу, не служит доказательством и не будет помогать розыску, то должна платить; следы на большой дороге ничего не доказывают². На суде факт доказывается свидетелями: видоками (свидетелями факта) и послухами, выставлявшими сторонами, которые были свидетелями акта: купли, займа, найма и т. п. Послухи должны быть свободные; только в случае крайности допускается свидетельство боярского тиуна, и в малых тяжах закупа³. Если послухи не уличат, можно прибегнуть к суду Божию: испытание железом; можно допустить это испытание и по речам холопа, но тогда истец говорит: «По сего речи емлю я тя, но аз емлю тя, а не холоп», и в случае если испытание будет выдержано, принимает на себя плату ему за обиду. Таким образом, самое испытание производит истец, а княжие люди берут только пошлину⁴. Есть постановление, что смерда нельзя подвергать испытанию без позволения князя, а также и огнищанина⁵. Без свидетелей может быть суд по личному оскорблению, если истец имеет на себе явные знаки⁶. Ярославова «Правда» указывает нам случай третейского суда: если кто отпирается от долга, то судят 12 человек, быть может по шести с каждой стороны⁷. Доказанное преступление ведет за собой наказания: поток (изгнание) и разграбление (конфискация), назначаемые за разбой, коневую татьбу и зажигательство⁸; вира (пеня за убийство), продажа (за другие преступления); часть вир и продаж идет княжим слушителям при суде. Обиженный и родственники получают головщину и обиду. Ярослав дозволил кровавую месть близким родственникам, но сыновья его переложили эту месть на виры⁹. Вервь платит виру, если она

¹ II, 29–35.

² II, 70.

³ II, 59.

⁴ II, 81, 82; II, 17, об испытании железом и водою в случае нетыскания послуха.

⁵ II, 71–72.

⁶ «Или боудеть кровав или синь надражен, то не искати емоу видока» I, 2; II, 23.

⁷ «Аже где взыщет на друзе проче, а он ся запираати почнет, то ити ему на извод пред 12 человека, да еще боудеть обида не вдал боудеть достойна емоу свои скот, и за обиду 3 гривне», 14.

⁸ II, 5, 30, 79.

⁹ II, 1–2.

не ищет головника, т. е. не хочет его выдать, — это дикая (т. е. общая) вира¹. Сам головник платит головщизну, а вира платится сообща; кто не вложится с вервью, тот платит сам за себя². Любопытно, что за княжа мужа вира — 80 гривен, а за людина (а также некоторых княжих служителей) — 40; за женщину полвиры³. За холопа вознаграждение платит господин⁴; если холоп ударит свободного, то, по уставу Ярослава, его выкупают у господина и бьют (вероятно, убивают)⁵, а Ярославичи постановили бить его и взять пеню за срам⁶. Вора можно убить во пса место и не платить за убийство, но, продержав до утра, надо вести на княжий двор⁷. За холопа и рабу виры не платят, а только в случае невинного убийства платят урок господину и продаже князю⁸. Виры и продажи собирает вирник; для объезда его определены известные правила, чего он может требовать, ибо содержание его по обычаю времени лежало на общине⁹.

Кроме преступлений и наказаний, «Правда» заключает в себе постановления об обязательствах: купля, которая должна совершаться при двух свидетелях или мытнике¹⁰; постановлений о продаже недвижимой собственности нет: так еще мало значила тогда земля, что не вошла в гражданский оборот; дело идет о вещах и рабах — собственности движимой. Заем между купцами, кажется, без процентов и с процентами («Куны в рез, настав в мед, жито в присоп»). Для первого не требуется свидетелей, а действительность его доказывается присягой (ротой)¹¹. Что касается до процентов, то они точно определяются, особенно по уставу Володимира Мономаха после Святополка. Разрешаются резы месячные и третные, первые только при краткосрочных займах: на несколько дней; в займах годовых берется десять кун на гривну; при займе требуются свидетели. Берущий большие проценты лишается капитала¹². Несостоятельный должник лишается не только имени, но и свободы; из суммы, образовавшейся от его продажи и остатков имущества, сначала

¹ II, 3, 4.

² II, 4, 6.

³ II, 1, 83.

⁴ II, 42, 56, 110, 114, 115.

⁵ 16.

⁶ II, 58.

⁷ I, 20, 38; II, 36.

⁸ II, 84.

⁹ I, 42.

¹⁰ II, 32.

¹¹ II, 41.

¹² II, 43, 44, 46, 47, 48, 49.

платится долг князю, потом иноземцам, и наконец своим; впрочем, пострадавшие от случая: рати, огня, воды, получают льготу отсрочки, а неосторожный может быть помилован¹. Поклажа отдается без свидетелей; в случае если тот, кто клал, потребует большего, то приниматель может очиститься присягой². Наем определяется случаями о закупках, о которых уже говорили.

По семейному праву встречаем очень немного постановлений: здесь вполне господствует обычай. Наследство (задница, статок) — преимущественно двор, дом и товар (движимое имущество) переходят к наследникам; но если у смерда нет сыновей, то наследство поступает к князю с выдачей части незамужней дочери³; боярам наследуют дочери, но при братьях дочери не наследуют, а довольствуются тем, что дадут братья⁴; братья делятся по ряду (завещанию отца); нет ряду, то по обычаю, но часть выделяют на помин души⁵; двор идет меньшому⁶. Если не согласятся между собой, то князь посылает делить их детского⁷; дети от рабы не наследуют, но получают свободу с матерью⁸; мать получает то, что назначил ей муж⁹; если она пойдет замуж, то к детям назначается опекун; опекуном может быть и отчим¹⁰. Мать может управлять имением после смерти отца, но если растеряет все, то платит детям, но в дому она может остаться, хотя бы дети того не хотели, и дети должны ее слушаться; после смерти матери наследство идет, кому она назначит; если она умрет без завещания, то берет тот, кто ее кормил; дети двух отцов, а одной матери делят между собой наследство каждый своего отца¹¹.

Другим важным юридическим памятником этой эпохи является договор Смоленска с Ригой и Готским берегом. Он также допускает денежные пени, но как акт международный, он допускает разные ограничения: немца в Смоленске можно посадить в тюрьму, если только нет за него поруки, а также и русина в Риге; если князь осудит на разграбление русина, то немец получает свой долг; испытание железом и поле (судеб-

¹ II, 50, 51.

² «Зане ему в болого дел и хоронил товар того» II, 45.

³ II, 85.

⁴ II, 86, 89.

⁵ II, 87.

⁶ II, 94.

⁷ II, 100.

⁸ II, 92.

⁹ II, 94.

¹⁰ II, 94.

¹¹ II, 95—98.

ный поединок) допускается по взаимному соглашению; послухи должны быть с обеих сторон. Важны постановления о прелюбодеянии: русский получает с немца 10 гривен серебра, а за насилие немец платит 5 гривен, а если женщина уже известна неприличным поведением, все-таки берется гривна и т. д. Таким образом, здесь те же первоначальные основы быта и права, что и в «Правде».

Церковь

Введение христианства рядом с обществом светским поставило общество духовное — церковь и между разрядами, на которые распадался русский народ, создало новый разряд — духовенство, одаренный особыми правами и привилегиями. Взаимодействие обществ гражданского и духовного составляет один из важнейших предметов для изучающего развитие русского общества: важно, с одной стороны, как под влиянием воззрений, принесенных христианством и распространяемых духовенством, изменяются воззрения, господствовавшие в тогдашнем обществе; важно, с другой стороны, то, как старые верования народа, применяясь к новым, держатся — где под видом суеверия, а где и переходят в ересь. Сверх того, как во всех делах человеческих никогда не проходит одно начало во всей его чистоте, так и христианство приносит нам и византийско-римское начало, не всегда удобно применяемое к состоянию общества и даже иногда вносящее такие понятия и представления, внесение которых, быть может, не могло быть желательным. Так, в поучениях монахам встречаем иногда указания на утонченные пороки, от которых надо уберечься, но которые едва ли были известны простодушному обществу первоначальному. Все эти стороны дела, имея свою несомненную историческую важность, далеко, однако, отходят на задний план при указанном нами выше нравственном влиянии христианства.

Проповеданное на русском языке, принесенное нечужими с мечом в руках, а своим князем, христианство в центре тогдашней Руси — в Киеве принято было большинством дружелюбно; враждебных действий против него незаметно, хотя — разумеется — язычники, помогавшие Володимиру против Ярополка, не совсем успокоились, на что и указывают известные слова Иллариона: «Да аще кто и нелюбовью, но страхом повелевшего крещахуся; понеже бе благоверие его с властью съпряжено». На окраинах Русского мира дело проповеди шло гораздо медленнее: если не

принимать рассказа так называемой Иоакимовой летописи¹, то все-таки нельзя не видеть, что христианство было еще очень слабо в Новгороде, как и на всем севере: летописец рассказывает, что при князе Глебе Святославиче (правнуке Володимира Св., ум. 1078) появился в Новгороде волхв, который хулил христианскую веру; горожане к нему пристали и хотели убить епископа; епископ стал с крестом и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, а кто верует, пусть идет к кресту!». С епископом соединились только князь и дружина. Глеб, убивши волхва, прекратил волнение². Вообще волхвов много появлялось в XI в. по большей части в Поволжье и в области Новгородской; о Киеве же мы имеем только одно известие³. Волхвам этим так верили, что когда делался голод в земле Суздальской и волхвы обвиняли женщин, что они скрывают обилие, то туземцы выдали им своих жен, сестер и матерей; те резали им за плечами и вынимали хлеб или рыбу, а потом убивали. Ян Вышатин, муж Святослава Ярославича, собиравший дань на своего князя, только угрозой белозерцам: «Если не поймаете волхвов, то не уйду от вас целое лето» (т. е. целое лето вы обязаны будете кормить меня) заставил выдать их. Ян отдал их на растерзание тем, у кого они погубили женщин⁴. Замечательно, что новгородцы ходили гадать к чуди⁵; финны издавна славились своим волшебством и до XVI в., как видно из свидетельства архиепископа (после митрополита) Макария, новгородцы ходили к финским арбуям. В области Волжской христианство принималось медленно: известно, что два первых епископа ростовские Феодор и Илларион принуждены были язычниками удалиться из города; полагают, что в ту же эпоху проповедовал здесь св. Авраамий⁶. Третий епископ Ростовский Леонтий много потерпел от язычников и, по свидетельству Симона, был ими убит⁷, что, впрочем, еще не вполне признано. О Муроме есть известие, что христианство там утвердилось только в XII в., но это известие, сохраненное в «Житии св. Константина Муромского», пред-

¹ Татищева: «Ист. Росс.», I, 38–40.

² П. С. Р. Л. I, 77–78.

³ Там же, 75.

⁴ Там же, 75–76.

⁵ Там же, 77.

⁶ Житие Авраамия в «Пам. ст. Русской лит.»; свод различных мнений о нем в моей статье («Энци. слов.»). Я по-прежнему не знаю, когда он жил.

⁷ «Первый Ростовский Леонтий священномученик, его же Бог прослави нетлением, и се бысть первопрестольник, его же невернии, много мучивше, убиша: и се третий гражданин небесный бысть русского мира, с онема Варягома венчався от Христа, его же ради убиен бысть». «Пам. XII ст.», 256.

ставляет много затруднений. У вятичей в XII в. проповедовал св. Кукша, хотя мы знаем, что в Курске еще в юности Феодосия были христиане. Есть следы, что в XI—XIII вв. христианство проникло в край Олонецкий, где существовал монастырь Челменский (XI) и Вологодский, где — на слиянии Сухоны и Юга — в XII в. был монастырь Гляденский. С основанием Хлынова (Вятки) в XII в. христианство проникло и сюда.

Во главе Русской церкви стоял митрополит, состоявший в зависимости от Константинопольского патриарха, но обладавший значительной долей самостоятельности, что прямо выражено патриархом Лукой Хрисовергом в послании к Андрею Боголюбскому: «Той же есть, — говорит патриарх, — сам митрополит от нас святых и великия церкви ставим и посылаем тамо... и той тамо избирает и ставит под ним сущих епископов... и судит и управляет всех, иже под ним сущих»¹. Тем не менее и епископы и князья иногда прямо обращались к патриарху, и он действовал своими увещательными посланиями, но деятельное вмешательство отклонял. Митрополит рукополагал и судил епископов, но в важных случаях он действовал не один, а с собором епископов; есть мнение, что из первоначальных епархий так много устроено в городах близ Киева для того, чтобы иерархи могли составлять постоянный собор при митрополите². Митрополиты наши не являлись судьями князей, подобно духовенству западному, но охотно мирили их между собой и призываемые являлись советниками; не только не старались они подчинить себе светскую власть, но еще проповедовали византийские государственные понятия. Важно, что духовенство в России никогда не имело местного оттенка (кроме Новгорода), а оставалось всероссийским и ревниво следило за церковным единством Русской земли, что доказывается низвержением володимирского епископа Феодора, затеявшего вместе с князем Андреем Боголюбским образование отдельной митрополии: он был судим сначала в Киеве, потом в Константинополе и обвинен в разных преступлениях³. Митрополиты были большей частью из греков, за исключением Иллариона и Климента, из которых первый поставлен при Ярославе во время несогласия с греками, а второй при Изяславе Мстиславиче, что объясняется тогдашними смутами в Греции; еще, мо-

¹ П. С. Р. Л. IX, 224.

² Пр. Филарет: «Ист. церкви» I, 112 (изд. 1857). «Иже послушают епископы своего митрополита совокуплятися призовемы и от него Збор створити, иже зле творящая несварити их отешским наказанием».

³ П. С. Р. Л. 102. С. М. Соловьева: «Взгл. на сост. дух. до пол. XIII в.», 9, 13 («Чт. в общ. ист.», год 2, кн. 6).

жет быть, русский — Ефрем¹. Князья постоянно желали иметь участие в постановлении митрополита, что видно из сношений по этому вопросу по смерти Изяслава Мстиславича, путешествия Янки, дочери Всеволода Ярославича, в Цареград, откуда она привезла митрополита Иоанна скопца, и стремления Андрея иметь особого митрополита. Патриархи спешили часто поскорее избрать митрополита, чтобы предупредить настояние великого князя. Трудно сказать, нужны ли были тогда деньги для постановления митрополита, как мы это видим позднее, но из косвенного намека Симона при постановлении епископа заключаем, что отрицать этого нельзя². Первыми нашими епископами были греки или болгары; из русских первым был Новгородский епископ Лука Жидята (1036—1059); но и позднее бывали епископы из греков: Мануил Смоленский, Антоний Черниговский, Николай Полоцкий³. В поставлении епископов князья принимали большое участие: так, Святополк-Михаил перевел в 1095 г. епископа Марина с Юрьевцами на Витичев холм; Мстислав Володимирович в 1137 г. поставил Мануила в Смоленск; Рюрик Ростиславич в 1190 г. поставил Андрея епископом в Белгород; в 1231 г. Василько Константинович послал Кирилла в Киев ставиться в епископы Ростовские. Разумеется, во всех этих случаях «постави» имеет значение только выбора, предварительного назначения, нечто вроде того, что встречаем в Новгороде. Князья иногда изгоняли епископов так же, как и новгородцы их изгоняли: Святослав Всеволодович изгнал Антония (1168); Андрей Боголюбский — Нестора (в 1156), он же с суздальцами — Леона (1159) и т. д. Всех епархий пред нашествием татар было до 12.

Особенным нравственным влиянием на народ, преимущественно же на князей, пользовались монастыри, которые начали появляться почти

¹ После трех митрополитов, бывших при Володимире, мы знаем еще следующих митрополитов до половины XIII в.: Феопемт (1035—1049); Иларион (1051 † до 1054); Ефрем (1055); Георгий (около 1062); Иоанн II (около 1077 † 1078); Иоанн III (1089); Ефрем (едва ли не во второй раз до 1096); Николай (1097 † после 1101); Никифор (1104 † 1121); Никита (1122 † 1126); Максим (1130 † 1145); Климент (1147—1155); Константин (1156 † 1159); Феодор (1159 † 1163); Иоанн IV (1164 † 1166); Константин II (1167 † после 1172); Никифор II (уном 1182 † 1197); Матфий († 1220); Кирилл I (1224 † 1233); Иосиф (1234 † вероятно в 1240).

² «Пишет же ми книги княгини Ростиславля Верхуслava, хотяши тебе поставити епископом Новуграду на Онтониево место, или Смоленску на Лазарево место, или Юрьеву на Олексиево место: аще ли и тысяча сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради». «Пам. сл. XII в.», 255. «Митрополит же Никифор не хотяше поставити его, за не бе на мзде поставил Николу Гръчима». П. С. Р. Л. I, 165.

³ Об Антонии: «Льсть тая в себе: баше бо родом Гречин». П. С. Р. Л. II, 92; о Николае: П. С. Р. Л. I, 165; II, 127; о Мануиле: П. С. Р. Л. II, 14. А. П. Зернин предполагал, что и Нифонт был грек, но без достаточных оснований («Арх. ист. и Юр. св.» II, пол. I).

со времени крещения: по случаю основания Печерского монастыря в летописи замечено: «Мнози бо монастыри от царь и от бояр и от богатства поставлени, но не суть тацѣ, кацѣ поставлени слезами, лошением, молитвой, бдением»¹. Стало быть, и тогда уже различались эти два рода монастырей и два рода иноков. До XII в. насчитывается около 90 монастырей. Построить монастырь считалось делом богоугодным, и многие, как князья, не идя сами в монастырь, основали, однако, монастыри, которые нередко служили усыпальницей для княжеских родов; такие монастыри строились в больших городах, большей частью в Киеве (Дмитриев — Изяслава; Михайлов-Видубецкий — Всеволода Ярославича; Михайлов-Золотоверхий — Святополка-Михаила; Феодоров — Мстислава Володимировича и т. д.). От этих-то монастырей летописец и отличает те, которые строятся отшельниками, собирающими около себя последователей своей высокой нравственностью и святостью своей жизни. Таков был по преимуществу Печерский монастырь (в Киеве), служивший рассадником и для миссионеров (Кукша, Леонтий) и для епископов и пользовавшийся особенным уважением не только при жизни своих основателей Антония и Феодосия, но и долго после них²; около 50 епископов вышло из монахов этого монастыря. Князья (как Святоша Николай Давидович Черниговский) и бояре (Варлаам) приходили в нем постригаться, и решительно все оказывали ему уважение; разумеется, в ту эпоху насилия насилию подвергался иногда и Печерский монастырь, но это было временным исключением, не больше. Начало свое Печерский монастырь ведет от св. Антония родом из Любеча, который, походив по разным монастырям греческим, поселился в пещере близ Киева (это было не раньше 1051). К нему стали скоро приходять ученики: первым был Никон, вторым Феодосий, уроженец Василева (около Киева), переселившийся в детстве с родителями в Курск. Любопытно, что в Курске нашелся уже учитель, который обучал его грамоте. Феодосий, с детства почувствовав склонность к монашеству и вытерпев много от матери за свое отвращение от жизни светской, успел наконец бежать в Киев, где скоро узнал об Антонии и поселился у него. Когда в Киеве сел Изяслав, к братии присоединился Варлаам, сын боярина Иоанна, и любимец

¹ П. С. Р. Л. I, 69. О первых монастырях см. Пр. Макария: «Ист. церкви» I, гл. 5.

² «Печерский монастырь, — говорит Симон, — море есть, не держит в себе нилого, но измещеть вон». «Пам. сл. XII в.», 253. «Пред Богом ти молвлю: всю сию славу и власти, яко кал мнел бех аще бы ми трескою торчати за враты, или сметием валятися в Печерском монастыри и попираему быти человеки», там же, 257.

князя «каженник» Ефрем. Пострижение этих двух знатных людей вызвало гонение на иноков, остановленное только княгиней, которая вспомнила, что в ее отечестве Польше изгнание иноков вызвало большие бедствия¹. Это событие еще более прославило Антония: число учеников его возрастало; сам князь приходил к нему просить благословения. Антоний сам остался в пещере, а братия, над которой поставлен первый игумен Варлаам, начала строение монастыря на горе, данной в собственность монастырю Изяславом. Это строение было окончено в 1062 г.; Варлаам же в 1057 г. переведен в княжеский монастырь св. Дмитрия, а игуменом сделался Феодосий. Феодосий ввел студийский общежительный устав. Своим характером он возбуждал всеобщую любовь и уважение: смиренный — он сам первый шел на работу — Феодосий требовал от других строгого благочиния, в монастырь без позволения игумена не пустили даже князя, когда он приехал после того, как ворота были заперты. Феодосий в выражении своих мнений не останавливался ни перед каким лицом: когда Святослав занял место брата своего Изяслава, в Печерском монастыре продолжали поминать Изяслава. На слова Святослава «Я люблю тебя как отца» — Феодосий ответил: «Возврати брата своего Изяслава». Все знали смирение Феодосия, который, возвращаясь, например, раз от Изяслава, уступил место внутри повозки грубому возчику; знали его милосердие, побуждавшее миловать воров, пойманных на монастырской земле; все это знали и потому доверчиво обращались к Феодосию. Пришла раз одна вдова, обиженная судьей, и, не зная Феодосия, спросила: «Где игумен?» — «Чего ты требуешь от него, — сказал Феодосий, — он человек грешный». — «Грешен он или нет, — ответила вдова, — не знаю, а знаю, что он многих избавляет от печали и напасти, потому и пришла просить его о помощи и заступлении». Феодосий ходатайствовал за нее у судьи. При Феодосии в монастыре не знали праздности: в часы, не посвященные молитве, пряли волну, плели клобуки; все это продавали и на деньги покупали хлеб, который сами мололи на ручных мельницах. Умирая в 1074 г., Феодосий хотел назначить себе преемника, но братья избрали другого: именно Стефана; Феодосий подчинился этому выбору: выбор игуменов был общим обычаем. После Феодосия монастырь продолжал процветать и богатеть, но как ни много было в нем подвижников, другого Феодосия уже

¹ В Патерике рассказано это событие в Польше по поводу Моисея Утрина, взятого в плен Болеславом в Киеве и постригшегося по навету жены своей, желавшей, но неудачно, пленить Моисея; и позже были изгнаны; Болеслав скоро умер и последовали смуты.

не было, и мы даже встречаем иногда укорительные указания на Печерский монастырь: «Иреяша, — говорит летописец, — церковь Дмитрия Печеряне, и нарекоша ю Петра, с грехом великим и неправо»¹. Но, несмотря на временное отклонение, предание Феодосия продолжает жить в монастыре, за что он пользовался великим уважением.

Для исправления вкрадывающихся в христианское общество заблуждений, искоренения языческих обычаев, отстранения возникающих злоупотреблений, разъяснения недоразумений церковь действовала разными путями: в целом своем составе посредством соборов, единично — проповедью — посланиями, ответами на вопросы и т. п. Постоянным собором при митрополите можно считать, как мы уже видели, епископов городов, расположенных около Киева, но, сверх того, в случаях важных собирались соборы русского духовенства вообще. Так, митрополит Илларион был выбран собором²; точно также Изяслав собрал собор для выбора Климента³; на соборе 1160 г. судили Нестора, изгнанного Андреем Боголюбским, и оправдали его⁴; на соборе 1168 г. рассматривался вопрос: следует ли поститься в среду и пятницу, если в эти дни случится большой праздник, но не было ничего решено по сильному разногласию членов⁵; на соборе 1169 г. был судим ростовский епископ Феодор⁶. Могли быть и другие соборы, но о них не упоминает летопись. Кроме поучительных слов и посланий, о которых будем говорить при рассмотрении памятников литературы, для понимания состояния общества того времени и деятельности среди его духовенства важны ответы, даваемые иерархами на предлагаемые им вопросы: так мы имеем ответы митрополита Иоанна II черноризцу Иакову и вопросы Кирика новгородским епископам Нифонту и Илие с их ответами⁷. В этих ответах ярко рисуется общество, только что принявшее христианство, еще мало с ним освоившееся; так, мы встречаем указание на то, что были еще тайные язычники, их следует считать чуждыми церкви только по многократным увещаниям⁸; в том же духе кротости приписывается не убивать и не уродовать

¹ П. С. Р. Л. I, 131.

² П. С. Р. Л. I, 67.

³ П. С. Р. Л. II, 27—30.

⁴ П. С. Р. Л. IX, 224 (послание патриарха Луки).

⁵ Там же, 236.

⁶ Там же, 240.

⁷ «Вопросы Кирика» в «Нам. XII в.»

⁸ «И еж жрут бесом и кладезем... шме к ним наказание и поучение не единою, ни дважды, но различи... Непокоряющеся и своа злобы на остануше чужи имети от соборныа церкви» пр. Макария II, 372.

прибегающих к волхвованию¹; священнику, приходящему на пир, предписывается уходить, когда начинаются песни, пляски и т. п.; позволяя монахам участвовать в обедах с женами и бельцами, особенно в дороге, митрополит запрещает учреждать такие пиры в монастырях и стараться превзойти ими друг друга; запрещается держать две жены, жить без церковного венчания, отпускать жен и жениться на других, вступать в третий брак; запрещается иметь общение с теми, которые служат на опресноках, едят удушенину; запрещается продавать поганым рабов, которые крещены; есть с погаными можно только по неведению, но кто по воле ходит к поганым для купли, те признаются за лихоимцев; здесь ясно разделение поганых (язычников) от иноверцев (католиков), к которым тоже митрополит относится строго, считая неприличным, например, отдавать дочерей замуж в иную страну (намек на частые браки русских князей с католиками), но есть с ними можно². Некоторые сомнения, разрешаемые митрополитом, поражают нас своим простодушием: напр., можно ли тепла ради носить одежду из шкуры зверей, не употребляемых в пищу? Или можно ли матери кормить ребенка до сорока дней, если не нашла кормилицы? Любопытно разрешение больной матери крестимого младенца передать долг поститься отцу, чтобы самой не погубить живота³. Также важны вопросы Кирика новгородским святителям; из них видно, что в XII в. были еще славяне язычники, ибо положено для славянина восемь дней оглашения, когда для болгарина, чухонца и половчина полагается сорок; в эти дни оглашенный должен поститься и в церкви стоять только во время литургии оглашенных⁴; предписывается строго наблюдать чистоту телесную лицам священного сана; вдовы за это подвергаются исключению, жена священника или дьякона за нецеломудрие должна быть отпущена; человека, совершившего кражу, если она огласится перед судом, нельзя ставить в дьяконы; во избежание излишней требовательности священников назначается, по сколько они должны брать за поминование усопших⁵; священников предписывается отлучать

¹ «Иже волхвована а и чародания творяща, аще мужу и жене, словесе (сы) наказанием показати, и обратити от злых; якож от зла непреложни будут, яро казнити на возбра(не)ние злу, но не до смерти убивати, ни обрезати сих телесе», там же, 371.

² «Ястиж с ними нужду Христовы сушу любви ради отнюдь (не) возбранено», там же, 370.

³ «Матерьж крестимых, детей аще болни будут и поститис не могут, отдают отци, да не постом великим изнемогут, и свои погубляют живот», там же, 373.

⁴ «Пам. XII в.», 180.

⁵ «А за успокои сице веляше служити, сорокоусты на гривну пятью служити, а в кун одну, а на 12 куню, или каго мога; но все за то единою к пеня и служба; того вино, темьян и свечи», там же, 173.

за отдачу денег в рост¹. Чистота нравов предписывается и мирянам: муж, изменивший жене, осуждается на годовую епитимью, даже если отстал от греха; жена подвергается разводу; обычай грешить за рабынями осуждается. Осуждаются языческие суеверия: жены, дающие неверным мужьям пить воду, которой омывали свое тело; жены, которые носили больных детей к волхвам (любопытно, что носили и к варяжскому попу); те, которые кланяются роду и роженицам. Простодушных вопросов у Кирика еще более: можно ли служить в одежде, в которую вшит женский плат? В какой ходить одежде? На что дан ответ: хотя в медвежине; следует ли давать молитву осквернившемуся глиняному сосуду или только деревянному? Можно ли толкать яйцом в зубы до обедни (в Светлое воскресенье)? и т. п. Любопытно, что в ответах на вопросы Кирика святители восстают на обычай паломничества: «та бо, рече, рота (присяга идти во Иерусалим) губить землю сию», т. е. лишает значительного количества рук². Из всех этих вопросов видно, со сколькими предрассудками приходилось бороться духовенству; заметно, что и духовенство во многом стояло не выше общества; но остановление паломничества, поощрение выкупа рабов, смягчение наказания рабу³ высоко ставят его над этим обществом.

Духовенство с самого первого времени принятия христианства не только является учителями нравственности, но и пользуется правами политическими: многие дела подлежат суду церковному; многие люди находятся в подчинении у церкви; наконец, она владеет недвижимыми имениями. По законам греческим церковь, как мы уже видели, пользовалась большими правами и преимуществами не только в делах церковных, но и гражданских; руководством в действии церковного суда служил в Византии так называемый Номоканон (соединение законов, изданных светской властью (νόμοι) с постановлениями соборов (κανόνες)⁴. Теперь не подлежит никакому сомнению, что с самого при-

¹ «А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить. Аже воля то рици ему: недостойти ти служити, аще того не останеши». Там же, 171.

² Там же, 203.

³ «Рех: Владыко! аже пустити свободна? сде, рече, обычай несть таков, а лепше иного человека вскупити, абы ся и другая на том казнила», там же, 187; «А сего прошах: аже в работе суть душегубцы? и повеле ми на полы дати, и льяе: невольни бо, рече, суть», 200.

⁴ Первое систематическое собрание церковных постановлений: Иоанна Схоластика (современника Юстиана); им же сделано собрание государственных узаконений касательно церкви. На основании этих собраний составил первый Номоканон, известный под именем Иоанна Схоластика; в конце VI в. или в начале VII в. появился второй Номоканон, легший в основание Номоканона, составленного знаменитым Фотием; кроме того, извест-

нятия христианства Русская церковь уже употребляла славянский перевод Номоканона, с которым соединились и некоторые памятники светского греко-римского законодательства («Эклога» Льва Исаврянина, т. е. извлечение, и «Прохиرون» Василия Македонина, т. е. ручная книга, руководство) и болгарское извлечение, известное под именем «Закона судного людям», или «Судебника царя Константина». Суд церковный, по законам греко-римского права, имел три вида: 1) суд над духовными лицами по делам духовным; 2) над теми же лицами по делам гражданским на основании правила «истец ищет в суде, которому подведом от-ветчик»; 3) над светскими лицами в делах духовных и тех, которые законами предоставлены суду церковному. Все это перешло и к нам и даже у нас получило большее развитие: у нас постоянно замечается стремление духовенства достигнуть неподсудности светскому суду, что и достигалось грамотами, даваемыми от князей; вместе с тем подчинялись исключительно суду церковному и лица, от него зависевшие; в делах духовенства со светскими лицами образовался у нас суд смешанный, общий, т. е. такой, где совместно присутствуют двое судей — в данном случае светский и духовный. Вообще в Древней Руси для жителей разных княжеств или подчиненных разным ведомствам образовался такой суд, чтобы одно ведомство не засудило бы лица, подчиненного другому, и чтобы не потерять пошлины. Лица светские, кроме духовных дел, подлежат суду церкви в делах семейных, в преступлениях против святыни церкви и суевериях. Переходом от чисто греко-римских законов к Русским уставам служит «Закон судный людям», представляют нередко переделку греческих законов. «Переделка эта, — замечает А.С. Павлов, — обыкновенно состоит в том, что вместо уголовных наказаний, назначаемых Эклогой за то или другое преступление, Закон Судный, в противоположность «закону людскому» (светскому), определяет церковные епитимьи, в других случаях заменяет греческую казнь (отсечение руки, ноги, головы, ослепление, палочные удары) денежной пеней и продажей». Русские князья в своих уставах старались определить положение церкви и духовенства посреди светского общества, указать круг лиц, подведомых церкви, и средства для содержания духовенства. Из этих уставов первым по времени является «Устав св. Володимира»¹. Уставом Володимира

ны толкования Зонары (около 1120), Вальсамонна (около 1180) и Аристина, известны и сокращения Аристина и Зонары.

¹ Лучшее издание в «Ист. церкви» пр. Макария (в трех редакциях). Против подлинности устава возникает сомнение: Карамзин указывал на упоминания в нем имени Фотия,

определяются доходы церкви: он подтверждает уже дарованное им право Десятинной церкви на десятину¹: эта десятина состояла из десятой доли вир и продаж («десятая векша»), от пошлин торговых («из торгу десятая неделя»), от княжеских даней, ловов, стад, жита. Затем даруются церкви недвижимое имущество. Наконец определяются лица, подлежащие ведомству церкви, и дела, разбираемые церковным судом. К числу этих лиц принадлежат все служащие церкви, кроме того, проскурница (прос-вирня), баба (вероятно, повивальная, которая могла быть обязана доносить о своевременном крещении), лечец (врач) и все люди, жившие в монастырях, гостиницах-странноприемницах (такие заведения уже существовали, что доказывает «Житие Феодосия»), прощенник (быть может, пущенник, т. е. освобожденный раб), задушный человек (освобожденный по духовному завещанию на помин души), прикладень (вероятно, раб, отданный церкви, как мы уже видели, в примере княгини Глебовой). Духовенству поручается наблюдение за верностью мер и весов, призрение бедных, больных, увечных и т. д. Суду церкви поручаются преступления против веры, против святости храмов и места погребения, против святости брака, сойза семейного, чистоты нравов, дела о бесчестии, дела по наследству. Таким образом, в уставе Володимира указаны главные точки соприкосновения церкви со светским обществом и обозначен путь, которым развивалось далее церковное законодательство.

После Володимирова устава является Ярославов². Устав Ярослава составляет как бы продолжение и дополнение Володимирова: он делает различие между делами, подсудными исключительно церкви, от тех, в которых принимала участие и светская власть. К первым отнесены дела, касающиеся церковного благоустройства, и суд над мирянами в преступлениях против веры и церкви, а также против нравственности; дела второго рода обозначаются или выражением «а князь казнит» или выражением «епископу в вине со князем на полы»; сюда отнесены дела о бесчестии преимущественно женщин, преступления против власти родительской, зажигательство — эти преступления судились, кажется, одной властью князя, когда были указаны, а татьба, разбой и душегубство судились судом смесным. Замечательно, что наказания, налагаемые

на противоречие с правдою по вопросу о наследстве; Рейц указывал на то, что устав поминает учреждения, которые тогда будто не могли существовать (богадельни). Все это уже опровергнуто Невוליным и пр. Макарием.

¹ Откуда у нас десятины? Только едва ли из Польши, как думал пр. Филарет.

² Карамзин в нем сомневается; Неволин («О простр. церк. суда», 297—310) колеблется; но пр. Макарий прямо защищает и очень основательно (II, 213—276).

в этом уставе, все денежные: старание применить законодательство церковное к обычаям века. После Ярослава церковное законодательство развивалось уже по причине раздробления Русской земли по областям, и от периода татарского дошли до нас четыре такие местные уставные грамоты: три Новгородские (две Всеволода-Гавриила и одна Святослава Ольговича) и одна Смоленская — Ростислава Мстиславича. Новгородский князь Всеволод построил церковь Иоанна на Опоках (1127—1132), дал ей жалованную грамоту, в которой дает общине, при ней состоящей, право наблюдения над весами и мерами, с пошлиной, собираемой с воска, и в Торжке половину пошлины. Таким образом, церковь является средоточием торговой артели, о чем подробнее, когда будем говорить о Новгороде. Тому же Всеволоду принадлежит грамота, данная Софийскому собору (1135—37), которого наблюдение над Ивановской общиной поручается владыке, вероятно, вследствие его неудовольствия; сверх того Ивановская община получает несколько новых пошлин. Этой же грамотой Всеволод подтверждает устав Володимира и делает ему пояснение и дополнение; так, мы здесь встречаем изгоев и узнаем определеннее, какие споры о наследстве судились духовенством: между детьми от разных браков. Грамота Святослава Ольговича (1137) представляет попытку переложить десятину от вир и продаж на денежную выдачу. Смоленский князь Ростислав Мстиславич, учредив в 1150 г. епископию в Смоленске, дал ей грамоту, в которой определил на содержание епископии десятину от даней, вир и продаж. В грамоте исчисляются подробно, какие волости что платят: это одна из самых интересных сторон грамоты; затем князь дает прощенников, два села с изгоями, землю с озерами, сеножатыми, выморочные имущества церковных людей¹. Перечисляя церковные суды, Ростислав делает некоторые изменения против других уставов, из которых самое важное — отсутствие постановления о праве церкви судить тяжбы о наследстве.

Таково было юридическое и финансовое положение церкви Русской до татар, как оно устроено уставами князей.

Литература

С духовенством на Руси является и грамотность, заводятся училища. Еще Владимир и Ярослав начали раздавать детей священникам с тем,

¹ На «беззачину» мы находим указание во всех церковных уставах, но едва ли этот вопрос можно считать вполне разъясненным, хотя князь мог передать церкви свое право наследовать...

чтобы они учились грамоте¹. На существование подобных училищ указывает и «Житие Феодосия», где рассказывается, как он выучился грамоте в Курске; то же читаем и об Авраамии Смоленском. В послании патриарха Германа к митрополиту Кириллу I (1228) мы встречаем любопытные указания на то, что ставили в священника рабов, первоначально обучив их грамоте. Преподавание в этих училищах ограничивалось, вероятно, чтением и письмом: письмо при общем употреблении устава было делом нелегким и требовало особого искусства; до нас дошло несколько древних рукописей, отличающихся изяществом письма (напр., «Остромирово Евангелие», «Святославов Сборник»); писцы гордились своим делом и нередко подписывали свое имя под сделанным трудом, обозначая самый срок написания книги. Книги были не часты потому, что самый материал, на котором они писались, был дорог². Собрание книг ставится в особую заслугу князьям: Ярославу, Константину Всеволодовичу, Володимиру Васильковичу³; сборники Святослава Ярославича всем известны. Книги считались сокровищем, и потому нередко украшали их дорогими переплетами: так, известно, что переплет Мстиславова Евангелия заказан был в Греции. В монастырях были свои переписчики и переплетчики и оттого в монастырях были и свои собрания книг; так, мы знаем, что в одном из афонских монастырей было много русских книг до XII в.; то же мы знаем о некоторых наших монастырях. Конечно, до нас дошли не все книги, бывшие в обращении между нашими предками: иные, как, напр., список пророчеств, писанный Упырем Лихим, мы знаем по позднейшей переписке, но все-таки мы имеем право заключить, что книг в обращении было немного, хотя число сочинений оригинальных и переводных было достаточно, но надо помнить, что часто книга была только в одном экземпляре. Не владея большим запасом книг, наши старинные книжники, подобно теперешним начетчикам из раскольников, так близко были знакомы с теми, которые у них были, как в наше время редко бывают знакомы. Так, мы встречаем указания в Патерике на Никиту Затворника, который знает наизусть весь Ветхий Завет; так, Кирилл Туровский цитирует в своих проповедях Св. Писание наизусть, ибо его цитаты не совсем верны; он любит библейские оборо-

¹ П. С. Р. Л. I, 55, 66.

² Из указаний о пожертвованиях Володимира Васильковича (П. С. Р. Л. II, 222–224) узнаем цену тогдашних книг: молитвенник — книга небольшая 8 гривен кун, что по исследованию И. И. Срезневского, равняется 80 руб. сер. на наши деньги.

³ П. С. Р. Л. I, 66, 187; II, 222–223.

ты, сравнения и т. п., что доказывает большую начитанность в Св. Писании. То же можно заметить и о других писателях того времени. Но все это касается не обширного круга людей: князья, бояре и вообще люди богатые, духовенство, монастыри могли иметь и имели свои книги, а люди простые должны были довольствоваться тем, что слышали в церкви, да едва ли и самая грамотность была значительно распространена вне этого круга; едва ли для людей, стоящих вне его, все литературное образование не ограничивалось произведениями народного творчества.

Письменность, доступная ограниченному числу книжников, была довольно значительна своим объемом; это особенно относится к произведениям переводным: «Переводилось, — справедливо замечает И.И. Срезневский, — не то, что попадает под руку, а напротив, то, что считалось важным. Вот отчего древняя русская письменность была обогащена всем, что в то время в Византии считалось лучшим. Вот почему у наших предков были переводы и почти всех лучших произведений, не только Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова, но и много других отцов церкви и летописей Иоанна Малалы, Георгия Амартола и других историков и пр.»¹. Такое же разнообразие замечаем мы и в чисто русских произведениях: у нас были тогда и проповеди, и летописи, и путешествия, хотя на всем этом лежит единообразный характер религиозно-церковного образования: воззрение на мир всех книжников более или менее одинаково, идеалы жизни одни и те же. Мир является давнему книжнику местом испытания, где человек подвергается разным искушениям, дабы, выдержав их, стал достойнее достигнуть Царства Небесного; земные блага презираются книжником, ибо они тлен и суета. Отсюда везде одно и то же поучительное направление. Идеал жизни — исполнение долга; наслаждения осуждаются прямо или косвенно. Осуществление идеала — монастырь; верх совершенства — монашеская жизнь («ангельское житие», «ангельский чин»). В высшей степени благотворно действует, как мы уже заметили, самое поставление этого идеала среди общества, преданного своим страстям, но доступен этот идеал для понимания весьма немногим: конечно, эти немногие действуют своим примером на смягчение нравов и просветление умов — важным сознанием чувства долга, как долга, без отношения к лицам, и нравственности. Много нового вносила к нам эта литература, но форма, в которую облеклось это новое содержание, не всегда была достаточ-

¹ «Др. Русск. кн.», 35.

но применена к слушателям: так, например, утонченные сравнения Иллариона закона с Агарью, благодати с Саррой, Ветхого Завета с Измаилом, нового — с Исааком очень поэтичны и доказывают глубокое понимание самого предмета, проникновение в его сущность, но так ли были они доступны современникам? Нередко исследователи нашего времени восхищались красотами речи Кирилла Туровского, а он сам сознается, что его проповеди собирались слушать немногие. Отчего же это происходит? Вопрос решается, кажется, тем, что цветистое и аллегорическое изложение Кирилла, напр., хоть драматизированный разговор Христа с расслабленным, было слишком не просто. Нам напомним, что народ любит символы. Да, но свои, более жизненные, а аллегория, как произведение литературы уже искусственной, не тревожит народного чувства. Оттого, вероятно, число слушателей знаменитого проповедника было незначительно: слушатель должен иметь известное образование, чтобы понимать его, а образование было доступно не многим, хотя и было на русском языке. Понятнее поучения Луки Жидяты чисто нравственного содержания и изложены чрезвычайно просто и многие из поучений Феодосия Печерского, каково, напр., о суевериях, по случаю нашествия половцев, о пьянстве и др., где он прямо нападает на господствующие пороки общества и старается быть простым и доступным; непонятным могло быть его поучение о латинах, в котором отдает дань вопросам, еще малодоступным необразованным людям даже нашего времени, но тогда занимавшим умы людей образованных. Вопросами отвлеченными занимался и митрополит Никифор в своих посланиях к князьям: Мономаху, Ярославу Святославичу, но это объясняется тем, что Никифор был грек, и тем, что он назначал свои послания для лиц, получивших литературное образование. Все эти произведения, имея чрезвычайно важное значение, изображая идеалы, а отчасти и действительную жизнь своего времени, не представляют, однако, вполне верно состояние образованности; при изучении их никак не следует забывать, что даже в том случае, когда они являются не переводами, они по большей части — подражание или воспроизведение своих византийских образцов. Казалось бы, со сказанным не согласуется большое распространение, судя по оставшимся рукописям разных сборников: «Златой цепи», «Пчелы», и т. д., и даже появление чисто русской переделки в знаменитом слове Даниила Заточника. Но это только по-видимому, ибо, вглядясь пристальнее, можно понять причину их большой распространенности: своим смешанным содержанием они были применены ко всем

вкусам, а значительной краткостью своих статей были более доступны. В этом отношении они сосредоточивают в себе знания века, являются чем-то вроде нравственной энциклопедии, где статьи иногда помещаются в некотором систематическом виде; так, в сборнике «Золотая цепь» (рукопись XIV в., но содержание, вероятно, ранее) встречаем рядом с краткими словами неизвестных авторов произведения известных проповедников; своим расположением сборник имеет в виду как бы дать руководство для разных случаев жизни: как поступать относительно князя, как относительно друзей, как воздерживать страсти и т. д. Множество новых понятий переходило в общество посредством этих сборников, укажем, напр., на понятия об отношениях к князю, противоречащие взгляду дружинников¹. Таково же значение и «Пчелы» — сборника, переведенного с греческого. В значительной степени тот же материал переделан в послании Даниила Заточника, которое — по обеим своим редакциям — представляет важные данные для характеристики общества дотатарского; князь окружен дружинниками, которые значат всё, но люди верят князю и к нему вызывают от дружинников; рядом с влиянием дружинников заметно опасение женского влияния, едва ли даром в это слово попало обличение злых жен, его нельзя считать чисто риторическим украшением. Изложение Даниила богато, по замечанию С.П. Шевырева, чисто русским юмором; игра слов: «Кому Любово, а мне горе лютое», меткие уподобления, переносящие в ту эпоху, свидетельствуют о русском происхождении составителя этого слова, которое так понравилось, что подверглось новой переработке². Таким же успехом пользовались сочинения повествовательного содержания: жития, разные сказания (по большей части апокрифические). В простодушной своей вере наши предки не отличали истинного от ложного; Кирик предложил Нифонту один вопрос из какой-то заповеди, на который Нифонт ответил: «А те книги годится сжечь»³. Очевидно, Кирик не был уверен, что эта «заповедь», первообраз «худых моноконунцев» XVI, XVII вв. — не есть постановление церкви. Потому книги «отреченные», более говоря фантазии, распространялись очень широко, чему способствовал и самый авторитет святыни, которым они прикрывались. По образцу византий-

¹ «Князю земля ваша покаряется, не рците ему зла в сердце своем и прийте ему голову своею и мечем своим и всею мыслью своею... аще кто от своего князя ко иному князю отъедеть, а достоину чсть приемля от него подобен есть Иуде». Ф.И. Буслаев: «Христ.», 477—478.

² Не касаясь вопроса о том, которая редакция древнее, я останавливаюсь только на факте существования двух редакций.

³ «Пам. XII в.», 188—189.

ских повествовательных сочинений начали появляться у нас сначала отдельные сказания, а потом в соединении с краткими летописными известиями и большие летописные сборники. Первый из сборников, дошедших до нас, «Повесть временных лет», указывает на то, что составитель ее был знаком с византийскими хронографиями, пользовался ими и много у них заимствовал, но, с другой стороны, передавая сказания, прикрашенные модной тогда витиеватостью, он сохранял их простодушный вид: повсюду видно, что ни сам он, ни его источники не успели вполне овладеть чуждым способом писания, и то переходят в краткие погодные заметки, то в передачу народного рассказа. Если и затевалось систематическое сочинение в роде «Хроники» Амартола для прославления крещения Русской земли, то такого систематического сочинения, к счастью, не вышло. На воззрениях наших летописцев лег общий временный оттенок религиозный, но в гражданском быту они остаются детьми своего века и, напр., не могут представить своих князей византийскими императорами, а дружинников их — вельможами византийского двора. Подобная переделка, удобная, напр., в западной летописи, где чужой латинский язык давал не свойственные названия для туземных понятий, невозможна у нас, где, передавая на письме местное название, автор сохранял тем и понятие времени. Развиваясь, летописание становилось подробнее, и вместе с тем открывается возможность замечать некоторые местные оттенки: летопись Новгородская ярко оттеняется от Киевской и Суздальской. В Новгородской почти нет следов церковной письменности: это летопись людей торговых, занятых, спешащих скорее записать, что видели; в Киевской более драматизма, более подробностей. Любопытно, что в Киевской летописи часто писатель является свидетелем воинских событий и едва ли не светским человеком: так мало обращает он внимания на дела церковные. Суздальский летописец щедрее на размышления. Выписки Св. Писания и отцов церкви витиеватее и более книжные. Читая летопись Южной Руси¹, убеждаешься в значительном успехе в искусстве писания, которого достигли наши книжники в период до нашествия татар: в XII в., даже в конце XI встречаем множество поэтических оборотов, в сжатом виде заключающих в себе картину: стиль «Слова о полку Игореве», которое таким образом является не одиночным произведением, а представителем целой школы, выработавшейся частью на прежней книжности, продолжавшей, кажется, беспри-

¹ П. С. Р. Л. II и «Лет. по Ипатскому списку». СПб., 1871.

месно развиваться в Руси Северо-Восточной, а частью на песнях княжих певцов, из которых одного ваияна мы знаем по имени из самого «Слова». «Слово», нося следы старых поэтических преданий — отголосков старины языческой, любопытно еще с той стороны, что оно произведение всероссийское: в нем замечаем, как часто и в летописи, печаль о раздроблении Русской земли, об усобицах между князьями¹. На дальнейшую литературу оно осталось не без влияния, но любопытно то, что в дальнейшей литературе оно отразилось только повторением некоторых форм, сколками, а не развитием своих поэтических начал. Как ни близки многие выражения «Слова» с народными песнями, все же и по содержанию и по форме «Слово» должно быть произведение княжеского певца, сложенное вскоре после события. Говорим княжеского потому, что на первом плане стоит дружина и князь. Самая форма ближе ко многим местам летописи, тоже прославляющим князей (Мономаха, Романа) и, вероятно, составлявшим часть песен. Что же касается до народной поэзии, то в существовании ее в период удельный нет никаких сомнений: в самых песнях мы находим следы воззрений, предшествовавших окончательному виду, который получили былины; но положительно обозначить, что именно принадлежит удельному периоду или еще более раннему, почти невозможно², потому лучше здесь не говорить о них.

Был еще разряд литературных произведений, очень нравившийся нашим предкам, — путешествия по святым местам. Из путешествий этой эпохи самое важное — странствование Даниила Паломника, современника Святополка-Михаила. В этом странствии останавливает простодушный рассказ о виденных им святынях, теплая любовь к родине (лампада за Русскую землю), добродушное отношение к иноверцам (Балдуину). Словом, читая его, постоянно видишь пред собой русского человека, и притом человека XII в. со всеми его верованиями и со всем его простодушием.

¹ Найдено Мусиным-Пушкиным. Первое издание 1800 г. «Ироич. песнь о походе на Половцев». После было издано несколько раз.

² Жду обещанного исследования П.А. Бессонова о тех былинах, которые он называет удельными. Точная принадлежность их удельному периоду для меня не совсем ясна. Попытка г. Квашнина-Самарина («Беседа», 1871. № 4, 5) любопытна, как любопытна попытка Ф.И. Буслаева («Ж. М. Н. Пр.», 1871, № 4), но пока можем отделить только некоторые черты. Л.Н. Майков: «Быль. Влод. Цикла». СПб., 1863, а за ним М.П. Погодин («Ж. М. Н. Пр.», 1879, № 12) относят былины прямо в период дотатарский. О.Ф. Миллер («Илья Муромец») благоразумно колеблется.

Такова была в общих чертах литература, воспитавшая собой лучших людей Древней Руси и отражавшая в себе их надежды, желания и идеалы; в ней принимали участие все по мере сил и развития: рядом с духовным лицом является князь (Мономах) и дружинники; соприкасаясь, с одной стороны, с литературой уже искусственной, какова византийская, с другой, она черпала свои силы в литературе народной: по единству языка у нас она не могла разорвать с ней связей. Чем ближе подходим к периоду татарскому, тем более чувствуем, что из-под пелен византийских начинает высвобождаться, по крайней мере в Руси Южной, самостоятельная литература, которая, быть может, даже была и богаче, чем мы теперь знаем: книга могла быть в одном экземпляре и пропасть безвозвратно. Не следует забывать, сколько погромов перенесла Русь Южная после XIII века.

Материальное состояние общества

Древняя Русь представляется нам обширным, малонаселенным пространством, большей частью лесным или лесистым и болотистым: реки служат почти единственным средством сообщения; в случае необходимости выбрать другой путь приходилось заранее устраивать его перед походом: «Рче Володимир: требите путь и мостите мост»¹. При таком отсутствии сухопутных дорог понятно, как св. Глеб ехал из Муром в Киев чрез Смоленск, а Олег Святославич — из Смоленска в Муром. Реки и волоки между реками — вот главные пути сообщения: на этих путях возникали главные центры общественной жизни — города, большая часть которых воздвигается не на одной, а на двух реках. Теперь иные из этих рек кажутся просто речонками, и мы не понимаем их тогдашней важности, но не следует забывать, что реки наши мелеют с порубкой лесов и что суда прежние были легкие лодки. Всех городов в дотатарское время насчитывают до 300. Конечно, не всегда можно быть уверенным в том, что местность, упоминаемая в летописи, именно город, а не село²; к тому же между самыми городами есть значительная разница: есть города (т. е. огороженные места, острожки), построенные для ограждения границ. Постройка таких городов началась, как мы ви-

¹ «Пов. врем. лет. по Ипатскому списку» П. С. Р. Л. I, 56. В Белорусском наречии теребить, значит прорубать лес, «Россия», IV, 134 пр. В «Словаре» Носовича этого слова я не нашел.

² «Ист. России», III, 39. Населенные места носили разные названия: весь, село, погост, слобода.

дели, со времен Олега. Другие города — исконные, составлявшие центр волостей, имевшие и административное и часто торговое значение. Между этими городами выдаются стольные княжеские города, иногда построенные вновь князьями (Володимир Клязменский, Володимир Волинский, может быть, и Галич; позднее — Холм). Город вообще отличается тем, что он имел ограду (стену или вал с тыном). В больших городах было несколько оград: град днешний (кремль, детинец), град окольный (внешний, предгородье); последними ограждался посад, возникавший около града. Из укреплений встречаем вежи (башни), которые строились, и особенно, напр., каменная Кременецкая вежа Володимира Васильковича; на стенах были досчатые заборалы¹; пространство между валами городскими называлось болоньей². Предгородье делилось на концы³; концы делились на улицы. Торг в каждом городе занимал особое место: в Киеве было, по свидетельству Титмара, восемь рынков, но из них один, вероятно, был главный, что можно заключить из того, что Изяслав перевел торг с Подола на гору⁴; впрочем, мы после встречаем торг и на Подоле. Каменных зданий почти не было в Киеве, а тем более в других городах; оттого таким дивом казался каменный терем Ольгин⁵. Со времени принятия христианства стольные города украсились каменными храмами, из которых иные сохранились и до сих пор. План храма был византийский: четвероугольник более или менее правильный (иногда, как в церкви Ирины, за исключением алтарной части); стены клались из разнovidных кирпичей, которые связывались вязким раствором и перекладывались рядом отесанных круглых камней; во Владимирских церквях клались две стены известкового белого камня, пространство между ними залито известковым раствором. В больших церквях к задней, а иногда и к другим сторонам устраивались палаты (хоры) и для поддержания сводов ставились каменные или кирпичные столпы⁶. Полы были из разноцветных камней или кафельные; стены преимущественно

¹ «Мьстиславу же хтящю стрилити, внезапно вдарен бысть под пазуху стрелою, на заборалех, скважнею». «Пов. Врем. лет по Ипат. списку», 184 сл. П. С. Р. Л. I, 115. Ярославна в «Слове о полку» плачет на заборале.

² «Сл. о полку».

³ В Киеве копырев («Лет. по Ипатск. сп.», 206; П. С. Р. Л. II, 8).

⁴ «Изяслав же възгна торгъ на гору». «Пов. Вр. лет», 126.

⁵ «Бе бо ту терем камен», там же, 41.

⁶ В церквях при дворцах: Дмитриевской во Владимире Клязменском, Спасской — в Переяславле Залесском были ходы с полатей прямо во дворец, назначенный для прохода князей семьи, обыкновенно молившейся на хорах. В Переяславле дверь сохранилась, во Владимире заложена (говорят по недоразумению).

в алтаре украшались мозаикой, в иных местах расписывались фресками. Во внешнем виде допускались разные изменения. Так, во владимирских церквах (Дмитриевской, Поповской в Боголюбове) видим на наружных стенах резные изображения (прилепы) в романском стиле, господствовавшем в XIII веке в Европе, что объясняется немецкими мастерами, но внутреннее расположение везде одинаково; число глав разнообразно: были церкви об одной главе, были о пяти, были о тринадцати (первоначальный Софийский храм в Новгороде). Архитекторы были или греки или немцы (во Владимире и Галицком Холме), а рабочие — русские; небольшие церкви иногда, как замечают летописи, падали от неискусства зодчих. Когда архитектор являлся из русских (напр., Милонег, строивший стену Выдубецкого монастыря), летопись рассыпается в гиперболических похвалах. Так редки были эти случаи¹. Художники, расписывавшие храмы, были по большей части греки. Из храмов сохранившихся укажем на Софийский в Киеве и Новгороде, Преображенский в Чернигове, Дмитриевский, Успенский и Покровский во Владимире, все более или менее подвергшиеся переделке; фрески сохранились в Киеве, Новгороде (в церкви Спаса в Нередицах) и в Ладоге. Эта живопись отличается строгой простотой рисунка, отсутствием подробностей обстановки (разве с символическим значением) и постоянством в изображении типов. В церквах находят иногда и княжеские гробницы: такова гробница, приписываемая Ярославу, в развалинах Десятинной церкви, украшенная разными изображениями. С архитектурой и живописью пришла к нам из Греции музыка — так называемое демественное пение, отличавшееся своей простотой. В городах, где только храмы, иногда стены и редко терема были каменные, все остальное строение было деревянное. Мы, к сожалению, мало знаем о постройках у наших предков; только из некоторых указаний летописи о том, что князья сидели на сених, мы можем вывести, что в древности сени имели такое же важное значение, как впоследствии: соединяя собой жилые покои, они служили приемными, как теперь в избах богатых крестьян; сени можно было подрубить, стало быть, они были во втором этаже²; при такой скудости известий мы должны дорожить всеми мелочами; так, в Житии Бориса и Глеба Иакова встречаем описание поруби (темницы): «Дверемь сущемь по-

¹ Его сравнивают с Веселиилом, художником, избранным Моисеем («Лет. по Ипатск. списку», 476; П. С. Р. Л. II, 153).

² «Ать посечем под ним сени» говорит о Вячеславе дружина Изяслава Мстиславича. «Лет. по Ипатск. сп.», 277; П. С. Р. Л. II, 50.

гребным заключеном. Онема же оутрь спящема и инемь многим. Лествици же вне лежащи изволчене»¹; следовательно, лестница подставлялась снаружи. При деревянных строениях часто были пожары. Так, в Новгороде с 1054 до 1228 г. насчитывается одиннадцать больших пожаров; в Киеве в пожар 1124 г. сгорело 600 церквей, число, впрочем, едва ли не преувеличено, подобно 400 церквям Титмара²; но не один Титмар прославлял Киев: Адам Бременский восторженно называет его «Соперником Константинополя, светлейшим украшением Греции» (т. е. земли Греческой, православной веры).

Главным занятием городского населения была торговля. В Киеве сходились, как мы видели, купцы разных стран: Регенсбург держал в XII в. в Киеве свои токовые дома. Через Емс и Вену отправлялись регенсбургские купцы в Киев для покупки мехов; поляки с русскими доходили до Сицилии в XI в., в начале X в. русские купцы проходили со своими телегами чрез Чехию на берега Дуная и продавали Баварии лошадей и невольников (не были ли это угорские русские?); Польша, по свидетельству Мартина Галла, была только дорогой, по которой купцы отправлялись в Русь. В то время, когда еще не открыт был путь в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, Россия и страны, с ней сопредельные, частью ныне ей принадлежащие, должны были обращать на себя внимание торговцев Западной Европы, как посредствующие для торговли с Азией. Оттого уже в 1205 г. венециане стремятся утвердиться на берегах Черного и Азовского морей, отсюда и важное значение Солдаи (Судак), куда, по свидетельству Рубриквиса, стекались купцы из Турции (Малой Азии), отправляющиеся в Россию и северные страны и из России идущие в Турцию. Оттого-то и сходило так много купцов в Киеве, которым иногда приходилось плохо во время неурядиц: так, Дослав Луцкий в 1174 г. обложил большим выкупом в Киеве латину (т. е. гостей иноземных католической веры)³; Рюрик Ростиславич, взявши Киев на шит в 1203 г., пощадил жизнь иноземным купцам, но взял у них половину имущества⁴. Посредниками в русских городах служили часто евреи и армяне, хотя есть известия, будто Мономах изгнал евреев из Киева, но они встречаются и при Мономахе; поминаются жидовские ворота уже под 1151 г., следственно, этому известию не следует придавать большой веры:

¹ «Сказ. о Борисе и Глебе», 81—82.

² «Яко церквий едиinel изгоре близ 6 сет.» П. С. Р. Л. I, 129.

³ «Лет. по Ипатск. список.», 393; П. С. Р. Л. I, 156; II, 111.

⁴ П. С. Р. Л. III, 26.

евреи не были изгнаны¹. Для сношений с югом из Киева были три пути: греческий, соленый и залозный². Первый шел Днепром до Олешья (Таврической губернии), а последний, вероятно, по Днепру и морем к устьям Днестра и Дуная и назывался так, ибо шел за лозами, за порослями этих обеих рек. Третий путь шел, вероятно, в Крым. Кроме половцев, торговля иногда терпела и от русских: так, Давид Игоревич захватил в Олешьи гречников и взял у них имение в 1084 г.³ Из Южной Руси торговля шла и на Восток: в 1184 г. князья наши, гонясь за половцами, встретили в степи гостя, извещающего их, что половцы на Хороле⁴; в городе Орне (на Дону) собирались, по свидетельству Плано Карпини, до татарского нашествия купцы из Хазарии, Руси и Алании. Из известного уже нам договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом мы узнаем, как велась торговля: когда волоцкий тиун услышит, что пришли немцы, он должен оповестить волочан, чтобы перевезли гостей и охраняли их; кому идти вперед, решают жребием; русский идет назади. В городе немцы дают княгине постав полотна, а тиуну перчатки. Торгуют они беспрепятственно; с покупки серебра платят пошрины; для проверки весов хранятся две каш: одна в русской, другая в немецкой церкви; иностранцы не платят судебных пошлин; с воров, найденным у товара, могут сделать что хотят и т. д.⁵ Предметами торгоа были сырые произведения, как и прежде. Откуда бралось в Смоленске серебро? Оно могло идти или с Востока, или, может быть, из Угрии, откуда еще при Святославе получалось серебро.

С вопросом о торговле тесно соединен вопрос о деньгах, который до сих пор составляет предмет спора: одни говорят, что деньги в Древней Руси главным образом были кожаные; другие отрицают совершенно существование у нас кожаных денег. Первое мнение долго было господствующим, но против него восстал уже Успенский, за ним Каченовский, а в настоящее время кожаных денег не признают И. Д. Беляев и Д. И. Прозоровский. Труд последнего ученого⁶ очень замечателен: он исходит от

¹ Татищев, II, 213. о жидах в 1124 г. и жидовских воротах см.: П. С. Р. Л. II (под этими годами).

² «Братье! — говорит князьям Мстислав Изяславич, — пожалуйте о Русской земли и о своей отчине и дедине, еж несут хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже у нас и Гречьский путь изьотимають, и Соляный и Залезный». «Лет. по Ипатск. сп.», 368. П. С. Р. Л. II, 97.

³ П. С. Р. Л. I, 88.

⁴ «Лет. по Ипатск. сп.», 429; П. С. Р. Л. II, 111.

⁵ О Новгородской торговле см. ниже.

⁶ «Мон. и вес в России до конца XVIII в.» («Зап. Арх. Общ.», XII).

определения веса монет XVIII в. и спускается до «Русской Правды», такой прием от известного к неизвестному дает исследователю прочное основание и в значительной степени отстраняет возможность ошибок. Д.И. Прозоровский не признает существования кожаных денег, несмотря на прямые свидетельства о них. Рубриквис видел маленькие кусочки кожи с цветными знаками, ходившие у русских вместо монеты; Герберштейн говорит о них; при Петре торговали в Калуге кожаными и иными жеребьями; их видели Татищев¹ и Карамзин². Всех правильнее, кажется, смотрит на этот вопрос г. Ланге³, который так объясняет происхождение кожаных денег: сначала у нас дань платили мехами; внесший должен был получить квитанцию; но по безграмотности ему отрезывали кусок меха, который и клеймили, таким образом он получал значение денег. Таково, вероятно, значение кун, которые при Святославе Ольговиче выдавал какой-то Домажирич⁴. Объяснение это весьма вероятно: если несколько лет тому назад ходили у нас за недостатком разменной монеты клубные марки и расписки помещиков, выданные рабочим, то отчего подобного не могло быть в Древней Руси, когда серебра своего не было, а взятого в добычу или добытого торговлей не хватало, особенно если попомним, что в те небезопасные времена многие от страха зарывали деньги в землю; в купчих XIV—XV вв. мы встречаем, что земли меняют на вещи, так мало было денег. Самые названия: белка, векша, куна напоминают о мехах. Рядом с кожаными деньгами уже рано встречаются и металлические: радимичи платили дань шелягами. Долго встречавшиеся экземпляры серебра Ярослава считали медалями подобно черниговской гривне, но находка в Нежине (1852) значительного количества древних мелких серебряных монет (сребреников) и исследования ученых (А.А. Куника: «Русско-Виз. мон.») заставили отказаться от этой мысли. Это, вероятно, те сребреники, которые кидали в народ при перенесении мощей Бориса и Глеба⁵. Первая монета, по исследованию А.А. Куника, чеканилась по образцу византийских. Отношение веса к монете определяется на основании сличения статьи Олегова договора,

¹ «До употребления же серебрянных монет, счисляли белии жебки, их же неколико во Новеграде я лет пред 38 видел хранимая». «Русск. Правда», 19 (в «Пр. Др. Росс. Вивл.», 1).

² «Ист. гос. Росс.» 1 пр. 524. Лоскутки, которые видел Карамзин, имели на себе штемпель Кудма.

³ «Об угол. праве по Русск. Правде» (в «Арх. Ист. и практ. свед.», 1850).

⁴ «Вилеть епископ за десятину от вир и продаж 100 гривен новых кун иже выдает Доможирич из Онеги» («Русские Дост.» I, 23).

⁵ «Лет. по Ипатск. сп.», 202.

по которой за ударение назначено 5 литр, со статьей «Правды», назначающей за это преступление 12 гривен¹. Следовательно, 12 гривен = 5 литрам, а литра была фунтом в 72 золотника. Впоследствии явилась гривна новая, или рубль, которая по Д. И. Прозоровскому равняется 40, 5 золотникам². Новгородской мерой считают не византийскую литру, а западную марку в 48 золотников.

Ремесла были самые первоначальные, что понятно, когда вспомним, что люди жили тогда в период хозяйства естественного и только что переходили к хозяйству денежному: все нужное делалось дома; еще упоминаются, напр., ручные мельницы; самые подати несли службой или доставляли натурой. Следственно, если и встречаются некоторые ремесленники, напр. золотых дел мастер Кузьма, которого Плано Карпини видел у великого хана, то их было немного; когда нужно было сделать что-нибудь подороже, отправляли в Цареград (напр., переплет Мстиславова Евангелия); вещи, находимые в Киеве и других местах (Рязани и т. д.), служившие украшением князей и людей богатых, шли преимущественно из Греции, а может быть, частью с Востока; низшее население имело слишком мало потребностей и жило преимущественно земледельческим трудом, для чего в то время не требовалось много знаний: пахалась новь; иногда и часто выжигался лес, отчего земля становилась очень плодородна, но ненадолго, тогда земля покидалась. Часто бывающий на Севере голод был, конечно, чувствителен для населения Новгородской области, где он бывал всего чаще³, но остальное население мало от него терпело. Если войны междоусобные и половецкие и были разорительны, унося много убитыми и пленными, то на благосостояние низших сословий они не имели значительного влияния: при незначительности потребностей, свободе труда, неразвитии нужд государственных, вызывающих на большие жертвы, человек в ту эпоху жил не так дурно, как могло бы казаться, дурно было только то, что жизнь ничем не была обеспечена, а также и имущество; оттого только богатые и сильные могли выставять свои достатки и пользоваться ими, а бедный должен был прятать свои.

Таково нравственное и материальное состояние русского общества в эпоху дотатарскую. Тщательное сличение известий приводит, кажется,

¹ Гривна — вначале украшение, потом вес и, наконец, монета; см.: А. А. Куника «Русско-виз. монеты».

² Отношение разных монет к гривне определяется на основании статей «Правды», оценивающих разных животных (III, 48—65), но едва ли эти определения очень прочны.

³ И то от 1054 до 1228 г. поминаются только семь голодных годов. «Ист. Росс.», III, 43.

к тому выводу, что если мы встречаем начало цивилизации, то заря ее только что занималась над Русской землей: правильный гражданский порядок, жизнь умственная, материальное благосостояние уже появляются, и даже начинают пробиваться их неизбежные, ближайшие результаты: отделение образованных от необразованных, нарушение первоначального равенства; начинает город отделяться от села, но, с другой стороны, сохраняется еще много условий первоначального быта. От этой смеси начал двух бытов и является двойкий взгляд на Русь Киевскую: одни чрезмерно идеализируют ее, выставляя на вид первоначальный формы и ожидая от них развития, на что, в сущности, наука не уполномочивает, ибо известно, что развитие идет посредством столкновения начал и не из одного источника; другие же, с точки зрения цивилизации и порядка, осуждают Киевскую Русь. Наше изложение доказывает, как ошибаются и те и другие.

Глава V

Татары, их нашествие и владычество. — События в Руси Суздальской. — Даниил, король галицкий и упадок Галича. — Меченосцы, Литва

Татары, их нашествие и владычество

В XIII в. степи Средней Азии выслали в Европу новую завоевательную орду, составившую последнюю волну переселения народов, начавшегося в глубокой древности. Эта орда монголо-татарская, двести сорок лет владычествовавшая над Русью, оставила продолжительные следы своего владычества, ибо разорвала окончательно связь между Русью Западной и Восточной, что способствовало образованию на Западе княжества Литовского, между тем как на Востоке при помощи татар возвышается княжество Московское, которое осиливает наконец другие, свергает иго, идет само в степь и впоследствии, обратясь в Русское государство, делает навсегда невозможным новое вторжение из степи. Чтоб понять все эти события, мы должны познакомиться с характером покорившего наших предков народа, с размерами его завоеваний и с отличительными чертами его господства.

Как ни темны еще этнография и история Средней Азии, но нельзя не видеть того, что здесь издавна действуют три племенные группы: тюркская, монгольская и манчжурская. Центр их действий — Китай, источник и образец всей среднеазиатской цивилизации в тех странах, которые не подверглись действию ислама. Стремления варваров, живущих за Великой стеной, отеснить друг друга, овладеть Китаем, и нравственное их потом подчинение Китаю составляют главную характеристическую черту этой истории, в которой не раз повторялись явления, сопровождавшие переход европейских варваров через Рейн и Дунай и, быть может, еще повторятся. Все эти народы относятся к указанным трем группам: разнообразие племенных названий объясняется обычаем дальнего Востока менять племенные имена в случае перевеса одного племени: так было и с племенем монгольским, издавна известным китайцам под именем татан (источник нашего слова татары, под которым теперь разумеются более тюркские подданные бывшей монгольской державы); имя же монголов, говорят, было принято Чингисханом и о происхождении его до сих пор ведутся споры, для нас, впрочем, посторонние. Колыбелью монгольского племени служила, по всей вероятности, страна у подошвы

Алтая, отсюда поколения, на которые они разделены были издавна, простирали свои набеги до Китая; для защиты от них, говорят, и была построена Великая стена. С X в. северо-запад Монголии ускользнул от влияния господствовавших в Китае династий и потому малоизвестен в китайской истории¹. При появлении Чингисхана все эти земли были разделены между различными поколениями, управлявшимися своими старшинами, находившимися во взаимной вражде. Непривлекательную картину образа жизни монголов представляет нам современный Чингисхану китайский писатель: «Лицо у них широкое, плоское и четверугольное с выдавшимися скулами; глаза без верхних ресниц; волос на бороде и усах весьма мало; их наружность весьма отвратительна. Только нынешний татарский повелитель Темучжин огромного роста, с широким лбом, длинной бородой, он отличается мужеством... Год по их обычаю считается по вырастанию травы; когда спрашивают у кого: сколько ему лет, то он отвечает, сколько трав. Мне несколько раз случалось спрашивать у них число месяца, и они с усмешкой отвечают, что не знают. Когда увидят, что луна округлилась, то считают месяц; когда заметят, что трава не скоро зеленеет, заключают, что в этот год високосная луна. Татары рождаются и вырастают на седле и на лошади; они сами собой научаются сражаться, потому что вся жизнь их круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все конница; войска у них может набраться несколько сот тысяч. Письменных дел у них почти нет, но все, начиная от главнокомандующего до тысячника, сотника и десятника, командуют лично. Всякий раз, когда они хотят взять большой город, то сначала нападают на малые места, берут в плен тамошних жителей и гонят их на осаду. Для этого отдают повеление, чтобы каждый конный солдат захватил десятерых человек; когда это число вполне набрано, то всяким человеком берется известное количество травы или дров, земли, камней; их гонят день и ночь, убивая отсталых; пригнав, немедленно зарывают каналы и канавы... При осаде не жалеют десятков тысяч народа, и оттого города всегда бывают взяты. По занятии их, убивают без всякой пощады всех, не разбирая ни старых, ни малых, красавцев и безобразных, бедных и богатых, противящихся и покорных; никакое знаменитое лицо не избегает смертной казни, если оно при встрече с неприятелем окажет сопротивление. По завладении городом добычу делят на пропорциональные части между высшими и низшими... Татар-

¹ «Ист. и др. Ср. Азии», 216–205.

ская земля, изобилуя водами и травами, пригодна для лошадей и овец, которые составляют источник пропитания: так что одно кобылье молоко (кумыс) достаточно для утоления голода и жажды... Отправляясь в дорогу или возвращаясь домой, только и знают, что пьют кобылье молоко или убивают барана. В той стране на одну лошадь приходится 6 или 7 баранов, т. е. у кого 100 лошадей, у того стадо из 600 или 700 баранов... Татары презируют старость и уважают бодрость; у них не в обычае частые ссоры и драки. Первого числа первой луны они непременно поклоняются небу... Они любят угощения. Всякий раз, как царь Мухури возвращался со сражения, он несколько дней пировал у жен своих, то же делают и низшие против него. Татары по большей части имеют обыкновение не мыть рук и хватаются ими за рыбу и мясо; когда жир пристает к рукам, то обтирают их о свои кафтаны; платье их не снимается и не моется до тех пор, пока не износится... Всякий раз, когда постороннему гостю случится, напившись, шуметь или нарушить правила благопристойности, когда с ним делается рвота или он ляжет; то в восторге говорят: гость напился, значит, он со мной душа в душу. Таковы же известия другого китайского писателя XIII в.: «Тацзи или Да исключительно занимаются своими стадами; они переходят теперь с пастбища на пастбище, с реки на реку; следовательно, кочуют и не имеют ни городов, ни стен... Они не имеют ни письмен, ни книг и заключают все договоры изустно. С детства упражняются в верховой езде и стрельбании из лука в птиц и крыс... и приобретают, таким образом, мужество, необходимое для грабежа и — войны... До тех пор пока они ожидают выгод от нападения, двигаются они назад и вперед; когда же удачи ожидать нельзя, тогда выгодное бегство не почитается у них предосудительным. Обрядов религии и судебных учреждений они не имеют. Начиная от князя до последнего простолюдина, все питаются мясом убитых животных, которых обдирают, и одеваются в их шкуры и меха. Сильнейшие из них хватают во время обеда самые большие и жирные куски; старики же едят и пьют что им остается. Уважение и почести отдаются у них только храбрейшим; старость и слабость находятся в презрении. Когда отец умирает, сын женится на его вторых женах»¹. Мусульманский историк Ибн-аль-Атир (ум. 1233) так описывает поход татар: «Народ этот не имеет нужды, чтобы шел за ним обоз или припасы; за ним идут овцы, коровы, лошади и другие животные, и он ест их мясо и больше ничего. А животные для

¹ «Землев. Азии» I, 672—681.

верховой езды сами отрывают копытами и едят корни земных растений, не знают ячменя: потому, когда он делает где-нибудь привал, не нуждается ни в чем постороннем. Что же касается до веры его, то он поклоняется солнцу во время восхода и ничего не считает для себя запрещенным: ест всех животных, даже собак, свиней и других; не знает супружества, а приходят к женщине многие мужчины, и когда родится дитя, оно не знает своего отца»¹. Подобные же черты встречаются и в рассказах европейцев, узнавших монголов в эпоху их преобладания.

Посреди этого-то грубого кочевого народа появился Темучин, прозванный Чингисханом (р. 1154, ум. 1227)². Сын правителя племени, кочевавшего у устьев Онона и Ингоди, рек Амурской системы, Темучин был слишком отдален от центра среднеазиатской политической жизни и слишком вначале бессилен, оттого первые сорок лет его жизни прошли в борьбе с окружающими; есть даже известие, что он был в плену у нуюйжецов (манчжурских владетелей северного Китая, управлявших под именем династии Цзинь) и, пробыв десять лет, познакомился с китайскими порядками и вместе с тем со слабыми сторонами владетелей Китая. Победив разные монгольские колена, в 1206 г. на общем собрании князей при верховьях р. Онона провозгласил себя императором. Принимая императорский титул, говорит В.П. Васильев, он уже тем самым хорошо выразил чисто китайские понятия, что как на небе существует одно солнце, так на земле должен быть один император, а все другие носящие этот титул, всякое государство, имеющее притязание на самостоятельное существование, оскорбляют тем волю неба и требуют наказания. Успехи его в Монголии объясняются его превосходным военным талантом, принятой им системой чисто военного устройства и тем, что он давал у себя место всем дарованиям, из какого бы колена они ни происходили. Затем завоевания Чингисхана пошли быстро: в 1206 г. он опустошил царство Тангутское (в южной Монголии) и в 1210 г. начал войну с нуюйжецами, владевшими северным Китаем. Война затянулась, а между тем владетель Ховарезма (Бухары) оскорбил Чингисхана, убив

¹ «Зап. Ак. Наук по I и III отд.», т. II, вып. 4.

² О годе рождения Чингисхана спорят, но показание Рашид-Эддина (см.: Ф.И. Эрдмана: «К ист. Чингис-Хана» в «Ж. М. Н. пр.» ч. XLIV) и записка о монголах, приводимая В.П. Васильевым («Др. Ср. Азии», 217), решают вопрос окончательно. Сам Чингисхан и его татары, быть может, не были монголы: китайцы считают, что сам Чингис-Хан не говорил языком, который мы ныне называем монгольским (так, напр. многие собственные имена: Чингис, Угедей, Темучин, Мухури и др. принадлежат к неизвестному языку), но дав имя своим подданным и их языку, переименовал свой язык на язык большинства» (129).

монгольских послов. Оставив полководцев в Китае, монгольский хан пошел на Бухару (1219); отсюда, частью преследуя Ховарезм Шаха, а частью увлекаемые страстью к грабежу, войска монгольские направились на Запад, обогнули южный берег Каспийского моря, вошли на Кавказ, в Грузию, и потом проникли в степь половецкую. Предводителями этого войска были Чепе и Субудай-багадур. Половцы обратились с просьбой к русскому князю Мстиславу Мстиславичу. Он собрал южнорусских князей, между которыми самые важные были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский. Ополчение князей двинулось на помощь половцам и, несмотря на то, что татары говорили: «Приидохом, Богом попушени, на холопи наши и на коиюси свои, на поганые половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нету»¹, князья решились на битву, которая и произошла при реке Калке (в Екатеринославской губернии р. Калмиус); здесь русские князья, действовавшие несогласно, были разбиты (1223) и многие убиты, между прочими и Мстислав Киевский. Татары не пошли далеко в землю Русскую, повернули назад и — скоро забыли о них в Руси: «Сих же злых татар Таурмен не сведаем, откуда были пришли на нас и где ее дели опять», — говорит современник². Полководцы татарские между тем возвратились к Чингисхану, который, покорив окончательно Тангут и Северный Китай, умер в 1227 г., разделив еще при жизни владение между четырьмя своими сыновьями: потомству Джучи (тогда уже умершего) назначен был Кипчак (т. е. степь, тянувшаяся из Средней Азии в Южную Россию), Джагатаю — Туркестан, Угедею — Китай, Тули — юрты, прилегающие к уделу Угедея. Над всеми этими князьями должен был возвышаться великий хан, выбираемый на торжественном собрании (курултай) всех князей. Чингисханом издан Ясак (или Яса), сборник обычаев, управляющих монголами, о чем скажем после. После смерти Чингисхана только в 1228 г. Угедей провозглашен был великим ханом; сначала вопрос о преемстве, затем окончательное утверждение господства в северном Китае, а потом и начало войны с южным держало князей около великого хана; только в 1235 г. Угедей отправил своего племянника Батыя (Бату), сына Джучиева, вместе с Менке, сыном Тули, и своим сыном Куюком на завоевание восточных стран; им придал знаменитого своим Кипчацким походом Субудая. Прежде всего они покорили землю болгар, а потом вступили в землю Рязанскую. Здесь потребовали от князей десятины во всем их имении и в людях;

¹ П. С. Р. Л. I, 217.

² Там же, 219. Об этом походе татар превосходное исследование А. А. Куника: в «Зап. Ак. Наук по I и III отд.», т. II.

мужественное сопротивление рязанских князей оказалось безуспешным главным образом потому, что князья Северной Руси, не соединяясь между собой, решились защищаться отдельно. За опустошением Рязанской области и избиением ее князей (1237) следовало опустошение области Суздальской: взяв Москву, татары пошли на Владимир, избили здесь семейство великого князя, а его самого встретили на берегу Сити (1238) и разбили, отсюда они пошли было на Новгород, но поворотили, вероятно, не желая идти болотами. На возвратном пути их долго задержал Козельск, который наконец был взят и разграблен. Тактика татар в эту войну состояла в том, что они окружали каждую область облавой (как поступают охотники), сходясь к одному центру и таким образом опустошая каждую область. В 1239 и 1240 гг. татары опустошили Русь Южную, а в 1240 г. взяли и разорили Киев. Вся Европа затрепетала, узнав об ужасах татарского нашествия; император Фридрих II зывал к общему вооружению, но воззвания его остались тщетными. Между тем татары пошли в Венгрию (1241) и Польшу и поразили польских князей при Лингце (в Силезии), и только мужественная защита Голомуца (в Моравии) чешским воеводой Ярославом, а также ополчение под начальством короля Чешского и герцогов Австрийского и Каринтийского, загородивших им дорогу, остановили их. Татары обратились назад и основали главное свое местопребывание на Волге, где близ нынешнего Царева (Астраханской губернии) воздвиглось зимовье Орды — Сарай, куда и начали ездить русские князья, в первое время, впрочем обязанные отправляться и к великому хану в Монголию, ибо первые ханы: Угедей, Куяк, Менке, избираемые правильно князьями, сохранили власть над всем царством Чингисхана; лишь только со времени Хубилая (1260), вступившего самовольно на трон и переселившегося в Китай, эта связь разорвалась окончательно.

Господство татар над Русской землей обсуждается с различных точек зрения: одни (как Карамзин и еще более Н.И. Костомаров) приписывают татарам решительное влияние на развитие русской жизни; С.М. Соловьев думает, что влияние татар не сильнее влияния половцев. Оба эти мнения представляют крайности: влияния татар нельзя отвергать уже потому, что мы долго находились с ними в связи и потому, что в своих сношениях с востоком Московское государство пользовалось услугами татар; в администрацию вошло много восточного, особенно в финансовой системе этого тоже, кажется, нельзя отвергать, быть может, найдутся следы и в военном устройстве. Это следствия прямые; косвенные следствия едва ли не важнее еще, ибо сюда принадлежит отделение Руси Вос-

точной от Западной, значительная доля остановки в развитии просвещения: в татарщину было не до просвещения, — и огрубение нравов; но телесные наказания нельзя вполне считать татарскими: они были известны в Византии и перешли к нам в сборниках церковного права, были известны и на Западе, у нас встречаются в таких местностях, которые мало подчинены были татарам (Псков)¹. Мнение же о происхождении понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть, особенно вспомнив постоянную проповедь духовенства и то обстоятельство, что Иван Грозный прямо ссылается на авторитет Библии и примеры римских императоров. Во всяком случае, для нас важно иметь понятие о государственном устройстве и нравах народа, господствовавшего над Россией в продолжение более двух веков, потому мы и остановимся несколько на быте татар золотоордынских.

Пока Чингисханово государство не распадалось, верховная власть принадлежала великому хану; с распада она всецело перешла к отдельным ханам. Известный путешественник Плано Карпини так изображает эту власть: «Император татарский имеет удивительную власть надо всеми. Никто не смеет жить нигде, кроме того места, которое он ему назначит. Он назначает, где кочевать воеводам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам. Сверх того, что бы он ни приказал в какое бы время и где бы то ни было, на войну, на смерть ли, на жизнь ли, все это исполняют они без прекословия. Также если потребует у кого незамужнюю дочь или сестру, беспрекословно отдают ему. Ежегодно или через несколько лет собирает он девиц из всех владений татарских; из них оставляет он себе тех, которых хочет, а других раздает своим людям, как ему вздумается. Отправляемым гонцам, сколько бы их ни было и куда бы то ни было, обязаны давать лошадей и содержание. Откуда бы ни приходили к нему с данью или с посольством, обязаны также давать под них лошадей, подводы и содержание»². При возведении нового хана на престол, по свидетельству того же Плано Карпини, вельможи, положи перед ним меч, говорили: «Мы хотим, просим, приказываем, чтобы ты владел всеми нами». Хан спрашивал после того: «Если вы хотите, чтобы я владел вами, то готов ли каждый из вас исполнять то, что я прикажу, приходить — когда призову, идти туда, куда пошлю, убивать того, кого велю?» На что они отвечали: «Готовы». «Если так, — продолжал хан, — то впредь слово уст моих да бу-

¹ Откуда слово кнут? Слишком оно близко с немец. knott (узел). Что касается до затворничества женщин, то и его мы едва ли заимствовали у татар.

² «Пут. к Татар.», 147—149.

дет мечом моим». Наконец его сажали на войлок и говорили, что в случае хорошего управления он будет счастлив, а в случае дурного у него не будет и войлока, на котором он сидит¹. Все мог сделать хан, только не мог отменить Ясы Чингисхана. Сборник этот, не дошедший до нас в подлиннике, а существующий в извлечениях, чрезвычайно характеристичен. Здесь исчисляются преступления, за которые назначена смертная казнь: прелюбодеяние, противоестественные пороки, намеренная ложь, волхвование, подзадоривание спорящих, третье банкротство, помощь пленнику без соглашения полонившего, укрывательство раба, резание животного по мусульманскому обычаю, неподача помощи обронившему во время битвы оружие; к этому перечню, по указанию других источников, присоединяются еще воровство, грабеж, убийство². Этот перечень преступлений вводит в быт воинственного кочевого народа: охраняется право собственности на раба и пленного, требуется помощь товарищу на войне, запрещается ложь, конечно, перед своими, запрещается помогать ссоре своих, чтобы не ослабить силы войска. Другие предписания Ясы тоже чрезвычайно характеристичны: предписывается уважать духовенство всех религий: татары, стоявшие на степени поклонения олицетворенным силам природы, уважали чужое духовенство из политических видов; предписывалось князю постоянно осматривать свое войско; предписывалось всем, даже самым высшим лицам, подчиняться всякому наказанию, которое назначено ханом, предписывалось заботиться о поддержании почт: при обширности государства почты были необходимы и т. д. В военном устройстве, а равно и в администрации татары многое заимствовали от предшествовавших им владык Китая: так, разделение на тысячи, сотни, десятки существовало и у династии Цзынь. Китайский писатель, современник Чингисхана, говорит об администрации у татар, что они заимствовали должности, знаки для них (пайцзы, золотые и серебряные дощечки), обычай писать указы и т. п. у династии Цзынь. Нельзя не согласиться с мнением В.П. Васильева, что китайцы имели большое влияние на устройство своих победителей. Несмотря, однако, на подражание внешним формам, татарский быт сохранял много самобытного. Прежде всего мы встречаем здесь родовую аристократию, которая делится на много степеней (в нынешней Монголии пять или шесть степеней князей); это дворянство было освобо-

¹ «Пут. к Татар.», 39—41.

² Большую часть этих указаний подтверждают и другие источники: прибавим еще преступление, осуждаемое Ясою, которое указано и Плано Карпини: «In statione mingere, sed i voluntarie occiditur», 50.

ждено от службы и начальствовало над низшими; оно отличалось гербами (тамгой); к дворянству примыкали тарханы, освобожденные только от податей; к высшему дворянству примыкали тоже князья людские (т. е. князья покоренных народов). Главным назначением правительственных лиц был сбор дани: эту обязанность в Орде отправлял даруга, а в землях подчиненных — баскак¹; впоследствии подати начали доставлять сами русские князья. В случаях важных посылался от хана посол, имевший значение полномочного наместника. Все чиновники ордынские были чрезвычайно жадны до прибитка; так еще Плано Карпини рассказывает, как вымогают дары у послов в Орде. Наши летописи полны рассказов о притеснениях татарских баскаков и о жадности придворных ханских, следы чего сохранились еще в наших сношениях с Крымом в XVI и XVII вв. Что такое был баскак, лучше всего видно в известном случае с князьями Олегом Рыльским и Святославом Липецким. Баскак Ахмат построил две слободы в княжестве Рыльском, и жители их обижали людей княжеских; князь Олег вместе с родственником своим поехал в Орду жаловаться хану Телубте, который велел разорить слободы, а Ахмат был тогда у другого хана Ногая и внушил ему, чтобы он через своих сокольников вызвал Олега (сокольники эти ловили на хана в землях, подвластных Орде); Олег побоялся ехать и потому был объявлен врагом хана. Ахмат явился с войском наказать его. Не нашедши его самого, Ахмат переказнил его бояр и, отпуская попавшихся переходящих людей, сказал им: «Ходя всюду, объявляйте, что так обойдутся с каждым, кто противится баскаку»².

Подати были многочисленны и разнообразны в татарских владениях³. При покорении земли татары посылали, как мы читаем в наших летописях, численников⁴. Армянский историк Гирогос так описывает перечисление, произведенное за Кавказом татарскими баскаками: «Им поручено было переписать народы, находившиеся под владычеством татар. Снабженные этим предписанием, они ездили по всем странам для выполнения поручения. Они ездили в Армению, Грузию, землю агуанов,

¹ «Даруга, баскак и букаул означают одно и то же — давителя», 453.

² П. С. Р. Л. VII, 176—178; Ник. II, 77—84. Князья перессорились между собою и все кончилось взаимными убийствами. «Может бо, — говорит летописец, — малая мя повесть человеку ум имущему плачь и слезы сотворити».

³ И. Н. Березин указывает на следующие: в орде — подушные, оброчный ясак, бурловая (?) тамга, хлебная подать, амбарная, повинность (?), недоимки, расходы, надбавки, тамговые, весовые, скот для подвод, постой, корм, содержание чиновников; с покоренных: дань десятинная, тамга, пошлина, поплужное, ям, подводы, корм, мыт, мостовщина, рекрутство, сбор рати, ловитва ханская. Запрос, дары, доходы, поминки».

⁴ П. С. Р. Л. I, 203.

так же как и в соседние страны, перечисляя и переписывая всех людей с десятилетнего возраста, за исключением женщин, и требуя строго с каждого дань свыше его средств. Так как народонаселение начало беднеть, то они прибегали к истязаниям и пыткам и заключениям в оковы. Кто скрывался, того схватывали и предавали смерти. Кто не мог платить, у того отнимали детей, которых брали в возмездие за его долг... Эти притеснения были им недостаточны: они обложили налогом всех ремесленников как в городах, так и в деревнях; равно пруды и озера, в которых ловили рыбу, железные рудники, кузнецов и каменщиков»¹. Подати нередко отдавались на откуп купцам среднеазиатским. Сохранилось предание, что праведж², употреблявшийся у нас для взыскания долгов до Петра В., есть остаток татарского ига³.

Татары почти не знали ни просвещения, ни письменности, писцы в их канцеляриях были по большей части из покоренных народов, а также и художники, украшавшие зимовья их ханов. Много роскоши было у них, но не было ни изящества, ни чистоты: в этом отношении до последнего времени сохранили они степные нравы Монголии. В нравственном отношении татары тоже до конца своего исторического поприща являются степняками: жестокие и грубые, они имели и хорошие качества: в жизни были умеренны, и самое коварство их не было так велико, как у других азиатских народов; к обману в торговле они были способны гораздо менее других; вообще у них насилие преобладает над обманом. Веротерпимость оставалась их отличительной чертой даже и при принятии магометанства: Ибн-Батутта видел в Сарае христиан, живущих безопасно и составлявших особый квартал; мы знаем, что был особый епископ сарайский. Между собой они недолго ладили: скоро пошли распри, как прежде в Монголии, и явилось несколько династий, что увидим в своем месте.

События в Руси Суздальской

Еще Всеволод Юрьевич начал делить Суздальскую землю между своими сыновьями; в потомстве его детей она еще более раздробилась и уже в первую половину татарского владычества представляет ряд отдельных

¹ «Оч. внутр. устр. улуса Джуч.», 465—467. Подушные (тагари) состояли в плате 100 ф. пшеницы, 50 ф. вина, 2 ф. рису, одной штуки скота, 20 серебр. монет, стрелы, подковы и еще кое-что по безделицам.

² Принуждение к уплате долгов путем публичного наказания. — *Прим. ред.*

³ Карамзин IX, пр. 149.

владений. Характеристическая черта этого периода — борьба князей за Владимир и стремление присоединить Владимир (т. е. великое княжение) к своему княжеству обязывает нас прежде изложения событий указать вкратце, какие княжества существовали в земле Суздальской до возвышения Москвы.

Ростов, Углич, Белоозеро и Ярославль составляли владение потомства старшего из детей Всеволода Большого Гнезда Константина. Константин (ум. 1219) отдал Ростов Васильку, Ярославль — Всеволоду, Углич — Володимиру. После мученической смерти Василька, убитого татарами в 1238 г. близ Ростова в Щереньском лесу, сыновья его получили: Борис — Ростов, а Глеб — Белоозеро. С тех пор Ростов остался почти постоянно в роде Бориса, а Белоозеро — в роде Глеба; Углич, по смерти Романа Володимировича, присоединился к Ростову (1285); а Ярославль, после Василия Всеволодовича (ум. 1249), с рукой его дочери переходит в род смоленских князей в лице св. Федора Ростиславича Черного (ум. 1299). Любопытный пример передачи волости в приданое. Князья этих родов (особенно белозерские и ярославские) дробят свои владения, теряют всякое значение и исчезают в рядах московского боярства.

От Ярослава Всеволодовича пошло несколько ветвей, имеющих гораздо большее историческое значение. От Александра Ярославича Невского идут князья: суздальские, городецкие и нижегородские через сына его Андрея Александровича (ум. 1304); московские — через сына его Даниила (ум. 1303) потомство старшего его сына Дмитрия, получившего Переяславль Залесский — волость отца и деда, — пресеклось сыном его Иваном (ум. 1302), отказавшим Переяславль князьям московским. Потомство Андрея Ярославича (ум. 1264), владевшее Суздалем, прекратилось сыном его Михаилом (упом. в 1279); потомством Ярослава Ярославича (ум. 1272) был могущественный дом князей тверских, главных врагов Москвы. Василий Ярославич Костромской (ум. 1276) не оставил потомства. Линия Константина Ярославича (ум. 1255) владела Галичем Мерским, который и продала впоследствии князьям московским. Михаил Ярославич Хоробрит (ум. 1248) Московский не оставил по себе потомства.

Из остальных детей Всеволода потомство пошло от Ивана Всеволодовича (ум. около 1239), владевшее Стародубом¹, и от Святослава Всево-

¹ «В 14 верстах от Коврова под рекою Клязьмою на правом берегу ее возвышается Кляземский городок или Стародуб, окруженный земляной осыпью в виде правильного четырехугольника». К. Н. Тихонравова: «Влад. Сборн.», 61. Из числа родов, происходящих от князей стародубских, замечательны пожарские.

лодовича (ум. 1252), владевшее Юрьевым-Польским и прекратившееся его правнуком Иваном (после 1338).

Едва ушли татары из Северной Руси, как во Владимир приехал из Киева Ярослав Всеволодович и сел на великом княжении, распорядив волости между оставшимися братьями. Батый, возвратясь на Волгу, потребовал к себе русских князей; отправился к нему Ярослав (1242) и здесь должен был подчиниться унижительному обряду прохождения между огнями, очищающими, по мнению татар, всех приходящих к хану, от злых умыслов, и поклониться тени Чингисхана¹, за неисполнение чего пострадал св. Михаил Черниговский (1246)². Вслед за Ярославом явился в Орду сын его Александр, уже прославленный в Русской земле недавней победой над шведами у Невы и над немцами на льду Чудского озера. Эти победы служили утешением народному самолюбию, и потому рассказы о Невской битве окружены легендами (о помощи Бориса и Глеба, о полках ангелов) и самая личность Александра высоко поставлена в народной памяти. Впоследствии сложилась легенда и о свидании Александра с Батыем. Батый будто прислал сказать Александру: «Мне покори́л Бог мно́ги языки, ты ли один не хо́щеши покориться държавѣ мое́й?»³ и будто, поговоря с Александром, Батый сказал своим вельможам: «Воистину поведаша ми, яко несть подобна ему князя»⁴, и будто жены моавитские (т. е. татарки) пугали детей своих Александром⁵. Поклонением Батыю не кончил Ярослав, ему пришлось поехать и к великому хану в Орду (1246), где он погиб жертвой интриги суздальской ханши, подкупленной кем-то из князей: его, говорят, отравили⁶.

Когда узнали во Владимире о смерти Ярослава, Святослав Всеволодович, по старому обычаю, сел на великое княжение, но его сверг один из меньших Ярославичей — Михаил Московский. «Явление чрезвычайной важности, — говорит С.М. Соловьев, — ибо здесь мы видим совершенный произвол, совершенное! невнимание ко всякому родовому праш-

¹ «Брат твой Ярослав кланялся кусту», — говорит Даниилу Батый («Лет. по Ипатск. сп.», 536); из чего следует заключить, что Ярослав подчинялся обрядам.

² В.В. Григорьев очень основательно доказывает, что татары в этом случае называли ослушника ханской воли, а вовсе не имели в виду никакой религиозной пропаганды («О дост. хан. ярл.», 55–57).

³ П. С. Р. Л. VII, 155; замечательно, что в соответствующем месте Соф. (П. С. Р. Л. V, 186) вместо «Царь Батый» стоит «царь с Восточныя стороны силен».

⁴ Там же, 157.

⁵ П. С. Р. Л. V, 186.

⁶ Ник. III, 26; П. С. Р. Л. II, 185.

ву, исключительное преобладание права сильного»¹. Михаил был убит в сражении с Литвой на берегах Протвы (1248). Братья Михайловы Александр и Андрей, бывшие в Орде, возвратясь в Русь, привезли ярлыки (грамоты): Александр — на Киев, Андрей — на Владимир; Святослав, лишенный таким образом старшинства, скоро умер. В 1252 г. Александр был в Орде у Сарташ, сына Батыева, и принят был с честью; а на Андрея пришел из Орды царевич Неврюй с ратью; Андрей хотел сопротивляться, но разбитый у Переяславля, бежал сначала в Новгород, а потом к шведам. Александр получил стол Владимирский². Это краткое и неясное известие летописей подало повод к различным толкованиям наших историков: С. М. Соловьев обвиняет Александра³, а И. Д. Беляев заподозривает в интриге Святослава, ездившего в Орду в 1250 г. Едва ли, впрочем, первое предположение невероятнее. Как бы то ни было, Александр сел на великое княжение (1252—1263). На первых порах он встретил неудовольствие в Новгороде, где сидел сын его Василий; недовольные опирались на брата его Ярослава Ярославича; поладив с Новгородом, устранив шведов походом в Финляндию, Александр ринулся во Владимир, где ожидало его другое, более важное дело: татары решились обложить Россию правильными налогами; для этого положено было произвести счисление рода: несколько лет (1253—1257) тянутся переговоры по этому вопросу то в Орде, то во Владимире. Александру удалось, кажется, уладить это дело более удобно для Русской земли, чем полагалось вначале. В 1257 г. Александр вернулся из Орды и с ним приехали численники для переписки всего населения, которые и сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; поставили десятников, сотников, тысячников, темников (эти военные должности, может быть, назначались на тот случай, когда русская рать пойдет с татарами), определили, как платить дань; духовенство освобождено было от переписи⁴. Новгород долго сопротивлялся; сам князь Василий Александрович держал сторону новгородцев; едва Александру удалось победить это сопротивление, в Новгороде была сделана перепись (1260), но, кажется, выход (дань татарам) новгородцы доставляли сами, без посредства баскаков. Осталь-

¹ «Ист. отнош.», 264.

² П. С. Р. Л. I, 202; II, 342 (Густынская, где, впрочем, читаем замечательные слова: «упроси себе (Александр у Сартака) княжение над всею Русскою и Московскою (?) землею»); IV, 37; V, 186—187; VII, 159; XV, 396—397; Ник. III, 33—34.

³ «Ист. отн.», 267—269, ссылаясь на Татищева IV, 24 и слова Андрея в «Ник.»: «Господи! что се есть, доколе нам между собою браниться и наводить друг на друга татар».

⁴ П. С. Р. Л. I, 203.

ную Русь Северную до того угнетали татарские баскаки (между которыми упоминается ренегат Зосима), что в городах сделалось восстание и избили татар в Ростове, Володимире, Суздале, Ярославле¹. Александр поехал в Орду, отвратил гнев ханский, но на возвратном пути умер в городке Волжском (1263)². Тело его было перевезено во Владимир, где встретил его митрополит Кирилл замечательными словами: «Чада Моя милая! разумеете яко заиде солнце земли Русьской», и все присутствующие воскликнули: «Уже погибаем»³. Так нужен был Александр, ясно понявший, что сопротивляться было не время, что лучшее спасение в благоразумной уступчивости, что более можно было выиграть политикой, умевший ладить с татарами и тем спасший Русскую землю.

По смерти Александра великим князем хан утвердил брата его Ярослава (1264—1272), который постоянно жил в Твери, где и похоронен. Ярослав не ладил с новгородцами; за Новгород вступился брат его Василий Костромской, который, боясь усиления князя Тверского, ездил к хану и защитил перед ханом новгородцев: приговор хана заменил теперь для русских князей старый способ решения споров посредством битв; таким образом, ловкость, хитрость заменили собой силу. Другой любопытный факт, представляемый нам событиями этой эпохи: постоянное стремление князей действовать против великого князя.

Преемником Ярослава был Василий Ярославич (1272—1276), который, подобно брату, имел столкновение с Новгородом и встретил соперника в сыне Александра Дмитрие; Василий силой заставил Дмитрия оставить Новгород. Он умер и похоронен в Костроме. Так Владимир все более и более становится столицей только по имени.

По смерти Василия Ярославича борьба возникла между двумя сыновьями Невского: Дмитрием Переяславским (1276—1294) и Андреем Городецким (ум. 1304); борьба пошла, как всегда, из-за Новгорода: Дмитрий построил на земле Новгородской Копорье. Новгородцы заметили, что он строит крепость для себя; за Новгород вступился Андрей и поехал в Орду и воротился с войском; князья все соединились против Дмитрия; Дмитрий ушел за море (1281) и, скоро вернувшись, засел в Переяславле. Андрей снова поехал в Орду, а князья Святослав Ярославич Тверской (ум. после 1294, но князем уже ранее упоминается) Михаил⁴ и Даниил

¹ П. С. Р. Л. I, 204, 206; V, 190; VII, 162, 163; XV, 402; Ник. III, 41.

² Теперь селение Балахнинского уезда, Нижегородской губернии.

³ П. С. Р. Л. VII, 191.

⁴ Карамзин, IV, пр. 172.

Московский выступили против него с войском. Между тем, Андрей снова привел татар, снова опустошил землю Суздальскую, а Дмитрий бежал в степь Черноморскую, где в ту эпоху хан Ногай основал свой отдельный улус. С помощью Ногай Дмитрий прогнал Андрея и велел убить его боярина Семена (1283), который считался его главным советником. Андрей снова привел против него татар, Дмитрий разбил их и остался великим князем, пока союз почти всех князей Северо-Восточной Руси не отправился жаловаться к Ногаю (1293); Дмитрий вскоре умер¹.

Против Андрея тоже составилась союз князей и, несмотря на повторявшиеся съезды, споры княжеские не унимались: борьба шла за Переяславль, который Иван Дмитриевич (ум. 1302) завещал Даниилу, а великий князь считал его уделом, принадлежащим великому княжению; но ни Даниил, ни сын его Юрий не уступали Переяславля даже после ханского ярлыка; образ действий Юрия, характеристичный для времени, виден, напр., из того, что он захватил Можайск (удел Смоленский), увел князя в плен в Москву и присоединил Можайск к Москве.

По смерти Андрея поехали в Орду за ярлыками Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский. Юрий притворился, будто идет по своим делам: «Хотя, отче, — говорит он митрополиту Максиму, — иду в Орду, но не хочу великого княжения»², а в Орде вступил в переговоры с «князьями татарскими»: «Оже ты даси выход болши князя Михаила Тверского, — говорили они, — и мы тебе княжение великое дадим»³. Вот к чему сводится этот вопрос в Орде, но, видно, Михаил дал больше и получил ярлык. Борьба продолжалась и по возвращении обоих соперников за Переяславль и Кострому. В 1313 г. в Сарае воцарился Узбек. Надеясь, вероятно, что перемена хана изменит дела и на Руси, новгородцы обратились к Юрию с просьбой о защите, а Юрий поехал в Орду и, женись там на сестре хана Кончаке, привел с собой татар под предводительством Ковгадыя (1317). Юрий и татары пошли на Михаила и были разбиты близ Твери. Кончака, взятая в плен, умерла, говорят, от яда⁴. Михаил был позван в Орду и погиб здесь жестокой смертью после страшных поругательств; Юрий возбудил за свое поведение негодование даже

¹ Самый подробный рассказ в Ник. III, 61—62; другие летописи часто подтверждают его показания.

² П. С. Р. Л. VIII, 189.

³ Там же.

⁴ П. С. Р. Л. III, 72; VII, 188.

татар¹. В 1325 г. Дмитрий Михайлович Грозные Очи убил в Орде, в присутствии самого хана, Юрия, за что и поплатился жизнью, а великим князем сделан был брат его Александр (1326—1328), но Александр, по собственному ли легковерию или поддаваясь воле народа, позволил избить в Твери татар, пришедших с ханским послом Чолханом (Щелканом), и тем возбудил гнев ханский; исполнителем ханского приговора выступил Иван Данилович Калита, князь Московский; Александр ушел во Псков; Москва восторжествовала и стала твердой ногой².

Даниил, король галицкий и упадок Галича

Судьба Руси Южной была иная, чем судьба Руси Северо-Восточной. Это объясняется многими причинами, между которыми главное место занимает то обстоятельство, что центр жизни перешел в Русь Южной от Днепра с Карпатами в страну соседнюю с землями, издавна простиравшими свои виды на нее и, следовательно, готовыми пользоваться всеми предложениями для вмешательства. Это перенесение средоточия исторической жизни становилось заметным уже давно: хотя князья продолжали добиваться Киева и перед самым почти взятием его татарами велись из-за него распри между Михаилом Всеволодовичем Черниговским и Даниилом Романовичем Галицким; Даниил восторжествовал, и воевода его Дмитрий сидел в Киеве, когда Батый взял мать городов русских, но, несмотря на эти распри, Киев уже упал еще после взятия его войсками Боголюбского и еще более после Рюрикова опустошения (1203). Татары dokonчили разорение Киева. Плано Карпини, посланный к татарам в 1246 г., вот что говорит о Киеве: «Татары обложили Киев, столицу России, и по долговременной осаде взяли ее и умертвили жителей. Оттуда идучи далее с мечом в руках, погромили всю землю Русскую так, что когда мы проезжали чрез нее, то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих по степи. Сей город был очень велик и многолю-

¹ «Ковгадый же виде тело его наго повръжено, и глагола с яростью великому князю Юрию, река: «не братъ ли ты старейший как отец, да чему тако лежит тело его наго повръжено». П. С. Р. Л. VII, 196. (Здесь помещено «Сказание об убиении Михаила».)

² Рассказ об убиении татар, попавший в известную песню о Щелкане Дудентьевиче (у Кириши), представляется летописью в двух видах: наиболее распространенный риторический рассказ принадлежит лицу, как будто верующему в покушение татар избить князей и ввести ислам, при Узбеке принятой Орде. П. С. Р. Л. IV, 50; V, 217; VII, 200; Ник. III, 137—139; другой более простой рассказ объясняет все ссорою тверичей с татарами из-за дьяконской кобылы (П. С. Р. Л. XV, 415—416, хотя и здесь есть примесь риторического рассказа).

ден, а теперь обратился почти в ничто, потому что осталось в нем едва ли 200 домов, жителей коих держат они в величайшем рабстве»¹. Подобные известия, сведенные с известиями, сохраненными нашими летописями, недавно вызвали в нашей литературе то мнение, будто Южная Русь выселила всех жителей на север, а сама потом была населена переселенцами из Червонной Руси. Самая возможность подобных предположений, которых, конечно, наука не может признать, свидетельствует о том, как скудны наши сведения об этой эпохе в истории Южной Руси приднепровской, а скудны они не только оттого, что многое погибло во времена позднейшие, но и оттого, что жизнь историческая нашла себе новое русло, — руслом этим была, как мы уже сказали, земля Галицкая. Были ли в Галицкой земле прочные зачатки самостоятельной исторической жизни? Краткий очерк истории Галича при Данииле и его преемниках послужит ответом на этот вопрос.

Севши на стол в 1229 г., Даниил не разделался с врагами ни внутренними, ни внешними: в 1230 г. составился против него боярский заговор; с боярами соединился король Угорский, к ним пристал двоюродный брат Даниила Александр Всеволодович Белзский; к ним же пристал и Михаил Черниговский; упорная борьба продолжалась до 1235 г. Не уставал Даниил в этой борьбе и медленно, шаг за шагом, утверждался в земле, добытой его отцом, но затруднений встречал множество, и преимущественно внутри, ибо только опираясь на бояр, могли торжествовать его враги. Вот как описывает летопись внутреннее состояние Галицкой земли: «Бояре же Галичстии Данила князем себе называху, а саме вей землю держаху; Доброслав же вокняжился бе и Судычъ, попов внук, и грабяше всю землю, и вышел во Бакоту все Поиизье прия, без княжа повеления; Григорья же Васильевич собе горную страну Перемышльскую мышляше одержати; и бысть мятежъ велик в земле и грабеж от них. Данил же, увидев, посла Якова столика своего с великой жалостью к Доброславу, глаголя к ним: «Князь ваш аз есмь, повеления моего не творите, землю грабите; Черниговаских бояр не велех ти, Доброславе, приимати, не дати волости Галичким, а Колымыйскую соль отлучити на мя»². Едва удалось Даниилу усмирить бояр, пришли татары, опустошили землю Галицкую и Волынскую, а Даниил, чувствуя невозможность сопротивляться, ушел в Угрию и воротился, когда татары вышли из его земли, и начал вызывать людей из лесов и вновь строить сожженные го-

¹ «Пут. к татар.», 155.

² «Лет. по Ипатск. списку», 525.

рода. В 1250 г. пришлось Даниилу ехать на поклонение в Орду; летопись старается представить как можно мягче это поклонение Даниила, рассказывает, что хан принял его с почетом, но все-таки прибавляет: «О злая честь татарская». Этим на время успокоился Даниил и еще более успокоился тем, что ему удалось в 1249 г. поразить под Ярославлем Ростислава Михайловича, сына Михаила Черниговского, пришедшего против него с помощью угорской: это было последнее энергическое покушение извне против Даниила. Задумав не оставаться в подданстве татарском, Даниил прежде всего позаботился об усилении средств своей земли, потому при строении городов, напр. Холма, любимого своего местопребывания, которое он украшал разными изящными зданиями, начал вызывать отовсюду колонистов: «Немцы и русь, иноязычники и ляхы», всяких мастеров, бежавших от татар: седельников, лучников, тульников и кузнецов¹. В городах галицких встречаем и армян, и евреев. Эти инородные элементы послужили скорее, впрочем, к слабости, чем к силе Галицкого княжества. Не надеясь только на свои силы, Даниил искал помощи на западе, с которым сохранял постоянные связи, искал союза с папой и обещал ему унию; довольный этим, папа прислал ему венец королевский: в 1255 г. Даниил короновался королевским венцом в Дорогичине², но ожидаемого крестового похода не последовало; Даниил прервал сношения с папой³ и начал рассчитывать только на свои силы: стал укреплять города и искать союза с соседним князем литовским Миндовгом, на дочери которого женил сына своего Шварна. Пока баскаком был Куремса, он спокойно смотрел на приготовления Даниила, но новый баскак Бурундай (в 1260) заставил Васильку в отсутствие Даниила сломать все крепости. Скоро после этой неудачи умер Даниил (в 1264), и ничто не помогло Галичу: ни его войны с чехами, имевшие целью доставить Роману Даниловичу герцогство Австрийское, ни его блестящие походы на ятвягов, ни блеск построенных им городов. Основ государственного быта недоставало Галичу.

По смерти Даниила оставался еще брат его Василько, князь Володи-миро-Волынский (ум. 1271), который стоял, вероятно, во главе других князей Галицко-Волынской земли; Шварн, пока по смерти Миндовга не получил Литвы от Войшелга, владел Холмом, Червеном. Бельзом и Гали-

¹ «Лет. по Ипатск. списку», 558—560.

² Там же, 549.

³ В «Hist. Russia. Mon.» I. Грамота папы Александра IV, в которой он упрекает Даниила за отступление от католической веры (84—85).

чем; Льву принадлежал, кажется, только Перемышль; Галич получил он по смерти Шварна (ум. 1270). По смерти Василька сын его Володимир (ум. 1289) получил Воынь, а Мстислав Данилович — Луцк; кроме того, были еще в земле Галицкой другие князья, но в положении подчиненном, и мы не знаем часто самого их происхождения, а иной раз (напр., князей Волховских, врагов Даниила) и места княжения. Лев (ум. 1301), основатель Львова, постоянно союзничал с татарами, ходил с ними на Угрию и Польшу. Характер Льва отличался необузданностью, сколько видно из убийства Войшелга, сына Миндовгова, отказавшего Литву Шварну. Завистливо он смотрел на возвышение брата Мстислава, получившего Воынь после Володимира Васильевича, но не мог отбить у него его наследства. Преемники Льва: Юрий Львович (ум. 1315), Андрей Юрьевич (ум. 1324) и Лев Юрьевич (ум. 1319), правившие вместе, а также сын Андрея Юрий (ум. 1336 или 1337) памятливы своими несчастными войнами с Литвой и торговыми трактами с орденом немецким. Воынь перешла к Литве, кажется, от Юрия Андреевича; в летописи Литовской мы читаем: «Люборта (Гедиминовича) принял володимирский князь к дотце во Володимер и в Лучке»; Галич достался Болеславу Трайденовичу Мазовецкому, сыну галицкой княжны Марии. Суровость Болеслава была причиной, что бояре отравили его в 1340 г. Таким образом, значение боярства по-прежнему сильно было в Галиче, и мы видим, что галицкие князья заключали договоры от имени своего и от имени бояр своих. Наконец, после нескольких попыток польский король Казимир (1349) присоединил Галич к Польше; с тех пор и до нашего времени он остается отторгнутым от русских земель. Таким образом, мы видим, что ни Роман, ни Даниил, а тем менее кто-нибудь из их потомков могли сломить силу галицкого боярства, не раз продававшего интересы родины чужеземцам ради личных интересов. При городском населении иноземного происхождения и сбродном мог ли Галич поддерживать свое самостоятельное существование, особенно между сплотившейся Литвой, захватившей и Южную Русь и сплывающей Польшей? Очевидно, нет, оттого так мало принесли пользы блестящие таланты галицких князей.

Меченосцы, Литва

Еще ранее нашествия татар на западной окраине России появились новые враги: то были немецкие крестоносцы, занявшие прибалтийские земли финских и латышских племен, и литовское племя, вызванное

исторической деятельностью, движением других крестоносцев, покрывших несколько позднее пруссов, литовское племя, соседившее с Балтийским морем.

Страны, прилежащие к Балтийскому морю от Финского залива до Немана, издавна находились в сношениях с Русской землей: Чудь (полагают часть Эстляндской) участвовала в призвании Рюрика; Ярослав близ нынешнего Дерпта построил город Юрьев (1030). С тех пор нередко русские князья из Новгорода и Полоцка совершали походы в эти прибрежные области; установилась даже зависимость (теперь трудно сказать какого рода) северных округов от Новгорода и более южных от Полоцка: по крайней мере, Генрих Латыш рассказывает, что для обращения ливов в христианство Мейнгард просил позволения у полоцкого князя Володимира, которому ливы платили дань; две волости русских князей находились одна в земле ливов (Кукенойс), а другая (Герциг) — в Семигалии. Православные князья по своей исконной веротерпимости не принуждали туземцев креститься и довольствовались данью, потому жители этих стран были по большей части язычники и сохраняли свое деление на племена и свое местное управление. Выгодное положение земли, примыкающей к морю и имеющей такой важный торговый путь, как Двина, рано втянуло страну в торговое движение: известно, что здесь были торговые сношения с Визби (на острове Тотланде), но купцы немецкие, говорят, не заезжали в эти страны до 1159 г., когда буря занесла бременцев в устье Двины, с тех пор они начали являться ежегодно; не позднее 1187 г. прибыл с купцами священник из Голштинии, подчиненной епархии Бременской, по имени Мейнгард, построил церковь близ селения ливов Икескола и начал обращение их в христианство, а в 1187 г. для защиты новообращенных от язычников с помощью прибывших немцев построил в этой местности крепкий замок. В 1188 г. он был поставлен епископом в зависимость от Бременского архиепископа. Это — зерно немецкого поселения в земле Чудско-Латышской. Мейнгард (ум. 1196) построил еще укрепленный замок Динагольм. Преемник его Вертольдубт в 1198 г. в сражении с ливами. Тогда епископом был назначен Альберт (1199—1229), знаменитый утвердитель немецкого владычества в этой земле. Освободив от ливов Икесколу, он возвратился в Германию, прибыл снова с отрядом крестоносцев, избранных вследствие папской буллы, и начал строить город Ригу, куда и перенес свое местопребывание. В 1201 г., для защиты этой новой колонии, он основал орден духовных рыцарей, названный братьями Христова воинства (*fratres militiae Christi*), а потом

меченосцами (*gladieri*), потому что носили на белом плаще красный крест на плече. Папа дал им устав тамплиеров (т. е. они должны были произнести обет нестяжания, целомудрия, повиновения и жить милостыней) и право владеть покоренными землями в ленной зависимости от епископа. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах. Туземцы искали защиты у полоцких князей и, надеясь на их помощь, пошли к Риге, но эта попытка не удалась: туземцы потерпели поражение (1206). Альберт отправился в Германию набирать войска, а полоцкий князь, пользуясь его отсутствием, осадил Ригу; прибытие немецких кораблей освободило город. Новая неудача заставила туземцев искать крещения, которое вообще им было так ненавистно, что нередко крещенные кидались в Двину, чтобы смыть крещение и отправить его назад в Германию, что и понятно, когда вспомним, что им проповедовали христианство иноземцы с оружием в руках и на чужом для них языке. Вслед за тем немцы взяли город Куkenос, принадлежавший русским князьям в Ливонии (1208), а в 1207 г. епископ, сделанный тогда же имперским князем, разделил завоеванные земли между орденом и епископом. Предприятия немцев начали уже простираться и на Эстляндию, куда между тем сделал нападение датский король (с 1205) и где он мало-помалу утверждался: около 1237 г. построен Ревель и вся Эстляндия за исключением южной и юго-восточной части, которой завладел орден, и за Эстляндию между орденом и датчанами были неприязненные столкновения до 1347 г., когда датчане уступили Эстляндию ордену. Между тем в Ливонии успехи рыцарей продолжались: в 1209 г., когда умер Рорбах и выбран Вольквин Винтершted, пал Герцик; в 1219 г. Володимир Полоцкий за помощь против Литвы уступил Альберту южную Лифляндию. С помощью Володимира Мстиславича (брата знаменитого Мстислава), изгнанного псковичами, рыцари вели удачную войну с Псковом. Наконец в 1224 г. пал Юрьев, и новгородцы, занятые распрей с суздальскими князьями, не могли хорошо защищать его; в 1229 г. умер Альберт, твердо укрепив владычество немцев на Балтийской окраине. Средствами укрепления этой власти послужили постоянные ссоры между туземцами, которые, подобно всем народам, не вышедшим из племенного быта, жили между собой не в ладу; превосходство вооружения рыцарей и их искусство строить укрепления (туземцы пробовали стягивать камни этих укреплений веревками, т. к. они умели только строить стены без цемента). Странное устройство получила земля, завоеванная немцами; в этом устройстве лежит при-

чина слабости ордена и его падения, когда нашли на него сильные враги. Земли делились на епископские и орденские. У епископа были свои рыцари, получавшие от него поместья и не находившиеся в сношениях с орденом; орден постоянно отбивался от зависимости епископской; города получили устройство германских городских общин; крестьяне были приведены в совершенное рабство, что замечают даже немецкие летописцы¹.

В то время когда орден меченосцев так успешно действовал в Ливонии на берегу Балтийского моря, появился другой духовный орден — Немецкий, который утвержден был еще в 1192 г. в Палестине, наделен богатыми поместьями в Европе. Этому-то ордену в 1225 г. Конрад, князь Мазовецкий, теснимый пруссами, делавшими постоянные набеги на его землю, предложил землю Хелмскую или Кульмскую для защиты его от пруссов. Император Фридрих II подтвердил этот дар, но с обязательством ленной зависимости от империи, а не от мазовецких князей. В 1230 г. провинциальный магистр Герман Балк (начальником всего ордена считался гроссмейстер) заключил окончательный договор с Конрадом, и орден начал действовать в Пруссии. Орден нашел здесь разрозненных князьков, которые были между собой в постоянных ссорах, победил их одного за другим. В пятьдесят пять лет орден завоевал весь край, настроил городов: Торн, Мариенвердер, Эльбинг и позднее Кенигсберг. Рыцари отбирали детей у туземцев и посылали их учиться в Германию, чтобы видеть в них защитников христианства, призывали немецких колонистов. Пруссы не раз восставали разбитые, бежали в леса литовские, чем подкрепили литовцев и вызвали их на военную деятельность. При ландмейстере Валке ливонские рыцари, чувствуя себя слабыми в одиночестве, соединились с тевтонскими (немецкими), чему вначале мешал король Датский, опасавшийся, что ему не возвратят занятый ливонцами Ревель. Соединение окончательно совершилось в 1237 г. и ландмейстером ливонским выбран прусский ландмейстер Герман Балк.

Усиленные рыцари начинают еще ревностнее вести войну с русскими и литвой, где в то время усиливается Миндовг. Только Александру Невскому удалось отнять у рыцарей захваченный ими Псков и по-

¹ Руссов, 28 (в «Script. rer. Livon») указывает на то, что крестьянину нигде не было управы, что по смерти крестьянина и его жены господа овладевают всем его имуществом и почти ничего не оставляют сиротам; что крестьяне подвергаются страшным телесным наказаниям, что их меняют на собак и т. п.

том поразить их на льду Чудского озера (1241). После Александра вел борьбу с рыцарями литовский князь Довмонт, нашедший себе убежище во Пскове после убийства Миндовга и славно служивший Пскову (1266–1299).

Борьба с немцами сделалась как бы задачей Пскова, но мы увидим, что ни одни военные сношения были между немцами и русскими, были и торговые сношения, правда, часто прерываемые военными событиями.

Собственно Литва и Жмудь не составляли одного государственного тела: разделенные часто взаимной враждой, князья литовские делали отдельные впадения в русские пределы и нередко терпели поражения от русских князей: сохранилось даже предание, что они платили дань Руси лыками и вениками. Еще в 1215 г. летописец поминает нескольких литовских князей, между которыми четыре возвышаются как старшие¹.

Миндовг принадлежал к типу основателей государств в варварские времена (вроде Хлодвига) и не останавливался ни перед какими средствами: «Нача избивати братью свой и сыновце свои, — говорит о нем наш летописец², — а другия выгна из земле, инача княжити один во всей земле Литовьской». Этим опровергается сложившееся убеждение, будто он наследовал после отца своего Рингольда звание великого князя. Преследуемые им родственники обратились в 1252 г. с просьбой о помощи к Даниилу и в Риге к немцам; с двух сторон грозили Миндовгу, и он, чтобы спастись, предложил папе чрез рыцарей принять христианство; папа обрадовался и прислал ему королевский венец (1252). Но с Даниилом война продолжалась, пока Войшелг, сын Миндовга, не явился посредником и не выдал сестру свою за Шварна Даниловича. Войшелг скоро постригся, и Миндовг дал другому сыну Даниилу Роману княжение Новогрудское, но скоро выгнал его за то, что Василько, брат Даниила, принужден был с татарами опустошать Литовские области. Около того же времени он рассорился и с немцами, которых долго обманывал: в 1260 г. вторгся он в Мазовию, потом прошел в землю ордена, вызвал восстание пруссов, разбил самого магистра Ливонского и торжественно отрекся от христианства, но в 1263 г. он был убит заговором князей, из которых у одного князя Нальцанского Довмонта он

¹ «Лет. по Ипатск. сп.», 491 (П. С. Р. Л. II, 161); см. также Шегрена: «Ueber die Wohns. und die Vergalt. der Iatvāgen». SPb., 1858, 161.

² «Лет. по Ипатск. сп.», 567 (П. С. Р. Л. II, 201).

отнял жену¹. Мстителем явился сын его Войшелг. Свергнув монашеские ризы, Войшелг избил всех убийц (Довмонт спасся во Пскове) и страшно свирепствовал; насытив жажду мщения, отдал Литву Шварну (ум. 1267). По смерти его тянулись споры, и наконец выбран в великие князья Тройден (1270—1283), а после него Витен (1283—1315); оба они воевали с Галицким Львом из-за обладания Литвой; наконец, в 1315 г. стол великого князя занял брат Витена, Гендимин, истинный основатель могущества Литвы.

¹ «Лет. по Ипатск. сп.», 567—569.

Глава VI

Земля Новгородская. — Возвышение и упадок Новгорода. — Новгородское устройство: князь, вече, управление; суд, сословия, торговля. — Церковь и литература. — Псков.— Особенности Пскова. — Вятка

Земля Новгородская

Центром исторической жизни для Руси Северной очень рано становится Великий Новгород: по известному сказанию «Повести Временных лет», Новгород стоял во главе союза племен, призвавших варягов; новейшие исследователи нередко возводят его существование к более отдаленным периодам: есть мнение, что *lacus Mursianus* и *civitas Novietuniensis* Иорнанда не что иное, как Ильмень («Мойско» в баснословных рассказах о Новгороде) и Новгород; впрочем, это пока только догадка. Не менее труден вопрос о том, откуда пришло население на берег Волхова и озера Ильменя; многие отождествляют славян ильменских с кривичами, жителями областей Полоцкой и Смоленской: И.Д. Беляев считает Полоцк, Смоленск и даже Чернигов колониями Новгорода; Д.И. Иловайский тоже считает славян ильменских кривичами; Н.И. Костомаров считает их южноруссами, опираясь главным образом на фонетические признаки и на позднейшие сказки; его доводы подробно и обстоятельно разобраны А.Ф. Гильфердингом. Есть еще мнение, сближающее новгородцев со славянами балтийскими, но не представляя само собой ничего невероятного, оно еще требует доказательств. Таким образом, мы должны пока довольствоваться тем показанием летописи, что близ озера Ильмень IX в. было особое племя, почему-то сохранившее название славян, и что у этого племени был свой город Новгород. Город этот, вероятно, имел уже довольно большое значение, ибо летопись ставит его во главе союза, изгнавшего варягов и потом призвавшего первых князей. Есть даже мнение, что призывавшие были колонистами племени славян ильменских. Это мнение не имеет в себе ничего невероятного, если вспомним, что у одного из призвавших народов был город Ростов, у другого — Белоозеро, у третьего — Изборск. Признав это, мы должны признать, что Новгород мог стоять во главе союза: местность, занятая этими племенами, болотиста и до сих пор мало способна для земледелия, и потому жители рано должны были сделаться промышленниками, торговцами и коло-

низаторами, т. е. получить именно тот характер, с которым мы постоянно встречаем их в истории.

Так как коренные жители назывались славянами, то и думают, что славянский конец (Славно) был первоначальным местом поселения в Новгороде. Местом первой крепости почитается Городище, на острове, огражденном Волховым, малым Волховцем и притоками. Это возвышенное место удобно для построения крепости. Впрочем, появление впоследствии крепости на Софийской стороне заставляет полагать, что на Городище укрепился князь, а первоначальный град и был именно позднейший Детинец (Кремль), где стену построил Мстислав Володимирович (1116), которая потом раздвигается и переделывается. Новгород, как и Киев, возник из поселений отдельных, соединяющихся около одного общего града: по мнению митрополита Евгения, новгородцы первоначально селились в разных местах и даже ближе к озеру. По замечанию Н.И. Костомарова, болотистая почва кругом Новгорода много мешала скученности населения, и давние селения располагались на более возвышенных местах, а может быть, и самые избы строились на столбах, как и теперь делается в некоторых местах этого края. Название концов: Плотничий, Гончарный свидетельствуют, что некогда они могли быть отдельными слободами. Слово «конец» едва ли не указывает на то, что первоначально разумелась не вся часть, а только конец ее — ядро первоначального поселения. Население постепенно подвигалось к центру, и то место, где когда-то была особая слобода, становилось концом. Отдельность концов, как самостоятельных общин, выбившаяся в их особом управлении, и частые враждебные столкновения между концами подтверждают эту мысль. Самые названия многих местностей на Софийской стороне, как замечает И.Д. Беляев, указывают на пришельцев, присоединившихся и коренному населению: пруссы, неревляне. В эпоху полного развития самостоятельности новгородской все части уже слились вместе, и Новгород делился Волховым на две стороны: Софийскую, на которой были, кроме детинца, концы: Неревский, Загородный, Гончарный, и Торговую с концами Плотницким и Словенским. Позднее число концов еще увеличилось. Жильбер де Лануа, посетивший Новгород в 1413 г., так описывает этот город: «Город Великий Новгород — изумительно большой город, расположенный в прекрасной равнине, окруженный большими лесами; местность низменна, затопляется водой и отчасти болотиста; посреди сказанного города проходит большая река, называемая Волховым, но город окружен плохими стенами из плетня,

набитого земель, хотя башни каменные... в нем есть замок (детинец), где построена церковь Св. Софии, которую они чтят; здесь же живет епископ» (т. е. архиепископ)¹. Мнение о древней обширности Новгорода опроверг еще митрополит Евгений².

За пределами Новгорода начиналась земля Новгородская, земля св. Софии. К земле Новгородской принадлежала и Псковская, и обе они обнимали нынешние губернии: Новгородскую, С.-Петербургскую, часть Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Вятской, Вологодскую, западную часть Ярославской, часть Тверской и Псковскую. В ближайших к Новгороду волостях находились пригороды, стоявшие в известных нам тесных отношениях со старым городом. Пригородами Новгорода были: Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Руса, Торжок, Бежица. Трудно сказать, как рано началась власть Новгорода в этих пределах, но из рассказа новгородца Юрята Роговича, помещенного в «Пов. Врем. лет», мы знаем, что в XI веке новгородцы собирали дань у Печеры³; в XII в. часто поминаются походы в Заволочье, а в XIII собирается дань с терского берега. Ближайшие к Новгороду земли делились на пять пятин: Водская (по Ладожскому озеру), Обонежская (до Белого моря), Бежецкая (до Меты), Деревская (до Ловати), Шелонская (от Ловати до Луги). За пятинами простирались по указаниям договорных грамот так называемые волости Новгородские: Заволочье (земля по обоим сторонам Двины от Онеги до Мезени); Тре (новгородская Лапландия), Пермь (места по Вычегде и Верхней Каме), Печора (по обоим берегам Урала и реки Печоры от Мезени до Конинского берега), Югра (по ту сторону Уральского хребта). Если пригороды, как мы видим из летописей, принимали участие в делах Новгорода: жители их иногда призывались на вече⁴, то эти земли составляли как бы владение Великого Новгорода —

¹ § 40 (по изданию Лелевеля). Заметим, что план, находящийся в Знаменской церкви и изданный в «Изв. Арх. общ.», у Е. Е. Замысловского в «Атласе» и А. Ф. Вельтмана «О господине Новгороде В.» — начала XVIII в., след., напрасно в нем некоторые исследователи ищут древний Новгород; другой подобный план в церкви Флора и Лавра (фотографический снимок в Новгородском музее); в Хутынском монастыре есть любопытный образ, изображающий известное видение Тарасия и представляющий весь Новгород; этот образ принадлежит, кажется, XVII в.

² «Где сколько-нибудь десятков лет люди жили дворами, тут обыкновенно бывает наносная черноземная почва. в самом городе она очевидна приметна, и на торговой стороне по набережным местам, инде аршин на 8 и 9 должно копать до материка, но выйдете за город и вы везде увидите суглинистый чистый материк». «Разгов. о древн.», 2. Ср. Н. Н. Муравьева: «Истор. иссл. о древнем Новг.».

³ «Пов. врем. лет», 169.

⁴ Новг. 1 (П. С. Р. Л. III) под годами 1132, 1136, 1370, 1384.

города, таким образом сделавшегося государством по образцу древних городов. Земля Двинская, наполненная владениями богатых новгородцев, пользовалась, как увидим ниже, известной долей автономии. Впрочем, по вопросу о степени подчинения той или другой волости нам, при настоящем состоянии источников, судить очень трудно и потому воздержимся от окончательных приговоров. Так велика была Новгородская земля в эпоху полного развития новгородской самостоятельности, но этой землей не ограничивалось влияние новгородского элемента: в XII в. новгородские выходцы основали независимое владение между р. Вяткой и Камой; Псков тоже достиг полной независимости в XIV в., по крайней мере гражданской. Заметим, что, развиваясь на восток, власть Новгорода теряла на западе: влияние на землю Чуди было уничтожено рыцарями меча, а берега Невы служили постоянным полем столкновений со шведами.

Возвышение и упадок Новгорода

Первоначальная история Новгорода темна: имея возможность предполагать важное значение Новгорода до начала Русского государства, мы, однако, не можем объяснить, отчего Новгород потерял влияние на область Поволжскую и Полоцк, если они — что довольно вероятно — входили в союз, которого главой он был; допустить союз временный не можем уже потому, что в ту давнюю эпоху скоро союзы не составлялись, а образовались если не из завоеваний, то из давних привычных сношений. Остается признать с М.П. Погодиным, что этого факта пока объяснить нельзя, но нельзя и отрицать ввиду торгового значения Новгорода, доказываемого множеством отрываемых монет и потом восточных. Ясно, что издревле поволжский путь был столь же важен для новгородцев, как и северные реки и озера, если еще не важнее, или — как путь на запад. Есть предание, что уже против Рюрика восставали новгородцы под предводительством какого-то Вадима. Олег же (882) ушел из Новгорода, обложив его данью в 300 гривен, из которых 100 раздавались в Новгороде гридям. Стало быть, эта дань шла на содержание княжеской дружины, как ушедшей с ним в Киев, так и оставшейся в Новгороде. Когда Святослав раздавал волости своим сыновьям, новгородцы потребовали, чтобы он и им дал князя, грозя при этом: «Если не пойдете к нам, то найдем себе князя» (т. е. на стороне)¹. Так, Новгороду был нужен князь

¹ «Пов. врем. лет», 52.

именно из посторонних: лучшее подтверждение справедливости рассказа о призвании, но при этом возникает вопрос: кто же управлял Новгородом до тех пор? Быть может, кто-нибудь из родственников княжеского дома, о которых узнаем из договора Игорев¹. Как бы то ни было, Святослав отпустил к ним Володимира (970–980), указанного новгородцам Добрыней, братом его матери. Владимир с новгородцами и варягами победил и сверг Ярополка. После крещения, рассылая сыновей по городам и волостям, Володимир назначил Новгород сначала Вышеславу, а по смерти сто Ярославу (988). Мы знаем, что Ярослав, побуждаемый, вероятно, новгородцами, отказался платить дань Киеву, и Володимир умер, готовясь к походу на Новгород. Ярослав призвал варягов, новгородцы их избили, тогда, заманив к себе обманом «нарочитых мужей» новгородских, князь избил их. Наутро, получив известие об убиении братьев Святотолком, собрал новгородцев и рассказал, что случилось. «Аще, княже, — сказали новгородцы, — братья наша исечене суть, можем по тебе бороти»² и пошли с ним на Святотолка. В этом событии видят борьбу двух сторон: торговой, которую избил Ярослав, и боярской (софийской), поддерживавшей его; едва ли, впрочем, не справедливее видеть здесь просто общность интересов князя и Новгорода, побуждавшую их действовать против Киева. Ярослав с новгородцами, поддерживавшими его и после изгнания его из Киева Болеславом, окончательно восторжествовав над Святотолком (1019), щедро наградил своих сподвижников и дал Новгороду какие-то грамоты, на которые они постоянно ссылаются³. Эти грамоты (льготные Ярославовы) до сих пор составляют предмет спора: одни (С. М. Соловьев) считают их чисто финансовыми льготами, другие (И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров) видят в них политический устав, но то обстоятельство, что впоследствии новгородцы ссылались на эти грамоты только в финансовых вопросах, лучше всего, кажется, говорит в пользу первого предположения⁴. Ярослав, любимый новгородцами,

¹ Константин говорит, что Святослав жил в Новгороде («Мет. Рор.» II, 982).

² Там же, 103.

³ «Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего Володимира, нача вои делити, старостам по десяти гривен, а смердом по гривне, и Новгородцем по десяти гривен все и отпусти их всех домов, и дая им правду и устав списав, глаголав таке: бо сей грамоте ходите: якоже писав вам такоже держите». Новг. I по спискам ком и Акад. (последний в «Прод. др. Росс. Вивл.» II, 335) и Толст. Соф. (П. С. Р. Л. V, 134). Воскр. (П. С. Р. Л. IX, 77), Ник. (П. С. Р. Л. VII, 328). Твер. (П. С. Р. Л. XV, 141).

⁴ Едва ли можно искать опоры противоположному воззрению в известных словах летописца: «Не глаголем же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородцы прадеды князь наших; но аще бы тако было, то велели ли им преднии князи крест

произвольно распоряжался в Новгороде, где посадил сына своего Володимира (1036–1052). После смерти Ярослава Новгород с Киевом получил Изяслав, который управлял Новгородом через «близока» своего Остромира, а после посадил туда Глеба Святославича (после 1064–1079); при Всеволоде в Новгороде сидел Святополк Изяславич (1079), а при Святополке — Давыд Святославич (1095) и Мстислав Володимирович (1095–1117); Мстислава так любили новгородцы, что когда Святополк вместо него хотел посадить своего сына, они послали сказать ему: «аще ли две голове имеет сын твой, то поели и»¹. При отце Мстислав считался как бы его наместником: Мономах сам судил в Киеве новгородских бояр и наказывал их; делал именно то, против чего впоследствии так восставали новгородцы, постоянно требовавшие от своих князей, чтобы они судили не иначе как в Новгороде²; даже посадники, кажется, не были тогда выборными³, а епископы наверное не были⁴. Мстислав посадил по себе сына своего Всеволода-Гавриила (1117–1132), который, впрочем, охотно променял Новгород на данный ему Переяславль с надеждой на Киев; когда он возвратился в Новгород, новгородцы его изгнали, выставив такие причины: не заботится о смердах, хотел сесть в Переяславле, ушел с битвы прежде всех со своим полком, велел сначала пристать к Всеволоду (Ольговичу), а потом отстать от него⁵. Любопытно, что новгородцы до тех пор не хотели отпустить Всеволода, пока не придет новый князь — Святослав Ольгович. Всеволод нашел убежище во Пскове, где память его чтится до сих пор. С тех пор, благодаря начавшимся ссорам между разными линиями князей русских, новгородцы были поставлены в очень выгодное положение: могли выбирать кого хотели и из своего выбора старались извлечь как можно более пользы для себя. Во время борьбы между Изяславом и Юрием князя в Новгороде постоянно сме-

преступати, или внуки или правнуки соромляти, и крест честный целоваше ко внуком их и к правнуком, то преступати?». П. С. Р. Л. I, 154. Это указание (XII в.) слишком неопределенно и об Ярославе ничего не говорит; к тому же оно допускает и такое толкование: летописец, признавая в новгородском устройстве княжескую уступку, признает возможность взять назад эту уступку. Толкование может быть натянутое, но ничем не хуже мнения, которое в этом месте опирается на объяснение ярославовых грамот.

¹ «Пов. вр. лет», 187.

² «Приведе Володимир с Мстиславом вся бояры Новгородския Киеву, и заводи я к честному хресту, и пусти я домов, а нижи у себе остави; и разгевася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрью, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся». П. С. Р. Л. III, 4.

³ «Приде Борис посадничать в Новгород», там же, 5; «вниде из Киева Данил посадничать Новугороду», там же.

⁴ «Приде архиепископ (т. е. епископ) Иоанн в Новгород», там же, 4.

⁵ Там же, 7.

нялись, смотря по успехам той или другой стороны, но едва ли князья южные из рода Мстиславова не пользовались большим сочувствием. Так, мы знаем, что, когда Изяслав Мстиславич приехал в Новгород (1148), был встречен восторгом и криками: «Ты наш Володимир, ты наш Мстислав!» и обещанием всем идти с ним, даже тем, у кого гуменце пострижено, а еще не поставлен¹.

Постоянные смены князей, которыми выразилось участие Новгорода в борьбе, происходившей между князьями, повели и в Новгороде к образованию партий в среде бояр и людей зажиточных, заинтересованных в торговле с тем или другим краем, ибо каждый из князей мог пересечь который-нибудь из путей новгородской торговли: князь киевский мог пресечь путь Днепровский, а Суздальский — остановить торговлю по Волге и даже, как сделал Долгорукий, задержать данщиков, которых Новгород посылал в северные края. В самом Новгороде начиналась кровавая распря между приверженцами той или другой торговли, ибо в этом был главный вопрос для Новгорода: «Князь-правитель — по совершенно верному замечанию В. В. Пассека — должен был принести с собой для Новгорода право торговли в других частях Руси: это было одно из первых условий прочности его власти в Новгороде». Распря оканчивалась изгнанием вождей побежденной партии, которые искали себе защиты у того или другого князя: напр., Якун у Юрия Суздальского². В этих распрях установился и выбор сановников и епископа вечем³.

Страшным соседом Новгорода явился Андрей Юрьевич Боголюбский, который сначала заставил изгнать сидевших в Новгороде сыновей Ростислава Мстиславича (1160), а потом, уладившись с Ростиславом, заставил новгородцев принять Святослава Ростиславича «на всей воли его»⁴. С 1161 по 1168 г. княжил Святослав в Новгороде; новгородцам он был тяжел; вошли они в сношения с киевским князем Мстиславом Изяславичем и вызвали к себе знаменитого сына его Романа. Андрей прибег к обычному оружию: послал против новгородских данщиков, но Дан-

¹ «Лет. по Ипатск. списку», 256—260, а также П. С. Р. Л. II, 40.

² П. С. Р. Л. III, 9.

³ Первый выборный владыка был Аркадий в 1156: «Събрася весь град, людья, изволиша собе епископ поставити муж Богом избран Аркадия, и шьдше весь народ, пояша и из монастыря от святыя Богородицы, и князь Мстислав Юрговиц, и весь клирос святыя Софии, и вси попове городьстии, игумени, и черньци ивъведоша и поручивъше епископю в дворе святыя Софии, доидеже придет митрополит в Русь, и тъгда поидоша ставитъся» П. С. Р. Л., III, 12.

⁴ Там же, 13.

слав, который собирал дань за Волоком, не только разбил отряд Суздальский, но еще взял дань на суздальских смердах. Рассердился Андрей и послал войско против Новгорода, которое потерпело знаменитое поражение, приписанное новгородцами чуду знамения Пр. Богородицы. Это было в 1169 г., а в 1170 г. в Новгороде сделался голод и новгородцы помирились с Андреем. Связь этих событий очевидна: Андрей оставил подвоз хлеба в неплодородный Новгород¹. Во время смут, возникших по смерти Андрея, новгородцы стали на стороне племянников Ростиславичей и тем вооружили против себя Всеволода. Защитником от Всеволода явился в Новгород знаменитый Мстислав Ростиславич (1179–1180); с ним совершили они поход на Чудь; в Новгороде Мстислав и умер. Потерпев неудачу против Всеволода, когда они искали защиты у Святослава Всеволодовича Киевского, новгородцы подчинились Всеволоду и приняли из-под руки его Ярослава Володимировича (племянника Изяслава Мстиславича) (1182–1184); недовольные ими новгородцы уговорили Всеволода вывести его, но снова возвратили, и Ярослав пробыл у них почти десять лет (1187–1196): так была сильна Суздальская партия; но когда война с черниговскими князьями обернулась не совсем благоприятно для Всеволода, тогда Новгород получил свободу искать князя где хочет². Вече изгнало Ярослава, но он засел в Торжке, собирая дань с окружных волостей, а Всеволод задерживал в Суздальской земле новгородских купцов, вследствие чего снова восторжествовала Суздальская партия и снова приглашен был Ярослав, за которым депутация ездила во Владимир (1197). Ярослав просидел только до 1199 г., на этот раз сам Всеволод заменил его своим малолетним сыном Святославом, назначив — по вероятному предположению И.Д. Беляева — доверенных людей управлять за него. Влияние Всеволода было так сильно, что он избрал Новгороду архиепископа Митрофана³. В 1204 г. Всеволод вывел Святослава из Новгорода под тем предлогом, что он молод, и дал Константина. Истинной причиной едва ли был не выбор посадником Михалки Степановича, враждебного Суздалю; это тем вероятнее, что вслед за приездом Константина отнято у Михалки посадничество и выбран Дмитрий, сын благоприятеля Всеволода Ми-

¹ П. С. Р. Л. III, 15.

² «А Новгород выложиша вси князи в свободу, где им любо ту же собе князя поимают» П. С. Р. Л. III, 23.

³ «Вда им сын Святослав, а в Новгород, съдумав с посадником; присла, и с Новгородьци, и въведе в епискупию Митрофана» П. С. Р. Л. III, 25.

рошки¹. Степень влияния Всеволода на дела новгородские показывает следующее событие: «Приде Лазорь, Всеволожь мужь, из Володимирия, и Борисе Мирошкиниць: повеле убити Ольксу Събыславица на Ярославли дворе, и убиша и без вины... а завтра плана святая Богородица у святого Якова, в Неревьском конци»². Несмотря на то новгородцы пошли в поход со Всеволодом на рязанских князей (1209). Отпуская их и удержав при себе Константина, посадника и семь «вятчих», Всеволод сказал новгородцам, как бы в изъявление своего удовольствия и доверия, быть может, желая испытать новгородцев или показать им свое великодушие: «Кто вы добр, того любите, а злых казните», причем прибавляет летописец: «И вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци»³. Следствием этого было вече на посадника, которого не было в городе, разграбление его имущества, причем открывается любопытное обстоятельство: посадник, вероятно, по воле князя произвольно назначал дани⁴. Посадником назначили Твердислава, сына Михалки, противника Всеволода. Всеволод прислал в Новгород сына Святослава и велел задержать новгородских купцов. Спасителем Новгорода явился Мстислав Мстиславич Торопецкий, который из Торжка прислал сказать новгородцам: «Кланяюся Св. Софии и гробу отца моего, и всем новгородцам; пришел к вам, слышав насилие от князей, жаль мне своей отчины»⁵. Новгородцы заключили Святослава во владычнем дворе и с Мстиславом выступили против Всеволода, но Всеволод войны не хотел, а просил отпустить сына, за что освобождал задержанных новгородцев. С Мстиславом ходили новгородцы на Чудь и на князей черниговских, но в 1215 г. Мстислав, призванный в Галич, оставил Новгород. Новгородцы призвали к себе Ярослава Всеволодовича, вероятно, под влиянием Суздальской партии, которая, кажется, состояла из наиболее богатых бояр. Ярослав только что прибыл, как велел схватить и сослать в Тверь боярина Якуна Зуболомича и новоторжского посадника Фому; затем созвал вече на тысяцкого Якуна; на вече одержали верх приверженцы Ярослава, но против них восстала Прусская улица; Ярослав удалился в Торжок и прибег к старой мере суздальских князей: не допускать подвоза съест-

¹ П. С. Р. Л. III, 29.

² Там же, 30.

³ Там же.

⁴ «Яко ти (Дмитрий с братьями) повелеша на Новгородьщих сребро имати и по волости куны брати, по купцем виру дикую и повозы возиты, и все зло». Там же. Раздражение было так сильно, что новгородцы хотели бросить тело посадника в Волхов. Там же.

⁵ П. С. Р. Л. III, 31.

ных припасов. Голод дошел до такой степени, что стали есть сосновую кору, липовый лист, мох, отцы продавали детей; сделался мор, построили скудельницу (дом, где складываются мертвые тела) и ее недостало: трупы лежали на торгу, по улицам; их было так много, что собаки всех не съедали¹. Ярослав не хотел принимать никаких предложений и захватил новгородцев; тогда снова явился Мстислав, собрал вече и сказал: «Пойдем поищем мужей своих братий и волости своей; да не будет Новый торг Новгородом, ни Новгород Торжком; но где св. София, там и Новгород, и во многом Бог и в малом Бог и правда». Мстислав, освободив Новгород, принял участие в делах Ростовской земли и, разбив в Липецкой битве Юрия и Ярослава, посадил во Владимире Константина. До 1218 г. Мстислав управлял Новгородом; но тогда оставил его, несмотря на угрозы новгородцев. Под влиянием врагов Суздалья, главным образом Твердислова, был призван в Новгород Святослав Мстиславич (из смоленских, сын Мстислава Романовича, двоюродного брата Мстислава Торопецкого). В городе сделалось восстание на Твердислова; когда оно прекратилось, князь послал сказать, что он не может быть с Твердисловом. Спросили новгородцы — за что? Князь отвечал: «Без вины»; тогда Твердислов сказал: «Тому есм рад, оже вины моей нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех». Любопытен ответ веча: «Княже, оже нету вины его, ты к нам крест целовал без вины мужа не лишити (вероятно, «волости»); а тебе ся кланяем, а се наш посадник; а в то ся не владим»². Стало быть, ряды уже были в Новгороде. В 1219 г. Святослава сменил брат его Всеволод, который тоже плохо уживался с новгородцами и был изгнан в 1221 г. Архиепископ Митрофан и посадник Иванка, избранный после удаления от дел больного Твердислова, принадлежавшие оба к партии Суздальской, обратились к Юрию Всеволодовичу Суздальскому и получили сына его Всеволода, который скоро ушел из Новгорода, а новгородцы снова вызвали Ярослава, которого скоро (1223) опять сменил Всеволод. Князья суздальские не уживались с Новгородом потому, что хотели управлять им по своей воле; так восстали новгородцы на Всеволода, который ушел в Торжок и хотел оттуда править им. Сам великий князь пришел на Новгород, но, взяв окуп, дал Новгороду Михаила Всеволодовича Черниговского, который пробыл только до 1225 г. и, хотя новгородцы полюбили его, он все-таки ушел в Южную Русь. Снова вызвали Ярослава, но хотели его далеко не все: Суздальская партия возвела

¹ П. С. Р. Л. III, 33.

² Там же, 37.

на владычное место Арсения, который был выбран Ярославом еще в 1224 г. и удален в 1225 г.; а вожди противной партии ушли во Псков; Ярослав сначала думал поднять на Псков Новгородское вече, но, испытав неудачу, привел свою дружину из Переяславля под видом войны против немцев. Псковичи спешили заключить союз с немцами¹; новгородцы отказались идти на войну без псковичей. Ярослав уехал, оставив в Новгороде сыновей своих Феодора и Александра. В Новгороде опять поднялись смуты; низвели Арсения, разграбили дома приверженцев Ярослава; те, со своей стороны, укрепились на торговой стороне, и только наводнение, разнесшее мост, обновило волнение². К Ярославу послали сказать, чтобы он княжил по всей воле Новгорода и не посылал своих судей по волостям, а то «ты себе, а мы себе»³. Ярослав в ответ на это велел увести детей своих из Новгорода (1228), а Новгород пригласил Михаила и рад был его приезду (1229). Михаил дал льготу крестьянам, переселившимся на чужую землю, пять лет не платить податей, восстановил прежний порядок даней и наложил пени на приверженцев Ярослава. Но Михаил скоро уехал; начались смуты, а между тем в земле оказался голод: мороз побил жито; вследствие голода сделался мор, до того сильный, что в построенную скудельницу наметали до 3030 трупов⁴. Князь Ростислав Михайлович, оставленный в Новгороде отцом, должен был удалиться и — снова вызван Ярослав (1230). Голод же не унимался, а с ним и смуты: грабили дома богатых, думая найти у них жито, и только в 1231 г. немцы привезли хлеб, а то четверть кади ржи стоила до гривен: «Уже бяше при конце город сии»⁵. Противники Ярослава кинулись во Псков, потом к немцам и с ними взяли Изборск, но Ярослав успел остановить их вовремя и продолжал самовластно господствовать в Новгороде, пока в 1236 г. не ушел на стол Киевский, оставив в Новгороде сына своего, знаменитого Александра.

От татар новгородцы избавились своими болотами: дойдя до Игначья креста (Крестца), Батый поворотил назад. Зато у Новгорода оказа-

¹ «То же слышавше Пльсковичи яко приведе Ярослав пълкы, убоявшесе того, взяша мир с Рижаны, Новгород выложивше, а рекуче: то вы, а то Новгородьци, а нам ненадобе; нъ оже поидуть на нас, ть вы нам помозите, и они рекоша: тако буди, и положи у них 40 муж в талбу» П. С. Р. Л. III, 43.

² Любопытен предлог свержения архиепископа: «Того деяя стоит тепло дълго, выы-проводил Антония владыку на Хутино, а сам сел дав мьзду князю». Там же, 44.

³ Там же.

⁴ П. С. Р. Л. III, 46.

⁵ Там же, 48.

лись иные враги: король шведский Эрих испросил у папы буллу на проповедование Крестового похода против язычников финнов; собрались крестоносцы и ясно высказывали, что пойдут и на Новгород. Вследствие этого новгородцы начали готовиться к войне, а в 1240 г. шведы появились на Неве, при устье Ижоры, где и разбил их Александр, прозванный за то Невским. Новгородцы, однако, поссорились с Александром, и он уехал в Переяславль, а между тем немцы Ливонские подчинили себе Псков и двинулись на Новгород; новгородцы снова призвали Александра, который и приехал в 1241 г. В следующем году он взял у немцев Псков и затем разбил их на льду Чудского озера (Ледовое побоище). Удалясь по смерти отца (1246) из Новгорода, Александр оставил там сына своего Василия. В 1253 г. новгородцы изгнали Василия и взяли к себе Ярослава Володимировича (племянника Мстислава Мстиславича), которого прежде посадили во Пскове. Александр сам двинулся на Новгород, где возникла борьба между «вятшими» и меньшими людьми; Александр потребовал выдачи Анании посадника, вождя партии меньших. Когда Анания отказался от должности, Александр опять дал Новгороду Василия (1256). Новая распря Александра с Новгородом (1257–1259) возникла из-за вопроса о перечислении народа для платы Ордынского выхода и кончилась покорностью Новгорода. В Новгороде остался князем Дмитрий Александрович. По смерти Александра новгородцы изгнали Дмитрия и призвали Ярослава Ярославича Тверского и заключили с ним первый дошедший до нас договор, которым определяются взаимные права Новгорода и князя; Ярослав, как великий князь, не жил в Новгороде постоянно, а оставил там племянника своего Юрия Андреевича, а между тем Псков принял к себе Довмонта, литовского князя, бежавшего из Литвы по случаю смут, возникших после смерти Миндовга. Вместе с Довмонтом ходили новгородцы, пригласив к себе на помощь Дмитрия Александровича, на датчан к Раковору (Вейссенбургу), где, несмотря на изменническое действие меченосцев, выступивших против них, хотя обещали невмешательство, одержали победу¹; немцы после того напали на Псков и были отражены Довмонтом. Ярослав был недоволен этой войной и хотел низложения ее зачинщиков и ничего не достиг, а в 1270 г. новгородцы, раздраженные его произволом, показали ему путь². Ярослав стал со-

¹ П. С. Р. Л. III, 60. Боннель, впрочем, сомневается в победе («Chronogr.», 78).

² Против Ярослава выставили они следующие обвинения: «Чему еси отъял Волхов гоголиными ловци, а поле отъял еси заячими ловци? чему взял еси Олексин двор Морткинича? чему поимал еси серебро на Микифоре Маускиничи, и на Романе Болдыжевичи, и на

бирать на новгородцев войско; Дмитрий, которого они хотели позвать к себе, отказался; на помощь им явился Василий Ярославич Костромской, исходатайствовавший у хана отозвание татарских войск; помирить Ярослава с Новгородом удалось митрополиту. Когда Василий, по смерти Ярослава (1272), сделался Великим князем, он отправил своих послов в Новгород предложить себя в князя, то же сделал и Дмитрий; но когда Василий осадил Торжок, новгородцы перешли на его сторону. По смерти Василия (1276) они выбрали Дмитрия. Первая ссора Новгорода с Дмитрием была из-за выстроенной им на Новгородской земле крепости Копорья, — почему новгородцы приняли сторону брата его Андрея, искавшего под ним стола Владимирского; но когда Дмитрий явился с помощью Ногай, то двинул войска на Новгород, и новгородцы должны были ему покориться. Все время княжения Дмитрия прошло во внутренних смутах, о которых удачно выразился И. Д. Беляев: «Новгородские партии, мало покойные прежде, при Дмитриии дошли до крайности и так перепутались между собой, что иногда и разобрать трудно, из-за чего которая партия подняла шум и мятеж»¹. Место Дмитрия в 1293 г. занял Андрей, с которым новгородцы жили мирно и вели счастливые войны с немцами и шведами; с последними — за постройку крепости Ландскороны (на устье Охты). В 1304 г. умер Андрей, великим князем стал Михаил Ярославич, который, без всяких сношений с Новгородом, прислал туда своих наместников; новгородцы начали за то войну с ним, окончившуюся признанием его новгородским князем. Михаил управлял Новгородом чрез своих наместников, притеснения которых были нестерпимы новгородцам; Михаил приехал сам и успокоил волнение, но ненадолго: в 1312 г. возникли новые недоумения; Михаил пошел на Новгород и, только получив окуп, помирился. Самовластие Михаила заставило новгородцев искать союза с его врагом — Юрием Московским. Михаил, пользуясь отсутствием Юрия, напал на новгородцев у Торжка (1315), разбил их и заставил покориться, но ненадолго: они снова рассорились, и только опасность войска татарского, которое вел Юрий, заставила Михаила серьезно помириться с новгородцами. Юрий и потом Александр Михайлович Тверской (1326–1328), занятые своими делами, мало обращали внимания на Новгород. С падения Александра начинается торжество Москвы, и Новгород вступает в борьбу с московскими кня-

Варфоломеи? а иное чему выводилъ от нас иноземца, которыи у нас живутъ?» П. С. Р. Л. III, 61.

¹ «Рассказы» II, 388.

зьями, то открытую, то глухую, но участь его уже можно предвидеть. Московский князь Иван Данилович требовал от Новгорода закамского серебра (дани с Закамских владений) и занял Торжок; новгородцы предлагали ему меньший откуп; но после его отказа архиепископ укрепил город, и послали к Гедимину просить сына его Наримонта, который, прибыв, получил в управление несколько городов. Тогда Иван Данилович смягчился к новгородцам, но, желая сделать Новгород безопасным, послал войско на Двинскую землю, которое было отражено богатыми тамошними боярами с дружинами повольников, каких там было всегда много (1337). С самого Новгорода он требовал усиленной дани и по отказе вывел своих наместников. Готовилась война, но Иван Данилович умер (1340). Сын его Симеон, не дожидаясь названия новгородцев, начал собирать дань с Торжка. Бояре хотели сопротивления, но чернь восстала на бояр, тоже было и в Торжке¹. Помирились на том, что князь получил 1000 рублей черного бора с Торжка. Каково было тогда внутреннее состояние Новгорода, показывает следующий случай: Лука Варфоломеев, сын умершего посадника, без новгородского слова пошел на Двину, построил там город Орлец и взял все погосты по Двине «на щит»; заволочане его убили, а сын его пришел в Новгород, созвав чернь на посадника Феодора, будто он заслал убить Луку; город разделился на два веча, и едва архиепископ помирил враждующих². Внутренних смут и несогласий было как бы мало! Явились и два внешних врага: Ольгерд сделал нападение на Шелонь и Лугу и ушел, только получив окуп (1346); а шведский король Магнус заявил желание обратить новгородцев в католицизм и присылал предложение спорить о вере: «Аще ли хощеша уведати, коя вера лучши, наша или ваша, пошли в Царьград к патриарху, зане мы прияли от Грець правоверную веру, — отвечали новгородцы, — а с тобой ее не спираем про веру; и коя будет обида межю нами, а о том шлемь к тебе на съезд»³; но Магнус стоял на своем, тогда новгородцы вступили в переговоры с псковичами, которым по договору в Болотове уступили все свои права верховности и назвали Псков «младшим братом» (1348). В этот поход взят у Магнуса Орехов, но мир заключен только в 1350 г. после взятия новгородцами Выборга. По смерти Симеона новгородцы хлопотали у хана, но неудачно, о назначении великим князем Констан-

¹ «Всташа чернь на бояре, паки ркучце: почто есте Новгородцев призвали и они князя изымали? Нам в том погыбнути». П. С. Р. Л. 1, III, 80.

² Там же, 81—82.

³ Там же, 83.

тина Васильевича Суздальского (1352), а также неудачно хлопотали у патриарха об отделении Новгорода в церковном отношении от митрополита: тесная связь митрополита с московскими князьями страшила новгородцев. Все правление Ивана Ивановича (ум. 1359) было спокойно для Новгорода; спокойны были и первые года Дмитрия Ивановича, несмотря на то, что новгородцы держались стороны его врага — Дмитрия Константиновича Суздальского; только новгородские ушкуйцы, шайки, которые собирались новгородскими боярами из разной вольницы и разъезжали по Волге, грабя и своих и чужих, возбудили гнев в князя; особенно поход в 1366 г. на болгары и потом на Нижний Новгород; новгородцы, однако, успели убедить, что московских купцов они не трогали на Волге. Новгородцы не только помирились с в. князем, но помогали ему в борьбе с Тверью и снова принялись за подвиги ушкуйные. Какой-то Прокоп, собрав 70 лодок, ходил с ними на Кострому, Нижний и в болгарской земле продавал своих русских пленников; погибла эта шайка в Астрахани, обманом избитая татарским князем (1375). Дела татарские мешали Дмитрию обратить серьезное внимание на Новгород, который мирил полочан с литвой, принимал у себя литовских князей (Патрикий Наримонтович); молодежь новгородская делала набеги на великокняжеские волости. В 1384 г. Дмитрий потребовал черного бора, но новгородские бояре заставили бежать московских, приехавших с этим предложением, и сверх того новгородцы постановили не судиться у митрополита. В 1386 г. пошел Дмитрий Иванович на Новгород и взял окуп в 8000 рублей. Дмитрий Иванович умер в 1389 г. Новгород признал его сына Василия. В 1391 г. приезжал митрополит Киприан требовать уничтожения постановлений о церковном суде, но новгородцы не согласились. Отказали в том и великому князю. Тогда Василий начал войну, взял Торжок, Волок и Вологду, а новгородцы за то заняли Устюжну, Устюг и Белоозеро, но вдруг почему-то сами предложили уничтожить грамоты по церковному суду и дать черный бор¹. Скоро возникла новая распря: бояре двинские, тяготясь, может быть, зависимостью от Новгорода, вошли в сношения с Василием. В 1397 г. он послал на Двину своих бояр Альбердова с товарищами, которые и убедили двинян отложиться. В то же время захвачены были Волок, Торжок, Вологда и Бежецкий верх. Новгородцы, благословясь у архиепископа, послали войско на Двину; оно-то и возвратило снова

¹ И.Д. Беляев полагает не без вероятия, что новгородские бояре утомились военными расходами и убытками в торговле.

Двинскую область. В 1401 г. по вызову Анфала, одного из деятелей прежнего восстания, снова явились московские войска на Двине, но были отбиты самими двинскими боярами. Попытка повторилась в 1417 г., но снова неудачно. Вообще постоянные распри в Новгороде мало внушали к нему уважения у соседей, а соседями были с одной стороны Василий Дмитриевич, а с другой Витовт; новгородцы искали опоры то у того, то у другого, и ни тот, ни другой не придавали им цены: Василий без повода даже нарушал мир, а Витовт прямо требовал покорности от Новгорода, и в 1428 г. только ценностью 5000 р. откупились от него новгородцы.

По смерти Василия Дмитриевича (1425) начались смуты, и в этих смутах Новгород давал убежище изгнанникам: так, в 1434 г. проживал здесь сначала Василий Васильевич, а потом враг его Василий Юрьевич Косой; Шемяка жил здесь до смерти (1453). Этим они вызывали на себя победителей: так в 1441 г. Василий Васильевич двинулся на Новгород и взял окуп в 8000 р. В 1456 г. он снова ходил на Новгород, воеводы его разбили новгородцев при Русе, и только владыка Евфимий уговорил взять окуп в 8500 р.; тогда заключен был договор в Яжелбцах. Раздражение в Новгороде было так сильно, что, как рассказывают, только владыка Иона остановил намерение убить великого князя, когда он в 1461 г. приехал в Новгород¹. Страшно было нравственное состояние Новгорода в ту пору: «Не бе в Новгороде правды и правого суда, — говорит летописец, — и воссташа ябедники и знарядиша четы и обеты и целования на неправду, и начаша грабити по селом и по волостем и по городу, и беяхом в поругании суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъежа велика и боры частый, кричь и рыдание и вовль и клятва всеми людьми на старейшины наши и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права»². Тогда-то появились «худые мужики вечники», кричавшие на вече за тех, кто им лучше платил: разбогател слишком Новгород и, кроме богатства, знать ничего не хотел. Оттого и откупается он при каждом нападении, оттого и силы все направлены только на распри междоусобные и на большее приобретение, а черные люди забыты совсем: в договоре с Казимиром они поставлены наряду с холопами: «А холоп или раба, или смерд почнетъ на осподу вадити, а тому, ти, честны король, веры не нять»³. Тщетно Евфимий (1429—

¹ П. С. Р. Л. VI, 182.

² П. С. Р. Л. IV, 124.

³ «Акты эксп.» I, № 90.

1458) составлением житий новгородских святых старался возбудить новгородский патриотизм и пробудить нравственное начало в этом обществе, ценящем только житейские блага. Понятно, почему Новгород, как увидим, пал так скоро.

Князь, вече, управление

Быт Великого Новгорода, исходя из одинаковых начал с бытом остальной Руси времен удельных, представляет, однако, свои значительные особенности. Самой важной из этих особенностей является в быту политическом более сильное, чем где-либо, развитие власти веча и большая определенность в отношениях между вечем и князем — договорное начало, которое в других княжествах мы видим только в зародыше, в первоначальной форме ряда. Эти особенности были следствием, с одной стороны, географического положения Новгорода, с другой — уже известных нам исторических событий. Географическое положение Новгорода удалило его от центра тогдашней русской жизни Киева и, следственно, от борьбы, которая велась за обладание Киевом; зато по своему географическому положению Новгород поставлен в возможность открывать себе торговые пути — перед ним был открыт северо-восток и в особенности север России; бесплодность почвы побуждала новгородцев рано устремиться на эти пути, тем более что здесь встречали они значительно меньше сопротивления, чем встретили бы в движении на юг или на восток. Исторические условия сложились тоже благоприятно для Новгорода: увлеченные своими распрями, князья не смотрели на Новгород как на цель, к достижению которой стремились: целью для них был Киев, — а как на средство к достижению этой цели. Потому они охотно меняли Новгород на другие волости (Всеволод-Гавриил на Переяславль), а между тем существование враждебных линий давало новгородцам возможность выбора и ставило их в благоприятные обстоятельства: они могли предлагать свои условия и хотя иногда и приходилось им уступать напр., при столкновениях с князьями суздальскими, но можно сказать, что до возвышения Москвы Новгород все возрастал в своем значении. То обстоятельство, что ни одна линия не утвердилась в Новгороде, имело последствием отсутствие утвердившихся дружинников, но зато возвысилось значение некоторых туземных боярских семей и образовалась туземная землевладельческая аристократия, которая заправляла делами Новгорода, стоя-

ла во главе городских партий, призывала князей и заключала с ними договоры.

Князь был необходим новгородцам, как необходим был их предкам, призвавшим Рюрика: во все время самостоятельности Новгорода мы видим одно и то же явление: «Въста род на род, и правды не бе». Оттого-то новгородцы, «указав путь князю», однако держат его (нередко под стражей) до приезда нового; оттого летописец спешит записать тот случай, когда новгородцы жили без князя¹. Договоры князя с Новгородом начинаются рано, хотя, к сожалению, мы не знаем условий этих договоров до 1264 г. Так, Всеволод-Гавриил целует крест новгородцам в 1132 г., что хочет у них умереть²; в 1197 г. Ярослав Володимирович условливается с новгородцами³; в 1218 г. новгородцы говорят Святославу Мстиславичу: «Ты нам крест целовал без вины мужа не лиши» (вероятно, волости, а раздавать волости князь не мог без новгородцев)⁴; в 1230 г. новгородцы поминают Ростиславу Михайловичу, что отец его целовал крест⁵. Постоянные поминания о грамотах Ярославовых (даже если считать их чисто финансовыми) тоже свидетельствуют, что новгородцы издавна хотели поставить своих князей в отношения договорные.

Договорные грамоты ярко изображают отношение князя к новгородцам. В основе отношений положено недоверие, что отличает новгородские договоры от киевских рядов, где, как мы видели, заботились только о том, чтобы князя судили сами, а не давали судить своим тиунам; новгородцы, напротив, постоянно смотрят на князя как на пришлого, и стараются огородить себя от него и от его дружины. Князь приывается для управления; но в Новгороде он не может управлять волостями чрез своих мужей, он должен назначать в волости новгородцев, назначить и сменять этих волостелей он может только при участии посадника (выборного вечем); назначение он может делать только в Новгороде, он не может нарушать договоров с немцами, заключенных Новгородом, и не должен препятствовать торговле; если сам хочет принять участие в этой торговле, то должен торговать чрез новгородца. Финансовые его права, прямое следствие его прав как правителя, были определены договорами (правда, не всегда точно: «Как-то пошло», «по старине»;

¹ «Седеша Новгородци без князя от Сменя дни до Велика дни о Якуне». П. С. Р. Л. III, 14.

² П. С. Р. Л. II, 6.

³ «Веде на столе своем, и обуюся с людьми», там же, 24.

⁴ Там же, 37.

⁵ Там же, 47.

но эта неточность была понятна; пошлина еще не забылась): ни он, ни его дворяне (т. е. служители его двора) не могут ни покупать сел в новгородских волостях, ни принимать в дар; он не должен заводить слобод, ни устанавливать мыт¹; от волостей князь может брать дар (особенный род дани); виры тоже принадлежат ему; в некоторых волостях (в Торжке, на Волоке) князь держит тиуна на своей части, а новгородцы на своей, на Заволочьи сборы делают новгородцы, а не княжие люди; ездить на охоту в Русу князь может только осенью; сенокос тоже был определенный и т. д.² Права суда были тоже определены: «Без посадника ти, княже, суда не судити»; решенных дел не перевершать; из Новгорода не переводить суда к себе в Суздальскую землю: этого новгородцы боялись более всего, и действительно суд в Суздальской земле оказался одним из самых могущественных орудий против Новгорода, когда меньшие люди поняли, что можно у князя найти опору против бояр. Суд между человеком великого князя и новгородским — сместный, состоящий из судьи в. князя и судьи новгородского, которые и делятся судебными пошлинами. Обыкновенно в таких договорах старались новгородцы выговорить себе льготы в собственных землях князя, с которым заключали договор: таково в общих чертах юридическое положение новгородского князя; фактическое, как мы уже видели, зависело от большей или меньшей силы князя, от отсутствия важных соперников и от силы партии, его поддерживавшей в Новгороде.

При ограниченности власти князя в Новгороде должна была возрастать власть веча, и действительно мы видим, что вече Новгородское действует правильное и постоянное, чем вече других русских городов; в Новгороде оно, несомненно, имеет более юридическое значение: это — учреждение. Вече призывает князей³, изгоняет их (сажая иногда на владычен двор), судит князей (Всеволода Мстиславича, Ярослава Ярославича), избирает посадника («и вы, братье, в посадничестве и князех», говорил Твердислав в 1218); избирает и гоняет владык, рассуждает о войне; судит в важных случаях: в 1209 г. посадника Дмит-

¹ Слободы селятся на землях чьих-нибудь; установивший слободу на своей земле освобождает новоселившихся от разных тягостей.

² «А что твой брат отъял был пожня у Новгорода, и того ти княже, отступитися».

³ «Преставися князь великий новгородский Ярослав Ярославич в Татарех... и присла Дмитрию князь послы своя в Новгород с поклоном, хотя сести в Новгороде; а Василий Ярославич также присла с поклоном, хотя сести на столе и стаща обои послы на ярославли дворе; Новгородци же с посадником Павшею яшася по Дмитрия, и послаша по него» П. С. Р. Л. III, 62. Не приводим других многочисленных примеров.

рия, обвиняемого в пристрастии к суздальским князьям¹; в 1218 г. князя с Твердиславом²; в 1228 г. на походе Судомира, приверженца Ярослава³, в 1230 г. Степана Твердиславича⁴. Нередко тут же и наказывали (убийством, грабежом имения и пр.). Вече Новгородское держалось старинного славянского начала единогласия: несогласных нередко топили в Волхове: «Иванка после имъше уби Водовик, въвъргоша и в Волхов»⁵. Ясно, что при таком порядке дел горланы брали верх и потому при конце Новгорода получили такое важное значение «худые мужики вечники», своего рода повольники, и открылась возможность явлениям вроде следующего: Семен Емин хотел пройти на Двину и его не пустили князья суздальские, он воротился к Новгороду, стал станом у города, взволновал вече, сверг и посадника и тысяцкого⁶. Нередко собирались два веча: одно на Софийской стороне, другое — на торговой, и на мосту происходила битва⁷. Вече собиралось то князем, то посадником, то чернью, то боярами, словом — кем случилось. Обычным местом был Ярославов двор на торговой стороне, но собирались и у св. Софии.

При таком характере веча ясно, что все важнейшие дела должны были предварительно рассматриваться меньшим числом лиц, и, действительно, мы видим, что почетнейшие лица (немцы называют их *Herren*) обсуждают в XIII в. вопросы о войне и мире. Судя по печатам некоторых грамот и указаниям грамот и летописей об участии в делах старых тысяцких и посадников (старый отличается в источниках от степенного, занимающего место), можно думать, что в этом совете почетных влиятельных лиц они занимали первое место. Обычай подобных совещаний так естествен, что мы его встречаем повсюду от древних республик до казацких кругов, ибо, как известно, у казаков предварительно предложения какого-нибудь дела на решение кругу или громаде оно обсуждалось старшинами. В Новгороде, кажется, это учреждение и осталось в своей зачаточной первоначальной форме, не получив правильного юридического устройства.

Главными правительственными лицами были в Новгороде посадник и тысяцкий. Посадник, вначале назначаемый князем, сделался впоследствии выборным. Не знаем, на какой срок выбирался посадник в Новгоро-

¹ П. С. Р. Л. III, 30.

² П. С. Р. Л. III, 37.

³ Там же, 42.

⁴ Там же, 46.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 37.

⁷ Напр. в 1518 г. П. С. Р. Л. III, 37; см. примеры веча двух сторон П. С. Р. Л. III, 93, 107.

де, кажется, что он оставался, пока был угоден народу: Степан Твердиславич посадничал 13 лет¹. Смена посадника в большей части случаев означала торжество противной партии; есть известие, что в XV в. посадники сменялись ежегодно. Посадники выбирались из известных боярских родов: род Михаила Степановича дал Новгороду с 1180 до 1388 г. двенадцать посадников. Посадник пользовался важным значением в Новгороде: без посадника князь не мог ни судить, ни раздавать волостей; как представитель города, посадник является охранителем пошлины новгородской. Посадник без князя управляет городом, он предводительствовал часто войсками, вел переговоры от имени Новгорода и печатью своей утверждал грамоты; имя его вместе с именем архиепископа и тысяцкого поминалось в начале грамот. Главное его назначение было правительственное, отчего немцы называют его в своих грамотах бургомистром. Посадник вместе с тысяцким получал особое содержание от волостей, известное под именем поралья².

Подле посадника стоит тысяцкий, главное назначение которого было предводительствовать войском (Dux, Heerzog немецких актов). В других княжествах был, как мы уже видели, тысяцкий княжой, но в Новгороде он сначала был народным. В то время когда посадник был княжим наместником, тысяцкий, вероятно, предводительствовал земскими войсками, оттого он и остался представителем низших классов: «Поставил есми святому Ивану... от черных тысяцкого», — говорит Всеволод-Гавриил³. Отсюда у тысяцкого — свой суд; отсюда и разделение (вначале, вероятно, военное, да и потом сохранившее подобный же смысл) черных людей на сотни с сотскими во главе, а сотские подчинялись тысяцкому⁴; по уставу Всеволода-Гавриила в Новгороде сотских деять; то же число встречаем и в известном «уставе о мостах», приписываемом Ярославу Володимировичу и встречающемся при «Русской правде». В Двинской земле сотский заменял тысяцкого.

В концах встречаются свои старосты. Вообще мы знаем, что концы имели значительную самостоятельность, как можно заключить из слов Герберштейна, что во время самостоятельности Новгорода каждая из пяти частей его ведалась у особого начальника в делах частных и общественных и что каждый житель мог заключать контракт только перед на-

¹ П. С. Р. Л. III, 54.

² «Емлют у нас сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкаго не по старине» «Жал. новг. грам. Терпилову погосту» (около 1411 г. «Акты ист.» I, № 17).

³ В грамоте св. Ивану на Опоках («Русск. Дост.» I, 78).

⁴ По договору с Ярославом Ярославичем, на сотни делятся купцы; «кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост» С. Пр. и Д. I, № 3.

чальником своей части. Старосты — учреждение старинное: старосты поминаются еще при Ярославе.

Кроме того, упоминаются еще другие официальные лица: подвойские, которые звали на суд, объявляли волю веча, биричи созывали на войну, брали под стражу и т. п., изветники вроде соков «Статута» и ябедников «Правды» и др.

Суд, сословия, торговля

В устройстве суда Новгородского отразилась сложная политическая жизнь Новгорода; все составные элементы этой жизни: князь, вече, органы вечевой власти (посадники, тысяцкий), выборные люди имеют участие в суде. До нас дошел важный памятник, относящийся к последним дням Новгорода: Судная грамота 1471 г. Эта грамота составлена на вече и утверждена великим князем¹. Цель ее, как и всех законодательных памятников тех времен, указать правила суда, что в особенности было необходимо при разнообразии подсудностей; таким образом, это только судебник и, следовательно, понятие, получаемое нами о праве из подобных памятников, неполно, что и надо постоянно иметь в виду. Обстоятельства времени обыкновенно с особой силой выражаются в таких памятниках законодательства; так было и с новгородской грамотой, появление которой, очевидно, было вызвано развитием самоуправства: насильственных захватов чужих земель (наезды) и преступлений против частных лиц. Назначение наказаний — «пошлина» и потому о них не говорится. О судьях мы встречаем постановления потому, чтобы, с одной стороны, определить права известных лиц на участие в суде, а с другой — указать на обязанность сидеть в суде выборных людей (докладчиков). В суде княжеского тиуна должны были сидеть по два человека от конца: по боярину и по житьему. Обязанность их состояла в том, чтобы исследовать дело и представить свое мнение о решении в виде доклада князь-ему тиуну. Стало быть, они были собственно присяжными и за неисполнение этой обязанности подвергались пени²; таким образом, тиуну, ста-

¹ «Доложа Господы Великих князей Ивана Васильевича всея Руси, и сына его Великого князя Ивана Ивановича, и по благословенью нареченного на архиепископство Великого Новгорода и Пскова священноинока Феофила. Се покончаше посадники Ноугородские, и тысяцкие Ноугородские, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концов, весь государь Велики Новгород, на вече, на Ярославле дворе».

² «А кой докладчик не сядет в тот день, в ино взять на боярине два рубля, и на житьем рубль».

ло быть, принадлежало только утверждение доклада и, разумеется, пошлина. Другое лицо, представляющее княжой суд, был наместник, сидевший в суде с посадником. Ф.П. Панов полагает не без вероятия, что суду посадника принадлежали те из тяжб о земле, которые соединялись с наездом. Кроме того, в грамоте упоминается еще суд тысяцкого и архиепископа; область суда последнего та же, что и во всей Руси, а суд тысяцкого был, вероятно, торговый. Сверх того мы знаем, что в преступлениях, так сказать, политических правом суда пользовалось вече, а для суда между новгородским человеком и человеком великого князя образовался суд смесный: из боярина новгородского и боярина великого князя. Когда сам великий князь приезжал в Новгород, то пользовался правом суда, что и выговаривалось в договорах; прежние же князья, жившие в Новгороде, постоянно пользовались этим правом.

Иск начинался или самим истцом, или его поверенным, который назывался ответчиком¹; верность иска подтверждалась крестным целованием, а в случаях уголовного обвинения и подпиской². Затем судья выдавал судную грамоту, по которой в месячный срок дело могло окончиться мировой или должно было начаться судебным порядком. По окончании этого срока за ответчиком (в нашем смысле) посылается пристав; если он не явится, то «казнить его всем Великим Новгородом» (т. е. наказать), на него давалась грамота бессудная. Для появления к суду назначались сроки, а также для представления нужных доказательств. О сроках мы встречаем много постановлений, что очень понятно при тогдашних расстояниях. Призванный к суду должен был поцеловать крест, нецеловавший обвинялся; во время судопроизводства запрещалось между тяжущимися всякое насилие (навodka), как друг против друга, так и против судей. Главное доказательство — послухи; если послух, на которого ссылается один тяжущийся, жил более чем за сто верст, то другой мог принять или не принять этого послуха. Послухом не мог быть псковитянин (в качестве ицогородца) и холоп; холоп мог свидетельствовать только против холопа. Свидетельство послуха могло быть опровергнуто в течение двух недель или поединком или новой присягой. Оправданный по суду получал судную грамоту в случае иска о земле и по

¹ «А от коего истца ответчик станет на суд», «а позовуть боярина и житьего и купца в его землю, или в женнине, ино ему отвечать, или ответчика послать в свое место и в женнине к тому крестному целованью».

² «А руки дать по крестному целованию, что тот человек тать и разбойник, или грабевщик, или пожегщик, или душегубец, или холоп».

этой грамоте мог спокойно владеть. Наказания в этой грамоте — денежные; за наезд и грабеж назначено самое большое наказание: 50 р. с боярина, 20 — с житего и 10 р. с молодшего. В вечевом суде мы встречаем и смертную казнь: боярина потопили в 1418 г.¹; в 1227 г. сожгли волхвов²; встречается также поток (Якуна в 1141) и разграбление (имение Мирошки в 1209 г. и т. д.).

О суде в новгородских областях дает понятие Уставная грамота, данная великим князем Василием Дмитриевичем Двинской земле в 1398 г. По своим уголовным постановлениям эта грамота во многом напоминает «Правду». За убийство, раны, если душегубец не найден, платится вира и вина (головщизна); вора следует вести на извод (свод); вести можно до десятого извода; но новость является в том, что татя положено пятнать, а за третье воровство — повесить; в случае примирения в драке, происшедшей за пиром, если помирятся во время пира, то ничего не платят, а если примирятся после, то платят княжеским наместникам по куньей шкуре; за отпущение татя до суда (самосуд) платится четыре рубля. Любопытно постановление об убийстве раба господином: «а кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или рабу, а случится смерть, в том наместницы не судят и вины неемлють». На наместника можно жаловаться великому князю и если наместник не станет на суд великого князя в определенный срок, то на него дается грамота бессудная. Это введение в закон начала инстанций чрезвычайно важно: оно является ограничением власти наместника и могучим средством привлечения к Москве, где живет судья, не связанный никакими узами с местностью. Главное внимание грамоты по вопросам юридическим обращено, как и везде, на то, что следует платить; в особенности здесь подробно говорится, сколько в каждой местности следует платить приставу. К сожалению, полной картины суда ни в Новгороде, ни в областях нельзя еще представить как потому, что в эту эпоху не все еще записывалось, так и потому, что Новгородская грамота дошла до нас без конца; но все же можно сказать, что против эпохи «Правды» мы уже видим некоторое различие: узаконение смертной казни, начало инстанции, большее значение поземельной собственности и т. п.³

Хотя все свободное население Новгорода принимало участие в управлении и суде: присутствуя на вече, избирая князей, посадников,

¹ П. С. Р. Л. III, 107.

² Там же, 42.

³ О Псковской грамоте скажем ниже в своем месте.

тысяцких, владьк, участвуя в суде, — тем не менее оно представляется нам разделенным на различные слои и классы. Не имея юридического значения, это разделение, чисто бытовое и экономическое, тем не менее имело весьма важное влияние на развитие и падение Новгорода. Общее название двух групп населения: лучшие (вятские) и меньшие люди, свидетельствует, что в основу этого деления легло экономическое положение (в Московском государстве мы постоянно встречаемся с тройным делением на лучших, средних и меньших). Из всей истории Новгорода видно, что меньшие не были меньшими по политическим правам, а только по влиянию, по значению; если в общественные должности: посадников, тысяцких, выбирали из боярских семей, то причину надо искать не в том, что лучшие люди, как патриции, имели на то исключительное право, а только в том, что у них было больше связей. Борьба лучших с меньшими объясняется, по нашему мнению, экономическими условиями богатства и бедности, а вовсе не политическими; бедные (меньшие) чувствуют экономический гнет и восстают против него. Оттого, напр., по вопросу о переписи для платы татарского выхода «рекоша меншии у св. Николы на вечи: братье, ци како речет князь: выдайте мои ворогы? и целоваша святую Богородицу меншии, како стати всем, любо живот, любо смерть, за правду новгородскую, за свой отчину. И бысть в вятских совет зол, яко побити меншии, а князя въвести на своей воли»¹. Для меньших вопрос о выходе — вопрос экономический важнее всего, а для вятских важнее вопрос политический — вопрос о том, как привести князя в свою волю, т. е. предписать ему условия, выгодные для их торговли. Ни тут ни там дело не идет о правах политических, но у вятских они все-таки получают окраску политическую. Столкновения между лучшими и меньшими людьми были довольно часты, но они не имели причинной власти; бывали случаи, что меньшие стояли за то или другое лицо, представляющее собой ту или другую политику; но едва ли не следует согласиться в том, что на первом плане стояло лицо, которому народ доверял, а на втором политика, если только она имелась в виду. К сожалению, источники очень скупы на показания, которые бросили бы свет на этот вопрос: так, в одной летописи мы читаем, что при столкновении меньших с лучшими первые кинулись грабить монастыри, говоря: «Зде животы бояр»²; другая так передает эти слова: «зде животы христианские

¹ П. С. Р. Л. III, 55, в Соф. (П. С. Р. Л. V, 188). Любопытный вариант: «Бысть в вятских совет благ, како победити меншия, а великаго князя ввести на все его воли».

² П. С. Р. Л. IV, 17.

и боярские»¹. Ясно, что в первом случае важно то, что в духовенстве народ видел союзников бояр, а во втором мы встречаемся с озлоблением прямо против духовенства. И то и другое толкование может быть допущено, если припомнить, как новгородцы смотрели на мзду за посвящение, что повело к ереси стригольников, то можно допустить и второе толкование, но вопрос все-таки остается неразрешенным. Во всяком случае, однако, важно то, что экономическое тяготение было главным обвинением против бояр. К этому присоединилось пристрастие, выказываемое в судах посадников и других судей.

Кроме этого общего неопределенного разделения на лучших и меньших людей, мы встречаем в Новгороде различные сословные наименования: бояре, дети боярские и посадничьи, гриди, житые люди, земецкие люди, купцы, черные люди, смерды. Значение бояр в Новгородской земле И.Д. Беляев объясняет, очень вероятно, личным землевладением; мы знаем из купчих и духовных новгородских, что бояре владели обширными вотчинами в Новгородской земле; происхождение этих вотчин объясняется личным завладением и потом приглашением селиться на завладеваемой земле; таким образом, люди предприимчивые рядом с общинным землевладением вводили личное и основывали тем свое богатство и значение. Ввиду того, что княжеская дружина не оставалась в Новгороде, нельзя искать происхождения боярства в княжих мужах, но не были ли это древние земские бояре? Остановившись на последнем мнении, следует допустить, что они выделились именно личным землевладением. То, что бояре поминаются в первый раз в летописи под 1118 г., не может служить серьезным опровержением², как потому, что летопись записывает только случайно, так и потому, что в других местах Руси мы тоже встречаем бояр. Из бояр избирались все сановники новгородские, и бояре пользовались особым почетом: есть даже указание, что в земле Новгородской бояре имели какое-то значение помимо официального положения, как бы сословное: И.Д. Беляев приводит грамоту, в которой скотницы и помужницы толвуйские (следует перечень, в числе их один посадник и два тысяцких) дают землю Богородицкому монастырю³. Мы не знаем значения этих слов, но одно из них «скотницы» поминается и в другой грамоте рядом с посадником и старостами. Богатые и влия-

¹ П. С. Р. Л. III, 136.

² П. С. Р. Л. III, 4.

³ Толвуйской край на Онежском озере. Грамота эта в первый раз появляется в «Расск.» II, 57.

тельные по землям Новгородским бояре могли, как мы уже видели в примере Симеона Емина, добиваться значения и в Новгороде и, таким образом, биться между собой за влияние и власть, набирая толпы повольников (ушкуйцев). Дети посадничьи и дети боярские не были особым сословием: это были младшие члены боярских семей, не пользовавшиеся полноправием при жизни отца.

Гриди (и огнищане), как мы уже видели, были люди княжие, те, что впоследствии в Новгороде назывались дворянами (и шестниками). Название «житые люди» объясняют различно: Карамзин считает их за огнищан; Н. И. Костомаров думает, что житые люди были те, у кого был свой дом в Новгороде. При неопределенности источников, открывающих возможность всяких толкований, можно допустить и это последнее, как более вероятное.

Купцы в Новгороде составляли, как мы уже видели, свои сотни. По грамоте Всеволода-Гавриила, у церкви Иоанна на Опоках составилось торговое общество (род гильдии); вложивший в это общество 50 гривен считался пошлым купцом, это звание переходило и на его потомство; община получила права суда по торговым делам, для чего устроена особая комиссия из трех старост от житых людей, от черных — тысяцкого и от купцов — двух старост. Пошлины токовые эта община делила со св. Софией и сотскими. К суду тысяцкого при развитии сношений с немцами прибавились два альдермана от немецких гостей. Вся остальная масса народа называлась черными людьми; из нее выделяется земледельческое население, известное под именем смердов и земцов (или земецких людей); под последними, кажется, следует понимать тех, у кого были поместья (кормли), как во Пскове. Что касается до смердов, то едва ли можно допустить, что это слово имеет одно определенное значение какого-либо отдела сельского населения, а не обозначает ли оно скорее все сельское население, которое тянуло в свой погост, как городской купец тянул в свою сотню?¹ Бедствия, частые в Новгородской земле: голод и следствие его мор, пожары и т. д., лишали население его оседлости, оттого в Новгороде так много гулящих людей, составляющих дружины укшуйцев или отправляющихся колонистами в дальние земли. Из них же набирают себе приверженцев богатые новгородские бояре и перетягивают на свою сторону вече.

Главным занятием Новгорода была торговля. О торговле Новгорода мы встречаем ранние известия: ее доказывают восточные монеты, о ней

¹ Н. И. Костомаров полагает, что в Новгороде смерды те, кто жил на чужой земле.

свидетельствуют Константин Багрянородный, Адам Бременский. Наш летописец рассказывает, что Олег приплыл в Киев в виде гостя, указывает путь из варяг в греки, наконец, в рассказе Гюряты Роговича передает сведения о том, как происходит меновая торговля с Югрой: «суть горы заидуче в луку моря, имже высота, акы до небе — си, и в горах тых клич велик и говор, и секут гору, хотяще просечися; и есть в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, не разумети языку их, но кажут железо и помавают рукой, просяще железа, и аще кто дасть им железо, или нож, или сокиру, и они дают скорой противу»¹. Меха, которые вывозили отсюда новгородцы, они продавали в Болгарии, Хазарии, а частью и европейским купцам, приезжавшим, быть может, в Новгород, с ними же шли и в Киев для торговли греческой: новгородцев в Киеве было так много, что они построили здесь свою церковь, надо думать, что они занимали отдельный околодок². В Скандинавию и прибалтийские славянские города шли из Новгорода восточные и греческие товары. Когда после падения балтийского славянства его торговое значение начало переходить к острову Готланду, где образовался цветущий центр торговли г. Визби, то торговые сношения с Новгородом перешли к нему: в XII в. в Новгороде был Готский двор, на Готланде — русская, а в Новгороде — варяжская церковь³. Соперничество немецких городов с Готландом оказалось и в сношениях с Новгородом: в XII в. возник в Новгороде отдельный Немецкий двор. Он принадлежал общине немецких купцов, токовавших в Визби. С XIII в. начала возвышаться Ганза (союз немецких городов для противодействия феодальным насилиям); главным торговым городом на Балтийском море сделался Любек; тогда и в новгородской торговле Ганза взяла перевес над Готландом; подле варяжской церкви явилась немецкая, двор Немецкий стал независим, хотя сношения с Готландом все еще продолжались. В XIV в. Готский двор в Новгороде был уже подчинен Немецкому. Немцы токовали не только в Новгороде и Пскове, но и в Ладоге. Отношения Новгорода к немцам и готландцам определяются договорами, из которых особенно полны два: договор 1270 г. и так называемый проект договора (1209—1270). Гости разделяются на летних (приезжающих водой) и зимних (приезжающих сухим путем), для обеспечения

¹ «Пов. Вр. лет» 169; П. С. Р. Л. I, 107.

² Новгородская божница. П. С. Р. Л. I, 138. Новгородцы (в смысле жителей местности в Киеве). П. С. Р. Л. II, 34 и «Лет. по Ипатск. сп.», 249.

³ Там же, 181. По поводу построения варяжской церкви сложилась легенда, объясняющая дозволение на нее мздою, которую дали посаднику, и указывающая на наказание за это посадника («Пам. ст. Русск. Лит.» I, 251—253).

пути приезжающих должны были на острове Котлине встречать новгородский пристав и новгородские купцы; на Волхове им должны дать лоцманов; пошлины берутся с них в Гаствельде (по Кругу, Гостинопольская пристань). Ни новгородца на Готланде, ни готландца или немца в Новгороде нельзя посадить за долг в тюрьму; в случае столкновений немцев с новгородцами судят посадник и тысяцкий у св. Ивана; только пристав тысяцкого имеет вход на Немецкий двор; на суде в случае разногласия показаний дело решается жребием. За убийство новгородского посла за морем или немецкого посланника в Новгороде — пеня, а также за убийство священника, альдермана и всякого купца. Если кто-нибудь испортит или утратит товар немца, то этот долг взыскивается прежде других долгов, за то новгородцы присвоили себе право судить между летними и зимними гостями, когда у них возникнут недоразумения. Немцы могли владеть в Новгороде лугами¹. Постановления о внутреннем управлении Немецкого двора в Новгороде известны под именем скры². На основании скры гости каждого приезда выбирают своего альдермана, который пользуется огромной властью: он даже мог казнить смертью за убийство в случае, если истец не захочет помириться, за другие преступления назначается денежная пеня. Альдерман блюдет интересы двора и получает известную долю из денежных штрафов. С русскими немцы не должны были входить в компании, а также возить их имущество, как фрахт; то же запрещение распространено и на компании с валийцами, фламандцами и англичанами. Приезжие разделялись на мастеров, служителей и учеников; отказать служителю мастер может только по законным причинам, но болезнь слуги не принадлежит к числу этих причин. Из мастеров составляется совет при Альдермане. С каждым проездом гостей приезжал с ними и священник: в Новгороде священники не оставались жить. Двор (как видно из постановлений скры) состоял из разных домов, огороженных толстым забором, за сохранением которого немцы зорко следили. Русский мог быть лишен права входа во двор. Компания вела свою торговлю оптом: торговля в розницу была запрещена; мало того, немцы, чтобы постоянно держать свои товары в высокой цене, запрещали привозить их более чем нужно, а чтобы не возвысить цены на русские товары, запрещено было привозить денег более 1000 марок. Во-

¹ Проект договора еще строже требует неприкосновенности дворов и вообще ревнивей охраняет права немцев.

² Scra—Ubellus, tabula. Текст скры и рассуждения об ее редакциях см. у И.Е. Андреевского: «О договоре Новг.».

обще относительно деятельности немецких купцов в России мы можем только повторить следующие слова Ризенкампа: «В продолжение трех столетий Ганза сосредоточивала в своих руках всю внешнюю торговлю Северной России. Если спросят, какую пользу или вред принесла она стране? — то нельзя не признать, что благодаря ей Новгород и Псков лишены были самостоятельной торговли с Западом. Россия в удовлетворении своих культурных потребностей впала в полную зависимость и предана была произволу и беспощадному эгоизму немецких купцов»¹.

Церковь и литература

К особенностям новгородского быта принадлежит и то, что духовенство, бывшее по всей Руси всероссийским, в Новгороде было по преимуществу новгородским. Произошло это не вдруг: сначала новгородцы отнеслись к христианству более или менее безучастно, как к делу князей и дружины, а иногда даже и враждебно, что мы видим в примере волхва, убитого Глебом. Оттого в эту пору епископы новгородские назначались из Киева; такое назначение было тем естественнее, что Новгород находился в большей или меньшей зависимости от Киева, ибо и посадник, как мы уже видели, назначался князем. Так продолжалось до XII в. Последним епископом не из новгородцев был Нифонт (ум. 1156). Нифонт памятен особенно своим сопротивлением избранию Климента в митрополиты и расположением к суздальскому князю, что даже не совсем соответствовало выгодам Новгорода. Против Нифонта была, однако, довольно значительная партия, обвинявшая его в корыстных поступках². Преемник Нифонта Аркадий (1165) был избран вечем; с тех пор епископы, а со времени Иоанна (1165—1186) архиепископы новгородские, избирались и еще до постановления митрополичьего вводились во владычень двор и в управление епархией. Выбор обыкновенно производился посредством трех жребьев, которые клались на престол св. Софии; эти жребии вынимали и чей жребий останется, тот и считается выбранным Богом³. Иногда,

¹ «Der deutsche Hof.», 128. Следующие его соображения о благотворительном влиянии немцев для нас менее убедительны. Об устройстве русского купеческого общества мы уже говорили.

² «Инии же мнози глаголаху, яко полупив св. Софию пошъл Царюграду; и много глаголаху на нь». П. С. Р. Л. III, 12.

³ И. Д. Беляев думает, что выборы посредством жребия употреблялись только тогда, когда образовались партии на вече, и указывает на разницу при описании избрания Аркадия (П. С. Р. Л. III, 12) и Мартирия (там же, 21); но выбранный им пример говорит против его мысли: в двух списках Новгородской летописи избрание Мартирия рассказывается неоди-

впрочем, новгородцы полагались на чужой выбор: Всеволод указал Митрофана (1199, изгнан в 1211)¹. Иногда сам владыка указывал на своего преемника: так, в 1274 г. архиепископ Долмат указал себе в преемники на Климента²; слышались иногда голоса: «кого дасть митрополит, тот нам отец»³; но на этих голосах не останавливались: слишком противоречили они новгородской «пошлине». Выбирали иногда и из белых священников: Иоанн (Илия) в 1165 г.,⁴ Василий в 1330 г.⁵ Вообще владыки были из разных сословий: Антоний, известный хождением в Цареград, был боярином под именем Добрыни Ядренковича⁶.

Новгородский владыка пользовался всеми правами других иерархов в духовном отношении: он имел свой суд такой же, как и другие, что ясно из указания в судной грамоте на номоканон, — управлял обширными, принадлежащими кафедре имениями: так упоминается владычень город Молвотици⁷ и волость Вель⁸, — получал с духовенства и с этих имуществ большие доходы, а также судебные пошлины⁹. Доходы эти собирались в Софийскую казну: у владыки был свой казначей, даже до времени владыки Симеона (1414—1421) из светских, первым же иноком в этой должности был знаменитый впоследствии Евфимий. Владыку окружал целый штат, состоявший из лиц духовных и светских и назы-

наково: в одном говорится о жребии (Акад.), в другом об единогласном избрании и притом в таких выражениях, как и об избрании Аркадия; стало быть, нет причины полагать, что Аркадий избран другим способом. Жребий был употребляем новгородцами в разных случаях: в сборнике, известном под названием «Летописи Абрамки» (П. С. Р. Л. XVI), рассказывается, что в 1467 г. задумали новгородцы, по случаю мора, построить обыденную церковь и, написав имена трех святых, положили их на престол св. Софии; начали вынимать, остался жребий св. Спиридона и церковь построили в его имя. Любопытно, что весь Новгород, начиная с князя-наместника, пошел в лес; каждый ночевал под выбранным им деревом; на другой день срубил дерево и привез его в город; из этих деревьев построена церковь (219—220).

¹ О выборе П. С. Р. Л. III, 25; об изгнании, там же, 31.

² Там же, 63.

³ Там же, 45.

⁴ Там же, 13.

⁵ Там же, 75. в «Списке Владык» (П. С. Р. Л. III, 179) упоминается еще Иван Попин под 6616 г. «Жил 20 лет и отвержеся епископии»; тоже повторяется в некоторых других списках.

⁶ П. С. Р. Л. III, 31.

⁷ П. С. Р. Л. III, 101. Новгородской губернии, Демьянского уезда (Н.П. Барсова: «Мат. для ист. геогр. сл.»).

⁸ «И сrete их с Вели Владычьнь велостель» П. С. Р. Л. III, 99. Вель в Вологодской губернии (есть город Вельск), см. Н.П. Барсова.

⁹ Большая часть этих сборов, исчисленных у И.Д. Беляева, довольно неясна; с большею ясностью выходит подъезд (владычий объезд, соединенный с правом суда на месяц. П. С. Р. Л. III, 101), новоженная куница (пошлина с браков) и повоз (обязанность доставлять припасы).

вавшийся софияне. Но, кроме своего духовного значения, в Новгороде архиепископ пользовался важным политическим влиянием: мы знаем, что в грамотах имя его поминается прежде всех других имен: «благословение от владыцы Моисея, поклон от посадника Данила, от тысячного Аврама» читаем мы в договорной грамоте Новгорода с Александром Михайловичем; по благословию Евфимия господин Великий Новгород дал жалованную грамоту Троицкому монастырю на свободу его воевод от пошлин в Вологде и на Двине; мы встречаем архиепископа посланным от Новгорода, встречаем и его посланных, знаем, что у него был свой полк¹. Богатые средства Софийской казны шли нередко на общественные нужды: так, в 1230 г. владыка Спиридон строил скудельницу²; в 1321 г. Василий построил каменный город³; в 1335 г. он же заложил острог на торговой стороне; из Софийской казны в 1391 г. построены костры (башни) по обеим сторонам острога, и сверх того каждый конец взял по 1000 р. на покрытие бедствий, произведенных пожаром⁴; в 1428 г. из Софийской казны взято 1000 р. на выкуп пленников у Витовта⁵. Политическое значение владыки объясняется главным образом высоким значением духовенства в Древней Руси; вспомним, что в безгосударное время Московского государства патриарх явился начальным человеком; в Новгороде безгосударное время было часто и потому к этому мало помалу привыкли; нет сомнения, что и то положение, в которое поставлено духовенство устами наших первых князей-христиан, много способствовало такому значению владыки Новгородского.

Вообще церковь стояла в Новгороде в более близких отношениях с народом, чем где-либо в других местах Русской земли: если архиепископы и вообще духовенство принимали участие в делах светских, то и народ, в свою очередь, принимал участие в делах духовных: так, в 1376 г. народ казнил стригольников⁶, в 1358 г. постановили не бить бочек (суде-

¹ «А коневая рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычен стяг не хотаху ударитися на княжю рать, глаголюще: владыка нам не велел на великаго князя руки подынути, послал нас владыка на Пскович» П. С. Р. Л. IV, 127.

² П. С. Р. Л. III, 96.

³ Там же, 75.

⁴ П. С. Р. Л. IV, 98.

⁵ П. С. Р. Л. III, 238; но в Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 121) читаем: «а то серебро браша на всих волостех Новгородских и за волоком, с десяти человек по рублю», причем 5000 р. внесенных Витовту, и 1000 р. на выкуп по происхождению не различаются; в Новг. I (П. С. Р. Л. III, 110) говорится, что заплачены деньги, не говоря откуда взяты.

⁶ «Побиша в Великом Новеграде развратников веры христианския, диакона Никиту и Карпа простца, и третьего человека с ними, и свергоша их с мосту» П. С. Р. Л. III, 231.

верный обряд)¹, в 1227 р. сожгли четырех ведьм². Как власти новгородские, так и народ вмешивались в дела монастырские: в 1230 г. князь, владыка и весь Новгород сменили игумена Юрьевского (Юрьевский игумен один носил звание архимандрита)³; в 1337 г. народ восстал на архимандрита Юрьевского⁴. Бывали случаи, что меньшие люди, подозревая связь духовенства с боярами, восставали на монастыри⁵. Монастыри и церкви строились нередко частными людьми; есть примеры построения церквей и целой улицей⁶, оттого и выбор священников стал зависеть от уличан. Вмешательство светских лиц в духовные дела вызывало иногда неодобрение митрополитов. Духовенство белое содержалось доходами с прихожан (поминаемыми в «Вопросах» Кирика) и ругой (о которой говорится в грамоте Всеволода); монастыри имели свои обширные владения⁷; кроме того, некоторые еще получали ругу. Монастырей было так много, что в 1386 г. сожжено около Новгорода 24 монастыря⁸. В городе не так важно было значение монастырей, как важно было оно в обширных новгородских областях. Вот что говорит об этом значении Герберштейн: «Монахи-пустынники обратили в христианскую веру значительную часть бывших язычников, долго и много сея между ними слово Божие. Даже и теперь отправляются они в разные страны, находящиеся на севере и востоке, которых и достигают не без больших трудов, опасностей славы и жизни; там они не ищут себе удобства и только заботятся о том, чтобы сделать богоугодное дело и, вызвав души многих с пути заблуждения, обратить их на прямой путь, подкрепляя иногда своей смертью учение Христа»⁹. Так действуют Сергей и Герман Валаамские (1329), Арсений Коневецкий (XIV), Лазарь Мурманский (XIV), Савватий, Герман и Зосима Соловецкие (XV).

Новгородский владыка, как и все остальные иерархи Русской земли, находился в зависимости от митрополита. Зависимость от митрополита,

¹ П. С. Р. Л. IV, 63.

² П. С. Р. Л. III, 42. Впрочем, в Ник. (II, 357) сказано: «Ведеша на архиепископов двор».

³ П. С. Р. Л. III, 47.

⁴ Там же, 78.

⁵ «Зде житници боярскии» П. С. Р. Л. III, 108; IV, 126.

⁶ П. С. Р. Л. III, 22, 97.

⁷ В. кн. Иван Васильевич в 1478 г. отписал на себя 720 обжей от Юрьева монастыря, 333 обжи от Аркажа, 303 обжи от Благовещенского, 301 обжу у Никольского, 150 обжей у Антоновского, 97 обжей у Махайловского (П. С. Р. Л. III, 143). «3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет, ино то соха» (П. С. Р. Л. VI, 217).

⁸ П. С. Р. Л. IV, 95.

⁹ Герберштейн у Старчевского, 30.

живущего в Москве и действующего согласно с московским князем, ставилась тяжка новгородцам особенно потому, что ей условливались большие сборы в пользу митрополита, между прочим, обязанность содержать его во время приезда в Новгород и давать ему «месячный суд», т. е. судебные пошлины за месяц. Так, под 1341 г. летописец замечает по случаю приезда в Новгород Феогноста: «тяжко же быть владыке и манастирем кормом и дары»¹. Впрочем, к Василию, тогдашнему владыке, митрополит относился благосклонно и в 1346 г. дал ему, как особое отличие, крещатые ризы (фелонь, ушитую крестами)². Возвратившийся на свою кафедру Моисей не получил этого отличия; полагают, что это обстоятельство было главной причиной неудовольствия, но летопись под 1353 г. говорит общее: «послаща послы свои архиепископ новгородский владыка Моисей в Царский Град к царю и к патриарху, прося от них благословенна и исправленна о непотребных вещех, приходящих с насилем от митрополита»³. В 1354 г. получена ответная грамота, в которой патриарх предписывает Моисею подчиниться митрополиту, но крещатые ризы архиепископ получил. Преемник Моисея, Алексей, самовольно надел крещатые ризы, митрополит известил патриарха, и патриарх предписал Алексею снять эти ризы (1370). В конце XIV в. между новгородским владыкой и митрополитом возник спор о месячном суде. В 1385 г. новгородцы, недовольные на великого князя за требование черного бора, отказали и митрополиту в суде: «человаша новгородци крест на том, не зватися к митрополиту на Москву на судъ, носудити владыке Алексей по Манокануну»⁴. Об этом был извещен патриарх и прислал грамоту⁵; сам митрополит Киприан в 1391 г. приехал в Новгород; новгородцы встретили его торжественно, но в суде отказали, как ни увещевал митрополит: «Господине! — говорили новгородцы, — о суду есмя крест целовали и грамоту списали промежь себя крестную, что и к митрополиту ни зватися»⁶. Киприан наложил запрещение на Новгород: запретил церковную службу, но эта мера не подействовала: новгородцы не послу-

¹ П. С. Р. Л. III, 81.

² Там же, 83. Есть повесть о том, что Василий получил от патриарха белый клобук («Пам. ст. русск. лит.» I, 288—303 и отдельно), но она совсем баснословна, см. Карамзина, IV, пр. 360.

³ П. С. Р. Л. III, 86.

⁴ П. С. Р. Л. IV, 91; V, 239; VIII, 49; Ник. IV, 146; арх. 91, упоминает о приезде самого митрополита и суд называет месячным.

⁵ П. С. Р. Л. V, 277; VIII, 61; Ник. IV, 95.

⁶ П. С. Р. Л. IV, 99; III, 96; V, 245.

шались. Митрополит обратился к патриарху; новгородцы тоже послали от себя к патриарху; перед патриархом послы новгородские объявили, что суда митрополита они не хотят, «а если вы нас не благословите, — прибавили они, — то желаем сделаться латинами». Патриарх писал две грамоты в Новгород, но тщетно. В. князь пошел на Новгород с войском (1393). Новгородцы, дав князю черный бор, заплатили митрополиту 600 р.¹ В 1395 г. Киприан сам приехал в Новгород и уладил дело, что доказывается грамотой, в которой он отвечает новгородцам на разные предложенные ими вопросы.

Благочестие новгородцев созывалось построением огромного числа церквей, по большей части деревянных; часто церкви слоились по обету в один день («обыденные»), но много было церквей каменных; все эти церкви невелики: снаружи это четвероугольное здание с тремя полукруглыми выступами с восточной стороны: алтарь троечастный с фонарем наверху. Внутренний их план — общий старым церквям: купол на четырех столбах, троечастный алтарь. Церкви украшались иконами, произведением сначала греческих, а потом и русских мастеров. По свидетельству Д.А. Ровинского, новгородские иконы даже XVI в. сохраняют очень много сходного с рисунками Минология императора Василия как в очертании фигур, так и в украшении одежд крестами и клетками; даже сохранилось слово; рисунок резкий: прямыми чертами; фигуры короткие, лицо длинное, нос спущен на губы, палаты и деревья просты и т. п.

Книжное поучение было довольно распространено в Новгороде; так, об архиепископе Моисее мы читаем: «многы писца изыскав и книги многы исписав... много писание оставив»². Много памятников новгородской письменности сохранилось до нашего времени. Возникает вопрос, как это согласить с известным свидетельством Геннадия о безграмотности новгородского духовенства? Что говорит Геннадий? «Приведут ко мне мужика и яз велю ему апостол дати чести, и он не умеет ни ступити, и яз ему велю псалтырю дати, и он и потому одва бредет, и яз его оторку (отреку), и они извет творят: «земля, господине, такова, не можем добыти кто бы горазд грамоте»; ино де ведьто всю землю изляял, что нет человека в земле, кого бы избрали в поповство»³. О ком это говорится? О местных жителях, привыкших избирать своих священников, не разбирая, грамотен он или нет, а смотря только на то, люб ли он им. Кто

¹ П. С. Р. Л. III, 96; IV, 100; V, 246; Ник., 253–254. ст. кн. I, 521.

² П. С. Р. Л. III, 182.

³ «Акты ист.» I, № 104.

говорит? Архиепископ, присланный из Москвы и, следовательно, не очень расположенный к новгородским порядкам. Следующая картина мастеров, учащихся грамоте, хотя, может быть, и преувеличена по тем же причинам, но не лишена истины: «се мужики невежи учат робят да речь ему испортит, да первое изучит ему вечерню, ино то мастеру принести каша, да гривна денег, а завтра и я также, а и свыше того, ачасы то особно, да те поминки опроче могольца, что рядил отнего, а от мастер отыдет, и он ничего не умеет, толкото бредет по книге, а церковного постатия не знает»¹. Даже из этого свидетельства видно, что грамоте выучивали.

Произведения новгородской письменности по большей части чрезвычайно характерны, оригинальны и сходятся в связи с событиями новгородской истории или с чертами новгородского быта: таковы различные сказания, частью занесенные в летопись, частью сохранившиеся отдельно, жития новгородских святых и т. п. Предоставляя подробности истории литературы и монографиям о Новгороде, остановимся здесь на нескольких примерах. В летописных сборниках встречаем сказание об образе Спасове, написанном во главе св. Софии; в этом сказании повествуется, что иконописцы слышали таинственный голос: «Писари, писари, о писари! не пишите мя благословящей рукой, напишите мя сжатой рукой, аз бо в сей руце моей сей Великий Новгород держу; а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание»². Победа новгородцев над суздальцами, как мы уже видели, вызвала особую легенду, в которой победа эта объясняется заступничеством образа пр. Богородицы знамения; другая легенда говорит о построении Варяжской божницы по мзде, даваемой новгородскому посаднику³. Жития новгородских святых, составленные при конце Новгорода, Моисея, Евфимия и Ионы⁴, назначены для прославления Новгорода. Особенно обильна новгородская литература обличениями недостатков Новгорода: конечно, такие обличения непременно должны были принимать характер легенд, видений и т. п., чтобы сохранить свою авторитетность. Таковы, например, видение Тарасия, грозящее Новгороду бедствиями за непокаяние⁵; сказание о Новгородском суде и святом Варлааме, осуждающее неправый народный суд⁶. В особенности в этом отношении важно сказа-

¹ «Акты ист.» I, № 104.

² П. С. Р. Л. III, 211.

³ «Пам. ст. русск. лит.» I, 251–253; Карамзин, III, пр. 254.

⁴ «Пам. ст. русск. лит.» IV.

⁵ «Пам. стар. русск. лит.» I, 283–284; Новг. III (П. С. Р. Л. III, 245–247).

⁶ Там же, 273–274.

ние о посаднике Шиле, нажившемся лихоимством и принужденном терпеть мучение, несмотря даже на то, что построил церковь¹, и т. д. Былины новгородские тоже ярко рисуют быт Новгорода: Садко представляет торговлю новгородскую, жизнь торгового человека, широкую удаль гостя, скупающего все товары в Новгороде; важны заключительные слова:

Не я, видно, купец богат новгородский;
Побогаче меня славный Новгород.

В Ваське Буслаеве представляются нам удалыцы новгородские, не разбирающие ни своих, ни чужих; поэтически изображается набор дружины пробованием силы: кто выдержит удар дубиной, того и принимать в дружину. Любопытно, что богатырь уступает пред авторитетом матери и что в конце жизни уходит замаливать грехи². Новгородские летописи, как мы заметили, представляют ярко торговый, деловой характер Новгорода: они кратки, немногословны, но с тем вместе объемлют всю жизнь не только князей и бояр да духовенства, но всего города, что, впрочем, понятно по самому строю новгородской жизни.

Псков. Особенности Пскова. Вятка

На конце новгородских владений, на самом пределе Русской земли, издавна находилась русская колония Псков, славяне здесь поселились давно; это доказывается тем, что область, в которой он находится, рано принимает участие в исторической жизни Русской земли. В ней поселился один из князей, пришедших по позыву соединенных племен: мы уже говорили, что под чудью должно разуметь в этом месте летописи славянских колонистов; колонизация связала их вместе и сделала участниками в общем призыве. Главный город здесь был тогда не Псков, а Изборск, хотя о Пскове летопись поминает как о родине Ольги³. Упоминается о нем по случаю путешествия Ольги, по случаю заключения Судислава Володимировича, но долго судьба его соединяется с судьбой Новгорода, которого пригородом он считался: попытки к освобождению начинают быть заметны с XII в. В борьбе с Новгородом во

¹ «Пам. стар. русск. лит.», I, 19–26.

² Былины в сборниках Кириши Данилова и П. Н. Рыбникова; характеристика их у Н. И. Костомарова: «Народ.» II, 125–140; 246–261.

³ «Игореви възрастышо и хожаше по Олзе и слушаше его, и приведоша ему жену от Плескова, именем Олгу». «Пов. вр. лет» 20.

внутренних смутах и заботах об отражении внешних врагов — немцев — складывается быт Пскова, устройство, наиболее точно определенное в сравнении с устройством других частей Русской земли в ту пору.

Вначале Псков был пригородом Новгорода и, следовательно, находился к нему в зависимых отношениях пригорода. Мало-помалу эти отношения меняются. Причинами изменения было то, что Псков богател от торговли, и то, что сюда уходили недовольные из Новгорода, усиливались, подкрепляли свою партию и потом с псковичами шли на Новгород против враждебной им партии, так что Псков является в отношении к Новгороду иным, чем другие пригороды: жители его были как бы сограждане Новгорода, принимали участие в его расправах. Так, в 1137 г. Всеволод Мстиславич, изгнанный из Новгорода, нашел убежище во Пскове, хотя псковичи (т. е. известная партия) принимали участие в его изгнании¹. По смерти Всеволода во Пскове сидел брат его Святополк (1138—1148), за которого была сильная VI партия в Новгороде, куда он и был призван в 1142 г. После того Псков является пристанищем партии, противной суздальцам: торжество этой партии было и торжеством Пскова; когда в Новгороде сидел Мстислав Ростиславич, он посадил во Пскове племянника своего Бориса Игоревича (1178). Когда суздальская партия восторжествовала в Новгороде, во Пскове противная партия посадила Володимира Мстиславича (1180—1211, 1213, 1216—1222), брата знаменитого Мстислава. Этот Володимир был другом лифляндских немцев, даже одно время управлял одной из Рижских волостей, но потом опять возвратился во Псков, изгнанный за то будто бы, что корыстолюбие его было противно немцам, а в сущности за то, что смущал новообращенных в латинство. В промежуток его отсутствия княжили во Пскове: Всеволод Борисович Полоцкий (1213—1214) и сын Володимира, Ярослав (1214), который тоже ушел к рыцарям, но и там не оставлял своих притязаний на Псков, раздав на словах псковские земли. Когда в Новгороде уселся Ярослав Всеволодович, Псков заключил наступательный и оборонительный мир с немцами, обязавшись помогать им против Литвы, тогда усилившейся и нападавшей на Лифляндию и Псковскую область, а немцы обязались помогать Пскову против Новгорода². В 1232 г. псковичи помирились с Ярославом и взя-

¹ «Новгородцы призваша Пльсковичи и Ладожани, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода». П. С. Р. Л. III, 7.

² «Нъ оже пойдуть на нас, ть вы нам помзите». П. С. Р. Л. III, 43; сл. «Ист. Пск.» IV, 15.

ли от него князя Юрия Мстиславича (1232—1240); партии однако не умолкали во Пскове и в 1240 г. некто Твердилло отдал Псков немцам, которые и завели в нем свое управление: одним из правителей был этот самый Твердилло¹. В 1242 г. Александр Ярославич освободил Псков от немцев. Это событие имело влияние на отношение Пскова к новгородским партиям: до известной степени, кажется, можно принять мнение Ж.Д. Беляева, что поражение изменников повело к ослаблению их партии, ослабив именно участие псковичей во внутренних распрях Новгорода. Словом, псковичи с тех пор начали более думать о своих делах: географическое положение Пскова, делавшее его близким соседом Литвы и Ливонии, обязывало его постоянно стоять настороже и заботиться о своей безопасности; оттого в высшей степени было желательно более правильное устройство правительства: оттого вече становится мало-помалу во Пскове правильно организованной властью. Особого князя Псков почти не имел до времени Довмонта (1266—1299)². Литовский изгнанник, Довмонт во все свое пребывание во Пскове являлся ревностным оберегателем его и от немцев и от Литвы. После Довмонта был во Пскове сын его Давид (до 1323), но он большей частью не жил во Пскове, а за него управляли то его, то новгородские наместники. Последним самостоятельным князем во Пскове был Александр Михайлович (1327—1337), имевший во Пскове убежище от татар и московского князя. Раз он должен был оставить Псков вследствие того, что митрополит Феогност произнес отлучение на город (1328), но скоро опять вернулся и уехал только с тем, чтобы умереть в Орде. При Александре псковичи делали попытку основать особую кафедру епископскую во Пскове и для того посылали Арсения ставиться к митрополиту, но митрополит отказал (1330)³. После того псковичи призывали к себе временно князей то литовских (Андрей Ольгердович в 1342), то московских (Константин Дмитриевич, 1407—1409), но большей частью у них жили наместники княжеские (московские постоянно с 1399 г. за исключением времени Константина). Покровительство сильного князя все более и более обособляло Псков от Новгорода, пока новгородцы не сделали решительной уступки: в 1348 г., нуждаясь в помощи псковичей против Магнуса, заклю-

¹ «Подвел Твердила Иванкович с инеми, а сам нача владети Псковом с немцы» П. С. Р. Л. IV, 179.

² Говорю почти потому, что в 1254 г. был во Пскове Ярослав Ярославич, а в 1265 г. сын его Святослав.

³ П. С. Р. Л. III, 75.

чили они с ним договор Болотовский¹, по которому постановили: «посадником нашим у вас в Плескове не быти, не судити, а от владыцы судить вашему Плесковитину; а из Новгорода вас не позывати дворяны, ни подвойскими, ни Софьяны, ни изветники, ни биричи»². С тех пор Псков называется меньшим братом Новгорода. Развивая внутри свою общественную самостоятельность, ведя борьбу за свою самостоятельность церковную, Псков своей покорностью московским князьям отвел немало ударов, которые падали на Новгород, и самостоятельность Пскова пережила самостоятельность Новгорода.

Центром поселений во Пскове, первоначальным градом, было, вероятно, место теперешнего кремля, на возвышенном мысу, при слиянии рек Псковы с Великой: такие места преимущественно избираются для строения городов. Здесь находится величайшая святыня земли Псковской — св. Троица; то обстоятельство, что Довмонтова стена, прилегающая к детищу, первая поставлена каменная, не противоречит этому: детище мог быть деревянный, и самое место говорит против первенства Довмонтовой стены³; потом и остальные части Пскова, кроме Завеличия (за р. Великой), мало-помалу были обнесены стенами. Псков делился на 6 концов, которые составляли, подобно новгородским, свои особые общины и имели отношения к земле, не известные в Новгороде: «Весь Псков, — читаем в летописи под 1468 г., — поделиша по два пригорода на вси концы, коему же концу к старым пригородом новые жеребьем делили»⁴. Таким образом, концы не были простыми административными единицами, а составляли особые общины, из соединения которых складывался город. Они имели свое управление, своих выборных старост; жители их — бояре, купцы и черные люди, подобно новгородцам, принимали деятельное участие в делах Псковской земли. Улицы тоже составляли свои общины; уличане носят название соседей⁵. Встречается название «лавица». Значение этого слова очень темно; И.Д. Беляев полагает, что под ним разумеется место уличанской расправы, как и всякое место управления и суда.

¹ Село в Новгородской области.

² П. С. Р. Л. IV, 58.

³ Каменная стена детница построена в 1393 году. См.: «Ист. Пскова» I, 14.

⁴ П. С. Р. Л. IV, 231.

⁵ «Петровские соседи разбивше костер старой (башню) у св. Петра и Павла, и в том камени создаша церковь святой Борис и Глеб». П. С. Р. Л. IV, 207. «Суседи Запсковляне... заложиша стену от псковы реки свою треть... суседи Кузюдемьяньские заложиша стену от Великой реки», П. С. Р. Л. V, 42.

У Пскова, как и у Новгорода, были свои пригороды, но они не имели никакого политического значения, тогда как в Новгороде они могли призываться на вече¹. Здесь же, может быть, за исключением Изборска, некогда имевшего значение центра всей земли, остальные были просто крепости или административные центры, строившиеся по мере надобности. Мы уже видели, что пригороды поделены были по жребию между концами и, следовательно, состояли в двойной зависимости: от веча города и от веча конца. Отношение пригородов к Пскову лучше всего характеризуется следующим известием: «Псков успалився испродал (подверг наказанию, пени) опочан, а взял 100 рублей, да дали князю Ярославу, что они повесили тятя коневого, а без псковского повеления»². Следовательно, пригороды, в случае важного дела, должны были обращаться за позволением к Пскову. Самое построение зависело от псковского веча; этим характером пригородов объясняется, почему они не существовали постоянно: пограничные города подвергались частым нападениям, разорялись и приходили в запустение и, смотря по обстоятельствам, или строились новые, или возобновлялись старые. Псковская земля делилась на какие-то губы; в источниках мы встречаем выражения: губа, губской староста³. И. Д. Беляев полагает, что губой назывался присуд по уголовным делам, по аналогии с позднейшими губными старостами.

Землевладение во Пскове, кроме известных уже нам форм личного (боярского) и общинного, представляет еще особую форму — сябров. То было, кажется, земельное владение в складчину: складывались некоторые лица, покупали землю и потом делили соответственно своей части в общем капитале, сохраняя за собой право отчуждения⁴. Такого рода земельное владение ставило, однако, сябров в такое отношение, что в некоторых случаях они являлись как бы одним юридическим лицом. Так, в «Псков-

¹ «Новгородьци призваша пльсковиче и Ладожаны, и слдмаша...» П. С. Р. Л. III, 7. «Совкупися в Новгороде вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижера, Вожане», там же, 62.

² П. С. Р. Л. IV, 254.

³ Там же, 240, 255. «А которой изорник с села збежить, за рубеж, или инде где, а изорничь живот на сели останется; государю покрута иать на изорники. ино государю у князя, и у посадника взять пристав, да и старость губьских позвати». «Пск. судн. гр.» 12.

⁴ Что видно из следующего рассказа «Пов. об осн. Печ. монастыря»: «Тии (соседи слушавшие о видении) же абие совещаша купити ту землю и лес, дабы создати на оном церковь во имя пречистыя Богородицы, еже и сотвориша. Сущее убо окрест пещеры иесто абие дается в жребий некоему человеку именем Иоанну Дементиеву» (2). После открытия пещеры этот Дементиев отдает свою землю монастырю (6).

ской грамоте» мы читаем: «А кто с ким ростяжутся о земли, или о борти, да положат грамоты старые и купленную (купчую) свой грамоту; и его грамоты зайдут многих бо сябров земли, и борти и сябры вси станут (должны стать) на суду в одном месте отвечаючи ктож (каждый) за свой землю, или за борть, да и грамоты пред господой (судом) покладут, да и межников возмут, и той отведут у стариков (старожильцев, знающих межи), по своей купной грамоте, свой часть; ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному. А поцелует во всех сябров; ино ему и судница (правая грамота) дать на час, на которой поцелует»¹. Таким образом, между сябрами сохраняется общность; они принимают участие в деле, начатом против одного из них, и в случае тяжбы являются в суд для подтверждения его прав. Ясно, что присутствие в обществе такого элемента мелких собственников должно было не остаться без влияния на строй общества, тем более, что за недостатком таких пространств, которые встречаются в Новгородской области, псковское боярство не могло выставить землевладельцев, равняющихся по своему значению новгородским, а колонизации был пресечен путь еще в XIII в. усилением Братьев Меча и Литвы. Политическое значение бояр во Пскове тоже значительно понизилось после того, как Псков перестал принимать участие в новгородских смутах, и когда усилился контроль веча, который выражался обычаем не назначать единичных властей, утвердившимся, кажется, в XIV в.², частой сменой посадников и контролем старых посадников, которые имели постоянное влияние на дела. Как ревниво следило вече за своими интересами, видно, напр., из следующего события: «Прибавиша (в 1458) псковичи зобници (отменили хлебную меру, введенную посадником) и палицу привишили к позобенью, при посаднике степенном Алексее Васильевиче, а старых посадников избив на вече»³. Посадники во Пскове несли наравне с другими сословиями общественные повинности и тягости: «всем Псковом начаша по всем концем рубитися некрепка, а посадников и бояр великих на вече всем Псковом начаша обрубати (обкладовать) dospехи и с конми»⁴. После бояр поминаются и в псковских памятниках, как и в новгородских, купцы; поминаются также земцы, получившие в кормление (кормлю) землю с обязанностью службы. Эту землю они не могли ни дарить, ни продавать, ни вообще

¹ «Пск. судн. гр.», 16.

² «Два посадника одновременно в 1397 г.» (П. С. Р. Л. IV, 195).

³ П. С. Р. Л. IV, 217.

⁴ Там же, 240.

отчуждать каким-либо способом; в противном случае должны были выкупать и затем уже лишались на нее права; об отчуждении земли в «Псковской грамоте» прямо говорится: «свой кормлю покрал»¹; следовательно, очевидно, что этой землей он пользовался только как служилый человек в поместье.

Население сельских общин носило название смердов. Эти смерды были обязаны данью князю и Пскову и работами; у нас есть упоминание о том, что существовала какая-то грамота, определявшая их обязанности². В XV в. между Псковским вечем, с одной стороны, князем и боярами — с другой, возник вопрос о смердах: князь и бояре составили новую грамоту о смердах и положили ее в ларь св. Троицы, место хранения грамот во Пскове; по этой грамоте, кажется, смерды получили участие в делах городских³. Меньшие люди, недовольные самоволием бояр, восстали на них: начались смуты, взаимные обвинения пред великим князем, кончившиеся тем, что дело было решено против черных людей. Занимавшийся пашней на чужой земле назывался изорником; если он обязывался платить половину своей жатвы, то назывался исполовником; кто работал в чужом огороде — огородником; на чужих рыбных ловлях (исадах) — кочетником. Отношения их к владельцам угодий подробно определяются в «Псковской грамоте»; уйти с пашни, огорода или рыбной ловли может только о филипповом заговении (перед Рождественским постом); если кочетник или огородник заложит у хозяина половину дохода (т. е. свой, а другая по договору принадлежит хозяину), то обязан хозяину отдать только этот доход; если изорник станет отказываться от того, что он обрабатывал землю, то хозяин должен доказать свой иск показанием свидетелей и присягой; если изорник тайно оставит село, то хозяин вправе продать его имущество и даже еще искать на нем, если имущество не покрывает долга; в случае отказа в плате хозяин мог заявить свой иск перед обществом («в закличь сочить»); в случае смерти, если до окончания срока не нашлось наследников, то хозяин может про-

¹ «А которому человеку будет кормля написана в рукописании, и да грамотами владеть земельными начнет, или исадским (исад=рыбная ловля), а продаст тую землю, или (и) сад, или иное что, а доличат того человека; ино ему земля та или сад, или иное выкупити, а свою кормлю покрал» 11–12. Сл. «Расск. из Русск. ист.» III, 55 и сл.

² «Прилучися некоему попу у Норовских смердов чести грамоти, и найде тую грамоту, како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову, и всякии работы урочныи по той грамоте им знати» П. С. Р. Л. V, 45.

³ «Расск. из Русск. ист.» III, 48. И. Д. Беляев видит в этом покушение бояр действовать в свою пользу через смердов.

дать имущество и из него выручить свою плату; если наследники — жена и дети, то, в случае письменного договора, они обязаны заплатить недоимку; при отсутствии письменного договора хозяин должен доказать иск; когда наследники боковые, то они обязаны удовлетворить хозяина. Служащие по найму назывались наймиты — если он служит просто, то называется наймит дворный, если же он мастеровой, то прибавляется мастерство, напр. плотник. В случаях иска наемной платы наймит дворный, уходящий до истечения срока, получает плату только за последний год, хотя ему должны были за несколько лет, а наймит ремесленник, если не окончил своей работы и ушел, то платы не получает. Иск вменяется перед обществом. Во Пскове поминаются случаи споров между мастером и его учеником; стало быть, уже случаи эти были довольно часты и ремесла — на значительной степени развития (псковские каменщики были известны в XV в.).

Подати платились и повинности неслись всем Псковом по разрубку (распределению) веча. Военная повинность отбывалась точно так же по разрубку. Так, в 1500 г. «весь Псков порубившееся с десяти сох конь, а с сорока рублев (дохода?) конь и человек в доспехе, а бобыли пешие люди»; в 1501 г. «молодые люди два третьего покрутили (снабдили) щитом да сулицей»; в 1495 г. «псковичи срубили с десяти сох человек конный, да и со священников и со дияконов почали рубити»; духовенство показывало на Номоканон, вече прибегло к насилию, едва дело уладилось. Так делалось и при постройке стен.

Юридическая жизнь Пскова выразилась в замечательном памятнике, известном под именем «Псковская судная грамота». Окончательное составление этой грамоты относят к 1467 г., когда прибыл во Псков наместником кн. Федор Юрьевич Шуйский, целовавший крест держаться псковской пошлыны¹; эта-то пошлина и собрана была в Псковской грамоте. Материалами служили грамоты великого князя Александра (полагают или Ярославича, т. е. Невского, или Михайловича, т. е. Тверского) и князя Константина (несомненно, Дмитриевича, 1407—1409) и приписки псковских пошлин. Происхождение этих приписок объясняется в самой грамоте: грамота подтверждена на вече, а далее мы читаем: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова, на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте не любя будет

¹ П. С. Р. Л. IV. 231. Говорим относят потому, что год, выставленный на грамоте 6905 (1397 г.), считают за опisku, ибо тогда не было пяти соборов, упоминаемых в грамоте. См. пред. к изд. Н.Н. Музакевича.

господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот»¹. Суд совершается во Пскове на княжем дворе («у князя на сенех»), при суде должен присутствовать посадник, и оба они обязаны следовать старым обычаям, по присяге, которую князь дает, вступая в управление, а посадник — в должность, причем посадник обязуется не брать взятки, не смотреть ни на вражду, ни на дружбу; посадник должен окончить все дела, начатые в его управление; присягой обязуются также все лица, избираемые Псковом (судьи, старосты и посадники пригородские), а также и княжие². По позднейшему постановлению княжие люди для позва на суд должны ездить с псковским человеком³. Кроме княжого суда, встречаем в «Псковской грамоте» суд общин («а братыщина судить как судьи») ⁴. Церковный суд принадлежит владычному наместнику; указаны церковные люди: поп, дьякон, проскурница, чернец и черница; суд их с людьми светскими — сместный (вопчий): наместника владычня и княжеского. Все имеют право иска; положительно признано право иска за наймитами, изорниками против тех, с кем они состоят в договоре, и за прежними должниками против прежних кредиторов; запрещается только искать по делу уже вершонному; запрещается без полных доказательств наследникам умершего искать на его должниках, вообще искать без ясных доказательств («безимянно» если истец не может в точности обозначить предмет иска); запрещается наследникам изорника искать на его хозяине, если имущество изорника продано в случае его бегства или смерти для удовлетворения хозяина. Тяжущиеся должны являться лично, кроме детей, стариков, женщин и монашествующих: за них могут являться другие; вообще посторонним лицам вход в суд воспрещен⁵. Ходатаи не могут быть посадники и волостели, кроме дел той церкви, где они старосты; вообще за церковь могут ходатайствовать только церковные старосты⁶. Суд начинается иском (жалобой истца), который может помириться даже в случаях уголовного преступления (за некоторыми исключениями)⁷. К ответчику

¹ «Пск. гр.», 16.

² «Пск. гр.», 16.

³ Там же, 13.

⁴ Там же, 17. Братыщина — общины при церквях: «братчина — пикольщина» былины; сохранились, как увидим, в Западной Руси.

⁵ Там же, 10. Вероятно из опасения насилий; не оттого ли запрещен и суд на вече: «а князь и посадник на вечи суду не судят» (там же, 1)?

⁶ Там же, 11. «А одному посаднику (ходатаю) одного дни за два орудия (дела) не тягаться», там же. Быть может, потому, чтобы пособник не получил слишком сильного нравственного влияния на судей («Гражд. зак. Пск. суд. гр.», 117).

⁷ «Пск. гр.» II, 9.

посылается зазывная грамота («позывница»); не явится ответчик, то истец получает бессудную грамоту. Доказательствами считаются грамоты, но если грамоты имеют обе стороны, то предписывается «межникам» развести их по их грамотам; после того дело решается «полем»; потом постановлено противоречие между грамотами решать присягой; в некоторых случаях (небольших займах) вместо грамот допускались доски (может быть, что-нибудь вроде бирок). Для доказательства давности владения, приобретения вещи наследством или покупкой, существования обязательства, боя в многолюдном месте допускалось свидетельство сторонних людей. Бой в безлюдном месте доказывался послухом; послух должен быть один, он является как бы поручителем и обязан доказать свое показание даже полем. В исках о преступлениях имеют значение улики (поличное в воровстве, долика в обвинениях в зажигательстве и убийстве). Окончательным доказательством служат поле и присяга. Поле допускается в спорах о поклаже, займе, в спорах между членами торговых товариществ и «сябрами». При присуждении поля дозволялось женщинам, детям, старикам, больным и монахам ставить за себя наймитов¹. Противники могут помириться на поле; побежденный платит противнику, князю и приставу, но если противник убит, то победитель получает только доспех. Многие дела решаются присягой; в особенности присяга («судная рота») требуется для очищения от обвинений в преступлениях против личности или имущества; кто не стал «на роту», тот тем обвиняется. В исках по обязательствам ответчик должен представить какую-либо вещь в обеспечение, что он явится в суд; если истец возьмет что-нибудь силой, а иска своего не докажет, то подвергается ответственности. Это — важное ограничение права истца производить самому следствие, признанное «Правдой». В делах уголовных мы встречаемся с той особенностью, что, в случаях преступлений в семье, князь получает продажу². Истец в делах уголовных участвовал с приставом в вызове, производстве следствия, в исполнении судебного приговора; это остаток старого взгляда на преступления, как на частное оскорбление, но мы уже замечаем изъятие из этого взгляда: так, о воровстве должны заявлять все бывшие на месте, их приводили к присяге. После объявления для произведения следствия отправлялся пристав с истцом. Доказательством воровства служило «поличное»: при отсутст-

¹ «Пск. гр.», II, 7. «А жонки зъ жонкою присужать поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону» (там же, 18).

² «А штобы сын отца убил, или брат брата, ино князю продажа», там же, 15.

вии поличного ответчик освобождается после присяги; присяга освобождала и от обвинений в поджигательстве, если не было «долик»; «бой и грабеж» доказывался послухом и свидетельством сторонних людей, послуха можно было звать на поле. Решение излагалось в «бессудной грамоте» или «судейнице» (правой грамоте), для исполнения давалась «приставная грамота». Наказания по суду назначались денежные, но были преступления, за которые назначалась смертная казнь: «А кромскому татю и коневому и переветнику и зажигальнику, тем живота не дати. Чтобы и на посаде покрадется, ино двожды е пожаловать, а изличив, казнити по его вине; и в третий ряд изличив, живота ему не дати, как кромскому татю»¹.

В Псковской грамоте более, чем в других предшествующих ей памятниках, встречается постановлений, касающихся собственно гражданского права, что свидетельствует о значительном развитии гражданского быта; начинают выделяться юридические понятия: так, мы встречаем отличие собственности от владения; понятие о собственности выражается словами: «чисто его», право собственности пользуется судебной защитой, как скоро доказано будет показанием свидетелей или присягой владельца, что оно приобретено на законном основании; право собственности приобретается наследством (отморщина)². Наследство получалось по завещанию, которое могло делаться в пользу не только родственников, но и посторонних людей³; завещание называлось рукописанием и хранилось в «ларе» (архиве) св. Троицы. Права наследника по завещанию определяются самим завещанием: он не имеет права на то, что в завещании не указано: так кто продаст «кормлю», отказанную в рукописании, тот лишается кормли. Нет завещания — наследуют родственники, не только нисходящие, но и восходящие и боковые; сын не наследует после отца и матери тогда, когда он не кормит их до смерти и пойдет из дому. Супруги получают имущество один от другого по смерти, если не вступят в новый брак; дети владеют неотде-

¹ «Пск. гр.», 2. Кромский тать — тот, кто крал в кремле (кром). См. «Ист. России» IV, пр. 614. По мнению И. Е. Энгельмана («Гр. зак. Пск. гр.» 74), здесь разумеется воровавший казенные вещи, хранившиеся в кром. Переветник — изменник.

² Там же, 9.

³ Там же, 3. «А у котораго умръшаго будет отец, или мать, или сын, или брат, или сестра, или кто ближняго племени, а животом вадеет, а толко не стороннии людие, ино им велио искати без закладу, и без записи умръшаго, а на них волнож искати». Таким ограничением прав посторонних доказывается, что завещания могли совершаться и в их пользу. Сл. «Гр. зак. Пск. гр.», 82.

ленным имением вместе с матерью; родители наследуют после неотделенных сыновей, жены которых могли только требовать выдачи приданого; боковые родственники приобретают наследство только действительным вступлением во владение¹. Здесь против «Русской Правды» разницей является полное признание прав женщин на наследство, а также права наследования восходящих и боковых и права пользования имуществом умершего супруга. Кроме наследства, права собственности устанавливаются меной²; сверх того находкой и бесспорным владением не менее 4 лет³. Нераздельное владение братьев существовало во Пскове, но законодательство в двух случаях устанавливает раздел: если на умершего отца будет предъявлено требование долга без записи, то старший брат должен присягнуть, что долг сделан не им, и тогда за удовлетворением долга имение делится; если братья или племянники, не раздельно живущие, подозреваются в утайке чего-нибудь, то они должны очиститься присягой, а имение после того делится. Обладать имуществом всякого рода никому не запрещалось во Пскове. Исключение только составляют княжьи люди, которым запрещено держать корчмы; едва ли, впрочем, им дозволено приобретать земли. Из договоров в особенности развиты в Псковской грамоте: купля, заем, наем и товарищество. Для совершения купли требуется сознание обеих сторон (договор этот, заключенный в пьянстве, может быть нарушен) и чтобы не было обмана или ошибок; недействительной считается продажа вещи краденой, имения, состоящего в пожизненном владении. По вопросу о праве выкупа земли, принадлежавшей в Древней Руси не только собственнику, но и наследникам его, постановлено, что если прошло много времени и владелец сам наследовал землю, то спор решается полем или присягой. Заем во Пскове допускался простой и обеспеченный или порукой, или залогом. Простой свидетельствовался доской или записью, заем, обеспеченный порукой, не мог быть на сумму свыше 1 рубля; если заем обеспечен залогом, то, в случае непризнания долга должником, дело решается присягой, а не полем; если должник, выбирая удобное для себя время, отсрочивает уплату долга, то займодавец может окончить дело присягой или отдать на душу ответчика; позднее было постановлено, что если должник не при-

¹ «А будет у изорника брат, или иное племя, и за живот поймаются, ино государю на них и покруты искать», там же, 13.

² «А кто с ким на пьяни менится, или что купит, а потом проспятся, и одному исцу не любо будет, ино им разменится; а в том целования нет, ни присужати». «Пск. гр.», 17.

³ Василием Дмитриевичем, что видно из грамоты Ивана Васильевича («Оп. гос. арх. ст. дел» 212–214), установлена была, 15–27. СПб., 1868.

знает долга, то теряет право на заклад. В случае если долг отрицает заимодавец, — что, по мнению И. Е. Энгельмана, могло произойти уже в то время, когда при развитии гражданского быта вошли в обычай займы денежные и, стало быть, заклады брались такие, которые ценностью превосходят занятую сумму, — то дело решается по воле ответчика или присягой, или полем. Если в залоге было недвижимое имущество, заложенное несколькими кредиторами, то оно, или выкупные деньги, разделяются между кредиторами соразмерно их притязаниям; причем указывается случай, что в залоге могло быть не самое имущество, а грамоты на него. Договор найма определяется постановлениями об изорниках, наймитах и т. п. О поклаже (соблюдении) постановлено в Псковской грамоте, чтобы она подтверждена была актом, чтобы точно был обозначен предмет; отсутствие документа допускалось только тогда, когда не было времени составить акт. Таковы в главных чертах постановления «Псковской грамоты»; мы видим в них значительную степень развития гражданского быта: анализ различных отношений, преимущественно по землевладению и договорам, свидетельствует о том, что сделки совершаются часто; гражданский обмен идет быстрее; было время многое подметить, было время и развиться отношениям, которых еще не знает «Русская Правда». Характер торгового города сказывается во многих постановлениях, особенно в подробностях займов; но замечательно, что псковское законодательство ограничивает проценты, требуя, чтобы они обозначены были в записи. И. Е. Энгельман объясняет это влиянием духовенства; не лучше ли объяснить требованием большей точности юридической?

В истории Псковской церкви мы видим тоже влияние особенностей псковского быта. Псков в церковном отношении зависел от новгородского архиепископа, который назначал во Псков своего наместника, по всей вероятности из софийян и едва ли даже духовного сана. Владыка же приезжал только на время и то в четыре года раз; он должен был быть месяц во Пскове, но это обязательство не всегда исполнялось; самый приезд его сопровождался большими поборами. Вследствие этого в XIV в. замечается во Пскове стремление освободиться от власти новгородского владыки. Так, в 1331 г. псковичи выбрали Арсения кандидатом в особые владыки и с поддержкой в. кн. Литовского послали его ставиться к митрополиту, но митрополит отказал им¹. В 1348 г., по Болотовскому договору, псковичи получили ту уступку, что наместник будет назначать-

¹ П. С. Р. Л. IV, 52.

ся из псковичей. Для устранения произвола владыки и наместника духовенство псковское начало сосредоточиваться в особые общины, известные под именем соборов; такая община сосредоточивалась около одного храма и его именем называлась («собор Спасский», «Входо-Иерусалимский»). Таких общин во Пскове, при падении его самостоятельности, было шесть. Священники сельские, вероятно, тоже приписывались к соборам; когда «невкупных» попов (не вошедших в собор) оказывалось сто, то они устраивали новый собор¹. Каждый собор выбирал своего особого представителя, старосту соборского или поповского, который раскладывал владычния повинности и наблюдал за благочинием в церкви и за нравами духовенства. Несмотря, однако, на такое устройство, несмотря даже на то, что миряне часто вмешивались в дела церкви и как бы надзирали за ними, в Псковской церкви в сильной степени ввелась симония, что, впрочем, становится понятным при преобладании фискального взгляда у самых архиепископов. Следствием этого положения дел было появление ереси стригольников, названной так от Карпа, — по Иосифу Волоцкому — «художеством стригольника» (занимавшегося стрижкой сукна). Эта ересь, быстро распространившаяся во Пскове и Новгороде, не остановившаяся даже и тем, что в Новгороде главных деятелей, Карпа и дьякона Никиту, в 1376 г. сбросили с моста, несмотря на несколько посланий иерархов, против нее направленных², нам все еще недостаточно известна. Кажется, главная сущность их учения состояла в том, что, признавая всю иерархию еретической, они допускали за каждым мирянином право поучений. Вследствие того и таинства, в особенности покаяния и приобщения, они отвергли не в принципе, а только на практике, т. к. иерархия — вся поставленная на мзде недостойно. Примирителем явился суздальский епископ Дионисий, который приехал от патриарха; ревность его, вероятно, объясняют желанием получить сан митрополита; он дал Пскову какую-то грамоту, кажется, в ущерб власти Новгородского владыки; эта грамота отменена Киприаном в 1394 г. Он ввел общежитие в монастыри псковские, которые дотоле держались начала отшельничества, т. е. каждый жил у себя, а церковь была как бы приходом. А.И. Никитский этим устройством тогдашних монастырей объясняет совместное существование лиц обоего пола в мо-

¹ «Биша челом попове некупнии князю... посаднику степенному... и всем посадникам Псковским, что быти четвертому собору». П. С. Р. Л. IV, 215.

² Патриархов Нила («Акт. ист.» I, № 4), Антония (там же, № 6); митрополита Фотия (там же, № 21, 33, 34).

настыре. Эта последняя реформа Дионисия хотя и была уничтожена митрополитом, но в практике сохранилась. После уничтожения реформы Дионисия возобновилась борьба со стригольниками, т. к. возобновились старые злоупотребления; главным противником стригольников явилось, разумеется, белое духовенство. Преследуемые еретики разбрелись, и ересь оттого возросла: еще в 1490 г. Геннадий указывал на остатки ее. Первую попытку устранить зло сделал Исидор, оставивший во Пскове вместо наместника духовное лицо — архимандрита, но с падением Исидора эта мера пала. Псковичи снова возобновили просьбу об особом архиерее, но эта просьба была отвергнута в Москве (1464); причиной отвержения, кажется, надо считать нежелание обособления церкви, в котором видели политическое значение. В 1469 г. составлена духовенством грамота и утверждена на вече, которой определяли правила управления, и избрали двух депутатов при владычном наместнике, наподобие двух посадников¹. Но и на этот раз псковичи ничего не добились, и в следующем году грамота была уничтожена, по вмешательству власти московского князя, и по-прежнему остались в подчинении новгородскому владыке.

Чрезвычайно оригинальное явление представляется нам на северо-востоке России: здесь в XII в. основалась Новгородская колония между рр. Камой и Вяткой и продолжала существовать независимо до половины XV в. Население этого края еще до сих пор новгородское: переезжая Вятку в Кукарке, путешественник встречает особую постройку избы: вместо длинного ряда вместе соединенных изб жилища семеновского, ветлужского, варнавинского и яранского крестьян, высокий дом, где и двор и жилище, разгороженные бревенчатой стеной, подведены под одну крышу, — дома, какие можно встретить в Новгородской земле; слышен новгородский говор (черковь, Николаевиц и т. п.), видна новгородская шляпа — так живуча здесь новгородская колонизация! В XII в. жили здесь вотяки и черемисы. Колонисты появились в 1174 г. Из Камы сухим путем прошли они в Чепцу, впадающую в Вятку, и на Вятке основали свое первое поселение Никулицын (теперь село); другая партия, разбив черемисов, построила город Кошкарров (теперь Котельнич). Чувствуя себя слабыми, обе партии соединились и основали вместе новое центральное поселение при впадении Хльтовицы в Вятку — Хлынов, который после перенесли на крутой берег реки. Вместо городских стен

¹ П. С. Р. Л. IV, 232.

служили дома, плотно поставленные один к другому, задними стенами на внешнюю сторону. Хлынов сделался главным городом земли. Число колонистов все возрастало, шли сюда отовсюду: из Новгорода, Великого Устюга, с Двины, слышав о приволье мест, и начали возникать новые поселения — Орлов, Слободской и т. д. Вятчане, не признавая над собой ничьей власти, жили преимущественно набегами и борьбой с окружающими инородцами, а иногда и русскими землями. Иногда и на их землю делались нападения: так, в 1391 г. татарский царевич Вектут опустошил Вятскую землю; к вятчанам иногда обращаются и князья: так с их помощью действует Шемяка¹. В 1456 г. Василий Васильевич послал против них рать, которая не имела успеха, но в следующем году, после нового похода великокняжеских воевод, Вятка смирилась ненадолго: в 1468 г. заключили вятчане союз с Казанью против Москвы; в 1471 г. действовали за Новгород; в 1486 г. опустошили Устюг. Окончательно покорились они только в 1489 г., когда Иван Васильевич послал против них князя Щеню.

Внутреннего устройства Вятской области мы не знаем, знаем только, из грамоты митрополита Ионы², что в Вятке были сословия: бояре, купцы и житьи люди, что правители назывались земскими воеводами, что было какое-то звание ватаманов и что подвойский существовал и в Вятке и имел какое-то значение. Из этой грамоты узнаем, что вятчане были жестоки к своим пленным и продавали их даже татарам. Из другой грамоты того же митрополита узнаем, что священники Вятского края были никем не рукоположены, что в Вятке распространено было многоженство с благословения священников («ваши духовные дети незаконно живут, поймающе жены до пяти, до шти, до седми, а вы их благословляете»). Не знаем, до какой степени верны были сведения, полученные митрополитом по этим вопросам, но можем извлечь из его показаний только то, что в Вятке и духовенство было независимо.

¹ Впрочем, Юрий Дмитриевич имел какую-то власть над Вяткой: в своем завещании («Собр. Гр.» I, № 51) он отказывает ее трем своим сыновьям в общее владение.

² «Акты Ист.» I, № 261. «Не вемы убо, како вас нарицати священники, от кого имее-те поставление и рукоположение».

Глава VII

Причины усиления Москвы. — Князья московские — собиратели Русской земли: Иван Данилович, Симеон и Иван Ивановичи, Дмитрий Иванович Донской, Василий Дмитриевич, Василий Васильевич. — События в других княжествах Руси Восточной; Тверь, Рязань, Суздаль, Смоленск. — Общество Восточной Руси времен татарских: князья, сословия, церковь, нравственное и материальное состояние общества

Причины усиления Москвы

Начало XIV в. служит началом нового периода в жизни Русской земли: в двух ее половинах начинают слагаться два государства: Московское на востоке, Литовское на западе; раздробленное начинает собираться около новых центров. Таким центром для Руси Восточной является Москва, город дотоле незначительный, редко упоминаемый в летописях, бывший уделом младших и потому наименее сильных князей; во всем княжестве был при Данииле Александровиче только один город Москва; с приобретением Переяславля (1302), Можайска (1303) и Коломны (1308) эта область несколько расширилась; и эта область, доставшаяся Ивану Даниловичу, по смерти старшего брата Юрия, была очень незначительна; но с ее средствами московские князья сумели стать первыми в Восточной Руси и мало-помалу собрать около себя всю Русь Восточную. Возвышение Московского княжества — одно из самых важных явлений в истории русской, и потому немудрено, что на него было обращено особенное внимание исследователей и их совокупными трудами явление это нам представляется довольно ясно.

Мы уже видели, что в XIII в. под владычеством татарским в Руси Восточной идет борьба между князьями из-за титула великого князя и из-за соединенного с ним обладания Владимиром, но мы видим и другую отличительную черту этого времени: во Владимире князья не остаются жить, а стремятся присоединить Владимир к своим собственным владениям, увеличить таким образом свои владения и, если возможно, закрепить его за своим семейством. Борьба, стало быть, идет из-за преобладания одного семейства над другим, из-за увеличения поземельных владений. В Киевскую пору тот, кто становился князем Киевским, переезжал в Киев и в свою волость назначал кого-нибудь из своей семьи с тем, чтобы с потерей Киева, с переходом его к другой семье, не поте-

рять своей отчины. В период татарский мы замечаем иное явление: князья не расстаются не только со своими волостями, но и со своими стольными городами: Ярослав жил в Твери, Василий в Костроме, Андрей в Гордце, Дмитрий в Переяславле и т. д. Власть великого князя в эту эпоху есть только гегемония, перевес над другими князьями; в свидетельство своей самостоятельности другие князья, старшие в своих семьях (рязанские, тверские и т. д.), начинают называться Великими князьями; преобладание великого князя Владимирского мало-помалу теряет свое значение. Над всем этим возвышается еще особое условие: получить преобладание, т. е. в сущности присоединить Володимир с его областью к своей области, может тот, кто получил ярлык от хана; прав для этого не нужно никаких, открывается широкое поле для всяких исканий. Таким образом, является новая основа для государственного права: милость ханская. Добиться этой милости — цель всех князей, сохранить ее — особое искусство. Кто обладает этим искусством, тот и будет главой всей Руси Восточной, кто сохранит за собой это положение главы, тот должен подчинить себе всех остальных. Вследствие этого первым условием для успеха в ту пору является ловкость, такт; кто владеет этими качествами, тот и должен выйти победителем. Этой ловкостью преимущественно отличались московские князья и в ней-то главная причина их успеха. «Все они похожи друг на друга, — говорит С.М. Соловьев¹, — в их бесстрастных ликах трудно уловить историку характеристические черты каждого; все они заняты одной думой, все идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперед перед своим предшественником, каждый приготовляет для своего преемника возможность ступить еще шаг вперед». Такой характер князей много объясняется их положением: у них не было ни силы, ни даже высших прав; вся надежда их основывалась на собственной изворотливости и милости ханской; у них не было богатств, и собственная волость — бедная, лежащая в захолустье, не на большой реке, тогдашнем главнейшем средстве сообщения, — не давала им больших средств, а для успеха у хана, ханши и разных мурз и князей ордынских нужны были деньги, и вот они становятся бережливы, изворотливы; все способности направляются на приобретение. Качества их не блестящи, не привлекательны, но в их положении только на таких не блестящих качествах и можно было основать что-нибудь прочное. Еще Александр Ярославич наметил

¹ «Взгл. на ист. уст. госуд. пор. в России», 51. М., 1852.

своим преемникам их политику; кто следовал его политике: уступал где нужно, выжидал, то и имел успех; кто торопился, как Александр Михайлович, тот терял. Пользуясь всеми средствами влияния в Орде, князья московские не теряли из виду и тех средств, которыми могли действовать и в земле Русской: Иван Данилович успел достигнуть того, что митрополит св. Петр переехал в Москву, а преемники его уже не покидали этого города. Союз с духовной властью — единственной всероссийской — был чрезвычайно выгоден для князей московских: митрополит мог действовать всюду, и мы действительно видим, что Феогност запирает церкви во Пскове, когда Псков дал приют Александру Михайловичу, св. Сергей — в Нижнем, когда Нижний принял не того князя, который был угоден в Москве. Союз этот был самый естественный: если князья нуждались в авторитете церкви, то духовенство, представитель высших — сравнительно с остальной Русью — идей гражданского порядка, искало этого порядка, который был нужен ему даже в его экономических отношениях. «Нет никакого сомнения, — говорит В. А. Милютин¹, — что одна из главных причин преданности духовенства видам и политике князей московских было убеждение в тех материальных выгодах, которые оно должно было приобрести от сосредоточения всех владений в руках одного князя. Действительно, при существовании уделов, с одной стороны, духовенству было гораздо труднее охранить безопасность своих владений и прав, ибо сохранение этой безопасности зависело не от одного, но от многих; а с другой стороны, удельные князья чаще нарушали права духовенства, чем великие. Рассеянность монастырских вотчин по разным княжениям еще более заставляла духовенство желать уничтожения уделов, ибо сопровождалась не только неудобствами в управлении, но и большей трудностью в сохранении приобретенных прав и в ограждении их от нарушения. Особенно в случае войны между удельными князьями духовенство одного удела легко могло лишиться своих вотчин, находившихся в другом уделе, потому что в «то время все средства вредить врагу считались дозволенными».

В усилении московских князей важная роль принадлежит также боярам московским, деятельность которых проявлялась преимущественно в малолетство великих князей (Дмитрия Донского, Василия Васильевича). «Привыкнув быть боярами великокняжескими, — замечает С. М. Соловьев², — они не хотели принять роль второстепенную. Наследствен-

¹ «О недов. имущ. дух.», 377 («Чт. в общ. Ист.», 1861, кн. I).

² «Ист. отнош. между кн.», 402.

ные слуги дяди и отца Дмитриева не хотели переезжать к новому в. князю в Нижний или Тверь, где не могли вытеснить из благосклонности князя дедовских бояр, и потому-то они так легко воспользовались силами Москвы, приготовленными Калитой и Симеоном, чтобы удержать в. княжение владимирское за своим малолетним князем». «Вольный переход, — говорит тот же историк, — бояр и дворян вообще также содействовал к усилению Московского княжества; боярину гораздо лестнее было служить сильнейшему, т. е. великому князю, чем удельному, и потому он с охотой переходил к первому, тем более что отчины его оставались за ним»¹. «Сильнейшие князья, или великие нарочно теснили бояр удельных, чтобы они переходили к ним на службу»².

Таковы были главные причины усиления Московского княжества. К ним прибавляют еще (Н.В. Станкевич, С.М. Соловьев) серединность Московского княжества, как в том смысле, что Москва близка к истокам важнейших рек, так и то, что нападения извне прежде должны падать на окружающие его княжества. Но эта причина, очевидно, второстепенная и без других не имела бы значения: Москва не так далека от других княжеств, чтобы эти выгоды принадлежали ей отдельно. Важнее было, что благоразумная политика, охраняя Москву от впадений татарских, вызвала сюда прибылое население и тем обогатила Москву. Последней важной причиной было ослабление Орды и раздробление ее в конце этого периода, чем тоже воспользовались для своих целей князья московские.

Князья московские — собиратели Русской земли; Иван Данилович, Симеон и Иван Ивановичи, Дмитрий Иванович Донской

Москва делается отдельным княжеством довольно поздно, хотя первое упоминание о ней относится к 1147 г., когда Юрий Долгорукий звал Святослава Ольговича на совещание³; рядом с названием Москва она носит другое название: Куцково (или Кучково)⁴. В связи с этим последним названием стоит предание, довольно вероятное, о принадлежности Москвы какому-то Кучке, существование которого подтверждается летописным известием о Кучковичах, родственниках жены Андрея Боголюбского и его убийцах⁵. Первым князем Московским является Михаил

¹ «Ист. отнош. между кн.», 467.

² Там же.

³ «Приди ко мне, брате, в Москову». «Лет. по Ип. сп.», 240.

⁴ Там же, 407.

⁵ Сказания об основании Москвы у Карамзина, II, пр. 301.

Ярославич (ум. 1248), хотя еще под 1213 г. поминается в Москве Володимир Всеволодович¹, а под 1237 г. Володимир Юрьевич², но трудно сказать, княжили ли они в Москве или были в ней временно. Линия московских князей начинается с Даниила Александровича (ум. 1303); после него княжил сын его Юрий Данилович (ум. 1325), знаменитый противник князей тверских. Так как из братьев Юрия оставался только один, Иван Данилович, то он и наследовал нераздельно княжество Московское³. С 1328 г. он делается великим князем.

Иван Данилович Калита (1328—1341)⁴ был достойным преемником брата своего Юрия. Еще не получив ярлыка на великое княжение, он не раз съездил в Орду: трудно даже объяснить себе, почему Узбек остановился не на нем, а на Александре Михайловиче⁵. Не желал ли хан показать этим поступком свое высшее беспристрастие? с другой стороны, Ивану Даниловичу удалось уговорить св. митрополита Ветра поселиться в Москве (1326). По мысли св. Петра заложен Успенский собор, где и погребено его тело⁶. Пример его имел влияние на его преемников, и Феогност уже поселился в Москве. В 1327 г. представился наконец Ивану Даниловичу случай сделаться в. князем: Александр избил в Твери татар; Узбек поручил Ивану Даниловичу вместе с татарскими войсками наказывать непокорных. Тверь и вся ее волость были опустошены татарами; Новгород заплатил окуп, рязанский князь был убит: «Точию соблюде и заступи Господь Бог князя Ивана Даниловича и его град Москву, и всей его отчину от пленения и кровопролития татарского», — просто-душно прибавляет летописец⁷. С донесением о своем успехе поехал Иван Данилович в Орду и вывез оттуда ярлык на великое княжение. «Седе (князь Иван Данилович) на великом княжении... и бысть оттоле тишина

¹ П. С. Р. Л. I, 185.

² П. С. Р. Л. IV, 31.

³ Александр (ум. 1305), Борис (ум. 1320), Афонасий (ум. 1322).

⁴ Калита — мешок для денег. Прозвание это объясняют тем, что он носил с собою мешок для раздачи бедным (Карамзин ссылается в этом случае на «Ядро Русск. ист.»), — не вероятнее ли то объяснение, что он копил деньги? Современного свидетельства прозвания нет: приводимая Карамзиным приписка к Требнику сомнительна (IV, пр. 321).

⁵ Сомнительно объяснение г. Вешнякова: «Опасаясь найти честолюбие и коварство Георгия и в родном брате его Иоанне, Узбек отдал великое княжение не ему, как ни старался он в орде, а Александру Михайловичу» (62).

⁶ Ник. III, 135. Св. Петр — рассказывается в его житии — так прорек будущую судьбу Москвы: «Град сей славен будет во всех градах Руских, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плещи враг его и прославится Бог в нем, еще же и мои кости в нем положени будут».

⁷ Ник. III, 138.

велика по всей Русской земле на 40 лет, и престаша татарове воевати Рускую землю»¹. Александр ушел во Псков; чтобы принудить псковичей выдать Александра, уговорили митрополита Феогноста затворить церкви во Пскове. Средство подействовало: Александр сам ушел в Литву. Потом, возвратясь во Псков, он все тужил по своей Твери, и в 1337 г., осведомясь в Орде, можно ли надеяться на примирение, поехал к Узбеку и снова спросил Тверь: «Видите ли князя Александра Михайловича Тверского како смиренной мудростию избави себя от смерти», — говорил Узбек — по свидетельству летописца — своим князьям². Смиренная мудрость в то время всего нужнее была русскому князю, по мнению русских людей. Возвращение Александра было неприятно для Московского князя: отвергнув попытку примирения со стороны князя Тверского, Иван Данилович поехал в Орду; рядом с этим известием, хотя и без видимой связи, летопись помещает другое: «Во Орде царю Азбяку много клеветаша неции на князя Александра Михайловича Тверского, а уши царевы наполниша и многие горести»³. Нам нетрудно догадаться, кто были эти неции. Александр был вызван и погиб в Орде (1339)⁴. По смерти Александра, Иван Данилович взял из Твери колокол от св. Спаса и привез в Москву, быть может, в знак победы: вечевой колокол — символ самостоятельности города⁵. Тяжела приходилась власть московская другим князьям, в особенности слабым: «Послан бысть от Москвы на Ростов — читаем мы в житии св. Сергия — аки некий воевода един от велмож именем Василей, прозвище Кочева, и с ним Миняи. Егда виидоста во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножись, и не мало их от Ростовец Москвичей имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризной взимающе... и самого того епарха градского, старейшего боярина Ростовского, именем Аверкия, стремглав обесиша»⁶. В 1339 г. воеводы В. князя ходили к Смоленску⁷; другие князья все слушались Ивана Даниловича. Отношения его к Новгороду нам уже известны. В качестве новгородского князя он дал льготную грамоту сокольникам печерским, замечательную тем, что в ней встречается титул: «князь

¹ Ник. III, 141.

² Там же, 164.

³ Там же.

⁴ Там же, 165—170; П. С. Р. Л. XV, 418—421. В других есть прямое указание на Калиту.

⁵ Ник. III, 170.

⁶ Там же, IV, 204.

⁷ Там же, 171.

велики Иван Данилович всея Руси»¹, быть может, составленный в подражание титулу митрополита. Для Московской области правление Ивана Даниловича было очень выгодно, ибо сюда сходились люди из других областей, пользуясь относительной безопасностью: так, выехал из Киева Родион Нестерович, предок Квашниных, и привел с собой 1700 отроков². Есть известие, что Иван Данилович «исправил Русскую землю от татей»³; в этом известии, по мнению С. М. Соловьева⁴, высказалось воззрение на Ивана Даниловича, как на установителя наряда. Ивану Даниловичу приписывают введение обычая доставлять выход в орду самому, заменивший прежнее собрание чрез откупщиков. Что он сам собирал выход, это подтверждается, между прочим, тем, что он требовал выхода с новгородцев⁵. Собирая выход, он, конечно, не все доставлял хану и потому имел случай скопить деньги и таким образом мог покупать не только села, но и города⁶. Калита умер в 1341 г. До нас дошли две его духовные грамоты. Любопытно, что первая грамота составлена по случаю поездки его в Орду: так непрочна была милость ханская. В духовной Иван Данилович с равным вниманием делит между своими сыновьями и недвижимое имущество (села и города) и движимое (шубы, цепи и т. д.), что доказывает, как еще небогаты были тогда князья. Старшему, Симеону, отдано 26 городов и селений, в том числе Можайск и Коломна; второму, Ивану — 23 города и села, между ними важнейшие Звенигород и Руза, третьему, Андрею — 21 город и село; княгине с меньшими детьми — 26. Москва же оставлена всем вместе. «Приказываю, — сказано в духовной, — сынам своим отчину Москову». Отсюда начало третей, т. е. права каждого из сыновей на один год доходов, которыми он мог пользоваться через два года.

По смерти Ивана Даниловича князья поехали в Орду и великим князем возвратился сын его Симеон (1341—1353), по прозванию Гордый, полагают потому, что он гордо обходился с князьями. Ханом были «все князи Рускии под руже его даны»⁷. С братьями он заключил договор: «бысть

¹ Впрочем, грамота сохранилась в списке XV в.

² Карамзин, IV, 149.

³ «Оп. Рум. музея», 509, то же и в «Ст. кн.» I, 406.

⁴ III, 302. В слове о житии Дмитрия Донского говорится: «Бысть внук православнаго князя Ивана Даниловича, собрателя Русьской земли» (П. С. Р. Л. VI, 104).

⁵ П. С. Р. Л. III, 79.

⁶ В завещании Дмитрия Ивановича («Собр. гр. и дог.» I, № 34) Галич, Белоозеро и Углич называются «куплею деда своего». Так как там оставались свои князья, то, вероятно, в князь довольствовался каким-либо доходом от них («О прич. возвыш. Моск. княж.», 76).

⁷ П. С. Р. Л. VII, 206.

им за один до живота и безобидно владеть каждому своим»¹. В этой грамоте он называется в. князем всея Руси. Другие князья все его слушались: даже когда он оскорбил князя смоленского Феодора Святославича, отослал к нему свою супругу и его дочь, прожив с ней два года (1345), тот не смел и думать о мщении². В Москве имели убежище князья литовские (Наримонт); Ольгерд старался жить с ними мирно; Новгород ему покорялся; а с ханом он умел ладить. Симеон умер от моровой язвы (черной смерти) в один год с митрополитом Феогностом и братом своим Андреем.

По смерти Симеона князья опять поехали в Орду, где, несмотря на то, что за князя суздальского Константина Васильевича хлопотали новгородцы, ярлык получил брат Симеона, Иван (1353—1359). «Благоверный и христоролюбивый, и кроткий и тихий и милостивый»³, Иван едва ли в состоянии был бы продолжить дело отца и брата, если бы не стоял подле него митрополит св. Алексей (из боярского рода Плещеевых) и бояре, умевшие ладить с Ордой: Алексей пользовался особой милостью исцеленной им ханши Тайдулы. Тем не менее Иван Иванович мало имел влияния на князей: князья муромские и тверские в своих ссорах и не искали его посредничества; даже появились снова притеснения от татар: «Приде посол из Орды от царя Кошак и велика истома бысть князем руским»⁴. В самой Москве случилась смута. Тысяцким был тогда Алексей Петрович. Этот боярин завел еще какую-то крамолу против Симеона и был изгнан им⁵; быть может, он злоупотреблял своим положением: как тысяцкий, он являлся представителем города. При Иване Ивановиче он снова появился в Москве; раз рано утром нашли его мертвым; носились слухи, что его убили бояре; народ взволновался; многие бояре уехали в Рязань⁶; из них двое скоро возвратились, что и дает повод полагать, что в. князь не совсем прав в этом деле, хотя, может быть, слабостью дело легче объясняется. По завещанию Ивана Ивановича, сыну его Дмитрию достался Можайск и Коломна, а по кончине вдовы Симеона — и ее удел; а Ивану-то, что по завещанию Калиты принадлежит ему самому.

¹ «Собр. Гр. и Дог.» I, № 23.

² Любопытен предлог развода — «великую княгиню на свдьбе испортили: ляжет с великим князем, и она ему покажется мертвец». «Род. кн.». М., 1787, II, 207.

³ Ник. III, 212.

⁴ П. С. Р. Л. IV, 63.

⁵ «А что Алексей Петрович вошел в кромолу к В. князю, нам князю Ивану и князю Андрею к собе его непринимати». «Собр. Гр. и Дог.» I, № 23.

⁶ Ник. III, 207—208.

По смерти Ивана Ивановича хан Неврус дал ярлык на Владимир суздальскому князю Дмитрию Константиновичу «не по отчине, не по дедине»¹. Между тем в Орде начались смуты: «бысть в них глад велии, замятия многа, и нестроение всегдашнее, и непрестаяху межи собой ратующесе и быющесе и кровь проливающе. Тако убо Бог попусти на них гнев свои, милуя раб своих смиренных православных христиан»². Между соперниками возвысились два: в Сарае Мурат, а за Волгой Авдул, поддерживаемый темником Мамаем. К Мурату отправились послы князей Московского и Суздальского и добились ярлыка для своего князя; Дмитрий Константинович ушел в Переяславль; московские бояре, посадив на коней своих малолетних князей, преследовали его и туда и заставили уйти в Суздаль (1361). Между тем Авдул тоже прислал ярлык Дмитрию Московскому; узнав об этих сношениях, Мурат дал ярлык князю Суздальскому. Дмитрий Константинович сел снова во Владимире, откуда его выгнали оружием, опустошив и Суздаль. Вслед за тем должен был подчиниться Москве князь Ростовский, а Галицкий и Стародубский были согнаны со своих княжений. Вскоре с Дмитрием Московский князь помирился, и даже в ссоре Дмитрия с братом его Борисом за то, кто из них сядет в Нижнем Новгороде по смерти старшего брата их Андрея, св. Сергей приезжал мирить князей и, когда Борис сопротивлялся, запер церкви и тем заставил его смириться и уйти в Городец (1364); вслед за тем Дмитрий Иванович даже женился на дочери Дмитрия Константиновича, Евдокии³. Дмитрий, укрепив Москву каменной стеной, «всех князей русских привожаше под свой волю, а которые не повиновашуся воле его и на тех нача посегати»⁴. Так он вмешался в ссору князей тверских: Михаила Александровича, Василия Михайловича и Иеремию Константиновича, споривших между собой об уделе Симеона Константиновича⁵. Михаил ушел в Литву к шурина своему Ольгерду; с помощью Литвы мир был восстановлен, но ненадолго. В 1368 г. князь

¹ Ник. III, 215.

² Там же, 218.

³ По Ник. (IV, 13) в 6874 г. января 18 (т. е. в 1365), а по Льв. (II, 135) сентября 23 (т. е. в 1364 г.).

⁴ Ник. IV, 15.

⁵ Взаимное их отношение представим в таблице:

Михаил		
Александр	Константин	Василий
Михаил	Симеон	Иеремия

Замечательно показание летописи: «Князь Василей Михайлович, и сын его князь Михайло, и князь Еремей приставом митрополичьим позвали на Москву на суд перед митрополита владыку Василиа, что их судил о уделе о княже Семенове не по правде. И тако на Москве про тот суд владыце Василию сотворися протор велик, а во Твери житейским людям нужно бысть про удел княже Семенов» (Ник. IV, 15).

позвал Михаила в Москву и здесь заявил притязание судить его: «Его изымали, а что были бояре около его, тех всех поимали и разнo развели. И быша вси в няти, и держаша их в истомлении велицем, а князь Михаило Александрович Тверский тогда сидел на Гавшине дворе»¹. Освобожденный татарскими послами, Михаил снова обратился к Ольгерду, который, разбив воевод Дмитрия при озере Тростенском, подошел к Москве, где и был заключен договор, выгодный для Михаила. В 1370 г. Дмитрий снова сделал нападение на области тверские, Михаил поехал в Орду и здесь от поставленного Мамаем хана Магомет-Султана получил ярлык на великое княжение, но Дмитрий был уже силен и ярлыка не послушался; Михаил снова призвал Ольгерда, но не видел удачи под Москвой, Ольгерд помирился с Дмитрием, выдал дочь свою за Володимира Андреевича, двоюродного брата Дмитриева и отрекся от вмешательства в дела Михаила. Михаил снова обратился к Мамаю и привез ярлык и посла; Дмитрий отвечал послу: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение володимирское не пущу, а тебе послу путь чист»². Потом, зазвав посла в Москву, так обдарил его, что тот сделался защитником его пред Мамаем, но Дмитрий собрался все-таки лично в Орду, причем написал духовное завещание (1371), в котором, отказывая после себя села, купленные отцом его в Великом княжении, распоряжений о столе Великокняжеском на себя не принимает. В Орде Дмитрия приняли очень благосклонно. Михаил, видя это, а также опустошение своей области московскими войсками, снова обратился к Литве; литовские князья снова опустошили Торжок, тем втянули в войну и Новгород; между тем сам Ольгерд был разбит под Любутском в 1372 г. и заключил мир. Михаил, однако, не прекращал войны: Дмитрий, собрав ополчение многих князей, осадил Тверь. Утомленный Михаил прислал просить мира: «Дался вовсю волю его»³. По этому случаю заключен договор, по которому Михаил отказывается от всякой мысли о Великом княжении: «А имут нас сваживати Татарове, — сказано в договоре, — и имут давати тебе нашу вотчину великое княженье; и тебе ся не имати до живота»⁴. Другим врагом Дмитрия Ивановича явился в. князь Рязанский Олег Иванович. За что началась между ними борьба, неизвестно⁵. В сражении при Скорнищеве⁶ в 1372 г. рязанцы, гор-

¹ Ник. IV, 19.

² Там же, 28.

³ П. С. Р. Л. IV, 70—71.

⁴ «Собр. Гр. и Дог.» I, № 28.

⁵ Д.И. Иловайский цитирует по этому поводу Татищева, указывающего на спор о Лопасне («Ист. Ряз. кн.», 162). Лопасня в 1353 г. отнята была рязанцами у Москвы (там же, 159).

⁶ Быть может, теперешнее Канищево близ Рязани (там же, 163).

дые своими прежними победами и хваставшиеся тем, что им нужны только ремни и веревки вязать пленных, были разбиты москвичами. В Рязань был посажен князь Володимир Дмитриевич Пронский, враг Олега, но Олег выгнал его в том же году и помирился с Дмитрием.

Укрепясь со стороны Твери и Рязани, Дмитрий начал открыто действовать против татар. Разные татарские царевичи, которых было много в эту эпоху, по причине внутренних раздоров в Орде, делали не раз нападения то на то, то на другое княжество и иногда были отражаемы, а иногда наносили поражение. В 1377 г. собрался на суздальское княжество царевич Арапша (Арабшах) из синей Орды¹. Дмитрий послал войска на помощь своему тестю; по неосторожности русских князей татары разбили их ночью у р. Пьяны². Следствием было нападение на Нижний и потом на Рязанскую область. Счастливее был Дмитрий Иванович в 1378 г., когда посланный Мамаем Мурза Вегич сделал нападение на Рязанскую область. Дмитрий выступил сам на защиту Олега, встретил татар при р. Воже³ и разбил их наголову.

В отмщение за это Мамай собрал большое войско и сам явился в Россию. Дмитрий встретил его между р. Непрядвой и Доном, на Куликовом поле; с великим князем были многие из князей (Белозерские, двое Ольгердовичей: Андрей и Дмитрий). Олег Рязанский, опасаясь, вероятно, разорения от татар, изъявил покорность Мамаю, а Ягайло Литовский повел ему на помощь войска. 8 сентября 1380 г. произошла знаменитая битва, успех которой объясняется удачным действием засадного полка, бывшего под начальством кн. Володимира Андреевича Старицкого и воеводы Волынца. Битва эта, по справедливому замечанию С. М. Соловьева, «имеет в истории Восточной Европы такое же значение, какое победы Каталаунская и Турская имеют в истории Европы Западной... Куликовская битва служит гранью между двумя отделами в истории отношений Европы к Азии: с этих пор прекращается наступательное движение Азии на Европу, и начинается явление обратное, наступательное движение Европы на Азию»⁴. Мамай погиб на возвратном

¹ На берегах Аральского («Ист. Росс.» III, 353) или Каспийского моря (Гамер, 324).

² «Пословка и до ныне зовется: «за Пианою пиани»» (Кар. V, пр. 44).

³ Р. Вожа течет в Рязанской губернии по уездам Михайловскому, Зарайскому и Рязанскому.

⁴ «Ист. Росс.» III, 360. о сказаниях о побоище Мамаеве см. Введение § 4. Благоразумный историк стоит посреди панегириков (Н. В. Савельева-Ростиславича: «Дим. Иоан. Донской, первоначальник Русск. славы». М., 1837) и излишних порицаний (Н. И. Костомарова: «Кулик. битва» в «Монограф.», III.

пути, но в Орде явился Тохтамыш, посаженник знаменитого Тимура, и он пошел наказывать Дмитрия (1381). Неожиданное нападение его заставило Дмитрия удалиться в Кострому, и Москва была взята, правда, обманом. Русь снова покорилась татарам, но уже народный дух оживился¹. Покоряясь татарам, Дмитрий, однако, держал крепко других князей: попытку Михаила получить ярлык он устранил в Орде²; Олега смирил оружием, опустошив землю Рязанскую³; новгородцев также держал в повиновении. С братом Володимиром Андреевичем (Иван ум. 1364) после ссоры из-за того, что он не уступал своих прав после его смерти, заключен договор, по которому постановлено: «Быти ны за один, и имети ему мене отцем, а сына моего князя Василья братом старейшим, а князя Юрья братом, а дети мои меншие братьей молодшей». Здесь в первый раз признано преимущество племянника над дядей; далее говорится: «Держати ти... княжение мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети и моим детям во всемя, а служыти ти мне без ослушанья»⁴. Потому в завещании своем (1389) Дмитрий Иванович мог уже сказать: «Се благословляю сына своего князя Василья своей отчиной Великим княжением»; к сожалению, в другом месте того же завещания сказано: «А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел»⁵, что впоследствии послужило основой князю Юрию Дмитриевичу в его споре с Василием Васильевичем. В Москве, по завещанию Донского, из двух его жребиев один принадлежит Василью Дмитриевичу на старший путь; остальной делится между прочими братьями; из других городов: Коломна — Василью, Звенигород — Юрью, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру; из великого княжения: Юрью — Галич, Андрею — Белоозеро, Петру — Углич, Ивану только села, что объясняется его болезненностью: он действительно скоро умер. Княгиня осталась беременная, и потому ей предоставлено, в случае рождения сына, наградить его уделом, что и сделано, когда родился Константин. Дмитрий умер в 1389 г. Грозный с князьями, он строго держал и бояр: боярин Вельяминов, сын последнего тысяцкого, был казнен за то, что ушел из Москвы, хлопотал в Орде

¹ Сказания о нашествии Тохтамыша указаны там же; заметим, что в сущности сказание одно, но что не было обращено надлежащего внимания во время полемики, возбужденной Н.И. Костомаровым.

² Ник. IV, 138, 139.

³ Там же, 138.

⁴ «Собр. Гр. и дог.» I, № 33.

⁵ Там же, № 34.

за Михаила Тверского; торжественная казнь его на Кучкове поле¹ возбудила сожаление многих: «Бе множество народа стояще, и мнози прослезишась о нем и опечалишась о благородстве его и о величестве его»². Но этой суровостью создано Московское государство, и Дмитрий является достойным предшественником своего знаменитого правнука Ивана Васильевича. Потомство сохранило о нем память как о победителе татар, но, как мы видели, внутренняя его политика замечательна, быть может, еще более.

Василий Дмитриевич, Василий Васильевич

Дмитрию наследовал в Москве сын его Василий Дмитриевич (1389—1425). В 1392 г. Василий отправился в Орду к Тохтамышу и испросил у него ярлык на Нижний Новгород, Городец, Мещеру и Тарусу³. В Нижнем сидел в то время Борис Константинович; с его боярином Румянцем завел сношения Василий князь; Румянец уверял своего князя в преданности и уговорил впустить в город посла великого князя. Когда же пришедшие зазвонили в колокола и стали собирать народ, Борис же Константинович напомнил боярам обещание быть ему верными, то Румянец ответил: «Господине княже, не надейся на нас, уже убо есми мы отныне не твои, и несть с тобой есмя, но на тя есмя»⁴. Вскоре за тем Василий приехал в Нижний, посадил здесь своих наместников, заковал в железо бояр, приверженных к прежним князьям, а Борис удалился в Суздаль, где и умер⁵. Сыновья Дмитрия Константиновича не хотели отказаться от своей отчины: в 1396 г. князья Василий Кирдяпа и Симеон Дмитриевич приходили к Нижнему с татарами и едва не взяли город; в 1399 и 1402 г. посылал Василий своих воевод отыскивать князя Симеона, который в 1402 г. умер на Вятке, а в 1403 г. умер и Василий Кирдяпа; после оты-

¹ Где теперь Сретенский монастырь.

² Ник. IV, 85.

³ Мещера была приобретена еще Дмитрием Ивановичем у князя Александра Уковича: «А что купля князя Великого Мещера, как было при Александре Уковиче, то князю Великому Дмитрию» («Дог. Дмитр. с Олег. Ряз.» 1381—1382 гг. в «Собр. гр. и дог.» I, № 32). В Мещере Городок Мещерский (теперь Касимов, см.: В. В. Вельяминова-Зернова, I); Торуса принадлежала потомкам Черниговских князей.

⁴ Ник. IV, 240—241; Тверск. (П. С. Р. Л. XV, 446). Замечательно, что в Ник. вслед за полным рассказом помещено сокращенное известие, и выходит, как будто Василий два раза ходил в орду. Это одно из многочисленных доказательств составности наших летописных сборников.

⁵ П. С. Р. Л. XV, 446; VIII, 64.

скивали Нижнего сыновья Бориса Даниил и Иван; в двух завещаниях Василия (1406 и 1423) о Нижнем говорится условно, несмотря на то, что в 1417 г. один из князей нижегородских Александр Иванович женился на дочери в. князя, но через два года последовала размолвка и князья эти, жившие в Москве, бежали. Только в завещании 1424 г. Василий прямо благословляет сына Нижним; Суздаль же, кажется, оставался за своими прежними князьями.

С остальными князьями московскими отношения в. князя основывались более на взаимном недоверии: так, когда после краткого размирия с Володимиром Андреевичем заключен был с ним в 1389 г. договор, то в этом договоре было постановлено: «Оже ми, брате, самому сести в городе; а тебе ми послати из города; и тебе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре»; тоже и наоборот. Когда Володимир Андреевич, умирая, разделял волость детям, то он просил в. князя печаловаться о них. Братьев обязал Василий признать сына своего, не признали только Юрий и Константин. Последний и поплатился за это изгнанием; Константин удалился в Новгород и скоро уступил. Вероятно, Юрия опасался Василий и потому не тронул его.

С Новгородом Василий Дмитриевич имел уже известные нам столкновения из-за митрополичьего суда и из-за Двинской земли. В споры князей тверских он не мешался, полагая, быть может, что еще не наступило последнее время Твери. В Василии Дмитриевиче вообще видно много благоразумной умеренности, умения пользоваться случаем и обстоятельствами. Несмотря на то, что Василий Дмитриевич не вмешивался в дела тверские, тверской князь старался не оскорбить его: так, когда Эдигей послал звать его на помощь, он явился без войска и потом и сам удалился под предлогом болезни. Летописец, высказывая мысль современников, очень хвалит такой его поступок: «сие же сътвори, дабы ни Едигеа разгневити, ниже великому князю погрубити, и обоим обоего избежа, премудре бо сиа створи»¹.

Самыми важными из внешних времени Василья Дмитриевича были отношения татарские и литовские. В начале своего княжения Василий Дмитриевич ездил в Орду и получил ярлык от Тохтамыша; несмотря на хорошие отношения, татары производили, однако, мелкие пограничные нападения, а в 1395 г. большая опасность грозила России: джагатайский князь Тимур-Ленк (Тамерлан) восстановил государство Чингиза; Тохта-

¹ П. С. Р. Л. VIII, 83; Ник. V, 25.

мыш был его подручником, но вооружился против него; Тимур разбил его, завладел Сараем и шел на Россию; разграбил Елец; на берегу Оки выставлено было русское войско; а чтобы поднять народный дух, перенесли в Москву знаменитый образ Владимирской Божией Матери; в тот самый день, как образ этот встречали на Кучковом поле, Тамерлан вышел из России. По отходе Тамерлана в Орде начались смуты: ханы сменялись, великий князь начал отказываться платить дань, в Москве посмеивались над послами и гостями ордынскими¹. В Орде управлял тогда от имени хана новый Мамай Эдигей. Недовольный таким положением дел, Эдигей решил наказать Москву и в 1408 г., объявив в. князю, что намерен идти на Витовта, быстро пошел к Москве; нападение было неожиданно: великий князь ушел в Кострому; Москва выдержала осаду в течение месяца и откупилась 3000 р., но соседние города были все опустошены; возвращаясь, прислал с дороги грамоту к в. князю, в которой упрекает его за то, что он слушается молодых бояр (Ивана Федоровича Кошки, предка Романовых) и забывает Орду; но и после нашествия Эдигеева Василий Дмитриевич только раз был в Орде (1412), когда узнал, что хан дал нижегородским князьям ярлык на их отчину. Дарами великий князь уничтожил этот ярлык².

Еще важнее были отношения литовские. Еще в 1386 г. Василий Дмитриевич был в Орде; почему-то он должен был бежать и пробирался через Литву. В это время Витовт взял с него слово, что он женится на его дочери Софье³, что и было исполнено в 1390 г. Сначала между зятем и тестем было согласие: когда Витовт в 1395 г. овладел Смоленском, Василий приезжал к нему в Смоленск; не мешал ему воевать Рязань, союзницу Смоленска; в 1397 г. поддерживал его требование против новгородцев. Скоро замыслы Витовта готовились выразиться шире: он уже требовал покорности Новгорода и только поражение его Эдигеем на Ворскле (1399) несколько сдержало его; тогда заключил он с Новгородом мир в 1400 г. и на время лишился Смоленска, куда возвратился бывший князь Юрий Святославич. Юрий, ища всюду помощи, обратился к Василию; тот обещал помощь, но медлил, а Витовт снова завладел Смоленском и напал на Псков, тогда уже Василий действительно послал войско на

¹ «Послы царевы и гости из орды к вам приездят и вы послов и гостем на смех подымаете, да еще велика обида, истома им от вас чинитца» «Грам. Эдигея» («Собр. гр.» II, № 15).

² П. С. Р. Л. I, 234; III, 105; IV, 113, 201; V, 258; VI, 135, 139; VIII, 86.

³ Ник. IV, 151: «Имяше ж Витовт у себя дщерь едину, и сию восхоте дати за князя Василия Дмитриевича и глагола ему: отпущу та ко отцу твоему в землю твою, аще поимеши дщерь мою за себя, единочадцу сушу у мене».

Литву, которое хотя и не имело успеха, но произвело то действие, что литовские князья начали выезжать в Москву. Началась открытая война: оба князя вывели войска в поле, но приступили к переговорам и разошлись; то же было и в следующем 1407 г. и в 1408 г. Когда приехал в Москву враг Витовта Свидригайло Ольгердович, он получил в кормление Владимир, Переяславль, Юрьев, Волоколамск, Ржев и половину Коломны; он пробыл только год и возвратился в Литву, а с Витовтом в 1408 г. заключен договор на Угре, после чего уже неперемненных действий не было. Выжидательная, медленная, но враждебная политика Василия Дмитриевича и его покровительство литовским выходцам раздражало тогдашнее общественное мнение: видели, что собираются войска, выводятся в поле и — не знали, для чего это делается; видели, что выходцам дается предпочтение и не могли понять почему; не могли понять, почему все внимание в. князя обращено на литву, а не на татар, которых считали опаснее и все объясняли наговорами Эдигея, будто бы ссорящего зятя с тестем¹.

Наследником своим Василий Дмитриевич оставил десятилетнего сына² Василия Васильевича (1425—1462), впоследствии прозванного Темным. Василий Дмитриевич, поручая сына опеке вдовы своей и попечительству дяди Витовта, братьев своих родных и двоюродных и бояр, ни словом не поминает о брате Юрии³; и действительно, Юрий еще при Василии Дмитриевиче не хотел признавать прав племянника на наследство; быть может, опасением Юрия объясняются слова Василиева завещания: «А даст Бог сыну моему Великое княжение, ино и яз сына своей благословляю князя Василья»⁴. Ожидания Василия оправдались: на приглашение митрополита Фотия приехать в Москву Юрий отвечал отказом, и начались неприязненные действия, кончившиеся продолжительными переговорами и наконец договором 1428 г., по которому Юрий отказывается от намерения искать в. княжения⁵, но в 1431 г., когда уже умер Витовт, могший заступиться за племянника,

¹ Ник. V, 19—23. Любопытно в особенности следующее место: «Сшвитригайло ж Лях бе верою, но устроен к брани, муж храбр и крепок на ополчение и рад бысть ему князь великий со всеми бояры своими и вдаша ему грады мнози, мало не половину великого княжения московскаго (далее сочинитель распространяется о Владимире) и сия вся Ляху пришелицу дано быша, темже и беды многи постигоша нас».

² Родился 10 марта 1415 г.

³ «Собр. гр.» 1, 3 42. Не поминается и Константин, которого сопротивление мы уже видели.

⁴ Там же, 83.

⁵ Там же, № 43, 44.

Юрий объявил свое решение ехать в Орду судиться перед ханом. В Орду Василия Васильевича сопровождал умный боярин Иван Дмитриевич Всеволожский (потомок смоленских князей). Этот боярин, склонив на свою сторону разных ордынских вельмож, очень умно поставил вопрос перед ханом Улу Махметом: «Государь волныи царю! — сказал он, — освободи молвить к тебе мне холопу великого князя. Наш государь великий князь Василеи Васильевич ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу по твоему цареву жалованию, и по твоим девтерем¹ и ярлыком, а се твое жалование перед тобой; а господин наш князь Юрьи Дмитриевич дядя его хочет взять великое княжение по умертвии и грамоте отца своего, а не по твоему жалованию водного царя»². Дело было, разумеется, выиграно (1432), но ненадолго; расстроил тот же Иван Дмитриевич; ему обещано было, что в князь женится на его дочери, но Софья Витовтовна избрала в жены своему сыну дочь Ярослава Володимировича (внучку Володимира Андреевича). Оскорбленный Всеволожский уехал к Юрию и начал подстрекать его на войну; неудовольствие усилилось еще тем обстоятельством, что на свадьбе Софья Витовтовна сняла с сына Юрия Василия Косого пояс, который, как ей сказали, принадлежал некогда теще ее Евдокии Дмитриевне³. Юрий так неожиданно напал на племянника, что он едва успел вывести небольшое число ратных, был разбит у Клязьмы, в 20 верстах от Москвы, и понужден уступить дяде стол Московский.

Укрепясь в Москве договором с князьями Можайскими, сыновьями Андрея Дмитриевича, и в князем Рязанским Иваном Федоровичем, Юрий преследовал племянника до Костромы, где он укрылся. По совету боярина Морозова дал он ему, однако, и удел Коломну. Отдача Коломны Василию возбудила против Морозова сыновей Юрьевых: они торжествовали победу и считали себя избавленными от соперника и хотели по праву победы наследовать после отца, а теперь соперник у самой Москвы, в городе, который всегда отдавался старшим сыновьям в. князя.

¹ «Слово турецко-татарское и значит: опись, реестр, инвентарий» «Энци. ликс.» XVI, 223.

² Ник. V, 110; П. С. Р. Л. VIII, 96.

³ «Тот пояс злат о свадьбе великого князя Дмитрия Ивановича подменил Василем тысяцкий, князю великому дал меншой, а тот дал сыну своему Микуле, а за Микулою была того же князя Дмитрия Константиновича Суздальского дочь его большая Марья, и Микула пояс дал в приданые же Ивану Дмитриевичю; а Иван Дмитриевич дал ево за своею дочерью князю Андрею Володимировичю. Потом же по смертии княже Андреявеи, по ординском приходе Иван Дмитриевич княжну Андрееву дщерь, а свою внуку обручал за князя Василья Юрьевича и тот пояс дал ему». Ник. V, 112–113; П. С. Р. Л. VIII, 98. Пояс требовал Захарий Иванович Кошкин, предок Романовых. П. С. Р. Л. VI, 148.

В раздражении, которое еще усилилось тем, что в Коломну стали собираться князья, бояре, дворяне, слуги из Москвы, они убили Морозова. Юрий, рассердясь на детей, уступил Москву Василию и обязался не принимать к себе старших сыновей Василия и Дмитрия Шемяку. Но в 1434 г. помирился с детьми, снова начал войну, два раза разбил Василия и Москву, где скоро умер. Место Юрия спешил занять старший сын его Василий, но братья не хотели подчиниться Василию и соединились с в. князем; Василий был изгнан, но в 1436 г. сделал новую попытку и разбитый великим князем был ослеплен¹. В 1437 г. меньшие Юрьевичи ходили с войсками великий князь против бывшего ордынского хана Улу Махмета, который, изгнанный из Орды, появился в Белеве; Василий не только не дал ему приюта, но еще послал против него войско. Войско потерпело неудачу, потому что литовский мценский воевода Протасьев тоже напал на московские полки. Улу Махмету удалось пройти на Волгу, где утвердился, кажется, в Нижнем. Отсюда в 1439 г. сделал неудачное нападение на самую Москву. После нескольких еще отраженных нападений из Орды Улу Махмета в 1445 г. Василий Васильевич, услышав о появлении на границе двух царевичей, вышел лично против татар, у Суздалья потерпел большое поражение и был взят в плен. Весть об этом произвела сильное смятение в Москве: в. княгини, мать и жена, уехали в Ростов, народ волновался; хан вступил в переговоры с Шемякой, но пока переговоры велись, сладилось дело с племянником о выкупе, который, вероятно, был очень велик²; с в. князем выехало много татар, которым он начал давать поместья, чтобы противопоставить их татарам. К числу таких выходцев скоро присоединились сыновья самого Улу Махмета: Касим и Якуб, бежавшие от брата своего Мамутека, убийцы отца. Возвратясь в Москву, Василий поехал к Троице, здесь захватили его князь Шемяка и Иван Андреевич Можайский (1446 г. февр. 12) и ослепили. Причем высказаны были такие обвинения: «Чему еси татар привел на Рускую землю и города дал еси им и волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости,

¹ В завещании, писанном, вероятно, прежде этого времени, он оставляет Василию Звенигород, Дмитрию Старшему — Рузу, Дмитрию Младшему — Галич, а Вятку — в общее владение. «Собр. гр.» I, № 51.

² «Дати ему с себя откуп сколько может». Ник. V, 200. «Отпусти царь Махмет князя великого Василия на Рускую землю, и взя на нем окупа двести тысящ рублей, а иное бог весть да они». Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 125). «И князь великий виде на окуп в рождественное говение, посулив на себе от злата и сребра и портище всякого и от коню от доспехов пол 30 тысящ, и с ними приидоша 500 татар». пс. (П. С. Р. Л. VI, 213). в Воскр. и Соф. как в Ник.

а злато и сребро и имение даешь татаром»¹. Василия Васильевича заключили в Углич, к нему скоро присоединили детей его, находившихся в Муроме: обманув Рязанского епископа Иону, Шемяка и Можайский уговорили его привести княжичей к ним. Приверженцы Василия частью бежали в Литву (князь Василий Ярославич Воровской, князь Семен Иванович Оболенский, Федор Васенок), а частью, оставаясь в областях Великого княжения, искали случая действовать в пользу Василия: князья Рязанские², князь Иван Васильевич Оболенский³; из них Рязанские пробрались тоже в Литву и соединились с прежними изгнанниками. Увидав такое движение в пользу Василия, Шемяка, поговорив с епископами, из которых всех сильнее в пользу Василия говорил Иона, решился освободить Василия и дать ему в удел Вологду (1446); Василий дал на себя клятвенное обещание («проклятые грамоты») не искать Великого княжения. Приехав в Вологду, Василий отправился в Белозерский Кириллов монастырь, где игумен Трифон снял с него клятву, потом заехал в Тверь, заключил договор с тверским князем Борисом Александровичем, который обещал ему помощь с тем, чтобы он обручил своего сына Ивана (тогда семилетнего)⁴ с его дочерью Марией. С тверскими полками Василий пошел к Москве. На помощь ему шли также служилые татары и бояре, удалившиеся в Литву. Пока Шемяка шел против них, Василий Васильевич легко захватил Москву: в город он вошел воротами, которые открыты были уже для проезда одной княгини⁵. В Москве не любили Шемяку и предание о неправильном суде Шемяке сохранилось до сих пор: С.М. Соловьев очень вероятно объясняет это предание тем, что галицкие бояре давили москвичей. Положение Шемяки требовало, чтобы он берег князей своих союзников, и потому он отдал Суздаль князю Ивану Андреевичу Можайскому, но в Суздале были еще свои князья, и потому, потеряв Москву, он стал искать в них опоры и заключил с ними договор, которым признал то, что они имеют право и на Владимир, и то, что сами могут сноситься с ордой — словом, полную их самостоятельность. Но этот союз не мог спасти его: толпы шли со всех сторон к в. князю; затем и Углич был взят. Тогда Шемяка прибег к посредничеству Михаила Ан-

¹ П. С. Р. Л. IV, 125.

² Потомки Ивана Всеволодовича Стародубского.

³ Оболенские — потомки св. Михаила Черниговского.

⁴ Род. в 1440 г.

⁵ Ульяны, жены Василия (сына Володимира Андреевича).

дреевича Верейского и Василия Ярославича Боровского. Тогда был заключен договор, по которому Шемяка и Можайский остались при своих отчинах, но возвращали назад все пожалования великого князя, все награбленное ими; вызывать их в Москву просили только тогда, когда там митрополит — ручательство за безопасность. Подобный договор был заключен и Можайским. Союзники в. князя Михаил Андреевич Верейский и Василий Ярославич Серпуховской награждены были волостями. Шемяка, однако, не исполнял договора: сносился с Новгородом, с Вяткой, мешал своим боярам переходить в Москву, не возвращал награбленного и т. д. Вследствие этого духовенство послало к нему обличительное послание¹. В этом замечательном послании высказывается мысль об единодержавии, восстание Юрия сравнивается с грехом Адама, которому дьявол «позавиде и положи ему в сердце равнобожество»; много трудов поднял Юрий, «а княжения великого ни како же не досягл, что ему Богом не дано, ни земской из начальства пошლიной»; Шемяку, по их словам, вооружил дьявол; грех его сравнивается с грехом Каина и Святополка. На обвинение в содержании татар духовенство отвечает: «то ся чинит все твоего же деля с твоим братом старейшим с Великим князем неуправленья, и те слезы христианские вси на тебе же» и обещает, что в случае его смирения татары будут отосланы (1447). Но посланием дело не кончилось: в 1448 г. Василий выступил с войском и заставил Шемяку смириться, но в 1449 г. Шемяка осадил Кострому, на этот раз Василий отвлек от него Можайского, дав ему Бежеский Верх. Окончательное же поражение Шемяке нанесено под Галичем (1450). Шемяка бежал в Новгород, делал и оттуда попытки и в 1453 г. умер: говорят, что он был отравлен². Сын Шемяки ушел в Литву; в 1454 г. князь Иван Андреевич Можайский лишен своего удела. В 1456 г. и князь Боровской лишен удела. За что? Неизвестно; сын его тоже ушел в Литву, куда ушел и Можайский³. Князь Суздальский заключил договор с великим князем, по которому оставлял за собой только Городец и несколько сел. Нетронутым остался только Михаил Андреевич Верейский.

Князья рязанские и тверские были слишком слабы, чтобы путаться в московские распри; Новгород вступился было за Шемяку и потому едва не лишился, как мы уже видели, своей самостоятельности; Литва, хотя

¹ «Акты ист.» I, № 40.

² П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 215; V, 31, 271; VI, 171, 180; Льв. II. 348. Сл. «Русск. Свят.» V, 15.

³ Они заключили между собою договор о взаимной помощи.

и заявляла от времени до времени притязания на Новгород, но слишком занята была внутренними вопросами и отношениями к Польше.

Чтобы избежать всяких споров о престолонаследии, Василий еще при жизни объявил старшего сына своего Ивана соправителем: грамоты писались от обоих великих князей. В своей духовной он назначил Ивану самый большой удел: треть Москвы, Коломну, Владимир, Переяславль, Кострому, Галич, Устюг, Вятку, Суздаль, Нижний, Муром, Юрьев; другим сыновьям: Юрию — Дмитров, Можайск, Серпухов; Андрею Большому — Бежеск, Углич, Устюжну, Звенигород; Борису — Ржев, Волок, Рузу; Андрею Меньшему — Вологду. Великой княгине — Ростов, с тем чтобы князья Ростовские продолжали ведать то, что ведали: Нерехту, Романов.

Из церковных дел этого времени замечательно, что, отвергнув унию с католической церковью, предложенную митрополитом Исидором, после возвращения его с Флорентийского собора (1439), Василий предоставил выбор нового митрополита русским епископам и, когда выбран был Иона (1447), только известил об этом императора. С тех пор митрополиты постоянно выбирались и ставились в России.

Бурное царствование Темного почти окончательно решило вопрос об уделах: Галицкая битва была последней значительной битвой удельного времени. Наследнику Василия уже можно было вполне явиться государем.

События в других княжествах Руси Восточной; Тверь, Рязань, Суздаль, Смоленск

Возвышение Москвы и ее окончательная победа будут еще понятнее нам, когда взглянем на историю других главных княжеств Руси Северо-восточной. Более важными княжествами были: Тверское, Суздальское, Рязанское и Смоленское.

Княжество Тверское важно было не столько своим пространством, ибо занимало не всю нынешнюю Тверскую губернию¹, сколько своим положением на верховьях Волжского торгового пути и энергией своих князей. Мы уже видели, каким важным соперником Москве является Тверь при Михаиле Ярославиче и сыновьях его Дмитрие и Александре, видели, как собственная неосторожность Александра была первой причиной торжества Москвы. По смерти Александровой в 1337 г. стол

¹ Торжок, Волок и Бежецк принадлежали к области Новгородской и составляли предмет спора; Ржев долго был Смоленским. См.: «Нас. мест. Тверс. губ.» XVI.

тверской перешел к брату его Константину Михайловичу, который уже управлял Тверью после изгнания брата в 1328 г. и даже ходил с Иваном Даниловичем против Новгорода, ставшего на сторону Александра¹, и вообще слушался Калиты: так, он ходил с ним в Орду. Летописец влагает в уста Александра такую похвалу Константину: «Се... есть наставник и сабратель отчине нашей, о нем же утвердишася люди его по рати сей». Таково, стало быть, было воззрение современников на Константина. Скоро начались смуты и в самом тверском княжении. Константин начал притеснять племянника Всеволода Александровича, княжившего в Холме², «нача имати бояре их и слуги в серебре за волости чрез людцкую силу, и бысть над ним скорбь велика»³. Судиться они отправились в Орду, где Константин умер (1345), а Всеволод вывез себе ярлык на в. княжение тверское несмотря на то, что еще был жив дядя Василий Михайлович Кашинский. Василий, собрав дань с Холмской области племянника, тоже поехал в Орду; Всеволод захватил его на дороге и ограбил; Василий возвратился в Кашин, а когда Всеволод возвратился, «сотворися межи ими нелюбие, а людям тверским тугость, и мнози люди тверские того ради нестроение разыдошася»⁴. В 1348 г. помирил их епископ Феодор, и Василий сел в Твери, «и поидоша к ним людие отвсяду во грады их, во власти и во всю землю Тверскую и умножишася людие»⁵; но когда в 1351 г. Василию привезли ярлык из Орды, то он, вспомнив прежнюю обиду от племянника, начал притеснять людей его⁶. Вражда продолжалась до 1357 г., когда Всеволод приехал во Владимир к митрополиту Алексею с жалобой на дядю; Алексей вызвал Василия, который и приехал: «многа быша межи их глаголания, но конечный мир и любовь не сотворися»⁷. Василий обратился к хану, который «без суда выдал» Всеволода Василию, и Василий снова начал притеснять Всеволода и людей его. Настроение в Твери дошло до того, что епископ не хотел ехать туда, если бы не уговорил его митрополит. Вследствие этого в 1358 г. Всеволод ушел в Литву. В 1359 г. Всеволод вернулся и получил от Василия треть своей отчины; в это же время был

¹ Ник. III, 151.

² Там же, 167.

³ Какое из многих селений тверских, носящих это имя, надо считать местом прежнего города, до сих пор не определено.

⁴ Ник. III, 190.

⁵ Там же, 191–192.

⁶ Там же, 196.

⁷ Там же, 208.

в Твери митрополит Роман, признаваемый в Руси Литовской. Так сильно было тогда влияние Литвы на Тверь, но в 1360 г. в Тверь походил Алексей и поставил епископа Василия; быть может, не без связи с этим событием нападение Литвы на Тверские области. В 1364 г. была в Тверской области язва, от которой умерло несколько князей: Всеволод, Володимир и Андрей Александровичи, а также Семен Константинович¹. Волости их всех перешли к Михаилу Александровичу, владевшему прежде Микулиным. Князь Иеремия Константинович начал требовать удел брата; вступился за него Василий Михайлович; разбирать спор пришлось по митрополичьему благословению епископу Василию, который оправдал Михаила (1365)²; великий князь Дмитрий Иванович вступился за Василия; Михаил ушел к Ольгерду, а митрополит оправдал Василья, который и ограбил в Твери приверженцев Михаила. Возвратясь из Литвы, Михаил помирился с родственниками (1366), но вслед затем Борис уехал в Москву. Мы уже знаем борьбу, которую вел Михаил с помощью Ольгерда против Дмитрия Ивановича, знаем также, как ловко пользовался великий князь Московский спорами между тверскими князьями. Родственными связями с князьями литовскими и укреплениями Твери и других городов старался оградить себя Михаил Александрович, но тем не менее лучшим ограждением была ему покорность, и действительно, после неудачного покушения против Дмитрия в 1386 г. в остальные годы своей жизни (ум. 1399) он уже не изъявлял притязания на в. княжение и занят был делами внутренними: И.Д. Беляев не без основания полагает, что его правление сохранило еще на довольно продолжительное время независимость Твери. Самым важным делом была ссора его с епископом Евфимием; сначала он уговорил Евфимия уйти в монастырь, а потом пригласил для суда митрополита Киприана, который собрал собор частью из русских, частью из греческих святителей; Евфимий был осужден и назначен новый епи-

¹ Ник. IV, 8, упоминание здесь смерти Константина Михайловича, умершего в 1345 г. (Ник. III, 184), надо считать за ошибку.

² Ник. IV, 12. Василий, кажется, не владел тогда Тверью, ибо Михаил называется Тверским (Ник. IV, 15); после суда митрополичьего он приехал в Тверь (там же). Когда он потерял Тверь? в Тверской летописи встречаем такое указание: «науци бо (дьявол) Елену, тогда сущу княгыню великую (жену Василья) да многа завистнаа глаголетъ на него мужу своему, и начат же глаголати князю своему: «видише, господине мой, сын Михаил възмогает, и старшаго ти брата сын, и есть муж доблий, сладок всем, и весь град Тверскый любит его, да убо хоцещи княжети на граде сем, сынове ваши изгнаны будут». Василий начал враждовать на него, а Михаил получил стол, но не объяснено как (П. С. Р. Л. XV, 468–469), не было ли восстания в Твери?

скоп Арсений, который согласился принять кафедру только после вторичного собрания духовенства и после долгих убеждений. Благоразумие Михаила высказалось в том, что он не прибег к силе, а потребовал собор. Благоразумие еще более сказалось в том, что он женил своего сына на дочери влиятельного боярина Феодора Андреевича Кошки. И.Д. Беляев этим браком объясняет, быть может и не без основания, неудачу в Москве Ивана Всеволодовича, ездившего хлопотать против дяди, и даже заключение договора с Василием Дмитриевичем, в котором Михаил Александрович называется братом, а не младшим братом. О смерти Михаила сохранилось сказание¹, из которого видно, как смотрели на него современники: «Бодни убо княжения его разбоиници и тати и ябедники исчезоша, и корчемники, и мытари, и торговые злыя тамги изтребишась, и насилowanie и грабление нигде же обретошась. Люди отвсюду собирайте, грады тверские утверди, враги молитвой и милостыней о Бозеустраши и оружием победы, его же именем сынове тверский хвалятся. К злым страшен и яр бываше, к добрые же милостив и тих». Затем хвалится его благочестие и уважение к духовному сану. В сделанном им распределении волостей между детьми замечательно аналогичное с московскими князьями стремление дать перевес старшему: старшему Ивану дал 8 городов, Василию и Борису² вместе два и Феодору также два³. Братья недолго жили в ладу: великий князь Иван Михайлович уже в 1400 г. начал притеснять братьев: Василий Михайлович Кашинский⁴ обратился к посредству матери, и мать вместе с сыновьями послала бояр своих уговаривать в. князя Ивана, Иван только более рассердился. Тогда вдова одного из братьев Бориса начала искать милости у в. князя, который «наипаче на свой братию нелюбие начать держати, а тех лукавую лесьть возлюбил»⁵; почему он отнял у Василия Михайловича села и отдал их Ивану Борисовичу, Василий просил суда. «Суда ти о том не дам», — отвечал в. князь⁶. В 1402 г. умер Иван Всеволодович Холмский и оставил свою отчину сыну великого князя Александру; в следующем году этот Александр выгнал дядю Ва-

¹ Ник. IV, 385—296; П. С. Р. Л. IV, 359—360 (второе по сходству с Летописью Твер. князей (П. С. Р. Л. XV, 465 и сл.), кажется, ее вариант.

² Вероятно, его сыну, ибо Борис ум. 1395 (П. С. Р. Л. VIII, 65).

³ П. С. Р. Л. IV, 360.

⁴ Кашин, выморочный после смерти в 1382 г. Василья Михайловича (внука известного князя того же имени), отдан Михаилом Александровичем сыну своему тоже Василию.

⁵ Ник. IV, 298.

⁶ Там же, 299.

сия Михайловича из Кашина и Василий ушел в Москву. Василий Дмитриевич помирил их¹, но в 1405 г. Иван Михайлович схватил его и посадил в тюрьму; испугавшись того же, Юрий Всеволодович бежал в Москву; Василий Михайлович, освобождаясь, сделал то же и снова помирился в 1406 г., что объясняет С. М. Соловьев тем, что Василий получил было в кормление Переяславль, но когда выехал из Литвы кн. Александр Нелюб, то Переяславль был у него отнят. Подобные ссоры постоянно велись между тверскими князьями: в 1407 г. Юрий Всеволодович поехал искать в. княжения под Иваном Ивановичем в Орду; Иван Михайлович тоже поехал и восторжествовал²; в 1409 г. возникла распря Ивана Михайловича с Иваном Борисовичем, который бежал в Москву; в 1412 г. Василий Михайлович был схвачен и бежал с дороги; тогда пришел татарский посол и позвал Ивана Михайловича в Орду; Василий в его отсутствие хотел было овладеть снова Кашином и встретил препятствие со стороны Ивана Борисовича, уже помирившегося с дядей; Юрий вернулся из Орды с новыми требованиями, на которые Иван Михайлович отвечал: «Ярлык царев дан ми есть на всю землю Тверскую, и сам Юрий в ярлыце царем дан ми есть»³. Любопытно это притязание на власть над удельными князьями. В 1427 г. умер Иван Михайлович⁴. После него недолго правил сын его Александр и внук Юрий Александрович⁵, который устранил и дядю Василия Михайловича и племянника Ивана Юрьевича, а за ним Борис Александрович. Во время московских смут Борис примкнул к Литве и в 1427 г. заключил договор с Витовтом, в котором Витовт обещает ему помощь, но обязуется не вступаться в его отношения с удельными князьями. По смерти Витовта тверской в. князь колеблется между Москвой и Литвой и выбирает, с кем выгоднее иметь дело: так, между 1437 и 1440 г. заключает он договор с Василием Васильевичем, по которому обязуется воевать и с Литвой, как и с другими врагами Москвы, и выговаривает, чтобы московские князья не принимали от татар тверских волостей. В споре

¹ Ник. IV, 305, 307. Любопытно, что Тверская летопись передает это событие так: «Князь Василей Кашинский не почал слушати брата своего старшаго» и т. д. (П. С. Р. Л. XV, 470).

² Ник. V, 9, 10.

³ П. С. Р. Л. XV, 480.

⁴ П. С. Р. Л. XV, 488. С. М. Соловьев говорит: «Во время сильного морового поветрия» (IV, 88), но он умер 22 мая, а мор начался с Ильина дня (П. С. Р. Л. XV, 488).

⁵ Александр княжил пять месяцев и умер в Дмитриев день (окт. 26), а Юрий — в Юрьев день (ноября 3 или 26) П. С. Р. Л. XV, 488.

Василия с Шемякой тверской князь сначала держал сторону последнего, но, увидя, что Москва хочет Василия, перешел на его сторону и выдал свою дочь за его сына. Когда Литва завоевала Ржев, Борис заключил договор с Казимиром, обещая быть с ним заодно на всех без исключения врагов, а в 1451 г., заключая новый договор с Василием Васильевичем, обещается воевать и татар, и ляхов, и литву, и немцев. При такой слабости Твери и постоянных ссорах понятно, почему она дала Москве усилиться, мало воспользовалась ее распрями и готова была пасть при первом ударе.

На среднем течении Волги помещалось княжество Суздальско-Нижегородское, занимающее северо-восточную часть нынешней Владимирской и северо-западную нынешней Нижегородской губернии. Княжество это образовалось из разных частей: Суздаль, древний город земли Ростовской, со своим уездом, переходил от Святослава Всеволодовича, потомство которого осталось владеть только Юрьевом, к Андрею Ярославичу, из потомства которого вышел не ранее 1279 г., когда поминается сын его Михаил; другая часть княжества была отнята мало-помалу от мордвы и болгар и простиралась не далее устья Оки, где в 1221 г. построен Новгород Низовские земли (Нижний Новгород); главным городом в этой новой земле был Городец (теперь село Балаховинского уезда). Земля эта принадлежала Андрею Александровичу¹. Правнук Андрея Александр Васильевич уже владел Суздалем, и мы встречаем его в числе союзников Калиты при опустошении тверских волостей. Александр умер в 1332 г., оставив свою волость брату своему, знаменитому Константину Васильевичу (ум. 1354); о нем говорит летопись: «Княжил лет 15 честно и грозно, боронил отчину свой от сильных князей и от татар»². Константин Васильевич жил в последнее время в Нижнем, где построил Преображенский собор, в котором и похоронен. Он пользовался большим уважением, и новгородцы после смерти Симеона Ивановича хлопотали в Орде о том, чтобы ему быть в князем. После Константина остались четыре сына: Андрей, получивший Нижний, Дмитрий-Фома — Суздаль, Борис — Городец, Дмитрий Ноготь, удел которого неизвестен. Андрею, по смерти Ивана Ивановича, хан

¹ Едва ли граница простиралась до Суры, ибо Василь-Сурск построил только Василий Иванович. Впрочем, и на Суре могли быть некоторые пункты, ибо мы знаем, что Курмыш (Симбирской губернии) построен Борисом Константиновичем в 1372 г. (П. С. Р. Л. VIII, 19). Вообще эти места, кажется, были спорные.

² Ник. III, 205. Впрочем, это выражение иногда прилагается и к другим князьям сл. Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 236) о Михаиле Олельковиче.

Неврюс, знавший его, вероятно, потому, что он часто ездил в Орду, предлагал в княжение, но Андрей отказался в пользу брата своего Дмитрия-Фомы, борьба которого с Дмитрием Ивановичем уже нам известна; она кончилась браком в. кн. московского с дочерью суздальского князя. В 1365 г. умер Андрей, достаточно сильный для того, чтобы принимать у себя князей, изгнанных Московским великим князем: так у него искали убежища князья Галицкий и Стародубский. Его смерть подала повод к спору между братьями: Борис, не дождавшись Дмитрия из Суздаля, занял Нижний. Вмешательство Московского в. князя и митрополита, пославшего в Нижний св. Сергия, который затворил церкви, окончило спор в пользу Дмитрия (1365–1383). Княжение Дмитрия прошло главным образом в отражении вторжений татарских и союзной с ними мордвы, из которых особенно памятно поражение, нанесенное Арапшей (1377); беспокоили также Нижний новгородские ушкуйцы; с Москвой Дмитрий жил под конец жизни в ладу и, несмотря на то, испугавшись нашествия Тохтамыша, он отпустил с ним под Москву своих сыновей, которые и уговаривали москвичей сдаться. В Нижнем сел опять Борис, но племянники не хотели оставить его владеть этим столом, и Василий Дмитриевич Кирдяпа, выхлопотав в Орде ярлык и получив помощь от Дмитрия Донского, явился под Нижним (1388); Борис принужден был удалиться; за то после смерти Донского опять поехал в Орду, получил ярлык и занял Нижний (1391); почти вслед затем Василий Дмитриевич Московский, получив ярлык и переманив на свою сторону бояр, овладевает Нижним (1392). Мы уже видели, что, собственно, этим не кончилась самостоятельность нижегородского княжения, что как сыновья Дмитрия, так и сыновья Бориса еще ведут борьбу и удерживают за собой по крайней мере Суздаль. При Шемяке они опять несколько усиливаются, но уже ненадолго: около 1451 г. князь Иван Васильевич Горбатый отказывался от своих прав на Суздаль и Нижний и получил в виде пожалования Городец¹. Таким образом, и в этом княжестве те же явления, что и в Тверском, и то же вмешательство московских князей; почему и ясно, что его ждала та же участь, да еще и ранее, как потому что оно было бессильнее, так и по географическому положению: Твери еще можно было опереться на Литву и даже на Новгород, а нижегородские князья, хотя

¹ Он был сын Василия, внук Симеона, правнук Дмитрия Константиновича. Потомки Суздальских князей, князья Шуйские многие служили в Новгороде до конца его самостоятельности.

и роднились с литовскими, но были слишком далеки от Литвы и помогать им не было никакой нужды; помощь Новгорода, с которым они были в союзе, что подтверждает пример Шуйских (служивших Новгороду) и прежний пример ходатайства за них новгородцев в Орде, не могла тоже быть сильна по отдаленности.

Важнее было княжество Рязанское, историю которого до татарского нашествия мы уже знаем¹. Из князей рязанских уцелели во время погрома Ингварь и Олег, бывший в плену в орде. Ингварь (1237–1252) занялся возобновлением города, «обновлением земли Рязанской». При брате его Олеге (ум. 1258) Рязань испытала татарское «число»; Роман Олегович (ум. 1270) был убит в Орде. После Романа осталось три сына: Феодор, Ярослав и Константин, по очереди сидевшие на главном столе; княжение разделилось на волости Рязанскую и Пронскую (линия пронская идет от Ярослава Романовича и с 1308 г. она заняла Рязань), между которыми идут усобицы; между тем Московские князья отнимают у Рязани Коломну. По миру 1320 г. при князе Иване Ярославиче Москва взяла перевес над Рязанью, как видно из того, что полки рязанские вместе с московскими ходили с Иваном Калитой против новгородцев (1333), тогдашний князь Иван Иванович Коротопол, отправляясь с 1340 г. в поход на Смоленск, на дороге захватил и убил своего двоюродного брата, пронского князя Александра Михайловича. Сын Александра Ярослав-Дмитрий прогнал Коротопола из Переяславля Рязанского, тогдашнего стольного города (теперь Рязань)²; ему наследовал брат его Иван Александрович (ум. 1350); а от Ярослава пошли князья Пронские. Ивану наследовал сын его слег (1350–1402)³. Еще молодой Олег начал свою деятельность тем, что отвоевал от Москвы Лопасну. Иван Иванович оставил Рязань владеть этим городом, но при Дмитрии Донском борьба опять возобновилась при участии пронского князя Володимира Дмитриевича, который после битвы Скорнищевской и бегства Олегова занял Переяславль (1371). Олег с помощью татар возвратился в отчину и выгнал Володимира; Дмитрий не желал видеть его врагом, ведя борьбу с Ольгердом и Тверью, и потому помирился с ним. Отношения так были хороши, что в договоре с Тверью

¹ Пособие Д.И. Иловайского: «Ист. Ряз. кн.», М., 1856.

² Рязань (теперь Старая Рязань) оставлена князьями едва ли не немедленно после нашествия татар («Ист. Ряз. кн.», 157); таинственная смерть Коротопола остается необъяснимой.

³ Д.И. Иловайский в противоположность господствующему мнению основательно считает его сыном Ивана Александровича, а не Ивана Коротопола.

Дмитрий признал Олега третейским судьей. Против татар Дмитрий тоже помогал Олегу; так было в известной битве при Воже (1378). Нашествие Мамаю нарушило эти мирные отношения: Олег стал на сторону Мамаю или, по крайней мере, отклонился от борьбы, успех которой был сомнителен. До войны с Москвой на этот раз не дошло, но в 1381 г. был заключен договор, весьма невыгодный для Олега, которым он признавал Дмитрия старшим братом и обязывался иметь с ним одних друзей и врагов. При нашествии Тохтамыша Олег встретил хана покорностью и обвел его около границ своего княжения, показав броды на Оке: «Хотяшебо добра не нам, но своему княжению помогаше»¹. Дмитрий, желая наказать Олега, вступил в область Рязанскую; Олег пошел к Коломне и нанес сильный вред Московскому княжеству (1385). Дмитрий хотел мира, и он был заключен при посредстве св. Сергия, а в 1387 г. Феодор Ольгович женился на дочери Дмитрия. Сопrotивляясь, насколько было можно, Москве, Олег не желал допустить усиления и Литовского княжества и поэтому стал на сторону Смоленского вел. князя Юрия Святославича, преследуемого Витовтом, и начал войну с Литвой, которая кончилась поражением рязанцев под Любутском (1402). Не совсем счастливый в столкновениях с сильными князьями, Олег успел, однако, подчинить князей пронских, ставших вполне его подручниками: кажется, что Пронская волость тогда разделилась и внутренние усобицы помогли Олегу; также удалось ему подчинить себе князей Муромского² и Козельского³. В Олеге нельзя не признать значительной энергии и умения держаться, сколько позволяли силы, между враждующими сильными князьями; стремление противодействовать их усилению составляет характеристическую черту его деятельности. По смерти Олега сел в Переяславле сын его Феодор (1402—1427). При нем Муром уже покорился Москве, а пронские князья возобновили свою вражду с Рязанью: князь Иван Володимирович сосредоточил в своих руках весь удел пронский и отложился от Рязани. Феодор Ольгович с самого начала своего правления заключил договор с Москвой, по которому признал Василия старшим братом, обещал иметь с ним одних врагов; в ссорах с князьями пронскими признавал посредником митрополита. Необходимость этого договора ясна уже из того, что только с помощью Василия Дмитриевича Феодору удалось смирить

¹ П. С. Р. Л. IV, 202.

² Муромские князья — отросль рязанских, но генеалогия их неясна.

³ Потомка св. Михаила Черниговского.

пронского князя (1408). Слабость Рязани даже перед пронским князем принудила наследника Феодорова, сына его Ивана (1427–1456), заключить договор с Витовтом, по которому он признает над собой покровительство Витовта, делает ему уступку волостей (между прочим, Тулы), обещает только тогда помогать Москве, когда того захочет Витовт, и в случае суда сместного признает апелляцию к Витовту. Со смертью Витовта окончилась эта зависимость Рязани от Литвы. Во время борьбы между Василием и Юрием Иван Феодорович колебался между тем и другим; в 1447 г. заключил с Василием договор, по которому Василий обещает ему защиту от Литвы. Умирая в 1456 г., Феодор завещал Василию Васильевичу соблюдение своего осмилетнего сына Василия, в. князь взял его на воспитание в Москву. Таково было положение Рязани при вступлении на престол Ивана Васильевича. Ясно, что только при Олеге Рязань могла соперничать с Москвой, а уже и тогда было не время: до Олега она была занята своими распрями, а после Олега очутилась между двумя государствами, да и человека энергического более уже не было.

Княжество Смоленское долго колебалось между Русью восточной и западной, подобно тому как позднее эта область стала предметом спора между государствами Московским и Литовским¹. В годину татарского нашествия Смоленском овладели литовцы, великий князь Ярослав Всеволодович ходил на Смоленск (1239), изгнал литовцев и посадил князем в Смоленск Всеволода Мстиславича, сына бывшего в. князя Киевского Мстислава Романовича². В 1240 г. сидит в Смоленске Ростислав Мстиславич, сын Мстислава Давидовича, заключает договор с немцами, подтверждающий договор Мстислава Давидовича. По смерти Мстислава княжение его разделено между тремя сыновьями: Глебом, Михаилом и Феодором; последний, получивши Можайск, терпел притеснение от братьев. Он женился на дочери Василия Всеволодовича Ярославского Марии и наследовал Ярославль³. Глеб воевал

¹ О Смоленском княжестве имеем Никитина: «Ист. Смоленска». М., 1848, где древняя история составлена главным образом по Карамзину. История эта, материалы для которой рассыпаны в разных изданиях, еще ждет деятелей.

² «Посади у них князя Всеволода Мстиславича на столе внука Романова Ростиславича» П. С. Р. Л. VII, 144. Отец его имел другое имя Бориса (см.: «Указ к 8 том П. С. Р. Л.» под словом: «Все. Мстисл.») отчего он и называется иногда Борисовичем (сл. Русско-Лив. Акты», 450).

³ Около 1267 г. «Русские Святые». Сент. 81. Предположение основано на том, что дочь его выдана замуж в 1278 г. Об его отношениях с братьями П. С. Р. Л. VII, 173.

с Литвой, союзил с великим князем Ярославом Ярославичем против новгородцев и умер в 1272 г. Наследовал ему брат его Михаил, умерший в 1279 г. После него сел в Смоленске третий брат Феодор Ярославский, который заключил в 1284 г. трактат с немцами любекскими и готландскими. Племянник его Александр Глебович скоро отстранил его и завладел Смоленском: в 1298 г. ходил Феодор Ростиславич на Смоленск против Александра, но возвратился с неудачей¹. В 1301 г. возникла борьба между князем Смоленским и Вяземским из-за Дорогобужа, в которой Смоленский князь был побежден². Еще более опасным Смоленску явился Юрий Данилович Московский, овладевший Можайском и пленивший там Святослава³. Александр умер в 1313 г., оставив двух сыновей: Василия и Ивана. Иван княжил в Смоленске; отказываясь платить выход ордынский, он накликнул на себя большую грозу: в 1340 г. по повелению хана войска русских князей — Московского, Суздальского, Ростовского, Юрьевского и др. опустошили Смоленские волости; несколько ранее ходил на Смоленск князь Дмитрий Брянский⁴ с татарами (1233). В 1359 г. умер князь Иван Александрович, и место его заступил сын его Святослав. Иван находился в некотором подчинении Гедимину и в договоре с Ригой называет себя младшим братом; Ольгерд в 1351 г. защищал Смоленск от московского в. князя Симеона Ивановича. Вскоре по смерти Ивана Александровича Ольгерд приходил войной к Смоленску и посадил своего наместника в Мстиславле, а сын его Андрей занял Ржев, тогда тоже принадлежавший Смоленску. Быть может, это было покушением вполне подчинить Смоленск. В походах Ольгерда на Москву мы видим Святослава его союзником⁵: в договоре 1372 г. он является участником вместе с Ольгердом и Кейстутом, но в 1375 г. Ольгерд воевал смоленские области за то, что Святослав действовал против Твери. В 1386 г., желая воспользоваться смутами,

¹ П. С. Р. Л. VII, 182.

² Там же. Вяземские князья, говорят, происходят от сына Володимира Рюриковича Андрея Долгая Рука (Карамзин, IV, пр. 192). Письмо Александра в Ригу см.: «Русско-Лив. Акты», 23.

³ Глебовича («Ист. России» III, 217) в летописях (Воскр. Ник.) просто Святослав.

⁴ С. М. Соловьев считает Брянских (Орловской губернии) князей Смоленскими («Ист. России» III, пр. 430); А. А. Куник, не указывая родства, ограничивается указанием многообразных отношений князей Смоленских и Брянских («Русско-Лив. Акты», 17).

⁵ Не к этому ли времени относится увещательная грамота Константинопольского патриарха князю Святославу, в которой, упрекая его за союз с Ольгердом, патриарх оправдывает проклятие, произнесенное над ним митрополитом (В. И. Григорович: «Прот. конст. Патр.», 143 в «Ж. М. Н. Пр.», 1847, ч. LIV).

поднявшимися в Литве по случаю брака Ягайлы с Ядвигой, Святослав соединился с Андреем Ольгердовичем и задумал отнять Мстиславль у литовцев; разбитый литовскими князьями Святослав был убит под Мстиславлем, и в Смоленске посажен сын его Юрий подручником литовским¹. В 1395 г., когда между князьями смоленскими возникла распря «по отчине» и великий князь Юрий жил в Рязани у тестя своего Олега, Витовт явился под Смоленском с войском, как будто собрался против татар, и объявил себя примирителем; князья поверили ему: выехали с дарами, и он занял Смоленск и начал войну с Рязанью за покровительство Юрию². До 1400 г. Витовт владел Смоленском, но в этом году смольняне начали сноситься со своим бывшим князем Юрием; Юрий с Олегом явились под Смоленском, преданные ему горожане (впрочем, была и Витовтова партия) отворили ему ворота; Юрий начал правление свое жестокостью: убил Витовтова наместника, кн. Романа Брянского; тем не менее, когда осенью Витовт подступил к Смоленску, ему не удалось взять города. Разбив рязанцев под Любутском и уже по смерти Олега, Витовт снова взял Смоленск, а Юрий нашел убежище в Новгороде³. После этого Смоленск уже не был самостоятельным. Таким образом, из всей истории Смоленска видно, что князьям его нужно было думать о собственной безопасности и некогда было вести спор с московскими князьями.

Не будем говорить о других мелких княжествах, которые по бессилию своему не могли препятствовать возвышению Москвы. Что же касается до больших, то из изложенного нами ясно, что они или по географическому своему положению (соседство с Литвой), или — что все-го чаще — по внутренним раздорам должны были уступить первенство Москве, хотя иногда и противопоставляли стремлениям Москвы довольно энергическое сопротивление. Из рассказанного нами видно также, что в каждом из них были те же стремления, что и в Москве, и, если бы которое-нибудь из них сладило со своими удельными князьями, объединение Руси совершилось бы при тех же условиях, с другим только центром.

¹ П. С. Р. Л. IV, 92; V, 239–241; VIII, 51–52; Ник. IV, 152–154; «Let. Litwy», 41.

² П. С. Р. Л. IV, 101; V, 246–247; VIII, 68–694 Ник. IV, 265.

³ П. С. Р. Л. IV, 107; V, 253; VIII, 76–77; Ник. IV, 308–311. Известна трагическая история Юрия: ему понравилась княгиня Вяземская, муж которой управлял с ним вместе Торжком; Юрий убил кн. Вяземского, но когда хотел обесчестить княгиню Юлианию, она схватила нож, ударила его под мышку и бежала; Юрий убил ее и сам бежал в орду (1407) (из летописей всех обстоятельнее событие это рассказано в «Ар.», 125–126).

Общество Восточной Руси времен татарских: князья, сословия

Характеристикой политической жизни Руси в период татарский, по довольно распространенному мнению (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, отчасти С.М. Соловьев), считается господство понятий частного права, так называемое вотчинное начало. Б.Н. Чичерин так обозначает главные черты тогдашнего быта: «Верховная власть, и равно и земля, на которой живет общество, делились и дробились по наследству, как частное имущество; отношения верховной власти к подчиненным определяются либо частными обязательствами, либо личной зависимостью; сословия или разряды лиц, существующих в обществе, основаны на понятии о наследственной знатности, о наследственных занятиях — одним словом, гражданское право определяет все отношения как общественные, так и частные»¹. В своей соблазнительной простоте и ясности картина эта не соответствует действительности: конечно, нет сомнения в том, что государственные понятия еще не достаточно определились в эту эпоху и не получили вполне раздельного существования, что многое определилось сделкой, имеющей чисто частный характер, что этими сделками (договорами) созывалась мало-помалу «пошлина», из которой вырабатывались государственные понятия. Мы уже видели, что вначале, при появлении общей власти для разрозненных племен, власть эта имела значение третейского судьи; князь с своей дружиной представляется чем-то отдельным от остального народонаселения; отношения их определяются тем, кто сильнее: князь силен, он берет перевес — население становится сильным, оно держит князя, пока он ему угоден. Отношения между ними шатки и неопределенны; власть — значит сила. Таково было положение дела, пока не окрепло разделение Русской земли на княжества и пока не уселись княжеские линии по местам, пока Русь считалась как бы общим достоянием всего Рюрикова дома². Когда же князья оселись, когда явились стремления, не оставляя наследственной волости, усилить ее приобретениями, тогда, разумеется, во многом изменилось отношение и князей друг к другу, и народонаселения к князьям. Является стремление — неопределенные отношения обратить в определенные, являются договоры. Тогда со стороны более сильных князей является

¹ «Оп. по ист. Русск. пр.», 237.

² Не отрицая начала отчинности в первую пору развития уделов, нельзя однако не видеть, что она не составляет преобладающего явления; к тому же отчинность ограничивалась пределами земли (Черниговской, Полоцкой и т. д.), но в пределах этой земли князья по старшинству меняли свои столы.

стремление упрочить свой перевес договором, со стороны слабых — огрaдить себя договором от дальнейших покушений, является необходимость отцу, деля между детьми свои владения, определить точнее волость каждого, обеспечить их взаимные отношения. Таково значение договорных и душевных грамот в татарское время. Ясно, что все надо было устанавливать, и все устанавливалось постепенно: чем сильнее становился князь, получивший преобладание над другими, тем более прав он получал и права эти становились «пошлиной». Само собой разумеется, что, руководствуясь не теоретическими соображениями, для которых они не имели достаточного развития, а практическими видами, князья не делали различия между своими правами как государей и своими правами как землевладельцев и вообще хозяев: свои частные, хозяйственные распоряжения они вносят наравне с общими распоряжениями в свои духовные грамоты. Все это — правда, но нельзя не заметить и того, что различие между селами и волостями, появляющееся в духовных грамотах, свидетельствует, что государственные понятия не совсем сливались с понятиями гражданского права: селом (купленным, вымененным, «извечным») князь владел вполне, волостями и городами владел не как частный собственник: он только пользовался с них доходами и данями — здесь он является государем. Когда город продавался, то продавались только доходы. Самое владение великим княжением, т. е. Владимиром с его округом, носит характер пожизненного владения: оно не переходит в наследство, не передается никаким актом и зависит от посторонней власти. Существование служилых князей, сохраняющих значительную часть своих прав и обязанных службой в. князю, тоже говорит за начинающиеся государственные понятия: вотчинники в своих владениях, они должны поступиться значительной долей своей самостоятельности и стать слугами государства; то же замечается и относительно владений церковных, которые несут в известной степени общее государственное тягло. Стало быть, дробление земель по наследству не препятствует существованию государственных понятий: дробятся доходы. Другие черты картины, представляемой Б.Н. Чичериным, тоже не совсем точны: действительно, в эпоху татарскую начинают определеннее выясняться разряды лиц: служилые начинают выделяться от тяглых и обещаться в наследственный разряд, но это выделение совершается одновременно с начинающимися государственными понятиями и во имя их; можно сказать, что государство не встретило на Руси известные разряды лиц, с которыми должно было вступить в сделки, а наоборот:

для своих целей способствовало их созданию. Процесс этот, начавшийся в татарскую пору, продолжался в Московский период. Таким образом, ясно, что одними понятиями частного права нельзя объяснять периода образования Московского государства, хотя нельзя также отрицать и смешения разнородных понятий.

В договорах московских великих князей с удельными московскими и с другими в. князьями замечаем постепенное усиление власти и значения московских князей: иногда — слова старые, а под ними — понятия совершенно новые. Так, князья называют друг друга отцами и братьями, но эти слова, некогда неопределенные, получают теперь смысл более точный; является даже необходимость градаций: отец, брат старший, равный брат, братья младшие¹. Отношения старшего к младшим выражаются по старому: старший должен быть «печальником» младших (заботиться о них)², быть им во «отца место», «держат их в братстве без обиды»³. При этом замечательно, что князья той эпохи высоко ставят авторитет матери, которая должна решать все споры между сыновьями: Донской поручает своей княгине наградить уделом того сына, который родится по смерти его; в случае бездетной смерти Василия Дмитриевича ей поручает поделить между братьями удел того, который заступит место старшего; по духовной Володимира Андреевича дети обращаются за судом к матери; в договоре Василия Дмитриевича с его братом Юрием положено «держат мать в матерстве и чтят»⁴; в духовной Василия Васильевича детям приказывается: «Слушайте своей матери во всем и из ее воли не выступайте ни в чем»⁵. Такое значение матери, рядом с правом княгини иметь свои села и покупать их вновь, много говорит против установившегося у нас убеждения о слишком зависимом положении женщины в Древней Руси⁶. С другой стороны, это поставление материнского авторитета свидетельствует, как заботились московские князья о сохранении мира между детьми. Другим обеспечением спокойствия является в княжеских распорядках того времени назначение старшему большего удела «на старший путь», что, как мы видим, встречается и в других княжествах. В духовных этот

¹ «Быти ны за один, и мети ему мене отцем, а сына моего князя Василья братом старейшим, а князя Юрья братом, а дети мои меншие братьею младшею». Договор Дмитрия Донского с Володимиром Андреевичем, 1388 («Собр. гр.» I, № 33).

² Дух. Ивана Калиты.

³ Дух. Дмитрия Донского; дух. Василья Васильевича.

⁴ «Акты Эксп.» I, № 10.

⁵ «Сбор. гр.» I, № 36.

⁶ Не забудем честных вдов великорусских былин.

обычай появляется со времен Донского, но понятие о том, что старший должен быть и материально сильнее, выразилось еще ранее; в договоре между сыновьями Калиты мы читаем: «А что есмы съступилися тебе на старейшинство», причем перечисляется, что именно они уступили¹. Мало-помалу рядом со старыми выражениями, издавна принятыми между княжеских отношений появляются новые, признаки новых взглядов: в договоре Донского с Володимиром Андреевичем читаем: «Держати ти подо мной княженье мое великое честно и грозно»². В конце княжения Василия Васильевича эта формула становится обычной; в договоре Володимира Андреевича с Дмитрием Донским встречается даже такое условие: «Тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушания по згадце (по условию) ... а мне тебе кормити по твоей службе»³. Дальнейший шаг мы уже встречаем в договорах времен Василия Васильевича: «А добыет челом мне, великому князю, брат мой молодшей»⁴. Так осуществились опасения Мстислава Ростиславича, предвидевшего, что Андрей Боголюбский хочет видеть не князей, а подручников. Со времен Василия Васильевича мы встречаем в грамотах частые упоминания служилых князей и постоянное опасение, чтобы их не перезвали с их вотчинами: «А князей ти моих служебных с вотчиной собе в службу не приимати; а которым имут тебе служити, и им в вотчину в свой не вступатися»⁵. Эти служилые князья были потомки тех, которые продали свои права Московскому князю: Белозерские и т. д. В своих вотчинах, состоявших часто из одних сел, они пользовались, однако, полной властью, по крайней мере, ограничения неизвестны: они были обязаны службой, уступали известные доходы, но распоряжались в вотчине как хотели.

Договоры предвидели всевозможные столкновения между князьями: не таково было время, чтобы оставлять что-нибудь на добрую волю договаривающихся. Князья обязуются обыкновенно не верить тем, кто будет стараться их ссорить, а исследовать дело и наказать клеветника. Если великий князь пойдет на войну, то должны идти и удельные; они должны идти и тогда, когда он пошлет их, а сам не пойдет; в случае ошибки с которой-либо стороны должно исследовать дело. Бояре и вольные слуги имеют право отъезда, и за отъезд не следует держать

¹ «Собр. гр.» I, № 23.

² Там же, № 27. То же в договоре с Василием Ярославичем; там же, № 45.

³ «Собр. гр.» I, № 27.

⁴ Там же, № 71.

⁵ Там же, № 43.

«нелюбья» князьям друг на друга». Если боярин уедет с кормления до срока окончания службы, то получает кормление только за время своей службы; поместье остается за лицом, его получившим, пока получивший остается на службе¹. Вотчины свои бояре сохраняют даже отъезжая, но покупать новые вотчины в чужих уделах запрещается. В случае войны кто кому служит, тот и должен идти со своим «осподарем»; если великий князь пошлет воеводу какого-нибудь города, то люди этого города, которые служат удельному князю, идут с его воеводой, а его воевода идет с воеводой в. князя; а кто служит в. князю и живет в отчине удельного, те идут с воеводой в. князя. В случае осады города, кто где живет, тот там и сидит. Бояре платят дань со своих отчин тому князю, в уделе которого живут; то же относится до кормлений и путей (кормления — управление волостями, пути — управление известными доходами: конюший путь, сокольничий; эти доходы получались иногда с определенных слобод). Если какой-нибудь князь заведет тяжбу с боярином другого, то каждый из князей высылает «на исправу» по боярину; не согласятся между собой эти бояре, выбирают третьего. В уделах князья владеют полновластно и дают обещание не вступаться в уделы друг друга. То же относится и до доходов, которые они делили между собой (так, Москвой и Рязанью князья владели сообща); в последнем случае иногда были положены сроки, в которые каждый собирает свои доходы; иногда даньщики всех участников отправлялись вместе; торгов князья не могли переводить из одного удела в другой, не могли также запрещать купцам своих уделов ездить в другие для торговли. Новых пошлин и мытов князья не должны заводить; черных людей и купцов обязаны князья московские блюсти сообща. В случае несогласия между князьями они выбирают для переговоров по боярину; в случае несогласия между собой выбранных бояр третьим берут митрополита, а когда его нет в земле, кого выберут. В случае ссоры между подданными различных княжеств назначается суд смесный; в случае несогласия судей выбирается третий. В Москве суд сообща: «А судов ти Московских без моих наместников не судити, и яз иму Московскийи суды судити; тем ми ся с тобой делити»². Дань в Орду вносил в. князь; случай свержения

¹ «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал семь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь ли служити детям моим, село отоймуть». Дух. Ивана Даниловича («Собр. гр.» I, № 22); нельзя, кажется, не согласиться с С. М. Соловьевым, что это село — поместье.

² Дог. Дмитрия Ивановича с Володимиром Андреевичем («Собр. гр.» I, № 33).

ига предполагается; тогда дань сохраняют удельные князья. Таковы общие условия договоров, из которых видны отношения князей удельных к великому князю Московскому. Отношения к другим великим князьям были несколько иные: так, они сами «знают Орду» (т. е. вносят дань), обязуются садиться «на конь» по большей части только тогда, когда сядет «на конь» в. князь Московский.

Хотя мы мало знаем об образе жизни князей этой эпохи, но из всего известного нам видно, что они во многом не похожи были на предшественников своих, князей-дружинников: приобретение становится для них на первый план и заменяет собой удел прежних времен. Есть упоминание о продолжительных пирах¹, об охотах, но удалых походов уже не встречается: Мстиславы отец и сын уже не мыслимы были в ту пору; только необходимость заставляла князей того времени выходить на поле и то, когда можно, дела кончались миром. Князья больше сидели дома и копили доходы, как хорошие домохозяева. Доходы московских князей состояли из даней, из разного рода пошлин таможенных, судебных (вина — вира, поличное, беззашина, татин рубль, пересуд, повоженная куница — пошлина с браков², доходов с их сел) и, кроме того, московские князья занимались торговлей³. Доходной статьей было звероловство (поминаются княжеские бобовники) и охота; еще Андрей Александрович посылал свои ватаги к Белому морю, а Иван Данилович дает жалованную грамоту печерским сокольникам. Задерживая очень часто ордынские доходы, в. князья не возвращали их другим князьям, оттого у них всегда были деньги и для покупки сел и для отвращения в случае нужды ордынского гнева; иногда они ссужали деньгами и других князей: возвратился в 1371 г. из Орды в. князь Дмитрий, а с ним татарские послы «и выведоша с собой из Орды князя Ивана Михайловича Тверского, окупивше его в долгу во орде, даша на нем 10 000 рублей, еже есть тма рублей, и приведоша его с собой на Москву. И взя его Алексей митрополит, и сидел у Алексея митрополита на дворе. И тако пребысть не мало вре-

¹ «Въвратив же ся князь в станы своя и ужинал у собя с всею братьею и з бояры, и пиша длъго нощи» П. С. Р. Л. VIII, 112. То же и при Иване в нападении Арапши.

² Значение этих пошлин определить очень трудно; беззашина может быть выморочное наследство, но вот место, которое этому противоречит: «А коли ромирье князю Великому с Новым городом, а тогда их (людей) Юрьева монастыря на Волоке) в беззашину не ставити». «Акты Эксп.» I, № 4). Новоженная куница была сбором в пользу духовенства, а между тем мы встречаем указание на нее в числе княжих сборов (жалованная грамота кн. Феодора Феодоровича Ярославского Толгскому монастырю, в «Акт. Эксп.» I, № 15).

³ «А князей Великих лоды пошлин нет». Дог. Василия Дмитриевича с Рязанским в. кн. Дмитрием Андреевичем («Собр. гр.» I, № 36).

мя, дондеже выкупиша его»¹. Образ жизни князей был очень прост: это видно из того, как тщательно передают они в духовных разные вещи: бармы, цепи, шубы, кубки; каждая вещь была знакома и имела свою историю, что видно из известной ссоры на свадьбе Василия Васильевича, по случаю замеченного на Василии Косом пояса². Князья жили в деревянных хоромах, которые нередко подвергались пожарам: «загорешася сени под великим князем Михаилом Ярославичем Тверским, и згорел двор князь Михаила Ярославича весь. Божию же милостию пробудися сам князь Михаило и выкинувся со княгиней своей в окно; а сени полны княжат и боярченков спаше, и много стражей и никтож не слыша. И тако инии збежаша, а инии згореша, и казна княжая вся згореша, и порты и все погореша»³.

Во главе хозяйственного управления княжеского двора, а вместе с тем и во главе всего финансового управления — частное хозяйство не различалось ясно от общественного — стояли дворские (дворецкие), за ними следуют: казначей, ключники и дьяки. Дворецкий управляет княжим двором; был особый разряд слуг под дворским, которые не пользовались правом перехода⁴; дворский ведал также всеми повинностями, которые лежали на городских и волостных людях относительно княжеского двора: постройка хором, кошение сена и т. п.⁵ С XIV в. начинают упоминаться и особые казначеи, но упоминание их во множественном числе свидетельствует, что в ту эпоху казначей еще не пользовался особенно важным значением, как впоследствии, когда при Иване Васильевиче он был из бояр. Ключники или тиуны, а также посельские, назначались из рабов. Административные обязанности в волостях и городах отправляли волостели и наместники, получавшие так называемое кормление, т. е. в пользу их шла известная часть доходов: пошлины судеб-

¹ Ник. IV, 31.

² Любопытное изображение князя этой эпохи имеем мы на сакосе митрополита Фотия, где вышиты Василий Дмитриевич и София Витовтовна, в Синодальной ризнице (снимок см. в «Пам. Моск. древн.»).

³ Ник. III, 95.

⁴ «А бояром и слугам, кто будет не под дворьским, — волным воля... а кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи себе не принимают». Дух. Володимира Андреевича («Собр. гр.» I, № 40). При выходе такой слуга лишается земли (там же).

⁵ Что видно из жалованных грамот, которыми даруются изъятия из ведомства княжих чиновников, а в том числе и дворского, напр. «не надобе им (людям Тверскаго отроча монастыря) ни которая дань... ни служба, ни дело княже, ни дворьский, ни старосты ат их не занимают ни прочто». «Акты Эксп.» I, № 15. «Ни города не делают (крестьяне Савина сторожевскаго монастыря), ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, також ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому с тяглыми людьми не тянут». «Акты Эксп.» I, № 15.

ные, пошлина с браков, иногда торговые пошлины¹, а сверх того корм, т. е. ежедневное содержание, первоначально выдаваемое в натуре². Впоследствии корм переложен на деньги и определены сроки, когда он выдается или натурой или деньгами. Таким образом, эти наместники и волостели управляли и судили за исключением таких местностей, которые были изъяты из-под их суда особыми жалованными или уставными грамотами. Характер суда того времени мы можем представить из сохранившегося судного списка времен Дмитрия Донского. Судья пришел на место тяжбы, на луга у р. Шексны. Тягался митрополичий посельский с крестьянином Терпиловым. Посельский говорил, что луг — митрополичий; крестьянин утверждал, что луг — его деревни. Посельский указывал на правую грамоту. В грамоте описан бывший суд, который начинался тем же образом, потом сослались на старожильцев, и старожильцы повели к межам, при чем были судные мужи. После чтения грамоты опять сослались на старожильцев, которые опять повели к межам; старожильцы показывали разное — и судья решил представить дело великому князю³.

В период татарского владычества старое разделение населения на дружину и людей заменяется новым, которое может быть выражено словами московского периода: люди служилые и люди тяглые. Эти два разряда отличаются от прежних своей большей неподвижностью: людин мог сделаться мужем, поступив в дружину, тяглый человек не делается служилым; князья ревниво блюдут за тем, чтобы не убавилось число тяглых людей; конечно, они еще пользуются правом перехода с места на место, но уже этому праву ставятся разные препоны: Троицкий монастырь исходатайствовал, чтобы крестьяне его села Присек лишены были права перехода; ушедших из углицких деревень того же монастыря позволено было возвращать назад; в договорах запрещается принимать на службу людей численных.

В рядах людей служилых прежде всего выдаются бояре. Они составляют думу князя. Симеон в завещании велит слушаться бояр. Бояре пользуются разными привилегиями: отъезжая, сохраняют села и деревни во владениях того князя, от которого отъехали, — живущие не видели

¹ «А гостю Двинскому гостити в лодьях или на возех: с лодии на Устюзе наместником два пуда соли, а с воза две белки, а того боле наместники не емлют у них, ни пошлинники ничего». Двин. грам. («Акты. Эксп.» I. № 13 и др.).

² «Текст Русск. правды» II, 7.

³ На этом документ прерывается.

того князя ведаются, где живут; идут на войну с тем князем, которому служат. Из них выбираются тысяцкие, которые становятся опасны самим князьям (в Москве тысяцкими были постоянно Вельяминовы, в Твери — Зюзины). Имения боярские не были совсем свободны от податей: они тянули «судом и данью по земле и по воде», даже в известных случаях налагался сбор с кормлений и путей; но это в случаях особенной нужды. Зато они получили кормление и пути, отчего явилось название путных бояр: путь — это особый доход, поручаемый в ведение тому или другому боярину, отчего впоследствии — название боярин конюшего пути. Бояре путные освобождаются от обязанности сидеть в городе, а с ними вместе поминаются иногда бояре большие, иногда введенные, отчего С. М. Соловьев считает оба названия тождественными и полагает, что то же означает и окольных¹. Бояре являются главными землевладельцами: они имеют частную собственность вотчины; сверх того уже в этом периоде они начинают получать поместья.

Система поместий — одна из отличительных черт Древней Руси, и потому объяснения ее происхождения и значения разнообразны. Одни ученые (А. В. Лакьер) полагают, что в России до XVIII в. не существовало частной собственности, что, следовательно, вотчины происходят от поместий. Другие (К. А. Неволин), не отрицая существования частной собственности и ранее, думают, что поместья происходят от кормлений, но между поместьями и кормлением замечается существенная и глубокая разница: в кормление отдавались предметы государственного значения — суд, сбор дани и т. п., в поместья отдавались предметы, подлежащие частному праву; это было не иное что, как вотчина, только находящаяся во временном владении. Если помещик или вотчинник получили посредством жалованной грамоты изъятия от суда или приезда княжих людей для сбора дани, то даны ли грамоты одновременно с землей (данной в вотчину или поместье) или после, они все-таки обозначали права другого разряда, несколько не смешиваемые между собой². Такими гра-

¹ «Ист. России» IV, 200—202. Окольный упоминается впервые у Володимира Андреевича. Оба выражения до сих пор еще предмет спора. Д. А. Валуев считает их введенными в местнический распорядок, получившими права на места («Синб. Сборн.», 139); и Д. Беляев полагает, что так назывались лица, посылаемые для суда помимо наместников («Служ. люди», 10). Заметим, что в западной Руси путные бояре значили кажется не то: «а коли з росказанья нашего на дорогу поедут, того году ничего платити не мают... а будучи на дорозе служити им по старому». «Акт. зап. России» III, № 19.

² Первая известная нам по упоминанию жалованная грамота дана Иваном Даниловичем (см.: «Акты Эксп.» I, № 46).

мотами они освобождались от суда с известными исключениями (постоянное исключение — душегубство, иногда прибавляется разбой и татьба с поличным); суд на них самих переносился к в. князю. С этим вместе соединялось освобождение от сборщиков и даже некоторых податей. Все это было льготой, и самое существование льготы, по верному замечанию А.Д. Градовского, свидетельствует, что общим правилом было подчинение вотчинников и помещиков всем общим обязанностям. Система раздачи поместий только что начинает появляться в периоде, о котором мы говорим. Появление ее тесно связано с развитием мысли о государе, как верховном собственнике всей земли: вначале, когда каждый занимал землю необработанной и считал ее полной своей собственностью, когда земля не имела никакой цены, не нужно было и подтверждения на нее; но теперь, когда земля становится ценностью, право на нее подлежит спору, и государство должно давать подтверждение на это право; с другой стороны, князь занимал для себя незанятые земли; сначала он раздавал их в вотчину: примеры раздачи в вотчину встречаются и позднее; но в церкви уже выработалось понятие о том, что земля, принадлежа церкви, есть земля неотчуждаемая¹. Вследствие такого воззрения, церковь начинает раздавать земли в поместья. Такие раздачи мы знаем по грамотам XV в.² Такие раздачи, вероятно, бывали и прежде и могли послужить примером и для государства. Ко всем этим причинам образования понятия о верховном собственнике земли могло присоединиться и влияние татарского понятия о том, что вся земля принадлежит хану; свергнув иго, князья могли перенести на себя эту верховную власть хана. Таково предположение Неволлина, которое, впрочем, во всяком случае, едва ли имеет первостепенное значение, при примере церкви и важности для князей связать служилое сословие и при том положении дел, по которому все права служилого сословия происходят от князя, а без пожалования оно находилось в отношениях равных со всеми остальными. Самое право землевладения не было ограничено в эту эпоху одним сословием: в «Нижегородской летописи» мы читаем, что гость Тарас Петров в XIV в. купил у князя несколько сел за Кудьмой рекой; в «Списках Двинских земель» Лука Строганов поминается как землевла-

¹ «Ист. местн. упр.», 30. «А что погосты и села и земли и воды и пошлыны, что потягло в церкви Божьи, или купля, или кто дал по души памяти деля, а в то ни один христианин не вступается». «Акты ист.» I, № 7.

² «А в прок им себе тех деревень и селищ не освоить, ни продать, ни закобалить, ни по душе не дать, ни иною ни которою хитростию от церкви Божией не отстаивати, занезе те деревни церковные пречистые Богородицы». «Акты юр.», № 8.

делец, а Строгановы никогда не были служилыми людьми. Быть может, скажут, что он новгородец, но, в отношении общих прав на землевладение, тогда еще не видим различия в разных частях Русской земли.

Кроме бояр, поминаются слуги вообще и дети боярские¹, поминаются слуги под дворским, ордынцы (думают, что так назывались выкупленные из плена в Орде), делюи (княжеские ремесленники).

Вне разряда служилых людей стоят гости, купцы. Низшее сословие называется людьми черными, численными, оттого что они подлежат числу. Численными людьми князья московские ведали сообща, сознавая, таким образом, их общее государственное значение. Волости, в которых они жили, несли все повинности; в этом отношении и владельческие земли, не освобожденные особыми грамотами, нисколько не отличались. Подати отбывались посочно². Крестьяне сидят на общинных, или на своих собственных, или на владельческих землях. Крестьяне, сидящие на черных землях (или общинных), являются юридическим лицом: защищают свою землю в суде, покупают ее, выкупают, призывают переселенцев и т. д.; крестьяне, живущие на чужих землях, находятся к землевладельцу в различных отношениях, или они платят ему половину (изполовинки) или треть (третники) урожая. Есть особый разряд, серебряники, вероятно те, которые получили от владельца деньги на обзаведение³. Иногда крестьяне должны были отправлять работу на землевладельца (И. Д. Беляев полагает, что это относится исключительно к серебряникам). Эти работы обозначены в уставной грамоте митрополита Киприана Константинову монастырю: церковь наряжали, двор тынили, хоромы ставили, пашню пахали изгоном (барщиной), пруды прудили, сады оплетали, хлебы пекли, пиво варили и т. д. Переход крестьян допускался в московских землях

¹ «Князи мои, дети боярские и люди дворные». «Акты ист.» I, № 1 (Жал. грам. Василия Вас. Спасо-Евфимьеву монастырю). Происхождение детей боярских — вопрос еще не вполне решенный: обыкновенно считают их прежними отроками детскими; И. Д. Беляев полагает, что они суть действительно дети бояр, но потерявших свое земское значение с тех пор, как боярство стало чином («Служ. люди», 24); П. В. Павлов считает их изгоями и приравнивает боярские семьи к княжеской: «аще князь осиротее», думает, что тоже будет и с боярином («Об ист. знач. Бориса Годунова», 114. М., 1850). Мы не можем принять ни того, ни другого мнения. Указания на другие мнения ученых по этому вопросу см. у А. Н. Горбунова: «Льготн. грам.» («Арх. ист. и практ. св.», 1860—1861, VI).

² «Мои дети пошлют писцев, да уделы свои писцы опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людям». Дух. Василия Васильевича («Собр. гр.» I, № 87.

³ И. Д. Беляев «Крестьяне на Руси». Указание грамоты Михаила Андреевича, что серебряники должны до отхода заплатить предварительно серебро, говорит против мнения С. М. Соловьева («Ист. России» IV, 238), что серебряниками назывались платившие деньги за право пользования землею.

в Юрьев день осенний по окончании работ. Мы видим, что уже были попытки совсем уничтожить переход. Нередко, занимая какую-нибудь землю, монастырь или частный владелец испрашивали дозволения основать на ней слободу, т. е. дать льготу переселяющимся на известное число лет от всех или некоторых повинностей.

Церковь

Русская церковь в период татарского владычества, как мы уже видели, сослужила великую службу Русской земле: политическое единство Руси создано было при сильном содействии со стороны духовенства. В нравственном отношении духовенство в эту пору оказало не менее важные услуги: оно являлось главным представителем нравственного начала, потому и князья обращались к посредству духовных лиц, которые были между ними примирителями, третейскими судьями. Авторитет духовных лиц был единственным авторитетом, сдерживавшим, насколько возможно, личный произвол и кулачное право, преобладавших в тогдашнем обществе; несомненные примеры добродетелей некоторых подвижников ярко выделялись в обществе, так поставленном, что в нем преобладали сила и ловкость. Духовенство в своих поземельных владениях представляет гражданскому обществу примеры возможного по условиям времени устройства и сильно хлопочет о том, чтобы земский мир распространялся и на всю землю; в отношении юридическом мы замечаем, что духовенство стоит часто за более правильные понятия: так, оно постоянно осуждает обычай поля. В отношении умственном духовенство — единственное грамотное сословие и потому одно представляет умственный интерес в обществе: как ни бедно было образование в Руси Суздальской, как ни неискусны были попытки литературные в этой части Русской земли, по и они преимущественно принадлежат духовенству. Едва ли не следует признать, что составителями грамот в Московское время были люди духовные или их дети. Самое имя дьяк, кажется, говорит в пользу этого мнения. Таково отношение духовенства к светскому обществу в период татарский; были, конечно, и черные стороны, но они объясняются условиями времени как нравственными, так и общественными и экономическими. Со стороны нравственной, надо помнить, что духовенство бралось из того же общества да еще имело пред собой пример Цареграда, где все было продажно в эпоху падения империи; условия экономические, в которые духовенство было поставлено своими обширными владениями, не могли тоже остаться без влия-

ния на чистоту нравов. Полупросвещение духовенства, вследствие которого возможно было такое смешение понятий, которое встречаем в известном послании новгородского владыки Василия о рае, тоже многое объясняет в характере и деятельности духовенства.

Во главе церкви Русской стоит митрополит, который по-старому поставляется в Константинополе; но в эту пору мы замечаем большое число русских, поставленных в митрополиты, причем были случаи поставления враз двух кандидатов, назначенных двумя сильными князьями. Патриархи, соглашаясь на поставление кандидата, указанного русскими князьями, соглашались не даром: мы знаем, что поставление стоило дорого¹, — и постоянно хотели сохранить за собой право ставить грека; в грамоте патриарха Филофея, по случаю поставления св. Алексея, говорится: «Отнюдь не соизволяем и не полагаем, чтобы впоследствии и кто-нибудь другой из обитающих в России был там архиереем; напротив, пусть поставляется туда только из сего богознаменитого и богопрославленного и благоденственного Константинополя муж, украшенный добродетелью и благими нравами, известный и воспитанный, по сказанному, в силе слова и опытным знании церковных законов, чтобы сам собой, не нуждаясь ни в ком со стороны, удобно мог и представляющиеся канонические вопросы решать с соблюдением церковных правил, и живущий там христоименитый народ приводить к спасительной пажити»². Вследствие таких воззрений в Константинополе иногда ставили и своих кандидатов (Феогност, Фотий, Исидор). Кажется, что самая уступка объясняется большей настойчивостью князей московских и литовских, ослаблением Византии³ и боязнью потерять милостыню, которая шла из России.

¹ «Русь же позаимовав тою кабалою сребро в долг на имя князя великого у Фрязи у бесермян вrostы и иже и до сего дни тот долг растет, его же есть вьше 20 000 рублей сребра; и разсулиша посулы многи и раздаваша сюду и сюду, а яже поминков и даров никтоже может реши или изчислити, и тако едва возмогоша утолти всех», — рассказывается в летописи по поводу поставления Пимена, самовольно просившего поставления вместо умершего в дороге Митяя (Ник. IV, 76). Патриарх и царь после подарков решились на постановление, несмотря на то, что был митрополит Киприан. «Гораздо познали, — говорится в грамоте Витовта по случаю отделения митрополии, — штож они (греки) хотят того, чтобы по своей воли ставити митрополита, по накупу, хто ся уних накупит на митрополью, штобы таковой в их воли был, zde бы грабя, пусто чиня, а к ним выносил». «Акты зап. России» I, № 25.

² Пр. Макария: «Ист. церкви» V, 281. Автор полагает не без основания, что иерархи греки все отправляли в Грецию (там же, 285).

³ Притязания греков, однако, нисколько не ослабели: в грамоте патриарха к Василию Дмитриевичу встречаем требование, чтобы в Москве поминали императора на ектини, ибо он, как говорит патриарх, «поставляется в царя и самодержца Римского, т. е. всех христиан» (там же, пр. XI).

Власть митрополита была двоякая: с одной стороны, он был главой Русской церкви, с другой — он имел свою отдельную епархию. Он избирал и рукополагал епископов, которые при поставлении произносили свое «исповедание веры» и получали «настолярную грамоту»; вместе с епископами он судил епископов. Примеров много в летописях: вспомним уже указанный пример суда над Тверским епископом Евфимием. Как глава Русской церкви, митрополит председательствовал на соборах русского духовенства: таков был знаменитый собор 1274 г. при Кирилле II, на котором были исправлены злоупотребления, вкравшиеся в церковь. Часто он действует прямо посланиями от своего лица к отдельным лицам или целым обществам; иногда же послания пишутся от всего духовенства. От подведомственных ему епархий митрополит имел определенные доходы: посещая епархию, он получал дары и права месячного суда, из-за чего велась упорная борьба с Новгородом; сверх того он получал постоянную дань с духовенства всей митрополии: «Исповедую яже имать пошлыны митрополичьский престол, — говорится в «Исповедании веры» епископов, — во всем пределе моем соблюдать непреложно»¹; ему же шли пошлыны за поставление в епископы. В случае месячного суда он получал судебные пошлыны. Отдельную епархию митрополита составляли две области: к одной принадлежали Москва, Владимир с уездом²; к другой — Киев, Вильно, Новгород Литовский и Гродно. Когда на Руси был один митрополит, то, живя в Руси Северной (с Максима, управлявшего паствой с 1283—1305), назначал он в свою южную область наместника, который имел значение административное, а не церковное, как и наместник новгородского владыки во Пскове; впрочем, и в Московской епархии был иногда наместник, которому митрополит поручал большей частью дела судебные. Церковными округами, называемыми десятинами, в административном отношении заведовали десятинники. Доходы митрополита, как епархиального архиерея, состояли из пошлын с церковей (заезды, сборное), из судебных пошлын и доходов с вотчин (пожалованных митрополии или купленных)³.

¹ «Акты Эксп.» I, № 370.

² Отдельные епископы Владимирские были только до 1299 г., за исключением Симона (около 1326) и Алексея (1353—1354); Суздальское епископство существует с 1346 г. К нему принадлежал и Нижний и Городец, о которых возник спор с митрополитом.

³ В татарское время управляли митрополией: Кирилл II (1243—1280); Максим (1283—1304); св. Петр (1308—1326); св. Феогност (1328—1353); св. Алексей (1354—1378), при нем Феодорит, поставленный Тарновским патриархом; Роман, поставленный в Константинополе по воле Ольгерда (1355—1361); Антоний, поставленный в Галиче по воле Казимира

Другие иерархи в своих пределах пользовались полной канонической властью; отношения к князьям и народу оставались те же, что и прежде: и князья и народ считали себя вправе вмешиваться в дела духовные: так, князь Ростовский восстал на епископа Тарасия; народ в Муроме — на св. Василия, который переселился в Рязань (ум. 1295). На содержание свое иерархи получали пошлыны с духовенства и судебные, а также имели свои села. Всех епархий в начале XV в. считается 18, из них многие были новые, в том числе самая важная Сарайская, учрежденная для христиан в Орде (1261); некоторые старые были закрыты после татарского нашествия.

Число монастырей возросло в татарскую пору, особенно во вторую ее половину. В начале ига ни в Центральной России, ни в Южной не могли возникать новые монастыри: возможность татарского опустошения всегда грозила им; даже старые не всегда возникали из развалин, и хотя религиозное чувство под влиянием бедствий стало сильнее и мы видим многих князей, постригающихся в монахи в смертный час, но оно нигде, кроме Новгорода, не выражалось деятельно: какое-то тупое отчаяние овладело русскими людьми. Когда иго облегчилось, князья стали выражать свое религиозное чувство основанием монастырей; с другой стороны, стали около прославившихся пустынников собираться толпы; так возникли сами собой другие обители. Всех монастырей восстановлено и вновь устроено во время татарское более 180; некоторые из монастырей были очень многочисленны: в Спасо-Евфимьевском суздальском было до 300 иноков, но большая часть монастырей были немногочисленны: бывали монастырьки, в которых жило человек 5—6 и даже менее. Право основать монастырь ничем не было стеснено в эту эпоху, потому они так легко и возникали. Когда обитель возникала в отдаленных местах, братья занимали пустопорожние земли и обрабатывали их; на эти земли они переселяли новых поселенцев, и, когда князь давал льготную грамоту, появлялась слобода; благочестие наших предков поддерживало обители,

(1371); еще при жизни Алексея поставлен Киприан (1376); по смерти Алексея В. кн. Дмитрий Иванович послал ставиться архимандрита Михаила (Митяя), который умер в дороге; спутник его Пимен поставлен в Цареграде (1380). Киприан признан в Москве (1381), изгнан после нашествия Тохтамыша (1382); признан Пимен; в Цареграде поставлен Дионисий (ум. 1385); Пимен осужден патриархом, ходил в Константинополь и умер в дороге (1389). Киприан остался один (ум. 1406); Фотий (1408—1431); при нем в Литве — Григорий Самвлак (1416—1419); в Москве избрали Иону, а в Литве Герасима (ум. 1435); из Цареграда прислали Исидора (1437—1442), по свержении Исидора поставлен в Москве Иона (ум. 1461); а на Литву изыскал притязание Исидор и ученик его Григорий (с 1458). С тех пор окончательно разделилась митрополия.

принося дары и вещами и землями. Вновь основанный монастырь мог подчиняться или не подчиняться местному владыке; если монастырь основывал князь, как свое богомолье, то он находился под его покровительством и подчинялся его суду; князь принимал участие в избрании монастырских властей и обгонял свой монастырь от всех. Таков, напр., монастырь Ольгов рязанский; были монастыри извечные митрополичьи. Симонов монастырь прямо зависел от патриарха и назывался патриаршей ставропегией. В зависимости от некоторых монастырей находились другие, называемые приписными: эти последние получали оттуда своих настоятелей, туда давали отчет обо всем. Бывали женские монастыри, состоявшие под одним управлением с соседними мужскими. Монастыри были тогда или общежительные или необщежительные, т. е. такие, в которых монахи сходились только на церковные службы. Дионисий Суздальский в уставной грамоте Псковскому Снетогорскому монастырю такими чертами изображает общее житие: «в монастыри сем честнем ничто же своего ни игумену, ни братии, но все отдати Богу и Святее Богородици в монастырь: ни ести в келии, ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни клучнику не дати ни кому же ничего же без игуменова слова; ести ж и пити в трапезе вкупе ведем; опрочь же трапезе ни ясти ни пити ни какож, ни до обеда, ни по обедех; а допияна ни какож не пити. А одение потребное имати у игумена, обычный, а не немечских сукон, и шюбы бораньи носить без пуху, и обувь и до онущь имати у игумена, а лишних одеж не держати. А в церкви по правилу и по уставу святых отец да пойт. А на службу идеже аще послеть мниха, без ослушания да идет; а без благословенна игумена никакож не ходить никуды»¹. Подобных правил держались и во многих других монастырях. В рукописях XIV в. сохранилось очень много наставлений монашествующим, из которых в особенности известен так называемый «Завет Мнихам». В этом «Завете», едва ли не переводном, встречаем строгие предписания блюсти чистоту телесную, иногда из недоверия к твердости человека противостоять житейским искушениям, переходящим, быть может, границы благоразумной осторожности². Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о появлении этих правил скорее на Востоке, чем на Севере. Монастыри, единственное убежище людей грамотных, служили главными центрами просвещения: в них собирались и переписывались книги. Примеры строгой жизни многих отцов служили укором разну-

¹ «Акты ист.» 1, № 5.

² Таково остережение о сближении с юношами.

зданности нравов эпохи, и авторитет подвижников был так велик, что за советом к ним обращались князья и любили с ними беседовать. Во многих монастырях строгость правил держалась примерами высоконравственных, прославленных своей святостью основателей: св. Сергия и св. Кирилла Белозерского. «И яко же сам блаженный Кирилл опасно попечение имеяше о благочинии монастырском иноческом, — говорит Иосиф Вольцкий, — таковии бяху и ученицы его, иже по нем; сему убо подобящися и предания его в сердцых своих имуще и никакоже попускающе безчинным и презоривым, и не хранящим, ни брегущим святого Кирилла предания. О сем всегда подвизающесе не точию к подобным себе иноком, но и к настоятелям»¹. Таковы были многие монахи, но далеко не все были таковы: многие шли в монастырь, привлекаемые относительной безопасностью, почетом и богатыми монастырскими имениями. Такие люди заводили ссоры, пьянство, бродили из монастыря в монастырь. Против них писались послания, принимались меры: митрополит Киприан запретил удостоивать священства и даже Св. причастия таких бродячих иноков. Между монахами и между светскими людьми встречаются лица, пользующиеся уважением к предметам священным для своих личных корыстных целей, благодаря простодушной вере людей той эпохи, распространявших свое уважение к святине и на человека, охраняющего ее. В начале XV в. явилась на Колоче икона Божией Матери, ее заметил крестьянин Лука; пользуясь уважением к этой иконе местных жителей, Лука обогатился: «себе же дом созда удивлен, якоже княжеский, в нем же храмы светлы и вел ицы и многи рабы и рабыни притяжа и отроки предстоящая ему, и притекушая светлыми одежами оболчени, и трапеза его многа драгого брашна от тука и масти исполнена и много пития благовонного... и тако Лука от препростия в суровство применися, и не токмо вельможам и властелем и сановником сопротивен являшесе, но и самому князю Андрей Дмитриевичу жесток и не покорен бываше, еще же и ловы деющих на князя бьяще их и грабляше, соколы же и ястребы княжия к себе взимаше»².

Самыми знаменитыми из монастырей этой эпохи были Троицко-Сергиевский и Кирилло-Белозерский. Троицкий монастырь основан был св. Сергием, в миру Варфоломеем (р. около 1314 г., сконч. 1391). Еще в детстве отличался Сергей необыкновенным воздержанием

¹ «О свят. от. в мои Рустех» 4.

² «Ст. кн.» I, 567. См. грамоту св. Кирилла по случаю нахождения иноны («Ист. Росс. иер.» IV. 413.

в пищу. Переселясь с родителями в Радонеж из Ростова, он продолжал ту же жизнь, отклонял предложение брака; по смерти отца и матери, постригшихся в Хотькове монастыре, он удалился в пустыню: страна эта была так глуха, что еще при Никоне, преемнике Сергия, в лесах тамошних ловили бобров¹. Три года он жил одинок, но наконец стали собираться около него другие люди, желающие тоже поселиться в пустыне; образовался небольшой монастырь; Сергей разделял работу с остальными братьями и сам, подобно Феодосию, служил всем. Епископом Волынским, проезжавшим чрез Переяславль Залесский, поставлен был Сергей в игумены (1354); с тех пор обитель начала расти; «искажиша пустыню, — говорит биограф Сергия, Епифаний, — и не пошадеша, и составиша села и дворы многи»². При Сергии обитель славилась не богатством, а добродетелью своего основателя: «толику же нищету и нестяжание имеяху, — говорит Иосиф Волоцкий, — яко во обители блаженного Сергия, не на хартиях писаху, но на берестех, сам же блаженный Сергей таковы ризы худы скропаны и ношаше, яко множицей не познаваем бываше от приходящих, но мняху его единого от проситель быти»³. Оттого и Алексей хотел иметь Сергия своим преемником, и Дмитрий приходил просить его благословения, отходя на бой с Мамаем; оттого Троицкий монастырь был, подобно Печерскому, митрополией стольких монастырей⁴.

Другим таким деятелем явился св. Кирилл, основатель Кирилло-Белозерского монастыря (р. 1337, ск. 1427), родственник Вельяминовых. Кирилл, в мире Козьма, принадлежал к высшему слою общества, но тем не менее рано задумал он постричься и поступил в Симонов монастырь, где достиг звания архимандрита, но, искушаемый посещениями приходивших с ним советоваться, Кирилл сначала затворился в келье, а потом ушел на Белоозеро в пустыню и спасался здесь в подземной келье; когда же начали приходить многие, он выстроил церковь. Распространилась

¹ «Ист. опис. св. Троиц. лавры» 3. М., 1852.

² Там же.

³ «Сказание о св. отцах» 4 («Чт. в общ. ист.» год 2, кн. VII). Бедные ризы Сергия и деревянные сосуды, в которых он служил, до сих пор сохраняются в Лавре.

⁴ Сам Сергей основал Благовещенский монастырь на Киржаче; Спасо-Андроников (в Москве) основан по воле митрополита Алексея, учеником Сергия Андроником; близ Ростова, по благословению Сергия, основан монастырь Борисоглебский; при возвращении из Нижнего Сергей основал в Гороховском уезде монастырь Георгиевский; племянник Сергия, Феодор, построил Симонов монастырь в Москве; по просьбе Владимира Андреевича основан в Серпухове самим Сергием монастырь Высотский; по желанию В. кн. Дмитрия Ивановича устроены Сергием монастыри: Дубенский на Стромыне, Дубенский на Острове и Голутвинский.

молва о нем, и один из местных бояр задумал его ограбить: явление весьма частое в ту эпоху; дело это не удалось, и с тех пор не беспокоили Кирилла, который пользовался до конца жизни большим уважением: давал советы князьям и самому великому князю, и они выслушивали эти советы. «Аще кто от бояр согрешит, — писал он к Василию Дмитриевичу, — не творит всем людям пакость, но токмо себе единому; аще ли же сам князь, всем людем, иже под ним, сотворяет вред»¹. В библиотеке монастырской до сих пор сохраняются книги, писанные св. Кириллом, из них особенно любопытна книжка правил, в которой находим объяснения естественных явлений: грома, падающих звезд, заимствованные из писаний Галена. «Стало быть, — говорит С. П. Шевырев, — Кириллу не чужды были сочинения древних о законах естества, и он пользовался ими в дебрях Севера для того, чтобы разгонять предрассудки народные и объяснять явления природы естественным образом»².

Из монастырей выходили миссионеры, распространявшие христианство между язычниками преимущественно в Северной России. Самым важным из таких деятелей является в описываемое время св. Стефан Пермский (ум. 1396). Уроженец Устюга Великого и сын причетника соборной церкви, Стефан рано выучился грамоте и пристрастился к чтению: он прочел уже многие книги Ветхого и Нового Завета, что в то время составляло большой труд, ибо книги были не собраны в одно целое, а существовали отдельно. Узнав, что в Ростовском монастыре св. Григория много книг, Стефан поехал туда и там постригся. Здесь он вполне отдался чтению, здесь же укрепилась в нем давняя мысль — проповедовать Евангелие в земле Пермской, соседней с его родиной. В уединении монастырском он готовился к этому великому подвигу: учился языку зырян, учился по-гречески, что должно было служить ему пособием при переводе священных книг, и составлял азбуку пермскую, приняв, вероятно, во внимание значки, употреблявшиеся у зырян в домашнем быту. С благословения коломенского епископа Герасима, т. к. митрополита тогда не было в Москве, посвященный в священника, Стефан отправился на свой подвиг (1379), везя с собой перевод необходимых книг³. В местечке Усть-Выми (при слиянии Выми с Вычегдой) поселился Стефан

¹ «Акты ист.» I, № 12; другие его послания там же, № 16, 17; и завещание там же, № 32.

² «Поездка в Кир.-Бел. мон.» II, 25. М., 1850. о Кирилле см. в этом сочинении и в «Русск. святых».

³ Книг этих не сохранилось. Соображения о причинах их исчезновения см. в указанной статье П. Д. Шестакова.

и здесь начал проповедовать, встречая сопротивление язычников, в особенности волхвов. Тем не менее он обратил многих, построил церковь и начал обучать грамоте; один из волхвов предложил было испытание огнем и водой, но сам отступил после от своего предложения и тем способствовал торжеству Стефана. Съездив в Москву в 1383 г., Стефан вернулся оттуда епископом и до конца жизни продолжал свою благотворную деятельность, служа своей пастве и тем, что то отвратит от нее нападения вятчан, то съездит хлопотать в Новгород, чтобы удержали ушкуйцев. Этим он еще более привязывал к себе туземцев и тверже укреплял в вере.

Свою пастырскую деятельность иерархи наши выражали в поучениях, посланиях и, наконец, в правилах, составляемых на соборах или издаваемых от лица митрополита. Из такого рода актов самым важным для татарского периода являются постановления Владимирского собора 1274. Этими правилами запрещается симония: посвящающие «на мзде» игумена в игуменство или попа к церкви «да боудуть извержени»¹; запрещающая ставить в священника людей неодобрительной нравственности, отцы собора прибавляют, что нельзя ставить и того, кто «в лживе послушестве был боудеть, вли оубииство створил боудеть, волей или ноужей, или резovníк, или челяде дроуча голодом и наготой, страдой насилье творя, или дани бегая, или чародеець»². Далее запрещается обливательное крещение³; запрещаются бои, которые делались на большие праздники, где бились дреколем; запрещается пьянство священников и совершение некоторых треб людьми, не имеющими на то права. Митрополиту Кириллу, при котором состоялся этот собор, принадлежит «Почтение попом», вызванное недостатками духовенства того времени и находящееся в связи с собором 1274 г. Запрещая совершать богослужение впавшим в грехи, митрополит повелевает священникам неослабно наблюдать за нравственностью прихожан и в чем сами недоумевают, о том обращаться с вопросом к нему. Правила собора Константинопольского, на котором присутствовал митрополит Максим, обнимают вопросы, касающиеся совершения таинств, богослужения, пострижения монашеского и постов. Правила митрополита Максима касаются вопроса о совершении брака: ими осуждается обычай совершать брак вне цер-

¹ Сбор называется «посошное», может быть, от слова посох.

² «Русск. дост.» I, 111.

³ Против этого постановлено также и на Константинопольском соборе по вопросам Феогноста, епископа Сарайского («Чт. в общ. ист.», 1860, II).

кви; другой вопрос, решаемый в этих правилах, есть вопрос о времени постов. Правилами митрополита Петра удаляются от службы вдовы священники и осуждаются судебные поединки. Митрополит Киприан в своих многочисленных посланиях¹ касается многих вопросов: он устраняет вмешательство мирян в дела церкви, определяет условия избрания священника, запрещает постригать в схиму умерших, запрещает переходы иноков из одного монастыря в другой, восстает против владения иноков землями: «Егда... обяжется селы и мирьскими попеченьми, тогда потреба и к князем ходити и властелем, и судилища искати, и стояти за обидимых, и свариться, и смириться и мужем и женами судити, часто хождения в них творити и о них печаловатися, чим мирянина различии суть?»² Потому и советует поручить управление монастырскими имениями мирянину. Остальные правила Киприана касаются более церковного благочиния и все основаны на древних правилах. Послания митрополита Фотия заключают в себе тоже много постановлений, касающихся церковного благочиния и нравственности клира; важно запрещение духовным лицам заниматься торговлей и отдавать деньги в рост, за что угрожал отлучением от церкви; священников, предающихся пьянству, повелевает лишать облачения; расторгающих законный брак и вступающих в незаконный, повелевает разводить и соединять прежним; запрещает браки между несовершеннолетними; запрещает инокам жить в одних монастырях с инокинями. Таковы были заботы пастырей церкви о пастве: для историка эти послания важны указываемыми в них чертами быта и нравов эпохи.

Митрополит и епископы с духовной властью соединяли в Древней Руси значительную долю власти светской: так, кафедры обладали большими недвижимыми имуществами; оттого около духовных властей рано образуется «двор» из лиц светских³. В ряду этих домовых людей выделяются бояре, частью поступившие на службу митрополита или другого владыки, частью получившие от него землю в пожизненное владение или купившие на таких же условиях. Ограничение права митрополитов принимать к себе «новых» бояр встречается только уже в XVI в. Бояре митрополичьи требовались на службу государства только в случае войны, и то старые бояре шли под начальством своего воеводы и только под знаменем князя, вновь же принятые митрополитом шли под началь-

¹ Особенно важное послание к игумену Афанасию.

² «Акты ист.» I, № 253.

³ «Домовые люди» митрополичьи поминаются в уставе Ярослава.

ством княжеского воеводы. Бояре могли жить и в своих поместьях, но более жили в городах и в Москве. Они назначались судьями по делам не духовным: гражданским и уголовным во владениях каферы митрополичьей или другой архиерейской. Главное заведование имуществом митрополичьей кафедры принадлежало дворецкому, который по актам поминается около половины XV в. Дворецкие бывали из монахов, но большей частью назначались из бояр и боярских детей митрополита. Дворецкий управлял как всем имуществом кафедры: покупал, менял, отдавал в оброчное владение, так и всем митрополичьим двором. В памятниках поминаются дьяки и подьячие. По волостям и селам назначались митрополитом волостели и посельские. Казну архиерейскую сохранял казначей или эконо́м на основании правил св. отец¹. При дворе владычем поминаются разные должности, напр. у новгородского владыки: стольник и чашник².

Права и преимущества русского духовенства в светском отношении определяются в эту эпоху ханскими ярлыками и льготными жалованными грамотами русских князей. Ханские ярлыки, ограждая духовенство от возможных притеснений, определяют общие всему сословию права и преимущества³. Ярлыками запрещается нарушать права духовенства, отымать что-либо у духовных лиц и вообще вступаться в церковные дела под страхом смертной казни; ярлык Тулунбека даже освобождает от ответственности церковных людей в том случае, если они убьют кого-либо из ханских людей «над своим добром»⁴. Духовенство, на основании ярлыков, управляется и судится по своим уставам, свободно от всех подазей и повинностей, сообщает свои права сыновьям и братьям, если они живут не в разделе⁵. Люди, живущие на землях церковных и монастырских, свободны от всех даней и повинностей на вечные времена; свобод-

¹ По мнению от. Горчакова, должность дворецкого выделилась из должности казначея вследствие увеличения церковных имуществ («Зем. влад.», 243).

² «Еремия владычня чашника» П. С. Р. Л. IV, 128. «Родиона владычня стольника», там же, 236.

³ Ярлыки Менгу-Темира в 1267 г. при митрополите Кирилле II, Узбека митрополиту Петру 1313 г., Тайдулы митрополиту Феоносту 1345 г., ея же Ростовскому епископу Иоанну (так полагает В. В. Григорьев); ея же митрополиту Алексею 1356 г.; Бардибека, ему же 1357 г.; Тулунбека — Митяю 1379.

⁴ «А кого наших послов или пошлинников убьют церковные люди над своим добром, тому телеватне (телева нет)»: «О дост. хан. ярл.», 120.

⁵ То же начало высказывается и в других памятниках этого века: «а попович, который живет у отца, а хлеб есть отцов, ино той митрополичь: а который попович отделен и живет опричь отца, а хлеб ест свой, а то мой князя великого». «Уставн. грам. В. кн. Василия Дмитриева» («Акты Эксп.» I, № 9).

ны также от таможенных пошлин¹; во всех делах подлежат суду церковной власти; не сделано даже исключения для татбы с поличным, разбоя и душегубства, которые исключаются в льготных княжеских грамотах; в церковные села не въезжают для корма ордынские чиновники «опроче ратные вести», т. е. военного времени. Права эти, конечно, нарушались, неважно было то, что они даны и что духовенство опиралось на них в своих дальнейших притязаниях, а для того времени они важны были тем, что все-таки церковные земли представляли более всяких других обеспечений для спокойной жизни и потому привлекали к себе переселенцев.

Льготные грамоты князей русских, более подробные и определенные, вводят нас ближе в быт и понятия той эпохи². Льготные грамоты, дававшиеся монастырям, увеличивали число переселенцев на землях монастырских, и потому они имеют огромное значение в колонизации России. Основываясь, монастырь получает от князя право перезывать на свои земли «из зарубежный», т. е. из другого княжества; «тутошные становые люди», жившие на землях своего князя, не могли быть перезываемы без особого позволения князя: посельский за прием таких людей подвергался «казни и продаже». Иногда эта льгота распространялась и на вотчины, получаемые монастырем в дар; иногда и на «старожильцев», живших в местности до получения монастырем грамоты. Освобождение это по большей части делалось на срок на десять, пятнадцать лет; после этого срока они обязывались тянуть в княжескую дань, а суд остается за игуменом³. Случаи бессрочных льгот весьма редки. Если крестьяне, отсидев льготный срок, уходили с монастырской земли, то давалось иногда позволение брать пристава для удержания их. С монастырских имуществ князья брали дань на случай татарского выхода сверх дани, которая шла по оброчной грамоте со «старожильцев»⁴; от подводной повинности монастырские вотчины не были освобождены, а также от «городового дела», работ по укреплению городов. С изъятием от пода-

¹ Русские князья подобные льготы давали с ограничением, напр. по уставн. грам. Василия Дмитр. церковный человек свободен от тамги, если продает домашнее и не свободен, если «имеет прикупом торговати» и должен платить оброк, «коли дан дати в Татары».

² Таких грамот до конца XV в. А. Н. Горбунов насчитывает 232. Первая жалованная грамота Всеволода-Гавриила носит другой характер: это частное пожертвование, а не государственное распоряжение.

³ «А отъседет свои оурук те люди, и они потянут в мою дан по силе». «Акты отн. до юр. быта» I, № 31; VI; «а судом впрок игумену и всеми пошлинами», там же, V.

⁴ В два срока по десяти бел («Акты ист.» I, № 25).

тей и повинностей соединялось изъятие и от суда местного, т. е. судебные пошлыны переходили от княжих людей к духовным. Впрочем, светская власть оставляет за собой суд по некоторым преступлениям; в большей части случаев эти преступления: татьба с поличными, душегубство и разбой. Узнав о таком преступлении, княжие люди наезжали на место его совершения и или брали на поруки преступника, или в случае его отсутствия взыскивали с села виру; вообще они наезжали, когда оказывалось мертвое тело; вследствие чего нередко испрашивалось освобождение от виры в случае нечаянной смерти: падения с дерева или утопления. В случае столкновения лиц двух подсудностей назначается суд «смесный», а в случае несогласия его членов отделяется, кому быть третьей-ским судьей (обыкновенно или сам князь, или какой-нибудь игумен). Иногда изъятия от суда не давалось; иногда, освобождая от суда наместника, князь обязует монастырь давать ему корм в два срока. Право беспошлинной торговли дается только на торговлю своими произведениями. Монастыри освобождались от содержания княжих проезжих людей; запрещалось княжим людям без зова ходить на пиры и братчины, которые устраивались приходами в храмовые праздники. Для защиты от таких «ездок» монастыри получали иногда приставов; приставы давались также для исполнения разных законных требований монастырских властей: напр., для определения судных сроков, возвращения людей, которые ушли противно грамоте, и т. п. Иногда монастыри получали особые льготы: так, Троицкому монастырю было даровано «пятно» в Москве (право сбора пошлыны за клеймление лошадей при продаже) и т. п.

В конце этого периода столкновения между властью духовной и светской по разным имущественным вопросам вызвало необходимость более точных и общих определений. Следствием этой необходимости является «Уставная грамота в. кн. Василия Дмитриевича»¹. В этой грамоте определено: митрополичьим селам «тянуть к митрополиту», в монастырские села «пошлые» в. князь не вступается: «ведают и судят их игумены»; при смешном суде «прибыток на полы»; если «ударят челом» в. князю на митрополичьего человека, в отсутствие митрополита судит в. князь; определяется дань с церковных земель в случае требования татарского; определяется государственная служба митрополичьих

¹ «Акты Эксп.» I, № 9. К.А. Неволин: «Соч.» VI, 366, объясняет происхождение грамоты столкновениями по вопросу о церковном суде.

бояр, доходы митрополита¹. Слуг княжих митрополит не должен ставить ни в попы, ни в дьяконы; отделенный попович не считается церковным человеком и т. д. Это первая попытка сведения в одно целое церковных прав замечательна, несмотря на свою неполноту: здесь видно не только желание не давать новых прав, но и стремление точнее определить, т. е. ограничить старые.

Нравственное и материальное состояние общества

В татарское время главной сценой действия является новая часть земли Русской — земля Суздальская, отличающаяся от Руси Южной и своей природой, и характером своего населения, — чему же удивиться, если даже помимо татарского влияния мы встречаем здесь явления иные, чем мы встречали в период преобладания Руси Южной? Менее впечатлительный, более сосредоточенный, с виду суровый, домовитый характер великоруса отпечатлевается на всей его истории и на всех особенностях его быта. Воинственный князь юга не похож на сдержанного, осторожного князя северного: такое различие характеров заметно еще между Всеволодом Юрьевичем и Мстиславом Мстиславичем; сам Андрей Боголюбский, несмотря на кипучую храбрость его молодости, расчетлив и осторожен, как его брат. Татарское владычество должно было положить свою печать на этот характер: сдержанность и осторожность дошли до высшей степени развития. Князьям пришлось хитрить, лукавить; пришлось копить деньги, ибо сила в деньгах, а великорус уже и без того был расчетлив и бережлив; скудная природа срединной России, в которой сложилось наше племя, требует упорного труда, настойчивой и постоянной энергии. С таким характером и выступают великорусы в историю: упорным трудом усвоили они себе неблагоприятную почву, поживиться легкой, богатой добычей было негде, кроме Болгарии, а борьба с болгарями стала возможна только с основания Суздальского княжества, т. е. собственно с Андрея Боголюбского, ибо все внимание Юрия было устремлено на юг, и действительно с этой поры до нашествия татар упоминаются самые важные походы на Болгарию. Татарское владычество положило конец расширению русских владений в эту сторону и надол-

¹ «А сборного митрополиту имати с церкви шесть алтын, а заезда три денги, а болши того не надобе ничто; а десятинику на десятину насад имати за въездное, и за Рождественное и за Петровское, пошлыны шесть алтын»; определяются сроки сбора и изъятие для тех церквей, которые прежде не платили.

го передовым постом Руси на востоке оставался Нижний Новгород. С татарского времени добыча военная стала возможной только в татарских войсках, к которым обязаны были примыкать наши князья.

С появлением татар во многом изменились самые условия жизни, но не изменились коренные черты характера народного. Конечно, в те давние времена жизнь и имущество никогда не пользовались полной безопасностью и ограждением, возможным в обществах, живущих жизнью цивилизованной, ибо если воровство было довольно слабо развито, сравнительно с нашим временем, то в сильной степени было развито насилие. Эта общая небезопасность еще увеличилась от потери независимости и подчинения хищным кочевникам, считавшим жизнь и имущество подчиненных им народов своей полной собственностью и позволявшим пользоваться ими только из милости. Тогда-то люди зажиточные заперли своих жен в терема, ибо увозить жен и девиц было постоянным обычаем татарским¹; сокровища свои прятали по церквям и монастырям, которые хотя и не были обеспечены совершенно, но пользовались некоторым покровительством, все-таки сравнительно были местами более безопасными. Вообще это сознание постоянной опасности довело до высшей степени свойственную великорусу недоверчивость и опасливость; да и было чего опасаться: основы права были пошатаны; ханская милость стала единственным источником всякого права. Человеку, владеющему чем-нибудь, в особенности князю, постоянно приходилось быть настороже и охранять свое владение всеми подручными средствами и преимущественно хитростью, сила материальная ничего не значила, ибо у кого же из князей было достаточно силы против татар? О соединении же князей можно было думать только тогда, когда один стал сильнее прочих, а Орда стала слабее. Настроению князей соответствовало и настроение всего народа уже по тому одному, что с судьбой власти тесно соединена была судьба народа. Нравственное начало, несомненно, падало. На помощь обществу пришла церковь, которая в лице своих представителей, преимущественно монашествующих, осуждала нравственное падение общества и призывала уходить из растленного мира в пустыню: уход в пустыню, как мы уже видели, усилился

¹ Кажется, что скорее можно допустить это объяснение, чем объяснение С.М. Соловьева, что терем был охраной от нравственной распущенности («Ист. России» IV, 345). Влияние византийских княжников и их грубого взгляда на женщину здесь едва ли играет первостепенную роль. Припомним, что и на западе в средние века, несмотря на рыцарское поклонение женщине, жен и дочерей запирали; одинаковые причины производят одинаковые последствия.

в последнее время татарского владычества. Сюда шли и те, кого влекла жажда душевного спокойствия, и те, которые хотели более обеспеченной материальной жизни. В монастырях слушали приходящие чтение житий святых и разных аскетических сочинений, обличающих мирские пороки. Монастырь явился убежищем от волнений жизни; пустыня казалась раем. Так усилилась аскетическая струя в религиозном настроении русского народа, под влиянием которой книги, вроде «Варлаама и Иосафата», сделались любимым чтением: известно, как много списков этого произведения, перешедшего в «стих» с похвалой пустыни. Представляя обществу нравственный идеал, монастырь давал ему тоже пример житейской домовитости, трудолюбия и т. п. Известно, что монастыри много заботились о своих угодиях и извлечении из них большей пользы. Это могло быть еще новой причиной связи общества с монастырем: в монастырях искали не только духовного, но и житейского поучения. Если монастырь не всегда огражден был от нападений извне, то и внутри монастыря не всегда можно было спастись от пороков, свойственных грубому обществу, что, впрочем, нисколько не мешало благотельному влиянию монастыря: пороки эти — явление слишком частое, и потому общество относилось к ним более снисходительно, чем даже должно. Не могли снисходительно относиться к ним учителя церкви, и потому между литературными произведениями этой эпохи преобладают поучительные послания и слова, жития святых и рассказы о посещении св. мест, которые поддерживали в народе воспоминания о местностях наиболее прославленных деяниями и чудесами древних подвижников. Паломничество, против которого восставали иерархи XII в., теперь получило новый смысл: старые воспоминания возбуждали религиозное чувство; грустное положение христиан на Востоке, указывая поучительный пример, вызывало к сожалению о них и к покаянию в собственных грехах. В самом начале татарского владычества появляется проповедник, указывающий на грехи народные, как на главную причину всех бедствий, — это владимирский епископ Серапион (ум. в 1275); в своих поучениях Серапион равно поражает и маловерие и суеверие: у него находим прямое обличение тех, которые, считая волхвов способными чарами произвести разные бедствия, сожигали их. Взывая к покаянию, Серапион считает нравственное очищение единственным средством спасения от врагов иноплемennых. С этой стороны, слова его должны были действовать на современников. Этой эпохе приписывается также большее число слов, направленных против языческих суеверий, частью под именами

прославленных отцов церкви. Преобладающей литературной формой в то время было послание. «В форме послания выражалось все: церковные правила для руководства духовенства, наставление в истинах веры и деятельности народу, опровержение еретических заблуждений и совет по разным случаям князьям и боярам»¹. Такие послания оставили многие иерархи: от Петра под именем поучения «игуменом, попом и диаконом», дошло до нас также окружное его послание, где он убеждает духовных лиц быть истинными пастырями и думать о пастве, в другом поучении или послании св. Петр запрещает духовенству отдавать деньги в рост и осуждает убийство на «поле», как душегубство; в поучении Алексея князьям ставится в обязанность правосудие, а народу — повиновение; митрополиту Киприану принадлежит несколько посланий, писанных к разным лицам и по разным случаям; из них особенно замечательно послание его к игумену Афанасию с мыслями о том, что монахам неудобно управлять вотчинами, и о том, что «приходит конец веку»; эта мысль, как известно, была сильно распространена: с концом последнего столетия седьмой тысячи ожидали светопреставления². Завещание Киприана маловажно, по верному замечанию пр. Макария, хотя и пользовалось большим уважением у наших предков³; Фотий оставил значительное число поучений и посланий. «Чаще всего, — говорит пр. Макарий⁴, — он любил беседовать о трех предметах: о казнях Божиих, обязанностях пастырей церкви и скорой кончине мира, которой тогда ожидали». В литературном отношении гораздо выше Фотия стоял его соперник Григорий Самвлак, племянник Киприана, человек очень образованный, но сочинения его едва ли проникали в тогдашнюю Северную Русь, где смотрели на него не очень благосклонно. Кроме высших иерархов, послания писали и другие духовные лица: Кирилл Белозерский оставил три послания к сыновьям Дмитрия Донского, в которых «виден человек не только здравомыслящий, но и достаточно образованный», «виден скромный пустынник, который однако ж горячо любил свое отечество и смело вещал правду сильным мира»⁵. Это обилие посланий, если припомним еще множество таких же безымянных и переводных сочинений, свидетельствует о том, что общество в них нуждалось и их любило. Жития свя-

¹ Н.Я. Порфирьева: «Ист. Русск. слов.», 346.

² «Ист. Русск. церкви» V, 185.

³ Там же, 191.

⁴ «Ист. церкви» V, 211.

⁵ Там же, 226.

тых издавна составляли любимое чтение наших предков, а в эту эпоху мы видим их гораздо более, чем в период дотатарский: хотя большая часть житий дошла до нас в витиеватых редакциях преимущественно школы митрополита Киприана, Пахомия Сербя, писавшего жития и новгородских и московских святых, но есть и более простые редакции. В житиях мы находим драгоценные бытовые черты и даже часто подробности событий (в житии Пафнутия Боровского — известия о смерти Шемяки и т. п.). Для наших предков жития имели иной интерес: они открывали пред ними мир, лучший того, в котором они жили, — мир духовных подвигов и указывали на несомненную за них награду в будущей жизни. Редакции витиеватые, книжные указывают нам на упадок литературного вкуса, на подражание византийским риторам и их ученикам, риторам югославянским. Обыкновенно полагают, что подражание это особенно усилилось со времени Киприана. Витиеватость замечается в эту эпоху не в одних житиях святых: самая летопись, как только оставляет погодный перечень, так наполняется риторическими возгласами. Такова большая часть распространенных сказаний: об Александре Невском, Михаиле Тверском и т. д. Самое сказание о нашествии Мамаю во всех своих редакциях отличается витиеватостью, особенно безжизненно то, которое называется «Поведанием» или «Побоищем»¹; даже «Задонщина» является мертвым повторением «Слова о Полку»; поэтическая струя, проходящая в поздних произведениях письменности южнорусской, почти незаметна в писаниях татарского времени. Любопытными памятниками той эпохи являются записки паломников и вообще людей, побывавших за границей. Они перед всем останавливаются, всему дивятся и простодушно верят (как Стефан Новгородец в Цареграде) тому, что им рассказывают. Обширные здания, каменные столбы и колонны всюду останавливают на себе прежде всего их внимание (тот же Стефан и Симон, ездивший на Флорентийский собор), но сметливая наблюдательность нигде не оставляет русского человека: по этому умению подмечать особенно замечательно «Хождение» в Индию Афанасия Никитина, описавшего главные торговые пути, сообщившего сведения о нравах, обычаях и пр. Довольно значительное число памятников, однако, не говорит о большей распространенности грамотности: если в Новгороде, где было более досуга, порождаемого зажиточностью, грамотность была распространена мало, то что должно было быть в Москве, более бедной

¹ П. С. Р. Л. IV, V, VIII.

и занятой в то время другим, и действительно, мы узнаем, что даже князья и бояре были если не совсем безграмотны, то малограмотны.

Материальное состояние Северной Руси в период татарского владычества не могло сильно возрасти, тем не менее оно и не так пало, как можно было ожидать. С.М. Соловьев замечает очень основательно, что цифры, показывающие число опустошений, не так решительны, как это кажется; так, мы узнаем, что Московское княжество подвергалось большее число раз нападениям, чем Тверское, а между тем нападения, делаемые на Тверское княжество, были опустошительнее. С другой стороны, мы знаем, что Московское княжество привлекало к себе значительное число переселенцев; конечно, цифр мы не знаем, но самый этот факт заслуживает внимания и показывает, что число жителей возрастало; то же свидетельствует и основание новых поселений (слободы монастырские, княжеские и т. д.). Заметим, что до татар многие области Северной Руси были почти совсем не населены. Кроме междоусобных войн и неприятельских нашествий, население замечательно страдало от голода и мора; число голодных годов приходится по 8 на каждое столетие, и повторяются они через 13 лет; повальных болезней насчитывают по 6 на каждое столетие. Многие из этих бедствий, напр. знаменитая чума XIV в., были общи для всей страны, иные ограничивались известной местностью, много бедствий производили и пожары, очень частые: в Москве в 130 лет насчитывают 17 больших пожаров. Впрочем, не следует забывать того, что после физических бедствий, пагубных для народонаселения, оно стремится к увеличению. Так было и у нас: Дмитрий Донской мог вывести большое войско в поле, несмотря на сильный мор 1350 г. и последовавшие убоицы¹. Главным занятием населения было земледелие и разные промыслы добывательные (рыболовство, звероловство, добывание соли и т. п.). Промыслами этими занимались или сами общины на себя, или на князя, монастырь и частного владельца: Дмитрий Донской дал соляные варницы в Галиче Симонову монастырю, поминаются варницы Троицкого монастыря; у князей были свои бортники (пчеловоды в бортах — дуплах), подобно своим бобровникам и сокольникам; были и свои рыболовы; также встречаем отдачу внаем рыбных ловлей (исады) и исполнение промысла на себя общинами. Торговля как внутри страны, так и иностранцами велась преимущественно сырыми произведениями. О торговле внутренней мы встречаем довольно много

¹ Замечание С.М. Соловьева (IV, 252). Цифры погибших (напр. 24 000 человек в Тохтамышевом нашествии) сомнительны.

известий в описываемый период. Поволжские города: Нижний Новгород, Кострома, Тверь, Ярославль, Молога (Холопий городок) ведут торговлю преимущественно хлебную: в 1273 г. татары пограбили купцов низовой земли и от того в Новгороде хлеб стал дорог; в 1366 г. ушкуйцы ограбили в Нижнем разных купцов, преимущественно московских, и за то Дмитрий расторг мир с Новгородом и т. д. Торговля шла летом реками, зимой санным путем. Условия о свободной взаимной торговле мы встречаем во всех договорах князей; в актах того времени встречаем и указание на пошлины, которые платили за товары, и на льготы, которые давались от этих пошлин преимущественно монастырям¹. Таким образом, при обилии льгот, хотя и неравномерных (ибо освобождения бывали полные и неполные), главная тяжесть падала на людей тяглых, живущих на землях черных. С них шли и дани, они без исключения брались и в войска, ибо землям церковным и боярским бывали облегчения в том или другом случае. Этим объясняется и то обстоятельство, что князья не позволяли перехода своих численных и черных людей. Мастерства, требующие большого искусства, встречаются, но довольно редко: каменщики были в Новгороде и Пскове, но в Москве почти не строили каменных зданий, кроме церквей: Спас на Бору, Архангельский и Успенский соборы, но эти последние не дожили до нашего времени, палаты митрополита Ионы и Кремль при Донском, которые тоже теперь не существуют. Слово мастер, встречающееся в памятниках, свидетельствует, что мастера по большей части были иностранцы; русские поминаются редко. Между иконописцами русских, впрочем, более, и в XIV в. мы встречаем знаменитого Андрея Рублева. Иностранцы-мастера завозили к нам иногда заморские диковинки: так, Сербин Лазарь в 1404 г. устроил в Москве часы, возбуждавшие наивное удивление летописца: «сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в коло-

¹ Самое полное исчисление таможенных пошлин встречается в «договоре в. кн. Василия Васильевича с Тверским князем Борисом Александровичем» («Собр. гр.» I, № 76): «А новых вы мытов не замышляти, а на старых мытех имате пошлины с воза денга, абосток с человека денга же; а поедет на верее с торговлею, ино денга же; а кто ся промытит, ин с воза промыты шесть алтын, а заповеди шесть алтын, колко бы возов ни было; а промыта то, кто объедет мыт, а проедет мыт, а мытника у зазора не будет, ино промыты нет; а състижет его мытник ин возмет свой мыт, а промыты и заповеди нет. а с лодьи пошлины с доски по два алтына, а болши того пошлин нет, а с струга алтын; а тамги и осмничего от рубля алтын; а тамга и осмничего взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свой мыт да кости, а боле того пошлин нет; а поедет без торговли, ино с того мыта и пошлин». Кроме того, поминаются еще разные пошлины: гостиное, весчее, пудовое, резанка, шестьдесят, побережное, сторожевое, медовое, езовое (с рыбных ловел) и др. («Ист. России» IV, 184).

кол, размеряя и рассчитан часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некакo сотворено естъ человеческой хитростью, преизмечтано и преухищрено»¹. Впрочем, в мастерах и не было большой надобности: если князья жили в деревянных хоромах и очень просто, то, конечно, в роскоши никто и не чувствовал надобности.

Внешнюю торговлю Русь Суздальская вела преимущественно с Востоком: ордынские купцы были истреблены в Твери; русских купцов Тохтамыш велел избить в Болгарии; в Москве мы встречаем гостей Сурожан. Есть известие о жившем в Москве армянине; купцы татары и армяне поминаются в Нижнем. С Востока шли к нам дорогие ткани, употреблявшиеся для княжеских одежд, жемчуг и пряности; из татарской степи — кони ногайские.

Что касается до монет, то с половины XIV в. счет на гривны заменяется счетом на рубли. Рубли не чеканились, но это была единица весовая: обрубок серебра около $46 \frac{2}{3}$ золотников весу, а чеканились деньги, различные весом, по областям: в Московском рубле было 100 денег; счет велся еще на алтыны (6 денег). В Новгороде в 1410 г. ввели было шведскую монету артуги и литовские гроши, а в 1420 г. ввели деньги серебряные. Это повело к смутам, потому что деньги делал частный человек, его казнили и избрали денежников вечем².

¹ Карамзин, пр. V, 249 (из сгоревшей «Троицкой лет.»). Первые пушки с 1389 г. (Кар. V, пр. 136).

² П. С. Р. Л. IV, 125, 126.

Глава VIII¹

Князья литовские: Гедимин, Ольгерд, Ягайло. — Очерк истории Польши. — Ягайло и Витовт, Свидригайло, Сигизмунд, Казимир. — Состояние общества в Литве

Князья литовские: Гедимин, Ольгерд, Ягайло

Одновременно с образованием государства в Руси Северо-Восточной складывается государство и в Руси Западной. Мы уже видели, что объединение земель Руси Западной, казалось, должно было бы совершиться около Галича, но мы видели также причины, почему Галич не мог стать центром; из неискusstных рук слабых преемников Даниила преобладание на Западе Руси перешло к воинственным и энергическим князьям литовским, настоящим основателям могущества Литвы был Гедимин (1315—1340)². От своего предшественника Гедимин наследовал войну с орденом, но война эта в начале правления Гедими́на не велась быстро, и дело ограничивалось взаимными набегами: внутри ордена велась борьба рыцарей с епископами, доходившая до папы, причем епископы указывали на то, что Литва давно бы приняла христианство, если бы ордену не было выгоды поддерживать ее в язычестве. Ненависть к ордену заставила, говорят, епископа Рижского искать сойза с Гедими́ном. Союзниками ордена явились князья Галицкие, начавшие наступательное движение против Гедими́на. Чем окончилась эта война, сказать трудно, — вероятнее всего, что кончилась браком сына Гедими́нова, Любарта, с княжной Волынской³. В 1321 г., говорят, Гедимин разбил при р. Ирпени⁴ союзных князей русских и овладел Киевом.

¹ В первом издании (1885 г.) отсюда начинается первый выпуск второго тома «Русской истории» Бестужева-Рюмина, которому он предпослал следующее краткое предисловие: «Первые четырнадцать листов предлагаемого выпуска, напечатанные уже более десяти лет, лежали в типографии. Выпустить их так, чтобы изложение не было доведено до какого-нибудь пункта остановки, мне не хотелось. Обстоятельства препятствовали мне продолжать далее; теперь, освобожденный от всяких обязательных занятий, я получил возможность снова возвратиться к прерванному труду. Выдавая листы, давно напечатанные, я дополнил их изложением событий до кончины царя Иоанна Васильевича. Жалею, что не мог пользоваться многими трудами, появившимися после отпечатания первых листов, но надеюсь сделать в одном из следующих выпусков некоторые существенные дополнения и поправки. Надеюсь, что теперь издание не будет замедляться, если только здоровье мое окончательно не испортится». — *Прим. ред.*

² Боннель, впрочем, относит начало его правления к 1321 г. или даже позднее («Russ. liefl. Chron.». Com., 157).

³ «Lat. Litwy», 27, По другим, Гедимин завоевал Волынь (П. С. Р. Л. II, 348, т. е. Густынская).

⁴ Р. Киевской губ., правый приток Днепра.

в завоеванных землях Гедимин или оставлял прежних князей, или сажал сыновей своих. Так, в Киеве мы видим подручником его какого-то Феодора¹. Сыновей своих он женил на русских княжнах, позволял им даже креститься. Из его жен две были русские княжны. Завоевание в русских землях вызвало против Гедимины татар, и Узбек послал против него войско русских князей в 1324 г.² Двойная опасность: с одной стороны, крестоносцы, с другой — татары, заставила Гедимины еще в 1323 г. обратиться к папе и предложить принять латинство, если папа удержит орден; обрадованный папа послал к нему двух своих нунциев, но, видя, что папа не помогает против немцев, а что православные его подданные открыто негодуют на желание принять католичество, Гедимин прекратил свои сношения с Римом³. Враждебные отношения его с орденом не прекратились и продолжались в той же форме, как и прежде: литовцы то приходили на помощь рижанам, то соединялись с польским королем Владиславом Локтиком (коротким), воевавшим с орденом за Померанию, война мешала ордену действовать энергически против Литвы. В делах остальной Руси Гедимин постоянно принимал участие: сын его Наримонт княжил в Новгороде; подручник его, Давид, защищал Псков от ливонских немцев; Александр Михайлович Тверской нашел убежище у него. Не одна внешняя политика занимала Гедимины, он покровительствовал и торговле: до нас дошла грамота его городам Любеку, Ростову и др., в которой он обещает их купцам свободу от мыта и приглашает поселенцев на свои земли с обещанием десятилетней льготы от податей. Он умер в глубокой старости в устроенной им Вильне⁴. Замечательный воинскими дарованиями Гедимин еще замечательнее был своим политическим искусством: он сумел поддерживать равновесие между разнородными своими подданными, понял необходимость дать перевес и более многочисленному и более образованному русскому народу. Стол Виленский, самый старший, оставил он младшему из своих сыновей Евнутию⁵, других детей посадил он: Мон-

¹ П. С. Р. Л. III, 76.

² Ник. III, 128.

³ Едва ли только в татарском набеге можно видеть оппозицию намерению принять католицизм.

⁴ Предание о построении им Вильны, кажется, не совсем справедливо.

⁵ «Быть может по старанию матери» («Ист. России» III, 307); едва ли! Ольгерд тоже оставил Вильну меньшему сыну. Вспомним, что по «Русской Правде» отцовский дом доставался меньшему сыну, что еще недавно было в употреблении в наших дворянских фамилиях.

твида, скоро умершего, в Карачеве и Слониме; Наримонта — в Турове и Пинске; Ольгерда — в Витебске; Кейстута — в Троках; Любарта — на Волини; Кориата — в Новгороде Литовском¹.

Недолго Евнутий владел Вильной. в 1344 г. Ольгерд, соединяясь с Кейстутом, рожденным с ним одной матерью, выгнали из Вильны Евнутия, который бежал в Москву и там крестился; изгнан также Наримонт, бежавший в Орду. Ольгерд был вполне достойным преемником отца своего. «В всей же братии своей Ольгерд превзыде властью и саном, — говорит наш летописец, — понеже пива и меду, ни вина, ниже кваса не пьаше, и великоумство и воздержание себе приобрете, крепну думу и мног промысл притяжав и таковым коварством многи страны и земли повоева, многы грады и княжение за себе поймал и удержа себе власть велику; тем и умножися княжение его, якоже ни один от братья его сътвори, но и не отец его, ни дед его тако прослыл»². «Ольгерд был бы основателем не государства, для этого ему многого недоставало, но династии, если бы отец его уже не основал ее», — говорит новый историк³ и совершенно справедливо: хитрый, ловкий и мужественный Ольгерд мог положить основание господству своего дома. Мужественный, но недалекий Кейстут был, по счастливому выражению того же писателя, мечом Ольгерда.

Когда Ольгерд сел на старший стол (1345—1377), между братьями был заключен договор, чтобы все князья были послушны воле великого князя; что, кто приобретет — город или волость, — делится пополам, «не мыслити лихом никомуж на никогож». «Такоже были, — прибавляет летописец, — идо живота своего в той правде»⁴. Орден, заключивший в 1343 г. мир с Казимиром Польским, деятельнее принялся за войну с Литвой, и в 1344 г., пригласив на помощь королей Чешского и Угорского, Гросмейстер вступил в Литву; Ольгерд и Кейстут в это время опустошали Пруссию и Ливонию, что и заставило крестоносцев возвратиться, но в 1348 г. с новыми силами напали они на Литву и разбили самого Ольгерда при р. Отраве⁵: 18 000 литовцев и русских погибло в этом сражении⁶, но Ольгерд вскоре отмстил крестоносцам страш-

¹ Новогрудек, уездный город Минской губернии.

² П. С. Р. Л. IV, 72.

³ «Olg. i Kiejst.», 6.

⁴ «Lat. Litwy», 29.

⁵ Приток Немана на восток от Вилии.

⁶ Фойхт, V, 64. Известие достигло до Руси северной и было преувеличено: «Побиша немц Литвы сорок тысяч» (П. С. Р. Л. VII, 124).

ным опустошением Пруссии. Такие взаимные набеги продолжались все правление Ольгерда: считают, что с 1345 по 1382 г. тевтонскими рыцарями сделано 66 нападений на Литву, а литовцами 36 нападений на Пруссию, ливонские же рыцари в этот период 30 раз нападали на Литву, а литовцы 11 раз на Ливонию¹. в одно из таких нападений Кейстут был взят в плен и отведен в Мариенбург, откуда успел бежать и напомнить о себе пруссакам огнем и мечом. Эти взаимные нападения обратились в какую-то игру: «Случится приехать в Пруссию французскому или немецкому принцу, чтобы поближе посмотреть на то, что считается крестовыми походами, тотчас орден предписывает поход: отряды его немедленно врываются в Литву, сжигают несколько пограничных волостей и, забравши сколько попадетя пленников, возвращаются назад. Часто то были только прогулки по пограничным лесам и пущам, причем убивали встречных; иногда нападения напоминали охоту на лисиц и зайцев, а чаще всего имелась в виду добыча, в чем иногда сознаются сами немецкие летописцы»². Таким образом, результаты этих набегов были ничтожны: попробовали было немцы построить город на Литовской земле, но Кейстут разрушил его. Ясно, что при таких отношениях орден не мог нисколько способствовать введению христианства в Литве, да он и не хлопотал об этом: пока были язычники, его существование было нужно, а с принятием христианства он становился более ненужным.

Другим соседом Литвы была Польша. с Казимиром Польским Ольгерд вел войну за Волинь, которую Казимир хотел присоединить к занятому им Галичу. Война эта велась с различным успехом и кончилась миром в 1366 г., по которому часть Волини с Владимиром осталась за Казимиром: только в 1370 г., по смерти Казимира, Кейстут взял Владимир.

Относительно русских князей Ольгерд держался политики Гедими-на, не упуская из виду событий в Руси Восточной: то пригрозит Новгороду, то поддержит князя Смоленского против Москвы, то вступится за князя Тверского. в своих владениях он не преследовал русских, и христиане спокойно жили в Вильне под покровительством двух жен его: Марии Витебской и Юлиании Тверской: многие из детей его были христиане православного исповедания; есть даже известие, что он сам

¹ «Olg. i Kiejst.», 44.

² Там же, 45—46.

принял крещение¹. Один только раз он пожертвовал тремя своими придворными языческим жрецам².

Ольгерд оставил двенадцать сыновей; от первой жены пять: Андрея — Полоцкого, Дмитрия Корибута — Брянского и Северского, Дмитрия — Трубчевского, Володимира — Киевского, Константина; от второй семь: Виганда-Феодора-Александра — Керновского, Киригайло-Василия-Казимира, Скиргайло-Ивана, Лугвения-Симеона, Мингайло, Свидригайло-Болеслава и Ягайло-Якова-Владислава, которому оставил стол Виленский. Сначала братья жили мирно между собой и оставшимися в живых дядями, Кейстутом и Любартом. Но скоро сын Ольгерда от первой жены, Андрей, отъехал в Москву (1378) и помог в. кн. против брата своего Дмитрия, который тоже скоро покорился Москве. Обоих встречаем мы участниками в Куликовской битве. Вероятно, им тяжело было старшинство меньшего брата; Полоцк был отдан Скиргайле, которого город не принял; Андрей искал помощи в немцах и отстоял за собой Полоцк. Важнее по своему значению и последствиям разрыв между последним богатырем языческой Литвы Кейстутом и Ягайлой. Видимой причиной недовольства было пристрастие Ягайлы к Войдыле, бывшему холопу Ольгерда, за которого он хотел выдать свою сестру. Но настоящая причина была глубже: Кейстут узнал о тайных сношениях Ягайлы с Орденом, имевших целью, с помощью немцев, утвердить единовластие в Литве. Защищая самого себя и оскорбленный стремлением разрушить язычество и старый порядок, для которых сам он готов был со всем народом оставить отечественную землю и идти в степь. Кейстут сверг Ягайлу (1381); Ягайло захватил его обманом и уморил в тюрьме³. Во время этой борьбы Ягайло уступил (1382) немцам Жмудь до р. Дубисы, землю, нужную ордену потому, что она соединяла Пруссию с Лифляндией. Сын Кейстута Витовт бежал из тюрьмы к немцам и с ними вступил в Литовскую землю. Ягайло поспешил с ним помириться (1384), и вместе они разбили немцев. Тогда Ягайло дал ему Гродно и Троки. в 1386 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и принял католицизм. Чтобы понять это событие, мы должны бросить взгляд на историю Польши.

¹ «Olg. i Kiejst.», 117.

² П. С. Р. Л. V, 226. Мученики Евстафий, Антоний и Иоанн. См.: «Русск. Свят.» сл. «Olg. i Kiejst.», 20 и В.Г. Васильевского: «Пам. Русск. Стар. в зап. губер.», V, 16.

³ См. у Каро (II, 477, пр. 1) основательное опровержение Шайнохи, желавшего оправдать Ягайлу.

Очерк истории Польши

Ляшская ветвь великого славянского племени занимала в древности пространство от Эльбы и берегов Балтийского моря до Карпат и Западного Буга¹. Жила она отдельными племенами под властью своих племенных старшин. Вспомним двенадцать воевод, о которых упоминает Богуфаль². в легендах, которыми начинается польская история, объединение земель обозначается рядом Лешков, оканчивающимся двумя Попелями; первым средоточием польским является Гнездно в Великой Польше³. По легенде, династия эта погибает жертвой божественного гнева за нарушение прадедовских обычаев и связь с иноземцами (жена Попеля, немка, советует ему избить дядей). «Миф этот,— очень остроумно замечает С.М. Соловьев,— имеет в наших глазах значение и потому, что явления, им указанные, повторяются впоследствии, во времена исторические»⁴. Действительно, вся история Польши представляет нам то подчинение немецкому влиянию, то борьбу с ним. Талантливейший историк Польши Король Шайноха, не зная, как объяснить появление в славянском племени государственного и завоевательного начала, признает ляхов скандинавской дружиной, завоевавшей землю полян, но в такой гипотезе, не опирающейся ни на какие предания, не представляется, в сущности, и нужды. Очевидно, что в Польше, как в Чехии, княжеская власть установилась в борьбе между племенами, в которой одно племя (поляне) взяло перевес над другим и князь полянский стал верховным князем нескольких племен, причем народы сохранили свое внутреннее управление, обязавшись только данью. Отдельность племен видна и в позднейшие времена. Мифологический мрак проясняется с тех пор, как Мечислав, князь из рода Пястов, сменивших собой Попелей — по легенде вследствие восстания кметов, — принимает христианство вместе с рукой чешской княжны Домбровки (965). Сестра св. Вячеслава была, разумеется, греческого исповедания, и, таким образом, следует допустить, что Мечислав был крещен по восточному, а не по западному обряду. Вероятно и то, что христианство проповедовалось и прежде в землях, состав-

¹ «Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове а от тех Ляхов Поляне Ляхове друзии Лутичи ини Мазовшане ини поморяне». «Пов. вр. лет по Лавр.», 4—5 (фотолиграфия), сл. А.Ф. Гильфердинга. «Сочин», IV, 5—6, где указано на то, что Бодричи и Стодоране, не известные нашему летописцу, по языку тоже близки к Ляхам.

² Богуфаль (Sommersberg, II, 20—21).

³ Сага, названная Лелевелем («Polska Wiek. Sredn.»), I) Хорватской, относится скорее к Чешским преданиям, ибо, как известно, область эта была спорной между Ляхами и Чехами.

⁴ «Курс Новой ист.» I, 223.

лявших Польшу¹, и были христиане даже обоих исповеданий, хотя, разумеется, число христиан было довольно ограничено. Почти одновременно со своим браком Мечислав, после несчастного столкновения с немцами (963), вступил в вассальные отношения к империи. Связь его с империей еще более укрепилась, когда, по смерти Домбровки, женился он на немке Оде (977). Эти связи и искание короны королевской заставили Мечислава обратиться к папе и таким образом как бы перейти на сторону Рима, что тогда было нетрудно, так как разделение церквей еще не достигло своей высшей степени, да и для народов, только что выходящих из язычества, было весьма неясно. Следствием всего этого было учреждение епископства Познанского в зависимости от магдебургского архиепископа. Таким образом под влиянием первого магдебургского архиепископа, Войтеха (Адальберта), латинский обряд восторжествовал. При Мечиславе было первое столкновение между Русью и Польшей: Володимир отнял у ляхов города Червенские².

По смерти Мечислава князем Польским сделался сын его от первого брака, Болеслав Храбрый или Великий (992—1026). «В древнейшей истории почти каждого народа, — говорит немецкий историк Польши, — встречаются государи, которые, отличаясь умом и энергией, поднимают своей великой личностью народ, к которому принадлежат, на высоту: вовне ведут от победы к победе, расширяют пределы своего государства, внутри же придают разрозненным элементам крепкую государственную форму. Если даже по смерти такого мощного государя и разрушается часть воздвигнутого им здания, то все же остается его остов, и благодарное воспоминание народа чтит национального героя и охотно приписывает ему начало многих даже позднейших учреждений»³. Таков был Болеслав, который по изгнании братьев, сыновей Оды, сделался единовластцем Польской земли. Великая мысль создать сильное славянское государство, которое могло бы составить оплот против немцев, проникает собой всю деятельность Болеслава, и мысль эта в значительной степени была осуществлена им: «Победоносное распространение немецкого владычества на Востоке, — говорит тот же историк, — так быстро

¹ Вспомним место из «Жития Мефодия»: «Поганьск кнѣзь силен вельми сея в Вислех роугаше ся христианам и пакости деяше, послав же к нему рече: добро ти ся крестити, сыноу, волею своею на свои земли, да не пленен ноудми крещен боудеши на чужей земли, и помянеши мя, еже и бысть» (у Белевского, 1, 107).

² У С. М. Соловьева: «Ист. России», 194—195, основательное рассуждение о том, что города эти отняты именно у Ляхов, а не у Чехов или Хорватов.

³ Репель, I, 105.

и мощно продвигавшееся при первых цезарях из Саксонского дома, было впервые остановлено им и его народом и до известной степени отброшено назад»¹. Первым его делом было подчинение себе Поморья и пруссов, а после смерти чешского князя, Болеслава II, он подчинил себе Краков. По смерти Войтеха, убитого пруссами, Болеслав перенес его мощи в Гнезно; на поклонение мощам приехал цезарь Оттон III, тут же основал архиепископство Гнезненское, и не зависимое от Германии (1000), и тогда же признал политическую независимость Польши². Смуты в Чехии, порожденные ссорой Болеслава III Рыжего с вельможами, вызвали вмешательство Болеслава в дела Чехии: сначала он поддержал Рыжего, а потом, приглашенный чехами, сверг его и утвердился в Праге. Частью вмешательство немецкого цезаря Генриха II, а частью насилия поляков в Праге повели к отложению Чехии, где вокняжился Ольдрых (1004), но за поляками, кроме Кракова, остались Силезия, Моравия, часть словаков и — занятая Болеславом во время последовавшей войны с Генрихом II — земля Лужицкая. К сожалению, следствием этих событий было разъединение Чехии с Польшей, столь выгодное немцам. Впрочем, вообще войны с Генрихом II кончились не бесславно для Болеслава, и не раз немцы терпели поражения, из которых самое славное Межиборское (1015)³. Будишинским миром (1018) за Болеславом закреплены его завоевания. Мы уже знаем, что, вмешавшись в дела Руси, Болеслав отвоевал города червенские, потерянные подобно другим его завоеваниям слабыми его преемниками. в 1025 г., перед самой своей смертью, Болеслав короновался королевским венцом. Проведя всю жизнь свою в войнах, Болеслав, в делах внутренних должен был обратить особое внимание на военное устройство: у него было постоянно большое и сильное войско. Предание приписывает ему устройство целой системы крепостей (*castella*), в которых он посадил кастелянов — военных начальников и судей округа. в таком виде действительно являются кастеляны в XII в., нет, кажется, никакого сомнения в том, что в основу этого учреждения легла старославянская жупа, и весьма вероятно, что Боле-

¹ Репель, I, 135.

² «Et tanta sunt illa die dilectione cuncti, quod imperator eum fratrem et cooperatorem imperii constituit, et populi Romani amicum et socium appellavit» *Galli «Chron»* L. I, y. 6 (у Белевского, I, 401). Слова эти следует понимать в смысле независимости от марграфов и включения Болеслава в число членов империи (Ф.И. Успенский: «Первые Монархии», 220–221).

³ «Память о нем так живо сохранилась у немцев, что Межиборский календарь, в память поражения 1015 г. в жупе Дедошской, отмечает 1 сентября, как день общего траура» «Перв. Монархии», 249.

слав увеличил число городов, в особенности пограничных, что, как известно, делали и наши князья, и едва ли кастелянов нельзя сравнить с нашими посадниками¹. Следствием войн Болеслава было, несомненно, возвышение военного сословия (т. е. позднейшей шляхты). Весьма основательно рассуждает по этому случаю Шуйский: «Война вызывает на подвиги, подвиги возвышают вообще положение человека. Кто сознавал в себе честолюбие и отвагу, тот спешил на войну. Наши геральдисты относят самые древние гербы ко времени Болеслава. Кто подвигом приближался ко двору, обогащался добычей и рабами, тот становился ближе к государю еще в другом отношении, в отношении лучшего понимания веры, и в этом отношении расходился с массой, которая, несмотря на внешнее обращение, долго оставалась в заблуждениях язычества. Польский кмет, занятый земледелием, трудолюбивый, преданный старым обычаям, становился равнодушным к делам общественным, ибо эти дела сосредоточивались в круге шляхты, ибо они были нововведением. с опасением смотрел он на тех многочисленных пленных, которые поселены были в качестве рабов на шляхетских землях, с которыми впоследствии пришлось ему сравняться»². Не опровергая мнения Лелевеля о том, что различие сословий могло в Польше начаться и рано, как мы видим это в землях балтийских славян, что тем более вероятно, что княжество Попелей уже имело воинственный характер, нельзя, однако, не признать, что так высоко поставленное военное государство должно было усилить различие между отдельными классами общества: огромное количество рабов у дружинников должно было иметь решающее влияние. Польские историки часто видят начало разделения в том, что шляхетская собственность была полная, а кметы владели только временно, т. е., другими словами, в личной собственности источник происхождения высшего сословия; с этим спорить нельзя, но вопрос в том, когда личная собственность задавила общинную. Едва ли можно допустить это окончательное торжество даже в болеславскую эпоху, а скорее надо отнести его ко временам удельным, ко времени введения немецкого сельского устройства. Вопрос об общинном землевладении, с которым тесно связан вопрос о возвышении шляхты, еще темен в истории Поль-

¹ См. в Encykl. Powsz. слово Kasztelan. Основанием служит показание Богуфала о строже, сборе по одной мере пшеницы и овса на содержание ратных людей в городах (у Sommersb. II, 25). Кастелянов упоминает Галл (L. I, С. 15). Остаемся при этом мнении, несмотря на авторитет Даниловича («Ист. взгляд на древн. образ. городов Славянск.», 269 в «Русск. ист. сборн.», IV).

² «Dzieje Polski» I, 70.

ши. Затем является еще сторона дела: шляхта вначале не была замкнутым сословием и только впоследствии вновь произведенные в шляхетство резко отделились от старых. Самый важный вопрос относительно шляхты — вопрос об образовании гербов. Известно, что гербом в Польше называют соединение родов, имеющих один общий гербовый знак и происходящих от одного родоначальника или считающихся происходящими. Когда появилось это учреждение? Геральдика польская, как мы уже видели, относит самые древние гербы ко временам Храброго, но на этом остановиться нельзя: знаки гербовые относятся к гораздо позднейшей поре¹, но когда же явилось самое учреждение, сильно напоминающее клан? Указание на Болеслава важно только в том отношении, что общее предание придает воинственному правлению этого государя такое огромное значение в разделении сословий. Предание справедливо в том отношении, что вообще первым источником возвышения шляхты была воинская служба². Несмотря на то, что возвышение шляхты идет главным образом от времени Болеслава, сам он не был нисколько королем шляхетским; предание приписывает ему полную справедливость ко всем разрядам жителей Польши, столько же к кметам, о которых он заботится, чтобы они не были обременены постоями и налогами, сколько и к шляхте, и нередко, по сказанию летописцев, знатные паны испытывали на себе его гнев. Правил он вполне самовластно; совет двенадцати, о которых говорит Галл, являлся не ограничением его власти, а просто его советом, хотя бы даже с Бартошевичем, и допустили мы, что эти двенадцать были представителями двенадцати земель, соответствующими двенадцати воеводам Богуфала.

Болеславу наследовал сын его Мечислав II (1025—1034). Правление его прошло в борьбе частью внутренней с братом Оттоном, которого то он выгонял, то был им выгоняем, а частью с уграми, чехами, немцами и русским Ярославом. в этой борьбе Польша утратила Моравию, Словаков, Лужицы и города Червенские. В этих смутах усиливалось значение дружинников, и еще более усилилось оно тогда, как по смерти Мечислава правление приняла на себя вдова его, немецкая принцесса Рикса, за малолетнего сына своего Казимира. Окруженная немцами, она оскорбила народное чувство; последовало восстание: правление от изгнанной

¹ Казимир В. запретил сыновьям употреблять печать иную, чем отцовскую. Vol. Leg. I, 3.

² О шляхте см. в Encykl. Powsz., где под этим словом собраны разные мнения; но вопрос, как мы убеждены в том, только что поставлен в науке.

Риксы перешло в руки знатнейших вельмож, которые изгнали и самого Казимира, когда он подросток. Между олигархами начались распри, которые повлекли за собой восстание кметов и частью ниспровержение христианства, тяжелого для народа по обязанности платить десятину и принявшего ее более или менее только в шляхте. Беспомощным состоянием Польши решился воспользоваться чешский Брячислав; тогда цезарь, Генрих III, вступился за Казимира, который с его помощью и явился в Польшу (1040). Казимир Восстановитель (1040—1058) был принят с радостью почти во всей Польше, за исключением Мазовии, где укрепился Моислав, вошедший в союз с пруссами, литвой и поморянами. Как в борьбе с Брячиславом, Казимир искал помощи у цезаря, так для борьбы с Моиславом вступил в союз с Ярославом Русским, женился на его сестре и, вместо вена, возвратил пленных, уведенных Болеславом из Руси. В 1047 г. с помощью Ярослава Мазовия была завоевана и Моислав убит. Новый брак скрепил этот союз: Изяслав Ярославич женился на сестре Казимира¹.

Сын Казимира, Болеслав Смелый (1058—1080), напоминал во многом своего великого прадеда, но, отличаясь его энергией и воинственностью, Болеслав далеко не обладал его политическим смыслом: в войнах, занимавших почти все его царствование, не видать идеи, какой одушевлен был Болеслав Храбрый. Так, он помогал Беле Угорскому против брата его Андрея, Чешскому Братиславу против Спитигнева, русскому Изяславу против Всеслава и против братьев, причем сначала соединился было с ними, но потом, недовольный тем, что Олег и Мономах, явившиеся к нему на помощь против чехов, продолжали войну, несмотря на заключенный им мир, принял опять сторону Изяслава². Внутри государства он хотел тоже подражать Болеславу Храброму, но это вполне ему не удалось, когда, во время его похода на Русь, в Польше восстали кметы, паны, оставив его, пошли усмирять восстание; Болеслав остался недоволен, строго наказал панов; сторону их принял знаменитый Краковский епископ Станислав. Болеслав убил его и тем возбудил против себя и другое могущественное сословие. Союз их повел к изгнанию Болеслава³ и воцарению брата его Владислава Германа (1080—1102). Слабый Влади-

¹ С. М. Соловьев считает причиной союза Ярослава с Казимиром то обстоятельство, что Моислав соединился с литовцами, с которыми воевал Ярослав («Ист. Росс.» I, 229).

² Принимает это довольно вероятное известие Татищева II, 130 вслед за С. М. Соловьевым, ибо иначе трудно объяснить переход Болеслава на сторону Изяслава.

³ См. указанную статью Лелевеля. Вообще надо заметить, что история Болеслава весьма спутана у летописцев, благодаря ненависти к нему духовенства; известно, что в спи-

слав вполне доверился воеводе Сецеху, который грабил народ и позволял себе насилие. Во главе недовольных стал побочный сын Владислава, Сбигнев, вмешались и чехи. Этими смутами пользовался знаменитый Василько Ростиславич и пустошил Польшу. При сыне и наследнике Владислава, Болеславе Кривоустом (1102—1139), значение вельмож возросло так же, как и при неспособном отце его. До 1116 г. Болеслав был занят борьбой со своим честолюбивым братом Сбигневом, получившим удел, несмотря на незаконность своего происхождения, и желавшим завладеть всем, и сверх того еще вел войну с поморянами, для обращения которых в христианство он покровительствовал миссионерской деятельности знаменитого Оттона Бамбергского¹; в последние годы он много был занят делами угорскими. К этому еще присоединились внутренние смуты, производимые мощными панами, отчего здоровье Болеслава расстраивалось и он наконец умер. Умирая, Болеслав разделил Польшу между своими сыновьями: Владиславу дал Краков и Силезию и назначил его старшим; Болеславу Кудрявому — Мазовию и Куявы; Мечиславу Старому — Великую Польшу и Поморье; Генриху — земли Люблинскую и Сендомирскую, которые после его бездетной смерти достались Казимиру, дотоле остававшемуся без удела²: начался в Польше удельный период, напоминающий наш княжескими счетами и спорами. Владислав II (1139—1148) не удержался на престоле благодаря внушениям жены своей Агнесы из дома Бабенбергов, владевшего тогда Австрией, не желавшей, чтобы муж ее был только первым между равными, и вводившей в Польшу немецкие придворные обычаи. Изгнанный братьями, Владислав искал убежища при дворе цезаря. Из Германии, поддерживаемый Конрадом III, Владислав вел войну с братом, Болеславом Кудрявым, занявшим его место. Война эта кончилась миром Болеслава с Фридрихом Барбаросой (1157), по которому, признав главенство империи, Болеслав остался великим князем. По смерти Владислава Болеслав возвратил в Польшу сыновей его и дал им Силезию; от них идет линия силезских

сках хроники Галла, не благоволившего к Станиславу, открыта была вставка из позднейшего жития св. Станислава.

¹ Жития этого Оттона, как мы уже знаем, составляют один из важнейших источников для знакомства с историей балтийских славян и вообще со славянским миром в его языческую пору.

² Говорят, что на вопрос, почему он не дал удела Казимиру, Болеслав отвечал: «*non cernilis quatuor telrachis, quadrigam tetrachiae fabricatam; sic isti paruulo quintae in quadriga rotae legatur successio*» Кадлубек (при Длугоше, II, 733). Пятое колесо оказалось впоследствии важнее остальных четырех.

князей, сильно онемеченная и имевшая важное влияние на введение немецкого элемента в Польшу. Болеславу на столе Краковском наследовал брат его Мечислав Старый (1173—1177). Желая поднять ослабевшую власть государя, Мечислав вооружил против себя панов духовных и светских; к тому же его чиновники отличались несправедливостью, вследствие чего епископы и светские паны обратились к Казимиру Справедливому, наследовавшему вскоре удел Болеславов сына, Лешка. Таким образом, Казимир (1177—1194) соединил в своих руках почти всю Польшу. Силезские князья признали его первенство; Великую Польшу он отдал сыну Мечислава, Оттоку, за исключением Гнезненской земли; а впоследствии самому Мечиславу, когда тот, убедясь в невозможности добиться откуда-нибудь помощи, примирился с братом. Хотя Мечислав и не отказался от своих притязаний, но тем не менее он никак не мог свергнуть Казимира. Междоусобия в Галиче дали возможность Казимиру вмешаться в дела этой земли и содействовать возвращению Володимира Ярославича на отцовский стол. Из внутренних дел Казимира замечателен Ленчинский съезд, или сейм (1180), на котором собрались князья, епископы, паны, шляхта и, быть может, соседние кметы¹: то был первый общий сейм Польской земли, на котором ограждена собственность от наездов, а кметы от притеснений; быть может, здесь положено основание Сенату, о котором встречается известие через 5 лет. Любопытно, что постановления этого съезда посланы на утверждение папы. По смерти Казимира паны, не желая видеть на столе Краковском ненавистного им Мечислава, избрали сына Казимира Лешка Белого. Мечислав собрал своих сторонников, встретил Лешка, на помощь которому явился Роман Галицкий, на р. Мозгаве (близ Кракова) и разбил его. Несмотря на то, достигнуть старейшинства Мечиславу удалось только переговорами с Лешком и его матерью, недолго усидел Мечислав, был изгнан, воротился и правил до смерти (1202). Снова избранный Лешек отказался удовлетворить желанию краковских панов и изгнать любимца своего, воеводу Сендомирского Говорка, и потому был вызван сын Мечислава, Владислав Тонконогий, который поссорился с духовенством, а духовенство снова призвало Лешка, который и отдал свои земли под покрови-

¹ См. Кадлубек, L. IV, C. IX, Длугош, I, VI (I, 541—543) сл. Бартошевича: «Sejmy» (Encykl. Powsz. XXIII, 193); даже допуская этот сейм, нельзя видеть в нем прочного учреждения; ср. слова Святополка и Мономаха к Олегу: «Поряд положим о Русытеи земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отец наших, и пред людьми градвскими». «Лет. по Ип. Сп.», 222.

тельство св. Петра и обязался платить в Рим ежегодную дань (1206). «Так, — справедливо замечает С.М. Соловьев¹, — родовые княжеские отношения в Польше встретили два могущественные начала — власть вельмож и власть духовенства, пред которыми и должны были поникнуть». Заняв Краков, Лешек дал брату своему, Конраду, Мазовию и Куявы. Управление Лешка (1206—1227) находится в сильной связи с галицкими событиями. Еще до утверждения своего в Кракове дружный с Романом Лешек поссорился с ним, когда он попросил себе волости. Лешек отказал ему, Роман выступил против него с оружием и был убит под Завихвостом (1205). После смерти Романа Лешек постоянно вмешивался в галицкие дела и наконец, выдав дочь свою Соломит за угорского королевича, Коломана, посадил их княжить в Галиче; потом, поссорясь с Андреем Угорским, Лешек сам же пригласил в Галич Мстислава Мстиславича, который и изгнал угров (1218). Снова поссорясь с Мстиславом, Лешек снова призвал угров, и снова Мстислав сверг Коломана (1221). Лешек, принявший участие в распре великопольских князей, Владислава Тонконогого и племянника его Владислава Одонича (Отоновича), и ставший на сторону первого, был убит поморским князем Святополком, которого он пригласил к себе для переговоров (1227). По смерти Лешка стол Кракова занял малолетний его сын Болеслав Стидливый (1227—1279) под опекой дяди своего Конрада Мазовецкого. «Был он, — говорит Лелевель², — судья несправедливый, воин, не любящий оружия, правитель неспособный. в продолжительное его правление вполне развилось бедствие Польши, в которой общее благо приносилось в жертву личному или частному интересу». Первым из этих бедствий было появление на Прусском берегу в 1230 г. немецких рыцарей, приглашенных Конрадом Мазовецким³. Опекун своего племянника, Конрад не хотел выпустить его из-под своей власти и тогда, как он возмужал; Болеслав бежал от дяди и обратился за помощью к силезскому герцогу Генриху Бородатому, который, победив Конрада, взял, однако себе землю Краковскую и Сендомирскую, а потом, победив великопольского князя Владислава Одонича (1234), овладел землями на юг от Варты; в 1238 г. он умер, оставив сильное владение сыну своему Генриху Набожному, но этот последний убит был при нашествии татар на Силезию (1241). Земля разделилась, и старший из сыновей его, Болеслав Лысый, получил Кра-

¹ «Ист. России» II, 333.

² «Polska Dz. I Rz. jej.», II, 43.

³ См. выше гл. V, § IV.

ков и часть Великой Польши. Его привязанность к немцам, общая страсть князей силезских, вооружила против него жителей этих областей; Краков призвал снова Болеслава Стыдливового, а Великопольские земли — Владислава Одонича. Скоро Краков захватил Конрад Мазовецкий и, несмотря на помощь Даниила Галицкого, только смерть освободила от него Болеслава (Конрад умер в 1247). Грустное время было тогда в Польше: князья, которых число постоянно возрастало, только и делали, что ссорились между собой; усиливались соседи: немцы в Пруссии, Литва, Галич; нередко повторялись татарские опустошения; в особенности сильно было опустошение 1254 г. Наследником по себе в Кракове Болеслав назначил Лешка Черного (внука Конрада Мазовецкого). Не любимый поляками за немецкие обычаи, Лешек (1279—1288) был несчастлив в своем правлении: ему приходилось бороться с Львом Галицким, ятвягами, татарами и домашними смутами. По смерти его, краковские горожане, между которыми было много немцев, пригласили силезского князя Генриха Честного (Probus); против него вооружился брат Лешка, Владислав Локтик (короткий), и изгнал его, но ненадолго: Генрих вернулся и, умирая в 1290 г., завещал Краков великопольскому князю Премыславу II¹, но Краковом овладел чешский король Вячеслав, ссылаясь на завещание Лешка Черного; Премыслав занят был укреплением своей власти на Поморье и полагал, что если он примет королевский титул, давно уже забытый, и коронуется, то овладеть Краковом будет ему легче. Вот почему в 1295 г., получив разрешение папы, Премыслав принял королевский венец в Гнездне, и, хотя скоро был изменнически убит немцами, сердившимися на него за Поморье (1296), все-таки с него должно начинать возрождение Польши. После его смерти Великопольша избрала Владислава Локтика, который еще ранее начал войну с чехами за Краков, но крутые меры, принятые им против магнатов, вооружили против него; на съезде в Познани решено было призвать Вячеслава, который, изгнав Локтика, короновался (1300). После смерти его (1305) и сына его Вячеслава II (1306) Владислав снова появился и признан был некоторыми областями, но Великая Польша подчинилась Генриху Глогавскому, онемеченному силезскому князю; Поморье взбунтовал род Свенцов. Владислав призвал на помощь крестоносцев, которые сами завладели Гданском (Данцигом) и оставили за собой Поморье. Признанный по смерти Генриха Великопольшей (1309), усми-

¹ Внук Владислава Одонича.

рив восстание в Кракове, произведенное городовым войтом Альбертом (1311), перенеся вопрос о Поморье на суд папы, Владислав короновался в Кракове (1319). Таким образом, закончен удельный период, хотя для целостности Польши еще недоставало Мазовии, где владели князья Пясты, и Силезии, князья которой признали над собой сильную власть чешского короля Яна. Силезия навсегда была потеряна.

Чем ознаменовался этот период в истории Польши? Что он внес в нее? Удельный период представляет нам прежде всего картину постоянного усиления немецкого влияния. Первым проводником этого влияния является церковь. Церковь, как мы уже видели, пользуется в средневековой Польше большим влиянием, в особенности благодаря благочестивому настроению многих государей (так, Болеслав Стыдливый, как известно, даже в мире держался монашеских обетов; отсюда и прозвание). При разделении государства духовенство в своем строгом иерархическом подчинении представляло силу единения и поэтому его влияние еще возрастало. Вследствие этого князья искали опоры в духовной власти; так, Лешек Белый подчинил свою землю престолу св. Петра и обещал платить в Рим ежегодную дань. Духовенство, таким образом, выделилось из общего строя общества и начало получать обширные привилегии на земли, принадлежащие церкви, оно стало привлекать немецких колонистов. Явление это очень понятно, если припомним первоначальную связь польского духовенства с немецким, в особенности то, что многие в Польше монастыри были колониями немецких, что, наконец, еще при Сигизмунде I были монастыри, которые принимали немцев и не принимали поляков. Движение это, начавшееся в Силезии, распространилось и на другие части Польши: в Великой Польше со времен Владислава Одонича, в Малой Польше в эпоху владения силезских князей; только в Мазовии в XIII веке оно было еще незначительно. Но еще важнее допущения колонистов было распространение немецкого права на чисто польские деревни. Это право распространялось посредством жалованных грамот на немецкое право. Привилегии этих жалованных грамот составляют так называемое *jus ducale*, принадлежавшее сначала княжеским родам, а потом сделавшееся достоянием землевладельцев и общин (с XII по XIV в.). в понятии *jus ducale* заключаются права на подати, повинности, регалии, права судебной и административной власти. В первоначальное время подати и повинности в Польше были довольно многочисленны. Существовали: поральное (посошное) или подымное, чрезвычайный налог (*exactio, collecta, szos*), доставление про-

дуктов натурой, сбор (прежде натурой, а потом деньгами) с товаров (targove, цло, мыто), подводная повинность (powoz), издельная повинность (angaria и perangaria), воинская повинность; станции (обязанность содержать короля и его свиту во время переездов). От этих податей и повинностей в большей или меньшей степени освобождались поселенцы на землях немецкого права. с тем вместе в руках землевладельца сосредоточивались более или менее права суда: так как обыкновенные органы суда (кастеляны, воеводы) не знали немецких обычаев, то и назначался войт; назначение же его скоро стало вполне зависимым от землевладельца, ибо войт должен был по немецкому обычаю владеть на ленном праве землей, а в Польше ему по большей части поручалось и самое устройство колоний, причем земли, собственно, отдавались ему в ленное владение для пользования колоний и он отвечал владельцу за чинш (оброк), собираемый за пользование землей, которая была передаваема отдельно каждому поселенцу в вечное владение с правом продать, но без права уйти не продавши. в этом явлении важно в особенности то, что права, — принадлежавшие сначала колонистам, данные им для привлечения к поселению особенно потому, что как иностранцам им недоступно туземное право, — распространяются потом и на туземцев и образуются не частные привилегии, а целая особая система прав, результатом которой является нарушение старого общественного строя и уменьшение власти королевской и доходов государственных в пользу светских и духовных землевладельцев, хотя, с другой стороны, с поселенцев на землях княжеских, княжеские доходы увеличиваются, что было приманкой для князей призывать на свои земли колонистов. Другим результатом для населения является, с отменой воинской повинности, фактическое уничтожение всеобщего ополчения (воев) в пользу рыцарства (шляхетства, дружины); даже горожанам запрещается впоследствии владеть землями на том основании, что они плохие воины. Сначала князья уступали только низшую юрисдикцию (т. е. кроме гражданских дел и таких уголовных, которые не наказывались смертью); высший же суд, а также суд смесный предоставили себе; когда же число немецких поселений возросло, явилась необходимость особого судьи по немецкому праву, явились в Силезии провинциальные войты (из которых в остальной Польше образовались старосты). Последствия всех этих изменений были чрезвычайно важны для Польши: с немецким правом, даровавшим крестьянину ленную собственность земли, община разложилась, а так как он не имел права уйти, не продав своего участка, то являлся фактически прикре-

пленным; соединение судебной власти в руках помещика сделало его полновластным господином крестьянина, таковым он и является в дальнейшей истории. Ясно, почему важно было для панов переводить крестьян с польского права на немецкое. Получая право призывать колонистов, землевладельцы получили право населять ими города, равно как и деревни. Города от деревень вначале мало отличались по правам; все отличие состояло в том, что городу дано было право заводить шинки, иметь рынок и через него должна была идти общественная дорога. Таким образом, ремесленное и торговое население было искусственно сосредоточено в городах. Это было первым шагом к отделению города от села. в городах небольших поселяне были прикреплены, но в больших городах они пользовались полной свободой. Вначале города еще не разрывали связи с землей: вначале в городе был княжеский войт, городские шефены (выбранные судьи) имели при нем значение; все поселения с немецким правом составляли вооружение польских воинов в начале XV в. присуди города (*Weichbild*, в польском значении слова). Младшие города, основанные по примеру старейших, получают право обращаться к ним за разъяснением юридических недоумений, если в особенности они заимствовали от них свое уголовное и гражданское право, но города часто обращались к своим митрополиям с апелляцией, что побудило князей возводить в «образцовый город» главный город округа, чтобы апелляции не шли в чужую страну. Связь города с землей продолжалась, пока во главе города стоял королевский войт, но скоро, по примеру немецких городов, добившихся того, что управление поручалось городovým советам (ратмейстеров и консулов), немецкие поселенцы больших торговых городов начали выхлопывать и получать такие же права, вследствие чего землевладельцы не хотели уже подчиняться суду ремесленников и купцов. Малые же города владельческие остаются в зависимости от панов духовных, светских или короля, смотря по тому, кто их основывает. Это так называемые владельческие города.

Влияние немецкое не ограничивается только этим внесением немецкого права; с ним являются и немецкие обычаи и немецкий язык, на котором говорят при дворах польских князей (в особенности силезских: из них один Генрих даже сам писал немецкие стихи); призывая немцев колонизовать свою землю, князья Польши, нуждающиеся в деньгах, нередко закладывают ту или другую волость немцам и, не имея чем выкупить ее, так и оставляют в руках немцев. Такое пристрастие князей к немцам вызывает сопротивление со стороны панов и преимущественно

шляхты: в нем причина, почему князья силезские потеряли Краков, почему пань гораздо меньше духовенства вызывали немецких колонистов, но зато они охотно вытребовывали у князей привилегии на немецкое право, которое, как мы видели, усиливало их значение. Вообще этот период не напрасно называется у польских историков периодом вельможества (*Moznowladstwo*). Пань разделяли власть с духовенством и нередко изгоняли князей. Князья сознавали свою зависимость от них и охотно увеличивали их права как в награду за оказанные услуги, так и в ожидании будущих. Если еще во времена единовластия папы пользовались большим влиянием, то насколько влияние их возросло в удельный период: у каждого князя был свой воевода, число кастелянов возрастало вследствие постройки новых городов (крепостей); число придворных чиновников тоже возросло: при каждом князе были свои чины. Значение панов (*barones*) особенно заметно в документах XIII века, когда их согласие требовалось для каждого важного акта: привилегии, заклада земли и т. п. За панями следует шляхта. «Объяснить отношения этих двух классов, — говорит польский историк¹, — трудно. в хрониках упоминаются знатные пань (*barones, proceres*) и шляхта (*nobiles, milites*). Обширнейшие владения, услуги, оказанные князю, вводили шляхтича в круг панов. Пань с духовенством заседали в совете князя или сенате; первенствовали на вечах или сходках шляхты. Добывали от князей привилегии». «Шляхта же, наоборот, подлежала всем требованиям польского или земского права настолько в меньшей степени от кметов, насколько военная, рыцарская служба ставила ее в высшем положении». «Относительно высшего духовенства пань стоят с ним в приязни, вместе ограничивая княжескую власть; шляхта иногда, особенно в Великой Польше, восстает на его привилегии. Отношение панов к шляхте различаются по областям. в Мазовии и Великой Польше преобладает шляхта, в Малой Польше — пань».

Владислав Локтик (король с 1319—1333) провел все свое правление в борьбе с рыцарями за Поморье, для чего искал себе всюду союзников и выдал дочь свою за Карла Роберта, короля Угорского, а сына женил на дочери Гедимины; папа был тоже на его стороне, так как цезарь Генрих VI и король Чешский Ян были на противной стороне; под Пловцами нанес Владислав сильное поражение рыцарям. Из внутренних дел при Локтике замечателен сейм Хенцинский (1331), на котором сошлись

¹ Шуйский, I, 183.

магнаты всех подчиненных ему земель. Владиславу наследовал сын его Казимир (1333—1370). «Стремление к миру, ко внутренним преобразованиям и улучшениям, старание дать Польше выгодное положение среди других государств, осторожность в обращении к оружию, забота о будущих судьбах страны по случаю прекращения своей линии — вот главные черты правления Казимира», — говорит польский историк¹. Так, Калишским договором 1343 г. приобретши от крестоносцев Куявы и землю Добрынскую, он уступил Гданское Поморье, которое с тех пор начало называться Пруссией; добившись, чтобы чешский король отказался от Моравии и титула польского короля, он окончательно уступил ему Силезию. В 1339 г. с согласия чинов Казимир провозгласил своим наследником Лудовика Венгерского, сына своей сестры Елизаветы. Позднее, в 1355 г., Лудовик, желая упрочить наследство за своим домом на случай, если у него не будет мужского потомства, дал обещание сохранить права всех сословий Польши, не назначать новых податей, не обременять сословий содержанием двора, не вести внешних войн иначе, как для блага страны. Этот ряд считается основой последующих политических прав в Польше. Казимир, известный под именем «короля хлопов», желал быть справедливым ко всем сословиям, несмотря на то, что в изданном им Статуте Вислищом (1347), первом общем памятнике польского законодательства, окончательно выражено закрепощение крестьян немецкого права. Пользуясь смутой в Галиче по смерти Болеслава Тройденовича, Казимир завладел Галичем. Если Казимир и не заслуживает вполне данного ему поляками прозвания великого, ибо великого он ничего не сделал, все-таки нельзя за этим королем законодателем и любителем мира не признавать заслуг, которые еще увеличиваются основанием Краковского университета. Ему наследовал Лудовик Венгерский (1370—1382). Мало заботясь о Польше, правление над которой поручил сначала матери своей, Елизавете, а потом некоторым панам, он предоставил шляхту собственным ее раздорам, а сам заботился только о том, чтобы передать Польшу своей дочери, наконец, в 1374 г. на съезде в Кошицах (в Угрии) польские депутаты согласились принять женское наследство, за что король знаменитым Кошицким условием признал права шляхты, освободив ее от всех податей, кроме 2 грошей от лана (земельная мера, замененная vloкой), в знак признания верховной власти короля; уряды (должности) обещал отдавать только туземцам;

¹ Шуйский, I, 227.

шляхту обязал военной службой, но только в пределах королевства. По смерти Лудовика поляки признали своей королевой дочь его Ядвигу, но не хотели, чтобы она выходила замуж за Вильгельма Австрийского, назначенного ей отцом, и стали искать ей жениха: иные предлагали Земовита Маковецкого, но паны малопольские остановились на Ягайле. Вот как Шайноха объясняет причины этого выбора: «вельможи малопольские и могли бы, как сдавалось некоторым, обойтись без короля, если бы не висела над головами их гроза крестоносцев и германизма, если бы не страх разбойничьей и языческой Литвы, если бы не привлекательное зрелище плодоносных, но не населенных и бесполезных в руках Литвы полей Волыни, Подолии и Украины»¹. Но пока созревала мысль, пока велись переговоры и между Великой и Малой Польшей и между Ягайлой и королевой-матерью, в Польше шла сильнейшая неурядица: напал на нее Сигизмунд Люксембургский, муж старшей дочери Лудовика, Марии, боролись и приверженцы разных сторон, преимущественно два сильных рода Наленчи и Гржимайлы. Вот как современный летописец рисует тогдашнее состояние Польши: «Вельможи и шляхты губят друг друга грабежами и пожарами; в королевстве Польском немало таких, которые стремятся к тому, чтобы не иметь короля, чтобы забрать себе королевские имения и все обратить к своей личной выгоде; отсюда угнетение бедных, упадок правды, подчинение не приличию и рассудку, а прихоти минуты»². Наконец 12 февраля 1386 г. Ягайло торжественно въехал в Краков и через три дня принял католицизм³. Для него, кроме удовлетворения честолюбия, корона Польская имела то значение, что теперь орден становится бесполезным, ибо язычников более не будет. Вероятно, это соображение руководствовало и литовских князей, когда они давали согласие на брак⁴. Брак же совершился 18 февраля. Условия, заключенные Ягайлой со шляхтой, были еще выгоднее для нее, чем условия

¹ Jadwiga I Jagiello II, 154. Гениальное произведение Шайнохи — одно из величайших творений исторического гения XIX в. — представляет высокохудожественную картину Польши того века, хотя, читая его постоянно, надобно иметь в виду излишний патриотизм, переходящий в какую-то сентиментальность и принимающий нередко лирический характер; иногда и картинность изложения мешает правильному представлению дела. Часто книга Каро может служить поправкой Шайнохи, но немецкий историк несколько свысока относится к славянству.

² Силезский летописец, цитованный Шайнохою (II, 208).

³ О первоначальном православии Ягайлы еще ведется спор (см.: М. П. Смирнов «Ягелло—Яков—Владислав», 167—175).

⁴ Вероятно также и надежда быть независимее во время отсутствия Ягайлы. «Лекции по ист. зап. России», 145.

Кошицкие. По этим условиям должности в каждой земле (Великопольше, Малопольше) раздаются только туземцам; все замки и города даются в Польше только полякам (по Кошицкому условию, это относилось только к большим градам); все убытки, понесенные во время войны, должно вознаграждать государство; с каждого лапа земли, заселенной кметами светского или духовного владельца, король получает два гроша; признается вполне судебная власть землевладельцев и городов. Таков этот акт первого избранного короля, окончательное признание того, что короли избираются.

Ягайло и Витовт, Свидригайло, Сигизмунд, Казимир

Ягайло вступил в брак с Ядвигой с согласия литовских князей¹: неизвестно только, с их ли согласия дано обещание заплатить 200 000 червонцев неустойки Вильгельму, условленных с ним еще «Пудовиком» при заключении договора о браке, а именно это условие получило впоследствии важное историческое значение. Соединение с Польшей и в особенности принятие католицизма не могло, однако, остаться без протеста в Литве, где тогда из христианских исповеданий преобладало православное и где у Ягайлы были враги. Князь полоцкий, Андрей, поддерживаемый Магистром немецким и, быть может, даже возбуждаемый им, соединился со смоленским князем Святославом. Оба пошли завоевывать Белоруссию, причем Андрей объявил себя в. князем и тем вооружил против себя других князей². Ополчение князей, предводительствуемое Скиргайлой, разбило Святослава у Мстиславля; сам Святослав был убит; Андрей же, осажденный Скиргайлой в Полоцке, взят был в плен, в котором и оставался до 1394 г. По усмирении этих волнений Ягайло с Ядвигой прибыл в Вильну (1387), разрушил языческие капища, погасил свя-

¹ Скиргайло и Борис ездили послами от Ягайлы в Угрию к королеве; а грамота, данная Ягайлой в Криве польским панам, подтверждающая обещания послов литовских, скреплена печатями Витовта, Корибута, Лугвеня («Scarbiec» I, № 507) на съезде с польскими панами в Волковыске с Ягайлой были и действовали заодно его братья: I (agaloni) summo duci prelibato cum omnibus fratribus suis et hominibus universis... Мучковский «Cod. Dipl. Poloniae», III, 338. Борис, Скиргайло, Коригайло, Свидригайло, Вигунд, Витовт и др. сопровождали его при поездке в Польшу («Pomn. do Dz.», 29; Каро, II, 507) некоторые из князей даже оставались заложниками для обеспечения исполнения Ягайлой условий (М.П. Смирнова, 139).

² П. С. Р. Л. IV, 92; V, 239; VIII, 51; Ник. IV, 152; Супр., 135; «Lat. Litwy», 42; («Pomn. do Dz.», 29. М.О. Коялович («Лекции», 148) сомневается в жестокостях князей на том основании, что о них свидетельствуют источники, переданные Ягайле, но о них читаем в Русских летописях.

щенные огни и крестил литовцев-язычников, причем новообращенные получали суконные свиты, что многих заставляло креститься¹. На съезде князей в Вильне постановлено было принуждать к принятию католицизма силой, к какому бы другому исповеданию ни принадлежал принуждаемый: смешанные браки запрещены, но если бы такой брак случился, сторону некаатолическую можно «даже телесным наказанием принудить» принять католицизм². в грамоте, заключающей в себе обещание дать городу Вильне магдебургское право, о православных жителях Вильны ничего не упоминается. «Латинство, — говорит М. О. Коялович, — получило в литовском княжестве сразу большую силу, а вместе с ним и поляки, потому что латинское духовенство в Литве сначала по необходимости состояло большей частью из поляков³. Полякам через то открылся большой доступ к влиянию на дела литовские»⁴. Это тем важнее, что церковь немедленно получила большие земельные владения. Чтобы быть вполне убежденным в верности князей, Ягайло взял с них присяжные листы. Великим князем литовским под своей верховной властью Ягайло сделал брата своего Скиргайла. Привилегией, данной Ягайлой крестившимся литовским боярам, сделана попытка сблизить положение бояр с Польской шляхтой: боярам дано право без ограничения (со стороны князей) распоряжаться своими имениями; имения их освобождены от повинностей, исключая тот случай, когда строится град всей земель; на войне они обязаны себя продовольствовать; при преследовании бегущего неприятеля обязаны вооружиться и горожане. Вводятся польские кастелянские суды. Но все это не распространяется на тех, кто или не принял католичества, или отрекся от него. Много оказалось недовольных новыми порядками, в особенности преобладание поляков, что было противно первоначальным условиям; во главе недовольных стал Витовт⁵. Нет сомнения в том, что обманутое честолюбие много усиливало его раздражение: принимая в Кракове вторично католицизм (в первый раз он принял его у пруссаков), Витовт надеялся стать великим князем и обманулся в своей надежде. Чтобы не иметь неудачи Андрея, Ви-

¹ Dlug. L. X, p. 108 и т. д. Всех литвинов простого звания (кроме князей и бояр) окрещено 30 000 («Skarb.» I, 266).

² Указание на мучеников из православных в П. С. Р. Л. V, 242.

³ Первый Виленский епископ Андрей Василю был польский шляхтич («Encykl. Powsz.» I, 789).

⁴ «Лекции», 150.

⁵ «И бысть ему нужно, иже чего прежде не бывало в Литовской земли сторснам (иностранным) владеющим великим княжением». «Lat. Litwy», 44. «Лет. В. кн. Лит.», 36.

товт повсюду ищет себе союзников: в старых своих друзьях крестоносцах, несмотря на свое вероломство в отношении к ним, и в великом князе московском Василии Дмитриевиче, за которого в 1390 г. выдал свою дочь Софью¹ и союз с которым был заключен раньше, когда Василий бежал через Литву из Орды². Пользуясь отсутствием Скиргайлы, он хотел овладеть Вильной, но потерпел неудачу и бежал в Пруссию через Мазовию, где княжил зять его Януш. Крестоносцы, не примирившиеся с Польшей и заявившие сомнение перед Европой о прочности христианства в Литве, чтобы тем хоть сколько-нибудь отсрочить свой конец, собрали большое войско (в походе участвовал гр. Дерби, впоследствии король Генрих IV) и напали на Литву, и хотя в два их похода (1391, 1392) им не удалось взять Вильны, но Литва была опустошена³. По словам летописи, Ягайло — вероятно, видя неудобство борьбы с Витовтом и неохоту русских помогать ему — послал сказать двоюродному брату: «Не теряй больше той земли Литовской, отчизны своей и нашей. Пойди, брате, к нам в мир и во великую лубов братскую и возми себе великое княжение у Вильни, стол дяди своего великого князя Ольгерда и отца своего великого князя Кестутя»; «рада ему была вся земля Литовская и Русская»⁴. Великий магистр сделал новое нападение на Вильну, но, несмотря на то что разбил Витовта, Вильны не взял. Помирясь с Витовтом, Ягайло сделал его в. князем, что вооружило против них других Ольгердовичей: Корибута Витовт пленил, а Свидригайло бежал в Пруссию; Ядвиг, приехав с Ягайлой в Литву, помирила остальных братьев (1392). Скиргайло получил взамен Киев (откуда Витовт свел Володимира Ольгердовича), где и умер (1395)⁵. Витовт стал теперь высоко, достиг своей цели, но гордому Витовту, способному к широким планам, было мало этого вассального величия; вероятно даже, что другие, более высокие соображения руководили им: он сознавал необходимость создать из Литвы великое государство; к этой цели направлены были все его действия, но, к сожалению, он упустил из виду ту основу, на которой могло бы

¹ П. С. Р. Л., II, 351; V, 244; VIII, 61. Брак был заключен после бегства Витовта к немцам «Lat. Litwy», 45; «Лет. В. кн. Лит.», 37.

² П. С. Р. Л. III, 94; IV, 95, 138; V, 242, 243; VIII, 52. Впрочем, здесь есть хронологические разногласия, не совсем ясные.

³ Известие о взятии Вильны Витовтом в «Pomn. do Dz.» ничем не подтверждается.

⁴ «Pomn. do Dz.», 33. Литовский историк Коялович ищет объяснения этого события в пристрастии Скиргайлы к православию и неохоте проповедовать латинство («Lat. Litwy», Pars II, p. 2).

⁵ Летописец передает слух, будто Скиргайло был отравлен чернецом Фомою, митрополitchьим наместником («Lat. Litwy», 47).

быть воздвигнуто его здание: меняя не раз религию, бывши то язычником, то православным, то католиком, он не мог опереться на русский православный элемент с той уверенностью и прочностью, которая была бы доступна чисто православному князю; к тому же он понимал величие в западной форме и не мог отделаться от соблазна западной цивилизации с рыцарством и другими приманками. Вот отчего великие силы ума и воли, которыми обладал этот замечательный государь, остались неприложенными¹. Так оказалось впоследствии, но самому Витовту так не казалось, особенно после того, как по смерти Ядвиги перед ним остался только хитрый, но бесхарактерный и слабый Ягайло. Пока Ядвига была жива, она требовала дани за земли, на которые Польша имела притязание, требовала уплаты неустойки Вильгельму (1398); Витовт отвечал на подобные требования на Луцком сейме: «Подданные ли мы Польши и обязаны ли ей ежегодной данью?»² и заключением нового отдельного договора с орденом, которым Витовт уступал ордену Жмудь и даже не принадлежавший ему Псков, заявляя притязание на В. Новгород: это показывает, что планы Витовта стремились на Восток, что он думал о Новгороде, а может быть, со временем и о Пскове, который приходилось уступить ордену. Внутри же страны ему уже не представлялось соперников: кого он осилил изгнанием или заточением (Андрей, Корибут, Свидригайло, Володимир Киевский, Феодор Кориатович Подольский), кого смертью, простерши свои завоевания и на те русские княжества, которые окончательно не вошли еще в Литовское государство. Так, в 1395 г. был завоеван Смоленск, причем в. князь Московский не только промолчал, но даже посетил Витовта в Смоленске. Витовт являлся единовластителем Литвы, не опасаясь слабого Ягайлы. Неожиданно собралась гроза над Витовтом, ослабила его на некоторое время и спасла от него остальную Русь. Изгнанный кипчанский хан Тохтамыш обратился с просьбой о помощи к Витовту; Витовт обещал снова посадить его в Сарае, с тем чтобы он посадил его в Москву, и в 1399 г. вышел с огромным войском для возведения его снова на престол. У Ворсклы полки нового хана, Тимур-Кутлуга, предводительствуемые Эдигеем, встретились с Витовтом. Гордо говорил Витовт хану: «Бог покорил мне все земли, покор-

¹ Каро совершенно прав, когда утверждает, что католики держались за Витовта, как за католика, православные, как за бывшего православного и не фанатика, даже языческая Жмудь могла думать, что в нем не угас дух отцов (III, 184—186), но слабость Витовта заключалась в том же, в чем и сила его.

² Каро, III, 171.

пел и ты мне и буди мне сын, и аз тебе отец, и давай ми на всяко лето оброки, аще ли нехощеши тако, да будеши ми раб, и аз орду твой всю мечу предам»¹. Дорого заплатился Витовт за эту гордость: Эдигей разбил его наголову². Вследствие этого поражения Витовт спешил заключить мир с Новгородом³. Пришлось ему на время потерять и Смоленск: Олег Рязанский привел в Смоленск снова Юрия (1401). Битва при Ворскле не осталась без влияния и на отношения Витовта к Польше: ему нужно было снова сблизиться с Ягайлой и он отправился в Краков, поляки постарались воспользоваться положением Витовта, начались переговоры, кончившиеся знаменитым актом, выданным в Вильне в 1401 г., которым подтверждается соединение Польши с Литвой, Витовт признается пожизненным владетелем с тем, что после него власть возвращается к Ягайле; в случае же, если Ягайло умрет ранее, поляки обязуются не избирать короля без согласия Витовта. Этим актом поляки думали закрепить Литву и сдержать Витовта, а Витовт, со своей стороны, рассчитывал, вероятно, на возможность опираться на Польшу, и действительно, на сейме в Радоме поляки обязались поддерживать литовского князя. Первым следствием этого союза было то, что враг Витовта, Свидригайло, (в 1402) явился под Вильной и встретил сочувствие в русской партии: русские монахи, говорит Длугош, стояли на его стороне. Правда, что Свидригайло потерпел неудачу, но попытка его свидетельствует о существовавшем неудовольствии. Теперь Витовт мог снова обратиться на восток: в 1404 г. он окончательно завладел Смоленском, а в 1405 г. опустошил области псковские. Псковичи, собираясь отомстить ему опустошением Литвы, стали звать в этот поход новгородских воевод, присланных к ним на помощь, но те отговорились⁴. С просьбой о помощи псковичи и новгородцы обратились к в. князю Московскому, и Василий, соединясь с тверским князем Иваном Михайловичем, выступил против тестя, послав предварительно в Новгород брата своего Петра. В Литве за

¹ Ник. IV, 280.

² П. С. Р. Л. IV, 1034 V, 251; VIII, 72; XV, 458—459; Ник. IV, 279—283; Пр. Нест. лет., 213—215; Льв. II, 226—228; Русск. Врем. I, 358—359; «Лет. Лит. в кн.», 42; «Pomn. do Dz.», 35.

³ П. С. Р. Л. III, 101. Любопытно как летопись отнеслась к поражению Витовта: «Был убо князь Витовт преже крестянин, и имя ему Александр и отвержеся правоверныя веры и христианства и прия Лядскую, церкви святыя превратил на богомръское служение, а помыслил тако: хотел пленити русскую землю Новгород и Псков; и не мыслит Господа проком глаголюща: како один поженет тысящу, а два двигнута тму; аще Бог по христианех, то кто на ны» (там же).

⁴ «Нас владыко не благословил ити на Литву, а Новгород нам не указал», — отвечали они (П. С. Р. Л. IV, 197).

это избили всех москвичей¹, но зато Витовт мог видеть в этой вражде новое для себя неудобство: недовольные начали отъезжать в Москву и первый приехал князь Александр Нелюб с большой дружиной², которому дан был в кормление Переяславль. Оба в. князя вышли в поле, но битвы между ними не было. В 1407 г. точно так же оба выходили в поле и заключили перемирие. В 1408 г. приехал Свидригайло в Москву и получил в кормление Владимир³. В 1409 г. снова повторился поход обоих князей и наконец заключен на Угре договор между ними, после чего мир более не нарушался. с Новгородом и Псковом при Василии Дмитриевиче Витовт тоже не воевал более, хотя, после того как князь Лугвений Ольгердович, княживший на пригородах новгородских, съехал, не находя для себя выгоды, разорвал союз с Новгородом. Свидригайло между тем снова ушел в Пруссию, но Витовту удалось захватить его и держать восемь лет в плену.

Сближение с Польшей нужно было Витовту не для одних только дел русских, оно было ему еще более нужно для борьбы с немецким орденом. Жмудь, уступленная крестоносцам, не могла спокойно выносить их владычества и обратилась с жалобой к цезарю и папе: «Потому уходим мы от крещения, — писали они, — что не хотим быть пруссаками. Горе, гнетущее нас, возрастает с каждым днем. Братья отняли у нас хлеб, плоды и пасеки, наши шеи, вольные по природе, заставили склониться в неволю; непривычными тягостями обременяли наших подданных и холопов, отняли у нас охоту и рыболовство, запретили торговлю с соседними странами. Всего же несноснее то, что ежегодно берут в заложники насильно наших детей, без всякого человеколюбия, с насилием отнимают у нас жен». «Умоляем вас, слушайте, слушайте! вы, любящие правду! Вельмож наших связанных увели в прусскую неволю; некоторых с женами спалили на кострах, ибо они не давали отнимать у себя детей». «Одна надежда осталась нам — умереть насильственной смертью и видеть, как мечи их покрываются нашей кровью». «Они с намерением замедлили крещение нашей земли, не построили ни одной церкви, не поставили ни

¹ Ник. IV, 317.

² С. М. Соловьев (III, 33) называет его сыном Ивана Ольгимунтовича, но, по Бартошевичу, у Ивана Ольгимунтовича Ольшанского было два сына: Андрей и Семен; Андрей был отец Софьи (Соньки), последней жены Ягайлы (Holszancy księzeta в Encykl. Powsz.). Кто же Александр? Сам по себе этот род Ольгимунтовичей, идущий от племенных князей Литвы, очень замечателен.

³ Мы уже видели, с каким негодованием относились современники к приему Свидригайлы (гл. VII, § 3).

одного священника. Только благородные князья Витовт и Ягайло просветили верой некоторых из наших»¹. К Витовту посланы были послы с просьбой принять Жмудь под свою защиту; он согласился. Началась война, не особенно удачная, и в 1404 г. заключен мир, которым Витовт опять уступил Жмудь рыцарям, причем обязался даже помогать ордену овладеть Жмудью. Восстание на Жмуди продолжалось; Витовт под рукой поддерживал его, что было одной из главных причин «великой войны», кончившейся знаменитым Грюнвальдским (Танненбергским) боем, в котором пал сам Гросмейстер и где победой Витовт и Ягайло обязаны русским, преимущественно смоленским, полкам². Ордену нанесен был удар, от которого он более не вставал; миром Торунским (1411) Ягайло и Витовт получили Жмудь в пожизненное владение.

В 1413 г. новый торжественный акт скрепил союз Литвы и Польши. Представители обеих стран, съехавшись в Городле, составили договор, излагающий условия этого соединения. По этому акту, Литва и Польша соединяются в одно государство, в одно тело, в один народ; после смерти Витовта Литва признает государем Ягайлу и его детей; после смерти Ягайлы поляки выбирают королем Витовта; в Литву вводятся должности, подобные польским, и учреждаются сеймы; литовское дворянство, по выбору Витовта, приписывается к польским гербам и получает их права. Все эти права доступны только католикам, а не еретикам и другим неверным. Летописец свидетельствует, что мысль о даровании литовскому дворянству прав польской шляхты принадлежит цезарю Сигизмунду. Проф. Каро, опираясь на это свидетельство, основательно объясняет, зачем это было нужно Сигизмунду: Сигизмунд хлопотал об отделении Польши от Литвы и предлагал эту мысль Витовту; при слабости связи между двумя государствами, при честолюбии Витовта разделение это могло легко совершиться, но разделение могло произойти двумя путями: или в Литве одержит верх православно-русский элемент, что весьма не желательно, или Литва втянется в западную жизнь, приобщить же ее к этой жизни можно только по польскому образцу, как наиболее доступному. Таково мнение профессора Каро, и им все объясняется. Витовт был заражен той же мыслью, с ним заодно действовали люди, уже принявшие католичество, к тому же влияние его было сильно; поляки, разумеется, были рады этому событию,

¹ «Scarbiec» I, № 739.

² Любопытно сравнить восторженный тон Шайнохи (IV, 242—317) с минорным тоном Каро (III, 305—356). Грюнвальд и Танненберг — два местечка по дороге из Гильденбурга в Гогенштейн в Пруссии.

но иначе должно взглянуть на него с точки зрения Западной Руси. «Городельский акт, — говорит М. О. Коялович, — довершил то разделение между Литвой и Русью, начало которого положено первым крещением Литвы. Литвины-латиняне поставлены в положение господ, русские православные — в положение рабов: каковы бы ни были добрые отношения между теми и другими и как бы часто ни разрушалось на практике это разделение между ними, но трудно было не возникнуть вражде. Трудно было господам не давать чувствовать рабам свое господство, и трудно было рабам не возмущаться этим господством»¹.

Государство, которое должно было возникнуть, состояло из людей, исповедующих разную веру, причем высшая власть духовная для тех, кто принадлежал к наиболее сильной церкви — для православных, была в другом государстве, которое очень хорошо умело пользоваться пребыванием у себя этой духовной власти. Неудобство такого положения дел чувствовали еще князья галицкие, а потом литовские. Этим стремлением правительств той и другой части Руси иметь у себя митрополита в значительной степени объясняется появление двух митрополитов. В 1415 г. Витовт, собрав епископов Западной Руси, поручил им избрать митрополита. Выбран был болгарин Григорий Самвлах². Основание митрополии должно было, по мысли Витовта, повести к другой, еще более широкой цели — единению церквей; мостом к этому единению ему представлялось гуситство. Вот почему он принимал Иеронима Пражского (1413) и беседовал с ним; вообще сочувствие к Иерониму, смотревшему благосклонно на православную церковь, было сильно. Рассказывают, что по сожжении Гуса при дворе Витовта считали его смерть несправедливостью³. С целью соединения церквей Витовт послал митрополита с несколькими епископами в Констанц на собор, но, приехав туда, они нашли Гуса осужденным, вопрос о причащении под обоими видами — отвергнутым и объявили, что остаются при своем вероисповедании⁴. Эта неудача, быть может, охладила Витовта к мысли об отделении митрополии, и по смерти Григория

¹ «Лекции», 161.

² П. С. Р. Л. II; V, 259; VIII, 88; Ник. V, 54–55.

³ Каро, III. 502.

⁴ В восточной Руси это путешествие в Констанц объясняется следующим образом: «Рече Григорий митрополит, нарицаемый Цамвлак, князю Витовту: «Что ради ты, княже, в вере Лядской, а не во правой вере крестьянской?» и отвеща ему Витовт: «Аще хоцещи не токмо единого мене видети в своей вере православной, но и всех людей неверных моя земля литовская, то иди в Рим и имей прю с папою и с его мудрецы, аще их не препреши, то имам вси люди своя в веру немцкую превратити» и посла его в Рим с своими бояры». П. С. Р. Л. IV, 116. О русских епископах на Костанцском соборе, см. Каро (III, 442–444).

(ум. 1420) он принимает у себя митрополита Московского Фотия (1422)¹. Но тем не менее он вмешался в дела чешские, поддерживая гуситов, к которым послал Сигизмунда Корибутовича. в действиях своих он отчасти руководствовался неудовольствием на цезаря Сигизмунда, произнесшего в третьей инстанции между орденом, с одной стороны, Литвой и Польшей — с другой, приговор в пользу Ордена: большей же частью его вмешательство объясняется этой же мыслью объединения в вере своих подданных и, следовательно, укрепления государства. Прямая цель была достигнута: в 1422 г. договором при озере Мелью рыцари окончательно отказались от Жмуди, но вмешательство в Гуситское восстание, озаглавленное деятельностью Сигизмунда Корибутовича, не привело ни к чему.

Живя в мире с наследником Василия Дмитриевича, внуком своим Василием Васильевичем, который поручен был отцом его попечением, Витовт не оставлял, однако, своих видов на Псков и Новгород. В 1426 г. он выступил против Пскова, и только посольство от внука остановило Витовта²: в 1428 г. он ходил к Новгороду под тем предлогом, что новгородцы назвали его изменником³ и взял окуп с Новгорода. Грустен был конец Витовта: желая завершить свое здание и окончательно придать Литве значение государства, он задумал короноваться и получил согласие императора, который, в надежде примириться с гуситами и не полагаясь в этом случае на папу, предполагал опереться на православных, но поляки решились воспрепятствовать: они уговорили Ягайлу писать к папе, перехватили послов цезаря, везших корону. Витовт, готовившийся к торжеству, не вынес неудачи и умер (1430).

Смерть Витовта подействовала разнo: многих она опечалила, но нашлись и радующиеся не только между поляками, но и в Западной Руси. «Смертью князя Витовта многие, а в особенности русские, очень обрадованы, хотя из них некоторые и показывают печаль для вида; они надеются, что от изменения в делах и вступления Свидригайлы произойдет польза для них и их схизмы», — говорит Длугош⁴.

По смерти Витовта Ягайло признал великим князем литовским брата своего Свидригайлу, провозглашенного уже боярами русскими и литовскими. Свидригайло, еще в 1420 г. помирившийся с Витовтом, спо-

¹ П. С. Р. Л. VIII, 92.

² П. С. Р. Л. VIII, 94. О походе, см. Псковскую.

³ П. С. Р. Л. IV, 121. Любопытно, что при этом случае и В. кн. и Псков обязались не помогать Новгороду П. С. Р. Л. V, 26.

⁴ L. XI, p. 559.

койно ожидал того времени, когда ему достанется великокняжеский стол. К. Стадницкий очень основательно доказывает, что этого не могло не случиться. По мнению этого ученого, стареющийся Ягайло понял, что Литве надо сохранить некоторую самостоятельность, что для этого необходим наместник, и притом католик, и Гедиминова рода. Отстранив разных потомков Гедимины, ничем особенно не выдающихся, оставалось выбирать между Сигизмундом Кейстутевичем и Свидригайлой, но с первым вступила бы династия Витовта, и потому выбор короля остановился на Свидригайле¹. Со стороны православных понятно, что Свидригайло, хотя и католик, но постоянно на них опиравшийся, был им приятнее фанатика Сигизмунда. Свидригайло лишь только вступил в управление, как уже ясно высказал свои цели: в грамоте к Ягайле он говорил, как равный с равным, и тогда же известил о своем вступлении цезаря. Этими действиями, а также своими постоянными укорами королю за прежние оскорбления, Свидригайло вооружал против себя польских панов. Раздражение еще возросло, когда Свидригайло узнал, что поляки, пользуясь смертью Витовта, овладели Подолией. Слабый король, под угрозами брата, решился было уступить ему Подолию, но помешали Польше паны: тайно дали они знать на Подолию, чтобы там задержали посланцев короля и великого князя. Когда в 1431 г. Ягайло возвратился из Литвы, паны узнали, что Свидригайло добивается Подолии, и решились, опасаясь и любви к нему короля и привязанности русских, уговорить его мирно уступить Подолию, но Свидригайло не соглашался. Началась война, отличившаяся мужественной защитой Луцка; Ягайло не мог долее действовать против брата и заключил с ним перемирие. Назначен съезд для заключения мира, но Свидригайло не явился. Тогда поляки возбудили в Литве враждебные ему элементы: Сигизмунд Кейстутевич, опираясь на литовских вельмож, не довольных тем, что Свидригайло покровительствовал русским, напал на Оишяны, где был великий князь, успевший, однако, спастись, и овладел Литвой², хотя Свидригайло еще шесть лет держался на Руси. Сигизмунд вполне подчинился польскому владычеству, держался в стране польским влиянием; по

¹ Есть, впрочем, известия (пруссские), что Свидригайло принудил Ягайлу к признанию насилия («Scarbiec» II, 111).

² Участвовал ли в заговоре Ягайло? Вероятно («Scarbiec», 137), и потому К. Стадницкий напрасно замечает: «В архиве крестоносцев, столь обильном сведениями о делах литовских, нет следа, чтобы король принимал хоть малейшее участие в заговоре на низвержение Свидригайлы». «Bracia Wlad.-lagicelly», 331, пр. 91. Перед нами донесение прусского агента.

смерти Ягайлы (1434) признал он верховенство сына его Владислава. Фанатик католицизма, Сигизмунд тем возбуждал против себя еще большую ненависть православных. Под влиянием священников он учредил инквизицию, порученную доминиканцу Николаю из Ленчицы и имевшую право отыскивать и карать в Литовском княжестве еретиков и отщепенцев; появление этого учреждения объясняют главным образом усилением гуситов в Литовском княжестве. Сигизмунд, описываемый одинаковыми красками и польским, и русским¹, и литовским летописцем², должен был вызвать против себя общее негодование: составил заговор, во главе которого стал «русский по вере и происхождению», как его называет Длугош, князь Чарторыйский, и Сигизмунд погиб (1440).

Смерть Сигизмунда вызвала волнение в Литве: одни хотели князем сына его Михаила, другие — Свидригайлу, иные — короля Владислава. Выбранный на престол угорский Владислав должен был спешить в Угriu и потому, чтобы не потерять окончательно Литвы, послал туда наместником брата своего Казимира³. Литвины же выбрали его своим князем, почему у поляков явилась мысль разделить Литовское княжество, но встретила сопротивление в литвинах. Великий князь, окруженный советом литовских панов, во главе которых стоял умный Гаштольд, привыкал к литовским порядкам, учился языку страны. Король Владислав, быть может, для того, чтобы напомнить о своей власти, издал привилегию, которой православное духовенство уравнивается в правах с латинским на том основании, будто оно признало Флорентийскую унию. Внутри государства был водворен покой: устроено дело Жмуди, ставшей за Михаила, усмирено восстание Смоленска. А между тем Владислав был убит под Варной (1444), и поляки предложили престол Казимиру. Литовцы долго его не пускали, и только угроза выбрать королем князя Мазовецкого Болеслава, тестя Михаила Сигизмундовича, заставила его согласиться. С тех пор внимание Казимира главным образом поглощено было вопросом польско-литовским: поляки требовали соединения Литвы с Польшей и настаивали на присоединении к Польше Волыни и Подолии; литвины же мужественно отстаивали независимость великого

¹ «Сей бе князь лют и немилостив сребролюбив, паче человек, и много князей литовских погуби, иные истопи, иные погуби мечем, а панов и земских людей немало без милосердия изгуби». П. С. Р. Л. III, 113.

² Стрыйковский, II, 202—205. «Pomn. do Dz.», 48. Странно как так пристрастен к Сигизмунду Бартошевич (в «Encykl. Powsz.»).

³ Литовский летописец говорит, будто поляки не пускали Казимира и он ушел тайно, прельщенный рассказами о привольи охоты в литовских лесах («Pomn. do Dz.», 51).

княжества. Волнение не прерывалось в обеих странах: сходились на сеймики, толковали, собирались на общие сеймы и не могли прийти ни к каким результатам. Главнейшие из таких сеймов были Люблинский (1447), Парчевский (1451), Сгорадский (1452), Парчевский и Петроковский (1453). На сеймах происходили бурные сцены. Так, в 1453 г. поляки предлагали призвать в посредники императора, а литвины отвечали: «Отчего же не хана?». Затем поляки потребовали от Казимира подтверждения всех прав и привилегий, в том числе и соединения Литвы с Польшей; в 1456 г. замешательство произошло в Литве: требовали возвращения в Литву Казимира и толковали о выборе нового короля, но, наконец, все уладилось. От внутренних смут оторвала поляков внешняя война: в 1454 г. явился к королю Казимиру посол от дворянства и городов прусских с просьбой принять их в подданство; результатом была война с Орденом, окончившаяся тем, что в 1466 г. истощенный Орден по Торунскому трактату уступил Польше Восточную Пруссию и получил в ленное владение Западную. Грюнвальдская битва принесла свои плоды.

С Русью восточной Казимир никогда не жил в ладу; первой причиной раздора было то, что по обыкновению изменники одной стороны искали убежища у другой: так, Василий Васильевич постоянно помогал Михаилу и даже в 1445 г. посылал войско грабить Литву и, несмотря на договор 1449 г. с Казимиром, принял к себе Михаила, который и умер в Москве (1452), а Казимир затем принял в Литву сыновей Шемяки и Ивана Андреевича Можайского.

Впрочем, дела восточной Руси были предметом посторонним для Казимира: он слишком занят был западными делами; так, когда в 1471 г. новгородцы, предавшиеся ему в подданство, просили у него помощи, он не послал ее, ибо занят был в то время вопросом о выборе сына своего Владислава на престол чешский. Точно также не помог ни Новгороду в 1477 г., ни Ахмету в 1480 г. Иоанн Ваильевич, со своей стороны, довольствовался только подстреканием на Казимира Менгли-Гирея. Поводом к столкновениям явились наконец мелкие пограничные князья, которые стали переходить из Литвы в Москву, а в особенности ссоры этих князей между собой да другой вопрос о волостях пограничных (Великие Луки, Ржев), которые платили дань и Новгороду, и Литве; при подчинении Москве Новгорода эта двойственность прекратилась. Казимир жаловался, но получил отказ. Так и при Иоанне все неприязненные действия кончились мелкими пограничными нападениями. В 1492 г. умер в. князь Казимир.

М.О. Коялович чрезвычайно благосклонно относится к Казимиру: «Долговременное правление Казимира, — говорит он, — было самым замечательным временем в западно-русской жизни. Тогда воскрес древний быт Литвы еще полнее, чем при Свидригайле, русские порядки, русский язык, русские люди опять получили прежнее значение». в этом приговоре много правды, но не следует забывать, что у Казимира на первом плане стоял интерес династический и что с его времени начинается преследование православных: он возобновил разделение митрополии, призвав Григория, ученика Исидорова; основал в 1468 г. монастырь бернардинов для обращения в католичество схизматиков и запретил строить в Волини православные церкви и даже починять старые. Таково было внешнее положение Литвы в ту пору, когда началась ее борьба с Москвой, борьба открытая и непримиримая. Обратимся теперь к внутреннему состоянию страны.

Состояние общества в Литве

Обозреваемое нами время в истории Западной Руси есть время переходное: в нем борются два начала — русское и польское¹. в наследство от Руси Литва получила роды удельных князей, вечевое устройство городов, единство города и земли; Польша принесла в нее понятие шляхетского равенства, Магдебургское право городов, прикрепление крестьян. Вначале Литва была совершенно русской, а собственно литовский элемент не имел никакого значения в Литовско-Русском государстве, ибо, завоевав русские земли, литовские князья переняли русские порядки, заговорили по-русски, что объясняется и превосходством русской цивилизации и постоянным сожительством обоих племен и постоянными браками литовских князей с русскими княжнами, к тому же, не соблюдая русских порядков, не могли бы литовские князья мирно владычествовать в русских областях, а нет никакого сомнения в том, что владычество их было относительно того времени мирно. Тем не менее, однако, в государственном строе Литвы замечаются новые, сравнительно с Древней Русью, черты: воинственный характер, отличительная черта Литовского государства, не мог остаться без влияния на его создающийся

¹ Заметим здесь, что, доведя изложение внешней истории до смерти Казимира, по неудобству излагать княжение Александра, когда еще не говорено об Иоанне III, мы во внутренней истории доводим до эпохи статута (первый в 1529 г.), ибо о статутах надо уже будет говорить вместе.

строй. Воинственный характер Варяжского государства не похож на него и потому уже, что дружина варяжских князей сбродная, кормившаяся более военной добычей, довольствовалась только княжескими доходами с земель, а земщина оставалась при своих правах: община владела землей, волость ставила временных воев, земли управлялись своими вечами. Эта противоположность земщины и дружины не могла вполне удержаться в Литовском государстве, которому пришлось вести войну оборонительную, тогда как варяжская дружина вела войну наступательную. К тому же варяжская дружина застала разрозненные племена, оставила их жить по-своему, не входя в их внутреннее управление и только довольствуясь данью. Мы уже видели, что собственность личная, а не общинная едва ли только не зарождается в эпоху дотатарскую; иное положение дел застает Литовское государство: оно встречает уже совершившееся слияние дружины с земщиной, когда дружина — с упрочением княжеских линий на известных местах — тоже усаживается и более или менее образует земледельческий элемент. Этим элементом пользуются литовские князья: «Теснимые преобладающими силами крестоносцев, — говорит В. Б. Антонович¹, — литовские князья ищут спасения в увеличении своих ратных сил и для усиления их они бросаются на ослабевшую от удельного дробления и татарского нашествия Русь и, покорив ее, стараются дать ей такое устройство, которое представляло бы более всего возможности вызвать из приобретенных земель значительные военные силы: для того литовские князья не только пользуются туземным служилым, боярским сословием, но стараются умножить его по мере возможности. С этой целью они выдают жалованные грамоты служилым людям, в силу которых последние приобретают право на потомственное владение отдельными участками земли или вновь ими даруемыми или издавна им принадлежащими, с обязанностью, привязанной к пожалованной земле, доставлять князю по его требованию определенное количество вооруженных людей и признавать над собой его верховную власть»². Военный характер государства повел к другому, еще более важному изменению быта на Руси, завоеванной литовскими князьями: когда литовский князь подчинил себе русских, то, оставляя за ними власть и удел, требовал с них дани и военной службы; на тех же основа-

¹ Предисл. к т. I, ч. 5 «Арх. Юго-Зап. России», 2.

² «Некоторые ссылались на грамоты еще более древние, пожалованные им от «достолавных Русских князей» еще во времена удельного периода княжеской Руси». «Арх. Юго-Зап. России», ч. IV, т. I, пред., 4.

ниях раздавались уделы и потомству Гедимины, а также и другим князьям (в роде Ольшанских, которые, как мы видели, не принадлежали ни к Рюрикову, ни к Гедиминову роду). Само собой разумеется, что не вся Русь Литовская поделена была между служилыми князьями, и оставалось много земель, не входивших в состав удельных владений (дельниц); из них иные раздавались таким князьям, в других селили более мелких землевладельцев под верховной властью великого князя; точно так же и города были и под властью князей, и отдельные от них; в иных городах, если и были князья, то с характером наместников (вроде тех, которых московские великие князья ставили во Пскове). Так было, кажется, в Киеве (до 1471 г.). Позднейшие договоры служилых князей вводят нас несколько в отношения той эпохи и до известной степени дополняют недостаток первоначальных источников. Князь Феодор Львович Новосильский и Одоевский, принятый на службу в. кн. Казимира по «Витовтову dokonчанию», обязуется: «служити верне, без всякое хитрости», «полетнее давать по старине»; быть мирным, с кем мирен Казимир, и немирным, с кем он немирен; признать его наследника; князь же Казимир должен зато не вступаться в его отчину и признать наследство его детей. «А суды и управы великому князю... давать нам о своих делах, суды без перевода» (т. е. между князьями); в случае несогласия «смесного суда» в. князю принадлежит решение; с московским, рязанским и пронским князьями не сноситься; между князьями судит великий князь Казимир. Подобный же договор заключен Казимиром с другими князьями Новосильскими и Одоевскими: Иваном Юрьевичем, Федором и Васильем Михайловичами. Князья эти, обязанные службой и данью, пользуются в своих владениях большими правами: писались они «Божией милостию мы» (иногда с прибавлением «господаря нашего здоровьем» и выдавали от себя жалованные грамоты монастырям, церквям, боярам своим, имели свои дворы: грамоты писались часто от имени князя и бояр его¹, у них поминаются наместники, тиуны и другие урядники². Во внутренние распоряжки этих волостей великие князья не вступались: когда жители Пинска жаловались великому князю Александру Казимировичу на своего князя Федора Ярославича, который отягощал их поборами, то

¹ «И мы того попытавши с боярами нашими». «Арх. Сборн.» II, № 2.

² «А кого коли они за себя людей призовут и на ново за собою посадят (игумен Пустьинского монастыря с братиею) ино нашим наместником и тивуном и иным нашим урядником не надобе у тых их людей вступать, судити, ни радити и никоторых пошлин нам на тых людех не брати». «Арх. Сборн.», II, № 3.

великий князь отвечал: «Если мы дали ему этот город в вотчину, то он может управлять им как вотчинник, расширять и прибавлять и употреблять к своей прибыли, как сам разумеет: захотят ли горожане (мещане в польском смысле слова) держать корчму по той цене, по которой он им уступил, пусть держат, а не хотят они по той цене взять, пусть он продает кому хочет»¹. Вотчинник мог такую вотчину подарить, променять, продать: в жалованной грамоте великого князя Александра князю Михаилу Жеславскому читаем: «Порозумели есмо... верную... службу.. к отцу нашему... князя Михаила Ивановича Юрьевича Жеславского... пожаловали есмо его и дали ему город Мстиславль и город Мглин, со всеми дворами... из дворцы (т. е. разного рода поселками)... с челядью невольной Мстиславского и тых дворов, и со всеми пашными и со всеми людьми и з их землями пашными и бортными, и з данными... и со всеми пожитки и доходы и платы, и з мыты... и со всеми бояры и з их именья, и з слугами путными, со всеми правом и панством (т. е. вотчинное владение)... А дали то есмо ему у вотчину, вечно на веки вечный, и его киепши, и их детем... волен он то отдати, и продати, и заменить... которые бы бояре... Мстиславский и Мглинский не хотели ему служить, ино им ехати прочь вольно, со всеми своими статки, куды хотят, а именья оставив»². Такими огромными правами пользовались служилые князья, но, по справедливому замечанию И. Д. Беляева³, «через посредство передачи имений по частным сделкам все права, как и имения от служилых князей, прежних самостоятельных удельных государей, переходили и к другим членам аристократии, не принадлежащих к княжеским родам». Влиятельных не княжеских родов было несколько еще в языческой Литве, были они и между боярами Галича и Волыни, быть может, и Полоцка; возникали даже сомнения о княжеском происхождении знаменитых Острожских, генеалогия которых неясна и значение которых возросло от милости Ягайлы, желавшего иметь на Волыни противовес власти Кориатовичей, потомков Любарта Гедиминовича. Само правительство тоже нередко на таких же условиях раздавало земли в вотчину панам и земянам (шляхте). Так, Казимир в 1450 г. дал вотчину пану Немиру Резановичу и в том же году земянину Олизару Шиловичу. Из этих вотчинников составила Рада (совет) Литовская, и все они вместе получили наименование паны-рада (или радные). Рада выбирала великих князей. Александр Казимир

¹ Акты Зап. России, I, № 191.

² Акты Зап. России, I, № 172, а также грамота кн. Конст. Острожскому (там же, II, № 29).

³ «Рассказы из Русск. Ист.», IV, № 449.

мирович, приглашенный Радой, по смерти отца своего, остаться на Литве до выбора великого князя, приглашая волынских князей, панов и земян на выборы, писал им: «Вспомните, что вы поклялись, если Бог не сохранит отца нашего, короля его милость, не иметь иного господаря, кроме того из сыновей его милости, которого ваша милость изберет, согласясь с братьями вашими панами-радой В. княжества Литовского»¹. Великий князь во всех делах государственных спрашивал Раду: «Нам кажется, — пишет Раде Александр в 1503 г. по случаю отпуска ногайских послов, — что послов следует отпустить; но мы оставляем все на рассмотрение и решение вашей милости: как вы сочтете за лучшее: отпустить или оставить, так и сделайте, ибо мы без совета вашей милости ничего в земских делах не делаем»². В «Земском Привиллеи», выданном Александром в 1492 г., постановлено между прочим: «Послов или гонцев мы должны отправлять по совету с нашими панами... Мыта, корчмы, пени и все, что откуда-либо получается, кладется в казну нашу и в ней хранится. Если нет особой необходимости, сказанные сборы, без согласия панов наших, не должны быть вынимаемы из казны». Таким образом, паны-рада, богатые землевладельцы, составляли высшую правительственную власть в Великом княжестве Литовском. Властью этой паны-рада несколько не хотели делиться с остальной шляхтой, как это вводили государи по образцу польскому. Сеймики шляхты, которые заведены были в Литве, там не имели никакого успеха. «Что же касается до того, чтобы литовцам созывать сеймики, — говорил на сейме Люблинском 1569 г. подлесский воевода Костецкий, — то против этого я скажу, что там вовсе не было сеймиков со времени Парчевского сейма. Сеймики там отбываются иначе, чем у вас, господа, там приезжают на сеймик только воевода, староста да хорунжий; напишут что им вздумается и пошлют к земянину на дом, чтобы подписал. Если он не подпишет, то его отдуют палками... Там шляхта ни в каких совещаниях не участвует; там сенаторы делают, что хотят»³. То же подтверждает и польский маршал (председатель) Чарнковский: «Там шляхта не ездит на сеймики, как у нас, а приедут воевода, кастелян, староста и пошлют потом к шляхте постановленное ими для подписи и приложения печати, и если кто не приложит печати, то пригрозят палкой»⁴. Понятно отсюда, что из всех

¹ «Рассказы из Русск. Ист.», IV, № 100, 101.

² Там же, № 205.

³ М.О. Коялович «Дневн. Люблинск. сейма», 290, СПб., 1869.

⁴ Там же, 308.

вводимых изменений, которые приравнивали бы Литву к Польше, удерживались только те, которые были в интересе высшего класса. Таковы были должности (уряды), по образцу польскому, пожизненные: Гетман (Hauptmann, Campiductor) — в Литве с 1512 г. — главный предводитель войска¹ и судья всех военных людей, имевший право приговаривать к смерти: канцлер (вначале, вероятно, носивший название писаря), хранитель печати великого князя, через руки которого проходили все важнейшие бумаги: подскарбий земский и надворный, из которых первый заведовал всеми доходами и расходами государства и доставлял собранные деньги в казну (скарбницу); второй заведовал доходами дворских имений; в его распоряжении были государевы города, замки, дворы и т. д.; воеводы (палатины), назначавшиеся в важные города, бывшие прежде стольными княжескими. Они назначали все подчиненные должности. Эти второстепенные должностные лица назывались его урядниками. «Они, — как справедливо замечает И. Д. Беляев, — состояли на службе собственно, у воеводы, а не у великого князя Литовского; он их назначал, он их и сменял; и они в своей служебной деятельности отвечали перед ним, а не перед великим князем»². Воевода был главным судьей в воеводстве, все лица, даже привилегированные по некоторым делам, судились им, он мог назначать смертную казнь: он собирал земскую рать и в случае нужды был ее начальником; он смотрел за сбором податей; некоторые пошлины торговые вместе с судебными шли в его пользу. Власть воеводы ограничивалась местными обычаями: так, в Полоцкой области воевода назначался не иначе как по согласию местных жителей и судить должен был вместе со старшими боярами и мещанами: воеводы были введены в Литве еще при первом соединении. Старосты были или правителями целых областей (Жмуди, земли Волынской и проч.), или одного или нескольких округов (поветов), и тогда они отчасти зависели от воеводы. Иногда староство, как доходная статья, прибавлялось к другому уряду; иногда даже передавалось жене и детям: маршалки были представителями шляхты и имели несколько ступеней: земский, представитель всего великого княжества; дворный, представитель служилых людей двора великого князя, и поветовые. И. Д. Беляев применяет маршалка к тысячскому, как представителю земщины, на

¹ В Польше, кроме великого гетмана, коронного были еще гетманы: надворный (предводитель двора королевского, дворян), напольный (campester), помощник в. гетмана коронного (см. «Encykl. Powsz.»). Впоследствии и в Литве был польный гетман.

² «Расск. из Русск. Ист.» IV, 361.

том основании, что маршалки в Польше бывали только дворные и земские, а поветовых не было. Но это едва ли так, потому что на Руси Киевской или Московской тысяцкий, всего вероятнее, был представителем Московского и Киевского земства, а не Всероссийского. Кастеляны в Литве были помощниками воевод. И.Д. Беляев полагает, что они появились в Литве поздно, только со статута 1529, но это не совсем так, ибо в привилее Ягайлы 1387 г. уже поминаются кастелянии. Хорунжие: земский, дворный, поветовый носили знамя и в своем повете объявляли указы; с Магдебургским правом появились в городах войты. Рядом с этими новыми польскими урядами в Литве долго еще держались старорусские наместники, тиуны. Были еще державцы. Этим названием обозначался каждый правитель области: воевода, староста, но были и такие, которые просто назывались державцами.

Права и отношения сословий определялись в Литовском государстве целым рядом законодательных памятников, известных под именем привилеев. Эти привилеи давались или всему великому княжеству (земские), или отдельным областям, или отдельным городам, духовенству и некоторым частям населения (евреям, татарам). Все эти акты имеют главной целью введение в Литву польских порядков, и нередко повторение одним другого служит признаком их малоуспешности. Главной целью земских привилеев было сближение государственного строя Литвы с Польским. Для того по привилее Ягайлы 1387г. все бояре, принявшие католичество, пользуются относительно своих вотчин правами польской шляхты; страна разделяется на кастелянши и повесы; девицы и вдовы боярские получают право свободно вступать в брак, причем вдова пользуется имуществом умершего мужа только до нового брака, а в этом последнем случае имущество возвращается родственникам умершего; бояре освобождаются от господарского тягла, за исключением постройки новых крепостей, в случае, если к тому призвано все государство; на войну каждый идет на свой счет, а в случае погони за неприятелем обязаны вооружаться не только бояре, но и все остальные; отказавшиеся от католицизма теряют эти права. На том же сейме прибавлено 321 предписание всем литовцам переходить в католицизм; запрещение католикам вступать в браки с православными; православным за такой брак назначено телесное наказание; имения католического духовенства освобождены от всех податей. Земский привилей Городельский, изданный на сейме 1413 г., служит дальнейшим продолжением и развитием высказанного в привилеях 1387 г. Ягайло и Витовт, желая, чтобы литов-

цы «удобнее упражнялись в постоянстве к вере и возрастали в добродетели, сложив с шеи своей и разрешив иго рабства, которым были связаны и скованы», даруют им те права, которыми обыкновенно пользуются католики, т. е. Литва снова соединяется с Польшей; католические церкви в Литве получают те же права, которые они имеют в Польше; паны и бояре литовские, принявшие католицизм и приписанные к польским гербам, получают права польской шляхты; они пользуются своими вотчинами и пожалованными имениями с тем, чтобы отчуждение их совершалось с разрешения правительства; дети и потомки наследуют вотчины, по польскому обычаю, в пользу жен могут делать записи на вотчины; дочерей, сестер и родственниц обязаны выдавать только за католиков; те повинности, которые не отменены этими правами, шляхта (*nobiles*) обязана отправлять: строить замки, прокладывать дороги, платить подати, в особенности сохранять верность королю Владиславу (Ягайле) и великому князю Александру (Витовту); за поддержание врагов королевства польского грозит конфискация; устанавливаются такие же должности, какие существуют в Польше, причем высшие сановники (воеводы и кастеляны главных городов) должны быть католики, остальные, а также члены Рады не могут не быть христианами; по смерти Витовта литовцы могут избрать великим князем только того, кого предложит Ягайло с Радой, а в случае смерти Ягайлы поляки при выборе короля должны спросить согласия Витовта и его Рады, литовцы получают право с дозволения короля и в. князя собирать сеймы и советы. Витовт с согласия Ягайлы жалует литвинам гербы польской шляхты. Земский привилей, изданный в 1457 г. Казимиром Ягайловичем, впоследствии часто подтверждаемый великими князьями литовскими, вошедший многими своими статьями в Статуты и послуживший основой для развития в Литве шляхетских вольностей, представляет значительные отмены от привилеев Ягайлы. Из этих отмен самая важная та, что привилей Казимира не полагает различия между католиками и православными и даже некоторыми своими статьями в значительной степени противоречит общей цели — теснейшему соединению Литвы с Польшей: так, король обязуется сохранять древние границы великого княжества, не жаловать чужеземцев (т. е. поляков) имениями и урядами¹

¹ «Також обещуем и слюбуем, иж панства нашего земель великого князьства предреченого, не вменшим, але у границах, как же предьки наши (предшественники)... дръжали и володели, також и мы тые ж земли здорови, целы, держати будем, и володети и щитити, а с Божиею помочью и всеми силами нашими размножати будем». «Також обещуем и слю-

и замещать духовные должности преимущественно туземцами¹. Оставляя все права и привилегии, данные Ягайлой, Казимир прибавил еще весьма существенное право: он запретил в областях литовских свободный переход крестьян с господарских (в княжеских землях) на частные и наоборот²: воспрещением посылки к владельческим крестьянам княжеских децких (судебные чиновники) он окончательно подчинил их суду владельца³. Когда Александр вступил на престол Литовский по смерти отца своего Казимира, паны-рада потребовали от него подтверждения прав и преимуществ литовских, вследствие чего в 1492 г. издан им земский привилей. Подтверждая права, данные предшественниками, причем земский привилей Казимира выписан вполне, Александр в свой привилей вносит еще новые права литовских панов: власть великого князя была сильно ограничена властью панов-рады: без них он не мог вести сношений с иностранными государствами, издавать и изменять законы и даже должен был уступать им в случае их несогласия с его мнением: без них он не мог раздавать и отнимать уряды, распоряжаться доходами и расходами, с ними судил в важнейших делах: честь и значение высших урядников должны оставаться ненарушаемыми, как было

буем, иж в землях наших великого князства земель, городов, мест, а либо которых — колвек дедицств, у володение и в держании, а либо некоторыи вряды, а либо чти, не имаем дать в честь никоего чужоземца, а только там родичам тех земель наших предреченных великого князства Литовского дамы». Акты Зап. России, I, 76—77.

¹ «Которая ж то церква головная, зборная, кляштырная (монастырская), по смерти... иж бы пуста была, а пастыря не дръжали, которое ж подање (*jus patronatus* у Дзялынскаго право назначения) к нам и к нашим наместником (*successors* у Дзялынскаго) пригодило бы ся; тогды им с полного права, не иного, а либо не иных, пастыря, а либо пастырев давати имаем, нижли великого князства нашего Литовского, прироженного, аж достойными обычаи найден будет: аж так небудет, тогды иншого рожаю парсуну ужиточную, почестливую, згодную», там же, 74.

² «А також мы, а либо заказники наши (*officiales nostril* у Дзялынскаго) тых предречоных княжат, рытерев, шляхтичов, бояр, местичов (*ducum, baronum et civium* Дзялынський) земель наших... людей данных, извечных, невольных, которое бы коли плоти были, а либо достоинства (*homines abnoxios, iributarios, kmethones et illiberos sexus utriusque neque illos subditos* Дзялынський) не прийдем, и ни урядникам нашим приняти не перепустим; а они теж прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи великого князства Литовского... наши будущих (*successorum*) людей, которое бы коли плоти были, а либо достоинства, приняти сами, а либо через свои врядники, ни жадным обычаем не смети будут», там же, 76.

³ «А також на подавание (*super subditos*) предреченных княжат, рытерев, шляхтичев, бояр, местичев, децьских не дамы: олиж бы первой от пана, которому ж тот поддан, который кривду вчинил, правда пожадана была (*justitia postulate*), ач бы он на рок не хотел к праву поставити; тогды наш децкый, а либо наших заказников имать быти послан; а виноватый, который вину заслужил, пану своему, а не иному будет обязан заплатити». «Акты Зап. России», I, 76. Акт напечатан в Акт. Зап. России, I, № 61 и у Дзялынскаго: *Zbior Praw*, 28—36.

прежде. Так же строго охраняется честь всего шляхетства: великий князь не должен возвышать худородных над благородными. Для прекращения перехода вотчинных имений в другие руки запрещается кому бы то ни было, кроме ближайших родственников, даже самому господарю, приобретать вотчинные имения. Девушки и вдовы, выходящие замуж за пределы В. княжества Литовского, не могут сохранять вотчины. За великим князем оставляется одно право: не нарушая пожалований прежних, вновь жаловать имения и уряды, хотя бы на вечные времена. Таким образом, привилей этот утвердил в Литве шляхетские вольности и, составленный в то время, когда Александр еще не соединял польской короны с литовской, исключил поляков, как чужеземцев. В 1499 г., ввиду предстоящей войны с государем Московским, сейм Литовский подтвердил старые пункты городельские: вызванное необходимостью, это подтверждение не могло быть очень серьезно, и едва ли не самой важной статьей его было подтверждение условия об общем выборе того и другого государя в случае их смерти. Когда же после брата своего Александр был выбран королем (1501), тогда, под влиянием польских панов, составлен был новый договор об Унии между Польшей и Литвой, главные условия которого были: Польша и Литва соединяются в одно государство, всегда имеющее одного государя; у обоих общие сеймы по общим делам; эти сеймы собираются поочередно то в Польше, то в Литве; Литва сохраняет только свои отдельные уряды, частные сеймы и особенность внутреннего управления. Значение этого акта лучше всего можно понять из речи жмудского старосты Котковша, произнесенной на сейме Люблинском 1569 г.: «Не желая упускать этого случая (избрание короля по смерти Ольбрахта), — говорит Коткович, — литовские сенаторы послали в королевство известных лиц на элекцию, дав им полномочие, однако с такими словами: «если даже избрание будет благополучно, то составить вновь записи на постоянный союз между в. кн. литовским и Польским королевством, и эти записи должны быть составлены без вреда для той и другой стороны». Эти послы, бывшие в столь малом числе, если и желали в чем-либо отступать от наказа — постановлять дело без вреда для того и другого государства, — то не имели права делать этого вопреки своему полномочию; потому что если прежде уничтожена была инкорпорация, то уже не нужно было и послы не могли называть в привилегии Литву и Польшу одним телом. Притом эта последняя привилегия обещает смягчать условия Унии; если же оставлено выражение «Литва и Польша одно тело» или «инкорпорация

Литвы с Польшей», то в чем же эта привилегия смягчает Унию? а так как и в этой привилегии везде говорится: верховная власть обоих государств, обе Речи Посполитые, то никаким образом не могло быть из двух Речей Посполитых — одно тело. Но мало того, что при Александре не удовлетворены требования литовского народа, — этот деспотический государь принудил еще наших послов согласиться на устроенную им Унию. в привилегии, составленной при этом, помещено утвержденное им обязательство этих немногих лиц, что ее одобряют и утвердят присягой все чины литовские... При Александре, в течение четырех лет, довольно было времени, чтобы наши предки могли утвердить это дело своими печатями и грамотами, но если они не соглашались на постановление своих послов, противное Речи Посполитой Литовской и полномочию, данному этим послам, то почему же нам подчиняться тому, на что не присягали наши предки»¹. Преемник Александра Сигизмунд I издал в 1506 г. земский привилей, которым подтверждает привилеи своих предшественников. в 1522 г. Сигизмунд издал новое подтверждение. На сейме 1507 г. издано несколько важных постановлений касательно военной службы и подати на содержание войска (серебшизны)². Этим постановлением сейма вотчинники (панове, княжета, земяне, вдовы и вся шляхта) обязаны переписать всех людей в своих вотчинах, чтобы видно было, кто как со своих вотчин может служить; кто не выедет в положенный срок в назначенное место, платит 100 рублей «вины», а кто не выедет по упорству, казнится смертью (шыю тратит); вдовы платят тот же штраф, а за упорство отбирается у них имение; кто уедет с войны без ведома господаря или гетмана, тот подлежит смерти³. В том же году

¹ «Zrzodlop. do Dz. Unie» II, 47—42; «Дневн. Унии», 80.

² О величине серебшизны: «е. м. господарю з людей своих на тот год серебшизну дати, з волово сохи по 6 грошей, а с конское сохи по 3 гроши; а хто земли держит под собою, а волов и кляч не мает, а з земли поживу мает, тот однак 3 гроши мает дати». Серебшизну собирать осенью. «Акты Зап. Росс.», II, 9; в грамоте Сигизмунда того же года серебшизна назначена в больших размерах: с воловой сохи — 15 гр., с конской — 7 1/2 гр., у кого сох нет, с земли — 6 гр., от огородника — 3 гр. Собирают серебшизну с господарских людей — державцы господарские; в повете — хорунжий; «а князей наших и панов — радынаших з их имений наместники их мают збирати и до скрабу нашего отдавати». За сокрытие сделанного сбора урядник или хорунжий теряет жизнь (мает каран быти без всякаго милосердия, ни чим иным только шыею), а князь, пан или земянин — лишается имения; за просрочку увеличивается взнос. «Акты Зап. Росс.», II, № 17. Серебшизна бралась и с панов («Scarbies, II, 244); в 1519 г., назначена для той же цели поголовщина (там же, 294).

³ Причины строгости постановления объясняются следующим образом: «бачачи сплошенство и неряд, которое ж вошло межи подданными его милости за тые первые лета их коли ся на рок положенный, на местцу назнаменованном, не вси зберут, половина зем-

утверждена «устава» о пределах власти гетманской. По этой уставе гетман получает право наказывать преступления, совершенные во вверенном ему войске: за насильственное взятие вещи — заключение, за грабеж — повешение, за вынутие меча — отсечение руки, за рану — виселица, кто поедет без ведома гетманского в «пищывены»¹ — того сажают на цепь (в «лапцуг»); за укрытие найденной вещи, если она стоит выше «полкопья», — виселица; кто ушел с войны домой — казнь и т. д. Вообще власть гетмана в войске приравнивается к власти самого господаря, и потому если кто-нибудь оскорбит гетманского посланца, то оскорбившего гетман может казнить, и только в случае если он «человек добрый, знаменитый», предписывается связавши послать его к государю. Подобная же устава дана и в 1519 г. По этой уставе все, кто будет в войске: воеводы, князья, паны, старосты, наместники, тиуны, дворяне, должны слушаться гетмана; он держит в чести послушных и пишет об них господарю, а непослушных карает. В 1528 г. выдана новая устава о военной службе (земской обороне), в которой определяется, сколько кому ставить ратников и как должны быть вооружены эти ратники²; В 1529 г. выдано дополнение к этой уставе, в котором определяется сколько ставят те, у кого более 8 «служб» (тягол), а имеющие 8 служб людей, идут и сами; бедная шляхта обязана лично идти на войну; от службы избавляются княжеские, панские и шляхетские города («места») и городские бояре, шляхта, дворские слуги; кто не хочет служить в своих имениях, у того имение отбирается на государя; на жалование ратным людям и выкуп заложенных государевых замков и дворов назначен со всех тяглых господарских и панских людей плат (подать); он налагается также на духовенство римское и греческое и на евреев; на выкуп замков платят также и города, кроме «мест княжеских и панских»³.

ли придет, а половица не будет: а естли б тогы тыи могли вси быти шыями караны, тогы бы было окрутенство; а естли бы два, або три теж шыями караны, а иншыи не караны, тогы бы была несправедливость. Про то, для тое причины, тое уставлено: хто не будет на рок положеный, тот тую вину заплотит; ахто далее рока неделю умешкает, тот шыю тратит». Там же, 9.

¹ Не пир ли?

² «Акты зап. России» II, № 153. «Повинен с кждых осми служб людей ставити пахолка на добром кони, во зброи, з дровом, с прапором, на котором бы был панцерь, прылбиза, меч або корд, сукня цветная, павеза и остроги две». В книгах земских должны быть записаны все обязанные военною службою.

³ О размере подати: «плат дати со всих людей своих, с тяглых и с путных и с данников и з волок подляшских, пушаючи ровно, яко тяглого человека, так теж слугу путного и данника одного, и волоку одну с тяглою службою за одно, и яко повинни за таковых осьми служеб, з данников и з волок выправляти и ставити к службе земской коня, так теж з того

К общим постановлениям этой эпохи относится «устава» 1508 г. о приеме в Литве польской монеты, о ценах на припасы, доставляемые в войско¹. Мотивом, побуждающим признать обязательной польскую монету для Литвы, выставлено то обстоятельство, что полякам трудно покупать припасы для себя и корм для лошадей, если их монета не принимается². Этим постановлением делается важный шаг к сближению Литвы с Польшей, и хотя оно вызвано случайными обстоятельствами, но тем не менее имеет большое значение. Столь же важным шагом является постановление 1507 г. о доказательствах шляхетства, показывающее, как уже сильно было Польское влияние: по этому постановлению сейма (ухвале), если кто-либо оскорбит другого и назовет его нешляхтным, то он может доказывать свое шляхетское происхождение свидетельством двух шляхтичей, но если он имеет родственника шляхтича, то достаточно его свидетельства. Если же нет свидетелей, то шляхетство может быть доказано судебным листом прежних государей или панов-рады, в которых жалующийся был бы назван шляхтичем. Отношения к Московскому государству, в особенности отъезд Уланского, вызвали одно постановление, имеющее общий характер, — о конфискации имений изменников, по которому дети изменников только по милости господаря могут получить имение отца; если братья не разделены, то выделяется часть имения, которая должна бы принадлежать изменнику, на господаря; если разделены, то берется имение изменника, а «братья в том не виновны».

Рядом с общими земскими привилеями в государстве Литовском области получили свои отдельные привилеи; знакомство с ними необходимо для понимания государственного строя Литвы. Первый известный из таких привилеев дан Ягайлой земле Луцкой. Этим привилеем подданные вотчинников освобождены от всех податей, кроме цля, и от доставки съестных припасов (станции) за исключением случая приезда короля: подтверждая права жителей всех вероисповеданий, Ягайло обещает не трогать православия в земле Луцкой. Привилей землям русским (Галичине) дан Ягайлой в 1433 г. вместе с коронными землями, в число которых были включены эти земли; привилеем этим Галичина подчинена Поль-

коня мают дати плату 1 ½ копы грошей, т. е. с каждое службы людей 11 грошей и 2 ½ пенязи». «Акты зап. Росс.» II, 204.

¹ Там же, № 31.

² Отношение польской монеты к литовской определено так: «полугрошек польский мает отменен быти за чотыри пенязя литовских, а грош польский за осьм пенязей литовских». Любопытны далее цены разных товаров. Прибавление к акту исчисления прав гетманских имеет в виду обеспечить купцов, доставляющих свои товары в стан воинский.

скому земскому праву с сохранением только до смерти Ягайлы овсовой дани. В 1456 г. Казимир Ягайлович дал особый привилей землям русским, которым подтвердил все права и привилегии духовенства, панов, рыцарства и шляхты, причем обещал не постановлять ничего касающегося Руси и Подолии без согласия рады этих земель, не позволять во время своих королевских проездов судить кому-либо кроме туземцев. Сигизмунд I в 1507 г., по просьбе русских земель, подтвердил относительно их постановлений Ольбрахта, «о всех беглых» и освобождение от мыта и цла.

Жмудской земле привилей дан Александром в 1492 г. По этому привилею сохраняется все то, что было дано прежними господарями: кто прежде не косил сена, не участвовал в строении замков, тот и теперь сохраняет те же права; кто получил какое пожалование, тот и сохраняет его; кто считался шляхтичем, так и остается; кто прежде платил кунницу, будет ее платить и впредь; где была прежде позволена охота (за исключением мест охоты господарской), там позволена и теперь; рыболовство и звероловство разрешены по-старому. Децкий господарский будет посылаться только по р. Несвеже; староста (= воеводе, палатину) выбирается и только утверждается господарем, а равно воеводы и тиуны; бояре освобождаются от замковых служб и от земской стражи, от доставления корма и пастьбы господарским лошадям; новых господарских дворов не будет строиться; никто без суда но Литовскому праву не будет наказан; боярин или шляхтич за убийство равного себе по-старому платит 60 р.; вдовы шляхтичей сидят в имении мужа только до второго брака.

Волынской земле дал привилей Александр в 1501 г. По челобитью владыки, князей, панов, земян и шляхты король подтвердил этим актом старые права Волынской земли: децкого можно посылать за обвиняемым только после двух позвов на суд; головщищу с слуг княжих, панских и земских берут сами паны и земяне; князей, панов и земли староста не может наказывать, а должен жаловаться на них господарю; князя, паны и земяне сами судят в своих вотчинах; людей их даже на ярмарках судит наместник старосты с судьей, избранным господином¹: люди духовные, панские и земянские освобождаются от господарских работ; торги на их землях — от мыта; пан, князь и земянин могут быть

¹ Важно еще следующее: «А которого злодея имут на ярмарках або в городе в месте нашем, з лицом заслужил шибеницы, ино на шибеницу, а если не заслужил шибеницы, ино кому шкода, тому заплатит, а вина тому, чий человек».

судимы только в присутствии лиц своего сословия¹. Александр же дал в 1501 г. привилей повету Бельскому, по которому на земян бельских распространяется Польское право, а в особенности вызов через возного (т. е. посредством листов, позвов), а не через» децкого; причем, однако, сохраняются некоторые особенности: «сторожа» в господарских замках и в случае нужды воинская повинность отбываются бесплатно; отчуждение вотчинных и купленных имений должно совершаться с ведома господаря или старосты и со взиманием пошлины с покупателя (допустного); жена после мужа получает вено, а приданое возвращается тому, кто его дал, не возвратив приданого, она теряет право на отцовское наследство; в случае жалобы на земянина его судят в земском суде (судья и подсудок), а поляка — у старосты вместе с судьей. Старосте подлежат только четыре разряда преступлений: разбой, насильственное нападение на дом, изнасилование и поджог; остальные судит земский суд, на который апелляция подается господарю; важны постановления о кметах: призванные при Витовте для заселения, кметы обязывались работать 14 дней в год за каждую волоку, теперь полагается работать 1 день в неделю за волоку и являться четыре раза в год на помочь (толоку); кмет, желающий перейти от «одного земянина к другому или на землю в. князя или в город, если он получил пособие от землевладельца (рукоем, *fideijussus*), обязан заплатить «отсталого» с волоки копу грошей, а «сходельного» полкопы от полволочки. Сверх этих постановлений привилей заключает в себе постановления о судебных пошлинах в случае примирения, о бортях, запахах межи и т. д.

Витебской земле привилей дан Александром в 1503 г. Он дан «князям, боярам и слугам витебским, войту и мешанам Витебска и всей земле Витебской». Этим актом господарь обещает: не вступаться в церковные дома, в «куплененины», приобретенные с его дозволения, в «безадщины» и «отмерщины», вдов² замуж насильно не выдавать, в наследство по завещанию не мешаться, подвод от «городских людей» и «посельских путников» не требовать, холопу и рабе не верить, «судов» (решений)

¹ «Акты Юж. и Зап. России», I, № 36. в 1503 г. Александр освободил волынскую землю по случаю татарских опустошений от воловщизны на 14 лет. (Акты зап. России, I, № 201). Сигизмунд, подтверждая в 1509 г. привилей Александра, навсегда освободил Волынь от этой подати (Акты Зап. России, II, № 54).

² «В безадщины и в отмерщины Витебския тож не мает вступитися, и жоны их силоу замуж не давати». Едва ли здесь не говорится о вдовах, владеющих вотчиной по смерти мужа. Не это ли отмерщина, так как под безадщиной не без основания понимают выморочное наследство.

прежних князей не пересуживать, без «исправы» (следствия) не наказывать, решения не менять, наказывать «по вине», выдавать по просьбе на поруки, не заключая в оковы и не подвергая «мукe» (пытке), вотчин не отнимать, в «купленины» не вступаться, тайным доносам не верить, витеблян не давать в заложники; витебляне должны быть готовы к войне. Господарский воевода не ездит по витебским волостям, а выехав на охоту, не требует подарков. Поймают татя с «лицем» (поличным), вещь возвращается хозяину; не нашлось вещи, обокраденный может взять у татя дом, жену и детей, а самого татя наказывает господарь; городских «сябров»¹ нельзя гнать ни в подводы, ни в ловы; в городские меры и весы господарь не вступается; за нарушение правил наказывают сами витебляне, а также за неправильную торговлю воском², в вотчины и воды не вступаться, но и витебляне не должны скрывать господарских вод; мыта с них не будут брать во всем Литовском княжестве. Витебска господарь никому не будет дарить³. Воевода в Витебске назначается по согласию горожан и, в случае жалобы их, сменяется. По приезде в Витебск целует крест не наказывать не по праву; витеблянин может по воле уйти из Витебска; собираясь уходить в Литву, он должен «чолом ударивши св. Благовещению»⁴ объявиться воеводе и горожанам; имением может распорядиться как ему угодно; если витеблянин пожалуется господарю в Литве на другого витеблянина, то ему нельзя дать децкого из Литвы, а следует дать лист к воеводе, который обязан судить «по их праву»; витебских жителей никуда не должно выводить. Потомков литвинов и ляхов, принявших в Витебске православие, господарь обязуется не трогать⁵.

Привилей земле Смоленской выдан Александром в 1505 г. Господарь обещает оставить неприкосновенной православную веру, церковные и монастырские имения и отмерщины, вдов не выдавать насильно замуж, уважать завещания, возвращать украденное⁶ владельцу; тамгу брать

¹ То ли это, что во Пскове?

² «А в которого Витблянина загудят (кажется, от слова гудзить — хулить см. «Словарь» Носовича) воск в Ризе, або инде, а приедет до Витебска, ино Витбляном самим казнити виноватаго».

³ Так кажется следует понимать слова: «А Витбляны нам не даритися никому», а не так как их понимает г. Чарнецкий «Витбляне не в праве «даритися» кому-либо» («Унив. Изв.», 1867, № 5, 16).

⁴ Припомним «поклониться св. Софии» в Новгороде.

⁵ Кроме этих общих постановлений, привилей заключает в себе постановление о судебных пошлинах, которые мы оставили в стороне. Привилей этот подтверждает Сигизмунд в 1509 году. (Zbior Praw, 99—101).

⁶ «В татиное беремя нам не вступитися».

только с гостей, а не со смолян, корчем не держать¹; смолян освободить от установленного вноса 100 р., а живущих в Смоленске тверичей — 20 руб.; смоленские бояре не могут принимать в «закладни» господарских людей; горожане освобождаются от подвод за исключением случая господарского проезда; подводы должны ставить волости; волости, которые «держат» бояре, остаются за ними; волости, отторгнутые от Смоленска Свидригайлой, возвращаются Смоленску, и их могут держать только смоленские бояре; если полочане брали мыто со смолян, то и смоляне имеют право брать с них; если не брали, то и смоляне не могут брать; все права, данные князьям, панам и боярам литовским, распространяются и на смоленских; вместе с тем отменяются все «новины», введенные Радзивиловичем², бывшим при Казимире Ягайловиче державцей смоленским, который брал подводы со смолян для своего проезда, ставил сторожей к своему дому, брал большое «децкованье» (пошлина за посылку децкого), сажал в заключение вместо того, чтобы отдавать на поруки, при нем брали пошлину с говядины, ловчий его судил, он призывал смолян рыть пруды и т. д.; все эти новины отменяются; а также и другие новины: ввиду появившегося большего числа ябедников, которые, ходя по городу, людей «соромотят и боем клепят», постановлено тех из них, кто не доказал своего обвинения, наказывать по заслугам; князя, окольничие³ бояре, по старому обычаю, в лесах, им принадлежащих, не должны запрещать смольнянам рубить дрова и строевой лес; княжие, окольничьи, боярские и игуменские люди, если живут и торгу-

¹ «Неясно следующее: «А також в роки выдавки, што один выдаст ся, а другой не выдаст ся, тут вини нет; а коли оба выдадут ся, ино судом дошед, на виноватом вина взяти, а децкование по старому». Можно, впрочем, принять толкование г. Тумасова: «у Литовцев искони употреблялась древнеславянская форма судебного разбирательства при посредстве денежного залога и шапки; она называлась техническим термином «покладать шапку рублем грошей». Тяжущиеся — истец и ответчик, — явившись на суд, говорили каждый: «Я закладываю эти деньги (при этом клал деньги в шапку) и отказываюсь от них, если виновным по суду окажусь я, а не ты». Этим один другого как бы выдавал судье. Виновный тогда терял залог, который поступал в собственность судьи». «Двор. зап. России», 101 («Чт. в общ.», 1868, IV). Дальнейшие слова: «Тож вес (=вес), медовыми (=дедовы), соляный (=селяны), музолки, коромысл, тым его милость Смольнян пожаловал» едва ли правильно переводит г. Чарнецкий: «Господарь жалует Смольнян селами: Дедова, Селяны, Музолки и Коромысл». Считаю это чтение неправильным потому, что в грамоте Смольнянам в. кн. Василия Иоанновича: «Также есми пожаловал Смольнян мещан и черных людей весчим, с которого товару имели вечего наперед сего, с воску и с меду и с соли и с иного товару» («Собр. Гр. и Дог.», I, 412).

² Радзивил Николай (Виленский воевода с 1508 г.).

³ «Слово окольничий удержалось в значении правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольние, как урядники, занимают место выше бояр». С. М. Соловьев («Ист. России», V, 431).

ют в Смоленске, должны платить «сторожовщину» вместе с жителями и вообще отбывать тяглую службу¹: те, которые держат людей в «пенязех» (за неуплату долга, в кабале), обязаны их судить².

Киевской земле привилей дан Сигизмундом в 1507 г. по челобитью князей, панов, бояр, земян и «всей киевской шляхты». Господарь обещает «не вступатися» в людей церковных, княжеских, панских и боярских, а также в земли и доходы; без суда никого не наказывать, а также не наказывать заключением, ни смертью по одному только обвинению или доносу тайному или явному³, но поставить обвинителя и обвиненного «на явный суд христианский» и по рассмотрении наказать виновного по заслугам; государственная измена наказывается смертью и конфискацией⁴, за чужую вину никто не наказывается; вотчины и выслуженные у прежних князей имения («выслуги») сохраняются за тем, кому принадлежат⁵. Жена владеет пожизненно имением мужа, если не выйдет замуж; дети владеют с ней, но если выйдет замуж, то имение переходит к детям, нет детей — к ближайшему родственнику, а нет родственников, то имение считается выморочным⁶, потому запрещается завещать жене имение; завещать же можно известную сумму денег на соответственной части имения; с этим наделом вдова может вступать в новый брак. Князья и паны, с дозволения господаря, могут распоряжаться своими «выслугами» (дарить, продавать, менять, отдавать по душе); бездетные, у которых нет родственников, могут завещать свое имение кому вздумают; в имения церковные, княжеские и боярские децкие посылаются только тогда, когда по первому листу ни сам владелец не явился, ни обвиняемого не прислал; вина (вира) идет в пользу владельца; в случае преступления, совершенного боярином, виновный отдается на поруки, а приговор откла-

¹ Мотив этого распоряжения следующий: «Коли будет потреба человека, або двукнашой службе, под посла, або под гонца нашого, а любо на которую на иншую нашу потребу ино деи подвойский за окольничих слугами все места обходят для одного человека або для двух, рекучи, а з людей по грошу поберут, для чого тому делу нашему шкода и тяжесть великая делалась».

² В. кн. Василий Иоаннович подтвердил Смоленский привилей в 1514 г. («Собр. Гр.», I, № 149).

³ «А хто кого обидит, алибо обмовит, тайно ль, яно ль, ино того ни одною виною не казнити, ни нятством, ни шыею».

⁴ Слово зрадца пояснено так: «Хто имет на нас лихо мыслити, а любо на землю нашу».

⁵ Но при этом помещена оговорка: «а што придали князь Александр (Олелько, бывший Киевским князем в 1440–1455) и князь Семен (Олелькович, Киевский князь 1455–1471), а не отчины чюжьи, и с того их не рушаем, а оглядевши листов, нашими пак листы то подтвердим за ласки наше, и то вже будет наше данье».

⁶ «А будет пустой человек, ни детей, ни племени: ино на нас то имение».

дывается до приезда господаря, которому принадлежит право полного помилования боярина¹; подымщина собирается, как собиралась при Витовте; князья и паны могут, если хотят, ехать «до чужих земель», только не неприятельских, но должны «челом ударить» об этом господарю или его наместнику и оставить в имении кого-нибудь вместо себя для отправления земской службы. Кто «сочит» (ищет) на другого в воровстве, тот представляется вместе с оговариваемым им лицом в суде; если оговаривал пана служащий у него шляхтич и не доказал, то его наказывают как клеветника; а холоп или раба выдается своему господину без всякого суда². Господарь обещает «держат киянина» в такой же чести, как и литвина, не понижая его в «урядах»; киевские волости могут держать только «кияне»; литовские князья, паны и бояре, если владеют имениями в Киевской земле, должны лично нести военную службу; церковные люди, княжеские и панские не ставят подвод от села до села³; татя, совершившего большую татьбу, если он не в состоянии заплатить, постановляется повесить; если жена и дети пользовались украденным, то и они отвечают с ним вместе; украденное возвращается владельцу; если у татя есть имение, то истцу платится этим имением, а «лице» берется на двор. Церковные, княжеские и панские люди не делают езов⁴, не косят сена и не населяют господарских дворов, а населяют только дворы своих государей⁵, а городки киевские строят все по-сирому; бобровники господарские гонят бобров только по тем полосам, где гнали при Витовте, а не входят в села церковные, княжеские, панские и боярские; те люди церковные, княжеские и боярские, которые обязаны выставять поочередно сторожей в Чернобыли, не должны ни коней пасти, ни дров возить; их дело стража и доставление послов и гонцов. Духовенство, князья, паны и бояре не должны принимать на свои земли людей господарских; а господарь не принимает на свою землю «отчинных не походящих» (на языке северо-восточной Руси «не гулящих») людей. Люди церковные, княжеские и панские не ходят в облаву (господарскую); князья и паны не ходят с послами в Орду, а если господарю нужно послать боярина, то он изве-

¹ «А коли проступит боярин, ино наместнику нашему осудив и за поруку давши, до нас отложити; мы пак волни будем в той вине, взяти и отпустити».

² «Ино с человеком, и с холопом и с рабою суда нет, а человека и холопа, и рабу господарю выдати».

³ Неясно следующее: «А о выдачку, коли ся оба-два выдадут и оба шапками вергут, ино то выдачка; а один ся выдаст, а другой ся не выдаст, ино то не выдачка».

⁴ Закал для рыбной ловли.

⁵ То же относится и до имений, пожалованных князьями Олельковичами.

щается особым листом. Шляхта киевская просила в. князя отменить новины, введенные воеводами: сбор свадебный куницы в имениях шляхетских, наезды на эти имения с грабежом, новые мыта. По этому прошению господарь с радой постановили: выводную куницу брать тому, из чьего имения невеста (если из господарского, то берет воевода, а если отчинника, то берет отчинник); в случае грабежа, если будет жалоба на князя, пана или боярина, то сначала воевода посылает к нему листы, а если не пойдет — децкого; судит воевода с князьями и боярами киевскими; кто отзовется, что желает суда господаря, то воевода назначает срок; кто на срок не явится, того «можно заставить явиться силой («модно»), новых мыт воевода не должен взимать.

В 1529 г. Сигизмунд подтвердил этот привилей и добавил его новыми статьями. Киевские воеводы не вправе посылать в княжеские и панские имения, ни брать с них меду, ни ловить рыбу, ни гнать бобров, ни присылать своих охотников (стрельцов); в подвория панские в Киеве не могут становиться без их воли ни воеводские слуги, ни королевские «жолнеры»; с езов их по рекам воеводы не берут десятой рыбы, а привозимых людьми их на продажу в Киев и другие города припасов воеводы не имеют права брать бесплатно. Люди их освобождаются от обязанности содержать татарских послов при проезде и давать им подводы, а также от содержания воеводы и его посланных и от обязанности поочередной стражи в Чернобыли; подымщина обращается в пользу панов¹: люди панские не обязаны беречь соколиные гнезда; войт и мещане киевские не имеют свободного въезда в пущи церковные, княжеские и панские, а только в пущи господарские; людей их, которые живут в Киеве, войт и мещане не судят, а судит их тот, дому они служат; с них не требуют ни городских служб, ни сборов, только те из этих людей, у которого будет лавка на рынке², платят вместе с мещанами господарские подати, но не те, которые наложат войт с мещанами.

Полоцкой земле дан Сигизмундом в 1511 г. привилей, во многом сходный с Витебским привилеем 1503 г.: по этому привилею, господарь обещает «не вступаться» в дома Божие и церковные имения, не наказывать по одному наговору, а рассмотреть дело, призвав и обвинителя и обвиняемого; наказывать только преступника, а жену и детей привлекать к ответственности исключительно в случае их участия, имения не конфи-

¹ «А подымщины людем их нам господарю не давати: нижлы мают они паном своим давати, хто кому служит».

² «Хто будет в рынку клетку мети».

сковать; полоцким боярам и мещанам предоставить владеть имениями, как князья, паны и мещане владеют в Польше (дарить, менять, продавать, объявив господарю или его наместнику); не вступаться в «куплены, безодщины, отумершины»; вдова пана, пока она не замужем, может владеть имением своего умершего мужа; выходя замуж, может взять с ведома родственников то, что записано ей мужем, а имение должна отдать детям или родственникам покойного; на боярских людей и на мещанских сябров ни господарь, ни его наместник не должны давать децких; на боярских людей прежде всего следует искать у господина; и только если господин откажется дать суд, наместник может послать децкаго; вина (вира) следует господарю¹; воевода не может один судить мещан, а судит их с боярами и мещанами, он должен отдавать на поруки, а не сажать в заточение и не может «по муце веры няти»²; холопу и рабе он не должен верить; от подвод освобождаются полочане, посельские путники и городские сябры, а боярские и мещанские люди от всякой службы к княжим дворам; прежние приговоры по тяжбыным делам не отменяются; полоцкие бояре, мещане и «посельские путники» не отдаются в заложники («в заставу»), а в Полоцк не посылаются заложники без воли полочан. Полочане должны быть готовы к войне; воевода полоцкий не может ездить по волости (что всегда сопровождалось поборами), а выезжая на охоту, не должен нигде брать даров. В случае покражи вещь, по отыскании, отдается хозяину; если же чего недостает, то потерпевшему выдается сам тать. Бобровые гоны остаются по старине. Весы («важницу») для взвешивания товаров на рынке держат два боярина и два мещанина; пошлину делят пополам, причем бояре могут удержать половину в свою пользу³; на местах городских, издавна данных церкви или купленных ей, можно держать слуг и закладней (кабальных), если так было при Казимире, можно иметь и новых. Люди эти платят позем (поземельную подать) своим господарям, а если торгуют, платят ордынщину и серебщизну вместе с мещанами; владыка и игуменья на полях своих и фоль-

¹ Не вижу достаточной причины, почему в этом месте г. Чарнецкий («Унив. Изв.», 1867, № 8) говорит о господине сябра. Вот текст: «Также на боярские люди и на мещанские сябры децких нам и наместникам нашим не давати; а будет ли кому кривда, ино перво у господаря его искати правом...» Конечно, это неясно, но все-таки не зная, кто был господарем сябра, надо приостановиться в заключении.

² Быть может, не верить новому показанию после пытки или не запрещается ли здесь вторая пытка.

³ «Плат с нее выбирати, и свою половину бояре мают обернути на свои потреби». Этим уничтожается постановление Александра о взыскании этих пошлин в казну.

варках за городом могут селить людей «сельских», но не торговых и ремесленных. Если у боярина есть в городе дом или дворище, купленное или пожалованное, то он может селить там слуг с правом суда над ними. Занимаясь торговлей или ремеслом, такой поселенец платит, вместе с мещанами, серебщицу, ордынщину и другие подати, кроме тех, которые войт и другие городские власти назначат на свои потребности. В боярские леса мещане не имеют въезда, а въезжают в лес господарский. Полчанин, обвиненный в Риге или другом месте в недобросовестной торговле¹, наказывается в Полоцке. Полочанам запрещается скрывать перед господарем принадлежащие ему воды. Король обязуется полочанам никому «не дариться». Полочане освобождаются по всему Литовскому государству от мыта, а также от «серебщицы»². Воеводские слуги не могут держать городского тивунства и не могут ездить по волости с воеводскими тивунами; в Черствяти они не могут судить, а судит по старому тивун; а в Невле и во всей Полоцкой волости не должно быть особых судей, а судит воевода. Воевода назначается по воле полочан и сменяется по их жалобе; вступая в должность, целует кресты полочанам не наказывать без суда. Полчанин, если захочет, может выйти из Полоцка и распорядиться своим имением. Если полчанин жалуется господарю в Литве на другого полчанина, господарь не посылает децкого, а только лист к воеводе; дело обсуждается воеводой с полочанами; полоцкий воевода не должен брать посулов с пригонов, но имеет право брать гостинцы от варь. Владыко получает с полоцких священников соборную куницу шерстью (в натуре); священники и игумен не обязаны ходить к нему в «пригон»; за церковными домами смотрят городские старосты. Владычные слуги не могут держать церковных земель. Господарь обещает принимать от полочан «чоломбитя».

Земле Дрогичской (Дрогичинской) дал привилей Сигизмунд в 1521 г., заключающий в себе определение подсудности по разным делам. Староста в замке судит только: насильственное нападение на дом, поджог, изнасилование, разбой на дороге. в случае повреждения господарского бортного дерева выезжают на место гаевник (лесничий), городской виж (следователь), коморники судьи и подсудка (помощники их) и городской писарь; они решают дело; на них можно жаловаться старосте, который судит тогда с судьей и подсудком; в случае нарушения межевых границ выезжает на место староста с судьей; возного (судебный

¹ «В которого Полочанина загудят воск в Ризе или инде».

² Не знаю, как согласить это с вышеприведенным постановлением о плате серебщицы.

служитель, разносящий позвы) выбирает староста с судьей, подсудком и всей землей. Староста не может ни судить дрогичан, ни брать с них вины в противность привилея, данного Казимиром. Привилей этот, не дошедший до нас в подлиннике, был в 1516 г. подтвержден Сигизмундом. По этому привилею, Дрогичской земле даруется Польское право; уничтожается должность децких; позыв на суд, к кому бы он ни был отправлен, должен быть написан по-латински; шляхте дозволяется избирать земских урядников, которые утверждаются господарем, городские назначаются господарем; те и другие должны быть римской веры; жалобы на них подаются господарю. В 1523 г. Сигизмунд, по жалобе старосты, что дрогичане не подчиняются привилею, снова подтвердил его. Стало быть, для дрогичан польские права не были очень привлекательными. Земле Брацлавской Сигизмунд в 1507 г. дал грамоту, которой освобождал людей, принадлежащих вотчинникам от подымщины господской.

Изложенные привилеи показывают нам, как росло значение высшего сословия, как выдвигалась и низшая шляхта и доходила в некоторых местах до уравнивания в правах или, по крайней мере, стремилась к тому. Шляхта прежде всего стремилась оградить свою личность от посягательства со стороны власти, и это достигнуто обещанием короля никого не наказывать без суда (напр., в Киевском привилеи 1507 г.), не подвергать наказанию невинных, жену и детей, и не конфисковать имений (Полоцкий привилей 1511 г.), а также не сажать в тюрьму по подозрению; за обеспечением личности следовало обеспечение собственности: привилеями (тот же Киевский, Витебский 1503 г., Полоцкий 1511) утверждены за ними все отчины, но вместе с тем заметно стремление обратить в родовое имение и пожалованные (выслуги), что тоже в значительной степени подтверждается привилеями; к королю, на основании привилеев, имения шляхетские переходят только тогда, когда нет ни одного родственника (Киевский)¹. Относительно королевских урядников шляхта стремилась поставить себя в особое положение: по Киевскому привилею боярин мог быть наказан только по конфирмации королевской; по Волынскому — урядники королевские не могли ни посадить в тюрьму князя, пана или земянина, ни наказать

¹ Н.С. Тумасов основательно замечает: «Эта статья закона согласована с задушевными стремлениями шляхты — ограничить власть короля, лишая ее возможности обогатиться и усилиться (на счет ее же самой, разумеется)», 73. Вспомним новгородское запрещение князьям и их дворянам покупать земли в Новгородской области.

его, а должны были доносить о том королю. Относительно низшего населения паны становятся в господствующее положение: по Волынскому привилею головщина со слуги панского идет в пользу пана; воевода не может послать дещкого за этим слугой; по Полоцкому привилею, бояре судят сами своих слуг даже в городе. Сверх того, панские села освобождаются от многих повинностей, даже подымное, в некоторых местах, идет землевладельцу, а не в скарб королевский. Так мало-помалу устанавливается в Литовском великом княжестве крепостное право. Основой, из которой развилось крепостное право в Руси Западной, послужили села, населенные рабами (челядью), которые, как мы уже знаем, существовали в Руси Киевской. Средневековое закупство продолжало существовать в Руси Литовской. На службу панов вступали не только люди низшего происхождения, но даже шляхтичи. Понятно, что, когда князья сошли со степени государей самостоятельных на степень служилых, значение их бояр понизилось само собой и еще более понизилось при возможности перехода княжеских владений к лицам не княжеского рода. Когда же привилеи дали значительные льготы слугам панским, то вступать в службу панов стали еще охотнее. При господстве физической силы закупы, поступившие за долг, так и нанявшиеся и выданные за вину, обращались часто в рабов. Кроме того, в князья жаловали людьми¹. Даже соглашаясь с доводами В.Б. Антоновича, что, «кроме плена все другие способы отречения от личной свободы: продажа себя в рабство, рождение от рабов, брак с рабами, выдача в рабство за преступление, были ограничены обычаем до значения временной, срочной сделки или вовсе отстранены»², нельзя не признать того, что даже при временном своем характере рабство не смягчало своих форм; редкое упоминание о «невольной челяди» в жалованных грамотах до 1569 г.³ еще не значит того, чтобы ее в самом деле было

¹ «Просил в нас Александр Ходкевич людей, четырех человек, у Микуличах, у Каменецкой волости; а повидал нам перво сего за бояры же бывали тьи люди. Коли же такии, и мы ему дали». «Акты зап. России», II, № 44; а также № 133, II, 216; II, 9, 56 и т. д. можно было передавать человека с землею, а не землю с человеком. Так по крайней мере должно понимать следующее место акта: «К тому теж записал (пан Павша Никольскому пустынно-му монастырю) выслугу свою у Волевской волости человека на имя Василя Подтопчина и з его товарищи, одну службу на имя Зубковича», «Акты южной и зап. России», I, № 59, II.

² Главное доказательство статут: постановления, в него внесенные, суть обычаи. «Арх. юго-зап. России», т. VI, ч. 2, пред. 12. Впрочем, Ф.И. Леонтович (Кр. южн. Руси, 17) склоняется к тому, что статуты смягчают рабство. См. Михилона, 47, о рабах по браку.

³ В.Б. Антонович, 12–13. К случаям, указанным глубокоуважаемым исследователем, лучшим у нас знатоком западнорус. старины, прибавим еще некоторые: в «Акт. южной и зап.

мало. Кроме челяди, земли панские населяли еще земледельцы разных наименований и стоявшие к вотчиннику в разных отношениях. Ближе к челяди стояли отчичи (иногда отчичи прирожденные, дедичи), зависимость которых обуславливалась обязанностью не сходить с земли, которой они пользуются, и платить господину работой и данью. Господин не мог продавать этих крестьян без земли¹. Далее следовали данники, обязанные только известными податями в пользу того, кому пожалует эти сборы великий князь; зато получивший такое пожалование обязан усиленной военной повинностью. Эти пожалования по характеру близки к северорусским поместьям, только передаваемым в потомство². В.Б. Антонович замечает: «Чем менее успели проникнуть в Литву польские юридические понятия и польские обычаи, тем чаще упоминаются данники и тем реже отчичи»³. Крестьяне этих двух разрядов имели свои собственные земли: в жалованных грамотах поминаются земли крестьян «пашенные и бортные»; права их на эти земли признавались и в то время, когда действовали статуты⁴. Дань с этих крестьян по большей части взималась натурой: так упоминаются с них дани медовая, бобровая, куничная и редко житная и грошевая⁵. На земли, как вотчинные, так и жалованные, землевладелец мог, иногда даже был обязан, призывать новых поселенцев (слободичей). По этому праву встречается и ограничение: Казимир, как мы уже видели, в своем привилее 1457 г., отказываясь от призывания на свои земли людей «данных, извечных, селянских, невольных» с земель духовенства и шляхты, поставляет тоже условие и при

России», I, № 50 читаем: «Нехай он и ныне тот двор вышеписанный и со всеми людьми того двора и с челядью невольною держит». См. также: «Рукоп. отд. Вилинск. публичн. библиот.», 68, 90. О довольно сильном распространении рабства свидетельствует и строгий закон Казимира: «А который будет люди выводит, а любо челядь невольную, а ухватят с лицом, того на шибеници» Даниловича: «Statut Kazimierza», 30, W., 1826.

¹ «А тыи люди отчичи мои... мают ему по тому служити как есть в той земли обычай, а проч. им нелзе от него поити» говорится в меновой записи старосты Луцкого 1490 г. («Пам. Киев. врем. Ком.» I, отд. 2, 2—3. В.Б. Антонович, 14).

² «И тое имение и люди... подтверждаем... Шлякгеру вечно и его жоне и их детям... нехай он то держит, а нам с того службу земскую заступует потому, как жо оные бояре шляхти наши нам служить». «Акты южн. и зап. России», I, № 33.

³ «Арх. юго-зап. Руси» 4, VI, т. II, пред. 14.

⁴ Стефан Баторий в 1579 г. подтвердил приговор, произнесенный еще при Сигизмунде Августе, кн. Феодором Ивановичем Ярославичем, по делу между панкою Святохною Федковой и крестьянами о земле, о которой крестьяне говорили: «Мы, милостивый пане, не на Светохну тьи земли разробливали, але на себя». Согласясь с их доводами, кн. Феодор указал другие земли пане Святохне. «Акты Южн. и Зап. России», I, № 182.

⁵ Поминается также дякло — дань первоначально сеном, потом разным хлебом и даже яйцами. Чацкого: «O litewsk. i polsk. prawach.» w. 1900, t. I, 66.

призывании поселенцев на земли духовенства и шляхты. Мы знаем, что то же было повторено в Киевских привилеях Сигизмунда. Поселяясь на пустопорожних землях, «на новом корню», поселенцы давали владельцу запись, подтвержденную тремя свидетелями, которой обязывались за полученную землю службой или оброком, натурой или деньгами («плат»). Люди эти делились на засядлых, получивших пособие от землевладельца и потому не имеющих права сойти с его земли до уплаты, и на незасядлых, которые могли сойти, заплатив известный выкуп¹. Впоследствии люди, зажившиеся на одном месте более 10 лет, срока земской давности (старожилы), обратились в крепостных. Таковы были перед изданием статута разряды крестьян, сидевших на землях шляхетских. По закону и обычаю некоторые из этих разрядов пользовались значительной долей свободы: так, кроме права перехода, они владели землей, собирались в сходки (копы). Еще в статутах копы сохраняют значение волостного суда по делам о запашке чужого поля, потравах, о воровстве и убийстве. Ранее копы имели важное значение и в вотчинной администрации, но в XVI в. они собираются только для объявления воли господина. Первоначально крестьяне селились и владели землей общинами. Такое поселение в Литве называлось волостью; если даже и самые усадьбы были разбросаны, все же они составляли одну волость; самые места поселения назывались: большие — селами, меньшие — приселками. Участки крестьянские назывались службами (то же, что тягло в Северной Руси) или дворами. В первом случае на каждый дом могло приходиться несколько служб, во втором только одна². На смену этому старинному общинному землевладению шло немецкое мызное хозяйство: из Вельской грамоты 1501 г. видим, что уже при Витовте начало появляться поселение по волокам (отдельным участкам). Каждая волока делилась на три части или поля; для жилища крестьянина назначалось среднее, третье поле³. Крестьяне обязаны были повинностями издельными, натуральными и денежными. Кроме хлебопашества, кошения сена и т. п., крестьяне делали господские постройки, ставили подводы, сторожей, занимались звериной и рыбной ловлей, гонкой бобров и пр. Платили господину естественными продуктами (хлебом, льном, и т. п.),

¹ «А незаседлыми, коли усхотят от него про поити, как в земли обычай есть, выход отдавши, волно ему поити где хочет». Меновая 1490 г. («Пам. Киевск. Комм.», I, отд. 2, 3).

² Ф. И. Леонтович верно замечает: «Здесь на первом плане ставилась рабочая сила людей; земля имела второстепенное значение» («Крестьяне», 16 в № 11).

³ «Ревизоры мают доглядати абы от мерников селидбы назначаваны в третем среднем поли». «Устав о волоках» («Пам. Киевск. Комм.» II, отд. 2, 114).

что называлось дяклом, обязаны были содержать помещика (стация); денежной повинностью была серебряная или грошевая дань (впоследствии чинш). Иногда натуральные и денежные повинности заменялись специально службой или наоборот. Были такие разряды тяглых людей, которые обязывались исключительно службой: огородники, бобровники и т. п.; некоторые обязывались службой военного, бояре панцирные и путные, встречающиеся равно и в господарских и в частных владениях¹. Положение крестьян в королевских имениях до статутот определяется в нескольких грамотах, изданных Сигизмундом I. По жалобе данников поднепровских и двинских волостей на притеснения королевских державцев и писарей король дозволил им самим (по тому, как было при Витовте) собирать и вносить в сроки дань грошевую, медовую, бобровую и куничную, а также и писарские доходы, чтобы писаря не въезжали к ним и не производили насилий; корчма должна быть только королевская, а писаря и державцы не могут заводить корчем. Отдавая могилевские волости в «державу» пану Юрию Зиновичу, король отделил особым листом те подати, которые идут господарю (грошовая, медовая, куничная, бобровая и натуральные: бобровыми и куничными шкурами), от тех, которые получает «державец» (въезд, а в случае неприезда еще полюдование — не вознаграждение ли за корм? — а также половину тиунщины), вины идут господарю, за исключением повинного (процент с вины: 10 грошей с рубля, 4 гроша пересуда) и выметного (за оскорбление державца или господарского урядника²: слуги его получают помилное вознаграждение за «децкованье»). Новых налогов не выдумывать, а те старые, которые пропущены в этом листе, державец может брать. Отдавая в 1514 г. гроденский замок с принадлежащими к нему волостями в держанье пану Юрию Радзивилловичу, Сигизмунд листом определил его отношения к волостным крестьянам. По этому листу крестьяне обязуются не только содержать господаря, когда он в Гродне, но и доставлять станции в Вильно в случае пребывания его в этом городе; сборы: подякольный (за дякло), корчемный, а также и с солянников и бобровни-

¹ В жалованных грамотах нередко встречается пожалование боярами и их землями. Прибавим, что слово боярин в землях литовских имело не всегда одно и то же значение: в некоторых землях (Киевской, Полоцкой) бояре сохранили значение шляхты и поминаются рядом с князьями и панам; в других местах они сошли на степень еще более низкую, чем восточно-русские дети боярские, ибо служат не только господарю, но и панам. В.Б. Антонович различает бояр панцырных от путных тем, что первые служат военную службу, а последние развозят королевские грамоты. «Арх. юго-зап. России», ч. III, т. I, пред. 17.

² «Хто ся на него алюбо на врядниканашого чим выкинет».

ков — поступают господарю; из собираемой на господарских дворах ржи часть выдается господарской челяди, а из остального только треть получает державец; рыбные ловли считаются господарскими; также сбор льном и «вины»¹: державец и его урядники берут мыто на Немане и доходы с сотников, тивунов; пользуются мельницами. Когда Себежская волость жаловалась на военное разорение, то Сигизмунд в 1525 г. освободил ее жителей на 4 года от медовой дани, бобровщины и сбора доходов господаря, воеводы и его урядников. в 1527 г. Сигизмунд выдал «уставу господарским жмудским волостям»; из этой устави видно, что господарь послал сделать перепись своим волостям, «путным, тяглым и куничным людям», лежащим на них податям и сборам. Из этой описи оказалось, что они терпят притеснения, и король решился определить эти сборы и даже, ввиду обеднения крестьян вследствие притеснений, уменьшить их. На короля собираются платы²: урядники собирают с сохи по 1 грошу и писчего 2 пенязя; для собирания доходов они выбирают из волостных жителей особых приставов; куничные пенязи собирает особый дворянин; они же собирают только корчемные пенязи. Их обязанность разбирать жалобы на тивунов; учреждать торги, корчмы, отводить места в пущах для строения; тивуны получают только часть прежних старостинских доходов. Все важные дела: споры между шляхтой, самовольное завладение — судит жмудский староста. В 1529 г. устава эта была дополнена при отдаче большей части волостей в державу жмудскому старосте. Господарские люди освобождаются от работ в пользу старосты и тивунов, от платы старостинских доходов, от вноса неправильно наложенных «подачек», но куничники платят куничное (вместо 16 грошей 12) и за освобождение от работ (30 грошей с воловой сохи, 15 — с коневой); льняные, хмелевые, померные и торговые пенязи собираются на господаря; не имеющие сох платят с земли 10 грошей; вместо овса и сена платится деньгами; стация и дякло собираются по-старому; а также остается обязанность косить господарское сено; вины собираются на господаря (державцы получают с них 10 грошей с рубля); определяется содержание державцам в случае въезда в волость, но они обязуются въезжать в ка-

¹ За исключением повинного и выметного.

² 15 гр. с сохи воловой; 7 1/2 с конной, не имеющие ни волов, ни коней платят с земли 5 гр. Куничники — кунцу и также с воловой сохи 7 1/2, с конной половину. Ф. И. Леонтович так объясняет значение этого слова: «В прежнее время и в восточной и в западной Руси все обязанности и права поселенцев, рядовичей, приходней определялись по свободному договору, ряду, между землевладельцем и вольным человеком и носили общее название страды, сделья Куниц» («Крестьяне», 9 в «Ун. Изв.», 1863, № 10).

жду ю волость не более двух раз в год, а жить там не более трех дней, не брать с собой много слуг, не оставлять своих слуг по отъезде; определяются сроки для разбирательства тяжбы. Шляхта и тивуны могут жаловаться господарю, только заявив об этом до состоявшегося решения¹: но люди посполитые судятся окончательно старостой; не явившийся на суд тивун или шляхтич тем самым обвиняется. Тивуны подчиняются вполне старосте, но удаляются им от должности только по основательным причинам. в «уставе державцам и урядникам господарских дворов в Виленском и Троцком поветах» подробно объяснен порядок хозяйственного управления этими дворами: державцы должны собрать сведения о том, сколько «бочек» ржи нужно для посева и, отложив это количество, раздать его по всем господарским людям. Собрав хлеб с гумна, сначала отдают десятину костельную, потом зерна, назначенное на посев, затем «месячину» господарской челяди; из остального уз господарю, ез — державцу; из ярового державец получает $\frac{1}{4}$. Оставленную на господаря рожь можно весной продавать и в кредит до известного срока (дня св. Мартина, 11 ноября); огородными овощами в небытность господаря пользуются державцы, они выдают челяди лен на полотно, собирают полотно, собирают дякло натурой и деньгами. Они распределяют работы тяглых людей, которые пахут; с оставшихся за неимением работы державец собирает по бочке пшеницы или кабану, которые продаются в пользу господаря; бояре путные и осочники (загонщики на охоте), обязанные особой службой, должны, однако, работать в поле 12 дней в году на толом и сверх того платить по 30 грошей². Державец обязан на дворе иметь несколько служб осочников, рыболовов, кузнецов. Пустующие земли он обязан отдавать внаем с платой деньгами или медом; из денег, получаемых за продажу рыбы, $\frac{1}{3}$ идет державцу; доходы с гонки смолы идут в пользу державца; державцы зимой должны заботиться о починке строений и, в случае нужды, о постройке новых; державцы не должны требовать услуг от господарских людей; «вины» не могут собирать произвольно: вины более 50 грошей идут господарю, менее — дер-

¹ «Естли бы кто с шляхты которое мел дело до тивуна, а тивун до шляхтича, або тивун до тивуна, а ставши перед паном старостою и перед тивуны у прави, и речи з obu сторон вымовивши, а вже бы сказанье мело выйти с права, а сторони против стороне, не хотячи права достояти и скзанья слухати, до нас быся в тот час отзывал: тогды предься мает на такового сказанье быти до нас того неоткладаючи. Нижьли, естли бы приступивши к праву, а речей не вымовивши, хотел хто тивунов або с шляхты отозватися от пана старосты до нас: таковыи к нам мает отпущен быти». «Акты зап. России», II, № 160, § 15.

² Осадного.

жавцу; если подерутся «мужики», державец берет с них вино в 50 грошей, а если помиряется перед судом — в 12 грошей; «стародавние» доходы: перевозки, мыты, мельницы и т. д., идут в казну господаря; но торговые сборы в городах, кроме мыта, идут в пользу державца. Мужик за отказ идти на работу один раз наказывается «виной» (не более барана), за второй раз плетью (бичом). Все подати собираются постоянно в один срок (в ноябре). Державец смотрит за домашним скотом и наблюдает за тем, чтобы его было достаточно для земледельческих работ «невольной челяди»; он же наряжает людей для работы в замках, ибо замковые урядники не могут посылать своих децких на господарские дворы, чтобы не нарушить порядка работы; державцы же наряжают подводы поочередно; все доходы денежные, кроме «копщизных пенязей» (подать с винокурения), собираемых господарскими дворянами, собираются державцами и записываются в книги писарями. Два раза в год державцы должны давать отчет в приходах и расходах. Мы подробно изложили эти уставы, потому что в них ясно видно политическое и экономическое положение значительной части населения, которая была еще едва ли не в лучшем положении, чем та, которая в то же время жила на землях частных. Господарским людям была возможность жаловаться господарю на притеснения его урядников, ибо в выгодах самого господаря было облегчать их участь, а куда пойдет жаловаться на пана не только невольный челядин, а и данник, когда в руках у пана самый суд над ним? Конечно, нельзя думать, что у всех панов было дурно жить, но дело в том, что для «посполитого человека» не было никакого обеспечения, и немудрено, что скоро он стал хлопом. Влияние Польши на Литву не ограничивалось созданием шляхетства, оно простерлось и на города, в которые внесено было немецкое право, и тем город отделился от земли. В Руси Киевской между городом и землей сохранялись старинные общеславянские отношения: город был средоточием волости, которая составляла его присуд и которая обязана была его строить. Жители города не составляли особого сословия — горожан, и в делах городских на городском вече, которое было, собственно, вечем волости (большей или меньшей, смотря по значению города: был ли он старшим или младшим), собирались люди всех разрядов общества: и вятшие, и средние, и младшие — по старославянскому обычаю — постановляли единогласное решение; младшие города зависели от старших: на чем старшие положат, на том пригороды станут. Так, по обычаю определялось положение города в земле: город с землей составлял одно целое, и в этом смысле можно сказать, что города, в позд-

нейшем значении слова, не знала Древняя Русь. Строй этот держался тем, что главной формой землевладения была община, что частные земли населены были преимущественно рабами и закупам (т. е. людьми временно или вечно невольными; припомним, что рабы нигде не находили защиты, а закуп, не принадлежавший уже более общине, находил ее только у князя), военная же служба отправлялась постоянной княжеской дружиной и временными «боями», которых «ставила земля». Таким образом, вся земля равно несла эту повинность. с появлением литовских князей порядок этот был отчасти нарушен: государство Литовское, как мы уже видели, по обстоятельствам времени, должно было получить строй, преимущественно военный: князья начали раздавать земли в вотчины с условием военной службы и с подчинением юрисдикции вотчинника, следовательно, с изъятием из ведения города. Даже отношения старых удельных князей, еще остававшихся на своих местах, к городам, в которых они сидели, и земле, «тянущей» к городу, изменились: до сих пор князь был верховный господин, находившийся в прямых и непосредственных отношениях к земле и, по старому обычаю, живший более или менее в ладах со своей землей: в случае крайности земля могла «показать ему путь», а теперь он становился в служебные отношения к другому государю, опирающемуся не на ту или другую волость, а на свою военную силу. Следственно, значение земли падает для самого князя, а на первый план выступают его отношения к утверждающемуся государству. Между старорусским удельным строем и вновь нарождающимся государством оказывается существенная разница в воззрениях на основы общественного порядка: «Общины, — справедливо замечает В.Б. Антонович¹, — считали, на основании незапамятного обычая, всю территорию, тянувшуюся к данному вечевому центру, неотъемлемой собственностью общины, готовы были нести в пользу государственной власти известные повинности: деньгами, услугами или продуктами; но источником этих повинностей считали необходимость вознаградить князя за труд охранять их от неприятелей оружием², а не за обязательство, принятое вследствие владения землей, искони им принадлежащей. Князья, напротив того, смотрели на землю, как на собственность, принадлежащую им в силу их верховной власти, и полагали, что отдельные лица или общины могут владеть землей только в силу княжеского разрешения, жалуемого отдельными грамотами, взамен за обязательство исполнять

¹ Пред. к «Арх. юго-зап. России», ч. V, т. I, 6—7.

² За суд получались судебные пошлины. Это другой вопрос.

военные повинности». По замечанию того же исследователя, вопрос этот был разнообразно решен в разных частях Литовского государства: в то время как еще в конце XIV в. в некоторых местностях (в Чигирине, Корсуне, Каневе) городу принадлежала большая территория, «як здавно бывало», в Волыни, в Подолии рано развилось сословие земли, получившее вотчинные земли. Присутствие двух порядков, двух воззрений, находящихся между собой в борьбе, заметно и в указанном уже нами изменении в значении слова боярин, которое в иных городах понимается как слой городского населения и занимает в нем первенствующее место (напр., в Полоцке), что вполне соответствует месту, занимаемому боярами в Новгороде или Пскове, тогда как в других землях боярин сходит до значения служилого человека не только великокняжеского, но и просто панского и даже становится в ряды населения сельского. Эти изменения, порождаемые строем Литовского государства, еще усиливаются введением немецкого права, результатом чего, по меткому выражению М.Ф. Владимирского-Буданова¹, было «обращение земского города в мещанский»². Сравнивая результаты городского права в его отечестве — Германии с результатами его применения в Польско-Литовском государстве, этот исследователь замечает: «Как там городское право явилось для того, чтобы смягчить резкое разделение землевладельческого и земледельческого сословий, и в городских общинах приготовило нейтральную почву для примирения их, так здесь это же самое городское право внесло сословную рознь в общество, которому она была до сих пор совершенно чужда»³. Первой из русских земель, получивших немецкое право, была земля Галицкая, присоединенная к Польше при Казимире В. Это понятно и потому уже, что в города галицкие издавна призывались немецкие переселенцы⁴. Казимир, овладев Галичем, дал в 1356 г. городу Львову грамоту, которой позволял каждой из народностей, населяющих этот город (русские, немцы, армяне), судиться по своим законам: Ягайло по случаю опусто-

¹ Ж. М. Н. Пр., 1868, № IX, 741.

² От польского слова *miasto* (город в противоположность замку, граду), горожанин называется мещанин.

³ Ж. М. Н. Пр., 1868, № IX, 758.

⁴ «Нача (Даниил при строении Холма) призывать прихожае Немце и Русь, иноязычницы и Ляхи». Лет. по Ип. Сп., 558. «Еха (Мстислав Данилович) во пископью ко святей Богородице: и созва бояры Володимерьскыя брата своего, и местиче Русци и Немце», там же, 596 «Плакавшися над ним все множество Володимерцев, мужи и жены и дети, Немци и Суожьци и Новгородцы и Жидове», там же, 605.

шения пожаром Яворова, призывая новых поселенцев, дал им в 1389 г. право магдебургское, причем продал право войтства и назначил земли и войту, и жителям, обязав их выставлять ратников на случай войны. Комарно обращено из селения в город с немецким правом привилеем Казимира Ягайловича (1471 г.) по просьбе Ст. Ходни Щержеч получил право города по просьбе войта от воеводы Русского (земли Галицкой) Яна Тарновского; этот привилей подтвержден Ягайлой в 1397 г.: Казимир в 1469 г. дал магдебургское право Бобрке: Поморжанам дал магдебургское право Александр в 1504 г.: Глинны обращены в город с немецким правом Ягайлой в 1397 г. и т. д. Так было в земле Галицкой, обращенной рано в польскую область и где было много элементов, способствующих введению немецкого права, на землях, входивших в состав Галицкого королевства, разложение общины и развитие частного землевладения началось ранее других земель: в Житомирском и Овруцком повете раздача земель служилым людям началась еще при Свидригайле; в XVI в. земляне отнимали у городов даже такие земли и пасеки, которые не были им пожалованы, и заключали горожан только в черте города: в Кременецкой земле Свидригайло отчуждал в пользу бояр целые волости и в 1438 г. дал Юрке Немчину наследственное войтовство в городе Кременце без ведома жителей по одной его просьбе. В этой грамоте войт получает право суда над мещанами, туземцами и колонистами, изъятыми таким образом от подсудности другим властям; в вознаграждение за это войт получает $\frac{1}{6}$ сборов с городских земель, $\frac{1}{3}$ судебных пошлин, сборы с лавок и некоторых мельниц; сверх того, войт «по его войтовству» получает несколько сел, до того тянувших к городу, и право пользования городскими угодьями с обязанностью военной службы. Общинная земля всех волыньских городов была стеснена очень рано: Свидригайло отделил незначительную часть земли городу Кременцу; городу Луцку, получившему немецкое право от Ягайлы в 1432 г., дозволен был Свидригайлой въезд в леса княжеские, панские и землянские, лежащие вблизи от города: право въезда в леса, данное Владимиру Волынскому Александром, ограничено было расстоянием двух миль от города¹. В самом Киеве за мещанами оставалось долго право рубить дрова на 5 миль от города; но уже по грамоте Александра 1494 г. лишены они права пользоваться сенокосами и прудами

¹ Лет. по Ип. Сп., № 6, с. 29: «А дядя наш (Игизмунда-Августа) Александр, король его милость, дал им вольность... у двух миль от места тамошнего Аолодимерского дерева на будовле и на дрова брати, кроме гаев, бортного дерева».

в землях, бывших прежде общинными¹; общинные земли заняты были богатыми землевладельцами (кн. Глинскими, Гаштольдом и т. д.), которые, конечно, не соединились с общиной. Таким образом, мало-помалу город ограничивался собственно городской чертой. с этим вместе замечается и другое явление: шляхта в XV в. уходит из городов и селится на своих землях; нередко даже воеводы и другие большие урядники живут или при дворе королевском или в своих замках², ибо в городе шляхта должна сталкиваться с чуждым ей ведомством и войти мало-помалу в мещанское сословие: выход их повел к тому, что горожане начали избавляться от воинской повинности: так, Луцк еще Казимиром был освобожден от подводной повинности, а упоминание о воинской повинности в последний раз встречается в грамоте 1497 г.: мещане владимирские давно уже откупались у наместника; Сигизмунд грамотой 1509 г. освобождает их окончательно, обяывая платой и подводами; даже охранять замок они обязаны только тогда, когда наместник вышел в поход со своими воинами. В Киеве мещане должны были посылать из своей среды людей в замок, также держать сторожей; на войну же идти в случае погоны за татарами.

«Вообще, — замечает В.Б. Антонович, — где городские обыватели несут военные повинности, грамоты ясно заявляют, что они «платов» в пользу замка не несут и никакой дани с земли не дают, или если и упоминают дань, в качестве дохода старосты, то она является в самом незначительном размере»³. Когда города были так обрезаны в своем землевладении и потеряли право военной службы, они остались почти совершенно беззащитны перед королевскими урядниками. Пришлось государству принять меры против падения городов: лучшей мерой было сочтено дарование им магдебургского права и действительно мотивом дарования этого права часто является обеднение городов, разорение его татарами, «новины» воевод, старост и т. п., облагающих горожан невыносимыми тягостями. Вначале, как мы видели из примера Луцка, была попытка соединить военные потребности государства с благосостоянием городов — даруя городу войта с правом судить граждан, войта делали наследствен-

¹ «А сена за рекою не маюти косити», «а ставов (прудов) им не сыпати (т. е. не запружать плотинами), нижли только им всем тот ставок сыпати, што под городом». «Акт. Зап. России» I, № 120.

² Полоцкий привилей Сигизмунда (1510 г.) позволяет шляхте держать на своих городских дворах только по одному дворнику и огороднику «на приезд, а больше того закладнев не маєт мети в месте нашом Полоцком». «Акты Зап. России», II, № 61.

³ «Арх. юго-зап. России», ч. VI. т. I, пред. 19.

ным и вместе с тем обязывали военной службой. Учреждение наследственных войтов оказалось, однако, неудовлетворительным, ибо войты думали только о своих доходах и нередко продавали самую должность, а право суда передавали лянтвойтам, которые впоследствии становятся избирательными. с половины XV в. усиливается дарование магдебургского права (в некоторых городах оно выдано было рано: так, Вильне дано Ягайлой в 1388 г.), но это дарование мало поправило дело. «Право это, — говорит В.Б. Антонович, — было пожаловано городам с более или менее значительными ограничениями, сохранившимися даже в более значительных городах в довольно сильной степени влияния замка¹ на городскую общину и оставившими старостам² и частным владельцам полное преобладание в городах второстепенных»; к тому же «пожалованное право, выработанное на чужой почве, при других условиях быта и в довольно отдаленное время, не могло быть усвоено жителями южно-русских городов, с юридическими понятиями и историческими преданиями которых оно не только не совпадало, но весьма часто расходилось в противоположном направлении»³.

Самое введение магдебургского права в городах, в особенности же Северо-Западной Руси, встретило сильное затруднение. Так было в Полоцке, — удерживавшем, как мы видели из земских привилеев, старорусские разряды общества, — где возник вопрос: кто пользуется городским правом, кто мещанин? Александр, даруя Полоцку магдебургское право в 1498 г., принял деление чисто топографическое: ему подчинялись те, которые живут за Двиной — по сю сторону Двины и на островах; что же касается до крестьян, живущих в городе, сел, приписных к городу, сел, принадлежащих боярам и купцам, то о них сделано такое распоряжение: все крестьяне, живущие в городе, все крестьяне сел, приписных к городу и мещанских, пользуются этим правом. Исключены, стало быть, только бояре и села их. Уже в 1499 г. подана была челобитная в. князю, в которой представлялись разные недоумения: кому решать споры между лицами разных присудов (городского и земского)? В. князь постановил, что эти споры решает наместник с боярами (прежде в их судах участвовали и другие жители города); можно ли принимать послов, как Полоцк прежде принимал в качестве центра земли? На это было дано

¹ Замок оставался под управлением королевского урядника (в городах королевских) или владельца (в частных).

² Управлявшим королевскими имениями.

³ «Арх. юго-зап. России», ч. IV, т. I, 46.

позволение, если дело касается города¹. Спрашивали, могут ли бояре судить путников в городских волостях, как было прежде? Оставлено по-старому; оставлены также за боярами дома и земли, купленные ими у мещан; по поводу боярских крестьян, живущих в городе, решено, что они подати платят вместе с мещанами, а суду войта не подлежат; на вопрос, имеют ли право торговать бояре? В. князь отвечал, что они могут торговать только произведениями своей земли, а не имеют права перекупать. В 1500 г. были предложены новые вопросы: кому подсудны путники, так как с их отчислением у замка мало «пригонных» людей? Решено, что те, у которых имеются дома в Полоцке, управляются по магдебургскому праву, а те, у кого домов нет, подчиняются воеводе; мещанам запрещено впредь покупать земли, с которых идет служба замку. В 1510 г. Сигизмунд дал новый привилей Полоцку ввиду того, что вследствие отмен, произведенных Александром, начались в городе распри «и многие, выломавшись из-под права немецкого, вдалились под присуд городской (замковый), а многие прочь разошлись». с этой целью отдаются под присуд магдебургский все мещане и черные люди и все закладни, бывшие за владыкой, игуменьей, князьями, боярами; а тем, на земле которых они живут, платят только подать (оброк) по обычаю и по договору. Эти жалобы были явлением новым на Руси: «В первый раз, — говорит М. Ф. Владимирский-Буданов, — в русском обществе возникает сословная борьба: то не восстание бедных на богатых, как было в Великом Новгороде, ни борьба управляемых против притеснителей управляющих, как в землях московских княжеств, — то восстание земских классов друг на друга»².

В городах литовских, рядом со многими чужеземными элементами, появляется и элемент еврейский, имевший впоследствии такое вредное влияние на экономическое развитие края. Евреи стали рано появляться в Польше вместе с другими переселенцами, вызываемыми князьями, и очень рано начали получать льготы³. В Литве первую привилегию дал им Витовт, повторив почти дословно привилегию, данную евреям великопольским князем Болеславом. «Льготы, какие очень рано стали получать евреи в Польше и Литве, — говорит Ф. И. Леонтович⁴, — определялись, впрочем, не столько общими народными инте-

¹ «Будет ли штос я тыкати дела местнаго, послов принимати».

² Ж. М. Н. Пр., 1868, № IX, 756. Дальнейшую судьбу городов увидим в своем месте.

³ Первую льготную грамоту относят даже к 905 г. (?), но первая дошедшая до нас грамота принадлежит Великопольскому князю Болеславу 1264 г. («Vol. Leg.» I, 141—144); Казимир В. в грамоте 1334 г. распространил эти привилегии на всю Польшу.

⁴ «Унив. Известия», 1864, № 3, 16.

ресами, потребностью в колонизации страны, сколько интересами самих государей. Герцоги и короли польские и князья литовские видели в евреях прежде всего капиталистов, обладавших часто огромным денежным богатством. Желание иметь под рукой постоянных и надежных кредиторов было первым и главным побуждением для государей оказывать евреям выходцам покровительство вместе с значительными льготами и привилегиями. Льготы, данные первым выходцам, вызывали новых переселенцев, наполнявших области польские и литовские. Действительно, уже в XIV в. евреи составляли существенную часть населения, если не всех, то, по крайней мере, главных (привилегированных) городов Польши и Литвы. Иногда, впрочем, на евреев воздвигалось гонение; так, Александр намерен был совсем изгнать их из Польши и Литвы; Сигизмунд снова дал им привилегии, и евреи, вызывая своих единоплеменников в Литву, писали: «Наш король мудр, как Соломон, и свят, как Давид; он имеет при себе другого Самуила (канцлер Самуил Мацеевский), почти пророка — он смотрит на свой народ, как на безмерный лес. Ветер разносит семена всех деревьев, а никто не спрашивает, откуда происходят самые красивые растения. Отчего вашему ливанскому кедру не развиться на этой почве?»¹. Кто же не знает теперь, как разросся этот кедр на благодарной для него почве? Льготы, дарованные евреям, были довольно обширны: за убийство еврея христианин подвергается наказанию, а имущество его конфискуется в казну²; за нанесение ран еврею христианин платит пеню и удовлетворяет раненого, как шляхтича³; за побои не до крови, кроме пени, или платят деньги или виновный подвергается уголовному наказанию⁴. Если в случае убийства еврея нет свидетелей, а существует только подозрение, то господарь сам является защитником (обронцей) еврея⁵; за

¹ «Энци. Словарь» отд. II, т. I, 118.

² «Естли бы хрестьянин жиду рану некоторую задал, винный таковый мает вины заплатить, чим мает чолом бити, а ранному мает досыти вчинити, подлуг ран его, яко шляхтичу». Там же.

³ «Естли бы хрестьянин жида забил, мает быти каран, яко винный; а всякия речи, рухомые або нерухомы, мают быти в нашой моце». «Акты З. Р.», I, 24.

⁴ «Естли бы хрестьянин жида вдарил так, якобы криви не розлил: мает на нем вина быти, подлуг обычая наше земли, в вдаренному и ображеному мает досыть вчинити, яко шляхтичу; а естли бы пенезей не мел, тогды за проступок, яко право найдет, мает быти каран». Там же.

⁵ «Естли бы жида забито, а через сведетство не мог довести, своим приятелем, который бы его забил: естли бы мог к пытанью, некотораго пдозренного мети, мы жидом напротивну пдозренного хочем обронцоу быти», там же.

оскорбление еврейки христианин подвергается наказанию по общим законам; на призыв еврея о помощи при ночном нападении должны выходить все соседи под угрозой известного штрафа¹. За убийство христианина еврей подвергается казни; но христианин, обвиняющий еврея в убийстве христианских детей, должен доказать свое обвинение шестью свидетелями: тремя из христиан, тремя из евреев; христианин, ложно уличавший еврея, подвергается тому же наказанию, которому должен был подвергнуться еврей². Вначале нет запрещения евреям владеть именьями и даже иметь рабов из христиан. Что касается денежных оборотов, всегда составлявших главные занятия евреев, то первоначальное законодательство не ставит никаких особых ограничений и только ограждает евреев от насилия христиан. Еврей мог брать всякого рода вещи, кроме, однако, замоченных кровью (т. е. явно добытых убийством) и церковных³. Даже в случае, если бы вещь оказалась ворованной, еврей не терял своих прав, если мог доказать присягой, что не знал происхождения вещи; тогда владелец платил ему половинные проценты; в залог мог еврей принимать и недвижимые именья⁴. Еврей должен хранить заложенную вещь год со днем, без всякой ответственности за порчу или потерю без его вины. Просроченную вещь, если она дороже данных за нее денег, еврей должен предъявить своему судье или княжескому старосте, а затем мог оставить у себя или продать; еврея нельзя принудить выдать заклад в праздник; за насилие в доме еврея

¹ «Если бы жид некоторый, припужонный великою потребизною, часу ночнаго волил бы, если бы хрестьяне, ему ко вспоможению не прибегли к волянью: всякий сусед и теж жид, 30 шелягов мает заплатити», там же.

² «Подлуг устав панежских (Инокентия IV)... грозне приказуем, абы на том жидове, остаточне, в панстве нашем уставены, мели быти обвинены, иж поживают человекое крови, кгда то есть напротивку закону и уставы, иж жидове посполитые маюут утягати и выстерегать ся от посполитое крови: але, если бы некоторый жид о забитью дитяти хрестьянскаго через хрестьянина был обвинен, таковый мает быти посветчон тремя хрестьяны, а тремя жиды добрыми; кгда бы жид был посветчон, тогда жид виною мает быти каран за проступок; а если бы светки пререченные невинность его посветчили бы: хрестьянин вину, которую жид мел терпети, не литовне мает платити», там же.

³ «Мог бы Жид взяти, именем заставы, всякие речи, которые бы были ему заставлены, которым колвек именем были вымовены, а о тых то речах жаднаго габеня не чинечи, вынявши одное кровавое накрое хусты, святое костелное, которых обычаем ни один приймавати не мает». «Акты Зап. России», I, 23—24.

⁴ «Если бы жид на имение, або на листы панов знаменитых пенязей бы позычил, а того через свои листы, або печати досведчил бы: мы жидови, наместо инших застав, имение заставленное назнаменуемо, а ему того именья, напротивку кгвалтови, хочем баронити», там же, 25.

виновный наказывается, как за расхищение государственной казны¹. в своих синагогах евреи могли свободно отправлять свое богослужение и за нападение на их собрания христианин подлежит наказанию². Право торговли принадлежит евреям без всякого ограничения³. Земледелием евреи занимались мало, хотя есть указания на евреев-земледельцев⁴. В городах евреи жили обыкновенно вместе с христианами, хотя иногда выселяли их в отдельные кварталы, но уже рано отличались особыми знаками на одежде (красными кружками) и не могли показываться в известных случаях (напр., во время процессии) на улицах. Не входя в единение с христианами, они постоянно составляли особые общества, и судьи еврейские поминаются в привилее Витовта. До второй половины XVI в. евреи должны были платить одинаковые подати с христианами⁵: подати раскладывались самой общиной; из постоянных податей главной был чинш, от которого освобождены были еврейские молитвенные дома. От военной службы евреи были освобождены издавна, и это освобождение, после попытки Александра потребовать от них этой службы, было подтверждено Сигизмундом. Такое было положение евреев, и ясно, что они скоро могли забрать в свои руки торговлю и сделаться также необходимыми шляхте, которая с XVI в. начинает господствовать, как вначале необходимы были князьям; далее увидим, что даже начавшиеся по почину шляхты стеснения не лишили евреев занятого ими положения⁶.

Другие народности, жившие в Литве, пользовались тоже особыми правами: так, Александр освободил гродненских татар в 1503 г. от служ-

¹ «Если бы хто жида, к заплате застави его, в день святыи принудил, або кгвалт в дому бы его вчинил: яко ростравца скорбу нашего окрутне мает быти каран», там же, 25. Напомним, что в Германии называли рабами императорской казны (*servi camerae*) и что Карл IV в виде особой милости дозволил курфирстам иметь у себя евреев. См.: «Энци. слов.» отд. II, т. I, 85, 86.

² «Если бы крестьянин копища их казил, абы кгвалтом находил: хочемо, иж бы, подлуг обычая наше земли, прав наших, был каран; а вси именья его мают на нас спасти», там же, 24. За нападение на школу пени 2 ф. перцу. Там же.

³ «Теж устави есмо, иж бы жидове продавали всякую речь добровольне; имают куповати и хлеба ся дотыкати, яко и хрестьянин, а заказучии им вину нам мают заплатити», там же, 25–26.

⁴ «Унив. изв.», 1864, № 3, 33. Впрочем едва ли не напрасно к ним относятся постановления Витовтова привилея: «жадного в дому жидовском не хотим гостем мети». «Акты Западн. России», I, 25.

⁵ «Которыи з них в которых местах живут, мают з местом вси подачки давати, и серебщизны, и подводы и иншии вси потягли тянути» прив. Сигизмунда 1514 г. («Акты Зап. России», II, 112).

⁶ Еще в XIII в. евреи составляли в Польше $\frac{1}{14}$ всего населения, а в некоторых областях — $\frac{1}{2}$ «Унив. извест.», 1864, № 3, 16.

бы замку и мыта¹; татары эти делились на стяги (как бы полки), состояли под начальством утверждаемых королями начальников и, вероятно, управлялись по своим правам.

Основой для суда служил в Литве описываемый временем «Судебник короля Казимира Ягайловича». Судебник этот, утвержденный на общем сейме Литовском, получил общеземское значение². По верному замечанию г. Чарнецкого: «Но некоторым встречающимся в нем терминам (напр., татьба с лицом и без лица, татьба конская, статки, детцкий, вывод людей и пр.) и по многим статьям он совершенно гармонирует с Русской правдой»³. Содержание его — уголовное право и процесс; в особенности внимание обращено на татьбу (из 26 статей 19 посвящены этому преступлению). По Судебнику вор, пойманный с поличным, должен заплатить пострадавшему ценность похищенной вещи («истину»). Если вор несостоятелен, а жена и дети его знали, то следует выдать жену и детей пострадавшему (детей, впрочем, не моложе 7 лет), а самого вора повесить («на шибеницу»). Если вор не в состоянии уплатить ценности украденной вещи, то не обращая лица (поличного) в пользу двора, оно возвращается хозяину и, кроме того, возвращается половина обычных «просок»; вора повесить. Из присужденного вознаграждения сперва удовлетворяется истец, а там берет свою «вину» владелец вора («государь»)⁴. Если по несостоятельности татя будут выданы его жена и дети и суд постановит, сколько им следует платить, то они сами могут выкупиться или может выкупить их владелец. Если вор будет пойман «с лицом», которого еще не донес домой, то жена, дети и «дом» их не отвечают за него: если он, не принеся домой покраденное, пропьет или проест без ведома жены и детей, то отвечает он только своим домашним имуществом, а жена и ее имущество свободны; если господин вора знал об его преступлении, то он отвечает, как вор: кто будет у себя тайно без оповещения околицы держать бродяг («лежней»), тот, в случае воровства в доме, в течение трех

¹ «Акты Зап. России», I, № 203. Татары поселились в Литве со времен Витовта («Энцыкл», XXV, 25).

² «Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрил или чтучи его услышит, иже мы с князями и с папы радою нашею великого княжества Литовского и со всим посполством погадавши врядили есмо так».

³ «Унив. извест.», 1867, № 1, 26.

⁴ Эта статья затруднительная для Даниловича (пр. 7), лучше читается в издании «Акты Зап. России» (I, с. 81). «А пак ли злодей неимети будет чим платити, ино лица у двор неимать, воротити истцю, у кого украдено, и просоки половину вернути; а злодея на обещание, а просока по старому», а в кого будет украдено, а што судии присудят: ино перво заплатити истцю, а потом государь татя того вину свою бери».

дней должен представить лежня в суд, а если не представит, то должен удовлетворить пострадавшего, а с вором ведаться, когда он будет отыскан. Если господарский человек жалуется в чем-нибудь на княжеского, панского или боярского человека, то наместник или тивун должен отнестись к господину этого человека, чтобы ему была оказана справедливость, а захочет истец «обчаго суда, то он имеет право ведаться обчим судом». Если княжеский, панский и боярский человек ищут на господарском, то судить наместнику и тивуну. Если княжеский, панский или боярский человек будет искать на человеке другого владельца, то судит владелец ответчика, а откажется он, назначается суд обчий и в случае проволочки посылается децкий. Если тот, кому будет выдан вор на казнь, пожелает освободить его, получив «заплату», или взять к себе в рабство, и это будет доказано, то освободивший будет наказан по совету господаря с панями-радой, ибо над вором не должно быть милосердия. За воровство выше полуконя¹ или коровы — виселица; за воровство в первый раз — пеня. Если кто украдет домашних вещей менее чем на полтину, то платит домашними вещами; если более (хотя бы и в первый раз), то осуждается на виселицу². За кражу коня, хотя бы и в первый раз, — виселица. В случае обвинения в татьбе без поличного, если пыткой добьются признания и «околица» покажет, что обвиняемый уже попадался в воровстве, то повесить и без поличного, но если обвиняемого не замечали прежде в воровстве, то он только платит цену вещи (татьбу) и пеню. Если пытаемый будет употреблять «зелье» и при том околица покажет, что он и прежде крал, то его присуждать к виселице, даже если бы он и не признался. Если совершат кражу чьи-либо «паробки», то в первый раз взыскать штраф из имущества, если имущества нет, то платит господин, а виновного, наказав телесно, заключить; за вторую кражу ценой выше полкопы — виселица. В случае спора о межах следует обращаться к полюбовному суду: в иных случаях обращаться к судьям, а не делать ни порубок, ни наездов. На порубки и наезды жаловаться господарю, а в его отсутствие панам-раде; по получении жалобы воевода должен потребовать ответчика, сделать следствие и заключить в тюрьму до приезда господаря, который обсуждает

¹ Может быть полцены коня; в другом списке полконя (=полкопыгрошей), § 13.

² § 15. «Не могу решить, — пишет Данилович, — конь ли тогда стоил не дороже рубля, если за покражу полконя, равно как и полрубля (полтину) назначена смертная казнь; или тут говорится о домашнем воровстве (*furtum domesticum*), строже наказываемом в слугах, потому что их труднее поймать», пр. 25.

дело с панами-радой. Избравшие полюбовных судей («ездоков») за 4 недели вперед получают извещение о сроке судебного разбирательства; не явившиеся на срок не по законным причинам (болезнь, служба) считаются обвиненными. Нашедший «блудящую» лошадь или другую вещь обязан объявить о ней окрестностям; если в три дня хозяин не найдется, вещь представляется на господарский двор, и тогда нашедший, заплатив «переем», оставляет вещь за собой; но если доказано, что он что-нибудь утаил, то он считается вором. Похитивший чужого раба, если пойман с поличным, подвергается виселице, а если обличается соком, то дело ведется указанным в других воровствах порядком. Мостовая повинность (т. е. исправление дорог) должна отбываться, как отбывалась при Витовте: тот, на чьем участке потерпит кто-либо ущерб вследствие неисполнения этой повинности, платит пенью. К некоторым спискам Судебника прибавлено постановление о поземельном сборе, так называемой «посошине», от которой Витовтом освобождены старые боярские вотчины, но которой обложены вновь пожалованные¹. Судебник этот является как бы дополнением или изложением других действующих постановлений. Можно полагать, что частью действовали обычаи, а, быть может, в некоторых местах и польские узаконения. Так, известен старый русский перевод Статута Вислицкого, который мог действовать в Руси Червонной.

Предыдущее изложение представляет нам строй общества литовско-русского и те основания, которыми она управлялась в своих политических и гражданских отношениях. Мы видели, что во всех этих отношениях проявляются два течения — старорусское и польское — борьба их между собой и взаимное столкновение составляют главный характеристический признак литовской истории этого периода. Если от отношений политических обратимся к отношениям религиозным, то увидим, что и здесь соединение двух разнородных государств произвело свое заметное влияние и здесь мы встречаемся со следствиями брака Ядвиги и Ягайлы. Мы уже видели, что до соединения Литвы с Польшей, несмотря на язычество государей и многих из вельмож, православие — исповедание большинства — преобладало. До времени Ягайлы католичество проповедовалось иногда в Литве, но имело весьма незначительное число

¹ Постановление это имеет, по справедливому замечанию г. Чарнецкого, значение общего закона, а название посошины Смоленской произошло от того, что найденный список писан для Смоленска («Унив. изв.», 1867, № 1, 31).

приверженцев¹. Положение дел изменилось с тех пор, как Ягайло, приняв католичество, крестил языческую Литву и поставил католическую веру господствующей. Мы уже видели, что в привилее, данном литовским князьям и боярам в 1387 г., Ягайло заявил, что права принадлежат только католикам и что в письме к виленскому епископу дал ему право обращаться в случае смешанного брака православную сторону в католичество даже телесными наказаниями. Основывая в Вильне костел св. Станислава, Ягайло наделил его значительными поземельными владениями и даровал ему даже часть города Вильны «с домами, жителями домов и другими принадлежностями». Затем объехал города литовские, строя в них костелы. Договором о соединении Литвы с Польшей 1401 г. охраняются права и привилегии католических церквей устроенных и устраиваемых. Когда Жмудь наконец была получена от крестоносцев, Ягайло вместе с Витовтом отправился на жмудскую землю, крестил язычников, строил церкви, давал им земли; а в 1417 г. основано жмудское епископство и первым епископом поставлен немец Матвей. Но еще долго пришлось Витовту мечом утверждать католицизм на Жмуди, хотя в 1421 г. и было донесено папе, что Жмудь окончательно обратилась в католицизм. Трудно было обращаться в католичество язычников, еще труднее оказалось обращение православных: слишком много сильных людей стояли за православие; сочувствием православных держался преимущественно Свидригайло. Этим объясняется, почему Витовт сам строил православные церкви в других местах. Деятельность Ягайлы казалась латинянам не очень ревностной: в Риме жаловались на это, и он, чтобы оправдать себя перед папой, в 1412 г. обратил в костел Перемышльскую соборную церковь, но в землях полоцких, познакомленных с латинством, не было построено ни одного костела, а Луцкой земле Ягайло дал обещание не строить костелов и не обращаться православных в католицизм². Мы уже видели, что Витовт, по своим политическим расчетам,

¹ Воевода Ольгердов Гаштольд принял католицизм, женившись на польке, и основал в Вильне францисканский монастырь («Ромн. до dz.», 20), но когда он ходил с Ольгердом к Москве «собравшись мешане Виленский погане и пришли мощю великою у клаштор не хотячи христианства закону римского мети, и клаштор сожли, а мнихов сем стяли, а другую сем мнихов розвязавши на крыж и пустили по Велли вниз, мовячи: «з захода есте слоньца пришли, и на заход зась поьдыте, што есте казили богов наших», там же, 21–22. Ольгерд выдал возмутителей (400 чел.) Гаштольду, который их казнил (там же).

² «Skarbies.», II, № 1429, И.Д. Беляев (IV, 260–261) допускает, ссылаясь на Нарбута, что епископы Луцкий Севастьян (Савва наших летописей) и Туровский Антоний лишены сана за то, что один не признавал папы, а другой обращал язычников в православие. Нарбут (Hist. Nar. Lit, VI, 88) ссылается на Карамзина относительно Севастьяна и на Коцебу отно-

устроил избрание особого митрополита и что посольство епископов на Костанцкий собор едва ли имело в виду обращение Руси в католичество, да и вообще Витовт далеко не был так ревностен в деле веры, как Ягайло, ибо, как уже сказано, самая мысль об унии имела для него политический характер. По смерти Витовта мысль об унии снова поднялась: Герасим, епископ Смоленский, поставленный в митрополиты патриархом в 1433 г. и оставшийся жить в Смоленске, входил в сношения с папой по вопросу о соединении церквей: в 1435 г. Герасим был сожжен Свидригайлой в Витебске за сношения с Сигизмундом¹. Но православные были так сильны, что сам Сигизмунд Кейстутевич, несмотря на свою известную ревность к католицизму, давая в 1432 г. привилей Вильне, сравнил в правах православных с католиками. Когда Исидор, подписавши Флорентийское соединение, был отвергнут в Москве, его признало Литовское правительство и считало соединение уже совершившимся: на этом основании Владислав Ягайлович объявил в 1443 г. права духовенства православного равными с правами духовенства католического², но непрочность этой меры видна из того, что Исидор не жил в Западной Руси, а великий князь Казимир признавал Иону и сносился с ним, как с верховным пастырем Русской церкви³. Так продолжалось до 1468 г., когда, по

сительно Антония. Кошебу («Свидригайло», 57. СПб., 1836) основывает свое показание на Татищеве, у которого (IV, 419) к рассказу Никоновской (IV, 315) о клеветниках, обвинявших Антония за сношения с ханом, что и было причиною осуждения его митрополитом, прибавлено, что латиняне ненавидели его «зане облича твердо ересь их и всю Волюнь и Литву укрепляше учением». Это догадка, быть может, не лишняя вероятия, но еще не факт. Что касается Саввы, то Карамзин (V, пр. 232) приводит показание Никоновской (IV, 301): «на том священном соборе отписася архиепископ Иван Новгородский своея епискупии и Лутцкии епискуп Савва отписася своея епискупии на том же священном соборе и повеле им... киприян... от себя с Москвы не изъезжати, бе бо на них брань возложил... за некия вещи святительския». в других летописях находим об Антонии, что он свержен по воле Витовта (П. С. Р. Л. IV, 132; VIII, 77). Прибавим, что он не бежал в Москву, а был заключен в Симонове митрополитом. и так все это не может считаться доказанным.

¹ «Князь великий Швитригайло сожже Герасима митрополита у Витебску», «Lat. Litwy», 58 «и за то Бог не пособе князы Швитригайлу што сожже митрополита Герасима», там же, 59 «за толику вину, что перевет на него дрѣжал к князю Жидимонту» П. С. Р. Л. V, 28; IV, 206: «выня грамоты переветныя у митрополита».

² «Акты Зап. России», I, № 42. Мотивом выставлено то, что «церковь Восточная на божества Греческого и Русского... теперь же, за милосердьем Божиим и сузнанем светейшего пана, Евгения папы четвертого, а иных многих отец веры светое горливых, з оною своетою Римскою и Вселенскою церковью приведена есть до единости давно пожеданое».

³ В 1451 г. Иона в бытность свою в Литве получил от Казимира грамоту на управление церковью («Акты ист.», I, № 42 о дате см.: пр. Макария: «Ист. Р. церкви», VI, 25). Самое избрание Ионы совершено было по сношению с Казимиром: «и обысает о сих брата своего, короля и великаго князя Литовскаго, и тако прошенья волю о поставлении и грамоту его

указанию Исидора, проживавшего в Риме, бывшим там же патриархом Григорием Маммой, поставлен в митрополита «Киевского, Литовского и всей нижней России» Григорий. Несмотря на предостережения в. князя Василия Васильевича и митрополита Ионы, Григорий был признан литовским правительством. Когда Казимир приглашал грамотой в. князя Василия признать Григория и в Москве узнали, что многие из епископов западнорусских признали его, в Москве был собран собор для осуждения Григория (1459 г.); на этом соборе иерархи Восточной Руси постановили: «Нам, архиепископам и епископам русские митрополии к тому Григорью не приступати, ни грамот нам от него не приимати никаких, ни совета с ним неимети ни о чем же»¹. Так окончательно отделилась митрополия Западной Руси от митрополии Восточной!

Смертью Григория (ум. 1472) кончился ряд митрополитов, признавших унию, ибо ни преемник его Мисаил (1474—1477), ни последовавшие митрополиты не признали ее, но даже и при самом Григории приверженцев соединения было весьма мало, и Казимир в письме к папе в 1468 г. признавался, что в Литве много «схизматиков» и что число их возрастает. Вследствие этого для поддержания католицизма он вызвал в Вильну бернардинов из Кракова и основал монастырь этого ордена. Затем он даже запретил строить в Вильне и Витебске новые православные церкви (около 1480)². Результатом этих стеснительных мер было отпадение северских князей. Служилые православные князья, прося патриарха поставить в митрополита избранного ими Иону, писали (1488 г.): «Да учинит святыня твоя к нашему утверждению, ради теснящих нас в вере, милосердно да не умедлит от руки твоей меч духовный отцу нашему, имже оборонити нас добро творящих»³. При Александре продолжалась та же политика, что и при Казимире: хотя им даны грамоты православной церкви, хотя послы его и уверяли, что вероисповедание православное свободно в В. княжестве Литовском⁴, но насилия над православными при нем встречаются нередко, что свидетельствует

приим» (послание Ионы к литовским епископам о непризнании Григорья в пр. к «Ист. Русск. Церкви», VI, где описаны все сношения Ионы с Литвою).

¹ Соборная грамота в «Акт. ист.», I, № 61.

² «Собр. грам. Вильны» пред., 38, «Ист. г. Вильны», 23. Нарбут (VIII, 468—469) «ач-кольве не дозволено было Руси церковей будовати, але тыми разы король его милость то им допустил», говорится в инструкции Александра послам, отправленным в Москву в 1501 г. («Сборн. Муханой», 109).

³ «Арх. Сборник», I, 3 (В., 1867).

⁴ «Хто в котором законе хочет мешкати, тот нехай в том мешкает и церкви хто какие хочет, тот тые будет» «Сборн. Муханова», 109.

в. князь Иоанн Васильевич в ответе послам короля угорского: «а которую княжью дочь или боярскую греческого закону дочь наша возмет к себе, и он тоже силой велит окрестити в латинство... к дочери нашей послал отметника греческого закону, владыку Смоленского, и бискупа Виленского и чернецов бернардинов с тем, чтобы она отступила от греческого закону»¹, а послам литовским было сказано: «колько велел поставлять божниц Римского закону в русских городах, в Полоцку и в иных местех; да жоны от мужов и детей от отцов животы отнимаючи, силой покрещают в Римский закон: ино он то ненудит Руси к Римскому закону»². О своем браке Александр сносился с папой, и Александр VI домогался того, чтобы он обратил ее в католицизм³. Главным виновником всех притеснений православных был епископ Виленский Войтех Табор, испросивший себе у папы право меча на еретиков. Он нашел себе, говорят, ревностного помощника в смоленском епископе Иосифе Солтане, возведенном в Киевские митрополиты (1499—1517)⁴. При Сигизмунде все шло тем же порядком: русское духовенство в Галиции подчинено католическому львовскому епископу для того, чтобы «схизматики тем удобнее были приведены и присоединены к христианской вере или по крайней мере исправились в своих заблуждениях». В 1522 г. он утвердил наместником львовского епископа дворянина Гдашицкого и поручил ему надзор за православными церквями и православным духовенством⁵. Когда же в том же году Сигизмунд хотел сделать сенатором князя Константина Острожского, то другие сенаторы и слышать об этом не хотели, и Сигизмунд отказался от своей мысли, но тот же Сигизмунд выдал в 1511 г. привилей духовенству⁶; в 1530 г. запретил виленским городским властям судить духовных лиц, а в 1531 г. запретил виленскому католическому епископу судить православных церковных урядников.

¹ «Сборн. Муханова», 116, 117.

² Там же, 104.

³ «Акты Зап. России», I, пр. 115; папа Юлий позволил ему оставить жену в ее вере.

⁴ Митр. Евгений («Оп. Киево-Соф. Собора», 113—117) оправдывает память Иосифа тем, что при нем даны разные права православным; но как объяснить прямое указание Иоанна Васильевича.

⁵ Причем в грамоте русские церкви названы были синагогами (там же, № 51); впрочем, в грамоте, дающей ему звание архимандрита (та же, 3 52), этого оскорбительного слова нет.

⁶ Здесь заметно влияние кн. Конст. Острожского: вместе с митрополитом и духовенством ходатайствовали «гетман наш... кн. Костянтин Иванович Острозкий и иные князи и панове Греческаго закона». Не это ли подало повод Бартошевичу говорить: «Король создал князю Константину как бы особое положение; позволили ему быть покровителем церкви греческой» (Енцыкл. XX, Киево-Соф. Собора», «Белор. Архив», 9—15).

Так колебалось по настроению власти положение церкви в Литве. Посмотрим теперь на состояние самой церкви.

Во главе церкви западнорусской со времени отделения ее стоял особый митрополит, то избираемый соборами (как Григорий Самвлах); то указываемый великим князем (как Иосиф Салтан). Ему подчинялись 8 епископов (с завоевания Чернигова, а потом Смоленска московским великим князем число их убавилось)¹. В церковном отношении митрополит и епископы западнорусские, подчиняясь Константинопольскому патриарху, сохраняют права православных епископов: грамоты великих князей литовских, начиная с Витовта, подтверждали за ними право духовного суда, основанием для которого служил номоканон² и так называемый «Свиток Ярослав». Этим «Свитком» все епископы подчиняются власти митрополита и «князья, бояре и судьи» должны не только не препятствовать этому, но еще помогать под опасением пени в 2000 р.; точно так же светские власти не должны защищать священника от епископа под страхом пени в 1000 р. и лишения ктиторства (патроната, права «поданья»); развод принадлежит церкви; вмешавшийся в это дело мирянин платит пеню в 500 р.; за брак от живой жены с боярином 1000 р. пени; а если не послушает церкви, предается мирской власти; простых людей епископ наказывает пеней по их средствам («елико возможно»); за нецеломудрие — пеня с бояр в 500 р., а с простого человека — 2 р.; кроме вопроса о браке церковь судит и вопрос об ереси; вмешавшийся в эти дела мирской человек платит пеню в 500 р. Очевидно, что этими постановлениями западнорусская церковь хотела оградить себя, хотя в действительности и не всегда удачно, от вмешательства светской власти.

Собираясь на соборы, духовенство западнорусское издавало постановления, имеющие силу закона для местной церкви. В этом отношении важны деяния собора 1509 г., собиравшегося в Вильне при митрополите Иосифе Салтане³. Этими правилами постановлялось: не искать места

¹ Епископы эти были: Полоцкий, Смоленский, Черниговский, Туровский (Пинский), Луцкий, Владимирский, Холмский и Перемышльский (Червенский) пр. Филарета: «Ист. Русской церкви», III, 16–17. Во Львове архиепископа не было со времен польского завоевания до 1539 г. Православное шляхетство и духовенство пишет в просьбе королю Сигизмунду: «маем то (в кро) никах, аж тому есть двесте лет и один рок от святыго... минуло, як владыка на Галиче был» («Акты Зап. России» II, 361).

² От XVI в. дошло до нас несколько кормчих, писанных в Западной России («Оп. Рум. Музея», 232, 233, 235).

³ Деяния этого собора («Акты Ист.» I, № 289; «Оп. Киево-Соф. собора» прибавл. № 10) служат митр. Евгению доказательством православия митрополита Иосифа; не забудем, что времена могли быть различные, ибо не думаем, чтобы Иоанн Васильевич основывал свое

живого еще епископа, игумена или священника, а также не назначать и не ставить на места живых без благословения митрополита; не ставить священника в чужую епархию; ставить священников только достойных по ручательству их отцов духовных; извергать того епископа или священника, который будет уличен в том, что при поставлении скрыл свои грехи; не принимать священников, переходящих из одной епархии в другую, без отпускной грамоты от своего епископа, чтобы не переходили лица, находящиеся под запрещением; священников неженатых обязывать идти в монахи или не служить; не отнимать церкви у священника без вины, а отнимать только у тех, кто «начнет дом свой держати в небрежении, безчинно», служить не по уставу или пьянствовать; князьям и панам, имеющим право патроната, запрещается отнимать церковь у священника без вины и не объявив митрополиту; в случае нарушения этого постановления запрещается ставить в такую церковь священника; если князь или пан три месяца не назначает священника на церковь, то назначит его митрополит; если князь или пан отнимет что-нибудь у церкви, то митрополит пишет к нему; непослушного подвергает отлучению; священник, служащий без благословения владычнего, лишается сана; монахи не могут выходить из монастырей без грамоты от игумена; епископы не должны принимать на себя мирских дел и уклоняться от обязанности собираться на соборы; правила эти должны соблюдаться неуклонно; если же кто-либо, хотя бы сам государь, захочет их нарушить, то воли его исполнять не следует, а, подав челобитную государю, непоколебимо стоять, чтобы не была нарушена православная вера. «Эти определения, — основательно замечает пр. Филарет¹, — писаны, как очевидно, под влиянием особой осторожности и внимания к влиянию иноверной гражданской власти; они поставлены, таким образом, в главное руководство для управления православием среди папизма».

В западнорусской церкви встречаем ту особенность, что в делах ее принимают живейшее участие светские лица: так, кн. Константин Острожский является защитником и ходатаем за церковь перед светской

обвинение на ложных или неточных слухах: он хорошо знал, что делается в Литве, а иметь митрополита на своей стороне для него было в высшей степени важно, оттого он и не стал бы заведомо распространять о нем ложные слухи. Быть может, не так уже лишено основания, как полагают издатели т. VII «Археол. Сборн.», показание униатского митроп. Рафаила, называющего Макария «горячим католиком» («Арх. Сб.», т. VII, № 70); могло же дойти до него какое-нибудь предание. Известие о поездке его в Рим к папе, когда он еще был Брестским кастеляном, принимает и М. О. Коялович («Уния», I, 23).

¹ «Ист. Русск. церкви», III, 21.

властью; каждый город дорожил своей соборной церковью, и даже правительство поставляло городу в обязанность блюсти за интересами этой церкви¹. Соборная церковь была центром управления как для городского, так и для уездного духовенства; здесь творился суд по всем делам духовным. Соборному протопопу подчинялись в этом отношении не только церкви, но и монастыри уезда. В церковном отношении уезд называли протопопией (Слущкая, Минская). Соборный протопоп был первой инстанцией суда по делам духовным для духовных и мирских людей². Монастыри не принимали участия в церковной администрации, они находились или в зависимости от местного епископа и городских церковных властей, или от своих патронов, но они служили опорными пунктами для поддержания православия. «Конечно, и белое, или приходское духовенство, — говорит И.Д. Беляев³, — было ревностным защитником православия и удерживало народ от латинства и ополячения, но в белом духовенстве священник обыкновенно действует одиночно и потому, при всем своем усердии, не всегда может действовать так успешно, как действует хорошо устроенная монастырская община, где по одному направлению, под одним началом и непосредственным ближайшим надзором и указанием игумена или архимандрита работают десятки, а иногда и сотни иноков, людей свободных и менее, чем белое духовенство, стесненных житейскими заботами»⁴. Монастыри разделялись на привилегированные, состоящие под чьим-либо патронатом, и на непривилегированные, вполне зависящие от местного епископа. Монастыри, построенные частными лицами, находились обыкновенно под патронатом своего строителя или его потомков; в церковном отношении они очень мало зависели от епископа (выбор игумена или архимандрита зависел от патрона), а в экономическом — они и совсем от него не зависели: они не платили дани епископу, не подлежали его суду; к ним не могли въезжать ни наместник епископа, ни его десятичник⁵. Монастыри такие состав-

¹ Так, Александр, присуждая Полоцкому Софийскому храму села, которые хотел было оставить за собой владыка, поручает охранение этих сел городу Полоцку («Акты Зап. России», I, № 174).

² «Приказуем вам, — пишет Сигизмунд Слонимскому повету, — аж бы есте того дворянина нашего, котораго он (митрополит) там от себе десятичником уставил, и теж протопопа его в духовных делах послушны были во всем». «Акты Зап. Росс.» II, № 77.

³ «Расск. из Русск. ист.» IV, 210.

⁴ См. там же любопытные указания на местность вновь строимых в эту эпоху монастырей, которые большей частью появляются в пограничных местах (208—209; 219—222).

⁵ «А в церковь св. Иоана и в наши монастыри, и в села, и в люди св. Иоана не вступати ся никому. А владыче с игумена... куница не брати, и никаких пошлин. А от кого будет какая

ляли как бы полную частную собственность своих патронов, которые назначали игуменов, могли закрыть или вновь открыть монастырь; при продаже или передаче отчины покровительство над монастырем переходило к новому владельцу, а во владении великого князя патронат зависел от воли господаря: он передавал его кому хотел¹. Все отчеты по монастырю игумены или архимандриты подавали патрону. Итак, ясно, какой громадный вред интересам православия должен был принести этот обычай, когда потомки православных патронов, приняв латинство, оставались все-таки патронами.

Подобно монастырям и церкви приходские тоже были привилегированные и непривилегированные. Привилегированными церквями были те, которые основали частные лица. Основывая церковь, патрон давал ей известные доходы или угодья². В таких церквях патрон назначал священника и сменял его; мог передать свой патронат кому угодно. Церкви же непривилегированные находились в полной зависимости от епископа, который пользовался с них доходами³. Иногда грамоты королевские подтверждали право епископа на все церкви своей епархии: так в грамоте, данной Туровскому и Пинскому владыке в 1552 г. постановляется, что князья, бояре и другие подданные короля без благосло-

обида нашему монастырю, ино досмотрять и боронить нам самим, а по нас роду нашему; а старци и люди, которые живут на св. Иоана земли и судити и рядити игумену Иоаньскому, самому з братьєю, а иному никому не вступатися. а владыце не вступатися в наши монастыри». Грам. Полоцкого князя Онуфрия Предтеченскому монастырю («Акты Зап. России», I, № 14). Грамота Мстиславского князя Симеона 1443 г. освобождает Онуфриевский монастырь от суда не только владыки Мстиславского, но и самого митрополита (там же, № 43).

¹ Так Александр в 1496 г. дал Овручской Иоакимо-Анненский монастырь в «держание» княгине Дашковой («Акты Зап. России», I, № 140), в 1504 г. Пересыпнинский — княгине Марии Чарторыйской (там же, № 212), а в 1497 г. пожаловал Гришке Поповичу пожизненно Михайловский-Златоверхий монастырь с обязанностью постричься (там же, № 141).

² Мстиславский князь Иван Юрьевич дал основанной им церкви с своих имений 14 кадей меду, 8 хмелю и жита 140 бочек и кроме того же деньгами с одного имения 15 грошей, с другого 5 грошей, с третьего 12 грошей, с четвертого 15 грошей, с пятого 15 грошей, с шестого 2 рубля (Грам. 1463 г. в «Акт. Зап. России», II, № 66); кн. Константин Острожский, основывая в 1507 г. церковь в Смолевичах (Минской губернии, Борисовского уезда) дал ей три волоки земли с огородами и сенокосами («Археогр. Сборн.», I, № 7). В Витебске церковь Успенская и Михайловская содержалась доходами с королевских имений.

³ Александр, освобождая в 1498 г. Виленское духовенство от новых поборов, учрежденных бывшим митрополитом Макарием, так определяет доходы: «Казали есмо им митрополиту за куницу соборную по 12 гр. платить; а хто коли даст им на молебен золотый, и любо колко грошей, то казали есмо им на собор брати; а з уезду казали есмо им давати митрополиту на год золотой, а бочку меду, а наместничество у Вилни нехай от вас держат попы соборное церкви; а теж, хто ся коли в соборной церкви положит, и чим будет гроб его прикрыт, то казали есмо попом на собор брати» («Акты Зап. России», I, 3 152).

вения владыки не могут ни строить церквей, ни ставить попов; не должны выводить их из послушания владыки, наказывать произвольно, мешать действию духовных властей или вступаться в духовные дела. Ослушникам грозил штраф в 3000 коп грошей; но, разумеется, подобные постановления, противореча всему строю общества, не могли исполняться и нарушались собственными грамотами королевскими. в церквах непривилегированных, по старому русскому обычаю, принимали большое участие прихожане как в назначении священника, так и в самом управлении церковью со стороны экономической. Этот сильно развившийся в западно-русской церкви обычай выразился в братствах, о значении которых в тяжелую для церкви эпоху унии будем иметь случай говорить.

Юридическое положение духовенства в Западной Руси определяется великокняжескими привилегиями. Остановимся на постановлениях, важнейших из них: Александр в 1499 г. по «чоломбитью» митрополита Иосифа на обиды церкви от светских людей, подтвердив «Свиток Ярослав», постановил, что «христианство Греческого закона» судят на вечные времена митрополиты и епископы, ему подчиненные; митрополиты и епископы судят в духовных делах и заведуют церковными людьми «по городам и по местам», в чем не мешают им ни духовные Римского закона, ни светские паны, ни урядники королевские, ни войты и мещане городов с магдебургским правом; митрополичьи и владычные люди, живущие в «местах» и занимающиеся торговлей, платят «поплатки» с мещанами; те церкви православные, которые, находясь в имениях князей и панов римской веры, издавна были в «поданьи» митрополита или владыки, остаются по-старому, а те, которые состоят в поданьи «державца», остаются в его зависимости, но владелец не может удалить священника без воли митрополита¹: если кто нанесет обиду священнику, то виновного без различия судят митрополиты или епископы². Сигизмунд, утверждая в 1511 г. по «чоломбитью» духовенства и светских панов, с кн.

¹ «Которые князи и панове наши Римского закону мают по своим именьям церкви закону Греческого, и здавна будет которая церковь поданье мытрополье або владычне, тая и тепер нехай будет церковь их поданья; естли бы же которая церковь была в поданьи здавна державцы того именья, ино и тепер нехай тот державца подаст, з благословеньем митрополита: ни жили вже не мает моцы того свещенника от тое церкви рушити без осмотренья и воли митрополитов оный державца» («Акты Зап. России», I, 19).

² «Священника Русскаго если бы хто соромитил або сбил, так от Римское веры, как от Греческое мает того дела смотреть митрополит, або епископ: бо то ест суд духовный», там же. Такой же привилей дан Александром в 1503 г. владыке Полоцкому («Сборн. Муханова», № 84).

Острожским во главе, привилеи Александра, уничтожил эту статью: когда Иосиф еще был епископом Смоленским, то он исходатайствовал у Александра несколько привилеев, из них важнейшие: грамота 1494 г. и привилей 1497 г. По первой — смоленским наместникам запрещается вмешиваться в дела церковные; владыке, согласно листу Казимира, по-звояется селить на «звечных церковных» землях людей «с зарубежья», а также держать за собой поселяющихся на церковных землях «чужеземцев» и владеть таким пространством городской земли, на котором можно поселить 20 человек. Вторым — дозволяется владыке селить на назначенном городском месте 120 чел. «прихожих» москвичей, тверичей, но не литовцев; в пользу владыки дается 8 дворов «звечных церковных людей» и т. п. Но эти люди должны платить серебшизну и все «подачки» вместе с мещанами; судит же церковных людей владыка, а не наместник Смоленский. Сигизмунд, кроме подтверждения привилеев, данных Александром, издал еще несколько грамот от себя: так, в 1509 г. издал он окружную грамоту, которой повелел всем урядникам выдавать на суд митрополита людей, живущих не по церковным правилам: не венчающихся, не крестящих детей, не исповедующихся, им же даны грамоты монастырям: так, Печерскому дается позволение завести общину, избирать игумена сообща с киевскими князьями, панами и земянами, за что господарю, утверждающему игумена, подносится 50 золотых; монастырь освобождается от приезда воевод, от стаций и подвод для содержания послов татарских, но ставит, в случае войны, 10 конных ратников¹. По грамоте, данной Киевскому Межигорскому монастырю, игумен его, Михаил, получает позволение завести общину, освобождается от патроната чьего бы ни было, а подчиняется прямо господарю, освобождается и от платежа городского мыта. Так и в этих памятниках отразился общий, так сказать льготный, характер тогдашнего литовскорусского права: отдельные меры, частные льготы преобладают в нем; главная форма — привилей (восточнорусская жалованная грамота).

Как в политической жизни Литовского княжества период, который мы теперь описываем, был по преимуществу периодом проникновения польских начал в русскую жизнь, так и в умственном отношении в этом периоде готовились стихии для борьбы между двумя просветительными началами — восточным православным и западным латинским, — которая вспыхнула в конце XVI в. и тянулась в XVII и XVIII в.

¹ «Акты Зап. России», II, № 112.

Борьба эта, начавшись, вызвала сильное, небывалое умственное и литературное движение; но если предшествующий ей период не представляет значительных признаков движения умственного, все же он prepares это движение, и нельзя не пожалеть, что от этого периода сохранилось слишком мало памятников литературных, которые, если и были, то истреблены, а частью, может быть, и спрятаны. Два начала: русское и польское, не входя еще в решительную борьбу между собой, стояли уже оба налицо и в умственной, и в политической жизни Литовско-Русского государства. Русское начало, впрочем, еще преобладало: в статуте 1566 г. мы читаем: «Писар земский маеть по Руску литерами и словы Русскими вси листы и позвы писати, а не иным языком и словы»¹. Литвин Михалон, смотря с негодованием на преобладание русского языка, находит его вредным: «Мы учимся, — говорит он, — московскому языку, не древнему, не заключающему в себе никакого побуждения к доблести, так как русское наречие чуждо нам, литовцам, т. е. итальянцам, происходящим от крови итальянской»². Ввиду того обстоятельства, что русский язык преобладал во всех юридических памятниках, даже польские писатели (Ярошевич) сознаются в его исключительном господстве. Тем не менее господство русского языка не повело к процветанию русской литературы: кроме памятников юридических, от этого времени дошло очень немногих произведений литературы и мы даже не имеем указаний на что-нибудь особенно замечательное. Один проповедник, несколько кратких летописей — вот все, что оригинального представляет Западная Русь до начала XVI в. Проповедник, о котором мы говорили, Григорий Самвлак (ум. 1419), только случайно принадлежащий Западной России: южный славянин, племянник Киприана, Григорий писал общим литературным языком, с риторическими приемами того времени; указаний на современные обстоятельства (кроме как в «Похвальном слове Киприяну») нечего искать в его сочинениях. Сильно читавшиеся сочинения его отличаются, по мнению пр. Макария, не глубокомыслием, но ораторским талантом и одушевлением. Летописи кратки, отрывочны, касаются только внешней стороны событий и вообще мало дают для характеристики времени. Конец занимающего нас пе-

¹ Разд. IV, арт. 1 (во «Временнике», XXIII).

² 43 («Арх. Ист. Юр. Св.», кн. II, пол. 2). Оставляя неприкосновенным перевод такого знатока латинского языка, каким был покойный С.Д. Шестаков, мы позволяем, однако, себе думать, что выражение: *litteras Moscoviticas* заключает в себе нечто еще иное: не подразумевается ли здесь и литература Русская, которая таким образом была общей для обеих половин Руси.

риода представляет важное событие в умственном развитии Западной Руси: первая типография, печатавшая книги на церковнославянском языке, была заведена в Кракове Шванпольдом Фиолем, который называет себя «из Немец немецкого рода, Франк». Что побудило Фиоля избрать славянскую церковную литературу предметом своих изделий? Не знаем, и, быть может, прав А.А. Гатцук, видя в его изданиях расчет коммерческий. Фиоль бежал из Кракова в Угрию, и несколько времени дело его не возобновлялось¹, но с 1517 г. принимается за труд печатания доктор медицины Франциск Скорина, родом из Полоцка; печатание он начал в Праге Чешской, где издал Псалтырь, а затем с 1517 по 1519 г. 22 книги Священного Писания в старославянском переводе, проверенном им по еврейским и греческим книгам, и в особенности по вульгате; потом, переселясь в Вильну, Скорина издал здесь Апостол и Следованный Псалтырь (1525) и тем прекратил свою деятельность². Есть предположение, что Петр Мстиславец, один из первых печатников в Москве, сотрудник Ивана Федорова, был одним из мастеров типографии Скорины и ушел из Вильны в Москву; насколько это правда, не знаем, но должны согласиться, что дело не могло остаться без влияния на Москву; в Литве же оно должно было оставить важный след, хотя мы не знаем, много ли экземпляров Библии разошлось. Но даже и довольно ограниченное число их давало ее в руки более значительному числу людей, чем при существовании только рукописей. Много ли было грамотных в тогдашней Литве, мы также не знаем с достоверностью, но по большому числу дошедших до нас актов можно судить, что грамотность была довольно распространена: православные учились, вероятно, у мастеров и мастериц, подобных тем, которых Геннадий Новгородский описывает в своем послании. Для католиков учреждались с начала XVI в. школы при церквях: в привилегиях при основании костелов ставилось в обязанность заводить школы. Заботясь о католическом образовании Литвы, Ядвига учредила коллегию для 12 литовцев при Пражской Академии и потом, с этой же целью, хлопотала о восстановлении Краковской Академии:

¹ Между тем книги печатались в Венеции, Черногории и Угровлахии (см. В.М. Ундольского).

² Исследователи не согласны с тем, какой был веры Скорина: иные (Мацеевский, Encykl. Powsz.) считают его католиком; другие (Вишневский, VIII, 477: *chociaz wyznania greckiego*) — православным, причем А.А. Гатцук остроумно указывает на то, что имя Франциск могло быть ему дано для прикрытия настоящего имени от чар («Крест. календ.», 1872). Есть еще мнение, сближающее его с каким-то доктором Франциском, бывшим в сношениях с Лютером (Encykl. Powsz.).

и действительно, в той и другой академии кончили курс многие литвины, занявшие высшие духовные места в католической церкви. В Краков, Прагу и заграничные университеты отправляли своих детей многие и из вельмож литовских: Гастольд, Радивил, князья Гольшанские и др.

Обозрев политическое и умственное состояние Руси Западной в описываемый период времени, взглянем на ее материальное состояние. Старые русские торговые места: Киев, Смоленск, Полоцк продолжали вести торговлю и под властью литовских князей. Природные выгоды Киева были так велики, что, несмотря на опустошения его татарами (Плано Карпини насчитал только 200 домов), скоро здесь снова начали появляться купцы чужеземные: из Польши, Угрии, Константинополя, откуда приходили итальянцы, венециане, генуезцы, пизане: по свидетельству Контариш, в Киеве «съезжалось множество купцов из Великой России с различными мехами, которые они отправляли в Кафу с караванами»¹, Михалон говорит, что по рекам из Литвы, России и Московии «привозят в Киев рыбу, мясо, кожи, мед и соль из Таврических соляных мест, называемых Качибиевыми, где целый корабль наполняется солью за десять стрел»². О торговле Смоленска можно судить по договорам, заключаемым Смоленском с Ригой: из них — договор 1284 г. заключен с участием двух купцов, одного из Брауншвейга, другого из Мюнстера. В Полоцке сходились товары из Новгорода, Пскова, Смоленска, Москвы, что видно из сношений Полоцка с немцами. В договоре 1405 г. постановлено, чтобы немцы обороняли полочанина в Риге, как своего брата немца, а полочане должны так же беречь немца в Полоцке; торговали по старому обычаю; с новгородцами немецкому купцу не торговать без посредства полочанина, ибо новгородцы не пускают у себя торговать на немецком дворе без новгородца; а с москвичами торговать немцам, и полочанину между ними ходить, ибо москвичи берут с полочан тамгу; розничная торговля запрещается; определяются взаимные отношения полоцкого и немецкого веса; постановляется виновных отсылать для наказания на родину, немцы привозили в Полоцк хлеб, соль, сельдь, копченое мясо, сукно, полотна, пряжу, рукавицы, жемчуг, сердолик, золото, серебро, медь, олово, свинец, серу, иголки, четки, пергамен, вино, пиво, а вывозили: меха, кожи, волос, щетину, сало, воск, скот и восточные товары: жемчуг, шелк, драгоценные ткани, оружие. По грамоте, данной Александром в 1498 г.,

¹ Контарины, 21 (в «Библ. иностр. писат. о России», I).

² Михалон, 63 (в «Архиве Ист. Юр. Свед.»).

учреждались в Полоцке три ярмарки в году, по две недели каждая, во время которых рижане могли покупать товар как хотели, а в остальное время могли покупать только оптом; продавать свои товары могли также оптом. В Вильне торговля была так же значительна, а в 1503 г. Александр, по просьбе виленских мещан, позволил построить гостинный двор, на котором могли бы останавливаться иногородние купцы, останавливавшиеся прежде на обывательских дворах. Галич и Волынь продолжали прежнюю торговлю, как при последних Романовичах, так и позднее, особенно с Молдавией, где покупали греческие и татарские товары, а продавали сукно, серебро венгерское. Черноморская торговля шла через Судак, как мы уже видели выше. Главные торговые пути В. княжества Литовского вели через русские области к Черному морю или до Молдавии и Валахии, а на севере до Новгорода, Пскова и Курляндии; на запад до Пруссии, Моравии и Польши, а оттуда в Силезию и Угрию, но с завоевания Крыма татарами и падения генуэзских колоний, а также с упадком Новгорода и Пскова торговля главным образом направилась на запад. Торговля встречала сильные препятствия в тревожных обстоятельствах времени (татарские нападения и разные войны), в преобладании шляхты, в огромном количестве сборов, падающих на торговый класс, в отсутствии путей сообщения и в особенности в появлении евреев. «В эту страну собрался, — говорит Михалон, — отовсюду самый дурной из всех народов — иудейский, распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей, народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого, кроме обмана и клеветы»¹.

Торгуя по большей части сырыми произведениями и привозными товарами, Литва имела очень мало своих обделанных произведений, но некоторые первоначальные ремесла встречаются в Литве. Так, в привилее, данном Сигизмундом Кейстутевичем Вильне в 1432 г., поминаются «постригания сукон», встречаются упоминания о них и в других привилеях; предположение об умении выделывать железо, основанное на названии в Новгороде кос литовскими, по совершенно верному замечанию Ярошевича, только предположение, ибо, вероятно, косы эти только получались через Литву. Земледелие стояло на той же степени развития,

¹ С Сигизмунда, как мы видели, введена в Литву польская монета: копа грошей = 6 грошам; а грош с 1528 г. должен был иметь 20 гранов серебра; цена денег постоянно падала. См. таблицу в Encykl. Powsz. XXI, 226.

что и в Московском государстве. Вообще в материальном отношении Литовское государство того времени ничем не отличалось от Московского, а в нравственном, казалось, даже теряло, уступая польскому наплыву; оттого, когда проснулось религиозное движение и потребовалось отложиться от Польши, Русь Западная должна была искать опоры и защиты в Москве.

Глава IX

Великий князь Иоанн Васильевич. Падение Новгорода. Удельные князья. Софья Фоминишна. Отношения татарские. Отношения литовские. Дела семейные. Василий Иоаннович Глинский. Падение Пскова, Рязани, князей северских. Смоленск. Казань и Крым. Развод и второй брак. Царь Иоанн Васильевич. Елена Глинская. Боярщина. Царское венчание. Новые люди и новые порядки. Казань. Астрахань. Ливонская война. Опричнина и опалы. Баторий. Сибирь. Характер Грозного царя

Великий князь Иоанн Васильевич. Падение Новгорода. Удельные князья

«Он дома сидит и спит, а владения свои увеличил, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить свои пределы» — такими словами, говорят, часто характеризовал в разговоре Стефан Молдавский свата своего великого князя Иоанна Васильевича¹.

Эта характеристика замечательна в том отношении, что она представляет первую наиболее выдающуюся черту в деятельности знаменитого государя, который, завершая собой один период Русской истории, открывает другой: при нем Русь выходит из своего замкнутого положения; Запад узнает, что, кроме Руси, подчиненной Литве, есть Русь, теперь уже независимая, Русь сильная и самостоятельная; на первых порах эта сила, может быть, даже несколько преувеличивается. Сила эта потому поражает воображение современников, что она вырастает как-то незаметно: кажется, что все окружающее, подчиняясь какому-то роковому влиянию, спешит уступить этой народившейся силе, а между тем она сама не торопится заявить о себе, а проявляется в последнюю минуту, когда все уже готово для проявления, когда остается только сорвать совсем созревший плод. Благоразумная и осторожная политика, руководившая всеми этими действиями, могла казаться отсутствием всякой деятельности; результаты ее — дело слепого случая. Здесь невольно вспоминаются знаменитые слова Суворова: «Все счастье да счастье; помилуй Бог, надо немного и умения». Великий мастер, вполне обладавший таким умением, который занимал стол Московский в конце XV в., казался современникам более счастливым, чем деятельным, а между тем

¹ Герберштейн (у Старчевского, 9).

его-то деятельный ум и управлял всеми сложными и перепутанными нитями тогдашних внешних и внутренних отношений. Если современники не всегда были справедливы к великому объединителю земли Русской, то не всегда справедливо к нему и потомство: С.М. Соловьев сравнивает его с счастливым наследником длинного ряда бережливых и искусных купцов, которые, скопив значительный капитал, дали тем возможность своему наследнику вести обширные предприятия¹. Положим, что такое воззрение вызвано было противодействием Карамзину, который, со своей стороны, увлекаясь нелюбовию к насильственному — как ему казалось — характеру преобразований Петра, поставил Иоанна выше Петра²: положим, что многое было приготовлено его предшественниками. Это сознавали и современники: «от Владимира Мономаха до этого Василия (Темного) в России не было государей», говорит Герберштейн³, но тем не менее нельзя не сознаться в том, что Иоанн далеко выделяется из ряда своих предшественников завершением старых задач — объединения Руси (ибо наследникам своим Иоанн оставил уже очень немногое) и свержения ига — и постановкой новых: вопрос о том, кому быть — Литве или Москве, поставлен с полной твердостью и решимостью Иоанном, ибо защитой православия Елены и принятием к себе князей-отъезжиков, побуждаемых к отъезду преследованием православия, он становился защитником православия в Литве, следственно, добивался участия в ее внутренних делах; намечалась вековая политика России: намечалась она и настояниями его на признании титула: в. князь всея Руси, и требованием Киева, а сношения с Западом с него начинаются. Умение же пользоваться обстоятельствами ставит Иоанна в ряд великих людей. Если не признать величия Иоанна, то пришлось бы такое же суждение частью применить и к Петру, который в значительной степени был только более решительным преемником своего брата, отца и деда.

Иоанн Васильевич (1462—1505), принимая правление по смерти отца своего, не был уже человеком новым, ибо Василий Темный еще при жизни своей провозгласил его соправителем. Таким образом, в начале нового правления не произошло никакой перемены в политике, а про-

¹ «Ист. России», V, 1. еще строже судит Н.И. Костомаров («Русск. ист. в жизни ее главнейш. деятелей», II, 307—309), отрицающий всякую заслугу в Иоанне, прилагающий к его деятельности требования иного времени и иных обстоятельств и не признающий в деятельности Иоанна и его наследников ничего кроме своекорыстных побуждений. Это прекрасная обвинительная речь, но не суждение историка.

² «Ист. Госуд. Российск.», VI, 216 (по изданию Эйнерлинга).

³ У Старчевского, 9.

должалась старая система медленного уничтожения самостоятельности вечевых общин и удельных князей, старая выжидательная политика относительно татар, пользующаяся ссорами татар между собой. Новгороду еще Василий готовился нанести последний удар, но был остановлен вмешательством архиепископа Ионы. Новгородцы помнили это, ждали нового. Действия со стороны Москвы искали себе опоры на стороне. Такую опору в ту эпоху мог предоставить им только великий князь Литовский, но войти с ним в сношения было трудно для новгородцев потому, что сношения с ним имели бы значение как бы измены православию, и в Москве, очень хорошо понимая эту сторону дела, спешат предупредить опасность: в. кн. пишет грамоту к архиепископу Ионе, объясняя в ней, что митрополит Литовский Григорий — ученик Исидора, следовательно, защитник унии, и что с ним не должно входить в сношения. Чтобы поддержать право на своей стороне, московский митрополит в пользу Новгорода отвергает искательство псковичей, желавших иметь особого епископа; сам великий князь оставляет без внимания оскорбления, оказанные московским людям в Новгороде, и даже нарушение старинных прав княжеских¹. Занятый войной Казанской, он только пересылается посольством с Новгородом. Между тем в Новгороде сторона, противная Москве, все более и более поднимает голову: предводителями этой стороны являются Борецкие, дети умершего посадника, внушаемые матерью своей Нарвой, которая — как «честная вдова» — пользуется большим значением; богатые Борецкие имеют сильное влияние на вече². Под их влиянием приглашается из Литвы в Новгород князь Михаил Олелькович, брат киевского князя Симеона. Прежде князья Литовские, призываемые на службу Новгороду, жили вместе с московским наместником; теперь же вопрос становился уже иначе, и партия литовская решила пойти дальше: в конце 1470 г. умер Иона, на вече поднялся вопрос о поставлении архиепископа в Литве, но на этот раз и избранный в архиепископы Феофил, и его сторонники успели отстоять поставление

¹ «Которых земель и вод с суда по старине отступився князю великому да те земли опять за себе поимали и людей к целованию приводили на Новгородское имя; а на двор на великаго князя на Городище с большего веча присылали многих людей, а наместникам его да и послу великаго князя лаяли и безчестовали, да и в имении великаго князя за отказом на Городище двух князей поимали силно, а людей пребили и переимали, и в город сводили и мучили в его имении, а с рубежев с Новгородских отчине великаго князя и его братьи молодшие отчинам и их людям многу пакость чинили». П. С. Р. Л., VI, 3—4.

² Известно, что Марфа пожертвовала Соловецкому монастырю большие земли в Двинском краю, Арх. Досифей: «Геогр. Ист. и стат. опис. Соловецкого монастыря» (М., 1836), I, 57.

в Москве; от великого князя получено было согласие на проезд. Приехавший из Пскова посол с извещением, что великий князь зовет Псков на Новгород, и с предложением посредничества¹, снова дал перевес стороне литовской. Собралось вече, на нем начали кричать: «Вольные есмы люди Великий Новгород; а московский князь великий многие обиды и неправду над нами чинит; хотим за короля польского»²; с помощью «худых мужиков вечников» они одерживают победу, и к Казимиру было послано посольство, результатом которого был договор о подданстве ему Новгорода. Охраняя в этом договоре веру православную и старые пошлины новгородские, бояре вставили, между прочим, одно условие, которое лучше всего характеризует тогдашнее настроение владеющего класса в Новгороде: «А холоп, или раба, или смерд, почнет на осподу вадити, атомути, честны король, веры не нять»³. Этим сопоставлением смерда с рабом новгородская аристократия произнесла сама себе смертный приговор, а вскоре Олелькович отъехал из Новгорода, нанеся разные обиды волостям новгородским⁴. В. князь хотел еще попробовать мирные средства и послал в Новгород своего посла с увещаниями, а митрополит Филипп послал увещательную грамоту. После неудачи этого посольства собрал великий князь свою думу и предложил вопрос: идти ли теперь в поход или ждать зимы? Известно, что в Новгород летом проход был очень труден. Решено было теперь идти и в Новгород послана была «складная» грамота (объявление войны). В июле 1471 г. сам великий князь с ратью московской, тверской и братьев своих двинулся из Москвы; псковичи присоединились к рати московской на дороге. Походу был придан религиозный характер: великий князь, отправляясь, молился в Московском соборе. Летописец сравнивает поход этот с походом

¹ Посол говорил: «Нас великий князь а наш государь поднимает на вас, а от вас своей вотчины челобитья хочет; а мы за вас, за свою братью, ради посла своего слати, толко вам будет надобе, и великому князю всеа Руси челом бити по миродокончанной с вами грамоте; а вы бы есте послом нашим дали путь по своей вотчине путь к великому князю». Пок. I (П. С. Р. Л. IV, 236).

² Царст. Лет. 403.

³ «Акты Эксп.» I, 64. в одной из Новгородских летописей прямо выражается недовольство на аристократию за этот разрыв с в. князем: «И бысть на лутший люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород; а то Бог Сердцеведец и суди им зачинающим рать и обидящим нас». Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 128).

⁴ «А Новугороду было истомно сильно кормы и вологою и великими дарми, а он еще как едя от них, и приехав в Русу оброки вся пограби силою, а от Русы к рубежу едя вся посу и живот и головы войною великою пограбив, с собою животы повезе, а головы поведе и до самого рубежа, неизреченно шкоты почини Новгородской волости». Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 237).

Гедео на мадианитян и Дмитрия на Мамая¹. Чтобы уличить новгородцев в их неправдах, великий князь взял с собой дьяка Бородатого, знатока летописи². После сражения у Коростыня³ кн. Холмский, воевода Иоаннов, нанес новгородцам окончательное поражение у р. Шелони (14 июля); в тот же самый день воевода московский Образец с вятчанами и устюжанами разбил в Двинской земле служилого князя Новгородского Василия Шуйского у р. Шилengi и покорил землю Двинскую, «везде бо помогаше Бог Государю великому князю за его правду»⁴. Новгороду оставалось только покориться, так как Казимир, занятый своим делом, не сел на коня для защиты Новгорода. Иоанн, шедший за войском, казнил сначала Борецкого с тремя другими пленными, а потом смиловался: приняв челобитье Феофила, поддерживаемое грамотой митрополита, взял с Новгорода окуп в 15 500 р. и заключил договор, которым новгородцы обязались не подчиняться Литве и архиепископа ставить в Москве.

В октябре 1475 г. Иоанн посетил Новгород и пробыл там до февраля 1476 г. Принятый с честью и дарами великим Новгородом и его сановниками, великий князь отправлял суд и расправу по старине: уличане, славновские и никитинские, явились с жалобой на степенного посадника Василия Ананьина и на 19 других бояр, которые наехали на них и их ограбили; такую же жалобу принесли бояре Понарыны на разграбивших их бояр-наезжиков: в Новгороде наезды были случаем, как мы знаем, очень частым; но здесь едва ли не следует видеть с С. М. Соловьевым продолжения борьбы литовской и московской стороны, ибо между именами насильников встречаются имена врагов Москвы⁵. Виновных Иоанн послал в заточение в Москву. В суде он соблюл все старые формы: так, он потребовал, чтобы с его приставами были и приставы новгородские⁶, тогда же он дозволил новгородским властям заключить по старине

¹ П. С. Р. Л. IV, II; Царст. Лет. 415.

² Льв. III, 17; П. С. Р. Л. VI, 192.

³ Село у озера Ильменя. Ари., II, пр. 95.

⁴ Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 150). Новгородское известие слагает вину в неудаче на измену: «Коневая рать не пошла к пешей рати на срок, занеже владычен стяг не хотяху ударитися на князю рать, глаголюще: «Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послал нас владыкана псковичи». и начаша Новгородци вопити на больших людей, которые приехали ратью на Шалону: «Ударимся ныне», кождо глаголюще: «Яз человек молодой, и спротеряхся конем и доспехом» (там же, 127–128) «А переветника Упадыша Новгородци казниша, занеже перевет держал на Новгород и хотел зла Великому Новугороду, с своими единомысленники 5 пушек железом заколачивал» (там же, 128).

⁵ «Ист. Росс.», V, 28.

⁶ П. С. Р. Л. VI, 203.

договор с Швецией. в 1477 г. жалобщики новгородские явились в Москву; «а того небывало, — замечает летописец, — как и земля их стала и как великие князи учили быти от Рюрика... но сей в то приведе их»¹. Явление это очень понятно: меньшие люди, убедившись в том, что только на суде в. князя могут они найти правду против лучших, обратились к этому суду; старое правило «а на низу ти, княже, суда не судити» было выгодно только для лучших. Когда подобный результат был достигнут, оставалось только ожидать первого повода, чтобы окончательно прекратить независимость Новгорода. Случай представился скоро: в 1477 г. послы от владыки и всего Новгорода, Подвойский Назар и вечевой дьяк Захар, назвали Иоанна и сына его Иоанна Младого господалями, а не господами, как это было всегда; великий князь послал послов в Новгород требовать подтвердить это название. в Новгороде произошли смуты, драки, даже убийство, а послам дан был ответ: «С тем есмя непосылали»². Тогда Иоанн стал собираться идти ратью на Новгород; позвал на помощь рати тверские, псковские; велел собираться своим братьям и, послав вперед татарского царевича Даныяра Касимовича, выступил в поход и сам. Новгородцы начали переговоры в то время, когда в. князь был в дороге; еще прежде они пытались начать их, но Иоанн, рассчитывая, вероятно, получить полный результат только военной демонстрацией, уклонялся от переговоров. Весь декабрь 1477 г., первые числа января 1478 г. прошли в переговорах; наконец Новгород смирился, когда защитник его кн. Василий Васильевич Шуйский явился ударить челом Иоанну и отказался от службы новгородской. Покорился Новгород «на всей воле» Иоанновой: вече было уничтожено; вечевой колокол увезен в Москву звонить с другими колоколами; великому князю назначены вотчины, взятые у монастырей: первый пример секуляризации. До сих пор, как известно, князья в Новгороде не имели вотчин. Отъезжая из Новгорода, Иоанн взял с собой бояр и Марфу Борецкую³.

Есть известие, что в 1479 г. новгородцы снова пробовали войти в сношения с Казимиром и, пользуясь опасениями со стороны Золотой Орды, восстановили свое старинное управление, и что в. князь пришел к городу, принудил отворить ворота, уничтожил эту попытку в самом начале

¹ П. С. Р. Л. VI, 205.

² Там же.

³ Она умерла, говорят, в Старице. Подробное изложение переговоров см. в П. С. Р. Л. VI, 205—221 и Ник. VI, 71—103. Г.Ф. Карпов делает важное замечание о согласии этого изложения с Разрядными Книгами, хранящимися в архиве МИД в Москве («Ист. борьбы», 78 в «Чт. в Общ. ист.», 1866, III).

и перевел многих новгородцев на низ. Рассказ этот подтверждается тем, что остальные летописи упоминают о поездке в. князя в Новгород и о заточении архиепископа Феофила¹. Тяжело было Новгороду падение его независимости, и как бы в утешение себе сложили новгородцы легенды о безумии первого присланного из Москвы владыки Сергия² и о пламени, вышедшем из гроба св. Варлаама Хутынского и обжегшем ноги великому князю³.

Вятка, откуда выходили ушкуйцы на Двинскую землю и жители которой не хотели в 1469 г. помогать московской рати в войне с Казанью, окончательно была усмирена в 1489 г. воеводами кн. Даниилом Щеней и Григорием Морозовым. Политика перевода туземцев в старые области и обратно была применена и к Вятке.

Псков оставался покорен и тем сохранил тень своей «самостоятельности», но в. князь ревниво следил за всем, что делалось во Пскове, и не допускал стремлений к большей независимости. Так, соглашаясь, чтобы псковичи просили князя какого они хотят⁴, он не любил самовольной смены князей и сильно вступился за князя Ярослава Оболенского, у которого произошла ссора со Псковом и которому псковичи хотели показать путь; только желание кончить с Новгородом побудило в. князя сделать уступку Пскову и дать ему нового князя наместника — князя Василия Васильевича Шуйского (1477 г.). Когда еще ранее вздумали псковичи сослаться на свои судные грамоты, великий князь отверг эти грамоты под тем предлогом, что «те грамоты не самых великих князей»⁵. Когда возник известный нам вопрос о смердах, великий князь заставил псковичей подрать составленные ими грамоты. Когда Иоанн назначил сына своего Василия в. князем Новгородским и Псковским, псковичи прислали посольство с просьбой не отделять их, великий князь отвечал с гневом: «Чи неволен яз в своем внуки и в своих детех? ино кому хочю,

¹ П. С. Р. Л. III, 143, 243, IV, 152, 263; VI, 34, 221; Ник. VI, 109; в П. С. Р. Л. VIII, 24: «Не хотяше бо той владыка, чтоб Новьгород был за великим князем... князь бо велики коли взял впервые Новгород. Тогда отъя у Новгородцкаго владыки половину волостей и сел у всех монастырей, про то владыка нелюбье дръжфше: быша бо те волости пръвое великих жо князей, ино они их освоиша»; о переселении бояр и житых из Новгорода П. С. Р. Л. VI, 238; VIII, 218.

² П. С. Р. Л. III, 243–244.

³ Там же, 241.

⁴ «Князь великий отчину свою жаловал Пскова добровольных людей по старине, которого князя хотите, и аз вам того дам». Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 222).

⁵ Пск. I, 250.

тому дам княжество»¹. Мы уже видели, что Псков напрасно хлопотал об отделении своей области от управления новгородского владыки.

С князьями удельными Иоанн держался той же политики, что и с вечами общинами. Рязанского князя Василия еще Василий Темный взял в Москву на воспитание; в 1464 г. он был отпущен в Рязань; возвратился в Москву, женился на сестре в. князя Anne Васильевне и возвратился в Рязань. в 1483 г. он умер, оставив двух сыновей: Ивана и Феодора. Иван, как в. князь, заключил договор с Москвой, которым приравнялся к брату Иоаннову Андрею Васильевичу. В 1496 г. заключен договор между братьями, которым младший обязуется в случае бездетной смерти оставить свой удел (Перевитск и Старую Рязань) старшему брату, но князь Феодор, переживши брата, отказал свой удел, помимо племянника, великому князю Московскому. В 1500 умер великий князь Рязанский Иван, оставив малолетнего сына Ивана под опекой матери и бабки, которые вполне слушались московского князя².

Тверским князем с 1461 г. был шурин Иоанна Михаил Борисович. Вступая в управление, Иоанн заключил с ним договор, но хотя Михаил и помогал Иоанну против Новгорода, однако в их отношениях начинают замечаться явления, обыкновенно предшествующие падению отдельных княжеств: в 1476 г. некоторые тверские бояре переходят в Москву: в 1484 г. в Москве узнают, что тверской князь заключил договор с Казимиром и женился на его внучке. Иоанн послал войско опустошить Тверскую волость; Михаил спешил умиловить его и заключил новый договор, которым тверской князь приравнивается к среднему брату московского и обязуется без его согласия не ссылаться с Литвой. Между тем выезды бояр из Твери продолжались, и Иоанн своей политикой еще усиливал их: в случае пограничных ссор, если обижены тверичи, они не находили суда; а если обижены москвичи, Иоанн грозно требовал удовлетворения³. Михаил вошел в сношения с Казимиром, посланный был схвачен, и Иоанн двинул войско к Твери; город сдался; Михаил бежал

¹ Пск. I, 271.

² «Твоим людям служивым, боярам, детям боярским и людским быть всем на моей службе, — велел Иоанн сказать в. княгине Агрипине, — и торговым людям, лучшим, средним и черным быть у тебя в городе; если же кто ослушается и пойдет на Дон, таких ты велела бы казнить, а не станешь казнить, та я велю их казнить и подавать». С.М. Соловьев «Ист. Росс.» V, 52 (из дел крымских).

³ П. С. Р. Л. VI, 237: «Занеже мнози от великого князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях: где межи сошлись с межами, где не изобидят Московские дети боярские, то пропало, а где Тверичи изобидят, и то князь великий с поношением посылает и с грозами к Тверскому, и ответом его веры не иметь, а суда не дает».

в Литву¹. В 1463 г. князья ярославские уступили свою отчину государю Московскому, а в 1474 г. князья Ростовские, которые владели только половиной Ростова, ибо другая приобретена была еще Калитой, продали в. князю и остальную половину². Так же медленно и постепенно уничтожал в. князь и удельных князей Московских: князьями этими были все братья Иоанна, за исключением Михаила Андреевича Верейского (сын Андрея Дмитриевича, брат Ивана Можайского). С Михаилом Иоанн заключил несколько договоров, постепенно обрезывая его права; наконец договором 1482 г. Михаил уступает, по смерти своей, Белоозеро великому князю. Предлога к присоединению не было, но скоро отыскался и предлог: желая подарить своей невестке Елене по случаю рождения внука Дмитрия (1483) уборы своей первой жены, Иоанн узнал, что великая княгиня Софья отдала многое своей племяннице, вышедшей за сына Михайлова Василия. Раздраженный великий князь велел захватить Василия, Василий бежал в Литву; великий князь отнял у Михаила Верею и возвратил ее уже в пожизненное владение. Умирая в 1485 г., кн. Михаил Андреевич оставил свою вотчину по завещанию великому князю. Уделы братьев тоже мало-помалу тем или другим способом присоединялись к великому княжению: в 1472 г. умер Юрий Васильевич Дмитревский, умолчав в завещании о своем уделе; великий князь овладел им; братья рассердились; удовлетворив их некоторыми волостями, в. князь заключил с двоими из них, Андреем Углицким и Борисом Волоцким договор, которым они признавали старшинство племянника своего Иоанна Младого и отрекались от наследства после брата. В 1480 г. младшие братья снова восстали против старшего: к Борису отъехал из Москвы князь Оболенский Лыко; Иоанн, узнав, вероятно, о сношениях братьев с новгородцами, велел схватить кн. Оболенского на дворе Бориса. Князья пошли ко Ржеву, оттуда к Литовскому рубежу и вошли в сношения с Казимиром, который, впрочем, не помог им. Князья, отвергавшие до сих пор переговоры, видя бездействие Казимира, просили заступничества матери, Иоанн отказал им; князья хотели было найти опору во

¹ Супр., 135 прямо говорит, что Тверь пала изменой боярской; Ник. VI, 120 говорит, что из Твери выехали «князи (мелкие Тверские) и бояре Тверские коромольники».

² П. С. Р. Л. VIII, 180 пр. Нест. лет., 284; Ст. кн. II, 132. Е. П. Карнович приводит любопытную подробность, неизвестно откуда заимствованную: (князья Ростовские) «условились с в. кн., чтобы потомки их в мужском колене навеки пользовались особыми почестями при посещении ими Ростова. Право это не отменено и в настоящее время. В последний раз воспользовался им при Екатерине В. кн. Алекс. Ив. Лобанов-Ростовский («Замечат. богатства частн. лиц», 345).

Пскове, но потерпели неудачу. Нашествие Ахмата заставило Иоанна помириться с братьями, причем Андрей получил часть удела Юрьева. В 1481 г. умер Андрей меньшей и завещал свой удел великому князю. В 1484 г. умерла мать в. князя, сдерживавшая несколько раздоры братьев, а Иоанн в 1486 г. обязал братьев новым договором не вступаться в выморочные уделы. В 1491 г. Андрей был схвачен и посажен в тюрьму, где и умер в 1494 г., с ним посажены и его сыновья¹. Скоро умер и Борис, оставив удел своим сыновьям, Феодору и Ивану: из них Иван, умирая в 1504 г., завещал свой удел великому князю, которого называет государем.

Софья Фоминишна. Отношения татарские. Отношения литовские. Дела семейные

Довершая дело своих предшественников, уничтожая самостоятельность общин и удельных князей, Иоанн создавал Московское государство. На форму этого государства и на всю внешнюю обстановку власти имел важное влияние второй брак Иоанна с Софьей, дочерью Фомы Палеолога, племянницей последнего императора Византийского, принесшей в Москву обычаи и предания Византийской Империи. Иоанн в 1467 г. лишился своей первой жены². Через два года началось дело о сватовстве с греческой царевной. Фома Палеолог удалился со своим семейством в Рим. Мысль искать жениха его дочери принадлежит греку Висариону, одному из ревностных приверженцев унии, в то время кардиналу. Кардинал и папа имели, конечно, в виду то, чтобы найти нового ратоборца против страшных в то время турок, а с тем вместе и привести Русь к унии. Посланником в Москву был грек Юрий, который сказал, что у Софии были женихи, которым она отказала потому, что «не хочет в латинство». Иоанн, поговорив с матерью и боярами, послал в Рим Карла Фрязина, брата бывшего в Москве денежника Ивана, посмотреть невесту и переговорить с папой; папа согласился и требовал, чтобы за

¹ П. С. Р. Л. VIII, 223, Ник. VI, 129; но еще прежде (в 1488 г.) был слух о том же (П. С. Р. Л. VI, 238); быть может, даже и готовилось что-нибудь; один из сыновей Андрея Дмитрий был освобожден от оков в малолетство Грозного (Льв. IV. 139).

² «Преставися великая княгиня Мария, великого князя Ивана Васильевича, Тверянка, от смертнаго зелия; за неже познаху потому, покров на ней положиша, ино много свисло его, потом же тело разошлось, ино тот покров много не достал на тело... тогда же воспалеся князь велики на Олексееву жену Полуектова на Наталью, иже посла пояс с Боровлевою женою, с подъячаго казеннаго к бабе (ворожее), тогда же на Олексея воспалеся и шесть», VI, 1864 Льв. II, 363.

невестой прислали бояр из Москвы. Фрязин был послан за невестой и вел переговоры, наконец в июне 1472 г. Софья в сопровождении папского легата выехала из Рима. в Пскове ее встречали с честью в октябре того же года, а потом с такой же честью встретили в Новгороде¹. Пока Софья приближалась к Москве, в думе великого князя велись жаркие споры о том, можно ли допустить, чтобы перед легатом несли крж (от польского слова *kriz*; так называли латинский крест). Митрополит объявил, что в случае позволения этого: «он в одне ворота в город, а я, отец твой, в другие; неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть, потому что кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругался»². Легат въехал без креста. в день въезда совершен был обряд бракосочетания (ноября 12). Затем легат представил свои грамоты и вступил в прения с митрополитом Филиппом, который призвал к себе на помощь книжника Никиту Поповича. Летописец говорит, что, отчаясь переспорить московских книжников, легат оставил прения, сказав: «Нет книг со мной»³.

Брак этот имел большое значение, которое не ускользнуло и от современников: «Говорят, эта София, — пишет Герберштейн, — была так хитра, что Иоанн многое делал по ее внушению»⁴. Ее советам он приписывает свержение ига. «В предобрый русских князей род, — говорит князь Андрей Михайлович Курбский, — всеял диавол злые нравы, наипаче же женами, их злыми и чародейцами, яко же и в израильтеских царех, паче же которых поимовали от иноплемеников»⁵. В своей злобе на Софью он обвиняет ее в отравлении Иоанна младого, в смерти Елены, в заключении — Дмитрия Иоанновича, ее сына; в заключении Андрея Васильевича, в чародействе. «Как пришла сюды мати Великого князя Великая княгини Софья с вашими греки, — говорил при Василье Иоанновиче Берсень Беклемишев Максиму Греку, — так наша земля замешалась и пришли нестроения великие, как и у вас во Цареграде при ваших

¹ Дивились только псковичи папскому легату: «бе бо в ней свой владыка с него, не почину нашему оболчен бе весь червленьм платьем, имея на себе куколь червлен, на главе обвит глухо якоже каптур Литовской, толко лица его знати, а перстатицы на руках его имея непременно, яко рук его никому же видети, и в той благословлят, да также и крест пред ним и распятие осязаему якоже всем человеком видети, вылитое носят пред ним, на высокое древо воткнуто горе; не имея же поклонения к святым иконам и креста на собе рукою не прекрестяся, и в дому святых Троица толко знаменася ко Пречистой и то по повелению царевны». Пск. 1 (П. С. Р. Л. IV, 245).

² Ник. VI, 50; П. С. Р. Л. VIII, 175.

³ Льв. III, 32; П. С. Р. Л. IV, 197.

⁴ У Старчевского, 8.

⁵ «Сказ.», 4 (2-е изд.).

царех». «Которая земля, — продолжал он, — переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменил; ино на нас которого добра чаяти»¹. Таким образом, современники сознавали изменение в обычаях страны и главное изменение, на которое они указывали: «Однако лутче старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати; а ныне Государь наш запершыся сам третей у постели всякие дела делает»². Это обвинение против Василия Иоанновича в том, что он не слушает бояр, вполне относится и к Иоанну. Он первый ввел этикет при дворе. Когда он дремал во время обеда, «все присутствующие, пораженные страхом, молчали», — рассказывает Герберштейн³: «проснувшись и открыв глаза, он снова начинал шутить и быть веселым». Герберштейн сам его не видал и рассказывает о нем со слов знакомых своих бояр (напр., кн. Семена Курбского). Очевидно, что их поразила эта черта и была как бы новостью после бурных сцен, вроде сцены с поясом Василия Косого. Иоанн первый, таким образом, окружил себя царским величием, и он же первый принял внешние знаки этого величия: он стал употреблять герб Византийской Империи — Двуглавого Орла⁴, он венчал своего внука царским венцом; ему же, вероятно, принадлежит этикет, с которым принимали послов последующие государи, хотя первый пример подобного приема находим в рассказе Герберштейна, посетившего Москву при его преемнике; едва ли также не к его времени надо отнести большую часть придворных чинов, из которых прежде поминались только немногие (спальники, чашники). Окружая себя царским величием, Иоанн задумал украсить свою столицу и свой царский дворец и для этого начал вызывать художников из Западной Европы. В 1474 г., отправляя в Венецию послом Семена Толбузина, которому как переводчика придал Антония Фрязина и поручил ему отыскать зодчего⁵. Толбузин уговорил ехать с собой Альберти

¹ Акты Эксп. I, 142.

² Там же.

³ У Старчевского, 9—10.

⁴ См. печать его в С.Г. и Д. I, № 129. С одной стороны всадник с копьем поражает дракона и подпись: «Великий Князь Иван Божию милостию господарь всея Руси»; с другой — двуглавый орел и подпись: «великий кнзь влад. и моск. и нов. и пск. и тве и уго (югорский) и вят. (вятский) и пер. (пермский) и бол (болгарский)».

⁵ Предлогом к посольству было извещение дожа о том, что его посланник Тревизан, посланный к Ахмету, скрыл свое звание и был за то задержан, а теперь отпущен по просьбе дожа (Царст. Лет. 435, 436; Ник. VI, 35, 55; П. С. Р. Л. VI, 199; Льв. III, 39) Иоанн жаловался на поступок Тревизана проезжавшему через Москву Венецианскому послу в Персии Амбросию Контарини (в «Библии. иностр. пут. по России» Контарини, гл. VIII).

Фиоравенти, прозванного Аристотелем, талант которого был уже известен¹. в Москве Аристотель начал постройку Успенского собора, сломав стены, возведенные псковскими каменщиками, которые не сумели заключить свода. Но еще не приступив к постройке, он съездил во Владимир и осмотрел тамошний Успенский собор, вероятно по воле в. князя². Церковь была достроена в 1479 г. Затем, кроме Аристотеля и Марка Фрязина, вызваны были другие художники: не только зодчие, но серебряники, пушечные мастера, лекарь и музыкант. После Успенского собора был построен Благовещенский, а в 1491 г. была окончена (Марком Фрязиным и Петром Антонием) Грановитая палата, напоминающая собой новгородскую Ефимьеву; в 1499 г. заложен дворец Теремных, строение стен и башен Кремлевских, начатое Антоном Фрязиным, окончено в 1492 г. Снесение для этой постройки многих дворов и церквей возбудило ропот современников³. Последней постройкой Иоанна был Архангельский собор. Итальянцы делали пушки, чеканили деньги. Со времени Иоанна и частные лица стали строить каменные терема (Василий Феодорович Образец, Дмитрий Володимирович Ховрин), построены палаты митрополита. Так с усилением власти и значения Московского государства росла и украшалась его столица.

Виднейшее событие в царствовании Иоанна — низвержение ига — тоже приводится многими в соотношение с его браком, но, разумеется, эта старая, заветная мысль московских князей, — к исполнению которой издавна стремились все их желания и для исполнения которой они исподволь готовили средства, — не может быть объяснена одним слу-

¹ «Той же восхоте и рядися с ним по десяти рублей на месяц давати ему. и хитрости его ради Аристотелем зваху». Лъв. III, 39—40. Интересна далее наивная похвала Фиоравенти, которому приписывается церковь св. Марка в Венеции и которого будто звал к себе султан; но всего более заняло посла (летописец здесь повторяет статейный список) следующее: «дом добр у него и палаты есть; да велел де и блюдо взяти; блюдо ж то медяно, да на четырех яблоках медяных. Судно ж на нем яко умывальница, якоже оловяничным делом, и начал лить из него из одного на блюдо воду и вино и медь и что хотяше то и потечет». См. там же П. С. Р. Л. VI, 199.

² «Езди же в Владимир и смотрив похвали дело. Рече: неких наших мастеров дело». Лъв. III, 43. Любопытно простодушное удивление тому, как он разрушал стены бараном (belier): «книжницы называли брус дубовый бараном, иже напысано яко сиевым образом Тит Иерусалим разби», там же. Далее описываются кирпичи, которые он научил делать, далее (44, 65, 70) описаны подробности строения: с таким любопытством следили за ними современники.

³ «А что дворы отодвинуты от города, ино то и в лепоту, — писал Геннадий, передавая слова еретиков, — а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду большая была... Где Престол стоял и жертвенник, а ныне те места не огорожены: ино и собаки на места ходят и всякой скот». Др. Вивл. XIV, 287.

чайным обстоятельством, хотя нельзя не согласиться, что гордой Софье тяжела была зависимость ее мужа от татарского хана, и потому нельзя отрицать некоторой справедливости в передаваемых по этому случаю рассказах. Но во всяком случае это обстоятельство было только побочным: известно, что уже давно в завещаниях московских князей встречалось выражение «переменит Бог Орду»; то же выражение встречается и в завещании Василия Темного. К этому готовились московские князья, принимая на службу татарских царевичей, в которых видели лучшее средство против татар. И в этом деле, завещанном ему предками, Иоанн Васильевич оставался верным медленной, настойчивой политике своих предшественников, никогда не упуская из виду цели, но никогда не спеша слишком в достижении ее.

Татарская орда при вступлении в правление Иоанна Васильевича уже не составляла одного нераздельного царства: прежде она то дробилась, то опять соединялась, но в эту пору она распалась окончательно на три главные орды: Золотую, Казанскую (с тех пор как в Казани уселся сын Улу-Махмета, Мамутек) и Крымскую, во главе которой стал в княжение Василия Темного Ази или Хаджи-Гирей. Впрочем, дробление не остановилось даже на этом: «По мере ослабления главной орды, — основательно замечает Г.Ф. Карпов, — появились на сцену одна за другой более мелкие орды и, наконец, разрозненные в несколько сот и даже десятков человек шайки татар, бродившие по степям и высматривавшие себе добычу»¹. Политика Иоанна состояла в том, чтобы пользоваться одной ордой против другой, одним претендентом против другого. Из главных орд татарских самой близкой и самой слабой была Казанская. На нее-то прежде всего и попробовали иметь влияние. В 1467 г. служилый царевич Касим² был приглашен некоторыми мурзами в Казань, но хан Ибрагим встретил его у Волги и не допустил переправиться; после незначительных взаимных опустошений в 1469 г. послано под Казань большое войско из городских детей боярских и Московской рати под начальством Константина Александровича Беззубцова. Рать подходила к самому городу, но, кроме опустошений, ничего не сделала; летом же этого года двое из братьев в. князя Юрий и Андрей Большой ходили к Казани, осадили город, и Ибрагим спешил заключить мир «на всей воле в. князя и на воеводской»³, причем освободил пленников, взятых в продолжение

¹ «Ист. борьбы Моск. Гос. с Польск.-Лит.», 99 («Чт. в общ. ист.» III).

² Сын Улу-Махмета, брат Мамутека, дядя тогдашнего хана.

³ Арх., 147.

40 лет. Целые 8 лет было мирно, но в 1479 г. войска казанские сделали нападение на русские области (на Устюг и Вятку)¹. в отмщение за то послана из Москвы рать под начальством воеводы Василия Образца, а с другой стороны пришли вятчане и устюжане и осадили Казань; Ибрагим снова заключил мир, «якоже угодно бысть великому князю»². По смерти Ибрагима в Казани начались смуты: один из его сыновей Али-Хан (Алегам) от меньшей жены стал ханом; Мухаммед Аминь, сын от старшей жены, явился в Москву и просил помощи против брата. В 1487 г. пошла к Казани московская рать под начальством Даниила Холмского, взяла город, пленила Али-Хана и посадила в Казани Мухаммед-Аминя, который до того подчинился Москве, что спрашивал у великого князя позволения жениться и даже платил в Москву некоторую дань. В 1496 г. казанцы, не довольные Мухаммедом-Аминем, стали звать ногайцев; пришли на помощь московские войска; но едва Мухаммед-Аминь отпустил их, как ногайский князь Мамук пришел к Казани, и Хан бежал в Москву. Мамук, не доверяя изменникам, захватил тех самых, которые его призвали, и вообще начал поступать своевольно³. Когда он вышел в поход против Арских князей, казанцы затворили перед ним ворота и послали в Москву просить прислать им хана, только не Мухаммеда-Аминя⁴. Иоанн послал другого его брата Абдыл-Летифа, Мухаммед-Аминю дал в управление Каширу и Серпухов. В 1502 г. по жалобам казанцев Летиф был свергнут⁵ и сослан на Белоозеро. Мухаммед-Аминь возвратился снова, но уже не довольный Москвой, в чем поддерживала жена его, вдова Алегама. В 1505 г. под тем предлогом, что в. князь не удовлетворяет его жалоб, Мухаммед-Аминь ограбил русских купцов, приехавших на ярмарку, ходил к Нижнему. Иоанн, скоро скончавшийся, не успел ему отомстить.

Распространение владений русских на восток совершалось еще другим путем: в 1472 г. в. князь послал рать в землю Пермскую, считавшуюся в числе владений новгородских: рать эта пленила тамошнего

¹ С. М. Соловьев очень основательно соглашает в этом случае противоречивые показания летописей («Ист. Росс.» V, 87–88).

² Пр. Нест. Лет. 290.

³ «Князей казанских... изымал, а гостей и земских людей всех пограбил». П. С. Р. Л. VI, 41.

⁴ «Зане же от него было велико насилие и бесчестье катунам (женщинам) нашим, там же.

⁵ Менгли-Гирею объяснено было это событие таким образом: «В. князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делал управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих». «Ист. России», V, 92 (из дел Крымских).

князя, но до 1505 г. в Перми оставались туземные князья, и только тогда послан в Пермь наместником князь Василий Ковер. Постоянные нападения Вогуличей заставляли посылать войска и в землю Югорскую, и даже «кн. Курбский переходил через Урал. Оставляя здесь туземных князей, в. князь тем не менее включил земли и Пермскую и Югорскую в свой титул. с Золотой Ордой Иоанн не начинал войны, хотя едва ли аккуратно платилась дань и в самом начале, но зато враг Иоанна в. князь Литовский подымал татар на Москву: в 1471 г. Казимир послал к хану Ахмату звать его против в. князя Московского, но Ахмат собирался целый год, а между тем во время откочевки татар от Сарая, что они делали каждое лето, пришли под Сарай вятчане и разграбили его. В 1472 г. Ахмат наконец собрался, взял Алексин, но, встретив у Оки братьев в. князя с сильным войском, не решился идти далее¹.

После этого до самого 1480 г. отношения к Золотой Орде оставались неопределенными, а между тем завязывались сношения с Ордой Крымской, где после смерти Хаджи-Гирея (1467 г.) утвердился сын его Нур-Даулет, но, свергнутый братом Менгли-Гиреем, искал убежища у Казимира; Иоанн спешил войти в сношения с Менгли-Гиреем через посредство еврея Хоси-Хакоса, жившего в Кафе: Менгли-Гирей, не разрывая связи с Казимиром², спешил, однако, поддержать эти сношения, которые были не очень плодотворны по случаю смуты в Крыму: свержение Менгли-Гирея Айдаром, взятие Кафы турками, причем уничтожена была власть генуэзцев в Крыму, плен Менгли-Гирея, освобожденного в качестве турецкого данника, опустошение Крыма сыном Ахмата и, наконец, воцарение царевича Зенибека. Только в 1479 г. Менгли-Гирей окончательно утвердился в Крыму, и тогда начались его постоянные сношения с Москвой, которые стали тем прочнее, что враги Менгли-Гирея: Айдар, Нур-Даулет и Зенибек, пришли искать убежища в Москве, и Иоанн мог в случае нужды указывать хану, что, задерживая его соперников, он оказывает ему услугу, а вместе с тем в случае нужды всегда иметь против него оружие³. В 1480 г. хан Золотой Орды Ахмат собрался в поход на Россию, подстрекаемый Казимиром Литов-

¹ П. С. Р. Л. IV. 244; VI, 31; Арханг., 180; Ник. VI, 46 (в последнем причиной отступления считается моровая язва в стане татарском).

² Он дал ему ярлык на русские земли.

³ Извещая Менгли-Гирея о приеме Зенибека, Иоанн писал: «Я его для тебя принял, держу его у себя, и тем своей земле истому делаю, и все то для тебя», Г.Ф. Карпов: «Ист. борьбы», 109 («Чт. в общ. ист.», 1866, III); Иоанн не отпустил Нур-Даулета к врагам Менгли-Гирея, сыновьям Ахметовым, но не выдал его и самому Менгли-Гирю («Ист. России» V, 112).

ским. У нас есть известие, что Иоанн отказался около этого времени от платежа дани: говорят, что София уговорила Иоанна не выходить на встречу татарским послам под предлогом болезни и вместе с тем хитростью успела уничтожить татарское подворье в Кремле: она, говорят, писала к ханше, что видела сон, повелевающий построить церковь на этом месте; задаренная ханша устроила дела, а послам уже более не нашлось места в Москве¹. Как бы то ни было, но достоверно, что Иоанн перестал платить дань. Узнав о походе Ахмата, Иоанн стал на Оке (с июля по сентябрь); Ахмат, получив известие, что здесь переходы заняты, прошел через литовские земли и пришел к Угре, но здесь нашел уже также занятыми переходы. Так стояли оба войска до ноября, а в стане в. князя за это время велись совещания о том, что делать, ибо оказались две партии: одни предлагали откупиться, другие считали нужным биться; в этом смысле написано известное послание Вассиана. В. князь то был в Коломне, то ездил в Москву советоваться с митрополитом. Когда начались морозы и татары совершенно ободрались, великий князь велел русским отступить к Кременцу, а между тем татары побежали². Возвратясь в Сарай, Ахмат был скоро убит ногайским князем Иваном (1481 г.). От сыновей Ахмата избавил Русь Менгли-Гирей, постоянно с ними боровшийся. Сношения с Крымом, важные в борьбе с Золотой Ордой, были также важны и в борьбе с Литвой, потому Иоанн их поддерживал постоянно, но ревниво оберегал свои интересы, отказываясь от постоянных поминок, настаивая на том, чтобы в грамотах не было выражения: «пожалован». Разумеется, приходилось тратить на татар много подарков, и Иоанн, экономный до того, что, выдавая послам баранов, требовал шкуры назад, все-таки расходовался на этот предмет тем охотнее, что Литва, со своей стороны, старалась закупать Орду; в Крыму шел настоящий аукцион. Характер политики Иоанна особенно ясен из следующего рассказа: в 1481 г. отправлен был в Крым боярин Тимофей Скрыба, которому поручено было сказать хану, что Иоанн ведет переговоры с Казимиром. На основании этого

¹ Герберштейн (у Старчевского, 10); у Длугоша (588), а от него и у других (Гванины и пр.) рассказ об унижительных обрядах, с которыми принимали в Москве послов; в «Ист. о казанск. царстве» рассказывается, как Иоанн разбил басму (изображение хана) и наплевал на нее (с. 36).

² Есть два рассказа о походе к угре: официальный (Ник. IV) и П. С. Р. Л. VI, 223–230; VIII, 265–213 с нерасположением к Иоанну см. «Ист. борьбы», 112–119. О рассказе «Ист. о каз. царстве», 38, будто причиной отступления Ахмета было разорение Сарая Нур-Даулетом, основательно рассуждает С.М. Соловьев (V, пр. 123).

сообщения хан помирился с Литвой и известил об этом Москву, но там уже обстоятельства переменились, и Иоанн, заявив, что боярин действовал не по наказу, выдал его крымцам. Завоевание турками Кафы побуждало войти в сношение с турками по торговым делам.

Дружба с Менгли-Гиреем, важная для Иоанна в делах татарских, была еще важнее для него в делах литовских: Казимир, занятый своими делами на Западе, преимущественно утверждением сына на Чешском престоле, вооружал против Иоанна новгородцев и Золотую Орду; Иоанн, со своей стороны, подстрекал на Литву Менгли-Гирея и вел сношения с врагом Казимира королем Угорским — Матвеем Корвином. Ссоры служилых пограничных князей и переходы таких князей на службу государя Московского служили главным поводом к неудобольствиям. Московский в. князь, пользуясь тем, что в договоре Василия Васильевича с Казимиром о князьях было сказано весьма неопределенно¹, начал принимать переходивших к нему на службу князей. Так был принят с отчиной кн. Ив. Мих. Воротынский и на жалобу Казимира Иоанн велел отвечать: «Не ведаем, каким образом король к нам так приказывает, что нашему слугу своим зовет, а ведомо королю, что и прежде нашему отцу и нашим предкам те князья служили и с своими отчинами»². То же сделали кн. Ив. Вас. Бельский и кн. Дм. Феод. Воротынский. Жалобами на переходы, на ссоры пограничных князей, вообще на порубежные несогласия ограничивались все дела, изредка переходя в мелкие стычки. В 1492 г. умер Казимир; Литва избрала себе в. князем сына его Александра, а Польша выбрала в короли другого его сына Яна Ольбрахта. Иоанн поднял снова против Литвы Менгли-Гирея и послал свои отряды опустошить границы. Из Литвы послышались предложения о мире и стали заговаривать о сватовстве: наместник полоцкий Яков Забerezский вошел в сношения с новгородским наместником Яковом Захарьевичем и пытался, можно ли Александру посвататься за одну из дочерей Иоанна. В Москве настаивали на том, чтобы переговоры о мире предшествовали сватовству. Между тем по-прежнему продолжались переходы князей: перешли еще два князя Воротынских, князь Мезецкий, подчинился князь Вяземский; продолжа-

¹ «Которые князья служат тебе, Казимиру королю, с своих отчин и мне, великому князю и моей братье младшей блюсти их и не обижать, точно также и тебе, королю, блюсти и не обижать князей, которые мне служат».

² «Ист. России» V, 123. Любопытно признание Кояловича, что одной из причин отложения Северских князей было стремление короля утвердить флорентийскую унию («Hist. Lit.», II, 255).

лись и пограничные набеги. Наконец, в 1494 г. Александр прислал своих послов Петра Белого Яновича, воеводу Троцкого и Станислава Гаштольда Яновича, старосту Жмудского, с поручением вести переговоры и о мире и о сватовстве. Заключенный ими трактат содержал признание перехода служилых князей и в нем — что еще важнее — Иоанн был назван государем всея Руси. Тогда Иоанн дал согласие на брак дочери своей Елены с Александром, но с тем, чтобы Александр дал письменное обещание не принуждать Елену переменять веру. Когда это было исполнено, в 1495 г. Иоанн отпустил Елену в Литву, дав ей подробный наказ. При совершении обряда брака русские послы настояли, чтобы обряд совершал и православный священник, но уже на первых порах оказалось, какие семена раздора скрыты в этом союзе: Александр отказался строить православную церковь при своем дворце, а скоро были отосланы и московские бояре, находившиеся при Елене, и наконец Александр перестал называть Иоанна государем всея Руси. Неудовольствие росло, так что Иоанн писал Менгли-Гирею: «Если теперь Александр с тобой помирится, то ты дай нам знать; если не помирится, то ты также дай знать, а мы с тобой, своим братом, и теперь на него заодно». Снова начались переходы на службу великого князя Московского: перешел кн. Семен Вельский, указывая на то, что в Литве начинается преследование православия, и обвиняя в содействии латинянам смоленского епископа Иосифа¹: перешли князь Семен Иванович (сын Ивана Можайского) с Черниговом и князь Василий Иванович Шемячич (внуки Шемяки) с Новгородом Северским (1499). Иоанн послал Александру объявление войны (складную грамоту). Война началась набегами служилых князей, а 14 июля 1500 г. кн. Даниил Холмский, предводительствуя ратью тверской, московской, служилыми татарами и князьями, встретил у р. Ведроши литовского гетмана кн. Константина Острожского, разбил его и взял в плен, но сын в. князя кн. Дмитрий Иоаннович не успел взять Смоленска и вообще в продолжение четырех лет военные действия шли очень вяло; зато деятельно шли дипломатические сношения: Москва подстрекала к войне с Литвой Менгли-Гирея, который посылал своих сыновей опустошать Литву

¹ То же обвинение встречается в грамоте от Шестака, служившего при Елене: «В нашего владыку Смоленского дьявол вселился, да и в Санегу, великий князь неволит Государыню нашу в проклятую латинскую веру, Государыню нашу Бог научил, да помнит она наказ Государя отца своего, и она отказала». «Акты Зап. России», I, № 155. См. о годе этой грамоты Г. Ф. Карпова «Ист. борьбы Моск. Гос. с Лит.», 59, пр. 49 («Чт. в общ. ист.», 1866, IV).

и Польшу, несмотря на соблазнительные предложения Александра: но Стефан Молдавский, узнав об опале дочери своей, помирился с Александром; вражда его, однако, не выразилась ничем важным. Важнее была помощь, оказанная Александру ливонским магистром Плеттенбергом. Несмотря на заключенное перемирие, постоянные столкновения между ливонцами и псковичами не прекращались. В отмщение за одно из таких нападений Иоанн послал в Ливонию 20 000 войска, которое опустошило страну, брало города и уводило пленных. Заключено было новое перемирие (1482) и продолжено в 1493 г., но немцы сожгли одного русского в Ревеле; на жалобу русских отвечали, что сожгли бы самого в. князя¹. Этим объясняют то, что в 1495 г. приказано изгнать ганзейских купцов и запереть их лавки, но это приказание вероятнее объясняется договором с датским королем, врагом Ганзы, который, прося помощи против шведов, обещал в случае успеха уступить часть Финляндии. Иоанн посылал войско против Швеции, но когда датский Иоанн завладел Швецией, он ничего не дал России. При таких взаимных отношениях между Россией и Ливонией понятно, что магистр Плеттенберг спешил заключить союз с Литвой (1501). Около Изборска разбил он русские войска, но города не взял и возвратился назад; русские опустошили Ливонию. Плеттенберг вступил снова в русские пределы, осадил Псков, и у озера Смолина произошла битва, но не решительная (1502). Между тем Александр начал переговоры о мире частью через братьев: Яна Ольбрахта (после смерти которого в 1502 г. он занял польский престол) и Владислава, а частью через посольства. Наконец, в 1503 г. заключен договор, которым Россия получила все свои приобретения, а Иоанн назван был государем всея Руси². Тогда же заключено и перемирие с Ливонией.

При Иоанне начались сношения с цезарем. Начались они посещением Москвы рыцарем Попелем; его рассказы открыли Россию Германии, и он явился уже послом в 1489 году. Начались переговоры о сватовстве одной из дочерей в. князя за Максимилиана, сына цезаря; сватовство это, впрочем, не удалось, надежда на то, чтобы поднять цезаря против польского короля, тоже не удалась: Максимилиан, претендовавший на угорский престол, помирился с Владиславом.

¹ Руссов, 32. Новг. IV (П. С. Р. Л. IV, 164) говорит о многих обидах и о многих сваренных в котле людях.

² «Акты Зап. России» I, № 192.

Последние годы Иоанна были омрачены раздорами и интригами в его семье. В 1490 г. умер Иоанн младший, которого Иоанн объявил себе соправителем. Тогда при дворе образовались две партии: бояре хотели видеть наследником сына Иоанна и Елены Молдавской Дмитрия, а Софья пробила своего сына Василия (р. 1479). Составился заговор против Дмитрия, государь узнал и велел казнить заговорщиков, а на Софью рассердился потому, что ему донесли, что к ней ходят ворожеи (1497). Тогда Иоанн венчал внука на царство (1498)¹, но скоро Софья опять восторжествовала: открылся заговор князей Патрикеевых и Ряполовских; кн. Семену Ряполовскому отрубили голову, Патрикеевых казнили. Этот заговор, как полагают, направлен был против Софьи². Сначала Иоанн начал «не радеть о внуке» и объявил Василия в. кн. Новгородским и Псковским, а в 1502 г. посадил под стражу Дмитрия, а Василия объявил наследником. Послам к разным дворам даны были наказы, как объяснять эти события: послы в Крым велено было говорить: «внука своего государь наш пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалуется всякий того, кто служит и правит, а который грубит, того за что жаловать»³.

Умирая (27 октября 1505 г.), Иоанн оставил духовную, которой старшему сыну Василию отказал 66 городов, самых значительных, а остальным (Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею) только 30 городов; в Москве Василию оставил две трети, а остальным всем одну треть, но и в этой трети старший получил часть; младшим приказал уважать старшего как отца; после бездетных братьев наследует старший. Так изменилось отношение великих князей к удельным! В договоре между братьями Василием и Юрием, заключенном еще при жизни Иоанна, Юрий называет брата господином, обязуется держать его княжение «честно и грозно».

Василий Иоаннович Глинский. Падение Пскова, Рязани, князей северских. Смоленск. Казань и Крым. Развод и второй брак

Василий Иоаннович (1505—1533), наследовав отцу своему, продолжал его политику и внутреннюю и внешнюю: старался увеличить пределы государства со стороны Литвы, уничтожал независимость послед-

¹ Ник. VI; 151—156 в П. С. Р. Л. VI, 279 о подозрениях на Василия: «От в. кн. отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белоозере и над князем Дмитрием израда учинить».

² «Ист. России» V, 79. Патрикеевы потомки Патрикия Нарпмантовича (внука Гедими-на), как Голицыны и Хованские.

³ Там же, 81.

них удельных князей и последней вечевой общины Пскова, стремился держать в подчинении Казань. По личному характеру Василий напоминает отца, но суровыми его сторонами: он дает племяннику несчастному Дмитрию умереть в темнице «в нужи»¹, за братьями учреждает строгий надзор²; брату Андрею дозволил жениться только в 1533 г., когда у него самого уже было двое детей³; с боярами он был строг: «Государь сей упрям, — говорил боярин Берсень Беклемишев, — и встречи против себя не любит; кто ему встречу говорит и он на того опалается». Это испытал на себе сам Берсень: «Памятует ми ся, — говорил он, — говорил что встречу великому князю о Смоленску, и князь великий того неполюбил да молвил: «пойди, смерд, прочь; ненадобен ми еси»; «ныне дей государь наш, — говорил он же, — запершися сам третей у постели всякие дела делает»⁴. Этими советниками могли быть любимец Василия Шигона Погожее и дьяки, которыми он себя окружал. Дьяка Третьяка Долматова за то, что он по неимению средств отказался ехать в посольство к цезарю, лишив имущества, которое взял в казну, сослал в Белоозеро, где тот и умер. Впрочем, вообще казней при нем было мало: он предпочитал брать в случае подозрения бояр в намерении отъехать поручные записи, в которых ручавшийся в случае отъезда обещал внести деньги за тех, за кого ручался: брата своего Симеона, намеревавшегося уехать в Литву, он даже простил, только переменял у него советников. Суровый при разводе со своей первой женой, Василий был нежен со второй и очень любил детей. Вообще о деятельности Василия самый верный приговор произнес Карамзин: «Он шел путем, указанным ему мудростью отца, не устрасался, двигался вперед шагами, размеренными благоразумием, без порывов страсти, и приближался к цели, к величию России, не оставив преемникам ни обязанности, ни

¹ П. С. Р. Л. VIII, 251. в «Собр. Грам.» I, № 147 помещена духовная кн. Дмитрия Ивановича, приписанная издателями внуку Иоанна Васильевича, что ввело в заблуждение и историков («Ист. Род. Отнош.», 541; Н.И. Костомарова: «Русск. Ист.», II, 343); но еще в 1825 г. было доказано, что завещание писал сын Иоанна кн. Дмитрий Жилка, а не внук (Сев. арх., № 12). в «Арх. Лет.» читаем: «Князь великий Василий Иванович посадил в железа племянника своего великого князя Дмитрия Ивановича и в палату тесну посади» (с. 211).

² Челобитная Ивашки Яганова великому князю Иоанну Васильевичу: «Служил есмь, государь, отцу твоему великому князю Василью: что слышал о лизе и о добре, и яз государю сказывал, а которые дети боярские князь Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, Государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованием». «Акты Ист.», I, № 136.

³ Иоанн родился в 1530, а Юрий в 1533 г.

⁴ «Сборн.» 7, 5.

славы исправлять его ошибки»¹. Этим, конечно, в глазах историка вполне искупаются личные довольно суровые стороны его характера, хотя и понятные для современников².

С самого начала своего правления Василий был поставлен лицом к лицу с двумя вопросами: казанским, ибо Мухаммед-Амин восстал еще против Иоанна и его пришлось усмирять, и литовским. Александр, прислав послов еще к Иоанну, узнал от них о том, что в Москве воцарился новый государь. Сообщив об этом в Ливонию, чтобы магистр готовился на всякий случай, Александр отправил посольство в Москву с требованием уступки городов, которыми завладел Иоанн. в Москве послы услышали твердый ответ нового государя, что он «доброй славы желает, как будет пригоже, чужих же городов и волостей не держал, а держал свои».

Александр увидел необходимость повременить с решительным образом действий и известил об этом магистра. А между тем послы, прибывшие из Москвы с извещением о вступлении Василия на стол, требовали, чтобы Александр не нудил своей жены изменять закона. Александр умер в 1506 г. Узнав о смерти его, Василий писал к сестре: «чтобы она похотела и говорила бы Бискупу и панам всей Раде и земским людям, чтобы похотели его государству служить», обещая при том охранение католической веры. На эту первую попытку идти на соединение Москвы с Литвой, идущую с московской стороны, Елена отвечала, что на Литовский престол избирается Сигизмунд Казимирович. Сигизмунд также прислал послов с тем же требованием возвращения городов и получил тот же ответ о непринуждении Елены к принятию веры. Тем дело пока и кончилось, но Сигизмунд нашел неожиданного союзника: Крымский хан Менгли-Гирей, встретив отпор в Литве перед кончиной Александра и недовольный московским государем за поход на Казань, прислал в Литву посольство с предложением союза. Сигизмунд обещал ему дань. После чего Менгли-Гирей дал ему ярлык на русские земли, между прочим на Новгород, Псков и Рязань. Сигизмунд известил магистра Ливонского о начавшихся сношениях с Крымом и Казанью, а на сейме приняты были меры к началу войны, но союзники мало помогли на этот раз Сигизмунду: Ка-

¹ «Ист. Гос. Росс.» VII, 105.

² Н. И. Костомаров в своей неблагоприятной характеристике Василия («Русск. Ист.» II, 341–343) указывает на то, что Василий отобрал у послов, возвратившихся от цезаря, полученные ими подарки. Это известие сообщает тоже Герберштейн, замечая что один из послов отрицал самый факт, а придворные, не отрицая, говорили: «Quid tum, si alia gratia illis Princeps rependit» (у Старчевского, 12); стало быть, по их понятиям, этот факт не считался чем-то особенным.

зань покорились, Крым и Ливония не двигались, а Василий между тем нашел важного союзника в самой Литве: кн. Михаила Васильевича Глинского.

Кн. Михаил Васильевич Глинский, потомок татарского князя, выехавшего из Орды при Витовте и крестившегося, пользовался большим значением и влиянием при Александре. Глинский был искусный полководец и человек по своему времени очень образованный: 12 лет провел он за границей, изучая военное искусство в войсках Альбрехта Саксонского в войне в Фрисландии и цезаря Максимилиана в Италии, был также в Испании; в этих походах, в постоянных отношениях с королями и князьями Запада Глинский принял все обычаи немецкие, проникся западной цивилизацией¹. Возвратясь в Литву, Глинский добился милости и доверия короля Александра. Александр так увеличил владения Глинского, возведенного им в звание надворного маршала, что он владел «чуть не половиной всего Литовского княжества», по гиперболическому выражению польского историка, и стоял во главе многочисленной русской партии в среде литовских панов. Оттого по смерти Александра паны, рада из литовцев спешили избрать Сигизмунда, чтобы только Глинский не стал добиваться стола великокняжеского и, добившись, не перенес бы центра из Литвы на Русь. Сигизмунд, вступив на престол, оказал Глинскому оскорбительную холодность и, не обратив никакого внимания на жалобу его против враждебных ему панов, во главе которых стоял Ян Забережский, уехал в Польшу. Тогда Глинский решился разделаться своим судом: сделал наезд на имение Забережского, убил его и поднял бунт против короля². Для этого он вошел в сношения с Менгли-Гиреем, а Василий Иоаннович, со своей стороны, послал дьяка Моклокова предложить ему вступить в русское подданство, обещая оставить за ним земли, которые он займет, но Глинский еще колебался и пробовал примириться с королем; потеряв, наконец, надежды на это, он пошел на соединение с великокняжескими воеводами, подходившими к пределам литовским. Глинскому поручено было со служилыми князьями опустошать Литву, а воеводы не двигались на

¹ Стрыйковский, II, 343. Бартошевич говорит, что Глинский при этом переменял веру, и ссылается на Карамзина, но у Карамзина этого нет. в пользу этого мнения может говорить разве то, что ему поручено было Александром просить помощи у Владислава Угорского против Иоанна на основании той опасности, которая грозила православию от Руси («Акты Зап. России», I, № 188); не потому ли и Г.Ф. Карпов считает его католиком (II, 142), но была ли Елена католичкой, а если была, когда она приняла православие?

² Сигизмунд в письме к Крымскому хану по случаю измены Глинского говорил даже, что умысел Глинского сесть на стол ему был давно известен («Акты Зап. Росс.» II, № 33).

помощь к нему. В Москве считали выгодным заставлять других за себя работать. Между тем Сигизмунд прислал посольство с жалобой на прием Глинского и начало военных действий. Письмо написано от имени Елены, и ей отвечал великий князь, указывая на стеснение православных в Литве и уговаривая ее оставаться твердой в своей вере. Сигизмунд, несмотря на то, что Менгли-Гирей не прислал помощи, начал военные действия, которые ограничились мелкими стычками, наконец заключен трактат: все приобретения Иоанна остались за Россией, а все, занятое Глинским, было отдано (1508). Глинский приехал в Москву и, несмотря на то, что ему даны были Медынь и Малоярославец, остался недовольным. Так на время окончились отношения литовские.

В промежуток между двух войн с Польшей Василий покончил с самостоятельностью Пскова. С 1508 г. во Пскове наместником был кн. Иван Михайлович Оболенский-Репня, которого псковичи прозвали «Найденном» потому, что он при вступлении в управление не соблюл старого порядка встречи наместников духовенством с крестами, а нашли его псковичи на наместничьем дворе. Он был из числа тех наместников, которые, по словам летописца «насиловаху и грабяху и продаяху, (т. е. облагал пенями) их поклепы и суды неправедными». В конце 1509 г., когда великий князь был в Новгороде, псковичи послали к нему с дарами и жалобами на наместника двух посадников и по боярину от конца. Василий обещал дать суд и отпустил их. Узнав об этом, наместник также поехал в Новгород. Псковичи не только послали за ним вслед своих выборных, но еще повестили о том по пригородам. Съехались жалобщики, и великий князь, когда собралось их много, заключил их в Новгороде, а во Псков послал своего дьяка Долматова с требованием уничтожения веча и «старой пошрины». Далматов объявил об этом на вече. Псковичи просили дать им ночь на размышление и, проплавав всю ночь, на другое утро объявили свое согласие, заявив при том о своей всегдашней верности Московскому государю: «А ныне, — заключали они, — Бог волен да государь в своей отчине, во граде Пскове и в нас и в колоколе нашем». При общем плаче снят был колокол и вывезен из Пскова. Тогда Василий посетил Псков, вывез оттуда многих бояр и поселил московских; при наместниках Иване Андреевиче Челядине и Григории Феодоровиче Морозове установил он 12 старост московских и 12 псковских. Падение Пскова летописец объясняет Божиим гневом на Псков за то, что, не каявшись в своих грехах, псковичи обратились на большие: «На злые поклепы и лихие дела и у вечьи кри-

чание, а не ведущи глава, что язык глаголет, не умеюще своего дома строити, а градом содержати хошем».

Упомянем здесь, кстати, о судьбе других остатков старого порядка дел. Последним из значительных князей был в. князь рязанский Иван Иванович, управлявший сначала под опекой матери своей княгини Агрипины (по отцу княжны Бабичевой)¹. Говорят, что с помощью татар в. кн. освободился от опеки матери и задумал освободиться от московской зависимости. Тогда Василий склонил на свою сторону влиятельнейшего из советников Ивана — Семена Коробына и с его помощью заманил Ивана в Москву, где и заключил его в темницу в 1520 г. В 1521 г. он бежал из Москвы в Литву, пользуясь нашествием Мухаммед-Гирея. В Северской земле княжили два потомка старых врагов московских князей: в Стародубе князь Василий Семенович, внук Ивана Андреевича Можайского, в Новгороде Северском — князь Василий Иванович, внук Шемяки. Мы видели, что при Иоанне Шемячич и князь Симеон Иванович, отец Василия, ударили челом Московскому государству вотчинами, полученными им от господаря литовского, и Иоанн оставил их по-прежнему на их местах. Князья эти² постоянно ссорились между собой, но ссоры свои решали не по-старому оружием, а по-новому — доносом друг на друга князю: «Любо тем брата своего князя Василья Ивановича уморю, или сам от господаря за то в гнев буду; а одному тому быти уж так»³, — говорил князь Василий Семенович и послал донос. Шемячич послал просить позволения приехать оправдаться: «Ты бы, господарь, — поручал он говорить своему посланному, — смиловался ныне пожаловал; велел мне своему холопу у себя быти... и обыщешь, господарь, в том мой вину, ино в том волен Бог да ты господарь мой, голова моя готова перед Богом да перед тобой, а не обыщешь, господарь, моей вины в том, и ты бы, господарь... меня... от князя Василья Семеновича в тех безлепицах пооборонил»⁴. Шемячич оправдался в Москве. В 1519 г. Стародуб, быть может, по случаю смерти кн. Василия Семеновича был присоеди-

¹ Бабичевы, ветвь Друцких, выехали в Москву при Василии Васильевиче «Энци. Лекс.», IV, 28 (Плюшаров). Опровержение Герберштейнова (у Старчевского, 45) рассказа о борьбе трех сыновей Ивана Васильевича Рязанского. См. у Д.И. Иловайского «Ист. Ряз. кн.», 222, пр. 219.

² Симеон Стародубский умер между 1501 г., когда он поминается летописью (П. С. Р. Л. VIII, 240) и 1508 г., когда поминается Василий Семенович (там же, 249).

³ «Акты Ист.» I, 149.

⁴ Там же.

нен к Москве¹. В 1523 г. Шемяич, позванный в Москву, был заключен в тюрьму. В 1513 г. умер князь Феодор Борисович Волоцкой, и удел его наследовал в. князь Василий Иоаннович, а также и владения бездетных братьев. Так при Василии Иоанновиче почти сглажены даже самые следы старых порядков: после него остались только два брата его, почти сошедшие на степень бояр, и незначительное число мелких служилых князей (княжат), потомков удельных князей, сохранивших в своем владении земли из вотчины предков, но ничтожных по своему значению и лишенных всяких верховных прав. С их притязаниями вел впоследствии борьбу Иоанн Грозный.

Миром 1508 г. не могли окончиться враждебные отношения с Литвой: Глинский не мог успокоиться, пока не отомстит своим врагам, в Литве не могли успокоиться, пока жив Глинский; Василий Иоаннович должен был требовать лучшего обращения с сестрой. Все эти обстоятельства вместе придавали отношениям между соседними государствами значительную степень натянутости, и действительно взаимные сношения их наполнены лишь взаимными обвинениями. Так, в 1509 г. Сигизмунд требовал выдачи или казни Глинского, обвиняя его в смерти Александра: потом в том же году извещал об его сношениях с королем Датским: само собой разумеется, что каждое из взаимных посольств жаловалось на пограничные ссоры, как всегда бывает в подобных отношениях. В 1512 г. жалоба послышалась уже из Москвы: Василий извещал Сигизмунда о дошедшем до него слухе, что воеводы Виленский и Троцкий, захватив Елену, держали ее в плену; Сигизмунд опровергал этот факт. Факт этот, впрочем, сам по себе не представляет ничего особенно невероятного при разнузданности литовских панов. То, что Елена официально получила разные права, напр., право «поданья» над Виленским Троицким монастырем или город Вельск, еще не доказывает, чтобы ее положение было очень хорошо. Это не более как официальные любезности. В 1513 г. Елена умерла и для погребения ее был вызван митрополит Киевский², тоже по ее официальному положению. Так сошла со сце-

¹ Известие Губерштейна, что Шемяич выгнал Стародубского и завладел его уделом, основательно опровергает Карамзин (VII, пр. 253) тем, что в Стародубе были великокняжеские наместники, потому едва ли не напрасно С. М. Соловьев (V, 389) примиряет эти два показания предположением: «Волость Стародубская была присоединена к Москве при посредстве Шемяича, который выгнал своего врага из отчизны».

² Ничего также не доказывают ее распоряжения в Жмудских ее имениях (там же, № 81). в описи царского архива («Акты эксп.», I, № 289) сохранилось известие о том, что Глинский подавал записи о том, как Елене давали зелье. в наших летописях встречается

ны эта жертва политического расчета. Сама по себе Елена Иоанновна, насколько мы знаем ее по переписке с отцом и братом, отличалась и таким и достаточной энергией.

Наконец, представилась и причина начать войну: в Москве узнали, что нападения, сделанные крымцами на русские пределы в 1512 г., вызваны были тайным договором, заключенным королем Сигизмундом с Менгли-Гиреем, по которому король обещал платить хану ежегодно по 15 000 злотых за нападение на его врагов. Послав Сигизмунду «складную грамоту», Василий начал готовиться к войне. Время для начала войны было выбрано очень удачно: в 1511 г. grosмейстером прусским был выбран Альбрехт Бранденбургский, который, несмотря на то, что был племянником польского короля, не хотел признавать себя его вассалом, к чему был обязан Торунским миром; император и чины имперские стояли тоже за grosмейстера. С императором вступил в сношения Василий, по указанию Глинского, еще с 1508 г., но договор с цезарем был заключен только в 1514 г. Не дожидаясь конца этих переговоров, собрав ратных людей, в декабре 1512 г. сам в. князь выступил в поле, пошел к Смоленску и, безуспешно осадив его, возвратился назад (март 1513 г.); второй поход его с июня по ноябрь 1513 г. был также неудачен, но в третий поход (июль 1514 г.) Смоленск, наконец, был взят. Василий торжественно вступил в город, приветствуемый владыкой Смоленским, принял город в свое владение и подтвердил права, данные его жителям литовским правительством; литовских служилых людей, если они не хотели оставаться у него на службе, отпустил в Литву и наместником в Смоленске поставил кн. В.В. Шуйского. После покорения Смоленска покорился великому князю князь Мстиславский¹. Сигизмунд сам поспешил идти выручать Смоленск; с ним вошел в тайные сношения Глинский, вероятно, не довольный тем, что Смоленск не был отдан ему. Узнав об измене, Василий велел привести скованного Глинского в Москву и послал против короля воевод; король, остано-

прямое обвинение на Сигизмунда: «Елену велел панам своим поймати и за сторожи держати в няте за Вильною, в Берештах; и в той нужи она и преставися». Пр. Нест. лет, 355–356; П. С. Р. Л. VI, 253; Ник. VI, 193.

¹ «Князь Михаило ж Мстиславской бил челом воеводам великаго князя, чтобы государь князь велики пожаловал взял его к себе в службу и с вотчиною» П. С. Р. Л. VI, 255. князья Ижеславские, потомки Евнутия Гедиминовича («Родословн.» 81, во «Врем.», X), по браку кн. Михаила с княжною Мстиславской, последней из потомства Лугвеня Ольгердовича, становятся Мстиславскими (там же, 84; см. «Bracia Wladyslaw-Jagielly», 302). после Орши Мстиславский опять отошел к Литве и приехал в Москву уже сын его Феодор (см. его запись в «Собр. Гр. и Дог.» I, № 15); сл. Карамзина, VII, пр. 294.

вившись в Борисове, послал навстречу московским полкам гетмана кн. Константина Острожского. Воеводы русские, Челяднин и князь Михаил Голица, встретясь с гетманом на Днепре у Орши, потерпели страшное поражение¹. Верность бояр смоленских и самого владыки поколебалась: они вошли в сношения с Сигизмундом, но мещане передали об этом Шуйскому, и только страшная энергическая мера, принятая им, сохранила Смоленск за Россией: он велел повесить на городских стенах всех изменников, кроме владыки, и на шее у каждого повесить подарок, полученный им от государя. Приступ к Смоленску оказался неудачным. После того война велась вяло, что объясняется в Москве истощением после Оршинской битвы, а в Литве, вероятно, нежеланием шляхты принять деятельное участие. Поэтому Сигизмунд подстрекал против Москвы татар, в особенности крымских после того, как в 1515 г. Менгли-Гирей наследовал Мухаммед-Гирей, который, несмотря на сношения с Москвой, в 1517 г. сделал нападение на Тулу и был отбит. Василий, со своей стороны, усилил сношения с Альбрехтом, который сдерживал и подчиненного ему магистра Ливонского. Впрочем, пока Альбрехт медлил и требовал денег, Василий требовал, чтобы он начинал действовать. Цезарь же вместо того, чтобы начать войну, как предполагалось вначале, предложил свое посредничество: с этой целью приехал в Москву в 1517 г. знаменитый барон Сигизмунд Герберштейн: явились и польские послы, но вместе с известием о приезде послов в Москве узнали о нападении литовских войск на Опочку, которое, впрочем, было неудачно; когда узнано было об этой неудаче, Василий допустил к себе послов. Впрочем, переговоры кончились ничем: московский государь требовал Киева и других городов, литовский не хотел уступить Смоленска. Смерть Максимилиана (1519) положила конец цезарскому посредничеству, впрочем, действительной помощи цезарь и не хотел оказывать: «Не добро, — писал он к grosмейстеру Альбрехту, что король прогонится, а царь всея Руси велик учинится»². Альбрехт снова (1518) прислал просить денег, великий князь согласился и даже по просьбе его написал извещение о своем союзе с ним к французскому королю Франциску I — первое сношение

¹ Арханг. (219—221) приписывает поражение хитрости Острожского, обманувшего воевод переговорами и зависти Челяднина к Голице. В других летописях известия кратки. В Супр. (149—154) панегирик Острожскому, который сравнивается с царем Пором, с Авием, Тиграном, Родоскими рыцарями. Стрыйковский (II, 280—283) описал Оршинскую битву в стихах. Сигизмунд известил Альбрехта Прусского об этой победе письмом («Supl. ad. hist. Mon.», № 148).

² Карамзин, VII, пр. 173.

России с Францией. Когда на новое посольство Альбрехта с уведомлением о приглашении со стороны папы к союзу против турок, к которому Альбрехт не приступает без согласия великого князя, был послан посол в Королевец (Кенигсберг), то магистр принял его с высшими почестями. Но помощь Альбрехта была не слишком действительной: скоро Альбрехт принужден был заключить договор с королем Сигизмундом, которым он признал себя его вассалом, за что получил в наследственное владение Пруссию, ибо тогда уже он, сложив с себя звание магистра, принял с новой верой и новый титул: герцога Прусского. Война в эту пору ограничивалась только набегами. Василий Иоаннович даже решился искать мира, но прибывшие послы ничего не уступали, а только тянули переговоры, ибо ждали возможных событий, которые придут на помощь; таким образом оттянули продолжение войны до поста 1521 г., когда должны были снова возобновиться переговоры, но переговоров было начинать незачем: в Казани воцарился Сагип-Гирей, брат Мухаммед-Гирея, и оба они грозили Москве. Мухаммед и действительно явился под Москвой (1521). Опустошения, произведенные татарами, ослабили на время Россию; тогда снова начались переговоры с Литвой и хотя вечный мир не был заключен, но заключено перемирие на пять лет без отпуска пленных (1520): по этому перемирию, Смоленск остался за нами. В 1526 г. при посредничестве послов цезарских возобновились переговоры о вечном мире, но Смоленск служил препятствием: ни одна сторона не хотела уступить Смоленск — ключ к Киеву. Относительно Смоленска употреблена была та же мера, что и относительно других вновь присоединенных земель: смольян переводили в Москву, как псковичей и новгородцев. Оттого Смоленск так и стоял за Москву в 1642 г. Эта старая политика имела великое практическое значение¹.

Рядом с отношениями литовскими отношения татарские составляли главную заботу правления Василия Иоанновича. Вступая в управление, он нашел Казань отложившейся, и первым делом было послать на Казань рать, в числе воевод которой был брат в. князя кн. Дмитрий Иоаннович Жилка; осада Казани (1506), впрочем, не удалась на этот раз. Но в 1507 г. Мухаммед-Амин прислал к в. князю просить, чтобы он «проступку его отдал, и взял бы к ним мир». С Крымом вначале поддерживались сношения,

¹ В наказе послу Загряжскому было сказано: «Если спросят (в Литве): для чего великий князь Смольнян в Москву перевел? — то отвечать: которые люди пригожи государю нашему на Москве, тем государь велел на Москву ехать; а которые пригожи ему в Смоленске, тем велел оставаться в Смоленске». «Ист. России» V, 369.

какие были при Иоанне, но скоро оказалась разница: теперь Крыму нечего было бояться остатков Золотой Орды и потому крымцы стали теперь дружить с тем государством, которое больше дает: «Сношение обоих государств, и Московского и Литовского с крымцами, — справедливо замечает С. М. Соловьев, — принимают характер задаривания разбойников»¹. Как обходились с нашими послами в Крыму, лучше всего представляет рассказ Морозова, посланного в Крым: шел он к царю представляться, а на дороге сидит Кудояр-Мурза, не кланяется, кидается на подарки, которые несут к царю, и отнимает беличий мех; потом кладут на дорогу палки и грозят не прежде пропустить посла, как если он заплатит; так едва прошел он к царю и здесь имел случай пожаловаться; царь — говорят — побранил Кудояра, но тем не менее один из царевичей велел сказать: «Не дашь нам тех поминков, что давал Константин (Заблоцкой), то велю посадить тебя на цепь». При таком положении дел ясно, что, несмотря на подтверждение договора, заключенного Иоанном с Менгли-Гиреем, татары начали свои нападения: в 1507 г. они были разбиты на Оке. Вследствие этого явились послы с требованием даров, освобождения Абдул-Летифа, бывшего казанского царя, пасынка Менгли-Гиреева, и с подстреканием против Астрахани. Василий Иоаннович освободил Абдул-Летифа, дал ему город Юрьев в управление и обязал его шерстой грамотой (присяжный лист), которой он обещал верно служить царю, не сноситься с его врагами; люди его, посланные на службу, не должны грабить по дороге, не ругаться церквами, и кто это нарушит, того можно убить безнаказанно; гонцы Абдул-Летифа получают содержание на ямах, но купцы его сами все покупают; с другими царевичами Абдул-Летиф должен жить мирно; с Казанью не может воевать без воли государя; из Московского государства не должен выезжать. В 1515 г. умер Менгли-Гирей, и ханом сделался сын его Мухаммед-Гирей², который потребовал от Василия Иоанновича уступки королю не только Смоленска, на приобретение которого без его ведома он был очень сердит, но и тех городов,

¹ «Ист. России» V, 316.

² Татарский взгляд на Менгли-Гирея высказывается в рукописи, хранящейся в Одесск. общ. истории и заключающей историю крымских ханов. «Правители Польские, Прусские и Московские находились прежде под властью крымских ханов, — сказано там, но когда у татар начались междоусобия и смуты, правители эти, люди хитрые и коварные, стали усиливаться со дня на день и, пользуясь обстоятельствами, не только вышли совершенно из повиновения, но даже сами наложили дань на некоторых татарских владетелей. Менгри-Гирей начал беспреостанно громить помянутые страны, предводительствуя лично или посылая сыновей, и отплатил на славу, полонивши множество имущества и народа». «Извл. из Турц. рукоп.», 383 («Зап. од. общ. ист.», I).

которые приобрел Иоанн. После долгих хлопот, многих оскорблений и, конечно, подарков добились шерстной грамоты от Мухаммед-Гирея только в 1519 г., а между тем нападения крымцев продолжались: сын Мухаммед-Гирея Богатырь царевич, говоривший: «Кто меня больше почитит, король или великий князь, о том и буду больше хлопотать»¹, в 1516 г. опустошал Рязанскую окраину, а в 1517 г. татары, несмотря на то, что в. князь велел своим послам предложить Каширу, пограничную со степью, брату хана Ахмет-Гирея, сделали нападение на Тульскую Украину и были отражены². После этого великий князь, собрав Думу, предложил вопрос: следует ли продолжать сношения с Крымом? Решено, что следует, чтобы хан открыто не отступал от Москвы. Между тем в 1518 г. умер Мухаммед-Амин Казанский, Абдул-Летиф, бывший прежде царем, умер за месяц до него: царем по просьбе казанцев назначен был (1519) из Москвы Шах-Али, астраханский царевич, потомок золотоордынских царей, владевший до сих пор Касимовом, к крайнему неудовольствию врага его рода крымского хана. Шах-Али продержался в Казани до 1521 г., когда недовольные им казанцы составили заговор и пригласили к себе Сагип-Гирея, брата Мухаммед-Гирея. Посадив брата в Казань Мухаммед-Гирей двинулся к Москве. Государь, слишком поздно предупрежденный азовскими доброжелателями, не мог принять надлежащих мер, удалился из Москвы, а бояре, оставленные «ведать Москву» с крещеным татарским царевичем Петром, вступили в переговоры и откупились деньгами; мужественная защита Переяславля Рязанского Хабаром-Симским несколько сгладила грустное впечатление этого бедствия, которое еще усилилась тем, что Сагип-Гирей в то же время опустошал области Нижегородскую и Владимирскую³. Хан готовился повторить свой поход, и сам в.

¹ «Ист. России», V, 345.

² «Такова убо тогда баше Божия помощь над татары и победы, якоже слышахом о том от достоверных, паче же и от самех татар, которые придоша опосле того из Крыму, яко от 20 000 мало их в Крым придоша, и те и пеши и боси и наги». П. С. Р. Л. VI, 259; VIII, 261; Ник. VI, 208. Другое нападение на землю Северскую было также неудачно.

³ По свидетельству Герберштейна, утверждали, что пленных было до 800 000 (?). Герберштейн спасение Рязани приписывает немцу-пушкарю Иордану. о грамоте, данной из Москвы и отнятой Хабаром под Рязанью, читаем в «Род. книге»: «Хабар, который на Рязани обманом взял у крымского царя грамоту, данную в. кн. в лето 7029» (во «Врем.» X, 167); подобное же известие «Разр. кн.», где сказано, что Хан приходил к Коломне, см. у Карамзина (VII, пр. 224) Арцыбатов сомневается в этом известии (II, кн. IV, пр. 688); Д.И. Иловайский держится его же мнения («Ист. Ряз. Кн.» пр. 227). Рассказ «Подр. Лет.» II, 7 о том, что Василий обязался поставить персону Мухаммед-Гирея и поклоняться ей, когда платит дань — вздорная сказка. Известия летописи очень кратки (П. С. Р. Л. VI, 263; VIII, 269; Ник. VI, 228, а также и в других). по свидетельству Герберштейна, воеводы (двое Бельских, Во-

князь выступил в поле ожидать его прихода, но хан не пришел. Другое предприятие занимало тогда Мухаммед-Гирея: он в 1523 г., соединясь с нагайцами, завоевал Астрахань, где нагайцы, поссорясь с ним, убили его: место его занял Сайдат-Гирей, который послал в князю условия союза: дать ему 60 000 алтын и помириться с Сагип-Гиреем, но Василий, видя разорения Крыма и ногайцами и казаками Дашкевича, действовавшими доселе вместе с крымцами, отказал в этом. В отместку Сагип-Гирею, который избивал русских в Казани и «кровь лил, как воду», сам Василий пошел (1523) на Казанскую землю, разорял ее и полонил жителей; возвращаясь, построил на Суре город Васильсурск¹. Когда в 1524 г. послано было к Казани большое Московское войско, Сагип-Гирей ушел в Крым, а казанцы провозгласили царем племянника его малолетнего Сафа-Гирея; поход был довольно неудачен, хотя казанцы, потеряв своего пушкаря, стали просить мира. Зависимость от великого князя тяготила казанцев: начались новые ссоры; Василий повел интригу, и скоро из Казани попросили царя; Василий назначил Шах-Али, бывшего тогда в Нижнем, но из Казани просили брата его Джан-Али, управлявшего Касимовом; Василий согласился, и Джан-Али сел в Казани, а Шах-Али получил Каширу, но жил не мирно, сносился с Казанью и за то сослан на Белоозеро. В Крыму происходили смуты: Сайдат-Гирей был свергнут Сагипом, но отношения оставались те же: татары делали небольшие набеги и выпрашивали себе подарков; в Москве даже стали обходиться с гонцами татарскими менее почтительно: «Наши гонцы сказывают, — писал Сагип-Гирей, — что их по старому обычаю не чтить, а ты бы их чтил: кто господина захочет почтить, тот и собаке его кость бросит»². Из других сношений дипломатических некоторые, напр., с Швецией и Данией носили характер сношений пограничных; сношения с папой завелись по случаю желания папы обратить Россию к католицизму и вызвать на войну с Турцией. Сношения с Турцией не имели никаких особых результатов. Любопытно, что тогда же завелись сноше-

ротынский и Шуйский), не удержавшие татар у Оки, подверглись опале; прощены они в 1524 г. (см. в «Собр. Гр.» их записи).

¹ Ник. VI, 229; П. С. Р. Л. VI, 224; VIII, 270. Были и недовольные этим походом: «Как князь великий ехал из Новгорода из Нижняго, и ждали есмя великаго князя как ему въехати в город, и говорил стоячи Берсень: почто князь великий ходил в Новгород? поставил на их стороне луно: ино как ся с ними помирить?.. и поставити было город: ино было поставить на своей стороне; ино бы лзе и миру быти». «След. дело о Максиме», 8 «Сб. кн. Оболенск.», № 3).

² «Ист. России» V, 379.

ния с Индией: султан Бабур присылал послов (1533) с предложением взаимной торговли¹.

Таковы были политические отношения этого царствования; из событий частной жизни великого князя одно имеет важное значение в ходе дальнейшей истории и бросает яркий свет на отношения людей и партий в ту эпоху. Событие это — развод и второй брак Василия Иоанновича. Василий Иоаннович вступил в брак с Соломонией Юрьевной Сабуровой в год смерти Иоанна Васильевича. Детей у них не было; тщетно Соломония прибегала к чарам, чтобы иметь детей и сохранить любовь мужа. Великий князь не любил ее более и решился развестись; для этого он обратился к совету своих бояр, указывая на то, что наследника у него нет, а братья своими уделами управлять не умеют; бояре, говорят, отвечали: «Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда»². С тем же вопросом обратился государь и к духовным властям: митрополит Даниил изъявил полное согласие, но инок Вассиан, в миру кн. Василий Патрикеев, постриженный вместе с отцом своим при Иоанне за то, что принадлежал к партии Елены, но которого теперь очень уважал Василий, восстал против развода и был за то сослан из Симонова монастыря в Иосифов. С ним одинаково говорили кн. Семен Курбский и Максим Грек Святогорец, вызванный для разбора государевой библиотеки, и оба пострадали. С Максимом был в дружеских отношениях Берсень Беклемишев, и он был казнен. Постригши Соломонию, ее свезли в Суздальский Покровский монастырь³, а Василий вступил во второй брак с Еленой Васильевной Глинской, племянницей Михаила, освобожден-

¹ Ник. VI, 250. Впрочем, когда послы были в России, Бабура уже не было (ум. 1530). Известно, что этот основатель Империи Великого Могола был изгнан из Средней Азии и потому мог иметь сведения о России.

² Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 296). в этом рассказе, едва ли не полуофициального происхождения, повествуется, как, езда по лесу, увидел в. князь, что у птиц есть семья, а у него нет, и расплакался. Замечательно, что в другом списке той же летописи читаем: «Князь великий постриже княгиню свою Соломонию, а Елену взял за себя; а все то за наше прегрешение, яко же написал Апостол: «Иже аще пустит жену свою, и оженится иною, прелюбы творит» (295) стало быть это вставка.

³ Герберштейн (18—19) рассказывает в подробности насильственное пострижение Соломонии: как бил ее Шигона, как она кидала кукол и т. д., как она родила в монастыре; не забудем, что Герберштейн был близок с С. Курбским. Также мало нужно верить и тому, что Соломония сама хотела постричься («Пр. Нест. летоп.», 383—384). Предание о том, что у Соломонии был ребенок, живо до сих пор в Суздальском Покровском монастыре (М.И. Семеновский: «Сузд. Покр. монастырь», 26 в отдельн. оттиске из «Русск. Вест.», 1861 г.). Гроб, который показывают там, — гроб дочери ц. Василия Иоанновича (Шуйского), ибо царица Мария Петровна по пострижении жила в этом монастыре.

ного из тюрьмы (1526); от этого брака у Василия было два сына: Иоанн (р. 1530) и Юрий (р. 1533). Василий так сильно любил свою вторую жену, что по свидетельству Герберштейна, сбрил для нее бороду. В конце 1533 г. Василий разболелся на охоте и умер (3 декабря), оставив наследником малолетнего сына Иоанна.

Царь Иоанн Васильевич. Елена Глинская. Боярщина

По смерти Василия Иоанновича остался малолетний царь и правительницей государства мать его — Елена¹. Малолетний царь и правителем женщина, и притом чужестранка из рода, противного московским боярам и не любимого народом! Чего же можно было ожидать? Казалось бы, что беспорядки должны неминуемо последовать за смертью в. князя, но вышло противное: в руках Елены власть нисколько не ослабла; Елена явилась достойной того положения, которое ей пришлось занимать: оказывается, что не одной красотой привлекла она сердце Василия. Трудно было положение Елены: не любили ее бояре, что ясно видно из недоброжелательных отзывов Курбского: не любили ее братья покойного государя, у которых она отняла надежду на престолонаследие; не угодила она и дяде своему — князю Михаилу Васильевичу Глинскому, который надеялся управлять от ее имени и обманулся в своей надежде.

Едва кончилась присяга новому государю, как оказалось нужным отстранить ближайшего к престолу человека: 11 декабря князь Юрий Иоаннович был посажен в темницу. Об этом событии до нас дошло два рассказа, из которых по одному Юрий не был ни в чем виноват: он целовал крест молодому великому князю и хотел остаться верным, но бояре решились захватить его. Летописец приписывает эту мысль диаволу, который внушил князю Андрею Шуйскому намерение отъехать к князю Юрию. Князь Андрей стал звать князя Бориса Горбатова². Борис отказался; кн. Андрей донес правительству, будто Борис его подговаривает. Правительница, сделав следствие, велела захватить кн. Андрея, а бояре начали внушать ей, что следует захватить и Юрия. Правительница, занятая своей горестью, предоставила дело боярам. Они исполнили свое на-

¹ Завещание Василия Иоанновича, о котором говорится в рассказе об его кончине, не сохранилось и потому только на словах этого рассказа («Царст. кн.», 23) можно основать утверждение, что он поручил правление Елене, впрочем, надо принять мнение С.М. Соловьева (VI, 1), что это согласно было с обычаем.

² Шуйские и Горбатые были одного происхождения: от суздальских князей, они вели род от двух сыновей Дмитрия Константиновича: Шуйские от Василия, Горбатые от Семена.

мерение, хотя Юрий, надеясь на свою невиновность, отказался от предложения своих бояр, уговаривавших его ехать в Дмитров. Этот неловко составленный рассказ как бы имеет целью оправдать правительницу и в то же время доказать невиновность члена царствующего рода. С.М. Соловьев основательно замечает, что известие странно уже и потому, что сообщает нам об освобождении Шуйского из заточения и приезде в Москву, что не могло случиться в этот короткий срок. Карамзин верит рассказу на том основании, что Шуйский и после сидел в тюрьме¹. Но рассказ сам по себе странен: он слишком искусствен для того, чтобы быть истинным; другой проще и потому вероятнее: князь Юрий послал своего боярского сына подговаривать князя Андрея Шуйского; этот последний сказал князю Борису Горбатову, и оба донесли боярам. Тогда великая княгиня приказала схватить кн. Юрия. С этим рассказом согласно и то, что она велела говорить посланному в Польшу Заболоцкому, если его спросят о князе Юрье²: «Князь Юрий Иванович, после государя нашего великого князя Василия, сыну его, государю нашему великому князю Ивану, через крестное целованье вбозре учал великие неправды делати, и государь наш на князя на Юрия опалу свой положил». С.М. Соловьев совершенно основательно замечает, что наказание Ивашки Яганова за неправильный донос на дмитровских детей боярских служит доказательством, что правительство не отыскивало случаев обвинять удельных князей без основания.

Дело князя Андрея Иоанновича служит лучшим доказательством, что и князь Юрий не был совсем прав. Еще в 1534 г. в марте князь Андрей, по обычаю прежних времен, начал припрашивать себе прибавки городов, но ему даны вещи: шубы, кубки и кони; он, возвратясь к себе в Старицу, «почал гнев держать о том, что ему вотчин не придали»³: к тому же нашлись советники, которые смущали его. Елена послала объяснить с ним кн. Ивана Васильевича Шуйского. Князь Андрей сам приехал в Москву, но не хотел назвать тех, кто ему наговаривал, а только сказал, что «на него пришло мнение»⁴, и воротился в свою отчину. Меж-

¹ VIII, пр. 9. Действительно, до нас дошла просьба Шуйского Макарию Новгородскому печаловаться за него («Доп. к Акт. Ист.» I, № 27), вероятно, относящаяся к 1535 г., когда Макарий был в Москве и печаловался о многих (П. С. Р. Л. VI, 25: «и ко государю вел. князю велми честне езда чрез день и много печалования творя из своей архиепископии о церквах Божиих, и о победных людех, еже в опале... множество много»).

² «Акты Зап. России», II, 228.

³ П. С. Р. Л. VIII, 292.

⁴ Там же.

ду тем продолжались наговоры, но Елена, желая показать князю Андрею, что она не верит наговорам, вызвала его в 1537 г. на совещание в Москву. Князь Андрей отозвался болезней. Болезнь оказалось пустой. Снова послали к нему с требованием приезда. Он отвечал любопытным письмом¹, в котором, прося великого князя «огреть сердце и живот холопу своему своим жалованьем», он тем не менее прибавляет: «А прежде сего государь, того небывало, что нас к вам, государем, на носилах волочили». А между тем в Москву дано знать, что он собирается бежать. Наряжено к нему посольство духовных особ, но оно уже не застало его. 2 мая князь Андрей ушел к Новгороду и стал посылать грамоты к помещикам и детям боярским и писал в грамотах: «Князь велики мал, а держат государство бояре, и вам у кого служити? и вы едте ко мне служити, а аз вас рад жаловати»². Многие дети боярские и помещики из погостов шли служить князю Андрею. Все это показалось до того важным правительству, что велено укреплять Новгород: около торговой стороны сделана была наскоро стена и против Андрея послано важнейшее лицо тогдашнего правительства: князь Иван Феодорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Князь Ив. Феод. прибег к обману: обещал безопасность кн. Андрею; тот поверил, его привезли в Москву и заключили, а бояр его переказнили. Для виду кн. Оболенскому объявлена была опала. Это дело показывает, что у удельных князей еще не замерли их притязания, и, вероятно, князь Юрий Иванович был не совсем так прав, как казалось Карамзину.

Правительница встретила недруга в самом близком своем родственнике: 19 августа 1534 г. князь Михаил Глинский был посажен в тюрьму, где и умер. Наши летописи объясняют это заключение различно; одни³ говорят, будто он «дал великому князю Василию зелия нити в его болезни, и великого князя в той болезни не стало»; другие⁴ говорят: «Захотел держати великое государство Российского царства со единомышленным своим, с Михаилом Семеновичем Воронцовым, и неопусти им Бог таковая сотворити». Едва ли нужно понимать эти слова буквально: скорее вместе с С.М. Соловьевым следует видеть в них указание на интриги Глинского. Герберштейн указывает еще на причину опалы: он уличал великую княгиню в безнравственности. Подобный разговор мог происхо-

¹ «Собр. Гр. и Дог.» II, № 30.

² П. С. Р. Л. VIII, 294.

³ Ник. VII, 2–3; П. С. Р. Л. VIII, 287.

⁴ «Царст. кн.», 37–38.

дить, но источник его не нравственное чувство, а неудовлетворенное честолюбие.

В одно время с заключением Глинского двое знатных вельмож: кн. Семен Бельский¹ и Ляцкий уехали из Москвы к королю Польскому. Бельский, неутомимо интриговавший в Литве, Крыму, Константинополе, скоро высказал свои цели: он добивался не только своей вотчины, но даже Рязани, которую за прекращением мужской линии считал своим наследством. Выезд этот произвел сильную тревогу в Москве: кн. Ив. Бельский, брат Семена, кн. Ив. Воротынский и кн. Богдан Трубецкой² были заключены в тюрьму, «а имали их для того, — говорили в Литве московские выходцы, — иж их обмолвлено, иж бы мели до Литвы ехать»³. Замечательно, что третий брат Бельский Дмитрий был только взят на поруки: стало быть, его считали менее опасным. Вообще правительство было в тревоге: перебежчики рассказывали, что во Пскове и Новгороде вновь приводили к присяге наместников, детей боярских и земцев⁴. Переходы с одной стороны на другую были в нравах эпохи: почти в то же время перешло из Литвы «на государево имя» 300 семей.

Как бояре рассчитывали на слабость женского правления, так еще более на борьбу партий рассчитывали внешние враги. Начало борьбу Польско-Литовское государство. С послами, приезжавшими от панов к боярам, а также с посланцем, ездившим объявлять о вступлении на престол Иоанна, было заявлено желание мира, но требовалось, чтобы послы литовские приехали в Москву, как это водилось; послана была даже опасная грамота на этих послов, но в Литве требовали, чтобы послы были присланы из Москвы и чтобы мир был заключен на условиях договора между Казимиром и Василием Васильевичем, т. е. с отречением от всего, что завоевано Иоанном и Василием. Сообщая об этом боярам, паны прибавляли: «А то бы есте чинили, будучи яко рада его, и стерегучи

¹ Бельские — потомки Володимира Ольгердовича («Родосл.», 182 во «врем.» X; «Wł. -lag.»); отец этого Семена Федор выехал в Москву. Дворянский род Бельских другого происхождения (от Плещеевых. См. «Род. книга», 99, 260). Ляцкие — потомки Андрея Кобылы (там же, 89).

² Воротынские — потомки Михаила Черниговского от четвертого его сына; возвратились к Москве при Иоанне; Трубецкие — потомки Дмитрия Ольгердовича Трубецкого.

³ «Акты Зап. России», II, № 179; III; они же показывали: «Если дей король его милость князя Семена Белскаго и Ивана Лядцкого добре пожалует, иж дей там на Москве як тое посылышат, многие князи и дети боярские великие хотят ехать до короля».

⁴ Там же. Во Пскове было заметно какое-то волнение: «Тыи люди чорныи часто ся сходят у вечно, чоуж им наместники и дьяки боронят и на торгу кажут, ижбы ся у вечно не сходили: бо не ведают што думают».

его, яко господаря своего, абы он в молодости лет своих к великому впаду сам и за государством своим непришол»¹. Результатом подобных сношений была, разумеется, война. Сигизмунд не скрывал этого: потребовав возвращения городов, завоеванных Василием Иоанновичем, он соединился с крымским ханом Сагип-Гиреем. Война началась, по тогдашнему обыкновению, опустошением: гетман Радзивилл опустошил с крымцами Русскую Северскую Украину. Измена московских воевод Бельского и Лядского, принятых Сигизмундом с почетом, усилила еще мнение, что с Москвой воевать легко. Вместе с вестью о приезде этих воевод доносились до короля слухи, что остальные воеводы «у великой невзгоде меж собой мешкают, и мало ея вжо колькокроть ножи непорезали»². Только одно смущало литовцев: в Крыму начались раздоры между Сагип-Гиреем и Исламом. Ислам укрепился в Перекопе и вошел в сношения с Московским правительством³. С одинаковым характером опустошений война велась с обеих сторон; литовский воевода Немиров ходил под Северские города иногда с удачей, а иногда и нет; поражение 1100 чел. московских людей под Смоленском считалось большой победой. Зато и русские, под начальством кн. Овчины-Телепнева-Оболенского, прошли почти до самой Вильны и пустишили места верстах в 15 от этого города. Польские историки рассказывают разные ужасы о русских воеводах, как они сажали детей на кол и т. п. Это могло и быть, но не надо забывать, что в ту пору так «ратнии творяху». Мы не имеем таких известий о подвигах литовских воевод, но знаем, что от одного слуха о приближении неприятеля к Шелонской пятине разбежались жители⁴. Впрочем, спешу прибавить, что по поводу набега кн. Оболенского на Литву встречаем в летописи следующее любопытное указание: «Бысть им, Божией помощью и молитвами святых, пособие везде велико, многих поймали в плен, а иных многих по своей вере православной милость показали и отпускали; а церкви Божия велми честно велели дръжати всему своему воинству, а не вредити ничем, ни вынести чего из церкви». Существенные успехи с обеих сторон ограничиваются тем, что русские

¹ «Акты Зап. России» II, 231.

² Там же, 331.

³ Сношения с исламом напечатаны у Щербатова (V. 1 в прибавлении). Любопытен наказ послам нашим Левашеву и Логинову: «В пошлину никому ничего однолично не давати, опричь того, что с ним кому послано от в. к. в поминках и что кому даст от себя за его добро, а не в пошлину; а в пошлину им однолично ни царю, ни царевичем, ни князем, ни царевым людем никак ничего не дати, и батог покинут, а учнут пошлин просити у батога, и Василью и Федору однолично пошчины не дати, а идти прямо ко царю, или у дверей у царевых учнут пошчины просити, ино и тут в пошлину однолично ничего не давати», 511.

⁴ П. С. Р. Л. VI, 293.

строят на Полоцкой земле Себеж, а после Велиж, а литовцы берут Гомель и Стародуб. Наконец в сентябре 1535 г. Радивил начал переговоры через посредство кн. Фед. Овчины, плененного в Стародубе, который писал к брату своему Ивану Федоровичу. По заявлении миролюбия со стороны московского правительства Радивил потребовал, по обыкновению, чтобы из Москвы слали послов. Гонца Радивилова кн. Оболенский-Овчина принял с церемониями, подобными тем, с которыми цари принимали послов, и люди его вели переговоры подобно тому, как у государя вели бояре. Все передается в думу, и дума постановила, чтобы послов от государя не посылать, а послать гонца от Овчины Радивилу. Наши, разумеется, требуют, чтобы послов слали из Литвы и даже посылают опасную грамоту на этих послов. Из Литвы предлагают съехаться на границе, но в Москве отвергают и это. Наконец, является посол королевский; едет потом посол великого князя в Литву, и только в конце 1536 г. прибыли в Москву великие послы литовские. Два месяца тянулись переговоры; требовали с обеих сторон всего и кончили заключением перемирия на основании владения.

Другим важным пунктом русской политики того времени были отношения к Крыму и Казани. В Казани Василий утвердил Дженали, благодаря тому что в то время из двух постоянно борющихся в Казани партий: Крымской и Московской, последняя взяла перевес. В Крыму господствовал Сагип-Гирей и, конечно, не мог благоприятствовать Москве, изгнавшей из Казани его племянника. в таком положении были дела при смерти Василия. В январе 1534 г. Елена отправила послов в Крым и Казань объявить о вступлении на престол нового вел. князя, но Сагип в мае того же года послал своих татар на Проню, которые были отражены. Ссоры между братьями Сагипом и Исламом послужили в нашу пользу: Ислам искал союза с Россией и писал великому князю, прося тех же поминок, которые посылались прежде ханам; обещал выдать Бельского, но он был убит ногайцами. Тогда Сагип остался один и писал в Москву: «Не жди от нас посла, за этим дела не откладываяй (присылку поминок, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не по-старому с голой ратью татарской пойдем: кроме собственного моего наряду пушечного будет со мной счастливого хана (султана турецкого) 100 000 конных людей; я не так буду, как Мухаммед-Гирей с голой ратью, не думай, побольше его силы идет со мной. Казанская земля мой юрт и Сафа-Гирей брат мне: так ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил»¹. Действительно, 25 сентября 1535 г. в Ка-

¹ «Ист. Росс.» V, 29–30.

зани составил заговор, убили Дженали и посадили Сафа-Гирея, но Московская партия просила у Великого князя Шах-Али, который сидел в Белоозере. Его выписали, и в январе 1536 г. он представился великому князю и его матери. «Пожаловал меня, вскормил как щеня, — говорил Шах-Али о своих отношениях к в. князю Василию Иоанновичу, — и на Казани меня царем учинил... и аз государю своему изменил... и вы, государи мои, меня холопа своего, в том пожаловали, таковую проступку мне отдали»¹, но Сафа-Гирей и не думал уступать: он ходил к нашим городам — к Нижнему, Мурому. Несмотря на то, что заключен был мир с королем, правительница из опасения Сагипа вступила в переговоры с Казанью.

Ногаи заволжские постоянно присылали свои посольства в Москву с целями торговыми: даже ногаи, как видно из их грамот, не прочь были почваниться и набивались в братство к великому князю.

Из западных государей Елена сносилась с Густавом Вазой; с ним заключен договор, которым Швеция обязуется не помогать ни Ливонии, ни Литве, обеспечивается свободная торговля; с Ливонией возобновлен старый мир; Воложского господаря поддерживали деньгами.

В Москве при ней выстроен Китай-Город (1535) и выстроено еще несколько крепостей. В марте 1535 г. Елена велела переделать старые деньги и чеканить из гривенки по 300 денег. С ее времени на деньгах изображается всадник с копьем, оттого копейка.

3 апреля 1538 г. Елена умерла. Герберштейн прямо говорит, что она отравлена. Не знаем, правда ли это. Но верно то, что после ее смерти правлением завладели бояре, а самый энергичный из них кн. В.В. Шуйский (тот, который перевешал в Смоленске изменников) стал во главе правления. Апреля 9-го схвачен кн. И.Ф. Овчина-Оболенский и сестра его, мамка великого князя Челяднина. Шуйский женился на двоюродной сестре государя, Анастасии Петровне, дочери крещеного татарина царевича Петра (сына царя Ибрагима) и Евдокии Иоанновны. Кн. Ив. Бельский, только что выпущенный из тюрьмы, возбудил против себя негодование Шуйского за то, что вместе с Мих. Тучковым советовал великому князю дать боярство кн. Юрию Голицыну. «А князь Василий да князь Иван Шуйский того не восхотеша»². Бельского сослали, дьяка Мишурина казнили, митрополита Даниила свели с престола. Когда князь Василий умер, место его заступил брат его князь Иван Шуйский. Тяжелы были Шуйские для Русской земли: «А князь Андрей Михайло-

¹ «Царст. кн.», 54—58.

² Там же, 75.

вич Шуйский, а он был злодей; не судя его писях; но дела его зла на пригородах, на волостях, старый дела исцы наряжая, правя на людех ово сто рублей, ово боле, а во Пскове мастеровые люди все делали на него даром, а болшии люди подаваша к нему дары»¹. В другом списке той же летописи говорится: «Быша наместники во Пскове свирепы акы ллове и люди их акы зверие дивии до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городам, а игумены честные из монастырей избегоша в Новгород»². Тяжка была рука их и для великого князя: «Едино воспомяну, — пишет царь к Курбскому, — нам бо в юности детства играюще, а князь Ив. Вас. Шуйский сидит на лавке, локтем опершиися отца нашего о постелю, ногу положив... и таковая гордыня кто может понести! многажды поздно яд ох не по своей воле. Что же убо о казне родительского ми достояния? Вся восхитеша лукавым умышлением, будто бы детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание»³.

Курбский так изображает воспитание Иоанна: «Остался от отца своего зело мал, акы дву лет⁴: по немногих же летех, и мати его умре; потом питаша его велицые гордые паны, по их языку боярове, его на свой и детей своих беду, ретящася друг перед другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждению и сладострастию. Егда же начал приходить в возраст акы лет в дванадесять, и впредь что творил, умолчу иные и иные, обаче же возвещу сие: начал первое безсловесных крови проливати, с стремнин высоких мечюще их (и по их языку с крылец, або с теремов), також и иные многия подобные дела творити, являющи хотящее быти немилосердное произволение в себе... а пестуном ласкающим, и опускающе сие и хваляще, на свое горшее отрока учаше. Егда же приходяще к пятому надесять лету, и вяще, тогда начал человеков уроняти, и собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных синклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ним ездити и всенародных человеков, мужей и жен, бити и грабити, скачуще и бегающе всюду неблагочинне... ласкателем же все таковое на свою беду восхваляющих: «О храбр, глаголюще, будет сей царь и мужествен»⁵.

¹ П. С. Р. Л. IV, 304.

² Там же.

³ «Сказ. кн. Курбского», 183. Далее царь говорил о сосудах, которые наделал себе Шуйский из казенного серебра.

⁴ Он родился в 1530 г. августа 25; стало быть, ему было с небольшим 3 года.

⁵ Сказ. кн. Курб. 6—7.

В июле 1540 г. освобожден Бельский по просьбе митрополита. Мы не можем отрицать сказания царя, что он это сделал сознательно. При Бельском все отдохнули: освобожден Влад. Андр., облегчена участь сына Андрея Васильевича; не пострадал и Шуйский, которому поручено войско во Владимир; к этому времени, вероятно, относится и облегчение, замеченное псковским летописцем: псковичам дана губная грамота (1540 г.)¹: «И начата псковские целовальники и соцкие судити лихих людей на княжи дворе, в судницы над Великой рекой, и смертной казней их казнити»; но в 1542 г. снова явился Шуйский, вызванный из Владимира в Москву своими единомышленниками боярами². Бельский был заточен и скоро убит там, а с митрополитом вот как поступили: «бояря послаша детей боярских, Новгородцев великого Новгорода, на Троицкое подворье; и с великим срамом поношастя его, и мало его не убиша, едва у них умоли игумен троицкий Алексей»; «и бысть мятеж велик в то время на Москве и государю страхование учиниша». Митрополит был сведен. Снова начал править Шуйский. Место кн. Ив. Шуйского скоро заняли родные его кн. Иван и Андрей Михайловичи и Феодор Иванович. В сентябре 1543 г. бояре ворвались в царские хоромы и вытащили оттуда Воронцова, «за то, что государь жалует и бережет его»; «биша его по ланитам и платье на нем ободраша». Государь послал к ним митрополита и нескольких бояр, чтобы они его не убивали; послушались, но на волю государя послать его в Коломну не согласились, а послали в Кострому. Во время этих переговоров Фома Головин «митрополиту на мантию наступил и мантию на митрополите подрал»³. Государь уехал к Троице (сентября 16) и вернулся только 1 ноября. В декабре он отдал Шуйского псарям, и псари его растерзали. «От тех мест начали бояре от государя страх иметь и послушание»⁴, но сам он править еще не мог: он был слишком для того молод, предан забавам и непривычен. Его воля высказывалась только по временам: так, в 1544 г. подвергнут опале Кубенский и потом помилован; в 1545 г. урезан язык Бутурлину и положена опала на Кубенского, Петра Шуйского, Горбатого, Воронцова и Палецкого; в 1546 г. Кубенский и Воронцов казнены по делу о новгородских пищальниках, приходивших с жалобами: их обвиняли в подстрекательстве жалобщиков. в народе был ропот: «Поеде к Москве, — говорит псковский летописец⁵ по случаю приезда в кн.

¹ П. С. Р. Л. IV, 304—305.

² Всех заговорщиков было 300 чел.

³ Там же, 114.

⁴ Там же, 121—124.

⁵ П. С. Р. Л. IV, 307.

во Псков, — и не управи своей отчины ничего, и князь великий все гонял на мсках, а христианам много протор и волокиты учинил».

Что же делалось во все это время во внешних сношениях России? Едва умерла Елена, как Сагип-Гирей хвастливо писал: «Боле ста тысяч рати у меня есть; и возму шед из твоей земли по одной голове; сколько твоей убытка будет и только моей казне прибытка?.. Чаешь меня, как предки наши были; а я иду... и ты будь готов; яз схоронясь не иду... твой землю возьму; а ты захочешь мне лихо чинить, на мой тебе землю неюти»¹. Бояре спешили обещать ему не воевать Казани. Казанцы между тем опустошали города русские, а Сафа-Гирей все только обещал прислать больших послов для заключения мира. Страшными красками изображает летописец эти опустошения, а бояре ублажали Сагипа, говоря ему: «Наши люди его людей черным волосом не двинули для твоего слова»², а между тем крымский царевич Имил грабил Россию. В 1540 г. оба хана: казанский и крымский сговорились сделать набег. Сафа-Гирей был отражен от Муром кн. Дмитрием Бельским и Шах-Али. Это произвело неудовольствие в Казани, и начались сношения недовольных с Москвой. Сагип пришел (1541), встретил сильное войско на Оке и удалился. В 1544 г. Сафа-Гирей был свергнут вследствие удачного набега русских; посажен на престол Шах-Али, которого никто, впрочем, не слушался. Шах-Али, узнав о заговоре против себя, бежал и снова воцарился Сафа-Гирей, но это торжество крымской партии снова заставило многих обратиться к Москве; Горная Черемисса присягнула Иоанну. С Литвой в 1542 г. возобновлено перемирие; не добились ни вечного мира, ни даже размена пленных; король требовал в придачу к пленным уступки Чернигова и еще шести городов. Сношения с другими странами были мирные: ездили посланники к султану, к царю Астраханскому Абдул-Рахману. в таком положении были дела, когда Иоанн, наконец, принял сам за управление.

Царское венчание. Новые люди и новые порядки.

Казань. Астрахань

В декабре 1546 г. великий князь, возвратясь из поездки, звал к себе митрополита и бояр и высказал им свое желание жениться и венчаться на царство. Любопытно, что в речи, влагаемой в уста царя летописцем,

¹ Карамз. VIII, пр. 82.

² Там же, пр. 86.

отвергается возможность взять за себя чужестранку: «Привести мне за себя жену из иного государства, и у нас норovy будут разные, ино между нами тшета будет»¹. Это объяснение напоминает постоянные нарекания боярской партии, видевшей все зло в том, что жены иноземки производят в стране перемену нравов. Выставленная причина необходимости царского венчания тоже замечательна: «Хочу аз поискати прежних своих прародителей чинов, как наши прародители, цари и великие князи и сродич наш в. кн. Владимир Всеволодович Мономах, на великое княжение сажались; и аз потому ж тот чин хочу исполнит, и на царство на великое княжение хочу систи»². Царский титул, не принятый официально, проскользал уже и прежде в дипломатических сношениях при Иоанне и Василии³, пример царского венчания уже был: оно было совершено над несчастливым Дмитрием. Тогдашние книжники приписывают этому изменению титула великое значение: «Вся христианская царства преидоша в конец и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, т. е. российское царство; два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быть»⁴. Впоследствии, чтобы придать еще более значения своему царскому венчанию, царь Иоанн Васильевич послал просить благословение к цареградскому патриарху, от которого в 1561 г. и получил утвердительную грамоту. Самое венчание совершено было 16 января 1547 г. Еще до венчания были разосланы по городам грамоты с предписанием свозить девиц на смотр наместникам; выбранные наместниками привозились в Москву, где сам царь выбирал из них себе невесту. Так, некогда выбрана была Соломония Сабурова⁵. Выбор моло-

¹ Царст. кн., 127.

² Там же.

³ Мы уже говорили выше о Максимилиановой грамоте.

⁴ Посл. старца Филофея дьяку Мунехину, бывшему во Пскове с 1510 по 1528 г. в «Прав. Соб.», 1861, V. Тот же автор писал к Василию Иоанновичу: «Вся царства православных христианския веры снидошеся в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианам царь», там же 1863, III; в Пск. I по случаю царского венчания Иоанна читаем: «Якоже написано в Апокалипсисе глава 54: пять бо царев минуло, а шестый есть, не убо пришло, но се абие уже настало и приде» (П. С. Р. Л. IV, 307). в Нов. III читаем: «И наречеся царь и великий князь, всея Великия России самодержец великий показася, и страх его обдержаше вся языческия страны, и бысть велми премудр и храбросерд, и крепкорук, и силен телом и легок ногами, аки пардус, подобен деду своему в. кн. Иоанну Васильевичу: прежде бо его никто же от прадед его царем словяще в России, не смеяше от них ни кийждо поставитися царем и зватися тем новым именем блюдушися зависти ради и востания на них поганых царь» (П. С. Р. Л. III, 250).

⁵ Обычай выбора невесты существовал и у византийских императоров (см. «Паралипоменон Зонары», 98 в «Чт. Общ. Ист.», год 3, № 1).

дого царя пал на девицу знатного рода: выбрана была Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева¹, и 3 февраля совершен обряд бракосочетания. Говорят, что царица имела большое влияние на своего супруга: в летописи читаем: «Предобрая Анастасия наставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели»² — на этом слишком общем свидетельстве нельзя было бы остановиться точно так же, как и на показании летописи, что нищие и бедные оплакивали ее, если бы мы не знали, что грозный царь, несмотря на необузданность своей природы, оставался ей верен до самой ее смерти и если бы он сам не писал Курбскому: «А и с женой меня вы про что разлучили? только бы не отняли у меня юницы моя: ино бы кроновы жертвы не было»³. Впрочем, быстрой перемены нельзя было ожидать: как ни любил Иоанн царицу, но не привыкнув до сих пор сдерживать себя, он не мог тотчас поддаться умиротворяющему влиянию. Обыкновенно сильное влияние на царя приписывается пожару 12 апреля, когда горела вся Москва, горел Кремль и горел так страшно, что митрополит едва не задохся в тайнике, откуда спасли его, спустив на веревке к реке; веревка оборвалась, митрополит разбился и «едва отдышал», по выражению летописи⁴: волнующийся народ требовал выдачи бабки царя — кн. Глинской, чарам которой приписывали пожар. Царь был в своем дворце на Воробьевых горах. Сюда явился к нему священник Сильвестр. Вот как Курбский изображает это свидание: «Прииде к нему один муж, презвитер чином, именем Сильвестр, пришлец от Новаграда Великого, претяще ему от Бога священными писаньми и строже заклинаяще его страшным Божиим именем; еще к тому, и чудеса и аки бы явления от Бога поведаяще ему: не вем, аще истинны я, або так ужасновения пушающе, буйства его ради, и для детских неистовых его нравов умыслил был сие себе». Далее, сравнив его образ действий с действием отцов, пугающих детей разным страхом, и врачей, отрезающих ножом дикое мясо, кн. Курбский заключает: «Душу его от прокаженных язв исцелил и очистил был, и развращенный ум исправил»⁵. Это послед-

¹ Романовы вместе с Шереметьевыми, Зубатыми, Беззубцовыми, Колычевыми, Кобылиными, Кокоревыми, Лодыгиными, Неплюевыми происходят от Андрея Кобылы, выехавшего из Пруссии («Родосл. кн.» II, 370, 404, 415. М., 1787); в древних списках «Родосл.» прямо начинается с Андрея Кобылы, не говоря о выезде («врем.», Донском, сын Феодора — Иван играл важную роль при Василии Дмитриевиче; от сына его Захария и внука Юрия фамилия Захарьины-Юрьины, а от сына Юрьева Романа — Романовы.

² Карамзин, VIII, пр. 165.

³ «Сказ. кн. Курб.», 224.

⁴ Царск. кн., 138.

⁵ «Сказ.», 9.

нее совершенно согласно со свидетельством царя: «Не мни мя неразумна суша, — пишет он к Курбскому¹, — или разумом младенчествуя, яю же начальницы ваши поп Сильвестр и Алексей (Адашев) неподобно глаголаху; ниже мните мя детскими страшылы устрашити, якож прежде сего с попом Сильвестром и с Алексеем лукавым советом прельстисте; или мнети ныще таковая сотворити». С.М. Соловьев совершенно справедливо замечает, что Сильвестр не мог быть лицом не известным царю, ибо по его мысли освобождено семейство кн. Андрея Иоанновича², а это было в 1541 г. Прибавим, что как священник Благовещенского собора «на сених», старший священник которого был царским духовником, Сильвестр был давно известен Иоанну и, как перешедший из Новгорода, пользовался, вероятно, покровительством Макария, когда он в 1542 г. сделался митрополитом. Макарий перенес из Новгорода в Москву свой великий труд — собрание всех «чтомых книг» — Великие Минеи и один из экземпляров был списан для царя. Под влиянием беседы с Макарием, вероятно, развилась громадная начитанность царя, за которую называл его «в словесной премудрости ритором». Понятно, что он рано приблизил к себе взятого из Новгорода священника и искал в беседе его утешения своей взволнованной страстями душе, как впоследствии то в беседах с иноками, то в подобию монастырской жизни искал он успокоения после страшных порывов страсти. Влиянию Сильвестра со времен Карамзина приписывают слишком много значения (Полевой, М.П. Погодин, Н.И. Костомаров); мы будем иметь случай говорить об этом подробнее, но теперь заметим, что в нравственном отношении влияние Сильвестра (быть может, следует прибавить и Макария, если даже влияния Макария не было сильнее) было очень благотворно: умеренный, благоразумный по своему характеру, Сильвестр³ сдерживал порывы

¹ «Сказ.», 215.

² «Бысть же Селивестр советен, и в велицея любви у князя Владимира Андреевича, и у матери его княгини Афросиньи; его бо промыслом и из нятства выпущены». «Царст. кн.», 343.

³ Превосходную характеристику Сильвестрова поучения к сыну, прибавленного им к Домострою (гл. 64 по изданию В.А. Яковлева), представляет С.М. Соловьев: «Несмотря на то, что наставление Сельвестра сыну носит по-видимому религиозный христианский характер, нельзя не заметить, что цель его — научить житейской мудрости: кротость, терпение и другие христианские добродетели предписываются, как средства для приобретения выгод житейских, для приобретения людской благосклонности, предписывается доброе дело, и сейчас выставляется, на вид материальная польза от него; предписывается уступчивость, уклонение от вражды, и основываясь при этом, по-видимому, на христианской заповеди, Сильвестр доходит до того, что предписывает человекоугодничество, столь противное христианству: «Ударь своего, хотя бы он и прав был: этим брань утолишь, убытка и вражды исбудишь»... Что смешение чистаго с нечистым, смешение правил мудрости не-

страстей в неумевшем сдерживать себя царе; но далее едва ли простирается его влияние. Самый прием действовать детскими страшилами на нервно впечатлительную натуру мог иметь только временное влияние и не свидетельствует о большом уме Сильвестра; его политический горизонт, как и горизонт его друзей, был узок, и в этом, как увидим, была одна из причин возникшего впоследствии раздора; но на первое время и для очень молодого человека в этом влиянии была хорошая сторона: нашлись люди, которые прямо указали ему необходимость нравственной сдержки.

Когда царь достиг двадцатилетнего возраста, он пожелал высказать, как впредь он намеревался править, и торжественно заявить, на ком лежит вина в бывших беспорядках. Для этого он воспользовался необходимостью вновь пересмотреть законы и собрал первый Земский собор, на утверждение которого и был предложен Судебник (1550)¹. К собравшимся представителям земли Иоанн произнес с Лобного места замечательную речь: изобразив в ярких красках притеснения, которые народ терпел от бояр, и заявив, что он чист от той крови, царь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! молю вашу веру к нему и любовь ко мне, будьте великодушны! нельзя исправить минувшего зла: могу только спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианской. Отныне я судья ваш и защитник»². Принимать просьбы поручил царь Алексей Фед. Адашеву,

бесной с правилами мудрости житейской мало приносит и житейской пользы человеку — видно всего лучше из примера Сильвестра; он говорил сыну: «Подражай мне! смотри, как я от всех почитаем, всеми любим, потому что всем уноровил»; но под конец вышло, что не всем уноровил, ибо всех уноровить дело невозможное; истинная мудрость велит работать одному господину» («Ист. России», VII, 22—229).

¹ «Собр. Гр. Дог.» II, № 37. Официальный документ очень характеристично выставляет причину собрания: «Виде гдство свое в велицеи тѹзе и печали от насилья сильных и бѹ неправды, о умысли смирити всех в любовь; и советовав со оцем своим Макарием митрополитом, како бы оуставити крамолы и вражду оутолити. повеле собрати свое гдство из городов всякаго чинѹ».

² Мы позволили себе привести эту прекрасную речь в образцовом переводе Карамзина. Правы ли те, которые с К.С. Аксаковым («Русск. Бес.», 1856 и «Сочин.» I) и Н.И. Костомаровым («О знач. Крит. труд. К. Аксакова по «Русск. Ист.». СПб., 1861) полагают, что, говоря все это, Иоанн увлекался красивой ролью? Не слышно ли в этих словах глубокой скорби? Наступят другие минуты в жизни царя, когда он станет грозным; но теперь они еще далеки... Грустно думать, что у него не достало нравственной энергии продолжать борьбу с окружающей неправдой без страшных крайностей, к которым вела его нервная, необузданная природа; но из-за одной минуты нельзя отрицать искренности и сознательности другой. Здесь начало, там конец. Недавно Н.И. Костомаров выразил то мнение, что здесь

которого приблизил к себе из незнатных и бедных: так хотел он, по возможности, устраняться от тех знатных бояр, которых владычество так свежо было в памяти и у него самого и у народа¹. На этом соборе и был утвержден царский Судебник. В том же году на соборе духовных властей по вопросам, предложенным царем, даны были ответы, касающиеся искоренения злоупотреблений, вкравшихся в церковь, и таким образом, составилось соборное постановление, получившее название Стоглава потому, что на разрешение собора было предложено сто вопросов. Вообще правительство в эту эпоху выказало большую деятельность: было дано несколько уставных грамот, учреждающих самосуды общин; в 1551 г. было большое разверстание поместьев, упрочившее содержание служилых людей². Курбский, а за ним и новые историки, все что делалось в эту эпоху, приписывают советникам «избранной рады», избранной будто бы Сильвестром и Адашевым. Не думаем, чтобы много могли сделать какие-либо советники без полного убеждения со стороны царя в необходимости изменить многое в существующем строе. Преувеличенное в злобе показание Иоанна, что советники не давали ему шагу ступить свободно, свидетельствует только о том, как далеко и неумело простирали свои притязания Сильвестр, и о том, как сильно раздражен был против него и его сторонников царь, но не следует думать, чтобы слова эти были полной правдой³.

Иоанн высказывал чужие мысли («Русск. Ист.» II, 415). Неужели нужно доказывать что Иоанн понимал необходимость для его власти смирить гордость боярскую?

¹ Адашев был прежде ложничником царя; стало быть человеком доверенным (о ложничнике см. у Арцыбашева, кн. IV, пр. 1071; но Арцыбашев полагает, что Адашев только в 1550 г. сделан ложничником, это неправда см. «Енци. Сл.» I, 583).

² В 1556 г. была новая переверстка («Боярск. кн.» в «Ар. Ист.» и пр. свед.» III). Об этой последней вероятно поминает летопись: «Боярам приказал государь без себя о казанском деле помышляти, да и о кормлениях сидети: они же от великого такого подвига и труда утомишася, и малого труда и подвига не стерпеше докончати, и возжелеша богатства, и начаша о кормлениях сидети, а казанское строение поотложиша» «Царст. кн.», 337—338. О значении этих мер будем говорить ниже.

³ «Также же Сильвестр и со Алексеем сдружился и начаша советовати отай нас, мневше нас не рассудных суша; и тако, вместо духовных, мирская начаша советовати, и тако по малу всех вас бояр начаша в самовольство приводити, нашу же власть с нас снимающе, и в противословие вас приводяще, и честию мало вас не с нами равняюще, молодых же детей боярских с вами честию сподобяще; и тако по малу сотвердися сия злоба, и вас почал причитати к вотчинам ко градам и селам (помещики росписаны по городам), еже деда нашего великаго государя уложением, которая вотчины у вас вимали и которым вотчинам еженесть потреба от вас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно», с. 188. Следует ли говорить о том, что здесь кроме в глаза кидающегося противоречия: то бояр ставит рядом с государем, то детей боярских с боярами, заключается странное обвинение в том, будто Сильвестр сделал дело, которое было в выгодах царской власти и которое начато еще ранее,

Во внешних отношениях этот период жизни Иоанна ознаменовался блистательным делом: завоевана Казань. В 1548 г. умер Сафа-Гирей, только что отразивши русского воеводу кн. Бельского, подходившего к Казани¹. Казанцы посадили у себя малолетнего его сына Утемыш-Гирея, за которого правила мать его Сююнбека. В 1550 г. зимой собрался сам царь в поход на Казань, дошел до города, но сделалась распутица: настали ветры, дожди, большая слякоть, и войска русские отступили. У р. Свияги выбрал царь место для построения города, который мог сдерживать казанцев; началось же строение Свияжска после возвращения царя в Москву: строить был послан царь Шах-Али с воеводами. Увидев это строение, Горная Черемиса подчинилась государю, и послы ее привезли из Москвы жалованную царскую грамоту². После того Черемисы начали ходить к Казани, а царь за то жаловал тех из них, которые приезжали в Москву³. Теснимые в Казани крымцы, которым грозило и войско, стоявшее в Свияжске, и восставшие черемисы, и отряды, стоявшие по Каме и по Вятке, кинулись было из Казани на Вятку и на Каму и встретили отпор⁴. Тогда казанцы решились послать просить царя взять у них Утемыш-Гирея с матерью и посадить к ним Шах-Али,

именно унижение родовитых: думные дворяне появляются еще при Василии Иоанновиче. Очевидно, что здесь употреблен полемический прием: Иоанну хотелось доказать Курбскому, что и для бояр правление Сильвестра и Адашева было совсем невыгодно: что это была клика, действующая для своих целей. Не более значения можно придавать и следующему показанию Грозного: «глаголю же до обуша и спания вся не по своей воли бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцем пребывающим» (с. 189) Показание это свидетельствует только, как надоел царю Сильвестр своим постоянным вмешательством во все его личные дела: переделыватель «Домостроя» не мог быть человеком широких воззрений и педант сам в домашней жизни, пользуясь своим духовным влиянием на царя, желал вероятно внести педантизм и в его жизнь; но Иоанн Васильевич и педантизм! Этого даже и представить нельзя. Не больше значения можно дать, по моему мнению, и другим подобным обвинениям Грозного, когда, забываясь в жару полемики, он даже себя не жалеет, чтобы только поразить врагов. Настоящие причины разлада увидим ниже.

¹ Сам царь участвовал в этом походе, но за оттепелью возвратился из Нижнего «Царст. Кн.», 147.

² «Государь их пожаловал, гнев свой им отдал, и воевати их не велел; и взял их к своему Свияжскому городу, и дал им грамоту жалованную с золотой печатью; а ясаки им отдал на три года», там же, 171. Свияжск при впадении Свияги в Волгу и, следовательно, на горной стороне.

³ «Горные люди ездили к государю во все лето человек по пятисот и по шестисот; а государь их жаловал великим жалованьем, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз, и соных казаков жаловал шубами с бархаты с золотом; а иным чуваше и Черемисе комчаты и отласныя; а молодым однорядки, и сукна, и шубы белые; а всех государь пожаловал доспехи и коньми и деньгами», там же, 174.

⁴ Взятых в плен 46 чел. царь велел казнить «за их жестокосердие» «Царст. кн.», 177.

для чего, заключив 20-дневное перемирие, послали послов к Москве. Царь прислал Алексея Адашева объявить Шах-Али, что «пожаловал государь царя Шигалея Казанью, и на Казани его учинил; и дал ему к Казани луговую сторону всю, да Арскую, а горная сторона к Свияжскому городу, понеже государь Божиим милосердием, да саблей взял, до их челобитья». Не понравилось это Шах-Али, но делать было нечего: согласился. Утемыш с матерью отправлены в Москву, а Шах-Али воцарен в Казани (августа 1551 г.), причем освобождены все христианские пленники¹. Трудно было положение Шах-Али в Казани: казанцы требовали, чтобы он добивался горной стороны, царь — чтобы он привел казанцев в такую зависимость, в какой стоит Касимов; тщетно посылал он в Москву просить возвращения нагорной стороны, тщетно потворствовал тем татарам, которые еще держали у себя русских пленных; против него составил заговор. Узнав об этом, Шах-Али позвал заговорщиков на пир и избил их, а потом велел убивать и других: убито всего до 70 чел². Между тем казанцы сносились с ногаями, а из Москвы прислан Адашев, который на сетованья Шах-Али, что если не отдадут нагорной стороны, в Казани оставаться ему нельзя, отвечал предложением, «чтобы укрепил город людьми русскими», на что Шах-Али сказал: «Бусурман де есми, не хочю на свой веру стати, а государю своему царю и великому князю измените не хочу же; ехати де мне инуды некуды, еду к царю и великому князю». Когда казанские беглецы уверили в Москве, что Казань готова лучше принять царского наместника, чем служить Шах-Али, послан был Адашев уговорить хана пустить русских в город, но Шах-Али предпочел бежать из Казани³, русские воеводы надеялись войти в город, обманутые казанским изменником, но, встретив сопротивление, возвратились в Свияжск, а казанцы послали к ногаям искать себе царя и оттуда явился к ним Ядигар Мухаммед⁴.

¹ Утемыш-Гирей крещен под именем Александра в 1553 (ум. в 1566). Любопытно, что казанцев заставил присягать не всех вдруг: «и к правде пошли все люди казанские по сту человек, и по двести, и по триста, а не вдруг; и к правде ходили три дня». «Царст. кн.», 183. Освобождено 60 000 (Царст. 185, Ник. VII, 87) или 6000 (Льв. IV, 251).

² «Царст. кн.», 191. По «Ист. о каз. царст.» 700 великих вельмож и 5000 простых (?) (159–160).

³ Там же, 191–196. Турецкий историк XVI в. Дженаби так характеризует Шах-Али: «владелец этот был человек жестокий, крутой и кровожадный» («Иссл. о кас. царях» I, 374).

⁴ Сын астраханского царя Касима, Ядигар, кажется, одно лицо с Ядигаром, астраханским царевичем, служившим в России с 1542 г. до 1550 г. (В. В. Вельяминова-Зернова: «Иссл. о кас. царях» I, 370). в русских источниках Ядигар называется то Касимовиче (Кайсимовичем), то Касаевичем.

Когда узнали об этих событиях, было решено предпринять новый поход на Казань. Царь сам решился идти в поход, несмотря на то, что его отговаривали многие, в том числе и Шах-Али, убеждавши отложить поход до зимы¹. 16 июня выступил царь из Москвы и, узнав о том, что крымцы осаждают Тулу, пошел на ее избавление, но крымцы бежали: можно было идти к Казани. Царь пошел на Владимир, Муром и Нижний; другие войска — другим путем, сойтись надо было близ Суры. К Свияжску подошли августа 13-го. Осада продолжалась до 2 октября. Казанцы бились мужественно; наездники их тревожили русские войска в поле, но и русские шли на бой, ничем не смущаясь, и выдержали до конца, несмотря даже на то, что раз, когда поднялась дурная погода, подумали было, что казанцы защищаются силой чародейства². Привезен был немец — Розмысл (инженер), сделал подкопы; в стене образовалась брешь, русские вошли в город (2 октября), но и татары сразились мужественно, говоря «умрем за юрт свой»³. Сам царь проехал к рядам, ободрял сражающихся, посылал останавливать грабящих. Когда не осталось никакой надежды, татары побежали из последнего своего приюта двора царского, а сам царь Ядигар был взят в плен⁴. По окончании боя кн. Владимир Андреевич поздравил

¹ «И царь говорил, чтобы до зимы государь ждал для иных недругов, и для того, что казанская земля в великих крепостях, в лесах, и во езерах и в ржавцах, зимою добро будет воевати; и государь ему говорил, что уже в сухех отпустил воевод и людей многих, наряд большеи, запасы отпушены; а у них говоришь лесы, воды, крепости великия; яз же надеюсь на Вседержителя Бога, той непрородимые места проходимы сотворяет, и остры пути в гладкие претворит. и царь Шигалей государя реч хвалит: из начала ваша государей пред ними правда, а и перд вами измена; Бог тебе государю на помощь» «Царст. кн.», 218—219.

² «Они на войско христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по obleжанию града, егда солнце начнет восходити, взыдут на град: всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинския словеса, машуще одеждами своими и вертящиеся неблагочинне. Тогда абие востанет ветер и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такой дождь, и сухие места в блата обратятся и мокроты исполняются; сие точию было над войсвом, а по сторонам несть, не точию по естеству еже случашеся» «Сказ. кн. Курбского», 27. Послано в Москву за крестом, в котором вделана часть креста Господня, и когда привезли, обошли с ним войско, погода установилась (там же, 28).

³ «Царст. кн.», 303. Летописец замечает, что подкоп произошел именно в ту минуту, когда дьякон возглашал: «и будет едино стадо и един пастырь», там же, 302.

⁴ Курбский говорит, что казанцы вывели своего царя на башню и сказали «Поки юрт стояще и место главное, идеже престол царев был, потыяж до смерти броняхомся за царя и отечество: а ныне царя вамъ отдаем здраво; ведите его к царю своему! а остаток нас исходит на широко поле — испитити с вами последнюю чашу». «Сказ.», 34. Не знаем насколько верить Курбскому в том, что он говорит о мужестве Иоанна: «хотяща и нехотяща за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша: понеже были нещии между синклиты оними, мужие веку еще отцовъ наших, состаревшиеся в добродетелях и во всяких искусствах ратных» (32): почти то же говорит и сам царь, но очевидно в раздражении «аки пленника всадив въ судно, везяху с малыми людьми сквозе безбожную и неверную землю» (190); остается еще вопрос: о том

царя с победой, а затем поздравил и Шах-Али словами: «Буди государь здоров, победив сопостаты, и на своей вотчине на Казани в веки»¹. Когда очищена была главная улица от тел, Иоанн проехал до царева двора. Когда же совсем очистили Казань, царь выбрал посреди города место и назначил его под храм Благовещения. Казани суждено было сделаться с тех пор городом христианским. Въехав с торжеством в Москву и крестив Ядигара, названного Симеоном², царь начал думать об утверждении православия в Казани, а в 1555 г. назначен был в Казань архиепископ Гурт. Ему дан был любопытный наказ: приучать к себе татар всеми мерами; крестить не насильно, но волей; новокрещенных часто угощать; не выдавать виновных, если они прибегнут к его защите и захотят креститься; ходатайствовать и за некрещенных перед воеводами и перед самим государем³. Великое событие совершилось, хотя еще многое осталось делать впереди, чтобы укрепить за собой Казанское царство. Объясняя, почему завоевание Казани памятнее народу Полтавской битвы, С. М. Соловьев говорит совершенно верно: «Завоевание это не было следствием личного славолюбия молодого государя и не было следствием стремлений великих, но не для всех понятных, каково, напр., было стремление к завоеванию Прибалтийских областей; завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских. В истории Восточной Европы взятие Казани, водружение креста на берегах ее рек имеет важное значение... Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но не способные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка: здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась против Европы,

ли говорит царь, ибо он вел сухопутную рать? Прибавим еще, что сам Курбский в другом месте иначе отзывается о мужестве царя: «царь же намъ абие совета храбрых послушася, и совет страшливых отверг, иде к тому месту, хотяще сразитися съ бусурманы» («Сказ.», 52).

¹ «Царст. кн.», 311.

² Царя Симеона Касаевича (ум. 1585) смешивают иногда с Симеоном Бекбулатовичем, царем Касимовским, впоследствии крещенным и бывшим представителем земщины при Грозном (см. о нем в «Иssl. о касим. царях», II).

³ Акты Эксп. I, № 241. К сожалению, не везде держались таких благоразумных мер: нетерпимость века брала свое: «давали дияки (в Новгороде) по монастырям татар (в 1555 г.), которые сидели в тюрьмах и захотели креститься; которые не захотели креститься, ино их метали в воду». П. С. Р. Л. III, 152.

шедшей под христианским знаменем государя Московского. Пала Казань, и вся Волга стала рекой Московского государства»¹. Еще пять лет продолжалась борьба с народами, подчинявшимися Казанскому царству, которые находили себе помощь в ногах и раз даже поставили себе царем ногайского царевича, но скоро увидали, что от него мало пользы, и убили его². Наконец, в 1557 г. деятельностью воеводы кн. Петра Шуйского Казанская земля успокоилась и вся присягнула царю³. За покорением царства Казанского следовало покорение земли Башкирской, и действительно, башкиры начали платить ясак великому государю; позднее, так как в Казань ходить было с ясаком далеко, построен город Уфа. В делах казанских принимали участие ногаи, распадавшиеся на несколько орд; взаимные ссоры этих орд мешали им принять какое-нибудь общее решение. Ногаи с Москвой вели торговлю, а подчас ее грабили; из Москвы им посылали от времени до времени дары, чтобы они не трогались; сами они, со своей стороны, тоже выпрашивали подарков; тем все и оканчивалось. Ссоры между ногайскими князьями много помогли России в завоевании Астрахани⁴. Хана астраханского Ямгурчей поддерживал князь ногайский Юсуф,

¹ «Ист. России» VI, 115–117.

² Вткнув его голову на кол, они, как сказывает Курбский, говорили: «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько коров и волов наших поел: а ныне глава твоя да царствует на высоком коле» («Сказ.», 53). «И Мамич Бердей сказывал: взял бы (л) царя из Ногай и царь им неучинил некоторые помощи, и он царя убил». Ник. VII, 258.

³ Ник. VII, 286. Курбский обвиняет царя в том, что, не послушавшись своих старых советников, поспешил из Казани, не устроив здесь всех дел («Сказ.», 38; Курбский вину слагает на шурьев царя, которые звали его воротиться к царнице. в этом нерасположении сильной партии к Романовым многое находит свое объяснение). Карамзин соглашается с Курбским (VIII, 116, 124); но С.М. Соловьев в высшей степени остроумно опровергает это рассуждение: он находит, что для защиты от черемис было достаточно рати, бывшей с наместником, что пребывание большого войска в Казани могло скорее раздражить эти народы, как знак недоверия, и наконец припоминает, что еще дорогой дворянское ополчение изъявляло желание возвратиться в дома (VI, 118). В 1557 г. земли, бывшие царские и князей казанских, частью взяты в казну, а частью распределены архиепископу, детям боярским и т. д. (Ник. VII, 286).

⁴ Астраханское царство появилось после падения Золотой орды. Сначала владычествовали здесь родственники последнего златоордынского хана Ахмата («Иссл. о Касим. цар.» I, Шейх-Аулияр). Когда в 1502 г. Менгли-Гирей завоевал Астрахань, Шейх-Аулияр, отец Шах-Али, бежал в Россию и получил Касимов (там же, 117). в 1533 г. сидел в Астрахани Касим, убитый черкесами; сын его Эдигер был последним царем Казанским. После него недолго царствовал Анубек; место его занял Абдур-Рахман, который в 1537 г. свергнут ногаями; посажен Дербыш, в 1547 г. прогнанный Сагип-Гиреем. Место его занял Ямгурчей.

отец Сююнбеки; другой ногайский князь Измаил просил помощи против Ямгурчая, который, кстати, оскорбил русского посла. К Астрахани послано войско, и в 1554 г. посажен там Дербыш, но Дербыш, обязавшийся платить дань России, оказался неверным ей, и в 1557 г. Иоанн послал против него войско; Астрахань была покорена, и с тех пор Астраханское царство существует только в титуле русских государей¹. Вследствие успеха русского оружия на Волге владельцы кавказские и закавказские начали обращаться к царю с просьбой о помощи и защите от крымцев и султана: приезжали посольства от князей Черкесских Шавкала Тарского и др. Царь сибирский Ядигар (потомок Батыева брата Шибана) тоже изъявил готовность платить дань.

В Крыму смотрели, разумеется, неблагоприятно на это усиление Москвы за счет татарских царств и всеми средствами старались мешать ему: в 1555 г. Девлет-Гирей, распустив слух, что идет на Черкасов, сделал нападение на Русскую Украину; сам царь пошел к Туле, но, узнав об этом, хан повернул назад, и хотя у Судьбища и разбил Шереметева, но все-таки ушел. в 1556 г. по Днепру ходил дьяк Ржевский под Ислам-Кермен и Очаков, а когда в 1557 г. вождь днепровских казаков кн. Дм. Вишневецкий изъявил желание служить России, то он начал беспокоить Крым и в 1559 г. вместе с окольным Адашевым (братом Алексея) ходил туда в поход. Хан прислал послов, и царь, пригрозив ему, решился, несмотря на советы близких людей², на время прекратить войну с Крымом. Ему предстояло другое важное дело: уже началась война Ливонская.

Ливонская война. Опричина и опалы

Ливонская война царя Иоанна Васильевича является для внимательного и беспристрастного взгляда одним из необходимейших эпизодов

¹ «Иssl. о Касим. цар.» I, 271. Ногайский князь Измаил сам советовал Иоанну взять Астрахань в свое владение: «Тобе Астрахань у Дербыша царя взять, а на том месте город бы тебе поставити». «Пр. Др. Вивл.» IX, 195. Но и ногаи понимали, какая опасность грозит всему татарству от России: «Анынеча деи, — сообщает посол иоаннов их речи, — Государь взял всю Волгу и до моря; и уже деи Сарайчик возьмет и Яик весь и Шемаху деи и Дербен возьмет, и нам деи всем быти от него взятым. Так деи наши книги говорят, все деи Бесерменские государи Русскому Государю поработают». Пр. Др. Вивл. IX, 267. Замечательно, что Иоанн запретил ногайским князьям называть его в грамотах отцом и братом. Карамз. VIII, пр. 419. о возрастающем влиянии России на Ногаев после взятия Астрахани см. «Повол.», гл. VI.

² Курбский, 47. С. М. Соловьев основательно доказывает, что завоевать Крым было трудно: между Россией и Крымом — степь; Турция была еще сильна. Странно, что Н. И. Костомаров («Личность царя Иоанна Васильевича» в Вест. Европы, 1871, № 10) продолжает доказывать эту возможность.

в жизни Московского государства¹. Неудачный исход ее, на причины которого постараемся указать в дальнейшем изложении, не должен закрывать от нас всего ее значения, как попытки в свое время и для примера для времен последующих. Пока Московское государство слагалось в борьбе с остальными князьями Руси Восточной, пока оно отбивалось от татар и Литвы еще самостоятельной, тогда ему не нужно было много средств: оно могло довольствоваться тем, что имело. Но когда сложилось большое государство, задачи его расширились, оно почувствовало необходимость больших средств, необходимость и лучшей защиты, лучшей внешней обстановки, большего материального благосостояния — потребность во всем этом является всегда за удовлетворением первых нужд. Сложившееся государство почувствовало необходимость поддерживать свое существование, развиваться дальше, осознало, что в то время, пока оно озабочено было самыми первоначальными требованиями бытия, другие, более счастливые, народы успели обставить себя гораздо лучшими условиями. Пробрить себе дорогу к такому же положению, стать наряду с этими счастливыми народами сделалось задачей Московского государства. Великий князь Иоанн Васильевич начинает вызывать из-за моря художников и техников; то же продолжают его преемники. Овладев Новгородом, Московское государство приняло в свои руки устройство западной торговли, которая дотоле шла через Новгород, и вместе с тем наследовало и политические отношения Новгорода со странами прибалтийскими: Ливонией и Швецией. Мы видели уже, что Московское государство закрыло в Новгороде Немецкий двор. Не раз случалось читать, что это закрытие было губительно; говорящие таким образом не вникали в то, что Ганза, стараясь извлекать из стран, с которыми была в сношении, всю пользу для себя,

¹ Не знаю, многие ли из историков могут согласиться с основным воззрением, высказанным в начале статьи Н.И. Костомарова: «Успех распространения Московского государства на Востоке повлек московскую политику в тех же видах на Запад; привычка к расширению Московской земли, возникшая еще при Калите, в продолжение двух лет счастливо удовлетворялась захватами сначала Русских земель, а потом огромного пространства Восточного материка. Каждая удача возбуждала надежды и новые стремления». Не гораздо ли вернее смотрит остзейский историк Рихтер: «Der Drang nach Civilisation und nach Verkehr mit Westeuropa, der sich schon damals in Kussland regte, erlaubte seiner Regierung nicht die Gelegenheit zu Erwerbungen an der Ostsee unbenutzt vorübergehen zu lassen» (Gesch. der Ostseeprovinzen, II, 324). Один из английских историков, обсуждая первые сношения России с Англией, говорит: «У царя, несмотря на его грубые нравы и правила, был здравый смысл и любознательность. Он начертал обширные планы для усовершенствования своей страны и мигом понял все выгоды, которые могут произойти из морских сношений» (Miss Aikin's «Elisabeth, ihr Hof und ihre Zeit.», 1819, I, 254. Цитирую немецкий перевод, который у меня в руках). Так судят умные иностранцы.

держала всегда в черном теле местное купечество; они забыли, что борьба с Ганзой была весьма выдающимся явлением в истории всех северных государств и что закрытие ганзейских дворов совершилось не в одной России¹. Но русским купцам стало от того нелегче: торговля перешла в ливонские города: Ригу, Нарву. Ливонцы, со своей стороны, старались извлекать из этой торговли как можно более выгод, обставляя ее для других самыми стеснительными условиями: иностранцам, особенно голландцам, запрещено было учиться по-русски и торговать прямо с русскими; запрещен был ввоз серебра в Россию, запрещена была торговля с русскими в кредит и т. п. В 1547 г. царь поручил саксонцу Шлитте набрать в Германии художников и мастеров, которые могли бы быть полезны для России². Набранные с позволения Карла V люди прибыли уже в Любек, но, по представлению Ливонии об опасности для нее от знакомства русских с искусствами, были задержаны в Любеке под предлогом долгов; отпущенный через два года Шлитте был задержан в Ливонии, которой удалось на этот раз выхлопотать указ от Цезаря о непропускании в Москву подобных людей: один из набранных таким образом людей, по имени Ганц, хотел было пробраться в Россию, но был остановлен и казнен. Русской торговле, которой всеми средствами хотели мешать соседи, открылся неожиданно в 1553 г. новый выход: английские купцы, видя, что новые пути, открываемые испанцами и португальцами, передают в их руки мировую торговлю, задумали тоже найти путь, который дал бы их торговле самостоятельное и важное значение; открытие Северной Америки (1497 г.), сделанное английским мореплавателем Себастьяном Каботом³, было далеко не так выгодно, как испанские владения в Америке и остиндский путь португальцев; Кабот с некоторыми другими задумал найти через север путь в Китай. План этот был передан обществу лондонских купцов, ведущих заграничную торговлю (Merchant Adventurers), следствием чего было составление новой компании для открытия неизвестных земель (for the discovery of unknown Lands). Общество это снарядило три корабля, поручив их адмиралу Вилогби и главному кормчему Ричарду Ченслеру. В мае 1553 г. корабли эти, снабженные грамотой Эдварда VI к государям северным и восточным,

¹ Вспомним хотя Англию, где при Эдварде VI уничтожены привилегии ганзейцев (Hume, Hist. of. engl. ch. XXXV, § 10). Мнение Ризенкампа о вреде для Новгорода немецкой торговли было уже приведено нами выше.

² Набрано всех 123 чел., большей частью ремесленников, но в том числе 4 богослова, 4 медика, два юриста (Карам. VIII, пр. 206). в Риме желали эту попытку сделать основой для переговоров о соединении церквей.

³ См. о нем у Гамеля: «Англичане в России», I, 3.

вышли из Темзы: в августе Ченслер, отбитый бурей от Вилогби, в 1554 г. погибшего со всем экипажем у Вардегуза, прибыл в устье Двины; после сношений с холмогорским начальством, был он отправлен в Москву. Ченслер, милостиво принятый царем, был отпущен на родину 2 февраля 1554 г. с царской грамотой к королю Эдварду (тогда уже умершему), в которой говорится: «Повелели мы, чтобы присылаемые тобой суда и корабли приходили когда и как часто могут с благонадежностью, что им не будет учинено зла»¹, и с приглашением присылать послов для переговоров о торговле. В 1555 г. Ченслер снова явился в Москве посланником от новых государей Англии Филиппа и Марии. Тогда дана была англичанам привилегия, которой дозволено им торговать в Москве и других городах без пошлины и беспрепятственно от других народов, иметь свои дома и т. д.: когда в 1557 г. русский посланник Осип Непея приехал в Лондон, то даны были и русским купцам подобные же права в Англии². Пример англичан побудил и голландцев явиться в Двинское устье, где они и торговали по 1587 г. Так завязывались у России сношения с другими народами помимо ближайших соседей, которые, однако, тоже не теряли времени, чтобы остановить эти сношения и запереть Россию. Прежде всего пришлось столкнуться с королем шведским Густавом Вазой. Предлогом войны, начавшейся в 1554 г., были пограничные ссоры и недовольство Густава на то, что переговоры с ним ведутся не в Москве, а в Новгороде. Война ограничилась взаимными опустошениями порубежных мест. Когда Густав, потеряв надежду на своих союзников Польшу и Ливонию, стал искать мира, то мир был заключен на том основании, чтобы впредь сношения велись с Новгородом и чтобы установлена была взаимная беспрепятственная торговля, потому что «гости и купцы отчины великого государя из многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля»³. Договор заключен в 1557 г., а в 1556 г. Густав пробовал было уговорить Англию не торговать с Россией, но королева Мария отвечала, что торговли своим

¹ Перевод Ю.В. Толстого («Россия и Англия», № 2 — подлинных не найдено, см. Гамеля 1, 27).

² «Россия и Англия», № 4. с Непеею отпущены были в Россию разные мастера: «Отпустил с Непеею мастеров многих, дожтуров и злату и серебру искателей и делателей, иных многих мастеров». Ник. VII, 292; Льв. V, 186.

³ Соловьев, VI, 137. Любопытно, что когда шведский король высказывал, что сношение с новгородскими наместниками для него неприлично, в Москве отвечали: «А про государя вашего в рассуде вам скажем, а не в указе, которого он роду, и как животиною торговал и в свейскую землю пришел». Кар. VIII, пр. 459.

подданным запретить не может, но будет смотреть за тем, чтобы не возили в Россию военных запасов¹.

Важнее, чем война со Швецией, была война с Ливонским орденом, исконным врагом России на Балтийском побережье, наиболее старавшимся, как мы уже видели, препятствовать сношениям нашим с Западной Европой. Конечно, сам по себе орден был слаб, но и слабость эта могла быть страшна для московского правительства, потому что, как было уже ясно, существование ордена продолжаться не могло: ему приходилось или обратиться в светское владение, подобно ордену прусскому, с которым он был соединен и от которого недавно отделился, или подпасть власти соседних государств: Польши, Швеции, Дании. Ливония представляла собой миниатюрное повторение империи без объединяющей власти Цезаря, которая, хотя более имела силу в теории, но иногда имела ее и на практике. Верховная власть Цезаря над Ливонией была почти что только номинальная; власть папы над епископами давала только повод к постоянным препирательствам в Риме между орденом и архиепископом. В Ливонии рядом существовали области духовных князей (архиепископа, епископов: дерптского, эзельского, курляндского и ревельского) и область ордена, не имевшая своих определенных границ и рассеянная по областям духовных князей. Епископы не зависели от архиепископа; и орден, подчиняясь вначале архиепископу, вступил с ним в борьбу и приобрел над ним первенство. Такая разрозненность интересов между властями делала Ливонию достаточно слабой перед лицом сильного врага. Стремление городов, в особенности Риги, выйти из под власти князей было новым элементом слабости для Ливонии; самым постоянным и существенным элементом слабости было отношение высших сословий — немецких колонистов к низшему — латышам и финнам. Значение этого антагонизма сильно сказалось многими восстаниями крестьян во время войны Русско-литовской. Средством объединения разрозненных элементов, господствовавших в земле Ливонской, был с XV в. сейм (Landtag), в котором принимали участие князья духовные; главные сановники ордена, уполномоченные рыцарей-воинов ордена и духовных властей (у тех и других были свои вассалы, в сущности, составляющие местное рыцарство) и депутаты городов. Сеймы эти, по различию элементов в них входящих и по допущенному на них решению по

¹ Далина: «Ист. Шведск. гос.», ч. III, т. I, кн. I, 593—595. Ливония тоже была перепугана начавшейся торговлей России с Англией: из Риги спрашивали у Любека совета, как помешать этой торговле. Гильдебрандт: «Розыскания в архивах», 87 (Зап. Ак. XXIX).

единогласию, часто не достигали единения. Шли тогда жалобы к Цезарю и как *suprema ratio* — междоусобная война. Появление реформации было важной эпохой в жизни Ливонии: оно оторвало ее от Пруссии, которая теперь обратилась в светское владение, и таким образом Ливонский орден сделался вполне самостоятельным. Во главе его стоял тогда знаменитый Плеттенберг. К реформации он отнесся несколько сдержанно и старался примирить обе стороны, что ему удавалось мало и вследствие чего, хотя Рига признала его своим единственным повелителем, хотя на съезде в Вольмаре (1526) все духовные владетели со своими капитулами и рыцарями подчинились ему, но все-таки архиепископу удалось, наконец, поделить с магистром власть над Ригой. Быть может, на действия Плеттенберга имело влияние и то, как цезарь стал к протестантизму и в особенности — крестьянские войны и анабаптистское движение. По смерти Плеттенберга (1535) реформационное движение продолжало расти в Ливонии: Рига пристала к Шмалькальденскому союзу; на сейме в Вольмаре (1555) определено, чтобы «впредь до общего собора каждый свободно и беспрепятственно оставался при своем вероисповедании»¹. Архиепископ, ища себе опоры вне страны, избрал своим коадьютором Христофора, герцога Мекленбургского, родственника польского короля. Это вызвало противодействие ордена и вооруженное вмешательство на защиту архиепископа, короля польского и герцога Бранденбургского. Орден, отвыкший от войны и изнеженный в своих нравах, не мог представить сопротивления польскому королю, уже вступившему в Курляндию, и у местечка Позволя (близь Бауска) новый магистр Фюрстенберг (1557) заключил с ним мир (сент. 5). Вслед за тем Литва и орден вошли в наступательный и оборонительный союз против России (сент. 14).

Ввиду слабости ордена, ввиду возможности укрепиться на Балтийском берегу одному из соседних государств, ввиду настоятельной необходимости войти в прямые торговые сношения с Западом и с тем вместе укрепить и охранить свои границы Московское государство должно было начать Ливонскую войну. В поводах в ней недостатка не было: очевидная враждебность ордена и нарушение существующих договоров служили самым лучшим поводом. Так, в договоре 1463 г. между Псковом и дерптским епископом встречается упоминание о дани, которую по старому обычаю епископ должен был платить великому князю; там же

¹ Рихтер, II, 304.

постановлено, что епископ и горожане должны оберегать Русский конец и святые церкви¹. В договоре с Плеттенбергом (1503) условие о дани было подтверждено, но не исполнялось в течение 50 лет. Вопрос об этой дани не поднимался до 1554 г., когда в Москву прибыли ливонские послы ходатайствовать о продолжении перемирия. Переговоры велись Ал. Адашевым. Епископ согласился заплатить в 3 года недоимку Юрьевской (дерптской) дани за 50 лет по гривне (марка) немецкой с человека, вся Ливония должна за него ручаться и в случае неплатежа заставить платить; очистить русские церкви (разграбленные протестантами), не стеснять русской торговли, не помогать Польше². Весть об этом договоре взволновала Ливонию: архиепископ созвал в Лемзале сейм толковать о требуемой царем дани: решение сейма неизвестно, но за утверждением трактата царь прислал к магистру посла своего келаря Терпигорева³. Немцы долго советовались, колебались утверждать договор, но, наконец, прибегнув к хитрой уловке, внушенной канцлером епископа Дерптского, решились подписать и при этом обратиться с протестом к цезарю. «Какое дело государю моему,— сказал на это Терпигорев, — до Кесаря. Дали мне грамоту; не будете платить дани государю моему — сам соберет»⁴. Три года, данные для уплаты дани, прошли; и Ливония в это время не поддержала шведов, которые и заключили мир с Россией, и, со своей стороны, вызвали грозу польского нашествия, показавшего, как слаб был орден. Еще не заключив договора с королем польским (в феврале 1557 г.), Ливония отправила в Москву посольство попытаться, нельзя ли отделаться от дани; посольство это не видело государя и отпу-

¹ «Тогда же и о пошлине великих князей, что в Юрьеве, а то пискупу великому князю давати по старине, а что Русский Конец и святые церкви, а то им держать по старине и по старым грамотам, и не обидеть». Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 225). Ливонские историки, признавая существование этой дани, дают различные объяснения ее происхождению: одни (Ниенштейдт, 40 в «Mon. Liv. ant.» II) говорят, что дань платили когда-то пограничные крестьяне за борти, бывшие у них за Русской границей, другие (Гиерн 211 в «Mon. Liv. ant.» I) свидетельствуют, что Дерпт ежегодно платил некоторую сумму Церкви Св. Троицы за лес, ей принадлежащий, или в силу какого-то обета.

² О переговорах Льв. V. 36—38. Ник. VII, 215, Руссов, 47—48, Ниенштейдт, 43, Реннер, 142, договор в «Mon. Liv. ant.» V, 508. Договор заключен на 15 лет (Up. Vifftein Jar). Этим доказывается верность показания Никоновской летописи, подвергнутая сомнению С. М. Соловьевым (VI, пр. 53) на основании показания Ниенштейдта.

³ Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 309) под 7061 (1553—1554); по Руссову, посольство относится к 1556 г. (48), но в начале 1555 г. Магистр сообщает об этом посольстве Ревелю и требует очищения Русских церквей (Гильдебрандт: «Розыск», 87). Стало быть, посольство могло быть отправленным в 1554 г.

⁴ Копия протеста магистра в Венском архиве Немецкого Ордена (см. Реннер, 143, пр. 2).

щено с уверением, что если дань не будет заплачена, «государю положить упование на Бога своего самому искати на магистра и на всей Ливонской земли»¹. Царь запретил тогда русским ездить в Ливонию и послал кн. Д.С. Шастунова строить город на Нарове ниже Ивангорода. Испуганные ливонцы снарядили новое посольство, которое просило уменьшения дани, но царь желал, чтобы деньги были выплачены, на этом и прервались переговоры. Но пока велись переговоры, русская рать стояла уже на границах Ливонии: в Ливонии знали, что царь много заботился о своем войске, что произведенное в 1556 г. полное распределение поместий и организация поместной системы, а также окончательное устройство стрельцов², увеличение числа служилых татар давали русскому войску новую силу³; в Ливонии знали, что крепкая своим подчинением одной воле Земля Русская должна сломить разрозненную, полную раздоров Ливонию, и могли только рассчитывать или на свою хитрость, или на вмешательство соседей; и в последнем случае лучше было опереться на одного из них: и тогда уже некоторые указывали на Польшу, и к Польше склонялся впоследствии Кетлер. В январе 1558 г. русские войска под начальством кн. Мих. Вас. Глинского, брата царицы Даниила Романовича и Шах-Али вошли в Ливонию: вся страна на пространстве за 50 в. до Риги и за 30 до Ревеля была страшно опустошена; в феврале рать вернулась на Русь⁴. Уходя, воеводы обратились к магистру с советом: «бити челом государю, а царь (Шах-Али) и бояре, и царевичи станут государю о них печаловаться»⁵. Созван был в Вольмаре сейм обсуждать, что делать Ливонии, и было решено, что ввиду слабости ливонской следует снова попробовать согласить царя на мир. Собрали кое-как деньги для взноса царю. Положение дел было самое грустное: шведский каплан в Ревеле писал в Стокгольм, что Ливония приближается к краю гибели,

¹ Ник. VII, 282. Льв. V, 167—168. Руссов, 51.

² Обо всем этом будем говорить в свое время, здесь же прибавим, что, по верному замечанию Карамзина (VIII, пр. 493), упоминаемые при Василии Иоанновиче пищальники — те же стрельцы (П. С. Р. Л. IV, 289).

³ Карамзин указывает на то, что под Казанью было 150 000 чел., а в конце царствования Иоанн мог собрать до 300 000 чел. (П. С. Р. Л. IV, 319). Не следует, однако, забывать, что цифры эти помещены как бы в укор Иоанну за то, что не освободил Псков от осады. Сведения о русском войске, в особенности об иностранных инженерах и пушечных мастерах в 1558 г. у Тиеполо (Hist. Russ. Mon. I, 170—171).

⁴ В.В. Вельяминов-Зернов в биографии Шах-Али представляет любопытный свод всех свидетельств летописцев русских и немецких об этом походе, разумно указывая на необходимость в подобных рассказах долю преувеличения («Иссл. о Касим. царях» I, 428—445). Охотникам обличать наших предков напоминаем ужасы тридцатилетней войны.

⁵ Ник. VII, 499, Льв., V, 200—201, Руссов, 53.

и стоит только прийти шведскому королю или его сыну, чтобы всем завладеть, ибо польский король не думает помогать, а на военных людей из Германии надежда самая плохая: им неаккуратно платили жалованье, угнетенный же скорее покорится русскому, чем немцу. Отправили послов в Москву. Царь велел прекратить войну, но жители Нарвы продолжали стрелять по Иван-городу. Этим война возобновилась. Жители Нарвы, сознавая, что держаться не могут, послали в Москву с предложением подданства; в Москве приняли послов благосклонно; но, получив подкрепление, Нарва снова отказала в покорности и 11 мая взята была окончательно; царь велел освятить город, построить в нем церкви и не только обещал свою милость всем жителям, но велел возвратить пленных нарвских, где они отыщутся. Так приобретена была гавань на море и явилась возможность самостоятельной торговли. Послам, приехавшим во время нарвского дела и между которыми был брат магистра, отвечали, что магистру и епископам должно приехать лично и бить царю челом и он тогда их помилует. Стало быть, требовалась полная покорность Ливонии¹. Покорности этой Иоанн решил добиться оружием: некоторые города и волости сдавались без сопротивления; здесь оставались русские воеводы, и строились русские церкви: сильное сопротивление оказал Нейгаузен (Сыренск), обороняемый Георгием Иксулем, который сдался только тогда, когда его собственные солдаты грозили его повесить; ему позволили свободно выйти, а из гарнизона многие перешли на сторону русских. Магистр, стоявший с 8000 чел. за болотом в Киремпе, счел себя небезопасным и ушел в Валк, где Готгард Кеттлер, отличившийся во время опасного отступления, избран был в коадьюторы магистра; епископ Дерптский, тоже бывший в Киремпе, при отступлении к Дерпту был разбит Шейном и Адашевым. Нейгаузен еще не был взят, когда в Дерпте чины ливонские вели между собой переговоры о том, у кого просить помощи; выслушивались разные мнения. Посреди этих прений дерптский бургомистр Тилэ высказал самое разумное мнение: он призывал своих соотечественников на жертвование имуществом, говорил о необходимости единения, указывая на то, что откуда бы Ливония ни призвала себе защитника, защитник этот поработит ее, но «он проповедовал глухим». Еще перед тем чины посылали просить помощи у Цезаря, который отвечал указанием на то, что они могут обра-

¹ Виепетап: «Brieft» I, № 125. Карамзин (VIII, пр. 484), ссылаясь на Гаклюита (I, 284, изд. 1809 г.), указывает, что уже в 1554 г. Иоанн писался Государем Ливонские земли. В издании Ю.В. Толстого в указанной грамоте титул сокращен (Россия и Англия, 7).

титься к соседям, ибо, несмотря на все его желание, «ему невозможно все христианство на всех местах даже от одних турок защищать и охранять». Результатом дерптских переговоров было начало разложения Ливонии: Эстляндия и Эзель обратились с просьбой о принятии их под защиту к королю Датскому, архиепископ желал покровительства Польши, а магистр — Швеции. Государства соседние обещали свое посредничество, что в следующем 1559 г. и было исполнено со стороны Польши, Швеции и Дании. Кетлер послал от себя посла к царю, прося унять войну; Иоанн отвечал ему: «похошет магистр государева жалованья, и он бы сам был бити челом, а по его челобитью посмотря, государь его пожалует»¹. Русские войска между тем подходили к Дерпту, где заперся епископ с гражданами и наемным войском, а дворянство по большей части разбежалось; русские, подойдя 8 июля, начали осаду 11-го; до 18-го немцы защищались, но, когда магистр отказал им в помощи, должны были сдаться². Дерптцы, составя очень выгодные для себя условия, предложили их кн. П. И. Шуйскому. По этим условиям, предварительно подписанным Шуйским, епископ сохраняет власть над католическим духовенством и живет близ Дерпта; дворяне сохраняют свои земли; граждане остаются при своей новой вере и сохраняют городское управление (с апелляцией в Ригу); торговля русских с иностранцами ведется только через дерптских граждан; русские ратники не должны стоять по обывательским домам. Шуйский, образ действий которого вообще чрезвычайно хвалит ливонский летописец, принял эти условия и занял город. 6 сентября царь дал жалованную грамоту Дерпту, по которой апелляция к Риге недопущена, а постановлена апелляция к воеводе и царю; освобождение граждан от постоя подвержено изъятию; русским дозволяется владеть собственностью в Дерпте, но и дерптцам в России; торговать им можно беспошлинно только в Новгороде, Пскове, Нарве; с смертной казнью соединена конфискация. Давая такие права, царь, очевидно, хотел оставить за собой Дерпт, а потому скоро началось поселение в Юрь-

¹ Лъв. V, 234—235.

² Об осаде Дерпта в «Mith. aus der Livl. Gesch.» I, показания Фохта Крузе и епископа. в особенности любопытно у Крузе указание на «не немецкое» население города, которое было главной причиной беспокойства защитников. Другие летописцы указывают на раздор католиков с протестантами (Бреденбах, 24, со стороны католиков; Ниеншtedт 51 со стороны протестантов); известно (выше пр. 40), что сам епископ был заподозрен в измене. Издатели Реннера, 196 пр., считают и Бреденбаха и Ниеншtedта лишенными критики, но нет никакого сомнения в том, что ссора религиозная погубила Дерпт, как и всю Ливонию. с русской стороны см. Курбского, I, 60, Лъв. V, 235.

евской земле детей боярских; епископ и некоторые граждане были перевезены в Москву. Взятие Дерпта распространило ужас по всей Ливонии: это был «лучший и приятнейший город в стране после Риги и Ревеля». Все чины Ливонии слагали вину друг на друга: орден на дворянство, дворянство на орден, горожане на дворянство, а крестьяне на всех. Города начали сдаваться: к осени было завоевано до 20; Шуйский обратился с требованием покорности к Ревелю: еще незадолго до взятия Дерпта архиепископ перекорялся с магистром, требовал у него отчета в мерах защиты, грозил сеймом: теперь он решился войти в переговоры с магистром. в сентябре воеводы, оставив в городах гарнизоны, удалились по обычаю. Пользуясь уходом главных сил, коадьютор Кеттлер выступил в поле, осадил и взял Ринген (замок близ Дерпта), разбил остающееся русское войско и даже опустошил несколько псковскую границу. В январе 1559 г. рать русская под предводительством царевича Тохтамыша и князя С.Н. Микулинского снова вошла в Ливонию и, после тщетного воззвания к Кеттлеру о покорности, доходила до Риги, проникла в Курляндию и к весне с добычей воротилась в Опочку. Посредничество короля Датского, но еще более необходимость пригрозить Крыму заставили царя дать Ливонии шестимесячное перемирие. Во время переговоров, а в особенности по заключении перемирия, возобновились переговоры Ливонии с соседними державами, в особенности с Польшей и цезарем. К имперским чинам, собравшимся на сейм, отправили послов архиепископ и магистр; послано было посольство к Густаву Вазе с просьбой о ссуде, причем в обеспечение представлялись области. С королем Датским вошел в сношения епископ эзельский, к Сигизмунду-Августу поехал коадьютор Кеттлер. Чины имперские не особенно расположены были помогать Ливонии: курфюрст Пфальцский выставил даже на вид то, что причина гибели Ливонии в ее внутренних ссорах. Все дело ограничилось заступничеством перед царем и ссудой в 100 000 гульденов, которые должны были доставить города Любек, Гамбург и Люнебург¹. Переговоры с Польшей шли медленно, ибо литовские чины смотрели на них неблагосклонно, и только 31 августа Кеттлер² заключил договор, которым Ливония отдавалась в покровительство короля с сохранением верховной власти цезаря; за покровительство, — причем король обязуется защищать от русских, но не стеснять ни прав, ни обычаев, ни веры, — отдается ему в виде залога с правом выкупа за 600 000 гульденов полоса

¹ Денег Ливония не получила.

² Избран в магистры около 18 мая.

земли от Друи до Ашерадена и еще несколько округов: 15 сентября архиепископ тоже отдался под защиту польского короля: 26 сентября епископы Эзельский и Курляндский отдали свои епископства под покровительство Дании. Так началось распадение ордена.

Ливония начала готовиться к войне: нужно было нанимать войска; деньги для этого занял магистр у Ревеля, отдав под залог замок Кегель. Когда в Москве узнали по вестям из Ливонии об этих приготовлениях, царь решил возобновить войну. Магистр, разбивши Плещеева, не успел, однако, взять ни Дерпта, ни Лайса¹. Между тем в Москву прибыли посольства и от цезаря и от Польши, но не могли добиться никакой уступки относительно Ливонии. Новая русская рать, под начальством кн. И.Ф. Мстиславского, кн. В.С. Серебряного и кн. П.И. Шуйского, вошла в Ливонию, взяла Мариенбург и проникла в Курляндию, нигде не встречая препятствий. Положение страны было ужасно: оба магистра были не согласны между собой; денег не было: пришлось заложить Польше и прусскому герцогу Курляндские замки (Гольдинген, Виндау, Грабен)²; а между тем явилось еще новое затруднение: епископ Эзельский выбрал себе в преемники голштинского герцога Магнуса, брата датского короля, который и прибыл в Аренсбург с 5 кораблями; хорошо встреченный в Эстляндии, он скоро приобрел епископство Ревельское. Еще в начале апреля магистр и чины ордена решили между собой еще раз поискать помощи, но если не удастся, то предоставить магистру право секуляризовать орденскую область; если же придется искать иного государя, то следует предпочесть короля польского. Весной 1560 г. снова большое московское войско вошло в Ливонию. Во главе его стоял кн. А.Ж. Курбский³. Оно опустошило места около Вейсенштейна, ходило под Феллин, где заперся Фюрстенберг, и имело несколько счастливых стычек. с прибытием главного войска, предводимого кн. Мстиславским (30 т. пехоты и конницы, 10 т. стрельцов и казаков и 90 больших и малых

¹ Льв. V, 304–306; по свидетельству некоторых летописцев, причина неудачи — возмущение наемников, не получивших платы (Геннинг, 231, Ниенштедт, 61); Реннер приписывает ее несогласию начальников (274). А из Ревеля сообщали герцогу Финляндскому Иоанну, что войско отступило вследствие недостатка в припасах (Ширрен, IV, № 443).

² Реннер объясняет отсутствие сопротивления тем, что ополчение (Knechten) было на зимних квартирах.

³ Курбский, 69–70; издатели Реннера замечают (306, пр. 4), что во главе войска по Разр. кн. «Симб. сборника» стоял Мстиславский; но «Разр. Книга» в Вивл. XIII называет Курбского, с чем согласна и Псков. (П. С. Р. Л. IV, 311); войско Мстиславского пришло позднее, на что указывает Курбский словами: «егда же приидоша гетманн» (72). Замечания издателей Реннера о преувеличениях Курбского основательны.

орудий), военные действия стали еще значительнее: около Фелина был разбит и взят в плен Ландмаршал немецкого ордена Филипп Бель, славный своей храбростью; затем пал самый Фелин, где взят в плен Фюрстенберг¹: русские войска пошли по разным сторонам Ливонской земли, в которой в то время ко всем другим бедствиям присоединилось восстание крестьян: Курбский разбил у Кеси (Вендена) в нескольких боях ливонцев и литовцев: Ходкевич, заняв заложенные королю города, послал свои силы против русских; поражение заставило Ходкевича отступить за Двину. Яковлев подходил к Ревелю. После неудачной осады Вейсенштейна Мстиславский ушел назад. Между тем Магнус, пользуясь сложившимся мнением, что он в сношениях с царем, и несмотря на то, что только что заключил перемирие с магистром, начал убеждать Ревель подчиниться ему, так как он уже приобрел епископство Ревельское; Ревель отклонил его искание, считая его бессильным². Отчаявшись в помощи магистра, Ревель вступил в переговоры с шведским королем Эрихом XIV, наследовавшим отцу своему Густаву Вазе (ум. 27 сент. 1560 г.). Эрих, отклонив просьбу магистра о помощи, обещал помочь Ревелю, если Ревель примет его покровительство. Снова Ревель обратился к магистру и получил от него самый неутешительный ответ: сам он спасти землю не надеется, а всю надежду возлагает на польского короля. Тогда Ревель окончательно поддался Швеции. В это время живее пошли переговоры магистра и архиепископа с Польшей, причем магистр Кеттлер получил в наследственное владение Курляндию (22 ноября 1561 г.). Так окончательно разорвалась Ливония между Польшей, Швецией, Данией (Эзель остался за Магнусом), Россией и вассалом Польши — курляндским герцогом.

Пока в Ливонии совершались эти события, в самой Москве вышло наружу то, что доселе таилось: царь разорвал со своими советниками, и начала все более и более развиваться в нем подозрительность; совершилось то, что еще до сих пор по старой привычке называют переменой

¹ Курбский, 70—77; Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 312); Разр. («Симб. сб.» и «Вивл.», XIII); Реннер, 306—329; Руссов, 60—62; Геннинг, 233; Гиерн, 227—228. Падение Фелина приписывают измене наемников, не получавших платы; то же свидетельствует и магистр (Ширрен, V, № 736). Судьба Бея засвидетельствована Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 311), где говорится, что он казнен: «за противное слово и за то, что он воевал». Фюрстенберг умер в плену: еще в 1575 г. писал он брату, что жаловаться ему на то; он жил в Костромском городе Любиме (Любим в Ярослав. губ.). «Mitth.», II, 544.

² Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 312), Руссов, 62, где и об убеждении в Лифляндии о мире между Магнусом и царем (Магнус посылал к царю посольство с упреком, что опустошили его землю, несмотря на мир царя с его отцом, царь отвечал, что это сделали воеводы).

в характере Грозного. Мы не говорили о событиях в Москве, чтобы не прерывать нити рассказа; теперь же, когда дошли до важной эпохи в войне Ливонской, мы можем, оставив на время дела внешние, заняться тем, что происходило при дворе. Мы уже видели, что после большого пожара царь приблизил к себе священника Сильвестра и Ал. Адашева¹. Возвышая их, царь надеялся встретить в них людей, лично ему преданных и непоколебимо честных. С этой стороны, можно смело сказать, он и не ошибся в них, но едва ли они сами ограничивали свою деятельность предназначенной им скромной ролью: друг их Курбский прямо указывает на то, что они завладели правлением, окружили царя избранными ими людьми: «Сице ему их в приязнь и дружбу усвояют, яко без их совета ничегоже устроить или мыслити». Такова была эта, по слову Курбского, избранная рада². Это заявление Курбского важно не как факт, свидетельствующий о ничтожности государственных способностей Грозного царя, будто ему подобрали советников, а как доказательство притязаний клики: если после своей невзгоды сторонники Сильвестра утверждают, что все сделано ими, то неужели во время доверия царя они не старались проводить своих людей и свои мнения?³ Влияние Сильвестра на царя

¹ Карамзин, Полевой, Погодин и Н.И. Костомаров считают Сильвестра и Адашева главными деятелями первых лет царствования Иоанна, мнение С.М. Соловьева выписано нами выше. В последнее время появилась статья Арх. Леонида, составленная им по плану и материалам Д.П. Голохвастова «Благов. иерей Сильвестр и его писания» («Чт. в общ. ист.», 1874, I), где напечатаны и некоторые документы, принадлежащие или приписываемые Сильвестру. Эта в высшей степени благоприятная для Сильвестра статья вызвала веские замечания Е.Е. Замысловского («Сборн. Госуд. Знаний», II), где между прочим указывается на то, что послание к царю, напечатанное Арх. Леонидом, принадлежит скорее Макарию, чем Сильвестру. в превосходной статье г. Жданова, с выводами которого, впрочем, не всегда можно соглашаться, есть важные указания для истории Сильвестра (Ж. М. Н. Пр., 1876, № 7, 8). Все исследования о Курбском (см. ниже) так или иначе касаются и Сильвестра.

² Курбск., II. Припомним, кстати, вероятное замечание г. Жданова, что в послышке бывшему митр. Иосафу соборных вопросов следует видеть влияние Сильвестра (Ж. М. Н. Пр., 1876, № 8, 211—215).

³ Г. Жданов полагает, что Сильвестр и его сторонники действовали против боярской партии и что если примкнули к ним люди родовитые, то только для того: «что находили полезным для себя расположение могущественных людей». «Сам Курбский, — говорит автор, — был так беден и так мало самолюбив, что рад был получить себе (1550 г.) поместье в 200 четвертей» (Ж. М. Н. Пр. № 8, 184). При этом следовало бы доказать, что у Курбского не было вотчин, тогда как известно, что Сигизмунд-Август, жалую Курбского городом Ковном, прямо указывает на то, что он с отъездом потерял свои имущества («Жизнь Курбского» I, № IV). Припомним, что Курбский имел свою ясную и определенную теорию, на основании которой он считался предками с царем, и сам царь как оружие против него употребляет его предка Феодора Ростиславича. Мог ли такой человек быть орудием лиц, имеющих в виду ослабить родовых людей? Вспомним, что Максим Грек, стоявший в связи с партией, укрывавшейся за Соломиею, был в связи с сильвестровцами; что единственная известная

было сильно до 1553 г., и мы уже говорили, что основа его в уважении Иоанна к нравственным качествам Сильвестра: первый — впечатлительный юноша, воодушевленный лучшими намерениями, легко поддался влиянию лица, которое представляло ему нравственный авторитет; но Сильвестр неловко принялся за дело: пугать детскими страшилищами можно было только на первых порах; об этом он не догадался: он надеялся управлять, а управлять такими людьми бывает чрезвычайно трудно. Сильный удар этому влиянию был нанесен в 1553 г., когда Иоанн опасно занемог. Больной хотел, чтоб на случай его смерти была принесена присяга сыну его, тогда младому Дмитрию; большинство окружающих его отказалось принести присягу Дмитрию и желало избрать Владимира Андреевича, сына Андрея Иоанновича: окольный Федор Алдашев, отец Алексея, прямо говорил: «Сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу с братиею»¹. Владимир Андреевич и мать его старались привлечь на свою сторону деньгами; Сильвестр стоял за Владимира и тем возбудил и к себе недоверие: только немногие присягнули; сами Захарьины уже колебались, боясь за свою участь. Больной, при котором происходили эти сцены, сказал им: «Вы, Захарьины, чего испужались, или чаете бояре вас пощадят; вы от бояр первые мертвецы будете, и вы бы за сыну за моего да и за мать его умерли; а жены моей на поругание боярам не дали»². Поняли бояре, что на уме у царя, «государского жесткого слова поустрашились» и принесли присягу. Тяжелое сомнение налегло на душу Иоанна, но он не спешил разрывать со своими советниками, частью под влиянием радости выздоровления, частью потому, что разрыв был бы очень тяжел и, наконец, советников заменить было некем³. Выздоровев, царь собрался на богомолье

переписка Сильвестра велась с кн. Горбатым (см. у Арх. Леонида г. Жданова), т. е. членом рода Шуйских. О показаниях царя см. выше. За Владимира Андреевича они стояли вместе с боярами. Доказательство от послания к царю едва ли убедительно ввиду того, что самое послание скорее писано Макарием.

¹ «Царст. кн.», 337. Рассказ этой летописи самый верный источник для этого события. Курбский (39) говорит о болезни мимоходом. Любопытно свидетельство летописи: «Приводили и другие к целованию за царя и в. кн. Ивана Висильевича, за его царицу и в. кн. Настасью, за царевича Ивана в Петров пост, — приводил кн. Петр Щенятев, наместник Устюжский». Арх. 227.

² Там же, 344.

³ Таково основательное рассуждение С.М. Соловьева (VI, 183). Запись Владимира Андреевича в С.Г. и Д. I, № 167, 1553 г. марта 12 (царь захворал 10-го, Карамз. VIII, пр. 373). Когда по смерти Дмитрия родился (28 марта 1554 г.) царевич Иоанн, с Владимира Андреевича взята другая запись (С.Г. и Д. I, № 162), в которой, добиваясь от него верности сына, царь признает в случае своей беспотомственной смерти его своим наследником.

в Кирилловский монастырь благодарить Бога за свое исцеление. По дороге у Троицы беседовал он с Максимом Греком, не только отговаривавшим его ехать, но еще грозившим, в случае непослушания, смертью царевича, которого царь взял с собой. Максим, друг бояр, очевидно, чего-то боялся от путешествия царя. Царь не послушался угроз и поехал дальше и в Песношском монастыре (на Яхроме) имел, к неудовольствию своих советников, свидание с бывшим коломенским епископом Вассианом Топорковым, свергнутым боярами (в 1542 г.). Курбский говорит, что Вассиан советовал царю не держать подле себя советников умнее его самого. Как ни сомнительна форма, в которой передан историком этот разговор, едва ли не следует признать, что было что-нибудь подобное: чего же-нибудь боялись царские советники! Во время этой поездки царевич действительно умер. Спокойное отношение царя к событиям во время его болезни казалось многим неестественным, и некоторые, более предусмотрительные, решили прибегнуть к старому средству — отъезду. В июле 1554 г. в Троице был пойман кн. Никита Семенович Ростовский, отец которого кн. Семен был из сторонников Владимира Андреевича. По следствию оказалось, что у него заранее велись сношения с литовским посольством, что он действовал с согласия не только отца своего, но и многих родичей (Лобановых, Приимковых и иных). Бояре приговорили кн. Семена казнить, но царь, по ходатайству митрополита, послал его в тюрьму на Белоозеро¹. Несмотря на все это, несмотря на несогла-

¹ Лъв. V, 29–32; Ник. VII, 211–212; С.М. Соловьев указывает, что нашему послу в Литве в случае разговора о кн. Семене велено было говорить, что он сам «не дороден, в разуме прост и на службу не годится» и потому рассердился, что государь не жаловал его наравне с «дородными» (VI, 189). В царской грамоте в Новгород (1555 г. ноября 11) встречаем распоряжение по случаю жалобы кн. Никиты Сем. Ростовского на княгиню Елену Ростовскую (муж ее прозывался Волк см. «Разр.» «Внв.» XIII, 291), которая сердясь на него за то, что «он сказывал нам на сына ее на кн. Василья Литовский отъезд», пустошит его поместья. Велено было посмотреть пусто ли поместье; если не пусто, взять его в казну; если пусто, дать кн. Никите другое. «Доп. к Акт. Ист.», I, № 52, XIV. о Белоозере читаем у Герберштейна: «Porro civitas non est in ipso lacu sita, nt quidam retulerunt: paludibus tarnen ita undequaque cingitur nt inezpugnabilie esse videant. Qua re ducti Principes Moscoviae, thesauros ibi suos recondere solent» (у Старчевского, 52); то же повторяет Гванини, добавляя, что царь во время опасности ищет здесь убежища (там же, 12), что мы знаем о Софье Фоминишне (Новг. IV в П. С. Р. Л. IV, 154). Ясно, что в таком крепком месте всего лучше было держать государственных преступников. в 1567 г. кн. Сем. Ростовский был казнен, бывший воеводою в Нижнем. («Сказ. кн. Курбского», пр. 133. Там же рассказ Гванини). Грозный объясняет казнь тем, что Сильвестр и злые его советники «того собаку почали в великом бережении держати и помогати ему всеми благами и не токмо ему, но и всему его роду» (там же, с. 191, сл. с. 96). В синодике Грозного поминается несколько казненных Ростовских; иных по именам называет Курбский.

сие царя с советниками по вопросу о войне Ливонской, причем советники указывали на необходимость покончить с Крымом и все случившееся дурное выставляли наказанием за то, что не слушался их царь, начал войну Ливонскую, — разрыва еще не было¹. Влияние Сильвестра и друзей его тяготило Иоанна: в характере его была черта, тонко подмеченная г. Ждановым: увлекаясь мыслью, он, не привыкший к труду, охотно отдавал подробности другим, вполне доверялся этим другим и потом замечал, что они забрали слишком много власти; тогда он вооружался против тех, кому верил: доверие сменялось подозрительностью; к тому же недовольство на советников у него всегда соединялось с недовольством на себя — черта, очень понятная у человека нервного и не умеющего энергически вести дело. Вот почему Иоанн от доверия перешел к подозрительности, старался окружить себя людьми, которые не выходили бы из повиновения ему, и, научившись презирать этих людей, простер свое презрение на всех, перестал верить в свой народ. Упорная деятельность Петра, постоянная его вера в себя спасли его от неудачи Грозного. В описываемое время царь только еще выходил на ту дорогу, которая привела к полному крушению всех его сил. В 1559 г. захворала Анастасия, больную увезли из Москвы вследствие пожара (июль 1560 г.) в Коломенское, где она скоро скончалась. Во время этой болезни случилось у царя какое-то столкновение с советниками, которых он и так заподозревал в нерасположении к Захарьиным и которые, со своей стороны, считали Захарьиных главной причиной своего падения². Царь был сильно огорчен; тогда начались нашептывания со стороны врагов бывших любимцев. Над Адашевым и Сильвестром наряжен был суд: Сильвестр был послан в Соловки, а Адашев сначала воеводой в Фелин, а после отвезен в Дерпт, где скоро и умер. Сначала казней не было; со сторонников Силь-

¹ О советах вести войну с Крымом Курбский, 63. Об обвинениях говорит Иоанн: «О том на нас лют належаще, и еже убо согрешений наших ради, приключаящихся болезней на нас и на царице нашей и на чадах наших, и сия убо вся вменяху, аки ради же нашего к ним непослушания сия бываху!» (там же, 191). «Еже какова скорбнаго ни сотворится ним, то вся сия Герман ради случися» (там же, 200).

² Иоанн пишет: «Како же убо воспомяну, еже во дарствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение? Единого рода малаго слова непотребна». «Сказ. кн. Курбского», 191; царь ездил в Можайск в октябре 1559 г., возвратился в декабре (Льв. V, 298, 304). Неизвестно с кем было столкновение, но Адашев после того послан в Ливонию («Вивл.» XIII, 311). Сильвестр ушел в Кириллов монастырь, но неизвестно после или прежде кончины царицы: по свидетельству царя, ставшего его отщепенцем после розыска об Адашеве (там же, 192), думать надо после, а из свидетельства Курбского о посланиях Сильвестра и Адашева следует заключить, что прежде (там же, 79); Курбский прямо винит в гонениях на свою партию шурьев царя (там же, 78).

вестра взяты были записи; но скоро заметив, что низложенная партия хлопочет о возвращении власти, царь ожесточился. Таков рассказ Иоанна, и ему нельзя не верить: стремление пораженной партии снова восторжествовать весьма естественно, хотя, с другой стороны, дело, вероятно, не обошлось без преувеличений и со стороны их врагов, начались казни¹. На первых порах Иоанн, впрочем, часто довольствовался заключением в монастырь или ссылкой, причем опальные содержались в довольстве². Со многих взяты поручные записи, что они не отъедут, ясно свидетельствующие о том, что бояре готовы были отъехать. Примеры бывали прежде, были и после; почему же все эти грамоты нужно объяснять только беспричинной подозрительностью царя? По понятиям людей того времени отъезд не был изменой и, принимая литовских отъездчиков, правительство не способствовало изменению этого взгляда.

Намерение отъехать, не удавшееся многим, многим и удалось, следовательно, предположение подобного намерения нельзя считать фантазией грозного царя; оно бывало и действительностью. Так, отъехали Дм. Вишневецкий, казачкий вождь, так энергически действовавший против Крыма, и двое Черкасских, Влад. Заболоцкий, Шашкович и с ними много детей боярских. Литовское правительство не только охотно принимало отъездчиков, но еще само вызывало к отъезду. Так велась переписка с кн. Ив. Дм. Бельским и дана ему была «опасная грамота», но об отъезде узнали; Бельский был помилован, только представил за себя ручателей. Такая же переписка началась с кн. Андр. Мих. Курбским, который в 1564 г. отъехал в Литву из Дерпта³. Пожалованный королем богатymi поместьями, Курбский не отказывался от походов против своих соотечественников. Если в настоящее время многие под влиянием услуг, оказанных им православно в Литовской Руси, под влиянием естественного сострадания, порождаемого чтением рассказов о московских казнях, го-

¹ О казнях см. Курбского, гл. V. Казни не отрицает и Грозный, засвидетельствованы они и Синодиком («Сказ. кн. Курбского» и «Чт. в общ. ист.», 1859, III). Страшны казни Грозного, да век вообще был не мягкий.

² Кн. Воротынский получал содержание на себя, семью и холопов (Литв. ист. 1, № 174); о Шереметеве см. в послании Иоанна в Кирилло-Белозерский монастырь (там же, № 204).

³ См. Александро-Невскую лет. («Русск. ист. библи.» III, 222). Показание этой летописи, что Шибанов тогда был пойман и допрошен основательно, отвергнуто еще Карамзиным (IX, пр. 108). Бельский приписывает бегство Курбского неудаче при Невле (Zbior Pisarzew, XVII, 155–156); но битва эта, по согласному показанию Стрыйковского (II, 412) и Пск. (П. С. Р. Л. IV, 312), происходила в 1562 г., следовательно, если Иоанн и был недоволен Курбским за неудачу, что видно из его письма («Сказ.», 291), то очевидно опала еще не была так страшна, чтобы Курбский торопился с отъездом.

товы почти оправдать Курбского, то обязанность историка состоит в том, чтобы понять истинные мотивы борьбы между грозным царем и его бывшими советниками. К счастью истории, до нас дошли документы этой любопытной тяжбы: переписка Курбского с царем, из которой очевидны воззрения обеих сторон. Кн. Курбский был не просто боярин, он не только защищал право высшего сословия на участие в советах государя, он был потомок удельных князей и, подобно другим потомкам удельных князей, не мог забыть победы московских князей: в письме к Грозному он вспоминает предка своего кн. Феодора Ростиславича¹: указывает на то, что князья его племени «не обыкли тела своего ясти и крови братин своей пити, яко есть некоторым издавна обычай, яко первее дерзнул Юрий Московский»²: он сохраняет с Ярославлем сношения: у него духовник в Ярославле, почему Иоанн и упрекает его в желании «изменным обычаем быть Ярославскому владыце»³. Как Курбский считается предками с Иоанном, так кн. Бельский и Мстиславский считаются предками с королем Сигизмундом Августом⁴. Кн. В. И. Шуйский, вступая на престол, заявил о своих приращенных правах: «до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского на сем Российском государстве быша прародители мои, и по им на суздальский удел разделишася, не отнятием и не от неволи, но по родству, якож обыкли большая братья на большая места седети»⁵. Знаменитый английский путешественник Флетчер ясно указывает на смысл борьбы: «Унизив их таким образом (учреждением опричины), — говорит он, — и захватив их наследственные земли и преимущества и пр., за исключением весьма незначительной доли, которую он оставил им, он дал им другие земли в виде поместий, которыми они владеют, пока угодно царю, земли в далеких от их прежних земель областях, в областях до того отдаленных, что там они не имели ни любви народной, ни влияния, ибо они не там родились и не были там известны. Так что теперь высшая аристократия, называемая удельные князья, сравнена с остальными; только лишь во мнении и любви народной сохраняет она некоторое значение и до сих пор при торжест-

¹ «Сказ.», 154.

² Там же, 223.

³ Там же, 157.

⁴ «Вивл.» XV, 25, 33. Если даже грамоты эти писаны с ведома царя (Карамз. IX, пр. 141), то аргументация их все же интересна.

⁵ С. Г. и Д. II, № 141.

венных случаях пользуется почетными местами»¹. Это весьма важное известие о промене на поместья княженицких вотчин, т. е. остатков бывших уделов, сохранившихся в руках измельчавших княжеских линий, которые вначале казались неопасными, но которые теперь становятся неуместными, должно быть сближено с постановлением 1562 г., ограничивающим право княжат на их вотчины². Так вот с кем и в каком смысле вел борьбу царь Иоанн Васильевич, не забывая своих старых прав, князя, очевидно, смотрели на царя только как на великого князя. Отсюда раздражение против царского титула: «Твоему прегордому и царскому величеству», — пишет Курбский³. Известно, что царский титул, принятый Иоанном, наводил иных на мысль, что царь есть предтеча Антихриста. Княжата могли бы примириться с объединением Руси как фактом, если бы за ними сохранено было право руководить своими советами царя и царь постоянно слушался бы их советов: вспомним, как Курбский библейскими примерами Давида и Ровоама, не послушавших совета «сиглитского» и за то наказанных, доказывает несправедливость внушений Васиана⁴; вспомним и то, что он говорит о наказании царя за нарушение советов Сильвестровых. Иоанна III он хвалит за то, что он слушался советов, хотя в другом месте называет его злым тираном. Недовольный тем, что делается в стране, имеет право, по мнению князя, отъездчика, право «отъехать», перейти на службу к другому государю. Мера, принятая против отъездов Московским правительством — взятие записи с подозреваемых в отъезде, — всего более раздражает кн. Курбского⁵. На теорию по-

¹ Russia at the close of XVI century. London, 1856, 34.

² М.Ф. Владимирский-Буданов: «Христ. по Русскому праву», III, 31. На политику Грозного относительно княжат обратил внимание П.И. Мельников в своих лекциях, читанных в Нижнем в 1846 г. и, к сожалению, не изданных. Лекции эти были читаны до «Ист. Род. отнош.» (см. 694). Пользуюсь этим случаем выразить свою сердечную признательность моему дорогому учителю, которому я обязан многими взглядами. Мена волостей с Владимиром Андреевичем. С. Г. и Д. I, № 187, 188; «Алекс. Невск. лет.» 271—272. Пример мены волости кн. Засекина Ярославской (они — Ярославские) на Владимирскую. «Акты эксп.» I, 290.

³ «Сказания», 220.

⁴ «Сказ.», 44. Быть может, не следует смешивать стремлений князей со стремлениями бояр-дружинников: столкновение Захарьиных (старых московских бояр) с князьями, прибывшими в Москву позднее, указывает (по остроумному замечанию Е.А. Белова) на борьбу между прежними советниками московского князя с князьями, которые свои притязания основывают не на службе, а на происхождении. Все это требует новых изысканий и может повести к важным результатам.

⁵ «А еже пишеши, имаяюще нас изменники для того иже есмы принуждены были от тебя по неволе крест целовати, яко тамо есть у вас обычай, аще бы кто не присягнул, горчайшею смертию да умрет; на сие тебе ответ мой: все премудрые о сем ражаются, аще кто по неволе присягает или клянется, не тому бывает грех, кто целует, но паче тому, кто при-

томка Феодора Ростиславича Смоленского и Ярославского внук Софии Фоминичны, считающий себя преемником царей греческих, отвечает своей теорией. По его теории царская власть установлена Богом (Моисей, Давид). Она существовала и в Римском и Греческом царстве, когда же власть начала делиться, тогда падают царства. Назначение царя покровительствовать благим, карать злых: «Царьбонесть боязнь делом благим, но злым, хошеши ли не бояться власти? благотвори; аще ли злоетвориши, бойся; не бо туне меч по сити, в месть злодеям, в похвалу добродеем»¹. «Жаловати сами своих холопей вольны, а и казнити вольны есмы»². Это утверждение царь подтверждает ссылкой на исторические примеры и на иноземные государства: «А в иных землях сам узришь, елико содевается злыми злая: тамо не поздешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любить, а в иных землях израдец не любят, казнят их, да тем утверждаются»³. Обширное послание Грозного, в котором он старается, с одной стороны, подтвердить свое участие примерами истории и свидетельствами Священного Писания, с другой — доказать, что начало вражды идет от противников, причем указывает на то, что духовные не должны мешаться в дела светские⁴, ясно показывает, что борьба имела реальную основу, хотя по страстности отношения к делу и могла зайти слишком далеко.

Отъезд Курбского и его резкое послание еще сильнее возбудили подозрительность царя: он стал готовиться к нанесению решительного удара тем, кого считал своими врагами; для этого ему нужно было убедиться в том, насколько он может рассчитывать на содействие народа. Вот для чего 3 декабря 1564 г., взяв с собой царицу Марию Темрюковну⁵, царевичей, многих бояр, дворян с семьями, вооружен-

нуждает, аще бы игонения не было; аще ли же кто, прелютаго ради гонения, не бегае, аки бы сам себе убийца, противишися господню словеси: аще, рече, гонят вас во граде, бегайте в другой». «Сказания», 231.

¹ Там же, 169.

² Там же, 179.

³ Там же, 180.

⁴ «Егда же Аарон сотвори людские строи, тогда и от Бога люди отведе... Тако же Дафан и Авирон хотяша восхитити себе власть, — и сами погибоша, и колену Израилю погибель наведоша... егда же Илий жрец взя на ся священство и царство... сам и сынове его злою смертию погибоша и весь Израиль побежден бысть... Видиши ли, яко священство и рядничество неприлично царским владети». «Сказ.» 172—173. См. также различие постнического пребывания, общежития, святительской и царской власти, там же, 176.

⁵ «Ц. и в. кн. женился месяца августа в 21 д. в четверг вечером: а понял за себя Черкаску из Пятигор привезена, а крестил ее на Москве Макарий митрополит в ильин день в ночи той, имя ей нарекли царица и вел. княгиня Марья». Арх., 228. См. Карамзина IX, пр. 61.

ную стражу, всю свою казну и дворцовую святыню, поехал по разным монастырям и наконец остановился в Александровской слободе (город Александров Владимирской губернии). В Москве изумлялись и недоумевали при виде этого неожиданного и необычного отъезда. Недоумение продолжалось до 3 января 1565 г., когда митрополитом Афанасием получена была грамота от царя¹, в которой царь, исчисляя вины бояр, начиная с его малолетства, обвиняя их в корыстолюбии, нерадети, измене, обвиняя духовенство в ходатайстве за изменников, объявляет, что: «Не хотя их многих изменников дел терпити, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его государя Бог наставит». С тем вместе получена была грамота к «православному христианству града Москвы», в которой государь писал, что на них он гнева не имеет.

Странное сообщение поразило всех: духовенство в недоумении, бояре и горожане приступили к митрополиту с просьбами, чтобы он умолил царя, причем горожане указывали просить царя, чтобы он государства не оставлял, и их на расхищение волков не давал, «наипаче от рук сильных избавлял»; и те и другие равно выразили мысль, что изменников государь волен казнить как ему угодно. С этим полномочием поехала из Москвы депутация из разных чинов людей, во главе которой стоял Пимен, архиепископ Новгородский. 5-го депутаты приехали в слободу. Царь склонился на просьбу и объявил, что снова принимает власть с тем, что будет казнить изменников, и при этом сказал, что из государства и двора он выделяет себе часть, которую назвал опричиной. За тем последовало определение тех волостей, городов и московских улиц, которые взяты в опричину. Затем выбрал государь 1000 чел. князей, дворян и детей боярских, которые все должны были иметь свои поместья в отведенных под опричину волостях. Все остальное государство названо было земщиной и отдано в управление земских бояр. В 1575 г. во главе земства поставлен был с титулом в. князя всея Руси (а после Тверского) крещеный под именем Симеона Касимовский царь Саик Булат Бекбулатович. Земские бояре заведовали всеми текущими делами, «а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и боярам о тех делах приходит к государю, и государь, проговоря с бояры, тем делам управу велит чи-

¹ Макарий умер в декабре 1563 г., Афанасий поставлен в феврале 1564 г. (Алекс.-Невск. лет., 198, 215).

нити». Многие, подозреваемые в измене, были казнены, другие посланы в ссылку, в Казань¹.

Значение опричины верно и метко оценено С.М. Соловьевым; по его мысли, Иоанн, заподозрив бояр, не мог прогнать их всех от себя и потому удалился от них сам, окружив себя новыми людьми, построив себе новый дворец, уйдя в Александровскую слободу. Такое удаление государя от земли имело гибельные следствия: люди простые, видя, что государь, недовольный правителями, все-таки оставляет их править, должны были оставаться в недоумении; связь между государем и государством разрывалась. Этим разрывом пользуются опричники: наговаривая государю на земских, они пользуются полной безнаказанностью: на них никто не жалуется. Отсюда понятна общая ненависть к опричникам². Новое обстоятельство еще усилило подозрение Иоанна: литовский гонец Козлов привез к московским боярам грамоты от короля и гетмана; грамоты были перехвачены; от имени бояр посланы бранчивые ответы; за эту переписку поплатился жизнью конюший Челяднин с некоторыми друзьями.

Еще в послании Грозного к духовенству из слободы видели мы его недовольство на обычай духовенства «печаловаться» за осужденных, но самое серьезное столкновение по этому вопросу последовало тогда, когда на первосвятительскую кафедру взошел славный своей жизнью Соловецкий игумен Филипп из боярского рода Колычевых³.

¹ Рассказ основан на «Алекс. Невск. лет.», 246–258. Многие казни у Курбского с известным преувеличением (гл. VI и VII), о ссыльных в Казань см. в интересной книге О. Платона Заринского: «Очерк др. Казани». Казань, 1877 г. гл. IV. Эта книга появилась уже тогда, когда те страницы, где описана осада казанская, были напечатаны, потому скажем здесь, что книга эта необходима для изучения осады 1552 г. Ставшие популярными рассказы об опрличине и жизни царя Иоанна в Александровской слободе заимствуются преимущественно из донесения Таубе и Крузе Кетлеру. Эти ливонцы служили Грозному, но, изменив ему, описали его в самых черных красках. Донесение их издано в «Samml. Rassisch. Gesch.» X, 1, 187–241. Пользующиеся этим рассказом не должны упускать из виду предисловия издателя. Замечания на их сказания помещены Арцыбашевым в «Вестн. Европы», ч. 167, а также в прим. «Повест. о России».

² «Ист. Росс.» VI, 219–221. в «Сокр. Врем. публ. библ.» (Соловьев VI, пр. 84) объясняется опричина Божиим попушением за грехи; во «Псковской» несколько иначе: «по грехам Русския земли воссташа мятеж велик и ненависть во всех людях и межусобная брань, и беда велика, и государя на гнев подвигли и за великую измену государь царь учинише опричину; и бысть мятеж по всей земле и разделение... и оттого бысть запустение велие Русской земле» (П. С. Р. Л. IV, 343). Эпистолия Ивашки Пересветова — оправдание казни бояр в «Изборнике» А.Н. Попова. Опричина продолжала под именем двора существовать до смерти Иоанна (Соловьев, VI, 236).

³ Филипп поставлен июля 25-го 1566 г.

Молодость свою Филипп провел при дворе, но когда Колычевых постигла опала по делу кн. Андрея Ивановича, он удалился в Соловки. Здесь через 10 лет он достиг сана игумена и строго и благоразумно управлял в течение 18 лет. Он зорко следил за нравами монахов и ревностно заботился о хозяйстве монастырском: украсил обитель новыми зданием, улучшил варницы, устроил водяные мельницы, завел скотный двор, осушал болота, прокладывал дороги, испрашивал у царя жалованной грамоты на недвижимые имущества. Зная лично и уважая Филиппа, государь предложил ему кафедру митрополита; Филипп начал отрекаться, но, «понуждаемый» царем и собором, согласился только под условием уничтожения опричины. Царь оскорбился; собору удалось примирить их, и Филипп, принимая митрополию, давал обещание в «опричину и царский домовый обиход не вступаться»¹. Все, по-видимому, уладилось, но подозрение запало в душу царя, а Филипп начал ходатайствовать за опальных и обличать царя. Между ними было несколько столкновений. Враги Филиппа, в числе которых были духовные лица, между прочим и духовник царский, постоянно нашептывавшие царю на митрополита, наконец, торжествовали: Филипп уехал в монастырь Николаевский (теперь Греческий на Никольской), но все еще служил; на крестном ходу 28 июля заметил он опричника в тафье и обличил его, царь рассердился тем более что, когда он оглянулся, тафья была снята. Тогда над Филиппом наряжен был суд, и в Соловки послана комиссия для собрания сведений о Филиппе. Во главе комиссии стоял Пафнутий, архиепископ Суздальский. Лестью, обещаниями склонили они игумена Паисия и старцев дать показания против Филиппа. 8 ноября 1568 г. Филиппа заставили служить; во время службы опричники схватили его в церкви; на другой день торжественно лишили сана и скоро свезли в Отроч монастырь (в Твери), где во время похода Иоанна на Новгород (декабрь 1569 г.) Филипп был задушен.

Нет никакого сомнения в том, что в столкновении с Филиппом Иоанн был не прав, но не следует забывать, что после Сильвестра Иоанн всего ревнивей оберегал себя от вмешательства в дела царские духовной власти; что по его теории — как мы уже видели — смешение властей вело к гибели и что, наконец, его в собственных глазах как бы оправдывало соучастие духовных лиц и свидетельства представителей обители Соловецкой, хорошо знавших Филиппа и им облагодетельствованных. При-

¹ С. Г. и Д. I, № 193.

бавим еще, что Филипп принадлежал к роду боярскому, да еще заподозренному в смуте времен малолетства Грозного царя¹.

Вскоре после низведения св. Филиппа погиб двоюродный брат царя Владимир Андреевич (январь 1569), в котором Иоанн видел, и быть может не без оснований, опасного претендента². Не без связи с делом Владимира стоит Новгородский погром. В январе 1570 г. Иоанн приехал в Новгород; по дороге он останавливался в Клину и Твери, которые много пострадали и от казней и от опустошений опричников. В Новгороде совершено было много казней, свергнут архиепископ; страшно грабили опричники. Ужас напал на новгородцев; Иоанн же, объявив милость оставшимся трепещущим горожанам, проехал во Псков, который один миновал его гнева. Возвратясь в Москву, он начал следственное дело, по которому призваны были к суду и казнены многие бояре, в том числе любимцы Грозного Басмановы отец и сын, а кн. Ал. Вяземский умер от пытки. Сыскное изменное дело, верно замечает историк нашего времени, до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событиях³. Недоверие царя не только к старым боярам, но и людям, им самим избранным, постоянные разочарования, которых он по характеру своему не мог миновать, ибо требовал от людей, чтобы они во всем удовлетворяли его, должны были тяжело лечь на его душу. Мысль о непрочности своего положения, кажется, с особой силой овладела им в последние годы. До нас дошло его завещание, относимое к 1572 г. Страшным воплем больной души начинается этот замечательный памятник: «Струпии телесны и душевны умножишася и не сущу врагу изце-

¹ К сожалению, историк лишен еще пока по состоянию наших материалов возможности полной проверки жития Филиппа, которое очевидно враждебно светской власти.

² Мать князя Владимира Ефросинья была пострижена в 1563 г. по доносу некоего Саблукова «Алекс.-Невск. лет.» 180—182. («Русск. ист. библи.» III). После она потоплена в Шексне. Синодик («Ск. кн. Курбского», 413). Мы уже указывали на стеснения Владимира, на мены поместий и т. д. Различие в известиях иностранцев о смерти Владимира см. Карамзина IX, пр. 277; Арцыбашева кн. IV, пр. 1890. в переписной книге посольского приказа 1626. По случаю розыска о новгородских делах поминается о намерении арх. Пимена возвести на престол Владимира Андреевича (Карамзин IX, пр. 299). С. М. Соловьев приводит убедительные доказательства, что сын Владимира остался жив (VI, пр. 90).

³ «Ист. России», VI, 230. Подробный рассказ о Новгородском погроме в Л. Новг. III (П. С. Р. Л. III, 253—262), сведения о доносе в «Ядре Росс. Истории» (3-е изд., 227). Указание на сыскное дело в переписной книге посольского приказа (Карамзин, IX, пр. 299). в Синодике поминается новгородцев погибших 1505 чел. («Сказ. кн. Курбск.», 417, другие показания там же). Не знаем, насколько принадлежит народу записанное П. М. Якушкиным предание о погроме («Путевые письма». СПб., 1860, 121—122). Псковский летописец приписывает все эти события чародействам лекаря немца Бомелия (П. С. Р. Л. IV, 318).

ляющему мя, ждах иже со мной поскорбити, и не бе, утешающих не обретох; въздаша ми злая во благая и ненависть за възлюбление мое». Он предполагает себя уже изгнанным «от бояр самовольства их ради». Детям он советует: «Всякому делу навывайте и божественному, и священническому и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, а здешнее государство с иными государствами что имеет: то бы есте сами знали», «а чего сами не познаете, и вы не сами станете своими государствами владети, и людьми».

Детям он советует жить в мире: старшему (Иоанну) оставляет царство, а младшему (Феодору) назначает уделы, но не дает ему части в Москве, что всегда делалось, и тщательно определяет отношения младшего к старшему: он приказывает ему не выходить из воли старшего брата и не поднимать на него оружия, даже и в случае обиды от него. Мысль о непрочности своего положения Иоанн высказывал и в сношениях с Англией, где на случай изгнания искал он себе убежища. Даже любимый сын, царевич Иоанн, не миновал подозрительности царской; во время величайших неудач Грозного в 1581 г. между отцом и сыном произошло столкновение; говорят будто царевич указывал необходимость выручки Пскова; гневный царь ударил его жезлом; через 4 дня царевич умер¹. Царь в тоске готов был даже отказаться от престола, но его уговорили остаться. Вот до чего дошел под конец жизни покоритель Казани!

Баторий. Сибирь. Характер Грозного царя

Падение ордена поставило лицом к лицу державы, между которыми разделилось его наследство: Эрик XIV, заключивши трактат с Россией, обратился на Данию, а России пришлось столкнуться с Литвой. После разрыва переговоров о браке царя с королевной Екатериной и приеме королем во владение Ливонии Сигизмунд Август послал в Москву послом Корсака с предложением вывести и русское и литовское войска из Лифляндии и вступить в переговоры о мире. Из Москвы отвечали отказом и указывали на сношения короля с ханом²: попробовали завести сноше-

¹ Карамз. IX, пр. 610—612; царевич Иоанн был женат четыре раза; он разделял все оргии отца; так же, как он разводился; но разделял и его литературные вкусы: «Житие Антония Сийского» было им сочинено (там же, пр. 612).

² Метрика, I, 136, 137; Бантыш-Каменский, 213—215. Сношения с ханом велись, и в метрике мы находим грамоты, подзывающие Девлета Гирея на Москву и 1560 и 1562 г., 133, 138.

ния от имени епископа Виленского и панов с митрополитом и боярами, но сношения кончились неудачей: бояре, между прочим, указывали на то, что самая Литва есть вотчина в. государя, и делали сравнение между русскими государями «прирожденными» и литовскими «посаженными»; ответы писаны, очевидно, самим царем. В переговорах и мелких столкновениях (так, Курбский потерпел неудачу у Невля) прошел весь 1562 г., а в январе 1563 г. войско, предводительствуемое царем, двинулось к Полоцку; 15 февраля город сдался¹. Русские отряды появились у самой Вильны. Царь уехал в Москву, отпустив из Полоцка тех из шляхты, кто хотел уйти, приказав боярам отвечать гонцам из Литвы, что они готовы на мирные переговоры, поставив в городе воевод кн. П.И. Шуйского, В. и П. Сем. Серебряных, которым было наказано укреплять город; управлять, «распрося про здешние всякие обиходы», для суда избрать голов добрых из дворян, судить по местным обычаям. в Москве ждала царя торжественная встреча, после чего поставлен был в Полоцке архиепископ. Ясно, что Полоцк полагали сохранить. После взятия Полоцка снова пошли бесплодные переговоры с Литвой; но когда и большое посольство Юрия Хоткевича, при котором было 394 чел. свиты, уехало из Москвы, не доведя дела до конца, царь приказал войску своему из Полоцка двинуться. 26 янв. 1564 г. войско это, предводимое кн. П.И. Шуйским, разбито было Николаем Радзивиллом близ города Чашников на р. Уле; Шуйский был убит; русских было убито и пленено много, но многие бежали в Полоцк. После этого набега война продолжалась взаимными набегами, а между тем заключены договоры с Данией и Швецией². От Крыма Россия тоже казалась обеспеченной: ловкий русский посол Афанасий Нагой умел лестью и дарами так подействовать на хана, что заключено было перемирие на два года, и ханский гонец в июле 1564 г. сообщил в Москве, что стараниями

¹ П. С. Р. Л. IV, 314. При взятии Полоцка были утоплены жиды. Алекс.-Невская лет. 161—166. Успехи московские поразили Европу.

² С Данией еще до битвы при Уле в авг. 1562, Busching's Magazin VII, Archiv-Nachrichten von Unterhalt, zwischen Russ. und. Dän. Hofe, 391. Алекс.-Невск. 197, Пск. 1 (П. С. Р. Л. IV, 315). Окончательно утвержден в 1564 г. Стат. список посольства Ромодановского в «Маяк» 1841, ч. XX. Со Швецией в сентябре 1564 г. подписан договор (он напечатан у Шафирова «Рассуждение, какия причины Петр В. к начатию войны имел». СПб., 1788, 231—257). Договором этим Ревель, Пернов и другие города уступались Эриху «п. ч., — говорит летописец, — ц. и в. кн. с литовским королем велось большое дело. а как с литовским королем постановление учинится и со свейским королем перемирные годы выйдут, и государю прося у Бога милости над Колыванью... тогда промыслиати» Александро-Невск. 220—230. Договор обеспечивал беспрепятственную торговлю с Нарвой. Кетлер просил цезаря воспрепятствовать торговле немецких купцов с Нарвой, но цезарь отказал (Герман III, 233).

хана Сулейман отказался от мысли отвоевать от нас Астрахань¹, но подстрекаемый большими дарами Литвы и полагая, что царь пошел к Полоцку, хан в октябре пришел на Рязань; мужественно отраженные любимцами Иоанна Басмановыми и узнав, что царь в поход не уходил, крымцы ушли восвояси; литовцы же посылали войско к Полоцку, но неудачно. После того русские взяли Озерище². В конце 1565 г. снова начались переговоры с Литвой; когда послы литовские готовы были уступить все города, занятые русскими войсками, Иоанн решился спросить у земли совета — не прекратить ли теперь войну. Летом 1566 г. собрался в Москве Земский собор; голоса всех сословий соединились в одинаковые желания, которые так выражены торопецкими помещиками: «Мы холопы его государевы за одну десятину полотцкого и озерницкого повету головы положим, чем нам в Полоцке помереть запертыми; а мы холопы его государские ныне на конех служим, и мы за его государств (дело) с коня помрем... государя нашего перед королем правда; как государь наш Ливонские земли не воевал и тесноты им не чинил, и король тогда не умел вступить, а ныне король вступився, и нам ся видит: за те города государю стояти крепко». Подкрепленный таким постановлением царь послал умного Колычева в Литву требовать признания Ливонии за Россией: в ответ на что заслан был от короля гонец с объявлением войны. Гетман Ян Ходкевич осадил Улу (1568, март), но должен был отступить по причине неповиновения войска, осенью же нападения возобновились, и Ула была взята и сожжена. Сношения, однако, возобновились: в Литве, ввиду болезненности короля, которым прекращалась династия, становились уступчивее: гонец, приехавший просить «опасной грамоты» на больших послов, назвал Иоанна царем³, но литовцы захватили в это время Изборск обманом, но город был отнят, а с требованием объяснения по этому поводу послан был в Литву Мясоедов; с ним послана была опасная грамота⁴. В 1570 г. приехали послы Кротошев-

¹ Карамзин IX, пр. 76. Наблюдение за астраханцами, которым он не доверял, царь поручил Ногайскому князю Измаилу, и после его смерти его детям (Пр. Др. Росс. Вивл. X, XI passim).

² Алекс. Невск. 230—246 (о Полоцке донесение воеводы кн. Щенятева) Пск. I (П. С. Р. Л. IV, 316). В том же году Курбский делал еще набег, причем разорял церкви. В оправдание Грозному, обвинявшему его за это, Курбский указывает на своих союзников («Сказания», 232).

³ Соловьев, VI, 266. Известно, что царского титула в Польше не признавали.

⁴ Мертика I, № 180—181: Мясоедову поручено было разведать: «каким обычаем слово в Литве и Польше носится, что хотят взять на великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана?.. обманом или в правду того хотят и все ли люди того хотят». Соловьев, VI, 267. Любопытно, как отнесся Грозный на извещение о Люблинской Унии: он

ский и Тавлош, которые заключили перемирие на три года на основании *ubi possidetis*.

Во время переговоров послы выразили царю мысль, что желают избрать государя «от славянской рады» и останавливаются на нем. Царь, произнеся обширную речь в доказательство того, что войну начал не он, заметил, что он не ищет выбора, а если они хотят его, то «вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим и всем говорить, чтобы христианство было в покое»¹. За выбором Иоанн не гнался: ему важна была Ливония, за Ливонию он готов был отдать и Полоцк. Но Ливонию не уступит охотно ни Польша, ни Швеция, овладеть ей трудно, и вот явилась мысль создать в Ливонии вассальное государство. Вначале обратили внимание на Фюрстенберга, жившего пленником в России. В 1564 г. прибыли в Москву послы от магистра немецкого ордена, привезшие грамоту от цезаря и просившие освободить Фюрстенберга; но так как магистр умалчивал о своем прежнем предложении, чтобы царь освободил для него Пруссии от Польши, за то послам было отказано. С Фюрстенбергом, однако, ведены были сношения; ему предложили условия, на которых его ставили вассальным государем Ливонии². Старый магистр, говорят, потому не принял этих условий, что не желал нарушить своей присяги империи. Тогда обратились в другую сторону. В числе пленных немцев, которыми Грозный любил себя окружать в эту пору, которым позволил построить церковь в Москве и пастору которых поручил разбор своей библиотеки, особенной благосклонностью его пользовались тогда Иоганн Таубе и Элерт Крузе. Эти любимцы указали на двух кандидатов: Кетлера и Магнуса. Им поручено было вести сношения, и они отправились в Ливонию. Кетлер даже не отвечал на предложение, но Магнус вошел в переговоры и в марте 1570 г. сам поехал в Москву; Иоанн заставил

захохотал и сказал: «Это не впервые произошла уния — она совершилась лет 120—130 тому назад». А. С. Травецкий «Польское Безкорольеве». М., 1869, Введ. XXXI.

¹ Соловьев VI, 268. Послам нашим в Литву поручалось вызнать об этом деле, также объяснить московские дела в благоприятном свете. Послы доносили, что царя хотят многие и уже начали шить московские платья. *Ib.* 269—270. См. также Малиновского: «Ист. доказ. о давнем желании польского народа присоединиться к России», 14—15, пр. («Тр. Общ. Ист. и Др.» VI).

² Условия эти следующие: 1) восстанавливаются все церкви православные в Ливонии; 2) все главные крепости остаются в руках русских; 3) при нем постоянно должны находиться 6 русских «советников, без согласия которых он ничего не может сделать»; 4) за помощью военной он может обращаться только в Москву, а к иным государям не иначе, как с согласия русских; 5) по смерти Фюрстенберга царь может назначить ему преемника. Письмо Коммендоне в Рим 1564 г. дек. 19. «Hist. Russ. Mon.», I, 203.

его присягнуть в верности, назвал его королем Ливонии и назначил ему в невесты племянницу свою, дочь Владимира Андреевича¹. Обласканный в Москве, снабженный войском, к которому со всех сторон, даже и из Курляндии, начали приставать немцы, Магнус в августе 1570 г. вступил в Эстляндию и осадил Ревель. Начать поход против Лифляндии было невозможно по случаю только что заключенного перемирия между Россией и Литвой, а в Эстляндии дела стояли иначе: Эрих XIV, с которым Иоанн был в хороших отношениях и с которым велись переговоры о выдаче царю Екaterины, невестки короля и сестры Сигизмунда-Августа², был свергнут братом своим Иоанном (1566 г.). Послы, присланные новым королем, вели переговоры, когда в Россию приехал Магнус. Под влиянием вновь затеянного дела с послами прервали переговоры и сослали их в Муром. Еще Таубе и Крузе во время своей ливонской поездки старались, но тщетно, склонить Ревель поддаться русскому государю. Чего не удалось достигнуть переговорами, то теперь решились попробовать оружием. Тридцать недель продолжалась осада Ревеля (20 авг. 1570 — 16 марта 1571); мужество осажденных, подвоз морем снарядов и припасов из Швеции заставили наконец Магнуса снять осаду. Магнус удалился в Оберпален. А оттуда на Эзель, опасаясь гнева царского, но вскоре успокоен был Иоанном; в страхе от того же гнева Таубе и Крузе изменили России: они пробовали было овладеть Дерптом, но, потерпев неудачу, бежали в Польшу. Так неуспешна была первая попытка Магнуса, но опасения, порожденные ей, были так велики, что при посредстве цезаря и короля французского заключен мир между Швецией и Данией, причем цезарь принял на себя посредничество по делам Лифляндским³.

¹ Свадьба Магнуса с Мариею Владимировной совершена в 1573 г. («Вивл.» XIII, 97). Условия Магнуса были сообщены в Варшаве пленным его секретарем Гроссом. Условия эти следующие: 1) Магнус получает Ливонию в наследственное вассальное владение; 2) если царь сам ведет войско, Магнус лично должен вывести в поле 1500 чел., если не приведет войско, должен внести деньгами; если царь нейдет, сам Магнус не обязан идти; 3) если царь пошлет в помощь Магнусу своих воевод, то они состоят под начальством Магнуса; 4) Ливонии подтверждаются ее старые права; 5) Аугсбургское исповедание сохраняется, «*Salva appellations ad principem Moschorum*»; 7) Ливонии даруется право беспрепятственной торговли, под условием пропуска в Москву всяких ремесленников; 8) наследник Магнуса будет назначен по выбору Ливонии (Hist. Mon. I, № 151). Король датский считал, как выразился в письме к герцогу Мекленбургскому, дело Магнуса рискованным, но не отступался от него до конца 1570 г. Шиман: «Charakterköpfe», 88. О браке Магнуса см. Д.В. Цветаева: «Из ист. брачн. дел». М., 1885.

² Впоследствии царь уверял короля Иоанна, что он считал ее вдовой и бездетной. Далин, ч. III, т. II, 3.

³ Далин, ч. III, т. II, 17—22. Для нас важно следующее: «Морехожение к Нарве имеет быть свободно для подданных обоих государств: лифляндские дела и споры с принцем Магнусом представить императору, который, однако, если бы пожелал, мог бы выкупить Лифляндию, и предложить Дании право защиты над оною». Цезарь обещал Ревелю хода-

Устремив внимание на Ливонию, Московское правительство не могло, однако, упускать из виду ни южной своей границы, угрожаемой татарами, ни особенно своих новых завоеваний в бывших татарских портах. С татарами, цель которых ограничивалась грабежом, хотя и трудно было ладить в особенности потому, что на аукционе крымском мы встречали важного соперника — короля польского, и по слову одного из князей татарских русскому посланнику Нагому: «Татарин любит того, кто ему больше даст, тот ему и друг», но все же можно было откупиться от хана или напугать его; но завоевание татарских царств вызвало против нас другого могущественного врага: султан Турецкий, преемник халифов, не мог не взволноваться нарушением целостности мусульманского мира, и еще Солиман требовал от хана пособия в походе на Астрахань. Крымцы, боясь усиления турок в их соседстве, всеми средствами отклоняли эту мысль; но, наконец, в 1569 г. Селим настоял на замысле отца: турецкое войско отправилось из Кафы с целью прорыть канал из Дона в Волгу и потом или завладеть Астраханью, или поставить вблизи ее новый город. Хан тоже должен был участвовать в этом походе; но канал не удался, брать город не решились, узнав о готовности русских к обороне; строить же новый оказалось невозможным по причине возмущения войск. Так неудачно для турок кончилось первое их столкновение с Россией¹. В 1570 г. царь послал в Константинополь Новосильцева, в 1571 г. — Кузьминского; послы должны были убедить султана в том, что в России мусульмане не стеснены, но султан требовал Казани, Астрахани и даже подчинения царя; по его желанию хан готовился к нашествию. Тревожно было лето 1570 г.: войско стояло на Оке, сам царь два раза приезжал к нему. Весной 1571 г. хан, предупрежденный русскими изменниками, сообщившими ему об истощении страны от войны, казней, голода и мора², переправился через Оку так, что отразил царя, стоявшего у Серпухова; от главного войска царь ушел к Ростову; воеводы (Мстиславский, И. П. Шуйский) пошли к Москве; хану удалось пограбить и зажечь посад, но брать Кремль он не решился³. В начавшихся после этого переговорах Иоанн

тайствовать в Москве о дозволении Вендским городам снабжать город военными снарядами и съестными припасами. Рихтер II, 19.

¹ Соловьев, VI, 291—294; Карамзин, IX, 74—77; оба историка основывают свой рассказ на показании С. Мальцева, очевидца этого похода, куда его вели пленником.

² О голоде, продолжавшемся до 1572 г. см. Карамзина, IX, пр. 326—328. Кн. Мстиславский в данной им на себя записи (С. Г. и Д. I, № 196) кается в том, что призывал хана.

³ Ник. VII, 313—314; Флетчер, 85—86 (известие его о погибших будто 800 000 чел. очевидно преувеличено, хотя и следует признать с С. М. Соловьевым, что в Москве скопилось тогда много бежавших из соседних мест); у Гаклюита I, 452 есть письмо о пожаре Москвы англичанина-очевидца. См. также Hist. Mon. I, № 155.

предлагал уступить Астрахань, но только требовал времени; хан запрашивал и Казань, а потом стал просить денег, на что Иоанн отвечал гонцу: «Землю он нашу вывоевал, и земля наша от его войны стала пуста, и взять ни с кого ничего нельзя» и послал хану 200 рублей. В 1572 г. хан снова явился на Оке и был у Лопасни отражен кн. М.И. Воротынским, после чего Иоанн на предложение отдать Астрахань отвечал прямым отказом.

7 июля 1572 г. умер в Крышине (Гродненской губернии) последний из Ягеллонов. По смерти Сигизмунда-Августа начинается период избирательных королей в Польше, открывается арена для разных влияний, борьбы партий — всего, что ускоряет падение Польши. Бездетность короля побудила поляков настоять на окончательном соединении Литвы с короной, что и совершилось в 1569 г. в Люблине. Теперь же, когда король был отчаянно болен, поднялся вопрос о выборе ему преемника — и тут же явилось со стороны Литвы желание разорвать вновь скрепленные узы, а со стороны Польши стремление еще более скрепить их. Между кандидатами на осиротевший престол выдвинулся и царь Московский; выбор его был бы приятен многим; были его приверженцы и в Польше. Намеки о возможности этого выбора делались, как мы видели, в Москве еще с 1569 г., по смерти короля сношения эти продолжались, ибо сторонников Москвы было много, с другой стороны, грозя войной, царь требовал, чтобы слали послов для заключения мира. В начале 1573 г. прибыл в Москву литовский гонец Ф. Воропай с извещением о смерти короля и просьбой о сохранении мира; царь обещал мир сохранять и предлагал Полоцк в обмен на Ливонию по Двину; на случай выбора его в короли царь сказал: «Не только поганство, но ни Рим, никакое другое королевство не могло бы подняться на нас, если бы земля ваша стала за одно с нами»¹. Литовцы, видя, что вожди поляков медлят посылать послов в Москву, отправили от себя писаря своего Михаила Гарабурду. В переговорах с Гарабурдой царь высказал свое желание владеть в Польше и Литве наследственно, даже требовал написать Киев к Москве, Ливонией не поступался. Поняв, что на этих условиях его не возьмут, указывал кандидатом сына цезаря: «Королевство мне, — говорил он, — не новина; а сын мой молод (Феодор) и государства ему справить не мочно, а прошали бы ляхи и литва у цезаря сына на государ-

¹ Ответы царя литовск. панам через Ф.З. Воропая «Mon. Hist.» 1, № 163. «Всезнающий секретарь французского посольства в Польше считал Московского самым опасным соперником Франции, ибо «тогда не было человека в Речи Посполитой, который не сознавал бы очевидных выгод прочного мира и соединения двух великих и могущественных государств». «Польское безкоролевье», 257.

ство». Итак, царь ждал, что ему станет бить челом Польская и Литовская земля; при его постоянной иронии над избранными государями он и не мог иначе поставить вопроса; поступиться интересами Русской земли он также не мог. В короли был избран, как известно, Генрих Валуа (впоследствии король французский); а между тем цезарь сносился с царем, предлагая ему поделить между собой наследство Сигизмунда-Августа: Польшу к Австрии, Литву к Москве; но предложение не имело практических последствий.

Когда Генрих, получив престол французский, ушел из Польши, снова возобновились переговоры о польской и литовской короне. Извещение об этом событии было послано в Москву минским каштеляном Глебовичем с указанием на то, как действовать царю, чтобы достигнуть избрания в короли. С московским гонцом, посланным требовать опасы для послов, примас Ян Уханский тайно прислал к царю образец грамот, с которыми следовало бы, по мнению примаса, обратиться к избирателям. Им следовало сказать, что царь — христианин и что по родству народному и для обороны от неверных следует избрать его и что он соблюдет все обычаи. Виленский каштелян Ян Хоткевич, со своей стороны, умолял скорее прислать послов. Иоанн действительно послал грамоты, но в них только благодарил за старание о выборе его и обещал свою милость. Но даже везшим и эти грамоты, не обязывающие ни к чему, велено было приостановиться в Смоленске. В Москву приехало в янв. 1576 г. цезарское посольство, во главе которого стояли Ян Кобенцель и Даниил принц фон Бухау. От переговоров этих ждали разрешения поднятого вопроса об отделении Польши от Литвы. Но окончательного решения не последовало: послы предлагали уступку Киева и Ливонии, но отделение Литвы считали невозможным; впрочем, обещали, что цезарь пришлет новых послов. Иоанн послал своих послов кн. Сугорского и Арцыбашева торопить цезарский двор заключением ясного и определенного трактата, а между тем написал грамоты к панам коронным и литовским: первым предлагал избрать эрцгерцога Эрнеста и предостерегал их от выбора султанского подручника, т. е. Семиградского князя Стефана Батория, о котором уже начинались толки, а вторых он извещал, что на выбор в в. князя его или сына он согласится, но если Литва не пожелает отделиться от короны, то пусть выберут Эрнеста. Все эти переговоры не привели ни к чему; Максимилиан ничего не делал даже и тогда, когда избран был лично в короли значительной партией, и даже раздражал Иоанна просьбами за Ливонию; Иоанн не хотел послать послов на сейм, и вос-

торжествовал Стефан Баторий, который женился на сестре Сигизмунда-Августа, Анне (1576).

Если внутренние неурядицы Польши, с одной стороны, и надежды царя на то, что или выбран будет король ему угодный, или вся земля «ударит челом» ему, с другой, отсрочивали вооруженное столкновение Руси с Речью Посполитой, то столкновение между Русью и Швецией было неизбежно. Царь после неудач Магнуса под Ригой и после сожжения Москвы ханом вызвал послов шведских из Муром в Новгород и здесь, предъявив сначала громадные требования, чтобы король признал его верховным своим государем, допустил бы внесение своего герба в русский и т. п., отпустил послов с тем, чтобы король обязался прислать новых для переговоров, поставить России вспомогательные войска, а главное — отказался бы от Ливонии: в письме к королю царь указывал на то, что на цезаря надежда пустая. Требования, разумеется, не были приняты; началась с обеих сторон оскорбительная переписка: «Воровство ваше все наруже, а прометываетесь как гад разными видами»¹, — писал царь, видя, что король не шлет послов. «Ты до несносности глуп, до грубости надмен и без всякого воспитания, что надобно думать, яко бы отец твой бых монах или крестьянин» — отвечал король. Царь не оставался в долгу: «И ты взяв собачий рот, — писал он после взятия Витгенштейна, — да хоть за посмеих лаяти»². Король кинулся искать помощи и в Польше, и у цезаря, но нигде не найдя, должен был бороться одними своими силами. В декабре 1572 г. сам царь двинулся в Эстляндию и осадил город Лайду (Витгенштейн); под этим городом убит печальной памяти Малюта Скуратов; 1 января 1573 г. город был взят. «Первая крепость, взятая московитами штурмом», — говорит ливонский летописец³. Поручив дальнейшее ведение войны двум отрядам, поставив во главе одного касимовского царя Саик-Булата, во главе другого Магнуса, царь возвратился в Новгород, русские взяли несколько мелких крепостей, но при замке Лоде (Коловерть) шведский генерал Тотт разбил войско Саик-Булата, и этот последний возвратился в Новгород.

Тогда царь отдал на решение своих воевод, что делать, и, по мнению кн. Воротынского, постановлено начать переговоры. Принятию решения способствовала весть о восстании Черемис. Переговоры тянулись долго,

¹ Шербаков, т. V, ч. IV, 139; Лет. Зан. Арх. Комм. V; Мет. 30—33; в Вивл. XV, 80; в этом месте бессмыслица.

² Шербаков, 155; Лет. Занят. V, Мет., 33—47.

³ Руссов, 98. Комендант Бой и многие из гарнизона были казнены, там же. Факт этот подтверждают и Русские летописи (Ник. VIII, 316; Пск. I, 319).

продолжались и набеги, и только в июле 1575 г. на р. Сестре заключено перемирие на два года между Новгородом и Финляндией¹. Современники понимали, что цель перемирия: обеспечив себя со стороны Финляндии, сильнее действовать в Ливонии². Король шведский через гонца прямо известил царя, что свои права на Эстляндию он намерен передать царю и «вы, — прибавляет он, — тогда о Колывани промышляйте»³. В Москве и без того решено было промышлять. Летом 1575 г. русское войско, опустошив многие места, взяло Пернов⁴, а затем сдались некоторые другие города, между прочими — Гапсаль. В январе 1577 г. русское войско в числе 50 000 чел., предводимое кн. И.Ф. Мстиславским и И.В. Шереметевым меньшим, двинулось к Колывани (Ревелю). Осада, продолжавшаяся полтора месяца, была неудачна⁵. Летом 1577 г. сам царь с царевичем Иоанном выступил в Ливонский поход: на этот раз русские пошли не к Ревелю, а в польскую Лифляндию; польский наместник Ходкевич не решился сопротивляться и удалился. Это было началом войны с Польшей, с новым королем, с которой сношения были не особенно дружественны: послы Батория Грузинский и Буховецкий приезжали в Москву в конце 1576 г., но в грамоте государь русский не был назван царем и ему не дано было титула Смоленский и Полоцкий; сам же король называл себя Лифляндским; в Москве требовали поправления всего этого, но с тем вместе не решались называть Батория братом царя, так как, будучи князем Седмиградским, он был подданным венгерского короля. Послы уехали, известив, что король пришлет полномочных послов. В течение полгода обещание это не было исполнено. Во Пскове царь имел свидание с Магнусом, который в то время уже сносился и с Кетлером, и с Баторием. Вступив в Лифляндию, русские войска заняли несколько городов; сопротивлявшиеся подверглись или избиению, или продаже татарам: такова была тогдашняя

¹ Договор у Шербат. № 24. Предложение Дании принять посредничество было отстранено. Archiv-Nachr. у Бюшинга (VII, 305). В 1573 г. царь писал в Данию, подстрекая действовать против шведских каперов, мешающих торговле с Нарвой (там же, 304). Швеция всеми мерами мешала этой торговле: в 1574 г. капера ее захватили 16 кораблей любекских; хотела заградить вход в Нарву, но корабли ее разнесло бурей; просила цезаря, королей Испанского и Датского не позволять подданным своим ходить в Нарву, но тщетно. Далин, 73.

² Руссов, 108. Любопытно, что король снабдил уполномоченных своей родословной, чтобы опровергнуть презрительное мнение царя. Далин, 85.

³ Карамз. IX, пр. 454.

⁴ По Кельху (Liefländische Historia, Reval, 1695, 322), русские в этом случае потеряли до 7000 чел. Кельх писатель XVII в., и мы потому только передаем его указание, что ему верит Соловьев, VI, 350.

⁵ Шереметев, обещавший или взять город или умереть, сдержал слово: он был убит.

война, некоторые города сдались Магнусу, который пробовал указанием на их принадлежность ему защитить их, но царь написал ему выговор за то, что он присваивает себе не принадлежащее ему место. Вслед за тем царь сам двинулся к Вендену, где находился Магнус, а к Вольмару послал Богдана Вельского. Венден сдался после мужественного сопротивления, причем некоторые из жителей взорвали сами себя на воздух; Магнус выехал к государю и сдался ему. С жителями было поступлено сурово. Отсюда Иоанн двинулся к Вольмару и из этого города отправил свое знаменитое письмо к кн. Курбскому, величаясь своими победами. Приехав в Дерпт, царь отпустил Магнуса. Набегом на Ревель кончился этот поход, а в конце года поляки, появившись в Лифляндии, взяли несколько городов, между прочим и самый Венден, а шведы заняли Оберпален. Хотя таким образом велась война, по переговоры не прекращались. Еще во время похода Иоаннова получил он известие о польском посольстве, которое прибыло, однако, только в начале 1578 г. Во главе его стоял Станислав Крыйский; с этим посольством заключено было перемирие на три года¹. Перемирием, а также названием его не братом, а соседом Стефан был недоволен: посланные из Москвы послы были задержаны и только в 1579 г., возвращаясь назад, объявили, что король готов к войне. Иоанн в то время завязывал сношения с цезарем Рудольфом, тогда только что вступившим на престол², и с ханом крымским³. В сентябре 1578 г. заключен был с прибывшим из Данин послом Ульфелем трактат, которым Лифляндия и Курляндия признавались за Россией, но в Копенгагене договор не был утвержден. Баторий, задержав московских послов, созвал сейм в Варшаве, на котором решено было начать войну с Москвой, чтобы добыть богатую Ливонию, а с татарами не воевать, чтобы не раздражить султана. Тогда король начал деятельно готовиться к войне: назначены были новые налоги: лили пушки, набирались воины из охотников, приглашались венгерские и септиградские солдаты; сам король переезжал с места на место, за всем

¹ Целую крест. Иоанн прибавил: «А Лифляндской земли своей отчины и Курляндской не отступайтесь и ее доставити»; Бантыш-Каменский 152—155; метрика II, № 10—17. Замечателен ответ бояр послам: «В. Г. Ц. и в. к. Ивану Васильевичу всяя Руси с ним Степаном королем быти в братстве не пригоже потому что его государство почало от Августа Кесаря Римского и от Пруса Августова брато», а далее исторические доказательства о принадлежности Русской земли Рюрикову роду («Вивл.» XVI, 173—176).

² «Пам. Дипл. Снош.» I, 718—764. Рудольф в своей ответной грамоте напоминает о принадлежности Ливонии Империи и жалуется на ее разорение.

³ Хан требовал Астрахани и денег; денег дали, но мало. Баторий предупредил Иоанна и подкупил хана, который в начале ходил было пустошать Украину. Кар. IX, 165. «Метр. Лит.» II, № 4, 5, 7. П.А. Муханова «Сборник», № 90.

смотрел, всем распоряжался¹. Пока шли приготовления, послан в Москву Гарабурда с предложением не вести войны, пока не кончены переговоры. Иоанн задерживал этого посла точно так же, как Баторий задерживал его послов. Не желая, однако, терять времени, в мае царь послал свои войска из Дерпта к Оберпалену и Вендену. Оберпален они взяли, но местничали между собой, вернулись от Вендена к Дерпту, а между тем литовцы успели сговориться со шведами, и когда по новому приказанию из Москвы воеводы опять пошли к Вендену и осадили город, то через несколько дней здесь настигли их Сапега с литовцами и генерал Бойх со шведами и нанесли им сильное поражение. В декабре 1578 г. царь, поговорив с царевичем и боярами, собрался сам в поход на Лифляндию: летом же 1579 г. он находился в Новгороде, куда прибыли возвратившиеся от Батория послы с извещением, что король готов к походу; и вслед за ними приехал и гонец королевский Лопатинский с грамотой, написанной весьма резко и извещавшей о начале войны. По дороге из Новгорода до Пскова царь узнал о том, что во главе шведского войска поставлен Делагарди; во Пскове он усердно готовился к походу на Ревель, но приготовления прерваны были вестью о вступлении Батория в Русскую землю. В совете королевском разделились голоса о том, куда направить поход: литовцы считали нужным двинуться сначала к Пскову, но иначе смотрел Баторий: так как главная цель войны — Ливония, то он считал более полезным взять сначала Полоцк и тем открыть себе путь по Двине и отвратить опасность быть обойденным с тылу. Причины успеха Батория Соловьев основательно видит и в его таланте военном и в превосходстве его войск. «Средства Батория были, — говорит историк, — искусная, закалившаяся в боях наемная пехота венгерская и немецкая, исправная артиллерия, быстрое наступательное движение, которое давало ему огромное преимущество над врагом, принужденным растянуть свои полки по границам, над врагом, не знающим, откуда ждать нападения. Вот главные причины успеха Баториева, недейтельности московских воевод, робости Иоанна»².

В начале августа Баторий осадил Полоцк. Пришедшие на выручку московские войска не могли пробраться к городу и должны были удалиться

¹ Гейденштейн, Л. I (у Старчевского, II, 98, 99). Чтобы поддержать мир с турками и татарами, поляки пожертвовали казацким вождем Подковой, который и был казнен в Варшаве (Зап. Лавр. Миллера в «Сборн. Мат. и статей по истории прибалт. края», IV, 131–132).

² Соловьев, VI, 361.

в Сокол. После неудачного первого приступа Баторий сделал второй 3 августа и взял Полоцк¹. Затем взят был и Сокол, и король удалился в Вильну. Мелкие столкновения между литовцами и русскими, русскими и шведами продолжались, продолжались и бесплодные пересылки между Иоанном и Баторием, который тянул только время, чтобы, собравшись с силами и сговорившись с сеймом, приготовив деньги, снова нанести более сильный удар Московскому государству. В сейме слышались нестройные голоса, произносились разные обвинения: иноземцам покровительствуют, денег идет много, стоит ли их война и т. п. Каждый, кто подал свой голос за избранного короля, — по остроумному замечанию Гейденштейна, — считал, что король ему обязан короной. Замоийский, канцлер коронный, умел доказать в искусной речи и необходимость войны, и заслуги короля. Снова приглашены были венгры, набиралась пехота в королевских имениях, собирались деньги, лились пушки. В Москве тоже готовились, но здесь положение было трудное: не знали, куда направится Баторий, должны были оберегаться и от шведов и от крымцев; последние, впрочем, к счастью, не вмешались в эту войну, потому что хан должен был участвовать в войне турок с персианами и мог вредить только, поджигая гетманов к восстанию. В числе мер, принятых царем для приготовления к обороне, замечательна одна: в январе 1580 г. собран был в Москве собор духовенства, на котором постановлено, чтобы впредь никто не давал в монастыри вотчин по душе, а только вклады в оные деньгами; монастырям запрещено было покупать земли или держать: вотчины, доставшиеся монастырям после князей, постановлено предоставить в волю государя. В августе Баторий выступил в поход. С дороги король извещал царя о своем походе, заявляя требования не только на Лифляндию и Полоцк, но на Новгород и Псков. В эту тяжелую минуту послан был к цезарю и папе

¹ «Полоцк король взял изменой, потому что изменили воеводы, что были худы, а милы им были жены». Разр. кн. у Карамзина, IX, пр. 527. Иное говорит Гейденштейн, у которого подробно рассказана осада. «Episcopus, — говорит он, — quem yladicam illi vocant, Cyprianus et Palatini, qui in arce erant, soli deditiōnem dissuaderent: mortem qae subire praestare, quam vivi in potestatem hostium se traderent contendebant». Они намерены были взорвать крепость на воздух, но, встретив сопротивление, заперлись в Софийском соборе и были извлечены оттуда силой (Старчевский, II, 109; весь же рассказ стр. 100—110). Несколько шадя православных, оставив за ними собор, Баторий дал другие некоторые церкви католикам, наделил их землями и ввел в Полоцк иезуитов (Гейденштейн, у Старчевского II, 111). В 1580 г. Полоцку дана грамота на Магдебургское право, «Акты Зап. Росс.», III, № 121. Из Полоцка Курбский написал к царю свое второе и третье послание. «Сказ. Курбского» 227—250. Есть любопытная карта тогдашнего полоцкого округа и план города, изданный Коркуновым под заглавием: «Карта военных действий между Русскими и Поляками в 1579 г. и тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей». СПб., 1887 г. (в Ж. М. Н. Пр. и отдельно). («Starozitna Polska» III, 598—599).

Шевригин; успех этого посольства увидим ниже. В Москве не знали, куда пойдет Баторий; он даже нарочно в одной из своих грамот назвался Смоленским, чтобы думали, что цель похода Смоленск. Сам же двинулся к Великим Лукам; войска королевские шли по готовым дорогам; там, где некогда Витовт прокладывал себе путь по лесам и болотам, и теперь, как тогда, строили мосты и гати, рубили деревья. Подойдя к Великим Лукам в конце августа, Баторий взял город после взрыва пороховой башни 5 сентября; за Луками пали Озерище, Заволочье; только попытка Кмиты на Смоленск не удалась. Окончив поход 1580 г., Баторий отправился на сейм в Варшаву и дорогой вступил в переписку с курфюрстами Бранденбургским и Саксонским и герцогом Прусским, от которых и получил денежную помощь. Шведы между тем пустошили Лифляндию под предводительством Понтусадела Гарди и взяли несколько городов, но под Нарвой шведы потерпели неудачу еще в 1579 г. Переписка между царем и королем продолжалась: чем более уступал царь, тем горделивее становился король и тем более усиливал свои требования, наконец, раздраженный тем, что, несмотря на все его уступки, ему не оставляется ни клочка Ливонии, Грозный написал свое знаменитое послание к Баторию, в котором называет себя царем «по Божиему изволению, а не по многоятежному человечеству хотению», и в котором едко и сильно упрекает Батория за кровопролитие. Письмо застало Батория уже под Псковом, куда он выступал летом 1581 г., предварительно благополучно поладив с сеймом, хотя и было выражено желание, чтобы война кончилась этим походом, вошедши в сношения с Данией и Швецией, из которых первая отреклась от помощи, а вторая обещала помощь с моря: кончившиеся весной 1581 г. переговоры с Ригой передали Лифляндию во власть польского короля. Во время похода ко Пскову отправил Баторий из Заволочья (2 августа 1581 г.) обширное послание к царю, в котором смеялся над тем, что он производит себя от Августа, осмеивал его титулы, не оставил в покое и того, что мать его была дочерью литовского перебежчика, упрекал его в тиранстве, оправдывался в своих военных действиях. На дороге же король назначил коронным гетманом канцлера, знаменитого Яна Замоиского. Взяв Остров, 25 августа войско королевское в числе, как говорят, 100 000 чел. появилось под Псковом¹. Город Псков был очень сильно укреплен: к детинцу, построенному на косе,

¹ По свидетельству «Повести о приходе Лит. кор. Степана», у Батория было наемного войска 60 000, а своего 40 000 чел. (в «Чт. Общ. Ист.», год III, № 7, с. 16, а в псковском издании, 18).

образуемой впадением Псковы в Великую, и связанной с ним Довмонтовой стены, прилежала еще теперь несуществующая средняя стена и все это обнимает окольный град; сверх того, Запсковье тоже укреплено. «Такого большого города нет в Польше», — говорил поляк очевидец; весь он обведен стенами; за стенами красуются церкви, как густой лес»¹. В городе, обильно снабженном, как оказывается из свидетельства очевидцев, военными запасами, начальствовал кн. И.П. Шуйский с товарищами, из числа которых выделяется тоже кн. В.Ф. Шуйский-Скопин, отец знаменитого впоследствии князя Михаила. Во Пскове было, по свидетельству Гейденштейна, 7000 конницы и до 50 000 пехоты, считая и городское ополчение. С 26 августа по конец декабря твердо стояли защитники Пскова, отразили приступ 8 сентября, помешали подкопам, которые велись поляками, и за каменными укреплениями еще строили землянки, как оказалось за сделанным проломом, а у неприятеля был большой недостаток запасов военных; слышался ропот на продолжительность осады, на невыдачу денег, на суровость зимы; слышались голоса против назначения Замоиского; слышалось требование сейма; велись об этом шумные переговоры с королем. Несмотря на строгость мер, принятых против беспорядков в лагере, ссоры были часты. Посланы были немцы под начальством Фаренбаха, некогда служившего Иоанну, к Псково-Печерскому монастырю; но попытка взять его кончилась полной неудачей². От Пскова войска Батория делали набеги и на окрестные, и даже довольно далекие места: так, Хр. Радзивилл дошел до Верхней Волги и грозил Старице, где тогда был сам царь, но ограничился опустошениями³. Если действия Баториевых войск были не особенно успешны, то успешно действовали шведы: они взяли Гапсаль, Нарву, Витгенштейн, Ям, Копорье и Корелу. Все враги Иоанна находились между собой в сношениях: так, не только польский, но и шведский король переписывался с крымским ханом. Шведы предлагали полякам

¹ «Дневн. осады», 62.

² «Дневн. осады» окт. 28, 30, 31; ноября 5, 7. По рассказу Миллера чернецы говорили осаждающим: «Какую такую обиду чернецы нанесли королевским людям, что они так теснят и осаждают монастырь. Коли королевские хотят быть настоящими воинами, то пусть свое мужество покажут под Псковом» («Сборн. Матер.» IV, 138). Карамзин пользовался рукописной повестью об осаде Печерского монастыря.

³ Гейденштейн, 157—158. В Старице у царя по свидетельству Поссевина (ib) было только 700 чел., а Псковская летопись утверждает, что у него было 300 000 (II. С. Р. Л. IV, 319). Любопытно рассуждение летописца: «Сбытся писание глаголющи: еже аще кто чужое похощет, помале и своего останет; царь Иван не на велико время чужую землю взял, и помали и своей не удержал, и людей вдвое погуби». См. об этом набеге письмо Радзивилла в «Hist. Russ. Mon.» I, № CCXXIX.

прийти к ним на помощь под Псков, но Баторий опасался, как полагают, успехов шведов в Ливонии и отклонил это предложение. Отчасти это опасение, а еще более обещание, данное сейму, кончить войну походом 1581 г. и неудача псковская побудили Батория желать мира. Посредником явился папский посол Поссевин, прибывший вследствие упомянутого уже посольства Шевригина. Обратимся к этому замечательному посредничеству.

Приезд Шевригина был очень благоприятно принят в Риме. Чтобы это понять, надо взглянуть несколько назад. Усиление Московского государства с XV в. обратило на себя внимание и у Цезаря и в Риме: явилась надежда найти в Москве помощь против грозных тогда для Европы турок; явилась также надежда обратить Россию к католицизму. Стремление к этому обращению особенно усилилось после появления лютеранства. К этим поводам искать сближения с Россией присоединялось иногда желание открыть через Русскую землю торговый путь на Восток. Под влиянием этих различных причин начались со времен Иоанна III довольно деятельные сношения с Цезарем, иногда Венецией. Начались также попытки со стороны пап соблазнить московского государя мыслью о наследстве Цареграда и основании своего особенного патриархата. Этим путем папы желали привести Россию к единению с Римской церковью. Под влиянием знаменитых сочинений Герберштейна и Павла Иовия возрастал интерес к Московскому государству, возрастало и стремление привлечь его в лоно католицизма. Ф. И. Успенский замечает: «В истории сношений Рима с Москвой инициатива с самого начала принадлежит правительству папы. В Риме не оставались в праздном ожидании, пока сложится в России взгляд на европейскую политику, на восточный вопрос и на роль Москвы в разрешении его; напротив, в Риме создавались политические планы и комбинации, в которых Москве давалось свое определенное место и назначение»¹. Таково было стремление пап, но нельзя согласиться с почтенным автором, чтобы оно имело влияние на политику московскую: мы знаем, что понятие о «третьем Риме» сложилось под византийским влиянием и усилилось после падения Цареграда и освобождения от татарского ига. Под влиянием этого представления складывался и идеал участия в восточном вопросе; в действительности он мог перейти только при более благоприятных обстоятельствах, но он поддерживался постоянными сношениями с православным Востоком. Когда в Риме предавались надеждам на обращение России в католицизм, в Польше не ве-

¹ Ж. М. Н. Пр., 383.

рили этому и употребляли все усилия на противодействие: так, были случаи пропуска в Москву папских послов; так в темном деле Штенберга, которому известный Шлиттен¹ поручил вести переговоры с папой от имени царя. Король Сигизмунд-Август, извещенный об этом, отправил в Рим посольство с целью отклонить папу от сношений. «Нам кажется невероятным, говорится в инструкции послу, чтобы москвиты, для которых нет ничего ненавистнее Римской церкви и имени папы, оставив греческую схизму, искренно и сердечно обратились к римской вере или чтобы свойственная им природная гордость допустила их подчиниться чужому авторитету и признать над собой чужую власть». «Наш специальный и народа нашего интерес, — продолжает та же инструкция, — чтобы москвиты никогда не получили королевского титула». Причиной такого заявления королевская канцелярия выставляет опасение, чтобы Западная Русь не соединилась с Восточной. Что касается до войны с турками, то польская инструкция заявляет, что поляки не пропустят москвитян через свои владения, что их не следует допускать к морю, ибо москвиты или другие варварские нации, имеющие природную склонность и старый обычай грабежей и набегов, и без того наносят много вреда христианским народам: покажите им море, они сделаются еще вреднее и опаснее»². В Москве принимали с честью папских послов, когда они доезжали до Москвы, великий князь Василий Иоаннович отправил даже в 1525 г. в Рим Дмитрия Герасимова; единственным результатом этого посольства было сочинение Павла Иовия; но свои сношения Москва желала ограничить чисто политическими вопросами. И при Иоанне Васильевиче было несколько не дошедших до Москвы попыток завязать сношения. Вот отчего обрадовались в Риме приезду Шевригина. Минув Польшу, Шевригин, сев на корабль в Пернове, проехал через Данию и Германию в Прагу, где нашел Рудольфа II. От цезаря получен был, впрочем, только уклончивый ответ с указанием на то, что Ливония — лен империи; на возвратном пути Шевригин должен был снова заехать в Прагу. Приехав в Италию, Шевригин остановился в Венеции. У него не было поручения к венецианскому правительству, но оно само приветствовало его; Шевригин имел аудиенцию у Синьории, представил грамоту, говорят, подложную, получил ответ, который, однако, не был им доставлен, ибо в Москве он заявил, что грамота вене-

¹ См. выше § VI. В начале О. Пирлинг видит здесь собственную интригу Шлиттена, а Ф.И. Успенский полагает основательнее, что она «была задумана при Венском дворе и притом не без ведома нунция» (Ж. М. Н. Пр., 1884, № 8, 397).

² Ф.И. Успенский (Ж. М. Н. Пр., 1884, № 8, 398–402).

цианская им потеряна¹. 24 февраля 1581 г. Шевригин прибыл в Рим; его встретили торжественно, старались занимать; папа принял его в частной аудиенции; по желанию, выраженному в письме царя, назначен был папским послом иезуит Антоний Поссевин, известный до сих пор тем, что переодетый он прошел в Швецию и утвердил Иоанна в мысли возвратиться к католицизму; тогда же познакомился он с Баторием. Еще в Риме Поссевин начал изучать дела московские, ему были открыты все документы дипломатические². При отъезде из Рима Поссевину дана была любопытная инструкция, в которой указываются две ближайшие цели: установить торговые сношения Венеции с Русью и способствовать заключению мира между царем и королем, причем он должен был дать понять какое сильное участие принимает в этом деле папа. Затем предписывалось указать на цель этого примирения: союз против турок и соединение церквей, без которого самый союз не может быть прочен. Чтобы побудить царя к этому важному шагу, рекомендовалось указать на стыд повиноваться патриарху, зависящему от турок, на славу войти в союз с Европой и на награду на небеси. Заехав в Венецию и к Цезарю, где он завязывал сношения по вопросу об общем союзе, Поссевин расстался с Шевригиным, который поехал в Москву через Любек, а Поссевин отправился к Баторию в Вильну, куда и прибыл в июне 1581 г. Король в это время готовился к походу на Псков. Поссевину сначала трудно было говорить с Баторием, смотревшим подозрительно на его переговоры с Цезарем, в котором видел своего врага, но хитрый иезуит победил все затруднения, и Баторий откровенно говорил с ним³. Нунций поехал с королем в поход. Начавшиеся в Полоцке переговоры не привели к удовлетворительным результатам; тогда Поссевин собрался наконец к царю, находившемуся в Старице, и 3 августа прибыл к русской границе⁴. 20 августа была дана нунцию первая аудиенция у царя,

¹ В своем донесении Шевригин пишет, что грамоту послал он с «Любским немчином» и что того немчина по дороге ограбили. «Пам. Дипл. Снош.», X, 28. о подделке сообщил в Рим Поссевин («Un nonce de Pape», 15).

² Как много он прочел о России и как искусно умел добывать сведения, свидетельствует любопытный документ, найденный в его бумагах и изданный в «Suppl. ad Hist. Russiae Mop.», № 10.

³ Первый их разговор сообщен Поссевином в письме из Вильны к кардиналу Комскому. Письмо это в подлиннике напечатано Пирлингом («Un nonce du Pape», Appendice № VI). Второй разговор сообщает автор в извлечении. В этом разговоре замечательно, что Баторий признает невозможным действовать из Москвы через степь, считает татар врагом важным и указывает только на Азов, как на более уязвимый пункт. («Un nonce du Pape», 81).

⁴ В наказе, данном Залешанину-Волохову, приставу, назначенному к Поссевину, указывается, по обыкновению, что и как говорить по тому или другому политическому

а 12 сентября он откланивался, снова возвращаясь к Баторию, ибо в Москве сочли необходимым его посредничество. В переговорах московский царь показал себя хорошим дипломатом: о турках говорилось мало и вообще, разговор о вопросе религиозном был отложен, сделаны были незначительные уступки: дозволено было венецианским купцам, проезжая, иметь с собой священников. С.М. Соловьев верно замечает, что Поссевин не мог быть беспристрастным: ему выгодно было, чтобы Ливония осталась за королем, ибо тогда там мог быть восстановлен католицизм. Вот почему он в своих письмах из польского лагеря пугал царя известием о том, что силы Батория растут, что он решился взять Псков и что прочного мира быть не может без соединения Ливонии в одних руках. Получив одно из таких писем, Иоанн созвал боярскую думу, на заседании которой постановлено было: «По конечной неволе, смотря по нынешнему времени, что литовский король со многими землями и шведский король стоят за одно, с литовским бы королем помириться на том: Ливонские города, которые за государем, королю удержать, а Луки Великие и другие города, что король взял, пусть он уступит государю; а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского, для чего тех городов, которые шведский взял, а также Ревель написать в перемиренные грамоты с королем Стефаном»¹. Послами были назначены кн. Елецкий и печатник Алферьев². В декабре 1581 г. начались переговоры в деревне Киверова гора³. Со стороны польской были Януш Збаражский, Альбрехт Радзивилл и секретарь Литовский Гарабурда. До 6 января 1582 г. продолжались бурные переговоры, пока наконец не подписано было перемирие на 10 лет на условиях, уже предрешенных постановлением Думы. После подписания еще продолжались споры о титуле, и решено было писать царя Лифляндским и Смоленским только в московской грамоте. Поссевин кричал на послов и схватил одного из них за шиворот. Несмотря на перемирие, задиранья со стороны литовской не прекращались; из Москвы жаловались на это; но только в июне

вопросу; любопытнее всего следующее: «А будет учнет задирать и говорить о вере о Греческой или о Римской, и Залешанину отказати: «грамоте не учивался; да не говорить ничего про веру». («Пам. Дипл. Онош.» X, 43).

¹ Соловьев, VI, 386; Бантыш-Каменский, 173.

² Послам предписано было, чтобы склонить Поссевина хлопотать за удержание хоть чего-либо из Ливонии, говорить ему: «Если государь наш уступит всю Ливонию и не будет у него пристаней морских, то ему нельзя будет ссылаться с папой, цезарем и другими поморскими государями, нельзя будет ему войти с ними в союз против бусурманских государей: какой же это мир». Соловьев, VI, 386.

³ Между Заволочьем и Порховом. В 15 верстах от Запольского яма. Соловьев, VI, 386.

привезли подтверждение трактата и вместе с тем вытребовали обязательство не воевать Эстонию. Это обещание имело влияние на прекращение Шведской войны, несмотря на неудачу шведов под Орешком; в августе 1583 г. заключено было на р. Плюсе (близ Нарвы) перемирие на три года, на основании которого все занятое шведами осталось за ними. Кроме обещания, данного Баторию, причиной заключения перемирия было восстание Черемис и, вероятно, сознание, что для успеха в европейской войне нужно преобразовать войско.

Поссевин по заключении перемирия приехал в Москву, где и имел наконец с царем в присутствии бояр прения о вере. Для этих прений употреблено было три заседания. Поссевин указывал на то, что требуется только подчинение папе и за это указывал в перспективе на Византию. Но все это мало действовало на царя: он отрекался говорить о делах духовных потому, что «долг мой заправлять мирскими делами, а не духовными»; «что же до Восточной империи, то Господня есть земля; кому захочет Бог, тому и отдаст ее». «Нас, государей, — говорил Иоанн, — пригоже почитать по царскому величеству, а святителям, ученикам апостолов, должно показывать смирение, а не возноситься выше царей гордостью... Мы чтим своего митрополита и требуем его благословения, но он ходит по земле, и мы не поклоняемся ему как Богу» — «Папа велит носить себя на престоле и величается сопрестольным Петру, а по Петру и самому Христу». Из этого видно, как здраво понял Грозный, в чем главная вина католичества. Если он оказался в споре неглубоким богословом, то, конечно, вполне верующим и здравомыслящим человеком. Еще раньше в 1570 г. имел Грозный собеседование с членом общины моравских братий Рокитой о протестантизме и здесь выступил тоже вопрос о главном недостатке протестантизма — о поставлении личного разума на место учения церкви.

Несчастный исход войны не заставил, однако, Грозного отречься от мысли вознаградить свои потери: он продолжал искать союза с европейскими государями. С этой целью отправлен был в 1582 г. в Англию Федор Писемский. Ему поручено было хлопотать о заключении тесного союза с королевой на недруга своего короля польского, а вместе с тем сватать за царя родственницу королевы, Марию Гастингс. Англичанам не хотелось ни того, ни другого, а хотелось добиться беспопытной торговли. С щекотливым поручением достигнуть этой цели в июне 1583 г. поехал в Москву Иероним-Баус. Долго тянулись эти переговоры с разными перипетиями: царь то прогонял Бауса, то снова призывал его к себе. Переговоры еще не пришли к концу, как уже Грозного царя не стало.

В январе 1583 г. огорченный всеми событиями внешними, пораженный горем о смерти им же самим, хотя и нечаянно, убитого сына, Грозный царь был обрадован появлением в Москве казаков, пришедших «бить ему челом» новой землицей — Сибирью. Имя Сибири встречается в русских памятниках только в конце XV в.¹ Под Сибирью в то время разумелась только часть нынешней Tobольской губернии, где владели в XVI в. татарские ханы. К границам этой Сибирской земли Русь медленно подвигалась еще с ранней поры: в XI в. новгородцы торговали с Югрой, а в XIV в. предпринимали поход даже на Обь². В XIV в., как известно, крещена была Пермская земля. Когда Московский князь покорил себе Новгород, Москва продолжала дело новгородцев, двигалась все далее и далее на Восток, обеспечивая свои пределы от инородцев и открывая новые земли для поселения и промыслов. В 1472 г. покорена была Пермская земля; в 1483 г. на Югру до Оби ходили московские воеводы; князья Югорские, Вогульские и князь Сибирский Лятык подчинились Великому князю; их отказ в дани побудил русское правительство на новый поход в 1499 г.³ В XVI в. появляется в Сибири татарское ханство, происхождение которого так объясняют: в ногайском улусе особенно силен стал род Тайбуги, который, враждуя с владеющим родом, отложился от него и основал свой улус, подчинив себе остяцкие, татарские и башкирские волости. Когда царь Иоанн завоевал Казань, сибирский князь из этого рода Ядигер прислал к нему послов с обещанием дани, но дань платил неаккуратно. Около 1563 г. ногайский (шибанский) царь Кучум, природный враг Тайбугина рода, овладел Сибирью⁴. Царство это не могло быть прочно, ибо здесь видим мы господство Орды чуждого племени над туземным населением. Кучум вводил исланизм в свое царство и тем еще более возбуждал против себя. По примеру своего предшественника Кучум продолжал сношения с Москвой, но в то же время нападал на ясачных остя-

¹ Арханг. год 6991. Происхождение этого названия до сих пор еще вопрос.

² Новг. IV, 65. Об Югре см. Е.Е. Замысловского: Герберштейн, 139, пр.: «название Югры в наших письменных памятниках XII—XIV в. относится к земле, лежащей на З. от Урала. Но в XV в. называли также и область, прилежащую к восточным склонам Урала».

³ С тех пор государь Русский стал писаться в титуле Югорским. Карамзин VI, 178. Карамзин (IX, 220) считает этого Лятыка князем Югорским или Остяцким.

⁴ «Иссл. о Касим, царях», II, 395—397. Когда Ядигер еще владел Сибирью, он постоянно опасался нападения Кучума (речь кн. Никиты Ромадановского, возвратившегося из Перми в марте 1570 г. «Акты Ист.», I, № 179). Название Кучума царем Казацким повело многих к признанию его за киргиза (см. В.В. Вельяминова-Зернова: «Исслед. о Касим. царях», II, 393). В 1567 г. посланы были, как сообщается в их статейном списке, атаманы Петров и Ялычев посмотреть государства за Сибирью; они были в Китае (Попова: «Изборн.», 430—437); но с их рассказом сходен рассказ Петлина 1620 г. («Сиб. Вестн.», 1820). Карамзин полагает, что второй списан с первого (IX, пр. 646).

ков и грозил поселениям Строгановых в Прикамском крае. Это обстоятельство вызвало столкновение, послужившее причиной гибели Кучумова царства. В то время Пермский край уже начал колонизоваться, причем главными деятелями являются Строгановы. Этот знаменитый род встречается в XV в. в Устюжском крае; по преданию, Строгановы происходят от новгородского рода Добрыниных¹. Когда пришлось выкупить из татарского плена в. князя Василия Васильевича, Строгановы дали на это денег². Когда, по завоевании Новгорода, началось отыскивание земель, некогда принадлежавших в Двинской области ростовским или московским князьям, Строгановы являются истцами против лиц, захвативших эти земли: в 1517 г. получили они грамоту на заселение пустынного участка в Устюжском уезде. В 1558 г. Григорий Ананиев Строганов получает по своей просьбе право на заселение пустых мест по реке Каме до р. Чусовой, всего сто сорок шесть верст. Кроме права ставить варницы, призывать поселенцев, судить их, освобождение на 20 лет от податей и т. д., они получили еще право поставить для защиты от инородцев город. Тогда построен был город Кинкор³, а в 1564 г. дана грамота на построение другого городка Яергедана на р. Орле⁴. В 1572 г., по случаю нападения на Пермский край, царь приказал Строгановым вооружить, набирать «охочих казаков» и посылать их на инородцев. Нападения из Сибири возбудили у Строгановых мысль самим отправиться в Сибирь, и вот в 1574 г. исходатайствовали они у царя грамоту на право посылать своих казаков в Сибирь для защиты данников государевых зауральских остяков, а также получили они право строить на Тоболе и на реке, впадающей в Тобол, городки, населять пустоши и вести свои промыслы. Получив грамоту в 1574 г., Строгановы воспользовались ей только в 1579 г. потому, основательно полагает С. М. Соловьев, что в это время по смерти двух братьев шел раздор у третьего, Семена, с племянниками. В 1579 г. обратился он к казакам, своевольничавшим на Волге и возбудившим уже против себя гнев царя⁵. Во главе 540 чел. пришедших казаков стоял Ермак Тимофеевич.

¹ Устрялов: «Имен. люди Строгановы», 2, там же основательно опровергается известие Витсена, принятое Карамзиным, что Строгановы происходят от крещеного Мурзы.

² Это засвидетельствовано грамотой царя Василия Ивановича Шуйского, в которой он требует от Строгановых прислать денег взаймы. «Пермс. лет.», I, 222; «Имен. люди», 5.

³ На реке Пыскорке близ нынешнего Пыскорского монастыря.

⁴ В 1566 г. по просьбе Строганова их городки и промыслы взяты в опричину. в 1568 г. по просьбе Якова Строганова дано было право занять еще 20 верст с обязательством построить городки для защиты и вооружить их.

⁵ Карамзин IX, пр. 663, заимствовал известие из Ногайских дел о грабежах казаков, причем в числе атаманов упоминается Иван Кольцо. «Лет. Есипов.» (у Небольсина, 272), «Кунт. лет.», ст. 2–5, и в той и другой поход на Сибирь приписывается почину Ермака, что

Оставаясь у Строгановых до сентября 1581 г., казаки помогали им отражать вогулов; Строгановы в это время посылали также и свои отряды воевать вогулов, вотяков и пелымцев. Только 1 сентября отправили Строгановы казаков в Сибирь, увеличив число их своими ратными людьми, в числе которых были пленные корельцы и литовцы, до 840 чел. В то же время инородцы под начальством пелымского князя напали на Чердын и строгановские городки. Строгановы били челом в Москву о помощи; указано было пермскому воеводе собрать на помощь им ратных людей. В 1582 г. чердынский воевода, поссорившись за что-то со Строгановыми, донес, что они вместо того, чтобы оберегать свою землю, отправили казаков воевать Сибирь. Из Москвы последовала грозная грамота, которой предписывалось немедленно вызывать казаков обратно и поручить им защиту своих владений. Ермака уже нельзя было догнать: отправясь по Чусовой, он достиг Волока по р. Серебряной и затем плыл по Жаравле, Барлоге, Тагилу и Туре, где была граница Сибирского царства. Начались столкновения с татарами и «ружье, — как выражается Соловьев, — победило лук»¹. Поразив не раз сибирские отряды, казаки напали наконец на самого царя, засевшего в засеке около своего города. Страшно стало казакам, хотели было вернуться назад, но Ермак уговорил идти вперед: «Вспять возвратится не можем, срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвой обещахомся». Затем он обещал своим сподвижникам вечную славу². Войска Кучума были разбиты (октября 23), покинутый жителями город Сибирь занят казаками. Кучум укрывался в степи на юг от Иртыша, и отсюда делали татары нападения на русских: раз царевич Маметкул, племянник хана, настигнув казаков, ловивших рыбу близ урочища Абалок³, избил их, но Ермак, узнав об этом, настиг их и разбил. Весной 1582 г. Маметкул был снова разбит у р. Вогая и взят в плен⁴. Из

подало повод Небольсину отрицать почин Строгановых, но мнение его тонко и остроумно разобрано С.М. Соловьевым («Ист. России», VI, доп.); об имени Ермака см. А.Н. Никитского в Ж. М. Н. Пр., 1882, № 5. В «Соликамск. летописце» (В.И. Берх: «Пут. в Черд. и Солик.», 204. СПб., 1821) встречаем одиночное известие о неудачном походе на Сибирь в 1572 г. кн. Афанасия Лыченицина (164).

¹ «Егда стреляют из луков своих, — доносили Кучуму, — тогда очень пышет и дым великий исходит и громко чолкнет, яко гром на небеси... а уштитесь никакими ратными збруями невозможно». «Стр. Лет.» (у Небольсина, 183, 185).

² Там же, 191.

³ Абалоцкое озеро близ р. Иртыша («Занятие Русск. Сибири», 235, пр. 2). Маметкул, по нашим летописям, сын Кучума.

⁴ Вогай впадает в Иртыш верстах в 100 от Сибири («Зан. Русск. Сибири», 236, пр. 2); в «Есип. Лет.» говорится будто Кучум, узнав об этом и увидев, что все его оставляют, сказал со слезами: «Его же Бог не помилует, того и любимые друзи оставляют и бысть яко враги» (у Небольсина, 206).

Сибири занимал Ермак окрестные городки и отсюда послал к Строгановым весть о своих победах. Строгановы донесли о том царю и были пожалованы новыми угодьями. Ермак же отправил в Москву с известием об этих событиях атамана Кольцо. Государь пожаловал «великим своим жалованием, деньгами, сукнами, камками». В Сибирь отправлены были воеводы кн. Волховской и Глухое. Воеводы были приняты с честью казаками. Помощь все там была недостаточна, а сверх того приходилось бороться не только с явным врагом, но и с восточным коварством: Карача просил прислать ему отряд для защиты от ногайцев и обещал присягнуть; ему поверили, но он избил посланных и в марте 1684 г. осадил Сибирь и решил взять ее голодом. Русским удалось спасти себя счастливой вылазкой. В августе 1684 г., вышедши на преследование, Ермак остановился у р. Иртыш. Ночью напали на него татары и Ермак был убит. Так погиб этот энергический и умный вождь, сумевший поддерживать строгую дисциплину в рядах своей вольницы. Недаром поставлен ему в Тобольске памятник. Грозный царь уже не узнал об этом несчастье: его не стало 18 марта 1684 г.

Жизнь, слишком неправильная, подорвала рано здоровье Иоанна; убийство сына много способствовало упадку духа. Еще в начале 1684 г. обнаружилась у него страшная болезнь: гниение внутри, опухоль снаружи. в марте разослана по монастырям грамота, в которой царь просил молиться об его грехах и об исцелении от болезни. Перед смертью он сделал распоряжение о правлении; последний удар он почувствовал, когда готовился играть в шашки. Постригли его уже полумертвого. Хотя царь Иоанн был женат семь раз, но после него остались только два сына: Феодор, который после него наследовал, и Дмитрий¹.

Современники и потомство разно относились к Грозному царю. Мы знаем, с каким враждебным чувством смотрел на него кн. Курбский. Вот что говорит о нем другой современник: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик баше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди имея широки, мышцы толстые, муж чудного разума, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, к ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен, на рабы

¹ Карамз. IX, пр. 492; а также Вивл. XIII. 1) Анастасия Романовна (ум. 1560); 2) Мария Темрюковна (ум. 1569); 3) Марфа Васильевна Собакина (ум. в 1571, вскоре после брака); 4) Анна Алексеевна Колтовская (пострижена в 1577 г., умерла в 1626; разрешение на этот четвертый брак дано собором, см. Вивл. XIII, 104—111); 5) Анна Васильчикова, похоронена в Суздальской Покровской обители; 6) Василиса Мелентьева (женище; с этими последними Грозный не венчался, а брал благословения на сожитие. Кар. IX, 162); 7) Мария Феодоровна (брак был в 1580 г., ум. 1608), мать несчастного царевича Дмитрия.

своя от Бога данные ему жестокосерд вельми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим, множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби и многая грады свои попалил и многия святительские чины заточи и смертию немилостивой погуби и иная многая содея над рабы своими, жены и вдовицы блудом оскверни. Той же царь Иван многая блага сотвори, воинство вельми любяша и требующая им от сокровищ своего неоскудно подаваяша»¹. В этом отзыве слышится иное. Мы видели, как относились иностранцы, современники, и могли заметить, что главной причиной неблагоприятных отзывов была внешняя политика Иоанна; конечно, были и исключения, но главный характер иностранных известий — преувеличения жестокости, и притом не одного царя, но и самого народа, нужно было доказать, что таких варваров не следует пускать в Европу. Из историков русских характером Грозного царя первый занялся кн. М.М. Щербатов. Щербатов смотрит на него как на человека «в столь разных видах представляющегося, что часто не единым человеком является». Перечень разных противоположных свойств с указанием примеров — вот характеристика, данная Щербатовым. У Карамзина, как известно, Грозный двойится: Грозный VIII тома не похож на Грозного IX. Так как Карамзин указывает преимущественно на влияния разных лиц, то последователи его уже прямо видели в Грозном человека даже неумного, и во всяком случае не с широким умом². Иначе отнеслись московские профессора: К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев³. Оба они связали деятельность Грозного с состоянием общества в то время, с деятельностью его предшественников; наконец, искали (в особенности Соловьев) объяснения в самих обстоятельствах его жизни. Мнения их

¹ Андр. Н. Попов: «Изборник», 313; прежде было напечатано в «Русск. Дост.», I, отсюда перешло в хрестоматии. До сих пор приписывалось Кубасову, но теперь признано произведением кн. И.М. Катырева-Ростовского (В.О. Ключевский: «Боярская Дума». М., 1882, 375, пр. 1).

² Таково мнение Полевого («Ист. Русск. народа», VI, 344—359); в сущности к этому же склоняется и Погодин: «Историко-крит. отрывки» I, 225—271 и «Царь Иван Васильевич» («Арх. ист. и практ. свед.» 1859 г., кн. V); недалеко от этого и Н.И. Костомаров («Царь Иван Васильевич Грозный» в «Русск. ист.», вып. 2; «Личн. царя Ивана Вас. Грозного» в «Вестн. Евр.», 1871, № 10), прибавив еще заимствованную от К.С. Аксакова мысль о какой-то театральности (или как выражаются художественности) в характере Грозного («По поводу VI тома «Истории России» Соловьева в «Сочин. Аксакова», I). Это последнее мнение в особенности развито в речи Н.И. Костомарова: «О значении крит. трудов К. Аксакова». СПб., 1861 (а также в «Русск. Слове», № 2 и в «Акте Университета»).

³ Мнение первого в «Взгл. на юр. быт.» («Сочин.» I, 359—363); второго в «Ист. Род. отн.» посл. глава и в «Ист. России», VI (конец). Довольно сходное с ними мнение высказывал Белинский еще в 1836 г. (Сочин. II, 214—218).

нельзя считать безусловно хвалебными, ибо Соловьев (в «Истории») указывает на то, что с нравственной стороны не было недостатка во внушениях, которые могли бы остановить от многого. Кавелин точно так же видит нравственные недостатки Грозного. Едва ли не самой верной характеристикой Грозного можно считать следующие замечательные слова Ю. Ф. Самарина: «Чудно совмещались в нем живое сознание всех недостатков, пороков и порчи того века с каким-то бессилием и непостоянством воли. Поэтому его умственное превосходство выражалось отрицательно, разрушением, ненавистью к настоящему, ядовитой иронией и бессмысленным слепым злодейством. Этот разлад с современной жизнью, его не удовлетворявшей, повторялся в нем как лице; ибо в самом себе Иоанн сознавал всю темную сторону и ненавидел, презирал себя. Никто из современников не понимал его, никто не страдал вместе с ним от глубокого неудовлетворения»¹. Да, глубоко трагическими являются жизнь и судьба этого замечательного человека! Вникая в его деятельность, невольно поддаешься напрашивающемуся сближению с царем-богатырем XVIII века. Недаром, как уверяет предание, Петр считал Грозного своим предшественником: у них были общие планы; в самой обстановке их детства и первой молодости есть черты сходства; разница только в том, что при Грозном не стояла любящая его мать; и эта разница существенная; есть и другая существенная разница: Иоанн по природным свойствам был человек более отвлеченный, менее способный и склонный к практической деятельности; оттого он то доверяет другим, то вдруг заподозривает, и никогда не действует сам. Ему (с некоторых сторон и основательно) кажется, что обязанность царя только направлять деятельность других. Верный в обычное время взгляд этот бывает иногда и неверным: Петр послужил России столько же топором плотника, сколько и мечом полтавским. Практический Петр верил в свой народ и если иногда и чересчур перегибал дугу, то как будто чувствовал, что это и поправиться может. Иоанн же изверился во все и во всех. Можно прибавить еще, что Петр менее думал о себе: в этом отношении он шире Грозного. Тяжелого впечатления, производимого на историка исканием убежища в Англии, никто не вынесет из деятельности Петра. Точно так же, как ни страшны казни времен петровских, как ни заметно в нем иногда личное раздражение, но впечатление,

¹ «Сочинения», V, 205–206. С этой точки зрения, Самарин (206, пр. 2) верно определяет значение послания в Кирилло-Белозерский монастырь («Акты ист.» I, № 204). Выше мы познакомились с меткими замечаниями И. И. Жданова. Хомяков не любил Грозного, что видно из его статей в Валуевской: «Библ. для Восп.».

производимое рассказами о Новгородском погроме, еще тяжелее. Государственные практические люди никогда не заходят так далеко, как отвлеченные теоретики. Оттого Петр и не вступал в теоретические прения: они были чужды его природе. Оттого Петр, как ни склонен был к чужеземцам, постоянно считал себя русским, а Грозного тешило производство его рода от Августа Кесаря. Оттого Петр не мог исключительно погрязнуть в чувственных наслаждениях: у него на руках было слишком много дела: он был практический, а не созерцательный человек. Вот одна из главных причин успеха Петра и неуспеха Грозного; другая же еще более важная причина в том, что Россия была при Грозном слабее, чем при Петре¹.

¹ Много нужно для того, чтобы вполне изобразить эту замечательную эпоху; много сделано, но многое осталось сделать. Попытку представить характер Грозного я сделал в статье, читанной в Слав. Благотв. Общ. 1871 г. февр. 14-го («Заря», 1871, т. 11 и «Первые 15 лет существ. Слав. Благотв. Общ.», 149—152). Вспомним, что народ знает не только покорителя Казани, но и царя, который «вывел измену из Новагорода, а не вывел измены из Каменной Москвы».

Оглавление

К.Н. Бестужев-Рюмин (<i>В.О. Ключевский</i>)	5
Русская история К. Бестужева-Рюмина (СПб., 1872, [т.] I) (<i>В.О. Ключевский</i>)	10
Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (<i>С.Ф. Платонов</i>)	19
Чему учит русская история.	33
Русская история	67
Предисловие	69
Введение	70
Понятие об истории	70
Историческая критика	77
Источники: летописи, хронографы	83
Отдельные сказания. Жития	93
Записки. Письма.	100
Памятники юридические и акты государственные	118
Памятники литературные	128
Памятники вещественные	150
Сказания иностранцев.	158
Научная обработка истории	177
Глава I	195
Славяне, их расселение	195
Религия славян: божества природы, праздники, божества домашние, погребальные обряды, богослужение	199
Быт семейный	215
Быт общественный	221
Материальная обстановка жизни славян, преимущественно русских	226
Инородцы: финны, тюрки и литва	232
Глава II	247
Варяги-русь: мнения о происхождении варягов Руси	247
Деятельность первых князей.	251
Состояние общества при варяжских князьях	258
Принятие христианства	268
Влияние христианства и византийской образованности.	274

Оглавление

Глава III	283
Географический очерк Руси в период удельный	283
Различные мнения о характере периода удельного	287
История великого княжества Киевского	293
История княжеств: Переяславского, Черниговского, Северского, Смоленского, Полоцкого, Туровского, Волынского, Галицкого	302
История княжеств: Суздальского и Рязанского	309
Глава IV	315
Русское общество в период удельный: князь	315
Русское общество в период удельный: вече, дружина, люди.	323
Суд	330
Церковь	338
Литература	349
Материальное состояние общества	356
Глава V	364
Татары, их нашествие и владычество	364
События в Руси Суздальской	373
Даниил, король галицкий и упадок Галича	379
Меченосцы, Литва	382
Глава VI	388
Земля Новгородская	388
Возвышение и упадок Новгорода	391
Князь, вече, управление	404
Суд, сословия, торговля	409
Церковь и литература	417
Псков. Особенности Пскова. Вятка	424
Глава VII	440
Причины усиления Москвы	440
Князья московские — собиратели Русской земли; Иван Данилович, Симеон и Иван Ивановичи, Дмитрий Иванович Донской	443
Василий Дмитриевич, Василий Васильевич	452
События в других княжествах Руси Восточной; Тверь, Рязань, Суздаль, Смоленск	460
Общество Восточной Руси времен татарских: князья, сословия	472
Церковь	483
Нравственное и материальное состояние общества	496

Глава VIII	504
Князья литовские: Гедимин, Ольгерд, Ягайло.	504
Очерк истории Польши.	509
Ягайло и Витовт, Свидригайло, Сигизмунд, Казимир.	525
Состояние общества в Литве	537
Глава IX	594
Великий князь Иоанн Васильевич. Падение Новгорода.	
Удельные князья.	594
Софья Фоминишна. Отношения татарские. Отношения литовские.	
Дела семейные	603
Василий Иоаннович Глинский. Падение Пскова, Рязани, князей северских. Смоленск. Казань и Крым.	
Развод и второй брак	614
Царь Иоанн Васильевич. Елена Глинская. Боярщина	628
Царское венчание. Новые люди и новые порядки. Казань.	
Астрахань	637
Ливонская война. Опричина и опалы	648
Баторий. Сибирь. Характер Грозного царя.	673

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич

**«Русская история.
До эпохи Ивана Грозного»**

(научное издание)

Редактор: Тюрин Е.А.,
корректор: Башлай И.М.,
группа допечатной подготовки изданий:
Злаина М.В.,
Исакова Т.В.,
Коновалова Т.Ю.,
Крылов К.А.

Подписано в печать 24.10.2014. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,00. Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Издательство «Культура»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 105215, г. Москва, ул. Парковая 13-я, д. 27, оф. 2.

Отпечатано в областной типографии «Печатный двор»
(открытое акционерное общество),
адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.